Е. Р. Романовъ.

БѢЛОРУССКІЙ СБОРНИКЪ.

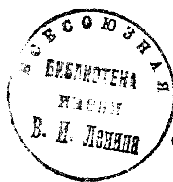
ВЫПУСКЪ ВОСЬМОЙ.

БЫТЪ БѢЛОРУССА.

Его Сіятельству
Князю Николаю Дмитріевичу
Голицыну,
въ знакъ глубокаго уваженія,
Е. Романовъ
фев. 1913 г.

ВИЛЬНА.

1912.



Типографія **А. Г. Сыркина.** Вильна, Большая ул., соб. домъ.

БЫТЪ БѢЛОРУССА.

Внѣшній бытъ. Народный календарь. Народныя вѣрованія. Семейный бытъ. Родины, крестины. Свадьба. Похороны. Дѣтскія игры.

Содержаніе настоящаго выпуска составляетъ описаніе быта бѣлоруссовъ.

Часть матеріаловъ, вошедшихъ сюда, извѣстна мнѣ лично, какъ бѣлоруссу, другая собрана во время спеціальныхъ этнографическихъ экскурсій, совершавшихся при содѣйствіи И. Р. Географ. Об-ва въ 1886—1893 гг., и во время служебныхъ разъѣздовъ по восточной Бѣлоруссіи въ 1886—1906 гг. До настоящаго времени все это было разбросано по многочисленнымъ записнымъ книжкамъ, хранилось на отдѣльныхъ листкахъ и клочкахъ бумаги, и съ моей смертью неминуемо погибло бы. Вотъ почему я искренно радъ—независимо отъ цѣнности матеріаловъ,—что мнѣ удалось, наконецъ, собрать эти крупицы въ нѣчто цѣлое.

Кромѣ моихъ собственныхъ наблюденій и записей, сюда вошли и сообщенія моихъ почтенныхъ сотрудниковъ, за весьма немногими исключеніями лично мнѣ извѣстныхъ и пользовавшихся моими указаніями.

Изображенія внѣшняго быта бѣлорусса этнографы касались мало. За исключеніемъ труда А. Н. Харузина „Славянское жилище въ Сѣв. Западномъ краѣ“, (Вильна, 1907), который имѣетъ, впрочемъ, другія цѣли и почти не затрогиваетъ восточной Бѣлоруссіи, и книги покойнаго Н. Я. Никифоровскаго „Очеркъ житья-бытья *Витебскаго* бѣлорусса“ (Вит. 1895), въ этой области трудно указать что-нибудь цѣнное. Даже А. С. Дембовецкій, въ извѣстномъ „Опытѣ описанія Могилевской губерніи“ (кн. 1, Могил. 1882), покойный Ю. Ѳ. Крачковскій въ соч. „*Бытъ* зап. русскаго селянина (Москва, 1874) и покойный П. В. Шейнъ въ т. III „Матеріаловъ“, посвященномъ описанію *быта* (Спб. 1902), даютъ по этому предмету только краткія свѣдѣнія. Своимъ очеркомъ внѣшняго быта бѣлоруссовъ я имѣлъ въ виду отчасти пополнить этотъ пробѣлъ въ бѣлорусскій этнографіи [1]).

Вслѣдъ за этимъ очеркомъ дано мѣсто народному календарю. Бѣлорусскому народному календарю посчастливилось въ литературѣ гораздо болѣе, нежели внѣшнему быту. Послѣ исчерпывающей статьи покойнаго о. І. Бермана въ „Зап. И. Р. Г. О.“ (т. V, 1873), данныя по календарю приводились въ вышеупомянутыхъ трудахъ Дембовецкаго и Крачковскаго и нѣск. др. Мой очеркъ составленъ самостоятельно и принялъ довольно крупные размѣры

---

1) Въ нѣсколько измѣненной редакціи статья эта была напечатана въ 1911 г въ „Зап. Сѣв.-Зап. отд. И. Р. Г. О-ва“.

Содержаніе настоящаго выпуска составляетъ описаніе быта бѣлоруссовъ.

Часть материаловъ, вошедшихъ сюда, извѣстна мнѣ лично, какъ бѣлоруссу, другая собрана во время спеціальныхъ этнографическихъ экскурсій, совершавшихся при содѣйствіи И. Р. Географ. Об-ва въ 1886—1893 гг., и во время служебныхъ разъѣздовъ по восточной Бѣлоруссіи въ 1886—1906 гг. До настоящаго времени все это было разбросано по многочисленнымъ записнымъ книжкамъ, хранилось на отдѣльныхъ листкахъ и клочкахъ бумаги, и съ моей смертью неминуемо погибло бы. Вотъ почему я искренно радъ—независимо отъ цѣнности матеріаловъ,—что мнѣ удалось, наконецъ, собрать эти крупицы въ нѣчто цѣлое.

Кромѣ моихъ собственныхъ наблюденій и записей, сюда вошли и сообщенія моихъ почтенныхъ сотрудниковъ, за весьма немногими исключеніями лично мнѣ извѣстныхъ и пользовавшихся моими указаніями.

Изображенія внѣшняго быта бѣлорусса этнографы касались мало. За исключеніемъ труда А. Н. Харузина „Славянское жилище въ Сѣв. Западномъ краѣ“, (Вильна, 1907), который имѣетъ, впрочемъ, другія цѣли и почти не затрогиваетъ восточной Бѣлоруссіи, и книги покойнаго Н. Я. Никифоровскаго „Очеркъ житья-бытья *Витебскаго* бѣлорусса“ (Вит. 1895), въ этой области трудно указать что-нибудь цѣнное. Даже А. С. Дембовецкій, въ извѣстномъ „Опытѣ описанія Могилевской губерніи“ (кн. 1, Могил. 1882), покойный Ю. Ѳ. Крачковскій въ соч. „*Бытъ* зап. русскаго селянина (Москва, 1874) и покойный П. В. Шейнъ въ т. III „Матеріаловъ“, посвященномъ описанію *быта* (Спб. 1902), даютъ по этому предмету только краткія свѣдѣнія. Своимъ очеркомъ внѣшняго быта бѣлоруссовъ я имѣлъ въ виду отчасти пополнить этотъ пробѣлъ въ бѣлорусскій этнографіи [1]).

Вслѣдъ за этимъ очеркомъ дано мѣсто народному календарю. Бѣлорусскому народному календарю посчастливилось въ литературѣ гораздо болѣе, нежели внѣшнему быту. Послѣ исчерпывающей статьи покойнаго о. І. Бермана въ „Зап. И. Р. Г. О.“ (т. V, 1873), данныя по календарю приводились въ вышеупомянутыхъ трудахъ Дембовецкаго и Крачковскаго и нѣск. др. Мой очеркъ составленъ самостоятельно и принялъ довольно крупные размѣры

---

[1]) Въ нѣсколько измѣненной редакціи статья эта была напечатана въ 1911 г въ „Зап. Сѣв.-Зап. отд. И. Р. Г. О-ва“.

благодаря включенію въ него описанія вертепа, праздничныхъ обрядовъ, съ ихъ пѣснями (свыше 570 №№), игръ и забавъ, приуроченныхъ къ извѣстнымъ днямъ обычаевъ, а также занятій населенія и т. п.

Къ календарю примыкаетъ третій отдѣлъ книги „Народныя вѣрованія", повѣрья, суевѣрія, примѣты, средства отъ болѣзней. Все это настолько близко касается быта, что въ нѣсколькихъ случаяхъ мнѣ не удалось избѣжать повтореній. Отдѣлъ этотъ дополняетъ однородныя свѣдѣнія, приведенныя у меня въ IV вып. „Бѣлорусск. Сборн.", у Никифоровскаго (Примѣты и повѣрья), у Шейна, въ III т. его „Матеріаловъ". Съ болью душевною за бѣлорусскій народъ приходится читать этотъ очеркъ. Но не народъ тутъ виноватъ...

Слѣдующій отдѣлъ составляетъ описаніе семейнаго быта,— обрядовъ родинныхъ и крестинныхъ, съ обрядовыми пѣснями, обрядовъ свадебныхъ, также съ пѣснями (всего свыше 600 №№), и наконецъ, погребальныхъ и поминальныхъ обрядовъ.

Въ описаніи родинъ и крестинъ я пользовался услугами самихъ повитухъ и ихъ кліентокъ, главнымъ образомъ, въ Могилевской губерніи. Похоронный обрядъ записанъ въ нѣсколькихъ уѣздахъ той же губерніи, въ мѣстностяхъ, которыхъ не коснулись корреспонденты Шейна. Причитанія записывались и въ Витебской губерніи, но я воспользовался далеко не всѣми текстами ихъ, такъ какъ здѣсь возможно трудно-уловимое сочинительство собирателей,—что и имѣло мѣсто у Шейна (Матер. т. I, ч. 2, стр. 645, №№ 12 и 13, и 652, № 21). Авторы этихъ поддѣлокъ сознались мнѣ, при проѣздѣ, въ своемъ сочинительствѣ „непремѣнно въ риѳму".

Сложный свадебный обрядъ описанъ въ шести уѣздахъ Витебской губерніи и въ четырехъ—Могилевской, въ такихъ пунктахъ, которыхъ не коснулись однородные матеріалы Шейна.

Нѣкоторые критики упрекали покойнаго Шейна въ обиліи описаній свадебнаго обряда въ его „Матеріалахъ". Я не могу согласиться съ ними. Пушкинъ призналъ, что каждая русская народная сказка есть поэма... Кто присутствовалъ на народной свадьбѣ, во всѣхъ ея сложныхъ архаическихъ подробностяхъ, тотъ съ такимъ же правомъ можетъ сказать, что каждая народная свадьба есть своеобразная опера... Все дѣло, значитъ, въ томъ, что мы мало знаемъ народную жизнь.

Кромѣ того, не надо упускать изъ виду и того обстоятельства, что въ народной жизни совершается теперь трагическая ломка: древняя обрядность, носившая ореолъ святости, исчезаетъ и ничѣмъ не замѣняется. Безслѣдно исчезло кумованье, исчезаютъ Колядныя торжества—вертепъ, звѣзда, ряженье, Терешки, Ящуры,

за ними исчезаютъ Купальные костры, исчезла сказка, гибнетъ пѣсня, исчезаетъ и нынѣшній свадебный обрядъ. Уже и теперь перестаютъ печь каравай, устраняютъ ритуальные посады, молодые никого не допускаютъ къ своему брачному ложу („никóму нимà дѣла да маéй жонки!") и т. д. Свадьба постепенно обращается въ обыкновенную пирушку. Не описать обрядъ наканунѣ его исчезновенія для этнографа было бы преступленіемъ предъ наукой, предъ исторіей культуры... Разнообразіе же свадебнаго обряда въ частностяхъ и трудность записи этихъ народныхъ оперъ (какъ трудны записи и народныхъ поэмъ—сказокъ) вынуждаютъ насъ избѣгать сводныхъ редакцій, при которыхъ неизбѣжно терялись бы мелкія подробности, а давать рядъ цѣльныхъ описаній обряда: маленькими, еле-замѣтными, черточками они дополнятъ другъ друга, но въ общемъ возстановятъ древній брачный ритуалъ—насколько уже это возможно въ настоящее время.

Къ описанію быта взрослыхъ я прибавилъ и нѣсколько штриховъ изъ быта дѣтей, давъ описаніе ихъ 70 игръ и забавъ. Сознаю, что это мало, но полагаю, что при бѣдности бѣлорусской литературы этого рода и такой малый вкладъ имѣетъ свое значеніе и даетъ поучительный матеріалъ для исторіи культуры.

Понятно, что я не могъ вдаваться въ подробности по поводу приводимыхъ матеріаловъ; я воздержался даже отъ краткаго комментарія ихъ, хотя бы въ родѣ того, какимъ снабженъ VII вып. „Бѣлор. Сборн.", и тѣмъ не менѣе долженъ былъ отказаться отъ помѣщенія въ настоящей книгѣ приготовленныхъ для нея этнографическихъ матеріаловъ: внѣобрядовыхъ пѣсенъ, припѣвовъ, загадокъ, пословицъ, заговоровъ, духовныхъ стиховъ.

Транскрипцію я избралъ фонетическую, приближающуюся къ произношенію; мягкіе *д* и *т* (дьз, тьс) изобразилъ буквами **Д** и **Т**; твердое *г* печатаю латинскимъ g; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ бѣлорусское *г* надо произносить какъ h. Въ сомнительныхъ случаяхъ я ставлю надъ гласными удареніе: á, à, ó, ò и т. д. Долженъ оговориться, что при печатаніи книги въ провинціальной типографіи я не могъ строго провести ударенія острое и тупое, и оба ихъ слѣдуетъ читать одинаково.

Заявляю, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ записи проведены недостаточно послѣдовательно въ отношеніи твердости шипящихъ дзеканья—въ Витебскомъ, Городокскомъ, Полоцкомъ и Себежскомъ уѣздахъ, и смѣны *ц* и *ч* въ Велижскомъ и Невельскомъ уѣздахъ, гдѣ записи сдѣланы не мною. Извѣстно, что пѣвцы и разсказчики поддѣлываются подъ рѣчь записывателя; этимъ слѣдуетъ объяснить фактъ, что во владиміровской и щербинской волостяхъ не уловлено дзеканье, а въ Невельскомъ уѣздѣ не вездѣ отмѣчено существующее тамъ цоканье; *ж*, *ч*, *ш*, *щ* изображены то мягко, то твердо.

Число моихъ сотрудниковъ по настоящему выпуску довольно велико. Списокъ ихъ прилагаю въ концѣ книги. Здѣсь же считаю долгомъ сказать всѣмъ имъ сердечное спасибо за ту готовность, съ которой они, изъ любви къ своей темной и бѣдной родинѣ, поспѣшили отозваться на мое приглашеніе подѣлиться съ русской этнографической наукой своими наблюденіями надъ народной жизнью.

Кстати отмѣчу, что указаніе пункта, гдѣ записано то или другое произведеніе или констатировано извѣстное бытовое явленіе, надо понимать только какъ фактъ записи ихъ въ данномъ пунктѣ, но не какъ предѣлы распространенія. Географія пѣсенъ еще ждетъ своего изслѣдователя и дастъ прелюбопытные матеріалы, между прочимъ по опредѣленію границъ разселенія славянскихъ племенъ въ западной Россіи, по вліянію на нихъ сосѣдей, по позднѣйшимъ передвиженіямъ населенія и т. д. На основаніи моихъ матеріаловъ я во всякомъ случаѣ могу сказать, что прототипы пѣсенъ захватываютъ большія пространства, и рѣки, напримѣръ— даже большія, какъ Днѣпръ, Двина, Сожъ, Нѣманъ, вовсе не служили препятствіемъ для ихъ распространенія. Скорѣе границами служили тутъ большіе лѣса и болота (напр. Кляссицкіе лѣса на границѣ Полоцкаго, Дриссенскаго и Себежскаго уѣздовъ, Бѣловѣжская пуща, Минскія болота и т. д.). Не менѣе широкія области захватываетъ и обрядъ, и указаніе въ книгѣ на извѣстный пунктъ, повторяю, свидѣтельствуетъ только о фактѣ записи тамъ обряда.

Одновременно съ симъ выходитъ девятый выпускъ „Бѣлор. Сборника", заключающій словарный матеріалъ по условнымъ языкамъ, имѣющимъ распространеніе въ Бѣлоруссіи, съ параллелями великорусскими, малорусскими и польскими. Готовится къ печати десятый выпускъ, въ который войдутъ бѣлорусскія сказки.

Седьмой, восьмой и девятый выпуски могли появиться въ свѣтъ, исключительно благодаря теплому вниманію къ моимъ скромнымъ работамъ Отдѣленія Русскаго языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ, въ лицѣ его предсѣдателя глубокоуважаемаго А. А. Шахматова.

Важнѣйшія опечатки.

Стр. 128 напеч. калядочки вм. калядачки; 160—съ пастухамъ вм. съ пастухомъ; 240—Господу вм. Госпаду; 317—параксизмъ; 335—дырáгія вм. дырагíя; 350—загукалсая вм. загукалася; 363—попá вм. папá; 544—Мать по дѣтямъ вм. по дѣтяхъ; 550—протчами вм. протчими; войтойвствахъ вм. войтовствахъ; 560—не не узнаетъ вм. не узнаетъ.

Внѣшній бытъ бѣлорусса.

Въ настоящее время патріархальный доселѣ бытъ бѣлорусса съ невѣроятною быстротою началъ поддаваться измѣненіямъ. Произошло это какъ то незамѣтно, но повсемѣстно. Повидимому, эволюцію эту вызвала установившаяся въ городахъ въ началѣ XX вѣка дороговизна на сельскіе продукты. При тѣхъ же трудахъ и тѣхъ же сборахъ, крестьянинъ началъ выручать за свои продукты втрое и вчетверо болѣе. Сначала это даже тревожило его совѣсть, но потомъ крестьяне свыклись съ высокими цѣнами, и въ деревнѣ появились деньги, бывшія раньше тамъ чрезвычайно рѣдкими гостями.

Въ результатѣ крестьянинъ получилъ возможность освободить себя отъ долгихъ и тяжелыхъ работъ по изготовленію холста и сукна и сталъ покупать на бѣлье и одежду дешевые ситцы, бумазеи, издѣлія лодзинскихъ фабрикъ, замѣнилъ лапти сапогами. Затѣмъ явилась возможность улучшить сбрую, пріобрѣсти окованную телѣгу, замѣнить допотопную соху плугомъ и т. д. Были, конечно, при этомъ и пересолы, въ родѣ зонтиковъ, перчатокъ, лакированныхъ сапогъ и т. п., но это такъ извинительно послѣ тысячелѣтней нищеты.

Это обстоятельство обязываетъ этнографовъ спѣшить съ описаніемъ народнаго быта исчезающаго уклада, пока нивеллирующая рука времени еще не окончательно изгладила всѣ особенности народной жизни.

По этимъ соображеніямъ я рѣшилъ внести въ настоящій выпускъ бытовыя данныя по Могилевской губерніи вообще и по сѣверной части Быховскаго уѣзда, находящейся между р. Друтью съ запада и р. Днѣпромъ съ востока, въ частности.

Мѣстность эта еще въ началѣ XVII вѣка представляла дикую лѣсную трущобу, переходившую по захватному праву отъ Могилевскаго королевскаго замка къ Крошинскимъ, Корсакамъ, Соломерецкимъ, и отъ нихъ, уже по наслѣдству, къ Сапѣгамъ.

Извѣстная Варколабовская лѣтопись находитъ здѣсь въ концѣ XVI в. только три селенія: Батунь, Бѣлевичи и Заболотье. Баркулабъ Корсакъ основываетъ здѣсь Дашковку, Вендорожъ, Лежневку, Куты, Новоселки. Всѣ остальныя селенія этого раіона возникли уже позднѣе. Еще и въ настоящее время лѣсистость здѣсь достигаетъ 40% общей площади; въ то же отдаленное время здѣсь были сплошные лѣса, и колонизація края шла параллельно съ поступательнымъ движеніемъ лѣсныхъ промысловъ. Такъ возникли здѣсь Концы, Буды, Гуты, гдѣ добывались зола и поташъ, Приборье, Майданъ. Угольщина и просто Угблья (деревня), гдѣ выгонялся деготь и выжигался уголь. Съ постепеннымъ истребленіемъ лѣсовъ, промыслы

эти уменьшались и исчезали, но еще и въ настоящее время край этотъ служитъ однимъ изъ главнѣйшихъ поставщиковъ дровъ и угля для Могилева.

Населеніе здѣсь во многомъ дикое, но за то до послѣдняго времени сохранившее въ чистотѣ языкъ, костюмъ, бытъ и народныя преданія. Здѣсь въ свое время мною записаны прекрасныя бѣлорусскія сказки, часть которыхъ вошла въ III выпускъ „Бѣлорусскаго Сборника“.

Первою церковью была здѣсь Вендорожская, построенная въ 1586 году княземъ Богданомъ Соломерецкимъ, очевидно, въ видахъ просвѣщенія этого дикаго края. Съ того времени въ теченіе трехсотъ слишкомъ лѣтъ здѣсь возникло еще четыре церкви: въ Батуни-Дашковкѣ, Бѣлевичахъ и въ Хоновѣ *).

Сообщенія съ внѣшнимъ міромъ этотъ уголокъ почти не имѣетъ. Почта для него получается въ с. Глухахъ, откуда направляется за р. Друть въ волостное правленіе за 20 верстъ, и уже отсюда раздается въ Бѣлевичи—12 в., Хоново—15 в. и т. д. До Могилева считается отсюда 30 в., до уѣзднаго города Быхова—48 в Ближайшая желѣзнодорожная станція Дашковка—28 в. И при этомъ дороги очень часто непроѣздны.

Главное занятіе жителей—земледѣліе и лѣсные промыслы. Но послѣдніе съ каждымъ годомъ падаютъ, вслѣдствіе постепеннаго уничтоженія лѣсовъ.

Средства къ жизни добываются продажею дровъ и съѣстныхъ продуктовъ въ базарные дни въ Могилевѣ. Еще Варколабовская лѣтопись занесла на свои страницы здѣсь многочисленныя „огородныя речи“: капусту, ботвинье, цыбулю, чосникъ, маки, горохи, бобы, коноплю, рѣпу, гурки. Теперь къ этому перечню можно прибавить картофель, брюкву, рѣдьку, фасоль, разнаго рода хлѣбъ. Кромѣ того, лѣтомъ продаются грибы и ягоды, цыплята, молочные продукты, яйца, осенью—куры и гуси, овцы, бараны, зимою свиньи, весною телята.

Населеніе этого края живетъ небольшими селеніями. Изъ 59 находящихся здѣсь населенныхъ пунктовъ, только въ семи (12%) число дворовъ превышаетъ *сто*, а именно: въ Семукачахъ (156), Запоточьѣ (108), Хоновѣ (100), Бѣлевичахъ (125), Новоселкахъ (110), Досовичахъ (111), Дашковкѣ (120). Изъ остальныхъ въ одиннадцати (18%) число дворовъ колеблется между 50 и 88, въ шестнадцати (27%) между 20 и 50, а въ остальныхъ 25-ти число дворовъ не достигаетъ 20, въ томъ числѣ въ 20 поселкахъ дворовъ *менѣе 10*. Такимъ образомъ, мелкіе поселки до 20 дворовъ составляютъ здѣсь свыше 42%. Мѣстность эта, слѣдовательно, должна быть

*) Варколабовская церковь была домашнею у Корсака.

причислена по характеру селеній къ переходному типу отъ Южной Бѣлоруссіи къ Сѣверной. Слѣдуетъ оговориться, что матеріалы для настоящаго очерка собирались въ періодъ, предшествовавшій разселенію крестьянъ на хутора.

I.

Особаго различія въ устройствѣ жилищъ между богатыми и бѣдными здѣсь не существуетъ, кромѣ того только, что нѣкоторые зажиточные хозяева вмѣсто одной крестьянской избы, „хаты", устраиваютъ ихъ двѣ, при чемъ эти избы соединяются или посредствомъ холодныхъ сѣней или непосредственно.

Самая обыкновенная крестьянская хата имѣетъ въ длину 8 ар., а въ ширину 8 или же 7 арш. Хата нѣсколько меньшихъ размѣровъ считается малою, а немного большихъ размѣровъ—большою. Напримѣръ, хата 10 на 9 арш. считается очень большой.

По своему устройству хаты также не представляютъ различія и могутъ быть только курныя и чистыя, теплыя и холодныя; но ни хозяйской, ни рабочей половины, ни тѣмъ болѣе—свѣтлицы здѣсь не встрѣчается, и даже названія эти здѣсь не извѣстны.

Въ избѣ чаще всего устраивается 3 или 4 окна, при чемъ окна всегда приходятся въ двухъ смежныхъ стѣнахъ избы, обращенныхъ къ солнечнымъ сторонамъ и непремѣнно на югъ, но не къ полуночной сторонѣ. Окна приходятся почти всегда на улицу и во дворъ, а именно: два къ улицѣ, одно или два во дворъ. Только изъ желанія устраивать окна къ солнечной сторонѣ случается нерѣдко, что избы не имѣютъ оконъ на улицу, если уличная сторона оказывается сѣверной.

Возкой бревенъ на постройку избы въ деревняхъ занимаются почти всегда зимою, и какъ при этой, такъ и при послѣдующихъ работахъ какихъ-либо примѣтъ не наблюдаютъ. Но, приступая къ новой работѣ, избѣгаютъ совпаденія съ однимъ изъ дней луннаго мѣсяца, который попадаетъ на третьей четверти и называется „зрушеньня".

Каждый хозяинъ самъ, безъ посторонней помощи, возитъ, „трелюетъ", бревна на новую избу и только, въ случаѣ отдаленности лѣса, беретъ, съ платой, въ помощь сосѣдей или—какъ это было раньше,—собираетъ толоку. Въ настоящее время толокой только перевозятъ готовый срубъ или готовую избу (часто старую), купленную хозяиномъ на сторонѣ, иногда за нѣсколько верстъ отъ мѣста постройки.

Когда бревна доставлены на мѣсто, здѣсь ихъ очищаютъ отъ коры топоромъ и скоблей и приступаютъ къ самой рубкѣ хаты. Но рубятъ и складываютъ хату не сразу, а сначала складываютъ бревна въ срубы, числомъ до трехъ.

Дѣлается это такъ. Берутъ сначала два бревна (обыкновенно бревно 5—6 верш. толщины) и на нихъ отмѣчаютъ по концамъ желаемый размѣръ избы въ одномъ какомъ-нибудь направленіи, напр., по длинѣ 9 арш., затѣмъ на эти два бревна, разставленныя другъ отъ друга приблизительно на ширину предполагаемой избы, накатываютъ другія два бревна и по концамъ ихъ отмѣчаютъ мѣста по желаемой ширинѣ, напр. 8 арш. Послѣ этого выравниваютъ бревна отъ очень замѣтныхъ горбинъ, сучковъ, но общей отески бревенъ не дѣлается. Затѣмъ, на означенныхъ мѣстахъ по концамъ вырубаютъ „чашки" или гнѣзда, куда должны входить концами нѣсколько поотесанныя другія бревна. Получается такимъ образомъ первое звено, или „вѣнецъ".

Далѣе вырубаются чашки въ двухъ верхнихъ бревнахъ, и накатываются еще два бревна поверхъ двухъ первыхъ бревенъ въ готовыя чашки, при чемъ, по надлежащей примѣркѣ, эти два послѣднія бревна съ нижней своей стороны причерчиваются такъ называемой *драчкой* съ нижележащими бревнами. Смотря по надобности, въ первыхъ вырубаются неглубокія выемки во всю длину бревна, такъ, чтобы верхнія бревна прилегали къ нижнимъ вплотную, безъ щелей и просвѣтовъ.

Такой обработкѣ подвергается каждая новая пара бревенъ, пока не получится срубъ въ 4 или 5 вѣнцовъ.

Начинается затѣмъ новый срубъ, для чего два первыя бревна накладываются еще на первый срубъ и по надлежащей обработкѣ съ двумя другими бревнами снимаются и укладываются въ первый вѣнецъ новаго сруба.

Когда окончатъ второй срубъ, приступаютъ къ третьему, который долженъ быть уже послѣднимъ. На немъ будетъ крыша. Верхній вѣнецъ этого третьяго сруба будетъ сдѣланъ точь вточь по размѣру прочихъ, и по счету онъ будетъ десятымъ или одиннадцатымъ; на немъ будутъ покоиться балки. На этотъ вѣнецъ накладывается еще одинъ, при чемъ два бревна, лежащія по длинѣ избы, дѣлаются длиннѣе на аршинъ или немного болѣе, въ одну и другую сторону, что нужно для крыши.

Прежде, а иногда и въ настоящее время, вмѣсто общеупотребительныхъ стропилъ, для основы крыши дѣлали на двухъ противоположныхъ стѣнахъ по ширинѣ избы „лемеги", причемъ бревна безъ чашекъ накладывались одно на другое такъ, что послѣдующія дѣлались короче нижележащихъ. Концы ихъ стесывались наискось такъ, что когда будетъ положенъ самый верхній наименьшій „лемегъ", то выйдетъ родъ треугольника, имѣющаго покатость для будущей крыши почти въ 45°. Каждая пара лемеговъ противолежащихъ стѣнъ укрѣпляется „пóкотомъ", или „накóтомъ", т. е. тонкими бревнами, которыя замѣняютъ латы въ обыкновенныхъ крышахъ со стропилами.

Если же устраиваются для крыши стропила,—что чаще и дѣлается, при теперешнемъ безлѣсьѣ,—то стропилъ устанавливаются всегда три пары: двѣ пары противъ угловъ избы и одна посрединѣ. На стропилахъ укрѣпляются латы въ разстояніи полуаршина или немного болѣе одна отъ другой.

Крыши на хатахъ, какъ и на всѣхъ прочихъ постройкахъ въ деревнѣ, за небольшими исключеніями, соломенныя и двускатныя. Соломенная кровля дѣлается или *простая* или *гребенкою*. Въ простой крышѣ, послѣ заведенной стрѣхи изъ маленькихъ снопиковъ, каждый слѣдующій рядъ сноповъ настилается колосьями внизъ, въ гребенчатой же снопы кладутся „комлемъ внизъ". Гребенчатая крыша считается лучшею, и болѣе прочною и красивою, но она требуетъ большаго количества соломы и умѣлой, чистой работы. Обыкновенно крыша сходится вверху подъ прямымъ угломъ.

Чтобы „завести крышу", укрѣпляютъ у нижняго края ея, съ обѣихъ сторонъ, по длинѣ будущей крыши, три или четыре деревянныхъ крюка, для чего идетъ обыкновенно вырытая съ корнемъ еловая жердь. Крюки эти прикрѣпляются къ закоту крыши, или же къ стропиламъ, деревянными колышками, или привязываются прочными веревками. Они спускаются концами на одинъ аршинъ ниже верхняго бревна стѣны. Здѣсь на нихъ укладывается лата, которая вмѣстѣ съ уложенными уже ранѣе латами и составляетъ всю основу крыши.

Приступая къ покрытію крыши соломой, хозяинъ беретъ два—три десятка кулей, развязываетъ ихъ и перевязываетъ вновь уже парными снопиками, въ одной вязи. Это нужно для сооруженія стрѣхи. Снопики эти называются „застрѣшниками". Они задвигаются за крайнюю лату крыши въ рядъ, по длинѣ ея, а затѣмъ плотно прижимаются при помощи тонкой жерди, или „поплета", который привязывается къ лежащей внизу латѣ. Дальнѣйшая работа идетъ уже быстрѣе. Если крыша простая, то слѣдующій рядъ сноповъ толстымъ слоемъ настилается уже колосомъ внизъ, причемъ слой этотъ покрываетъ собою первый почти до краевъ. Затѣмъ снова идетъ увязка „поплетомъ". Третій слой напускается колосьями на второй и также увязывается поплетомъ. Такъ работа идетъ до верха, или до „вильчика".

Когда солома обоихъ скатовъ крыши войдетъ въ соприкосновеніе комлями, тогда задѣлываютъ верхъ мятой соломой или льнянымъ мяльемъ, чтобы не было щелей; для того же, чтобы вѣтромъ не взрывало крыши, вблизи вильчика накладываются по сторонамъ жерди или другія тяжести и поверхъ ихъ нѣсколько паръ козелъ, сбитыхъ на-крестъ въ верхнихъ концахъ. Козлы кладутся по самому гребню такимъ образомъ, что одна пластина приходится съ одной стороны крыши, а другая—съ другой.

Этимъ и заканчиваются работы по устройству крыши.

Пространство подъ крышей, надъ потолкомъ, называется „гора", или „верхъ". Здѣсь, на скрѣпахъ между стропилами, развѣшиваются тонкія жердочки и на нихъ хранятся вѣники, лыки и т. п легкіе предметы. Здѣсь же часто зимуютъ куры, если для нихъ не находится мѣста подъ печкой. Въ свободное отъ употребленія время здѣсь хранятся громоздкія принадлежности пряденья и тканья: самопрялки, вьюшки, воробы, мотовила, кросна, но бѣлье здѣсь никогда не развѣшивается.

Пристроекъ на крышѣ не дѣлается никакихъ. Если гдѣ водятся голуби, то для нихъ подъ крышей подвѣшиваются старыя корзины, соломенныя плетушки-кошолки и т. п.

Избу строятъ обыкновенно сами хозяева, а такъ какъ для передвиженія бревенъ необходимо не менѣе двухъ человѣкъ, то хозяинъ нанимаетъ еще себѣ товарища въ помощь, если не хватаетъ въ семьѣ своихъ рабочихъ рукъ.

Рубка срубовъ производится ранней весной, потому что бревна зимней заготовки еще сыры и обрабатываются легче сухихъ.

Съ постановкой избы на мѣсто не спѣшатъ: даютъ бревнамъ просохнуть, такъ что срубы остаются въ черновомъ видѣ часто годъ и два, и даже болѣе. Въ послѣднемъ случаѣ, ихъ иногда складываютъ наскоро, безъ проконопачиванія стѣнъ мхомъ, и покрываютъ временной соломенной крышей.

Если хозяинъ имѣетъ нужду въ постановкѣ новой избы на новомъ мѣстѣ, что бываетъ при семейныхъ раздѣлахъ, то на избранномъ имъ мѣстѣ для будущаго своего двора онъ выбираетъ самое удобное мѣсто для хаты, такъ, чтобы окна выходили на улицу, и во всякомъ случаѣ были къ солнечной сторонѣ.

Какъ дѣлалось прежде повсемѣстно, да и теперь еще у многихъ, ставятъ избу прямо на устояхъ „штандарахъ", и только въ недавнее сравнительно время нѣкоторые крестьяне стали устраивать избы на деревянныхъ невысокихъ фундаментахъ. Въ первомъ случаѣ хозяинъ обходится безъ плотника, во второмъ часто приглашаетъ и плотника, чтобы завести фундаментъ правильно и прочно. Штандары—дубовые короткіе, въ $^3/_4$ или $1^1/_4$ арш. длины и отъ 6 до 12 в. толщины, обрубки, врываемые въ землю по угламъ, а иногда еще и подъ стѣнами избы. Всѣхъ штандаровъ, такимъ образомъ, бываетъ четыре, шесть или восемь. Когда штандаръ поставленъ въ приготовленныя ямы, провѣряютъ на глазъ или ватерпасомъ вертикальное ихъ положеніе и по надлежащей установкѣ, зарываютъ. Въ землю штандаръ врывается отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ арш., на поверхность выступаетъ $^1/_4$ или $^1/_2$ арш.

Фундаментъ рѣдко бываетъ выше полуаршина. На фундаментъ идетъ прочный дубовый или сосновый лѣсъ. Первый вѣнецъ на

штандарахъ тоже дается прочный, изъ тѣхъ же породъ лѣса. Затѣмъ слѣдуетъ складыванiе избы изъ сдѣланныхъ раньше срубовъ, при чемъ каждое положенное бревно густо проконопачивается мхомъ. Работа идетъ быстро при четырехъ рабочихъ. На высотѣ оконъ прорубается пока одно или два бревна; на мѣстѣ, гдѣ слѣдуетъ быть двери, также прорубается отверстiе. Окна отъ земли устраиваются не выше двухъ аршинъ, а дверь, ведущая въ избу, отъ земли отстоитъ не болѣе, какъ на 1/2 арш.

На такой же высотѣ, или еще меньшей, настилается и полъ. Для настилки пола укладываются по ширинѣ избы не толстые, верш. въ 4—5, бруски: по одному у стѣнъ и одинъ или два посрединѣ избы; укладываются эти бруски на штандарахъ, низко врытыхъ надъ землей; на бруски настилаются доски-мостницы, при чемъ доска одна къ другой пригоняются не подъ шнуръ, а подъ „черту", чтобы не стесывать сильно досокъ по краямъ. Въ рѣдкихъ только случаяхъ доски чистятся рубанкомъ. Это дѣлаютъ только зажиточные крестьяне, живущiе въ большихъ селенiяхъ—мѣстечкахъ; въ большинствѣ же хозяева довольствуются поломъ изъ „битыхъ досокъ", т. е. наколотыхъ изъ колодокъ сосны, ели и даже ольхи и осины. Это вызывается дороговизною строевого лѣса и желанiемъ хозяина устроить избу своими руками безъ лишнихъ расходовъ. Нерѣдки еще случаи, что избы оставляются и совершенно безъ половъ, съ такъ называемыми земляными полами. Это часто бывало въ прежнее недавнее время, но встрѣчается и теперь у бѣдняковъ и въ селенiяхъ безлѣсныхъ. Своего лѣса крестьяне не имѣютъ, за исключенiемъ тѣхъ, которые прiобрѣли землю покупкою.

Подъ поломъ избы очень рѣдко устраивается яма для храненiя овощей, такъ какъ у крестьянъ такое назначенiе выполняетъ пространство между верхнимъ поломъ (нары, на которыхъ спятъ) и нижнимъ. Это называется подпольемъ. Здѣсь же помѣщаютъ зимою и телятъ, ягнятъ, а по мѣстамъ молодыхъ козъ и недавно выведшихся птицъ.

Потолки въ настоящее время дѣлаются плоскiе. Для устройства ихъ, по длинѣ избы укладываются двѣ балки на высотѣ 3—3 1/2 арш.; на эти балки настилаются доски, и „столь" готова. Теперь потолки дѣлаются изъ распиленныхъ досокъ, но еще въ недавнемъ прошломъ ихъ дѣлали изъ расколотыхъ вдоль осиновыхъ, еловыхъ и ольховыхъ обрубковъ—„плахъ". Доски кладутся прямо въ рядъ, но не въ рѣшетку, а такъ какъ ихъ не строгаютъ, то въ потолкѣ бываетъ много щелей. Ихъ сверху засыпаютъ льнянымъ мяльемъ-кострикой, мхомъ и иногда пескомъ,—если хозяинъ надѣется на прочность балокъ. Въ старыхъ курныхъ избахъ сохранились еще потолки сводчатые, въ видѣ арокъ.

Обыкновенно изба ставится въ одинъ срубъ и только достаточные хозяева ставятъ еще одну отдѣльную избу, рядомъ съ первой, на разстояніи 5 или 6 арш. Разстояніе это задѣлывается двумя стѣнами, и такимъ образомъ, получаются двѣ отдѣльныя хаты, съ теплыми или, чаще, холодными сѣнями. Иные же хозяева, съ среднимъ достаткомъ, къ хатѣ пристраиваютъ тристѣнъ, т. е. три стѣны съ отдѣльной печью, или общею съ избой. Получается вторая комната. Кромѣ того подъ одну крышу съ избой и сѣнями ставится и такъ называемая „клѣть", замѣняющая кладовую и амбаръ, а въ лѣтнее время тамъ устраиваются и постели, въ особенности для молодыхъ членовъ семьи.

Вотъ древній общепринятый способъ устройства жилища и самонужнѣйшихъ построекъ.

Особыхъ горницъ, или свѣтелокъ, здѣсь въ деревнѣ нѣтъ, но при двухъ избахъ одна—лучшая—исполняетъ назначеніе чистой, свѣтлой, и имѣетъ нѣсколько лучшую обстановку, а другая остается черною, рабочею. Какъ рѣдкость, можно встрѣтить въ чистой избѣ „комору",—небольшую, отдѣленную досчатой перегородкой, комнату, назначенную для спальни и для храненія лучшихъ вещей и одеждъ. Иногда чистая изба остается безъ печи временно или всегда (чаще у шляхты), въ такомъ случаѣ эта изба служитъ лѣтомъ спальней, въ ней же принимаютъ и гостей. Она называется холодною, или лѣтнею. Въ избѣ, для различныхъ ея частей, есть разныя названія: кутъ, передній уголъ, у стола, у порога, „коло лаўки", „ля полу", коло припечку или печи, „у загнета"; далѣе—„у сѣнцахъ", „коло сѣнецъ", „коло ґанокъ". Отдѣляемая въ сѣняхъ или въ другой избѣ перегородкой небольшая комнатка называется комороюи, коморкою.

Какъ уже сказано выше, окна устраиваются въ избѣ въ двухъ смежныхъ стѣнахъ, обращенныхъ преимущественно на улицу и къ солнечной сторонѣ. Въ прежнее недавнее время окна устраивались небольшихъ размѣровъ, напр. 12 вершк. длины и 10 вершк. ширины, при чемъ почти всегда дѣлалось три окна равнаго размѣра, а четвертое, противъ печи—поменьше; въ послѣднее время обращается болѣе вниманіе на то, чтобы изба была свѣтлѣе, и окна устраиваются бо́льшихъ размѣровъ, но все таки рѣдко болѣе аршина въ вышину и 12 вершк. въ ширину. Высота оконъ отъ земли снаружи не превышаетъ 2 арш., а внутри $1^1/_2$ арш. или немного болѣе. Оконныя рамы устраивались прежде глухими, даже безъ форточекъ, почему проводить свѣжій воздухъ и удалять испорченный не могли; въ новѣйшее время, лѣтъ 10—15 назадъ, стали обращать вниманіе и на то, чтобы посредствомъ оконъ можно было провѣтривать хату, въ особенности въ жаркое лѣтнее время (на зиму окна плотно заклеиваются). Поэтому два ближайшія къ переднему углу окна дѣлаются створчатыми. Каждая створка имѣетъ два стекла, если окно имѣетъ три пары сте-

колъ; окна, состоящія изъ двухъ паръ стеколъ, остаются глухими, или въ нихъ дѣлается „кватырочка", т. е. задвижное стекло.

Устройствомъ дверей и оконъ занимаются плотники, или самъ хозяинъ, если онъ достаточно владѣетъ топоромъ, пилой и долотомъ.

Дверь въ избу устраивается изъ сѣней, а въ эти послѣднія входъ всегда бываетъ со двора, и никогда прямо съ улицы. Дверь имѣетъ не болѣе $2^1/_4$ арш. высоты, при ширинѣ $1^1/_2$ арш. Внизу двери всегда бываетъ порогъ, на 2—3 верш. возвышающійся надъ поломъ избы. Снаружи, въ сѣняхъ, этотъ порогъ выше, въ особенности, если сѣни безъ пола. Дверь запирается посредствомъ желѣзной „клямки" на крючкѣ, наружная же дверь въ сѣни имѣетъ чаще деревянную „закрутку", а для запора вмѣсто висячаго замка чаще внутренній желѣзный, или деревянный „завалъ"—небольшой брусочекъ съ зарубками по верхнему краю, укрѣпленный къ косяку двери. Снаружи дверь отпираются ключемъ желѣзнымъ или деревяннымъ, который состоитъ изъ палочки „съ язычкомъ", свободно вращающимся на концѣ этой палочки. Ключъ вкладывается въ дыру, продѣланную немного выше „завала" или засова. Попадая своимъ язычкомъ на зарубку завала, ключъ запираетъ или отпираетъ засовъ и, слѣдовательно, дверь.

Въ мѣстной бѣлорусской избѣ, кромѣ общаго прокладыванія мхомъ при постановкѣ ея, другихъ какихъ-либо средствъ, какъ-то: промазыванія избы снаружи глиной или обшивки ея тесомъ, не употребляется; только у немногихъ, болѣе достаточныхъ, хозяевъ въ послѣдніе годы внутри избы дѣлается штукатурка, которая затѣмъ выбѣливается мѣломъ.

Ставни на окнахъ встрѣчаются не часто и составляютъ принадлежность такихъ избъ, которыя по своему внѣшнему виду нѣсколько приглядпѣе другихъ. Хозяева такихъ избъ, будучи сами порядочными плотниками, къ отдѣлкѣ своего жилища прилагаютъ замѣтно больше тщательности и усердія. У хозяевъ средняго достатка и бѣдныхъ ставень не встрѣчается, а вмѣсто нихъ, если на зиму не имѣется зимнихъ рамъ,—что̀ уже встрѣчается изрѣдка,—навѣшиваются снаружи на ночь въ морозъ соломенныя маты, или „коцы".

Крыльцо къ сѣнямъ пристраивается у немногихъ хозяевъ. Устройство его самое простое: вмѣсто ступеней—одинъ или два обрубка деревянныхъ, или просто камень передъ дверью въ сѣни; затѣмъ, на двухъ деревянныхъ столбикахъ, опирающихся на бруски, простенькая прямая или съ небольшимъ скатомъ крыша изъ тонкихъ дощечекъ или драни. Красивое крыльцо—большая рѣдкость.

II.

По своему устройству, бѣлорусская варенная печь имѣетъ три слѣдующихъ разновидности: печь курная, печь, битая изъ глины, съ

трубой, и обыкновенная кирпичная, съ трубой. Всѣ онѣ почти всегда дѣлаются на деревянномъ фундаментѣ, но въ чистыхъ, хорошо устроенныхъ, избахъ большихъ селъ и мѣстечекъ не рѣдкость печь обыкновенная русская на каменномъ фундаментѣ. Въ настоящее время печей безъ трубъ не дѣлается даже у бѣдныхъ жителей деревень, и если встрѣчаются еще хаты-курницы, то это остатокъ прошлыхъ лѣтъ, главнымъ образомъ періода крѣпостного и ближайшаго къ нему вольнаго времени, когда народъ былъ бѣднѣе и невѣжественнѣе, чѣмъ въ настоящее время. Впрочемъ, у малосостоятельныхъ жителей и теперь устраивается печь съ небольшимъ отличіемъ отъ курной: для выхода дыма продѣлывается небольшая труба, выходящая не на крышу, а черезъ стѣну избы въ сѣни; во время топки такой печи дымъ проходитъ черезъ крышу сѣней и сосѣдней клѣти. Но въ виду небезопасности такой печи въ пожарномъ отношеніи и этотъ способъ устройства печи уступаетъ мѣсто печи съ дымовыми трубами. На устройство кирпичной печи на деревянномъ фундаментѣ идетъ до тысячи кирпичей; часть ихъ покупается („палу, паленаго"), но большую часть берутъ „сырца", который изготовляется нерѣдко самимъ же хозяиномъ, если глину можно найти вблизи, „коло дворá". Но такъ какъ на покупку кирпича не всегда имѣются деньги, то во многихъ деревняхъ дѣлаютъ печи изъ глины, такъ называемыя „битыя", въ которыхъ весь корпусъ печи состоитъ изъ одной глины и только „подъ" печи, чело, шестокъ и труба дѣлаются изъ кирпича. На такой печи сберегаются средства, такъ какъ всю работу выполняютъ сами хозяева и только кирпичную часть печи дѣлаетъ печникъ или, по мѣстному—„печкуръ", „лѣпейка".

Кирпичную печь устраиваетъ мастеръ печникъ и только деревянный фундаментъ устраиваетъ плотникъ или самъ хозяинъ.

Печь устраивается въ ближайшемъ къ двери углу, въ правомъ или лѣвомъ, а именно въ сосѣдствѣ съ той стѣной, которая остается безъ оконъ. Пространство печь занимаетъ $2^3/_4 \times 2^3/_4$ арш., но сама печь имѣетъ съ лицевой стороны до 3 арш. и даже нѣсколько болѣе, если при ней имѣется сбоку „кбминъ".

Самая работа идетъ въ такомъ порядкѣ: на углу и вблизи стѣнъ, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ фундаментъ, врываются въ землю сосновые или дубовые штандары, при чемъ изъ земли штандаръ выступаетъ на четверть аршина или нѣсколько болѣе. На этихъ штандарахъ подъ прямымъ угломъ накладываются хорошо вытесанные деревянные брусья, которые составятъ первый вѣнецъ фундамента; скрѣпляются брусья такъ называемымъ нѣмецкимъ угломъ, а свободные концы ихъ врубаются въ стѣны избы; второй вѣнецъ кладется сверху вровень съ первымъ, третій вѣнецъ уже выступаетъ отъ сруба всторону на $^1/_2$ арш. или $^3/_4$ арш., что необходимо для запечка и „загнета" печи; въ срубѣ фундамента продѣлывается оконце

и поверхъ его настилаются толстыя доски или деревянныя пластины, которыя и образуютъ исподъ печи. Послѣ этого начинается кладка печи изъ кирпича или „битье“ изъ глины. Здѣсь приводится описаніе работъ по устройству глинобитной печи.

Хозяинъ приглашаетъ къ себѣ на помощь двухъ—трехъ человѣкъ и заготовляетъ глину, которую въ свѣже-нарытомъ видѣ подвозитъ изъ ближайшаго мѣста; привозится также 2—3 воза булыжника средней и малой величины. Нижняя часть печи усыпается толстымъ слоемъ глины, съ пескомъ, по которому выкладывается не крупнымъ булыжникомъ, а затѣмъ поверхъ выравнивается глиной. Это фундаментъ для „пода“, такъ какъ поверхъ этого слоя кладется уже рядъ кирпича во всю ширину печи, т. е. имъ устилается будущій—„подъ“, загнетъ и запечекъ, а также нижняя часть „комина“. Такъ какъ „подъ“ печи требуетъ особенной прочности и гладкости, то настилка его дѣлается не „сырцомъ“, а „паломъ“, т. е. обожженнымъ кирпичемъ.

Послѣ этого, отступя на $^1/_2$ аршина или немного болѣе отъ обѣихъ стѣнъ избы, устанавливаютъ два полукружія, называемыя „кобылами“, на такомъ разстояніи одно отъ другого, какова будетъ длина печи внутри (около $1^1/_2$ арш.); на нихъ настилаются доски, такъ что получается форма для образованія свода печи. Вокругъ этой формы насыпается глина, которая сильно уминается у стѣнъ, а съ двухъ другихъ боковъ или, какъ говорятъ—„отъ хаты“, ставятся ребромъ доски на такомъ разстояніи отъ деревянной формы, чтобы въ эти доски упирались стѣнки будущей печи; по мѣрѣ работы, доски еще прибавляются сверху. Для удержанія этихъ досчатыхъ стѣнокъ, ихъ подпираютъ бревнышками, которыя другимъ концомъ упираются въ стѣны избы. Этими досчатыми стѣнками снаружи и сводчатой формой внутри и дѣлается форма печи и размѣръ ея. Глину насыпаютъ между досками и сводомъ, не промачивая ее водой, такъ какъ при сильномъ утрамбовываніи ея тяжелыми чекушками она дѣлается влажною сама собой. Булыжникъ продолжаютъ прибавлять какъ по сторонамъ, т. е. въ стѣнки печи, такъ и поверхъ свода. Дѣлается это для того, чтобы печь сильнѣе нагрѣвалась и дольше удерживала тепло.

Когда надъ сводомъ получится слой глины въ $^1/_2$ арш. или нѣсколько болѣе, то обыкновенно считаютъ, что „бить довольно“. Верхъ печи, такъ называемый „черенъ“ или „черень“, гладко выглаживается и печь оставляется въ такомъ видѣ на нѣсколько дней „подсохнуть“. Деревянныя упорки, досчатыя стѣнки и „кобылы“ не вынимаются. Такъ какъ печь бьютъ обыкновенно тогда, когда еще въ избѣ нѣтъ ни оконъ, ни двери, да и потолокъ противъ печи не застланъ, то черезъ нѣсколько дней новая печь успѣетъ „зачерствѣть“. Тогда наружное „рыштованье“ снимаютъ, но затѣмъ оставляютъ печь еще на недѣлю, на двѣ просохнуть.

Въ это время прорѣзываютъ спереди отверстіе или „устье" печи, а внутренній досчатый сводъ съ кобылами просто выжигается съ помощью заложеннаго хвороста или соломы. Легкой топкой печь начинаютъ подсушивать извнутри.

Курная печь такимъ образомъ готова, но для обыкновенной нужно еще устроить трубу, а иногда и „коминъ, по желанію. Эту работу выполняетъ уже печникъ изъ кирпича, для чего идетъ чаще „сырецъ". На остающемся съ передней стороны свободномъ пространствѣ, отступя отъ края на 6—8 верш., печникъ закладываетъ стѣнку изъ кирпича, для свода, оставляя свободнымъ пространство для наружнаго входа въ печь; устраивается шестокъ, „печурки", или „ямки", гдѣ сгребается жаръ; далѣе вмазываются вьюшки („юшки"). Для печи „юшка" бываетъ горизонтальная, круглая; она вмазывается въ нижней части трубы противъ дымового хода; такая „юшка" требуетъ и дверки, устраиваемой чаще сзади печи и рѣдко съ передней стороны, съ „хаты"; другая же „юшка", въ видѣ четыреугольной пластины съ ручкой, вдѣлывается часто на ребро и служитъ для закрыванія дымового хода изъ кѐмина. Круглая вьюшка закрывается только одной плиткой. Поэтому тепло быстро выходитъ въ трубу. Для избѣжанія этого на плитку кладутъ камень и все вьюшечное отверстіе затыкаютъ тряпками.

Почти всегда труба прямымъ ходомъ безъ лежака выводится на крышу. Для предохраненія трубы, по мѣстному тоже „кѐмина", отъ размыванія дождевой водой, ее обвязываютъ иногда лубками, берестою, но рѣдко покрываютъ известкой. Также рѣдко придаютъ ей и красивую форму.

Пространство подъ печью обыкновенно служитъ для помѣщенія куръ въ зимнее время.

Печи топятся повсемѣстно дровами и, не смотря на все болѣе и болѣе ощущаемый недостатокъ въ лѣсѣ, къ замѣнѣ дровъ другими матеріалами еще не переходятъ. Лучина, какъ освѣтительный матеріалъ, выходитъ уже изъ употребленія даже въ захолустныхъ и бѣдныхъ деревняхъ, будучи замѣняема керосиновой лампой. Нигдѣ также не употребляются „каганцы" и „фитили", въ которыхъ раньше жгли сало или растительное масло. Для добыванія огня служатъ фосфорныя спички и только за недостаткомъ ихъ прибѣгаютъ къ „жару", т. е. къ горящему уголью, сохраняемому отъ одной до другой топки печи „въ ямкѣ", или запечкѣ. Для раскуриванія трубки пожилые люди добываютъ еще огонь при помощи огнива и кремня, зажигая губку, ими самими приготовляемую. Но ни самодѣльныхъ спичекъ, ни старинныхъ „сѣрничекъ" уже не встрѣчается. Добываніе же „живого огня" совершенно не извѣстно. Огонь отъ молніи особаго значенія здѣсь не имѣетъ, и пожаръ отъ молніи тушится наравнѣ съ пожаромъ отъ обыкновенныхъ причинъ. Но южнѣе этой области

существуетъ повѣрье, что пожаръ отъ молніи можно затушить только молокомъ.

Снаружи избы не смазываются глиной и не бѣлятся; очень рѣдки избы съ выкрашенными ставнями. Если онѣ есть, то выкрашиваются въ синюю, голубую, коричневую или другую какую-либо одну краску, и рѣдко въ двѣ или три разныя краски. Большею же частью ставни остаются не выкрашенными. Украшенія рѣзныя встрѣчаются также очень рѣдко и ими украшаются только окна, да иногда ворота; рѣзьба по карнизу исключеніе. Та незатѣйливая рѣзьба, которою украшаютъ окна и ворота, состоитъ изъ пилообразныхъ дощечекъ; иногда зубцы выпиливаютъ дугообразно, съ высверливаніемъ дырочекъ въ полукругахъ. Къ верхней и нижней рамкѣ ставень придѣлываются иногда кружочки или удлиненные ромбики. Самыя дверки ставень въ избахъ никогда не дѣлаются филенчатыми, а просто состоятъ изъ двухъ (а иногда и одной сплошной) досокъ, взятыхъ на шипъ.

На воротахъ, которыя въ деревенскихъ дворахъ никогда не бываютъ двустворчатыми, а всегда одностворчатыми и укрѣпляются на деревянномъ дубовомъ крюкѣ, вращающемся въ верейной шулѣ, украшенія почти отсутствуютъ, если не считать поперечную дощечку вверху воротъ, которой скрѣплены доски воротъ; иногда эта дощечка нарѣзывается пилообразно или подшивается веревочкой въ видѣ ломаной линіи. Надъ воротами навѣсы встрѣчаются у немногихъ хозяевъ и состоятъ изъ шелевочной обшивки въ видѣ крышки гроба. Въ большинствѣ случаевъ ограничиваются только деревянной распоркой, входящей концами въ верейныя шулы, или брускомъ, накладываемымъ на тѣ же шулы сверху. Калитки при воротахъ въ деревнѣ тоже очень рѣдко встрѣчаются. Вообще, устройство воротъ до-нельзя простое.

Внутреннимъ своимъ устройствомъ избы крестьянъ самыхъ бѣдныхъ и съ среднимъ достаткомъ почти во всемъ сходны, только избы вполнѣ состоятельныхъ домохозяевъ имѣютъ нѣкоторое измѣненіе во внутреннемъ приспособленіи, меблировкѣ и проч.

Какъ уже было сказано, ближайшій ко входу уголъ занимаетъ печь; по своимъ размѣрамъ она равняется почти $^1/_6$ всей площади пола. У двухъ смежныхъ стѣнъ съ окнами протягиваются „лавки“— неподвижныя толстыя скамьи; въ томъ углу, гдѣ лавки сходятся, стоитъ столъ и при немъ небольшая скамейка—„слонъ“, „услонъ“. Красный уголъ, называемый „кутомъ“, украшается многими иконами, между которыми теперь рѣдко встрѣчаются писанныя на деревѣ, а большинство хромолитографированныя картины, вправляемыя въ рамки съ бордюромъ и подъ стекломъ, нерѣдко съ искусственными цвѣтами. Яркость цвѣтовъ—необходимая принадлежность иконъ, почему картины съ яркой окраской и стали замѣнять иконы, писанныя

на деревѣ. Деревянныя иконы суздальскаго письма встрѣчаются въ бѣдныхъ избахъ въ захолустныхъ деревняхъ, какъ остатки прошлаго. Образа разставляются такъ, что въ самомъ углу ставится образъ большихъ размѣровъ и болѣе цѣнный, часто въ кіотѣ; по сторонамъ въ одну и другую сторону располагаются образа-картины. По изображеніямъ иконы весьма разнообразны, но главныя иконы, наичаще встрѣчаемыя, это—икона Спасителя, Божіей Матери, Николая Чудотворца, а затѣмъ иконы Св. Троицы, наиболѣе чтимыхъ святыхъ и праздниковъ, и даже изображенія нѣкоторыхъ событій изъ жизни Іисуса Христа.

Образъ главный покрывается отдѣльнымъ полотенцемъ—„набожникомъ"; передъ нимъ подвѣшивается лампадка, но не вездѣ; у большинства къ самой иконѣ въ кіотѣ ставится свѣча и зажигается по большимъ праздникамъ; прочія иконы покрываются сплошнымъ „набожникомъ". „Набожники" всегда почти изъ домашняго, нарочито приготовляемаго, холста, концы котораго затканы узорами красною „заболотью" и имѣютъ бѣлую или красную бахрому. Въ иныхъ мѣстахъ вышивки на полотенцахъ дѣлаются отъ руки, но безъ оригиналовъ, а на глазъ или, какъ говорятъ, „на память". Орнаментъ на „набожникахъ" исключительно геометрическій.

У малозажиточныхъ крестьянъ къ домашней меблировкѣ нужно прибавить такъ называемый „полъ", или нижнія нары, расположенныя у печи и прилегающей къ ней стѣны, и у нѣкоторыхъ еще „палати", т. е. верхнія нары, поддерживаемыя столбиками. Въ домахъ зажиточныхъ крестьянъ, которые довольно рѣдки среди сельскихъ жителей, если имѣется чистая „хата", то обстановка ея принимаетъ видъ нѣсколько городской, мѣщанскій; тамъ есть голландская печь, „грубка", изъ мебели можно встрѣтить простые крашеные или некрашеные стулья, табуреты, замѣняющіе лавки обыкновенныхъ сельскихъ избъ; кровати подъ пологомъ, вмѣсто наръ; иногда платейный крашеный шкафъ и непремѣнно въ одномъ изъ угловъ поставецъ для посуды, или „судникъ", замѣняющій отчасти кухонный столъ. Въ красномъ углу стоятъ ярко блестящія иконы, украшенныя фольгой и позолотой. Имѣется лампадка.

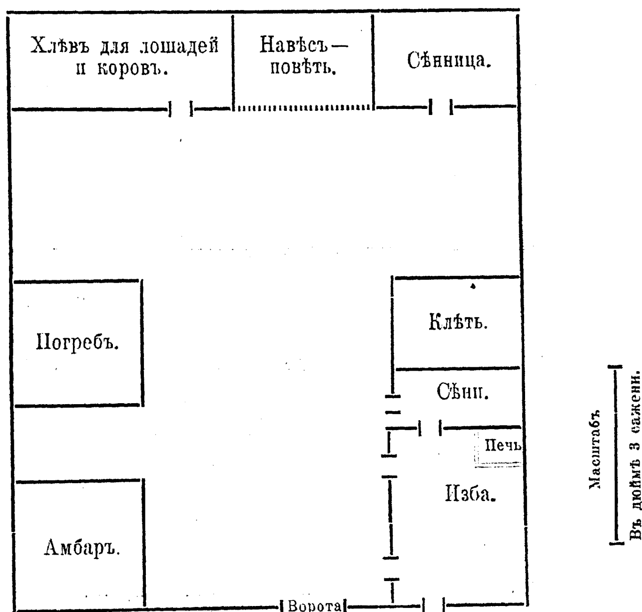
У каждаго хозяина, какого бы достатка онъ ни былъ, непремѣнно въ хозяйствѣ должны быть двѣ или три бочки для заквашиванія капусты и бураковъ; боченокъ для воды—„водянка", „жлукто", или кадка на ножкахъ для запариванья бѣлья, корыта для рубки капусты и кормленія скота; „ночвы", или „ночевки", для просѣиванія муки и стирки бѣлья; „лубки" или коробки изъ луба, замѣняющія корзины, дежа, ведра съ коромысломъ, лопата для вкладыванія хлѣба въ печь и лопата, или заступъ, кочерга деревянная съ желѣзнымъ наконечникомъ, два—три ухвата разной величины, помело; „чепелá" бываетъ не у всѣхъ, какъ и треножка. Изъ прочей дере-

вянной посуды: дежечки, баклажки, липовки, или кадушки для меду, „доёнки“—подойники и проч. Изъ кухонной посуды: нѣсколько чугуновъ разныхъ размѣровъ, также горшки, горлачи, кувшины или жбаны, миски, кружка жестяная или мѣдная и уже рѣдко деревянный „корецъ“; солонка—деревянная чашка или небольшая выдолбленая кадушечка; нѣсколько ложекъ (по числу членовъ семьи) и большая ложка „полонникъ“, чашка съ деревяннымъ пестомъ для толченія сала „на заправу“ пищи, ступа съ двумя толкачами; пара рѣшетъ, изъ которыхъ одно называется сито или подситокъ, другое, болѣе рѣдкое, вытканное изъ мочалы, просто рѣшето; сѣвалка—обыкновенное лукошко, „розвины“ для ношенія сѣна и соломы и проч. Изъ орудій, кромѣ сохи, бороны, косы, серпа, имѣются одинъ или два столовыхъ ножа,—кромѣ ножей, носимыхъ за поясомъ; топоръ, широкая пила для пилки дровъ, копаницы (мотыки), ножницы для стрижки овецъ и еще кое-какія плотничьи принадлежности: долото, сверла и проч.

III.

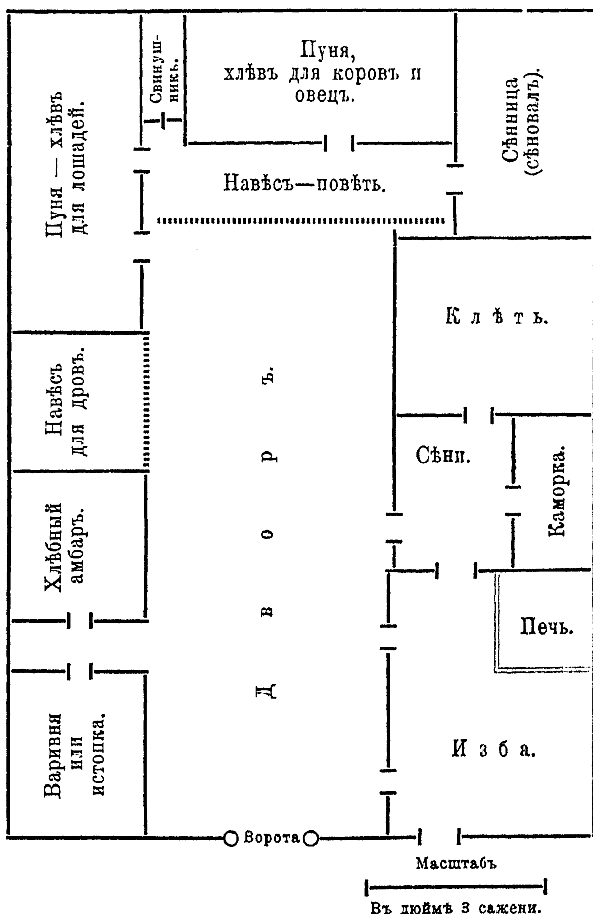
Всѣ хозяйственныя постройки деревенскихъ жителей, за исключеніемъ овина (гумна) и бани, располагаются въ тѣсномъ сосѣдствѣ другъ къ другу, образуя дворъ почти всегда четыреугольной формы. Чтобы представить порядокъ построекъ и размѣръ ихъ, какъ и размѣръ всего двора, здѣсь даются планы дворовъ хозяина бѣднаго, средней руки и зажиточнаго.

Дворъ бѣднаго хозяина.



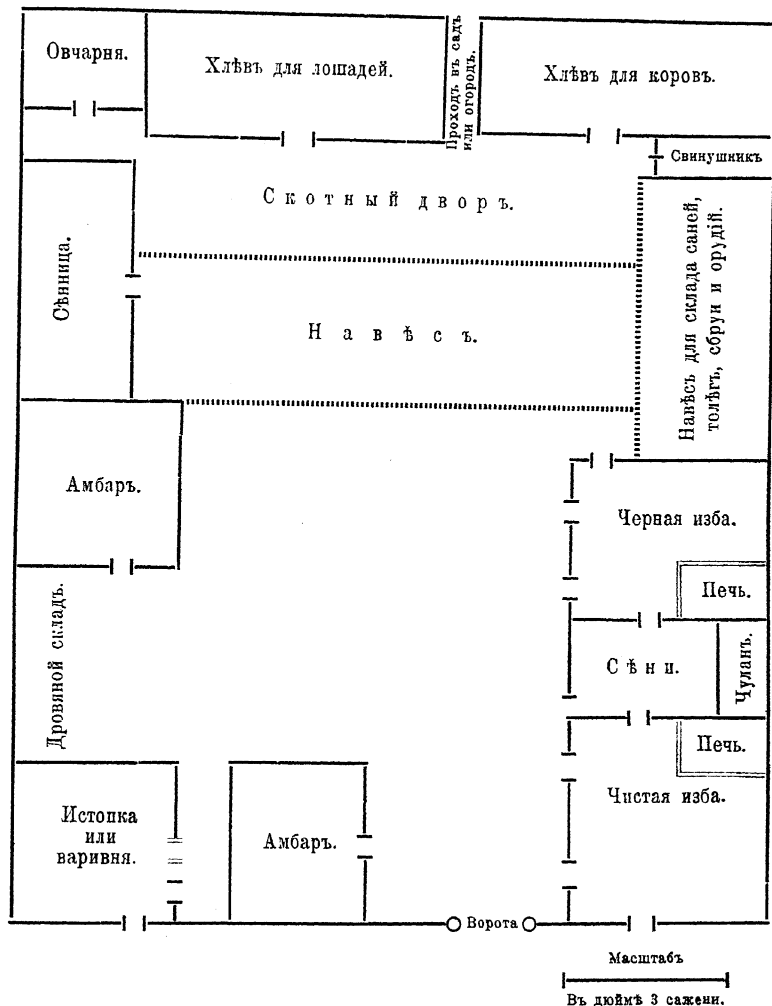
Овинъ ставится поодаль отъ двора, гдѣ нибудь въ концѣ усадьбы: при немъ иногда ставится и небольшой навѣсъ или сарай, для склада соломы и сѣна. Овинъ, или по мѣстному „гумно", по своимъ размѣрамъ больше всякой другой изъ хозяйственныхъ построекъ и имѣетъ отъ 26 до 32 аршинъ длины и отъ 14 до 16 арш. ширины. Какъ и всякая другая холодная постройка, овинъ покрывается

Дворъ крестьянина средней зажиточности.



соломой, основой же крыши служатъ такъ называемыя „сохи"—высокіе парные столбы (отъ 3 до 4 паръ). На верху ихъ перекладины; въ перекладинахъ посрединѣ укрѣплено по крючку; на нихъ кладется во всю длину постройки верхнее „сломянб" (жересть) и по сторонамъ еще по одному. На эти основанія навѣшиваются длинные крючья, на 1½ арш. другъ отъ друга, къ крючьямъ привязывается „поплетъ" (тонкія длинныя жерди),—часто на разстояніи 6—8 верш., что составляетъ рѣшетку крыши. Кроется гумно такъ же, какъ и изба.

Дворъ зажиточнаго крестьянина.



Внутренность гумна такова: въ противоположномъ концѣ, прямо противъ воротъ, стоитъ „осѣть“ или „ёвня“. Это теплая постройка на мху, съ потолкомъ, служащая для просушки хлѣба; внутри ёвни, поближе ко входу, устроена невысокая, безъ трубы, печка. Надъ нею, на нѣкоторой высотѣ (около 2 арш. отъ ёвни), устроенъ полокъ изъ подвижныхъ шестковъ; это, собственно, осѣть; на этомъ полкѣ просушивается хлѣбъ въ снопахъ, который подаютъ черезъ окошко, продѣланное на высотѣ 2—3 арш. со стороны тока. Дверка устраивается иногда съ той же стороны, но чаще сбоку.

Отъ воротъ до осѣти, занимая средину гумна, идетъ токъ, на которомъ обмолачиваютъ просушенный хлѣбъ цѣпами. Токъ убивается толстымъ слоемъ глины, самой мягкой и жирной. Лучшей для этого глиной считается прирѣчная, называемая „глеемъ“. Предварительно смоченная, глина уминается лошадьми, а затѣмъ плотно и гладко утрамбовывается ручными чекухами. Только на такомъ току обмолачиваемый хлѣбъ бываетъ свободенъ отъ примѣси песку.

По сторонамъ тока, аршина на четыре ширины, расположены такъ называемыя „сторонки“ или „засторонки“. Онѣ отдѣляются отъ тока низкими, не болѣе 1/2 арш. вышины, стѣнками, идущими параллельно сохамъ гумна. На „сторонахъ“ складываютъ снопы, правильными рядами, при чемъ къ току снопы обращены головками, „огузками“. Сложенный такимъ образомъ хлѣбъ составляетъ „кладь“, „кладушку“, или просто „сторону“. По мѣрѣ обмолачиванія ржи, часть соломы перевязывается въ кули, тертая же солома и колосовье складываются частью за осѣтью и по свободнымъ мѣстамъ по сторонамъ, частью же удаляются изъ гумна и складываются въ безформенную кучу или подъ навѣсъ.

Привезенный съ поля хлѣбъ, если онъ довольно сухъ, укладывается сразу въ гумнѣ; греча же складывается и внѣ гумна въ стогъ, если ея имѣется довольно много. Для солнечной просушки собраннаго съ поля гороха, сноповъ „пшена“ (проса), вики на сѣмена, а иногда и бобу, гдѣ его сѣютъ,—на такъ называемомъ „пригумникѣ“ устанавливается „стривье“; это двѣ суковатыя мачты, на которыя кладется еще нѣсколько жердей горизонтально. Наложенные на нихъ горохъ, вика и проч. остаются иногда до глубокой осени.

Баня не представляетъ чего-нибудь особеннаго въ своемъ внѣшнемъ устройствѣ. Прежде всего, это небольшое четыреугольное (арш. 6—7 длины и ширины) строеніе съ потолкомъ, на которомъ настланъ мохъ и насыпана земля, съ кое-какимъ поломъ или вовсе безъ пола, и непремѣнно съ самодѣльной каменной печкой, сложенной изъ крупнаго булыжника, въ одномъ углу, и полкомъ, расположеннымъ отъ печки къ другому углу. Укрѣпленъ полокъ на столбикахъ на высотѣ 1½—2 арш., со ступенькой. Къ другимъ стѣнамъ приставляется лавочка, которую замѣняетъ часто обрубокъ дерева, стоитъ длинное корыто для воды, которое, за неимѣніемъ у нѣкоторыхъ кадки, служитъ для нагрѣванія воды; вода нагрѣвается раскаленными въ печи до-бѣла мелкими камнями. Къ потолку на веревкахъ привѣшенъ шестъ. Во время топки дымъ изъ бани выходитъ черезъ маленькое окошечко безъ рамъ, лежащее противъ печи, а также и въ дверь. Нѣкоторыя бани бываютъ съ „примыльникомъ“, т. е. съ небольшой холодной, подъ одной крышей, пристройкой. Этотъ „примыльникъ“ защищаетъ отъ вѣтра моющихся въ банѣ во время раздѣванья и

одѣванья, а также работающихъ женщинъ, когда тѣ мнутъ ленъ или пеньку,—что производится непремѣнно при баняхъ.

Амбары, или по мѣстному „клѣти“, устраиваются не выше 6—8 вершковъ надъ землей. Вымащиваются они или толстыми тесаными досками или вытесанными съ одной стороны бревнышками. Потолка не имѣютъ. Для развѣшиванія же разной домашней утвари—сбруи, „платья“, т. е. верхней одежды и проч. въ нихъ укрѣплены толстые шестки „курчины“, а для храненія зерноваго хлѣба устраиваются „засѣки“—закрома при одной изъ стѣнъ; они разгораживаются поперекъ на двѣ или три части; полъ и стѣны у нихъ замазываются глиною, во избѣжаніе течки зерна.

Хлѣвъ—холодная постройка для скота, состоящая изъ стѣнъ по длинѣ въ три бревна, со двора же вмѣсто средняго бревна придѣланы ворота. Внутри хлѣвъ разгораживается невысокой стѣной, если въ одномъ хлѣву стоитъ разный скотъ. Отдѣльныхъ стойлъ для лошадей и коровъ никогда не устраивается, равно какъ не вездѣ имѣются ясли и корыта или надолби для закладыванія корма.

Повѣть, или навѣсъ, большею частью занимаетъ пространство между двумя сосѣдними постройками и служитъ мѣстомъ постановки телѣгъ, саней, временнаго прикрытія для лошадей; здѣсь же на жердочкахъ размѣщаются часто и куры, для которыхъ особыхъ помѣщеній, кромѣ „подпечья“, не устраиваютъ.

Голубятни, какъ раньше уже сказано, особой не дѣлается, а для голубей, которые имѣются у немногихъ, служатъ сараи, хлѣва и крыши домовъ, гдѣ для нихъ подвѣшиваются разныя старыя коробки, корытца, и корзинки. Скворешень же здѣсь вовсе не знаютъ, какъ и самого скворца не умѣютъ отличать отъ другихъ птицъ по его пользѣ, приносимой человѣку истребленіемъ вредныхъ насѣкомыхъ.

Сажей для откармливанія свиней особыхъ не устраивается; помѣщеніе для свиней общее, которымъ служитъ маленькій хлѣвокъ, 3—4 арш. длины и ширины, гдѣ-либо подъ навѣсомъ или между двумя смежными постройками. Откармливаемыя свиньи для корма выпускаются и кормятся въ сѣняхъ или въ самой избѣ, затѣмъ опять загоняются въ закуту.

О *мельницахъ* водяныхъ и вѣтряныхъ можно сказать, что тѣ и другія имѣются повсемѣстно, обслуживая мѣстныя потребности. Нѣкоторыя изъ большихъ водяныхъ и паровыхъ мельницъ обладаютъ довольно значительной силой, но большинство мельницъ водяныхъ перемалываютъ зерна немного, только въ весеннее и осеннее, богатое водою, время. Деревенскія мельницы малыхъ размѣровъ могутъ перемолоть отъ 200 до 300 пудовъ въ сутки.

Сукновальни устраиваются обыкновенно при водяныхъ мельницахъ въ одномъ зданіи, при одномъ и томъ же водяномъ колесѣ, и рѣдко въ отдѣльномъ зданіи, съ отдѣльнымъ собственнымъ валомъ.

Сукноваленъ здѣсь мало и каждая обслуживаетъ громадный районъ въ 2—3 волости, работая только весной.

Изъ прочихъ крестьянскихъ сооруженій надо упомянуть еще навѣсы для просушки свѣже-приготовленнаго кирпича-сырца. Они устраиваются такъ, что представляютъ одну крышу, поддерживаемую рядомъ низкихъ столбиковъ по бокамъ и болѣе высокими посрединѣ. Крыша отъ земли отстоитъ на $^3/_4$ или 1 арш., и подъ ней свободно разгуливаетъ вѣтеръ.

Погребъ, для храненія картофеля и другихъ овощей, бываетъ по большей части у бѣдняковъ, бобылей или у жителей безлѣсныхъ мѣстностей; обыкновенно же онъ замѣняется „истопкой“ или „варивней“. Устраивается погребъ весь въ землѣ и только крыша и потолокъ находятся надъ землей. Для погреба вырывается четыреугольная яма, примѣрно 4 на 3 арш. и глубины $2^1/_2$ арш. или немного болѣе; стороны его укрѣпляются деревянными стѣнками, укрѣпленными въ „шулки“, потолокъ настилается, при чемъ отъ потолка вглубь оставляется небольшой проходъ, гдѣ устраивается „творило“—люкъ; наконецъ, на столбикахъ, врытыхъ въ землю, устраивается небольшая двухскатная крыша. Если же можно воспользоваться холмикомъ (по мѣстному „бугромъ“) или горкой, то та же яма мало углубляется въ землю, а идетъ болѣе внутрь или въ длину бугра, при чемъ крыши можетъ и не потребоваться.

Ледниковъ крестьянами не устраивается вовсе.

Ямы для храненія зерноваго хлѣба дѣлаются въ виду безопасности ихъ въ пожарномъ отношеніи и сравнительной легкости устройства, причемъ дерева совершенно не требуется, что важно при недостаткѣ лѣсныхъ матеріаловъ. Но устраиваются ямы въ настоящее время уже рѣдко.

Для ямы избирается мѣсто съ подпочвой, состоящей изъ глубоко залегающей глины; роется яма такъ, что входъ ея узокъ, верш. 8—10 въ діаметрѣ, а по мѣрѣ углубленія она постепенно расширяется, образуя форму кувшина съ узкимъ горлышкомъ. Глубина ямы доходитъ до 3 и 6 арш. и можетъ вмѣстить отъ 10 до 15 четвертей хлѣба. Стѣнки ямы обшиваются берестой, укрѣпляемой деревянными колышками.

Изгороди съ улицы чаще всего состоятъ изъ „прясла“. Это невысокія, аршина въ два, жердьевыя стѣнки, укрѣпляемыя кольями, которыя ставятся парами, образуя небольшіе промежутки, куда закладываются жерди и перематываются вѣтками изъ лозы или березоваго хвороста. Это здѣсь самая обыкновенная изгородь. Гдѣ нужно, въ такой изгороди оставляется прорѣха и здѣсь устанавливается „коловротъ“, чтобы можно было проѣхать съ телѣгой или возомъ.

Изрѣдка, въ мѣстахъ безлѣсныхъ, такую изгородь замѣняетъ „плетень“, изъ лозовыхъ или березовыхъ вѣтвей; вмѣсто „коловрота“

въ немъ устраивается „перелазъ“, т. е. проходъ, закладываемый между кольевъ досками.

Въ иныхъ мѣстахъ, чаще всего на хуторахъ, изгороди дѣлаются изъ кольевъ. Колья при этомъ устанавливаются вертикально близко другъ къ другу и скрѣпляются выше средины общей жердочкой. Сѣверныхъ *косыхъ* изгородей здѣсь нѣтъ.

Часто вблизи дворовъ и вокругъ усадебъ устраиваются изгороди изъ „частокола“. Частоколомъ же обносятся небольшiе палисаднички подъ окнами избъ у крестьянъ. Частоколъ дѣлается изъ лозы, молодого березняка и ельника. Въ такой изгороди устраиваютъ калитку или небольшiя ворота, сколоченныя изъ досокъ или заплетенныя частоколомъ же по деревянной рамкѣ со столбикомъ для установки въ землю.

IV.

Новорожденнаго одѣваютъ обыкновенно въ „мятликъ“, который представляетъ собою кусокъ чистой, мягкой матерiи или хорошо проношеннаго, вымытаго, мягкаго холста. Въ немъ дѣлается разрѣзъ для продѣванiя на голову ребенка; сшивать въ этомъ мятликѣ ничего не нужно, равно какъ не надо и рукавовъ. Такой мятликъ надѣваютъ на ребенка до 4—6 мѣсяцевъ, послѣ чего для него шьются изъ холста или ситца рубашечки. Вмѣстѣ съ тѣмъ со дня рожденiя и до 6—9 мѣс. младенца пеленаютъ, для чего употребляется четыреугольный кусокъ хорошо проношеннаго холста, аршина $1^1/_2$ длиною, небольшой бѣлый или цвѣтной платокъ и обыкновенный поясъ, который носится мужчинами вмѣсто кушака и по мѣстному называется „сповивачъ“. Со второго или третьяго мѣсяца ребенку на голую головку одѣвается сшитая по мѣрѣ головки шапочка или „чепчикъ“. Въ такой шапочкѣ и рубашкѣ ребенокъ остается до тѣхъ поръ, пока научится хорошо ходить и бѣгать, послѣ чего у дѣвочки на голову повязывается платокъ, одѣвается кофточка или лифчикъ, на ноги обуваютъ чулочки и черевички, а чаще всего лаптишки. У мальчиковъ же до 2—3 лѣтъ голову повязываютъ тоже платочкомъ, въ особенности, когда ребенка выносятъ на открытый воздухъ въ холодъ или жару, поверхъ длинной рубашки одѣвается лифчикъ, называемый жилеточкой, обувь та же, что и у дѣвочекъ; штанишки начинаетъ носить мальчикъ съ четырехлѣтняго возраста или еще позже. Тогда же ко всему этому костюму присоединяется и верхняя одежда—курточка или свиточка. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ этого возраста устанавливается уже опредѣленная одежда для дѣтей мальчиковъ и дѣвочекъ; мальчикъ начинаетъ носить шапку, дѣвочка платокъ и юбочку.

У дѣвочекъ украшенiемъ служатъ бусы или „крали“, которыя, понятно, остаются украшенiемъ и въ слѣдующихъ возрастахъ женщинъ. На „мотки“ этихъ бусъ или краль подвѣшиваются мѣдные

крестики и образки разной величины, покупаемые у разнощиковъ и на ярмаркахъ. Мальчики носятъ только крестики, иногда по нѣсколько вмѣстѣ. Сами дѣти приготовляютъ незатѣйливыя украшенія: лѣтомъ и осенью нанизываютъ на нитки ягоды шиповника, также порѣзанные на мелкіе кусочки стержни растеній „блекота", стержень листьевъ тыквы, длинные стебли водяной кувшинки, цвѣты сосны, и это на время у нихъ служитъ вмѣсто бусъ или ожерелья.

У взрослыхъ мужчинъ нижней одеждой, по бѣлорусски „платьемъ", служитъ „сорочка" и „штаны". Они шьются изъ грубаго домашняго холста, причемъ воротникъ въ рубашкахъ довольно широкій, откладной съ прямымъ, а не съ косымъ, какъ въ русской рубашкѣ, воротомъ. Такая рубашка шьется со сборками у ворота или же безъ сборокъ съ „подоплекой". Застегивается воротникъ обыкновенно тесемкой, ленточкой, кусочкомъ ситца. Подолъ рубашки и концы рукавовъ по большей части затканы неширокимъ, въ видѣ полосокъ, узоромъ изъ красныхъ нитокъ. Такія рубашки чаще носятся по праздничнымъ днямъ и отличаются большей бѣлизной и тонкостью ткани. Рубашка носится всегда на выпускъ и подолъ ея едва не доходитъ до колѣнъ.

Порты, или *штаны* въ теплое время года носятся одиночными и только въ зимнее время поверхъ ихъ одѣваются теплые „суконники", т. е. штаны домашняго сукна. Какъ тѣ, такъ и другіе штаны, вмѣсто пояса и пуговицъ стягиваются веревкой—„учкуромъ" и спереди завязываются узломъ. Вмѣсто кушака бѣлоруссы носятъ самодѣльные пояса, которые бываютъ разной ширины и различнаго узора. Изготовляются пояса или простымъ плетеньемъ изъ суконныхъ, окрашенныхъ въ разные цвѣта, нитокъ, или ткутся при помощи небольшихъ бердичекъ или дощечекъ, дающихъ нѣсколько иной противъ плетенія узоръ и большую плотность. Пояса для верхней одежды часто украшаются кистями изъ шерстяныхъ же цвѣтныхъ нитокъ. Поверхъ рубахи нѣкоторые носятъ жилетъ, часто изъ сукна домашняго изготовленія и обыкновенно окрашеннаго въ синій цвѣтъ, или же изъ домашней шерстяной ткани въ узоръ—полоску или клѣтку, разныхъ цвѣтовъ, краснаго, желтаго, голубого и проч. Впрочемъ, для жилетовъ идутъ какіе-нибудь остатки, куски отъ той цвѣтной или узорчатой матеріи, которая женщинами приготовлялась для собственнаго костюма: юбки, куртки и проч. Жилетъ украшается блестящими металлическими, такъ называемыми *солдатскими*, пуговицами. Спинка дѣлается изъ домашняго холста, пряжки не употребляются.

Верхнюю одежду бѣлорусса составляютъ: кожухъ, „балахонъ" и „свитка". Кожухъ шьется изъ домашнихъ овчинъ, балахонъ изъ камчатнаго холста, а свитка изъ домашняго бѣлаго сукна, (рѣдко изъ сѣраго, по подражанію шляхтѣ). На-бѣло выработанныя овчины

придаютъ шубѣ ярко-бѣлый цвѣтъ. Шуба носится иногда одна, иногда же поверхъ шубы одѣваютъ балахонъ и свитку. Свита по воротнику, бортамъ, фалдамъ и рукавамъ у большинства жителей обшивается синими, зелеными или красными шнурками, но преимущественно синими. Смотря по узорамъ обшивки, знатокъ можетъ почти съ достовѣрностью угадывать, изъ какой мѣстности происходитъ тотъ или другой бѣлоруссъ, хотя бы встрѣтить его пришлось и не въ бѣлорусской губерніи. Вся верхняя одежда шьется мѣстными портными бѣлоруссами, которые называются „кравцами".

Постоянной обувью жителей служатъ лапти, обуваемые на онучи или портянки съ помощью тонкихъ веревочекъ—оборъ, а изрѣдка и оборъ ременныхъ. Изъ другихъ видовъ обуви иногда встрѣчаются „похлопни", или „постолы", заимствованные у жителей великоруссовъ. Способъ плетенія и обуванія обыкновенныхъ бѣлорусскихъ лаптей также характеренъ для разныхъ мѣстностей. Въ Быховскомъ уѣздѣ лаптю стараются придавать извѣстное изящество, а обуванію—легкость и аккуратность.

Въ зимнее время головнымъ уборомъ служатъ теплыя шапки изъ чернаго „смушка", мѣхомъ наружу, или поддѣльнаго каракуля на ватѣ; но надо сказать, что опредѣленнаго головного убора, какъ извѣстная бѣлорусская „маргелка" или „магерка", уже рѣдко встрѣчаемая у стариковъ захолустныхъ деревень, въ настоящее время не существуетъ. Лѣтомъ носится жителями картузъ разнаго, но довольно обыкновеннаго фасона, наичаще чернаго цвѣта. Въ послѣднее время вошли въ моду черныя фуражки военнаго покроя съ разноцвѣтными околышами—синими, зелеными, желтыми, красными и т. п.

Еще не въ очень отдаленномъ прошломъ, и не далѣе двадцати лѣтъ назадъ, одежда бѣлорусскихъ женщинъ была однообразна и характерна. Она имѣла такой видъ: на головѣ у замужней женщины была повязана „наметка"; одѣта она была всегда въ свитку, обута въ лапти; нижней одеждой служила бѣлая рубашка съ откладнымъ воротникомъ, а въ праздники съ затканными „поликами" и концами рукавовъ; самотканная суконная юбка, вмѣстѣ съ лифомъ синяго или краснаго цвѣта. За исключеніемъ женскаго лифа—„кабата", или „шворка", который иногда дѣлался изъ покупной шерстяной матеріи, все остальное было своего издѣлія. Дѣвушки въ то время носили ту же одежду и только, для отличія отъ замужней женщины, носили вмѣсто наметки бѣлые или цвѣтные платки, а у себя дома пользовались свободой носить голову открытой „ходить простоволосой", заплетая волосы въ одну косу съ лентой или въ двѣ косы и обвязывая ихъ кольцомъ вокругъ головы, повыше ушей. Съ выходомъ въ замужество дѣвушка должна была носить волосы скрученными въ два толстыхъ жгута и непремѣнно повязанными платкомъ или наметкой.

Въ настоящее время одежда женщины въ вышеописанномъ видѣ осталась только въ глухихъ селеніяхъ, отдаленныхъ отъ большихъ городовъ и весьма бѣдныхъ. Здѣсь, въ будніе рабочіе дни, какъ нижняя, такъ и верхняя одежда еще своего издѣлія, но въ праздничномъ нарядѣ у замужнихъ женщинъ и дѣвушекъ уже, кромѣ рубашки, все покупное, сшитое часто по-городскому, и самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, хотя преобладающимъ остается цвѣтъ красный. Замужняя женщина повязываетъ голову какимъ-либо ярко пестрымъ платкомъ, при чемъ концы платка, обвивая голову, запрятываются, образуя родъ чалмы; поверхъ этого носится еще платокъ въ накидку съ свободными концами. Такъ теперь носятъ платки и дѣвушки, поверхъ небольшихъ платочковъ, завязываемыхъ ниже подбородка. Иногда, второй платокъ, если онъ не очень великъ, повязывается концами назадъ и укрѣпляется узломъ. Въ настоящее время платки, или по мѣстному „хустки", всегда яркихъ цвѣтовъ, въ прежнее же время носились платки только бѣлаго домашняго холста съ затканными узорами. У замужнихъ подъ такимъ платкомъ была наметка, повязываніе которой для разныхъ мѣстъ представляло значительныя различія и вообще было довольно сложнымъ.

Головной уборъ невѣсты въ недавнемъ прошломъ состоялъ изъ особо устроеннаго кокошника, убраннаго искусственными цвѣтами, яркими кусочками матерій и лентъ, причемъ на распущенные волосы свѣшивалось нѣсколько лентъ, длиною „до пояса".

Употребленія, вмѣсто косметическихъ средствъ, бодяги или другихъ какихъ-либо предметовъ, здѣшнія дѣвушки и женщины не знаютъ, подкрашиванія лицъ и бровей не дѣлаютъ и только для сведенія веснушекъ и загара употребляютъ нѣкоторыя средства, какъ напримѣръ, обмываніе лица парнымъ молокомъ, сывороткой, огуречнымъ разсоломъ и т. п.

Серьги носятъ не всѣ женщины; браслеты вовсе не носятся; какъ ожерелья, носятъ на шеѣ мотки недорогихъ мелкихъ и крупныхъ разноцвѣтныхъ бусъ съ подвѣсками-образками и крестиками. Очень цѣнятся бусы янтарныя — „янтари" и коралловыя — „корали", „крали". Какъ драгоцѣнность, онѣ передаются изъ рода въ родъ.

Относительно украшенія рубахъ, вышивокъ и кружевъ, слѣдуетъ прибавить, что узоръ тѣхъ и другихъ геометрическій и не широкій; вышивки дѣлаются безъ канвы по счету нитокъ, чаще же узоры изъ красныхъ нитокъ ткутъ вмѣстѣ съ холстомъ, — что называется „заткать заболотью". Кружевца чаще замѣняются красной, синей или бѣлой бахромкой для оторочки рукавовъ женскихъ рубахъ, передниковъ, а также наметокъ и „набожниковъ"; концы „набожниковъ", впрочемъ, нерѣдко и теперь украшаются затканнымъ краснымъ узоромъ, доходящимъ иногда въ длину до 3—4 четв. арш.

Верхняя одежда женщины въ послѣднее время начала измѣняться по цвѣту, покрою и способу ея шитья: такъ, вмѣсто бѣлой мѣстной свитки съ длинными полами, стали носить болѣе короткія куртки изъ синяго, сѣраго сукна своего тканья; ихъ носятъ и въ праздничные дни и иногда по буднимъ; но еще чаще носятъ теплыя на ватѣ кофты, такъ называемыя „вольныя“, т. е., свободныя у таліи, широкія; иныя же носятъ болѣе длинное пальто, также безъ таліи.

Матеріалы для платья, волокнистыя вещества и шерсть, обрабатываются самимъ населеніемъ, но слѣдуетъ сказать, что эти производства не идутъ далѣе удовлетворенія своихъ домашнихъ потребностей, такъ что не только фабричной, но и кустарной промышленности этого вида, какъ, впрочемъ, и вообще, не существуетъ. Вслѣдствіе этого, производство изъ волокнистыхъ веществъ и шерсти носитъ характеръ простоты и первобытности, по отсутствію какихъ-либо усовершенствованныхъ орудій для ихъ обработки и тканья. Всѣ такого рода работы исполняются почти исключительно женщинами, составляя преимущественное ихъ занятіе осенью и зимою.

Стрижка овецъ происходитъ два раза въ годъ—весною и осенью. Предварительно овецъ моютъ у рѣчки, колодца или на дворѣ. Черезъ день или два, когда шерсть достаточно обсохнетъ на овцахъ, ихъ стригутъ. Стрижка производится въ жиломъ помѣщеніи на скамейкѣ, или лавкѣ, при помощи простыхъ, сдѣланныхъ у кузнеца, ножницъ. Эти ножницы отличаются отъ обыкновенныхъ тѣмъ, что онѣ сдѣланы изъ одной цѣльной полоски стали съ пригнутыми другъ къ другу остріемъ концами и съ выгнутой въ видѣ кольца ручкой, почему скрѣпляющаго винта не требуется—ножницы дѣйствуютъ по своей упругости. Этотъ типъ ножницъ, какъ извѣстно, нерѣдко находятъ въ могильныхъ курганахъ X вѣка.

Остриженная шерсть подвергается слѣдующей обработкѣ: сначала ее просушиваютъ на печкѣ, затѣмъ чешутъ на деревянномъ гребнѣ небольшими клоками, и потомъ уже прядутъ, съ гребня же или же съ прялки. Часть собранной „вбвны“ оставляется по надобности на валяльныя вещи: „лямцы“ (войлокъ для хомута), на валенки, которые носятъ только болѣе состоятельные, а также на шапки-валенки, или такъ называемыя магерки, или маргелки, уже выходящія изъ употребленія.

Изъ суконныхъ нитокъ, часто наполовину съ льняными въ основѣ, ткутъ бѣлое сукно на тѣхъ же поставахъ, что и холстъ, только для плотности ткани въ четыре нита. Примѣшивая къ бѣлой часть черной шерсти, вытыкаютъ сѣрое сукно, что всегда дѣлаетъ шляхта. Бѣлорусскіе же крестьяне только заимствуютъ этотъ сѣрый цвѣтъ для новѣйшихъ короткихъ „пинжаковъ“ и куртокъ. Вытканное довольно узкое сукно (вер. 10—12) везутъ на сукновальню, обыкновенно устраиваемую подлѣ водяной мельницы, гдѣ тотъ же валъ,

приводимый въ движеніе водянымъ колесомъ при 2—4 деревянныхъ пестахъ, или толкачахъ, сильно уминаетъ сукно въ деревянной ступѣ. Эта работа называется валяніемъ сукна. Послѣ просушки сукно готово.

Ленъ и коноплю выдергиваютъ съ корнями и перевязываютъ ленъ въ снопы, а коноплю въ „ручни“, т. е. въ тонкіе, въ обхватъ пальцами, пучки, которые соединяются затѣмъ по парѣ и перевязываются соломеннымъ вязьмомъ. Ленъ околачиваютъ (сбиваютъ головки) или на полѣ, или на гумнѣ вальками, а затѣмъ разстилаютъ на лугу, выгонѣ или яловинѣ (долго не паханномъ полѣ), гдѣ онъ остается лежать отъ 5 до 6 недѣль. Мочатъ ленъ весьма рѣдко, по незнанію ухода за такимъ льномъ, называемымъ „моченцемъ“. Конопля же, обрѣзанная отъ сѣменныхъ головокъ и обрубленная отъ корней, всегда вымачивается въ „копаняхъ“, или четыреугольныхъ ямахъ, вырытыхъ поблизости рѣчекъ и прудовъ. Вынутая и просушенная пенька перевозится домой, послѣ чего ее, какъ и ленъ, сушатъ сильно въ банѣ и затѣмъ мнутъ деревянными мялками и треплятъ трепломъ, трепаломъ. Затѣмъ ленъ еще обдираютъ гребнемъ и чешутъ щеткой, пенька же прямо въ пучкахъ поступаетъ въ продажу, а часть ее идетъ на домашній обиходъ, на веревки, оборы, сбрую и проч.

Кромѣ льна и пеньки другихъ волоконъ здѣшніе бѣлоруссы не употребляютъ.

V.

Средствами для сухопутнаго передвиженія служатъ сани и телѣга, по-бѣлорусски называемая „колёсы“. Какъ сани, такъ и телѣга, изготовляются каждымъ хозяиномъ для своей надобности и только самыя колеса, по-бѣлорусски „каткѝ“, дѣлаются отдѣльными лицами по заказу или вообще на продажу, составляя у нихъ какъ-бы кустарный промыселъ. Устройство саней и телѣгъ поэтому отличается незатѣйливостью и первобытною простотою. Сани, называемыя „дровнями“, служатъ также для перевозки лѣсныхъ матеріаловъ, причемъ для перевозки толстыхъ и тяжелыхъ колодъ служатъ болѣе короткія сани „кары“. Употребляются также „рбзвальни“ для извоза и „возкѝ“ со спинкой, для поѣздокъ въ церковь и въ городъ. Нѣсколько улучшенная телѣга, у которой есть обшивка досками по сторонамъ, называется „обшиванка“, а рѣдко обшитая тонкими дощечками и имѣющая приподнятый передъ, называется „биндюгбмъ“; но биндюги здѣсь встрѣчаются рѣдко, только у промышленниковъ, разъѣзжающихъ по деревнямъ. Въ послѣднее время начали входить такъ называемыя „маджары“. Это длинная, довольно тяжелая, телѣга съ широкими лѣсенками по сторонамъ, служащая для перевозки сѣна и сноповъ.

Впрягаютъ въ сани и телѣгу лошадь; волы совершенно вышли изъ употребленія, хотя еще въ семидесятыхъ годахъ по р. Друти на нихъ работали и возили тяжести. Для упряжи лошади служатъ: хомутъ, оброть, „шлея", сѣделка, дуга, возжи, и все это дѣлаетъ хозяинъ своими руками, причемъ ремень и кожа въ этихъ принадлежностяхъ употребляются лишь у немногихъ хозяевъ, обыкновенно же сбруя вся, или почти вся—веревочная, собственнаго издѣлія.

Другихъ видовъ телѣгъ и саней нѣтъ. Лыжи попадаются изрѣдка у лѣсныхъ сторожей и охотниковъ.

Старинныя большія дороги, обсаженныя березами по сторонамъ еще въ царствованіе Екатерины II, въ Бѣлоруссіи носятъ названіе „большаковъ", „гостинцевъ" и „шляховъ". Съ проведеніемъ въ пятидесятыхъ годахъ XIX в. шоссейныхъ дорогъ, нѣкоторые изъ этихъ шляховъ сдѣлались малопроѣзжими и запустѣли, не смотря на то, что большинство изъ нихъ проходятъ чрезъ Бѣлоруссію въ низовыя губерніи и въ былое время служили единственными почтовыми и торговыми путями между нашимъ Сѣверомъ и Югомъ. Въ семидесятыхъ годахъ администраціей было обращено вниманіе на поддержаніе большихъ и малыхъ проселочныхъ дорогъ и на производство вдоль ихъ древесныхъ насажденій, но до сихъ поръ только немногія дороги содержатся исправно; большинство же находится въ невозможномъ состояніи.

Въ мѣстахъ низменныхъ, вблизи рѣчекъ и прудовъ, а иногда въ самыхъ селеніяхъ, построенныхъ на низинахъ, дорога поддерживается съ помощью гати, по-бѣлорусски „гребли". Но состояніе такихъ дорогъ весною и осенью таково, что онѣ бываютъ непроѣздны. Гати по низменнымъ, топкимъ мѣстамъ, устраиваются съ помощью хвороста, тонкихъ бревенъ; поверхъ этого насыпается земля или кладется пеньковая костра, „мялье". По сторонамъ гребли для стока воды дѣлаются узенькія, неглубокія канавки; для спуска воды устраивается поперекъ гребли болѣе широкая канава; на ней дѣлается бревенчатый мостъ.

Передвиженіе по р. Друти, бывшее въ древности очень обширнымъ, теперь совершается только на плотахъ и лодкахъ; по Днѣпру, кромѣ того, на парусныхъ судахъ и пароходахъ.

Плоты устраиваются слѣдующимъ образомъ. Пристань, куда свозится и заготовляется къ веснѣ сплавной лѣсъ, называется по бѣлорусски—„румъ"; сюда свозятся толстыя колоды, изъ которыхъ составляются плоты, и нагрузочный матеріалъ, кроквы, латы, шпалы, и проч. Сначала здѣсь происходитъ вязка небольшихъ плотиковъ, называемыхъ „торками", по выводѣ же отдѣльныхъ „торковъ" въ рѣчку съ болѣе широкимъ русломъ, ихъ соединяютъ по нѣсколько вмѣстѣ, въ такъ называемую „гребенку". Гребенки бываютъ отъ 30 до 50 саж. длины. Бревна въ ней увязываются „хомутами", скрученными въ

видѣ большихъ канатовъ изъ сырыхъ лозовыхъ хворостинъ; каждое бревно перехватывается у двухъ концовъ этой хомутиной и привязывается къ „жерести“, уложенной по длинѣ всей гребенки. На Днѣпрѣ, обыкновенно въ Рогачевѣ, соединяютъ гребенки по парѣ и получаются „пленицы“; двѣ пленицы составляютъ полный плотъ. Еще въ верховьяхъ рѣкъ гребенки и пленицы по пути нагружаются болѣе легкимъ лѣснымъ матеріаломъ—латой, кроквой, шпалами, клепкой и проч.

При сплавѣ партіи плотовъ, кромѣ 2—3 человѣкъ рабочихъ на каждой пленицѣ, необходимо нѣсколько „дубовъ“ съ канатами и якорями. Рабочіе этихъ дубовъ, которыхъ на каждомъ дубѣ имѣется до 7—8 человѣкъ, обязаны подавать помощь плотамъ, при проходѣ ихъ, во всякаго рода затрудненіяхъ.

Изъ судовъ теперь рѣдко встрѣчаются барки. Онѣ имѣютъ видъ громаднаго неуклюжаго судна, сколоченнаго наскоро, и служатъ также для сплава мелкаго лѣсного матеріала — клепки, ободьевъ, спицъ, досокъ, бочекъ со смолою и проч. Сдѣлавъ одинъ сплавъ до Екатеринослава или Херсона, барки назадъ вверхъ по рѣкѣ уже не возвращаются, а идутъ на сломъ и продаются какъ древесный матеріалъ.

По рѣкѣ Днѣпру можно встрѣтить слѣдующія суда: лодку, или челнъ, вмѣщающую отъ 3 до 5 человѣкъ; обшиванку—тотъ же челнъ обшитый по краямъ досками, и дубъ—досчатую лодку; гиляру, которая безъ мостика служитъ для перевозки проѣзжихъ чрезъ рѣку въ полую воду; та же гиляра, но имѣющая мостикъ, ходитъ на канатѣ и называется паромомъ. На Днѣпрѣ для парома соединяются двѣ гиляры. Лайбы и берлины строятся въ такихъ мѣстахъ, гдѣ есть рѣчная пристань. На нихъ сплавляются въ низовыя губерніи известь, мѣлъ, осенью яблоки, а оттуда привозится хлѣбъ въ зернѣ, мука, сахаръ, соль. Лайбы подымаютъ отъ 300 до 600 пудовъ. Грузоподъемность здѣшнихъ берлинъ отъ 3 до 16 тысячъ пудовъ, т. е. мелкаго и средняго типа. Лайбы и берлины въ прежнее время ходили только съ помощью парусовъ на высочайшихъ „щоглахъ“, на бечевѣ и „на яльли“, т. е. на шестахъ, и давали прибрежнымъ жителямъ большіе заработки, но въ настоящее время берлины идутъ всегда на буксирѣ пароходовъ и только мелкія суда сплавляются еще людьми.

Самая первобытная лодка здѣсь—комяга. Она выдалбливается изъ толстой колоды, совершенно въ видѣ корыта. Длина ея около трехъ аршинъ. Передняя часть—нось слегка закругляется, задняя оставляется безъ отдѣлки. При ѣздѣ въ комягѣ обыкновенно садятся на дно на колѣняхъ, гребутъ подобіемъ весла. Для большей устойчивости по бортамъ комяги прибиваются небольшія пластины. При тихой погодѣ комяга удерживаетъ двухъ человѣкъ. Употребительна только на озерахъ и небольшихъ рѣчкахъ.

VI.

Въ пищу въ сыромъ видѣ, кромѣ щавеля, употребляемаго дѣтьми, употребляются еще лукъ луговой и чеснокъ полевой, изъ которыхъ у перваго идутъ стебли, а у второго луковица; затѣмъ заячья капуста (корни) и заячій щавель,—листья и стебли; у аира съѣдается сердцевина у корня, стебли буквицы (баранчики) и свинушекъ; молодые побѣги сосны и цвѣты ея, называемые въ народѣ шишками; еще не отвердѣвшая заболонь осины и березы, называемая „мязгою", которую соскабливаютъ длиннымъ ножомъ изъ-подъ коры; ѣдятъ цвѣточные лепестки яблони и шиповника, высасываютъ медъ изъ цвѣтковъ акаціи, медуницы и тыквы.

Всѣ породы дикорастущихъ ягодъ употребляются какъ лакомство, какъ-то: земляника (суница), черника и голубика (дурница), малина, ежевика (жавина), калина, костяника. клюква, брусника; изъ садовыхъ—крыжовникъ, смородина, называемая „порѣчкой", въ отличіе отъ дикорастущей лѣсной черной смородины, клубника. Ягоды калины и рябины отвариваются и съ прибавкой сахара, меда или сушеныхъ плодовъ, употребляются какъ отваръ или варенье.

Изъ орѣховъ здѣсь произрастаютъ лѣсной орѣхъ и водяной (trapa natans). И тотъ и другой употребляются и въ сыромъ и въ сушеномъ видѣ. Водяной орѣхъ употребляется и въ вареномъ видѣ. Въ дикомъ видѣ здѣсь произрастаютъ только яблони и груши, и плоды ихъ употребляются печеными, а въ зимнее время перемерзшими, какъ лакомство. Изъ дикихъ яблокъ приготовляется квасъ.

Травъ, употребляемыхъ въ питье вмѣсто чаю, немного, а именно: Иванъ-чай, или копорскій чай, чай-буковица, чаберъ, листья боярышника, цвѣтъ липы. Нѣкоторыя изъ названныхъ растеній употребляются въ отварѣ и какъ лѣкарственное средство.

Въ сыромъ видѣ употребляются слѣдующія овощи: огурцы, рѣдька, рѣпа, морковь, брюква, квашеная капуста; также лукъ, бобъ, горохъ; но большинство изъ названныхъ овощей употребляются какъ пищевыя средства и въ вареномъ видѣ, какъ приправа или суррогатъ картофеля. Макъ и подсолнечникъ, высѣваемые въ огородахъ въ очень малыхъ размѣрахъ, съѣдаются по большей части сырыми.

Въ сыромъ видѣ мясо и свѣжая рыба употребляются только любителями и въ небольшихъ размѣрахъ, равно какъ икра и молоко рыбы; но икра раковъ, встрѣчающаяся подъ шейкой раковъ, нѣкоторыми съѣдается тотчасъ по вынутіи изъ воды рака. Свиное сало, просоленное и заготовленное впрокъ, во всеобщемъ употребленіи въ сыромъ видѣ. но жиры другихъ животныхъ. коровъ, овецъ, нерѣдко птицъ, въ сыромъ видѣ не употребляются. Кровь убиваемыхъ животныхъ свѣжей никѣмъ не употребляется, но запеченная съ мукой, напримѣръ отъ убитыхъ свиней, охотно съѣдается подъ названіемъ „кровянки".

Изъ плодовъ, заготовляемыхъ сушкою на солнцѣ и въ горячихъ печахъ, можно назвать только яблоки и груши. Яблоки нарѣзываются тонкими пластинками и, нанизанныя на нитку, подвѣшиваются на солнечномъ мѣстѣ; груши, садовые сорта, разрѣзанныя пополамъ, сушатся въ печи. Лѣсныя груши идутъ большею частью на „вылежку" и вылежанныя употребляются какъ лакомство.

Грибы: бѣлый и боровой, извѣстные здѣсь подъ названіемъ „боровика", добраго гриба—„добряка", подосиновикъ, подобабокъ, моховикъ, подрѣшетникъ или такъ называемый грецкій боровикъ, сыроѣжки, опенокъ, для заготовленія впрокъ высушиваются въ легко протопленныхъ печахъ или даже на боровѣ печи, на чѐрени: рыжики, грузди, бѣлянки заготовляются впрокъ соленьемъ, которое, впрочемъ, здѣсь мало распространено. Всѣ вообще грибы, въ томъ числѣ волнушки, сморчки и говорушки употребляются свѣжими въ отваренномъ видѣ. Собираніе ягодъ и грибовъ производится повсемѣстно, благодаря относительной близости Могилева; собранные грибы и ягоды часто сбываются туда въ сыромъ видѣ, а боровики въ засушенномъ, составляя для бѣдныхъ бобылокъ значительное подспорье. Ходятъ за грибами и ягодами подростки, женщины, выбирая для этого такіе дни и часы, когда нельзя работать въ полѣ, или огородѣ, напримѣръ, праздники, дождливые дни. Значительная часть грибовъ и черники сушится для себя, на постъ. Грибы идутъ на приправу борщей и суповъ, для начинки, а изъ черники, вмѣстѣ съ яблоками и грушами, дѣлается „узваръ".

Собираютъ грибы и ягоды въ лубки изъ липовой коры. Теперь, съ изчезновеніемъ липъ, лубки замѣняются корзинами, плетеными изъ прутьевъ.

Вышеназванные сорта ягодъ, произрастающіе въ здѣшнихъ лѣсахъ, а именно: малина, черника, голубика, калина и рябина высушиваются сначала на солнцѣ, а когда завянутъ, досушиваются такимъ же образомъ, какъ и грибы, въ печахъ. Брусника и клюква идутъ въ мочку на ягодный квасъ.

Изъ огородныхъ овощей ни одинъ сушкѣ не подвергается; заквашиваются же только капуста и свекла—бураки, солятся огурцы; въ квашеную капусту кладутъ рѣдьку, яблоки, морковь, укропъ; въ огурцы кладутъ чеснокъ.

Мясо, и главнымъ образомъ свинина, для заготовки впрокъ почти всегда только солится; копченье, вяленье мало распространено. Солятъ мясо, насыпая на него и втирая мелкую соль, или же круто разводятъ и варятъ разсолъ, прибавляя къ нему пряности—перецъ, лавровый листъ, и др.; затѣмъ въ этомъ разсолѣ вымачиваютъ куски мяса, окорока; или только поливаютъ разсоломъ сложенное въ кадкѣ мясо, предварительно перетертое селитрой. Замѣны соли ея суррогатами не бываетъ.

Относительно рыбы слѣдуетъ сказать, что здѣсь извѣстенъ способъ заготовлять рыбу въ запасъ соленой и сушеной, но такъ какъ рыбы здѣсь мало, то и заготовленіе такого рода употребляется очень рѣдко. Вьюны засушиваются въ печахъ на соломѣ, надѣтыми подъ жабры на тонкія палочки по 25 штукъ, и выдерживаютъ эту сушку почти цѣлый годъ.

Хлѣбъ прѣсный здѣсь не извѣстенъ, за исключеніемъ приготовляемыхъ изъ домашней пшеничной муки прѣсными лепешекъ, такъ называемыхъ „коржей", или „прѣсняковъ". Эти коржи, или прѣсняки, изготовляются иногда изъ ржаной муки съ прибавкою къ ней протертаго отвареннаго картофеля. Блины пекутъ здѣсь чаще всего гречневые, а затѣмъ пшеничные, ячные и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гороховые; но послѣдніе пекутся изрѣдка въ постные дни. Кромѣ гороховыхъ, тѣсто на блины заквашивается такъ же, какъ и на хлѣбъ. Иногда часть тѣста, приготовленнаго на хлѣбъ, отдѣляется на такъ называемые „сковородники", т. е. лепешки, выпекаемыя какъ и блины на сковородахъ, но только гораздо толще ихъ. Этими сковородниками замѣняютъ хлѣбъ, когда таковаго не хватаетъ и требуется наскоро замѣнить его.

Въ здѣшней деревнѣ не умѣютъ приготовлять скоромными какія-либо сдобныя булочки, колобки, пышки; есть только два вида постныхъ хлѣбцевъ съ начинкою—это „панпушки" и „вареники". Панпушки приготовляются изъ гречневой муки, изъ мятаго картофеля съ мукою и выпекаются маленькими булочками, съ начинкою изъ толченой конопли съ лукомъ или безъ начинки; вареники пекутся такими же булочками изъ гречневой или пшеничной муки, съ тою же конопляною или грибною начинкою, но предварительно вывариваются въ кипяткѣ, а затѣмъ уже подсушиваются въ горячей печи.

Но главнымъ, основнымъ продуктомъ питанія всегда и вездѣ служитъ ржаной хлѣбъ. Онъ исключительно приготовляется изъ ржаной просѣянной муки, и только въ крайне бѣдныхъ семьяхъ и въ годы хлѣбныхъ недородовъ къ ржаной мукѣ подмѣшиваютъ часть гречневой, ячной, овсяной муки или даже тертаго картофеля. Еще въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ хлѣбъ печется изъ одной какой-либо непросѣянной муки, напр. ячной, овсяной и даже ржаной. Въ годы полныхъ неурожаевъ, которые здѣсь вообще очень рѣдки, къ самымъ незначительнымъ количествамъ муки прибавляются во множествѣ отруби, мякина, толченые желуди, листья лебеды, липы, молодого папоротника и проч. Авторъ настоящаго очерка въ дѣтствѣ питался такимъ „хлѣбомъ". Онъ плохо всходитъ, въ печи расплывается лепешкой и не пропекается, за исключеніемъ верхней и нижней корки, которыя только и можно было употреблять въ пищу; мякишъ былъ такъ приторно противенъ, что его не могли ѣсть даже голодающіе, и онъ снова сваливался въ квашню до новаго печива.

Изъ какой бы муки хлѣбъ ни приготовлялся, онъ прежде всего заквашивается на собственной закваскѣ или „рощинѣ". Эта закваска сохраняется въ хлѣбной дежѣ отъ одного хлѣба до другого. Всыпавъ въ дежу извѣстное количество муки и вливъ ведро или немного более воды, хозяйка помѣшиваетъ ее лопаточкой до тѣхъ поръ, пока не образуется ровное полугустое тѣсто. Хорошо укрытая дежа остается въ покойномъ положенiи часовъ около 12. Затѣмъ, установивъ дежу на низкой подставкѣ, хозяйка всыпаетъ въ нее столько муки, чтобы при помѣшиванiи получилось густое тѣсто, и начинаетъ его мѣсить засученными руками. Послѣ долгаго вымѣшиванiя, тѣсто оставляется на нѣкоторое время „подходить". Когда тѣсто достаточно выходится, хозяйка беретъ часть тѣста на руки и округляетъ его въ булку (выпеченная вѣситъ отъ 10 до 15 ф.) Затѣмъ сыплетъ подъ хлѣбъ на лопату муки, отрубей или кладетъ аиръ, свѣжiй капустный листъ или сухой дубовый, и сажаетъ хлѣбъ на лопату, а съ нея сажаетъ въ печь, на чисто выметенный „подъ". Въ передней части печи оставляется „жаръ", на который подкладываются еще сухiя щепы, чтобы хлѣбъ „захватился", т. е. скорѣе запекся. Изъ одной дежи выходитъ семь—восемь хлѣбовъ—„бахонокъ". Это называется „пѣчивомъ". Посаженный хлѣбъ остается въ закрытой печи отъ $1^1/_2$ до 2 часовъ.

Отъ общепринятой процедуры въ печенiи хлѣба здѣсь есть только та разница, что накатываемому хлѣбу не даютъ уже подойти на столѣ или въ формахъ, а каждый хлѣбъ прямо изъ квашни поступаетъ въ печь. Ни формъ, ни желѣзныхъ листовъ крестьяне не употребляютъ, а хлѣбу даютъ круглую форму въ видѣ плоскаго полушара.

Пшеничная мука идетъ на приготовленiе блинчиковъ, оладей, лапши, галушекъ; гречневая—на галушки и кулешъ; овсяная—на кисель и толокно. Толокно приготовляется изъ овсяной муки, полученной изъ овсяныхъ, подсушенныхъ, и затѣмъ размолотыхъ на жерновахъ, крупъ; въ такую муку подливаютъ холодной воды и получается густая масса—толокно.

Изъ ржаной муки дѣлаютъ въ постные дни кулагу. Для этого завариваютъ муку и даютъ жидкой массѣ постоять въ тепломъ мѣстѣ, напримѣръ, на печи, отчего она начинаетъ бродить и дѣлается нѣсколько сладковатой. Проваренную еще въ печи, съ калиновыми ягодами, ее ѣдятъ прямо изъ котла. Такъ какъ никакихъ сладостей въ столѣ крестьянъ не бываетъ, то кулага, особенно въ холодномъ видѣ, считается лакомствомъ. Готовится она, впрочемъ, рѣдко и только въ зажиточныхъ семьяхъ.

Крупы дѣлаютъ изъ гречневыхъ, просяныхъ и ячневыхъ зеренъ. Всѣ эти крупы идутъ на приготовленiе суповъ, называемыхъ крупниками, крупенями, а также каши—грецкой, пшенной и ячной. Го-

рохъ, фасоль и бобъ прибавляются къ супу, какъ „закраса“. Смотря по мѣстности, предпочтительнѣе высѣвается тотъ или иной изъ названныхъ овощей, обыкновенно въ довольно незначительныхъ размѣрахъ. Горохъ и бобъ также поѣдаются въ сыромъ видѣ и отваренномъ, еще лѣтомъ; кукуруза, „кіюшки“, „кійки“, разводится здѣсь уже въ ничтожномъ количествѣ и употребляется отваренной, какъ только созрѣетъ. Гдѣ ея больше, тамъ она засушивается на солнцѣ, и зимою изъ ея зеренъ приготовляется каша, очень вкусная, но и очень тяжелая и требующая много масла. Дѣти, захвативъ себѣ нѣсколько десятковъ зеренъ, кладутъ по одному у пылающаго огня. Отъ жары зерна трескаются и принимаютъ самыя причудливыя угловатыя формы. Дѣти зовутъ ихъ тогда „баранчиками“ и считаютъ вкуснѣйшимъ лакомствомъ.

Изъ названныхъ овощей горохъ иногда перемалывается въ ручныхъ жерновахъ, и изъ гороховой муки, какъ уже было замѣчено выше, приготовляютъ блины и кулешъ. Ручные жернова кое-гдѣ еще имѣются.

Повсемѣстно разводимыя овощи—капуста, свекла (бураки) и картофель составляютъ предметъ ежедневнаго употребленія мѣстныхъ жителей. Изъ квашеной капусты и свеклы варятъ „борщъ“ или „капусту“. Это первое кушанье за обѣдомъ. Картофель, разваренный въ водѣ, съ какими-либо крупами или безъ нихъ, а также въ густомъ видѣ, приправленный въ скоромное время саломъ, а въ постные дни постнымъ масломъ—„олеемъ“, грибами, толчеными коноплями, а то и вовсе безъ всякой приправы, только съ солью—самое общеупотребительное второе кушанье, какъ у самыхъ бѣдныхъ, такъ и у зажиточныхъ крестьянъ.

Мясо же является далеко не заурядныиъ кушаньемъ; только вполнѣ зажиточныя семьи имѣютъ возможность пользоваться мясомъ, какъ въ праздничные дни, такъ и въ будни (въ скоромное время), почти круглый годъ. При этомъ большую часть года употребляется свиная солонина, и только осенью, и изрѣдка зимою, пользуются свѣжимъ бараньимъ и телячьимъ мясомъ, а иногда, впрочемъ, весьма рѣдко, говядиной. Въ пищу мясо идетъ въ такихъ случаяхъ не какъ самостоятельно приготовленный продуктъ, т. е. въ видѣ жаркого, что бываетъ только въ большіе праздники и семейныя торжества, а главнымъ образомъ послѣ вывариванія его въ супѣ и борщѣ, гдѣ оно составляетъ такъ называемую закрасу, какъ и сало.

Но въ дни заговѣнья и разговѣнья, а также и въ большіе праздники, мясо составляетъ главное блюдо и приготовляется въ жареномъ видѣ, будучи приправлено лукомъ и перцемъ. Для такихъ жаркихъ употребляются лучшія части отъ свиной туши—окорокъ, мясистыя части баранины или цѣлый поросенокъ. Мясо зажаривается всегда безъ картофеля на сковородахъ, въ котлахъ и на противняхъ.

Въ мѣстахъ прирѣчныхъ и приозерныхъ рыба является весьма нерѣдкимъ блюдомъ въ постные дни не только на столѣ достаточныхъ жителей, но и самыхъ бѣдныхъ, и при томъ у этихъ послѣднихъ даже преимущественно предъ первыми, нерѣдко и въ скоромные дни, разнообразя и пополняя домашній столъ. Уха изъ мелкой и крупной рыбы - самый обыкновенный способъ употребленія ея; поджаренная на сковородѣ съ придачей перцу, луку въ постные дни, и масла или сала въ скоромные, является такимъ рѣдкимъ блюдомъ, которое предлагается и дорогому гостю. Во время ловли рыбы, за неимѣніемъ котелка, сами рыболовы пекутъ рыбу на угольяхъ, предварительно очистивъ ее отъ чешуи и внутренностей, и ѣдятъ, посыпая мелкой солью.

Яйца въ домашнемъ быту въ пищу въ отваренномъ видѣ употребляются рѣдко, развѣ только для угощенія почетныхъ лицъ. Для себя же отвариваютъ и красятъ яйца къ Христову дню и Радоницѣ. Окрашиваютъ яйца у крестьянъ преимущественно въ луковичную, („цыбульную“) краску, для чего берется скорлупа отъ лука и складывается въ котелъ съ водой, куда кладутся и яйца, и отвариваются. Яйца въ одно время и красятся и варятся. Иные же, сваривъ яйца въ водѣ, окрашиваютъ въ разныя краски, напримѣръ фуксинъ. Для окраски въ зеленый цвѣтъ, яйца вывариваются въ листьяхъ березовыхъ вѣниковъ. Расписываніе яицъ въ данной мѣстности не извѣстно.

Яичница употребляется часто въ видѣ угощенія. Обрядовое значеніе яичница имѣетъ на „родйнахъ“, гдѣ ею угощаютъ бабку послѣ принятія ею ребенка, а затѣмъ на дѣвичьемъ вечерѣ или такъ называемыхъ „заручинахъ“, гдѣ яичницей угощаютъ жениха; но въ Семикъ яичницы не дѣлаютъ.

VII.

Праздничный столъ состоитъ обыкновенно не менѣе, какъ изъ трехъ блюдъ, но въ дни торжественные, напримѣръ, въ дни Рождества, Крещенія, Пасхи, Св. Троицы, составъ кушаній бываетъ разнообразный. Подобно этимъ днямъ, дни семейныхъ торжествъ, какъ-то крестинъ, свадьбы и, гдѣ еще удержался обычай, братчины, или такъ называемой „свѣчи“, также отличаются возможнымъ обиліемъ яствъ, съ преобладающими мясными кушаньями. Наканунѣ праздниковъ Рождества Христова и Крещенія приготовляется „постная кутья“ изъ ячныхъ или пшеничныхъ крупъ съ постнымъ масломъ или медовой сытой. Въ дни поминовенія родителей непремѣнной принадлежностью считаются блины и къ нимъ медовая сыта у однихъ, или вареный лукъ у другихъ. Число же кушаній полагается отъ 9 до 12. На Пасху для освященія сыръ не считается обязательнымъ; вмѣсто него освящается куличъ, подъ названіемъ „паски“, и яйца. Освященнымъ яйцомъ разговляются, придя изъ церкви въ первый день

Пасхи. Нѣкоторыми старыми людьми такое яйцо оставляется и сохраняется во весь годъ. Съ нимъ выгоняютъ скотъ первый разъ весной, его обносятъ вокругъ горящихъ построекъ, чтобы остановить пожаръ и т. д.

Работы толокой уже отчасти вывелись, если же гдѣ толоки существуютъ, то кушанья въ этомъ случаѣ, какъ и на супрядкахъ, заурядныя. Но обязательнымъ считается угощеніе водкой.

Свадебные короваи украшаются, но не крестомъ, какъ артосы, а другими узорами.

Въ великомъ посту на Сорокй (Сорокъ мучениковъ) пекутся изъ ржаной, пшеничной, у кого есть, или гречневой муки жаворонки, причемъ одного жаворонка бросаютъ въ печь, а прочіе поѣдаются дѣтьми. Кромѣ куриныхъ яицъ, въ пищу яйца другихъ птицъ почти не употребляются: гусиныя, цесарскія и яйца индѣекъ и утокъ довольно рѣдки и цѣнны, яйца же домашнихъ голубей—неприкосновенны и также не идутъ въ пищу; яйца дикихъ утокъ, куропатокъ, тетеревей, если таковыя попадаются, охотно съѣдаются.

Всѣ вышеназванныя породы домашней и дикой птицы употребляются въ пищу вездѣ. Кромѣ того по мѣстамъ ѣдятъ молодыхъ грачей, чаекъ. Запретными считаются: голуби, ласточки, аисты, какъ полезныя птицы; вороны, галки, ястреба—какъ питающіяся падалью. Затѣмъ не употребляются животныя однокопытныя и когтевыя, за исключеніемъ зайца, который употребляется въ пищу, хотя не повсемѣстно. Изъ рыбъ не ѣдятъ щипачки, сига, угря и у вьюновъ отрѣзываютъ головы. Изъ пресмыкающихся, мягкотѣлыхъ и суставчатыхъ ни одно не употребляется въ пищу.

Молоко употребляется въ пищу сладкое и кислое; первое идетъ на приготовленіе молочнаго супа, второе—на приготовленіе „сырокваши", масла, творога и сыра. Послѣ дойки, молоко изъ „доёнки" разливается по кувшинамъ, или „горлачамъ". Ему даютъ постоять отъ 2 до 3 сутокъ въ прохладномъ мѣстѣ, снимаютъ сверху сметану въ особое судно—„макотеръ", или въ деревянную бойку. Затѣмъ сметана сбивается въ масло, причемъ нѣкоторые сметану оттапливаютъ въ печи, а другіе сбиваютъ ее сырою. Масло, перемытое въ водѣ, складывается въ глиняное или деревянное судно. Остающееся послѣ снятія сметаны молоко оттапливаютъ въ печи на творогъ, который изъ горлачей выворачивается въ холстяной мѣшечекъ и подвѣшивается, чтобы стекла сыворотка; остается творогъ, который отжимается или въ тискахъ, или подъ доской, сверху которой положенъ камень. Получается сыръ, который перемѣшивается съ солью и если назначается впрокъ, то или подсушивается на солнцѣ и въ печи, или же складывается въ кадку и переливается слоемъ растопленнаго масла. Такимъ образомъ заготовленный сыръ съ масломъ, подъ названіемъ „масленица", оставляется до самой масленой недѣли, строго здѣсь соблюдаемой.

Постная пища почти всегда растительная и состоитъ изъ овощей и крупъ; скоромная же состоитъ изъ тѣхъ же блюдъ, приправленныхъ саломъ, мясомъ, и еще изъ нѣкоторыхъ, составленныхъ изъ мясныхъ и молочныхъ продуктовъ и яицъ. Въ лѣтней пищѣ преобладаютъ свѣже приготовленные овощи: огурцы, лукъ зеленый съ квасомъ и безъ него, бобы и кукуруза отваренные; для зимней пищи заготовляются въ прокъ овощи: капуста, свекла, картофель въ разныхъ видахъ и крупа; весна и осень, какъ переходныя времена года, приравниваются къ тому или другому смежному времени года. Весна—самое бѣдное по пищевому довольствію время года, а осень—самое богатое.

Вотъ обычныя меню крестьянскихъ обѣдовъ.

Постная пища обыденная.

Бѣдныхъ семей:	*Зажиточныхъ семей:*
а) борщъ съ грибами или холодникъ (щавель и лукъ);	а) борщъ съ грибами или соленой рыбой, лѣтомъ холодникъ;
б) супъ изъ картофеля съ крупами и бобами.	б) супъ съ постнымъ масломъ;
	в) каша гречневая, пшенная или картофельная съ тѣми же крупами и коноплями или постнымъ масломъ.

Скоромная пища обыденная.

а) борщъ съ саломъ;	а) борщъ съ саломъ или мясомъ;
б) молочный супъ.	б) супъ мясной или молочный;
	в) каша съ саломъ.

Постная пища праздничная.

а) борщъ или холодникъ;	а) борщъ съ рыбой свѣжей или соленой;
б) каша картофельная съ крупами и коноплями или молокомъ, или что-нибудь другое.	б) картофельный супъ съ постнымъ масломъ и перловыми крупами;
	в) каша пшенная или гречневая;
	г) оладьи съ коноплями или маковой сметаной.

Скоромная праздничная пища.

Бѣдныхъ семей:	*Зажиточныхъ семей:*
а) борщъ съ саломъ;	а) борщъ съ мясомъ;
б) супъ мясной, молочный или каша на салѣ или маслѣ.	б) каша съ саломъ;
	в) жаркое — свинина, поросятина, гусь и проч.
	г) блинчики съ масломъ, оладьи или сырники и т. п.

Время обѣда и ужина у деревенскихъ жителей опредѣляется въ будни началомъ и окончаніемъ дневныхъ работъ: обѣдаютъ передъ уходомъ на работу, а ужинаютъ по окончаніи работъ; въ праздники обѣдаютъ по выходѣ изъ церкви „отъ обѣдни". Садятся за столъ по старшинству: „на куту" садится старшій въ семьѣ, а за нимъ по порядку сыновья, жена, дочери, внуки, невѣстки. Старшій въ семьѣ нарѣзываетъ хлѣбъ, въ торжественные дни наливаетъ и раздаетъ водку (изъ одной рюмки), раздѣляетъ на куски поданное на столъ мясо. Одна изъ женщинъ прислуживаетъ: подаетъ ложки, соль, наливаетъ въ одну большую миску пищу и подаетъ на столъ. Ѣдятъ всѣ изъ общей миски и только въ большихъ семьяхъ дѣтей сажаютъ отдѣльно. Въ благочестивыхъ семьяхъ въ началѣ и концѣ стола крестятся и молятся, за столомъ же ведутъ только приличные разговоры. Если по неосторожности упадетъ кусокъ или хотя бы крошка хлѣба, уронившій тотчасъ поднимаетъ его и, цѣлуя, съѣдаетъ. Каждый вошедшій изъ постороннихъ обязанъ сказать сидящимъ за столомъ: „хлѣбъ да соль!"—на что получаетъ въ отвѣтъ: „просимъ кушать!" На это слѣдуетъ пожеланіе: „кушайте на здоровье!".

Во время семейныхъ празниковъ—свадьбы, крестинъ, также въ дни поминованій покойниковъ и братчины или „свѣчи", гостей разсаживаютъ по старшинству, причемъ старѣйшіе родственники, почетныя лица изъ мѣстныхъ жителей занимаютъ мѣста „на кутѣ", а хозяинъ и хозяйка прислуживаютъ гостямъ. Обязанность хозяина угощать водкой, виномъ; каждому подносится рюмка поочереди и наливается изъ большой миски или корчаги (баклажки); рюмка имѣетъ видъ небольшого стаканчика и называется „чаркою"; употребленіе старинныхъ ковшиковъ, вмѣсто рюмки, уже почти не встрѣчается. Мужчины занимаютъ отъ женщинъ особый столъ; женщинъ угощаетъ хозяйка. На крестины, которыя называются „хрезьбинами", всѣ приглашенныя женщины приносятъ съ собою кусокъ хлѣба и какое-либо блюдо для роженицы, иногда же просто бѣлую булку; „на свѣчу" мужчины несутъ лукошко какого-либо зерна, кто имѣетъ—воску. Такимъ образомъ, угощеніе здѣсь дѣлается въ складчину.

Въ народной жизни соли придается немаловажное значеніе и цѣлебная сила. Въ великій четвергъ соль въ солонкѣ ставится послѣ ужина на столъ и эту соль потомъ освящаютъ на Пасху. Такую соль сохраняютъ круглый годъ и употребляютъ для вспрыскиванія ею новорожденныхъ младенцевъ, животныхъ молодыхъ при рожденіи и старыхъ отъ глазу или, какъ говорятъ—„отъ суроцы" (т. е. отъ уроку).

Изъ напитковъ наиболѣе распространенъ здѣсь хлѣбный квасъ. Приготовляется онъ слѣдующимъ образомъ. Ржаная неквашенная мука замѣшивается въ густое тѣсто и оставляется на 2—3 дня солодѣть, послѣ чего изъ него выпекаются хлѣбы. Хлѣбъ затѣмъ разламывается на куски и высушивается на сухари. Эти сухари опу-

скаются въ боченокъ съ холодной водой, иногда въ чистомъ мѣшкѣ, чтобы размокшій хлѣбъ не попадался въ квасѣ, когда его будутъ пить. Спустя недѣлю квасъ готовъ.

Для приданія квасу цвѣта и вкуса, тѣ, у кого есть пчелы, кладутъ немного вощинъ или меду. Квасъ приготовляютъ и изъ картофеля съ мукой. Отваренный картофель толчется и смѣшивается съ частью ржаной муки. Такому тѣсту дается время постоять и потомъ изъ него выпекають тонкіе коржи, которые и кладутъ въ бочку съ водой.

Кромѣ этого хлѣбнаго кваса дѣлается еще березовый и ягодный квасъ. Березовый сокъ часто закисаетъ безъ всякихъ подмѣсей, но нѣкоторые прибавляютъ немного ячменнаго солоду или бобовъ пророщенныхъ, также дубовыхъ щепокъ или вощинъ. Для ягоднаго квасу идутъ брусника и клюква. Къ нимъ прибавляютъ мелкихъ плодовъ— грушъ и яблокъ. Такой квасъ заготовляется только на зиму, тогда какъ березовый квасъ заготовляютъ только весною, а хлѣбный во всякое время.

Приготовленіе пива здѣсь не практикуется. Очень рѣдко пчеловоды приготовляють и медовый напитокъ. Для этого берутъ вощину съ пергой и частью меда и варятъ часа два. Отваръ этотъ сливаютъ въ боченокъ, въ которомъ шесть дней стоитъ открытою втулка, а потомъ и ее закупориваютъ. Такой напитокъ, постоявши закрытымъ мѣсяца два - три, пріобрѣтаетъ значительную игривость и нѣкоторую крѣпость.

Деревенскіе пчеловоды варятъ такимъ же способомъ и такъ называемый „напорскъ", прибавляя сюда еще какихъ-либо пахучихъ капель, напримѣръ мятныхъ и др. Употребляютъ его для опрыскиванія весною порожнихъ ульевъ. Въ такіе ульи охотнѣе садится рой.

VIII.

У береговъ рѣкъ и рѣчекъ, а также прудовъ и озеръ, поросшихъ кустами лозы, ольхою и травою, держатся нѣкоторые роды рыбъ: окунь, плотва; въ норахъ же, корчахъ и подъ колодами—налимъ (по мѣстному „балаба", „калѣка", „мень") и раки. Ихъ берутъ голыми руками днемъ, „щупая" въ травѣ или шаря по кустамъ и норамъ— „печурамъ". На раковъ ходятъ и ночью и вызываютъ ихъ къ берегу приманкой и свѣтомъ; приманкой служитъ „либела", т. е. куеокъ мяса, привязанный къ палкѣ, зажигаютъ же пукъ лучины. Дѣти и подростки ловятъ мелкую рыбу („мальгу") корзинкой, рѣшетомъ, кошомъ, простыней и сачкомъ.

Для ловли рыбы на крючокъ существуетъ два вида удочекъ; однѣ съ тонкой лесой, въ 3—4 волоса, съ поплавкомъ и безъ него, это такъ называемая верховая удочка на мелкую рыбу, другая съ грузиломъ или потонкомъ, тоже съ поплавкомъ или безъ него, съ

лесой въ 4—10 волосовъ, или изъ шелковой нитки. Эти удочки для крупной рыбы. И та и другая удочки употребляются для ловли рыбы съ берега, плотины или плота, и съ лодки, въ продолженіе весны, начиная съ мая во все лѣто до сентября. На верховую удочку насаживаютъ для приманки комнатную муху, дождевого червя, кузнечика, муравьиные мѣшечки (куколки); на такую удочку берется уклея, плотва, мелкій окунь, головень, язь, пескарь; на удочку съ потонкомъ ловятъ окуня, леща, язя, мирона, судака, подусту, верезуба. Кромѣ этихъ крупныхъ рыбъ, на удочку часто попадается ершъ и бобырь,—самыя мелкія рыбы, попадающіяся на удочку съ потонкомъ. Сомъ попадается на удочку очень рѣдко. Рыболовъ сманиваетъ мелкую рыбку при помощи отрубей, перемѣшанныхъ съ рѣчной глиной (глей) и конопляными жмыхами (клинцы). Комъ того или другого помѣщается въ кусокъ сѣтки, завязанной узломъ и прикрѣпленной къ воткнутой въ крутой берегъ тычкѣ такъ, что нѣсколько погруженная въ воду, она пропускаетъ муть вмѣстѣ съ частицами отрубей или жмыхъ. Къ этому мѣсту охотно собирается уклея, плотва и проч. Крупную рыбу заманиваютъ кашей, круто сваренной изъ гречневыхъ и пшенныхъ крупъ, которая будучи перемѣшана съ глиной, забрасывается на дно рѣки. На крючокъ уды съ потонкомъ, кромѣ названныхъ уже приманокъ, червей, насаживаются раковыя шейки, тутъ же добываемыя, и такъ называемая „сакла“ (видъ сига). На раковыя шейки и саклу идетъ болѣе хищная рыба—миронъ, окунь, язь и проч.

На щуку, бѣлизну, верезуба и судака, какъ самыхъ хищныхъ рыбъ, ставится такъ называемая „сторожня“. Это та самая леса, что идетъ на уду для крупной рыбы, только потолще ея, волосовъ въ 16—20, или же просто тонкая бечевка, оканчивающаяся кусочкомъ тонкой проволоки или скрипичнымъ басомъ, съ крѣпкимъ стальнымъ, большого размѣра, крючкомъ. Наживляется сторожня живою рыбкою и укрѣпляется у берега гдѣ либо у кустовъ. „Живецъ“ плаваетъ, нося съ собою крючокъ со шнуркомъ, пока его не схватитъ одна изъ хищныхъ рыбъ, которая и сядетъ сама на крючокъ. Шнурокъ наматываютъ иные рыболовы на деревянныя вилки со спущеннымъ съ него концомъ, аршина въ полтора или два, которымъ привязываютъ вилки къ кусту или къ воткнутой палкѣ.

Употребляются еще переметъ, дорожка или блесня, и на сомовъ особая ложка и толстый, крѣпкій шнуръ съ большимъ крючкомъ, на который насаживается кусокъ мяса.

Переметъ состоитъ изъ длиннаго, саж. въ 20—30 шнурка, на которомъ навязаны средней величины стальные крючки на болѣе тонкихъ шнуркахъ или лесахъ, арш. въ два длины; расположены они другъ отъ друга не далѣе 2—3 аршинъ и наживляются червями и т. п. Рыболовъ въ лодкѣ опускаетъ одинъ конецъ шнура съ каменнымъ грузомъ въ воду, обыкновенно выбравъ довольно глубокое, от-

крытое мѣсто рѣки, а затѣмъ, постепенно удаляясь по теченію рѣки, опускаетъ по мѣрѣ удаленія сложенный кругами шнуръ съ крючками и наживой. Спустивъ шнуръ до конца, рыболовъ другой конецъ его закрѣпляетъ къ колу, крѣпко вбитому въ дно рѣки. Но чаще переметъ запускается поперекъ рѣки такъ, что одинъ конецъ укрѣпленъ къ воткнутой въ берегъ палкѣ, а другой опускается съ грузомъ. И въ этомъ случаѣ выбирается мѣсто глубокое, съ довольно сильнымъ теченіемъ. Лѣтомъ на переметъ идетъ миронъ, язь, а зимою налимъ.

Дорожкой или блеснёй называется такой снарядъ, въ которомъ на длинной бечевкѣ привязана оловянная или цинковая пластинка вершка въ два длиною, имѣющая нѣкоторое сходство съ рыбкой; на концѣ пластинки укрѣпленъ толстый желѣзный крючокъ съ зазубнемъ; наживы не требуется. Рыболовъ, ѣдущій въ лодкѣ вверхъ по рѣкѣ, очень быстро опускаетъ шнурокъ во всю длину и тянетъ за собой, привязавъ другой конецъ шнурка за лодку и положивъ шнуръ на ухо, чтобы слышать когда возьмется рыба, которая блестящую пластинку на быстромъ ея бѣгу принимаетъ за рыбу, нагоняетъ и хватаетъ ее. На дорожку или блесню попадается исключительно жадная щука, иногда въ пудъ и болѣе вѣсу. На сомовъ, которыхъ также ловятъ съ лодки, нуженъ короткій, но крѣпкій шнуръ и желѣзный крючокъ съ кускомъ мяса или головой тарани (воблы). Ложка, небольшая деревянная, нужна рыболову, чтобы вызвать короткими ударами ею по водѣ особый глухой звукъ, на который почему-то поднимается со дна сомъ и идетъ на этотъ звукъ, натыкается на приманку и хватаетъ ее. Сомы въ Днѣпрѣ въ послѣднее время стали попадаться годъ-отъ-году все рѣже; самые большіе изъ нихъ достигаютъ не болѣе 3 пудовъ вѣсу.

Всѣми перечисленными снарядами ловятъ рыбу въ Днѣпрѣ, въ Друти и въ Лахвѣ, протекающей въ этомъ же раіонѣ. Для сманиванія рыбы, какъ уже сказано, рыбаки употребляютъ кашу; здѣсь добавлю, что кашу они употребляютъ преимущественно ячную и разваренный горохъ; въ мѣстахъ, выбранныхъ для лова, они опускаютъ эту кашу, смѣшанную съ вязкой глиной, въ кошолкѣ изъ луба на дно рѣки, а затѣмъ у вбитаго здѣсь кола ловятъ на уду съ потонкомъ собирающуюся на приманку рыбу; на крючокъ насаживаютъ тѣ же зерна гороха или ячныя крупинки.

На рыбу ранней весной по вскрытіи рѣкъ и озеръ ѣздятъ въ лодкахъ съ острогой, въ это время бываетъ нерестъ щуки, которая и попадается на острогу очень легко днемъ и ночью. Въ концѣ лѣта, когда ночи становятся темными, съ острогой ѣздятъ не только рыбаки, но и любители. Въ ночное время на лодкѣ, впереди, на особой жаровнѣ, разводятъ огонь, и охотникъ одинъ, а иногда вдвоемъ, подвигаясь очень тихо между кустовъ по озеру или пруду, высматриваетъ въ водѣ стоящую рыбу, чаще всего щуку, верезуба, и какъ

только завидитъ ее, направляетъ на нее ударъ остроги, не выпуская рукоятки изъ рукъ, если рыба стоитъ неподвижно, и бросая острогу вслѣдъ уходящей рыбѣ.

Изъ сѣтьевыхъ снарядовъ, сдѣланныхъ изъ нитокъ съ помощью обручей или даже изъ однихъ деревянныхъ лозовыхъ прутьевъ и лучины здѣсь извѣстны: кошъ, коробка, неретъ, топтуха, жакъ, и изъ сѣтьевыхъ, сдѣланныхъ изъ однихъ нитокъ—крига, бредень, уклейня, сѣть и неводъ. По устройству кошъ, неретъ, топтуха и жакъ сходны между собой по основной формѣ—удлиненнаго конуса; такую форму придаютъ этимъ рыболовнымъ снастямъ вправленные въ сѣтку обручи.

Кошъ, или скрипка, дѣлается изъ лозовыхъ прутьевъ или лучины, въ одномъ концѣ связанныхъ пучкомъ, а въ другомъ—образующихъ отверстіе въ видѣ воронки, стѣнки же составлены изъ прутьевъ или лучины такъ, что самая мелкая рыба не проскользнетъ въ имѣющіяся щели. Коши ставятся зимою подо льдомъ на неглубокихъ, тинистыхъ мѣстахъ. На прорубь, прикрытую сверху соломой, идетъ рыба, отыскивающая во льду отдушинъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, и при этомъ часто залѣзаетъ въ кошъ, нижній конецъ котораго затыкается соломою.

Коробка дѣлается изъ плоскихъ лучинокъ и имѣетъ видъ цилиндра. Снизу къ ней подшивается соломенная воронка, раструбомъ внизъ и узкимъ отверстіемъ кверху. Рыба, отыскивая прорубь, идетъ въ это отверстіе кверху и попадаетъ въ коробку.

Неретъ имѣетъ ту же форму, что и кошъ, но немного больше его—$1^1/_2$—2 арш. длины. Связанъ онъ изъ толстыхъ нитокъ, мѣшкомъ, съ постепенно суживающимся дномъ—кормой. Напяливается онъ на два обруча въ своей широкой передней части и на пять прутковъ, сходящихся въ кормѣ. Въ передней части отверстіе сужено завернутой внутрь сѣткой и связанной въ видѣ воронки, такъ что въ него можно просунуть только большой кулакъ. Неретъ ставятъ весною во время спада водъ у отверстій „закотъ", язовъ-плетней, которые заплетаются по луговымъ низинамъ и рвамъ. Нѣкоторыя породы рыбъ, какъ щука во время метанія икры, и устера, уходя съ луговыхъ низинъ въ русло рѣкъ и въ озера, на пути встрѣчаютъ преграду и, ища выхода, попадаютъ въ нерета.

Жакъ—это тотъ же неретъ, которому приданы сбоку крылья изъ сѣтей, шириною въ аршинъ или нѣсколько болѣе, длиною же болѣе сажени. Ставится также на неглубокихъ мѣстахъ прудовъ и озеръ, у травы и кустовъ, и на „чистежѣ". Крылья жака, растянутыя подъ угломъ въ стороны, укрѣпляются въ вертикальномъ положеніи колышками, вбитыми въ дно, корма же его погружается ко дну. Въ жакъ попадаютъ различныя породы рыбъ, водящіяся въ стоячихъ водахъ.

Топтуха или топтала — воронковидная сѣтка съ открытымъ широкимъ отверстіемъ, натянутымъ на обручъ, имѣющій видъ полукруга. Если эта сѣтка укрѣплена на палкѣ, то называется сачкомъ или просто сѣткою. Топталомъ ловятъ рыбу и раковъ, устанавливая его поближе къ кусту или травѣ такъ, что рыболовъ, стоя самъ въ водѣ, прижимаетъ одной ногой нижнюю плоскую сторону обруча ко дну, а другой ногой болтаетъ въ водѣ, чтобы загнать въ топтало добычу. Приподнимая его, не выходя изъ воды, рыболовъ беретъ то, что попадаетъ, и продолжаетъ вновь закладывать сѣть. Подобной же сѣткой съ рукояткой, состоящей изъ довольно длинной палки, ловятъ рыбу съ берега, причемъ обыкновенно бываетъ двое—одинъ заводитъ подъ кустъ сѣтку, а другой длиннымъ шестомъ, называемымъ „бовтоломъ", съ утолщеніемъ на концѣ, производитъ шумъ вблизи, выпугивая рыбу изъ подъ куста и травы. Въ эти снасти попадаетъ по большей части щука, иногда же окунь, линь, карась, вьюнъ и проч.

Крига—прямая изъ толстыхъ нитокъ сѣтка, часто вовсе безъ кормы, т. е. суживающагося къ заду мѣшка. Въ длину имѣетъ сажени $1^1/_2$, въ ширину 2 арш., поперекъ по концамъ укрѣплены двѣ палки. Кригой ловятъ двое, входя въ воду и подставляя ее подъ кустъ, подобно тому, какъ сказано о топтухѣ. Иногда крига насаживается на полозья, чтобы легче было подводить ее подъ кустъ.

Бредень состоитъ изъ довольно длинной кормы, въ сажень или нѣсколько болѣе длиною, съ широкимъ входомъ, при короткихъ крыльяхъ. Крылья укрѣплены на палки, аршина въ 2 длиною, верхній же и нижній свободный край натянутъ на веревочки; къ нижней веревочкѣ привязываются въ двухъ—трехъ мѣстахъ грузила, для чего служатъ обыкновенные камни въ тряпкѣ или особые, сдѣланные, какъ и для невода, глиняные цилиндры. У кормы есть свой особый грузъ, чаще всего также камень, увязанный въ тряпку такъ, что онъ тащится позади всего бредня. Взявъ въ руки палки, называемыя „дѣдами", и держа ихъ въ вертикальномъ положеніи, ловящіе бреднемъ въ неглубокомъ мѣстѣ рѣки, озера, забредаютъ въ воду такъ, что одинъ держится поближе къ берегу, другой заходитъ на возможную глубину и описывая дугу, поворачиваетъ къ тому же берегу, съ котораго отправились. При этомъ бредень долженъ быть сильно натянутъ, нижній край долженъ скользить по дну. Брести съ бреднемъ слѣдуетъ ровно и тихо, но когда поворачиваютъ къ берегу, то ускоряютъ ходъ. Пойманную добычу, рыбу и раковъ, вытряхиваютъ на берегу, при этомъ очищаютъ бредень отъ приставшей къ нему тины, земли, ракушекъ и проч.

Снарядъ той же формы, какъ и бредень, но съ удлиненными до 6 саж. и болѣе крыльями носитъ названіе „волочекъ". Скорѣе онъ напоминаетъ собою неводъ небольшихъ размѣровъ.

Уклейня—тонкая изъ льняныхъ нитокъ плавучая сѣть. Она имѣетъ до 10 саж. длины и 1 арш. ширины; во всю длину по верхнему и нижнему краю проходитъ бечевка; на верхней бечевкѣ продѣты поплавки въ разстояніи $^3/_4$ арш. другъ отъ друга; поплавками служатъ скатанныя въ трубочку полоски бересты, или пластинки коры осокори, по нижней—„грузки", сдѣланные изъ глины въ видѣ цилиндровъ. Уклейней ловятъ съ лодки. Рыболовъ забрасываетъ ее, спускаясь по теченію рѣки, лѣвою рукой, загребая правой рукой и поступаясь немного въ сторону къ берегу. Въ уклейню попадаетъ исключительно уклейка, какъ показываетъ и самое названіе ея. Очки у ней очень маленькіе, ловятъ ею преимущественно въ полую воду.

Сѣть наплавная представляетъ собою соединеніе трехъ сѣтей, сложенныхъ такъ, что средняя съ частыми въ дюймъ очками укрѣплена посреди двухъ сѣтей изъ толстыхъ нитокъ, образующихъ очки до двухъ вершковъ ширины; эти боковыя сѣти называются „рѣзью" и поддерживаютъ частую среднюю сѣть съ большими запасами по ширинѣ, такъ что рыба болѣе крупная, пройдя свободно чрезъ очки рѣзи и толкаясь впередъ, натягиваетъ на себя частую сѣть и выйдя чрезъ вторую рѣзь, остается въ сѣти, какъ въ мѣшкѣ, плотно на ней затянутомъ. Мелкая рыба только увязаетъ въ частой сѣти, не дѣлая мѣшка.

Сѣтью можно ловить какъ по рѣчкамъ, такъ и по прудамъ и озерамъ. По верхнему краю сѣти на шнурахъ укрѣплены поплавки изъ бересты, а по нижнему краю грузки или „глазки", какъ и на уклейнѣ. Сѣтью ловятъ двое рыбаковъ, при двухъ отдѣльныхъ челнокахъ; сѣти же они соединяютъ конецъ съ концомъ, такъ что получается длиная сѣть въ 30—40 саж. длины. Плывя по теченію рѣки смежно („поплечь") и соединивъ концы своихъ сѣтей, рыбаки начинаютъ выбрасывать одной рукой сѣть каждый со своей лодки, на которой онѣ уложены складками на деревянномъ желобкѣ (называется „стябло") и, удаляясь отъ средины рѣки къ противоположнымъ берегамъ, тихо слѣдуютъ у концовъ закинутой ими сѣти, образующей длинную дугу, обращенную кзаду. Проплывъ саженей 150—200, рыбаки на ходу лодокъ поднимаютъ сѣть на желобокъ („стябло"), съ котораго стекаетъ вода долой, не попадая въ лодку. Такъ какъ рыбакъ одной рукой правитъ лодкой, а другой рукой поднимаетъ сѣть, приближаясь къ срединѣ ея, то сѣть сначала укладывается рыбаками какъ-попало и попавшая въ нее рыба остается не выбранною; съ поднятою сѣтью рыбаки бокъ-о-бокъ подъѣзжаютъ къ берегу и здѣсь перебираютъ сѣть въ лодкѣ или на берегу и укладываютъ ее съ концовъ въ небольшія складки, при чемъ вынимается и рыба. Послѣ этого рыбаки отъѣзжаютъ и вновь забрасываютъ сѣть.

Ловля сѣтью въ стоячей водѣ прудовъ и озеръ производится нѣсколько иначе. Если берегъ отлогій и дно безъ колодъ и корчей,

то сѣть забрасываютъ рыбаки на небольшомъ разстояніи отъ берега, причемъ бечевками, привязанными къ поперечнымъ палкамъ у концовъ сѣтки („дѣдамъ“), вытаскиваютъ сѣть на берегъ, какъ неводъ. Если же дно не чисто, а по пруду или озеру встрѣчаются кусты и трава, такъ же какъ и у береговъ, то закидываніе сѣти на выбранныхъ болѣе чистыхъ мѣстахъ производится кольцеобразно, при чемъ рыбаки иногда обкидываютъ большія колоды, корчи и кусты, а затѣмъ тонкимъ длиннымъ шестомъ—„бовтоломъ“, тыча въ нихъ съ разныхъ сторонъ и ударяя по водѣ, загоняютъ рыбу въ сѣть. Въ такомъ случаѣ попадаетъ такой сортиментъ рыбы, который держится у дна илистыхъ и засоренныхъ водъ, напр. окунь, линь и карась. Ловъ производится преимущественно почти въ тихое теплое лѣтнее время.

Устройство *невода* общеизвѣстно. Невода различаются только своими размѣрами. На неширокихъ рѣкахъ и небольшихъ озерахъ употребляется неводъ поменьше, имѣющій крылья вмѣстѣ съ кормой отъ 30 до 50 саж. длины; отъ 50 до 100 саж. неводъ средній, которымъ ловятъ въ большихъ водахъ. Самый большой неводъ достигаетъ 300 саж. длины, но такіе невода здѣсь не употребляются по отсутствію крупныхъ озеръ. Небольшихъ размѣровъ неводъ, около 20 саж. длины, называется „подневодокъ“. Для поплавковъ у невода служатъ, кромѣ берестовыхъ трубочекъ и кусковъ коры, также бычачьи пузыри. Невода малыхъ размѣровъ изготовляются самими рыболовами, сельскими жителями; невода большихъ размѣровъ пріобрѣтаются покупкою въ Витебской и Псковской губ., гдѣ много озеръ. Забрасываніе невода, если онъ не великъ, дѣлается съ двухъ малыхъ челновъ двумя или четырьмя рыбаками; если же неводъ большой, то забрасываютъ его съ одной лодки или обшиванки, въ которой помѣщается отъ семи и болѣе рабочихъ. Вытаскивается неводъ на отлогій берегъ за оба крыла, сначала при помощи веревокъ, привязанныхъ къ крыльямъ невода, а затѣмъ и непосредственно за крылья съ кормы. Въ неводъ попадаетъ рыба всѣхъ породъ и разныхъ размѣровъ, а также сомы и довольно рѣдко теперь встрѣчающіеся осетры и стерляди.

Особенность представляетъ зимняя ловля неводомъ, что бываетъ на большихъ озерахъ и рѣкахъ, и производится цѣлыми артелями человѣкъ въ 30, нанятыхъ рыбопромышленниками, или ловящихъ съ хозяевами и арендаторами озеръ исполъно. Чтобы сдѣлать тоню, ледъ прорубается такъ, что первая большая прорубь дѣлается вдали отъ берега, на такомъ разстояніи, какого достигаетъ неводъ съ привязаннымъ къ нему канатомъ. Отъ этой большой проруби въ сажень и болѣе въ квадратѣ идутъ малыя проруби въ два ряда, расходясь постепенно въ стороны, затѣмъ онѣ снова сближаются и сходятся у одной, такой же большой, какъ и первая. Разстояніе между двумя

сосѣдними прорубями около 10 арш. Къ концамъ канатовъ привязываютъ такой же длины шесты. Неводъ, подвезенный на саняхъ къ первой проруби и сложенный на ледъ, затягивается подъ ледъ при помощи шестовъ, которые подо льдомъ направляются рабочими такъ, что передній конецъ шеста выходитъ къ сосѣдней малой проруби, если же онъ не сразу попадаетъ въ эту послѣднюю прорубь, то рабочій, стоящій у этой проруби, при помощи деревяннаго крючка или вилокъ захватываетъ его и руками подвигаетъ шестъ къ слѣдующей проруби. Такъ, переходя изъ проруби въ прорубь, шесты съ канатами, наконецъ, выходятъ къ большой проруби, назначенной для вытаскиванія невода. У этой послѣдней собирается большое число рабочихъ или ставится нѣсколько лошадей для вытаскиванія невода, который обоими крыльями медленно подтягивается, пока не будетъ вынутъ весь на ледъ. Въ зимній ловъ въ неводъ попадаетъ преимущественно лещъ.

Въ то время, когда ледъ еще тонокъ и прозраченъ, подростки ходятъ бить или „глушить“ рыбу обухомъ топора или палкой съ толстымъ концомъ—„довбавѐшкой“, ударяя ими въ то мѣсто льда, гдѣ подъ нимъ высмотрѣна рыба, затѣмъ разламываютъ ледъ и достаютъ заглушенную рыбу, чаще всего щуку. Но такая охота на рыбу обыкновенно бываетъ незначительна, продолжаясь короткое время при наступленіи заморозковъ. Багренье рыбы здѣсь не въ ходу кромѣ вышеописанной охоты съ острогою—„остями“.

Отравленіе рыбы производится чаще плотовщиками во время гонки плотовъ по рѣкѣ и нѣкоторыми другими людьми, не занимающимися рыбной ловлей, какъ промысломъ. Настоящими рыболовами этотъ способъ добыванія рыбы не практикуется и даже преслѣдуется. Самымъ обыкновеннымъ веществомъ для усыпленія рыбы служитъ кукельванъ, называемый просто „кульванъ“. Онъ задается завареннымъ въ пшенной или гречневой кашѣ, или въ толченомъ видѣ въ хлѣбномъ мякишѣ. На такую отраву идутъ слѣдующія породы рыбъ: лещъ, устера, язь, головель, или по мѣстному головень, плотва и прочая не хищная рыба текучихъ водъ. Другихъ ядовъ здѣсь не употребляютъ.

Для храненія рыбы, пойманной вдали отъ мѣстъ хорошаго сбыта, рыболовы устраиваютъ сѣтки, куда опускаютъ рыбу, которая можетъ быть доставлена живою, такъ какъ сѣтка все время находится въ водѣ будучи привязана къ лодкѣ. Въ большихъ лодкахъ, съ которыхъ ловятъ рыбу неводомъ, поближе къ кормѣ, двумя досчатыми перегородками отдѣляется часть лодки, въ которую кладутъ пойманную рыбу и напускаютъ сюда воды чрезъ отверстіе въ днѣ лодки. Доставленная къ мѣсту сбыта, напр. къ городу, рыба пересаживается въ садки, т. е. деревянные ящики, стоящіе у берега въ водѣ, въ ко-

торые свободно проходитъ вода чрезъ имѣющіяся въ нихъ щели. Садки запираются на замокъ.

Старые рыболовы, отправляясь на ловлю, придерживаются нѣкоторыхъ примѣтъ; такъ, напримѣръ, они не берутъ къ себѣ въ лодку никого, чтобы подвезти или перевезти на другой берегъ, если бы кто-либо даже усиленно просилъ объ этомъ. Рыбакъ не увѣренъ въ томъ, „счастливъ“ ли проситель и можетъ ли онъ доставить ему удачу. Затѣмъ, рыболовъ, идущій на рыбу, старается избѣжать встрѣчи съ кѣмъ-либо съ пустыми руками, а наоборотъ, считаетъ за хорошій знакъ встрѣчу съ чѣмъ-либо полнымъ: ведрами воды, возомъ дровъ, охапкой сѣна и т. п.

IX.

Способъ разведенія пчелъ былъ въ этомъ лѣсномъ краю преимущественно бортевой. Въ лѣсу „земцы“ (т. е. пчеловоды) выбирали толстыя деревья, по большей части сосны и ели, и въ самомъ деревѣ на значительной высотѣ выдалбливали помѣщеніе для пчелъ, въ видѣ тѣхъ, которыя имѣются въ нынѣшнихъ колодныхъ ульяхъ, съ двумя дощечками—внутренней толстой (втулкой) и наружной тонкой, но болѣе длинной. Сбоку продѣлывалось окошечко—„летокъ“. Такихъ помѣщеній въ одномъ деревѣ было нѣсколько. Отъ медвѣдей на высотѣ двухъ саженей, или около этого, устраивался „подкуръ“ или „корвать“, съ острыми еловыми колышками, посаженными часто въ видѣ шпилекъ. Съ такимъ устройствомъ дерево также носило названіе бортей. Пчелы въ такія борти садились сами и ухода за собою почти не требовали, какъ и дикія пчелы, жившія въ дуплахъ деревьевъ. Пчеловоду оставалось только взять у пчелъ въ концѣ лѣта часть собраннаго меда, а ранней весной „помести“: т. е. подчистить пчелъ. И въ настоящее время лѣсное пчеловодство напоминаетъ собою старинное по способу ухода за пчелами. Лѣтъ 60—70 тому назадъ стали дѣлать вмѣсто бортей ульи—колоды, но ставятъ ихъ попрежнему на большихъ деревьяхъ—дубахъ, соснахъ и еляхъ, по нѣсколько штукъ на одномъ деревѣ. Устанавливаются они на спицахъ, вбитыхъ въ дерево; устраивается также и „подкуръ“.

Чтобы поднять съ земли колодный улей, у земцевъ есть снасть, называемая „линя“. Одинъ конецъ лини завязывается за улей, а другой перекидывается черезъ „трубку катка“ (колеса) установленнаго выше мѣста, предназначеннаго для установки встаскиваемаго улья. Въ этомъ случаѣ катокъ замѣняетъ воротъ. Земецъ, становясь на рѣдкія спицы колеса поварачиваетъ его на толстой палкѣ оси, а руками натягиваетъ и подбираетъ свободный конецъ веревки, отчего улей постепенно поднимается. Подтянутый до мѣста установки, улей прикрѣпляется къ дереву. Для лазанья по стволу дерева, у котораго нѣтъ подкура, употребляется еще иная снасть—„плеть“. Она довольно

длинна, не менѣе 10 саж. и плетется изъ тонкихъ веревокъ на подобіе плетеныхъ возжей. Къ одному концу плети подвязывается на особой веревочкѣ небольшая доска для сидѣнья во время работъ на деревѣ. Плеть перекидывается на высотѣ дерева черезъ простой блокъ (иногда безъ колесца), особо укрѣпленный за сукъ дерева, повыше ульевъ. Чтобы на деревѣ затянуть, т. е. укрѣпить плеть, для этого земцу необходимо сначала взобраться ранѣе самому и тащить за собою плеть. Земецъ поступаетъ такъ: уложивъ подъ деревомъ довольно тяжелую плеть съ сидѣньемъ и блокомъ, онъ беретъ свободный конецъ плети и, сложивъ вдвое, одной рукой обкидываетъ стволъ дерева, а другой захватываетъ его и въ петлю продѣваетъ часть плети, образуя новую петлю, на которую становится ногой. Поднявшись отъ земли и придерживаясь одной рукой за стволъ дерева, дѣлаетъ вторую петлю, на которую переноситъ другую свободную ногу, затѣмъ третью петлю и т. д.,—до тѣхъ поръ, пока доберется до первыхъ сучьевъ дерева, по которымъ онъ взбирается уже безъ помощи „плети". Плеть онъ тащитъ за собою, чтобы подвѣсить ее повыше на блокъ, какъ уже сказано. Перекинувъ плеть черезъ блокъ, онъ спускается на одномъ концѣ съ сидѣньемъ внизъ къ ульямъ, другой конецъ, удерживаемый въ рукахъ, онъ закрѣпляетъ узломъ, чтобы не оборваться долой. Взбираться на дерево, на которомъ есть „подкуръ", легче: для этого ставится суковатая еловая подставка „стремя", по которой и взбираются на подкуръ.

Въ колодахъ съ пчелами весною дѣлается подчистка, подрѣзка заплѣсневѣлыхъ сотовъ, вырѣзка негодной суши, очистка лежащихъ „на пятѣ" (низъ) мертвыхъ пчелъ, и въ концѣ лѣта, въ августѣ, „подсмотръ пчелъ", т. е. вырѣзка меда и заготовленіе ульевъ на зиму, плотная пригонка входовъ и конопатка щелей. Прежде не наблюдалось за пчелами во время роенія, рои уходили и садились на любимыхъ мѣстахъ, часто въ чужіе ульи, такъ какъ трудно было услѣдить за пчелами, которыя находились на деревьяхъ, удаленныхъ другъ отъ друга часто на значительное разстояніе. Пустыя колоды на деревьяхъ подготовляются весною также очисткой и „занавживаніемъ", т. е. подстановкой вверху улья, „въ головѣ", кусковъ „суши", а иногда для приданія улью пріятнаго, привлекающаго рой, запаха, пустой улей вспрыскивается особымъ медовымъ отваромъ, называемымъ „напорскомъ". На языкѣ пчеловодовъ-земцевъ это дѣйствіе носитъ названіе „подкукать", т. е. привести въ надлежащій видъ улей. Въ такіе ульи охотнѣе садятся рои.

Съ уничтоженіемъ большихъ деревьевъ, кое-гдѣ называемыхъ „стойлами", и съ постепеннымъ паденіемъ пчеловодства, пчеловоды-земцы стали свозить ульи въ одно мѣсто, поближе къ своему жилищу, чтобы надзоръ за пчелами былъ болѣе доступнымъ и чтобы не уходили рои. Такимъ образомъ появились пасѣки.

Если вблизи селенія находится лѣсъ или хотя бы заросли, то мѣсто для пасѣки избирается въ лѣсной опушкѣ или среди зарослей, и небольшое пространство въ $^1/_4$ или даже $^1/_8$ часть десятины нѣсколько расчищается, съ оставленіемъ посреди его нѣкотораго числа небольшихъ деревьевъ—березъ, дубовъ, рябинъ, липъ и проч., и огораживается жердьевой изгородью—„прясломъ". Ульи устанавливаются подъ оставленными деревьями въ стоячемъ или лежачемъ положеніи („стояки и лежаки"); ставится маленькая изба, или просто курень или будка, для храненія пчеловодныхъ принадлежностей, и пасѣка готова. За невозможностью подыскать подходящее мѣсто для пасѣки, ульи стали помѣщать въ садикахъ и огородахъ возлѣ двора или гумна, и уходъ за пчелами еще болѣе облегчился, требуя присутствія и надзора за пчелами главнымъ образомъ только въ роевую пору, которая здѣсь продолжается съ половины мая по августъ.

Колода-улей имѣетъ около 2 арш. длины и произвольную толщину; толстые объемистые ульи считаются лучшими. Улей устраивается при помощи пилы, топора и большого долота на палкѣ, называемаго „пѣшней". Это необходимое орудіе для долбленія улья. Съ одной стороны отрѣзанной для улья колоды продѣлывается четыреугольное продолговатое отверстіе, вершка въ два ширины и около 14 верш. длины. Чрезъ это отверстіе, служащее дверкой въ ульѣ, выдалбливается внутренность улья цилиндрической формы съ косо спускающимся во внутрь основаніемъ—„пятбю" и верхомъ—„головою" улья. Это улей „косякъ". Но многіе верхъ улья продалбливаютъ насквозь, заложивъ его круглой дощечкой; получается улей „сквознякъ". Сбоку улья продѣлывается летокъ, небольшое треугольное отверстіе, проходящее въ голову улья, и прикрытое дощечкой, такъ что остается только небольшая щель для вылета пчелъ. Дверь улья прикрывается одной толстой втулкой, и другой потоньше, но шире и длиннѣе первой; для удержанія ихъ вбиваются деревянные колышки. Въ голову улья вставляются двѣ палочки—„снозы", для укрѣпленія гнѣзда пчелъ; вмѣсто палочекъ иные вставляютъ „грѣнку"—дощечку, втыкаемую въ потолокъ улья, поперекъ которой воткнуты три тонкихъ палочки. Какъ уже сказано, на пасѣкѣ ульи ставятся стояками или въ наклонномъ положеніи—лежаками.

Обыкновенно за пчелами ухаживаетъ одинъ изъ старѣйшихъ членовъ семьи и свою нажитую долгими годами опытность сохраняетъ въ тайнѣ. Нерѣдко про старыхъ земцевъ пчеловодовъ, нажившихъ значительныя пасѣки, колодъ въ 50—100, ходятъ въ народѣ различные суевѣрные разсказы, выставляющіе ихъ знахарями, обладающими особыми знаніями по отношенію къ пчеловодству. Напримѣръ, говорятъ, что иному такому земцу достаточно захотѣть напустить своихъ пчелъ на пасѣку сосѣда, и въ короткое время пчелы послѣдняго будутъ уничтожены; по желанію, нѣсколькими таин-

ственными словами, можетъ онъ переселить пчелъ изъ чужой пасѣки въ свою и т. под.

Такъ какъ страшная болѣзнь пчелъ, гнилецъ, существующая съ давнихъ поръ, въ послѣднія десятилѣтія особенно усилилась и произвела въ обширныхъ раіонахъ почти полное опустошеніе пасѣкъ, и пчеловоды естественно искали и ищутъ средствъ борьбы съ этимъ бичемъ пчелъ, радикальныхъ же средствъ противъ гнильца и понынѣ они не знаютъ, то болѣе счастливые пчеловоды, у которыхъ сохранились еще кое-какія пасѣки, пользуются извѣстностью знахарей и до настоящаго времени. Имъ извѣстны какія-то травы и въ томъ числѣ мелисса, или маточная трава, употребляемая противъ гнильца въ видѣ окуриванія пчелъ, или въ отварахъ и въ прибавленіяхъ къ „напорску", возстановляющихъ благополучіе гнильцовыхъ пчелъ. Пчеловоды входятъ въ большую дружбу съ такимъ знахаремъ-пчеловодомъ, чтобы узнать отъ него эти травы. Многіе пчелиную матку считаютъ виновницей возникающаго гнильца и совѣтуютъ для прекращенія его найти въ ульѣ мертвую матку, засушить ее, и растертую въ порошокъ дать пчеламъ вмѣстѣ съ кормомъ. То же дѣлаютъ съ черною змѣей, пойманной въ праздникъ Благовѣщенія. Иные для усмиренія пчелъ опрыскиваютъ ихъ освященной на Пасху солью. Покровителемъ пчелъ считаютъ св. Зосиму и вѣрятъ въ существованіе какого то особаго пчелинаго бога.

Принадлежности пасѣчниковъ немногочисленны и просты по своему устройству: роевня, для собиранія сметавшагося роя, представляетъ обыкновенную лубку, у которой дно вмѣсто луба подшито рѣдкимъ холстомъ или ситкомъ изъ-подъ рѣшета; самодѣльное ситце для одѣванія на голову, чтобы предохранить себя отъ пчелъ—также лубочка, только меньшихъ размѣровъ, дно которой подшито „рѣдиной" или проволочной сѣткой; одѣвается она на переднюю часть лица; обыкновенная ложка или сдѣланная изъ бересты—для сгребанія роя; деревянная клѣтка—маточникъ; ведро, вѣничекъ или перо для опрыскиванія пчелъ передъ началомъ работъ въ ульѣ съ пчелами или сидящаго роя; ножъ, въ видѣ удлиненной лопатки, и кадушка или липовка для храненія меда.

X.

Разведеніе скота въ этомъ раіонѣ не составляетъ отдѣльной отрасли хозяйства: этому препятствуетъ какъ недостатокъ луговъ и скудость пастбищъ, такъ и общая бѣдность населенія. Скотъ держатъ въ такомъ количествѣ, чтобы только удовлетворить свои хозяйственныя потребности, предъявляемыя къ скоту, который почти повсемѣстно простой мѣстной породы, плохо развитъ, мало продуктивенъ, и отличается двумя положительными качествами—выносливостью и нетребовательностью.

Лошадь рѣдко достигаетъ 2 арш. высоты и сложеніе ея недостаточно красивое: формы тѣла угловатыя, шея длинная съ повисшей большой головой, ноги короткія, тѣло покрыто жидкою шерстью. Обыкновенная крестьянская лошадь довольно слабосильна—тяжесть въ 20—25 пудовъ составляетъ для нея полную кладь; можетъ ходить только подъ сохою и легкимъ плугомъ. Большую часть года лошадь довольствуется подножнымъ кормомъ, часто на довольно скудныхъ весеннихъ и лѣтнихъ пастбищахъ; зимою дается ей сѣно луговое или болотное, овесъ же она получаетъ только при усиленной работѣ, во время возки лѣса на пристани или во время извоза, когда отъ тяжелой работы она сильно тощаетъ. Хозяинъ со среднимъ достаткомъ держитъ 2—3 лошадей, состоятельные до пяти, а бѣдняки, какихъ немало, чаще одну только лошадь. Безлошадныхъ хозяевъ здѣсь нѣтъ. Кобылицъ впрягаютъ въ возъ, работаютъ и на жеребыхъ, отчего жеребята отъ нихъ худы, слабы и плохо развиваются. Такъ какъ на ожеребившейся кобылѣ тоже скоро начинаютъ опять работать, то истощаемая работой, при плохомъ подножномъ кормѣ, мать не можетъ достаточно кормить жеребенка и онъ уже на второмъ—третьемъ мѣсяцѣ пріучается щипать траву, таскаясь вслѣдъ за матерью во время пахоты или жнива и сѣнокосной работы. Осенью, и не позже 6 декабря, его уже отнимаютъ отъ матери, ставя отдѣльно въ хлѣву. Если же и на второмъ году жеребенокъ не оставитъ привычки сосать мать, то ему надѣваютъ намордникъ съ желѣзными шипами, отчего кормилица кобыла сама отбиваетъ своего жеребенка. Большую часть лѣта жеребенокъ не можетъ вылинять, оставаясь въ старой лохматой шерсти. Жеребята все время до полнаго развитія, которое наступаетъ у нихъ только на 4 или 5 году, ходятъ въ одномъ табунѣ съ лошадьми, и на ночлегахъ ихъ привязываютъ „на приколъ" ближе къ теплу (огню), на которомъ они остаются до разсвѣта; кобыла въ такомъ случаѣ не уходитъ далеко. Это необходимо, чтобы уберечь жеребенка отъ волковъ. Жеребчики, еще не вполнѣ развившіеся, уже покрываютъ кобылъ на третьемъ или четвертомъ году. Осенью такого возраста жеребчиковъ „легчаютъ", кастрируютъ. Эту операцію всегда дѣлаютъ пришлые коновалы—великоруссы, главнымъ образомъ калужане. Съ своими нехитрыми принадлежностями черезъ плечо на ремнѣ и въ кожаной сумкѣ, а именно: ножикомъ, деревянными небольшими тисками и порошкомъ сулемы, коновалъ обходитъ деревню, справляясь, нѣтъ ли у кого жеребца, котораго нужно легчать. Найдя такого, онъ увѣряетъ хозяина, что его рука легкая; если онъ еще здѣсь незнакомъ, то готовъ положить 25 руб. залогу за благополучный исходъ операціи. Жеребца валятъ на землю, и коновалъ своимъ острымъ ножичкомъ, зажавъ мошонку повыше шулятъ въ „щемлетки" (тиски), быстро вспарываетъ и выбрасываетъ шулята, которыя велитъ зарыть въ землю въ хлѣву, гдѣ не ходятъ люди, а рану при-

сыпаетъ сулемой, послѣ чего жеребца освобождаютъ. Коновалъ получаетъ рубль за свой трудъ, угощеніе водкой и яичницей, и кусокъ холста—вытереть руки послѣ работы.

Молодыхъ лошадей не выѣзжаютъ, а впрягаютъ сначала въ борону, а затѣмъ въ телѣгу, послѣ чего скоро начинаютъ исполнять на нихъ и всякую другую работу.

Корова въ крестьянскомъ быту пользуется еще меньшимъ уходомъ, чѣмъ лошадь, отчего она такая невзрачная по виду и росту, что породу здѣшней коровы именуютъ въ насмѣшку „тасканской". Зимою она стоитъ на яровой соломѣ и только у нѣкоторыхъ хозяевъ ей дается „струшенка", т. е. къ соломѣ ржаной или ячной примѣшивается часть сѣна или по временамъ выдается опаренная мякина, или опара. Пойло изъ распареннаго картофеля даютъ коровѣ на первой недѣлѣ послѣ отелу. На весну коровы сильно тощаютъ, такъ что слабѣйшія изъ нихъ падаютъ на ноги и должны оставаться нѣкоторое время дома, когда пастухъ начинаетъ выгонять уже въ поле. Если же ихъ все-таки выгонятъ въ поле, онѣ отстаютъ отъ пастуха, падаютъ на землю и лежатъ, чѣмъ причиняютъ немало хлопотъ пастуху. Выгонять въ поле начинаютъ какъ только стаетъ снѣгъ (около 25 марта), когда въ полѣ еще нѣтъ новой травы. Отсюда коровы, по мѣстному замѣчанію, еще болѣе ослабѣваютъ. Только къ 23 апрѣля, т. е. къ Юрьеву дню, зелень появляется въ лѣсу и въ полѣ, къ этому же времени освобождаются изъ-подъ воды поемные луга, и скотъ съ этого времени получаетъ возможность „собраться" въ полѣ, лѣсу или на лугу, т. е. поѣсть досыта. Съ этого времени коровы начинаютъ понемногу поправляться, у дойныхъ коровъ прибываетъ молоко, и достигаетъ полнаго удоя къ половинѣ мая. Во многихъ мѣстахъ при недостачѣ лѣсныхъ пространствъ и запрещеніи пастьбы скота на лугахъ, съ 9 мая для скота опять наступаетъ тяжелое время, тѣмъ болѣе, что и „паренина", т. е. паровое поле, служившее мѣстомъ главнаго выпаса скота, въ началѣ іюня поднимается подъ озимый хлѣбъ. Эта „измора скота" продолжается до тѣхъ поръ, пока не наступитъ жниво и сѣнокосъ, освобождающіе значительныя пространства подъ выпасъ скота, такъ что вторая половина лѣта и осень представляютъ здѣсь лучшее время года въ отношеніи пастбищъ.

Отъ плохого скота получается и мелкій приплодъ. Телята двухъ недѣль бываютъ ростомъ не болѣе средней собаки и вѣсятъ фунтовъ тридцать, рѣдко болѣе. Первое время теленокъ, оставленный на плодъ, сосетъ свою мать недѣль до шести, послѣ чего теленка начинаютъ поить пойломъ изъ овсяной муки съ частью молока, а черезъ мѣсяцъ и безъ молока. На третьемъ мѣсяцѣ теленку даютъ уже траву или выпускаютъ на пашу. На второмъ году телята идутъ въ стадо и особымъ уходомъ уже не пользуются. На третьемъ или четвертомъ году бычки въ стадѣ накрываютъ уже коровъ и телятъ трехъ-четы-

рехъ-лѣтняго возраста. За рѣдкими исключеніями бычковъ не кастрируютъ по причинѣ ихъ малаго роста и неразвитости. Поэтому волы встрѣчаются какъ исключеніе.

Овецъ разводятъ здѣсь мѣстной породы и въ ограниченномъ количествѣ, главнымъ образомъ для полученія шерсти на домашнее сукно, на нитки для плетенья поясовъ и нѣкоторыя простѣйшія ткани въ краскахъ на женскія одежды, также для валянья войлоковъ на хомуты (лямцевъ) и изрѣдка валенокъ и шапокъ. Хозяйства, имѣющія болѣе десятка овецъ, рѣдки; встрѣчаются дворы, не держащіе вовсе овецъ. Зимой овцы „стоятъ на сѣнѣ", т. е. пользуются кормомъ только изъ сѣна, такъ какъ ни соломы, ни другого какого корма ѣсть не станутъ. Новорожденныхъ овецъ въ холодное зимнее время берутъ въ теплое помѣщеніе, въ избу, гдѣ живутъ и сами хозяева. Стригутъ овецъ два раза въ годъ: весною и лѣтомъ. Барановъ и старыхъ овецъ хозяева осенью рѣжутъ на мясо и овчины.

Пастухи на крупный и мелкій скотъ (послѣдній—овцы и свиньи) въ деревнѣ договариваются наичаще на масленой недѣлѣ въ четвергъ. Договоръ этотъ словесный, установленный обычаемъ, съ малыми различіями для разныхъ мѣстностей. Плата пастуху отдается по осени, съ окончаніемъ пастьбы, и состоитъ почти вездѣ изъ зерноваго озимаго и яровото хлѣба, даваемаго отъ штуки скота той или другой мѣстною мѣрой, напр десятовкой, вмѣсто четверика, и гарнцемъ. Кромѣ того въ теченіе весны и лѣта пастуху даютъ такъ называемую „лусту", состоящую изъ булки хлѣба, куска сала, пары яицъ, блиновъ въ извѣстные дни. Вообще же пастуху даютъ „выгонное", на Юрья (23 апрѣля), на Духовъ день, въ день Петра; въ послѣдній день даютъ сыръ и масло. Нанимаются въ пастухи не только безземельные бобыли, но и хозяева, у которыхъ достаточно въ семьѣ подростковъ; при нѣсколькихъ пастухахъ, скотъ крупный и мелкій пасутъ поочередно: одинъ день одна смѣна пасетъ крупный скотъ, а другой день—мелкій. Каждый пастухъ имѣетъ свой дворъ, нерѣдко и достаточное крестьянское хозяйство. Вызываетъ коровъ посредствомъ своей пастушьей трубы, которая дѣлается чаще изъ дерева и обматывается берестой или бечевкой; но въ пригородныхъ мѣстностяхъ попадаются и жестяныя трубы и рожки. У каждаго пастуха имѣется длинная пастушья „пу́га" (кнутъ). Отгонъ скота, и только коровъ, дѣлается въ рѣдкихъ случаяхъ, а именно, когда вдали имѣется хорошая паша, напримѣръ, на заливныхъ лугахъ по спадѣ водъ весною и лѣтомъ, по уборкѣ сѣна, и въ случаяхъ эпидемій, требующихъ разобщенія больныхъ отъ здоровыхъ головъ. Въ такомъ случаѣ гдѣ нибудь въ лѣсу устраивается временная „загорода" для ночлега скота и курень для пастуховъ.

Чтобы приманить или отогнать извѣстное животное, употребляются слѣдующія междометія:

Лошадей манятъ: кось-кось-кось-кось! Васька! Мишка! Бурчикъ! Жеребятъ: тпрулюська-тпрулюська! Косюлька! Останавливаютъ: тпру! шш! Погоняютъ: но! пошовъ!

Коровъ манятъ: тпруська, тпруська! Тялухъ, тялухъ! Буронька! Красута! Лысонька! Отгоняютъ: пошла въ поле! Ксыль у поле!

Овецъ манятъ: вулька, вулька! Вуль-вуль-вуль! Бэрка-бэрка! Быръ-быръ-быръ! Отгоняютъ: а шкиръ у поле! Шкира-шкира!

Козъ манятъ: кзы-кзы-кзы! Отгоняютъ: а кизь! а кизь!

Свиней манятъ: тё-тё-тё! Чушка, Чушка! Чухъ-чухъ-чухъ! Рабка! Поросятъ манятъ чмоканьемъ, подражающимъ ихъ ѣдѣ. Отгоняютъ: а юсъ, а юсъ! А выцъ! Южнѣе: алѝ!

Волковъ отгонятъ: а га ту! ту! ту!

Собакъ манятъ: на-на-на: нá хлѣба, нá! Отгоняютъ: пошовъ вонъ!

Кошекъ манятъ: кцы-кцы-кцы! кицъ-кицъ! Отгоняютъ: а псикъ! Брысь!

Гусей манятъ: те-те-те! Отгоняютъ: гыля! гыля!

Утокъ манятъ: вуть-вуть-вуть! Отгоняютъ: а-вуть!

Куръ манятъ: типъ-типъ-типъ! Цыпъ-цыпъ! Сѣдочка-сѣдочка! Цыплятъ: пыль-пыль-пыль! Отгоняютъ: кышъ!

Индюковъ манятъ: куръ-куръ-куръ! Отгоняютъ: а кышъ! А шишъ!

Голубей манятъ: вуль-вуль-вуль! Отгоняютъ: шишъ! шуги!

Журавлей манятъ: журка-журка-журка! Журъ-журъ-журъ!

XI.

Сѣно косятъ въ данной мѣстности на заливныхъ лугахъ, болотныхъ мѣстахъ и на такъ называемыхъ „логахъ“, т. е. низинахъ, рвахъ, лежащихъ въ полевыхъ мѣстахъ. Сѣнокошеніе на этихъ видахъ сѣножатей не имѣетъ существенныхъ отличій. Болотами съ рѣдкою травою часто пользуются, по желанію, только нѣкоторые члены общества, на заливныхъ же лугахъ и логахъ каждый хозяинъ имѣетъ опредѣленныя, разъ выдѣленныя ему, полосы, или „дачи“. При помощи небольшихъ ямокъ и вбитыхъ колышковъ по концамъ „дачъ“ каждый хозяинъ находитъ свою дачу всякій разъ, какъ ему приходится ее косить, причемъ не мало облегчаетъ пріисканіе и то обстоятельство, что косить принимаются въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ или цѣлымъ селеніемъ, или по крайней мѣрѣ ближайшіе сосѣди группами. По длинѣ дачъ ставятъ три точки или вѣхи и по нимъ, идя съ одной точки на другую, „отбредаютъ“ межи двухъ рядомъ лежащихъ дачъ. Косы, употребляемыя здѣсь, привозятся изъ Псковской губерніи, а также изъ Ново-Вилейска, Виленской губ. По формѣ онѣ скорѣе литовки, но не горбуши. Укрѣпляется коса пяткою къ концу „косовья“ желѣзнымъ кольцомъ, надѣваемымъ такъ, что оно прижимаетъ пятку косы къ палкѣ, причемъ сверху вбивается еще клинокъ. Почти по срединѣ косовья имѣется небольшая, круто за-

гнутая и связанная веревочкой, дужка, называемая „лучкомъ"; къ лучку привязывается лопаточка; за лучекъ держитъ косецъ косу правой рукой, тогда какъ лѣвая рука поддерживаетъ конецъ косовища.

Для отбиванія косы необходимы молотокъ со стальнымъ носкомъ и маленькая наковальня, называемая „бабкой". Положивъ косу плашмя на бабку, косецъ ударами молотка по лезвію „оттачиваетъ жало" косы, подвигая ее отъ пятки къ носку. Во время работы, коса натачивается обыкновеннымъ точильникомъ брускомъ. Кромѣ того, во время прохожденія покоса, послѣ нѣсколькихъ взмаховъ косою, она направляется или „трепыщется" тонкой деревянной лопаточкой, натертой пескомъ и называемой „трепышкой".

При помощи грабель и вилъ покосы ворошатся („ворочаются") и подсушиваются, а затѣмъ сгребаются въ копны. Изъ копнъ сѣно перевозится на возахъ домой или идетъ въ стога. Стога по величинѣ бываютъ весьма различные: отъ 2—3 возовъ до 20. Копны стягиваются при помощи веревки, затянутой подъ основаніе, и устанавливаются вокругъ мѣста предполагаемаго стога.

На ровномъ возвышенномъ мѣстѣ, выбранномъ для постановки стога, вертикально ставится длинная прочная жердь „стожаръ"; вокругъ стожара вбиваются небольшіе колышки-„палики", такъ что діаметръ окружности, образуемой паликами, бываетъ равенъ величинѣ стога. Обыкновенно онъ бываетъ около сажени. Между стожаромъ и паликами земля устилается хворостомъ или соломой и затѣмъ начинается укладка сѣна и утаптываніе его ногами, для чего долженъ быть отдѣльный человѣкъ, принимающій и укладывающій подаваемое изъ копенъ сѣно. Стоящій на стогу наблюдаетъ, чтобы сѣно укладывалось ровно и плотно, какъ на серединѣ, такъ и по краямъ стога, и притомъ такъ, чтобы отъ основанія ширина стога все увеличивалась, а съ половины предполагаемой высоты она начинаетъ замѣтно уменьшаться, пока не закончится вершиной у стожара, на которой едва только можно стоять. Наконецъ, кладется на крестъ двѣ пары связанныхъ хворостинъ и этимъ стогъ заканчиваютъ.

Если стогъ нужно сметать на низкомъ лугу—„ольсѣ", то, чтобы стогъ не былъ залитъ водою, прибывающею отъ сильныхъ дождей, его ставятъ на плетняхъ или столбикахъ, аршина въ два и болѣе отъ земли; такъ же поступаютъ и тогда, когда ставится стожокъ на мокромъ болотѣ. Отъ потравъ стога загораживаются плетнемъ или „прясломъ" въ двѣ или три жердины.

Къ описанному слѣдуетъ прибавить, что измѣреній луга, кромѣ принятаго землемѣрнаго, сами крестьяне не дѣлаютъ, такъ какъ передѣлы луга, какъ и вообще земли, дѣлаются здѣсь очень рѣдко. Одними и тѣми же „дачами" пользуются десятки лѣтъ.

Травосѣяніе практикуется въ данной мѣстности только отдѣльными хозяевами и не повсемѣстно. Изъ травъ, высѣваемыхъ хозяе-

вами, наиболѣе извѣстны: клеверъ и вика, съ тимофеевой травой. Клеверъ высѣвается по озимому полю ранней весной, и поле на второй и третій годъ оставляется подъ клеверомъ, который даетъ во второе лѣто два укоса, на третье—одинъ.

Вика съ тимофеевкой или овсомъ вмѣсто тимофеевки высѣвается, какъ и всякое яровое, въ апрѣлѣ или началѣ мая. Даетъ одинъ укосъ въ то же лѣто.

Способъ уборки этихъ травъ тотъ же, что и для сѣна, только для ускоренія просушки, въ особенности при частыхъ дождливыхъ дняхъ, ставятся „стривья“ или еловые суковатые козлы, на которые накладывается клеверъ или вика. Часть скошеннаго клевера и вики обмолачивается на гумнѣ въ неподсушенномъ видѣ „на евнѣ“ и оставляется на сѣмена.

Тимофеевка, имѣющая соломистый стебель, сжинается серпами и перевязанная въ снопики, также обмолачивается на сѣмена. На кормъ же и тимофеевку косятъ вмѣстѣ съ другими травами.

XII.

Для ручной обработки земли въ каждомъ хозяйствѣ имѣются слѣдующія орудія: заступъ или лопата, мотыка или копаница, вилы для накладыванія навоза и разбивки его на полѣ и грабли—тѣ же, которыми сгребаютъ сѣно.

Хотя заступъ и лопата въ общемъ сходны, но здѣсь дѣлаютъ такое различіе: у заступа деревянная часть оканчивается плоской лопатой, на которую насаженъ широкій подковообразный наконечникъ; у лопаты только ручка деревянная, лопатка же у ней стальная или желѣзная съ трубкой, иначе называемая „желѣзнякъ“.

Съ помощью заступа взрывается земля подъ разсадники, на которыхъ высѣвается капуста и брюква; земля подъ гряды или капусту обрабатывается, какъ и весь огородъ, сохою или плугомъ, и только борозды грядъ и размельченіе земли на грядахъ дѣлается заступомъ. Окучиваніе капусты, равно какъ и полотье грядъ съ рядовымъ посѣвомъ огурцовъ, свеклы, а также картофеля, производится по мѣстамъ при помощи мотыки или по мѣстному „копаницы“. Тою же „копаницею“, только болѣе тяжелой и острой, взрывается („копаничится“) лядо, т. е. вновь разработанныя изъ подъ лѣса пахотныя мѣста, гдѣ плугомъ или сохою пахать еще нельзя. Вмѣсто бороны тогда употребляется „смыкъ“ изъ еловыхъ сучьевъ.

Вырываютъ овощи на грядахъ заступомъ, а картофель сохою. Мѣстомъ храненія овощей служитъ особая постройка, которая носитъ разное названіе: истопка, варивня, мшаникъ. Погреба въ деревнѣ устраиваются рѣдко; въ ямы зарываютъ хлѣбъ тоже уже немногіе. Въ послѣднее время въ большихъ хозяйствахъ, какъ и у помѣщиковъ, картофель хранятъ также въ копцахъ. Устраиваются копцы

такъ: здѣсь же на полѣ, гдѣ роютъ картофель, выбирается ровное мѣсто, на немъ вколачиваются треугольникомъ довольно длинные три кола такъ, что между ними остается небольшая пустота. Вокругъ этихъ кольевъ обматывается толстый соломенный жгутъ до высоты кольевъ, а затѣмъ сюда сносится картофель и ссыпается въ кучу, вершина которой оканчивается у вершины этихъ трехъ кольевъ, служащихъ вытяжной трубой. На кучу картофеля кладется толстымъ слоемъ солома, а сверхъ соломы насыпается земля ровнымъ слоемъ, въ $^1/_2$ арш. толщины. Земля берется тутъ же возлѣ кучи, такъ что образуется вокругъ кучи канава. Сложенный такимъ образомъ картофель остается до весны.

Разведеніемъ табака, мака, горчицы, кукурузы и подсолнуховъ, какъ спеціальными культурами, здѣсь не занимаются.

Главными земледѣльческими орудіями здѣсь служатъ соха и борона. Соха въ послѣдніе годы стала постепенно замѣняться одноконнымъ плугомъ самаго малаго размѣра. При помоши этихъ орудій земля воздѣлывается подъ всѣ полевыя и огородныя культуры, какова бы она ни была по качеству почвы. Только на вновь-раздѣланныхъ лядахъ, гдѣ за множествомъ пней и корней сохою пахать нельзя, и борона пройти не можетъ, какъ уже выше упомянуто, употребляется ручная обработка мотыкой („копаницей"), а вмѣсто бороны пускается „смыкъ", связанный изъ нѣсколькихъ еловыхъ пластинъ съ частыми длинными сучками взамѣнъ зубьевъ.

Впрягаютъ въ соху или борону одну лошадь.

Всѣ деревянныя части сохи и бороны, ровно какъ и сборка ихъ, дѣлается самими хозяевами. Лемеши и полка, называемая также „полицей", изготовляются мѣстными кузнецами. Плуги пріобрѣтаются покупкой въ городѣ, у торговцевъ, или въ мастерскихъ, гдѣ выковываются плуги. Дышла у нихъ желѣзныя или деревянныя. Бороны желѣзныя, или только съ желѣзными зубьями, встрѣчаются еще рѣдко, и только у нѣкоторыхъ крестьянъ имѣются бороны, состоящія изъ деревянной рамы съ желѣзными зубьями.

Соха здѣшняя—предметъ довольно сложный. Главная часть ея *плаха*. Это—плоская изогнутая доска въ $1^3/_4$ арш. длины и 5 верш. ширины, оканчивающаяся двумя „рогами"; на острія одѣваются лемеши. Къ верхней части этой плахи подвязаны двѣ поперечныя палки, изъ которыхъ наружная толще и выдается въ стороны, служа ручками для держанія сохи во время работы. Въ нее же вколачиваются задніе концы двухъ оглоблей, называемыхъ „обжами". На срединѣ обжи скрѣплены съ плашкой двумя идущими крестообразно „тяжками", нижніе концы которыхъ зацѣплены за „землянку" поперечную палочку подъ плахой. Обжи имѣютъ деревянную распорку посрединѣ же. На рогачи набиваются лемеши своими трубками, которыя называются „ушами". Къ лѣвому лемешу приставляется въ наклонномъ

положеніи съ нѣкоторой косиной вправо „полица“, служащая отваломъ. Въ нее вбита деревянная палочка, посредствомъ которой полица укрѣплена веревочкой къ крестообразно-идущимъ веревкамъ—„перемету“. Въ правый лемешъ сбоку вколоченъ клинъ, торчащій вкось на ½ арш.; онъ называется „приполкомъ“. Для впряганія сохи, къ переднимъ концамъ обжи продѣваются петлей „тяжки“, подвязываемыя за гужи на разстояніи аршина или немного болѣе. Кромѣ того необходимы возжи, чтобы управлять лошадью во время работы.

Основу бороны составляетъ дугообразно согнутая дубовая, довольно толстая палка, называемая „самойлукъ“. Она даетъ форму боронѣ. По ширинѣ и длинѣ этой рамы уложены тонкіе деревянные прутки, по три поперекъ бороны и по два вдоль ея, такъ что они образуютъ клѣтки съ дырой посрединѣ; сюда насаживаются деревянные дубовые зубья; скрѣпляются эти зубья парными кольцами „баранками“.

XIII.

Начало пахоты нигдѣ не пріурочено къ какому либо опредѣленному времени: оно зависитъ отъ времени наступленія весны и начинается какъ только немного затвердѣетъ земля, чтобы не было топко при работѣ. Первый взметъ приходится дѣлать подъ яровые хлѣба и картофель вообще до Пасхи. Затѣмъ, нѣсколько подсохшее поле—„оралью“—боронятъ, и черезъ недѣлю или двѣ идетъ второй взметъ, что на мѣстномъ языкѣ носитъ названіе „мѣшать“. Послѣ этого сѣютъ яровое и забороновываютъ, по мѣстному „запахиваютъ“.

По роду яровыхъ хлѣбовъ посѣвъ идетъ въ такомъ порядкѣ: пшеница яровая, гдѣ ее разводятъ, или ячмень ранній на осенней пахотѣ, какъ только земля освободится изъ подъ снѣга. Послѣ слѣдуетъ ячмень средняго посѣва и овесъ, что совпадаетъ съ половиной апрѣля; далѣе—просо и поздній ячмень и, наконецъ, гречиха, сѣвъ которой бываетъ въ концѣ мая и началѣ іюня до 12 числа, а иногда даже позже.

Картофель высѣваютъ во второй половинѣ апрѣля и до 9 мая. Въ это же время обрабатываютъ огороды и дѣлаютъ гряды подъ овощи. Ленъ высѣвается въ это же время, конопля гораздо позже. Подъ яровые хлѣба, какъ-то: ячмень, пшеницу, просо, вывозятъ навозъ, который, смотря по характеру почвы, запахивается въ землю или разстилается наверху въ „пристилку“, что дѣлается на тяжелыхъ суглинистыхъ почвахъ и на песчаныхъ. Подъ рожь, нашъ главный хлѣбъ, паровое поле—„паренина“ первый разъ поднимается въ іюнѣ и боронуется черезъ недѣлю-двѣ послѣ взмета; второй разъ уже подъ посѣвъ пашется—„мѣшается“ въ первой половинѣ августа; главная же „сѣвба“ происходитъ послѣ 15 августа или по народному, „между Пречистыми“, т. е. праздниками Успенія и Рождества Пресвятой Богородицы.

Сѣнокосъ и жниво здѣсь нерѣдко совпадаютъ даже по началу. Обыкновенно они открываются не ранѣе 1 іюля. Всѣ хлѣбныя растенія жнутъ серпомъ, косятъ же только гречиху. Снопы укладываются на полѣ двояко: болѣе сырые снопы складываются въ „обабки“, а сухіе въ „копы“, при чемъ въ обабки кладутся чаще снопы яровыхъ хлѣбовъ, а въ копы рожь. Обабки образуются снопами, сложенными тѣсно другъ къ другу „комлемъ“ или „огузкомъ“ внизъ, колосьями вверхъ, на нихъ накладывается одинъ большой снопъ „шапкой“, покрывающей верхъ обабка. Въ обабки кладется 15 сноповъ ржаныхъ или 20 яровыхъ. Это облегчаетъ счетъ копами, которыя равняются 60 снопамъ. Въ иныхъ мѣстностяхъ вмѣсто копъ считаютъ сотнями и обабки складываютъ въ 20 сноповъ. Сложенная копа заключаетъ въ себѣ отъ 180 до 300 сноповъ.

Въ гумнахъ, или овинахъ, снопы укладывается „на сторонкахъ“, т. е. по сторонамъ отъ тока до стѣны, рядами, такъ, что огузки (комли) ровной стѣной выступаютъ наружу, къ току, и рядъ за рядомъ кладется такъ, чтобы каждый новый рядъ покрывалъ ниже лежащій почти до вязей. Молотится хлѣбъ послѣ просушки въ евняхъ— „осетяхъ“. Просушиваются всякаго рода хлѣба въ снопахъ, также гречиха, головки конопли, клеверъ и проч., и вымолачиваются на току. Въ осети, или евнѣ, настилается раздвижной „полокъ“ изъ цѣпковъ, т. е. жердей. На ровно-раздвинутые цѣпки ставятся снопы плотно другъ къ другу, а затѣмъ подсушенные топкой печи, снопы сбрасываются чрезъ окно, укладываются на току двумя рядами, вершинами вмѣстѣ, и обмолачиваются цѣпами двумя или четырьмя молотбитами. Это называется „посадомъ“. Вымолоченное зерно сгребается на току въ кучу большой лопатой, а провѣвается малой лопатой. Помощью метлы и грабель чистое зерно отдѣляется отъ мякины и оставшихся колосьевъ—„отиры, или „вотринъ“.

Выѣзжая на поле сѣять рожь въ первый разъ, пахарь везетъ съ собою въ кошелѣ или торбѣ освященную на Спаса или въ день Успенія рожь вмѣстѣ съ просфорой, а иногда и свѣчей, освященныхъ на Благовѣщеніе. Освященную рожь онъ всыпаетъ въ мѣшокъ съ сѣменной рожью и, снявъ шапку и перекрестившись со словами: „Боже, поможи“, или: „роди, Боже, даръ святой“, начинаетъ сѣять. Въ день, въ который хозяинъ выѣхалъ засѣвать хлѣбъ, изъ дома не должны ничего давать въ долгъ, и вообще давать изъ дому. Въ понедѣльникъ, считающійся вообще несчастливымъ днемъ, не начинаютъ „сѣвбы“, какъ и другихъ полевыхъ работъ.

Отъ Пасхи до Георгія не работаютъ по пятницамъ на лошадяхъ и послѣ до двѣнадцатой пятницы не поднимаютъ нарового поля. День обновленія Царяграда вездѣ празднуется, какъ „конскій праздникъ“, т. е. на лошадяхъ не работаютъ; кромѣ того, по созвучію слова

„Цареградъ“ считаютъ необходимымъ праздновать его и для избавленія отъ града.

Весною до дня Георгія не ставятъ и не починяютъ изгородей, изъ опасенія неудачъ и несчастій въ хозяйствѣ.

День св. пророка Иліи празднуется какъ покровителя, управляющаго громомъ и молніей. Въ засуху весной и лѣтомъ, чтобы вызвать дождь, проводятъ по улицѣ борозду сохою, въ которую впрягаютъ дѣвушекъ, или, вытащивъ изъ воды рака, навязываютъ его и тащатъ по улицѣ. Въ иныхъ мѣстахъ съ тою же цѣлью дѣлаютъ куклу, закапываютъ ее на кладбищѣ и плачутъ какъ бы по мертвецу.

Чтобы отвратить градъ, выносятъ изъ хаты лопату, которою сажаютъ хлѣбы.

Во время тяжелыхъ бѣдствій, какъ напримѣръ, ожидаемаго голода, также какъ и эпидемій на людей и скотъ, цѣлыя селенія даютъ обѣтъ выткать въ одинъ день „обыденникъ“, т. е. кусокъ холста изъ нитокъ льна, въ тотъ же день спряденныхъ, и этотъ холстъ въ ближайшій праздникъ навѣшиваютъ на икону Божіей Матери.

Крестьяне дѣлаютъ наблюденія зимою „на Коляды“ о состояніи погоды, обиліи снѣга, инея и проч., и примѣняютъ свои наблюденія къ земледѣлію въ томъ или иномъ отношеніи. Напримѣръ, сухая, морозная погода въ декабрѣ указываетъ, что іюль мѣсяцъ будетъ жаркій съ ясной погодой. За сколько дней до Рождественской коляды (сочельника) появился иней, за столько дней до Иванова дня слѣдуетъ сѣять гречиху. Если въ самый день Рождества Христова идетъ снѣгъ, то это хорошая примѣта, предсказывающая обиліе въ слѣдующемъ году во всемъ: въ хлѣбѣ, грибахъ, въ сильномъ роеньѣ пчелъ и тому под.

Въ деревняхъ, гдѣ хаты расположены рядомъ съ огородами и полями, рѣдко употребляются пугала или трещетки, чтобы спугивать птицъ, налетающихъ на наливающуюся пшеницу, ячмень или просо. При значительныхъ яровыхъ посѣвахъ, уронъ, наносимый зерноядными птицами, считаютъ почему то нечувствительнымъ. Отъ насѣкомыхъ, жучковъ, бабочекъ и червей, кромѣ обиранія ихъ на огородныхъ растеніяхъ, другихъ мѣръ не знаютъ. Впрочемъ, на огородахъ, засаженныхъ капустой, нѣкоторые бросаютъ зерна конопли, чтобы запахомъ выросшаго растенія прогонять капустныхъ бабочекъ. Иные считаютъ достаточнымъ раздавить одного червя зубами, чтобы уничтожились напавшіе на извѣстное растеніе черви. Чтобы защитить деревья въ саду отъ напалзывающихъ на нихъ червей, намазываютъ бересту саломъ, смолой, клеемъ и ею обворачиваютъ стволъ дерева.

Предохранительныя средства, употребляемыя при посадкѣ и посѣвѣ огородныхъ и полевыхъ растеній, также немногочисленны и сводятся большею частью къ повѣрьямъ. Такъ, напримѣръ, если на капустѣ образуется извѣстная болѣзнь корней, называемая килою, то

чтобы она сильно не распространялась, вырываютъ больное капустное растеніе и въ то же мѣсто садятъ его уже листомъ внизъ. Или же такое растеніе обносятъ вокругъ изгороди и также садятъ. Отъ „головни", какъ ее здѣсь называютъ, которой подвергаются нѣкоторыя яровыя хлѣбныя растенія, какъ, напримѣръ, пшеница, просо, сѣмена передъ самымъ посѣвомъ обливаютъ растворомъ купороса, „синяго камня".

Для предохраненія садовъ отъ весеннихъ морозовъ, побивающихъ цвѣтъ, ставятъ на ночь боченки или корыта съ водою или протягиваютъ вдоль или поперекъ сада нитку. Съ тою же цѣлью обвязываютъ на вторую Коляду каждое дерево соломеннымъ вязьмомъ, что считается предохранительнымъ средствомъ и отъ червей.

Считающійся у сельскихъ жителей очень страшнымъ, такъ называемый „заломъ" во ржи, дѣлаемый кѣмъ-либо часто ради шутки, вырывается все еще или знахаремъ, съ произнесеніемъ какихъ то словъ, или священникомъ, читающимъ при этомъ молитвы и выдергивающимъ заломъ не иначе, какъ чрезъ епитрахиль.

Крестьяне сами земли не измѣряютъ, предоставляя это спеціалистамъ землемѣрамъ, а потому своихъ какихъ-либо землемѣрныхъ приборовъ не имѣютъ; если же имъ приходится провѣрять границы или межи пахотной или луговой земли, то пользуются 10-саженною землемѣрною цѣпью, которую добываютъ на это время у сосѣднихъ землевладѣльцевъ.

О мѣрахъ, которыми пользуются мѣстные жители, нужно сказать, что, за немногими исключеніями, онѣ общеупотребительныя, русскія. Бывшія нѣкогда въ употребленіи „камень", „безмѣнъ", „локоть", „кручокъ", и т. п. теперь совершенно неизвѣстны. Берковца, лота, золотника—не знаютъ. Вѣсъ: пудъ, фунтъ и части ихъ. Въ 60-хъ годахъ безмѣнъ равнялся 8 ф., камень—2 пудамъ.

Хлѣбъ: гарнецъ, мѣрка или въ 8 гарнцевъ, или десятовка въ 10 гарнцевъ.

Длина: четверть, аршинъ, сажень, гоня—100 с., верста. Миля неизвѣстна.

Жидкости: сотка, кварта, равная 5 соткамъ, гарнецъ, имѣющій 4 кварты, ведро равняется 4 гарнцамъ.

Счетъ: одинъ, десятокъ, полкопы—30 штукъ: копа - 60 штукъ, сотня.

Деньги: грошъ—полушка, копѣйка, восьмярикъ—2 коп., пятакъ, гривенникъ, злотъ—15 коп., восемь гривенъ—20 коп., четвертакъ, два злоты, полтинникъ, троякъ—75 коп. Въ 60-хъ годахъ употреблялись: шелягъ, денежка, два гроша—копѣйка, три гроша—$1^1/_2$ коп., Николаевскія 5 коп. ассигнаціями; гривна—$2^1/_2$ коп., три гривны—$7^1/_2$ коп., семь гривенъ—$17^1/_2$ коп., восемь гривенъ и теперь—20 коп.

Въ общественныхъ хлѣбозапасныхъ магазинахъ встрѣчаются еще „бирки“. Это—родъ палки съ одной оструганной стороною, на которой, „зарѣзаны“ крестиками и палочками число четвериковъ и гарнцевъ выданнаго въ ссуду хлѣба.

Бирки же въ видѣ вершковыхъ палочекъ подвѣшиваютъ къ отдаваемымъ въ выдѣлку овчинамъ, къ моткамъ нитокъ и тканямъ, отдаваемымъ въ покраску и т. п. Въ такихъ случаяхъ палочка расщепляется вдоль пополамъ: одна половина остается у мастера, другая выдается заказчику. На этихъ биркахъ вырѣзываются условные знаки, для отличія одного заказчика отъ другого.

Тавренья скота нѣтъ, такъ какъ его мало и надобности въ тавреньѣ не встрѣчается. Тамъ, гдѣ много гусей, нѣкоторыя хозяйки вырѣзываютъ на перепонкахъ лапъ условные знаки; при возможности смѣшать овецъ, дѣлаютъ нарѣзки на рогахъ и копытахъ.

Въ домашнемъ обиходѣ неграмотные расписываютъ приходъ и расходъ такими знаками: 0—рубль, X—гривенникъ, 1—копѣйка. Десять рублей изображается квадратомъ □. Этими же знаками изображается число четвертей, четвериковъ и гарнцевъ хлѣба, всыпаннаго въ извѣстный закромъ.

Народный календарь.

Народный календарь.

Названія мѣсяцевъ извѣстны не всѣмъ неграмотнымъ крестьянамъ и событія семейной жизни они опредѣляютъ такъ:

— Настуся родилась за двѣ недѣли до запустъ Колядныхъ (значитъ, 1 ноября).

— По Спôжы у три дни вышла замужъ Ганна,—т. е. 18 августа. Праздники—святы—ти пильнують одного тыдня отъ Колядъ (неподвижные), ти замѣняютца,—у однымъ годи тогды́, у другимъ тогды́.

Зная, что Пасха бываетъ послѣ „повни́, ветошкомъ", а заговѣнье „молодикомъ", опредѣляютъ продолжительность Рождественскаго мясоѣда: „отъ молодика Колядъ, до молодика заговинъ девять недѣль; отъ молодика Новаго года восемь недѣль" и т. п. Меньше четырехъ недѣль никогда не бываетъ. Отъ молодика заговинъ семь недѣль, будетъ Пасха. За недѣлю до Пасхи будетъ Вербница. Послѣ Вербницы „чистая" недѣля.

На шестой недѣлѣ послѣ Пасхи въ четвергъ Ушесьтя—Вознесеніе. Седьмое воскресенье послѣ Пасхи—Сёмуха, т. е. Троица. На девятой недѣлѣ четвергъ—Девятникъ. Присвятокъ (небольшой праздникъ), а работать нельзя. На десятой недѣлѣ послѣ Пасхи пятница—Десятуха. Тоже нельзя работать.

Постоянные праздники опредѣляются по числу недѣль отъ Колядъ, а дни ихъ празднованія по прошлогоднимъ днямъ. Переступный годъ (високосный) узнается по присвятку Сороки́,—первому послѣ „прибытоваго дня"—29 февраля. Если Сороки „переступятъ день" по сравненію съ прошлымъ годомъ, значитъ,—„годъ переступный, и ўсѣ святки́ переступють черезъ день".

Отъ Колядъ до Благовѣщенья двѣнадцать недѣль, до Юрья—шестнадцать, до Миколы—двадцать, до Купалы—двадцать шесть, и отъ Купалы до Колядъ двадцать шесть. Такимъ образомъ, Купало—24 іюня—дѣлитъ крестьянскій календарный годъ на два полугодія (до 25 декабря).

На двадцать седьмой недѣлѣ—Петра. На одиннадцатой отъ Колядъ—Сороки (9 марта) въ тотъ же день, въ какой было предъ тѣмъ Срѣтеніе (въ простой годъ).

Что касается дней празднованія постоянныхъ праздниковъ, то для опредѣленія ихъ установлено нѣсколько цикловъ.

Такъ, въ какой день недѣли бываетъ Рождество, въ тотъ же день и Новый годъ и—если простой годъ—Юрій весенній, Юрій осенній, Спасъ (6 августа), Покровъ и Казанская (22 октября).

„Стрѣченьня пильнуютъ днями: Петро, Илья, Здвижаньня, весенній Микола, Богатой Спожи (15 августа), а черезъ двѣ недѣли послѣ—Иванъ Постный, тогды Иванъ Богусловъ, Уведенія—усѣ въ одинъ день съ Стрѣченьнямъ".

„Микола зимній днемъ позднѣй Миколы весенняго, а передъ имъ Миколинъ батька—Савва, бо сказано: „святкуй мене и батьку мойго!"

„За три дни до Стрѣченьня присвятокъ Василя да Григора. Черезъ три недѣли отъ Покрова въ субботу—дѣды „Змитровка".

Годъ состоитъ изъ двухъ полугодій: первое отъ Колядъ до Купалы—26 недѣль, второе отъ Купалы до Колядъ—26 недѣль.

Повидимому, этимъ и объясняется всеобщее чествованіе народомъ именно этихъ праздниковъ.

Коляды.

Колядою называется Рождественскій сочельникъ, а Колядами въ собственномъ смыслѣ называются первые три дня праздника Рождества Христова. Но обыкновенно названіе это придается всему періоду времени отъ 25 декабря до 6 января включительно. Днемъ въ непраздничные дни въ теченіе этого времени работаютъ, хотя избѣгаютъ починять старое, но вечера всѣ безъ исключенія считаются и зовутся „святыми вечерами" и работать въ нихъ считается непозволительнымъ. Въ святые вечера „грѣхъ" и шить и прясть, не говоря уже о трудныхъ физическихъ работахъ. Въ эти дни особенно остерегаются, чтобы избѣгать несчастныхъ случаевъ съ людьми или животными.

Къ Колядамъ хозяева приготовляются заблаговременно. Еще отъ филипповскихъ заговѣнъ они начинаютъ откармливать „парсюка" и предъ Колядами колютъ его. Если корова отелится бычкомъ, рѣжутъ и его. Такимъ образомъ, семья обезпечивается на праздники свининой, телятиной, колбасами, жирными кровянками, вкусными крупянками, саломъ-наружнымъ и нутрянымъ, окороками, потрохами и т. д. Головы и ноги вывариваются въ огромномъ чугунѣ и изъ нихъ приготовляется „стюдень"—холодное, котораго хватаетъ на много дней. Щетина и телячья шкурка продаются, вмѣстѣ съ другими лишними продуктами, и на вырученныя деньги покупаются обновки для всей семьи, отъ старыхъ до малыхъ. Пополняется запасъ глиняной посуды. Для украшенія передняго угла, гдѣ поставлены образа, покупается кусокъ „шпалеры", для побѣлки печи—мѣлъ. Гдѣ у образовъ имѣется лампадка, запасаются на праздники деревяннымъ масломъ, а иногда и ладономъ.

Все это дѣлается заблаговременно, такъ что въ канунъ Рождества хозяйки только моютъ полы, развѣшиваютъ чистые набожники—полотенца надъ вымытыми предъ тѣмъ образами и готовятъ ужинъ. Обѣдъ въ этотъ день не готовится, потому что „до звѣзды“ всѣ постятъ.

Послѣ полудня всѣ моются въ банѣ и надѣваютъ чистое бѣлье.

Къ вечеру на столъ кладется сѣно и застилается чистою скатертью, на кутѣ ставится на сѣнѣ горшокъ съ кутьею. Священникъ, посѣщая дома въ селѣ, „даетъ молитву“.

Предъ ужиномъ вся семья истово молится Богу, при зажженной лампадкѣ или свѣчкѣ и при куреніи ладона. Послѣ молитвы всѣ садятся за столъ.

На кутѣ садится хозяинъ, возлѣ него сыновья по старшинству; по другую сторону стола хозяйка и остальныя дѣти. На краю скамейки садится женщина, подающая кушанья: невѣстка, взрослая дочь, а если ихъ нѣтъ, то сама хозяйка.

Первое блюдо—бураки съ грибами или съ алеемъ, и съ притиркой изъ хлѣбной рощи́ны. Вмѣсто бураковъ можетъ быть поливка съ тою же приправой. На второе чаще всего дѣлаютъ прѣсный супъ изъ картофеля съ крупою. Затѣмъ слѣдуетъ кутья, которую хозяинъ переноситъ съ кута на средину стола вмѣстѣ съ сѣномъ. Кутью ѣдятъ или съ алеемъ или съ разведеннымъ медомъ. Въ зажиточныхъ семьяхъ варятъ еще узваръ изъ сушеныхъ яблокъ, грушъ и сливъ, или кисель.

Послѣ ужина, который затягивается обыкновенно долго, снова всѣ молятся, затѣмъ гасятъ лампадку и ложатся спать.

Въ Лепельскомъ уѣздѣ послѣ ужина вытаскиваютъ изъ подъ скатерти траву изъ сѣна. Кто вытянетъ сучковатую, негладкую, тотъ будетъ богатымъ. Тамъ же во время ужина ходятъ колядовщики и поютъ подъ окнами „святыя пѣсни“, а дѣвушки гадаютъ.

Назавтра встаютъ досвѣта и спѣшатъ къ заутрени. Возвращаются домой по окончаніи литургіи. Въ мѣстечкахъ и городахъ мальчики въ это время уже успѣваютъ пойти съ поздравленіями. Грамотные, войдя въ домъ, говорятъ тропарь и кондакъ праздника и поздравляютъ съ праздникомъ, желая „етый провесть и будущаго дождать“; неграмотные ограничиваются поздравленіемъ. Поздравителямъ даютъ по баранку или по мелкой монетѣ.

Послѣ обѣда взрослые отдыхаютъ, а подростки готовятъ „звѣзду“. Въ южныхъ волостяхъ Гомельскаго уѣзда мужчины „христуютъ“, то есть посѣщаютъ родныхъ и знакомыхъ и поютъ тропарь и кондакъ праздника.

Вечеромъ подростки „ходятъ со звѣздою“, молодежь же ограничивается только посѣщеніемъ знакомыхъ. Свѣдѣнія объ устройствѣ звѣзды и репертуарѣ „звѣздарей“ даны мною въ вып. V „Бѣлорус-

скаго Сборника". Къ сказанному тамъ можно добавить, что въ настоящее время хожденіе со звѣздой сдѣлалось достояніемъ мальчиковъ, почему и размѣры звѣзды измельчали и діаметръ ея съ лучами уже не превышаетъ аршина. Съузился и репертуаръ звѣздарей. Вслѣдствіе вѣковыхъ искаженій, вирши, сочиненные для звѣзды въ XVII в., потеряли смыслъ и отброшены. Подъ вліяніемъ школы, большинство звѣздарей ограничиваются пѣніемъ тропаря „Рождество твое, Христе Боже нашъ" и кондака „Дѣва днесь". Къ нимъ присоединяется „казень" или „рацыя".

Привожу уцѣлѣвшій репертуаръ звѣздарей *д. Дубровки*, Гомельскаго уѣзда.

Послѣ тропаря и кондака:

Цвѣтъ мысленный днесь ся ро-
[дитъ,
Богъ во плоти происходитъ,
Его же лилія, Пречистая Марія,
Днесь рождаетъ и питаетъ
Сосцы своими зѣло драгими,
Бо отъ вѣка человѣка
Возлюбилъ есть Богъ!

Пастыріе тутъ приспѣли,
Бога въ плоти увидѣли.
Ангели привлекають,
Съ пастырями восклпкаютъ:
Слава Богу, що премногу
Міръ посѣтити благоволившу,
Жити вольно, всѣмъ спокойно
Людямъ на землѣ!

Тѣмъ къ вертепу вси тецымо,
И со лики прославимо
Рожденна, воплощенна
И во ясли положенна,
Бога въ плоти между скоты
Безславно нынѣ!

Шедше тріе цари,
Що Христа познали,
Иродъ ихъ пригласивъ,
Куда идутъ, испросивъ.
Отвѣщаша ему:
Идемъ къ рожденному!

— Къ рожденному идите,
И мнѣ возвѣстите!
И азъ поклонюся,
Передъ цáремъ смирюся,
Воздамъ честь обычну
Царевп предвѣчному!
Ангелъ имъ вѣщае,
На путь наставляе:
Инымъ путемъ идите,
Ко Ироду не ходите!
Волсви возвратишася,
У Ирода не быша,
Вспять возвратишася,
А не очень трудишася.
Пришли въ страны своя,
Христа славословя,
Чая въ небѣ жити,
Тамъ навѣки служити!

Звѣзда иде чудна
Съ востокъ на полудне,
Надъ вертепомъ сіяе,
Христа царямъ являе.
Слове ты рожденный,
Отъ насъ умоленный,
Прими, Христе, человѣка
Да на вѣчные вѣки!

Давидъ въ гусли йграе,
Весело спѣвае,
На всѣ струны ударяе,

Бога прославляе.
И мы веселимся,
Христу поклонимся,
Яко царю рожденному,
Богу предвѣчнόму.

Пастушки съ ягняткомъ
Передъ симъ же дитяткомъ
На колѣни упадають,
Христа прославляють.

Просимъ тебе, цáрю,
Прими отъ насъ хвалу,
Пошли лѣта щасьливыя
Сему господарю!

Послѣ пѣнія этихъ стиховъ старшій звѣздарь говоритъ:
„Поздравляемъ хозяина и хозяйку на многая лѣта!“
Хоръ поетъ многолѣтіе.
Старшій говоритъ: „Съ праздникомъ, будьте здоровы, господа!“
Хозяева благодарятъ.

Казень, помѣщенный въ V выпускѣ (стр. 385—386), имѣетъ нѣкоторыя дополненія. Такъ, послѣ строфы о змѣѣ:

Но ея прельстивъ тотъ змѣй,
Катόрый ўсихъ звѣрей умнѣй..
слѣдуетъ такое окончаніе;
Ёнъ ёй такъ сказаў: Ева!
Укуси запрещонная древа,—
Будишъ сама падόбная Богу!
Когда Адамъ сидѣў въ адѣ и га-
[вариў:
Якъ ты, Ева, саграшила ў такомъ
[прекраснамъ саду
И патирала дары, —
Тагда Ева сама себе праклинала,
Кагда Авилива кроў къ Богу
[вапіяла!

2. Другъ мой, я хачў а сéмъ
[узнать!
2. Изволь мнѣ тотчасъ сказать!
1. Што да Раждиствá Христова
Ни такъ были пастыри яўны,
Якъ па Раждиствѣ яго слаўны?
2. То было ў древнія годы —
Затменія чилавѣчискага роду.
А нынi ўсѣ народы працвитають,
Другъ друга съ прáздникамъ
[праздраўляють.
И мы имѣимъ честь васъ съ
[праздникамъ праздравить!

Къ ней прибавляется еще вторая рѣчь:

„Какъ на нынѣшній нидѣли
Быў я ў гради Вафлѣеми,
Видиў чуда тамъ нимала,
Какъ зимля тамъ ликавала:
Ангели зъ нибесъ литѣли,
Слава вышній Богу, пѣли.
Я тамъ пакланиўся,
Назатъ варатиўся
Вамъ чуда расказать.
Тамъ Христосъ нарадиўся,
Царъ Ирадъ сасмутиўся“.

Далѣе слѣдуетъ буквальный пересказъ евангельскаго текста о поклоненіи волхвовъ, избіеніи младенцевъ и бѣгствѣ во Египетъ. Конечно, это вліяніе школы.

Оканчивается эта рѣчь такъ:

„Разгнѣвайшій царъ пагубиў
Нисмѣтная число младенцаў,
Напиўся, наѣўся нивиннай крови,
Зато ёнъ бўдить лижать
У пекольнамъ рови.
Наша звизда нова́га завѣта,
А хадя́йки й хадя́ину на многая
лѣта.

Поется многолѣтіе.

Звѣздарей дарятъ мелкими деньгами или провизіей—блинами, саломъ, колбасой, паленицей.

Еще недавно—въ концѣ 1890-хъ годовъ, и въ Могилевской и въ Витебской губерніи существовалъ вертепъ, съ которымъ вертепщики ходили по городу Могилеву, Велижу, Суражу, мѣстечку Пропойску, селу Бычи, Быховскаго уѣзда, и окрестнымъ деревнямъ.

Извѣстны три типа вертепа. Въ Велижѣ и Суражѣ въ употребленіи былъ вертепъ, имѣющій видъ трехглавой церкви, укрѣпленной снизу къ переносной скамьѣ. Стѣны церкви сдѣланы изъ тонкаго коленкора, пропитаннаго масломъ. Внутри подъ куполами подвѣшены желѣзные обручи съ укрѣпленными на нихъ фигурами дѣйствующихъ лицъ и съ подсвѣчникомъ въ центрѣ. Вертепщикъ садится позади такого вертепа, открываетъ находящіяся тамъ дверцы, зажигаетъ въ подсвѣчникахъ свѣчи и сообразно ходу дѣйствія поворачиваетъ обручи. На переднихъ стѣнкахъ вертепа получаются въ увеличенномъ размѣрѣ тѣневыя изображенія дѣйствующихъ лицъ.

Вертепъ этого типа найденъ мною въ Велижѣ и пожертвованъ Витебскому церковному музею, гдѣ по всей вѣроятности находится и доселѣ.

Второй типъ имѣетъ видъ двухэтажнаго переноснаго шкафа, раздѣленнаго на двѣ части также и въ вертикальномъ направленіи, между передней стѣной и задней. Передняя сторона закрывается створчатою дверкою, которая во время представленія открывается. За дверкою два яруса съ открытыми сценами. Полы на сценахъ прикрыты заячьими шкурками, съ цѣлью сдѣлать незамѣтными для зрителя находящіеся въ нихъ прорѣзи, по которымъ вертепщикъ двигаетъ фигуры—куклы, укрѣпленныя на проволокахъ или, за неимѣніемъ ихъ, на тонкихъ палочкахъ. Съ этою же цѣлью, сцены отгорожены отъ зрителя низкими рѣшетками.

Задняя сторона вертепа открытая и только по боковымъ сторонамъ отчасти заклеена бумагою въ видѣ ширмъ. Отсюда вертепщикъ двигаетъ изъ-подъ пола каждой сцены, сквозь прорѣзанныя въ полахъ щели, фигуры дѣйствующихъ лицъ.

Каждая сцена въ передней части представляетъ три отдѣленія: центральное, большое, гдѣ происходитъ дѣйствіе, и боковыя, меньшія, для входовъ и выходовъ дѣйствующихъ лицъ.

Отдѣленія сцены верхняго яруса представляютъ пещеру—вертепъ, гдѣ Христосъ родился. Здѣсь находятся ясли, сѣно, коровы, овцы. Обстановка убогая; только надъ вертепомъ наклеены три звѣзды изъ цвѣтной бумаги. Въ пещерѣ темно, оконъ нѣтъ.

Сцена нижняго яруса свѣтлая и обставлена роскошнѣе. Въ отдѣленіи окна. Въ среднемъ отдѣленіи золоченый тронъ Ирода, подъ балдахиномъ. Это резиденція Ирода и сцена для жанровыхъ представленій.

Вертепъ этого типа имѣетъ слѣдующіе размѣры: вышина 1 арш. 14 в., ширина 1 арш. 2 в., глубина 9 в. Вышина сцены каждаго яруса 10 в.

Экземпляръ такого типа десятки лѣтъ находился у Пропойскаго мѣщанина Соколова и послѣ его смерти перешелъ къ крестьянину с. Бычи Юрьеву, отъ котораго пріобрѣтенъ Могилевскимъ статистическимъ комитетомъ и въ настоящее время находится въ Могилевскомъ губернскомъ музеѣ.

Третій типъ вертепа сходенъ со вторымъ, но болѣе крупныхъ размѣровъ. Онъ имѣетъ три этажа и между ними пустые промежутки, открытые сзади, для рукъ вертепщика, передвигающаго здѣсь куклы. Вышина такого вертепа достигаетъ $2^1/_2$ арш., ширина $1^1/_2$ арш., но глубина только 6 в.

Верхній этажъ украшенъ иконами Спасителя, Божіей Матери, Іоанна Крестителя и изображеніемъ Крещенія Господня. Здѣсь же привѣшенъ колокольчикъ.

Второй этажъ представляетъ пещеру, гдѣ родился Христосъ. Здѣсь находится изображеніе Рождества Христова, съ фигурами Маріи, Іосифа и Младенца въ пеленахъ; ясли, корова, оселъ.

Нижній этажъ—дворецъ Ирода.

Этотъ типъ вертепа употреблялся въ Могилевѣ. Послѣдній экземпляръ его принадлежалъ мѣщ. Кондратьеву, которымъ былъ проданъ Пылинскому; но когда новый владѣлецъ переселялся въ Смоленскъ, онъ оставилъ вертепъ въ Могилевѣ безъ надзора, и здѣсь онъ былъ разрушенъ. Погибли также и фигуры—куклы.

Какъ извѣстно, репертуаръ вертепа состоялъ изъ трехъ отдѣловъ: 1) религіознаго, имѣвшаго отношеніе къ празднику Рождества Христова; 2) пьесы „Царь Иродъ" и 3) жанровыхъ сценъ. Къ вертепному дѣйству присоединялась и пьеса „Царь Максиміанъ". Представленіе ея носило названіе „мушкарата" (маскарада), потому что актеры были въ соотвѣтственныхъ костюмахъ и гримѣ.

Впослѣдствіи, съ паденіемъ вертепныхъ представленій, „Максиміанъ" выдѣлился изъ вертепнаго дѣйства и представлялся отдѣльно. Мнѣ извѣстны случаи, что къ „Максиміану" присоединялся и „Царь Иродъ", съ вертепнымъ сюжетомъ, но съ игрою въ лицахъ (въ г. Гомелѣ и Бѣлицѣ).

Напечатавъ „Царя Максиміяна" въ V вып. „Бѣлор. Сборника", здѣсь я привожу тексты вертепнаго дѣйства, какъ оно совершалось съ каждымъ изъ вышеописанныхъ типовъ вертепа.

КЪ ВЕРТЕПУ ПЕРВАГО ТИПА.

I. Царь Иродъ.

(Дѣйствіе начинается въ верхнемъ ярусѣ. На сценѣ Дѣва Марія, съ Младенцемъ на рукахъ, Іосифъ, коровы и овцы).

Хоръ. Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ!
Днесь воспріемлетъ Виѳлеемъ
Сѣдящаго присно со Отцемъ;
Днесь ангели Младенца рожденнаго
Боголѣпно славословятъ:
Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ,
Въ человѣцѣхъ благоволеніе!

(Входятъ два пастуха, одѣтые бѣлоруссами. Они подходятъ къ Младенцу и кланяются ему).

Хоръ. Нова радость стала,
Яка не бывала,—
Надъ вертепомъ звѣзда ясна
Свѣтло возсіяла,
Гдѣ Христосъ родился,
Зъ Дѣвы воплотился,
Какъ человѣкъ, пеленами
Во яслѣхъ повился.[1]
Пастушки съ ягняткомъ
Предъ малымъ дитяткомъ
На колѣни упадаютъ,
Христа прославляютъ.
И мы тожъ спѣваемъ,
Христа прославляемъ,
Отъ Маріи рожденнаго
Смиренно упрошаемъ:
Просимъ Тебе, Царю,
Небесный Владарю!
Даруй лѣта счастливыя
Сему господарю—
Въ мирѣ проводити,
Тебѣ угодити,
И съ Тобою въ Царствѣ Твоемъ
Во вѣкъ вѣковъ жити.[2]

(Дѣйствіе переходитъ въ нижній ярусъ. На сценѣ стоитъ тронъ, обитый краснымъ сукномъ или золоченый, и расхаживаютъ три воина. Является Иродъ, одѣтый въ порфиру, съ короной на головѣ).

Хоръ. Днесь Иродъ грядетъ, зѣло смущенный,
Со воины избранными,

---

[1] Послѣ этой строфы поется иногда:
Давидъ въ гусли играя,
Весело спѣвая,
Во всѣ струны ударяя,
Христа прославляя.
По Дембовецкому, при этомъ является и Давидъ для поклоненія Христу. Но въ моихъ записяхъ этого эпизода нѣтъ.

[2] Стихъ взятъ изъ „Богогласника". См. стр. 21, изд. 3. Кіевъ, 1887.

Виѳлеемскія плѣнити страны,
Дабы взыскати Христа нарожденна
Со волхвами окаянными.
Иродъ (*воинамъ*). Направо кругомъ—маршъ!

(Воины уходятъ. Иродъ садится на тронъ. Выходятъ три царя).

Хоръ. Шедше тріе цари
Ко Христу Господарю.
Иродъ ихъ пригласилъ,
Куда идутъ, вопросилъ.
Отвѣщаша ему:
„Идемъ къ рожденному!“
— Къ рожденному идите
И мнѣ возвѣстите,
Да и азъ, шедъ, поклонюся.
Предъ царемъ смирюся.
Отдамъ честь обычну,
Яко царю приличну!..

Дѣйствіе переходитъ въ верхній ярусъ. Въ пещерѣ Іосифъ и Марія съ младенцемъ. Идутъ три царя. Является ангелъ.

Хоръ. Шедше тріе цари
Ко Христу съ дарами.
Ангелъ имъ явился,
Гдѣ Христосъ родился,
Звѣзда ясна возсіяла,
Тремъ царямъ путь указала.
Надъ вертепомъ сіяетъ,
Христа—царя являетъ.
Отъ востока тріе цари
Принесоша Христу дары.
Тріе цари путешествуютъ,
За ангеломъ послѣдуютъ,
Злато, ливанъ приношаютъ,
На колѣни припадаютъ,
Владыкѣ и Богу
Честь даютъ многу,
Иже отъ вѣка
Человѣка
Возлюбилъ есть.
Ангелъ имъ вѣщаетъ,
На путь наставляетъ:
„Инымъ путемъ идите,
Ко Ироду не ходите!“
Волсви возвратишася,
И у Ирода не быша.
Пошли въ свои страны
Христа славославятъ,
Чаютъ въ небѣ съ нимъ быти,
Ему на вѣки служити...

Во время этого пѣнія между дѣйствующими лицами происходятъ сцены и мимика, соотвѣтствующія содержанію пѣсни хора. Затѣмъ по сценѣ проходитъ Іосифъ, за нимъ Богоматерь съ Младенцемъ ѣдетъ на ослѣ. На встрѣчу имъ является ангелъ.

Ангелъ. Какая радость здѣсь открылась! Какой восторгъ!
Я зрю предметъ! Надежда наша совершися!
Спасъ роду человѣческому родися!
Пришелъ на землю вожделѣнный Свѣтъ.
Іосифе, Іосифе, старче преславный!
Отроча и Матерь поими, во Египетъ, Іосифе, бѣжи!
И буди тамо, дондеже скончаются врази твои,
И Иродъ кончину воспріемлетъ!

Дѣйствіе переносится въ нижній ярусъ. Иродъ подходитъ къ трону.

Иродъ. Увы, нашъ тронъ царскій!
Измѣна стала слышна въ нашей державѣ!

Садится на тронъ.

Воины мои вооруженные!
Станьте предъ трономъ вашего царя!

Воины входятъ, одинъ справа, другой слѣва:

Воины. Почто, царю, воиновъ призываешь?
Или какіе указы чинить повелѣваешь?
Иродъ. Идите, чернокнижника зовите,
И скоро сѣмо приведите!
Воины. Слышимъ ваше слово.
Направо кругомъ—маршъ!

Уходятъ. Является мудрецъ.

Иродъ, къ мудрецу. Скажи мнѣ, чернокнижникъ:
Гдѣ тотъ отрокъ народился,
Иже вездѣ уже оповѣстился?

Чернокнижникъ. Всесильный мой царю! Смиренно молю тя,
Не гнѣвайся, о чемъ глаголати начну ти.
Въ прекрасномъ градѣ Виѳлеемѣ родися,
На твердомъ сѣнѣ водворися,
Голодный, холодный, въ вертепѣ обнищенный,
Прославленный, превознесенный!

Иродъ. Иди, гадатель презрѣнный!
Азъ непобѣдимъ и великъ во славѣ!
Не сей-ли воспротивится моей державѣ?
Друзья—воины!

Воины являются.

Воины. Чего изволите?
Иродъ. Въ виѳлеемскія страны скорѣе идите,
Двухлѣтнихъ младенцевъ щиро перебите!

Воины уходятъ и потомъ возвращаются.

Воины. О господине нашъ, господине!
Въ виѳлеемскія страны мы сходили,
Четыренадесять тысячъ младенцевъ тамъ избили;
Рахиль одна не дала свое дитя убить,
И идетъ до васъ милости просить.
Иродъ. Кто тамъ такова? Привести ее сюда!
Воины. Слышимъ ваше приказаніе! Кругомъ—маршъ!

Уходятъ и встрѣчаютъ Рахиль.

Иди, баба, до отвѣту,
Намъ до тебя дѣла нѣту!

(Входитъ Рахиль съ ребенкомъ на рукахъ; одѣта бѣдною бѣлорусскою. За ней воины, Рахиль припадаетъ къ ногамъ Ирода).

Рахиль. О пресвѣтлѣйшій мой царю,
О всесильнѣйшій государю!

Помилуй, помилуй чада моего—утробу,
Не предай меня живую до гробу!

Иродъ. Баба, иди прочь! А если вступишься,
То и тебѣ будетъ то, что и твоему дитяти!
Воины! се дитя хватайте,
Безъ милости его дерзайте!

(Воины убиваютъ ребенка и уносятъ трупъ со сцены. Рахиль въ отчаяніи бѣгаетъ по сценѣ и рыдаетъ)...

Рахиль. О, какая лютая болѣзнь
Сердце матери пронзаетъ,
Егда свирѣпый воинъ
Невинно чадо отымаетъ!

Хоръ. Не плачь, Рахиль, и не рыдай,
По чадѣ и сынѣ;
Не умираютъ, но процвѣтаютъ,
Что невинно погибаютъ
За Христа и Бога.
Вольными крыльями
Вольно во святыню
Ко Христу и Богу отлетаютъ.
Не имѣй же причины, причины,
Не имѣй же шкоды,
Видя, яко воду, кровь изливаютъ,
Людей убиваютъ, убиваютъ.
Твой бо пернатый
Въ небо на судъ взятый,
Судъ пріемши,
Пѣсни побѣдныя, пѣсни поетъ.
Иродъ же пойдетъ ко аду,
Къ Люциперу на пораду.
Мы тому веселимся,
Христу—царю поклонимся!
Богу--царю слава отъ всѣхъ насъ!
Насъ же избави
Отъ сѣти ловящихъ
Отъ губы губящихъ, губящихъ!

Рахиль. Иродъ ты проклятый!
Пойдешь ты ажъ до аду
Къ Люциперу на пораду!
Въ огнѣ тебѣ горѣть,
Въ смолѣ тебѣ кипѣть!

Иродъ. О воинъ мой, воинъ!
Прогони эту бабу!

Воинъ. Пошла, баба, прочь!

Выталкиваетъ Рахиль. Иродъ встаетъ съ трона.

Иродъ. Увы, тронъ нашей царской славы!
Стала слышна измѣна въ нашей державѣ!
Столько лѣтъ сидѣлъ я на семъ царскомъ тронѣ,
Нынѣ же буду въ подземельномъ домѣ!

Является чернокнижникъ мудрецъ.

Чернокнижникъ. Превеликій монарше! Изволь приказати
Воинамъ вооруженнымъ тронъ оберегати,
Смерть бо грядетъ къ тебѣ вся бѣла,
Косу носяща, дерзновенна, смѣла!..

Иродъ. Прочь, гадатель презрѣнный!
Друзья—воины!..

Воины. Господинъ нашъ! почто ты воиновъ призываешь,
Или какіе указы чинить повелѣваешь?

Иродъ. Воины! за что вы присягали—
Чтобъ мои палаты нерушимы бывали!
Вы при порозѣ станьте,
Неусыпно меня остерегайте,
Смерть грядущую ко мнѣ не допускайте:
Егда грядетъ, воюйте съ нею, сколько можете!
Воины. Слушаемъ ваше приказаніе!

Воины становятся у дверей. На сцену вбѣгаетъ ксендзъ.

Ксендзъ. О пшенже, о пшенже, о бембусъ, протобембусъ! Свента панна Марея! О Ироде, окрутнйку, ослушнйку, спокайся! За твбе велькія злости прйдуть зáразъ дзяябли и вóзьмуть твою душу съ косью,. отъ таковóго пана нешляхетнóго, на вѣки вѣкомъ, áменъ!

Иродъ. Друзья—воины!
Прогоните етого шалыгана до костéла!
Какое ему здѣсь дѣло?

Воины прогоняютъ ксендза. Врывается, покашливая, смерть, въ видѣ скелета съ косою въ рукахъ. Воины разбѣгаются.

Смерть. О ты, Ироде несытый,
О ты, Ироде проклятый,
Что ты лаешь?
Ти ты мене не знаешь,
Что воевъ стеречь заставляешь,
Убить мене повелѣваешь?
Я, васпане, всему свѣту монархиня,
Всѣхъ царей главнѣйшая
И въ бою сильнѣйшая!
Ну-ка, со трона поднимайся,
Подъ косу мнѣ подставляйся—
Тебѣ острою косою срублю голову!

Иродъ. Ахъ, увы! бѣда! Приходитъ до меня череда!
Не вѣмъ, возьмутъ меня отсюда и куда,—
Боюсь я страшнаго суда.
Но ты, смерть страшна и безобразна,
Зачѣмъ внезапно ко мнѣ пришла?
Скрыта бо твоя труба и коса,
Понеже ты ходишь суха, нага и боса,—
Я велю тебя изрубить,
Кости твои въ огнѣ сжечь,
И попелъ твой разместь!

Смерть. Ти не ты моé кости будешь жечь?
Ти не ты мой попелъ будешь месть?
Выйди-ка, мой братецъ, мнѣ вотъ пособити,
Ирода мучителя въ бездну спровадити!

(Является сатана. Смерть отрубаетъ косою голову Ироду, сама исчезаетъ. Сатана, съ хвостомъ, рогами и когтями,[1] держитъ трупъ Ирода до тѣхъ поръ, пока хоръ не кончитъ надгробную пѣснь)...

Хоръ. Человѣче бѣдный,
Вспомни часъ послѣдній,—
Тѣмже не гордися,
Не превозносися

[1] Фигура сатаны отъ Бычанскаго вертепа въ 1898 г. сожжена по приговору мирового судьи 7 уч. могилевскаго округа.

Въ семъ свѣтѣ.
Въ прелестномъ семъ свѣтѣ
Смерть держитъ въ примѣтѣ
Всякаго.
Не уступитъ монархамъ,
А ни патріархамъ—
Никому.
Изъ келій монаховъ
И дворянъ безъ страху
Беретъ смерть.
Купцы бы сложились
Отъ смерти откупились,
Отдали бъ палаты
И все свое злато—
Не беретъ смерть!
Человѣче бѣдный,
Не превозносися,—
Зря на тѣло Ирода,
Такожде смирися! [1])

Сатана. Охо-охо-роме-хо-хо!
Друзья мои прелюбезные!
Надгробная Ироду пѣсня спѣта,
Потяну-ка я его съ этого свѣта
Въ тартарары, въ преисподнюю бездну.
Тамъ будемъ пить и гулять,
И въ карты играть!...

Оба проваливаются.

II.

Вертепное дѣйство собственно закончено. Но къ нему присоединяются и жанровыя сцены. Въ нихъ полный просторъ народному творчеству, и онѣ подверглись наибольшимъ варіаціямъ. Къ Велижскому вертепу имѣются слѣдующія сцены:

Сцена I.

На сцену выходитъ Иродіада, жена Ирода, якобы возвратившаяся съ похоронъ мужа. Къ ней подходитъ старикъ Григорій съ большимъ мѣшкомъ.

Старикъ. Здраствуй, Иродіадочка, красотка!
Иродіада. Здраствуй, Гришенька, дружокъ!
Старикъ. Коли любишь Гришеньку дружка,
Тигай [2]) гостинчики зъ мѣшка!
Иродіада. Спасибо, мой дружокъ!
Сядь же ближе, куманекъ,—
Будь мнѣ прежній муженекъ!

Старикъ садится рядомъ съ Иродіадой. Входитъ молодой человѣкъ щегольски одѣтый.

Щеголь. Не стыдно-ли такой красоткѣ
Съ старымъ этакимъ возиться?!
Иродіада. Хоть Гриша старъ и съ бородой,
Да носитъ все гостинчики съ собой;

---

[1]) Стихъ вошелъ во всеобщее употребленіе и сдѣлался народнымъ «надгробнымъ», съ исключеніемъ двухъ послѣднихъ строкъ

[2]) Тягай, таскай.

А ты и въ синемъ хоть кафтанѣ,
Да пёсъ у тебѣ въ карманѣ!
Щеголь, къ публикѣ: Любезна публика! смотрите,—
Какъ она меня срамитъ,—
Все этотъ хрычъ ее учитъ.
Постой ты, старая скотина!
Ужъ въ тѣсномъ закоулкѣ я тебя поймаю,
Всѣ ребра я тебѣ переломаю!

Старикъ. Ахъ, ты сапожникъ, ты чурбанъ!
Да я и самъ вѣдь сдачи дамъ.

Старикъ прогоняетъ франта.

Иродiада. Полно людей намъ утруждать!
Нельзя ли, Гриша, намъ потанцовать!

Музыка играетъ „чижика“. Фигуры танцуютъ польку.

Сцена II.

(На сцену выѣзжаютъ два наѣздника: Поръ Индѣйскій и Александръ Македонскій).

Суфлеръ. Выѣзжаютъ Александръ Македонскій
И Поръ Индѣйскій.
Тамъ между собою сотворятъ брань!

Александръ Македонскій. Поръ! что ты это захотѣлъ:
Штобъ отъ моего удара съ лошади слетѣлъ?
Поръ Индѣйскій Нешто я тебе испугался?
Откуда ты этакій франтъ взялся?

(Слѣдуетъ поединокъ. Поръ падаетъ съ лошади; Александръ уѣзжаетъ).

Хоръ. Хвала, хвала тебѣ, герою
Што градъ—Антонъ спасенъ тобою!
Вѣнцы лавровы вьются
Надъ храброю твоей главой! [1])

(На мѣсто поединка бѣжитъ жена Пора, заливаясь слезами).

Суфлеръ. Узнала царица, Порова жена, и услыхала,
Слезно плакала и рыдала,
Со слугами своими прибѣжала,
Взяти тѣло Пора приказала.

Жена Пора. О пане, мой пане,
Коханый мой пане!
Не нажить менѣ таковáго пана!
Ты-жъ мене любивъ,
Ты-же мене шановавъ:
По разу въ день кормивъ,
По два раза въ день бивъ;
Потанцу-жъ тебе, дражайшій,
До ямы глубочайшей!

(Слѣдуетъ погребенiе Пора. На поединкѣ Ал. Македонскій былъ на своей лошади, а Поръ на взятой напрокатъ у цыгана) [2]).

---

[1]) Изъ пьесы «Царь Максиміянъ». См. Бѣлор. Сборникъ, вып. V, 286.
[2]) Въ Пропойскѣ эта сцена замѣняется сценою сраженія казака съ туркомъ.

Сцена III.

На мѣсто поединка прибѣгаетъ цыганъ и ищетъ своей кобылы.

Цыганъ. О—му! Чачинька—чачинька,
Гдѣ-жъ ты дѣлась, моя клячинька?
Ходи сюды, кобыла! А кобыла!

Лошадь стремглавъ бѣжитъ прямо на хозяина; цыганъ отъ испуга падаетъ въ обморокъ. Приходитъ его жена.

Цыганка. Сенька, а Сенька!
Цыганъ. Чаго ты, моя жонка?
Цыганка. Што за лихо ето табѣ стало:
Ти отъ крупъ, ти отъ сала?

Цыганъ. Ни отъ крупъ, ни отъ сала,—
Мене кобыла растоптала!
А ты гдѣ, жонка, пропадала?

Цыганка. О—му, радуйся, Семенъ-Гаврилка,—
Прiѣхала къ табѣ Кулина зъ рынку!
Я ходила ворожить и просить капусты,
Штобъ не были цыганскiе животы наши пусты!

Цыганъ бьетъ цыганку.

Цыганъ. Ахъ, ты шельма, ахъ, ты злодѣйка!
А ти украла жъ ты мнѣ курёнка и поросёнка?

Цыганка. Украла, мой цыганочекъ,
Украла курёнка и поросёнка!

Цыганъ. Вотъ, коли-бъ ты мнѣ ето впередъ сказала,—
Я бъ тебе не бивъ и не наказывавъ.
Поцалуемся съ тобою,
Бѣлая моя, какъ головешка!
Кому гадка, а намъ съ тобой сладко!

Цыганка. Сенька! досить табѣ мене цаловать,
Ти не хочешь лѣпше поскакать?

Начинаются танцы подъ пѣсню: „Я цыганка молодая“. Входитъ казакъ и бьетъ цыгана.

Казакъ. Полно, цыганъ, гулять—
Пора коней мѣнять!

Цыганъ. А за што ты мене бивъ,
Я бъ табѣ хорошаго коня добывъ!

Казакъ. Я краденыхъ коней не принимаю,
А тебе, цыгана, въ шею толкаю!

Бьетъ его и оба уходятъ.

Сцена IV.

Входитъ толстый жидъ съ боченкомъ водки и поетъ еврейскій маршъ.

Жидъ. Ой! коли зъ ба на мене́
Цорный годъ нехай напавъ,
Ей-ей, нехай напавъ,
Коли бъ мене казацынька
На семъ мѣстѣ не заставъ!
Татухи-мамухи,
Ёсели-Мбсели,
Гуцъ-гуцъ!

(Къ публикѣ):

Здраствуйте вамъ, гашпада!
Я присовъ и къ вамъ сюда,—
Я цувъ—у васъ кирмасъ,
А горѣлыцки немасъ.
Я знавъ узэ васа горе
И тасцывъ горѣлыцки поболѣ.
А у мене сабасовая и десовая,
Съ мельницы, съ подъ кола,
Гдѣ крутить и мутить,
И пѣной бьетъ, и назадъ волокетъ.
Такъ ина и того будеть бить,
Хто ее́ будеть пить.
Але́, хто хбцыть ее́ пить,
Треба грбсыки платить!
А гдѣ ето моя Сорка?
Гашпада, позвольте мнѣ
Погукать моя Сора!
О клейнце Сора,
О клейнце Сора!

(Идетъ Сора).

Ходи скоро,
Будемъ гулять уцора!
Казакъ придеть, нѣсто будеть!

Сорка. Гутъ-моргенъ, мой Абрумцыкъ!
Жидъ. Гутъ-моргенъ, моя Сороцка!
А гдѣ ты, Сорка, пропадала?

Сорка. На рынки кабацокъ продавала!
А сто ето я тебе такъ довго не видала?
Идѣ ты бувь, Хаимъ?

Жидъ. Ай, я бувь у Полоцку, Велизу,
Увь Невелю, Дорогобузу,
И въ Склови, и въ Мугулёви,
У Старомъ Бихови и въ Орсы,
Игдѣ самъ цортъ не ходивъ!
И сто я видивъ, уй, гевалтъ!

Жидовка. Ай, Хаимъ, иди попроси музикантовъ,
Хай зайграють!

Музыканты играютъ, жидъ съ жидовкой танцуютъ.

Жидъ. Ой, Сорка! полно намъ гулять,
У мене будуть тутъ горѣлку брать.
Завтра сабасъ, на́ грбсый табѣ троску,
Ззарь мнѣ рыбки немнозка.
А тольки ходи—я тебе проведу.
А то тутъ ёсть хандбги,—
Ены тебе́ схандбзуть.

Жидовка уходитъ.

Жидъ. Ой, гашпада! Якъ ѣхали ми изъ Дорогобуза,
А кобилка наса била недуза,
Обозъ на обозѣ́, возъ на возѣ́,—
Одна кобила въ возѣ́ и тая не везе́.
Да якъ узъѣхали ми на мостъ,
Кобилка наса гопъ подъ мостъ!
А ми её ца́пъ за хвостъ!
Нѣтъ, говоримъ, ты не уйдёсъ!...
Стали ми думать и гадать,
Сто намъ съ кобилки работать?
Ми взяли струнки на ладунки,
Зъ реберъ кареты, а зъ ногъ пустолеты,
А съ хвостовъ ситцы.
Стали ми кобилку випрягать,
Катоцки и оглобли ми ломать,
Да якъ разлозы́ли ми огни́сца,
Азъ пидъ самій небеси́сца;
А тутъ якразъ казацы́сца изъ лѣси́сца
И страснаго дубови́сца на плецы́сца!
Якъ ударивъ зыда подъ носъ, дакъ ёнъ носомъ затросъ!
Уй, гевалтъ!. . .
Казакъ. Ахъ, ты нехрысь, ты пархатый!
Чаго ты такъ оре́шъ!
Ти ня водку тутъ безъ патента продае́шъ?
Жидъ. Тиха, тиха, панъ Станевскій!
Я не водку, а воцетъ!
Казакъ. Врёшъ, пархъ! Давай питимо!
Жидъ. Питимо, питимо—а хто будеть гро́сы плати́ть?
Казакъ. А вотъ ета довбня табѣ заплотить!
Жидъ. На́, ни, тольки мене́ не би!
Казакъ. Давай, ракалія, попробуемъ.

Жидъ угощаетъ казака водкой, казакъ шатается, наконецъ ложится.

Казакъ. Абрамъ! много ты за водку гро́шей накопилъ?
Жидъ. Я стольки на корцма могъ гро́сый накопить,
Сто у ца́ра могу тебе́ купить!

Казакъ встаетъ.

Казакъ. Ахъ ты, нехрысь ты бродяжный!
Думаешъ, што я у царя продажный?

Начинаетъ колотить жида.

Жидъ. Тисы, панъ Станевскій,—
Я табѣ пѣсню запѣю:
Я зидоцыкъ смирнинькій,
Худинькій, ни зы́рнинькій!
Хуть ви мене́ би́тя,
Хуть ви мене́ рѣзтя,

Хуть ви мене зывенькаго
Отразу изъѣзтя!
Али моя дусá,
Якъ цырвоньцыкъ, хоросá!
Теперъ, моспане Станевскій,
Дай мнѣ трохи гросый!

Казакъ подъ пѣсню жида заснулъ; жидъ вынимаетъ у него изъ кармана мѣдныя деньги.

Жидъ. Во, вразый сынъ!
Цузбго добраго напився и повалився!
Я тебѣ теперъ дамъ!

Бьетъ казака.

Дай-ка зъ я тебе боцонкомъ,
Да бокомъ, да за цубъ подрать!
Знай, знай!

Бьетъ и уходитъ. Казакъ спитъ.

Сцена V.

Казакъ. Здравія желаю, господа!
Я къ вамъ шествую сюда!
Знаете, хто я такой:
Я казакъ—неборакъ со степи—[поля;
Вотъ здѣсь казакова роскошь и [воля.
А у казака дурака
Жинки нема,
Одна душа въ тѣлѣ,
Вши всю голову объѣли!

Садится на Иродовъ тронъ.

Сяду я на Иродову козюльку,
Да покурю табаку люльку,
Ти не убачу я себѣ зезюльку.

Хоръ. Посѣю лебеду на берегу,
Свою крупную разсадушку, и проч.—всю пѣсню. Идетъ казачка.

Казакъ. Гдѣ ты, вражья дочь, пребывала?
Казачка. Казаченька, гарный человѣче:
На рыночку табачекъ продавала.
Казакъ. На сколько ты продала?
Казачка. Казаченька: на рубль продала,
А на два пропила.
Казакъ. А! ты не пильновала табаку,—
А пильновала кабаку,
Поди, найми музыку!

Музыка играетъ, они пляшутъ „казачка".

Казакъ. Полно гулять, пора табакъ продавать!

Уходятъ.

Сцена VI.

Купецъ. Здраствуйте вамъ, господа!
Знаете ли вы меня, хто я таковъ?
Я купецъ славный изъ слободушки Карманной.

Знаете, господа, чѣмъ я въ прежнее время занимался?
Я продавалъ перстенёчки, бруліянчики,
Табашные рожки и манерочки;
По улицамъ носилъ лучину,
А по краснымъ дѣвушкамъ печаль да кручину.
Пока я этимъ товаромъ торговалъ,
Всегда я сытъ пребывалъ.
Однажды со мною случилось великое несчастье:
Великолуцкій купецъ мою руку
Въ своемъ карманѣ захватилъ,
И такъ онъ меня щедро наградилъ –
Всѣ бока и ребра отколотилъ:
Пастухъ трубой, музыкантъ дудой,
Старыя бабы плохимъ горшкомъ,
А маленькіе ребятишки расковыряли весь носъ рожкомъ.
А вы же меня не промѣняйте на птицу,
А позвольте пріискать красную дѣвицу!

Идетъ барышня.

Барышня. Здравствуй, гаеръ мой любезный!
Я къ тебѣ приходъ полезный;
Я къ тебѣ пришла и гулять съ вамъ пошла.

Танцуютъ польку и уходятъ.

Сцена VII.

Докторъ. Здраствуйте вамъ, господа! Знаете ли вы меня?
Я лѣкарь, главный аптекарь,
Умѣю лѣчить, кровь мечить, корпію вставлять,
Живыхъ людей на тотъ свѣтъ отправлять:
Ко мнѣ ведутъ на ногахъ, а отъ меня везутъ на саняхъ.
Не болятъ-ли у васъ, господа, у кого ли зубы?

Идетъ барыня.

Барыня. Ахъ, докторъ! я слыхала, что вы лѣкарь.
Я даже больна и похудала, на мнѣ сорочка поужѣла:
Было двѣ складки, а то стало въ натяжку гладко.
Докторъ. Сударыня! вамъ нужно шалфею,
И дать разъ пять по шеѣ.
Тогда будете здоровы!
Барыня. Ахъ, господинъ,—еще болитъ голова!
Докторъ. Сударыня! обрить вамъ ее догола̀,
Парнымъ молокомъ привязать,
И полѣномъ по головѣ ударять!
Вашъ головъ будетъ здоровъ.
Барыня. Господинъ, еще болятъ зубы!

Докторъ. Сударыня! обрѣзать вамъ носъ и губы,
Не перепустить крови нилишку,
Дать вамъ въ ротъ еловую шишку.
Вашъ зубъ будетъ очень здоровъ.
Барыня. Ахъ, господа: даже отъ словъ его полегчѣло!
Пойду, найму музыку!

Танцуютъ польку и уходятъ.

Сцена VIII.

Волжскій дворянинъ. Здраствуйте вамъ, господа!
Знаете вы меня, кто я таковъ?
Я ни генералъ, ни полковникъ,
А съ сего свѣту покойникъ,
Гарнадеръ россійскій,—
Отдаю вамъ, господа, поклонъ низкій!
Вотъ теперь я вамъ разскажу, кто я:
Я изъ-за Волги дворянинъ,
Жилъ нѣкогда наодиноцы одинъ,
Имѣлъ я у себя крестьянъ сорокъ дворовъ,
Все плутовъ, да мошенниковъ и воровъ,
А именно: четыре двора прикащиковъ, два пустыхъ,
А въ двухъ совсѣмъ не живутъ.
Однажды я старосту послалъ къ нимъ за оброкомъ,
Они ему оброку не отдали, а всѣ бока и ребра отломали.
Остается одинъ слуга Ванька Малой.
Не позвать ли его сюда? Ванька Малой!
Ванька. Чего, сударь мой?
Баринъ. Подай водки алой!
Ванька. Да гдѣ же ее взять?
Баринъ. Да въ поставѣ?
Ванька. Да чертъ ее тамъ поставитъ!
Баринъ. Да иди, посмотри въ другомъ.
Ванька. Да я всѣ четыре обошолъ кругомъ!
Баринъ. Прекрасно, Ванька!

Ванька уходитъ.

Баринъ. Ванька Малой!
Ванька. Чего, сударь мой?
Баринъ. Хорошо ли наши мужики живутъ?
Ванька. Хорошо, баринъ, какъ хорошо:
Въ восьми дворахъ одинъ топоръ!
Баринъ. Дуракъ! что же они имъ дѣлаютъ?
Ванька. До обѣда дрова рубятъ,
А послѣ обѣда одинъ одному головы рубятъ.

Туловище да голова—стало два.
Было сто, а теперь народу въ вашей вотчинѣ двѣсти!

Уходитъ.

Баринъ. Ванька Малой!
Ванька. Чего, сударь мой?
Баринъ. Хорошъ ли въ нашихъ мужичкахъ урожай?
Ванька. Хорошъ, баринъ!
Баринъ. Какъ-же хорошъ?
Ванька. Колосъ отъ колоса—не слыхать человѣческаго голоса.
Снопъ отъ снопа, столбовая верста.
Копа отъ копы, день ѣзды.
Баринъ. Прекрасно, Ванька!

Ванька уходитъ.

Баринъ. Ванька Малой!
Ванька. Чего, сударь мой?
Баринъ. Сколько мы ржи намолотили?
Ванька. Сорокъ четвертей за спиной!
Баринъ. Какъ, какъ?
Ванька. Сорокъ четвертей съ осминой?
Баринъ. Прекрасно!

Ванька уходитъ.

Баринъ. Ванька Малой!
Ванька. Чего, сударь мой?

Баринъ къ публикѣ.

Баринъ. Вотъ, господа: не купитъ ли кто у меня ржи?
А то у меня очень много! Сходно отдаю!
Ванька Малой!
Ванька. Чего, сударь мой?
Баринъ. Что ты побѣжалъ,
И мнѣ приходъ и расходъ не показалъ?
Ванька. Вамъ, баринъ, приходъ и расходъ извѣстенъ!
Баринъ. Какъ же?
Ванька. Мерину сипатому
Да вашему батюшкѣ горбатому
Десять четвертей;
Сукѣ полевой
И вашей женѣ молодой
На холявы
Десять четвертей;
Уткамъ сѣрымъ
Да дѣвушкамъ сѣннымъ
Десять четвертей;
И намъ дворовымъ людямъ
Съ прикащиками
Десять четвертей.
Одна осьмина остается, баринъ.
Баринъ. Вотъ, господа: хотѣлъ было продать ржи,
А только наоборотъ! Ванька Малой!
Ванька. Чего, баринъ мой?
Баринъ. Куда же ты осьмину подѣвалъ?

Ванька. Баринъ! Не захотѣлъ закрома занимать,
Взялъ, сростилъ да и пивца наварилъ.
Баринъ. Вотъ хорошо! А хорошо наше пиво?
Ванька. Хорошо!
Баринъ. Какъ хорошо?
Ванька. А такъ: если вашему здоровью на́ще стаканъ поднести
И полѣномъ по головѣ оплести—
Нехотя съ ногъ свалитесь.
Баринъ. Прекрасно!

Ванька уходитъ.

Баринъ. Ванька Малой!
Ванька. Чего, баринъ мой?
Баринъ. Всѣ ли наши лошади двѣсти?
Ванька. А обѣ, баринъ, вмѣстѣ!
Баринъ. Какъ это происходило?
Ванька. Слѣпая хромую задавила.
Баринъ. Какъ такъ случилось?
Ванька. Слѣпая повалилась,
А хромая нашла на ее и задавила.
Баринъ. Вотъ, господа, несчастье какое:
Лошадей двѣсти и обѣ легли вмѣстѣ!
Ванька Малой!
Ванька. Чего, баринъ мой?
Баринъ. Поилъ ли ты конька воронька!
Ванька. Поилъ, баринъ!
Баринъ. Что у него морда суха?
Ванька. Пролубь очень высока!
Баринъ. Дуракъ! ты жъ бы пролубь подрубилъ.
Ванька. А я ему всѣ четыре ноги отрубилъ!
Баринъ. Дуракъ! Что же ты сдѣлалъ?
И на комъ мы будемъ ѣздить?
Ванька. Баринъ день на мнѣ,
А два дня я на барину!

Ванька садится барину на плечи сзади и кричитъ: Баринъ, пошолъ! А баринъ кричитъ: Ванька, шалишь,—подтяжки порвешь! И уѣзжаютъ *).

Сцена IX.

Баба деревенская. Ху́ ти мнѣ!
Здраствуйте вамъ, господа! Вотъ же уморилась!
Што сильно учора была выпивши,
А сегодня голова болитъ!

---

*) Діалогъ этотъ имѣетъ множество варіантовъ.

Я баба шепелуха, родилася на самаго Духа,
По рынку ходила, какъ молодая молодуха.
Ой, хто ето лежить? Какой больной или чумной?
Онъ горѣлки опился или змѣя укусила, —
Вб и похмелье будетъ!

Баба ворожитъ и плюетъ.

Семь зимъ зимовало и миновало,
Справили мнѣ, надѣли шибцы, хлибцы,
Шиповалы, коновалы, цудникп, шляпники,
Откоснись, отколупись, отъ хребетной кости,
Отъ завыйной части, кости, врости! Плюнь, дунь!
Устань, мой казаче, гарный человѣче!

Баба подымаетъ казака, лежавшаго отъ сцены IV.

Казакъ. Ахъ, бабка! если бы ты тутъ не случилась,
Ко мнѣ бъ злая смерть приключилась.
Музыка! заиграй намъ съ бабкой!

Танцуютъ.

Бабка. Охъ, казаче: не при моихъ лѣтахъ уже гулять,
Лучше ты мнѣ заплати,
Хоть рублинку, или полтинку, или гривенку!
Казакъ. Баба! вишь, служивому дается три денюжки на день,
Куда хочешь, туда и дѣнь.
А подставь-ка свой горбъ!

Бьетъ бабу по горбу.

Вотъ тебѣ рублинка, и полтинка, и гривенка!

Сцена X.

Мужикъ. Здраствуйте вамъ, господа! Знаете вы меня, кто я?
Я мужикъ Лобосъ, пришелъ къ вашему здоровью,
Нѣтъ ли рубить дровъ?
Я мужикъ хорошій, на мнѣ жупанъ короткій;
Я кіемъ подпоясался, а лыкомъ подпиризался,
И къ вамъ сюда попался.
А теперь вамъ разскажу:
Какъ жили наши предки и дѣды,
Не видѣли ни горя, ни бѣды;
А какъ пришлось жить внукамъ,
Досталось много горя и муки.
На ее лѣто распрогнѣвался на насъ Богъ, —
Не уродился у насъ горохъ,
А за наши подобныя рѣчи
Отбилъ въ полѣ Богъ всѣ ячменя и гречи.

Думать да гадать, что тутъ работать?
Мы взяли сумки и кошели на плечи,
И пошли съ голыми мѣшками ходить,
По пустымъ деревнямъ стали мякины просить,
Чтобъ въ сумкахъ было легче носить.
Просимъ солоду на брагу, овса на кисель,
Бѣлой яровой пшеницы на круглые пироги.
Много мы хлѣба накопили
И сухарей мы насушили.
Сухари мы продали, краснымъ дѣвкамъ лентъ накупляли.
Которая дѣвка красная, той лента атласная;
Которая рябáя, той лента голубая;
Которая курносая, той лента перепелёсая.
А я хуть старъ, а за дѣвками ласъ!
Господа! давно я видѣлъ сына Максима!
Позвольте погукать его!.. Сынъ Максимъ!
Максимъ (за сценой). Огу, огу, тата!
Мужикъ. Эй, гдѣ жъ ты, сынокъ голубокъ?
Максимъ. Тутъ, тутъ, татка!
Мужикъ. Ой, иди хотя сюда!

Максимъ входитъ.

А йгдѣ ты бывъ!
Максимъ. Тутъ, татъ, тутъ, у грибахъ!
Мужикъ. Какіе тутъ грибы?
Максимъ. Моложевики, рыжики, боровики,
И съ красной головкой!
Мужикъ. Ту, дуракъ: какіе теперь грибы?
Теперь рожествя́нская коліда:
Была звѣзда на небѣ.
А ты лучше иди въ городъ,
Попроси у пáнечки: дайте пряничковъ,
А панóчки по гривеничку!

Максимъ идетъ „въ народъ" и проситъ себѣ въ лукошко.

Мужикъ. Якъ живъ я дворомъ, такъ бравъ ведромъ,
А якъ ставъ брать гарцомъ, и попавъ у старцы.
Якъ Семенъ живъ, ни о чемъ не туживъ;
Разъ напився рынковаго квасу и повалився.
Управитель на порогъ, а я брязь подъ порогъ!
Якъ начавъ ёнъ валить: кому меней, кому больше,
А мнѣ больше всихъ! Съ тыхъ поръ я зарекся:
Пропадай ты кабачекъ, горѣлочка и крючекъ,
Съ тебя шумъ и Москва,—отвѣчай Прохорова спина.

Уходитъ.

Сцена XI.

Входитъ мужикъ, съ подвязаннымъ брюхомъ, и жалуется на боль желудка.

Мужикъ. Вотъ, мои паночки:
Бывъ я у пана на пирушки,
Да якъ налопався тамъ юшки,
Дакъ и теперь не могу сойти.
Што мнѣ Гапка ни робила:
И крапиву, обваривши, клала,
И у бани мене растирала,—
А ейбогу, ничого не помогло,
Да еще и горше прилегло.
Поráили мнѣ яблочнаго квасу,
Свѣжаго моху, чертополоху,
И яще бытцымъ нечего троху;
Усё ето зелья надо сколотить
Да разомъ и проглотить.
Усё ето я зробивъ,
Али хоть бы трошку помогло,
А то еще горшъ прилегло.
Вотъ кабъ ето попався хвельшарочикъ,
Да полѣчивъ бы мой животочикъ,
Отдавъ бы ему и торбу и мошонку.

Является докторъ.

Докторъ. Што у тебя болитъ, мужикъ?
Мужикъ. Ай, паночикъ, помоги!
Разбибливъ, чуть ня лопну.
Докторъ. Ничего, Архипка, не робѣй!
Ложись-ка ты на брюхо!

Мужикъ ложится, докторъ бьетъ его палкой; мужикъ кричитъ „ратунку"; докторъ забираетъ торбу и кишень мужика и убѣгаетъ. Мужикъ приподымается и ругаетъ доктора.

Въ заключеніе вертепнаго представленія стрѣляютъ изъ маленькой пушки. Въ Бычанскомъ вертепѣ она сдѣлана изъ дула стараго пистолета.

Г. Суражъ, Витеб. губ.

Первоначально было напечатано мною въ Могил. Губ. Вѣд. 1898 г. моей редакціи.

КЪ ВЕРТЕПУ ВТОРОГО ТИПА.

I. Отдѣлъ религіозный и Иродъ.

СЦЕНА I.

По открытіи вертепа, пономарь зажигаетъ въ немъ свѣчи. Пѣвцы поютъ тропарь: „Рождество твое, Христе, Боже нашъ“ а потомъ вирши изъ Богогласника:

Искони бысть тако
Веселіе днесь, яко
Земля вся согласно ликуетъ,
Церкви оферуетъ,
Бога на земли показуетъ,
Отверзи днесь врáта
Церковныя всѣ злата,
Алтарь Богу предоставлéнный,
Идѣ же Христосъ рождéнный,
Яко Богъ положéнный.

Является ангелъ.

Ангелъ со свѣщею
Да свѣтитъ тобою,
Божій Свѣтильникъ,
Неугасимый и т. д.

СЦЕНА II.

Сцена вторая изображаетъ фигурами изгнаніе Адама и Евы изъ рая.

Хоръ поетъ. Вопль бысть пре-[зѣльный
Въ предрайстѣй странѣ:
Плакался Адамъ и Ева,
Изъ раю изгнанный.
Господь же, пришедъ,
Адама глашаетъ:
„Гдѣ еси, Адаме?“
Къ себѣ призываетъ.
Адамъ же скрылся
Отъ нагаго стыда,
Листвіемъ прикрылся,
Не являше вида.
„Ой жено, жено, —
Что мнѣ наробила?
Ты меня властнаго
Изъ раю удалила!
Ой раю, мой раю,
Сличная краина,
Ой, раю мой красный...
Гдѣ наша родина?“

СЦЕНА III.

Рожденіе Христа. Въ верхнемъ ярусѣ пещера и ясли; въ нихъ повитый Младенецъ.

Пастухи. Нова радость стала,
Какъ на небѣ хвала,
Надъ вертепомъ звѣзда ясна
Свѣту возсіяла.
Предъ тѣмъ веселимся,
Христу поклонимся,
Яко царю рожденному,
Богу предвѣчному.
Просимъ тебе, цару,
Небесной офяры:
Даруй лѣто счастливое,
Сему господáру.
Пастушки съ ягняткомъ
Передъ симъ же дитяткомъ
На колѣни упадали,
Главы всѣ склоняли.

СЦЕНА IV.

Приходятъ на поклоненіе три волхва.

Хоръ. Шедше тріе царіе
Ко Христу Государю.

Является Иродъ.

Иродъ ихъ пригласилъ,
Идѣ же йдутъ, ихъ спросилъ:
„Царіе Персидстіи —
Куда вы идете?“
Отвѣщаша ему:
— Идемъ къ рожде́нному,
Во ясли положе́нному
Дары принести!
— „Идите и мнѣ возвѣстите:
И азъ поклонюся Ему“.

Волхвы приходятъ къ Христу и [кланяются.

Хоръ. Небеса купно съ ангелы [ликуйте,
Тріе цари дары оферуйте!
Днесь рожде́нный,
Въ ясли положе́нный,
Между скоти,
Зрится въ плоти.
Намъ пророкъ вѣщаше:
Родила Дѣва спасеніе наше.
Что отрбка безъ порока
Родила Дѣва Марія въ Виѳліемѣ

Волхвы удаляются обратно. Къ нимъ является ангелъ:

Ангелъ. Царіе Персидстіи,
Куда идете?
Не Ироду ли
Вѣсть несете?
Къ Ироду не идите,
Бо Иродъ говорилъ лукаво,
Идите же направо!
Волхвы. Благодаримъ ангела, [архангела,
Что намъ путь указалъ,
Идти направо приказалъ.

Къ Іосифу является ангелъ.

Хоръ. Иродъ хочетъ отроковъ [избити,
Ангелъ пріиде мужу возвѣстити,
Чтобъ Іосифъ въ Египтѣ
Отъ Ирода скрылся,
Вмѣстѣ тамо съ Младенцемъ на- [ходился.

СЦЕНА V.

Иродъ сидитъ на тронѣ и зоветъ воиновъ.

Являются воины.

Иродъ. Вои мои, идите
Сего младенца убійте!

Воины уходятъ.

Хоръ. Иродъ славы добываетъ,
Всѣхъ младенцевъ убиваетъ!

Является Рахиль и плачетъ.

Рахиль. Крикнула мати
По своёмъ дитяти:
„Ахъ убиваютъ,
Меня несчастной оставляютъ.
Восплачете, чади,
Ирода ради —
Время наступаетъ,
Дѣтей убиваютъ!“

Хоръ. Не рыдай по чадехъ,
Вознесетъ во адехъ
Богъ вѣнецъ преславныхъ
Отъ Христа мнѣ данныхъ,
Мученикамъ слава,
Честь и держава
На вѣчныя вѣки!

Иродъ послѣ избіенія младенцевъ сидитъ на тронѣ.

СЦЕНА VI.

Является смерть.

Смерть. Азъ есмь монархи́ня,
Всего свѣта Господыня,
На всякомъ мѣстѣ пребываю,
Всѣхъ къ себѣ я призываю.
Цари и князи всѣ подъ властiю
[мое́ю,
Всѣхъ я вырѣжу косою своею.
Полно тебѣ, Иродъ, царствовати
[въ свѣтѣ,
Пора тебѣ да́вно сидѣть въ ад-
[ской клѣти!
Иродъ. Не хочу я умирати,
Хочу еще царствова́ти.
Не хочу по аду шляться,
Буду съ смертью воеваться!
Вои мои, станьте у порогу,
Буду ловить смерть, какъ мо́гу!
Смерть. О, Иродъ проклятый!
Не хочетъ поддаться,
Хочетъ со мной воеваться.
Какъ крикну я старшаго брата
[изъ ада,
Будешъ ты знати,
Какъ чадъ убивати!
Брате, Аде!

Является дьяволъ.

Дьяволъ. Что, Иродъ проклятый,
Споришь съ моею сестрою?
Сестра, ударь его
Своею косою!
Какъ свалится его гла́ва,
Намъ будетъ честь и слава!

Смерть срубаетъ голову
и говоритъ:

Вотъ вамъ трупъ и гла́ва,
А мнѣ честь и слава!

Дьяволъ хватаетъ трупъ и
уноситъ.

Хоръ. Чертъ же показалъ пе-
[кельныя штуки,
Взялъ грѣшнаго человѣка въ
[свои руки.
Бѣжитъ во адъ, присѣдая.
Вотъ суета мiрская!

СЦЕНА VII.

Возвращается изъ Египта Святое Семейство.

Хоръ. Ангелъ во снѣ предвѣ-
[щаетъ,
Дѣву назадъ возвращаетъ
Съ Младенцемъ, съ Младенцемъ!
Мы васъ поздравляемъ,
Долго жить желаемъ:
Весело живите
И насъ наградите!
Мы же пойдемъ въ дорогу,
Приносити честь и хвалу
Христу Богу!

Такимъ образомъ, библейская часть вертепнаго дѣйства, послѣ смерти владѣльца вертепа, скомкана. Что же касается бытовой части, то въ устахъ новаго владѣльца она не только сокращена, но и совершенно искажена. Состоитъ она всего изъ шести сценъ и притомъ нѣмыхъ, кромѣ четвертой. Являющiеся персонажи молча танцуютъ и

удаляются. Мало этого: вертепщикъ, не умѣвшій заучить текстовъ этой части, заставляетъ свои фигуры танцевать подъ пѣніе религіозныхъ виршей или искусственной пѣсни позднѣйшаго періода, благодаря тому только, что ее можно пѣть на мотивъ „Ахъ вы, сѣни, мои сѣни...“

Излагаю содержаніе этой части.

Сцена первая. Являются двѣ паненки и танцуютъ польку, а хоръ поетъ искаженную виршу:

Небеса купно съ ангелы ликуютъ,
Тріе цари дары оферуютъ... и т. д.

Сцена вторая. Входитъ цыганъ. Увидя его, паненки въ испугѣ убѣгаютъ. Цыганъ пляшетъ русскую, казачка, а хоръ поетъ ускореннымъ темпомъ виршу:

Скинія всезлатая, ковчегъ завѣта,
Во пещерѣ днесь Марія Сына повила.
Радуйся, Марія, радуйся, Приснодѣва,
О нетлѣнномъ рождествѣ твоемъ! и т. д.

Сцена третья. Съ окончаніемъ вирши цыганъ уходитъ. Является мужикъ и тоже молча танцуетъ. Хоръ поетъ пѣсню 1861 года:

„Ахъ ты, воля, моя воля, золотая ты моя!“ и т. д. на мотивъ пѣсни:

Ахъ вы, сѣни, мои сѣни...“

Сцена четвертая. Входитъ жидъ.

Мужикъ. Почто ты тутъ, невѣрный жидовину, ходишъ,
Людямъ шкоды безъ числа навѣрно приводишъ?
Въ небѣ, въ красной украини, въ божественной святынѣ,
Бодай тя не знати, бодай тя не знати, и не оглядати.
А ты, Борухъ, спѣваешь, однако не кончишь,
Да й у Сореньки своей правды ты не дόйдешь,
Бо стоит мужикъ съ кіемъ великимъ,
Жидъ же закричалъ голосомъ предикимъ.
Жидъ. Буду дόбре жити, не буду крутити!
Мужикъ. Тутъ, невѣрный жидовину, тебѣ не ходити,
А ты, прόклятый, говόришъ: не буду крутити!
Жидъ. Ейбогу жъ, крутить не стану,
Больше грошій я достану коло добрыхъ людей,
Коло христіановъ!

Является чертъ, хватаетъ жида и уноситъ, а мужикъ, испугавшись, убѣгаетъ въ другую сторону.

Сцена пятая. Ѣдутъ конные воины и маршируютъ. Хоръ поетъ виршу:

Превѣчный родился, безсмертный,
Хотящій землю просвѣтити,
Пріиде крестити вселенну дружина Христова и т. д. въ крайне искаженномъ видѣ.

По окончаніи пѣнія этой вирши выдвигается на сцену пушка—стволъ стараго пистолета.

Хоръ поетъ виршу:

Вселенная веселися, Богъ отъ Дѣвы днесь родися,
И въ вертепѣ межъ бидляти пришли поклонъ отдавати и т. д.

При окончаніи этой вирши въ Пропойскѣ изъ пушки стрѣляли. Потомъ воины съ пушкой удалялись.

Сцена шестая. Является мужикъ. Онъ ведетъ козу. Вслѣдъ идетъ баба.

Хоръ поетъ: Антонъ казу вядéть
Антониха падганяить,
Казá бу́бки ранйить,
Антониха паднимаить.
Ни папáла па казѣ,
Да па'Нтóнавай назѣ.
Антонъ плачить,
Антониха скачить!

Баба, а потомъ и мужикъ съ козою, пляшутъ, чѣмъ и кончается представленіе.

Записано отъ Юрьева, Ѳедорова и Красовскаго
Ф. Ѳ. Кулешовымъ.

КЪ ВЕРТЕПУ ТРЕТЬЯГО ТИПА.

I. Иродъ.

СЦЕНА I.

Происходитъ въ верхнемъ этажѣ. Здѣсь находятся фигуры Адама, Евы, двухъ ангеловъ и херувима съ мечомъ, пономаря, діакона, священника.

Пономарь звонитъ въ колокольчикъ и своей горящей свѣчой зажигаетъ свѣчи, стоящія предъ образами (см. выше, описаніе вертепа).

Священникъ и діаконъ входятъ и кадятъ предъ образами.

Хоръ поетъ тропарь: „Рождество твое, Христе Боже нашъ“. По окончаніи тропаря, входятъ два ангела.

Ангелы поютъ кондакъ: „Дѣва днесь“.

СЦЕНА II.

Когда окончится пѣніе кондака, входятъ Адамъ и Ева. Ихъ гонитъ херувимъ съ мечомъ.

Адамъ и Ева плачутъ.
Хоръ поетъ: Вопль бысть пресильный въ предрайской странѣ:
Плакался Адамъ, изъ раю изгнанный:
„Ой раю жъ, мой раю, слишная украина,
Ой, бѣдная жъ моя безъ тебе година!
Ой, жена жъ моя, што ты мнѣ сдѣлала:
Ты мя властнаго изъ раю прогнала!“
Пономарь тушитъ свѣчи.

СЦЕНА III.

Происходитъ въ нижнемъ этажѣ. Входитъ царь Иродъ. Фигура его деревянная съ отрѣзанной головой, которая слегка приклеена къ плечамъ и ниточкой привязана. Войдя, онъ садится на тронъ.

Иродъ. Што я слышу во царствіи своемъ нынѣ,
Въ Виѳлеемскомъ градѣ, о новорожденномъ чадѣ?
А призову я къ себѣ тре́хъ царе́й
И спрошу у нихъ какихъ вещей!

Входятъ три цари.

Хоръ. Шедше тріе цари ко Христу съ дарами;
Иродъ же проклятый, идѣ же йдуть, ихъ спросилъ.
Цари кланяются:
Почто ты намъ, царь державный,
Велѣлъ прити подъ твой указъ явный?
Иродъ. Потому я вамъ велѣлъ прити,—
Бытто какая дѣва днесь сына царя родила,
Я въ ушахъ слухъ мѣвъ и потому посылаю:
Идите и развѣдайте, и азъ поклонюся ему!

Цари пошли и идутъ на второй этажъ, въ пещеру.

Хоръ. Зашли съ страны свое́
Ко Христу славосла́вить.
Цари, кланяются:
Новорожденный царю, прими наши дары!
Мы, тріе цари, приносимъ ко Христу дары.
Ангелъ, входитъ:
Царіе-друзіе, куда вы мыслите ити?
Ко Ироду не идите, но *инн*ымъ путемъ идите!
Цари. Благодаримъ тебѣ, ангелу,
Што намъ показалъ путешествія страны!
Хоръ. Ангелъ къ нимъ являетъ, на путь наставляетъ:
Ко Ироду не идите, но инымъ путемъ идите!

СЦЕНА IV.

Происходитъ во второмъ этажѣ. Идетъ „скинія“: Дѣва Марія на ослѣ, Іосифъ ведетъ осла, за плечами у него мѣшокъ.

Хоръ. Скинія всезлата́я,
Ковчегъ завѣта́,
Видящи днесь Марія
Сына повита́!
Радуйся, Марія,
Радуйся, Приснодѣва,
О нетлѣнномъ
Рождествѣ твоемъ!
Слава Богу во вышнему,
Ангелы гласять,
Слава силѣ твоей,
Дары принося́ть.
Радуйся, Марія и т. д.
Звѣзда ясна сіеть,
Ему служаща,
Три цари приходять,
Дары носяща.
Радуйся, Марія и т. д.

Пастухъ и пастушка съ ягненкомъ подъ мышкой входятъ въ пещеру и кланяются предъ яслями.

Хоръ. Пастушка съ ягняткомъ
Передъ тымъ же дитя́ткомъ
На колѣни упадають,
Христа величають.

Царь Давидъ идетъ съ гуслями въ рукахъ.

Хоръ. Давыдъ, мужу дивный,
Выгрыва́еть игры,
Во всѣ струны ударяеть,
Христа прославляеть!

СЦЕНА V.

Происходитъ въ нижнемъ этажѣ.

Иродъ, садится на тронъ:
Што я слышу въ царствіи своемъ нынѣ,
Въ Виѳлеемскомъ градѣ
О новорожденномъ чадѣ?
Призову я къ себѣ воина,
Дабы онъ могъ меня губить,
Или болѣе раздражнить!
Воине мой милый,
Воине любезный,
Стань передо мною!

Воинъ, прибѣгаетъ съ саблей въ рукѣ:
Господинъ мой царь!
Твоя вѣра моя вѣра
Вѣроятно стала?
Иродъ. Воине мой милый,
Воине любезный!
Иди во градъ Виѳлеемъ
И избей тамъ младенцевъ
Отъ двою́ лѣтъ и нижае!

Воинъ съ саблей уходитъ. Является другой воинъ съ пикой и ведетъ Рахиль со отрочатемъ.

Воинъ. Господинъ мой царь!
Я привелъ къ тебѣ Рахилю
И съ малымъ отрочемъ:
Или велишь убить,
Или живáго на свѣтъ пустить?

Иродъ. Я тебѣ царскихъ словесъ
Никогда не перемѣню!
Возьми отроча, убей!

Воинъ беретъ дитя на пику.

Рахиль. Скликнула мати
По своемъ дитяти:
Ахъ, уби жъ мéня
Въ сіе время,
Пусть умру скоро!

Плачетъ и кланяется.

Хоръ. Не рыдай по чадѣ,
Вознесутъ во адѣ
Твой вѣнецъ преславный,
Отъ Христа изданный,
Съ небесъ херувимы,
Еще серафимы,
Мученикамъ честь и слава
На вѣки вѣковъ.

Воинъ и Рахиль пошли.

СЦЕНА VI.

Смерть входитъ:
Азъ есть монархиня,
Всему свѣту пáня!
Гдѣ же я пребуваю,
Во всякой странѣ
Всѣ цари и князи
Подъ властью моею,
Я вырублю косою своею!
О ты, Иродъ, царь проклятый!
Полно тебѣ царствовáти,
Не пора ли въ адъ вступати?

Иродъ. Охъ смерть, моя мати,
Не хотѣлъ бы я умирати,
Хотѣлъ бы съ тобой воевати.
Пусть мое царство повсюду знати!

Смерть. Ахъ ты Иродъ, царь проклятый!
Не хочешь добровольно въ руки поддаться,
Хочешь съ смертью воеваться?
Якъ воскликну я брата
Съ пекельнаго ада!
„Адъ—братъ!"

Чертъ въ видѣ косматаго чернаго человѣка:
Што, смерть—сестра?

Смерть. Царь Иродъ хотѣлъ со мной воеваться,
Не хотѣлъ смерти въ руки поддаться!
Чертъ. Возьми, сестра, косу́,
Зруби царю главу́!
Ему трупъ и гла́ва,
А намъ честь и слава!

Дьяволъ пошелъ.

Смерть. Пропойте ему надгробную пѣснь!

Хоръ. Еще жъ бо ты не доказалъ
Пекельныя штуки,
Якъ Ирода проклятаго
Беруть въ свое руки.
Беруть его и держа́ть,
Всѣ отвѣты предлежать
За его забавы,
Идуть до насъ славы.

Смерть. Вотъ тебѣ надгробная пѣсня пропѣта,
Лишаешься ты сего бѣлаго свѣта!

Даетъ понюхать косу:

Понюхай!

Иродъ сходитъ съ трона.

Смерть рубитъ ему голову. Онъ падаетъ.

Чертъ прибѣгаетъ:
Ходи-ка, братъ, со мною въ адъ!
Будемъ съ тобою у карты гулять,
И старыхъ бабъ забавлять!

Бьетъ его, колотитъ и тащитъ.

II. Жанровыя сцены.

Въ нижнемъ этажѣ.
Первая сцена забыта.

СЦЕНА II.

Два царя ѣдутъ верхомъ—Поръ Индѣйскій и Александръ Македонскій. Поръ въ длинномъ плащѣ, съ пикой въ рукахъ, Александръ въ короткомъ платьѣ, съ саблей. На головахъ у обоихъ короны.

Вертепщикъ. Новое дѣло начинають,
Царь царя убиваеть,
На небеси и на земли споклоняють.

Цари сражаются. Поръ падаетъ съ коня, а Александръ уѣзжаетъ. Является воинъ въ шлемѣ съ перьями и уноситъ тѣло убитаго Пора.

СЦЕНА III.

Входятъ по парно шесть солдатъ съ ружьями и офицеръ. Одѣты въ мундиры. Ружья изъ жести.

Офицеръ. Во фрунтъ!
Солдаты становятся во фронтъ.

Офицеръ осматриваетъ ихъ съ праваго и съ лѣваго фланга.
Смирно! Равняйся!
Ряды вздвой! (полное ученье).
Налѣво кругомъ! Шагомъ маршъ!
Солдаты уходятъ.

СЦЕНА IV.

Выѣзжаетъ кавалерія: шесть солдатъ и генералъ. Всѣ въ формахъ, съ саблями изъ блестящей жести.

Генералъ. Здорово, ребята!

Солдаты. Здраемъ-желаемъ, ваше высокопревосходительство!

Генералъ. Шкадрóнъ, во фронтъ!

Солдаты становятся во фронтъ.

Генералъ подъѣзжаетъ къ нимъ и осматриваетъ линію. Потомъ отъѣзжаетъ и командуетъ:

— Шкадронъ, маршъ!

Уѣзжаютъ. Лошадь генерала танцуетъ.

СЦЕНА V.

Выступаютъ „скакýшки“—маріонетки на пружинахъ и ниткахъ. Среди нихъ уланъ. Всѣ танцуютъ.

Уланъ, поетъ и танцуетъ:
А вулáне добрый пане,
А въ вуланахъ дóбро жить,
Довбéшечкой воши бить!
Прíстань, прíстань до вербýнки,
Бéндешь ѣсти зъ масломъ курки,
Бендешь пить, бендешь ѣсть,
Бендешь хброшо ходить!

Скакушки пошли.

СЦЕНА VI.

Паничъ и паненка являются. Музыка играетъ на скрипкѣ и на цымбалахъ, (а позже на гармоникѣ), польку.

Паничъ и паненка, танцуютъ польку. По окончаніи танца цѣлуются и кланяются хозяину.

СЦЕНА VII.

Цыганъ. Накувéрда—вéрда,
На чичиръ жа!
Чичиры—міряне!
Панове, ти на бачили,—
Ти не ѣхали шатромъ цыгане?
Кобылка бѣленька на ноги кульгала,
И тамъ была молодая
Моя цыганка Хбвра!
Цыганка. А я тутъ!
Цыганъ. А гдѣ ты была?
Цыганка. Я ходила по селу,
Добывала сыровцу!
Цыганъ. А що твой сыровецъ
Да пахнеть раковой юшкой?
Цыганка. А я жъ кидаю къ тому
Ище и Петрушку!
Цыганъ указываетъ на хозяина:
Ну, иди жъ къ тымъ панóмъ,
Кланяйся низенько,
Да проси гарненько!
Музыкантъ! Зайграй мнѣ
Свиньню кувануя!

Музыка играетъ кáзачка.

Цыганъ и цыганка, танцуютъ и поютъ:

Чаму цы́ганъ не орэ́?
— Онъ не ма́е плуга,—
За поясомъ пу́га!
Цыганка. Я за сало, я за крупы,
Про́йдить шкворень кала д..ы!
И за крупы и за сало
Къ д..ѣ шкворень привязала!
Цыганъ, бьетъ цыганку пугой:
До шатра́, до шатра́!

Уходятъ.

СЦЕНА VIII.

Входитъ жидъ и кланяется.

Жидъ. Добрый ве́цыръ, пано́цки!
Ти нема сто продазны:
Сцыти́на, восцы́на, пастарна́ку?
И я, господа, коло васъ открыю ла́воцку:
Будеть у мене всего довольно:
Цапо́цки, лапо́цки, цай, сахаръ, мыло,
Есцо́ тро́ху и дёхтю!
Дозвольте мнѣ, паноцки,
Кабъ потанцовать,
Васъ съ празьникомъ поздравить!

Кланяется хозяину.

— Я не одинъ тутъ, паноцки:
У мене ёсть Со́ра,
Выписана изъ Париза уцора.
„Со́роцка! кум цу мир танцэн!“

Сора выходитъ. Жиды танцуютъ казачка.

Жидъ, въ тактъ поетъ:
Моя са́поцка изъ злота,
Съ одной ску́роцки работа,
А ярму́лка ко́зана
Гни́дами шпико́вана!

Въ разгаръ танцевъ незамѣтно вбѣгаетъ разбойникъ, бьетъ жида по затылку и прячется. Жиды сначала убѣгаютъ со страха, но потомъ опять приходятъ. Сначала жидъ.

Жидъ. Сто тутъ за разбойникъ такій?
Якъ ето мозно?
Хто тутъ бъе́тца?
Я буду залитца на мировій судъ, у цасть!
Сорочка! кум цу мир танцэн!

Сора входитъ. Начинаютъ танцовать казачка. Входитъ опять разбойникъ и убиваетъ жида. Сора убѣгаетъ. Когда разбойникъ уходитъ, она появляется снова и плачетъ.

Сора. Осэроцка (имя)! устаю́фъ, позалуста!
У мене дробныя дѣтки!

Устаю́фъ, устаю́фъ, позалуста!...
Ну, коли не хо́цысъ,—
Цортъ тебе́ возьми!
У мене заўтра другій будеть!

Уходитъ. Является чертъ. Быстро схватываетъ жида,—„ажъ пылъ!"—и уноситъ.

СЦЕНА IX.

На сценѣ Антонъ съ козою и Антониха.

Хоръ. Антонъ козу веде́ть,
Антониха погоняеть,
Антонъ козу бье́ть,
А коза не йдеть.

У Антона въ рукахъ лучинка. Онъ зажигаетъ ее и суетъ козѣ подъ хвостъ, а сами съ Антонихой выскакиваютъ изъ вертепа.

Является старецъ съ кошелькомъ и проситъ подарить его. Приходитъ разбойникъ, смотритъ въ кошелекъ и бьетъ старца долбешкой.

Разбойникъ. Проси гро́шей, проси!

Старецъ кланяется хозяину. Дѣти хозяина опускаютъ деньги въ кошелекъ.

Г. Могилевъ. Записано мною въ 1905 г. отъ вертепщика Василія Бутомы.

Со звѣздою ходятъ только въ три первые дня Рождественскихъ праздниковъ; вертепныя же представленія могутъ даваться, сверхъ того, наканунѣ и въ день Новаго года.

Со второго дня Рождественскихъ праздниковъ начинали ходить ряженые съ козою, медвѣдемъ, кобылой, журавлемъ.

Для того, чтобы сдѣлать *козу*, хлопцы выворачивали кожухъ шерстью кверху, продѣвали въ одинъ рукавъ кожуха конецъ дуги и завязывали рукавъ въ видѣ головы и шеи. Къ головѣ привязывали рога изъ соломы или изъ крупнаго сѣна—осоки. Къ другому концу дуги привязывался хвостъ, изъ того же матеріала. Тогда подъ кожухъ влѣзаетъ низкорослый парень и беретъ въ руки головную часть дуги, обращенной выпуклостью книзу. Полы кожуха съ боковъ опущены до земли и закрываютъ ноги парня. Такъ какъ парень входитъ въ избу согнувшись, то при плохомъ крестьянскомъ освѣщеніи такая фигура легко сходитъ за козу.

При козѣ долженъ быть и *дѣдъ*. Его тоже одѣваютъ въ вывороченный кожухъ, но на спинѣ дѣлаютъ горбъ—„запхнуть якую-не́будь лойни́ну и потпера́жуть." „Тагды во́зьмуть бярэ́сьтину, прарэ́жуть вочи и ротъ, уваткнуть носъ изъ бярэсьтины и нитками завя-

жуть за вушми. Яно (маска) и де́ржытца. Намажуть надъ ро́тамъ вусы сажай, надъ вача́ми бро́вы. Бараду́ привѣсють съ пяньки ти зъ лёну. Табакерку дадуть у руки; ёнъ и табаку нюхая у той у носъ, у бярасьтя́ный. И кій у рукахъ де́ржа."

„Тагды дѣлають и *маладичку.* Бяруть мальца якбга патбньшы, навя́зують на галаву́ намётку, штобъ на женщину быу́ похожъ, надѣвають и шнурбу́ку и андаракъ. Напихають платкоу́, штобъ груди были, якъ у малодицы.

Посли дѣлають ще *нѣмца.* Возьмуть штаны чорныя, ти у́ салдата, ти у жыда, да мунде́ръ якій, жалетку, прыбяру́ть хлопца, дадуть шапку чорную, а кали ёсь—дакъ брыль. И абвядуть сажай вочи и ротъ,—яго и ни спазнать. Тагды музы́ку шукають. Харбшый музыка и ня пбйдя, а такъ, абы-якій, лишь бы умѣу́ ры́пать.

Ну, пбсли таго́ ужэ́ ма́льцы идуть пѣть. Бяру́ть и миханбшу. И павяду́ть казу́. Падо́йдуть надъ вакно и прбсятца у хазяина: „Казы́ на́шыя палядѣть пазвольтя!"—Ну, хто пусьтя, а инныя кажуть: „ни нада, нашы дѣти баятца!" Ти такъ што.

Якъ пусьтять, дакъ упе́радъ иде дѣдъ, вяде́ казу за шыю (за конецъ дуги), тагды нѣмяцъ, маладичка, и пѣу́шыя (пѣвчіе), и музы́ка. Якъ увойдуть, дакъ каза́ ста́ня пасярбдъ хаты, а дѣдъ хбдя кала яе́ и стукая па́лкай у мостъ. Кала казы́ и маладичка и нѣмяцъ, а пѣу́шыя и музы́ка у парбзи. Пѣу́шыя запяють, музы́ка тбя жъ самая падыгрывая, маладичка и нѣмяцъ ска́чуть, каза́, стоячи, варбчаитца, нагами ту́пая... Гуляють!

Пѣсни при этомъ поются слѣдующія:

Го-го-го, каза,
Го-го, шэрая!
Выскачь ты, кбза,
Выскачь, нябо́жа,
Съ тёмнаго лѣсу
На чы́ста пбля,
На лукамбръя!
Тамъ тябе́ шука́ють,
Тамъ тябе́ пытають
Стралцы́-удалцы!
— Я ни баюся
Стралцбу́-удалцбу́,
Тольки баюся
Руса русбга,
Дѣда старбга!

—

Изъ ельничку,
Изъ бярэ́зьничку
Вы́скачыу́ заяцъ,
Стау́ казу́ лаять:
„Ахъ ты, кази́ца,
Старая псица!
У́зяла бъ ты сярпбкъ,
Пашла́ бъ у лясбкъ,
Травы нажа́ла,
Да свайхъ дяте́й
Дбма дяржала,
Патрбшку травы
Имъ ба кидала!

С. Заболотье Рог. у.

—

Го-го-го, каза,
Го-го, сѣрая,
Го-го, бѣлая!
Расхади́си—тка,
Разбяги́си—тка,
Па у́сяму двару́
Гаспадарскаму,
Приди близинька,
Паклапись пизинька
И гаспадару́,
И гаспадыни,
Штобъ падарили
Мѣрачку ау́са,
Штобъ каза пашла́!
Мѣрачку жыта,
Штобъ каза сыта!
Гдѣ каза́ нагбй,
Тамъ жыта капбй,
Гдѣ каза́ рбгамъ,
Тамъ жы́та стбгамъ,
Дѣ ни быва́я,
Тамъ ни у́раджа́я!
Дабры́-вечаръ!

С. Кошелево.

—

Го-го-го, каза,
Го-го, сѣрая,
Го-го, бѣлая!
Ни хади, каза,
Па туромъ, туромъ,
Па турóмини,
Падъ тóя сялцо
Куракóўская:
Тамъ стралцы́-байцы́,
Добры малайцы́,
Рáдютца яны́
Козухну бити!
—Ни баюся я
Ни стралцóў-байцоў,
Добрыхъ малайцóў,
Тольки баюся
Старага дѣда,
Барада сѣда:
Ёнъ мянé зрáдя,
Ёнъ мянé ўдара
И ў права вушка—
Патячэ́ юшка,
У лѣвый бачóкъ
Патячэ́ сачóкъ!
—Нутка жъ, козухна,
Расхадиси-тка,
Самамý пану
Пакланиси-тка,
И гаспадыни,
Штобъ падары́ли:
Пять кускоў сала,
Штобъ казá ўстала,
Рэ́шата й аўса,
Наверхъ каўбаса!

Д. Кураковщина Рог. у.

—

Хадила каза
Па густымъ барáмъ,
Па тёмнымъ лясáмъ,
А тяперъ хóдя
Па бóжжымъ дамáмъ.
Пáня—гаспадаръ,—
Паўчвертки аўса,
Штобъ наша казá
Висóка раслá!
Паня гаспадаръ,—
Паўчвертки жы́та,
Штобъ наша казá
Тымъ былá сы́та!
Якъ пашлá казá
На капы́тичкахъ,
На залóтинькихъ,
Усё кажучы,
Прыказуючы:
„А дай жа, Божа,
Да хадлину
Да карóвачку
Ни ўрóчливаю,
Малóчливаю,
Жыта каласиста,
Ядро ядранúста!

С. Жгунь Гомельск. у.

—

Ого-го, казá,
Ого, сѣрая,
Нидаўна зъ Масквы,
Зъ дóўгими касмú!
На гарэ́ казá
Съ казинятами
У далѣ́ ваўчóкъ
Зъ ваўчынятами.
Якъ прыбѣгъ ваўчокъ,
За кóзачку чокъ!
А ваўчыняты
За казиняты.
Ты каза дурная,
Ниразумная!
Ты сваимъ дѣткамъ
Ни гаспадыня!
Ты вазьми сярпокъ,
Пабяжы ў лясокъ,
Нажни травицы
Малéнькій снапóкъ,
Накармú своúхъ
Малéнькихъ дитóкъ!
Ни хади, каза,
Падъ тóя сялцо,
Падъ Бабовичи!
А ў Бабовичахъ
Стралцы́—малайцы́,
Рахавáлися,
Жалкавáлися:
Хóчать казý ўбить,
Шкуру аблупить,
Мяса парубать,
Сабакамъ аддать!
Охъ, я тыхъ стралцоў
Я ни баюся,
Тольки баюся
Старага дѣда,
Што ў тагó дѣда,
Барада сѣда:
Той мянé убъé,
Шкуру абдярэ́,
Мяса парýбя,
Сабакамъ аддасть!
Ты, каза, устань,
Низка пакланись:
Хазяинъ идé,
Мѣхъ грэ́чки нясé,
Мѣрачку жыта,
Штобъ каза сыта,
Мѣрачку аўса,
Зверху каўбаса.
Гдѣ каза тупъ-тупъ,
Тамъ сѣна семъ копъ!
Гдѣ каза рóгамъ,
Тамъ сѣна стóгамъ!
Гдѣ каза хвастóмъ,
Тамъ жыта кустóмъ!

С. Бобовичи, Гом. у.

—

Начинаютъ пѣть еще въ сѣняхъ:

Вотъ мы къ вамъ идёмъ
И казý вядёмъ!
Нутка, кóзанька,
Расходиси-тка,
И ўсямý дварý
Пакланиси-тка:
И гаспадарý

И гаспадары́ньцы,
Ещё красная Мары́нь-
[цы.
А нашъ гаспадаръ,
Ёнъ казу́ жала́ў,
Каляду́ дава́ў:
Гаспадаръ идётъ,
Каўбасу́ нясётъ,
Тры куски сала,
Кабъ каза ўста́ла,
Паўмѣрки аўса́,
Кабъ каза́ расла́,
Чвёртку пшани́цы
На паляницы,
Кабъ наша козанька
Да наѣлася,
Падъ механо́шу
Павали́лася.
„Ну-тка, механошъ,—
Дуй казѣ у носъ:
Надмётца жы́ла,
Бу́дя каза́ жы́ва.
Го-го-го, каза́,
Го-го, шэрая!
Гдѣ ты хадила,
Й гдѣ ты блудила?
— А я хадила,
А я блудила,
Па тёмныхъ лисахъ,
Па шыро́кихъ лугахъ,
А ў ляску́, ляску́,
На жо́ўтымъ пяску́
Павали́лася,
Аказилася!
На гарэ́ каза́
Съ казянятками;
Падъ гаро́й ваўчокъ
Зъ ваўчанятами.
А ваўчокъ, ваўчокъ,
За ко́зачку чокъ,—
А ваўчанятки,
За казянятки!
На палу́ жыта,
Нагами збита,

А на пе́чи авёсъ
Вялики́й паро́съ;
А ў томъ жы́тячку
Пирапе́лица
Дятей вывила.
Бо́льшыя, ме́ньшыя
Усѣ палятѣли,
А ме́ньшанькія
Пасиратѣли.
Дѣ каза́ ро́гамъ,—
Тамъ жы́та сто́гамъ,
Дѣ каза́ нагбо́й—
Тамъ жыта капо́й,
Дѣ каза хадила—
Тамъ жыта радила“.
У пе́чи гарщо́къ
По́винъ зъ вадо́й,—
Ни люблю дѣда,
Што зъ барадо́й...
На дварэ́ мядьвѣдь,
Якъ харо́мина;
А у дѣўки вочы,
Якъ смародина.
Дайтя ля́сачку
Папиратися,
Пайду къ дѣвачкамъ
Залицатися.
Дѣвачка плача—
Замужъ ня хоча.
А коничакъ
За варо́тами,
Чортъ тябе бяры
Изъ залётами!
А пайду́, пайду́
Къ папо́ву гумну.
Ў папо́вамъ гумнѣ
Гаро́хъ мало́тять.
Дай намъ, батюшка,
Мѣрку гаро́ху,
Паўмѣрки жыта,
Кабъ была наша
Козанька сыта.
Ня йди ты, козанька,
Падъ то́я сяло́,

Падъ Журавичи:
А тамъ жа стральцы́
Микала́яўцы,
Сабира́лися,
Рахава́лися
Ко́заньку забить
И ботики пашыть,
Боты, халя́вы
Ззаду дира́вы!
—Ни баюся я
Тыхъ стральцоў-бай-
[цоў,
Тольки баюся
Старага дѣда.
Старый жа дѣдъ,
Ёнъ ни пада́ра,
Ёнъ жа мяне́
Кіямъ уда́ра...
У пра́вая ву́шка
Патячэ́ юшка,
У правый бачо́къ,
Патячэ́ сачо́къ!

С. Хоново, Быхов. у.

—

Го-го-го́, каза́,
Го́-го, сѣрая,
Го́-го, бѣлая
Идѣ ты была?
—Ў турэ́цкой зямлѣ!
—Што ты рабила?
—Ягадки бра́ла!
—Каму́ давала?
—Сваимъ дѣтачкамъ,
Жаўниратачкамъ,
—Чымъ тябе́ били?
—Ро́зками, ро́зками,
Бяро́завыми!
—Куды ўтякала?
—Бе́регамъ, бе́ра-
[гамъ,
Биражы́начкай!
На томъ бе́рази
Стайить клѣтачка,
А ў той клѣтаццы

Сядúть дѣвочка,
Заручóная,
Нивянчóная...
Чалавѣкъ, чалавѣкъ,
Крывы́я ноги,
Ня ды́бай ты
Пе́ракъ дарóги!
Будя панъ ѣхать,
Тябé растопча.
Пастáвя канé
За варóтами.
Коничакъ иржé
Ѣстачки хóча,
Пáнначка плача,
Замужъ ня хóча!

Д. Новоселки, Рог. у.

Въ *с. Юрковичахъ* Гомельскаго уѣзда для *козы* просто одѣвають хлопца въ вывернутую шубу, изъ воротника которой дѣлаютъ голову. Къ ней прикрѣпляютъ рога изъ палокъ и уши изъ травы. „На шы́ю звонокъ присúлять".

При козѣ долженъ быть „цы́ганъ" и „хвицэръ". „Цы́гана умáжати у сажу, хвицэру сдѣлаять зъ бумаги колпакá. Чалавѣки со тры пяють:

Го-го-го, коза,
Гого, сѣрая,
Гого, бѣлая!
Буть, коза ўпала,
Буть, коза пропала.
Стань, козухна,
Стань, молухна,
Развесялися,
Старшóму пану
У ноги поклонись!
Дасть табѣ панъ
Мѣрочку оўса,
Наверхъ коўбаса,
Три куски сала;
Ще того мало —
Чатьве́ртый пирогъ,
Щобъ козы стярóгъ!

Представленіе заканчивается пляской цыгана съ козой.

Обыкновенно, послѣ окончаніи пѣсни козѣ, она или ложится на полу въ сторонкѣ, или прыгаетъ на лавку и высматриваетъ, нельзя ли гдѣ чѣмъ поживиться. Дѣдъ обращается къ молодичкѣ и нѣмцу (цыгану и офицеру): „Ну, погуляйте-тка вы!" Музы́ка играетъ казачка, подушечку, или барыню. Тѣ танцуютъ. „Якъ поскачуть, дакъ дѣдъ козу за шы́ю, прывядé къ ходя́ину, къ ходяйцы, симъя кали ё, и нагнé—нибытта клáняетца инá ўжé! И говóра: „Ну-ка, коза! Стань, расходúся, пану-ходяину поклонúся!" Посьли къ ходяйцы: „Пани-ходяйцы поклонися, кабъ лáскова былá, унéсла коўбасу и кусокъ сала, кабъ козá виселѣй стала!" Ходяйка даé кусокъ хлѣба, а колú нимá, дакъ одногó хлѣба."

Въ *с. Кошелевѣ* къ козѣ персонажи—дѣдъ и баба. Платятъ колбасой, саломъ или деньгами.

Въ *м. Жлобинѣ* и въ Краснобудской волости культъ козы получилъ наибольшее развитіе. Голову для козы дѣлаютъ здѣсь спеціально изъ дерева и оклеиваютъ шкуркой. Нижнюю челюсть дѣлаютъ подвижную и посредствомъ веревочки заставляютъ ее подниматься и опускáться, то есть, открывать и закрывать ротъ, щелкать зубами и т. д. Къ головѣ прибиваются настоящіе козьи рога; къ нижней челюсти привѣшиваютъ бороду. Голова надѣвается на палку, которая привязывается къ концу дуги. Въ остальномъ устройство козы такое же, какъ и въ Заболотьѣ, но стараются подобрать такой кожухъ, чтобы одинъ бокъ козы былъ бѣлый, а другой черный.

Вожакъ—дѣдъ спрашиваетъ у хозяина:

— Пустѝтя козу поскакать!

— Ну, ступайтя!

„Ну, ўпярóдъ казў вядуть у хату. Янá сичасъ скача,—разамъ абѣдьвими нагами.“ Пѣсни поются двѣ: одна „старосвѣтская“, другая „новая“. Привожу и ту и другую.

Старосвѣтская:

Го-го-гó, каза,
Гóго, сѣрая!
Дѣ хвостъ падѣла?
—На соль проѣла!
Соль дарагáя,
Кóзачка наша залатая.
Дѣ казá рóгамъ,
Тамъ жыта стóгамъ,
Дѣ каза нагóй,
Тамъ жита капóй,
(А янá пахарáшуитца!)
Дѣ казá хвастóмъ,
Тамъ жыта кустомъ!
Ты, гаспады́нька
Расхадися-тка,
Развесялися!
Запáль свѣчаньку,
Да йди ў клѣтаньку,
Зирни на бачóкъ,
Дѣ стайть мачóкъ,
Рэ́шата аўсá,
Наверхъ каўбасá,
Тры куски сала
Кабъ каза ўстала!

Новая:

Пóлна нашай кóзаньки
Хадѝть па панáхъ,
Пóйдамъ мы, козка,
На синя мóра!
Мы къ табѣ, Ликсандра,
Ни сами прышли;
Насъ Гасподь паслаў,
Якъ самъ свѣтъ настаў,
Штобъ ты насъ ня биў,
Злóтамъ-срэ́брамъ дары́ў,
Гаспóдьнимъ дáрамъ
И кускомъ сáламъ!

„Бабы дають блинцы, каўбасы, сáла, а хто пятакá.“

Въ с. *Чеботовичахъ* Гомельскаго уѣзда съ козой ходятъ наканунѣ и въ день Новаго года. Устройство козы обычное. Съ козой подходятъ подъ каждое окно и просятъ хозяина: „Добры́-вечаръ, пани-хазяинъ! Пусьти нашу кóзачку пагулять!“ Послѣ полученнаго разрѣшенія, входятъ въ хату и опять просятъ: „Пани-хазяинъ, пазвóль нашай кóзачки паскакáть!“ Хозяинъ отвѣчаетъ: мóжна! Тогда вожаки начинаютъ пѣть, а коза въ тактъ топаетъ ногами—танцуетъ.

Го-го-го, каза,
Го-го, сѣрая!
Ну-тка, кóзачка,
Расхадися-тка
Па ўсяму дварў
Гаспадáрскаму,
Расхадися-тка,
Развесялися,
Пану Ивану (хозяину)
Низка ўкланися!
Дѣ казá хóдя,
Тамъ жыта рóдя,
Дѣ ня бывáя,
Тамъ вылягáя,
Дѣ каза рóгамъ,
Тамъ жыта стóгамъ,
Дѣ казá нагóй,
Тамъ жыта капóй,
Дѣ каза хвастóмъ,
Тамъ жыта кустóмъ!
Ой, сыну, сыну,
Пани—Василю!
Ни вядѝ казў
Падъ тóя сялцó,
Падъ Журавичи.
Мѣлися казу
Стрэ́льчики убить!
Я жъ ни баюся,
Ни стирагуся
Ни съ поля лаўцóў,

Ни зъ лѣсу стральцо́ў,
Тольки баюся
Старо́га дѣда:
У таго́ дѣда
Ту́жанькій лучокъ,
Стрэ́лачакъ пучокъ:
Той мяне́ ўда́рыть,
Той мяне ўра́зить
Падъ щи́ра се́рца
Скрозь палате́нца,
Ў лѣвая вушка,
Патячэ́ юшка,
У лѣвый бачо́къ,
Патячэ́ сачокъ.
Паста́ўлю казу́ налядý,
Прапъю́ казу́ на мядý!
Пастаўлю казу́ на
[тарэ́лку,
Прапъю́ казу́ на га-
[рэ́лки!

Коза падаетъ на брюхо и дрожитъ. Вожаки толкаютъ ее палкою и говорятъ: „Нутка, каза! Иди хазяину укланися и низка пакланися!“

„Пана хазяина паздараўляямъ зъ Новымъ го́дамъ, съ святымъ Василёмъ! И жъ жаною, и зъ дѣтками! Вялй ко́зачку изъ-за границы,—вельми умары́лися! Ти ни прынесъ ба пани—хазяинъ на́шай ко́зачки аўса-ячмяня́ и ўся́кага да́бра!“

Хозяинъ даетъ вожакамъ хлѣба и сала, или денегъ, или какого-нибудь зернового хлѣба. Тѣ благодарятъ и уходятъ. Такъ коза обходитъ все селеніе. Собранные продукты продаются. Молодежь вырученныя деньги употребляетъ на игрище, а мужчины устраиваютъ пирушку у кого-нибудь изъ вожаковъ или дѣлятъ.

Кобыла бываетъ малая и большая. Малая съ однимъ человѣкомъ и съ ряженой кобылой, большая съ цыганомъ, дѣдомъ, и мужиками. Кобылу дѣлаютъ такъ: берутъ шестъ и продѣваютъ его сквозь два рѣшета, между которыми усаживаютъ молодого парня; затѣмъ придѣлываютъ спереди подобіе головы съ ушами и сзади хвостъ изъ пеньки и покрываютъ какой-нибудь „лойни́ной“—старой свиткой, рядномъ, постилкой.

Войдя въ избу, цыганъ предлагаетъ дѣду купить кобылу. Начинается строго дѣловой торгъ. Дѣдъ находитъ запрашиваемую цѣну высокой, цыганъ расхваливаетъ свою кобылу, дѣдъ отыскиваетъ въ ней разные пороки. Начинается ссора. Затѣмъ цыганъ бьетъ дѣда своимъ непремѣннымъ аттрибутомъ—кнутомъ, и т. д.

Въ эту сцену вносится много юмора. Наконецъ дерущіеся мирятся, бьютъ по рукамъ и кончаютъ торгъ. Затѣмъ хозяинъ ихъ угощаетъ или даетъ что-либо изъ съѣстного.

Въ южныхъ волостяхъ Гомельскаго уѣзда—Поповской, Краснобудской, Юрковичской дѣлали настоящее чучело кобылы. Скелетъ связывали изъ гибкихъ стеблей лозы, прикрѣплявшихся къ шестамъ, подобіе головы шили изъ холста и набивали соломой; изъ пеньки дѣлали гриву и хвостъ. Весь скелетъ обшивался бѣлыми скатертями, отчего получалась „какъ-есть бѣлая кобыла“. На голову кобылы надѣвалась уздечка и привѣшивался колокольчикъ. Въ лозовыя ребра влѣзалъ человѣкъ и покрывался длинными простынями—попонами, такъ что ноги его закрывались; для равновѣсія кобыла подвѣшивалась ему двумя поясами по плечамъ накрестъ. Одинъ изъ парней наря-

жался офицеромъ: надѣвалъ солдатскій мундиръ и штаны, на голову бумажный киверъ съ султаномъ изъ бумажной кисти, черезъ плечо голубую ленту изъ бумаги. Другого хлопца одѣвали въ женскую рубаху съ расшитыми рукавами и въ андаракъ; на шею вѣшали монисты, а на голову повязывали платокъ. Это была „барыня". Третій хлопецъ наряжался тоже въ солдатскій мундиръ, но безъ ленты и съ головнымъ уборомъ въ родѣ уланскаго. Послѣдній ряженый былъ цыганъ. Его одѣвали въ синій армякъ, давали рваную шапку, подпоясывали веревкой. Съ кнутомъ въ рукахъ онъ ухаживалъ за кобылой. Затѣмъ приглашался музыкантъ.

Когда все это было готово, собиралось человѣкъ 10—12 пѣвчихъ, „смотря по товариществу", и кобыла отправлялась въ походъ. Одинъ изъ парней бѣжалъ впереди кобылы и подъ окнами спрашивалъ: „Дабры́-вечаръ! пусти́, хазя́инъ, съ кабы́лаю!" Когда тотъ отвѣчалъ: „хади́тя!"—то впереди шли пѣвчіе, за ними кобыла съ цыганомъ и позади офицеръ съ барыней и музыкантъ.

Входя въ избу, пѣвчіе начинали пѣть:

Ой, дабры-вечаръ, паня хазяинъ —
Слава Богу ваяди́наму! *)
Застила́й сталы́, клади́ пирагі́:
Да будя къ табѣ да тро́я гасьте́й!
А первая госьть—жарка со́няйка,
А другая госьть—я́сянъ мѣсячка,
А трэтьтяя гость—дро́бянъ до́щычакъ.
Чымъ пахвалитца жарка со́няйка?
— Якъ взыйду я ра́на на заро́ —
Вазра́дуитца не́ба и зямля́,
Не́ба и зямля́, и ў лузи трава!
Чымъ пахва́литца я́сянъ мѣсячка?
— Якъ взыйду я позна зъ ве́чара —
Узра́дуитца купецъ въ даро́зи,
Купецъ въ дарози, а звѣръ въ дубро́ви!
Чымъ пахва́литца дро́бянъ дощычакъ?
— Якъ взыйду я рана изъ вясны́ —
Узра́дуитца жыта, пшаница,
Жыта, пшаница, ўсяка пашни́ца!
Мы жъ тябе́, хазяинъ, ни знявважа́ямъ,
Съ святымъ Васи́льлямъ паздараўля́ямъ,
Да ни самъ сабо́й—и съ Су́самъ Хрыстомъ,
И съ Сусамъ Хрыстомъ, съ святымъ Рожаствомъ!
Слава Богу ваяди́наму!

---

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждой строки.

Послѣ этого выступаетъ музыкантъ и на дудкѣ (свирѣли) или на цымбалахъ играетъ танцы. Офицеръ и барыня танцуютъ. Окончивъ свой танецъ, они подъ-ручку отходятъ къ сторонѣ. Танцевать начинаютъ цыганъ съ уланомъ. Послѣ пляски цыганъ начинаетъ приставать къ хозяину и къ зрителямъ: „А ну, хазяинъ: ти нямá памяня́ть на кóняй? Мая́ сивая якъ бяжы́ть, дакъ дрыжы́ть, а павáлитца, ляжы́ть—памажы́ падьнять!... Ну, дакъ бýдамъ мяня́ть! Я цы́ганъ багатый: у мянé у аднымъ кармани вошъ на аркани, а ў другимъ блахá на цапѣ!“ и т. п.

Послѣ похожденій цы́гана выступаетъ пѣвчій—мѣхоноша: „За ету чесьть давай, хазяинъ, карбóванцаў шесьть, и тры куски сала, щобъ наша кабыла ня прыстáла!“ Хозяинъ даетъ паляницу, кусокъ сала и деньгами 3—5 копѣекъ, смотря по состоянію.

Тогда кобыла переходитъ въ другой домъ. Если гдѣ не пожелаютъ пустить кобылу, пѣвчіе поютъ:

А ў барý, барý
Стая́ла саснá
Вилаватая,
Или: Щóдяръ-бóдяръ,
Хозя́инъ злóдяй,
Кабылку укрáў,
Патъ печъ исхавáў.
Дѣти сказали,
А Кушняриха (хозяйка)
Килаватая!
Яго звязали.
Дѣти у смѣхъ,
Хазяина ў мѣхъ!
Мѣхъ прадрáўся,
Хазяинъ у — — ўся.

Хозяева не любятъ такихъ пѣсенъ и гонятъ кобылу хворостиной со двора долой.

Медвѣдя наряжаютъ двумя черными шубами, шерстью вверхъ. Рукава одной шубы надѣваются на руки, другой—на ноги; сходящіеся подола и полы сшиваются или опоясываются веревкой; на голову такого медвѣдя надѣваютъ черную барашковую шапку, лицо вымазываютъ сажей. Фигурируетъ и цѣпь или веревка. На улицѣ медвѣдь идетъ на ногахъ, но въ избу входитъ на четверенькахъ. При медвѣдѣ вожакъ съ длинной палкой и музы́ка—бубенъ.

Въ избѣ медвѣдь съ вожакомъ продѣлываютъ весь репертуаръ бывшихъ вожаковъ настоящихъ медвѣдей. Послѣ угощенія водкой, медвѣдь пляшетъ, вставши на-дыбы, и при этомъ, какъ бы нечаянно, бьетъ палкой непріятныхъ ему зрителей.

Въ деревняхъ, вмѣсто вывороченныхъ шубъ, медвѣдя обвиваютъ длинными гороховыми стеблями, „горохвинами“, которыя своимъ цвѣтомъ имѣютъ сходство съ медвѣжьей бурой шерстью.

Журавель обыкновенно сопутствуетъ медвѣдю. Для него на высокой палкѣ дѣлается птичья голова; къ палкѣ привѣшивается ши-

рокій мѣхъ или взятая въ складки простыня, подъ которыми скрывается парень. Журавль пляшетъ, длиннымъ клювомъ долбитъ зрителей и всячески смѣшитъ ихъ.

Въ южной части Могилевской губерніи канунъ Новаго года называется „щбдрою кутьею", „богатою кутьею", „толстою кутьею". Такія названія придаются этому вечеру потому, что къ ужину готовится весьма обильный столъ, такъ какъ всякій считаетъ своею обязанностью встрѣтить новый годъ въ возможномъ довольствѣ. Всѣ блюда въ этотъ день скоромныя; среди нихъ первое и обязательное мѣсто занимаютъ блины, къ которымъ подается растопленное сало съ „шкварками" и колбасы. Затѣмъ подаются: борщъ съ свининой, крупникъ съ гречневой крупой съ поросятиной, крутая каша съ саломъ.

Въ этотъ вечеръ колядныя игры достигаютъ своего апогея: возобновляетъ хожденіе вертепъ, бродитъ снова коза, водятъ кобылу, медвѣдя, журавля. Дѣвушки наряжаютъ *Щодру*. Для роли Щодры выбирается полная красивая дѣвушка. Подруги одѣваютъ ее въ лучшій костюмъ, на голову надѣваютъ вѣнокъ изъ цвѣтной бумаги и навязываютъ на него столько разноцвѣтныхъ лентъ, что ими покрывается дѣвушка до пояса: „трэба, щобъ Щодра касматая була". Дѣлается это для того, чтобъ и новый годъ былъ пріятный и богатый.

Убравши такъ Щодру, дѣвушки, съ Щодрою во главѣ, ходятъ по домамъ и „щедруютъ", то есть поютъ щедровки. Нѣкоторыя изъ нихъ здѣсь приводятся:

У нашаго пана, пана Хве́дара —
Радуйся Тро́йица, Сынъ Божый нарадиуся! *)
На дворэ́ тры сталы́ стаяли,
За тыми стала́ми тры святцы́ сядѣла,
Первая свя́та—свято́я Ражство́,
Святоя Ражство намъ ра́досьть прынясло́.
Друго́я свя́та—свято́я Баси́лья, —
Свято́я Василья намъ свя́та прынясло.
Трэ́тьтяя свя́та—Иванъ Храсьти́тяль, —
Иванъ Храсьти́тяль ваду́ пирахрэ́сьтить.

А ти дома, дома
Самъ панъ—хадя́инъ, —
Святый ве́чаръ!
А хоть и до́ма,
Да ни ка́жытца —
Святый вечаръ!

Да ни кажытца,
Прыбира́итца —
Святый вечаръ!
Прыбираитца,
Ёнъ Щодру дары́ть —
Святый вечаръ!

Д. Новоселки, Гом. уѣз.

---

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждой строки.

Ой, ра́на, рана
Куры папѣли—
Святый ве́чаръ!
А ранѣй таго́
Маръя уста́ла,
Святый вечаръ!
Па дварў хади́ла,
Званко́мъ звани́ла —
[св. в.
Вайшла̀ ў сѣни,
Зазванила—св. в.
Зазвани́ла,
Бая́ръ будила—св. в.
Вставайтя, баяры,
Ко́ни сидла́йтя, св. в.
Ѣдьтя на ўловы
У зялёныя дубровы—
Святый вечаръ!

С. Кошелево, Рогач. у.
Поется хозяйкѣ.

—

Варіантъ.

Ой, рана, рана
Куры папѣли—
Святый вечаръ!
А ранѣй таго́
Стяпа́нка устаў, св. в.
Па дварў пахади́ў,
Званко́мъ пазвани́ў,
[св. в.
Званкомъ пазвани́ў,
Бра́тцаў пабуди́ў, св. в.
„Вставайтя, братцы́,
Ко́няй сядла́йтя, св. в.
Ко́няй сядла́йтя,
На'блаву ѣдьтя, св. в.
На блаву ѣдьтя
Ку́наў сачи́ти, св. в.
Ку́наў сачити,
Дѣвакъ сватати, св. в.
Вамъ, братцы, ку́на,
Куна ў де́рави, св. в.
Мнѣ, братцы, дѣўка,
Дѣўка ў те́рами, св. в.

А ты, мой ко́ню,
Я тябе́ прада́мъ, св. в.
Запрадамъ тябе́
За лукъ, за стрэлку,
[св. в.
За лукъ, за стрэлку,
За красну дѣўку,
Святый вечаръ!
Святыйвечаръ, дабры́-
[вечаръ!

Поется сыну хозяина.
М. Жлобинъ.

—

А збѣгла, збѣгла
(вм. бѣгла).
Съ поля старо́жа—
Святый вечиръ, съ
[поля старожа!
Да прыбѣгла
Къ Иваньку на дворъ,
Св. в. къ Иваньку на
[дворъ!
„Ти спишъ, ти ля-
жы́шъ,
Маладый Иваничка?
Св. веч., маладый Ива-
ничка?"
—Ни сплю, ни ляжў—
Листочки пишу,
Св. в., листочки пишу!
Листочки пишу
Да къ паненки шлю,
Св. веч., да къ паненки
[шлю.
„Хоть шли, хоть ня
[шли—
Ни твая́ бу́дить,
Св. в., ни твая будить!
Тваю́ паненку
Ў пало́нъ забрали,
Святый вечиръ, ў па-
ло́нъ забрали!
Ў пало́нъ забра́ли
Турки съ тата́рми,

Св. веч., турки съ та-
тарми!
Турки съ татарми,
Бая́ръ зъ баярми,
Св. веч., баяръ зъ ба-
ярми!"
— А я тыхъ баяръ
Ме́чамъ парублю́,
Св. веч., мечамъ па-
[рублю́!
А я тыхъ ту́ракъ
Канёмъ патапчў,
Св. веч., канёмъ па-
[тапчу,
Я сваю́ пане́нку
За сибе́ вазьмў,
Святыйвечиръ, за сибе
[вазьму!

С. Хоново, Бых. у.
Поется холостому сыну
хозяина.

—

Хо́дить, пахо́дить,
Святый вечаръ!
Мѣсяцъ па не́бу,
Святый вечаръ!
Клича, пакли́ча
Збрысъ саббю, св. веч.
„Охъ вы, збрачки,
Сястрицы мае́, св. в.
А хаде́мъ жа мы
Па́на шука́ти, св. в.
Пана шукати,
Пана Во́сипа, св. в.
Сяди́ть панъ Восипъ
За сваи́мъ стало́мъ,
[св. в.
За сваимъ сталомъ,
Ў новыхъ будынкахъ,
[св. в.
За стало́мъ сяди́ть,
Тры ку́бки дяржы́ть,
[св. в.
У первамъ кубку
Зилянó вино, св. в.

У другимъ кубку
Кудрава пива, св. в.
У трэтьтямъ кубку
Салбдакъ мёдокъ, св.в.
Зилянб винб
Ли самбга ёгб, св. в.
Кудрава пива,
То дѣткамъ ёгб, св. в.
Салбдакъ мёдокъ —
То жанѣ ёго,
Святый вечаръ!

М. Жлобинъ, Рогач. у.
Поется хозяину.

—

Ой, дѣ жъ мы хбдимъ,
Дѣ пахаджуямъ?
Святый вечаръ!
Мы на етый дворъ
Да й захаджуямъ, св. в.
На етымъ дварэ
Агни гарэли, св. в.
Агни гарэли,
Свячы палали, св. в.
Свѣчы палали,
Сталы стаяли, св. в.
Што за тыми сталами
Судьдя сядѣла, св. в.
Судьдя сядѣла,
Суды судила, св. в.
Ой, каго жъ няма
Да судбу судить, св в.
А няма, няма
Да святбга Ильли, св.в.
Святбга Ильли
Судоў судити, св. в.
Ой, каго жъ паслать
Да Ильли шукать, св. в.
— Паслать святбга [Пятру
Да Ильли шукать, св. в.
Шоў святый Пятрб,
Да Ильли ня нашоў, [св. в.
Пятро въ варбты, —
Альля ў другія, св. в.
„Дѣ жъ ты быў, Альля,
Дѣ пахаджуваў, св. в.“
— Я па пблю пахадиў,
Жыта парадиў, св. веч.
Жыта, пшаницу,
Ўсякаю пашницу, св.в.
Па кашарахъ пахадиў,
Скотъ парадиў, св. в.
Што ў тыхъ кашарахъ
Валы да карбвы, св. в.
Валы да карбвы,
Вараныя кони, св. в.
У поли ядрб,
У доми сьтяблб, св. в.
У доми сьтяблб,
На кашарахъ плодна, [св. в.
Мы жъ тябе, панъ Иванъ,
Ня зниважаямъ, св. в.
А съ святымъ Васи- [лёмъ
Праздараўляямъ, св. в.
Бувай жа здарбў
Исъ сваёй жанбй, св.в.
Съ усёю сямъёй
И зъ дѣтачками, св. в.
А за нашы прыпяўки
Гарняцъ гарэлки, св.в.
А за нашы прыказки
Килбасъ тры въязки!
Святый вечаръ, дабры вечаръ.

М. Жлобинъ. Поется хозяину. По содержанію примыкають къ циклу волочебныхъ-пасхальныхъ.

Къ нимъ должна быть причислена и слѣдующая пѣсня, записанная *во владиміровской* волости, городокскаго уѣзда, витеб. губерніи.

Ишла Каляда да па вулицы —
Кбляда, Кбляда!
(послѣ каждой строки).
Да па вулицы, па мятѣлицы.
Прышла Каляда на тясбвый дворъ:
„А ти спишъ, ти ляжышъ, панъ хозяинъ?
Кали шъ ты спишъ, то спи здарбў,
А кали ня спишъ—атапры вакнб,
Атапры вакно, пагляди на дворъ:
На тваёмъ дварэ да што дѣитца?
Стаить тѣримъ вышы харбмъ,
А ў томъ тирямў да чатыры вакна:
У пѣрвамъ вакнѣ ясный мѣсяцъ,

Въ другомъ вакнѣ красна сонца,
Въ трэтьтимъ вакнѣ дробны звёзды,
А ў чатьвёртамъ бўинъ вѣтиръ.
Ясный мѣсяцъ—самъ хазяинъ,
Красна сонца—жына́ яго́,
Дробны звёздачки—яго́ дѣтушки,
Буинъ вѣтиръ—яго́ слўжыньки.

Запис. Л. Ф. Русакова.

Въ другой пѣснѣ, записанной къ сожалѣнію въ неполномъ видѣ, дворъ хозяина описывается такъ:

Тамъ жалѣзный тынъ,
Мидя́ныя варата́,
Падварóтница—рыбъя щóчичка,
А защéпачка—рыбъя косточка.

Эпитеты эти взяты цѣликомъ изъ пѣсенъ волочобныхъ, что указываетъ на бывшую нѣкогда близость этихъ двухъ цикловъ.

Въ *Полоцкомъ* уѣздѣ такіе варіанты:

Мы хади́ли, мы гуля́ли,
Калядóўщички, - Кóлида! Калида̀!
(послѣ каждыхъ двухъ строкъ).
Мы хади́ли да пыта́лися
Да бага́тыга двара́ Иванькиныга.
А бага́тый дворъ
На сями́ стаўба́хъ,—
А атсюда стаи́ть
Ў дивяти́ вирста́хъ!
Стаўбы́ тóчаныя,
Пазалóчаныя,
А варóтики мидя́ныи
А защéпычки—лавя́нныи.
А ў тóмъ даму́
Самъ хазя́инъ—гаспада́рь,
А хазя́юшка—
Кра́сна ба́рынька!
Самаго́-жъ хазя́ина
Дóма нѣтути,
Ёнъ паѣхаў
Суды́ суди́ть,
Суды суди́ть,
Ряды́ ряди́ть
Атъ суда́ ёнъ барéть
Па сту́ рублёў,
Атъ ря́ды дабра́
Ажъ па ты́сячи.
На чужóй старанѣ
Сабра́ў мнóга дабра́,
Звараті́ўся-жъ ёнъ
Да свайвó двара́;
А купи́ў-жа ёнъ
Тры нéвада;
Тры нéвада,
Тры шалкóвинькихъ,
Аблажы́ў-жа ёнъ
Си́ня-мóрюшка.
Ой, тяни́, патяни́,
Дéнь да вéчара,
А паймаў-жа ёнъ
Трёхъ акунёў.
Ади́нъ аку́нь
Ва стó рублёў,
А другóй аку́нь
Ва цэ́лу ты́сячу,
А какъ трэ́тьтиму—
Цаны́ нѣтути!
А ягóная цана́
У хазя́ина ляжы́ть,—
У хазя́юшки на сталѣ,
На блюдечки!
Добръ-хазя́инъ нашъ
Бага́тый Иванька!
Принима́й гасьтéй за пѣсинку!

Если хозяинъ медлитъ:

Нў-жъ, хазя́инъ, пыскарэ́й,
Пыдары́ сваи́хъ гасьтє́й!
А ня хо́чишъ ты дары́ть,
Иди́ саба́къ зъ намъ дражни́ть,
Барадо́й людє́й смяшы́ть!
Ко́лида! Калида́!

—

Прышла́ Калида́,
Напярёдъ Ражтва́,
Ўпярёдъ пра́зьничка!
Й а хади́ла—гуля́ла Ко́лида,
Па бага́тыму па дво́ру,
Па зялёныму па са́ду!
Бага́тый дво́ръ
На сямі́ вярста́хъ,
На васьмі́ стаўба́хъ,—
Стаўбы́ то́чаные
Пызало́чаные.
Сиряді́ тыхъ стаўбо́ў
Тры тє́рима стая́ть:
У пярво́мъ тирямў—
Свитёлъ—мє́сицъ,
У другомъ тирямў—
Ясна со́ўнушка;
А ў трє́тьтимъ тирямў—
Частыи звёздычки.
Свитёлъ мє́сицъ—
Хазя́инъ въ дамў;
Ясна со́нца—хазя́юшка,
А часты́и звёздычки—
Ма́лы дє́тушки.
Хазя́ина до́ма нє́тути
Ёнъ у го́радъ съє́хаўшы,
Ряды́ ряди́ть,
Суды́ суди́ть,
Ёнъ атъ ря́ды бярє́ть
Па со́тни рублёў,
Атъ суда́ бярёть
Па ты́сячи,
Ђдить хазя́инъ
Па си́няму мо́рю—
Махнўў вясло́мъ
Право́й рукі́,
Свалі́ў съ ма́лъ мизи́нца
Залато́я кальцо́.
Заки́нуў сє́тки
Ў синіё мо́ря,
Хатє́ў пайма́ть
Залато́я кальцо́,—
Ни пайма́ў кальца́,
Пайма́ў тры акуня́
Златапёрыи:
Аді́нъ акўнь—
Цана́—сто рублёў,
А друго́й акунь—
Бо́льшы—тысячи,
А трэ́тьтиму акуню́—
Цаны́ нє́тути.

Зап. П. Ѳ. Альхимовичъ.

Ишла Калида́, калядўючы, Эй, Калида́, Каля́дица!
Каля дварў, ды й бядўючы,
За ёй хлопчаки, ўси жабрўючы.
Прышла Калида́ кы Вану у дворъ:
„Ай, дары́, дары́, па́ня Ива́ня,
Бочку пшаницы, наверхъ ярыцы!
Кали ни хочашъ бочку пшаницы, наверхъ ярыцы —
Дыкъ дары́, дары́, паня Иваня, млоду Маруську!
— А мая́ млода самамў зго́да! Эй, Калида́, Каля́дица!
Ишла Калида́, калядўючы (и т. д. съ начала)
... Дыкъ дары, дары, паня Иваня, сына жані́!
— Сына жанити, пива вары́ти! Эй, Калида́! Каля́дица!

А ў лужкў, ў лужкў,
На жоўтымъ пяскў,
Святый вечаръ!
Раўчачо́къ бяжы́ть,
Кла́дачка ляжы́ть. св.
[веч.

На той кла́даццы
Коничакъ стайть, св. в.
На томъ коничку
Сядѣлца ляжы́ть, св. в.
На томъ сядѣлцы
Андрэйка сядить, св. в.
Хва́литца канёмъ
Пярадъ каралёмъ,
[св. веч.

Ням́а ў караля́
Тако́га каня́, св. в.
Хва̀литца жупа̀намъ
Пярадъ сваи́мъ па́-
[намъ, св. в.

Ням̀а и ў па́на
Такога жупана, св. в.
Хвалитца стрэ̀лками
Пярадъ дѣўками, св. в.
Ням̀а ў васъ, дѣвачки,
Такихъ стрэлачакъ,
Святый вечаръ!
Святый вечаръ, добрый
[вечаръ!

Поется сыну.

—

А кра́сна, красна́
Калина у лузи,
Святый вечаръ!
Краснѣй за таго́
Ва́рачка ў татки, св. в.
Па двару̀ хади́ла,
Весь дворъ краси́ла,
[св. в.

А ў сѣни ўвышла̀ —
Сѣни зазьзяли, св. в.
А ў хату ўвышла —
Паны́ стая́ли, св. веч.

Паны стаяли,
Шапки знимали,
Да ўга̀давали, св. в.
Ти то́ кралёўна,
Ти то́ царо́ўна, св. в.
— Я жъ ни кралёўна,
Я ни цароўна, св. в.
Гна̀тава дачка̀
Слы́шна панначка,
Святый вечаръ!

Поется дочери.

—

Маладый Иванка
Во́кны вым̀ая,
Арла̀ страля́я,
Святый вечаръ!
—Ни страля́й ты арла̀—
Ѣдь да караля́, св. в.
Дае́ть табѣ каро́ль
Варано́га каня̀, св. в.
Варанога каня
И хустку съ-падъ
[зло́та, св. в.
И хустку съ-падъ
[зло́та,
И персьтинь на руку́,
Святый вечаръ!

Сыну.

—

Зажурылася
Крутая гара̀,
Святый вечаръ!
Што ни ўради́ла
Шо́ўкава трава, св. в.
Тольки уради́ў
Зялёнъ винаградъ,
[св. веч.
—Хто таму̀ винаграду
Старо́жа будя, св. в.
Малады́й Стяпа̀нка
Стяро́гъ но́чачку, св. в.
Стярогъ но́чачку,
Стярогъ другую, св. в.

А на трэ́тяю
Крэ́пянька заснуў,
св. веч.

Прышо́ў икъ яму́
Яго́ татачка, св. в.
Унъ, твае́ гарады́
Турки аблягли́, св. в.
Унъ, твая́ патра̀ва
Пы́ламъ запа̀ла, св. в.
Унъ, твая́ дѣвачка
Между дѣвакъ стала,
[св. веч.
—Я жъ тыхъ ту́рачакъ
Ды ни баюся, св. в.
Агнёмъ выпалю,
Ме́ччу вы́сяку, св. в.
А сваю вячёру
Съ пе́рцамъ прыпраў-
[лю, св. веч.
А сваю панну
Между дѣвакъ вазьму́,
Святый вечаръ!

Сыну.

—

Плавала ву́тачка
Да й па рэ́чаццы,
Святый вечаръ!
Сѣра ву́тачка
Зъ вутяна̀тками,
Съ силязе́нячкамъ, св.
[веч.
Сѣра вутачка,—
То Сахвеячка, св. в.
Силязе́нячка,—
То самъ Хо́мачка св. в.
Вутяня́тачки—
То ихъ дѣтачки,
Святый вечаръ.

М. Жлобинъ. Зап. мною.

—

Съ падго́ръя, горъя,
Падъ нови сѣни —
Сакбля!
Саколя ясный,
Пани́ча красный
Сяргѣйка!
Ѣдя Сяргѣйка
Падъ нови сѣни—Сакбля и т. д.
Винаси́ли ямў
Яшнаю лусту—Саколя и т. д.
Ёнъ лусты ня прыма́я,
Назадъ ступа́я—Саколя!
Винасили ямў
Миску чирво́нцаў—Сако́ля!
Ёнъ чирвонцаў ня прымая,
Назадъ ступая—Сако́ля!
Вивади́ли ямў
Кра́снаю паню—Саколя!
Кра́снаю па́ню (вм. панну),
Маладую Маръю—Саколя!
Ёнъ паню узяў
И шапачку зняў—Сако́ля!
Спасиба пану
За яго́ паню —
Саколя!
Саколя ясный,
Панича красный
Сяргѣйка!

—

Маладый Игнатка
Па таргў хо́дя—раю!
Раю, мой раю,
Радуйся зе́мля
Вѣкъ да вѣку!
Па таргў хо́дя,
Коника во́дя—раю и т. д.
Коника во́дя,
Съ канёмъ гаво́ра—раю...
„Ой, ко́ню, мой коню,
Прада́мъ тябе́ я—раю...
За сто чирво́нцаў
За бочку вина“—раю...
— Ой, той жа ко́ню
Ямў гово́ра—раю...
„Маладый Игнатка,
Ни прадавай мяне́—раю...
Буду я табѣ
Въ вяликай прыго́ди—раю...
Бу́дяшъ ты жанитися,
Да Ганначку брать—раю...
Намащў масты́
Ўсё сталя́ныя—раю...
Паста́ўлю стаўпи́
Ўсё мядя́ныя—раю...
Павѣшу шнуры́
Ўсё шаўко́выя—раю...
Паравязў тябе́
Чаразъ си́ня мора—раю...
Стаўпи́ зазвиня́ть,
Шнуры́ зашумя́ть—раю...
Буду я ѣхать
И Га́нначку везть—раю...
Ганначку ве́зти, —
Масты́ затраща́ть—раю
Масты́ затраща́ть,
И я буду рзать—раю!
Раю, мой раю,
Радуйся земля
Вѣкъ да вѣку!

—

А ў по́ли, по́ли
Свѣчачка гарэ́ла —
Украшэ́ньня
Да нашъ святый Божа,
Пахвале́ньня
Да на не́би!
А съ той свѣчачки
Искарка ўпа́ла —
Украшэ́ньня и т. д.
(послѣ каждыхъ двухъ строкъ).
Искарка ўпа́ла,
Тамъ во́зяра стала.
Якъ на томъ на во́зяры
Самъ Гаспо́дь купаўся.
Самъ Господь купа́ўся,
Съ трыма́ми святыми.
А первая свята —
Свято́я Ражаство,

А другóя свята —
Святóя Васи́льля,
А трэ́тьтяя свята —
Святóя Хращéньня!
А ў пана Стяпана,
Була ў яго паня,
У яго дварэ̀
Стая́ли прыстóлы,
Стая́ли прыстóлы,
Ўси пазасьтилáны.
На тыхъ на прыстóлахъ
Стая́ли тры чары,
Стая́ли тры чары,
Ўси паналиваны.
А у пéрвай чары
Зялёная вино,
А у другой чары
Саладóкъ мядóкъ,
А у трэ́тьтяй чары
Пшанишнóя пива.
Зялёная вино —
То пану Стяпàну,
Саладóкъ мядóкъ —
То жанѣ ягó,
Пшанишнóя пива —
То дѣткамъ ягó!
Украшэньня
Да нашъ святый Божа,
Пахвалéньня
Да на неби!

—

А на мóры, мóры,
Да на си́нямъ —
Щóдрый вéчаръ,
Добрый вечаръ!
Тамъ ляжáла кладка
Да кядрóвая,
Щодрый вечаръ и т. д.
(послѣ каждыхъ двухъ строкъ).
Тамъ Хрыстова мати
Ры́зы паласкáла.
Палажы́ла рызы
Да на камушку.
Прылятѣли къ ёй
Да тры я́нгялы,
Ухапи́ли рызы
Да на кры́лушки,
Палажы́ли рызы
Ў цэркви на прыстоли.
„Хто етыя рызы
Будя надявáти?“
— Будя надявáти
Самъ Iсусъ Хрыстосъ,
Будя службу служыть
За пана Стяпана,
За пана Стяпана,
За жану ягó,
За жану ягó
И за дѣтакъ яго!
Щóдрый вéчаръ,
Добрый вечаръ!

—

А ў ляскý, ў ляскý,
На жоўтамъ пяскý —
Святый вечаръ!
Пава хади́ла,
Пéръя рани́ла—св. в.
А за той пáвай
Дѣўка Мáръячка—св. в.
Услѣдъ хади́ла,
Перъя збирала—св. в.
Перъя збирала,
Ў рукавóкъ клала—св. в.
Зъ рукаўкà брáла,
Вянóчикъ вилà—св. в.
А зви́ўшы вянокъ,
Да пашла ў танóкъ—св. в.
А у томъ танку
Трохъ палюбила—св. в.
Аднамý далá
Залатый пéрсьтянь—св. в.
Другому дала
Шóўкаву хýсту—св. в.
А за трэ́тьтяга
И сама пашлá!
Святый вечаръ!

—

А ў лѣси, ў лѣси
Стаяла святланка арэхавая —
Святый вечаръ!
А ў той святланци
Дѣўка Алёнка—св. в.
Дѣўка Алёнка
Шыла шырынку—св. в.
Первою сшыла
Красняненькимъ шбўкамъ св. в.
Другую сшыла
Бѣляненькимъ шбўкамъ—св. в.
А трэтьтяю сшыла
Чорняненькимъ шбўкамъ—св. в.
Що бѣлымъ шыла, —
Татку аддала—св. в.
А краснымъ шыла —
Матяры дала—св. в.
А чорнымъ шыла —
То брату дала—св. в.
Зблатамъ рубила
То другу дала —
Святый вечаръ!

Д. Дубровка, Краснобудск. вол.,
Гом. у. Запис. кр. Л. М. Ткаченко.

За пѣсни хозяинъ высылаетъ щедровницамъ хлѣбъ, блины, сало или деньги. Однѣ продаютъ все это, другія несутъ домой на пропитаніе.

Часть собраннаго хлѣба сушится на сухари и сберегается цѣлый годъ до будущей щодрой кутьи. Хлѣбъ этотъ называется „щадраваный“ и употребляется какъ лѣкарство. По мнѣнію народа, особенную пользу онъ приноситъ людямъ и животнымъ, укушеннымъ бѣшеною собакою. При извѣстномъ заговорѣ, хлѣбъ щедрованый предупреждаетъ у нихъ бѣшенство.

Если хозяинъ долго не высылаетъ подачки, щедровницы поютъ:

Щодрыкъ—бодрыкъ,
Дай вареникъ,
Лбжачку кашки,
Наверхъ каўбаски!
Нутя, дарытя,
Насъ ня барытя:
Карбтки свитки —
Памёрзли лытки,
Батьки сварылись,
Щобъ ня барылись
Матка казала,
Щобъ кусокъ сала!

Гомельск. уѣз.

Въ ночь на Новый годъ дѣвушки гадаютъ. Гаданья эти очень несложны. Найдя, напримѣръ, длинный частоколъ, дѣвушки считаютъ въ немъ колья. Если число ихъ счетное, дѣвушкѣ предстоитъ замужество въ наступающемъ году; при числѣ нечетномъ она останется въ дѣвушкахъ.

Если число окажется четнымъ, тогда дѣвушка старается узнать, за кѣмъ же ей быть замужемъ: за хлопцемъ или за вдовцомъ. Съ этою цѣлью она снова пересчитываетъ колья съ словами: молодецъ! вдовецъ! молодецъ! вдовецъ! Какое слово придется на послѣдній колъ, за тѣмъ и быть замужемъ.

Нарочно сдѣланной лопаточкой дѣвушки мѣшаютъ новогоднюю кутью. Потомъ, выйдя на улицу, очищаютъ лопатку отъ прилипшихъ

зеренъ. Если въ это время залаетъ собака—будутъ къ дѣвушкѣ сваты, и именно съ той стороны, откуда залаяла собака.

Выйдя на дворъ, снимаютъ съ ноги башмакъ и изо всѣхъ силъ бросаютъ его на улицу: въ какую сторону носкомъ ляжетъ башмакъ, оттуда и будутъ сваты; если башмакъ упадетъ носкомъ къ бросавшей, значитъ сватовъ къ ней въ этомъ году не будетъ.

Подслушиваютъ разговоры подъ чужими окнами и по ихъ содержанію опредѣляютъ свое будущее.

Оригинально, что воры „заворовываютъ" тоже въ ночь на Новый годъ, и именно предъ разсвѣтомъ, до восхода солнца. Если ихъ на этой кражѣ не поймаютъ, то въ теченіе всего года имъ въ кражахъ будетъ удача.

Въ этотъ же вечеръ дѣвушки наряжаются *цыганами*. Одну дѣвушку надѣваютъ въ мужской цыганскій костюмъ, привѣшиваютъ ему бороду изъ обсыпанной сажей пеньки, наводятъ усы, даютъ кнутъ за поясъ. Другую одѣваютъ старухой цыганкой; одинъ большой платокъ или рядно надѣваютъ на лѣвое плечо и концы завязываютъ подъ правой рукой; другой платокъ повязываютъ на голову чалмой, такимъ образомъ, что сзади одинъ изъ угловъ платка спускается до пояса; на лѣвую руку кладутъ свернутыя въ видѣ большой куклы тряпки. Это „Сидорка"—ребенокъ цыганки. Прочія дѣвушки одѣваются молодыми цыганками: въ такой же балахонъ—платокъ, но съ обнаженными головами, на которыхъ въ волоса вплетаются красныя ленты. Волоса, брови и лица чернятся сажею. Загримировавшись такимъ образомъ, цыгане смѣло идутъ въ домъ и начинаютъ пѣть и плясать. Наиболѣе употребительныя пѣсни при этомъ слѣдующія:

А на гаро́ цыга́ни стая́ли, —
  Думала, думала, паду́мала!
Падъ гарбю шатры распинали,
  Думала и т. д.
(послѣ каждой строки).
Ўси цыгани пили и гуляли,
Адинъ цы́ганъ ня пъе́, ня гуляя,
На цыганку скбса паглядя́:
„Ты цыга́нка, ты мая́ каха́нка!
Ты бяры́-ка ключи залаты́я,
Атмыкай-ка скры́ни тясавы́я,
Ты бяры́-ка сбракъ тысячъ гро́-
[шый,
Ещé къ тамў та́ляръ залатый!"
Думала, думала, паду́мала!

—

Якъ паѣхаў Халимонъ
У пбля ара́ти,
Да забу́уся Халимонъ
Хлѣба-соли ўзяти
А-та-и́-ла, а-та-ла́й,
Хлѣба-соли ўзяти.
А прыѣхаў Халимонъ
Цыганку ганя́ти:
Чамў мнѣ ни нагадала
Хлѣба—соли ўзяти?
А-та-и́-ла, а-та-ла́й и т. д.

—

Я цыганка малада́я,
Я цыганка ни пра́стая —
Ўмѣю варажы́ть,
Ўмѣю варажыть!

Пакажы́-ка, барынъ, ручку, —
Палажы́-ка грбшый кучку, —
Ўсю праўду скажу,
Ўсю истиннаю! и т. д.
—

Я па жэ́ртаццы йшла,
Я па то́нинькай,
Па ялбвинькай, —
Мая́ жэ́ртачка
Ня гне́тца, ня лбмитца! и т. д.

„Атскака́ўшы, „кругову́ю", цыганъ съ ста́рай цыга́нкай гуляють „руськага" (комаринскаго)—цы́ганъ у пры́сядки! И кну́тамъ пага́няя ста́раю цыганку: „вб, старая! ты ўжэ́ ляни́сься!"

Паскакаўшы, стара́я цыганка ка́жа на маладыхъ: „што жъ вы? идитя варажыть!" И тыя варбжуть: „щасьли́вая мая́, таланьливая! дай я табе́ паваражу́!" Бяруть за руку́ и варбжуть, брэшуть, якъразъ, якъ праўдишныя цыганки.

Ну, тагды дають имъ па ру́мки гарэ́лки, хле́ба кусокъ, сала, бульбы и атпраўля́ють".

Гом. Рогач., Быховск. уѣзды.

На второй день праздника Рождества Христова, послѣ обѣда, молодежь устраиваетъ гулянье съ музыкой и танцами. Это гулянье называется „игри́щемъ". Къ устройству игрищъ больше хлопотъ прилагаютъ „дѣвки": онѣ заготовляютъ съѣстное для закусокъ и для „вечеры" (ужина), въ видѣ сала, колбасъ, муки, крупы и т. д., которыя приносятся на „хватеру" для посидѣлокъ еще задолго до игрища, большею частью тайкомъ отъ старшихъ членовъ семьи. Все это, часто въ огромныхъ количествахъ, отдается въ распоряженіе хозяйки хватеры и она уже стряпаетъ „вечеру". Для этого она должна напечь рѣшета два блиновъ, нажарить сала, колбасъ, свинины, наварить нѣсколько горшковъ каши изъ различныхъ крупъ и „спрэ́гти" побольше „яешни" и сыру. Только время отъ времени та или другая изъ „дѣвчатъ" прибѣгаетъ помочь „хозяйцы" „пбратца". Дѣвушки же нанимаютъ и музыку, обыкновенно—скрипку съ бубномъ.

Днемъ на игрищѣ „гуляютъ" только однѣ дѣвушки. Гульня эта выражается исключительно въ танцахъ. Но вечеромъ приходятъ хлопцы и приносятъ водку и пиво, принимаютъ участіе въ складчинѣ и деньгами. Игрище оживляется. Движенія танцующихъ дѣлаются свободнѣе; тактъ отбивается увѣренно и звучно; припѣвки у дѣвушекъ, подъ вліяніемъ водки, отъ которой немногія изъ нихъ отказываются, дѣлаются разнообразнѣе и веселѣе, а подчасъ и безцеремоннѣе.

Молодежь прерываетъ танцы только для того, чтобы выпить и закусить.

Такъ продолжается игрище всю ночь. Прекращаетъ его обыкновенно музыкантъ, угощаемый водкой часто и не въ очередь, и потому скорѣе другихъ изнемогающій. Онъ, гдѣ сидитъ, тамъ и засыпаетъ.

Тутъ только танцоры начинаютъ чувствовать, что у нихъ ноги совершенно разбиты. И подражая музыкантамъ, они тоже заваливаются спать, или „въ покотýху“ на полу, или кто гдѣ приткнѣтся.

Расходятся по домамъ уже утромъ.

До послѣдняго времени употреблялись только древнѣйшіе танцы: кружокъ, барыня, метелица, веробей, чижикъ, подушечка, казачекъ. Но теперь получили распространеніе и городскіе танцы, въ особенности польки и кадрили.

Такъ какъ вечера отъ дня Рождества до Крещенія „святые“ и работать въ нихъ нельзя, то молодежь собирается на свою „хватеру“ каждый вечеръ и проводитъ время въ различныхъ забавахъ: танцуютъ подъ пѣніе „припѣвковъ“, играютъ въ Терешку, въ ящура, въ королевича, гадаютъ на оракулѣ, соломонѣ, играютъ въ карты и т. п. Водки уже не бываетъ, угощаются тѣмъ, что кто принесъ: яблоками, орѣхами, сѣмечками и т. п.

Игра въ Терешку описана въ VII вып. „Бѣлор. Сборн.“, причемъ приведены и образчики поющихся при этомъ пѣсенъ, съ ихъ мотивами (19, 41). Здѣсь приводятся тексты остальныхъ пѣсенъ „изъ Тярэшки,“ какъ онѣ поются въ Disненскомъ уѣздѣ.

Тярѐшка, хахý-хахý,
Што ў тябé ў мяхý, ў мяхý?
— Шпúлички-игóлачки,
Златыя пярсьтёначки.
Иголками шыть будимъ,
Пярсьтёнки насúть будимъ!

—

Пайдý я у новый токъ,
Найду я курэ́й кутокъ,
Питушкà ни вóднага.
Вы, курки, ни сакачы́тя,
Галóвакъ ни клапачы́тя:
Ёсьть у мянé рэ́шата пéрья,
Куплю я питушкà пéўна,
Ёсьть у мянé и другóя,
Куплю я и рабóга!

—

У гарóдя чырвóна й рóжа,
Ня буду хвалúтца дужа,
Што Богъ даў дóбрага мужа:
Якъ стану работку рабúть,
Тады ёнъ вéсилъ глядúть,
Якъ стану малада стагнáть:
„Капъ тябé гэ́ткаю ни знать!“

—

Тярэ́шка, Тярэ́шынька,
Тиразъ боръ дарóжынька,
Битая, таптáная,
Я ў мамки кахàная!

—

За гарóй сабáки брэ́шуть,
Мой милый дарóгай чэ́шыть,
Чэ́шучы, празастáўся:
На нóзца ботикъ стаптáўся,
А ў штанахъ мóтузъ парвáўся.

—

Сядѣла котка на кухни,
Ды ў яé вочки патпýхли.
„Чаго жъ ты, кóтачка, плачышъ,
Ти пити-ѣсьтяки хóчашъ?“
— Я й пить-ѣсьти ни хачý,
Па сваёй крыўданьцы плáчу:
Самъ кýхаръ пячэ́ню зьлизáў,
На мянé, кóтаньку, сказáў!
Мѣлися лáпачки пабúть,—
Чымъ буду щýрычыкъ лавúть?

—

Гуляйтя, дѣвачки, тяперъ,
Якъ нимà малинькихъ дятей!

Якъ будуть малыя дѣти—
Ни захочытя палядѣти.

—

А здайся, дѣдичка, здайся,
На другихъ ни заглидайся!
Да ў кутку дѣвачки стаять,
Памогуть дѣдичку спаймать!

—

Мой дѣдька папуть, папуть [1]),
Вяликій пархуть, пархуть:
Ня ўмѣить скорынька хадить,
Ня ўмѣить бабачки лавить!
— Хуть жа я й павалюся,
За бабай паганюся,
Хуть жа я ножачку зламлю,
А я сваю бабачку злаўлю!

—

Ни ўтикай, мой воўкъ шэрый,
Пашыю кажўхъ бѣлый!
Ни ўтикай, шарўсинькій,
Пашыю бялюсинькій!
Ни ўтикай, дѣдька Силивонъ,
Даганю, хуть сь тябе духъ вонъ!

—

Ни ўтикай, дѣдя-лябедя,
Напъёмся пива па'бѣди!
Ни ўтикай, дядўличка,
Я шъ твая бабўличка.

—

Тярэсцы бида стала:
Сь кимъ яго жана спала?
Падъ гаимъ зилянёнькимъ,
Съ казакомъ маладенькимъ.
Ти спала, ти ни спала,
На яго бида стала!

—

Божа мой, вялика бяда,
Дали мнѣ старога дида:
Ни мнѣ яго спавивати,
Ни мнѣ яго калыхати!
Якъ стану спавивати,
Ёнъ мяне абнимати,

Якъ стану калыхати,
Ёнъ мяне цалавати.

—

На вулицы скрыпка играить,
Мяне старый дѣдъ ни пускаить.
Пайду я памалюсиньку,
Каля яго патихўсиньку,
А за мной старый дѣдъ идеть,
У рукахъ вярбўку нясеть.
„Ня бися, дѣдя, николи,—
Ни пайдў бизъ тваей воли!"

—

Пайў я коника у вядрэ,
Видиў я рыбачку на днѣ.
Смачная рыбачка язёкъ,—
Пацалуй, дѣвочка, разокъ!
Смачная рыбачка щучка,—
Лёхкая милага ручка!

—

Паю я коника ў вядрэ,
Виджу я рыбачку на днѣ.
Добрая рыбачка--карась,
Пацалуй, милянькій, хуть разъ,
Ня бй мяне за игрыща сичасъ:
Я пастаўлю кросянцы ў куткў,
Я табѣ кашўличку вытку,—
Съ чарвонымъ каўнерыкамъ,
Капъ ты быў жаўнерыкамъ!

—

На неби зорачка ясна,
У сусѣда дяўчына красна.
Хуть жа я ў бядў падў—
Сусѣда дяўчыну ўкраду!
Хуть жа я коника прадамъ—
Сусѣду дяўчыны ни дамъ!

—

Дайтя жъ мнѣ харошага,
Дайтя жъ мнѣ прыгожага,
Дайтя жъ мнѣ такогъ, якъ я,
Буду я гулять да дня!

—

[1]) Неповоротливый.

Мой жа ты тату́личка,
Прадай ты карбвучку,
Купи мнѣ шнурбвучку!
А зъ мяне́ мальцы сьмяютца,
Што ў мяне́ с—и трасу́тца,
А зъ мяне́ мальчыки бурча́ть,
Што мае́ с—чки тарча́ть.

—

Бадай тя каду́къ стапта́ў,
Якъ ты мнѣ хварту́хъ падра́ў:
Гэта мнѣ тату́сь купи́ў,
Капъ мяне́ Пятрусь любиў;
Мнѣ мама саянъ пашы́ла,
Капъ мяне́ шля́хта любила!

—

Ты мой дѣдъ, ты мой дѣдъ,
А я твая́ бапка,
Шану́й мяне́, гаду́й мянѐ,
Капъ я была́ глатка!
—Шанава̀ть буду, гадава̀ть буду,
А прыдить ночъ—цалавать буду!

Д, Заулки. Отъ Анны Пилипенковой записано мною.

Игра *въ ящура* совершается такимъ образомъ:

Посреди хаты кладется колода. На ней усаживается парень, а кругомъ его дѣвушки, и поютъ:

Сяди́ть, сяди́ть Ящуръ,
Ла̀ду, Ла̀ду!
Въ арэ́хавумъ ку́сьти,
Ладу, Ладу!
Арэ́шыки лу́щить,
Ладу, Ладу!
Вочками плющить,
Ладу, Ладу!
Пароши тбчить,
Ладу, Ладу!
Жани́тца хбчить,
Ладу, Ладу!
Бяры́ сабѣ, Ящуръ,
Ладу, Ладу!
Бяры́ сабѣ дѣўку,
Ладу, Ладу!
Ой, за бѣлу руку,
Ладу, Ладу!
За ме́зяный па̀лицъ,
Ладу, Ладу!
За залаты́й пе́рсьтинь,
Ладу, Ладу!

Тогда парень, сидящій на колодкѣ, схватываетъ у одной изъ дѣвушекъ платокъ.

Пѣсня начинается съ начала. Платокъ срывается съ другой дѣвушки, по выбору Ящура и т. д. Когда всѣ платки будутъ собраны у Ящура, дѣвушки поютъ ему:

Панбкъ, панбкъ,
Адда̀й вянбкъ!
Я ножки пазнаби́ла,
Якъ за вянбчкамъ хадила,
Я сваѐ ручки пакалбла,
Якъ на вянбчикъ цвяты́ рвала,
Атъ мамачки хува́лася,
Атъ татачки туля́лася!

Ящуръ отвѣчаетъ:

Я тваимъ вянкомъ
Жаръ загрыба̀ў,
Хату падмита̀ў,
Верхъ затыкаў,
.... падтира̀ў!

И бросаетъ чей-либо платокъ. Дѣвушки начинаютъ пѣсни снова, пока отберутъ назадъ всѣ платки.

Быховск. уѣздъ.

Варіантъ.

Сяди́, сяди́, Ящуръ, Ладу, Ладу!
Ва'рэ́хувумъ ку́сьти, Л. Л.
Ў зялёный капусьти, Л. Л.
У ли́пувумъ ли́сьти. Л. Л.
Дакуль табѣ сядѣти? Л. Л.
Пара̀ табѣ жанитца! Л. Л.
Каго́ табѣ брати: Л. Л.
Старую бабу, Л. Л.
Али маладицу, Л. Л.
Ти красну дявицу? Л. Л.
Чимъ тябе дарыти: Л. Л.
Шаўко́вымъ платочкымъ, Л. Л.
Али пыясо́чкымъ, Л. Л.
Зъ руки пирсьтянёчкымъ?
Ладу, Ладу!

С. Несино, Лепельск. у.

Для игры *въ королевича* дѣвушки становятся въ кружокъ. Въ середину кружка впускается царскій сынъ, или королевичъ,—дѣвушка, которой дается шапка въ руки. Ходя вокругъ царскаго сына, дѣвушки поютъ:

Царо́ў сынъ, каралѐвичъ,
Пры го́раду хо́дитъ,
Пры го́раду хо́дитъ,
Шапку ў рукахъ но́ситъ.
А шапачку но́ситъ,
Нивѣстъ выглидаитъ.
„Цароў сынъ, каралевичъ,
Ступай сюды ў го́радъ!
Ступай сюды ў го́радъ,
Ми́лай пакланися.
Милай пакланися,
Зъ милай абними́ся.
Зъ милай абнимися,
Зъ милай пацалуйся!

Дѣвушка, стоящая въ кругу, выбираетъ одну изъ подругъ и цѣлуетъ ее. Та беретъ у нея шапку и сама идетъ въ кругъ. Игра продолжается, пока всѣ перебываютъ королевичемъ.

Быховск. уѣздъ.

День Новаго года извѣстенъ больше подъ названіемъ „Васи́льля“. Утромъ въ этотъ день крестьянскія дѣти ходятъ по избамъ съ мѣшочками въ рукахъ, наполненными различнымъ зерновымъ хлѣбомъ. Войдя въ избу, дѣти обсыпаютъ ее горстью зеренъ, произнося стихъ:

Хо́дя Илья
На Василя,
Но́ся пугу
Жытяну́ю.
Гдѣ замахне́—
Жыта расьте́,
Гдѣ ня махая,
Тамъ ня бувая!
А ў поли ядро́мъ,
А ў доми дабро́мъ!

„Ради́, Божа, жыта-пшаницу, ўсякаю пашницу!“

Засѣвальщиковъ принимаютъ охотно и даютъ имъ баранокъ, сѣмячекъ, орѣховъ, или хлѣбъ и сало.

Въ с. Вылевѣ не такъ давно съ засѣвомъ въ Новый годъ ходили старики.

Днемъ Новаго года заканчиваются въ деревнѣ шумныя увеселенія. Хотя святые вечера еще продолжаются, но обрядовыхъ игръ

уже нѣтъ и молодежь въ свободное время поетъ только колядныя пѣсни. По вечерамъ работать совсѣмъ нельзя; но и днемъ не за всякую работу можно браться. Начинать какую либо работу нельзя; веревки вить нельзя; сверлить что-либо нельзя. Можно только рубить дрова и досматривать скотъ. Женщины могутъ прясть шерсть и шить новыя вещи; но прясть ленъ и пеньку, починять старое бѣлье, платье—нельзя. Иначе и дѣти родятся калѣками и животныя будутъ рождаться уродами.

Въ канунъ Крещенія, 5 января, крестьяне соблюдаютъ строгій постъ и до вечера ничего не ѣдятъ, пока не будетъ принесена изъ церкви освященная вода. Когда всѣ члены семьи отопьютъ по нѣскольку глотковъ воды, хозяинъ дѣлаетъ изъ колосьевъ ржаной соломы кисть—кропило и освященною водою окропляетъ избу и всѣ жилыя и нежилыя постройки. Въ то же время пишетъ мѣломъ изображеніе креста на булкѣ хлѣба, на иконахъ, на косякахъ оконъ и дверей и на воротахъ хлѣвовъ, гумна и двора. Это называется „записать Коляды“. Въ селахъ окропленіе дворовъ производится священникомъ 6 января съ пѣніемъ тропаря „Во Іорданѣ крещающуся,“ и хозяиномъ только пишутся изображенія креста. День 5 января называется постною кутьею, голодною кутьею.

Въ Гомельскомъ уѣздѣ въ этотъ день соблюдается слѣдующій оригинальный обычай. Когда кутья сварится и ее надо переносить изъ печи на кутъ, хозяйка, взявъ горшокъ съ кутьею въ руки, начинаетъ „кбхать“, какъ курица насѣдка: „кохъ! кохъ!“ Дѣти, заслышавъ это коханье, стремглавъ бѣгутъ подъ столъ и начинаютъ тамъ кудахтать по куриному: „куда́хъ-дахъ-дахъ-дахъ!“ А нѣкоторые кричатъ и по пѣтушиному: „кукаре́ку!“ Мать ставитъ тогда кутью на кутъ, покрываетъ ее сверху „кулидкой“ хлѣба и сыплетъ дѣтямъ подъ столъ сѣмечки подсолнечныя. Подобравъ ихъ, дѣти выходятъ изъ-подъ стола.

Клохчетъ мать для того, чтобы куры выводили много цыплятъ; дѣти кудахчутъ для того, чтобы куры чаще неслись; пѣтухомъ поютъ, чтобы среди цыплятъ было побольше пѣтушковъ; а сѣмечки сыплются для того, чтобы въ домѣ было побольше куръ.

Въ Витебской губерніи на кутѣ ставится въ кошо́лкахъ зерновой хлѣбъ, который потомъ при посѣвѣ весною смѣшивается съ посѣвнымъ хлѣбомъ.

Когда смеркнется, всѣ собираются въ избу; предъ иконами зажигается свѣча и послѣ продолжительной молитвы семья садится „вече́рать“. Обязательными кушаньями на этой вечерѣ считаются: борщъ или капуста съ рыбой (большею частью воблой) или съ „алеемъ“; „узваръ“ изъ яблокъ и грушъ съ прибавленіемъ меда, и кутья—также съ медомъ, а у бѣдняковъ съ алеемъ. Когда хозяйка поставитъ на столъ кутью, хозяинъ дома кричитъ въ окно: „Морозъ, морозъ!

хади́ кутьти́ ѣсьть! А лѣтомъ ня хади́, ня марбзь на́шыя грэ́чки, ячме́ню, квасу́ли!“ Въ это время какой нибудь мальчишка гулко стучитъ палкою по воротамъ. „Вб и марозъ прышбу́!“ говорятъ ужинающіе. Но и безъ палки Крещенскій морозъ потрескиваетъ.

Во многихъ мѣстахъ въ полночь подъ Крещеніе хозяйки ходятъ на рѣку или озеро, а гдѣ ихъ нѣтъ, въ колодезь, и черпаютъ воду, которую потомъ хранятъ весь годъ, какъ цѣлебную.

Въ Витебскомъ уѣздѣ существуетъ легенда, что у одной дѣвушки, ходившей въ полночь за водой на рѣку, только въ одномъ ведрѣ была вода. Въ другомъ же она превратилась въ вино.

6 января всѣ стараются заранѣе пріѣхать въ церковь и послѣ литургіи на лошадяхъ же ѣдутъ къ Ердани, гдѣ освящается вода предъ ледянымъ крестомъ, облитымъ розовымъ свекловичнымъ разсоломъ. Еще недавно при погруженіи креста въ воду крестьяне стрѣляли изъ ружей. Обыкновенно для этого избирались заранѣе двое лучшихъ стрѣльцовъ. Теперь этотъ обычай выводится.

Производилась же стрѣльба вслѣдствіе существующаго вѣрованія, что „злый нявѣрный“ діаволъ зиму проводитъ въ водѣ. Но когда ее освятятъ погруженіемъ креста, діаволъ убѣгаетъ изъ воды. А чтобы онъ не остался гдѣ нибудь поблизости, его отгоняютъ выстрѣлами. Такое толкованіе получилъ Крещенскій салютъ.

Послѣ освященія воды, всѣ присутствующіе черпаютъ ее въ свою посуду и несутъ домой, а потомъ изъ проруби поятся лошади. Предъ обѣдомъ всѣ обязательно пьютъ по три глотка освященной воды. Вода считается цѣлебною и не подвергающеюся порчѣ. Ею же при надобности изгоняется и нечистая сила. День этотъ проводится благоговѣйно. Пѣніе пѣсенъ считается грѣхомъ.

7 января празднуется память Іоанна Крестителя. Предъ пищей тоже пьютъ Крещенскую воду. День считается праздничнымъ и никакія работы не производятся.

Этимъ днемъ заканчиваются „Коляды“.

Привожу тексты нѣсколькихъ колядныхъ пѣсенъ, распѣваемыхъ въ теченіе времени съ 26 декабря по 4 января.

Колядныя пѣсни.

А каля́дачки,
Блины-ладачки!
А калядочки,
Наши нбжачки,
Паўбива́ли вы
Чбрны сте́жачки.
Адна сте́жачка
Пашла ў гарбдъ,
А другáя
Ў чиста пбля,
А трэтьтяя
Къ быстрай рэццы.
Што ў гарбдъ пашла̀,
То наѣсьтися,
У чиста пбля—
Нагулятися,
Къ быстрай рэццы,
То напитися.

Быхов. у.

Ня куръ, ня вѣй, мятелица—гэй, гэй, Калида́!
Ни завива́й сьте́жачку, сьте́жачку-даро́жачку—гэй, гэй, Калида́,
Я къ ма́мцы иду, вяночки ўю,
Атъ мамки иду, развиваю,
Я сваё го́ра утишаю—гэй, гэй, Калида́!

Д. Заулки, Дисн. у.

„Чаму́ у тябе́, ваўчо́къ, лапки до́ўги?“ Каляда́! Каляда́!
— Ў каралѝ служы́ў, дровы насиў!
„Чаму ў тябе, ваўчокъ, язычокъ то́накъ?“
— Ў караля служыў, паўми́ски мы́ў!
„Чаму́ ў тябе, ваўчокъ, хвастокъ до̀вягъ?“
— Ў караля служыў, пако́и мёў,
Пакои мёў, палы́ падмита́ў! Каляда! Каляда!

Вилейскій уѣздъ.

Ў канцы́ бо̀ру вярба́ стаи́ть—Каляда̀! Каляда̀!
На той вярбѣ́ котъ стаи́ть—Каляда! Каляда!
Прышо́ў до яго шэрый во́ўча—Каляда! Каляда!
„Злѣзь, кошка, патанцу́имъ трошка!“ Каляда! Каляда!
— Ни палѣ́зу, во́ўча, Каляда! Каляда!
Тва́е жа́рты нялю́дски—Каляда! Каляда!

С. Дубины, Ошмянскаго у.

Якъ прышла̀ Калида́
Ды ўпярёдъ за Рыжства́—
Ко́лида, Ко́лида!
(послѣ каждыхъ двухъ строкъ).
Прынисла̀ Калида рышато́ блино́ў
Ды начо́ўки сатнёў.
Рышато блино́ў
Паста́вила на столъ,
Начо́ўки сатнёў
Паста̀вила на столбъ.
Паста̀виўшы ўсё,
Сама сѣла на кутъ!
Якъ прышла Калида́
Ды ўпярёдъ за Ражства—
Якъ пашла̀ Калида́
Ўдоль па вулицы гулять, 2
Ды й обряды сыбирать.
Якъ прышла Калида
Ды бага́тыга двара
Ды Ка́рпиныга.
А Карпина жына
Дабрахво́ча была,
Батёнки дала!
Якъ пашла Калида
Ўдоль па вулицы гулять, 2
Ды обряды сыбирать.
Якъ прышла Калида
Ды багатыга двара
Ды Марти́нывыга.
А Мартинива жына
Дабрахво́ча была—2
Насавёнка дала!
Якъ пашла Калида и т. д.
Ды багатыга двара
Ды Наза́рывыга.
А Назарыва жына
Дабрахво́ча была—2
Рубашонку дала!
Якъ пашла Калида и т. д.
Ды бага́тыга двара́
Ды Васи́льивыга.
А Васильива жына

Дабрахвбча была—2
Шубёнку дала!
Якъ пашла Калидá и т. д.
Ды багатыга двара
Да Пракбпывыга.
А Пракопыва жына
Дабрахвоча была—2
Сирьмяжбнку дала!
Якъ пашла Калида и т. д.
Ды багáтыга дварá
Ды Дянйсывыга.
А Дянисыва жына
Дабрахвбча была—2
Паясёнка дала!
Якъ пашла Калидá и т. д.
Ды багáтыга двара
Ды Ивáнывага.
А Иванывa жына
Дабрахвоча была—2
Шматчбнку дала!
Якъ пашла Калида и т. д.
Ды багáтыга двара
Ды Сирьгѣивыга.
А Сирьгѣива жына
Дабрахвбча была—2
Чулчонки дала!
Якъ пашла Калида и т. д.
Ды багатыга двара
Ды Дарахвéива.
Дарахвеива жына
Дабрахвоча была—2
Аббрки дала!
Якъ пашла Калида
Ўдоль па вулицы гулять, 2
Ды абряды сыбирать.
Якъ прышла Калида
Ды багатыга двара
Ды Стипáнывыга.
А Стипанывa жына
Дабрахвоча былá—2
Лаптёнки дала!
Кбдида, Кблида!

С. Хвошно, Городок. у., Витеб. г.
Запис. Е. А. Бѣлинская.

—

Сиўка-варонка, дыли-гой-да!
(послѣ каждой строки).
Куды ты паѣдишъ?
— Къ пану къ Ивану.
— Зачимъ ты паѣдишъ?
— Косы кувáть!
— На што жъ табѣ косы? *)
— Сѣна косить!
— На што табѣ сѣна?
— Карбў кармйть!
— На што жъ табѣ каровы?
— Мылакò збирать!
— На што жъ табѣ мылако?
— Рибятъ кармить!
— На што жъ табѣ рибяты?
— Жулуды́ збирать!
— На што жъ табѣ жулуды́?
— Вапрёў кармить!
— На што табѣ вапри́?
— Гбры кыпáть!
— А што ў тыхъ гырáхъ?
— Мидинáя ступка!
— На што жъ табѣ ступка?
— А ў той ступи зылатбя зярнб!
— Дѣ жъ тоя зярнб?
— Пятухъ скливáў!
— Дѣ жъ тотъ пятухъ?
— На синё мбря пылитѣў!
— А дѣ жъ тбя мбря?
— Крáскымъ зырасль́!
— А дѣ жъ тыи краски?

---

*) Въ *Гомельскомъ* уѣздѣ начало такое:

Сиука-варонка,
Куды палятѣла?
— На папоускій дворъ!
Што попъ дѣлая?
— Косы клёпя!
На што яму́ косы? и далѣе почти буквально по *Велижскому* тексту.

— Дѣўки павырвыли!
— А дѣ жъ тыи дѣўки?
— Замыжъ павышли!
— А дѣ жъ ихъ мужукй?
— Пашлй ў вязьзя,
Тамъ увязьли;
Пашлй ў лйпъя,
Тамъ улипли;
Пашлй ў пумялб,
Тамъ ихъ и зымяло—дыли-гой-да!

С. Будница, Велижск. у., Вит. губ. запис. Ѳ. Т. Филипповъ. Оба произведенія говорятся какъ былины, на распѣвъ. Разсчитаны очевидно на длинные святые вечера.

На дварэ сняжокъ, весь бялю-
[синькій,
Разлиўся вадой,
Ты жъ мой милинькій, чирна-
[брывинькій—
Разлука съ табой.
А куды шъ лозы пахинўлиси —
Аттўль вѣтры вѣють,
А куды шъ вочи наглядѣлиси,
Аттуль милый ѣдить.
Вѣили вѣтры, вѣили вѣтры,
Ды ўжо пиристали,
Глядѣли вочи, глядѣли вочи,
Ды ўжо плакать стали.
А ў гарбди ялўшычка,
За гарбдамъ сбсна,
А я пяю, висялюся,
На маёмъ сéрцы тбшна,
Што я млода заўдавѣла,
Дѣтки паспратѣли.
Дѣтки маé сирбтачки
Ищо шъ яны ни ўзращбны,
А луги маè зéлины
Ищо шъ яны ни кашбны,
Пбля маё шырбкая
Ищо янб ни ўзарёна.
Слуги маé вѣрнинькія,
Запряжытя пару кбній,
Пару коній варанéнькихъ,
Я й паѣду къ сваиму татку,
Къ сваиму татку на параду:
„Парай, парай, мой татўлька,
Якъ на сьвѣти жыть:
Што я млода заўдавѣла,
Дѣтки пасиратѣли,
Луги маé зéлины
Ищо шъ яны ни кашбны,
Пòля маё шырбкая
Ищо шъ янб ни ўзарёна!"
— Гарюй, дитя, гарюй, дитя,
Гарюй, дарагбя:
Луги тваé зéлины
Будуть яны пакашбны,
Пбля твоё шырбкая
Будить узарёна,
Дѣтки твоé сирбтачки
Будуть яны узращбны.

—

Чирвона калинушка
Луччи арэхава цвѣта,
Бищасная мая дбля
Пущи ўсягò свѣта.
Чирвона калинушка
И ўсѣ лугй пакрасила,
Бищасная мая доля
Усю радину засмутила.
А хаджў шъ я па камбри,
Якъ заблудная бўца,
Нè съ кимъ сѣсьти прамбвити
Ды мнѣ вѣрныга слоўца!
А сяджў шъ я у камбри,
Якъ сбўнинька ў крўзи,
Бищасная мая доля,
Па вѣкъ вѣшный серца ў тўзи.
Ти ты жъ, мая матўличка,
Ў тихій Дунай ни хадила—
Чаму жъ мянé малéнькія
Ў тихій Дунай ни ўтапила?

— Я ўтапила бъ, дитятачка,
Баялася Бога,
Ни знала я, дитятачка,
Тваé горькія доли!...

—

Разгарѣлася крутая гара́,
Расплакалася маладая ўдава́:
„Хто мнѣ, маладэ́й, ды дружокъ
[бу́дить,
Хто шъ майму́ дитя́ти та́тынька
[бу́дить,
Хто мае́ луги́ каси́ти будить,
Хто жъ маю́ зе́млю пахати будить,
Хто жъ на маи́хъ ко́няхъ па-
[иджа́ть будить?“
А зачу́ў маладе́цъ, а зачу́ў ма-
[лады́й:
Ни гари́, ни гари́, крутая гара́,
Ахъ, ни плачь, ни плачь, мала-
[дая ўдава́:
Яшъ тябе́ маладу́ я й самъ вазьму!
Я шъ табѣ маладэ́й ды дружокъ
[буду,
Я твайму́ дитя́ти та̀тынька буду,
Я тва̀е лугѝ каси́ти буду,
Я твайо̀ зямлю̀ пахати буду,
Я на тваи́хъ ко́няхъ паиджа̀ть
[буду!
„Баюся, баюся, малады́й мала-
[де́цъ:
Ты шъ мяне́ маладу́ забивать бу-
[дишъ,
Ты шъ маё дитя зъ горницы вы-
[ганя́ть бу́дишъ,
Ты шъ маѐ зямли́ пахать ня бу-
[дишъ,
Ты шъ маи́хъ ко̀ничкаў прапи-
[ва̀ть бу́дишъ!“

—

Ой, бищѧ́сный чилавѣкъ,
Што ў карчо́мцы водку пъе́ть,
А пришо́ўшы дамо́ў,
Жану́ жу́рить, жану́ бъе́ть, (2).
И ниўда́шачкай заве́ть:
Ниўда́шачка ты мая́,
Ни ўдала́ся ты ў мяне́,
Ни ў мяне́ малатца́,
Ни ў ма́тирю, ни ва́тца́.
Якъ пашо́ў маладе́цъ
Ды на кру́тую гару́,
Якъ кри́кнуў маладецъ
Сваи́мъ громкимъ галасо́мъ:
„Рыбалбу́цы вы чаты́ри,
А прибудьтя вы ка мнѣ:
А вазьмитя ниўда́шачку,
Утапи́тя отъ мине́!“
Рыбалбу́цы чатыри
Ниўда́шачку ухватили,
Ниўдашачку ухвати́ли,
Ў си́ня мо́ря утапи́ли.
Якъ пришо́ў маладе́цъ
Да до́му да сваи́го́—
Дѣтки яго дробниныкія
На паро́зи сустрѣли:
„Ай, та́тачка, та́тачка,
А йдѣ наша ма̀мачка:
Ти ў карчо́мцы прапи́ў,
Ти на мо́ри утапи́ў?“
— Дѣтки мае́ дробныя:
Ти вы хлѣба ня ѣли,
Што вы мянѐ на паро́зи
Съ худымъ сло́вамъ сустрѣли?
Якъ пашо́ў маладецъ на крутую
[гару́,
Якъ кри́кнуў маладецъ
Сваи́мъ громкимъ галасо́мъ:
„Рыбалбу́цы чатыри,
А прибудьтя вы ка мнѣ,
Вазьми́тя вы ниўда́шачку,
Привяди́тя да минѐ,
Привяди́тя да мине́ —
Худа жыть бизь яѐ:
А ни го́рницы тапи́ть,
А ни зъ горъ ва́ды наси́ть,
Ни стаўчи́, ни змало́ть,
Ни дробныхъ дѣтакъ пакарми́ть.

—

Той бищáсный чилавѣкъ,
Што у карчóмцы водку пьéть.
Пасылáла мянé мати
Свайгó сына шукáти,
Ти у лóзи, ти ў дарóзи,
Ти ў шынкáрки на парóзи.
А ни ў лóзи, ни ў дарóзи,
А ў шынкарки на парóзи.
Я й ня бíла, ни бранíла,
Тольки слова згаварíла:
А прапóю, мой прапóю,
Прапáла я за таббóю!
Прапíў хату и святлíцу,
Жжурíў мянé маладицу,
Прапíў каня́ и карбýку,
Жжурíў ты маю́ галóўку,
Прапíў штаны и сарóчку,
А самъ сядить у кутóчку.
Абабрáлася кумá,
Штаны й сарóчку далá—
Вы́вила исъ сарамá.

—

Штó шъ то за малóйцы ды вайны́ баятца?
Я шъ малада вайны́ ни баюся:
Семъ миль бóрамъ ишла и каня́ ў рукахъ вилá!
Я кóника вяду́ и я́гаданьки бяру́,
А я́гаданьки бяру́, ды ня вѣдую каму́:
Ё у мяне свякрóўка, ды ня рóдна матýлька,
Што я́гаданьки любить, ды мянé ни галýбить!

—

Ишóў казакъ зъ Дону, ёнъ зъ Дону да дóму.
Ёнъ сѣў надъ вадóю, падпёрся рукою:
Доля шъ мая, доля, што шъ ты ни такая,
Што шъ ты ни такая, якъ тая людскáя?
А людскáя доля и пьéть и гуля́ить,
И пьéть и гуля́ить, и жупáники мáить,
А мы съ таббóй, доля, ни пьёмъ, ни гуля́имъ,
Ни пьёмъ, ни гуля́имъ, и ничога ни мáимъ.

—

А багáтага купца былà дочь харашà,
Была дочь харашà, усё Мáшынька душа.
Ў зѐлинъ садóкъ хадíла, двухъ кýпчикаў зълюбíла,
Двухъ сынóчкаў радíла,
Никóму знать ни дала, сама бáбушкай былá.
Ў пялю́шачки ўвяртѣла, ў китáичку спавилà
На Дунай—рѣчку зьнисла, на чавёньчикъ пусьтíла:
„Ахъ ты, тíхинькій камышъ,
Маихъ дѣтакъ прыкалы́шъ!
Ахъ ты, тíхинькій Дунай
Маихъ дѣтакъ забаўля́й!
А вы, жоўтыя пяскѝ,
Ни задавайтя имъ таскѝ!“
А на двинáтцатамъ гаду́
Пашла Маша па ваду́.

Стала Маша ваду брать,
Стаў карабиль прыплавать,
Машы вады ни давать.
Адинъ сядить на канцы,
Папраўляить ў лотаццы,
Другій сядить на насу,
Чешыть русы валасы.
„Здрасьтьви Маша, здрасьтьви Саша,
Здрасьтьви, душынька мая!
Пазволь Маша, пазволь Саша,
Пазволь съ нами пагулять!“
— Ни пазволю вамъ гулять,—
А я ваша родна мать!

Заимствованная.

А дума мая ни забытая,
Пашла жонка прочь ни набитая!
Ищо шэльмачка наругаитца—
Сѣла ў варотахъ, абуваитца,
На маимъ двару ваду брала,
Маё сердичка папаламъ рвала!

—

Якъ пайду я па вулицы, по мураўцы,
Кабъ мая шубунька ни зашумѣла,
Кабъ маё ґузички ни зазьвинѣли,
Кабъ ды ни пачуў лихій свёкаръ,
Кабъ ни сказаў ды сваиму сыну,
Сваиму сыну, ды маиму мужу!
Ахъ, и мой мужъ мятелица,
Набъётъ маладу за бязьдѣлицу,
Якъ чортъ надмётъ, галаву набъётъ,
А якъ вздобритца—хату падмитётъ,
Хату падмитётъ, вады принясётъ.

Братькович. вол., Чериков. у.
Запис. К. Т. Аникіевичъ.

А у насъ сягодьни сходъ Калядъ!
Сабирайтися, дѣўки, ў радъ,
Адну зиму пѣсьни піять.
Будимъ ихъ у рэшаты складать,
А паставимъ ихъ падъ дубамъ,—
Намъ къ налѣтьтю знадабятца:
Ня будимъ жыта сѣять,
А будимъ пѣсьни пѣять!

Лепельск. у, Запис. Ѳ. Соколовскій.

На мо́ры дяўчо́нка бѣль бялйла,
Бѣль бялйла, бѣла мыла.
Прыхо́дють къ дяўчонки два дятины:
„Богъ на по́мычъ, дяўчо́нычка,
Бѣль бялйти, бѣла мыти!“
Узя̀ли, дяўчонку упайли,
У чиўначкў спать пылажы́ли.
„Возьмёмъ, бра́тицъ, пы шасто́чку,
Сьпихнёмъ дѣўку зь биряжо́чку!“
Ачну́лыся дѣ́ўка пысярёдъ мо́ря,
Якъ стала дяўчонка сильна плакыть:
„А хто мяне́ сюды выдывàў:
Ти та́тынька мяне́ выпруўля̀ў,
Ти мамынька ку́билъ ныклыда́ла,
А ти братицъ русу касў рысплитáў,
Ти сяструцца уплёты убрала?
— Выдывáў мяне́ сюды ясёнъ мѣсицъ,
Рысплитáў касу буёнъ вѣтиръ,
Убра́ла уплёты ясна зыря̀!“

—

Шлйтя ка мнѣ гырмане́ю, къ батьку маймў,—
Ни аддáсь мяне́ батька—я сымà пайдў!
Черызъ по́ля твае̇ шэ̀рымъ за́йцымъ,
Черызъ лѣсъ сивымъ ваўко́мъ,
Черызъ мо́ря шэ̀рый ву́ткый,
На дворъ на твой тёмный ту́чкый,
А ў сѣни тваé дробнымъ до́жжымъ,
А ў хату тваю̀ яснымъ со́нцымъ,
За столъ за твой ся́ду па́вылю,
У ло́жу тваю̀ ля̀жу па́нныю,
Къ печи тваёй гыспады́нію,
Къ клѣти тваёй клюшницыю.

Щербин. вол. Витеб. у. Зап. О. Пороменская.

Съ 8 января наступаетъ снова будничное время и никакихъ игръ и пиршествъ не бываетъ до масленицы, кромѣ свадебъ. Изъ отдѣльныхъ дней за этотъ періодъ почитаются:

18 января, день св. Аѳанасія, который считается покровителемъ животныхъ отъ мороза. Говорятъ, что Аѳанасьевскіе морозы такъ сильны, что у быка—третьяка (трехлѣтка) срываютъ рога.

30 января, день трехъ святителей, празднуется, но безъ особыхъ обрядовъ.

Февраль.

2 февраля. Срѣтеніе въ южныхъ уѣздахъ Могилевской губерніи не носитъ особаго названія, въ сѣверныхъ же и въ Витебской губерніи день этотъ называютъ Громницами. Первое названіе, по народному объясненію, присвоено празднику потому, что въ этотъ день „зима зъ лѣтамъ стрѣка́итца“, и подъ стрѣхами появляются ледяныя сосульки. Когда дѣти пожелаютъ видѣть встрѣчу зимы съ лѣтомъ, ихъ посылаютъ, голыхъ и босыхъ, за огороды или за гумна и прибавляютъ, что зима дастъ любопытнымъ дѣтямъ красные сапоги. Находятся дѣти, которыя бѣгаютъ смотрѣть встрѣчу. Когда же разочарованныя, иззябшія и плачущія, они возвращаются назадъ, имъ указываютъ на ихъ красныя отъ снѣга и холода ноги. Это и есть „красные сапоги“. Названіе Громницъ взято отъ католиковъ. По преемству отъ уніатовъ, въ этотъ день въ указанныхъ выше уѣздахъ въ церквахъ освящаются свѣчи, зажигаемыя лѣтомъ во время сильныхъ грозъ—грома и молніи, чтобы никого не убило и ничего не зажгло. Этою же свѣчою подкуриваютъ больныхъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даютъ въ руки умирающимъ вмѣсто свѣчъ страстныхъ, такъ какъ огонь этихъ свѣчъ отгоняетъ отъ души сатану. Ее же зажигаютъ, когда первый разъ выгоняютъ скотъ въ поле (23 апрѣля), когда начинаютъ пахать поле, и подвѣшиваютъ къ воротамъ коровьяго хлѣва въ ночь на Ивана Купалу, чтобы вѣдьмы не проникли въ хлѣвъ отбирать молоко у коровъ. Досужія хозяйки на другое утро находятъ на свѣчѣ слѣды зубовъ. Это ее покусала вѣдьма съ досады, что не могла проникнуть въ хлѣвъ. Употребляютъ ее и при началѣ посѣва. „Бяру́ть хлѣбца, сольки, праску́рачку, ти а́ртусъ, яечка вяликбдная, па́сачку и зе́рняты. Грамни́чку запа́ля, къ сбнюшку ста́ня, памблитца, тагды́ сѣя.“ „Апять жа, кали вязу́ть пе́ршый снопъ у гумно, тагды расьтила́ють тую вяликбднаю ска́тярку, кладуть на яе́ грамни́чку и чаразъ яе́ вязуть новый хлѣбяцъ.“

Рог. у.

11 февраля, въ день Власія—покровителя скота, празднуютъ и не работаютъ.

14 февраля, день св. Фотиньи, которая считается заступницей отъ лихорадокъ. День этотъ не празднуется, но о защитѣ отъ лихорадокъ Фотиніи молятся.

17 февраля, память Ѳедора Тирона. Ему служатъ молебны, если у кого либо случится покража.

24 февраля, обрѣтеніе главы Іоанна Предтечи не празднуется и молебновъ объ исцѣленіи отъ головной боли въ этотъ день не служатъ. Служится же молебенъ „о недужныхъ“ во время болѣзни.

Недѣля мытаря и фарисея называется Усе́ядною, Усера́дною, Сплошною. Обыкновенно сопровождается снѣжными вьюгами, про которыя въ началѣ недѣли говорятъ: „ета Усе́ядная ў го́сьти ѣдя!“ А въ концѣ недѣли: „ета изъ гасьте́й Усе́ядная ѣдя!“

Масленая недѣля, отъ понедѣльника до воскресенья, проводится шумно. По вечерамъ въ эту недѣлю также не работаютъ. Ходятъ другъ къ другу въ гости, а молодежь повторяетъ Колядное игрище. Днемъ всѣ считаютъ своею обязанностью покататься: одни на саночкахъ, другіе на ледяшахъ, вырубаемыхъ на рѣкѣ или замороженныхъ въ кадкѣ, у которыхъ потомъ высѣкается вогнутое сидѣнье и скраю просверливается раскаленнымъ гвоздемъ отверстіе для веревочки, которою ледяшъ удобно взвозить на горку, третьи катаются на опрокинутыхъ, слегка подмороженныхъ, скамейкахъ или простыхъ доскахъ. Хорошіе хозяева въ дни масленицы обновляютъ сани. Для этого новыя сани втаскиваются на горку, тамъ на нихъ усаживаются человѣкъ 20—25, и стремглавъ летятъ съ горы. Только такія сани и будутъ потомъ легки на ходу. На масленицѣ же объѣзжаютъ въ первый разъ и жеребятъ, достигшихъ трехлѣтняго возраста. Въ четвергъ на масленицѣ міръ-громада нанимаетъ пастуха. Въ послѣдніе дни масленицы, въ субботу и воскресенье, катаются на лошадяхъ, разубранныхъ лентами, съ колокольчиками и бубенчиками. При этомъ поютъ пѣсни, кричатъ, гикаютъ. Нѣсколько пѣсенъ приводится.

Ма́сьлиная, шча́сьливая,
Пратягни́ся да Вяли́кадьня!
Масьлиная, щасьливая, бѣла вутка,
Няси́ сыру, масла, да ня ху́тка!
А хто сыру ня дае́, няха́й яму́ пагніе́.

—

Масьлиная, шча́сьливая!
Я ў свайго́ та́тачки загавѣла,
Щобъ яго̀ ла̀зинка згарэ́ла!
А я ў свайго́ свёкарки залѣтавала,
Щобъ яго хи́ньтяйка папѣтавала!

Носовичская вол. Гом. у.

Масляная зялянá я!
На Дунай вѣтяръ павявá я,
Сьте́жки-дарожки замятá я!
Бѣгла лисичка да рудый хвостъ,
А ли́хаму парабо́чку да зайшо́ў постъ:
Паѣхаў у дарóжку, забары́ўся,
Прыѣхаў зъ дарóжки—ня жани́ўся!

С. Красная Буда, Гом. у.

Масляница—каўзўха,
Пратягнйся да Духа!
Мы думали—масляницы семъ нядѣль,
Ажны яѐ, масляницы, адинъ день!

—

А на гарѐ ельникъ сьтѐлитца, сьтѐлитца,
А тамъ зайцы тўлютца, тўлютца,
Дѣўки зайца злавйли, злавйли,
Ды на'бѣдъ сабѣ зварили, зварили.
Дѣўки сѣли за стало́мъ, за стало́мъ,
А дитюкй падъ стало́мъ, падъ стало́мъ!
Дѣўки ядўть мя́са, мя́са,
А дитюкй ко́сьти, ко́сьти!

—

На вулицы дѣўки гуля́ють, гуля́ють,
Мянѐ маладў гука́ють, гука́ють!
У мяне маладэ́й мужъ лихій, мужъ лихій:
Самъ на вулку ня по́йдить, ня по́йдить,
И мянѐ маладэ́й ня пўсьтить, ня пўсьтить.
А хуть пўсьтить—по́зьнинька, по́зьнинька,
Якъ дѣўки ро́зьнинька, ро́зьнинька!
А кали я хачў—и дѣвачикъ павярнў,
И скры́пачки и цынба̀лы панаймў,
Буду гулять до́ свѣту, ды да по́знага абѣду.
А ў дворъ ити баюся, баюся,
Ды къ бо́льшаму дѣвиру кланю́ся, кланю́ся:
„Ты, дѣвирачка, ро́дный братъ, ро́дный братъ!
Завядй жъ мянѐ да до́му, да до́му,
Дамъ табѣ хусту шаўко́ву, шаўко́ву!“

—

Якъ пайдў я па вадў, па вадў,
Пас'наўлю я вёдры на лядў:
Станьтя вы вёдры камянёмъ,
А каро́мисилъ иваро́мъ (яворомъ),
А я маладѐнька виро́бою, патъ крутою гаро́ю.
Наѣхали купцы́—стародўбцы,
Стали я́варъ сѣчь—рубать,
Стаў имъ яваръ атмаўля́ть,
Якъ дѣвачка плакала,
За старо́га замужъ идя,
Барано́й касў чѐшучи,
Лыкамъ касў плѐтючи!
Якъ пайдў я па вадў и т. д.

Стаў имъ яваръ атмаўляťь,
Якъ дѣвачка плакала,
За малóга замужъ идя́,
Грыбёнкай касў чешучи,
А ни́ткую плéťючи!
Якъ пайдў я па вадў и т. д.
Стаў имъ яваръ атмаўляťь,
Якъ дѣвачка плакала,
Ды за рóўнага замужъ идя́,
Грыбянцóмъ касў чéшучи,
Шóўкамъ касý плéťючи.

—

На гарэ́ бабы сядѣли,
Кулакóмъ зямлю́ прабивáли,
Абъ нявѣстакъ суди́ли:
„А мая́ нявѣстка нигадя́й!
Па вадў пашлá, аблилáся,
Па тяплó пашлá, абпиклáся,
У клѣťь пашла, клѣťь жжыглá!
А ў той жа клѣти дабрá былó:
Шастóкъ анўчикъ платьťя́ былó;
Арэ́хава чашка мáсла былá,
Жулудóва чашка мёду былá, —
Усё тóя дабрó пагарэ́ла!

Чериков. у. Зап. г. Аникіевичъ.

Да падъ ťёмнай тýчай
Сядѣла бáбаў куча,
Кулакáми зямлю́ паби́ли,
Сваи́хъ дачóкъ хвали́ли,
А дѣдавыхъ гани́ли:
„Бабины дóчки хвасьли́вы, а дѣдавы ляни́вы,
Бабины дóчки прáли, ажъ гудѣла,
Крóсны ткали, ажъ зьвинѣла.
А дѣдавы кудéльку прáли—драмáли,
Кросны ткали—заснули!“

С. Дубины, Ошмян. у.

Ви́уся хмель пу балóту, пу балóту,
Люли́, пу балóту!
Привиу́ся хмель ку варóтамъ, ку варóтамъ,
Люли, ку варóтамъ!
И прасиу́ся хмель нуцувáти, нуцувáти,
Дѣ вулица шыракáя, шыракáя,

Дѣ малóтка мылыда́я, мылыда́я,
Дѣ крыва́ть тисыва́я, тисыва́я,
Дѣ пярúна пухува́я, пухува́я,
Люлú, пухува́я!

—

Мы на гóрушки пубува́ли, пубува́ли,
Ай-люли, пубували!
Ма́сьлинку суструка́ли, суструка́ли,
Ай-люли, суструка́ли!
Сы́рымъ гару́ набива́ли, набива́ли,
Маслымъ гару́ пылива́ли, пылива́ли
Наша гóрушка катьлúва, ай катьлúва,
Свякрóвушка вуркатьлúва, вуркатьлúва:
Ина́ на насъ вурца́ла, ай вурца́ла,
На гóрушку ни пусца́ла, ни пусца́ла!
А намъ дамóй ни хатúтца, ни хатúтца,
А хатúтца прыкатúтца, прыкатúтца!
Мы ду́мыли—ма́сьлинки семъ нядѣликъ, семъ нядѣликъ,
Ажна масьлинки семъ дянёцкыў, семъ дянёцкыў!
Насъ ма́сьлинка абманúла, абманúла:
На семъ нядѣль пыста́ пысадúла, пысадúла,
На бѣлыю капусту, капусту,
На гóрькыю рѣдьку, на рѣдьку,
Ай-люли, на рѣдьку.

—

Пта́сыцка лисыва́я, лисыва́я,
Ай-люли, лисывая!
Дѣ шъ ты ноцку нуцува́ла, нуцува́ла?
Ай-люли, нуцувала.
Пытъ зялёнымъ дупкóмъ ли дарóшки, ли дарóшки;
Тамъ ишлú скымарóшки, скымарóшки,
Вы́ризали яны́ пу прутóцку, пу прутóцку,
И здѣлыли пу гудóцку, пу гудóцку.
Вы, гудки, ни гудúтя, ни гудúтя,
Майгó батюшку ни будúтя, ни будúтя:
Мой батюшка сьпить съ пахмéлья,
Сы бальшóга пирянóю, пирянóю.
А матушка зы рякóю, зы рякóю,
Зплянó вино ку́рить, ку́рить,
Мыладóга зятя пóить, пóить,
Ай-люли, зятя пóить!

С. Узкое Велиж. у. Отъ кр. Андреевой
запис. Т. Модзалевская.

Якъ у се́ряду на ма́сьлиницу,
На жыдо́уськую ра́даницу,
Ой, пабúуся до баранъ съ казло́мъ,
Памутúлася вада́ съ пяско́мъ,
Пабранúлася старуха съ старикомъ,
Пытиря́ли тыбаке́рку съ тыбако́мъ.

Горковск. вол. Городокск. у.

Ни хадú ты, кудриватый,
Кыла маёй хаты,
Ни тапцы́ ты, кудриватый,
Пахýцыя мяты!
Ни ли тябе́ я садúла,
Ни ли (тябе́) пыливàла,
Ли тагò я садила,
Каго́ я любила,
Ли тагò я пыливàла,
Каго цылувàла.
Я садила—пыливàла,
Милóга жыдáла:
„Ня стой, милый, пыдъ вако́ш-
[кымъ,
Хадú ка мнѣ ў хату,
Скажы ты мнѣ усю праўду,
Якъ раднóму брату!“
У гарбди, у садóцку,
Три кыливы́ мяты,—
Люби мяне́, харо́шынькій,
Хыть я ни быга́та!
А ў гарбди, у садо́цку,
Царво́нная ро́жа,—
Люби мяне́, харо́шынькій,
Хыть я ни прыго́жа!
А ў гарбди, ли згарбди,
Три кыливы́ бобу,
А хто мяне́ пыцалýить,
Ня вы́жывить году!

С. Будница Велижск. у.

—

Кудря́вай павóщикъ,
Кучеря́вай звощикъ!
Привда́рь ко́ній о́бльна,
Штопъ бижàли бодра,
Штопъ я ни слыхала,
Какъ батюшка тýжыть,
Матушка гарюить.
Када пъ е́та знала,
Плите́нь разламала пъ,
Каро́въ напускàла:
Тапчúтя каро́вы
Што е́сть у гарбди!

Г. Бѣлица. Отъ старообрядцевъ.

Въ воскресенье, на заговѣнье, скоромное ѣдятъ только раннимъ вечеромъ. Послѣ этого молятся Богу и просятъ другъ у друга прощенія, причемъ дѣти кланяются родителямъ въ ноги.

На другой день хозяйки вывариваютъ всю посуду и обѣдъ даютъ постный и очень скромный: сырую капусту, отваренный картофель съ солью—и все. Рыбы не ѣдятъ. Водки тоже нельзя пить, но тамъ, гдѣ православные имѣютъ общеніе съ католиками, они, при постной пищѣ, „полощутъ зубы“ водкой до вторника—католическаго заговѣнья. Въ виду предосудительности такого поведенія, пьющіе объясняютъ свое пьянство желаніемъ „штобъ ихъ змѣи ня кусали“.

Въ теченіе поста совершенно нельзя пѣть пѣсенъ, кромѣ дня Благовѣщенія, когда требуется „гукать весну“.

По пятницамъ великаго поста отнюдь нельзя печь хлѣбъ.

Мартъ.

1 марта считается началомъ весны. Въ этотъ день крестьяне не работаютъ, чтобы не прогнѣвать муч: Евдокію, которая „де́ржа у руцѣ́ лѣта.“ Естественно видѣть въ этомъ отголосокъ того времени, когда годъ начинался 1 марта. Въ этотъ день пѣтухъ уже долженъ напиться изъ лужицы отъ тающаго снѣга.

9 марта—день сорока мучениковъ. Въ этотъ день сорока начинаетъ себѣ гнѣздо вить и принесетъ для этого сорокъ прутьевъ. Съ вырья прилетаютъ сорокъ жаворонковъ. Мальчики должны въ этотъ день до восхода солнца, не умывшись и зажмуривши глаза, подобрать на дворѣ въ подолъ сорокъ щепокъ и высыпать ихъ подъ печь. Кто выполнитъ это, тотъ весною найдетъ сорокъ птичьихъ гнѣздъ (или: сорокъ утиныхъ яицъ), а не выполнившіе не найдутъ ни одного гнѣзда.

Въ Быховскомъ уѣздѣ требуется не внести щепки въ хату, а вбросить ихъ, до восхода солнца, чрезъ печную трубу.

Въ этотъ день для дѣтей и молодежи устраиваются въ воротахъ хлѣва или гумна качели, на которыхъ, для здоровья, надо обязательно хоть немного покачаться.

Во многихъ мѣстахъ въ этотъ день матери пекутъ для дѣтей сорокъ „жаворонковъ“ изъ тѣста, ржаного или пшеничнаго. Для этого раскатываютъ тѣсто въ видѣ веревки, придаютъ ему фигуру цифры 8, а концы поднимаютъ надъ кольцами фигуры въ видѣ головы и хвоста. Когда такіе „жаворонки“ испекутся, одного изъ нихъ бросаютъ въ печь, остальныхъ отдаютъ дѣтямъ и нищимъ.

Отъ этого дня до лѣта должно быть еще сорокъ морозовъ, и хозяева считаются съ этимъ при посѣвахъ и посадкахъ въ огородахъ

„На Середопостье“—Крестопоклонная недѣля—хозяйки пекутъ кресты изъ тѣста и кладутъ ихъ въ закрома съ мукою и зерномъ, „щобъ нячистая сила ни паску́дила“. Одинъ изъ такихъ крестовъ долженъ находиться въ сѣвалкѣ во время посѣва.

17 марта, св. Алексѣя. Работать нельзя. Но рыболовамъ разрѣшается дѣлать „обудённыя“ сѣти: то есть за этотъ день напрясть нитокъ и связать изъ нихъ бреденъ или какую-либо другую сѣть. Тогда ею они будутъ ловить много рыбы. Дѣлается это на томъ основаніи, что св. Алексѣй, уходя изъ дома родителей, переплылъ будто бы черезъ море въ плетеномъ рѣшетѣ.

Въ этотъ день щука разбиваетъ ледъ хвостомъ (или головой), и волъ долженъ напиться изъ лужи.

25 марта—Благовѣщеніе. Одинъ изъ величайшихъ праздниковъ, въ который даже птицы не вьютъ гнѣздъ Бабы избѣгаютъ печь что либо въ этотъ день изъ тѣста, весь обѣдъ заготовляется съ вечера и на Благовѣщеніе варится уже все приготовленное. Пчеловоды

Витебскаго уѣзда стараются не зажигать въ этотъ день огня и рано ложатся спать въ потьмахъ. Женщины и дѣвушки не должны чесать головъ и заплетать косъ.

Въ этотъ день ожидаютъ прилета аиста и другихъ крупнѣйшихъ птицъ и какъ только увидятъ первую летящую птицу, схватываютъ съ земли „шуму" и бросаютъ ее вверхъ съ словами: „утка, утка! на́ табѣ на гнязде́чка, а мнѣ на яе́чка!"

Въ этотъ день въ церквахъ послѣ заутрени освящаются просфоры. Въ однихъ мѣстахъ онѣ даются только тѣмъ прихожанамъ, которые просили отслужить за нихъ обѣдню; въ другихъ мѣстахъ ихъ покупаютъ всѣ желающіе. Просфоры эти хранятся до осени когда съ ними засѣваютъ озимую рожь.

До дня Благовѣщенія запрещается огораживать огороды и забивать колья въ землю; нельзя начинать пахоты—„закону нема́"; нельзя вывѣшивать сушить на солнцѣ основу для кросенъ. За этимъ слѣдятъ всѣ, такъ какъ нарушеніе этихъ правилъ влечетъ за собою холодную весну.

На изгородяхъ надѣваютъ на колья старое колесо. Это дѣлается для того, чтобы „ко́ршыки ня драли курэй".

Въ тотъ день недѣли, въ который пришлось Благовѣщеніе, нельзя выгонять скота на поле первый разъ весною; нельзя начинать вывозить навозъ на поле; нельзя запахивать землю; нельзя засѣвать.

Дѣвушки въ этотъ день послѣ обѣда начинаютъ „гукать весну". Въ однихъ мѣстахъ это дѣлается торжественно, въ другихъ проще. Дѣвушки выходятъ къ гумнамъ, взбираются на крыши и сидя на нихъ поютъ циклъ веснянокъ, оканчивая каждый стихъ призывнымъ междометіемъ „гу!" Или выходятъ на улицу и съ тѣми же пѣснями водятъ „танки". Въ *Ельнѣ* Чериковскаго уѣзда дѣвушки собираются къ банѣ, собираютъ мяльля т. е. кострику отъ льна и пеньки, устраиваютъ костеръ и зажигаютъ его. У костра и поютъ веснянки. „Такъ па́лють мя́льля усякую вичари́ну ажъ даваскрэ́сныхъ дьнёў". Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ выходятъ изъ селенія и идутъ на ближайшую горку, гдѣ и гукаютъ весну. Наконецъ, тамъ, гдѣ этотъ обрядъ падаетъ, дѣвушки поютъ веснянки просто у себя на завалинкахъ. Въ послѣднее время въ гуканіи весны большое участіе принимаютъ и дѣвочки лѣтъ 12—14.

Вотъ нѣсколько веснянокъ:

А у насъ сяго́дьни Благавѣщаньня! Гу!
Руднецкія *) дѣвачки, пярайди́тя къ намъ:
А у насъ хлопчики—дяшо́вый тава́ръ:
Па дѣ́вѣять на шэ́лягъ, дяся́тый надда́чы!

---

*) Рудня—улица села Юрковичъ.

А ў насъ сягóдьни Благавѣщаньня!
Руднецкія хлопчыки, пярайдúтя къ намъ:
А у насъ дѣвачки - дарагíй таваръ:
Па сто рублёў каса̀, па тысячы краса.—Гу!

Ст. Юрковичи, Гом. у.

Вясна̀, вясна̀, вясня́начка,
Дѣ твая̀ дачка̀ Марья́начка? Гу!
— Сядúть у садочку и шы́я са-
[рóчку
Сваймý сыночку Василёчку. Гу!

—

У Рама́навамъ калóдязи
Тамъ Рама́наўна вадý бра̀ла,
Да съ папóвичамъ размаўля́ла:
„Ай, папóвичу,—ня бары́ мянѐ:
У маёй хати ня свая̀ мати:
Будя на мяне́ наракáти,
Зъ вядёръ вадúцу выливати!
Ве́дярцы мае́ маленькія,
Слёзачки мае́ драбне́нькія!

—

Чамý дуба ня рубати,
Що ёнъ дуплина̀тый,
Чамý минѣ ня гуляти,
Що я ў свае́ мати:
И разýя, и разьдѣня:
„Лажы́сь, дóня, спати!“
Пасьте́ля мнѣ пасьте́лячку
Зъ ма̀каваго цвѣту:
„Гуляй, доня, при рóзуму
Да бѣлага свѣту!“

—

Я гуляла, я буяла,
Мать ня сыпуня́ла, *)
Сыпунúла маладую
Чужая дитúна...
Бада̀й яго̀ сыпунúла
Лихая гадúна!

—

Ой, млинъ ме́ля, ой, млинъ ме́ля,
Кóлиса сакóча, —
Иди, дѣўка, за Иваньку,
Катóрая хоча!
Ой, млинъ меля, ой, млинъ меля,
Кóлиса вiха̀я, —
Ня йдú, дѣўка, за Иваньку —
Свякрýха лиха̀я.

—

Ой, мамка мая̀ старэ́нькая,
У мяне́ хатачка мале́нькая.
Ой, ня бú мяне́, ня лай мянѐ,
Прыдя сыббтачка - адда̀й мянѐ!
У панядѣлакъ збирай дѣвакъ,
А ўваўтóракъ—прыда̀нъ сбракъ,
А ў се́раду сяду паѣду!

—

Па застарóнкахъ дажчы́ идуть,
А ў Насавúчахъ ня бува̀ють,
Тольки ёлачки васплыва́ють.
Выхóдьтя, люди, диве́тись:
Ѣдя хлóпчыкъ жане́тись!
Самъ ёнъ ѣдя на кóнику,
Вязѐ дѣвачку у вазóчку,
Сячѐ коника нагáйкаю.
Кры́я дѣвачку кита̀йкаю,
Щобъ яѐ дажчы́ ня замачы́ли,
Бýйныя вятры́ ня завѣяли,
Жаркая сонца ня запалúла,
Щобъ яѐ свякрýха пахвалúла.

—

Вясна̀, вясна̀, що намъ прынясла̀?
Дѣўкамъ узрóсту, а хлóпцамъ
[карóсту!
Дѣўки смяю́тца, а хлóпцы шкра-
[бýтца!

—

*) Сапунять—сдерживать.

На моры вутка купалася,
На бяражо́чку сушы́лася,
Дачка̀ у мамки прасилася:
„Пусьти, мати, пагуляти,
Парабо́чкаў павида̀ти!“
Пашли парабочки вячёрати,
Ды й да ко́никаў начава̀ти.

—

Мамка мая, ягадка,
Ой, люблю я па̀рабка,
Що на конику паяжджа̀я,
Усихъ ёлачакъ даглядаѧ:
Ти ўсѣ ёлачки падмётяны?
Усѣ ёлачки падмётяны,
Падъ бяро́зкай ня мётяна.
„Иди, дѣвачка, падмяти ту́ю:
Тамъ твой хло́пчыкъ съ то́ргамъ
[стайть,
Зъ вялйкимъ то́ргамъ—щъ щор-
[нымъ шо́ўкамъ.
Усимъ дѣвачкамъ шоўкъ прадаѐ,
Адной дѣвацццы да̀рма даѐ.
Дѣвачки бяру́ть ды й дя́кують,
Адна дѣвачка бярэ̀ ды й ни дя́куя,
А хлопчыкъ даѐ ды й ня жалѣя.

—

Якъ выйду я на масто́чакъ,
Пущу̀ галасо́чакъ,
Нахай чу́я, дѣ начу́я,
Мой милый дружо́чакъ!
А ти ёнъ у лузи,
Ти ёнъ сѣна ко́сить,
Прыхилйўшы гало́вачку,
Го́ласамъ гало́сить.
Бада̀й сѣна да тлёмъ сѣла,
Каса̀ зламилася,
Бада̀й майго́ нялюбо́га
Мати скрутилася.

—

На рэчацццы, на быстрай,
Тамъ Катярына бяльлё мыла,
Сваё пла̀тьтяйка замачила,
Прышла да дому—мати пабйла.

—

Пла̀ваў чаўно́чакъ па рэ́чацццы,
Пла̀каў хло́пчычакъ па дѣвацццы:
„До́лячка мая нящ̀асная,
Дѣвачка мая ня красная:
Ти мнѣ ўтапйтца, ти задавйтца,
Ти на былинку завѣситца?“
Тонка былинка парало́митца,
Хлопчыкъ па дѣвацццы паражу́-
[рытца!

Носовичская вол., Гом. у.
Зап. П. П. Буднецкій.

—

Ты мало́дка, мало́дка, малада̀я,
О-охъ, ле-ле-лё, маладая!
(послѣ каждой строки).
Да чаго ты, мало́дачка, ста̀ра
[стала?
Охъ ты, траўка-мура̀ўка, зялёная,
Да чаго ты, мура̀вачка, пачар-
[нѣла?
Ти ня гуси тябѐ сащипа̀ли,
Ти ни ма̀ляныкія гусянятки?
Ти ня дѣўки тябе прытапта̀ли,
Да ўсё тыми чабата̀ми чирва-
[ными,
Да ўсё тыми паткоўками сталя-
[ными?

—

У крыво́га танка
Парадйла бабка сынка,
Паклала падъ ла̀вачку,
Накрыла кара̀вачкай. Гу!

—

Вярбо́вая кладка на вярбѣ ляжа̀ла,
На вярбѣ ляжала, изъ вярбы упала,
Изъ вярбы упала, хло́пчыкаў пабйла.
Хлопчыки сядѣли, работу рабйли,

Да работу рабили, да сабачакъ лупили,
Ножыкаў ня мали, зубками абтягали.
Вярбовая кладка на вярбѣ ляжала,
На вярбѣ ляжала, изъ вярби упала,
Изъ вярби упала, дѣвачакъ пабила.
Дѣвачки сядѣли, да работу рабили,
Работу рабили, да шырыначки шыли,
Нитачакъ ня мали, шаўками апшывали!

—

Якъ на нашай вулицы шырокая вбзяра,
Ой-люли, ой-люли, шырокая вбзяра!
(послѣ каждой строки).
Якъ на томъ на возяры сѣры гуси плавали.
Налятѣў, налятѣў сизъ арблъ на вбзяра,
Ухапиў, ухапиў гўсачку за шыячку,
Крыкнула, крыкнула гусачка па гўсачкахъ!
Якъ на нашай вулицы ўсё гуляли дѣвачки,
Наѣхаў, наѣхаў хлопчычакъ на конику,
Ухапиў, ухапиў дѣвачку за ручачку.
Крыкнула, крыкнула дѣвачка па дѣвачкахъ,
Ой-люли, ой-люли, дѣвачка па дѣвачкахъ!

—

Вясна, вясна вясняначка,
Вясняначка,
Гдѣ твая дачка паняначка,
Паняначка?
Пагнала бычка за варотячки,
За варотячки:
Пасися, бычку, я спраду мычку,
Спраду мычку,
Старому дѣду на рукавичку,
На рукавичку,
А маладому на паньчоху,
На паньчоху!

—

Ой, вясна, вясна,
Що ты винясла?
— Дѣўкамъ каросты —
Хлопцы халосты!

—

Й пѣўничакъ да курачки
Икъ бродя, дакъ бродя,
А Рыгорка да Алёнки,
Якъ ходя, дакъ ходя!

—

Якъ вийду я на вулицу —
Гуляю, гуляю!
Клича мати вячерати —
Виляю, виляю!
Чаму минѣ ни виляти —
Ў мянѣ родна мати!

Д. Дубровка, Краснобуд. вол.
Зап. Л. Ткаченко.

—

Ты мѣсячикъ таргаўщикъ,
Взыйди рана, пастой позна,
Выйду къ табѣ таргавати,
Свёкра, свякрову прадавати:
За свякроўку палўшачку,
За свёкарку няма ничога.

Гомельск. уѣздъ.

—

Вясна, вясна, што ты намъ вы-
[нясла?
Съ караббў жыта павытрасла.
Якъ вытрасла тры зёрнятки,
Ўсё хлапоцкія насѣньняйки:

Пе́рвая зе́рня—васи́личку,
Другóя зе́рня—барве́начку,
Трэ́тьтяя зе́рня—любе́сьтячакъ.
Васи́личка—ля хлóпчикаў,
Барве́начакъ—ля де́вачакъ
Любе́сьтячакъ—ля любóсьти,
Ли дявóцкія красатóсьти.

С. Кошелево, Рогач. у.
Отъ Солохи Васильевой.

Всѣ эти пѣсни поются 25 марта.

Въ *Рогачевскомъ* уѣздѣ дѣвушки нерѣдко раздѣляются на двѣ партіи, занимаютъ два „узгорка", гдѣ просохло, и тамъ гукаютъ весну, попеременно—„другъ дружки голасъ падаю́ть": „Ой, вясна мати́, хади́ къ намъ гуляти́!" Гукаютъ весну каждый вечеръ, начиная со дня Благовѣщенья и до тѣхъ поръ, пока станетъ возможно пахать землю. „А тагды гукать вясну старыки́ ни пазваля́ють, сва́рутца", и дѣвушки начинаютъ пѣть „веснянки", весеннія пѣсни, не приуроченныя къ опредѣленному дню. Здѣсь приводятся нѣкоторыя изъ такихъ пѣсенъ.

А ў балóти, на калóди,
Мядьвѣть боты шы́ить,
Аю-аю-аю!
(послѣ каждыхъ двухъ строкъ).
Мидьвиня́ты - чиртиняты
Шóлкымъ падшыва̀ють,
А заинька—кынавóдъ
У скрыпыньку йграить,
А сарóки билабóки
Пашли́ жы́та жа́ти,
А бытя́нъ дыўганóгій
Пайшóў пыдганя́ти.
Ёнъ сарóки ни дыгна́ў,
Дóўги нóги пылама́ў.
Аю-аю-аю!

—

Чиризъ рѣчку, чирись тынъ,
У сусѣда милый сынъ,
Аю-аю-аю!
„Пусьти, пусьти, мати
Мяне пугуляти!"
— Ня пущу гуляти,
Ля́жышъ, курва, спати!
„Хоть я буду бажы́тца,
Ды ня буду лажы́тца!
Хоть я буду присигать,
Ды ня буду цылывать.
Аю-аю-аю!

—

За мхой, за мша̀ринкый
Сарóки щакóчуть,
Аю-аю-аю!
Майгó мила чирнабрóва
Сабаки валóчуть.
Валачили бѣла тѣла, —
Валачи́тя кóсьти,
Ня сушы́тя, ня крушы́тя
Маёй маладóсьти:
Маладóсьть—мая́ буйнóсьть,
Ста̀расьть—мая́ кра́йнасьть.
Аю-аю-аю!

—

А вой, мая́ мамка,
Любить мянѐ Янка:
Аю-аю-аю!
Пусьти́ў кóній на дали́ну,
А самъ ка мнѣ у пяри́ну!
А вой, мая́ мамка,
Любить мянѐ Сёмка,
Любить мянѐ Сёмка,
Принёсъ парасёнка!
А вой, мая мамка,
Любить мянѐ Савасьте́й,
Любить мянѐ Савасьте́й,
Принёсъ мёду бирясьте́нь!
Аю-аю-аю!

—

Мальчишычка, бра́тицъ мой,
Зыгарѣўся теримъ твой.
Аю-аю-аю!
Пайдёмъ теримъ тушы́ть,
Чапцо́мъ *во́ду* наси́ть!
А ў чапцэ̀ вады ни ложки,
У мальц*ахъ* праўды ни крошки!
Мальчишычка, братицъ мой,
Зыгарѣўся теримъ твой.
Пайдёмъ теримъ тушы́ть,
Вядро́мъ *ваду́* наси́ть!
А ў вядрѣ вады́ по́ўна,
А ў дѣвачакъ праўды ро́ўна!
Аю-аю-аю!

—

А ў гаро́ди ны ляхѣ
Три ка́ливы бобу.
Аю-аю-аю!
А хто дѣўку пацалу́ить —
Ня вы́жывить году!
А ў гаро́ди ны ляхѣ
Три ка́ливы мяты,
А хто дѣўку пацалу́ить —
Ня вы́лизить съ хаты!
Аю-аю-аю!

—

А гдѣ то́я купялі́ща,
Што голубъ купаўся,
Аю-аю-аю!
А гдѣ тая красна дѣўка,
Што я заручаўся?
А и то́я купялі́ща
Даўно̀ заращо́на,
А и тая красна дѣўка
Замужъ аддадёна!
Аю-аю-аю!

С. Мишневичи, Городокск. у.
Запис. г. Василевъ.

—

Алёнушка папо́ва,
А пагонимся мы ў по́ля,
Заго́нимся за дубокъ,
На зялёнинькій лужокъ!

А на гарэ̀ дубъ, дубъ,
Падъ гарбо́ю бѣлъ шатёръ.
А ў тымъ шатрэ Варвара
Са мо́ладцамъ гуляла.
Мальчишачка бѣлъ, кудря́ў,
А ўзяў дѣўку бизъ рука́ў.
Мальчишачка бѣлъ, харо́шъ,
А ўзяў дѣўку бисъ кало́шъ!

—

Уля́нушка, Уля́на,
Пачо́мъ любишъ Ивана?
— Пато́мъ люблю Ивана,
Што ёнъ то́ныкъ и високъ, 2
Ў яго̀ чорнинькій вусо́къ, 2
И то́нинькій галасо́къ!

Бабиничская вол., Витеб. у.

—

У нядѣльку парано́ньку
Загадаў царъ на службу
Усимъ князя́мъ, ўсимъ бая́рамъ,
Усимъ малымъ рабя́тамъ
И маладымъ салдатамъ.
А тамъ мати прабыва̀ла,
Ина то́я прачува̀ла,
Радиви́лу прабуджа́ла:
„Устань, устань, Радивила,
Устань, устань, мой сыночикъ:
Вотъ салдатики нахо́дють,
Ру́жжы, шабильки нано́сють!“
— Атступи, мать, ни пичалься:
Я тромъ-пятёмъ ни пада̀мся!
Тры салдаты наскачили,
Радивилу ухватили,
Сійчасъ ножачки скава̀ли,
Назадъ ру́чачки звязали.
Радивила стрыпянуўся, —
Ўсѣ жалѣзы палитѣли
Й вяро́вачки загудѣли!
Про́сить яго царъ па чѐсти:
„Спакари́ся, Радивила,
Спакари́ся, мой сыночикъ!
Я на тябѐ царства спишу,
Я за тябе до́чку адда́мъ!“

— Тваё жъ царства мнѣ ня ў
 мúласьть,
Твая дôчка мнѣ ня ў любасьть!
Ёсь за рэчкай адна ўдбука,
У той вдоўки адна дôчка:
Тая ўдбўка мнѣ у мúласьть,
Яѐ дочка мнѣ у любасьть!

Лепельск. у., Витебск. губ. Пѣсня распространенная въ восточной Бѣлоруссіи. См. болѣе полный варіантъ въ „Бѣлорусскомъ Сборникѣ“, вып. II, стр. 413—414.

—

Ахъ ты Сёмушка, Симiёнушка,
Ни хадú, Сямёнъ, нагбй,
Ни качай ты галавбй,
Мнѣ ня быть за таббй.
Да мнѣ быть ли, ня быть
За бялы́мъ румя́нымъ
За Йва́намъ кудрявымъ!“
— Скажы, Дуня румя́на,
За што любишъ Ивана?
„Я за то люблю Ивана,
Што галбвушка кудрява.
У Ивана-кудряшà
Нѣту денигъ ни грашà,
Тольки слава харашà!“

Д. Валейково, Стрижин. в.. Дрисс. уѣзда. Кр. Мих. Чубаро. Запис. Д. Орловъ.

—

Хадиў, пахадиў Ясь па пблю,
Збираў красачки—василёчки.
Назбираўшы, да й пасѣяў,
Пасѣяўшы, прочь паѣхаў.
Ѣдить, ѣдить, да аглянётца,
Гбркаю слязбю аблíетца:
„Ахъ вы, красачки—василёчки,
Да хто васъ бўдить даглидáти,
Вéчиръ и рàньня пали-àти:
Мая мамка старўсинька,
Маѐ дѣтки малю́синьки!

Тамъ же. Мотивъ см. „Бѣлор. Сборн.“ вып. VII, стр. 3.

—

Дуброва мая зялёная,
Ни пущай карэнiйка па маёй
 [дарбжаньцы,
Дѣ я къ мамцы ў госьти пайдў:
Ўсё карэнiйка я стапчў,
Ўсѣ тьвятбчки пащиплю,
У вянбчикъ пазвивàю,
На галбўку ускладў,
Къ мамцы ў гбсьтики пайдў.
Загадаю я мамцы загàдинку:
„Пиралúчъ, мамка, тьвяткú!
Скольки ў гэтымъ вянкў тьвят-
 [кбў,
Тбльки на мнѣ худыхъ слаўцбў!“
— Дитя маё дарагбя, житьтё
 [нагарэтная!

—

Да што тамъ за мблайцы, 2
Да што тамъ за бѣлыя, 2
Што й вайны́ бая́лися, 2
Атъ вайны́ хавàлися? 2
А якъ я маладéнька,
Я й сама бòрамъ ишлà,
Я й каня ў рукахъ вилà,
Я й ягàдинки брàла,
На выббръ выбирала:
Салбткiя ў кишынёчикъ,
А горкiя ў падалбчикъ,
Салоткiя ли тàтухны,
А горкiя ля свёкарки.
Ѣжъ, тàтухна, на здарбўя,
А свёкарка на хварббу!
Ѣжъ, татухна, спажывúся,
А свёкарка удавися.

Дер. Шлыки, той же вол. Кр. Ѳеанасiй Шлыкъ.

—

Ли калбдижа, ли сьтидёныга,
Тамъ ляжы́ть тѣла, тѣла бѣлыя.
Нихто къ тамў тѣличку ни пристўпитца,

Тольки приступилыся а три ластыўки.
Первая ластыўка сѣла у гылывàхъ,
А другая сѣла пратѝ сéрдичка,
А третьтія сѣла у ныгàхъ ягò.
Ў гылывàхъ плачить—то мàти ягò,
Прати сéрдичка—то систрà ягò,
У ныгахъ плачить—то жынà ягò.
Гдѣ мати плачить—тамъ рикà стайить,
А йдѣ систра плачить—тамъ ручей тячéть,
Дѣ жынà плачить—тамъ рысà стайить.
Мати плачить а вѣкъ дó вику,
А систрà плачить а годъ дò гаду,
Жына плачить день да вéчира —
Слушать нéчига.

Гор. Мстиславль.

Ныдъ вадòю калина,
Пыдъ калѝный дяўчы́на,
Русу косу чысáла,
Бѣла личка ўмувáла.
Туды ѣхаў старýсинькій:
„Бохъ на пóмычъ, дяўчы́нычка,
Русу кóсу чысати,
Бѣла личка ўмувáти!“
— Ны здарбýя, старый дѣдъ:
Ни твайгò саду калѝнычка,
Ни твайхъ мы́силь дяўчынычка!
Ныдъ вадóю калина,
Пыдъ калѝный дяўчы́на,
Русу косу чысáла,
Бѣла личка ўмувáла.
Ѣхаў туды малóдинькій:
„Бохъ на пóмычъ, дяўчынычка,
Бѣла лѝчка умувáти,
Русу косу чысати!“
— Ны здарбýя, бѣлъ мыладецъ:
Тò твыягò саду калина,
Тó твайхъ мы́силь дяўчы́на!

Щербинск. вол., Витеб. у.

—

Ябланя мая̀ кудравая,
Дакуля̀ табѣ ў лузи стая́ть?
Парà табѣ у садъ парайти́ть,
У садъ парайти́ть, раски́нутца!
— Стаю я годъ, стаю другій,—
А на трэтьтій у садъ парайдý:
Раски́нуся, расхинýся,
Пущу кóрань глы́би мóра,
Пущу листокъ шы́ры пóля,
Шыры поля шырóкага.
Ты, дяўчы́на Ганнусячка!
Дакулѝ табѣ у батьки жыть,
Парà табѣ замужъ итить!
— Пажывý годъ, пажыву другій,
А на трэтьтій замужъ пайдý,
Замужъ пайду за купца-малатцà:
Купецъ будя купчавàти,
А я буду таргавàти.

—

А на дварэ̀ рóса,
Маръютачка бóса!
Кали табѣ дѣўки жаль,
Купи чарави́чки,
Малы, нивяли́чки,
Тольки ў часъ,
Людёмъ на пакáзъ.

—

Дяўчы́начка вадý нясè,
Карóмясялъ гнéтца,
Рамáничка ў вакнò глядѝть,
Слёзками ильлéтца.
Карóмясялъ залатый,
Чамý ни злами́уся,
Рамáничка малады́й,
Чамý ни жани́уся?

С. Красная Буда, Гом. у,

Да выйду, выйду за варбтитки, 2
Выйду, выйду за тясовыя, 2
Тамъ трава съ травой савиваютца, 2
Да тамъ братъ сь сястрбй разлучаютца: 2
„Ты мой братитка, салавеичка, 2 и т. д.
Пажывёмъ съ табби харашэничка:
Ни у насъ пали насёнными,
Ни у насъ сады насажбныя,
Тольки братъ сь сястрбй нарадзбныя!"

—

Юдра [1]) каля рэчки хадила,
Юдра гарнастайку будила:
Устань, гарнастайка, ни ляжы!
Да ўжэ рыбалбўцы наижжаютъ,
Шапкбваю сѣть закидаютъ,
Тябе, гарнастайку, паймаютъ.

—

Ды хто у насъ рана ў пбля хб-
[дить? 2
— Сирата рана ў пбля хбдить, 2
Сирата бѣлы ручки лбмить, 2
Сирата дробны слёзки раняить, 2
Сирата расў абиваить, 2
Сирата долю праклинаить, 2
Сирата мамку прабуджаить. 2.

—

Ты дубъ, я бярбза,
Да ты пъянъ—я тьвярбза,
Да ты пъёшъ, а я плачу,
Маладбсь сваю трачу,
Да ты пъёшъ и латрўишъ,
Нйкды дбма ни начўишъ!

—

Ясна слбнца за лѣсъ кбтитца,
Ўся бясѣданька расхбдитца,
Мая мамка дамбй радитца.
Я мамку прапускать пайду,
Празъ тры лясы, празъ тры
[тёмныя,
Празъ тры сады, празъ зялёныя,
Празъ тры раки, празъ тры бы-
[стрыя,
Празъ тры пали, празъ тры чы-
[стыя.
Стану я падъ бярбзачкай,
Да стану я падъ кудравай:
Ти аглянитца мая матўлька?
Аглянўлася мая матўлька,
Аглянўлася мая рбдная:
„Чаго, дитя, засталася,
Ти травицай ублўталася, [2])
Ти расицай абмачылася?"
— Ни травицай я ублўталася,
Ни расицай абмачылася:
Аблўтала чужа старана,
Абмачыли дробны слёзачки!

—

Красна дѣўка па сянёхъ хбдить,
Красна дѣўка малайца бўдить:
„Устань, устань, да бѣлъ мала-
[дёцъ,
Устань, устань, ты бялюсинькій:
Атарваўся твой конь вараный,
Атарваўся варанюсинькій,
Атъ тачбнага стаўпбчка,
Атъ жалѣзнага кручбчка!
Паламаў ёнъ мой жалѣзный тынъ,
Патаптаў маю руту—мяту!"

М. Браславъ, Ковен. губ.

—

[1]) Выдра. [2]) Уплуталася, запуталась.

Ой, висна̀, висна̀ кра̀сна
Съ карабо̀ў жыта вы̀трасла,
И на ву̀личку вы̀нясла,
И вѐничкамъ вы̀мяла,
Краснымъ яѐчкамъ вы̀качала!

С. Чигиринка, Быхов. у.

—

Сцыбитаў сылавей
Ны калини сѣдюцы,
Ны калини сѣдюцы,
Ны малину глѣдюцы:
Ня быть калинки
Сылажэй малинки,
Ня быть свякроўки
Проти ро̀ннай мамки!
Мыя̀ мамка у саду,
Якъ пцалѝнина ў мяду
А свякрова ў тирямѣ,
Якъ сарбка ны калѣ,
Мыя мамка гавбрить,
Якъ пцалѝнина яцы̀ть,
А свякрова гавбрить,
Якъ мидьвѣдица рацы̀ть.

С. Узкое, Велижск. у.

—

Ахъ, и што шъ то за садо̀чикъ,
За зилёнинькій такой?
Ахъ, и што шъ то за малойчикъ,
За прыгожынькій такой?
Ўложыў мы̀сьли ў моё сѐрца,
Ни магу̀ яго̀ забыть.
Пра то люди даўно знають,
И сусѣди даўно гаваря̀ть,
Тибѐ мо̀лайца руга̀ють,
Мянѐ дявицу страмять:
„Сты̀дна, сты̀дна дяўчо̀нацца
Позна зь вѐчира гулять!“
Дяўчо̀наццы стыдна ста̀ла,
Палилися слёзы зъ глазъ,
Парнѝшачку жа̀лка ста̀ла,
Начаў дѣўку утиша̀ть,
Вы̀ниў ро̀завый платочикъ,
Начаў слёзы утирать:
„Ни плачь, ни плачь, дяўчо̀начка,
Ни плачь, ду̀шычка мая̀:
Если ўзду̀мую жанѝтца,
Васъ на свадьбу пазаву̀!“
Я у садику гуляла,
У зилинёнькимъ такомъ,
Накапа̀ла зло-карэ̀ньня,
Я ў зилинёнькимъ саду,
Насушы̀ла зло-карэ̀ньня,
Су̀ха-на̀-суха яго̀,
Нас'наўля̀ла самава̀ры,
А три самава̀рчики,
Наливала ва стака̀ны,
Залаты̀ стака̀ньчики,
Напайла друшка̀ мила,
Двухъ друшко̀ў яго̀, —
Тава̀ришы пазнасили,
А мой мѝлинькій памёръ!

Заимствованная.

—

Иванька мало̀динькій,
Ни жана̀тъ—халбсьтинькій,
Хадѝў ёнъ па ву̀лушки,
Вулушки тисо̀выя,
Схину̀ў ёнъ галбвачку
На праву старо̀начку.
Завѝдила матушка
Зь висо̀кага тѐрима:
„Абъ чомъ, Иванька, жу̀рысься,
Ды абъ чомъ пича̀лисься?“
— Тава̀ришы жэ̀нютца,
А я щѐ ня думаю,
Кал'Дунаю хо̀дючи,
Тапѝтися думаю!
„Иванька мало̀динькій,
Ни думай жанѝтися:
Бу̀дить сь кимъ журѝтися!

Заимствованная.

—

Висна̀ кра̀сна настаѐть,
У салда̀та сѐрца мрѐть,
Салдатъ у пахо̀дъ идѐть,
Чорный муньдѐръ надяѐть,
На вучѐньнія идѐть.

Гэта ўчэ́ньня ни мучэ́ньня,
То́льки вбчань тижало́, 2
Што ни зна̀имъ ничаго́.
„Гляди пря́ма, дяржы́ ро́уна,
Дѣлай ружжомъ харашо́!“
Насъ нача̀льнички пахва̀лють,
Намъ на во́дачку даду́ть!

А три де́нюшки у день,
А йдѣ хо́чишъ, тамъ падѣнь:
А ти выпить, а ти зьѣсьть,
А ти дѣвушкамъ атьне́сьть,
Ти на шы́ла, ти на мы́ла,
Штобъ и вы́пить за што бы́ла!

Занесена въ деревню бывшими на военной службѣ. Особенно нравится ночлежникамъ.

Ой, о́брамъ, о́брамъ, барави́наю,
А хто шъ тамъ ѣдить вичари́наю?
А ѣдить, ѣдить Иванка пъяный:
„Аччини́, Аўдулька,—я твой каха̀ный!“
— Ай, ня’ччинюся, батьки баюся,
Я шъ пиридъ табо́й ли́стамъ сьтялюся,
Ай ли́стамъ, ли́стамъ, зилянюсинькимъ,
Я шъ пиридъ табо́ю маладю́синькимъ.

Чериков. у. Запис. г. Аникіевичъ.

31 марта, день св. Ипатія, не празднуется. Разрѣшителемъ неплодія бѣлоруссы считаютъ св. Юстиніана (14 ноября), который изображается на иконѣ съ младенцемъ на рукахъ молящимся предъ иконой Божіей Матери. Крестьяне бездѣтные или такіе, у которыхъ часто умираютъ дѣти, считаютъ долгомъ имѣть образъ св. Юстиніана въ своемъ домѣ.

Вербная недѣля называется еще Бѣлою. Принесенною изъ церкви освященною вербою стегаютъ больныхъ членовъ своей семьи, говоря: „Не я бью, вярба́ бъе̇! Хира ў лѣсъ, а здарбу́я ў косьти!“ Послѣ этого отправляются въ хлѣва и тамъ стегаютъ вербой скотъ. Затѣмъ верба кладется на божницу, а часть втыкается въ стѣны хлѣвовъ. 23 апрѣля ею выгоняютъ первый разъ скотъ въ поле. Во время посѣва вербу ставятъ на полѣ. Въ ночь на 24 іюня ее вѣшаютъ въ коровьемъ хлѣву, чтобы охранить коровъ отъ вѣдьмъ. Уронить прутикъ вербы на землю считается грѣхомъ. Нужно его поднять и сжечь въ печи.

Дни Страстной седмицы называются чистыми: чистый понедѣлокъ, чистый авторокъ и т. д. Въ чистый четвергъ до разсвѣта моются въ баняхъ; тогда цѣлый годъ не будетъ накожныхъ болѣзней— лишаевъ, коросты, болячекъ. Бабы ловятъ прусаковъ, клоповъ и таракановъ, заворачиваютъ въ тряпочки и бросаютъ на улицу. Насѣкомыя перейдутъ къ тому, кто такую тряпочку подниметъ. Бабы же прядутъ въ этотъ день нѣсколько нитокъ изъ волны или льна, но въ обратную сторону. Нитки эти очень помогаютъ отъ ломоты, и болѣющіе ревматизмомъ перевязываютъ ими больныя руки и ноги. Въ

церкви въ этотъ день освящаются макъ, соль и коровье масло. Макъ посыпается въ хлѣвахъ, масломъ смазывается коровье вымя для охраненія отъ вѣдьмъ, а соль употребляется во всѣхъ важныхъ случаяхъ для охраны отъ нечистой силы.

Въ с. Озеранахъ одну изъ дорницъ на крышѣ переворачиваютъ нижнимъ концомъ вверхъ—чтобы гады въ хату не лѣзли. Чтобы обезопасить дворъ отъ нечистой силы, „раздѣнитца жанцйна голая и да ўсхода сонца абсѣвая увесь дворъ жытамъ знаружжа“. Также до восхода солнца перебираютъ лукъ—тогда онъ на огородѣ чистый.

Апрѣль.

11 апрѣля, день св. Антипы, празднуется только тѣми, у кого часто болятъ зубы, и знахарями, заговаривающими зубную боль.

17 апрѣля память св. Зосимы. О немъ хранится такая легенда. Какой то царь прогналъ его изъ своей земли и онъ направился въ Россію. Уходя, онъ поймалъ пчелиную матку, задѣлалъ ее въ свой посохъ, чтобы никто не увидѣлъ, и увезъ съ собою. Всѣ пчелы изъ той земли полетѣли за нимъ и развелись въ Россіи. Такъ какъ русскіе еще не знали ухода за пчелами, то размножившіяся пчелы причиняли большое безпокойство, жалили людей и животныхъ. Народъ сталъ роптать на Зосиму, принесшаго такихъ злыхъ насѣкомыхъ, и святой ушелъ на Соловецкій островъ, снова спрятавши матку въ посохъ. Тамъ онъ основалъ монастырь и снова сталъ заниматься пчеловодствомъ. Здѣшніе пчеловоды, какъ впрочемъ и въ остальной Россіи, считаютъ его охранителемъ пчелъ, вмѣстѣ съ св. Савватіемъ. Имя Зосимы упоминается во всѣхъ пчелиныхъ заговорахъ, которые впрочемъ всѣ литературнаго происхожденія (см. ниже „Заговоры“). Считается обязательнымъ имѣть на пасѣкахъ икону этихъ святыхъ, причемъ Зосима держитъ въ одной рукѣ „котелокъ“, а въ другой крестъ и метелку для сгребанія роевъ (или кропило); Савватій изображается только съ крестомъ въ рукѣ. Оба въ иноческой одеждѣ, на фонѣ лѣса. Деревенскіе иконописцы и подражающіе имъ суздальцы изображаютъ на иконахъ для наглядности улья и летающихъ пчелъ. Зимою эти иконы переносятся изъ пасѣки въ омшаникъ, гдѣ хранятся ульи, или въ избу.

Пасха. Праздникъ этотъ въ Бѣлоруссіи называется Великъдень, Велйкодьня, Паска, а недѣля—Великодною. Приготовленія къ празднику начинаются обыкновенно съ среды—четверга мойкою иконъ, столовъ, скамеекъ, окошекъ, дверей и половъ, а гдѣ стѣны небѣленыя, то и стѣнъ. Чиститcя все,—за что и недѣля называется чистою. Къ Пасхѣ заготовляется столъ, главное мѣсто на которомъ занимаютъ куличи, также называемые „паскою“. Куличи имѣютъ видъ обыкновенной круглой булки, но наверху ея накладывается изъ тѣста че-

тырехконечный крестъ. Если хозяйка не умѣетъ печь куличей, они заблаговременно покупаются въ городѣ въ базарные предпраздничные дни. Кромѣ куличей, на столѣ считаются обязательными: булка чернаго хлѣба съ насыпанной на нее солью, кругъ домашняго сыра, масло, кусокъ свиного сала и крашеныя яйца. Изъ мясъ ставятся: по возможности окорокъ, поросенокъ, курица—если ничего этого не надобно покупать, или просто зажаренный кусокъ мяса и оставшіяся отъ Колядъ колбасы. Яйца красятся, какъ уже было сказано, въ луковой шелухѣ, березовыхъ листьяхъ и червецѣ. Правильно-христіанскимъ цвѣтомъ для яицъ считается красный и поэтому купленнымъ зажиточнымъ крестьяниномъ червецомъ стараются воспользоваться и сосѣди. Такъ называемыя писанки въ Бѣлоруссіи имѣютъ малое распространеніе. Это объясняется, конечно, тяжелымъ прошлымъ ея населенія, при которомъ всякое яйцо было на счету у помѣщицы, а крестьянинъ разгавливался чернымъ мякиннымъ хлѣбомъ и кускомъ сала „зъ варабъйная стягнó“. Въ мѣщанской средѣ писанки дѣлаются или наклеиваніемъ на яйцо восковыхъ узоровъ предъ окраскою или простымъ соскабливаніемъ краски съ окрашенныхъ яицъ. Узоры эти крайне просты и въ большинствѣ случаевъ замѣняются изображеніемъ креста. Также бѣдны орнаментомъ и однообразны и писанки здѣшнихъ женскихъ монастырей.

Для освященія въ церковь несутъ: куличъ, мясо, сыръ и яйца,—именно то, что упоминается въ разрѣшительной молитвѣ. Все это укладывается въ лукошко, застланное особою чистою скатертью. Во время чтенія священникомъ молитвы, къ лукошкамъ прилѣпляются зажженныя восковыя свѣчи.

При первомъ пѣніи „Христосъ воскресе“ въ сельскихъ церквахъ почти повсемѣстно стрѣляютъ или изъ ружей или изъ особыхъ мортиръ—мажджаръ. Въ самое послѣднее время вмѣсто стрѣльбы примѣняются фейерверки.

По возвращеніи изъ церкви домой, одно освященное, обязательно красное, яйцо опускаютъ въ воду, которою потомъ всѣ умываются, и гладятъ яйцомъ лицо, чтобы быть здоровыми, „красными“, весь годъ. Потомъ, помолившись—причемъ вмѣсто начинательной молитвы „Во имя Отца“ говорится тропарь „Христосъ воскресе“, вплоть до дня Вознесенія — всѣ садятся за столъ и начинаютъ „разговляться“. Старшій въ семьѣ очищаетъ одно изъ освященныхъ яицъ и разрѣзываетъ на столько частей, сколько членовъ семьи находится за столомъ. Всѣ съѣдаютъ свои части съ солью. Потомъ ѣдятъ сыръ или творогъ со сметаной, затѣмъ куличъ и сало и наконецъ мяса. Послѣ розговѣнья считается обязательнымъ лечь спать. Выспавшись, одни обѣдаютъ, другіе отправляются на улицу, большей частью къ церковной паперти, и тамъ или катаютъ яйца съ лубковъ или играютъ „въ битки“. Чье яйцо окажется крѣпче, тотъ беретъ у партнера „выби-

тое“ яйцо—„битку“. При игрѣ въ битки допускаются и нѣкоторые обманы. При взаимной пробѣ играющими яицъ, даются „куштовать“ обыкновенныя яйца, но затѣмъ они ловко замѣняются другими—гипсовыми, цесарскими, „заливанками“, въ которыхъ носокъ залитъ извнутри воскомъ, „сушенками“ и т. п. Героями игры считаются тѣ, которые идутъ съ цесаркой на цесарку. Игры съ яйцами продолжаются всю „Великодную“ недѣлю.

При встрѣчахъ въ эту недѣлю говорятъ: „Христосъ воскресъ!“ на что привѣтствуемый обязанъ отвѣтить: „Воистину воскресъ!“ Христосуются съ родными, съ знакомыми, а въ первый день съ каждымъ встрѣтившимся.

Вѣроятно, по аналогіи съ тѣмъ, что въ Пасхальную недѣлю въ церкви стоятъ отворенными царскія врата, въ народѣ существуетъ вѣра, что въ эту недѣлю открытъ „свѣтлый рай“ и что поэтому всѣ умирающіе на Пасху входятъ въ рай безпрепятственно. Въ Велижскомъ уѣздѣ въ первый день Пасхи, въ подражаніе этому, стараются держать отворенными хлѣва, амбары, кладовыя. Существуетъ также увѣренность, что отъ Пасхи до Вознесенія воскресшій Господь пребываетъ на землѣ и посѣщаетъ, подъ видомъ странника, людей бѣдныхъ, постигнутыхъ несчастіемъ, вдовицъ. Легенды объ этомъ приведены въ вып. IV Бѣлор. Сборника.

Остатки отъ освященнаго стола, будь то яичная скорлупа или кость, сжигаются. Но нѣкоторые хозяева собираютъ такія кости и предъ посѣвомъ зарываютъ ихъ въ землю на своей полосѣ: это охраняетъ посѣвы отъ бурь и градобитія. Корки же освященныхъ куличей сушатъ, толкутъ и во время семейныхъ праздниковъ—крестинъ, свадебъ, всыпаютъ въ водку. Чрезъ этого водка получаетъ свойство усыплять колдуновъ. Послѣ одной—двухъ рюмокъ они засыпаютъ и слѣдовательно дѣлаются безвредными для молодыхъ, для младенца.

На второй день Пасхи дѣвушки собираются „табунами“ и ходятъ по домамъ „христовать“. Войдя въ хату, онѣ поютъ такія пѣсни:

Была̀ ў мянѐ курка—рабу́шка,—
Хрыстосъ васкрэ́съ, Сынъ Божый!
Знисла̀ ўсимъ дѣткамъ па яе́чку, (припѣвъ)
Аднóй сиратѣ ня дястáлася.
Пашла̀ сирата̀ за новыя варата̀.
„Вярни́сь, сирата, тябе́ Богъ клича,
Тябѐ Богъ клича, даѐ мѣрку жыта!
Хрыстосъ васкрэсъ, Сынъ Божый!

—

Атъ тéрама ды да терама—
Хрыстосъ васкрэсъ, Сынъ Божый!
Ляжы́ть брусься ўсё нятёсаная, (припѣвъ)
Па томъ брусьсю па нятёсанамъ

Тудой ишла ды тьвѣтъ Мàръячка-душа,
А за ёю тьвѣтъ Данйлачка-душа:
У правай рукѣ вино зялёная,
А ў лѣвай рукѣ мéдъ сы́чаный!
Хрыстосъ васкрэ́съ, Сынъ Божый.

Носовичск. вол., Гом. у.

О, чый то дворъ, што зялѣзный тынъ —
Хрыстосъ васкрэсъ, Сынъ Божый!
Зялѣзный тынъ, мидя́ныя варóты,
Залаты́я кля́мки, сярэ́браны замки?
— Ивàнаў дворъ—зялѣзный тынъ и т. д.

—

Да па вулицы па шырóкай,
Хрыстосъ васкрэ́съ, Сынъ Божый!
Да па мýрагу па зялёнамъ,
Тамъ ляжáли брусы́ тéсаныя,
На тыхъ брусахъ сядѣли мужы́,
Сядѣли мужы́, мужы́ чесныя,
И рáдили рàду, раду дòбраю:
Камý жыта сѣять, каму засявáть?
— А Ивану жыта сѣять, ямý засявать:
Яго рука щасьливая, яго жана дарли́вая!
А патóмъ тагó да бувай здарóў,
Да бувай здарóў, май сто карòў,
Дали́ яéцъ, щобъ мали авéцъ!
Хрыстосъ васкрэсъ, Сынъ Божый!

С. Юрковичи, Гом. у.

Христовщицамъ даютъ за это ломоть хлѣба, кусокъ сала, или пару яицъ. Вечеромъ изъ этой провизіи онѣ устраиваютъ закуску на игрищѣ, которое считается обязательнымъ въ этотъ день. Игрища устраиваются въ той же хатѣ, гдѣ зимою происходили „посидѣнки". Хлопцы приносятъ *ведро* водки, приводятъ музыканта. Хозяйка къ этому времени напечетъ блиновъ изъ грецкой муки, сдѣлаетъ крутую яичницу изъ 10—20 яицъ, нажаритъ мяса съ картофелемъ и сваритъ грецкую или пшенную кашу. Выпивши и закусивши, молодежь начинаетъ танцевать. Въ Гомельскомъ уѣздѣ въ наибольшемъ употребленіи недавно были танцы: барынька, казачокъ, падушачка, мятелица, гусачокъ, лучиница, журавель, косарь, чижикъ, гопакъ. Если музыки въ деревнѣ нѣтъ, танцуютъ подъ припѣвки. Въ дополненіе къ тѣмъ, которые даны въ вып. VII Бѣлорус. Сборн., привожу здѣсь еще нѣсколько.

Тавкачики.

Антонъ маладе́нькій пиу̌ мёдъ саладе̇нькій,
Прыкатиу̌ся къ бочацца, пъе́ть и ящо хбчыцца!
Антонъ казу̌ вяде́ть, тпруцъ-тыцъ, каза̀ ня йде́ть,
Антониха падганя̀ить, на Антона паглида́ить!

Трасуха.

Хуть трасися, ни трасися, ну я знаю, што здасися!
Дяу̌чы́нанька, што ты ма̀шъ, што хвартушкамъ запина̀шъ?
— Ай, я ма́ю курыцу, дли васпа̀на ужы́чу!

—

А ты, ру̌дый, хади сюды, а ты, чорный, стай тамъ,
А я зъ рудымъ разбяру̌ся, а къ чбрнаму прыду̌ самъ!

—

Ай, чухъ, Марысица, хварту̌хъ калышытца,
Вѣтиръ павива́ить, хвартухъ падыма́ить.

Полька.

Ѣху̌, ѣху̌ каля млы́ну, видиу̌ дѣу̌ку, якъ малину,
Якъ я ѣху̌, ина̀ спа́ла, якъ я сьви́сну̌—ина̀ у̌ста́ла!

—

Дяу̌чы́начка мая̀ люба, праклятая твая̀ гу́ба:
Набраха̀ла на мяне́, што я хадиу̌ да тябѐ!
Дяу̌чы́начка, люблю тябе, ня ѣжъ хлѣба—вазьму тябе́!
Дѣу̌ка хлопца паслушала, тры дьни хлѣба ня купала!
Прасу́кинъ сынъ абманиу̌ и зъ гбладу замарыу̌!
— Дяу̌чы́нанька, ня журыся, вазьми хлѣба, нажарыся!

—

Танцавала баба зъ ракамъ, а пятру́шка съ пастарна́камъ,
А цыбуля дивава́ла, што пятрушка танцава́ла,
А пятрушка шъ чыснакбмъ, кра̀сна дѣу̌ка зъ дитюкбмъ.

—

А дяу̌чына, чыя́ ты, ти ня хбчышъ гуляти?
— Я дяу̌чына папбва, я гуляти гатбва.

Кадрель.

Ти я шъ табѣ ни казала, на пар́бзя ста̀у̌шы:
Ня ѣдь, ня ѣдь у дарбгу, нихай ѣдить старшый!
Ти я табѣ ни казала, на прыпичку сѣу̌шы;
Ня ѣдь, на ѣдь у дарбгу, нихай ѣдить ме́ньшый!
Ти я табѣ ни казала, маё любиня́тка:
Ня ѣдь, ня ѣдь у дарбгу, нихай ѣдить татка!
Татка старый, татка старый, на сьвѣти нажыу̌ся,
А ты шъ, маё любинятка, тяпе́ръ ажаныу̌ся.

—

Диргачъ стаў драть за дешкай съ Агнешкай,
Якъ тутъ, такъ тамъ, якъ прыдишъ—ни дамъ!
Диргачъ стаў драть за каткай съ Агаткай и т. д.
Сядѣў я за дешкай, прасиў у Агнешки:
Якъ тутъ и т. д. Потомъ—за каткай, прасиў у Агатки и т. д.

—

Сѣў жа я на лаваньца и ножаньки падагбаў,
Ты шъ мяне спалюбила, я шъ тябе спадабаў.
Ты шъ мяне спалюбила, ты шъ мяне спадвила,
Ты шъ мяне маладога ў камбрачку завила.

—

Ты шъ мая, ты шъ мая, ты шъ ни чужая,
Ты шъ была, ты шъ была, ты шъ ни сказала!
— Чаму шъ тады ни прышоў, кали я казала:
Усю ночку ни спала, тябе ажыдала.
Чаму шъ тады ни прышоў, кали я вялѣла:
Усю ночачку ни спала, сьвѣчачка гарэла,
Сьвѣчачка гарэла, сярдечка балѣла!

—

А за садомъ, за садомъ, пасѣили дѣўки лёнъ,
Ай-люли, дѣўки лёнъ 2 и т. д.—извѣстная пѣсня.
Подъ ея мотивъ танцуютъ фигуру шестую кадрили.

—

Я ў Татяны начуваў, у Маруся мыўся,
Празъ вакonца утикаў и штаны забыўся.
Я шъ ни Татяна, я шъ ни Маруся,
Я шъ ни падамся, я шъ ни баюся!

—

Жаль жа мнѣ на Татяну, жаль жа мнѣ на яе —
Зьѣзьдиў каня варанога, ѣзьдючы да яе!
Жаль жа мнѣ на Татяну и т. д.
Стаптаў жа я ботики, ходючы да яе!
Жаль жа мнѣ на Татяну и т. д.
Аддаў жа я ўсѣ грошыки, носючы да яе!

—

Чаго ў тябе, дяучынинка, ... надулося?
— Каля рэчки хадила, вады напилася!
Чаго ў тябе даўчынинка, якъ у качачки насокъ?
Каля рэчки хадила, жыравала пясокъ!

—

Лявониха.

А па ву́лицы мяте́лица мяте́ть,
Па мятелицы мой милинькій иде́ть,
А иде́ть жа памалю́синьку
А ступа́ить патиху́синьку.

—

А Божа мой, жывате́нки баля́ть!
Што не́каму за с—и диржа́ть!
Суди шъ Божа мнѣ ня́дѣльки даждать—
Бу́дить каму́ за с—и диржа́ть!
Суди шъ Божа мнѣ другби дажыть,
А у́ другую мой ми́лянькій прыбяжы́ть!

—

А дѣ шъ тыя кавалёнки жывуть,
Што новыя тапаро́нки кують,
Кують, кують, ды падва́рываютъ,
Нашыхъ дѣвакъ ды падма́нюваютъ.

—

Я у́ матульки адна́ до́чачка была́,
Якъ вишанька ю садо́чку тьвила́.
Аста́лася злому духу мужуку́,
Ссушы́у́ мянѐ якъ липачку (рыбачку) у духу́.
Су́шыть, су́шыть, да напра́витца,—
Не́каму мнѣ мо́ладэй пажа́литца.

—

„А Лявониха, такую тваю...,
Ни хади́ маю́ капусту лама́ть!“
— Я хади́ла и хади́ть буду,
Я лама́ла, и ламать буду!

—

А што бъ гэта за сусѣдка была,
Кабъ сусѣду хлѣба-соли ни дала?

—

Пути-пути, ку́рачка да до́му,
Ни рабй шъ ты шко́дачки нико́му,
А шко́дачка у́ся́каму ня ми́ла,
Скажуть, мая́ курачка зраби́ла!

—

На вулицы двѣ курыцы и пяту́хъ чорный,
У камбры двѣ дяу́чынки и пастухъ дво́рный.
На вулицы двѣ курыцы съ питухо́мъ дяру́тца,
У каморы двѣ дяу́чынки съ пастухамъ смяю́тца.

—

Ай, мамачка, мамачка, любиў мянé Янчачка,
И я яго любила и спадьничку згубила,
И ще буду любити, капъ другую купити!

—

Ой, гдѣ жъ гэта видавана,
Ой, гдѣ жъ гэта слыхавана,
Штобы кўрачка бычка прывила,
Парасёначыкъ яечка палажыў,
А свинячка типлятъ высидила?

—

Ой, дочь мая любимая, ни па прóмыслу завóдъ завила,
Пóўна хата маладёжы набрала,
Выбрала сабѣ малóйчика, што ни вўсакъ, ни барóдушки,
А ни каня, ни карóвушки!

—

Фўнды-фўнды-фундычóкъ, ну-ну-ну!
А ў гарóди ильничóкъ, ну-ну-ну!
А ў éльничку трасьничóкъ, ну-ну-ну!
А ў трасьничкў ды крыватюшка,
На крывати душа Насьтюшка.
„Ахъ ты, Насьтя, ахъ ты, Насьтюшка мая,
Расцалўй жа, размилўй жа ты миня!“
— Ни хади ты, билакўрый, у нашъ дворъ,
Ни насишъ ты худабы у нашъ домъ:
Ў насъ худóбушка ни вóдитца,
Съ худабы ...... нахóдитца.
Ў насъ худóбушка на печки ляжыть,
Расьтигальнички на вóйлачки.

—

Пашóў Азаръ на базаръ, ну-ну-ну!
Цалавальничкамъ сказалъ, ну-ну-ну!
Што ў гóради гарадóкъ, — — —
А ў Питиры Питярóкъ — — —
Слаўный гóрадъ ниравóзъ — — —
Ёнъ дѣвачку пиравёзъ — — —
На рўчынькахъ пакачаў — — —
Сваймъ сéрцамъ звилинчаў, ну-ну-ну!

Д. Заулки. Заимств. отъ мѣстныхъ старообрядцевъ.

Чижикъ.

Чижыкъ, чижыкъ, идѣ быу?
За рѣчкою водку пиў!
Выпиў рюмку, другўю,
Узяў дѣўку любўю!

Гусари.

Гей, гей, гусари, вы гусарики май!
Пышла мати да Кіива,
Дачкў дома пакинула.
Пакўль мати зьвярнўлыся,
Дычка семъ разъ спаткнўлыся.

Полька.

Полька сьтерва полька—. . . .ь,
Полька хбчить тунцувать.
Полька тая, полька ета,
Полька мерскыя кабета.

М. Монастырщина, Мстисл. у.

—

Дѣўка мая, люблю тибѐ,
Ня ѣшъ хлѣба—вазьму тибѐ!
Дѣўка мальца паслушыла,
Тры дьни хлѣба ня кушыла.
Прасукинъ сынъ падманиў,
Дѣўку зъ гблыду ўмарыў.
— А ты дѣўка ня дмися,
Вазьми хлѣба, нажрыся!

С. Бабиничи, вит. у.

Воробей.

Такій-сякій вирабей,
Ня клюй майхъ канапель
Я етыму вирабью
Кблымъ нагу пирябью.
Вирабейка скачить,
Ды па нбзцы плачить.

Метелица.

Мятелица, мятелица,
Чаму дѣўки ня телятца?
— Якъ жы намъ тялитися —
Нима хлбпцаў жанитися.

Лявониха.

Ты Лявониха, Лявониха мая,
Ты харбшая, пругбжая мая!
Чаму тябе да павѣтра ни ўзилà,
Якъ ты мянѐ за ручыньку пывилà,
Чаму тябѐ ды Пярунъ ни забиў,
Якъ я тябе мыладенькыю любиў?

С. Пугляи, Горецк. у.

—

Ты Лявониха, Лявониха мая,
Лявониха-душа ласкывыя,
Чиривикыми паляскывая!
А Лявониху Лявонъ пылюбиў,
Лявбнихи чиривики купиў!

С. Новая Ельня, Черик. у.

Подушечка.

Падушачка, падушачка,
Да ты пухавàя,
Малбдачка, малбдачка,
Да ты маладàя!
Кагб люблю, кагб люблю,
Тагò пацалую,
Пухбваю падушачку
Таму падарую.

Г. Бѣлица, Могил. г.

Въ этотъ же день съ вечера мужчины собираются артелями и ходятъ всю ночь съ пѣснями по домамъ. Въ первый же день „спасаютца: у гарэлцы, бачъ, усягò многа!“ Пѣсни эти называются волочебными, пѣвцы—волочебниками, и ночь—волочебною. Циклъ этихъ пѣсенъ огромный. Здѣсь приводятся только нѣкоторыя изъ нихъ.

Валачóбныя люди добрыя,
(припѣвъ послѣ каждой строки: Хрыстосъ васкрэсъ, Сынъ Божый).
Валачылися, памачылися.
А Иванъ харбшый, а Лука щѐ луччый,

А на йго на дворѣ да жалѣзный тынъ,
Да жалѣзный тынъ, сталяныя варата.
Да була ў яго курка рабўшка,
Знясла яму яецъ капячокъ.
Падялили яйцы да ўсимъ па парцы,
Аднаму сиратѣ ня дасталася.
Да дають сиратѣ миску чарвонцаў,—
Сирата ня бярэ—са двара ня йде.
Да дають сиратѣ яшнаю лусту
Сирата узяла да й падякувала,—
Хрыстосъ васкрэсъ, Сынъ Божый!

С. Нивки, Гом. у.

У нядѣльку параценьку Хр. в. С. Б.
Сабиралися добры малойцы,
Добры малойцы, валачобники,
Люди чэсныя, сыны атецкія.
Ишли жъ яны па вулицы па шырокай,
Па мураўцы па зялёнай,
Паталися етага сяла,
Да таго двара Исакавага,
Мужа чэснага, сына атецкага,
Сына атецкага, слышнага пана.
Што на етамъ дварэ ўсё калоДяжы,
Калодяжы усё накиписты,
Накиписты—панакипавали
Рыжа зблатамъ, чыста сэрабрамъ.
Чэсная жана па ваду пашла,
Карбмисьликъ ўсё ярбвянькій,
Вядёрушки маляваныя.
Ня зачэрпала сьтюдёныя вады,
Пачарпала рыжа зблата,
Рыжа зблата, чыста сэрабра,
Панясла яна да святьлицы,
Паставила на скамницы,
Сама пашла милага будити:
„Устань, ашнись, мой милянькій:
Саздаў намъ Богъ да дабра многа!“
— Стой, сажджы, жана милая:
Што жъ мы яму да рабить будямъ?
Паставимъ мы суборъ цэркву!
Туды будуть люди хадити,
Люди хадити, Богу малитца,
За насъ съ табой Бога прасити.
Хрыстосъ васкросъ, Сынъ Божый!

—

У нядѣльку паранéньку—Хр. в. С. Б.
Сабирáлися мужы́ чэ́сныя,
Мужы чэ́сныя, сыны атéцкія,
Патáлися éтага сялá,
Етага сялá, ó тагó дварá Пилипавага,
Мужа чэ́снага, сына атéцкага.
Што на етамъ дварэ́
Ляжы́ть брýсься, брýсься тёсаная,
На етамъ брусьси
Сидять мужы́, мужы́ чэсныя,
Мужы чэ́сныя, сыны атéцкія.
„Што жъ та рана у пóли гукáла,
У поли гукала, тиха мóвила?“
— Рана гукала чыстая пóля,
Тúха мовила ядранóя жыта:
„Што жъ та ёсьти за хазяинъ?
Ёнъ пасѣяў мяне́, да ня’твѣдая:
Ня магý стаять, кóласа дяржáть:
Патъ кóласамъ, якъ падъ зóлатамъ,
Падъ зéрняткамъ, якъ падъ сéрабрамъ!“
Отъ, табѣ пѣсьня, слышный мужу,
Атъ насъ пяўцóў, добрыхъ малайцóў!
А мы гóсьти нядакýшныя:
Мы ў годъ, у гадóкъ адинъ разокъ,
На Хрыстоў дянёкъ, на Вялйкадьня.
Ня кажы тáнить, прыкажы́ платить!
Наша плата ни вялúкая:
Пачынáльничку красна яéчка,
На ўсю брáтьтю хоть дясятачакъ!
Хрыстосъ васкросъ, Сынъ Божый!

—

Што на моры, на лукаморьи—Хр. в. С. Б.
Стаяла вярбá какатúстая,
На той вярбѣ сядѣла пава,
Сядѣла пава размавúстая,
Сядѣла пава, пéрья раняла,
Слышная паньня Матруна Грыгóравна перья збирала,
Пéрья збирала, вянóчакъ вилá.
Звиўшы вянóчакъ, ў танóчакъ пашлá,
Пашлá ў танóчакъ—трохъ спалюбила,
Трóхъ спалюбила—усихъ надялила:
Аднамў дала шаўкавóй платокъ,
Другому дала зóлатъ пирсьтянёкъ,

Трэтьтяму дала правую руку,
Да й за рукою и сама пашла.
Хрыстосъ васкросъ, Сынъ Божый!

Д. Кураковщина Рогач. у.
Отъ кр. Мих. Өедорова запис. мною.

А съ падъ лѣсу, лѣсу тёмнага,
Выхадила хмара чорная.
Нихто тыя хмары ня ўгадая.
Абабраўся чэстный мужа:
Я жъ ету хмару, я ўгадаю,
Я ўгадаю, я спазнаю:
Ета хмара пчалиная мати!
На чый жа дворъ ина наверня?
Навярнула ина къ чэснаму мужу,
Къ чэснаму мужу, пану Ивану.
Садитися, пчолки, ўсп на дўбъику,—
То на дўбъику ни памѣсьтилися!
Садитися, пчолки, ўси па вульлийку,
Па вульлийку, па сасбньничку!
Па дубъику мяды густыя,
Па сасбньничку васки чыстыя.
Мяды варыть—то сыноў жанить,
Васки варыть—свѣчы сукать,
Свѣчы сукать къ цэркви хадить,
Къ цэркви хадить да Бога прасить:
Сашли жъ, Божа, пчблы ярыя!
Хрыстосъ васкросъ, Сынъ Божый!

М. Корма, Рогач. у. Поется пчеловодамъ.

Добрый вечаръ, добрыя люди! Хр. в. С. Б.
Ой, чій-жа то дворъ, што зялѣзный тынъ,
Што зялѣзный тынъ, мидяныя варата,
Падварбтьтійка пазалбчанная?
Ой, на томъ дварэ да стаить явбръ;
Ой, на томъ явары да сядить сакблъ.
Па двару хбдя мбладъ Якаўка,
Па двару хбдя, лучбкъ падымая,
Лучокъ падымая, хоча сбкала убить.
„Мбладъ Якаўка, да ня би жъ ты мяне,
Да ня би жъ ты мяне, ня губи жъ ты мяне:
Знадаблюсь я табѣ при лихой гадинѣ:
Якъ будишъ ты да жанитися,

Маладую жану зъ-за синя мо́ра брать, —
Пиранясў жъ я тябе́ да на крыльляйку,
А жану тваю да на хвбсьтичку!
Хрыстосъ васкросъ, Сынъ Божый!

—

Добрый вечаръ, добрыя люди, Хр. в. С. Б.
Ой, ишли жъ, брали валачббныя,
Валачббныя, люди добрыя,
Вб шаталися, вб паталися
Да таго́ сяла̀, да таго̀ двара́
Да таго́ двара́, да Хами́нага:
Ой, ти до́ма, до́ма самъ панъ Хама́?
Ёнъ хоть и до́ма, да ня ка́жытца,
Да ня ка́жытца, прыбира́итца:
Ой, надива̀я ёнъ куньнюю шубу,
Куньнюю шубу, чорны со́бали!
А пато́мъ таго̀, самъ панъ Хама́:
Ни мары́ мно́га, да дары́ ско́ра!
Скаваро́дку ў печь, па каўба̀ску ў клѣть,
Сыръ на тарэ́лку, кварту гарэ́лки,
Ка́ждаму пяўцў на кра́снамъ яйцў,
Пачына́льничку хоть и па̀рачку,
Мѣхано́шаму чирвонъ злотый.
Хрыстосъ васкросъ, Сынъ Божый!

С. Столбунъ, Рогач. у. Запис. А. Цыбулькинъ.

Ай у нядѣльку на Вяли́кадьня,
Ай ишли́—брали́ валачббники,
Ай ишли жъ яны́ ўси даро́гаю,
Сустрэ́ли яны Го́спада Бога,
Го́спаду Богу памали́лися,
А Ісусу Хрысту пакланилися,
Пакланиўшыся, папыта́лися,
А пыталися сла́ўнага сяла́,
Сла́ўнага сяла́ (названіе),
А ў томъ сялѣ́ сла́ўнага пана,
Сла́ўнага пана, па́на гаспада́ра.
А панъ гаспадаръ прыбира̀итца,
Ёнъ прибраўшыся, да и сѣў сабѣ,
Ай сѣў сабѣ за сто́ликамъ.
Пирадъ имъ стаи́ть тры сыночки яго̀,
Тры сыночки яго, да ўсѣ писа́рбчки!
Ай ни ла̀ставица то́ палятуя,
Сама гаспадыня паха́джуя,
А сваи́хъ служакъ ўсё пабўджавая:
„Служки мае́ вѣрнянькія!
Устаньтя, ни ляни́тися,
Ни ляни́тися, да памы́итися,
Ай памы́итися, прыбяры́тися,
А и́дитя вы да цэ́ркаўки,
Да цэ́ркаўки Богу мали́тца,
Богу мали́тца, Хрысту кла́нятца.
А съ цэ́ркаўки да ста́яньки,
А ў ста́янцы Бо́жая ра́дасьть,
Божая радасьть праявилася:
Со́ракъ кабылакъ жарабилася,
А яще́ стольки назначилася.
А тяпе́ръ да карбўничку:
А ў карбўничку Божая ра́дасьть:

Сбракъ карбвакъ атялилася,
А ящé сбракъ назначилися.
А патóмъ тагó, слаўный пáня,
А чимъ жа ёнъ слàвянъ:
Ти сваимъ дабрóмъ, ти сваймъ
[гумномъ?
А слàвянъ жа ёнъ да сваймъ
[дварóмъ:
А ў ягó на дварэ̀ прыстóлъ
[стайть,
На прыстóли самъ Богъ сядить,
Самъ Богъ сядить, Святки́ лича.
Аднагò Святкá да ни даличыўся,
А ни даличыўся да святóга Юръя.
„А камý жъ ѣхать Юръя шукáти?
— Ѣхать шукати Благовѣ-
[щапьню!“
—Я каня́ ня̀ мáю, Юръя ня знаю!
„Ѣхать шукать святому Вя-
[ли́чку!“
—Каня ня мáю, Юръя ня знаю!
„Рáдаўницы ѣхать Юръя шу-
кáть!“
—Я каня́ мáю и Юръя знаю!
Тольки Рàдаўница за варóты,
Святый Юрэй у варóты.
„Чалóмъ, чалóмъ, святый Юрэй!
Гдѣ, святый Юрэй, прызабá-
[виўся?“
—По мяжáхъ хади́ў, пашню радиў,
Яраю пшóнку святому Вяли́чку,
Святóму Вяличку на бѣлы пи-
[ражки́.
„А гдѣ бóляй хади́у?“
—Па барáхъ хади́ў, пчолки сади́ў:
На сто калóдъ насади́ў,
А ящé на сто нагатóвиў!
А потомъ тагò, слаўный пáня,
Аччыни́ вакнò, паляди́ ў пóля:
Па тваёй ниви самъ Богъ хóдя,
Самъ Богъ хóдя, пять асóбъ вóдя:
Першая асóба—святый Юрэй,
Другая асóба—святый Микола,
Трэцьтяя асóба—Тройца святая,
Чацьвёртая асóба - святый Пятрò,
Пятая асóба—святый Илья́.
А святый Юрэй сы расицаю,
Сы расицаю жы́та заражáя.
А святый Микола съ шаўкóвай
[травой.
Шаўковай травою скотъ напасáя.
Тройца святая жыта высыпáя,
А святый Пятрó зъ дрóбнымъ
[дажджóмъ,
А святый Илья зъ залатымъ
[сярпóмъ,
Зъ залатымъ сярпомъ жы́та за-
[жынáя,
Жыта зажыная, пана гукàя:
„А куй сярпы залатéнькія,
Сабирай жнéи маладéнькія!
Часты, густы да на нéби звёзды,
Часьтѣй, гусьтѣй да на ни́ви
[копы!
А й высóкъ да вяли́къ я́синъ
[мѣсяцъ,
А вы́шай тагò у гумнѣ стаги́,
У гумнѣ стаги ў пана гаспадàра!“
А патóмъ тагó, слаўный пáня,
Ни кажы́ тами́ть, да кажы́ дары́ть!
А нашы́ дары ни вяликія,
Ни вяли́кія, да й ни малыя:
Пачынáльничку чырвóный злó-
[тый,
А ўспивáльничкамъ па капѣяццы,
А михапóшу чвéртка жыта,
А музы́кава горкая доля—
Кварта гарэлки, сыръ на тарэлки!
Хрыстосъ васкросъ, Сынъ Божый!

—

Пáсьтила дѣўка табýнъ кóній—
А зялёнъ я́варъ кудравый!
Пáсьтила, пáсьтила, сама задра-
[мáла,
Самà задрамала, кóній погубляла.
Пайшлà янà дарóгаю, дарóгаю
[шырóкаю
Кóній шукать.

Стрэла яна трохъ малойцаў:
„Милыя мае тры малойцы,
Ти ня видили вы табунъ коній —
Шаўковыми путами да папутаны,
Залатыми абротями пазабрыча-
[ны?“
Адинъ кажа: я ни бачыў!
Другій кажа: я ня видиў!
Трэтьтій кажа: я й самъ тамъ
[быў!
Загадаимъ табѣ, дѣўка, тры за-
[гадки:
Кали атгадаишъ—знайдишъ ко-
[ній:
А што расьте бизъ карэньня?
А што бяжыть бисъ повада?
А што шумить бязъ буй-вѣтра?
—Расьте каминь бисъ карэньня,
Бяжыть вада бисъ повада,
Шумить кола бязъ буй-вѣтру!
—„Тваé кони ў чыстымъ поли,
Ядуть траву шаўковую,
Да пьють ваду крынишную!
А зялёнъ яваръ кудравый!

—

А ишли-прайшли валачобнички—
А зялёнъ дубя у дуброви!
Паталися харошага сяла,
Харошага сяла, Грыгорава двара.
А чый то дворъ, што зялѣзный
[тынъ,
А зялѣзный тынъ, мидяныя ва-
[роты,
Падваротьнички рыбьи костачки?
А ти дома, дома, паня гаспа-
[дару?
—А ёнъ дома, да ни кажытца,
И ў камбрацци прыбираитца:
Надяеть боты казловыя,
Надяеть свиту шоўкамъ шыту,
Падпиразаў поясъ шамшалё-
[винькій,
Надяеть шапку бабровую.

Кали хочышъ дарыть — пусьти
[ў хату:
А мы люди нидакушливыя—
Разъ разбчакъ у гадочакъ!
А зялёнъ дубя у дуброви!

—

Чыстымъ у поли на вадапои,
Чыстымъ у поли да табунъ коній.
А ў томъ табунѣ конь варо-
[нянькій:
Нихто яго ни паймая, ни асид-
[лая.
Дѣ бъ узяўся паничъ маладень-
[кій—
Ёнъ таго каня спаймая,
И спаймая, и асидлая,
А паѣдя на ёмъ жанитися,
Пиравязé яго чэразъ ночы тём-
[ныя,
Ночы тёмныя, рэки быстрыя.
А стаить яваръ, тонкій, кудра-
[вый,
На томъ явары сядить саколъ.
Ёнъ на таго сакала ускладаитца.
А и той саколъ слова прамоўвиў:
„Ня бй мянѣ, паничъ маладенькій:
Буду табѣ у вяликай прыгоди:
А паѣдишъ ты да жанитися,
А будуть табѣ ночы тёмныя,
Ночы тёмныя, рэки быстрыя,
Рэки быстрыя, биражыстыя:
Я тябе пиравязу на галовацци,
А дружыну тваю на крыльляйку,
Цынбалъ тваихъ на хвосьтичку!“
А па томъ, паничу, ни кажы
[казьнить,
Ни кажы казьнить, а кажы да-
[рыть.

С. Чигиринка, Быховск. у.

—

Пасьтила дѣвка стада кбній: Хр. в. С. Б.
Пасьтила, пасьтила да й заснула.
Прашнулася, ўлякнулася,
Прашнулася—кбній нѣту.
Пашла ина дарбгаю, дарбгаю шурбкаю,
Стрэла ина трёхъ парнишакъ:
„Милыи май парни,
Ти ня видили стада кбній,
Стада кбній, стада варбныхъ?“
— Хуть мы чули, хуть мы видили,
Да мы табѣ да ни скажымъ!
Загадаимъ дѣўцы семъ загадакъ,—
Адгадаишъ—кбній найдишъ:
А што бягить бязъ пбвада,
А што расьтѣть бязъ кбриня,
А што тьвитить бязъ бѣлага цвѣту,
А хто бѣлый ни пабѣлиный,
А хто чорный ни пачѐрнитый?
(остальныя двѣ забыты)
„Вада бягить бязъ повада,
Каминь расьтѣть бязъ кбриня,
Папарть тьвитить бязъ бѣлага цвѣту,
Лебидь бѣлый ни пабѣлиный,
Воранъ чорный ни пачернитый!“
— Твай кони ў чыстамъ поли,
На зялёныхъ лугахъ, на ключавыхъ вадахъ,
Христосъ васкрёсъ, Сынъ Божый!

—

Была ў бабки курка рябушка, Хр. в. С. Б.
Знисла курка капў иецъ.
Прышли къ бабки валачббнички,
Валачобнички, а ўсё ўнўки!
Усимъ, усимъ па иечичку,
Аднамў Иваньку ни дасталася.
Ёнъ рассердиўся и разгнѣваўся.
„Прыняситя ямў пуховую шляпу!“
— Шапки ни бярѐть, чалбмъ ня бьѐть и ни дякываить!
„Прыняситя ямў шалкбвый платокъ!“
— Платка ни бярѐть, чаломъ ня бьѐть и ни дякываить.
„Прыняситя ямў казлбвыи боты!“
— Ботуў ни бярѐть, чаломъ ня бьѐть и ни дякываить.
„Прывядитя яму красную дѣўку!“
— Дѣвку узяў, чаломъ пабиў и падякываў!

—

Рана, рана сонца ўсхадила, Хр. в. С. Б.
Раньнѣй таго пава литала,
Пава литала, перья раняла.
Панна Сахвейка ранинька ўстала,
Перья збирала, ў рукавокъ клала,
Зъ рукаўка биря, вянбчикъ вила,
Вянбкъ вила, на галбўку клала.
Свиўшы вянбчикъ, пашла у танбчикъ.
Аткуль узялися густыи вятры,
Густыи вятры, драбныи дажжы,—
Схапили яны павинъ вяночикъ,
Якъ схапили, такъ пыкатили
У чыста поля, у синя моря.
Якъ пашла жъ ина зыплакаўшы,
Ўсё шукаючи, ўсё патаючи.
Стрэла ина трёхъ малбйцыў,
Трёхъ малбйцыў рыбалбўцыў:
„Милыи май вы рыбалоўцы!
Ти ня чули шъ вы, ти ня видили
Павинъ вяночикъ панны Сахвеи?"
Адинъ кажыть: я чуў и видиў!
Другей кажыть: я ў рукахъ диржаў!
Трэтій кажыть: а вось у мине,
А вось у мине ды й на правый рукѣ!
Што шъ ты намъ дашъ, панна Сахвея?
„Аднамў я дамъ шалкбвый платокъ,
Я другому дамъ залатый пирсьтянёкъ,
А за трэтига я сама пайдў,
Я сама пайду, вянбкъ найду!
А за етымъ жыви здарбва,
Жыви здарова, будь быгата,
Изъ батюшкый, изъ матушкый
Изъ матушкый, и са ўсёй сямьёй!

Поется дочери хозяина.

—

А ишли, бряли валачбобнички, Хр. в. С. Б.
Валачобнички, добрыи люди:
Да хазяюшка, наша матушка,
А ўстань жа ты ранёшынька,
А ўмыйся ты бялёшынька,
А ўтрися ты сухбшынька,
Запали свѣчку зъ ярага воску,
Памались Богу вярнёшынька!

Запали свѣчку зъ ярага воску,
Схади́ сама ва ўча́рничыкъ-благада́рничыкъ, —
Таму́ скбту нѣту счбту!
Запали свѣчку зъ ярага воску,
Схади́ сама у карбу́ничыкъ-благадарничыкъ,—
Таму́ скбту нѣту счоту!
Запали свѣчку зъ ярага воску,
Схади-шъ ты сама у свиня́рничыкъ, --
Таму́ скбту нѣту счбту!

Бабиничск. вол. Витеб. у.

Ишли-бряли́ валачббнички, Хр.
[в. С. Б
А шаталися, а бадя́лися,
Къ чiйму дввару́ припыталися?
А къ таму двару къ Купре́иву.
„А ти дбма, дбма самъ панъ
[гаспадарь?"
А хыть ёнъ и дбма, ды ни ка́-
жытца,
Ёнъ ни ка́жытца, прыбира́итца,
Надива́ить су́кну атласбвую,
Надиваить боты казлбвыи,
Надиваить шапку сабалёвую,
Надива́ить поисъ, якъ жаръ
[гары́ть.
А й садитца ёнъ за тисовый столъ,
За тисовинькiй, да за новинькiй.
Ды й стая́ть жы за имъ
Тры хлопчика, тры малбйчика,
Диржа́ть жы яны́ па ку́бычку,
Па кубычку, пы сярéбряныму.
У первымъ купку зе́лина вино,
У други́мъ купку салбткiй мя-
[дбкъ,
Ў трэтьимъ купку пшбнныя пива.
А й каму́ жъ пить тбя зе́лина
[вино?
—Па́ну гаспада́рю, пану ла́скы-
[выму!
Салоткiй мёдъ--то ягб жынѣ,
Пшбнныя пива—то дятёмъ ягоǃ
Ни кажы́тя жъ тами́ть, прыка-
[жы́тя дары́ть!

Нашы дары́ ни вяли́кiи:
Пычипа́льнику чирвонъ зылатэй,
Прыпива́льничкамъ пы дися́тку
[нéцъ,
Скымарбхыва гбрькыя доля:
Чарка гарэ́лки, сыръ ны тарэ́лки:
Чарка гарблки ли сьмѣлысьси,
Сыръ ны тарэлки ли крбпысьси!

Пугляевск. вол. Горецк. у.

Въ Рогачевскомъ уѣздѣ за-
писанъ такой варiантъ:
Ай, па вулицы па шырбкай, Хр.
[в. С. Б.
Па му́рагу па зялёнымъ,
Ай, ишли—брали́ валачббныя,
Ай ишли—брали́ да пата́лися
Да тагб сяла̀, е́тага двара́,
Е́тага двара́, чэснаго мужа,
Чэснаго мужа, пана Ивана:
„А ти дбма, дбма, часны́й му́жа?"
—Хоть ёнъ дома, да ня ка́жатца,
А ня кажатца, прыбира́ятца.
Прыбра́ўшыся, сурадиўшыся,
Дакъ ёнъ сѣў сабѣ да за стбли-
[камъ,
За стбликамъ, за тясбвянькимъ.
Пирадъ имъ стаи́ть да тры ку́-
[бачки,
Ўсё залатэя, ўсё й налитэя.
Ў пе́рвымъ кубку зилянб вино,
У други́мъ кубку да салбдкiй
[ме́дъ,
У трэтьтямъ кубку пшбнная пива.

Зилянó винó самамý пáну,
Салодкій мéдъ, тò жалѣ яго,
Пшонная пива, тó дитёмъ ягó.
[Хр. в. С. Б.

—

Ой, пó лугу да па сиияму—Хр.
[в. С. Б.
Бйты пáли ўсё мидянйя,
Мóщаны масты́ усё залатыя,
Ўсё залатыя, ўсё сярэбраныя.
Па тыхъ мастáхъ, ўсё па зала-
[ты́хъ,
Тамъ ѣхала Прачыстая Матка
Шасьмá канями, ўсё и варанами.
Святый Юрый за павóзьничка,
Святый Микола за паплёшничка,
Сóплашь сядить, свѣчы дяржы́ть.
Падъижджáли къ éтаму палáту:
„А стой, Юрый, здéржуй кóняй!
Мнѣ етый палáть спадабáўся,
Спадабаўся п спалюбиўся,
Мнѣ у éтымъ палáти ночъ на-
[чавáти!“
Прачыстая Мать ночъ начавáла,
Ночъ начавала, сына парадила.
Сабиралися папы́, ксяндзы, ар-
[хирэи,
Падымали книги вяликія,
Раскладали книгу, книгу вáнгаля,
Стали чытать, имя шукáть,
Имя шукать, чымъ Сына звать.
Дали имё—святый Юрый—
Прачыстая Мати ня ўзьлюбила!
Сабиралися папы́, кзяндзы, ар-
[хирэи,
Архирэп, бóльшая скупа,
Падымали книги вяликія,
Раскладали книгу вáнгалію,
Стали чытать, имя шукать,
Имя шукать, чымъ Сына звать.
Нашли имё—святый Микола—
Прачыстая Мати ня ўзьлюбила!
Сабиралися папы́ и т. д.
Раскладали книгу вáнгалію,
Стали чытать, имя шукать.
Нашли имё—Исусъ Хрыстосъ.
Прачыстая Мати узьлюбила
И ўси áнгали узрáдавались,
Што Исусъ Хрыстосъ нарадиўся.
У нядѣльку да й паранéньку
Исусъ Хрыстосъ на нябёси
[ўскрóсъ,
На нябёси ўскросъ да й на ют-
[рани,
Хрыстосъ васкросъ, Сынъ Божый!

С. Солоное Рогач. уѣзда.
Стихъ былъ первоначально
Рождественскимъ, Колялнымъ.

—

А ў лузя, ў лузя, да ў зялёнымъ—
Хрыстосъ Сына Божа!
Тамъ литáла шэра пава,
Да ўранила злоты пéры.
Тамъ ходила слична панна,
Слична панна Марусичка,
Да збирала злóты перы,
Да ўвивáла пярлóў вѣньчикъ,
Да ўскладала на галóўку,
На галоўку на буйнýю.
Пашлà инà дарóгаю,
Дарóгаю шырóкаю,
А ўвидила бярóзачку,
На бярóзца злóты лисьтя,
Злоты лисьтя и шы́шачки.
Налятѣли дробны пташки,
Стали яны́ шы́шки клювать.
Марусинька тыхъ птáшачыкъ
[атагнáла,
Шóлкаў платокъ разаслáла,
Злоты лисьтя нащыпала.
Марусинька, пашлà шъ инà да
[злóтьничкаў:
Вы злотьнички, работьнички,
Ды зрабитя тры угóдьди,
Я за тóя падинькýю!
Ды зрабили тры угодьди,
Аддáли ёй на рýчыньки.
Марусинька, слична панна,

Пашла шъ ина па кладацца,
А кладачка ззыбнулася,
Марусинька злякнулася,
Да ўранила тры угодьди.
Пашла шъ ина каля рэчки,
Ташнуючы, бядуючы,
Спаткала ина трохъ малойцаў,
[рыбалоўцаў:
Вы малойцы, маè братцы,
А закиньтя шалкоў неводъ,
Ды ўлавитя тры угодьди!
Мае угодьди мнѣ патрэбны:
Пярлоў вѣньчикъ да виньчаньня,
Срэбный кубакъ на витаньня,
Злотый сыгнатъ на миняньня!
Я за тоя падинькую:
Адпаму буду сусѣдачка,
А другому братовачка,
А трэтьтяму мила жана!
Ды ўлавили тыя ўгодьди,
Аддали ёй на ручыньки.
Пашла шъ ина да пакою,
Сѣла ина за скамъёю,
За скамъёю падъ акóнцамъ,
Стала ина листы писать
Да къ миламу пасылати.
Пишыть, пишыть
Ды й паглянитъ прызъ акóнца,
Аткуль въѣдитъ яè милый,
Яè милый на чыстый дворъ,
Самъ дивятый, конь вильчатый.
И съ кониќаў пасьсидали,
Сличну панну Марусиньку пра-
[витали,
За бѣлаю ручку ўзяли.
Пѣсьня сьпѣта напротъ лѣта!
Досить манитъ, пара дарытъ!
Мнѣ самому маладому паўруб-
[линку,
Маимъ братцамъ капу яикъ,
А музыку чырвинь злотый,
Чырвинь злотый, хоть на боты
— Хрыстосъ Сына Божа!

Д. Заулки, Дисненск. у.
Запис. кр. Ст. Пилипенокъ.

Ў чыстымъ поли при даробзи
Пасьтила дѣўка стада коній.
Пасьтила, пасьтила — крэпка
[ўснула,
Ачнулыся—коній нѣту!
Идѣтъ ина ўсё дарогый, ўсё шы-
рокій,
Ўсё шукаючы, ўсё пытаючы.
Сутрэла ина трёхъ молыйцыў,
Трёхъ молыйцыў, рыбалоўцыў.
„Тры молыйцы, рыбалоўцы,
Ти ня видили стада коній?“
Адинъ каитъ: „я ня видиў!“
Другій каитъ: „я й ни бачыў!“
Трэтій каитъ: „я й чуў, я й видиў,
Я й самъ тамъ быў!
Зыгыдаю дѣўцы дѣвитъ зыга-
дыкъ:
Кали адгыдаишъ, скажу коній!
А што бяжытъ бясъ повыда?
А што гарытъ бясъ полымя?
А што расьтѣтъ бясъ корыня?
А што лятитъ, пыникая?
А што бяжытъ, пыглидая?
А што чорна ни чарнёна?
А што синя ни синёна?
А што бѣла ни былёна?
А што ўетца памижъ дрэўца?“
— Быдай жа я ни атецка была,
Ни атецка была, ды ни матуш-
[кина,
Капъ я ета ни'дгыдала, ни скы-
[зала:
Выда бяжытъ бясъ повыда,
А зыря гарытъ бясъ полымя,
Каминь расьтѣтъ бясъ корыня,
Пчила лятитъ, пыникая,
А зьвѣрь бяжытъ, пыглидая,
Чорный ворынъ ни чарнёный,
Бѣлый лебидь ни былёный,
Синя моря ни синёна,
А хмель вьетца памижъ дрэўца!
„Ну, тяперь, дѣўка, скажу коній:
Тваè кони ў чистымъ поли

Ядўть траў ўсё памётную,
А пъють ваду ўсё балотную,
Чорнымъ шбўкымъ папўтыны,
А зблытымъ пасидланыя,
А сѐрибрымъ пумузданыя —
Тольки ўсьсѐсьти ды паѣхыть
За гбрышку па ўдбушку,
За ѐлычку па дѣвычку
Дѣўку вязўть—скрыпки играють,
Удаў вязўть—дѣтки плачуть,
Дѣтки плачуть, тяшка ўздыхають,
Тяшка ўздыхають—матки ни
[мають!

Припѣвъ послѣ каждой строки:
А зялёный садъ вишнёвый!

Щербинская вол., Витеб. у.

—

Па улицы пы шырокій
Ишли—брялй вылачобнички.
Пришли яны къ аннаму дваръ.
Па чёмъ спызнать, што хызяй-
[ській домъ:
Варбтики тясбвыя,
А столбики зылачбныя,
Вирѐюшки тачбныя,
Заклядычка сирѐбряная,
Пыдварбтьница—рыбья кбс-
[тычка,
Рыбній касьтёй увесь дворъ зма-
[щёнъ,
Кругомъ двара ўсё зялѣзный
[тынъ,
Сирѐдь двара стайть гриня
[(гридня).
Кругбмъ яѐ а ўсѣ святыи,
Сабиралися, салучалися,
Катбраму святу ныпярёдъ итьтй?

Святоя Рожаство ныпярёдъ паш-
[лò,
Василійка васлѣдъ уступиў,
А Кщѐнійка ваду святила,
Святый Иванъ хрясты змываў,
Хрясты змываў, кашу вариў.
Сарбки (40 муч.) ильды драли,
Ильды драли, пташыкъ напущали.
Благавѣщинья колья править,
Колья править, сани кидаить.
Святоя Ягорья—Бозкій ключ-
[никъ,
Узяў ключи, атамкнўў зямлю.
Атамкнўў зямлю, пусьсиў расў.
Святэй Илья, аткўль идѐшъ?
—Па лугамъ хадиў, траў расьсиў,
Па палямъ хадиў—жыта радиў.
Святэй Пётра талакў збираў
Копы сѣна вазить, стагй митать.
Прячыста Мать (8 іюля) ишла
[зажынать,
Ў чыстая поля съ пшонным
[парагбмъ,
Съ пшонным пирагомъ, зъ зы-
латымъ сярпбмъ:
Въ лѣвый рукѣ пшонный пира-
[жбкъ,
У правый рукѣ зылатэй сярпбкъ.
„Я и разъ ризнў, я снопъ нажнў,
Я и два ризну, я капў нажну!
Снопъ атъ снапа на валбвища,
Капа отъ капы—пуўтараста ша-
[гбў!“
Святэй Пакрбў стагй пакрыў:
Первый стажбкъ драничкыми,
Утарбй стажбкъ салбмкыю,
Трэтій стажокъ бѣлымъ снѣгымъ.

С. Казаково, Велижск, у.

—

Здарова Богу, хызяину—Хр. в. С. Б.
Хызяюшки нашый матушки!
Хызяюшка, нашъ батюшка,
Пракўтай-ка вакбшыцка:
А што у тябе ны дварэ дѣитца?

Стайть чэрква зъ ярыга воску!
А ў тэй чэркви ўсѣ празьницки,
Ўсѣ празьницки, усѣ сьвятыи.
Яны лицылись, ни далицылись.
Каго жъ бы ў насъ ни далицылись?
Ильли съ Пятромъ ни далицылись,
Ильли съ Пятромъ дома нѣтути,
Илья съ Пятромъ у цыстымъ поли,
У цыстымъ поли пы мижамъ ходють,
Пы мижамъ ходють, жыта родють,
Колысымъ калосють, ядромъ ядрэнють.
Прышоў Илья съ цыстыга поля,
Увалацыўшысь и умацыўшысь.
А сѣў Илья на бажницы,
А и стаў Гаспоть ыспрашывать:
„Какаво, Илья, жыта наша?"
— Слава Богу, наша жыта:
Колысымъ калосить, ядромъ ядрэнить.

Порѣчскій уѣздъ, Смолен. губ.

—

Идуть, гудуть валачоўнички,
Виномъ, виномъ зялёнымъ!
Спиваючы, гукаючы,
Слаўнага сяла пытаючы,
Вяликага двара Гаврылава.
Чы ў даму-даму, паня гаспадару?
Хоть и ў даму—ни акажытца,
Сядить на кутѣ—абуваитца,
Надяѐ боты казловыя,
Кладѐ шапку баброваю,
Надяѐ шубу мядьвѣжаю,
Сядлая каня ворана,
Ѣдя ў поля жыта глядѣть.
Спатыкая яго Юръя зъ Миколай:
Нѣ ѣдь, паня гаспадару:
Тваё жыто даўно оглѐджана:
Пры дарозя удалося,
За гарою ў трубы павилося,
А ў далини жнейки жали,
Жнейки жали маладеньки,
Ихъ сярпочки залатеньки.
Часты, густы зоры на неби, —
Часьтѣй—гусьтѣй на зямли копы,
Шырокъ, вяликъ мѣсяцъ на неби,
Ширэй таго гумно яго.
Дай-жа, Божа, пану гаспадару
Жыти-быти, жыта вазити,
Жыта вазити, ў торпу злажыти,
Ў торпахъ укладна,
На таку ўмалотна,
На таку ўмалотна,
Въ арудѣ прысыпна;
Въ арудѣ прысыпна,
У печы прысушна,
У печы прысушна,
У млынѣ прымолна;
У млынѣ прымолна,
Ў дяжы падыходна,
Ў дяжы падыходно,
У печы румяна,
Ў печы румяна,
На сталѣ сытна,
На сталѣ сытна,
У сямъѣ смирна!
Пѣсьня сьпѣта
Проти лѣта.

Ни кажы барыть,
А кажы дарыть:
Сыръ на талерку,
Будимъ пить гарэлку!
Чарка гарэлки диля голасу,
Пирогъ пшонный на закуску,
Чарка гарэлки диля голасу,
Пирогъ пшонный диля коласу.
Обадъ висить—калясо будя,
Пазавешъ ў хату—добра будя!
Пѣсьня сьпѣта проти лѣта,
Проти лѣта, проти тёплага.
Виномъ, виномъ зялёнымъ!

Поется хозяину.

—

Вечаръ добрый, пани гаспадыня!
Виномъ, виномъ зялёнымъ!
У нашай пани краўцы шыли,
Краўцы нѣмцы изъ Кралеўца.
Пани шубу шыли—падаўжыли.
Пани па покояхъ пахаджая, —
Сваѐ служки пабуджая:
Ўстаньтя, служки,
Ўстаньтя, сакалочки,
У насъ навина случылася:
Дѣвять карбў атялилася,
Дисята тялица манитца тялитца!
Гаспадыня вутка,
Шавялися хўтка,
Прыстаўляй драбину
Да лѣзь па сланину,
Мала, многа—зъ абалону,
Будимъ пячы, якъ варбну!
Проша, пани гаспадыня,
Ни тамить гасьтей,
Абдарыть барздѣй!
Пѣсьня сьпѣта проти лѣта,
Проти лѣта, проти тёплага.

Поется хозяйкѣ.

—

Да лятѣла сойка сакатистая.
Виномъ, виномъ зялёнымъ!
Пагубляла перъя залатистыя.
Вышла, вытикла красна паненка,
Красна паненка
Малада Марьянка.
Яна тоя перъя падабрала,
У платочыкъ завязала,
Панисла перъя да да злотьничкаў:
Охъ вы, злотьнички,
Вы работьнички!
Зрабитя мнѣ тры надобойка:
Первый надобойка—пярлоў вя-[нецъ,
Другій надобойка—залатый [персьтянь,
Трэтій надобойка—залатый ку-[бакъ.
Первый надобойка—вяньчатися,
Другій надобойка—минятися,
Трэтій надобойка—витатися.
Пѣсьня сьпѣта проти лѣта,
Проти лѣта, проти тёплага.

—

Вечаръ добрый, паненачка, —
Виномъ, виномъ зялёнымъ!
На сянажати, да на поплыви,
Тамъ хадила курапатъ стада;
Мижъ тыхъ курапатъ мядўначка.
Скуль браўся силязень сизый, —
Ёнъ ўсѣ курапаты паразганяў,
А чырычынку за чубокъ узяў.
Яна стала прасітися;
Прасітися-малітися:
„Пусьти жъ мянѐ да пташачакъ,
Да пташачакъ, да грумадачакъ!“
— А хоть пущу—дакъ назначу:
Тваѐ перъя пакасмачу!
У вяликимъ доми, да на ganачку,
Тамъ стаяла дѣвакъ многа.
Скуль браўся кавалеръ слич-[ный, —
Усимъ дѣўкамъ дабры-динь даў,
А маладў Марьянку за ручку ўзяў.
Яна стала прасітися,
Прасітися-малітися:
„Пусьти жъ мянѐ да дѣвачакъ,
„Да дѣвачакъ, да паненачакъ“!

— Хо̂ть пущу, дакъ назна̂чу:
Тваю коску раскасма̂чу,
Маладу Марьянку дли сябе́ за-
[зна̂чу!
Да дѣвачакъ ни прыста̂нишъ,—
Зъ малодками паро̂винь ста̂нишъ.
Барани́ся е́лкай,
Кабъ ня была́ дѣўкай!
Барани́ся ялаўцо́мъ,
Кабъ ня была за ўдаўцо́мъ!
Барани́ся сучко́мъ,
Кабъ ня была зъ байстручко́мъ!
Пѣсьня сьпѣта про̂ти лѣта,
Про̂ти лѣта, про̂ти тѣплага.
Обѣ поются хозяйской дочери.

С. Дубины, Ошмянскаго уѣзда.

Слѣдуетъ добавить, что волочебники распредѣляютъ между собой роли такимъ образомъ: наиболѣе опытный пѣвецъ, „старикъ разумный", беретъ на себя роль *почина̂льника*. Онъ собственно и поетъ всю пѣсню. За каждымъ его стихомъ остальные волочебники—*спѣвальнички*, поютъ тотъ или другой припѣвъ: Христосъ воскресъ Сынъ Божій! А зялёнъ яворъ кудрявый! А зеленый садъ вишневый! и т. п. Музыка, или *скоморохъ*, въ настоящее время исключительно скрипачъ, аккомпанируетъ хору. Если волочебниковъ собирается много, 15—20 человѣкъ, они выбираютъ или нанимаютъ „за четвертака" еще *мѣхоношу*, роль котораго собирать и носить дары. На собранныя деньги обыкновенно покупаютъ для себя угощеніе, собранными съѣстными припасами закусываютъ, а яица дѣлятъ поровну, но починальнику даютъ лишній десятокъ.

Четвергъ Пасхальной недѣли носитъ названіе „Великъ-день мертвыхъ", „мяртвихъ Вялйкодьня" (Гом. у.) и „навскій Великъ-день". Въ этотъ день готовится лучшая пища, красятся свѣжія яйца, съ которыми послѣ обѣда посѣщаютъ кладбища. Подойдя къ могилѣ покойника, родные говорятъ пасхальное привѣтствіе: „Христосъ воскресъ!" Потомъ становятся у могилы на колѣни, молятся Богу за покойниковъ и катаютъ по могилѣ крашеныя яйца, которыя потомъ или зарываютъ въ могильную насыпь или раздаютъ нищимъ.

Въ Гомельскомъ уѣздѣ съ этого дня дѣвушки начинаютъ водить „караго̂ды." Въ городахъ Бѣлоруссіи и въ сѣверо-восточной части Витебской губерніи хороводы начинаютъ водить съ обѣда второго дня. Сосредоточиваются хороводы около качель, которыя устраиваются или около многосемейныхъ домовъ, гдѣ имѣется молодежь, или на традиціонномъ мѣстѣ сборищъ — у бывшихъ кабаковъ. Гдѣ много старообрядцевъ, тамъ въ бѣлорусскій обиходъ вошли великорусскія хороводныя пѣсни, образцы которыхъ приведены въ I и VII вып. Б. Сб. Обыкновенно же поются свои пѣсни. Напримѣръ:

Охъ ты, вулица шырака̂я—
О-охъ, лё-лё-лё, шырака́я!
Охъ ты, тра̂ўка-мура̂ўка зялянáя—
О-охъ, лё-лё-лё, зялянáя! и т. д.
Ти ня гуси тябе́ сащипа́ли,
Ти ня дѣўки тябе́ прытапта́ли?
— Ой, ня гуси мяне̂ сащипали,
Прытаптали мяне́ красны дѣўки,

Да ўсё жъ тыми чабата́ми ран-
[тавы́ми,
Да ўсё жъ тыми паткбўками
[сталяны́ми!

—

Охъ ты, бярбза,
Бярбза ты бѣлая,
О-охъ, лё-лё-лё,
Ты бѣлая!
Да на табѣ́, бярбзачка,
Да тры лі́хи:
Що якъ пе́рвая лі́ха —
Жарка сбнца,
А другбя жъ то лиха —
Бўянъ вѣтяръ,
А якъ трэтьтяя лі́ха —
Дрббянъ дбжджыкъ!
Атъ жа̀ркага атъ сбняйка
Пакалю́ся,
Атъ бўйнага атъ вѣтрыка
Пахилю́ся,
Атъ дрббнага атъ дбжджыка
Абмачўся,
О-охъ, лё-лё-лё,
Абмачўся!

—

Потомъ, ходя вдоль улицы, взявшись за руки, дѣвушки поютъ:

Лятѣла страла̀ да удбль сяла̀!
Охъ и лё-лё-лё, да удбль сяла́!
Убила страла́ ясна сбкала,
Ясн^ сбкала да на вы́ляти,
Дббра малатца́ да на вы́язьди,
Охъ и лё-лё-лё, да на вы́язьди!

—

Сула̀, Сула̀ рэ́ка
Палятѣ́ла дале́ка—У!..
На той Сулѣ́ рацэ̀
Маладе́цъ каня́ пайў—У!..
Маладецъ каня́ пбя,
Дѣўка вадў нясѐ—У!
„Дѣўка—дявица,
Напбй майгб каня̀—У!..
Напой майгб каня̀—
Ти ня будишъ ты мая̀“—У!..
— Я ня буду пайти—
Будя мине́ та́тка бити—У!..
„Ты ня бойся старбга,
Бойся мяне́ маладбга—У!..
Бойся мянѐ маладбга—
Большъ, якъ та́тки раднбга—У!..

—

Вўлица бўрытца, карагбдъ ва̀литца—
Сялязе́нька каса́тый, бѣлъ малбтчыкъ кудравый!
Карагбдъ ва̀литца—дѣвакъ ня стала, (припѣвъ).
Дѣвакъ ня стала—пяралбма пабра̀ла,
Пяралбма пабра̀ла да ў виръ пакида̀ла.
У вирў, вирочку на що ўтапи́ў дбчку,
На що ўтапи́ў дочку ў салбдкамъ мядбчку,
Ў салбдкамъ мядочку, ў халбднамъ вирбчку?
Ў халбднамъ вирочку дѣўка вадў бра́ла,
Дѣўка вадў брала, на днѣ́ патапа̀ла,
На днѣ́ патапа́ла,—ратўйтя! крычала:
„Хто мянѐ паратўя, за тагб замужъ пайду!“
Идѐ старый барада̀тый, ни халбстый, жанатый:
„Дѣўка-дяви̇ца, я тябѐ паратўю,
Я тябѐ паратўю, за сябѐ замужъ вазьмў!“

— Я лу̂ччы у мо́ра пайду̂, за тябе́ замужъ ня йду!
Иде́ маладе́нькій Антонка, ни жанатый, хало́стый:
„Дѣ̂ука-дявйца, я тябѐ парату̂ю,
Я жъ тябѐ парату̂ю, за сябѐ замужъ вазьму̂!
— Я изъ мо́ра вийду, за тябе замужъ вийду!
Сялязе́нька касатый, бѣлъ мало́тчыкъ кудравый!

С. Юрковичи, Гом у.

Ѳомина недѣля зовется Хамо́ва недѣля или Радунишная. Во вторникъ на этой недѣлѣ празднуется Радуница, или чаще—*Радовница*, по производству отъ глагола *радоваться*, — потому что въ этотъ день радуются Воскресенію Христову всѣ умершіе. Утромъ кто-либо изъ членовъ семьи бываетъ въ церкви на заупокойной литургіи и панихидѣ, причемъ жертвуютъ въ церковь паленицы, баранки, булки. Обѣдъ въ этотъ день готовится богатый; кромѣ паленицъ, пекутъ также блины, „пампушки", съ сыромъ и сметаной, варятъ борщъ съ говядиной, кашу съ масломъ и съ молокомъ, жарятъ колбасы и жаркое, и обязательно красятъ свѣжія яйца, исключительно въ красный цвѣтъ. Послѣ обѣда съ этими яствами (кромѣ жидкихъ), а также съ водкой или виномъ, а въ Витеб. губ. и съ кутьею, отправляются на кладбище. Здѣсь причтъ совершаетъ для каждой семьи краткую панихиду надъ могилами, послѣ чего пришедшіе садятся у могилъ и за упокой душъ пьютъ и закусываютъ. Считается похвальнымъ, если изъ принесенныхъ яствъ ничего не придется нести назадъ. Поэтому, если что не будетъ съѣдено семьею, то отдается нищимъ. Крашеныя яйца катаютъ по могиламъ, играютъ ими въ битки, ѣдятъ и оставшіяся раздаютъ нищимъ.

Пахать весною начинаютъ до Юрья, раньше или позже, въ зависимости отъ хода весны. Выѣзжать въ поле для первой пахоты слѣдуетъ въ субботу или въ четвергъ. Крестьянинъ надѣваетъ чистое бѣлье, беретъ въ кошолку „про́свярку тую, што на Благовѣщаньня свѣтитца, свѣчку тую, што су̂чать къ Стрэ̂чаньню и свѣтять (или Страстную), и бярэ̂ крэсьтикъ, спечанный на Сирадапо́сьтя и и пасвѣчанный на Вялйкадьня. Бяру̂ть и вярбу̂. Якъ прыѣдя на рэ̂зку (полосу), дакъ выпража кан̂я съ калёсъ и запражэ̂ у саху̂. Тагды̂ надява̂я кашало́къ на плечы, бярэ̂ вярбу̂ у руки и абхо́дя тры ра̂зы укругъ кан̂я и мо́литца Богу: „Благаслави, Го́спади, да памажы̂ намъ!" И абганя̂я зъ вярбо́й и съ кашалко́мъ тры баразны̂ съ аднаго̂ о́боку и тры зъ друго́га. Тагды кладѐ кашало́къ и вярбу̂ у возъ, а самъ пачыня̂я арать. Хто бярэ̂ ко́стачки пасвица̂ныя вялико́дныя, дакъ завбруя ихъ у баразну̂ кала мяжы̂".

23 апрѣля, день св. Георгія, пользуется у бѣлоруссовъ большимъ почитаніемъ, ведущимъ начало издревле. Уже въ XVII в. этотъ день былъ юридическимъ терминомъ. И въ настоящее время

съ этого дня считается аренда фольварковъ, срокъ найма сельскохозяйственныхъ рабочихъ; съ этого же дня приступаетъ къ исполненію своихъ обязанностей пастухъ, хотя по состоянію погоды коровъ выпускаютъ на пастбище и раньше. Св. Георгій считается покровителемъ скота и въ особенности коровъ. Ему въ этотъ день служатъ молебны, причемъ окропляются святою водою стада и хлѣва. Въ стѣны послѣднихъ втыкаются также вѣтки освященной вербы. Въ Гомельскомъ уѣздѣ наканунѣ Юрія въ первый разъ выводятъ лошадей въ ночное, а въ день праздника рано утромъ, до пастуха, выгоняютъ скотъ „на Юрьеву росу". Въ Витебскомъ уѣздѣ предварительно окуриваютъ скотъ въ хлѣвахъ Ивановскою травою, освященною 24 іюня, зажигаютъ Громничныя свѣчи, освященныя 2 февраля; въ воротахъ хлѣва кладутъ на землѣ яйцо, чрезъ которое и прогоняютъ весь скотъ изъ хлѣва, чтобы коровы стали такъ круглы и полны, какъ яйцо. Потомъ яйцо это поднимаютъ и отдаютъ нищимъ или пастухамъ. Прогоняя скотъ къ пастуху, нѣкоторые хозяева стараются перегнать его чрезъ озимое ржаное поле, причемъ собираютъ съ озимей росу и омываютъ ею коровъ, чтобы больше молока давали и были недоступны для вѣдьмъ.

Въ Могилевской губерніи вообще соблюдаются слѣдующіе обряды при первомъ выгонѣ скота въ поле: 1) Берутъ ломоть хлѣба и съ нимъ обходятъ три раза вокругъ „кóмина" и говорятъ: „Якъ печъ стайть на мѣсьти, такъ штобъ и скатѝна хадѝла на мѣста!" И отдаютъ этотъ хлѣбъ съѣсть скоту. 2) Наблюдаютъ, чтобы первый выгонъ скота не пришелся на тѣ дни, въ которые были праздники Рождества Христова и Благовѣщенія. 3) Замыкаютъ замкомъ нитѝ отъ кросенъ и кладутъ ихъ въ воротахъ, чтобы выгоняемый скотъ перешелъ черезъ эти ниты. 4) Кладутъ въ воротахъ на улицу замкнутый замокъ и черезъ него перегоняютъ скотъ. 5) При первомъ выводѣ лошадей на ночлегъ, въ воротахъ кладутъ сырое куриное яйцо. 6) Послѣ молитвы берутъ хлѣбъ, соль, яйца и сало и освященною вербою гонятъ скотъ къ пастуху и тамъ отдаютъ ему принесенную провизію. 7) Когда всѣ соберутся, пастухи съ хлѣбомъ обходятъ стадо три раза вокругъ, молятся Богу и потомъ уже гонятъ стадо на пастбище. 8) Если какая-нибудь неопытная баба выгонитъ въ этотъ день скотъ не обутая, про нее говорятъ, что она вѣдьма. Чтобы ее обезвредить, пастухъ долженъ ее больно ударить кнутомъ или палкой. 9) Въ этотъ день хорошій пастухъ постится и не беретъ кнута на пастбище.

Въ Велижскомъ уѣздѣ для того, чтобы вѣдьмы не отбирали молока у коровъ, послѣднимъ даются клички не по мастямъ, а по тѣмъ днямъ, въ которые онѣ телились: воскресёха, понéдя, аўтурéня, серёда, чатвéря, пятёха, субоня. Кромѣ того, заботливые хозяева пробуравливаютъ у первотелокъ, молодыхъ коровъ, телившихся въ первый

разъ, дыру въ одномъ изъ роговъ, вливаютъ въ эту дыру живого серебра—ртути и залѣпливаютъ дыру воскомъ отъ Громничной или Страстной свѣчи. Къ такой коровѣ вѣдьма не осмѣливается приступиться.

День Юрія строго празднуется всѣмъ народомъ, но специально онъ считается праздникомъ пастуховъ. Каждый хозяинъ надѣляетъ въ этотъ день пастуховъ хлѣбомъ, саломъ, яйцами, водкой и они выгнавши коровъ въ поле, устраиваютъ тамъ для себя угощеніе и обязательно „пякýть яéшню". Но въ Гомельскомъ уѣздѣ пастухи въ этотъ день постятся. На другой же день стадо гонятъ подпаски, а всѣ „большіе пастухи" собираются къ старшему пастуху и устраиваютъ пирушку.

Въ этомъ уѣздѣ, пригнавши скотъ на выгонъ, всѣ молятся, и уже послѣ того пастухи уходятъ со скотомъ въ поле до вечера. Затѣмъ въ деревню приглашается причтъ. Крестьяне гдѣ нибудь вблизи деревни у озимаго поля ставятъ кадку съ водою; причтъ прежде всего освящаетъ воду, потомъ служится молебенъ св. Георгію; пастухи къ этому мѣсту подгоняютъ стадо и священникъ окропляетъ его святою водою. Послѣ этого совершается освященіе поля.

Здѣсь также существуетъ повѣрье, что вѣдьмы въ этотъ день отнимаютъ молоко у коровъ. Съ этою цѣлью онѣ выходятъ на зарѣ на поле и тамъ таскаютъ по росистымъ зеленямъ намётку. Когда она станетъ мокрою, вѣдьма убѣгаетъ съ поля домой, всячески стараясь, чтобы ее никто не увидѣлъ. И вотъ впослѣдствіи, если корова взойдетъ на то мѣсто, съ котораго вѣдьма взяла росу и съѣстъ той травы, то она перестаетъ давать молоко. Вѣдьма же изъ той наметки выжимаетъ такъ много молока, что его хватаетъ и на сметану, на сыръ, на масло.

Чтобы отомстить такой вѣдьмѣ, хозяинъ коровы, лишенной молока, идетъ 24 іюня до восхода солнца въ лѣсъ и загребаетъ въ мѣхъ цѣлый муравейникъ. Принесши его въ деревню, онъ пересыпаетъ муравьями улицу въ концѣ села, по которой гоняютъ стадо въ поле. Когда коровы перейдутъ черезъ разсыпанный муравейникъ, то у вѣдьмы къ полудню въ скопленномъ сырѣ и маслѣ появляются черви въ такомъ большомъ количествѣ, что дѣлаютъ ихъ негодными къ употребленію, и вѣдьма принуждена выбросить ихъ вонъ. Поэтому вѣдьмы зорко слѣдятъ въ этотъ день, чтобы кто не пересыпалъ муравьями улицы до восхода солнца.

Св. Георгій считается хозяиномъ дикихъ звѣрей и они имѣютъ право съѣсть ту скотину, которую онъ имъ разрѣшитъ. Въ Гомельскомъ уѣздѣ разсказываютъ, что одинъ пастухъ кралъ овецъ и козъ, а хозяевамъ говорилъ, будто ихъ похищали волки. Случилось однажды этому пастуху заблудить въ лѣсу и онъ принужденъ былъ заночевать тамъ на полянкѣ. Со страха онъ залѣзъ на стогъ и легъ тамъ спать.

Но ночью его окружило стадо волковъ. Становясь одинъ на другого, волки стали взбираться на стогъ. Въ отчаяніи пастухъ обратился съ молитвою къ св. Георгію. Святой явился къ нему на сивомъ конѣ (на образахъ св. Георгій всегда изображается на бѣлой лошади) и отогналъ волковъ. Пастуху же сказалъ, чтобы онъ впередъ не кралъ овецъ: волки сердиты на него за то, что среди украденныхъ были и такія, которыхъ Георгій предназначилъ для волковъ. Своимъ воровствомъ пастухъ оставлялъ волковъ безъ добычи.

Св. Георгію молятся хозяева, когда корова заблудится и заночуетъ на пастбищѣ. Зажигаютъ свѣчу и просятъ: „святый Юрій! сахрани маю́ скати́нку отъ звярэ́й и атъ зладѣяў, и вярни́ яе́ цэ́лай и здаро́вай!"

Въ Велижскомъ уѣздѣ въ этотъ день подъ-вечеръ къ пастухамъ собирается деревенская молодежь обоего пола, дѣвушки приносятъ яйца, масло, молоко, а парни водку, разводятъ костеръ, надъ нимъ вѣшаютъ котелъ и льютъ въ него принесенное молоко, разбиваютъ яйца и кладутъ масло. Получается своеобразная яичница въ огромномъ количествѣ,—„яе́тня". Снявъ котелъ съ огня, всѣ садятся вокругъ и ѣдятъ эту „яе́тню", запивая водкой. Потомъ становятся въ кружокъ, берутся за руки и поютъ Юрьевскія пѣсни, которыя распѣваются до Николина дня.

А я мыладе́нька рыстапцў, рыстапцў,
Траўку, мураўку вы́тыпцу, вы́тыпцу,
Кыня́ выране́нька вы̀пушшу, вы̀пушшу,
Каро́ўку буре́нку вы́гыню, вы́гыню!
Рызыйгра́ўся вбранъ конь, вбранъ конь,
Разбиў каминь кыпыто́мъ, кыпыто̀мъ,
А ў тымъ камни агня́ нѣтъ, агня̀ нѣтъ,
Ў майго̀ мужа праўды нѣтъ, праўды нѣтъ:
Ёнъ шшыў Дуни бышмацкѝ, бышмацкѝ,
А жанѣ сплёў кывярзьни́, кывярзьни́:
„Ты наси́, жына̀, пыглида̀й, пыглида̀й,
Ды кы празьникамъ пыблюда́й, пыблюда́й!
Ты наси̂, Дуня, ни жалѣй, ни жалѣй!"

С. Маклокъ. Въ с. Узкомъ пѣсня варьируется такъ:

Разыгра́ўся Юрьиў конь,
Разбиў ка́минь капыто́мъ,
А ў томъ камню агню̀ нѣтъ,
Ў цужой ма́мки праўды нѣтъ!
Разыгра́ўся Юрьиў конь,
Разбиў арѣхъ капыто́мъ,
У томъ арѣху ядро ёсь,
У ро́ннай мамки праўда ёсь!
Зыгара́ўся шэ́рый боръ.
„Вы, хади́тя, мальцы, тушы́ти,
Ришато́мъ во́ду наси́ти!"
А ў ришатѣ ва́ды нѣтъ,
У нашы́хъ мальц*ахъ* праўды нѣтъ!
Зыгара́ўся шэ́рый боръ.
„Вы, хади́тя, дѣўки, тушы́ти,
Ку́пкымъ воду наси́ти!"
А ў тымъ купку вада ёсь,
У нашыхъ дѣўк*ыхъ* праўда ёсь!

Я сягони Ягорій,—пагонимтя, дѣўки, у поля:
Ѣштя, карбушки, траушку,
Пійтя, каровы, вадицу!
А Божынька пыпаси, дамбушки пригани,
Дамбушки пригани, у хлѣў зыгани!

—

А я пайду гуляти, гуляти,
Зялёныя жыта тыптати, тыптати.
А я, мыладенька, рошъ тапцу, рошъ тапцу,
Траўку, мураўку вытыпцу, вытыпцу,
Зялёныя жыта вырапщу, выращу!
— А я каня успущу, успущу!
— А я каня саймаю, саймаю!
— А я каня выкуплю, выкуплю,
Я за каня сто рублей, сто рублей!
— Мнѣ сто рублей ни нада, ни нада!
— Я за каня тысяцу, тысяцу!
— Мнѣ тысяца ни нада, ни нада!
— Я за каня дѣушку, дѣушку!
— Я дѣушкай давблинъ, давблинъ.

С. Узкое, Велижск. у.

Пѣсня представляетъ остатокъ извѣстной древней пѣсни:

А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой дидъ-ладо, сѣяли, сѣяли!

Въ Быховскомъ уѣздѣ Могил. губ. встрѣчены еще болѣе жалкіе остатки этой пѣсни:

А мы ляда чапали,
А й мы проса сѣяли—
Зялёная мая рутачка,
Жбутый цвѣтъ!
Наѣхали баяры,
А й сто рублей давали (припѣвъ),
Намъ сто рублей ни нада! (2)
— А мы дадёмъ бабушку! (2)
— Намъ бабушки ни нада! (2)
— Мы дадёмъ вамъ паненачку (2)
— За паненку сто рублей, сто [рублей!

Зялёная мая рутачка,
Жбутый цвѣтъ.

—

А Юръява мать
Па гарѣ хадила,
Ключики насила,
Зямлю отмыкала,
Траву выпускала,
На травицу расицу!
Чигрынскія жонки,
Выганяйтя карбуки,
Кабъ карбуки малошны,
И тилята няўрошны!

С. Чигиринка.

—

Стаить верба проти гребли—а ни я садила,
Нѣту шъ майго милинькага, каго я любила.

Нѣту шъ маиго́ ми́линькага, дараго́га цвѣту,
Изъ кимъ спали, размаўляли да бѣлага свѣту.
А ти пылымъ запа́ў, ти мятѐлицый,
Што ня хо́дить, ни гаво́рыть маёй ву́лицый?
— А я хади́ў, а я хади́ў, а я залица́ўся,
А ты мяне́ абсудила—я ни спадива́ўся.

—

Ды ни куку́й, зязюличка, рана,
Ды ни кажы̑, што мнѣ но́чычка мала.
Я шъ малада ўсю ночку ни спа̀ла,
Я шъ ды сябе́ любыхъ го́сьтикаў жда́ла,
Любыхъ гасьте́й—ды мату́лички сваёй:
„Прыѣдь, прыѣдь, мая́ мату́личка, ка мнѣ,
Ты шъ ня будишъ знива́жына у мянѐ.
Тады̑ шъ табѣ ды знива́жычка бу́дить,
Кали мянѐ ў гэтымъ доми ня бу́дить.

—

Чыѐ шъ гэта кани́чыньки рана ў лугъ хади́ли,
Ти ни таго̀ мало́йчыка, што мы ўдьвюхъ любили?
Чыѐ гэта патко́вачки падъ ако́нцамъ знати,
Ти ни таго́ малойчыка, што мяне била мати,
Ахъ, и била, и кара́ла, што изъ мало́йцамъ спала.
„Ой, да душы́, мату́личка, зъ малойцамъ ни спала,
Ой, тольки я, матуличка, ў гало́уца стая́ла,
Ой, тольки я, матуличка, сэрдэ́чна гука́ла!“

—

Ой, бяро́за, бяро́за, ни стай пры даро́зя,
Ни пущай карэ́ньника, залато́га вѣтьтика:
Я къ мату́литца пайду́, я й карэ́ньня патапчу́,
И вѣтьтика паламлю̀, и лисьтика пащиплю̀,
Я й вяно́чыкъ увавъю̀, на гало́вачку ўзлажу́,
На гало́вачку ўзлажу́, я къ матулитца пайду́.
„Разгадай, мату́личка: скольки у гэ́тамъ вянку́ листко́ў,
Тольки на мнѣ, мая́ мату́личка, худыхъ слауцо́ў,
Атъ лихо́га свёкарки, отъ лихой свякро́вачки,
Атъ благо́га мило́га:
Якъ умыюся, скажуть: хвасьтлива!
Якъ ня ўмыюся, скажуть: лянѝва!

—

Прылятѣли журавы̑,
Сѣли, пали на'ральлѝ,
Стали яны̑ гаварыть:
„Лѣпи аральля́ раншая,
Нячы́мъ тая по́зная:
А на ра́ншый расьте́ть пшаница,
А на по́зный мятьлица!“
Сабра́лися удаўцы̑,

Сѣли шъ яны на крыльцы,
Стали шъ яны гаварыть:
Лѣпи жонка пѐршая,
Нячымъ тая другая:

Изъ пѐршый жонкай дѣтакъ мѣў,
А зъ другою разагнаў:
„Идитя, дѣтки, служытя,
Чимся мачися гадити!“

—

А пашла шъ я на Дунай па ваду. (2)
Я шъ думала—шэра вутка плывѐть, (2)
Ажну мая родна мамка идѐть. (2)
„Дитятка, рана вадичку бярэшъ?“
— Мамка мая, пасылають мяне: (2)
Позьнинька спать кладуть,
Раниньнка мяне узбуджають,
Мяне маладу на Дунай пасылають. (2)
Нада мнѣ угадити свёкарку и свякроўца,
Свёкарку назвать роднымъ таткамъ маимъ,
Свякроўку назвать роднай мамкай маёй,
Дѐвярки—радныя братитки маѐ,
Залоўки—радныя сястрыцы маѐ.
Я шъ, малада, тяперъ къ вамъ прышла,
Шануйтя мяне, якъ сястрыцу сваю!

—

Маладая маладица ў чыста поля гусей гнала,
Гусей гнала, размаўляла:
Гыля ў поля, гыля шэрыя маѐ!
Прывыкайтя къ чыстаму полю,
Къ чыстаму полю, къ синиму мору,
Якъ я малада прывыкала
И къ свёкарку, и къ свякроўца,
И къ дивирамъ, и къ залоўкамъ.

—

Якъ пайду я маладюсинька,
Куды здаўна хадила,
Ти ня ўвиджу я, ти ни ўбачу я,
Каго вѣрна любила,
Ды хоть ни яго, ды хоть ни яго,
Хоть таварыша яго,
Разпытаюся шъ, разгукаюся шъ
Абъ жылѣньнийка сваё:
Ды якъ ёнъ жывѐть, ды якъ ёнъ [жывѐть,
А я молада гарую,
Бязъ дроў, бязъ дроў, бизъ лу- [чынaчки
Ня'дну ночку начую!
Якъ пайду, пайду па бирэзьничку,

Ды я дроўцы рубати,
Пайду, пайду на сасоньничку
Я й лучынку щипати.
А ў святличыньца, на табли- [чыньца
Ды два писары пишуть,
А ў камбраньца, да ў бакованьца
Дѣўка дитя калышыть,
Ой, калышучы ды люляючы,
Сваѐ гора праклинаить:
Быдай гора згарэла,
Хоть ба ручки пагрэла!
Ой за што я гарую—
Празъ любоў сваю бальшую!

—

Ды у мѣсяцы два ражо́чки ро́ўниньких,
Ды у тату́льки два сыно́чки ро́дьниньких.
Ды звиньча́лися браты у нядѣльку,
Пашли братитки у святёлку,
Разпыта́лися, разгука́лися:
Ти ўдалася, ти ўдалася, брать, жанитьба твая́?
— Ни ўдала́ся, ни ўдала́ся, брать, жанитьба мая́:
Накаса́лася, навязалася, брать, нялюбая жана́,
Ажани́ла малайца́ чужа дальна старана́.
Якъ пайду я маладецъ у новинькій гарадецъ
Ды куплю я маладецъ малива́нинькій чаўне́цъ,
Ды пущу я маладецъ малива́нинькій чаўне́цъ
Ды на бы́страю раку́ ды нялю́баю жану,
А самъ пайду́ маладецъ на высо́кую гару́:
Ти высока, ти далёка ясна зорушка ўзыйшла,
Ти далёка, ти глыбо́ка жана 'тъ бе́рага 'тплыла̀?
Ой, высо́ка и далёка ясна зо́рушка узыйшла,
Ой, далёка и глыбока жана 'тъ бе́рага 'тплыла̀.
„Ой, вярнись, жана, хоть нялюбая была,
Ни дли мянѐ маладо́га, хоть для дѣтачыкъ маи́хъ!“
— Ни вярнуся, ни вярнуся,—я й нялюбая была!
Кали лѣпшаю во́зьмишъ, будишъ мяне́ праклинать,
Кали пу́щаю во́зьмишъ, будишъ мянѐ ўспамина̀ть!

—

Зарза̀ў, зарза̀ў сивый конь на стайнѣ, [1]
Заплакаў бѣлъ мало́йчыкъ на вайнѣ:
Ахъ вы, братцы, вы таварышы маѐ,
Напишы́тя [2]) айцу́ майму́ пра мянѐ:
Пущай усихъ ко́никаў прадае́ть,
Мянѐ мо́лайца зъ няволюшки вы́купить!
— Я й ня буду коникаў прадавать,
И тябѐ зъ нявблюшки выкуплять!
Зарза́ў, зарза́ў и т. д.
„Напишы́тя маёй мамца прызъ мянѐ:
Пущай усихъ карбу́ прадае́ть,
Мяне́ мо́лайца зъ няволи выкупить!“
— Я й ня буду карбу́ прадавать,
И тябе зъ няволюшки выкуплять!
Зарза́ў, зарза́ў и т. д.
„Напишытя маи́мъ братцамъ прызъ мяне:
Нихай яны́ ўси стрѐльбачки прадаю́ть,
Мянѐ мо́лайца зъ няволи вы́купють!“

[1]) Въ Вилейскомъ уѣздѣ варіанты: На гарэ. [2]) Накажытя.

— Ня будимъ мы стрѐльбачки прадавàть,
А тябѐ зъ няволюшки выкуплять!
Ой, зарзáў, зарзáў и т. д.
„Напишы́тя маимъ сёстрамъ прызъ мянѐ:
Нихай яны̀ каpàльки и пярсьтёнки прадаю́ть,
Ды мянé зъ няволюшки вы́купють!“
— Мы ня бу́димъ карàликъ и пярсьтёнкаў прадавать,
А тябѐ зъ нявóлюшки выкупля́ть!
Ой, зарзáў, зарзáў и т. д.
„Напишы́тя маёй жанѣ прызъ мянѐ:
Нихай ина ўсѣ тру́бачки прадаéть, [1])
Ды мянé зъ няволюшки вы́купить!“
— Ой буду шъ я, буду шъ я тру́бачки прадавàть,
И тябé зъ няволюшки выкуплять!

—

Туманъ, туманъ на дали́ни, 2
Шырóкъ листокъ на кали́ни.
Шы́ры тагò на дубóчку,
Кличыть голубъ галу́бачку,
Хоть ни сваю̀, дыкъ чужую:
Пастóй, ми́ла, пацалую!
На што тóбя цалавàньня,
Сэрцу ту́ги задавàньня?
Ни задавай сэрцу ту́ги,
Ня вóзьмишъ, ты вóзьмить дру́гій!
Въ чыстамъ поли за лазóю,
Плачыть дѣвица слязóю.
„Пирастань, дѣўка, слязóй литца, —
Я ня думаю жанитца! [2])
Кали буду я жанитца,
Прашу́ я тябѐ яви́тца,
Дамъ табѣ пива напитца!“
— Тваё пива мнѣ ня ди́ва,
Твая радьня̀ мнѣ ня ми́ла:
Твая́ матка чараўни́ца,
Систра зъ брàтамъ разлушница:
Разлучыли насъ съ таббю,
Якъ ры́бачку изъ водóю

Тя́жка ры́бца бизъ вады̀ быть,
Тижалѣй мнѣ тябѐ празабыть;
Тяжка рыбца панаркáти,
Тижалѣй мнѣ тябѐ пакидати!

—

Старанà мая̀ ды старóнушка, 2
Ни магу̀ тябé празабы́тися, 2
А нóччы сплючы̀, а ў день хóдючы,
А ўноччы сплю, ды ня высплюся,
А у день хаджу̀—ни размыслюся,
Ў кабачокъ иду—хиля́юся,
Съ кабачка иду—шатаюся,
За вирэ́юшку хватаюся.
„Вирая́ мая́, ты вирэ́юшка,
Ды хто тябѐ тутъ пастанави́ў?“
— Станавили мянѐ да два плоть-
[нички,
А царскія ды й работьнички.
Ай, на мóры, мóры, мóры си́няму,
Тамъ плывала вутка шэ́рая,
А за ею, ею силязéнюшка.
Яѐ перъйка раскудрóная,
Па синяму мору распущóная.

[1]) Въ Вилейскомъ у. варіантъ:
Няхай яна скрынки—пярынки спрадае,
Мяне зъ няволюшки вывальне.

[2]) Въ м. Красномъ вилейск. уѣзда:
Циху, дзѣука, ни журыся,
Я ще, младый, ня жаниуся!

А хто жъ ёй ды раскудрыў перъя?
Раскудрыў перъя силязёнюшка!
А па рынки, рынки, рынки новыя,
Тамъ хадила красна дѣвица,
А за ею, ею добрый молодицъ.
Яѐ воласы распудроныя,
На бѣлыхъ плячахъ распущоныя.
А хто жъ да ёй распудрыў воласы?
А пудрыў, пудрыў удалый ма-
ладѐцъ.

Записаны кр. Ст. Пилиненкомъ отъ кр-нокъ Елисаветы Степановой и Магдалины Томчонковой въ дер. Заулкахъ, Диснен. у., Вилен. губ.

Послѣдняя пѣсня заимствована отъ старообрядцевъ, поселившихся въ уѣздѣ въ 1864 г. Во время смутъ 1905—1906 гг. польскіе помѣщики принудили ихъ выселиться отсюда, но многія пѣсни ихъ усвоены бѣлоруссами, въ томъ числѣ и эта.

Плыў, чаўнокъ па рэцца,
Да плакаў дятюкъ па дѣўца:
„Да дѣ жъ мнѣ, дятюку, падѣтца?
Саўю вярбўку зъ крапивы,
Да павѣшуся ў батвиньни!“
Пашла мати батвиньня ламати,
Да свайго сына шукати:
„Ня виси, сынку, ня виси,—
Да иди батвиньня падняси,
Дѣваччына коника папаси,
За яѐ вадицу падняси!“

—

Лятѣў бабёръ чаразъ дворъ,
На ёмъ суконакъ девять паръ,
На ёмъ шапачка баброва, —
Загарэлася дуброва.
„Идитя, хлопчыки, гаситя,
Рэшатамъ ваду насития!“
Якъ у рэшати вада ёсь,
Такъ у хлопчыкаў праўда ёсь!
Лятѣў бабёръ и т. д.
„Идитя, дѣвачки, гаситя
Кубачкамъ ваду наситя!“
Якъ у кубачку вада ёсь,
Такъ у дѣвачакъ праўда ёсь!

—

На гарэ святлѣла,
Казлова барада гарэла.
„Идитя, хлопчыки, гаситя,
Рѣшатамъ ваду наситя!“
Якъ у рэшати вада ёсь,
Такъ у хлопчыкаў праўда ёсь!
На гарэ святлѣла и т. д.
„Идитя, дѣвачки, гаситя,
Кубачкамъ ваду наситя“.
Якъ у кубачку вада ёсь,
Такъ у дѣвачакъ праўда ёсь!

—

Ялова карыта поўна вадой на-
[лита.
Дѣвачки ношки памыли,
А хлопчыки ваду выпили!
Дубовая карыта поўна вадой на-
[лита.
Пчолки ношки памыли,
А дѣвачки ваду выпили!

С. Дубины, Ошмянск. у.
Отъ кр. О. Радыны.

Май.

2 мая, день страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, во многихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи считается большимъ праздникомъ. Въ этотъ день совершаются многочисленные крестные ходы на крыницы—ключи, не замерзающіе зимою. Здѣсь совершаются молебствія и освящается вода, которая считается цѣлебною въ особенности отъ глазныхъ болѣзней.

Обрядъ этотъ существовалъ и во времена уніи и ведетъ свое начало изъ глубокой древности. Св. Бориса и Глѣба чтутъ даже нынѣшніе католики бѣлоруссы, совращенные въ XVIII и XIX вв.

Возникновеніемъ своимъ празднованіе это обязано повидимому неслыханному злодѣйству Святополка Окаяннаго, которое въ свое время поразило всю православную Россію. Въ Бѣлоруссіи культъ св. Бориса и Глѣба получилъ наибольшее развитіе еще благодаря ревностной религіозно-просвѣтительной дѣятельности полоцкаго князя Бориса Всеславича († 1128 г.), памятниками котораго служатъ извѣстные Борисовы камни, существующіе доселѣ въ предѣлахъ Витебской (четыре), Могилевской (два) и Виленской губерній (два).

Такія же „водяныя отправы", кромѣ общецерковныхъ—совершаются въ девятый четвергъ по Пасхѣ (Девятникъ) и въ десятую пятницу (Десятуху), когда къ нѣкоторымъ крыницамъ, напримѣръ, Полыковичской, Могилевскаго уѣзда, собираются десятки тысячъ паломниковъ даже изъ отдаленныхъ мѣстностей.

Желая осмыслить непонятное названіе Преполовенія, бѣлоруссъ зоветъ этотъ день „Переплавной середой" и говоритъ, что въ этотъ день Іисусъ Христосъ купался и переплылъ черезъ море. Съ этого дня разрѣшается купаться, вплоть до Ильина дня.

8 мая крестьяне празднуютъ память св. Іоанна Богослова и не работаютъ вообще или, по мѣстамъ, только на лошадяхъ, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ съ лошадьми, которые, по мнѣнію народа, всегда бываютъ, если въ этотъ день работать на лошадяхъ. Такъ же, какъ и св. Савва, 5 декабря,—св. Іоаннъ Богословъ зовется „Николинъ батька".

9 мая, день св. Николая, считается очень важнымъ праздникомъ. Въ Гомельскомъ уѣздѣ въ этотъ день многіе крестьяне устраиваютъ такъ называемые оброчные обѣды, то есть по случаю какого-нибудь несчастья или избавленія отъ бѣды даютъ обѣтъ накормить нищую братію въ день святителя Николая во славу Божію и въ честь названнаго угодника. На обѣдъ этотъ варится борщъ съ мясомъ, или въ постный день съ рыбой и алеемъ, потомъ ставится жареное мясо или жареный пѣтухъ, а въ постный день рыба; на послѣднее подается крутая каша съ молокомъ, масломъ или саломъ, а въ постный день съ алеемъ. Изъ напитковъ подаются водка и медъ, рѣже—вино и пиво.

Утромъ хозяинъ приглашаетъ причтъ совершить въ домѣ молебенъ и акаѳистъ св. Николаю и въ то же время посылаетъ созывать убогихъ, нищихъ и калѣкъ, а также родныхъ на обѣдъ. Посланный, подойдя подъ окно, кричитъ:

— Добрыдень! Ти ё хто у хати?
— Здаробў! А што?
— Прасиў Микита Лагунбў на хлѣбъ-соль, на'бѣдъ!
— Спасиба!

Послѣ молебна причтъ и почетные гости садятся за столъ и обѣдаютъ. По окончаніи обѣда, молятся, благодарятъ хозяина и расходятся. Тогда за тотъ же столъ садятъ нищихъ и убогихъ, и хозяинъ подаетъ имъ тотъ же самый обѣдъ и такъ же угощаетъ водкой и медомъ.

За разрѣшеніе пить водку на такихъ оброчныхъ обѣдахъ, имѣющихъ религіозный характеръ, св. Николая называютъ „бурлацкимъ богомъ", т. е. богомъ пьяницъ,—что примѣнимо собственно къ дню 6 декабря.

Какъ Юрьевъ день считается праздникомъ пастуховъ, такъ Николинъ день празднуютъ „конюшкѝ", водящіе лошадей „на ночлегъ"—въ ночное. Въ эту ночь они окуриваютъ лошадей Ивановскою травою и обходятъ вокругъ нихъ съ яйцомъ въ рукѣ, которымъ потомъ гладятъ лошадей по спинѣ. На другой день яйцо это отдается нищему, обязательно слѣпому. Окуриваніе производится съ цѣлью охраненія лошадей отъ вѣдьмаковъ, а обношеніе яйцомъ охраняетъ ихъ отъ воровъ. Послѣ этихъ обрядовъ, конюшки выбираютъ своего „старосту", и устраиваютъ пирушку, съ обязательной яичницей и водкой. Въ Велижскомъ уѣздѣ эта пирушка устраивается въ Троицынъ день.

Съ Николина дня начинаютъ стричь овецъ. Кто опоздаетъ стрижкой хотя бы на недѣлю, тотъ останется безъ шерсти, такъ какъ вслѣдствіе плохого питанія овцы сильно линяютъ. Нерѣдко бываютъ такіе случаи, что утромъ овцы уходятъ на пастбище съ волною, а вечеромъ возвращаются „съ голой кожей".

10 мая стараются посѣять коноплю. Но такъ какъ при посѣвѣ ея нельзя вбивать кольевъ въ землю, то посѣвъ предпочитаютъ дѣлать вечеромъ, когда уже не приходится вбивать кольевъ.

11 мая, день обновленія Царяграда, крестьяне строго празднуютъ, чтобы градомъ не выбило посѣвовъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ въ этотъ именно день совершается освященіе полей съ крестнымъ ходомъ.

21 мая, также по созвучію съ Еленой, сѣютъ ленъ. Посѣвъ особенно считается счастливымъ, если этотъ день приходится въ понедѣльникъ. При посѣвѣ льна сѣятель обязательно долженъ надѣть чистое бѣлье—чтобы ленъ былъ чистый. Кромѣ того варятъ куриныя яйца и кладутъ ихъ въ кошолку съ сѣменами. Пріѣхавши на ниву, сѣятель подбрасываетъ яйца вверхъ—чтобы ленъ былъ высокій и съ крупными головками—головистый.

Праздникъ Вознесенія Господня называется „Ушэсьтя"—т. е. Восшествіе на небо. Въ этотъ день хозяйки обязательно пекутъ блины: „трэ́ба Хрысту̂ напе́кти ану́чъ, щобъ було̂ ў що абува̂тца! Абу̂итца и пöйдя ужэ̂ атъ насъ на нéбу!" Другимъ обязательнымъ кушаньемъ для этого дня считается яичница.

Съ этого дня дѣвушки прекращаютъ пѣніе веснянокъ; собираются по вечерамъ на улицѣ и поютъ слѣдующія пѣсни:

На гаро́ди дѣўка халадо́къ (?) капа̀ла,
    Рана, рана, халадо́къ капа̀ла,
Капа̀ла, капа̀ла да ня ви̇̀капала. (Припѣвъ).
Тольки ви̇̀капала залатую квѣтку,
    Рана, рана, залатую квѣтку!

—

Лятѣли пчолы да чаразъ тры по́ли,
    Рана, рана, да чаразъ тры поли!
Найшли тыя пчолы тры намётки ў поли. (Припѣвъ).
Первая намётка—то дѣўка Га̀нначка,
Другая намётка—то дѣўка Ва̀сячка,
Трэтьтяя намётка—то дѣўка Ва̀рачка,
    Рана, рана, то дѣўка Ва̀рачка!

—

Старэ́нькій дядо́чыкъ па гаро́ду хо́дя,
    Рана, рана, па гаро́ду хо́дя!
Па гаро́ду хо́дя и арэ̀, скаро́дя. (Припѣвъ).
А за имъ мало́дка у ступе́нь ступа́я,
У ступень ступа́я, варабъёў пуга̀я:
Лятѝтя, варабъѝ, на дѣдави канбо́пли,
Щобъ мнѣ ихъ ня бра̀ти, ня бра̀ти, ня слати,
Ня брати, ня слати, ни пра̀сти, ни ткати,
Ни прасти, ни ткати, ни бяли́ть, ни шы́ти,
Ни бялить, ни шыти, сарбо́чки насѝти,
    Рана, рана, сарбо́чки насѝти!

—

А ў Бога даро́га и до́ўга и шыро́ка,
    Рана, рана, и доўга и шырока!
Якъ па той даро́зи зять да те́щи хо́дя— (припѣвъ),
Зять да те́щи хо́дя, жа̀лабу прыно́ся,
Жалабу прынося, сваѐ те́щи про́ся:
„Те́щухна, ма̀тухна, тваѝ дочь лиха̀я,
Твая дочь лихая, да минѐ пабѝла!“
— Хоть яна̀ пабила, ня на лиха ўчы́ла:
Ня хадѝ да шы́нку, да ня пѝ гарэ́лки,
Да ня пѝ гарэ́лки, таба̀ки ня нюхай,
Табаки ня нюхай, гавбракъ ня слухай,
    Рана, рана, гавбракъ ня слухай!

—

Яравя̀я пчолка падъ нябе́съ лята̀ла,
    Рана, рана, падъ нябесъ лятала!
Падъ нябесъ лятала, да Бога слу̀хала,
Да Бога слухала, да що Богъ гаво́ра. —

А Богъ сына жэ́ня, въ Ильли до́чку бярэ̀,
Въ Ильли дочку бярэ̀, Ули́тачкай завѐ:
Улитка—нябо́га, идитка да Бо́га!
Рана, рана, идитка да Бо́га!

—

Время между Вознесеніемъ и Троицей посвящается обыкновенно *толокамъ*. Крестьяне помогаютъ другъ другу вывозить въ поле навозъ. При возвращеніи съ поля порожнякомъ и при разбрасываніи удобренія поются особыя пѣсни. Напримѣръ:

У лузи салаве́й калинку клюе́ть, —
А ни ёнъ яѐ саді́ў, ци ёнъ паливаў!
Лихая свякро́ў нявѣсту журы́ть,
А ни яна̀ расьти́ла, ни яна гадава̀ла.
Шле́ть яе маладу у Дунай па ваду.
Стукнула, гру́кнула, вёдры бирučы́,
Крыкнула, гу́кнула, къ Дунаю идучы́.
Якъ зачу́ў мой милый, каня̀ пасучы́:
„Ня стукай, ня грукай, мая ми́лая:
Я и ко́ній папасу и вады́ прынясу!“
— Чэ́рпай жа, ми́лянькій, вёдры по́ўняньки!
Иди жъ ты, ми́лянькій, пати́ху́сяньку,
Стаўля́й жа, ми́лянькій, памалю́сяньку!
Кабъ та̀я ваді́ца ни пралилася,
Кабъ та̀я свякро́ўка ни сварылася!...
„Я жъ, тябѐ, нявѣста, ни вады́ сла̀ла,
А я жъ тябѐ, нявѣста, съ свѣту збаўля́ла!“
— Ты жъ мянѐ, свякро́ўка, дѣўкаю знала, —
Нашто жъ ты мянѐ за нявѣстку брала?

Лепельск. уѣз.

—

Чарво́ная рожа, зилёна, прыгожа!
Ни стой пры дарбзи, ни цвити прыгожа:
Хто иде́ть—лама̀ить, хто ѣдить - чапа̀ить:
Дяды́ йдуть—лама̀ють, дяды на барбды,
Бабы йдуть—лама̀ють, бабы на памёлы,
Мальцы́ йдуть—ламають, сабѣ падъ брылёчки,
Дѣўки йдуть—ламають, сабѣ на вянбчки,
Рибя́ты йдуть—ламають, рибяты на ца̀цки.

—

Дѣўки калинку лама̀ли,
Дѣўки ў пучочки вяза̀ли,
Кали́навый мо́сьтикъ масьти́ли.
А тамъ ѣхаў дваряни́нъ,
Калинавый мо́сьтикъ праламі́ў.
Игѐ дѣўки дагна̀ли,
Синій кафтанъ падра̀ли,
Пухаву́ю шапку парва̀ли!

Пашо̆ў дварянйнъ да па̀на:
„А па̀ня, мой гаспадинъ!
Нашто дѣвакъ распусьтйў?“
— До́бри, до́бри, дварянйнъ:
Было̀ дѣвакъ ни сердить!
Было́ дѣўкамъ карытца,
Нйска ў но́ги кланйтца!

—

Удовушка маладая
Паѣхала ў новый го́радъ,
Да купила атру́тъ-зе̇́лья,
Атрутйла красныю дѣўку.
Въ васкрисеньня ранёшынька
Добрыи люди къ абѣдьни йдуть,
А красныю дѣўку хува̀ть нясу́ть.
Папы̀, дякй усьпива̀ють,
А два мо̀лыдца ўздыхають,
Яны ўдоўку праклина́ють:
Штобъ ты, ўдовушка, сама
[умёрла,
Краена дѣўка жыва стала.

—

Заря мая, збринька,
Узайдй рана, пасто́й по́зна,
Пакулька я прыбяру̂ся,
Умяту̂ дворъ мятёлачкай,
Усьтялю стол скатирачкай.
Будуть ка мнѣ любыи го́сьти:
А любый гость—радно́й татка,
Любая го́сьтя—ро́дная мамка.
Госьти на дворъ—кубки на столъ,
Госьти зъ двору—кубки съ столу.

—

Каго̀ нѣту на вулицы?
На Кузьминомъ дварочку
Усѣ дѣўки ў таночку,
Адно́й Рожы нѣту.
Рожу мамка че̇́шыть,
Чешыть, навучаить:
„Рожухна, дитятка,
Ня йди ты ў таночикъ:
Тябѐ Кузьма ўзна́ить,
Енъ тябѐ абманить!“

Кузьма дагадаўся,
Пашо̆ў да прыбра̀ўся
Ў жано́цкая пла̀тьтя,
Ў диво́цкая 'бличча.
Рожа ни узнала,
По́пличь съ Кузьмомъ стала,
Мамки атказала:
„Ня жджы Рожу въ вянку̂,
А жджы Рожу ў платку,
При зялёнамъ Святи,
Зъ мало́динькимъ зятямъ.

—

Якъ за го́ркай, за гаро́й,
Разайгра̀ўся карый конь,
Разбйў каминь капыто́мъ.
Въ тымъ камини огня̀ нѣтъ,
Ў чужой мамки праўды нѣтъ.
Якъ за го́ркай, за гаро́й,
Разайграўся вбранъ конь,
Разбиў арэхъ капыто́мъ,
Въ тымъ арэшку зярно̀ е̇́сь,
Ў роднай мамки праўда е̇́сь.

—

За гарою, за крутою,
Тамъ конь праржа̀ў,
Тамъ конь праржаў,
Праўду сказаў:
„Я ко́ся ни хазя́иныў:
У каня̀ ста̀йня ни ме́тина,
Каню аўса̀ ни засыпана,
Ў каня грыва ни расчо́сана,
Ў каня абро́ть ни разбрытана,
Ў каня сидло̀ ни атвя́зана!“
За гарою, за крутою,
Тамъ конь праржа̀ў,
Тамъ конь праржаў,
Праўду сказаў:
„А я ко́ся хазя́иныў:
У каня̀ стайня разме́тина,
Каню аўса засыпана,
Ў каня́ грыва расчосана,
У каня̀ абро́ть разбрытана,
Ў каня сидло̀ развязана!“

—

Тёмная ночка, дѣ твая дочка?
— У гарбди лянокъ полить, ручки колить!
Багдай етатъ лёнъ травой заросъ,
Травой заросъ, павилицый,
Павилицый, мокрый макрицый.

—

За гарбю за крутою громъ граманўў,
Громъ граманўў, дожжъ сиканўў,
Змачиў дѣўку чарнабрбўку.
Аткуль 'зяўся старый шъ шатромъ:
„Хади, дѣўка, у мой шатёръ!"
— Хоть я змякла, ни пайдў ў шатёръ!
За гарбю за крутою громъ граманўў,
Громъ грамануў, дожжъ сиканўў,
Змачиў дѣўку чарнабрбўку.
Аткуль'зяўся маладый шъ шатромъ:
„Хади, дѣўка, у мой шатёръ!"
— Хоть ни змякла—пайдў ў шатёръ!

С. Болецкъ, Городок. у.

—

Талачў, талачў, я гарэлки хачў!
Талака, талака—талаки ни ўнять,
Ни дають гарэлки—ня буду піять.
А ў каго, а ў каго дворъ на памбсьти,
А ў таго, а ў таго любыя гбсьти.
А чамў, сусѣдъ, пива ни варышъ,
Ти ў тябѐ, сусѣдъ, ячмень ни ўрадиў?
— Ни ўрадиў ячмянёкъ, тольки пшбначка,
Ни вялить, ни вялить мая мила жбначка!

Фольв. Изабелино, Лепельск. уѣз.
Запис. Г. Неплюковъ.

—

А падъ тымъ гбрадамъ падъ Казанскимъ,
Тамъ дяўчына зъ малайцами чалбмъ била,
Ина била, ина била, праўды дахадила:
Да ни я къ малайцамъ прыхадила,
Сами ка мнѣ малбйчыки прыхадили,
Зилянбга вина прынасили.
Я у мблайца на ручкахъ заснула.
Стали мянѐ малойчыки прабуджати:
„Устань, устань, дяўчынанька, абачнися!
А ўжэ твая матўлинька давно на таргў,
Да таргўить, купляить ўсё раменныя плети,
Будить тябѐ маладеньку межы плечъ сѣчы!"

—

Тамў до́бра, ў каго̀ матушка!
Якъ у мянѐ лиха мачыха,
Пасала̀итъ мянѐ у высокъ терамъ
Пасьте́льку слать ахвицэ́ру ни-
[жына̀таму.
Ужо на дварэ̀ сьнида̀ньня иде́ть—
Краснай дѣўки сь те́рама нѣтъ.
Ужо на дварэ̀ абѣды идутъ —
Краснай дѣўки сь те́рама нѣтъ.
Ужо на дварэ̀ палўдьни идутъ —
Краснай дѣўки сь те́рама нѣтъ.
Ужо на дварэ̀ вячэ́ры идутъ —
Красну дѣўку сь те́рама вядўть:
Русы косы растрыпа́ныя,
Пярсьтёначки паминя́ныя...

—

„Ай, жо́нки—лябёданьки,
Пара̀йтя мнѣ пара́даньку:
Дѣ благо́га мужа дѣть?“

— Вяди̂ яго́ у карчо́мачку
Да напай гарэ́лкаю,
Тагды̂ вяди̂ у чыста по́ля,
Да налажы̂ падъ ёлкаю,
Накрый яго салóмкаю,
Да надпалі̂ лучы́нкаю.
Тагды̂ вы́йди на вўлачку,
Крыкни-зыкни ратўначку:
„А здае́тца, и громъ ня бы̆у —
Майго̀ мужа пярўнъ забі̂ў,
Маланьнёю надпалі̂ла!“

—

Знатъ, наша доля такая,
Што гаспады́нька скупая,
Ина сяди́ть у кутóчку,
Дяржы́ть бутэ́личку ў падало́чку,
Кива̀итъ, мирга̀итъ на мило́га:
„Ни давай гарэ́лки трасе́ньни-
[цамъ,
Яны̂ ужо и такъ паўпилися.

Д. Гирдюки, Тоболк. вол. Дрис. уѣз.
Отъ кр. Нат. Баутрушевичъ зап. О. Нездачина.

—

„Малады́й мало́йчикъ, чаму ра̀на ни ўстае́шъ,
Чамў ра́на ни ўстае́шъ, каня̀ ни гадўишъ?“
— Нашто̀ рана устава̀ть, нашто каня̀ гадава̀ть,
Я никўды ни паѣду!
„Шэ́рая зязю́лька, чамў ў по́ля ни лятишъ,
Чамў ў по́ля ни лятишъ, чаму ни кукўишъ?“
Ёсь у мяне́ крыльлі̂йка, усё сы́за пе́рыйка
Ў чиста по́ля вылита́ти.
Якъ палячў я, палячў у вишнёвинькій садокъ,
Ды на бѣлую бярёзу.
Якъ стану жъ я кукава̀ть, —
При́дить ка мнѣ татўлька пыта̀ть
Абъ чужую старо́начку:
„Ти ладна, дитя́тка, ды на чужой старанѣ?“
— А чужая старана̀ усё го́рямъ сѣина,
Усё го́рямъ сѣина, слёзками палива́на!
Малады́й мало́йчикъ и т. д.
При́дитъ ка мнѣ матўлька пыта̀ть...

(Потомъ: братъ и наконецъ—сестра).

—

А ти макъ, ти рожа зацвилй пригожа?
— А ни макъ, ни рожа зацвилй пригожа —
Зацвилй кўдирки маладецкія,
Маладецкія—маладога Сяргѣйки,
А съ-падъ шапачки съ-падъ бабровыя,
Съ-падъ вяночка съ-падъ чирвонинькага!

—

Раськипѣлиси гаршкй, на загнети стоючи,
А ўсердиўся свёкарка, у запечку сѣдючи.
А парасла либида вышы гарадища,
На вулицы хлопцаў нѣтъ—ня будить игрища.
А я тую либяду казами патраўлю,
А я хлопцамъ кукишъ дамъ,
Сама йгрища спраўлю!

—

„Ой, донька—дачўшка, аддамъ тябѐ замужъ!"
— А за каго, мой татўлька?
„Аддамъ тябѐ замужъ хоть за бандарочка!"
— Бондарь рана устаеть, а мнѣ спать ни даеть:
Ни пайдў, ни пайдў, мой татўлька!
„Ой, донька-дачўшка, аддамъ тябѐ замужъ!"
— А за каго, мой татулька?
„Аддамъ тябѐ замужъ хоть за кавалёчка!"
— Каваль рана устаеть, а мнѣ спать ни даеть:
Ни пайдў, ни пайдў, мой татўлька!
„Донька-дачушка, аддамъ тябѐ замужъ!"
— А за каго, мой татулька?
„Аддамъ тябе замужъ хоть за ганчарочка!"
— Ганчаръ рана ни ўстаеть,
Ёнъ мнѣ спати даеть:
Пайдў, пайдў, мой татўлька!
Ганчаръ гаршкй прадаеть,
А мнѣ грошыки 'ддаеть:
Пайдў, пайдў, мой татўлька!

—

Чирвона, пригожа калина—малина,
Чирванѣй, пригажэй наша гаспадыня:
Па дварў ходить—увесь дворъ разлигаить,
На ґаначикъ ступить, ажъ ґаначикъ вянить,
У сьвятлйцу ўвойдить—ўся сьвятлица зьяить,
За пляшачку возьмить—гарэлачка льлетца,
А за чарачку возьмить—гарэлачка пъетца.

—

А ўстану я рана, а ўмыюся бѣла,
Якъ пайду я у вишнёвый садъ.
А вышынька къ вишынцы галбвачку клбнить,
А мнѣ мблади ды не къ каму!
Пахину я галаву на чужую старану,
Ды ня къ рбднаму татульку!

—

А маленькій журавокъ
Палуднавать приваломъ.
Прыгналиси къ дубу,
Палуднавать буду,
Пригналиси къ ели,
Палуднавать сѣли. (И жнивная).

—

Ой, пара дамоў, пара,
Патиряла ключи заря,
Кала пбстати хбдючи.
Узыйдитя ясны збрьки,
А знайдитя ключи звбнки,
Атамкнитя сыру зямлю,
Апусьтитя тёплу расу.

—

Мидавая барэлачка (барылка)
Ды па пблю качаитца,
Ды ў жбначикъ пытаитца:
„Вы, жоначки, лябёдачки!
Кали вы мянѐ ня выпъитя,
Я вамъ шкоду зьдѣлаю:
Я й па пблю пакачуся,
Абручики паламаю,
И дощички паськипаю!“
Малбдинькій Якаўка
Па двару паижджаить
Ды ў татульки пытаитца:
„Кали мянѐ ня'жэнитя,
Дыкъ я вамъ бяду учиню:
Варанбга каня зьвяду,
Ящирава сядло зьвязу,
Паѣду на Украйну,
Тамъ сабѣ ажанюся:
Вазьму сабѣ панéначку,
И тонкую, и високую,
И бѣлую, и румяную.

—

Силязéнька-галбука сызинька,
А крыльлійка быстринька, —
Ти пириля́тишъ шырбкая пбля,
Глуббкая мбря?
—Ни пирилячу я шырбкага пбля
Ды глуббкага мбря,
Тольки пирилячу имхи ды ба-
[лбты
Ды вузкія увалбки!
„А ты, Аўдулька, нѣжная ди-
[тятка!
Ти пиринясéшъ ты матулькину
[нѣгу
Къ свёкру на падвбру?“
— Ни пиринясу я матулькину
[нѣгу
Къ свёкру на падвбру,
Тольки пиринясу тяжкая узды-
[ханьня
Ды слёзная абливаньня.

Чериков. у. Зап. г. Аникіевичъ.

—

Ай, жарка-та, жарка у лбзи калинцы,
Ай, жарчѣй-та, жарчѣй нашай гаспадыньцы.
Наша гаспадынька па дварю хадила,
Па дварю хадила, сляды́чки драбила,
На ġанакъ ступила—ġанакъ абламила,
У сѣни ступила—сѣни асвятила,

У хату ступи́ла—хату залати́ла,
Ў камору ступи́ла—слўжыкъ пабуди́ла:
„Уставайтя, служки, вѣрныя дачўшки!
Сталы засьтилайтя, кўпки наливайтя,
Купки наливайтя, гасьтей сазывайтя!“
— А сталы засланыя, купки наливаныя,
Купки наливаныя, госьти сазваныя!

Стрижин. вол., Дрисс. у.
Отъ кр. Шлыка запис. Д. Орловъ.

А ў лазѣ салавей калину клюе́ть,
Лихая свякрóвачка нявѣсту жўрыть,
Шлеть яѐ маладў у Дунай па вадў:
„А иди, прынясú зъ Дуная вады!“
— Свякрóвачка-мамунька, ящó раниныка:
Ящó пятухъ ни піяў и гусакъ ни крычаў!
А пашла нявѣста ў Дунай, плачучы.
Якъ зачўў милянькій, кóній пасучы:
„А ни плачъ, ни тужы, мая ми́лая:
Я кóній напасў, вады прынясў!“
— А чэрпай, мой милый, пóўны вядéрцы,
А няси́, мой милый, памалю́синьку,
А стаўляй, мой милый, патихўсиньку!..
„Вотъ табѣ, свякрóўка, зъ Дуная вада:
Памыйся, напи́ся, съ пóўнага видра!“
— Я жъ тябе, нявѣста, ни за вадóй слала,
Я жъ тябé, нявѣста, сь свѣту збавáла!
„Ты жъ мяне́, свякрóўка, дѣўкаю знала,
А на што, свякроўка, за сына брала,
За сына, за сына, за нявѣстачку?“

Лепельскій у.

Зайшóў, зайшóў маладéцъ ў чужую старóнку,
Налили́ жъ малайцў тры чары паўне́нькія,
Тры чары паўне́нькія, уси тры раўне́нькія:
„Выпи, выпи, маладецъ, тры чары паўненькія,
Забудь, забудь, маладéцъ, на сваю́ старóнушку!“
— Хоть я ихъ и выпью—я пья́нинякъ ня буду,
Я на сваю́ старонушку павѣкъ ни забуду!
У маёй старанѣ тры сады зялёныя,
Тры сады зялёныя, а ўсѣ тры вишнёвыя:
У первамъ садику яваръ зилянéнькій,
У другомъ садику яблынка кудрáвая,
А ў трэтьтямъ садику игрўша съ атрóстками.

Яваръ зилянéнькій—мой татка старȳсянькій,
Яблына кудравая—маť маѧ́ стáрая,
Игруша съ атрбстками—жана маѧ́ зь дҍтками!

С. Чигиринка, Быхов. у.

Литàла пáванька ȳ саду па садȳ,
Ранйла пéръика ȳ зилянȳ траву.
Ни жаль жа мнҍ паваньки, ни перъя яé,
Ды жаль жа сяструіцы ȳ чужой старанҍ.
Якъ трудна рыбаньца у мутнай вадҍ,
Такъ маёй сяструіца ȳ чужой старанҍ.
Якъ трудна рыбаньца бизъ вады быť,
Такъ маёй сяструіца бизъ радьни жыť.
Якъ лягу—забуду, устану—на ȳмҍ,
Што маѧ́ сяструіца у чужой старанҍ!

—

Нядóля, нядóля, нищасьťя маё:
Праклилà свякрбȳка имéньня маё,
Паслàла маладȳ у Дунай па вадȳ.
На маё бищàстьťя пятȳхъ ни пяéť,
На маё бяздóльля гусакъ ни крычыť.
Крыкну я, гȳкну я, вȳлкаю йдучы,
Якъ учȳȳ мой милый, кóній пасучы:
„Чарэ́пай, милая, поȳны вядёрки:
Я й канѧ̀ напасȳ и вады прынясȳ!“
— Ды йди, милянькій, пámалю́синьку,
Ды стаȳляй вадйцу паťихȳсиньку,
Ня стукни, ня грукни, у сéнцы йдучы,
Ни ȳзбуди свякрбȳку, ȳ камбры сплючы!
„Вотъ табҍ, свякрбȳка, зъ Дунаю вадà!
Напися, памыйся съ пóȳнага вядрà!“
— Я шъ тваёй, нявҍстка, ни вады жадáла,
Я шъ ťябé, нявҍстка, сь свҍту збаȳляла!
„Ты шъ мяне, свякроȳка, дҍȳкаю знала,
Нашто шъ ты, свякроȳка, за сына брала,
Ты шъ майгó мéньшика ни упадабáла?
На гарэ̀ рыжычыкъ, ни билянaчка,
Я жъ табҍ, свякроȳка, ни паддàначка!
На гарэ̀ рыжычыкъ бéлинькій сядиť,
Я жъ табҍ, свякрбȳка, ня буду гадиť!“

—

Часъ дамбȳ, часъ дамбȳ, часъ да хàтаньки,
А ȳ маёй хатаньца раёчыкъ въéтца,
Я прыдȳ дамбȳ—негди падҍтца:

Я ў сёсь кутъ, я ў тотъ кутъ—ўсё кій стаяць,
Ўсё кій, ўсё кій, ўсё дубовыя,
На мае плечаньки, на здаровыя!
Ўсѣ тыя кіечки паламалися,
А мае плечаньки ни баялися!

—

А падъ дубамъ, дубамъ, дубамъ зилянёнькимъ,
Тамъ гуляли дѣўки—красныя панёнки.
А я й маладенька туды захатѣла,
Туды захатѣла, дива поглядѣла!
Ды биў мянѐ татка саламянный пужкай,
Саламянный пужкай па бѣлымъ кажўшку:
А я съ таго бою ни пила, ни ѣла,
Ни пила, ни ѣла, нядѣлю хварэла!
А биў мянѐ милый дубовымъ кіечкамъ,
Дубовымъ кіечкамъ у ваднэй сарбцца:
А я съ таго бою и пила, и ѣла,
И пила и ѣла, ни дьня ни хварэла!

—

Ишла я малада мима ракбю,
Выламлю калинку правый рукою.
Быдай ты, калинка, на рукахъ зьвяла,
Я свайго милага тры гады ждала,
Тры гады, тры гады, тры нядѣлички,
Прыѣхаў мой милый ниўспадѣвачки.

—

Бярбза, бярбза каранистая,
Даў Богъ мнѣ свякрбўку наравистаю.
Я жъ яе наравы усѣ звѣдала,
Сабраўшы сямейку, я й пабѣдала.
Хоть мой мужъ лихъ, хоть мой мужъ лихъ,
Но и я ни дабра:
Паслала пасьтельку и зъ другимъ спать лигла!

Д. Заулки, Дисвен. у. Зап. отъ кр. Елис.
Степановой кр. Ст. Пилипенокъ.

Шкбда дубу зялёнаго, што за сухимъ лѣсамъ,
Шкода маёй маладбсьти, што за старымъ бѣсамъ!
Ни я ўпила, ни я ўѣла, ни добра знасила,
Тольки сваё маладыя лѣты патратила.
Ёсь у майгб татўлички кони вараныя,
Я жъ паѣду даганяти лѣта маладыя!
Я й кбникаў пирагнала—лѣтаў ни дагнала!..

Тамъ же. Почти буквально поется
въ Браславѣ Ковенск. губ.

Асбтинка зилёная, часъ тибѐ касйти,
Асотинку ни скасйўшы, быдла ни наядўтца!
Иваничка малбдинькій, часъ тибѐ жанйти,
Иваничку ни жанйўшы, люди насмяютца.
Карбмисилъ крàшиный, чамў ты ня змыўся,
Иваничка малбдинькій, чаму ни жанйўся?
Катярйна вадў нисѐть, карбмисилъ гнѐтца,
Иваничка ззàду идѐть, слёзками ліѐтца.

—

Баpàшачка чбрнинькій, чбрнинькій,
Па столику кбтитца, кбтитца,
Намъ гарэ̀лачки хбчитца, хочитца!
А мы барашачку мыть бўдимъ,
А мы гарэлачку пить бўдимъ!
А мы барашачку вымыли, вымыли,
А мы гарэ̀лачку выпили, выпили.

Поется и во время стрижки овецъ послѣ Николина дня.

С. Бабиничи, Витебск. у.

Хадйў спарышъ[1]) па пблю а зъ вялйкаю сямъёю.
Нихто спарышà ни вузнàў и да хаты ни пазвàў.
Лукашъ спарышà пазнàў и да хàтуньки пазвàў:
„Прбша спарыша да хаты, а мы жъ вами и рады.
А сядь, спарышъ, на кўти, а пи, ѣшъ, што хбтя:
Ти горкаю гарэлку, ти салбдкій мёдъ!“
Пйтя пива дб дна, кабъ былò жыта рбдна:
Што гбрачка, то кбпачка, што лажбчикъ, то стажòчикъ!
Вб за гэтымъ жывй здарбў, мѣй многа хлѣба и сто карбў,
А пажывѐшъ боли, бўдишъ мѣть сто кбній.

—

Гаспадынл тужыла, што вялйкая дружына,
А гаспадàръ тамў радъ: садйтися усѣ ў радъ,
Дамъ па чàрцы гарэлки, и сыръ на тарэлки!
А хазяйка у лйси нясѐть гарэлки у мйси,
А жбны атвичàють ды кàшы пытàють:
Гаспадынька таўстàя, ти ёсь каша густая?
Гаспадынька ўтяшкў нясѐть кашу ў гаршкў!

С. Замочекъ, Сѣннен. у. Обѣ поются и во время жатвы.

Ай Божа мой, Божа,—гбра мянѐ зъѣла:
Ни аддàў мой татўлька за кагò хатѣла.
Аддаў минѐ татка за малбга,
Нихай за малога—и за дурнбга,
Нихай за дурнбга—и за пъянбга!
Ни у яго ѣшки, ни ў яго адѐшки.

—

[1]) Спорышъ—соломина съ двумя колосами на вершинѣ стебля.

Ни сячи, мой татулька, пры дарози бярозы,
Ни пали, мой братитка, у лужочку травицы [1]),
Ни бяры, мая матулька, у крыницы вадицы,
Ни щипай, мая сястрыца, у садочку цвятбчкаў:
При дарбзи бяроза—я сама маладенька,
У лужочку травица—мая руса касица,
У садочку цвятбчки—мае ясныя вбчки,
У крыницы вадица—мае дробныя [2]) слёзки!

М. Браславъ, Ковенск. губ.

А ў нидѣльку ранинька па зарѣ
Щабитала ластаўка на мбри,
На бѣламъ на камушку сидючи,
Падъ крутыя бѣрижки глядючи.
Увидила татухну идючи:
„А татухна да Бога, да Бога,
Зьними мянѐ съ камушка зъ билбга!“
У татухны миласьти нимнбга,
Ни зьняў мяне съ камушка зъ билбга!

Пѣсня повторяется для матери, брата и сестры. Наконецъ—

Увидила милага идючи:
„А милинькій да Бога, да Бога,
Зьними мяне съ камушка билбга!
У милага миласьти и мнбга,
Зьняў мяне съ камушка билбга.

—

Шэра вутица рякою плыветь,
А мнѣ мблади павѣсьти нясеть:
Капъ я стараму пирбхъ спикла
На сьтидёнай на вадицы да ишъ чбрнай мучицы.
Каланйцаю [3]) падмазывала,
А стараму ѣсьть падна̀шавала.
Шэра вутица ракбю плыветь,
А мнѣ мблади павѣсьти нясеть:
Капъ я мблайцу пирохъ спикла,
Ни съ халбднаю вадицаю,
Да исъ пшбннаю мучицаю.
Саланинаю падмазывала,
А мблайцу ѣсьть падна̀шавала.

—

[1]) Вар. Себеж. у.—Ни каси жъ ты, мой братитка, у лужоцку асоцку.
[2]) Ib.—трудныя. Въ остальномъ сходство почти дословное.
[3]) Колесная мазь, деготь.

А надвбрья да нира́на, да тёмнинька ночь, ночь,
Атлитàла галу́банька отъ галупка прочь, прочь.
„Да гдѣ будишъ, галу́банька, ночку начивàти?“
— Буду, буду, галуббчикъ, у зимнымъ садочку!
„Да чимъ будишъ, галубанька, бѣла вымыватца?“
— Буду, буду, галуббчикъ, раньнію расбю!
„Да чимъ будишъ, галубачка, су́ха вытира́тца?“
— Буду, буду, галубчикъ, ссызаю крылбю!..
А надворья нираниинька, да тёмная ночь, ночь,
Атхадила Марьяначка атъ Иванки прочь, прочь.
„Да гдѣ будишъ, Марья́начка, ночку начивàти?“
— Буду, буду, Иваничка, ў тàткавымъ дамбчку!
„Да чимъ будишъ, Марья́начка, бѣла вымыватца?“
— Буду, буду, Иваничка, ключавбй вадбю!
„Да чимъ будишъ, Марьяначка, суха вытиратца?“
— Буду, буду, Иваничка, тонкимъ палатéнцамъ...

—

Па мятёнай вулицы тятéра лятѣла,
Ни аддàў мяне́ татка, куды я хатѣла.
Хатѣла малбдинька за пи́сара-пàна,—
Якъ пришлося мнѣ маладéнькай за мужука-хама.
Я думала маладéнька грбшыки личи́ти,—
Якъ пришлося мнѣ маладéнькай пригбны служыти!

Стрижин. вол. Дрис. у. Зап. Д. Орловъ.

Праздникъ Троицы строго празднуется три дня, но и всю Троицкую или Клечальную недѣлю крестьяне чтутъ какъ и Коляды: не начинаютъ никакой новой работы, не прядутъ, не ткутъ, не вьютъ веревокъ, ничего не просверливаютъ. Кромѣ того, въ эту недѣлю нельзя городить плетней. Наканунѣ Троицына дня всѣ стараются запастись „маемъ“ и „я́веромъ“. Маемъ называются молодыя лиственныя деревца—береза, кленъ, рябина, липа—которыя вбиваютъ въ землю подъ окнами и по тропинкѣ отъ воротъ въ избу, а также украшаютъ кутъ въ хатѣ; я́веромъ называется болотное растеніе аиръ; имъ густо устилаютъ полъ въ избѣ и выметаютъ только по прошествіи трехъ дней праздника. То же дѣлается и въ сельскихъ храмахъ. По этой причинѣ праздникъ Троицы называется еще „Зеленымъ святомъ“. Къ этому празднику считается также обязательнымъ тщательно вычистить и вымести дворъ и прилегающую къ нему улицу. Въ нѣкоторыхъ приходахъ въ день Троицы хозяйки приносятъ въ церковь для освященія полевые цвѣты и травы, которые потомъ считаются цѣлебными.

Четвергъ Троицкой недѣли въ Гомельскомъ уѣздѣ называется „Сухой четвергъ“; чтобы не было лѣтомъ засухи, молодые люди, хотя бы и женатые, считаютъ долгомъ обливать въ этотъ день другъ друга водою.

Вообще же для борьбы съ засухами принимаютъ такія мѣры: сыплютъ въ колодези макъ; крадутъ у заѣзжаго горшечника горшокъ и бросаютъ его въ колодезь; убиваютъ попавшихся лягушекъ; если у кого въ огородѣ имѣется посаженный весною чеснокъ, то его необходимо вырвать и побросать въ межу; стараются также сдѣлать утопленника—утопить какое нибудь животное—щенка, котенка, или простое соломенное чучело.

Недѣля, слѣдующая за Троицкою, называется *Русальною* или Граною. Въ эту недѣлю русалки выходятъ изъ своихъ жилищъ, ходятъ по землѣ и качаются на качеляхъ подъ припѣвъ: гу-та-та̀! гу-ля-ля̀!

Русалками становятся души утонувшихъ дѣвушекъ, младенцевъ, умершихъ до крещенія, выкидышей, младенцевъ незаконорожденныхъ и тѣхъ, которыхъ матери „приспятъ", то есть, кормя грудью ночью, заснутъ и задушатъ. Жилище русалокъ опредѣляется въ зависимости отъ топографическихъ условій: въ мѣстахъ, богатыхъ водою, жилищемъ ихъ считаются рѣки и озера; тамъ, гдѣ много лѣсовъ, говорятъ, что онѣ обитаютъ въ лѣсахъ. Послѣднее мнѣніе въ Бѣлоруссіи имѣетъ большее распространеніе. Бѣлоруссы представляютъ себѣ русалокъ дѣвушками, непремѣнно нагими, съ длинными распущенными волосами и съ тѣломъ земельнаго цвѣта, покрытымъ не кожею, а чѣмъ то твердымъ въ родѣ ногтей. Разсказываютъ случаи, что русалки завлекали людей, въ особенности дѣтей, въ лѣсъ и тамъ ихъ щекотали на смерть. Но бывали случаи, что люди нападали на одиночныхъ русалокъ и приводили ихъ въ деревню. Работать такія русалки все работаютъ, но молча, не говоря ни слова. Когда же черезъ годъ снова наступитъ Русальная недѣля, такая русалка вдругъ захлопаетъ въ ладоши, закричитъ: гу-та-та! гу-ля-ля! и убѣжитъ въ лѣсъ. Тогда и на конѣ ее не догонишь.

Въ эту недѣлю бѣлоруссы вообще стараются не ходить въ лѣсъ изъ опасенія встрѣчи съ русалками.

Въ Гомельскомъ уѣздѣ въ понедѣльникъ Граной недѣли совершается обрядъ „провода русалки". Дѣвушки-участницы описываютъ этотъ обрядъ такъ:

. . . „На русалку выбира́ять дѣвку мото́рную. Косы ей распустять, одѐжу знимуть, на плечи тольки андаракъ ускинуть. И плятýть вяно́къ изъ васильковъ, хмелю, збрачакъ. Вянокъ большы́й. Нибизпрымѣнно, кажная рука плятѐ: кольки дѣвокъ ѐ, тольки и вяно́къ плятýть. Надѣнуть ёй, русалцы, етый вянокъ и вядýть у жыто. И пяю́ть, и барабанять у дошки, у заслонки, и огни па̀лять. Ну, прывядуть яе къ жыту и пихнýть у жыта; вянокъ знимають, андаракъ разрывають, и бягýть утика̀ть. А яна (голая) за ими, да ў ладки плѐща!"

Краснобудск. вол.

..."На другій день заговинъ на Пятровку, у понидѣлокъ, повечеравши, дѣвки собираятца на вулицы и въють вянки и пяють разныя всисновскія пѣсни. А тады выбираять одну дѣвку, расплетаять ёй косы, знимаять одёжу и надѣваять ёй вянкй—на голову̂, на шыю, на руки, и тагды вядуть яе у жыта и пяють:

Правядо́мъ русалачку да бо́ру,
А сами ве́рнамся да до́му,
Правядо́мъ русалачку у̂ щирый боръ,
А сами ве́рнамся къ батьку у̂ дворъ.

Пяють ета и скачуть. Якъ прывяду́ть ужэ русалку къ жыту, то у̂сѣ дѣу̂ки пихають яе у жыта, сами втякають, бяга́ть и крыча́ть: „Втяка́йма, втяка́йма отъ русалки!" Прыбяга́ть на то́я мѣста, дѣ плялй вянкй, и садятца и пяють послѣднiй разъ вясну̂, и скачуть. А тагды расходятца по дома́хъ". М. Носовичи.

..."Правялй мы русалакъ на тымъ тыжню, якъ загавѣли, у панядѣлакъ. У насъ ета такъ бувая: сабяро́мся у ячменя и сплятёмъ вянкй исъ кра̀сакъ, абй зь якихъ, а большы зъ василька. И каждая нясе́ свой вяно́къ къ мосту Пу́гачевъ (къ условленному мѣсту). Тадй исъ сало́ми, сь сярэдняга куля, зьдѣлаямъ якъ чалавѣка, унизъ кало́сься, а у̂верси каме́ль. Пасяро́дъ параввя́жамъ по́вясамъ (у каго́ е́ дира́вій, красный), а тадй павирэзуимъ шыю кру́гамъ, кала камле́й, тадй пахожа якъ галава̀. На ету галаву̂ завъя́жамъ за́въязку и надѣнамъ чапе́цъ. За́въязка вузломъ завъя́зана ззади и канцы висять ззаду ажъ да по́вяса. Тадй напрано́мъ юпку—кароткія армяки, що па тры хвасты ззаду. И руки дѣлаямъ: вйхватимъ зъ бако́у̂ па жмени саломи, да абкру́тимъ хустами, да паравъя́жамъ патъ пле́чы,— яны и стырча́ть. На шыю ху́стачку кра̀сьнянькаю завъя́жамъ. Андарака̀ ни надява́ямъ, тольки хвартушокъ красьнянькій сьпераду падвя́жамъ. Саломи нидэ ня видна, тольки вйдна лицо̀.

На галаву̂ кладо́мъ вяно́къ исъ кра̀сакъ. Дѣлаямъ ми ету русалку, абй дэ, ти у̂ двара́, ти у̂ гаро́ди. Дѣвакъ бува́я ти шэсть ти двана́дцать. Якъ зьдѣлаямъ, тадй кладо́мъ русалку у камо́ры ти у̂ сѣнцахъ на каравати, такъ пакладо́мъ, щобъ нихто яе ня тро́гау̂, по́ки стямнѣя. Тадй кладо́мъ кажная сабѣ вяно́къ на галаву̂, ко́сы распу́сьтямъ, бяро́мъ русалку падъ ру́ки и вядо́мъ яѐ на бугоръ. Тамъ усѣ за руки пабяро́мся, танка̀ паво́дямъ, и яна хо́дя зъ нами, а якъ сьтямнѣя, тади павядо́мъ яѐ па сялу̂ „плятьнёмъ". Дьвѣ пэрэдьнія дѣу̂ки стануть и падьнймуть руки, а самая задьняя идѐ имъ падъ руки и вядѐ за сабой усихъ про́тчыхъ. Тади етыя пярэдьнія падьнймуть руки, а идуть ужэ тыя, що стаяли. Во̀ й плятёнь. Якъ трошки давядо́мъ яе́ да жыта близка, тадй якъ пирну́ть яе сэрэдъ ниви, зъ адёжай, съ усимъ!... Тади бяга̀ть и крыча́ти, адна адну ляка́ти: „у̂тякайтя! русалка бяжыть, здаганя́я! якъ здаго́ня, заду́ша!"

И бягомъ аттуль трушка̀, такъ у половини сяла̀. Тади танокъ павбдямъ „Якъ у нашыхъ Юркавичахъ шырокая вулица"...

И идомъ спати. И ужо вяснў ня гука̀ямъ да налѣтьтя

Вянкй у дѣвакъ изъ василькбў, а у русалки аби́-зь-якихъ кра́сакъ, тольки любисьтику ня патрабля́ямъ. И жыта, та́ячка, уплята̀ямъ.

Якъ укинути русалку у жыта, такъ яна тамъ и прапада́а, бо ўся аде́жа на ей пага̀наа.

Якъ вядомъ на бугоръ, дакъ пяёмъ:

Павядў русалку изъ бору да бору,
Рана, рана, изъ бору да бору.
Изъ бору да бору, у зялёну дуброву—Рана, рана...
Ў зялёну дуброву, у ядрано̀я жыта,
У ядраномъ жыти, тамъ русалцы жыти.
Рана, рана, тамъ русалцы жыти!

Пакуль давяду́ть да бугра, дакъ усѐ туу самуу съ конца пяёмъ, идучы̆ плятнёмъ. А то ще пяёмъ у плятень „Сула-рэка".

Сула̀, Сула̀ рэ́ка чаразъ мо́ра тякла̀.
Дѣўка во́ду нясла̀.
„Ой, дѣўка, дявица, да напой муго́ каня̆,
Ти ня бу́дяшъ ты мая́!"
— Ня буду пайти, будя мянѐ мати бити,
Крапи́ўкаю да джыгўшкаю,
Ко́лкаю да игрўшкаю!

Прывъёўшы на бугоръ, бяро́мся за руки у кружокъ, и русалку бяромъ, и танокъ водимъ, и пяёмъ „Василька":

Ой, Василь жа мой, василёчакъ,
Василёчакъ, василёчакъ!
Березо́вый мой цвэточакъ,
Мой цвэто́чакъ, мой цвэто́чакъ!
Ча̀самъ тебэ̀ я садила,
Другимъ часамъ палива̀ла,
Трэтьтимъ часамъ сырыва̀ла!
Сарвў тьвято́къ, саўю вяно́къ,
Звиўшы вянокъ, пайдў ў танокъ.
А ў томъ танкў мой нялю́бій,
Мой нялюбій ў кобзу йграяя.
Яго кобза лубяная,
А смичо́чакъ изъ лычо́чакъ.
Яго̀ вочки заплюснулись,
Яго̀ но́жки падлами́лись,
Яго̀ ручки апусьти́лись,
Апусьтились, апусьти́лись!

Трэ̀йчы прапяёмъ, а тади вядо́мъ яѐ у жыта.

С. Юрковичи, Гом. у.
Отъ кр. Вусти Хведоровой запис. мною.

Въ с. Завидовкѣ, гом. у. русалкою бываетъ одна изъ дѣвушекъ и вѣнокъ только у нея. Когда русалка гоняется за дѣвушками, тѣ стараются сорвать у ней съ головы вѣнокъ. Этимъ кончается роль русалки. При житѣ дѣвушки жгутъ костеръ и прыгаютъ черезъ него. На этомъ же кострѣ сожигаютъ и сорванный съ русалки вѣнокъ.

Въ д. Дубровкѣ того же уѣзда всѣ дѣвушки надѣваютъ вѣнки и идутъ къ житу съ слѣдующими пѣснями:

На Граной нядѣли русалки сядѣли,
Рана, рана, русалки сядѣли!
Прасйли русалки у дѣвакъ сарбчакъ,
У дѣвакъ сарочакъ, въ маладицъ намѣтакъ:
„Дѣвачки, сястрычки, дайтя намъ сарбчки!
Хоть яны пласкбнны, щобъ булй дадбнны,
Хоть яны таўсьтеньки, щобъ булй бяленьки,
Рана, рана, щобъ булй бяленьки!

—

Правяду̂ русалку изъ бору да бору, (припѣвъ)
Изъ бору да бору ў зялёну дуброву,
Ў зялёну дуброву да й вярнусь да дому.
Я назадъ вярнуся, слязмй абальюся,
Рана, рана, слязми абальюся!

Подойдя къ житу, дѣвушки бросаютъ свои вѣнки въ жито какъ можно дальше, а сами поспѣшно бѣгутъ назадъ въ селеніе, чтобы русалки не догнали и не утащили въ рѣку или не защекотали до смерти. На слѣдующій день, во вторникъ, каждая дѣвушка идетъ снова къ житу, отыскиваетъ тамъ свой вѣнокъ и несетъ его на огородъ. Тамъ она разрываетъ его и осыпаетъ грядки. Отъ этого на капустѣ не бываетъ червей. Съ этого дня прекращается здѣсь пѣніе весеннихъ пѣсенъ по вечерамъ.

Іюнь.

12. День св. Онуфрія во времена уніи считался большимъ праздникомъ. Чтимыя иконы этого святого имѣются еще во многихъ бѣлорусскихъ храмахъ, но самый день уже не празднуется. Отмѣчается этотъ день тѣмъ, что съ него начинаютъ пахать землю подъ ярь и сѣять гречиху. Существуетъ поговорка: кто на Онуфрія посѣетъ гречь, тотъ будетъ блины ѣсть!

Такимъ же удачнымъ днемъ для посѣва гречихи считается и 13 іюня. Празднуемая въ этотъ день святая такъ и называется „Акулина-гречишница".

24 іюня—день Ивана Купалы. Ночь наканунѣ этого дня—ночь вѣдьмъ. Однѣ изъ нихъ улетаютъ черезъ трубу на Лысую гору за Кіевъ (около Ржищева) и тамъ пьютъ водку и гуляютъ съ чертями и колдунами, и учатся колдовать. Другія лѣзутъ въ избы дѣлать вредъ людямъ, и въ хлѣва—отнимать у коровъ молоко. Третьи идутъ въ жито и раздѣвшись до-гола собираютъ съ него росу и тѣмъ отбираютъ себѣ урожай. При этомъ они „скидаются" лягушками, сороками, кошками и свиньями. Чтобы предохранить себя отъ такого посѣщенія, крестьяне осыпаютъ хлѣва макомъ, на окнахъ и на воро-

тахъ хлѣвовъ вѣшаютъ колючій дѣдовникъ, проклятую осину, крапиву, Громничную свѣчу и травы, освященныя въ Троицынъ день, ставятъ у воротъ застланную скамью съ хлѣбомъ и солью, пишутъ на косякахъ дверей изображенія крестовъ дегтемъ, чтобы вѣдьмы не стерли, и т. п. Все это задерживаетъ вѣдьму при входѣ и она удаляется, не причинивъ никакого вреда; лишь съ досады кусаетъ повѣшенную Громничную свѣчу, и хозяева на утро не безъ трепета разсматриваютъ слѣды ея зубовъ. Также срываетъ скатерть со скамьи и сбрасываетъ хлѣбъ и соль. Лошадей также не выводятъ въ эту ночь на ночлегъ, потому что по землѣ бродитъ всякая погань и можетъ повредить лошадямъ. Кромѣ того, лошадями могутъ воспользоваться вѣдьмы, чтобы отвезти на нихъ домой отобранное молоко. Когда вѣдьма лѣзетъ во дворъ, обыкновенно подъ подворотню, хозяинъ легко можетъ ее увидѣть. Для этого надо сдѣлать изъ осиновыхъ однолѣтнихъ прутьевъ борону, поставить ее при стѣнѣ и спрятаться за нею. Тогда хозяинъ увидитъ вѣдьму, а она его не можетъ увидѣть за осиновой бороной. Бить вѣдьму нужно тоже осиновымъ коломъ и бить до крови, но только однимъ ударомъ. Если ударить вѣдьму нѣсколько разъ, тогда первая рана заживетъ и удары уже не причинятъ ей никакого вреда.

Во многихъ мѣстахъ наканунѣ Купалы крестьяне собираютъ извѣстныя травы и хранятъ ихъ въ теченіе цѣлаго года. Такія травы называются Ивановскими и считаются цѣлебными, но собирать ихъ должны только „старые и малые". Средніе же—„ни ў канцу вѣка, ни пры началу", и трава ихъ не имѣетъ цѣлебной силы. Въ иныхъ приходахъ собранныя травы даже освящаются въ церкви 24 іюня.

Существуетъ и извѣстная легенда о цвѣткѣ папоротника, но ему придается другое значеніе: обладатель цвѣтка дѣлается невидимымъ; цвѣтокъ отпираетъ и снова запираетъ замки, такъ что при желаніи владѣлецъ цвѣтка можетъ брать что угодно и откуда угодно.

Не такъ давно молодежь въ ночь на Купалу дѣлала изъ соломы чучело Мары̑ и съ пѣснями несла его за околицу, раскладывала тамъ большой костеръ изъ соломы, гнилушекъ, всякаго лома, хвороста и сожигала на кострѣ Мару̑. Когда Мара̀ догорала, присутствующіе прыгали черезъ огонь и пѣли пѣсни. Попов. вол., Гом. у.

Въ Покалюбичской волости Мару или Купалу (чучело) надѣваютъ на высокій шестъ и несутъ къ водѣ. Тамъ ее сбрасываютъ съ шеста въ воду.

Въ Сѣнненскомъ уѣздѣ „у ве́чира пиридъ Иванымъ дѣўки хо́дютъ у траву „у братъ-сяструˮ. Такая мода атъ старыхъ людей, спрадъ-вѣку". При этомъ поется пѣсня № 1 Бѣлор. Сб. II, 276.

На Йвана Купала!
У вы Йвана у варбо́тикыхъ,
Шэ́сьтира ко́ники́ў запрэ́жыныхъ и т. д.

Приносятъ собранную траву съ пѣснями домой и когда пастухъ пригонитъ стадо, часть травы даютъ коровамъ съ вечера, часть оставляютъ для нихъ на утро, а остальную разбрасываютъ по хлѣву. На ночь вѣшаютъ на ворота хлѣва борону,—„кабъ вѣдьма у патѣмкахъ прабилася, якъ будитъ лѣзьтъ къ каровамъ малако адбиратъ“,— Громничную свѣчку, косу—„кабъ абрэзылася“,—иголку и дѣдовникъ— „кабъ пакалолыся“. Конюхи на ночлегъ не ѣздятъ, а если гдѣ и поѣдутъ, то привязываютъ „жеребковъ“ къ своей будкѣ, — иначе вѣдьмы завладѣютъ ими и поѣдутъ на нихъ молоко отбирать, а отобравши повезутъ его домой и совсѣмъ замучатъ за ночь.

„Ноччы дѣуки, мальцы, мущыны маладэя и маладухи сабираютца у жытную зьмѣну, на выгынъ и пилнуютъ тамъ вѣдьмау, раскладаютъ тяпло, играютъ, скачутъ, пъютъ гарэлку, крычатъ, *пужаютъ атъ дярэуни вѣдьмау*“.

По пути къ житу поютъ пѣсни.

Утромъ даютъ коровамъ траву „братъ и сестра“ и пересыпаютъ улицу „мяленьнемъ“ отъ льна или отъ пеньки, которые мялись въ Чистый четвергъ. Чья корова при выгонѣ въ поле будетъ перепрыгивать чрезъ мялье или остановится около него, начнетъ его нюхать, разгребать копытами, бодать, и ревѣть, то это считается вѣрнымъ доказательствомъ, что ея хозяйка вѣдьма.

Предъ вечеромъ дѣвушки бросаютъ вѣнки въ воду, а на слѣдующій день идутъ смотрѣть, въ какую сторону ихъ вѣнки отплыли. Туда имъ и замужъ придется идти.

Д. Чудьки.

Въ с. Озеранахъ рогачевскаго уѣзда дѣвки и хлопцы собираются на то мѣсто, гдѣ будутъ костеръ класть, по заходѣ солнца. Приносятъ старыя корыта, поломанныя колеса, „можа, съ плоту палѣна зьнимутъ“ и раскладаютъ костеръ. Потомъ садятся вокругъ него и поютъ пѣсни:

Пашли дѣуки у лѣсъ па ягады,
Дѣуки дѣуку згубили...
Купала на Ивана,
Дѣ ты сягоньни ночь начавала...
Ай на гарэ цыгани стаяли...

А чый жа то лёнъ да ня поланый...
Разарвитя маё тѣла
Усё па мелкихъ па кускахъ...
Што Иванъ робитъ?
— Косы клепитъ!... и другія, напечатанныя въ Бѣлор. Сборн. вып. II, стр. 277—279.

Пропѣвши пѣсни съ припѣвомъ „Купала на Ивана!“—встаютъ, берутся за руки и, расхаживая вокругъ огня, по дорогѣ и по улицѣ, поютъ пѣсни безъ этого припѣва. „Якъ уси пѣсни пирапяютъ, тагды одно съ однымъ начнуть балаватца“.

Потомъ одна изъ дѣвушекъ идетъ въ село, беретъ на первомъ попавшемся дворѣ соху и приноситъ ее къ костру. Здѣсь всѣ присутствующіе берутся за соху, кто за обжи, кто за рогачъ, и начина-

ють опахивать кругомъ селеніе,—такимъ образомъ, чтобы правая рука пашущихъ всегда была въ сторону деревни. Огня при этомъ не несутъ, пѣсенъ не поютъ, но смѣяться и „гомонить“ можно. Понятно, что опахиваніе производится не непрерывной бороздой, а только урывками: „дѣ шкрабануть, дѣ нѣ. Нѣшта яны навалакуть?“ Опахавши такъ селеніе, подходятъ къ тому же костру, съ котораго начали опахиваніе. Одна изъ дѣвушекъ относитъ соху на тотъ дворъ, съ котораго она взята. Послѣ этого дѣвушки расходятся по своимъ дворамъ и приносятъ оттуда вѣнки, сдѣланные въ этотъ день (23 іюня) изъ бѣлыхъ круглыхъ тютюпановъ, изъ дробненькаго бѣленькаго купала, дивобрата, синихъ звонковъ, синей смолянки и др. Когда вѣнки будутъ принесены, присутствующіе раздѣляются на двѣ партіи и становятся по обѣ стороны костра, лицомъ къ огню. Къ дѣвушкамъ присоединяются и хлопцы. Начинается перекидываніе вѣнковъ надъ огнемъ отъ одной партіи къ другой. Если брошенный вѣнокъ схватитъ дѣвушка, она бросаетъ его снова обратно; если же вѣнокъ схватитъ хлопецъ, онъ обязанъ его разорвать. Такъ перекидываютъ вѣнки до тѣхъ поръ, пока хлопцы поразрываютъ всѣ вѣнки.

Послѣ этого, кто хочетъ, прыгаютъ черезъ костеръ. „Тагды дѣўки гуво́рать одна на'дну: „дѣўки, ходе́мтя думо́ў!“ И на хло́пцуў: „ходемтя думо́ў!“ Тяпло́ затўшуть, голове́шки закопа́ють и идуть думо́ў. А ўжэ день...“

От кр. Сырохвея Михайлова запис. мною.

Въ дер. Ивановкѣ Гом. у. „скрозь ночь агни кладуть кружка́ сяла̀, празъ цѣлаю ночь, пакуля ста́ня зара̀ займа̀тца. И ў каробку стукають, и крычать, и пѣсьни пяють. Дакъ вѣ́дьмы ба́ятца“.

Въ Сѣнн. у. дѣвки и мальцы катаютъ катокъ (колесо) по улицѣ. „А празъ гэта вѣдьмы мучутца“.

Въ Чериковскомъ уѣздѣ еще имѣются любопытные, которые уходятъ ночью въ лѣсъ и ложатся тамъ въ папоротникѣ, въ надеждѣ, что въ полночь папоротникъ расцвѣтетъ и тогда можно будетъ сорвать цвѣтокъ, чтобы постоянно носить его съ собою.

Въ Левковичахъ Быховскаго у. „мужыки (мужчины) усю ночь сьтирагўть жыта, штобъ ни прайшли вѣдьмы и ни сарвали кольки каласкоў. Тагды жыта пираста́ня рэсьть.“

Рвутъ траву „Купалу“ и вторкиваютъ въ щели въ хатѣ. Чья травинка не завянетъ за ночь, тотъ въ этомъ году будетъ здоровъ, а чья завянетъ, тотъ или умретъ или хворать будетъ.

Самымъ удобнымъ временемъ для начала покоса считается ночь на Купалу, и хорошіе хозяева обязательно пройдутъ одинъ-два покоса въ эту ночь.

Въ Батуни Быховскаго у. первыми приходятъ къ мѣсту костра дѣвушки. По пути онѣ зовутъ другъ друга и несутъ каждая по ношкѣ дровъ. На мѣстѣ дрова сваливаютъ въ безформенную кучу и зажи-

гаютъ. Дѣвушки садятся и начинаютъ пѣть. По окончаніи празднества, дѣвушки бросаютъ въ догорающій костеръ куделю, чтобы былъ урожай на лёнъ.—При возвращеніи домой дѣвушки убѣгаютъ впередъ и прячутся въ банѣ. Здѣсь онѣ прядутъ лѣвой рукой ленъ и выпряденными нитками перепутываютъ улицы отъ одной стороны къ другой. Когда пастухъ погонитъ по улицѣ скотъ, въ этихъниткахъ запутывается корова вѣдьмы, отнимающей молоко.

Въ другихъ деревняхъ этого уѣзда нитка прядется въ Чистый четвергъ.

Въ то время, когда женщины въ этотъ четвергъ мнутъ ленъ, чтобы собрать кострику для открытія вѣдьмы, сами вѣдьмы тоже мнутъ ленъ въ этотъ день, до восхода солнца и голыми, и кострику сыплютъ на улицѣ. Молоко первой коровы, которая пройдетъ по вѣдьминой кострикѣ 24 іюня, переходитъ къ вѣдьмѣ.

Послѣ того какъ женщины помнутъ ленъ въ Чистый четвергъ, мальцы берутъ изъ бани мя́лицу и обносятъ ее до восхода солнца вокругъ деревни. Отъ этого деревенскія дѣвушки не будутъ выходитъ замужъ въ чужія деревни, а повыходятъ за своихъ мальцевъ.

Д. Коцни.

Въ восточныхъ уѣздахъ Витебской губерніи въ ночь на Купалу хозяйки обкуриваютъ въ хлѣвахъ домашній скотъ Ивановскою травою и зажигаютъ Громничную свѣчу, чтобы вѣдьма не отняла молока, которое, какъ извѣстно, около этого времени дѣйствительно начинаетъ убывать.

Молодежь зажигаетъ костры на дорогахъ или на полѣ около ржи, прыгаетъ черезъ огонь и поетъ пѣсни. Хватаютъ изъ костра головешки, бросаютъ ихъ въ рожь и кричатъ:

Не йди, вѣдьма, ў маё жыта!
Я вѣдьму карчаўнёю, галаўнёю.

Спеціальными кушаньями въ Ивановъ день считаютъ постные сочни-лепешки и кула́га (см. выше, стр. 34). Къ этому дню приурочена и пѣсня:

„Кулага, кулага, идѣ ты бува́ла?“
— Бувала, бувала ў Мильля́ньки на дварѐ,
У Мильляньки на дварэ, у Ганульки ў рукавѣ!
„Кулага, кулага, што жъ ты тамъ видала?“
— Видала, видала—мисачка биле́нька,
Мисачка биленька, лыжычка чисьте́нька!

Раннимъ утромъ 23 іюня дѣвушки и молодухи цѣлыми толпами отправляются въ луга, поля и лѣса за Ивановскими цвѣтами и травами. Во время собиранія цвѣтовъ и травъ обязательно пѣть Купальскія пѣсни, въ противномъ случаѣ травы не будутъ имѣть цѣ-

лебной силы даже и по освященіи ихъ въ церкви. Каждая женщина старается набрать цвѣтовъ и травъ какъ можно больше, цѣлые снопы, причемъ предпочитаются травы: Иванъ и Марья, золототысячникъ, подстрѣлъ, росичка, купальникъ, звѣробой, центаврія, междуперстникъ, чистотѣлъ, повилица, Божій хмелекъ, Богородицыны слезки, заячья цыбулька, мокрица, а также аиръ, тростникъ и колосья ржи; онѣ обладаютъ наибольшею цѣлебною силою. Принесенныя въ домъ, травы ставятся въ холодномъ мѣстѣ до слѣдующаго дня, а затѣмъ, 24 іюня приносятся въ церковь и освящаются. Послѣ освященія онѣ сохраняются въ „божницѣ" и употребляются въ теченіе года при разныхъ болѣзняхъ—чарахъ, дурномъ глазѣ, напущеніяхъ и мн. др. Ихъ употребляютъ даже для предотвращенія громовыхъ ударовъ. Если кто заболѣетъ, хозяйка беретъ изъ божницы горсть Ивановской травы, разводитъ уголья на заслонкѣ или въ черепкѣ, молится Богу и святому Ивану и обкуриваетъ больного. Ивановскою травою обкуриваютъ также скотъ предъ выпускомъ его послѣ зимы въ первый разъ въ поле, 23 апрѣля, а также при заболѣваніи, прекращеніи у коровъ молока, при появленіи крови въ молокѣ, затруднительномъ растѣлѣ, когда овцы начинаютъ вертѣться и т. п. Этою же травою окуриваютъ домъ, хлѣва, амбары и другія строенія въ томъ случаѣ, если въ домѣ побываетъ человѣкъ съ дурнымъ глазомъ или вѣдьма, колдунъ. Когда наступаетъ гроза, хозяйка выгребаетъ изъ печи горячіе угли на загнéть и сжигаетъ на нихъ горсть Ивановской травы. Послѣ этого по вѣрованію крестьянъ громовой ударъ не разразится надъ домомъ. Въ ночь предъ Иваномъ, вѣдьмы, колдуны и нечистая сила выходятъ изъ своихъ трущобъ и охраняютъ клады, посѣщаютъ скотные дворы, на которыхъ отбираютъ молоко; забираются въ помѣщенія молочныхъ скоповъ,—ледники, погреба,—снимаютъ тамъ сливки и сметану, отчего молоко дѣлается рѣдкимъ, залѣзаютъ въ амбары и дѣлаютъ хлѣбъ неспорымъ; дѣлаютъ на хлѣбныхъ поляхъ заломы, чтобы у жницъ ломило ноги, спины и руки, а у тѣхъ, кто будетъ ѣсть хлѣбъ съ такой нивы, дѣлались корчи; дѣлаютъ прожины, чтобы хлѣбъ былъ не умолотенъ и т. д. Многіе хозяева берутъ у причта воду, которою освящаются эти травы и окропляютъ ею свои нивы. Относительно добыванія цвѣтка папоротника здѣсь существуетъ требованіе, чтобы ночующій въ лѣсу любитель былъ непремѣнно голый—иначе цвѣтокъ не дастся въ руки.

Изъ множества Купальныхъ пѣсенъ привожу здѣсь нѣкоторыя.

Могилевская губ.

Ишла Купала сялóмъ, сялóмъ—
Купала на Йвана!
Закрыўшы вочы пярóмъ, пярóмъ!
Стали люди дивитися,
Стала Купала сварытися:
„Якія вы люди диўныя, диўныя!
Я жъ бачыла надьдиўнѣй тагó:
А ў балóти на калóди, на калóди,

Тамъ висна́ красна кро́сны ткала,
А ракъ-нибара́къ цэ́уки сучы́ў,
Цэ́ўки сучы́ў няньковыя,
На красе́нцы шаўко́выя.
А пло́тачка скача, нито́чки вя́жа,
А камаръ пищи́ть, ваду́ тащи́ть,
А мядьвѣдь рыка́я, дро́вы руба́я,
А муха вару́ха абѣдъ ва́ра,
А мышка на палицы крупки дярэ,
А кошачка ў луко́шацы пачы-
[начки ўе,
И ва ўсёй хатцы пара́дакъ иде́!

—

Каго́ нѣту на вячэры,
Лиха на яго ки́шки, на пячэ́ни!
Рыго́рка пяшко́мъ ни выхо́дить—
Купала на Йвана!
А на ко́нику выижжа́ить,
Кабъ яго дѣўка любила,
А теща пахвали́ла,
Теща хвалила, пирогъ дала,
Дѣўка хвалила, замужъ пашла...
Купала на Ивана!

—

Падъ ду́бамъ, падъ дубо́чкамъ,
Тамъ сядѣла галу́бачка,
Залатая гало́вачка.
Туды бъ ишбу́ Аляксѣйка,
Узяў тую галу́бачку
И падсадиў падъ ша́пачку,
И панёсъ да та́тачки:
„Пазволь, тата, жани́тися
Изъ е́стаю галу́бкаю!“
— Ты щэ́ мо́ладъ, ня ў ро́зуми!
„Татачка мой родьнинькій!
Якъ мо́ладъ ажанюся,
Боли ро́зуму набяру́ся!
Купала на Йвана!

—

Ва'рэ́хавомъ ку́сьти
Сяргѣйка каня пасе́,
А дѣвачка ваду́ нясе́.
„Ты дѣвачка, я́гадачка,
Напой майго́ каня,
Майго каня варано́га,
Мяне́ парня маладо́га!“
— А Сяргѣйка маладе́нькій.
Пачомъ жа ты мяне́ зна́ишъ,
Што ягадкай называишъ:
Ти я ў лѣси радилася,
Ти на'бло́зи зацвита́ла
Ти на мяжэ́ дасьпива́ла?
Радилася я ў та́тачки,
Гадава́лась у ма́мачки,
А табѣ, малайцу, заста́лася.

—

Закуры́ўся тихій дро́бинъ до́ж-
[джыкъ
Да па чы́стаму полю,
Зажуры́ўся мой татачка родный
Да па маёй горкай доли!
— Ни курыся, тихій дробинъ
[дождж ыкъ,
Да па чыстаму полю,
Ни журыся, мой татачка родный,
Да па маёй го́ркай доли:
Кали буду я Богу уго́дна,
Дакъ ня буду гало́дна!
Кали буду я у Бога щасна,
Я й ня буду пищасна!

Д. Коцни. Отъ Лукерьи Яковлевой.

—

Да и ў лузи па бе́рагу
Тамъ мой татка вяче́рая,
Заве́ мяне́ вяче́рати.
А я жъ ужо́ вяче́рала,
Да го́ркаю малиначку,
Сало́дкаю калиначку.
— Ни ўгадала, маё дитя,
Што горкая, што сало́дкая:
Салодкая малиначка,
А горкая калиначка!

—

„А йдѣ жъ ты, Купала, зиму-
[ва́ла?“
— Зимувала я ў крыницы,
А лѣтавать буду на вулицы,

Зъ малады́ми рабя́тами,
Съ красными ди́ўча́тами,
Съ палкавы́ми салдатами!

С. Хоново.

—

Купала Ивана на игру звала:
„Ой, хади́, Ивана, на Купала!
Съпяёмъ табѣ тры пѣсяньки:
Перваю сьпяёмъ—Бога ўспамя-
[нёмъ,
Другую сьпяёмъ—Прачы́стаю,
Трэтьтяю ўспамянёмъ вѣдьму
[праклятаю:
Кабъ па по́ли ни лята́ла,
Ядро́нага жыта ни ламала,
У каро́ў малака ня'тбирала!
Кабъ па вулицы ня лята́ла,
Малыхъ дѣтакъ ня ўракала!

—

У чы́стамъ поли па загуме́ньни
Хо́дя голубъ изъ галуби́цаю:
У голуба сизая галава́,
А галубица уся такава!
Якъ убачыў да хадяинъ сь ти-
[рама́:
„Кабъ жа мая хадяичка такава,
А я жъ бы ёй и паловы [1]) змало́ў,
Я жъ бы ёй и вячэрать зварыў,
Я жъ бы ёй и дѣтачакъ пакармиў!

С. Чигиринка.

—

Туманъ, туманъ па дали́ни,
По́рахъ, по́рахъ па даро́зи.
„Хто той по́рахъ парассы́паў?"
— Стральцы́, байцы́, ўсё Кура́-
[каўды (деревня).
„Каго жъ яны застрэлили?"
— Забили кошку у лукошку,
Кошку ў лукошку съ катинят-
[ками,
Мышъ у клѣти зъ мышанятками!..

Туманъ, туманъ па дали́ни,
По́рахъ, по́рахъ па даро́зи.
„Хто тэй порахъ парассы́паў?"
— Стральцы, байцы, ўсё Сыр-
[щани (деревня).
„Каго́ жъ яны́ застрэлили?"
— Забили лося и ў гаро́си,
Лося ў гароси зъ ласинятками,
Мядьвѣдицу ў лѣси зъ мидьви-
[динятками.

Д. Сырскъ, Рогачев. у.
Отъ Марьи Самсоновой зап. мною.

—

У Купа́лачки три дачки́ —
Купала на Йвана!
Адна дачу́шка бѣла—румяна,
А другая тонка—висо́ка,
Тро́тьтя дачу́шка тоўста-гарбата.
Бѣла-румяна пирямы́итца,
А тонка-висока пирялю́митца,
Тоўста-гарба́та бу́дить бага́та!
Купала на Йвана!

—

У Иваньки въ варо́тикахъ
Тройка ко́ній запрэжына, 2
Паѣдити жани́тися.
Удо́ўку вязу́ть, коники ирзу́ть,
Дѣти плачуть, ѣсьти хо́чуть,
Ади́нъ ка́жыть: тата, папы!
Другій ка́ить: тата, хлѣба!
Трэтьтій каить: и мнѣ трэба!
У Иваньки въ варо́тикахъ
Тро́я ко́никаў запрэжына, 2
Паѣдити жани́тися.
Дѣўку вязу́ть, ко́ники рзуть,
Музы́ки йграють, дѣўки гуляють!
Купала на Йвана!

—

[1]) Невѣянный хлѣбъ, бывшій здѣсь во всеобщемъ употребленіи при крѣпостномъ правѣ.

Идѣ жъ ты, Купала, ночь начивала:
Ти зь Микитымъ надъ карытымъ,
Ти сь Тимошкымъ надъ лукошкымъ?
— Ни зь Микитымъ надъ карытымъ,
Ни сь Тимошкымъ надъ лукошкымъ, —
Начивала ночку на зилёнамъ лужочку?
„Што жъ ты, Купала, ды вячерила?“
— А вячерила рыбку съ перцамъ,
Рыбку съ перцамъ, кашку съ алейцамъ,
А варéньнички съ чорнымъ макымъ!

—

Ясь на вайну паѣхаў, Ясь Марусю пакинуў,—
Пріѣхаў къ Марусиньки да казакъ маладый.
Марусинька уснула, Ясь пріѣхаў—ни чула.
„Марусинька, душынька, хто ў тябé ў камбры?“
— Хто у мянé ў камбры?—а тамъ старицъ убогій,
А тамъ старицъ убогій, ёнъ бязрукій, бязногій!
Вялю старца падарить и съ камбры выправить,
На ганачку станить, на коника сядить,
Шапачку зьнимить, на конику сьвисьнить,
Саижджаить сы двара: „Бывай, Маша, здарова!“

Чериков. у. Зап. г. Аникіевичъ.

Минская губернія.

Якъ у нашамъ у гораду праявилася дива,
Праявилася дива—удовушка малада.
Парадила удава да трохъ сыноў сакалоў, 2
Парадиўшы ина, на тихъ Дунай отнисла:
„Эй ты, тихинькій Дунай, калышы маихъ сыноў,
А ты щука рыбина, ты гадуй маихъ сыноў,
Ты гадуй маихъ сыноў да дванадцати гадоў!“
Ни хадила удава дванадцать годъ па ваду,
На трынадцатый годъ пашла ўдава па ваду.
Ўдава вадицу бярéть, карабъ къ берыжку плывéть.
Што бъ у томъ-жа карабли тры бѣлянькихъ малайцы:
Адинъ вясельцамъ грабéть, другій пѣсянки пяéть,
Трэтій сядить на далу, сватаитца за ўдаву:
„Ўдовушка малада, а ти любишъ ты мянé?
А ти любишъ ты мяне, да ти пойдишъ за мянé?
— А я тябé ни люблю, ды й за тябé ни пайду,
Я за тябé ни пайду, сваю дочаръ выдаю!
Да ў суботу сватали, а ў нядѣлю звиньчали,
А ў нядѣлю звиньчали, ў панядѣлакъ спать клали.

Пытаитца дятина: аткуль рбдамъ дяўчына?
— Изъ Кіява папбуна, па батюшку Йванаўна!
Пытаитца дяўчына: аткуль рбдамъ дятина?
— Изъ Кіява папбвичъ, па батюшку Йванавичъ!
„Багдай папы прапали, што сь сястрою звиньчали!
Багдай мати прапала, што сь сястрою спать клала!
Якъ Богъ мяне засьтярбгъ, што сь сястрою спать ня лёгъ!
-- Пбйдимъ, сяcтра, у лажбкъ, утопимся съ табою!
Вада кажыть: ни прыму! Вална кажыть: выкину!
— Пбйдимъ, сяcтра, ў тёмный лѣсъ, да ськйнимся травбю.
Мы травою такою, што братынька сь сястрбю.
На Ивана раниныка прыдуть дѣўки травы рвать,
Прыдуть дѣўки травы рвать, будуть пѣсянки сьпивать,
Будуть пѣсянки сьпивать, насъ съ табою паминать:
А вд тая травица, што братынька й сястрыца!
На братыньку жоўтый цвѣтъ, на сястрыцы синянькій.

М. Заславль. Ср. Бѣл. Сб.
вып. 1, стр. 13.

Виленская губернія.

Пирадъ Пятрбмъ пятымъ дьнёмъ
Разгуляўся Юраў конь,
Разбиў камнць капытбмъ.
У камяни агня нѣтъ,
У мальчакаў праўды нѣтъ.
Пирадъ Пятрбмъ пятымъ дьнёмъ
Разгуляўся Юраў конь,
Разбйў арэхъ капытбмъ.
А ў ва рэшку ядро ёсьть,
А ў дѣвачакъ праўда ёсьть!
Ваша, мальчыки, нядбля:
Ганйтя кошакъ у пбля!
Усѣ кошки шэрыя,
Адна кошка падласа,
Й тая мальцамъ пакраса.

—

Сягбньня Иванъ, заўтра Янъ,
Будить лиха, мальцы, вамъ!
Будить лиха лихбя —
Пагбнитя кбшакъ у пбля:
„А псикъ, а псикъ, кбшачки,
Павадирали вбчачки!
Кабъ ни нашы дѣвачки,
Дыкъ выдрали бъ зрэначки!“
Дѣўки кбшакъ дайли,
Мальцамъ вбчы гайли.

—

Якъ я ў зёлачки пашла,
Я шъ сабѣ журбў нашла,
Свёкарку зласьлйвага,
Свякрбўку дудлйваю,
Милага журлйвага,
Дитятку плаклйвага!

—

Дѣўки зёл-а-ки зьбирали,
Ды зьбирали, ни знали,
Ды да'хвицэра [1]) паслали.
Ахвицэръ ни разпазнаў,
Да'хвицэрахъ [2]) атаслаў.
Ахвицэраха спазнала:
„Гета шъ купъ-купена,
Дявбцкая ружуваньня,
Мальцбўская каханьня!

Д. Заулки. Нѣкоторыя помѣщены въ вып. VII Б. Сб. 28—29.

---

[1]) Вар. м. Краснаго: Да пана Купала паслали.
[2]) Да пани Купалки паслали.

Сядить Купала на плоти,
У яго галбу́ка у злоти,
Про́ся у Бога пагоды:
Дай жа, Божа, пагоды,
Ня сягбдьняшнію но́чучку вя-
[селую, —
Гдѣ музыки играють,
Гдѣ дѣвачки сьпиваюць.

М. Красное, Вилейск. у.

Витебская губернія.

Чарвоная рожа, ня стой пры даро́зи,
Ня стой пры дарози—хто йде́ть, тотъ лымаить,
Дяды йдуть—лымають сабѣ ны барбды,
Бабы йдуть—лымають сабѣ ны памёлы,
Дѣу́ки йдуть—лымають сабѣ ны вяночки,
Мальцы йдуть—лымають сабѣ ны кіечки.

—

Кыманица зилиная, маладица маладая,
Чаму́ ня йде́шъ на вулицу на шыроку?
— Якъ жа мнѣ йти на вулицу на шыроку —
Свёкарь кажыть: мядьвѣдица!
Свякрова кажыть: пахму́рница!
Девирь кажыть: щикату́ха!
Залбу́ки кажуть: зилянуха!
Мужыкъ кажыть: жана маа, душа маа:
Ня ўмѣла ты атказати:
Мядьвѣдица ў тёмнымъ лѣси,
Пахмурница—тёмная ночка,
Щикату́ха—сарбка ў лазѣ,
Зилянуха—трыва ў лугахъ.

Д. Синицы, Вит. у.

Ай ву́лица, вулица, шырокыя,
А травушка, травушка, зялёныя!
Хто шъ ета такъ вулицу вымитаў,
Хто шъ ета такъ траўку вы-
[тыптаў?
Тыптали папе́нки бушмычками,
А ў ихъ косы прычо́саны,
Грабёнычкими прытбркыны!

(А парни поють):

Ай вулица, вулица, шырокыя,
А травушка, травушка, зялёныя!
Хто шъ ету траўку вытыптаў?
А тыптали мальцы атопкыми:
За атопкыми ячмень расьтёть,
А зы кысами гниды тбчуть!

С. Поддубье, Вит. у.

—

Марья Ивана на вулицу звала:
„Пойдимъ, Иванъ, кыла жыта,
Кыла жыта, глядѣть жыта:
Чіё жыта, идряниста, кыласиста?“
— Микишкина жыта идряниста,
[кыласиста:
Пара яму́ пива варить,
Пива варить, сына жанить,
Гарэлку гнать, дачку ддавать!

—

А хто жъ у насъ ни жынатъ
[ходить?
— Сяменька ў насъ ни жынатъ
[ходить:
Ёнъ браў хмялёкъ у сьвятый дя-
[нёкъ,
Саладиў солыдъ на пиреклити,
Мыў катлы на синимъ мори,
Сушыў бочки на соўнушки.
Доля яго нищасныя:
Козы, воўцы хмель паѣли,
Куры, гуси солыдъ паклювали,
Моря катлы патапила,
Соўнцымъ бочки пыщапила!

—

На Йвана рана соўнца играла,
Красавица ваду брала,
Рызмахнула, пычарпнула,
Сама млада утанула.
Ни родныя мамка йщить:
„Мнѣ ни жалка дочки, што ўта-
[нула,
Тольки жалка злата-серибра:
Дачка была и будить,
Злата-серибра ни будить!“
На Йвана рана соўнца играла,
Красавица ваду брала,
Рызмахнула, пычарпнула,
Сама млада утанула.
Родная мамка дочки йщить:
„Мнѣ ни жалка злата-серибра,
Тольки жалка дочки, што ўтанула.
Злата-серибра было й будить,
А дочки ня будить.

Д. Синицы.

—

У гароди бярёзычка,
На бярёзи зязюличка,
Такъ кукуить, быть гаворить:
Сьвякровухна за люлиньку,
Нявѣстухна за пивыньку!

—

Купалинка, ночь малинька,
Тёмная ночка, гдѣ тваяя дочка?
— Мая дочка у садочку,
Рожу полить, бѣлы ручки колить,
Цвяточки рветь, вяночки ўеть.
Усимъ дѣўкамъ па вяночку,
А мальчыкамъ па цвяточку,
Старымъ дидамъ па кіечку,
А старушкамъ па чепчику,
Маладушкамъ па хустачки.

—

На нашый вулицы три уроды
[урадилась:
Першыя урода—баббвыя пуза,
Другая урода—вязовыи ноги,
Трэтія урода—шаўковыи кудры.
А ў нашыга Йваньки бабовыя
[пуза,
У нашыга Грыгорки вязовыи
[ноги,
У нашыга Петрычка шаўковыи
[кудры.
Баббвыя пуза куры раздзюўбали,
Вязовыи ноги козы абглыдали,
Шаўковыи кудры дѣўки разчы-
[сали.

Д. Дервяги, Вит. у. Отъ кр. Зиновіи Алексѣевой запис. Е. Соколовская.

—

Купалинка, ночь малинька!
Купалася двѣ сястрицы, двѣ родниньких,
Купалися, гаварили: ўмѣсьти расли, розна зайшли!
Купалинка, ночь малинька!
Купалася три нивѣстки, три нивѣстки,
Купалися, гаварили: розна расли, ўмѣста зайшли.

—

А на Йвана сонца йграла.
Красная дѣўка ваду́ брала,
Биря́ ваду́, утану́ла.
Хо́дить, йщить лиха мачиха:
Ни жаль-жа мнѣ таго̀ дитя,
А жаль-жа мнѣ то́нкага платьтя.
А на Йвана сонца йграла.
Красная дѣўка ваду́ брала,
Биря ваду́, утанула,
Хо́дить, ищить ро́дная мамка:
Ни жаль-жа мнѣ тонкага платьтя,
А жаль-жа мнѣ таго̀ дитя.

—

Ли даро́ги, ли шуро́кій,
Стайть шатёръ мулюва̀ный,
А ў тымъ шатрэ̀ шаўцы̆-краўцы̆,
Шы̆ють шубку Аляксѣйку,
Що́ўкамъ шыють, сукномъ кры-
[ють.

—

Дымъ па по́лю дыму́итца,
Пылъ па даро́ги пылу́итца,
Князь Ляксѣйка ваю́итца.
За имъ пасль̆і па два, па три:
„Вярни́сь, вярнись, князь Ляк-
[сѣйка́:
Твая̀ жына̀ сына ради́ла!“
— Я ли сына ни вярну́ся:
Мой сынокъ—дваро́вый гасьтёкъ!
Дымъ па полю дыму́итца и. т. д.
„Вярнись, вярнись, князь Ляк-
[сѣйка:
Твая жына до́чку ради́ла!“
— Я ли дочки я вярну́ся:
Мая̀ до́чка—дальнія го́сьтя!

—

Я ў пя́тинку садъ садила,
Я ў субо́тку палива̀ла,
Я ў нидѣльку защипала,
Защипаўшы, вянокъ звила,
Звиўшы вянокъ, пашла̀ ў танокъ.
За мной иде́ть мой нялюбый:
Ёнъ на минѐ гля́нить,
Ва мнѣ серца ны̆ить,
Мой вянбчикъ вя́нить!
Я ў пятинку садъ садила.
Я ў суботку паливала,
Я ў нидѣльку защипала,
Защипаўшы, вяно́къ звила,
Звиўшы вянокъ, пашла̀ ў танокъ.
За мной иде́ть мой милинькій:
Ёнъ на мине глянить,
Маё серца радасьнѣить,
Мой вяночикъ зилянѣить.

—

Якъ падъ гаимъ зялёнинькимъ,
А тамъ дѣўка лянокъ бра̀ла,
Биря̀ лянокъ, гавари́ла:
„Зиме́линька ты чорная!
Нашто ўзила̀ маю мамухну
[ста́ринькую?
Вазьми минѐ маладе́нькую!“
— Дуракъ дѣўка, ниразумная!
Ўзя́ўшы тибѐ,—ты гнить будишъ,
Долю да̀ўшы—ты жыть будишъ!

—

А хто-жъ у насъ ни жанатый,
[барадатый?
— Аликсандра ни жанатый, ба-
[радатый!
Доля яго̀ нищасная,
Дѣўка яго̀ ни красная!
Нихай доля пащаснѣить,
Нихай дѣўка пакраснѣить.

—

„Ты вулица шурокая,
Ты мурава зялёная!
Хто жъ тибѐ, вулка,
Стаптаў, схади́ў?“
— Стапта̀ли минѐ красныи дѣў-
[ки Бабиницкіи!
„А чимъ жа яны тапта̀ли?“
— Башмачками казло́выми,
Панчо́шками бялёвыми,
Падвя́сками шаўко́выми!

—

А хто шъ у насъ да дѣвакъ ласъ:
Курѐй крадить,
Падъ печъ сбдить,
Съ-падъ печки бирéть,
Дѣўкамъ даéть:
Курки рябки, дѣўки гладки!

—

„А хто у насъ стрилéцъ, баéцъ?"
— Сиргѣйка ў насъ стрилецъ,
[баецъ:
Забиў сарбку сярёдъ току,
Надраў сала откуль яйцы клала,
Надрáў лою падъ нагбю!

Бабиничская вол., Вит. у.
Зап. кр. Кондратьевъ.

—

Ны гарѣ купаросъ росъ,
Тамъ цортъ мáльцыў
Зы хахблъ трёсъ.
Пришли дѣвыцки глядѣть,
Ти харашò мáльцыў
Цортъ трясéть.

—

Пайду млыдà па вулицы,
Буду искать дѣвыкъ, жоныкъ.
Ни знышлà я дѣвыкъ, жбныкъ,
Только знышла мужукбў кыра-
[гбдъ.
Завўть мянѐ съ сабой гулять.
Ни пайду я зъ вамъ гулять:
Воръ ны гарѣ и мужъ у дварѣ,
Мужъ у дварѣ и грыза ў клѣти,
Грыза ў клѣти ряммённыя.

—

Мидуни́ца мидавàя,
Мыладúца мылыдàя,
Цамў ня йдешь на вулицу?

Якъ жа мнѣ йтить на вулицу:
Бѣла пайти́ть, скажуть—курва!
Цбрна пайтить, скажуть—дýрна!
Свёкыръ кàжыть: мядьвѣдица!
Свякрбва кажыть: щикатýха!
Залоўка кажыть: зилянýха!
Девирь кажыть: пахмýрница!
Мой мужъ кажытъ:
Жына мыя̀ милая!
Ня ўмѣла ты аткàзывыть:
Мядьвѣдица ў тёмнымъ лѣси,
Щикатýха—сарбка ў лузи
Зилянýха—траўка, мураўка,
Пахмурница—грозныя тýца!

(Почти буквально поется и
въ Витебскомъ уѣздѣ).

—

Збря мыя̀, зыря́ныцка!
Узуйди̂ рáна, пастбй пбзна,
Пакуля̀ я убярýся,
Убяруся, умятýся:
Дворъ умятў салбмыю,
Столъ зыстялю рагбжыю,
Купки нальлю клюцавэ́й вадóй.
Будуть ка мнѣ два гбсьсики ня-
[любыи:
Первый госьсикъ лютый свёкыръ,
А другая госься лютыя свякрбва!
Збря мыя, зыряныцка!
Узуйди̂ рана, пастой позна,
Пакуля я убяруся,
Убяруся и ўмятýся:
Дворъ умяту мятёлушкый,
Столъ зыстялю скàтиртiю.
Купки нальлю зилянымъ виномъ.
Будуть ка мнѣ два гбсьсики
[любыи:
Первый госьсикъ рбнный татка,
А другая госься рбнныя мамка.

—

Царвбнныя Рожа и жолта, пругбжа.
Рожу мамка била, на вулку ни пусьси́ла:
„Ня йди, курва, на вулку, ня стой съ Кузьмомъ пбплицъ,
Ни дывай Кузьмѣ руцку, ни миняйся на пéрьсени!"

— Сястрицы-дявульки, схадитя вы къ Рожы,
Скажытя вы Рожы: Кузьмю дома нѣту!
Паѣхыў Кузёмка ў новый гырадоцыкъ.
Таргѝ тургувати и пярьсни зыкупати,
Пярьсни зыкупати, дѣвыкъ дурувати (даровать).
Прибраўся Кузёмка, ў дявоцкыя платьтя.
Вышла Рожа на вулку, стала съ Кузьмомъ поплицъ.
Дыла Кузьмѣ руцку, пуминялысь ны перьсни.
Рожу мамка клицыть.
Атклинкнулыся Рожа ў канцы цыстыга поля:
А жжы мянѐ, мамка, у третьтій гадоцыкъ,
У третьтій гадоцыкъ съ красныхъ яецкымъ,
И зъ бѣлинькимъ сырцымъ,
И зъ малинькимъ сынцымъ.

—

Купала, Купала, семъ мальцыў прыпала,
А на тоя мѣста семъ дѣвыкъ васкресла!
Зы стянóю кымяннóю прыржаў кóня варониинькій:
Дыстаўся я ни хызяину:
Стóила маё ня метина, морда мыя ня муздына,
Грива мыя ня цэсына, спина мыя ня сёдлына!
Зы стяною кымяннóю прыржаў коня варониинькій:
Дыстаўся я хызяину:
Стóила маё падмéтина, морда мыя замуздына,
Грива мыя пацэсына и спина мыя засѣдлына!

С. Будница, Велижскаго уѣзда.
Отъ кр. Домны Мухиной зап. Ѳ. Т. Филипповъ.

Здѣсь, кромѣ костра, парни въ эту ночь жгутъ старое колесо, облитое смолою, или бочку изъ-подъ дегтя, высоко поднявъ ихъ на жердяхъ.

—

Сягóньни Купала, а заўтри Ясь,
Пагóнють мальцы кóшыкъ пась.
Кошки на ёлки скакали,
Мальцы на кóшыкъ брихали:
„Лѣзьтя, кошки, далóўки,
Намъ нада итй дамóўки.
Будимъ васъ, кошки, дайть,
Будимъ дѣвыкъ кармить!“

—

„Купалинка, тёмная ночка,
А гдѣ твая дочка?
— Мая дочка у садочку,
У садочку гряды пóлить,
Рожу щиплить, вянóчки ўеть.
Вяночки звиўшы, ны галóўку [кладéть.
Ны галóўку ўсклаўшы, на вулку [идéть.
А на дѣўки вянóкъ вянить,
У маладцá сéрца ныить.

С. Казаково, Вел. у.

—

Кругло̀ маё по́ля, кругло̀, нивяли́ка,
Кругло̀, нивялика, на ёмъ я́гыдъ мно́га.
Пайду̑, пугуля́ю, ягыдъ пубира́ю, —
И спѣлыхъ, и здрѣлыхъ жыляпу́шыкъ бѣлыхъ.
Пайду̑, пугуляю, ягодъ пубираю:
Спѣлки у̑ рукаво́цыкъ, здрѣлки у̑ кишанёцыкъ,
А жыляпу́шки у пя́стку.
Я спѣлыи та̀тки, а здрѣлыи ма̀мки,
Жыляпу́шки свёкру, цвято́цки свякро́у̑ки:
„Ѣшъ, татка, жывися, ѣшъ мамка, сытися,
Ѣшъ, свёкырь, дави́ся!

—

Ива̀нъ мыладе́нькій, ня стой ныдъ рякбю,
Ни мыха̀й рукою, ня бы́ть зы табо́ю,
Ня быть зы таббю, ня слыть мнѣ жанбю!
Кали̇̀ хошъ мине̇̀ у̑зя́ти,
Сули̇̀ майму̑ татки, праси̇̀ маю мамку.
Сули майму татки карбу̑ку бурёшку,
Аве́цку кысма́шку, а козку даёшку,
А козку даёшку, кыня̀ исъ павбскый,
Семъ рублей ны винецъ, тагда свадьби кане́цъ.

—

Вы́йду за варо́ты, ударю у̑ ладони!
Звани̇̀ зашумѣли, серьги забризча̀ли,
Серьги забризчали, кра̀ли заблюща̀ли!
Свёкырь улякну́у̑ся, татка усмяхну́у̑ся.
„Ни у̑лика̀йся, свёкырь, ня ты мине̇̀ вы́дыу̑,
Ни свякрова сурижа̀ла:
Вы́дыу̑ мине татка, сурижала мамка,
Зъ быга̀тыга двбру, зъ висбкыга те́риму!“

С. Узкое, Вел. у. Зап. Т. Модзалевская.

Дубравушка зилина́я,
Чаво̀ рана зашумѣла?
— А якъ жа мнѣ ня шумѣти:
Буёнъ витёръ павива̀итъ
Мокрый дожжыкъ палива̀ить!
Маладая дяу̑чбнычка,
Чаво жалка запла̀кыла?
— Я якъ жа мнѣ ня плакати:
Были́ сваты далёкіи, багатыи,
А у̑ суботу зъ гарѣлычкай,
А у̑ нядѣльку за дѣвачкай.

—

Василёчки барав́ыи, зилян́ыи,
Гдѣ вы расли́, гдѣ вы цвяли́?
— А мы расли при́ дбжжыку,
А мы цвяли́ при сбу̑нику!
Маладая дяу̑чы́начка,
Гдѣ ты расла̀, рбзумъ мѣла?
— А я расла у батюшки,
Розумъ мѣла у матушки,
А я расла—куха́лася,
А мальчи́шычки даста̀лася!

—

Милà я дворъ мятёлачкай,
А я стану, паслу́хаю.
Што батька пра мяне́ гавóрить:
Аддáмъ дачкѣ каня́ варанóва
Варанова — маладóва.
Мила я дворъ мятёлачкай,
А я стану, паслухаю,
Што пра мяне́ мати гавóрить:
— Я аддàмъ дачкѣ сундукъ но-
[вый,
Сундукъ новый, акувàный,
Акуваный, маливàный,
Маливаный, гутувàный.

—

У барку́, барку па виряску́
Лижàть бру́сiйка тясóвыи.
Ийшлà, прайшла дяу́чóнычка,
За ей ззаду мальчи́шычка:
— „Пастóй, пастóй, дяу́чóнычка,
А я табѣ нѣшта скажу́:
Што на Рóжтва рошъ зацвилà.
— А нипрàу́да, мальчишычка:
Я тамка была, цвяткѝ рвáла,
Цвятки рвала, вянóкъ плилà!
У барку, барку на виряску́
Ляжы́ть бру́сiйка тясóвыи.
Ийшóу́, прайшóу́ мальчишычка,
За имъ ззаду дяу́чóнычка:
„Пастóй, пастóй, мальчишычка,
А я табѣ нѣшта скажу́:
А што на Питра быу́ марósъ.
А быу́ марóсъ—Дунай замёрсъ!"
Ай нипраýда, дяу́чóнычка:
Я й тамка быу́, каня́ пайу́,
Коня пайу́, вядрóмъ налйу́,
Вядромъ налиу́, бóтамъ праламйу́.

—

Чиризъ боръ зялёниныкiй
Бяжы́ть коникъ варóниныкiй,
За тымъ канёмъ пагóнъ бяжы́ть,
Малóдиныкiй Михàлачка,
На пярéйму Ульянача:
„Ульяначка, душа мая́!
Пиряйми́ майвó каня́,
Каня́ майвò варанóва,
Мяне́ князя маладóва,
Майвò каня пигáтава.
Мяне́ князя багáтава!"
— Я бы рада пиринять,
Атéцъ-мати ни вилять!
„Ульяночка, душа мая́!
Ты ня бойся никавó,
Апри́чь Гóспада Бога,
Ды мяне́, князя маладóва!"

С. Мишневичи, Городок. у.
Запис. учит. П. Василевъ.

—

Иванъ мыладéнькiй, ня стой надъ рякóю,
Ня стой надъ рякóю, ня махай рукою:
Ня быть за табóю, ня слыть тваёй жаною.
Кали хоть мине́ у́зяти,
Схади къ майму́ татки, спраси́ у́ маёй мамки,
Тады буду за табою, буду слыть тваёй жанóю:
Буду пастéльку слати, буду рубашки шыти,
Танéньки, билéньки, па пупъ каратéньки,
Съ красным варатóчкамъ, съ касы́мъ каýнярóчкамъ.

—

Купальня, тёмная ночка, дѣ тва́я дóчка?
У садóчку на задóчку лѣхи пóлить, ру́ки кóлить,
Лѣхи папалóла, руки пакалóла.

—

Сягóдьни Купалка, заўтра Иванъ,
Ай, бýдить лиха, мальцы, вамъ!
Будить вамъ лиха лихбя:
Пагбнитя кóшыкъ у пóля.
Кошки на елку скакали,
Мальцы на кóшыкъ брыхàли:
„Лѣзьти-тка, кошки, далóў,
Пагбнимъ васъ, кошки, дамóў!“
Будуть дѣўки кошыкъ дайть,
Будуть мальцамъ кашу варыть,
Будуть дѣўки мáльцаў кармить!

—

Скакàли саро́ки съ колу на колъ,
Кабы нашымъ мальцамъ скулья ў хахòлъ!
На гарэ́-гóрки росъ купарóсъ,
Кабы нашымъ мальцамъ скулья ў носъ!
На гарэ́ дубья падгарэла,
Кабы нашыхъ мальцбў пазгалѣла!
На гарэ дубья прыжывàла,
Кабы нашыхъ дѣвакъ прыбывàла!

С. Хвошно, Городок. у.
Зап. Е. А. Бѣлинская.

„А рýтанька-мя́танька,
Чирвóнная рóжанька,
А гдѣ тибé пасадúти:
Ти ў гарóди на ляхѣ,
Ти ў капусьти ў баразьнѣ?“
— Гдѣ хóчитя—садúтя,
Тольки минé палúтя,
Усё рáньнію расóю,
Вичéрнію зарёю!
„Ты, диўчóнка маладáя,
А гдѣ тибé пасадúти:
Ти ў тàтухны за сталóмъ,
Ти ў свёкарки на кутѣ?“
— Гдѣ хочитя—садúтя,
Тольки минé дарúтя,
Тонкимъ бѣлымъ палатнóмъ
Кýжэльными рушничкàми!

С. Долосцы, Себ. у.
Зап. кр. Кузьма Моисеевъ.

—

На святóга Ивана
Дѣўка траву ирвàла.
Святый Иванъ пакарàў,
Ручки, ножки па'тламáў,
У балóта пакидáў!
„Святый Иванъ, ни карай,
Ручки, ножки ни ламàй,
У балота ни кидай!
Я Ивану пакарю́сь,
Нúска ў ножки пакланю́сь!“

—

Иванькина мамка ўсю ночку ни спáла,
Ўсю ночку ни спала, ў Пéтри ключи крàла,
Зéмлю размакáла, расý выпускала.
Расà мидавáя луги приўтапúла,
Трава шалкавáя луги приўкрасúла.

—

Якъ на Йвана, на Яна, дѣўки траву рвали,
Дѣўки траву рвали, у Ивана патали:
„Иванъ, Иванъ, старый дѣдъ, а што ета за трава?“
— Ета трава Купальня, дявоцкая гуляньня.
Дявоцкая гуляньня, мальцава сухата!
Мальцы сохнуть, сохнуть, нихай яны здохнуть.

—

Чирвоная рожа, жоўтый цвѣтъ!
Ни палюбють мальцы, пайду ў свѣтъ:
Ни съ ахвотай—зъ няволи:
Ни цалуют хлопцы давбли!

—

Чирвоная рожа, ни стой ля дарóзѣ,
Ни клонь галавою за мной сиратою:
Ў минѐ сиратинки ни родьнинькій татка,
Ни родьнинькій татка, ни родная мамка:
Позна спать кладéть и ранинька пабужаить:
Ранинька пабужаить, малоть пасылаить:
„Устань, маё дитя нялюбая!
Умыйся слязою, утрися рукавомъ,
Иди у йстопачку, мяли сырбя жыта,
Сырбя жыта и ярую пшаничку мякка на мучичку!“
Чирвоная рожа, стой ля дарóзѣ,
Клонь галавою за мной маладою:
У минѐ родьнинькій татка и родная мамка,
Рана спатьки кладéть и позна пабужаить:
„Устань, мая дитя любая, устань дарагая!
Умыйся бѣлинька, утрися сушынька,
Иди на гуляньня!“

—

„Зилёнинькій винаградъ,
Чимъ удаўся на пагдядъ,
Ды дѣ тибе пасадити:
Ти ў гароди на ляхѣ,
Ти ў капусьти ў баразьнѣ?“
— Дѣ хочитя, пасадитя,
Тольки минé палитя
Вичёрьнію зарёю, раньнію расою!

„Ды маладая Алёнка,
Дѣ тибе пасадити:
Ти ў татухнѣ за сталомъ,
Ти ў свёкаркѣ на кутѣ?
— Дѣ хочитя, пасадитя,
Тольки минé падаритя,—
Тонкимъ бѣлымъ палатномъ,
Малодинькимъ жынишкомъ!

Д. Ильино, Долосчан. в. Себеж. у.
Зап. кр-не Зах. Никитинъ и Ив. Кипріановъ.
Ср. Бѣл. Сб. VII, 29.

—

Иваньская ночка тёмна, нивяличка,
Чирвоная рожа зелина, пругожа.
Иванъ-да-Марья на гары расьтёть,
А ўнизу ў купельни змяюха паўзеть.
Иванъ-Марья завуть: хадитя, жонычки,
У купельню сидѣть, трёхъ зьмяёў стяречь!
Якъ первая зьмія—заломъ заламала,
А другая зьмія карбў заклинала,
А третьтія зьмія пражынъ пражынала,
Пражынъ пражынала, споръ въ хлѣби зьминьшала.
А хто идеть на купельню сядѣть,
Станя той бярёзыю,
Хто жъ ня идетъ на купельню сядѣть—
Станя той калбдыю!
Абвей яё павилицыю, накрый яё макрыцыю!

—

Хадиў ежыкъ на вулицы—рана,
[рана!
Ды зваў дѣвакъ къ купельни-
[цы—р. р.
Бабы, дѣўки, пойдимъ въ поля!
У дѣвачыкъ свая воля,
Маладица жъ горатница:
Иди, свёкру далажыся,
У свякровы папрасися!
Сядить свёкарь на пакути,
Дивярёчки па застольямъ,
А залбўки па каморамъ,
А мой милый въ палажочку,
А дитятка ў карабочку.
Пакуль молада зьбиралась,
Купелинка минавалась.
А хто ня быў на купельни,
Той калбда дубовая,
А хто быў на купельни,
Той липинка кудрявая!

—

Иванъ-да-Марья, на гарѣ купальня,
На гарѣ купальня, падъ гарой Пятроў день.
Дѣ Иванъ купаўся, тамъ беригъ зыбаўся,
Дѣ Марья купалась, моря вылнавалась.
Иванывa мати па беришку ходить,
Па беришку ходить, рубашычку носить,
Тонку пылатьняну, шоўкымъ вышывану.
Иванывa мати ўсю ночку ни спала,
Ўсю ночку ни спала, ў Питра ключи крала,
Зямлю размыкала, расў выпускала.

—

Яня, Яня, што дѣлаишъ? 2
— Божа моцный, дирванъ дяру! 2
Яня, Яня, на што дирванъ? 2
— Божа моцный, ячмень сѣить. 2
Яня, Яня, на што ячмень? 2
— Божа моцный, пива варить! 2
Яня, Яня, на што пива? 2
— Божа моцный, сыноў жанить! 2

Себежскій у. Запис. непрем. членъ крест. присут. П. Ѳ. Альхимовичъ.

Да выйду, выйду на вўлачку,
Да ўда̀ру, ўда̀ру ў ладо́начки,
Ти звонки, звонки пярсьтёначки?
Кали звонки—гэты будуть,
А ня звонки—татка купить!
Якъ зачўла свякро̀вачка:
„Ня би, нявѣста, ладоначакъ,
Ни ламай, нявѣста, пярсьтё-
[нычкаў!“
— А што табѣ, свякроўка, да
[таго̀?
Ня ты мнѣ ладонки гадава̀ла,
Ня твой сынъ пярсьтёнки мнѣ
[спраўля́ў!
Гадава́ў ладонки мой татўлька,
Гадава́ў мой ро́дьнинькій,
Спраўля́ў пярсьтёнки мой бра̀-
[титка,
Спраўляў мнѣ мой ро́дьнинькій,
Ахъ, у вялйкимъ жа го́ради,
Прыслаў насити мнѣ мо́лади!

—

Ишла Купалка сяло́мъ, сяло́мъ,
Казала дѣўкамъ: чало́мъ, чало́мъ!
Дѣўки Купалку ни узнали,
Купалку у хатку ни пазва̀ли.
Тольки адна̀ Матрўнка спазна̀ла,
Купалку у хатку пазва̀ла:
А ў яѐ пива нава́рына,
А ў яѐ мёду нацэ̀жына!

—

Пры даро́зи, пры шуро́кай
Дьвѣ дѣвачки лёнъ ирвали.
Ишло туды два мало́йчыки,
Два уда̀лыхъ:
„Богъ у по́мачъ, дьвѣ дѣвачки!“
Бага̀тая замо́ўчыла,
А худо́бычка прамо́лвила.
Пашли̇ яны, гукаючы,
Сами сабѣ даража́ючы:
„Ни бяры́, братицъ, бага́таю,
А бяры́, братицъ, худо́бычку:
Багатая дужа гордая,
А худо́бычка дужа ўда́лая!“
Худобычку стали сватати,
А багатая стала пла̀кати:
„Падўшачки маѐ пухо́выя,
Ти вами го́ры раўнава́ти?
Прасты́ньки маѐ бялёвыя,
Ти вами лясы́ апина́ти?
Убрўсы маѐ шаўко́выя,
Ти вами мёжы выстила̀ти?
Рушникѝ маѐ бялёвыя,
Ти вами лѣсъ абвиза̀ти?
Кара̀льки маѐ дарагія,
Ти вами ко́ній папўтати?
Пярсьтёнки маѐ залаты́я,
Ти вами ко́ній падкава́ти?“...

(Поется и во время уборки льна).

—

А ў но́винькамъ кало́дизьку
Два дваранйны ко́ній пайли,
А дьвѣ дяўчы́ны вадў брали.
Два дваранйны укланйлися,
Багатая дѣўка усьмяхнўлася,
А бѣдная скланйлася.
Бѣдную яны́ съ сабо́й взяли,
А багатая заста̀лася:
„А бѣль мая̀, бѣлинькая,
Гдѣ мнѣ тябѐ падива́ти:
Ти на ўбогихъ па'тдавати?
Рушнички маѐ тонинькія,
Гдѣ жъ мнѣ васъ падѣти:
Ти даро́жки пасла̀ти?
Пярсьтёнки маѐ залаты́я,
А гдѣ мнѣ васъ падивати:
Ти на пруточки паўзьдива̀ти?“

Лепельскій у. Зап. В. Гутовскій,
Ѳ. Соколовскій, Барковъ.

—

На моры вутка купалася,
На биражо́чку сушылася.
Наша дѣвачка спужалася,
Што яѐ дары ни прадины,
А хоть прадины, ды ни тка̀ны,
А хоть тканы, ды ни бялёны,
А хоть бялёны, ды ни ка̀чаны,

А хоть качаны, ды ня шыты,
А хоть шыты, ды ни дарóны,
А хоть дарóны, ды ни складёны.

—

Чирызъ гару тры сьтёжачки,
А тамъ ишли тры дѣвачки:
Адна ишла у зблати,
А другая у сéрыбры,
Трэтьтяя йшла у ваксамити.
Што ў зблати—то Йваничку,
Што ў сéрабры - то Миколку,
Што ў ваксамити—то Пётрычку.
А Иванькина грбшы лічить,
Миколкава листочки пишыть,
Пётрычкина рассалаить.

—

Иванъ, Иванъ, братицъ мой:
Гарыть прбваръ твой!
А вы, дѣвачки, тушытя,
Кубками ваду насйтя!

А у кубкахъ вада ёсьть,
А ў дѣвачкахъ праўда ёсьть.
Иванъ, Иванъ, братицъ мой:
Гарыть прбваръ твой!
А вы, мальчыки, тушытя,
Рэшатамъ ваду насйтя!
А ў рэшати вады нѣтъ,
А ў мальчыкаў праўды нѣтъ!

—

Ишла Купалка сялóмъ, сялóмъ,
Закрыўшы вочы пярóмъ, пярóмъ.
Дѣўки Купалку ни пазнали,
На вулицу гулять ни пазвали.
„Хади, Купалка, на вулицу!"
—Гуляйтя, дѣўки, мнѣ нéколи:
Мнѣ трэба жыта пильнавать,
Трэба карбў вартавать:
Кабъ змія жыта ни ламала,
У карбў малбки ни збирала!

—

А за гарбдамъ загарбжанымъ,
А тамъ цвитбчки пасбжаны:
Адинъ цвитбкъ—мята багата,
Другій цвитокъ—рожа прыгбжа,
Трэтьтій цвитокъ – рута крўта,
Чатьвёртый цвитокъ—крапива лянива.
А хто багатый—пильнуй мяты,
А хто прыгбжый—пильнуй рожы,
А хто крўтый—пильнуй рўты,
А хто лянивый – пильнуй крапивы,
А хто тиляпéнь—пильнуй калапéнь!

—

Хбдить чижыкъ па вўлицы,
Завéтъ дѣвакъ у Купалу:
„Идитя, дѣўки, у Купалу,—
Вамъ, дѣвачки, свая вбля!"
А малодачкамъ нима вбли:
Кипить гаршбкъ на прыпичку,
Бурчить свёкаръ у запичку!

—

Да за гумномъ у ельничку
Тры ластаўки щибитали.
Ни ластаўки щибитали,
Тры ятрбўки размаўляли:
Што рбзна расьли, а ўмѣста
[сышли!

—

У чистамъ пбли зялёный лугъ никбшаный,
На тымъ лугу стáдо кбній варанéнькихъ.
Якъ узышлà тёмна туча грамавáя,
Разагнàла стáда кбній варанéнькихъ.
Да ни жаль мнѣ стада коній варанéнькихъ,
Да тольки жаль мнѣ канá палавбга:
Ёнъ гýбкай мбра вады выпивáитъ,
Ёнъ вочками на неби звёзды палíчить,
Ёнъ вушками далёкая войска пачýитъ,
Ёнъ капыткàми бѣлы камни разбíваитъ.

М. Браславъ, Ковенской губ.

—

29 іюня—праздникъ Петра и Павла. Петровскій постъ—Петровка—въ Могилевской губерніи соблюдается такъ же, какъ и остальные, кромѣ окатоличеннаго Сѣнненскаго уѣзда, гдѣ въ Петровскій постъ ѣдятъ съ молокомъ. Соблюдается постъ въ сѣверныхъ и восточныхъ уѣздахъ Витебской губерніи, но уже въ Витебскомъ существуетъ легенда, что Христосъ повелѣлъ постить предъ Петромъ двѣнадцать дней, по числу своихъ апостоловъ, почему здѣсь и постятъ не всю Петровку, а только послѣдніе 12 дней. Какъ и въ великій постъ, въ первый день Петровки надо пить водку. Тогда коровы будутъ молочныя. Это называется „брыксы". Если Петровъ день придется въ среду или пятницу, то разговѣнье переносится на слѣдующій день. Въ такихъ случаяхъ въ Гомельскомъ уѣздѣ говорятъ, что Павелъ отнялъ корову у Петра, такъ что у Петра нѣтъ ни молока, ни сыра, и нечѣмъ разговляться.

Въ этотъ день пастуховъ одаряютъ молокомъ, большею частью, простоквашей, и сыромъ.

Въ этотъ же день женщины и дѣвушки „кумятся". Собственно, дѣвушки кумятся на Троицу, а совмѣстно съ хлопцами на Петра. Но въ Чериковскомъ уѣздѣ наоборотъ: съ мужчинами на Троицу, а однѣ на Петра. Вотъ почему Духовскія пѣсни такъ сближаются съ Петровскими. Кумованье уже потеряло свой обрядовый характеръ. Лишь въ нѣкоторыхъ глухихъ селеніяхъ продолжаютъ еще ходить въ лѣсъ и тамъ свиваютъ вѣнкомъ двѣ сосѣднихъ вѣтки березы или вѣтки двухъ сосѣднихъ березъ. Загадываніе заключается въ томъ, увянутъ ли эти завитыя вѣтки или останутся свѣжими, когда чрезъ недѣлю придутъ ихъ развивать. Предметы загадыванія самые обыденные: буду ли жива? выйду ли замужъ? и т. п. Обыкновенно же кумованье представляетъ видъ пирушки, причемъ женщины и дѣвушки пируютъ тамъ, гдѣ завивались вѣнки, а совмѣстныя пирушки хлопцевъ и дѣвушекъ устраиваются въ той избѣ, гдѣ зимой происходили супрядки, посидѣнки. Въ лѣсу раскладываются костры,

устраиваются качели, танцы; приготовляется, обязательно, яичница; приносятся блины, водка. Если на эту женскую пирушку явятся мужчины, женщины срывают у нихъ шапки и бросаютъ въ костры. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ Могилевской губерніи (напр. Носовичская волость) еще бытуетъ борьба дѣвушекъ съ хлопцами въ этотъ день.

Кумованье въ хатѣ совершается въ такомъ порядкѣ. Вечеромъ на Петра дѣвушки приносятъ квартирной хозяйкѣ сыръ, масло, молоко, яйца, сало, муку на блины. Хозяйка съ одной изъ дѣвушекъ стряпаетъ, а остальныя поютъ пѣсни и танцуютъ подъ припѣвки. Хлопцы приносятъ водку, и танцы дѣлаются оживленнѣе. Въ Рогачевскомъ уѣздѣ приглашается и музыка, и происходитъ, такимъ образомъ, полное игрище. Танцы продолжаются всю короткую ночь и молодежь расходится по домамъ уже утромъ на другой день.

Существуетъ особый циклъ кумовскихъ пѣсенъ, называемыхъ также Духовскими и Петровскими, но надо сказать, что въ послѣднее время сюда ворвались пѣсни заимствованныя, въ которыхъ бѣлорусcамъ нравится не столько текстъ, сколько ритмъ. Нѣсколько изъ нихъ приводится въ числѣ печатаемыхъ ниже.

Кумилися двѣ кумичаньки,
А трэтяя нѣ, —
Прасилася, малилася:
Прымитя мянѐ!
Якъ пойдитя у зѐлянъ садъ,
Завитя мянѐ!
Якъ будитя вы цвятóчки ирвать,
Сарвитя и мнѣ!
Якъ будитя вянóчки вить,
Савитя и мнѣ!
Якъ будитя на Дунай пускать,
Пусьтитя и мой!
Уси вянкѝ павярхў плывуть,
А мой на дно паў,
Уси дружки са вóйны йдуть,
А мой тамъ прапаў.

—

А у мостъ, у мостъ шоўкъ трава расьтѐ,
Шоўкъ трава расьте, жоўты красачки,
Жоўты красачки, ўсё нагóдачки,
Нашы дѣвачки сваявóлачки:
Идѣ мёдъ чують, тамъ и начують,
А гдѣ гарэлачку, тамъ и нядѣлячку,
А дѣ пьють салóдкій мёдъ,
Тамъ и круглый годъ.

Кормян. вол., Рогач. у.
Отъ Марьи Самсоновой запис. мною

—

Мы пайдёмъ, дѣвычки, вы луги-лужóчки,
Вы луги-лужочки, зывиваць вянóчки.
Мы завъёмъ вянóчки на ўси святóчки,
На ўси святочки, на ўси празьнички,
На Духаўскія, на Пятрóўскія.

Ни радуйся, дубья-ясинья,
Радуйся, бѣлыя бярёза:
Идуть къ вамъ дѣўки красныя,
Дѣўки красныя, косы русыя,
Гарэлка горькыя, скрипка звонкыя.

—

На лугахъ трава пыталочина,
Съ карэникамъ пывалочина.
Вы дѣвычки нашы, ўсё зыгады вашы:
Пашли у калину, ныламали малины!
Ни будить калина сылажэй малины,
Ни будить свякрова луччи родный матки,
Ни скажыть слова якъ свайму дитяти.

М. Монастырщина, Мстисл. у.

—

Бѣлинькій малойчикъ коника сидлаить,
Красныя дяўчонка въ акно пыглидаить,
Въ акно пыглидаить, мылыйца пытаить:
„Бѣлинькій малойчикъ, куды ты паѣдишъ?“
— Далёка паѣду, няскора приѣду,
Няскора приѣду, жанитца буду!
— „Ни дай табѣ Божа ни щасьтя, ни доли,
Ни щасьтя, ни доли, ни ў поли, ни ў доми,
Ни ў дѣтяхъ, ни ў лѣтяхъ,
Ни ў жанѣ сыгласьй.

С. Соино, Мстисл. у.

—

Пайдёмъ, дѣвычки, мы ў луги гулять —
Хвалю Бога, Духа Святога!
Мы ў луги гулять, вянкоў зывивать —
Хвалю Бога, Духа Святога!
Мы завъёмъ вянки на ўсѣ святки,
На ўсѣ святки, на ўсѣ празьнички,
На Духаўскія, на Пятроўскія.
А што Духъ-Тройца, то суборъ дѣўкамъ,
А што Илья святый, то разгонъ дѣўкамъ:
Разыгнаў дѣвыкъ па чистымъ палямъ,
Па чистымъ палямъ, па густымъ жытамъ.
А ў лугахъ трава пыталочина,
Пыталочина, изъ коренья пывыварочина!
Якъ пышла трава къ Богу ны жалыбу:
„Ахъ, Божа нашъ, рассуди ты насъ
Съ красными дѣўкыми, мыладушкыми!“

— Ахъ, тибѣ, трава, ў засѣду пыра̀,
А краснымъ дѣўкымъ да вѣку гульня̀ —
Хвалю Бога, Духа Святога!

С. Ослянка, Мстисл. у. Запис.
П. С. Судиловскій.

—

Пыта́лыся мати у до́ни:
„Чаго̀, до́ня, даро́шка натóрина?“
— Маминька, ваўкѝ сѣры хадѝли,
Даро́жычки нытарѝли!
„Чаго, доня, варо́тики скрипѣли?“
— Маминька, буйны вятры̀ шубува́ли,
Воротики калыха́ли!
„Доня мыя̀, чаго хо́ртики бриха́ли?“
— Маминька, сусѣди па вулицы хадили!
„Чаго, доня, аконшычки бризката́ли?“
— Маминька, ета я котика пускала!
„Доня мыя, чаго крыва́тушка скрипѣла?“
— Маминька, я съ падру́шкыми сидѣла!
„Доня мыя, чаго сыя́ничикъ узима́ўся?“
— Маминька, партны́я шы́ли—сузѝли!
„Чаго, доня, хвартущо́чикъ падыма́ўся?“
— Маминька, ву крухмали ни удаўся!
„Чаго, доня, ты ў клѣти кричала?“
— Маминька, ета я дитя́тку ныража́ла!
Маминька, ета табѣ наву́ка:
Калышы̀ майго̀ сына, свайго́ ўну́ка!

Ослянская вол. Мстисл. у.

—

Улица мая̀ шырокая,
Бясѣда мая̀ нивясёлая,
Па табѣ хажу̀, ня вы̀хажу,
Па сабѣ дружка ня вы̀бяру,
А хоть вы̀бяру, дыкъ ста́рага,
А ни ста́рага—дыкъ ма́лага.
А старый ляжы́ть—ни паве́рнитца,
А малый бяжы́ть - ни савѣтуитца.
А свёкаръ глядѝть ды се́рдитца,
Свякру́ха-мати тольки сва́ритца!

—

Ахъ, зачимъ мянѐ замужъ вы-
[дали
За нямѝлага мужа пьяницу,
Мужа пьяницу—працо́ицу!
А выйду я на вулицу,
Ды гляну я на сусѣдушакъ:
Чужыя жоны наска́чутца,
А я малада́ наплачуся:
Пры̀дить ве́чиръ—пасьте́ль
[сьтялю,
Съ пьянымъ мужынько́мъ
У пасьте́ль кладу́сь.
Ёнъ атве́рнитца къ сьтинѣ
[во́чками,
Къ сьтинѣ вочками, ка мнѣ
[плёчками.

Быхов. у. Зап. М. Онуфріевъ.

—

Ой, то-то! Пятрова ночка нивяличка, ой, то-то!
То-то! Чаму шъ ина нивяличка, то то!
То-то! Нашы дѣвачки ня выспалися, то-то!
То-то! Ўсю ночь ни спали, шнуры сукали, то-то!
То-то! Шнуры сукали шаўковыя, то-то!
То-то! Кашульки шыли бялёвыя, то-то!
То-то! Вышли на вулку прадавати, то-то!
То-то! Сяму-таму за грошыки, то-то!
То-то! А сваиму миламу за слоўчыки, то-то!
То-то! За слоўчыки вярненькія, то-то!
То-то! За прыходы часьтинькія, то-то!
То-то! За падарунки дарагія, то-то!
То-то! Ёнъ даеть, ни жалаваить, то-то!
То-то! А ина бяроть, ни дякаваить, ой, то-то!

—

Ой, то-то! Свякровачка мая зрадьница, ой то-то! *)
Зрадила мяне, маладенькаю!
Казала: иди ў маю клѣтку спать:
Мая клѣтка съ прыклѣтками,
Мае замки ютраныя,
Мае дьверы залатыя!“
А зъ вечара тихусинька,
А съ поўначы стуку—груку!
Прыѣхали тры жаўнеры: **)
Адинъ жаўнеръ ды клѣть разбирать,
Другій жаўнеръ замки разбивать,
Трэтьтій жаўнеръ мяне млоду ўзять!

—

Ой, то-то! Ў чыстымъ поли три гароды выгароджаны—
[ой, то-то! *)
У вадныимъ гароди чырвона рожа,
У другимъ гароди зялёна рута,
У трэтьтимъ гароди пахнюча мята,
А кала плотьтя—крапивачка.
А хто прыгожый—пилнуй рожы,
А хто крутый—пилнуй руты,
А хто багатый—пилнуй мяты,
А хто лянивый—пилнуй крапивы, ой, то-то!

—

*) Припѣвъ повторяется въ началѣ и въ концѣ каждой строки.
**) Молодежь уже поетъ: кавалеры.

Ой, то-тб! Лятѣли гуси радъ пб раду, ой, то-тд! *)
Крыкнули гуси разъ пб разу:
„Чаму, Иванька, ня жэнисься?“
— А якъ я маю жанитися:
Хмель на тычынца ни павиўся,
А ячмень на ниўца ни налиўся,
Дачка у мамки ни нагулялася,
А мнѣ маладому ни спадабалася!
Тяперъ буду жанитися:
Хмель на тычынку ўжэ павиўся,
Ячмень на ниўца ўжэ налиўся,
Дачўшка у мамки нагулялася,
А мнѣ маладому спадабалася!

—

Ой, то-тд! Ды шкода, шкода зялёнага дубу,
Што за сухимъ лѣсамъ, ой, то-тд!
Ды шкода, шкода маéй маладосьти,
Што за старымъ бѣсамъ, ой, то-то!
Ни я ўпила, ни я ўѣла,
Ни добра ўхадила, ой, то-тд!
Тольки сваé маладыя лѣты
Уси патратила, ой, то-то!
Ёсьть у майгд татўлички
Кони вараныя, ой, то-тд!
Я й паѣду даганяти
Лѣты маладыя, ой, то-тд!
Я й коникаў пирыгнала,
Лѣтаў ни дагнала, ой, то-тд!

—

Ой, то-тд!
Дубрбвачка а мая зялёная,
Ой, то-тд! *)
Я шъ па табѣ пахадила,
Ў таймъ шуму заблудила.
Татўлька кличыть—я ня чула,
Па галасбчку ни спазнала,
Рбднымъ татўлькамъ ни назвала!
Дубрбвачка а мая зялёная, и т. д.
Матўлька идéть, дамбў завéть.
Я матульки ни спазнала,
Рбдный матўлькай ни назвала!

(То же поется о братиткѣ и о сястрицѣ. Потомъ):

Дубрбў мая а зялёная,
Я шъ па табѣ пахадила,
У тваймъ шуму заблудила.
Милинькій идéть, дамбў завéть.
Я шъ миламу аткликнулась,
Па галосбчку апазнала
Па йменьнику я шъ назвала,
[ой, то-тд!

—

*) Припѣвъ повторяется въ началѣ и въ концѣ каждой строки.

Ой, то-тò! Чаму̃, силязéнь, сму̃тинъ, ни вясёлъ, ой, то-тò! *)
— А якъ жа мнѣ вясёламу быть:
Учóра зъ вячóра ву̃тачку злави́у̃,—
Сягóньня рана прочь палятѣла!
Капъ жа далёка, жáли пъ ни былó,
А тò атъ минè у други̂мъ куcьтѣ,
У̃ тихимъ Дунаи купáитца,
Мнѣ силязéньку наругáитца!..
Чаму, Иванька, смутёнъ, ни вясёлъ?
— А якъ жа мнѣ вясёламу быть:
Учора зъ вячóра дѣваньку запи̂у̃,—
Сягоньня рана за другимъ стàла!
Капъ жу далёка—жáли пъ ни былó,
А то атъ минè у други̂мъ дварэ̀,
Тиразъ мой дварэ̀цъ вади́цы нясéть!
Нясéть, нясéть, ды й палíéть,
Мнѣ маладóму жáли задаéть,
Па ву̃лицы сьтинюгáитца, **)
Мнѣ маладóму наругáитца, ой, то-тò!

—

Ой, то-то! А за гарбю, за камяннóю, ой, то-тó! *)
Стаи́ть кони вараны́я,
Сидлáныя, прыбрáныя,—
Толька у̃сьсѣсьти, паѣхати
Да у̃дóваньки жани́тися!
А у̃дóваньку лёхка у̃зя́ти, тяшка жы́ти:
Пасьтéльку сьтéлить, у̃сё клянéтца,
Спатьки кладéтца, ни прыхинéтца,
Ни прыхинéтца, атвéрнитца,
Къ сьтянѣ ачы́ма, ка мнѣ плячы́ма!
А за гарбю, за камяннóю
Стаи́ть кони вараны́я,
Сидланыя, прыбраныя,—
Толька у̃сьсѣсьти, паѣхати
Да дѣваньки жани́тися!
А дѣваньку тяшка у̃зяти, лёхка жыти:
Пасьтéльку сьтелить, у̃сё сьмяéтца,
Спатьки кладéтца—прыхинéтца,
Прыхинéтца, привéрнитца,
Ка мнѣ ачы́ма, къ сьтянѣ плячы́ма, ой, то-тò!

—

*) Припѣвъ повторяется въ началѣ и въ концѣ каждой строки.
**) Стенгается=тягается, таскается, шляется.

Ой, то-то! За гарбю за камянною,
[ой, то-то!
Зарасла рутачка либядою.
„Чаму, Анютка, руты ня полишъ?
— Тяперъ жа мнѣ ни да рутачки:
Узяли мянѐ вельки смутачки:
Паѣхаў Юзютка на паливаньня,
Мяне пакинаў на гараваньня!
Ваюй, Юзютка,—наваюiсься,
Гаруй, Анютка, нагаруися!

—

Ой, то-то! Хто гэту гару капаў,
[ой, то-то! *)
Чорнаю сьтягу таптаў?
Василька гару капаў,
Чорнаю сьтягу таптаў,
Да Зосички ходючы,
Падарачки носючы.
Стукъ-стукъ падъ акеначка:
Ти дома паненачка?
Принёсъ я падарачки!
„Што шъ та за падарачки?"
— Два садавыхъ яблачки,
Чырвоны каралички,
Яблачки кругленькiя,
Мы съ табой раўненькiя,
Каралички дарагiя,
А мы съ табой маладыя.
„Каральки насить буду,
Тады шъ я любить буду,
Яблачки качать буду,
А съ табой гулять буду!"

Д. Заулки, Диснен. у. Запис. кр. С. Пилипенокъ.

—

Калинушка зъ малинушкый—
Лизоривый цвѣтъ,
Вясёлыя бясѣдушка,
Гдѣ мой милый пьётъ,
А смутныя тамъ бясѣдушка,
Дѣ милыга нѣтъ.
А ёнъ жы пьётъ, а ёнъ жы цьётъ,
За мной, любкый, шлетъ.

А я мыладёнька прызысталыся
Зы курами, зы гусями, за лебидями,
За тэй пташкый за журавышкый.
Жыраўка па берижку пыхажываить,
Травушку-муравушку сащикываить,
Вадичкый сьтидёный захлибываить.

За рѣчкыю за быстрыю
Чатыри двары,
У тыхъ читырёхъ двырахъ
Чатыри кумы,
Кумилися, любилися—
Любитя й мянѐ,
Якъ пойдитя ў зялёный садъ,
Гукнитя й мянѐ,
Якъ будитя тьвяты зрывать,
Сарвитя вы й мнѣ,
Якъ будитя вянки звивать,
Савейтя и мнѣ,
Якъ будитя ўдоль ряки пущать,
Пусьтитя вы й мой!
Уси вянки на долъ пашли,
А мой пытануў,
Уси мужы зъ вайны прышли,
А мой загинуў!

Щербин. вол. Витебскаго у. Зап. О. Пороменская.

—

Ишоў Ванечка дарожкай,
Ни знайшоў сваѐ палоски,
Стаў чужую жать!
Ванька жытячка ни жаў,
Зъ любезнаю прастаяў,
Адинъ снапокъ нажаў.
Съ тыя таски Йванька, скуки,
Да й парэзаў сярпомъ руки,
Пашла ўрэзна (?) кроў.
Нидалёчка Маша жала,
Платкомъ ручку завязала,
Щобъ ни ишла кроў.

Пашбў Ванька тарапиўся,
На мастόчку правалиўся,
Да ўсё Йваньку бидà!
Що бидà, бидà, бидà,
Бяжыть съ падъ мόсту вадà,
Ни знаю—куда.
Бяжыть вадà па пяскў,
Икъ матушки у Маскву,
Бярэ маю таскў!

—

Вспомни, вздумай, Йванька [зъ Дўняй
Сваю прэжняю люббў,
Якъ мы съ таббй абищáлись
Вѣшна другъ дружкà любить,
Ну тяперъ жа такъ случылась,
Въ адинъ часъ слбва змяниў,
Самъ змяниў намъ щиру клятбу,
Самъ жаниўся сы другой.
„Жанись, жанись, другъ лю- [безный,
Дазваляю я тибѣ,
Дазваляю, благаславляю
Законнаю жанў брать:
Изъ законнаю жанбю
Нада вѣкъ зъ ёй викавать,
Ну са мною, зъ маладбю,
Адну ночку пагулять!“

—

Мнѣ сказали на базары,
Що мой милый на вакзали.
Якъ жа мнѣ ни плакатца,
Паѣхаў милый свататца,
Якъ жа мнѣ ни журытца,
Паѣхаў милый жанитца.
Ёнъ зъ далёкаю жывёть,
Мнѣ назолушки даёть.

—

Лўччай пьяному валятца,
Чымъ тьвярбзаму хадить,
Лўччай въ рэчачку ўтапитца,
Чымъ висбкаю любить!

—

Ни вяди мянѐ па пблю,
Вяди сáдамъ па градáмъ, 2
Я платбчыкъ табѣ дамъ!
Мой платочыкъ ни прастбй,
Любиў мянѐ халастой, 2
Даў мнѣ пéрсьтянь залатой.

—

Ни брани мянѐ, раднàя,
Що я зà рыку хаджў,
Знать, судьба мая такая,
Що далёкаю люблю.

М. Носовичи Гом. у. Запис. А. С. Давиденко.
Всѣ семь заимствованныя.

30 іюня начинаютъ косить сѣно. Особыхъ обрядовъ при этомъ нѣтъ. Обыкновенно сельскій староста собираетъ сельскій сходъ, на которомъ дѣлаются выборы двухъ человѣкъ для того, чтобы они раздѣлили лугъ на одинаковые участки по числу душъ. Когда эта работа будетъ окончена, тогда идутъ на лугъ всѣмъ сходомъ, дѣлаютъ жеребьи и бросаютъ ихъ, чтобы безобидно рѣшить, кому какая полоса должна достаться. Косить выходятъ, когда кому удобнѣе, но закашивать каждый старается съ вечера, подъ вечернюю росу.

Привожу нѣсколько сѣнокосныхъ пѣсенъ.

Дубрбва, дубрбвачка, да ты зялёная,
Па той па дубрбвачки дарбжка ляжáла,
Па той па дарбжачки дѣвачка бяжáла,
Паўкладáла рўчачки, ручки ў карманбчки,

Исъ правыя ру̑чачки кальцо̀ патяра́ла.
Вярну̑лася дѣвачка кале́чка шука́ти.
Ни знайшла кале́чушка, знайшла крымяшо́чыкъ,
Вы́красала дѣвачка жаркій аганёчыкъ,
Да пусьти́ла дѣвачка пажа̀ръ па дубро́ви:
„Гары̀ ты, дубро́вачка, гары̀ зилянáя!
Па табѣ, дубровачка, да мнѣ ня хади́ти,
Да мнѣ ня хади́ти, жывата́ сушы́ти!“

—

Якъ зажу̑рытца маладáя у̑до́вачка,
Що ня ко́шана зялёная тро́вачка:
Найму̑ касарэ́й сто дватцать и чатыры,
Щобъ ви́касили вси луги̇ и дали́ны!
Да каса́рыки ко́сять, а вѣтяръ павявáя,
Шау̑ко́вая трау̑ка на косы палягáя.
Свякру̑ха нявѣстку ра́нянька пабуджáя:
„Устань-ка, нявѣхна, устань, маладáя,
Падай карбу̑, що матия даравáла,
Праганѝ авéчакъ, що янà купавáла!“

—

Каси́у̑ батька, каси́у̑ я,
Каси́ли ми абóдва:
Накаси́ли стажо́къ сѣна,—
Прышла казà—за разъ зьѣла!

Д. Дубровка Гом. у.

—

А хто у насъ гожый,
Хто у насъ прыгожый?
— Ванька у насъ гожый,
Ванька прыгожый!
Ёнъ па двару̑ хо́дя, (3 лицо)
Ёнъ зми́рна ступáя, (2 раза)
Сапогъ ни зламáя.
Ёнъ канѝ сидлáя,
Якъ макъ зацвитая,
На канѝ сади́тца,
Ажъ конь висяли́тца,
Па ву̑лушки ѣдя,
Ажъ вулушка сто́гня.
Прыяжжáя къ лугамъ, лугамъ,—
Луги зилянѣють,
Прыяжжáя къ садамъ, садамъ,—
Сады зацвитáють.
Кáтя хату прыбирáя,
Ваньки ажыдáя.

С. Хоново, Быхов. у.

—

„А чій жа то конь
Да па лугàмъ хо́дить,
Да щи́ра сядло̀ но́сить?“
— Иванькинъ то конь
Да па лугамъ хо́дить,
Да щи́ра сядло̀ но́сить!
„Хто жъ яму̑ дарувáу̑
Канѝ варано́га,
Каня варано́га
Да сидѣличка нова?“
— Те́сь яму̑ дарувáу̑
Канѝ варано́га,
Канѝ варано́га
Да сидѣличка нова!
Те́ща даравàла
Дѣу̑ку маладу̑ю,
Дѣу̑ку маладую
Съ пярло́вымъ вяно́чкамъ,
Съ пярло́вымъ вяночкамъ,
Да съ шау̑ко́вымъ плато́чкамъ.

—

Пахилиўся кудрявый дубочикъ
На зялёный лужокъ,
Пахвалиўся маладый Игнатка
Да сваёю жанбю:
„Мая жана бязъ пива спать ни
[ляжыть,
Да бязъ мёду ни ўстанить!“

—

А чій жъ ба то коники
Рана на лугъ павыпущины
Да чорнымъ шоўкамъ папўтаны?
Андрейкавы кони
На лугъ рана павыпущины,
Да и чорнымъ шоўкамъ папў-
[таны,
Чорнымъ шоўкамъ папўтаны,
Да и зблатамъ памўзданы.

Бабинович. вол., Вит. у.
Зап. кр. Кондратьевъ.

—

На балоти касецъ кося,
Ёнъ прылёгшы галося:
А ти ягб каса тўпа?
А ти ягб жонка скупа?
— Каса тўпа—кляпать трэба,
Жонка скупа—биватъ трэба!

С. Дубины Ошмян. у.
Отъ кр. О. Радыны.

Іюль.

8 іюля, день Казанской иконы Божіей Матери, во многихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи празднуется въ память избавленія отъ холеры въ 1848 году. По молитвамъ предъ этой иконой исцѣляются глазныя и головныя болѣзни.

Въ южной Бѣлоруссіи, „съ Казанской“ приступаютъ къ жатвѣ ржи. Зажинаютъ обыкновенно съ вечера. Женщина идетъ съ серпомъ въ поле, нажнетъ снопъ ржи и приноситъ домой. Здѣсь снопъ ставится на кутѣ подъ иконами, въ видѣ жертвы Богу. На слѣдующій день жница выходитъ на ниву рано утромъ, въ лучшей одеждѣ, и ставши лицомъ къ востоку, молится Богу: „Господи благослови почать жать и поможи въ добромъ здоровьѣ кончить!“ И перекрестившись, начинаетъ жать. Гомельск. у.

Когда жница начнетъ уставать, заболятъ руки и спина, тогда она начинаетъ пѣть пѣсни, которыя носятъ названіе жнивныхъ.

Въ Быховскомъ уѣздѣ зажинки дѣлаются нѣсколько торжественнѣе. Предъ началомъ жнива хозяйка вымываетъ всю хату: полъ, гдѣ есть, столъ, лавки, окна. Потомъ застилаютъ столъ чистою скатертью, кладутъ хлѣбъ и соль, зажигаютъ предъ иконой свѣчу и молятся съ земными поклонами. Уходя на ниву, жница беретъ „въ ношку“ (узелъ за плечами) кусокъ хлѣба, соль, кусокъ сала и свѣчу. Лежавшіе на столѣ хлѣбъ и соль продолжаютъ тамъ оставаться. Придя къ нивѣ, жница снова молится съ земными поклонами и потомъ здоровается съ нивой: „дабрыдинь, ниўка, ядранбя жыта! я къ табѣ прышла!“ Сжавъ горсть ржи, жница скручиваетъ ее и подпоясывается и уже потомъ жнетъ. Нажавъ одинъ снопъ, ставитъ его и говоритъ: „Стаўлю снопъ, на сто копъ, на тысячу мѣракъ!“ Послѣ этихъ словъ кладетъ его на землю и подкладываетъ подъ него свою „ношку“. Послѣ этого жатва уже идетъ безостановочно.

Очень строго наблюдають, чтобы зажинки происходили не въ день мучениковъ по святцамъ. Дѣлается это для того, чтобы жатва не была мучительною ни по работѣ ни по погодѣ.

Въ Рогачевскомъ уѣздѣ для зажинокъ избирается старшая въ семьѣ женщина. Она отправляется на ниву подъ вечеръ и беретъ съ собою „окраецъ“ (горбушку) хлѣба, Благовѣщенскую просфору, Срѣтенскую Громничную свѣчу, кусокъ артоса или освященной „паски“ и освященную соль. Придя на свою полосу, женщина читаетъ всѣ извѣстныя ей молитвы, съ земными поклонами, и потомъ нажинаетъ одинъ снопъ, который и оставляетъ на полѣ въ стоячемъ положенiи. На другой день утромъ идетъ жать уже все семейство.

Въ Себежскомъ уѣздѣ хозяйки, выйдя на ниву, становятся лицомъ „къ солнцу“ и молятся, потомъ зажинаютъ „бородку“ съ словами: „Дай же, Боже, штобъ лёгка жалась! Серéдинка ни балѣ́ла, ручиньки ни млѣли, ножыньки ни дирвянѣли, галавà ни гарѣла!“ Для бородки сжинаютъ три горсти ржи, связываютъ ихъ въ снопокъ и кладутъ хозяйкѣ на плечи. Она относитъ бородку домой и кладетъ на образа, а жницы принимаются за работу. Строго наблюдается при этомъ, чтобы у хозяйки, зажинающей рожь, была „рука легка“—иначе жницамъ будетъ очень тяжело жать. Если же среди хозяекъ такой не отыщется, то зажинаетъ рожь молодая дѣвушка.

Зерна изъ перваго снопа примѣшиваются потомъ къ сѣменной ржи. Въ Мстиславльскомъ уѣздѣ зерна изъ перваго снопа выколачиваютъ парни, желающiе, чтобы ихъ любили дѣвушки. Для этого они отвариваютъ зерна въ водѣ и пьютъ эту воду.

Циклъ жнивныхъ пѣсенъ очень обширенъ, хотя собственно чаще поются онѣ при возвращенiи съ поля домой, чѣмъ на нивѣ. Какъ содержанiе, такъ и мотивы ихъ въ Бѣлоруссiи крайне печальны. Для примѣра достаточно указать на жнивную пѣсню, приведенную мною въ вып. VII Бѣлор. Сб. (7, 29). Но дожиночныя пѣсни уже мѣняютъ и содержанiе и мотивъ на болѣе веселые; при жатвѣ же яровыхъ чаще всего поются пѣсни свадебныя. Привожу наиболѣе типичныя жнивныя пѣсни, располагая ихъ въ порядкѣ хода работъ: зажиночныя, жнивныя, дожиночныя.

Зажиночныя и жнивныя.

Минская губернiя.

Утромъ, придя на ниву.

„Дабрыдинь Гóсподу Богу,
Жыту ядранóму, Хазяину Палявóму!“
— Здарóў, здарóў, жнéи маладыя,
Сярпы задатыя!

Вечеромъ, уходя съ нивы.

„Дабранач Гóспаду Богу,
Жыту ядранóму, Хазяину Палявóму!“

— На здаро́ўя, жнёйки малады́я,
Сярпы́ залаты́я!
Прыхадитя заўтра паранёнька,
Якъ соўнышка ўзо́йдя:
Я жъ таго̀ люблю, хто рана прыхо́дя,
По́зна ў дворъ ухо́дя;
Я жъ таго̀ ни люблю, хто по́зна прыхо́дя,
Ра́на ў дворъ ухо́дя!
М. Заславль, Минск. у.

Могилевская губернія.

По́ля маё шыро́кая, жыта маё [ядрано́я!
Не съ кимъ стати, пастаяти,
Жыта ядрано́я пажынати:
Бра́тцы маѐ па заслу́жжу,
А сяестры́цы па заму́жжу!

Уходя съ нивы.

Сьтюдёная раса̀ пала,
А мидо́вая наставала!
Сьтюдёную расу̀ таптать буду,
А салодкую збирать буду;
Сьтюдёную падъ но́жычку,
А мидо́вую у ло́жычку.
Сьтюдёная раса̀—
То свёкрава граза̀,
А мидовая раса̀—
То ба̀тькава краса̀!
С. Городецъ, Быховск. у.

—

Каму̀ сяго̀лита жыта зажына̀ти?
Зажынати жыта Ива́ниси:
Иѐ ни́ука радьли́вая,
Иѐ ручка щасьли́вая!
Я малада̀ съ поля иду,
За панео́мъ серпъ нясу̀,
За плечками калыбельку,
А ў ручинькахъ силязёньку!

Сустрэ́ў мянѐ ро́дный татка:
„Чіё, дачка̀, дитятка нясёшъ?“
— Сусѣдьнія, тату́личка!
„Зачимъ, до́чка, ў тваё ли́чка?“
— Пры мнѣ, татка, ража́лася,
Ў маё личка уда́лася!..
Быхов. у.

—

„Дабра́начъ табѣ, шыро́кая по́ля!“
— На здаро́ўя, жнейки малады́я,
Сярпы́ залаты́я!
Прихадитя за́ўтря паранёньку!
Принаситя па бу́лацы хлѣба,
Ды па бѣлинькыму сыру,
Ды па ма́линькимъ сыну!
Чериков. у.

—

Я на поли жыта жа́ла,
Ў мянѐ ў до́ми бида̀ стала,
Звали́лася свякро́ў съ тыну,
Съ тыну, съ тыну, ды ў крапиву.
Ни́ жаль жа мнѣ свякро́вачки,
А жаль жа мнѣ крапи́вачки.
Свякро́вачку ў маги́лачку,
Крапи́вачку на ни́вачку.
Свякровачку черви зьяду́ть,
Крапи́вачку свиньнямъ сься- [ку́ть! [1])

Повсемѣстно, въ Мог., Вит., Вил. и Мин. губ.

---

[1]) Вар. Лепельскаго уѣзда:
Я крапивачку паливать буду,
А свякровачку праклинать буду.
Въ Городокскомъ уѣздѣ прибавляется:
Я стракиуку сярпомъ сажну,
А свякроуку каломъ прабью.
Стракиушка зяленая
Свякроушка шалёная!

А ѣхали турчанины,
Вязли сабѣ турчаначку,
Турчаначку, краснаю дѣвачку.
А за ёю у пагбню яѐ тàтачка рбдный,
„Вярнись, вярнись, мой тáтачка!
А ты жъ мянѐ ни дагбнишъ,
А сваёй галбукай налбжышъ!“

М. Городецъ Рог. у.

—

Ишла дѣўка ббрамъ, ббрамъ,
Гаварила зъ Ббгамъ, зъ Ббгамъ:
„А дай Божа, долю—щасьтя
Зайти ў хату багáтую,
А у сямью харбшую,
Идѣ свёкарь ды свякрбўка,
Идѣ дёвирь ды залбўка!
Я свёкарка паважàть буду,
Я свякрбўку шунувáть буду,
А зь дѣвиркымъ я жыть буду,
У залбўки гасьтить буду!“

—

Зашумѣла зялёна дуброўка,
Надъ рякбю стбя,
Забалѣла ў мблайца галбўка
На чужэй старбнцы.
Нéкыму яму̂ пасьтéльки паслáти,
Нéкыму галбўки звизáти.
Абабрáлыся бѣдна сиратинка,
Крáсныя дяўчинка:
Инà мблайцу пасьтéльку паслáла,
Ина яму̂ галбўку звизáла.

—

Кукувàла зязюличка,
Ў щирамъ бару̂ литàючи,
Салбдакъ мёдъ зьбирàючи.
А плáкыла удбвушка,
Новы дамы будýючи,
Гбрькій абѣдъ гатýючи:
Якъ стану я абѣдъ ѣсьти,
Я дѣтками абсажýся,
Я слёзкыми абальюся,
А бизь тябѐ, мой мѝлинькій!

—

Ну ты, калинка, ня стой надъ
[рякбю,
Ды ня быть табѣ мною!
Я у татки была билѣй твайгò
[цвѣту,
А чирвацѣй тваѐ ягòды,—
А якъ засталыся журливыму
[свёкру,
Ды нярбдныму тáтку,
Высушыў мянѐ, якъ вѣтиръ
[былинку,
Якъ сонца сянѝнку.

—

Жынà мужа паважàла,
Къ пáпарати привизáла,
Жына мужа ды патѣшыла,
Павилà у садъ ды павѣсила:
„Виси, мужу, нависися,
И яблычикъ паясися,
Вишыникъ пакýшыишъ
И зязюликъ паслýхыишъ!“
— Жына мая мѝлинькыя,
Пусьти мянѐ жывинькыга,
Куплю табѣ сукéнычку,
Прибяру̂, якъ панéначку!

—

Дожжъ у пбли кýрить, кýрить,
А дѣдъ бабу жýрить, жýрить:
„Иди, баба, дамбў, дамбў,
А напячи блинбў, блинбў!“
Баби тагò ня хочитца,
Кыла печи варбчитца,
А ў тбнинькый сарбчиццы,
А ў бѣлинькый намѣтацццы!

—

Якъ пайду́ я даро́гыю,
Пущу го́лысъ дубро́вую,
Нихай голысъ галасу́итъ,
Нихай мая мати чу́итъ.
„Ета маё дитя пяётъ,
Дитя пяётъ, по́ля кра́ситъ,
А нявѣстычка людей сьмѣшытъ.
Сваёй дацца саянъ куплю,
А нявѣстаццы скуру злуплю!“

Чериков, у.

—

Па ржыщу, па я́чиньню
Хадиу го́лубъ изъ галу́бачкаю.
А у́ голуба сизая гало́у́ка,
А у́ галу́бки пазало́чиная.
Якъ увидиу Калистратъ съ тирима̀:
„Ти ни мая Ганначка такава̀?
Я жъ бы яѐ па и́мини ни узыва́у́,
Я жъ бы яѐ па ба́тюшки виличау́.

—

Въ вичо́ръ дѣу́ки пива ва́ривали,
Су пау́но́чи мяды сычивали.
Пришо́у́ къ дѣу́камъ бѣлъ уда̀лый маладе́цъ.
Стали дѣу́ки пириша́птыватца,
Якъ бы го́сьтя папо́тчивати.
Адна дѣу́ка разумнѣй усихъ была̀,
Ина го́сьтя за хахо́лъ узила̀,
А другая чиризъ сто́лъ тащи́тъ,
Чирисъ столъ тащи́тъ—хахо́лъ трещи́тъ.
А съ ха́тушки на выспя́тушки,
А сь сѣнюшыкъ ны калѣнушки.
Сы двара̀ яго хорта́ми зытрау́лю,
А зъ варо́тъ яго̀ каме́ньнимъ пыкачу̀!
Катись, каминь, ни прика́чивайсь,
Иди, паринь, ня 'бара́чивайсь!

Заимствованныя.

—

Била мянѐ мати тау́качо́мъ:
„Ни гуляй, дачка̀, съ панично́мъ!“
А я ма́тцы наруга́тца,
Штобъ съ панично́мъ нагуля́тца!
Би́ла мянѐ мати ми́скыю:
„Ни гуляй, дачка̀, зъ Ми́шкыю!“
А я матцы наруга́тца,
Штобъ зъ Мишкыю нагуля́тца!
Била мянѐ мати палѣнымъ:
„Ни гуляй, да́чка̀, съ Парме́нымъ!“
А я матцы наруга́тца,
Штобъ съ Парме́нымъ нагулятца!

—

Писарь гусей гыняить, у гусильки играить,
О-о, охо-хо, у гусильки играить!
(Послѣ каждой строки)
У гусильки играить, таваришыў гукапть:
„Вы таваришы маѐ, вы хадити-ка ка мнѣ!
Вы скажытя панѐнцы, што ў зялёпай сукѐнцы:
Нихай писаря ня жджэть, нихай замужъ идеть!“
Ускачила панѐнка ись терима ў зѐлипъ садъ,
Накапала карѐньня исъ-падъ бѣла камѐньня,
Натапила ў малацэ, прыстудила на руцэ.
Ищѐ корипь ни кипѣў, а ужэ писарь прилятѣў,
На сласнаю вячѐрю, на мяхкую пасьтѐлю.
„А што жъ тябѐ принясло: ти чаўночикъ, ти весло?“
— Прынёсъ мянѐ воранъ конь ды къ паненцы у пакой!

М. Забычанье Чериков. у. Отъ кр. Степаниды
Дроздовой, Ѳ. Ковалевой и А. Сундуковой
запис. псаломщикъ Ст. Бартошевичъ.

—

Су горушки, сы гары, съ високага тирима,
Красна дѣвица ишла, русу касў чесала, пригыварпвала:
„Ты расьти, расьти, кыса, ды шаўковыга пыяса!
Абищала минѐ мать зы Иванюшу аддать.
Я Иванюшы ни люблю, зы Иванюшу ни пайдў!
Абищала минѐ мать зы 'хвицэрика аддать:
Я 'хвицэрика люблю, зы 'хвицэрика пайдў!“

Г, Мстиславль.

—

Зѐлина, зѐлина а ў лузи трава,
Молыда, молыда ў Антона жына.
Зачимъ ина молыда—ў поли ни была,
Ў поли ни была, жыта ни жала.
„Ты, Антоничка мыладенькій, зыпрягѝ каня:
Паѣду я ў поля, прыгуляюся,
Сы сваими жнеюшкыми пывидаюся!“

М. Монастырщина. Отъ кр. Ел. Синаговой
зап. Е. Останьковичъ.

—

„Авясѐцъ, мамычка, авясѐцъ, —
А кали жъ тыхъ сватоў чортъ принясѐть?“
— Дажни, дачўшка, авясѐцъ,
Тады чортъ сватоў принясѐть!
Дыбяры, дачўшка, кынапѐльки,
Тады пріѣдить къ табѣ мыладѐнькій!
Дыкыпай, дачўшка, бурачки,
Тады пріѣдуть къ табѣ двырячки?

С. Ослянка Мстисл. у. Зап. г. Судиловскій.

Закатися, жаркая сбняйка, за щирый боръ,
А мы пбйдамъ вячѐрати у багáтый дворъ.
У багàтамъ у дварэ̀ пирагѝ на сталѣ̀,
Миски, тарэлки, тры вядрѝ гарэ̀лки.

—

Закатися, жаркая сонца, за зялёный гай!
А ў томъ у гаѐчку нихто ни буваў,
Малады́й Сяргѣйка канѐ напаваў,
Да сваѐ да дѣ̀вачки пасбдъ пасылаў.
Янà яму̀ атвѣ̀тила: „ни вяликій панъ:
Запрагáй каня̀ варанбга, прыѣ̀дь ка мнѣ̀ самъ!
Прывязѝ бочку мядбчку, другую вина,
Щобъ мая̀ дѣ̀вачка вéсила булà,
Щобъ мая̀ галбвачка ни балѣ̀ла,
А мнѣ̀ ужэ̀ нѝука надаѣ̀ла!“

—

Наша мáла пáни, пашлà дамбў рана.
Пакýль янà дáйдя, и сбняйка зáйдя,
Пакуля̀ збярэ̀тца и вéчаръ минéтца,
Пакýль нагатýя, дакъ и заначýя,
Пакуль вадѝ схбдя и сбняйка взбйдя.
Наварѝла барщу̀, накидала хващу̀,
Наварыла пампýшакъ, накидала лягýшакъ,
Наварыла кашы, накидала сáжы,
Паставила на прыпячку—муха пралѝла.
„Бадай тябѐ, мая̀ муха, параламѝла,
Що ты майхъ жнѝчакъ пагаладѝла!“

—

Ня вѣ̀й, вѣ̀тяръ, у лýзи, павѣ̀й па дарбзи,
Няхáй мати чýя, вячэ̀ру гатýя.
Кали ни гатбва—ни сядѝ, мати, дома,
А кали гатбвинька—сядѝ харашэ̀нька,
Сядѝ харашэ̀нька, пбжки падабгáўшы,
Ножки падабгáўшы, руки склáўшы.

Краснобудская вол., Гомельск. у.

Виленская губернія.

Да зялёная арэ̀хаўя 2
Да на тынъ палигáнть,
Да съ-падъ тагò арэ̀хаўя 2
Сивый конь вабигáнть.
А за имъ сугбнъ—пагбнъ, 2
Нашъ Иванька съ узьдѣ̀чкай:

„Ой, стой, коснньку, стой, 2
Капытбмъ зямлѝ ня брой,
Ня крой жа майгò сярдэ̀чка, 2
Што я мбладъ ни жанѝўся!
Што я мбладъ ни жанѝўся, 2
Кудёрками апусьцѝўся.

Я шъ паѣду ў гарадо́чакъ, 2
Куплю сабѣ грабянёчакъ,
Учашу́ кудёрачки, 2
Паѣду жанитися.

—

Сьтюдёная раса пала, 2
Пускай насъ дамо́ў, паня!
Нашы дамы далёкія, 2
Нашы мамки няро́дныя,
Въ варо́тичкахъ пирайма́ють, 2
Па вадицу пасала́ють,
Сь тисо́вами вядёр(а)ками, 2
Шъ шаўко́вами пачо́п(а)ками.

Д. Заулки, Дисн. у.

—

Жыта маё, жыта, жыта залато́я,
На таку́ мало́чана, на сто́лику [пако́чана!
Хто жъ яго пяралича,
Той на вайну́ ня пойдя,
Пашлѐ слу́жку вярне́нькаю.
Тая служка ваява́ть бу́дя,
А ёнъ самъ панава́ть бу́дя.
Служка бу́дя на ко́нику,
А самъ будя ў пако́ику.
Служка будя паяжжа́ть,
А ёнъ будя пахаджа́ть.

—

Палу́днички загудѣли,
Палу́днавать захатѣли!
Хоть гудитя, ни гудитя,
Палу́днавать ня бу́дитя:
Наша пани малада́я,
Янà абъ насъ спагада́я,
Булку хлѣба пасыла́я.
Булку хлѣба аржано́га,
Бочку пива маладо́га:
„Ся́дьтя, жнейки, ў халадо́чку,
Зъѣштя хлѣба па кусо́чку,
Выпитя пива па кубо́чку!

—

То́нка, то́нка сасо́нка,
Чагò ты на мо́ры палягла̀,
Дѣвачкамъ даро́жку заняла̀?
Усѣ дѣвачки ишли, прайшли,
Адна̀ дѣвачка ня перайшла̀:
У прыпали зо́лата нясла̀,
Щирая срэ́бра ў рукавѣ,
Рассыпала зо́лата на мо́ры,
Кликала ма̀мачку съ камо́ры:
„Иди, ма̀мачка, съ камо́ры,
Памажы зо́лата падабра̀ть,
На идва̀бнаю нитку узниза̀ть!“

—

Барава̀я тятёра,
Чагò ты зъ бо́ру лятѣла,
Ти табѣ у бары надаѣла:
У бары ягадки сало́дки,
Ў бары крыница—вадица,
У бары ягадки сытныя,
У бары вадица питная!
Малада́я дѣвачка,
Чагò ты замужъ хатѣла,
Ти табѣ у матки надаѣла:
У матки падъво́ръя ву́зянька,
У матки гуля́ньня близянька!
У свякро́ўки падво́ръя шырынька,
У свякро́ўки гуля́ньня далёкая!

—

„Барава̀я зязюля,
Чаму́ ў бары ни куку́ишъ,
Чагò ў мой садъ прылита̀ишъ?“
— Якъ жа мнѣ ў бары кукава̀ть,
Калй за сасо́нками ня видать,
За сало́ўками ня чува̀ть!..
„Малада̀я дѣвачка,
Чагò у матки плакала,
Чагò да насъ прыѣхала?“
— Якъ жа мнѣ ў ма̀мачки ня [плакать:
Кали за бра̀тейками ня видать,
За сястрыцами ня чува̀ть!..

—

У барку̀, у̀ барку̀, у̀ прыбо́рку,
Рабиу̀ малойчикъ камо́рку.
Прышла̀ да ягò дѣвачка:
„Памажы̀, Божа, малайцу̀
Гэту камбрку рубити!
Руби камбрку пизинькаю,
Высикай вакбнца вышынькая,
Кабъ да насъ салау̀й лятали,
Кабъ насъ ра̀на пабуджали!
Свякро́ука ни матка—будити ня
[будя,
Сваю нявѣстку абсу̀дя:
„Ляни́ва, нявѣстка, ляни́ва:
Сонца ня за̀йдя—спать пойдя,
Сонца у вакбнца—ня у̀ста̀ня,
У хати работки ни знайдя.
Выйдя на вулку—гуляя.

—

Тёмна-тёмна за дваро́мъ,
Иду̀ть баяры у̀сѣ радкòмъ.
Вязу̀ть Миха̀лю на кани,
Яго галбу̀ка на мячы̀.
За имъ, ма̀мачка, пла̀чучы:
„Сынку, сынку, Миха̀ля,
За кагò галбу̀ку палажы̀у̀:
Ти за ма̀мачку пяду̀жу,
Ти за сястры̀цу дасу̀жу,
Ти за та̀тачку старбга,
Ти за бра̀тика малбга?"
— Ни за ма̀мачку пяду̀жу,
Ни за сястры̀цу дасу̀жу,
Ни за та̀тачку старбга,
Ни за бра̀тика малбга, —
Палажы̀у̀ галбу̀ку за дѣу̀ку,
За яѐ тихія уходы,
За яѐ низкія паклбны!

—

Зялёная дубрбвачка,
Чаму̀ у тябѐ дубъя̀ мнбга —
Зялёнага ни вбднага,
Листочками ни згбднага?
Малада̀я дяўчы̀начка,
Чаму̀ у тябѐ батькбу̀ мнбга,
А рбднага ни вбднага,
У пара̀дачку ни згбднага?

—

У поли дымы̀ дымя̀ть,
Тамъ малойчыкъ ваю́я,
Па ёмъ ма̀мачка бяду̀я.
„Ни бяду̀й, ма̀мачка, рбдная мая̀:
Ни адинъ я ваю́ю:
Самъ Богъ нада мною,
Ша̀билька падъ палбй,
Вострый мечъ падъ другбй!"

—

Кругло́, мало̀ балбтичка,
Тамъ хадила маладичка
Ды сѣяла красу̀ сваю,
Красу сваю, зялёнаю ру̀тачку:
„Расьти, расьти, краса мая̀,
Тонкая, высокая, караня̀ми глы-
[бокая,
Караня̀ми глыбокая,
Листочками шыробкая.
Якъ буду я у ма̀мачки,
Я тябѐ палбть бу̀ду,
Якъ даста̀нуся да свякрбу̀ки,
Дыкъ я тябѐ съ карбнь вырву,
Тирасъ тынъ пиракину: *)
Хай тябѐ валы̀ зъяду̀ть,
Нихай тябѐ кбни стбпчуть!
Валы̀ зъяду̀ть, бушу̀ючы,
Кони стбпчуть, гарцу̀ючы,
Зъяду̀ть валы̀ палавы́я,
Стбпчуть кони вараны́я.
См. ниже, вар. Лепельск. у.

—

*) Вар. въ м. Браславѣ:

На вулку выкину!
Павянишъ краса, якъ я сама маладая:
Ни у роднага татки,
Ни у рбднай матуськи:
У лихбга свякрбва,
У лихой свякрбуки!

Пайду̀ я дарбгай,
Пущу̀ гбласъ далёкай:
Хто мой гбласъ пачу̀я,
Той мяне́ пашкаду̀я.
Пачу̀ла гбласъ мая́ ма́мачка:
Яна́ мянѐ пашкаду̀я!

—

Пара̀ дамбу̀, пара̀!
Халбдная раса̀ па́ла,
Адна̀ раса̀ лядбвая,
А другая мядбвая.
Мядбваю щипать буду,
Лядбваю таптать буду.
Мядбваю дли ма́мачки,
Лядбваю дли свякрбу̀ки.

—

Да у̀жэ ве́ча́ръ вичарэ́я,
Мой та́тачка вячэ́рая,
Завѐ мянѐ на вячэру.
„Да вячэ́рай, мой та́тачка,
А я ужэ̀ вячэ́рала:
Зъѣла хлѣба сухбга,
Слёзками праганя́ла,
Сваю̀ долю праклина́ла:
Кабъ ты, долячка, агнёмъ згарэ́ла,
Я бъ кала тябѐ ручки пагрэ́ла!
Багда́й ты, доля, у вадѣ у̀тапи́-
[лася,
Я бы-бъ табб́й памы́лася!

С. Дубина, Ошмян. у.

—

Ковенская губернія.

Да хади́ла каралёва жана̀ па чы́стаму полю,
Да наси́ла каралёва жана маладбга дитятю,
Да праси́ла каралёва жана да Гбспада Бога:
Дай, дай, Ббжа, кабъ майгд караля̀ на вайнѣ заби́ли,
Тагды̀ бъ я малада̀ за другбга пашла̀, ды за маладбга,
Кабъ умѣу̀ и читать, и писать, и у̀ скры́пачку гра́ти,
А я бъ малада̀ и скакать, и плясать,
И у̀ далбньки плиска́ть!

—

Загудѣла пчолка па бару̀ лита́-
[ючи,
Салбдкій мёдъ збира́ючи.
Тамъ ня пчолка гудѣла,
Тамъ удбу̀ка хади́ла,
Тра́сачки сабира̀ла,
Абѣдъ гатава́ла.
Згатава́у̀шы, паставила,
Сама сѣу̀шы, запла́кала.

М. Браславъ.

—

Витебская губернія.

Гавары́ла ядранбя жы́та,
У̀ чи́стамъ пбли стбя—гавары́ла!
Ни магу̀ я у пбли стая́ти,
Калбеьсямъ[1]) маха̀ти—ни магу̀ я!
Тольки магу̀ я, а тольки магу̀ я
А у̀ пбли ка́па́ми, а у̀ гумнѣ стага̀ми—тбльки магу̀ я!

---

[1]) Въ с. Бабиничахъ, Вит. у.—калбсьтимъ.

Гаварыла малада Даръичка, [2])
У татуньки жыўшы—гаварыла!
Ни магў я у поли стаяти,
Ядранбя жыта жати—ни магў я!
Тольки магў я, а тольки магў я
Для стблу стаяти, кубки наливати [3])—тбльки магў я!

—

Сама пайдў даробгаю,
Гбласъ пущу дубрбваю,
Нихай гбласъ галасўить,
Нихай татунька чўить:
„Кали мае дитя пяеть,
Нихай пяеть, красўитца,
Ў чиравички абўитца,
На кирмашъ гатўитца!
А кали нявѣстунька —
Нихай ина ўгамўнитца,
У лаптики абўитца,
На прыгбнъ гатўитца!“

—

А калина-малина
Ўси луги пакрасила
Да сваймъ бѣлымъ цвѣтамъ,
Чырвбными ягадками.
Маладая Даръичка
Усихъ дѣвакъ пакрасила,
Да сваймъ бѣлымъ лицомъ,
Чырвбными каральками,
Да сьтйпнаю раббткаю,
А плаўнаю пахбдкаю.

—

Закурыўся а дрббнинькій дожжыкъ
Па чыстаму полю—закурыўся!
Затужыўся а мой рбдный татунька
Па маймў бяздбльлю—затужыўся!
„Ни тужыся, а мой рбдный татунька,
Па маймў бяздбльлю—ни тужыся!
Кали буду я у Бога щасна,
Ни буду нищасна—кали буду!
Кали буду я у Бога гбдна,
Ня буду галбдна—кали буду!

—

А ня йди, ня йди, дажжў,
Наварў табѣ барщў,
А пастаўлю падъ ёлкаю,
А накрыю талеркаю.
Пирагбнь вѣтиръ тучку
А на тую старбначку,
А гдѣ люди багатыя,
Пякўть хлябы хахлатыя.
Тамъ мальчыки рылатыя,
А дѣвачки грыбатыя.

—

А дай Божа пагбданьку
А на нашу рабботаньку!
А дай Божа аблачынку,
Намъ на часбкъ атпачынку!

—

[2]) Гаварила Андреива жбна па дварў хбдючи: Ни магу жъ я па двару хадить, ключыки насить... [3]) Кубки наливать, гасьтей чустувать.

Кру́гла, ма́ла (2)—ра́ю, ра́ю, балóтичка,
Тамъ хади́ла (2), раю, раю, маладúчка,
А сѣила (2), раю, раю, расу̀—красу̀.
„Расьти́ жъ мая́ (2), раю, раю, раса̀ краса̀.
А тонкая (2), раю, раю, высокая,
Карани́стая (2), раю, раю, глыбóкая,
А на лисьтя (2), раю, раю, шырóкая!
Якъ я съ та́тамъ (2), раю, раю, жы́ти буду,
Паливáти (2), раю, раю, тябѐ буду.
А якъ стану (2), раю, раю, у̀ свикрáтуньки,
А я съ кóрнямъ (2), раю, раю, тябѐ вы́рву!
А выкину (2), раю, раю, на вулицу.
Нихай тябѐ (2), раю, раю, кони стопчуть,
А мальчыки (2), раю, раю, расьтигáють.
А коники (2), раю, раю, капытáми,
А мальчыки (2), раю, раю, чибатáми.
А коники (2), раю, раю, гарцуючы,
А мальчыки (2), раю, раю, танцуючы!

Леп. у. Запис. Григ. Неплюковъ.

—

Якъ пайду̀ я па пóлю,
Пущу̀ я галасóкъ да дóму,
А хто жъ мой галасóкъ пира-
[име́ть?
Пирайме́ть галасóкъ мой татка
[рóдный:
„Гэ́та маё дитя́тка спивáить,
Шырóкія пóстати займáить,
Частыя кóпачки стау̀ля́ить!“
Якъ пайду я па пóлю,
Пущу я галасóкъ да дóму,
А хто жъ мой галасокъ пира-
[име́ть?
Пирайме́ть галасокъ мой свё-
[карка:
„Гэта маё зивáйла зивáить,
Вузинькія пóстати займáить,
Рѣ́динька снапы̀ стау̀ля́ить!“

—

Калина-малина, ня стой надъ
[вадóю,
Ни рау̀ну́йся са мнóю!
Былò тагды̀ рау̀навáтца,
Калѝ я у тату̀льки была̀:
Была̀ бялѣ́й твайгò цвѣта,
Чырванѣ́й твайхъ я́гадачыкъ!
А якъ стала я у свёкарки,
Тагды̀ стала бѣла, якъ ли́пинка,
А су̀хинька, якъ былинка:
Ли́пинка дарóная, былинка ка-
[шóная.

—

Пирапёлка, ня ви̇ гнязьдечка
Бли́зка ли дарóжки!
Пирапёлка, пастушкѝ пагóнють,
Гнязьде́чка распóруть!
Пирапёлка, гнязьде́чка распòруть,
Я́ёчки пабе́руть!
Пирапёлка, лёчыкъ ня бу́дить,
Табѣ жаль будить!
Ты, Мáръичка, ня ви̇ вянóчка,
Вóсинь нидалёчка!
Сваты прыѣ̀дуть, вянóчыкъ
[ссы́мють,
А чэ́пчыкъ надѣ́нуть!
Мáръичка, вянóчка ня бу́дить,
Табѣ жаль бу́дить.

—

Да гула̀ пчолка, гула̀, па бо́ру
[литаючы,
Сало́дкій мёдъ збира́ючы!
Да плакала удо́вачка, вячэ́рачку
[гату̂ючы,
Навары́ла, паста́вила, сама сѣла,
[запла́кала:
„Дѣтки маѐ мале́нькія, —
А зъ не́ съ кимъ ихъ гадава́ти!
А стра̀ўка мая̀ сахо́рная,
А зъ не́ съ кимъ яѐ спажыва́ти!..“

—

А пара̀, жонки, дамо́ў итѝ,
Пагубля́ла зара̀ ключы,
Каля по́статѝ идучы̀,
А съ со́унинькамъ гука́ючы,
А зъ мѣсицамъ жарту̂ючы.
А хто тыя ключы зна́йдить,
За каралѝ замужъ за́йдить!
Маръичка ключы знашла̀,
За каралѝ замужъ зашла.
Каро́ль бу̂дить круливати,
А Маръичка панава́ти!

—

А вы́скачыў заинька зъ-за га́ти,
А стаў яго̀ Иванька ганя́ти.
„Зашто ты мянѐ, Иванька, га-
[ня́ишъ?
Ти я табѣ коника супу̂диў,
Ти я табѣ дѣвачку абгу̂диў
Ти я табѣ даро́жку пирабѣ́гъ?
— Супу̂дили коника жарабцы̀,
Абгу̂дили дѣвачку малайцы̀,
Пирабѣ́гъ даро́жыньку шэ́рый
[воўкъ!“

Несинская вол. Лепельск. у.
Поется во время жатвы яровыхъ.
Она же свадебная.

—

Да й на тыну, на тыно́чку,
Тамъ сядѣла галу̂бачка,
Залата́я гало́вачка.
Туды ѣхаў Иваничка:
„Тату̂лька мой ро́дный,
Да пазволь мнѣ жанѝтися!“
— Стой, сынку, ни жанѝся,
А ро́зыму ныбяры́ся,
Ро́зыму жаўне́рскага,
А паѣзду пане́нскага!
Лепельск. у.

—

„Жнитя, жо́нычки, жнитя,—
Зна́йдитя саў у жыти!“
— А намъ сыва̀ ни на́дыби,
Намъ на́дыби бо́чычка зъ га-
[рэлкый!
„Жнитя, жо́нычки, жнитя,—
Зна́йдитя Бога у жы́ти!“
— А намъ Бога ни на́дыби,
Намъ надыби куга́кыла,
Штобъ ча̀сьтинка зыпла̀кыла,
Мы шъ бы яго̀ скылыхну̂ли,
На̀шы бъ сирядѝны аддыхну̂ли!
Щербино Витеб. у.
Зап. О. Пароменская.

—

Кукува́ла зязюлинька, кыла саду
[литаючы,
Сало́дки вишни клюва̀ючы.
Плакала дѣўка, къ новымъ скры́-
[нямъ прилига́ючы:
„Скрыни маѐ навёсиньки,
Трубки маѐ бялёсиньки!
Я васъ то́нка пряла, бѣлинька
[бялѝла,
За 'динъ ве́чыръ рыздялѝла:
Каму̂ ны рукаво́чыкъ,
А свякро́выньки цэлый стано́-
[чыкъ.

—

Пыхвалялыся калина, надъ ри-
[кбю стыя,
Сваймъ бѣлинькымъ цвятбч-
[кымъ,
Сваёй крàсныю ягыдыю.
„Ни пыхвыляйсь, калина,
Сваймъ бѣлинькымъ цвятбч-
[кымъ,
Сваёй крàсныю ягыдыю:
Якъ я была у свайгò татки—
Билѣй была твайгò цвѣту,
Якъ я была у сваёй мамки—
Краснѣй была тваёй ягыды!
Якъ зыстàлась злому духу-
[мужуку,
Узяў минè якъ ягыду,
Ўзяў мине якъ вишынку,—
Ссушыў минè якъ липинку.

—

Бида минè пыбядила,
Чужбй мамки ни ўгадила,
Ни ў пахбди, ни ў рабботи,
А ни ў ѣжы, ни ў адёжы:
Кладе́ть спатки пазнёшынька,
Бу́дить минè ранёшынька,
Шле́ть на нйўку тямнёшынька,
Дае́ть хлѣба скарўшычку
Ды пблиўки ў гарнўшычку.
„А жни, шэльма, ни лянися,
Атъ пбстати ни вярнися!“

—

А сбўнышка за ббръ, за ббръ—
Пусьтитя минè у дворъ, у дворъ,
Мнѣ у двбри нѣтъ никбга,
Крбми Госпада Бога,
Ды свикрятки лихбга:
Пысылàить минè мыладицу
У паўнбчъ пы вадицу.
Прынясў я вады ў нбчы
Ды залью я свёкру вбчы.
„Нивѣстушка мая, ластушка!
Ти на тибè ваўкбў нѣту,
А ни злбга чилавѣка!“
— А я ваўкбў ни баюся,
А атъ злбга атгыварюся!

—

Вичэрнія заря тёмна,
У двырянина жанà чбрна,
Свитавàя заря ясна,
У силянина жанà крàсна.
„Я двырянинъ, ты силянинъ:
Я дамъ табѣ кыня сь сядлбмъ,
Паминяимъ жанў съ табби!“
— Ни хачў кыня сь сядлбмъ,
Ни миняю жану съ табби!
„Ну, хуть жа я ў бядў ўпадў,
У силянина жану ўкрадў,
Хуть жа я утаплюся,
За жанбю пыганюся!“

Д. Синицы, Королев. вол. Витеб. у. Отъ кр. Дарьи Михайловой зап. А. Соколовская. Послѣднія четыре строчки изъ игры въ Терешку.

—

А на дварѣ ни рàнинька,
Пала расà сьтидёная, а другая
[мидувàя.
А я сьтидёную нагбй пабъю,
А мидувўю каўшбмъ папъю!

—

Парà, жонки, у дворъ итить,
Патиряла заря ключы,
Кала пбстати ходючы,
Съ каралями гаврбючы.
„Милы маи карали!
Ти ни знашли златы ключы?“
— Мѣсяцъ ишбў, ключы нашбў!

—

Парà да дварà—на дварѣ ни рáна:
У минè мàтя чужая, а дитятка малàя!
Бу̂дить мàтя дитя калыхàти,
А минè маладу̂ю праклинати:
„Багдáй, шэльма, на агнѣ пагарѣла
Да на вадѣ патану̂ла!
Прызабы̂ла пра дитя̂ малóя
Да пра мужа маладóга:
Малóя дитя надарвàлася кричà.

—

На дварѣ нирàнинька,
Балить мая̂ сирядинка!
Чаму̂ жъ ёй ни балѣть,
Кали нéкаму пажалѣть:
Свикрятухна ни тàтухна,
Свякрóвухна ни мамухна,—
Бàничку ня вы̂тапють,
Вѣничкамъ ня вы̂парють!..

—

Якъ пайду̂ я кала лѣсу близка, па зéмильки низка.
Падайду̂ я къ тáтки падъ акóшка, къ мамки падъ другóя:
„Падáй, татка, вядéрки тисóвы, шóлкавы пирявёсды!“
— Што жъ ты, мая̂ дачу̂шка, пóзьнинька ходишъ?
„Ни баюся жъ я, татка, никóга:
Ни шэ̂рага вóу̂ка, ни чóрнага мидьвѣдя!“

—

Василéнька барóвинькій,
Мой цвятóчыкъ зялёнинькій,
Бягить коникъ варóнинькій,
На конику сидѣличка,
Ли сидѣличка стрямёнушки,
На стрямёнушкахъ другъ мóла-
[дицъ сядить.

—

„Маладый Иванька,
Да ти быу̂ ты у̂ тёщи,
Да ти видюу̂ ты дѣу̂ку?“
— Якъ жа я ня быу̂,
Якъ жа я ня видюу̂,
Да на кóнюку сѣдя, (2)
На красную дѣу̂ку глéдя.

—

Чыё жы̂та дабрò, харóша?
Андрéива жы̂та дабрò, харóша!
Дай жа Божа лу̂ччы тагò:
Пива варить—сынóу̂ жанить,
Гарэлку гнать—дачóкъ выдавать!
Расьтиу̂ сóлыдъ на пирéклити,
Сушы̂у̂ бóчки на сóу̂нышки,
Чапáу̂ катлы̂ на синимъ мори.
Куры, гуси сóлыдъ паклювàли,
Кóзы, вóвцы хмель паѣли.

—

„Сизинькій галу̂бчикъ,
Да ти быу̂ ты на синимъ мори,
Да ти видюу̂ ты галу̂бку?“
— Якъ жа я ня бы̂у̂,
Якъ жа я ня видюу̂,
Да на бéрижку сѣдя, (2)
На шэру ву̂тачку глéдя!

—

Дабрáначъ, круглая ниу̂ка,
А шурóкая пастáтка!
Дóбрый вечаръ, тёплая хатка
Да лихáя свякрóу̂ка!
Лихáя свякрóу̂ка ни патáитца,
Ти ни балить твая̂ сирядинка,
Ти ня лóмють кóсьти,
А патáитца, ти мнóга нажáла
Да копъ настау̂ляла?
Пашóу̂ свёкарь у лядинку,
Атсѣкъ ёнъ дубинку
Да на маю̂ сирядинку.

Бабинич. вол. Витеб. у.
Запис. кр. Кондратьевъ.

—

Заглянула мае вочка,
Што краёчикъ нидалёчка,
А ў краёчку прыганятый
Халбсьтинькій, ни жынатый.
Судй Божа дажатися,
Съ прыганятымъ спазнатися!

—

А солника за боръ, за боръ,
Пусьти, ниўка, мяне дамоў,
У мяне дома бида стала.
А я млада дамоў иду,
Мяне свёкаръ пиріймаить,
За вадицай пасылаить.
„Нявѣстанька, мая ластаўка,
Схадй на ключъ за вадицаю,
Я на тибя ваўкоў нашлю,
Абы злова чилавѣка“.
— А свикрятка, мой татка!
А я ваўкоў ни баюсь,
Атъ злыхъ людей атпрашусь.

—

А ў садочку, на дубочку,
Тамъ сядѣла галубачка,
Залатая галовушка
А тамъ ишоў младый стрялецъ,
Младый стрялецъ, мальчйшычка
Зняў галубки ёнъ галовушку.
Пайшоў къ татку на парадку:
„Ахъ ты татка, ты татка,
Парай мнѣ парадку:
Ти тяперь мнѣ жанитца,
Ти осини дажыдатца.
— Ахъ ты сынка, ты сынка мой:
Першы ума набярися,
Тагды ты сабѣ жанися.

—

А бида надъ бядою,
Што дяўчонка за ракою.
Пиряплыў бы, да ня ўмѣю,
А то люди увидють,
Пра дяўчонку судить будуть,
А мнѣ молайцу жалка будить.

—

Луччи бъ я жыта жала,
А чимъ тую яричинку,
Луччи бы я ў дѣўкахъ была,
Чимъ дурноя замўжыйка,
Нялюбая падрўжыйка.
А якъ была я у дѣўкахъ,
Приходили съ гарѣлачкай,
А якъ стала маладйцай,
Нихто ня йдеть и зъ вадйцай.

С. Мишневичи Городок. у. Запис. П. Василевъ. Пригонятый—прикащикъ.

—

Пара, жонки, дамоў итй (2),
Патиряла зарей ключи.
А хто жъ май ключи знайдить (2),
За таго я замужъ пайдў!
Нашоў ключи старый дѣдъ (2).
„Прападйтя маи ключи—
За старага замужъ ня итй:
А ў старага дятей многа (2),
Ў маладога нѣтъ никога.
А ў старага ў барадѣ вошы, (2),
А ў маладога ў калитѣ грошы,
А ў старага дѣти плачуть (2),
Ў маладога кони скачуть!

—

А на двори вичаринка (2),
Балить мая сирядинка.
А чамў жъ ёй ни балѣти (2),
Калй некаму пажалѣти:
А свёкрухна ни татухна (2),
Ня вытапить ёнъ лазинки,
Ни папарить сирядинки!
Якъ вытапиў ёнъ лазинку (2),
Бязъ дўху, бязъ вѣника,
Якъ пашоў ёнъ у лядинку (2)
Да высикъ сыру дубинку,
Якъ зачаў ёнъ минѣ парить (2),
Сирядинку маю править!
А дубинка сырёханька (2),
Сирядинка синёханька!
Ёнъ и парить, ёнъ и кажыть: (2)
Кабъ дубинка ни шумѣла,
Сирядинка ни балѣла!

—

Черизъ барóкъ зялёниинькій (2)
Бяжыть коникъ варóниинькій.
За тымъ конёмъ ў пагóнъ бя-
[жыть (2)
Маладый мальчикъ Ляксѣичка,
На сустрѣчу Кулинáчка.
„Кулиначка, душа мая (2),
Пиряйми каня майгò,
Каня майгò варанóга (2),
Минè, князя маладóга:
А мой коникъ варóниинькій (2),
А я—князёкъ малóдинькій!“
— Я жъ бы рада пириняти (2),
Ды баюся айцà й мàти!
„А ня бойся жъ ты никóга (2),
Апричъ Гóспада Бога,
Апричъ Гóспада Бога (2),
И минè, князя маладóга!“

—

Вичéрнія заря я́сна (2),
Свитавая ящо ясьнѣй!
Хвёдарава жонка крàсна (2),
Лявóнава ящò красьнѣй!
„Хвёдаричка, сусѣдинька (2),
Паминяй ты жонку са мной!“
— А хуть ты мнѣ семъсотъ
[придай (2),
А я табѣ жóнку ня'ддамъ!
„А хуть жа я ў бядў ўпадў (2),
А ўсё жъ тваю жонку ўкрадў!“
— А хуть жа я надорвўся,
А за сваёй жóнкай паганюся!

Ср. Бабиничскій варіантъ.

—

Калина зъ малинай, ты ня стой надъ рякóю,
Ты ня стой надъ рякóю, ни раўнўйся ты са мнóю!
Былò табѣ раўнувáтца, якъ я ў татки была!
Якъ я ў татки былà, дыкъ якъ мàчинка цьвилà,
Была крàсна, якъ ягóдка, а бѣлинька, якъ лябёдка!
А ў свякрўшки—ни ў татухны:
Ссушыў мянè на рабóти, якъ былинку на памёти,—
Якъ былинка ссушóная, якъ липинка луплёная!

—

Павѣй, павѣй, буйный вѣтиръ (2)
Да па чи́стаму полю,
Да па си́ниму морю, (2)
Да па шырокимъ раздóльлямъ!
Павя́нь, павя́нь, траўка мята (2),
У гарóди стоя.
— Якъ я магў павя́нути (2),
Буйный вѣтиръ павивàить,
Дробный дажджóкъ паливàить!
„Гуляй, гуляй, Катярѝначка (2),
У свайгò рóднага тàтки!“
— Якъ я магў гулять пайти, (2)
Кали мой милый на дворъ ѣдить,
Ёнъ на дворъ ѣдить (2),
Варóтики расчиня́ить,
Варóтики расчиняить (2),
Зъ рóднай мамкай разлучàить.
Зъ рóднай мàмкай разлучàить (2),
Русу кóску расплитàить.
Русу коску расплитàить (2)
Бѣлый чапéцъ надивàить.
Бѣлый чапéцъ надивàить (2)
И хўстачкай абкрывàить.
И хўстачкай абкрывàить (2),
У рóднай мамки атбирàить.

—

Якъ на двбри сьмиркаитца (2),
За мной татка пытаитца:
„А дѣ жъ мая прыгбньница (2),
Прыгоньница, нявольница?“
— У прыгони, у няволи (2),
Прыганяють, ды ни знають,
Рана дамбў ни пускають.
Наши дамы далёкіи (2),
Пирахбды вялйкіи,
Пираходы вяликіи (2),
Ручаёчки глубокіи!
Якъ пайдў я па памёти, (2)
Гблась пущу па балбти,
Няхай гбласъ галасўить (2),
А мой татка няхай чўить,
У бисѣди сѣдючи, (2)
У шкляньницу глёдючи:
„Идёть мая рабботьница, (2)
Идёть мая прыгбньница!
А ў прыгбни прыганяють (2),
Рана домбў ни пускають!

—

„Баравая зязюлинька (2),
Што ня гўлка кукўишъ?“
— Хуть я гулка кукую, (2)
Ды ня чуть за барами,
За тёмными лисами (2),
За шэрыми салуўями!

„Маладая Паланёичка, (2)
Што ни жаласна плачишъ?“
— Хуть я жаласна плачу, (2)
Ды ня чуть за скрипками,
За скрипками, за играньнямъ (2)
И за жанбцкимъ піяньнямъ!

С. Козьяны, Городокск. у.

—

„Ахъ ты, сонца красная, —
Знать ты ў наймѣ ни бывала,
Што ты па мнѣ ни пагадала:
Усхбдишъ ранёшанька,
Захбдишъ пазьнёханька!“
— Ахъ ты, дѣўка красная, —
Хоть я ў наймѣ ни бывала,
Я па табѣ пагадала:
Хоть я ранинька ўзайдў, —
Я тибѣ на нйўки найду,
А пбзьнинька закачўся —
Тибѣ на нйўки пакйну!

—

Пайдў я ў далйнку,
Умыюся калйнкаю,
Уватрўся шырйнкаю.
Атъ калины пакраснѣю,
Атъ ширинки пабилѣю.

—

Бѣлая чирёмшынка ввесь лѣсъ пабялйла
Сваймъ бѣлымъ цвѣтамъ, а краснымъ ягадамъ.
Красная дѣўка ўсихъ дѣвакъ пакрасила
Сваёй красатбю, дивбцкаю тихатбю, —
Красатою у вяночку, тихатбю у станбчку!

—

Ахъ ты, траўка-мураўка, што ты ни зялёна?
— А якъ жа мнѣ зялёнай быть,
Калй дѣўки ў касьтёлы хбдють, щира Бога мблють:
Кабъ даў Гаспбдь свёкра багатага, свякрбву разумную,
А дѣвиря раибдўщика, а милага таргбўщика, —
Кабъ и я и пила, и ѣла, и харашо хадйла!

—

А надвбрья ни ранинька,
Пара жонкамъ дамбў итѝ,
Патиряла заря ключи,
Кала пбстати хбдючи,
Съ каралёмъ играючи,
Арэшки щилкаючи. [1])
„А хто май ключи найдить,
За таго я замужъ пайду!“
А старый дѣдъ мижбй [2]) ишоў,
Залатыя ключи нашбў.
„Прападайтя златы ключи,
За старага замужъ ня йти!
Старый дѣдъ якъ калбда,
А маладый якъ ягбда,
У старага дитей многа,
У маладбга нѣтъ никбга.
У старага ў барадѣ вбшы,
Ў маладбга ў карманѣ грбшы!“

—

Сама пайдў крайнаю,
Гблась пущу далйнаю.
Нихай голась галасўить,
Пакўль татухна пачўить,
У святёлочки сѣдя,
Да въ вакошычка глѣдя.
„Калй маё дитятышка,
Нихай бблій пагукаить,
Прйдить дамбй —
Кашки съ масилцамъ паидаить.
Кали мая нивѣстачка,
Нихай бблій пажынаить,
Прйдить дамбў—памиляить (по-
[мелетъ),
Да капустки пахлибаить!“

—

[1]) Вар. Себежск. у.
Съ каралёмъ играючи,
Зъ мѣсицамъ гуляючи.

[2]) Вар.: горой.

А сонійка за боръ, за боръ!
Пусьти мянѐ у дворъ, у дворъ!
Ў минѐ ў дварэ нѣтъ никбга,
Априч Гбспада Бога,
Да свёкра лихбга!
У варбтахъ пираймаить
Да за вадбй пасылаить:
„Нявѣстачка мая, ластачка,
Иди у боръ за вадбю:
Я на тябѐ ваўкбў нашлю,
Абы злбга чилавѣка!“
— А свикрятка, мой татка:
Я ваўка ни баюся,
Атъ чилавѣка атгаварюся,
Я ваўка карбмислам,
А чилавѣка гавбрачкамъ:
„Чилавѣкъ, чилавѣчикъ,
Пабойся ты Бога:
Ў минѐ ў дварэ дитей многа!..

—

Лўччи было жыта жати,
А чимъ ета иравбя:
Жыта жали устбичку,
Иравбя прыгнўўшыся.
Лўччи было ў дѣўкахъ быть,
А чимъ типерь маладйцай.
Якъ у дѣўкахъ я была,
Я салбдкій мёдъ пила,
А якъ стала маладйцай,
Ни напбють и вадйцай.

—

А на дварэ вичарйнка,
Балить мая сирядйнка.
А чамў шъ ёй ни балѣти,
Кали нѐкаму жалѣти:
А свёкаръ ни батюшка,
А свякрбў ни матушка,
Ня вытапють лазинку,
Ни папарють сирядйнку.
Пашбў свёкаръ у краинку,
Якъ и вырнзаў дубинку,
Ды на маю сирядйнку.
Якъ начаў минѐ парить,
Сирядйну маю править,

А чортъ е́та—ни па̀риньня,
Тольки го́ршы разбалѣ́ньня,
А дубинка сырёшынька,
Сирядинка синёшынька!
А мой татухна чу́ить,
Ёнъ мнѣ лазьню гату́ить,
И зъ ду́хамъ, и съ вѣничкамъ,
И съ тёплай вадицай.

А мая мамка чу́ить,
Мнѣ вичерю гату́ить,
А сястри́ца дажыда̀ить,
Бѣлу ложу засьтила̀ить,
А бра̀тилка дажыдаить,
За варо́тамъ пиріймаить.
А виче́ря сма̀шная,
А пасьте́ля мя́ккая!

—

Гаварйу́ нашъ зилёный лёнъ,
Въ чи́стамъ по́ли сто́ючи:
„Ахъ вы, люди дйу́ныи, на што ра̀на вы́брали?
Ни да̀ли мнѣ вы́спити, а на со́нцы вы́зрити!“
Гаварила Дунюшка сваёй ро́днай мамки:
„Што рана сваты пришли?
Ни дали мнѣ вы́расьти, а вума вы́нисьти!“

—

За лѣсамъ агонь гари́ть,
А у́ бабы жывотъ бали́ть:
„А мужыкъ, рятуй, рятуй,
Люличку гатуй, гатуй!“

— Мнѣ не́кали рятува̀ть
И люличку гатува̀ть!

С. Болецкъ, Городок. уѣз.
Запис. кр. Яковъ Петровъ.

—

Па̀ня мой, пусьти мянѐ дамо́й паро́й:
У́ мянѐ до́ма, до́ма бида̀ стала:
Звалилася свякро́у́ съ тыну у зялёную крапиву!
Ни жаль жа мнѣ свякро́ваньки,
Да жаль жа мнѣ крапйваньки!
Крапйваньку на нйваньку, палива́ть буду,
А свякро́у́ку у́ магйланьку, памина́ть буду.
Крапйваньку на мёдъ прапъю,
А свякро́ваньку каломъ прабъю!

Варіантъ. Д. Валейково, Дриссен. у.

—

Пирапёлка, сизая гало́у́ка,
Ни литай па по́лю, ни збирай кало́ськя,
Ня ве́й гнязьде́чка, ни клади яе́чки:
Пастухи пагонють, гнязьде́чка разрыють,
Гнязьде́чка разрыють, яе́чки пабе́руть!

—

На гарѐ лёнъ, бѣлинькій ку́жыль,
Люли-рана, бѣлинькій ку́жыль!
Нѐ съ кимъ стати лёнъ ирвати!
Свёкарка ка̀жыть: „мы съ таббю, зъ маладбю!“
— Гэта ни рва̀ньня, да гарива̀ньня!
А на гарѐ лёнъ, бѣлый ку́жыль,
Нѐ съ кимъ стати лёнъ ирва̀ти!
Милинькій ка̀жыть: „мы съ табою, зъ маладою!“
Гэ́та ирва̀ньня—цалава̀ньня,
А милага абнима̀ньня!
Люли-рана, абнима̀ньня!

Д. Тоболки, Дриссен. у. Отъ кр. Өеклы Ходаковской зап. Н. Нездачина.

—

Мая нѝўка рѣдинька, забалить сярёдинка.
Ма̀манька-радитялка, вытыпи ты ба̀иньку,
Вылами бярёзыньку ды папа̀рь сярёдинку!

—

„Павѣй, павѣй, бу́янъ вѣтиръ, па чѝстаму пблю,
Павя́нь, павя́нь, ру́та-мя́та, у гарбди стбя!“
— Якъ я магу̀ павя́нути, калй дбжжыкъ палива̀ить,
Кали дожжыкъ палива̀ить, бу́йный вѣтиръ павива̀ить.
„Гуляй, гуляй, Акулинка, у рбднага татки!“
— Якъ я магу̀ гуляти: што-де́нъ сваты наижжають,
Што-де́нь сваты наижжа̀ють, та̀тки зъ ма̀мкай дакуча̀ють.
Та̀тку зъ ма̀мкай въ кабакъ вяду́ть,
Минѐ мбладу съ сабби бяру́ть!

—

Нашъ Алёксушка бага̀ть, бага̀ть,
На красавицы жына̀ть, жына̀ть,
Высокъ те́римъ стрбить, крышу мѣдью крбить
Gа̀начкамъ на рыначикъ, вакбшычкамъ на ву́лицу.
На ganачикъ выйти пасидѣть,
Въ вакошычка на вулицу паглидѣть,
На gа̀начикъ те́сь бага̀тый приде́ть,
Въ вакбшычка кра̀сна дѣвица ввайде́ть.

Себеж. у. Зап. П. Ө. Альтимовичъ.

—

А на двори вичарѣить,
Маймў серцу висялѣить,
А на двори смиркаитца,
Дамбў симъя̆ збираитца.
А я молада ни вѣдала,
Што мой мўшъ наравистый:
У варотахъ пирийма̀ить,
Чужой жанбй называить:
„Чужа жына, дѣ ночь была?“
— Начувала я ў татухны,
Пириспала я зъ мамухный,
Паскакала исъ сястрицый,
Пагуляла я зъ братиткамъ!

—

„Да ти вышла да тёмная туча съ падъ тёмнага лѣсу?“
— Да ня вышла да тёмная туча съ-падъ тёмнага лѣсу,
Да выслала да дробнага дожджу, да бўйнага вѣтру! [1])
„А ти вышла наша гаспадынька ранинька на нйўку?“
— Да ня вышла наша гаспадынька ранинька на нйўку,
Да выслала наша гаспадынька да трёхъ пиряпёлокъ,
Да трёхъ пиряпёлакъ, нивѣстакъ-лябёдакъ!
Жнитя, жнейки маладыи, сярпки залатыи,
Да бўдить жа вамъ паўгарца гарэлки и сыръ на тарэлки!

С. Долосцы, Себеж. у.
Запис. кр. Зах. Орловъ и Ал. Скороходовъ.

Дожиночныя, обжинныя.

Минская губернія.

Въ день дожинокъ жнеи одѣваются въ лучшіе костюмы, а хозяйка готовитъ лучшій обѣдъ, съ водкою. При окончаніи работъ три дѣвушки начинаютъ вить вѣнокъ: одна выбираетъ лучшіе колосья, другая вьетъ вѣнокъ, а третья поддерживаетъ его. Окончивъ жатву, жнеи надѣваютъ приготовленный вѣнокъ на голову одной изъ дѣвушекъ и съ пѣснями идутъ къ дому хозяина. У воротъ двора или на крыльцѣ жней встрѣчаетъ хозяйка, беретъ съ головы дѣвушки вѣнокъ и даетъ ей серебряную монету. Затѣмъ жней угощаютъ, причемъ онѣ поютъ и пляшутъ. Пѣсни слѣдующія:

Зялёнъ нашъ боръ, зялёнъ надъ усими барами,
Хвалёнъ нашъ панъ, хвалёнъ, надъ усими панами:
Зьняў шапачку, стаў на ґаначку,
Да выкатиу бочку пива, а другую гарэлки,
Напойть сваѐ жнейки.
Нашы жнейки ни жаўнерки—ня пьють гарэлки!

—

[1]) Вар. Выхадила тучка съ-падъ [тёмнага лѣсу,
Вынасила тучка бўйнинькихъ ватрочкау,
Дробнинькихъ дажджочкау.
Выхадила наша гаспадынька
На вулицку рана,
Вувадила наша гаспадынька
Семъ сынбу сакалбу,
Дочикъ пиряпелокъ, нивѣстакъ-лябё- [дакъ.

Да нашъ панъ маладе́нькій,
Падъ имъ коникъ варане́нькій,
Для по́стати паижжа̀я,
Сваи́хъ жне́якъ патишàя:
„Маѐ жне́йки ни жаўне́ркп —
Ня пьють го́ркай гарэ̀лки.
Да выкачу бочку мёду,
А другую гарэ̀лки,
Да напаю̀ сваѐ жне́йки!“

—

Да нашъ панъ у ѕа̀начку
Да изьняўшы шапачку:
„Да ка мнѣ̀, жнейки, ка мнѣ̀,
Да зъ густыми снапа̀ми,
Да щъ щастыми капа̀ми:
У мянѐ гумно вялйкая,
Застаро́нки шыро́кія,
Ару́ды глыбо́кія!“

—

Засьтилàйтя сталы̀, лàвы, —
Ѣдя госьть нибывàлый.
Нямно́жка пабывàя,
Да й у по́ля выижжàя.

—

Пайду̀ я даро́гаю,
Пайду я шыро́каю,
Пущу го́ласъ дубро́ваю:
Нихай го́ласъ галасу́я,
Нихай мая̀ ма́ти чу́я.
„Кали мая̀ дитя́тачка,
То нихай пагуля́я
Па шырокихъ вулицахъ
Зъ малады̀ми малайца́ми,
А кали нявѣ́стачка,
Нихай прывыкая
Па шыро́кихъ по́статяхъ,
Пры лихихъ прыганя́тыхъ,
Пры дурныхъ ни жана́тыхъ!

—

У насъ сяго́дьни вайнà былà:
Мы по́ля званвàли,
Жы̀та дажàли!
Зьмялй по́ля мятѐлкай,
Прышли дамо́ў зъ вясѐлкай!

—

Да калина-малина, ня стой надъ рако́ю,
Ни кивай галино́ю, ни раўну́йся са мною!
Тады табѣ̀ раўня̀ былà, якъ я ў ма́тачки жылà,
Бяле́нька бялйла, харашэ̀нька хадйла!

—

Аччыня́йтя щито́вы варо́ты,
Идуть жне́и зъ работы,
Ни такъ жа зъ рабо́ты, якъ жъ жарки пяко́ты!
Ве́чаръ вичарэ̀я, душа висялѣ́я,
Заранка зара́я, душа занывая,
Што трэ̀ба йти на работу, на жарку пяко́ту!

—

Да мы сваймў пàну да чынйли славу,
Усё жы̀та пажали, у ко́пы паклàли!

—

Кала са́дынька даро́жычка то́рна.
Хто жъ та тую даро́жачку тарни́ў?

Маладый пàрань да дѣвачки хадиў,
Ёнъ для дѣвачки гасьтиньчики насиў,
Ахъ, сладки яблачки, папрàнички дарыў.

—

А ў нàшага гаспадàра кудрàвая галавà:
Ёнъ кудрàми патрасè, намъ гарэлки падьнясè!

—

Загарыся вячерняя зорка
Пирадъ рàньняй расой,
„Прибярыся, наша гаспадынька,
Пирадъ нами жнiями:
Надивай ты куны, собали
И бѣлыя гарнастаи!"
— Ня грэють мянè куны, собали,
Ни бѣлыя гарнастаи,
Тольки грэя батькина падворъя
Да маё здарбуя!

—

Чiя оуня?—Папова!
Што дѣлала?—Палола!
Што палола?—Моркаўку, пастарнàкъ,
Ды й скалола ножыньку на буракъ!
Сыщытя мнѣ казачка съ кабачкà —
Ти ня выймя зъ ножыньки бурачкà?

М. Заславль, Мин. у. Зап. Ал. Матiасевичъ.

—

Могилевская губернiя.

Въ Быховскомъ уѣздѣ, какъ и въ другихъ южныхъ, оканчивая жать, на послѣдней полосѣ оставляютъ нѣсколько колосьевъ и связываютъ ихъ вверху ленточкой или соломинкой ржи. Колосья эти оставляются „на бараду Богу". Бороду эту чистенько полятъ рукою, завёрнутою въ рукавъ, но ни въ какомъ случаѣ не голою, разстилаютъ среди колосьевъ чистую холстинку и на ней кладутъ кусочекъ хлѣба и соли, съ молитвою и земными поклонами. Послѣ этого жница должна три раза покатиться по нивѣ всѣмъ тѣломъ и сказать:

Нiўка, нiўка, аддай маю силку
На другую нiўку!
На коника лой, на нiўку гной,
А мнѣ здарбуя!
Суди, Божа, налѣта жати
И ядранѣйшая и гусьтѣйшая!

Только послѣ этого обряда жницы уходятъ домой.
Среди дожиночныхъ кушаний обязательны блины и крутая каша.

Когда начинаютъ свозить рожь съ поля въ гумно, то предъ первымъ возомъ разстилаютъ въ воротахъ гумна скатерть, въ которой въ Пасху отвозился въ церковь для освященія пасхальный столъ. Для этого у хорошихъ хозяекъ имѣется особая скатерть. На эту скатерть кладутъ бѣльевую качалку и по ней везутъ рожь въ гумно.

При сушкѣ первой „ёвни“ огонь подъ осѣтью распаливаютъ сухой травой, освященной въ Троицынъ день или на Ивана, или прошлогодней Макавеевской (1 августа).

С. Городецъ.

Въ Гомельскомъ уѣздѣ на бороду оставляютъ кустъ самой лучшей ржи; садятся около нея и вяжутъ красными нитками крестъ изъ колосьевъ, потомъ плетутъ хозяину вѣнокъ. Выполовши бороду, чтобы въ будущемъ году рожь была чистая, и поливши ее водою, чтобы не было засухи, разстилаютъ среди колосьевъ бѣлый платочекъ, кладутъ на него краюшку хлѣба и посыпаютъ ее солью. Потомъ собираютъ полевые цвѣты и украшаютъ ими бороду. Послѣ этого жницы ложатся на землю, чтобы въ будущій урожай рожь была хорошая и колосья гнулись къ землѣ. (Ср. выше). Вставши съ земли, жницы моютъ руки водою, чтобы на будущій годъ было чистое жито и перевязываютъ серпы травою или соломою, чтобы въ будущемъ году не порѣзать рукъ во время жатвы. Послѣ этого отправляются домой съ вѣнкомъ и крестомъ. Крестъ этотъ и вѣнокъ вмѣстѣ съ нововымолоченнымъ житомъ освящаются въ церкви 15 августа.

Если по семейнымъ обстоятельствамъ какая-нибудь „малосильная“ семья опоздаетъ съ жнивомъ, сосѣди, сжавшіе свои нивы, приходятъ ей на помощь: „хадítя къ Пятрў Сухарўкаму на талакў!“ Хозяинъ благодаритъ ихъ за помочь хорошимъ обѣдомъ и угощаетъ водкою.

Есть нѣкоторыя повѣрья о двуколосныхъ стебляхъ. Говорятъ, что если женщина съѣстъ двойной колосъ, она неизбѣжно будетъ имѣть двойни. Такіе колосья даютъ ѣсть овцамъ, чтобы онѣ приносили по двое ягнятъ.

Вѣра въ силу заломовъ, завитокъ, закрутъ все еще держится. Дѣлаютъ эти заломы вѣдьмы и колдуны, чтобы навредить хозяину нивы. Обыкновенно, это дѣлается раннимъ утромъ до восхода солнца. Вѣдьмы при этомъ снимаютъ съ себя одежду и дѣлаютъ завитки голыми и съ распущенными волосами. Бывали случаи, что крестьяне застигали вѣдьмъ на завиткахъ. Но видъ голой вѣдьмы съ распущенными волосами, въ предразсвѣтномъ сумракѣ, вызывалъ у нихъ такой страхъ, что они цѣпенѣли и не могли даже перекреститься. Пользуясь этимъ, вѣдьмы требовали отъ непрошеннаго свидѣтеля „присяги“ въ томъ, что онъ до самой смерти никому не разскажетъ объ этой встрѣчѣ. Боясь мести и даже опасаясь, чтобы вѣдьма силою діавола тотчасъ же не задушила свидѣтеля, онъ давалъ такую

клятву. Заломы, завитки и закруты, какъ показываетъ самое названіе, бываютъ трехъ видовъ: въ заломахъ горсть стеблей изламывается и колосья приникаютъ къ землѣ; въ завиткахъ берутся двѣ сосѣднія горсти стеблей, скручиваются каждая жгутомъ и завиваются вверху въ видѣ арки; въ закрутахъ горсть стеблей скручивается жгутомъ и завязывается въ видѣ узла. Чтобы обезвредить это колдовство, чаще всего приглашаютъ причтъ, который послѣ молитвы вырываетъ испорченную рожь епитрахилью и сжигаетъ на разложенномъ хозяиномъ кострѣ. Нерѣдко зовутъ на ниву колдуна, который считается сильнѣе вѣдьмъ, и тотъ вырываетъ закруты. За это ему платятъ хлѣбомъ, одеждою и деньгами. Болѣе развитые хозяева при жнивѣ обжинаютъ заломы, а потомъ съ молитвою сжигаютъ ихъ, какъ они стоятъ.

При молотьбѣ новаго хлѣба варятъ крутую кашу изъ разныхъ крупъ, чтобы въ будущемъ году уродилась густая рожь. При этомъ же считается обязательнымъ и употребленіе водки: „сягодьни абмалбтки, трэба па чарцы выпить“. При окончаніи же молотьбы всей ржи, водка распивается на току въ гумнѣ.

Привожу нѣкоторыя изъ дожиночныхъ пѣсенъ Гомельскаго уѣзда.

Да ўжэ вѐчаръ вичарэ́я,
Нашъ панъ висялѣ́я,
Па пбстати пояжджа́я
Сваѐ жнѐи прыганя́я:
„Жни́тя, жницы, жни́тя,
Сябѐ ни пазьни́тя,
Майгѐ каня́ варанбга,
Мянѐ, па́на маладбга,
Майгѐ каня стрыка́тага,
Мяне, пана бага́тага.
Да ўжэ вѐчаръ вичарэ́я,
Наша пани висялѣ́я
Па пбстати пахаджа́я,
На пагбду паглядя́я:
„Малю Бога за пагбду,
Што маѐ жни́цы у поли,
Касцы́ маѐ на балбти,
Уси люди на рабботи!“

—

Да ў на́шаго па́на да нядббрая [слава:
Па мѣсяцу жыта жали,
Па збрамъ кбпы клали.
Тёмна ў пбли, тёмна,
Бада́й таму́ тямнѣ́й былб,
Хто да хаты ни пуска́я,
Да на̀ пали насъ трыма́я!
А мы пбзна съ пбля йдбмъ,
Да прыганя́тага клянбмъ!

—

Сяди́ть мядьвѣдь на капѣ,
Дивўитца барадѣ:
А чыя̀ тѐ барада̀
Чорнымъ шбўкамъ павита̀,
Сытбй-мѐдамъ палита̀?
А Пятрбва барада̀
Чорнымъ шбўкамъ павита̀,
Сытой-мѐдамъ палита̀!

Скупому же хозяину поютъ:

Сяди́ть мядьвѣдь на капѣ,
Дивўитца барадѣ:
Ой, ди́уна имнѣ да той барадѣ:
А чыя̀ то барада̀
Смалбю пали́та,
Пянькбю павйта, и т. д.

Уходя послѣдній разъ съ поля, поютъ:

Запяёмъ ми е́ту, що здѣсь нѣту,
Запяёмъ малбдку на ўсю глотку!

Малóдка, малóдка, маладáя,
Салдáцкая жанà палкавáя!
Да пóлна па вулицы хадúти,
Да пóлна па мúламу тужúти!
— А якъ жа мнѣ ня тужúти,
Мнѣ такóга павѣкъ ня нажúти!

—

Сóняйка нúзянька, вичарóкъ блúзянька,
Да прыбýдь да мянè, да мой мúлянькій!
Ти ты мянè сýдишъ, ти ты мянè гýдишъ,
Да другія хóдишъ, пра мянè гавбрышъ,
Да на мянè, дяўчóначку, худу славу гонишъ!
— Ня бойся, дяўчóнка, ты худúя славы,
Пóйдимъ павиньчáимсь, дакъ будя насъ пáра,
Нихто ни разсýдя, нихто ни разлýча,
Тольки насъ разсýдя, тольки насъ разлуча
Заступъ да лапáта, бизвугóлна хата,
Глыбóка магúла—пращáй, мая мúла,
Жóўтянькій пясóчакъ--пращай мой дружóчакъ!

Поповская вол., Гом. у.

—

Витебская губернія.

При окончаніи жатвы здѣсь также оставляется горсть колосьевъ, но называется она не бородою, а „кустомъ". Въ Витебскомъ уѣздѣ для куста оставляется десять колосьевъ. Жницы садятся вокругъ куста и начинаютъ медленно полоть траву въ кустѣ. При этомъ поется слѣдующая пѣсня.

Край пóля шырóкыга,
Пысярёдъ мóря глыбóкыга,
А йшóў спарúшъ ды па вýлицы.
Нихто спарышà у хату ни завéть.
Вышла, выплыла вýмныя жынà Андрéива:
„А хади, спарышъ, ка мнѣ ў хату,
А садись, спарышъ, ды на пóкути,
На пóкути ды на зóлыти,
А ѣшъ, спарышъ, сыхáрный кусъ,
А пий, спарышъ, зилянó вино!"

Затѣмъ берутъ небольшую краюшечку хлѣба, сыплютъ въ средину ея соль и кладутъ хлѣбъ посреди выполотыхъ колосьевъ. Потомъ завиваютъ колосья справа налѣво, и каждая жница обязана нѣсколько разъ перекатиться по этому завитому кусту. Дѣлается это для того, чтобы въ будущемъ году былъ хорошій урожай и чтобы колосья отъ тяжести клонились къ землѣ. Послѣ этого вьютъ вѣнокъ и надѣваютъ его на голову дѣвушкѣ-жницѣ. А если среди жницъ дѣвушки нѣтъ, то вѣнокъ надѣваетъ себѣ на руку одна изъ жен-

щинъ. Съ поля жницы идутъ съ вѣнкомъ въ домъ хозяина нивы и поютъ туже пѣсню „Спорышъ". Хозяйка встрѣчаетъ ихъ въ сѣняхъ у порога, беретъ вѣнокъ и одаряетъ принесшую его деньгами. Послѣ этого слѣдуетъ угощеніе и пѣніе пѣсенъ.

А ти пóўна арэ́хыва чашка салóдкыга мёду?
— Такъ пóўна, што ни кылыхнéтца, ни пыліéтца.
А ти пóўна Григóрьива гумно жыта идрянóга?
— Такъ пóўна, што канёмъ ня ўéхыть, пяшкóмъ ни вуйтй,
Тольки мóжна сбкылу улятѣть дыбрà пыглядѣть!

Щербинская вол., Витеб. у.

—

У насъ сяни абжынáчки,
А намъ, дѣвачкамъ, гарэ́лачки!
А мы гóрькай ня хóчимъ,
Намъ дадуть салóдинькай.
А горькая у горли пяршыть,
А салодкая сама бяжыть!
А мы люди ня гóрдыя,
Выпъимъ и горькія,
А мы люди ня пышныя,
Выпъимъ и съ вишнями!
Хозяину вянóкъ,
А намъ, дѣвачкамъ, мядóкъ.

С. Лѣсковичи, Вит. у.

—

А у насъ сяни дажóнъ, дажóнъ,
А прыкáщику ражóнъ, ражóнъ!
Мы да краю дагóнимся,
Мы гарэ́лачки напъёмся.
Гаварыла бачóначка,
У пиўницы стóя:
„Кали минè ня выпъитя,
Па пиўницы пакачýся, разаль-
[люся!"
Гаварыла Настулька у татки
[раднóга:
„Кали минè зáмашъ сéльта
[ня'ддасьтè,
То я сама пайдý!"

—

А ў край пóля, пóля чистага,
А ў край мóря, мóря сйнига,
Тьвилй кудри, кудри русыи
[Ивáнавы,
Съ-падъ шапаньки
Съ-падъ бабрóвинькій,
Съ-падъ хýстаньки
Съ-падъ шаўкóвинькій.
Хóдють жнéи, жнéи маладыи,
Жнеи маладыи, сярпы залатыи,
Нихто ихъ у хатку ни завéть.
Завéть жа ихъ Ивáничка,
Сóдить за столики за тисовыи,
За скатирки за бялёвыи.
Наливáить кýбачки паўнёшыньки.
Кýбачки паўнёшыньки,
А жнеи пъянёшыньки,
Столички пазаваля́лись,
А жнеи паваля́лись.

—

Ляжыть казёлъ на мяжэ́,
Дивýитца барадѐ:
А чія-жъ то барадà,
А ўся мёдамъ улитà,
А ўся мёдамъ улйта,
А ўся шóўкамъ увйта?
Василёва барадà,
А ўся мёдомъ улитà,
А ўся мёдомъ улйта,
А ўся шóўкамъ увйта.
Ты, Агафъя (жена), ни ляжы,
Ўсё барóданьку лижы!

Скупому хозяину поютъ:

Ляжыть казёлъ на мяжэ,
Дивуитца барадѣ:
А чія-жъ ба барада,
А ўся дёхтю улита,
А ўся дёхтю улйта,
Мачўлами увйта?
Ты, Сахвейка, ни ляжы,
Ўсё барбданьку лижы!

—

А хазяинъ силизѐнь,
За гарэлкой палитѣў,
А хазяйка титѐря,
Ти гатбва вичѐря?
Наварыла буракбў,
Накидала чирвякбў,
Наварыла кашы,
Насыпала сажы.

Бабиничск. вол., Витеб. у.
Зап. кр. Кондратьевъ.

—

Найсвѐньша Матка (2)
Раю, раю, па нѐбу хадйла,
Калбсься збирала (2),
Раю, раю, вянбкъ завивала.
Вянокъ завивала (2),
Раю, раю, пани падавала.

Поютъ, когда вьютъ вѣнокъ.

Несетъ вѣнокъ на головѣ одна изъ дѣвушекъ въ сопровожденіи всѣхъ жней. Подходя къ крыльцу хозяйки, поютъ;

А палй, паня, свѣчку,
Выхадй къ намъ на сустрэчку,
Прынимай сваё дабрб,
Да ў вялйкая гумнб!

Когда хозяйка идетъ брать вѣнокъ, то дѣвушка, несшая вѣнокъ, говоритъ:

„Судиў Божа на гэта,
Суди-жъ Божа й на лѣта.
Судйу Божа спажыпати,
Суди жъ Божа спажывати!"

—

Хадйў раю, раю-раю, па вўлицы,
Нихто раю, раю-раю, ў хатку ня прбсить.
Тольки папрбсить, раю-раю, а нашъ паночикъ:
„Прбша раю, раю-раю, ў маю хатку!
Ў маей хатцы, раю-раю, ўсё у парадку:
Сталы накрыты, раю-раю, кубки налйты;
Маѐ абрўсы, раю-раю, бялёвыя;
Маѐ кубки, раю-раю, залатыя;
Винбмъ-мёдамъ, раю-раю, налитыя!"
— А хто жъ кубки, раю-раю, да наливаў?
— Наливала кубки, раю-раю, наша паня!
Ина жнѐикъ, раю-раю, дажыдала,
Старшую жнѐйку, раю-раю, чиставала!

Пѣсня эта считается самою важною изъ числа дожиночныхъ. Народъ говоритъ, что эту пѣсню пѣлъ самъ Богъ, когда кончилъ жать.

—

А ў насъ сягбдьня дажбнъ, дажбнъ,
А хто ни дажаў, таму ражбнъ, ражбнъ!

—

Хадиў спарышъ па вулицы,
Нихто спарыша ў хату ни бярэть.
Атазваўся маладый Змитрокъ,
Узяў спарыша къ сабѣ у хату,
Пасадиў спарыша на кутѣ.
„А ў минѣ дли спарыша
Сталы засланы бѣлыми абрусами,
Кубки налиты зялёнымъ виномъ!"

—

Хадиў раё па вулицы,
Нихто раю ў хатку ня просить.
Просить-папросить нашъ Си-
[монька:
„Хади, раю, у хатку ка мнѣ:
У мянѣ хата тясовая,
У мянѣ абрусы бялёвыя,
У мянѣ кубки залатыя,
Мёдамъ-пивамъ налитыя:
Въ аднымъ кубку пшанишна
[пива,
У другимъ кубку зѣляна вино,
А ў трэтьтимъ кубку саладокъ
[мядокъ!"
Зѣляна вино яго чѣлядь пьѣть,
Пшанишна пива самъ моладъ
[пьѣть,
Саладокъ мядокъ яго дѣтки
[пьють.

Лепельскій у.

—

Варіантъ Дриссен. у.

Ишоў раёкъ дарогаю,
Дарогаю шырокаю.
„Хади, раёкъ, на мой дварокъ:
Маѐ лаўки шырокія,
Маѐ сталы чисовыя,
Маѐ убрусы бялёвыя,
Маѐ хлѣбы бумажныя!

Д. Гердики, Толобков. в.
Отъ кр. Нат. Бавтрушевичъ.

—

Въ Себежскомъ уѣздѣ дожинки справляются въ концѣ жатвы яровыхъ. Когда колосьевъ (обыкновенно—овса) остается уже мало, ихъ поручаютъ жать одной дѣвушкѣ; потомъ изъ нихъ плетутъ вѣнокъ и надѣваютъ его на голову той же дѣвушкѣ. Послѣ этого отправляются къ хозяину нивы, дѣвушка въ вѣнкѣ идетъ впереди, а жницы, съ серпами на головахъ, вслѣдъ за нею. Придя къ хозяину, дѣвушка наклоняетъ голову; хозяинъ снимаетъ вѣнокъ, вноситъ его въ домъ и кладетъ на божницу, а потомъ благодаритъ жницъ и угощаетъ ихъ виномъ и закускою.

Къ сожалѣнію, пѣсни здѣшнія записаны слабо и я рѣшаюсь дать мѣсто только тремъ изъ нихъ.

Окалъ саду, окалъ вишынья,
Ходить голубъ изъ галубкаю;
У голуба залатая галава,
У галубки пызалочинная,
Чорнымъ шолкымъ приустрочинная.
Ѣдить Ваня и дивитца:
„Пиряйди, мая галубка, на маю старану!"
— Я бъ и рада пиряйти—пиряходу ни найти:
Чиризъ рѣчку пиряйти—цвѣтна платьтя замачить;
Па дарожки прайти—лицо бѣла запылить;
Па мастачку пиряйти—мастявога заплатить.

—

А якъ жаркимъ лѣтамъ ярая пчёлка
Па чистаму полю мёдава судёшка шукала.
Мёдава судёшка ни нашла,
Тольки нашла горькыю асину!
А якъ горькыя сиратинушка
Искала сваёй радитильки—матки.
Ни нашла сиратинушка роннай матки,
Ды нашла сирата горькая
Старага лихога свёкра!

—

А мы кончили на поли пажонъ,
А нажали мы тысичу канёнъ!
Выхади, хызяинъ, зъ бутылышкый,
Вынаси, хызяйка, сыръ са хлѣбушкый!
Прымачи, хызяинъ, нашы горлышки,
Пылячи, хызяюшка, сярёдушки!
Ны пачётъ кладёмъ вянокъ зирнавой.

Зап. г. Альхимовичъ.

—

Иштоў раёкъ дарожухный,
Ни знаить раёкъ, гдѣ абмита-
[тися!
Вышла паня, ўсё баярыня:
„Звярнись, раёкъ, ўсё на мой
[дварокъ:
Май двары ўсё митёныи,
Прысадухны ўси зилёныи,
Винаграды ўсё сажоныи,
У насъ стравухны сахарныи,
У насъ хлѣбы ўсё бумажныи!“

С. Долосцы, Себеж. у.
Зап. Н. Нездачина.

—

Нашъ хазяинъ Дунай,
Хазяюшка, якъ малина,
Хазяина абманила.

Нашъ хазяинъ сыту сытить,
Хазяичка гарэлачку,
Нашъ хазяинъ гасьтей поить,
Хазяюшка сямеюшку.
Госьти будуть, да паѣдуть,
А сямейка са мной будить!

—

Зьмятёмъ поля мятёлачкай,
Придёмъ дамоў зъ вясёлачкай.
Выйди, выйди, панъ хазяинъ,
Пирями своё дабро
У шырокая гумно,
У мидяныя варботы,
Ў залатыя пиряплёты.

С. Болецкъ, Город. у.

—

Выхадила туча съ-падъ тёмнага лѣса,
Вынасила туча да буйнага вѣтра, да дробнага дождка.
Выхадила наша гаспадыня, наша маладая,
Вынасила па чарки гарэлки и сыръ на тарэлки.

С. Вировля, Город. у.

—

Ай, дабраныч, мыя круглыя
[ниўка,
Ды за добрую жниўку!
Ай, спасиба Богу за падмогу:
Што два поли увыбрали,
А трέтьтія зыпахали,
Какъ первая спарыньня
Звалилыся съ кареньня!

—

Кабъ намъ чатырёмъ ядрёная жыта—
Мы бъ яго пыжынали!
Кабъ намъ чатырёмъ ды пьяная пива—
Мы бъ яго папивали!
Кабъ намъ чатырёмъ ды звонкія гусьли—
Мы бъ на ихъ пыиграли!
Кабъ намъ чатырёмъ мыладой дятина—
Мы жъ бы зъ имъ жартавали!

—

Павилася тонкая паутинка
Ды па чистыму полю.
Научилась мыладая дяўчинка
Чорнымъ шолкымъ шыти,
Зблытамъ страчити.
Ана шыла й вышывала,
Братцамъ кыўнярёчки,
Сёстрамъ рукавочки:
Вы й наситя, братцы, кыўнярёчки,
Сёстры рукавочки!
Какъ зайду шъ я ды ў чужыи
[люди,
Ды ў вялику сямейку,
Я забудусь чорнымъ шолкымъ
[шыти,
Зблытамъ страчити:
А толька буду талочь, малоть,
Ды вадицу насить,
Ды печку тапить.

—

Ушъ на дварѣ ня рана,
Дѣўка ключи пытиряла:
„А хто май ключи знайдить,
За таго я замышъ пайду!
Я звязу яму кашулю
Тонку, бѣлу, намётисту!
Нашоў жа ключи старый дѣтъ.
„Я за старага замышъ ни пайду,
Ни звязу яму кашульку
Тонку, бѣлу, намётисту!

—

Запашу я лянку цѣлыю палянку.
Не ўрадиўся лёнъ, взашли канапельки!
А ўпавадились у ихъ пташки, да ўсё вирябейки.
А я таму вирябью колымъ нагу пирябью.
Вирябейка скачить, па тэй ношки плачить.
Я на тую ношку, вывизу паньчошку;
Я на тоя тѣльца, куплю пылатенца.

—

Якъ падъ гаимъ, падъ зялё-
[нымъ,
Дѣўка мала лянокъ брала.
Биря лянокъ, гыварила:
„Зимля мыя сѣринькая,
Мамка мыя старинькая,
Вазьми минѐ малинькыю!“
— Дитя маё дырагбя!
Взяўшы тибѐ, жыть ня будишъ,
Въ люди пойдишъ, долю вбзь-
[мишъ,
Долю вбзьмишъ, сына рбдишъ!

—

У насъ сягбдьни абжынычки,
Мы напьёмся гарѣлычки!
Мы сягодьни дажнёмъ,
Хызяина ражномъ,
А хызяюшку чипѐльникымъ.

С. Казаково, Велижск. у.

—

На нашый ниўки сягодьня абжынки,
Мы жали, радѣли, гарѣлки хатѣли.
Намъ цытырёмъ гарѣлыцки лыпырёмъ,
Намъ пятку гарѣлыцки зъ мяткомъ.
А гарѣлыцка катокъ катилыся у ратокъ.

—

Усё лѣта спарня зъ намъ на нивушки былà,
А сягодьня спарня, зъ намъ дамбу пашлà.
Иди-ткы шъ, спарня, кы Вану въ агаротъ,
Кы Вану въ агаротъ у Иваныву асѐть.
На ниви спарня ужыньчиста была,
А ў агарбди спарня пристаўчиста была,
У адонки спарня укладиста былà,
У асѐти спарня присушыста былà,
У пасади спарня присбдиста былà,
А ў куцы спарня пригрѐбиста былà,
А ва 'нбари спарня присыписта былà,
А у мблу спарня умблцыста была,
А ў дяжы спарня патхбдиста была,
А у пѐчи спарня припѐцыста была!

С. Узкое. Зап. Т. Модзалевская.

—

Ишбў казёлъ пы мяжы,
Диваваўся бырады:
„Цыя ёта бырыдà,
Полна мёдамъ нылитà,
Бярѐстыцкымъ увита?“
— Михайлина бырыдà,
Полна мёдамъ нылита,
Бярѐстыцкымъ увита!
Авдотьтя ни ляжы,
Михайлину быраду аближы!

—

Пыхинуўся зялёный дубокъ у шэрый барокъ;
Пыхвыляўся Высилёкъ ны свайго атцà:
— Ня буду свайгò атца слушыть, и матушку увыжать:
Буду па пòлю гбцать, красныхъ дѣвыкъ выбирать.
Выбиру сабѣ дѣўку бытатыга рода, вялйкыга роста;
Буду яè слушыть и мать съ атцомъ яè увыжать!

С. Маклокъ. Зап. К. Коптѣловъ.

Чыя̀ жъ гэта барада̀
Мёдамъ-виномъ улита,
Чорнымъ шолкамъ ушы́та?
Рана, рана!
Сьтипанава барада
Мёдамъ-виномъ улита,
Чорнымъ шолкамъ ушыта,—
Рана, рана!
Ты, Анютка, ни гуляй,
Шолкъ зъ барады выбирай,
Рана, рана!

Скупому хозяину поютъ:

Чыя̀ жъ гэта барада
Смалой, дёхтямъ улита,
Дратваю ушы́та?
Рана, рана!
Михалкава барада̀
Смалой, дёхтямъ улита,
А дратваю ушыта,
Рана, рана!
Ты, Катры́нка, ни гуляй,
Смалу̂ зъ барады̀ выбирай,
Рана, рана!

—

А у̂ тёмнымъ лѣся, 2
Рана, рана!
Мядьвѣдь рыкаить.
Рыкай, ни рыкай, 2
Рана, рана,
Я ни баюся,
Тольки баюся. 2
Рана, рана,
Тёмныя ночки!
Тёмная ночка, 2
Рана, рана,
Разлука наша!

Д. Заулки Дисн. у. Вилен. губ.
Отъ А. Пилипенковой запис. мною.

—

Да ти вы́йдить да тёмная туча съ падъ тёмнага лѣсу?
Да ня вышла да тёмная туча съ падъ тёмнага лѣсу,
Да выслала дробнага дождщу да буйнага вѣтру:
Палій тя, дробныя дажджы̀, павѣйтя, буйныя вятры̀!
— Да ти вы́йдить наша гаспады́нька жыта дажынати?
Да ня вышла наша гаспады́нька жыта дажынати,
Да вы́слала трохъ сынко̂у-сакалко̂у, дачко̂у-пирапёлкау̂:
„Жнитя, жнитя, вы сынки-сакалки, дачки-пирапёлки!
Да нажнитя дѣвить копъ жы́та, а дисятую пшаницы,
Да вы́качу дѣвить бочакъ пива, а дисятую мёду!“

М. Браславъ, Ковен. губ.

20 іюля, день прор. Иліи, въ Бѣлоруссіи празднуется повсемѣстно. Такъ какъ, по существующему повѣрью, пр. Илія ѣздитъ по небу въ золотой колесницѣ и отъ его колесъ исходитъ громъ, а отъ ударовъ копытъ лошадей происходитъ молнія, то святому служатся молебны о ниспосланіи дождя во время засухи.

Молніей пр. Илія убиваетъ злыхъ духовъ. Громовыми стрѣлами народъ называетъ орудія каменнаго вѣка преимущественно неолитическаго періода, шлифованныя. Тамъ, гдѣ рѣдко встрѣчаются окаменѣлости белемниты, народъ даетъ и имъ названіе „перуновыхъ стрѣлъ“. Въ другихъ мѣстахъ ихъ зовутъ чертовыми пальцами.

Во время сильной грозы предъ иконами зажигають свѣчи, главнымъ образомъ, страстныя, отъ двѣнадцати евангелій великаго четверга. Если во время грозы будетъ убитъ человѣкъ, его считаютъ угоднымъ Богу. Послѣ смерти онъ идетъ прямо въ рай. Поэтому пораженныхъ молніей большею частью не пытаются спасать, или же въ крайнемъ случаѣ ограничиваются тѣмъ, что зарываютъ ихъ въ землю, оставляя свободною только голову. Чтобы громъ не поразилъ человѣка, необходимо во время ударовъ грома креститься. Объясняется это тѣмъ, что діаволъ, поражаемый Иліею, прячется отъ него гдѣ только можно, въ томъ числѣ и въ человѣка, если онъ не кладетъ на себя крестнаго знаменія. Пожары, происшедшіе отъ молніи, тушить водою грѣшно; ихъ можно тушить только молокомъ. Впрочемъ, въ послѣднее время, подъ вліяніемъ частыхъ ударовъ грозы въ церковные купола, народъ сталъ позволять себѣ тушить грозовые пожары и водою.

Обыкновенно въ день пр. Иліи бываетъ гроза или по меньшей мѣрѣ дождь. Это считается предсказаніемъ того, что осенью будетъ мало пожаровъ въ овинахъ. Сухой же день 20 іюля предсказываетъ обиліе такихъ пожаровъ.

Отношеніе народа къ перуновымъ стрѣламъ неодинаковое. Кремневыя орудія идутъ на высѣканіе огня; каменныя употребляются знахарями для растиранія опухолей въ женскихъ грудяхъ и въ вымени коровъ; чрезъ отверстія молотковъ они пропускаютъ воду, которою лѣчатъ потомъ больныхъ. Въ однихъ мѣстахъ ихъ хранятъ въ домѣ, чтобы предотвратить ударъ молніи; въ другихъ, наоборотъ, думаютъ, что перунова стрѣла именно и привлекаетъ въ домъ молнію.

Съ Ильина дня народъ перестаетъ купаться, считая купанье грѣхомъ. Кто нарушаетъ это запрещеніе, тотъ непремѣнно заболѣваетъ. Съ Ильинымъ днемъ связаны и нѣкоторыя примѣты. Напр., если за семь недѣль предъ Ильею на крапивѣ появятся черви, это лучшее время для посѣва гречихи. Если на Илью идетъ сильный дождь будетъ неурожай на орѣхи. Чтобы въ хатѣ не было клоповъ, надо въ Ильинъ день вырвать до восхода солнца съ трехъ початковъ по три посканьи, войти съ ними въ избу и бить этими посканьями по стѣнѣ, говоря: „Ильля ў хату и я ў хату, а клопы и блохи вонъ!“ и поторкать посканьи по угламъ хаты.

То же надо сдѣлать и на Спаса—6 августа, непремѣнно до восхода солнца, и сказать: „Пришоў Спасъ, штобъ ни было клопоў, васъ!“

День св. Маріи Магдалины 22 іюля не празднуется.

24 іюля, день св. Бориса и Глѣба, празднуется только до обѣда. Въ Могилевской губерніи въ этотъ день можно возить снопы съ поля, сѣно съ луга, грести сѣно; воспрещается только косить и жать. Въ Витебской же губерніи строго воспрещается какая бы то ни было

работа на лошадяхъ,—иначе съ ними непремѣнно произойдетъ несчастіе, или хозяинъ будетъ наказанъ тѣмъ, что сгорятъ свезенные снопы и сѣно.

Со времени путешествія аѳонскихъ святынь въ 1866 году въ Могилевской губерніи чтится день св. Пантелеимона 27 іюля. Угодникъ считается цѣлителемъ въ особенности головныхъ болѣзней.

30 іюля молятся св. Іоанну Воину объ отысканіи уворованныхъ вещей и лошадей и вмѣстѣ о наказаніи воровъ. Если задержатъ подозрѣваемаго вора безъ прямыхъ уликъ, его заставляютъ клясться землею. Воръ беретъ комъ земли и говоритъ: „кали я украў, то— чорна зямля̀, щобъ я чарнѣ́й зямлѝ стаў!“ и съѣдаетъ эту землю. Послѣ этого вора отпускаютъ.

Воры же молятся объ удачномъ воровствѣ не св. Іоанну, а св. Николаю. Такимъ образомъ, св. Николай считается бурлацкимъ богомъ, цыганскимъ богомъ и покровителемъ воровъ.

Августъ.

День 1 августа въ Гомельскомъ уѣздѣ называется Макавѐй (маковѣ́й) и Первый Спасъ. Повсемѣстно совершается крестный ходъ на воду—„водяная отпра̀ва“ и освящаются садовые цвѣты и нѣкоторые огородныя растенія: морковь, подсолнечникъ и макъ. Освященнымъ макомъ потомъ осыпаютъ хлѣва, а цвѣты бросаютъ въ воду, въ которой купаютъ больныхъ дѣтей. Въ этотъ день обязательнымъ кушаньемъ считаются пироги съ макомъ или съ морковью. „На Макаве́я нада маку вволю паѣсть“.

6 августа празднуется „Большой Спасъ“, „Другій Спасъ“. Въ церкви освящаются яблоки, первый медъ и въ южныхъ уѣздахъ сѣменная рожь. Употребленіе яблокъ до Спаса считается грѣхомъ, для замужнихъ женщинъ непростительнымъ. Объясняется это тѣмъ вѣрованіемъ, что въ раю умершимъ дѣтямъ въ этотъ день дается по райскому яблочку, кромѣ тѣхъ дѣтей, матери которыхъ ѣли фрукты до Спаса. Когда же эти дѣти попросятъ Бога дать и имъ райское яблочко, то получаютъ въ отвѣтъ, что ихъ яблочки „свиньи съѣли“.

Пчеловоды въ этотъ день вынимаютъ медъ изъ ульевъ и обязаны дѣлиться имъ съ родными и приходящими.

Къ столу считается обязательнымъ печь пироги съ яблоками.

15 августа кончается постъ „Спасовка-ла́совка“ (а Петровка-голодовка), или „Спажи̂нъ постъ“. Праздникъ Успенія называется „Первая Пречистая“. Въ этотъ день освящаются въ церкви сѣмена ржи и колосья новаго хлѣба.

Церковныя братства, возникшія во времена польскихъ гоненій, въ Бѣлоруссіи упорно сохраняются, хотя въ большинствѣ и потеряли свой первоначальный обликъ, преобразовавшись въ такъ называемую

„свѣчу“. Празднованіе „свѣчъ“ приурочивается къ глубокой осени и къ началу зимы. Таковы свѣчи: Покровская, Михайловская, Варваринская и Микольская. Въ наибольшей чистотѣ братская обрядность сохранилась въ Гродненской губерніи, гдѣ братскій ритуалъ соблюдается во всѣхъ подробностяхъ.

Въ Витебской губерніи членами братства состоятъ тѣ лица, которыя на свои средства пріобрѣли икону того праздника или святого угодника, въ честь котораго устроено братство. Братчики дѣлаютъ ежегодно членскіе взносы въ братскую кружку; денежнымъ суммамъ производится ежегодный учетъ, а гдѣ имѣются грамотные—даже и приходорасходныя записи. Деньги братскія расходуются главнымъ образомъ на нужды храма; на нихъ производится ремонтъ въ храмѣ, пріобрѣтается необходимая церковная утварь и т. д. Въ члены братства допускаютъ только люди степенные, болѣе или менѣе зажиточные. Братская икона находится у братчиковъ въ домѣ поочередно, на срокъ, устанавливаемый самими братчиками. Обыкновенно такимъ срокомъ считается годъ.

Къ братскому празднику приглашается причтъ. Предъ образомъ совершается краткая литія о здравіи хозяина дома, послѣ чего образъ поднимается и переносится въ домъ слѣдующаго очереднаго братчика. Здѣсь совершается молебенъ, съ возженіемъ братской свѣчи и съ поминовеніемъ всѣхъ братчиковъ, а затѣмъ хозяинъ предлагаетъ всѣмъ присутствующимъ „столъ“. На слѣдующій годъ икона переносится такимъ же порядкомъ къ другому очередному братчику и т. д. Во время столовъ собираются пожертвованія въ братскую кружку, уклоненіе отъ которыхъ считается зазорнымъ.

Въ Гомельскомъ уѣздѣ свѣчу покупаетъ общество; наименьшій вѣсъ ея восемь фунтовъ, наибольшій—пудъ. Гдѣ имѣется свой воскъ, свѣчу ежегодно подсучиваютъ къ празднику. Здѣсь наканунѣ праздника устраивается „вечéра“ для бѣдныхъ, а въ самый праздникъ обѣдъ для причта и членовъ общества, участвующихъ въ свѣчной складчинѣ, а гдѣ свѣчу покупаетъ міръ—громада, тамъ для всего общества. По пріѣздѣ причта, служится акаѳистъ тому святому, въ честь котораго установлена свѣча, и потомъ она, вмѣстѣ съ иконою, переносится къ другому хозяину, по жребію или по желанію. Изъ напитковъ къ столу подаются водка, вино и особенно *медъ*,—что относитъ установленіе празднованія къ XVII вѣку. Медъ считается такою необходимою принадлежностью братскихъ трапезъ, что хозяева даже приглашаютъ гостей формулой: „хадiтя ка мнѣ ў мéдъ!“ Въ послѣднее время въ эти историческія трапезы ворвался разгулъ и во время ихъ пропиваются крупныя суммы. Въ деревнѣ Дубровкѣ Гом. у. бѣдный хозяинъ тратитъ въ день свѣчи 5 р., а зажиточный 25 рублей.

16 августа празднуется „Малый Спасъ“, „Третій Спасъ“, о которомъ говорятъ: „Пришбў Трéтьтій Спасъ—бери рукавицы у запасъ“.

На югѣ Бѣлоруссіи посѣвъ озимой ржи начинаютъ около 1 сентября, но чаще приступаютъ къ этому послѣ Успеньева дня. Наиболѣе удобными днями для посѣва озимей считаются вторникъ, четвергъ и суббота (для посѣва яровыхъ день не наблюдается и избѣгаютъ лишь понедѣльника). Во многихъ мѣстностяхъ предъ посѣвомъ въ каждомъ домѣ варится куриное яйцо. Съ этими яйцами крестьяне собираются въ одно назначенное мѣсто (прежде къ корчмѣ) и здѣсь разбиваютъ сваренныя яйца. Чье яйцо окажется безъ обычной пустоты въ пяткѣ, тому первому начинать посѣвъ. Всѣ остальные крестьяне сѣютъ уже послѣ него. Каждый хозяинъ въ день начатія посѣва одѣвается въ чистое бѣлое бѣлье, собираетъ въ домъ всю семью, застилаетъ чистою скатертью столъ и ставитъ на него освященную 6-го или 15 августа сѣменную рожь. Затѣмъ зажигаетъ освященную три раза: 2 февраля, въ страстной четвергъ и въ Пасху свѣчу и ставитъ ее въ рожь; кладетъ туда же просфору, освященную въ день Благовѣщенія, крестикъ, испеченный въ середопостье и освященный на Пасху, и кусочекъ пасхальнаго кулича или артоса. Послѣ этого всѣ молятся Богу съ земными поклонами. По окончаніи молитвы хозяинъ забираетъ все со стола въ кошель, сплетенный изъ лыкъ, беретъ освященную вербу и отправляется на свою полосу. Тамъ онъ всыпаетъ въ лубку съ посѣвною рожью принесенныя въ кошелѣ зерна, снимаетъ шапку, и ставши къ востоку, молится, кладетъ три земныхъ поклона и начинаетъ сѣять, обходя полосу кругомъ и такимъ образомъ, чтобы зерна бросались не противъ вѣтра. Когда первая лубка съ освященными сѣменами выйдетъ, тогда посѣвъ идетъ обычнымъ порядкомъ. Строго наблюдается, чтобы въ день посѣва ничего никому не давать изъ дому въ одолженіе, а болѣе всего—огня, спичекъ.

18 августа, день свв. Флора и Лавра—лошадиный праздникъ. На лошадяхъ не работаютъ, не запрягаютъ въ телѣги, и даже не надѣватъ путъ на ноги: грѣхъ.

28 августа, день преп. Моисея Мурина, чтится женами, имѣющими мужей пьяницъ, такъ какъ угодникъ считается цѣлителемъ отъ пьянства, въ особенности запойнаго.

День 29 августа въ южной Бѣлоруссіи называется Иванъ Постный, а въ сѣверной Иванъ Головорѣзъ. Соблюдается постъ. Въ этотъ день ничего нельзя ни рубить, ни рѣзать. Поэтому и хлѣбъ къ столу въ этотъ день не рѣжутъ, а ломаютъ, не ѣдятъ ничего круглаго что напоминало бы голову—капусты, яблокъ, картофеля и т. п. Пѣть пѣсни и танцеватъ въ этотъ день нельзя, грѣхъ. Въ этотъ день Іоанну Крестителю служатся молебны объ исцѣленіи отъ головныхъ болѣзней.

Сентябрь.

Ко дню 1 сентября—Симеона Столпника приурочивается посѣвъ ржи въ южныхъ уѣздахъ. Кто до Семена посѣетъ рожь, тотъ будетъ съ хлѣбомъ, а кто послѣ Семена, тотъ получитъ плохой урожай. Въ этотъ день вылетаютъ птицы въ вырей, а ласточки прячутся на зиму въ озера и въ колодези. Если птицы улетаютъ раньше этого дня, значитъ, зима будетъ ранняя, если позже—то зимы придется долго ждать. Недѣля съ 1 по 8 сентября называется „бабскимъ лѣтомъ". По другимъ же—оно бываетъ около Покрова.

4 сентября, день празднованія ик. Божіей матери „Неопалимая Купина" не отмѣчается и проводится обычно. Во время пожаровъ молятся св. вмч. Агаѳіи, и горящія зданія обносятся тѣми иконами, какія можно скорѣе снять съ божницы.

6 сентября—чудо арх. Михаила, „Чуды". Крестьяне не зажигаютъ огня въ овинахъ и не молотятъ хлѣба. Иначе все сгоритъ. По этому поводу въ народѣ ходитъ много легендъ. Одинъ крестьянинъ заночевалъ въ гумнѣ въ эту ночь, чтобы пораньше стать молотить. Но ночью на него навалилась нечистая сила, а когда онъ схватилъ ее за лапы и сбросилъ съ себя, она убѣжала съ дикимъ хохотомъ. Мужикъ со страха едва домой добѣжалъ. Другой крестьянинъ съ семьей уже приступилъ къ молотьбѣ предъ разсвѣтомъ. Вдругъ въ гумно входитъ молодой человѣкъ прекрасной наружности и спрашиваетъ: „что вы дѣлаете, добрые люди?"—А ты развѣ не видишь, что мы дѣлаемъ? Молотимъ жито!—„Да я вижу, что вы молотите, но вѣдь сегодня Чуды!"—Э, вотъ, какъ смолотимъ, такъ и будетъ чудно!.. Послѣ этого отвѣта посѣтитель сталъ невидимъ, а гумно моментально вспыхнуло и сгорѣло со всѣмъ хлѣбомъ, едва успѣли выбѣжать изъ него хозяева. Третій крестьянинъ отправился ночью въ гумно растопить печь, но къ ужасу своему увидѣлъ, что въ печи уже горитъ огонь въ видѣ огненнаго шара. Испугавшись, онъ убѣжалъ изъ гумна и цѣлую ночь ждалъ, что оно загорится. Къ счастью, все обошлось благополучно, но о молотьбѣ въ этотъ день онъ уже не помышлялъ.

Въ Гомельскомъ уѣздѣ нищіе приурочили къ этому дню стихъ о Почаевской иконѣ Божіей Матери, празднованіе которой совершается 8 сентября. Сдѣлано это на томъ основаніи, что въ стихѣ нѣсколько разъ упоминается слово „чудо". Стихъ поется въ очень искаженномъ и сокращенномъ видѣ.

Прачы́стая Божая Мати,
Мати Божаго раю,
А явилася у томъ краю
У прикраснамъ раю.
Ой, тамъ чуда, чуда паказала,—
А ў палатахъ плакати стала.

Якъ забачыў панъ Палицэйскій,
А ёнъ главу прыкланйў.
Пазбирали свящéнникаў,
Уси прыня́ли кращéнія,
А Прачыстаю Божаю Матяръ
Да цэ́рквы узя́ли.

—

День 8 сентября, Рождество Богородицы, извѣстенъ подъ названіемъ „Малой Пречистой“, „Другой Пречистой“, въ отличіе отъ дня 15 августа.

14 сентября „Здвижанья“—„батюшка у цэркви здвигáитца“. Всѣ считаютъ долгомъ быть въ церкви у заутрени и обѣдни. День постный. Въ этотъ день всѣ змѣи извѣстнаго лѣса „здвигаютца“ въ одно мѣсто и отсюда прячутся на зиму по норамъ. Поэтому стараются въ этотъ день въ лѣсъ не ходить.

26 сентября, день Іоанна Богослова, называется „Иванъ Шаптýнъ“. По объясненіямъ стариковъ, названіе это произошло оттого, что въ этотъ день во время крѣпостного права свахи секретно сговаривались съ женихами относительно невѣстъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы 1 октября устроить и свадьбу. Въ Витебской губерніи соблюденія этого обычая строго требовали помѣщики, и почти всѣ свадьбы у крестьянъ совершались въ день Покрова. Существуетъ присловье: „Иванъ Богуслáў дружкѝ разаслáў, а абъ Пакрóва дѣўка гатóва“.

Октябрь.

1 октября—Третья Пречистая. Празднованіе этого дня ничѣмъ не отличается. Накануне вечеромъ дѣвушки гадаютъ о замужествѣ, считаютъ колья въ изгородяхъ, слушаютъ съ блиномъ на перекресткахъ, въ которой сторонѣ лаютъ собаки, приносятъ дрова въ хату и считаютъ полѣнья, спрашиваютъ у проходящихъ имя, пекутъ соленую лепешку, которую съѣдаютъ передъ сномъ и просятъ, чтобы суженый напоилъ ихъ и т. д.

Въ день Покрова дѣвушки, желающія выйти замужъ, ставятъ въ церкви свѣчу предъ иконою Покрова и молятся: „Святый Покрóў! Пакрыў ты и зямлю и вадў,—пакрый и мянѐ маладу!“ Или: „Пакрóў—Багарóдица! Покрый мянѐ, дѣушку, пилянóй сваёй нитьлѣнпаю итѝ на чужую старóнушку!“

16 октября болѣющіе глазами молятся св. Логгину, который считается цѣлителемъ такихъ болѣзней.

18 октября, день св. евангел. Луки празднуется деревенскими иконописцами, которыхъ довольно много въ Гомельскомъ уѣздѣ. Св. Юліанъ считается хранителемъ малыхъ дѣтей.

26 октября день св. Димитрія. Суббота предъ этимъ днемъ зовется „Поминалною“, „Родительскою“, „Змитровскою“ или просто „Дѣдами“. Въ церкви совершается поминовеніе усопшихъ. Въ Гомельскомъ уѣздѣ въ церковь приносится по три паляницы изъ каждаго двора причту за поминовеніе. Дома готовится лучшій обѣдъ изъ борща, каши, жаркого и обязательно блиновъ и кутьи. Набожныя хозяйки поминаютъ умершихъ родителей въ три субботы подъ рядъ—Дмитріевскую, Кузьмину и Михайловскую. Послѣ обѣда въ эти дни

не работаютъ. Существуетъ вѣрованіе, что если послѣ ужина, въ полночь, посмотрѣть въ избу черезъ верхъ, то увидишь, какъ душечки умершихъ будутъ вечерять.

28 октября, память св. Параскевы Пятницы, день праздничный. Считается грѣхомъ въ этотъ день пахать, дѣлать щелокъ для мойки бѣлья, выносить золу, и въ особенности прясть. Нѣкоторыя женщины имѣли видѣніе, что тѣло святой отъ ихъ пряденья все покрывается ранами отъ уколовъ веретенъ, и она просила ихъ не причинять ей мученій пряденьемъ. Такъ же чтятся пятницы предъ двунадесятыми праздниками, а также предъ Ильею и предъ Покровомъ. Многія женщины воздерживаются отъ пряденья по пятницамъ всего года. Во всѣхъ древнѣйшихъ храмахъ Бѣлоруссіи имѣются чтимыя иконы св. Параскевы Пятницы. Въ день ея памяти женщины считаютъ обязанностью принести ей въ жертву только-что помятую и отрепанную первину льна и конецъ холстинки или полотенце, которыя навѣшиваются на образъ. Полотенце, повисѣвшее нѣкоторое время на образѣ св. Параскевы, получаетъ цѣлебную силу, и молящіеся вытираютъ имъ лицо и больные глаза. Эти приношенія поступаютъ въ пользу церкви.

Н о я б р ь.

1 ноября, день св. Кузьмы и Демьяна, особенно чтутъ дѣвушки, такъ какъ эти святые считаются покровителями свадебъ. (См. ниже, описаніе свадебъ). Этотъ день празднуютъ кузнецы, по созвучію считающіе Кузьму покровителемъ кузнецовъ. Въ Гомельскомъ уѣздѣ о святыхъ существуетъ такая легенда: Кузьма и Демьянъ были кузнецами въ Кіевѣ. Тамъ появился змѣй, который хотѣлъ поѣсть людей. Народъ, спасаясь отъ змѣя, спрятался въ кузницу Кузьмы и Демьяна. Змѣй прибѣжалъ къ кузницѣ и пролизалъ языкомъ желѣзныя двери, а потомъ просунулъ въ отверстіе и голову. Тогда Кузьма и Демьянъ схватили змѣя за языкъ раскаленными клещами, а двѣнадцать учениковъ ихъ стали бить змѣя молотами по головѣ. Когда змѣй ослабѣлъ, святые запрягли его въ огромную желѣзную соху и погнали глубокую борозду по полю, вплоть до самаго моря. Дотащивъ соху до моря, змѣй отъ усталости сталъ пить морскую воду и отъ нея околѣлъ. А борозда та видна и теперь въ степяхъ.

Какъ извѣстно, легенда эта входитъ, въ видѣ отдѣльнаго эпизода, во многія бѣлорусскія богатырскія сказки, въ которыхъ змѣй, или змѣя, является однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ. Образцы ихъ приведены въ III и VI выпускахъ „Бѣлор. Сборника“.

8 ноября не отличается отъ другихъ дней и празднуется только тамъ, гдѣ имѣется Михайловская свѣча.

14 ноября „запусты на Пилиповку“. Съ этого дня въ продолженіе всей зимы до великаго поста дѣвушки начинаютъ ходить на

супрядки, посидѣлки, посидѣнки, на́-ночки. Для этого они выпрашиваютъ у какого нибудь бездѣтнаго крестьянина или у вдовы избу, угощаютъ его въ складчину „могарычемъ“ и затѣмъ каждый вечеръ приходятъ сюда прясть. Освѣщеніе у дѣвушекъ тоже свое. Сюда же, естественно, приходятъ и парни. По праздникамъ хозяйка печетъ изъ продуктовъ дѣвушекъ блины, пироги и т. п., парни приносятъ водку и происходитъ взаимное угощеніе. Послѣ угощенія пробуютъ танцевать, но безъ музыки, а подъ припѣвки, часто весьма нескромнаго содержанія. Это не игрища, но во всякомъ случаѣ ихъ репетиціи. Въ довершеніе всего молодежь тутъ же и ночуетъ вмѣстѣ, „чтобы утромъ дѣвушкамъ пораньше встать и сѣсть за пряжу“. Хозяева также обильно угощаются водкой и не препятствуютъ этимъ оргіямъ, и въ результатѣ молодежь развращается. Строгіе родители не пускаютъ своихъ дочерей на́-ночки, и послѣднимъ посѣтители посидѣнокъ нерѣдко жестоко мстятъ.

За длинный посидѣночный періодъ дѣвушки перепѣваютъ весь репертуаръ пѣсенъ, не приуроченныхъ къ какому нибудь опредѣленному времени или къ обряду. По мѣстамъ пѣсни эти носятъ различныя названія: посидѣночныя, осеннія, зимнія, такія, которыя поются „абы-коли“ и т. д. Въ Рогачев. уѣздѣ пѣсни эти называются *твердыми*. Образцы ихъ приводятся ниже.

Съ этимъ днемъ соединяется повѣрье о томъ, что, начиная съ него, волки собираются въ стаи и бѣгаютъ стаями всю зиму, когда они особенно опасны для путниковъ. Съ Крещенья они бѣгаютъ по одному „безъ воли“ до Юрьева дня, Юрій же—волчій пастухъ—распредѣляетъ ихъ по мѣстамъ и они находятся подъ его началомъ именно „до Пилиповскихъ запустовъ“. Если волки растерзаютъ человѣка, они могутъ всего его съѣсть, но головы не трогаютъ: боятся.

26 ноября, въ день зимняго Юрья, подстригаютъ гривы и хвосты лошадямъ, а также отнимаютъ отъ кобылицъ жеребятъ сосуновъ и ставятъ ихъ въ особые хлѣва до весны.

30 ноября вечеромъ, а также въ день Андреева стоянія, ложась спать, дѣвушки осыпаютъ постель льнянымъ или конопляным сѣменемъ съ словами: „На тябѣ, святый Андрею, ленъ сѣю! Дай Божа знати, съ кимъ буду горава́ти!“ И приснится женихъ.

Декабрь.

1 декабря, память прор. Наума. Многіе родители, особенно въ мѣщанской средѣ, начинаютъ въ этотъ день обученіе дѣтей грамотѣ, по созвучію: „пророкъ Наумъ наставитъ на умъ“. Раньше съ этимъ считались и сельскія школы. Хозяева примѣчаютъ, въ какой день недѣли идетъ первый снѣгъ: въ этотъ именно день нужно сѣять весной горохъ.

4 декабря, „святыя Варвары ночи уворвали, а день надточили.“ Съ этого дня начинають увеличиваться дни и уменьшаться ночи. Южные уѣзды Бѣлоруссіи, имѣющіе частыя сношенія съ Кіевомъ, празднують день Варвары, устраивають ея иконы, въ честь ея свѣчи, пріобрѣтають „Варва́рники“ съ житіемъ святой и акаѳистомъ, женщины и дѣти носять шейные образки святой и т. д. Въ этотъ день, по созвучію, варятъ „вареники“ изъ гречневой муки и подають съ коноплянои „масленкой“.

5 декабря, день св. Саввы. Праздникъ: св. Савва считается отцомъ св. Николая, который требуетъ: „святкуй мянѐ, и батьку майго̀!“

Такимъ образомъ, дни 4, 5 и 6 декабря соединяются въ одинъ трехдневный праздникъ. Къ Николину дню главнымъ образомъ приурочиваются деревенскія свѣчи. Въ отличіе отъ весенняго Миколы, допускается широкій разгулъ.

9 декабря, зачатіе св. Анны. Съ этого дня начинаетъ оттаивать замерзшая земля и у деревьевъ начинають расти корни.

18 декабря, св. Модеста. Этотъ угодникъ считается хранителемъ скота.

24 декабря—Первая кутья. Кутья варится въ этотъ день по слѣдующему поводу: „Якъ Ирадъ убива́ў млadéнцаў, то Матяръ Божая утяка́ла съ Ісу́самъ Хрыстомъ. Жыды̀ дагна́ли яѐ и спра́шуять: „що ты нясешъ?“ А яна кажа: кутьтю! Палядѣ́ли яны, ажъ и пра́ўда: кутьтя! Вотъ заты́мъ и варуть кутьтю...“

Въ этотъ день и въ слѣдующій нѣкоторые хозяева не одѣваются по праздничному и остаются въ „черномъ“ заношенномъ бѣльѣ. Дѣлается это для того, чтобы будущимъ лѣтомъ у него уродилась хорошая, крупная и черная гречиха. Вечеръ этого дня уже называется Колядою, и народный календарь вступаетъ въ новый годъ.

Народныя вѣрованія.

Вѣрованія, повѣрья, суевѣрія, примѣты, средства отъ болѣзней.

Въ дополненіе къ тѣмъ даннымъ по народному міросозерцанію, которыя помѣщены въ IV вып. „Бѣл. Сб.“, привожу здѣсь еще нѣкоторыя.

Дбля представляется народомъ въ видѣ красивой голой дѣвушки. Сопровождаетъ человѣка вездѣ.

Злыдни—худыя, съ облѣзшею шерстью, животныя въ родѣ котовъ или собакъ. Живутъ въ домѣ за печкой.

Бѣда приводитъ человѣка къ бѣдности: домъ сгоритъ—бѣда; лошадь украдутъ—бѣда.

Горе—то же, что печаль.

Лихомъ въ южной Бѣлоруссіи называютъ болѣзнь: Якóя у ягó лиха? Отъ якóга лиха ёнъ памёръ. Ср.—лихорадка.

Морокъ—одурѣніе.

Марà—какое то страшное массивное существо, на короткихъ лапахъ, непремѣнно черное, котораго дѣти очень боятся. При передвиженіи отъ Мары исходятъ металлическіе звуки, какъ отдаленные удары въ чугунный котелъ. Теперь Мара—пугало изъ соломы, одѣтое въ рвань.

Мáня то же, что призракъ, привидѣніе.

Кадýкъ—разновидность черта, живущая въ старыхъ зданіяхъ, въ водяныхъ мельницахъ и т. п.

Парáличъ, Парáлюшъ—тоже чертъ, поднимающій круговые вихри. Кого онъ охватитъ вихремъ, у того отнимутся руки или ноги, или языкъ.

Холера, Чума, Хúньтя (лихорадка) представляются въ видѣ женщинъ: холера—худая желтая; чума—злая, черная; хиньтя—старая трясущаяся баба.

Ангелы—духи, могущіе принимать человѣческій образъ и тогда они имѣютъ видъ прекрасныхъ юношей. Ангеловъ много и число ихъ все увеличивается. Чиновъ ангельскихъ народъ не различаетъ и всѣхъ называетъ ангелами, считая старшимъ архангела Михаила Изъ нынѣшнихъ людей никто ангеловъ не видѣлъ, такъ какъ всѣ теперь очень грѣшны.

Нечистая сила очень многочисленна. Среди нея различаютъ дьявола, черта, сатану, бѣса, нечистаго духа, антипку безпятаго, ка-

дука, паралюша. Сатана и дьяволъ старшіе, а всѣ остальные—рядовые нечистики. Самымъ же старшимъ считается дѣдушка Луцыперъ, который развелъ чертей. Черти женятся на чертихахъ и имѣютъ дѣтей. Оригинально, что изображеніе чертихи народъ видитъ въ томъ желтомъ лицѣ, которое въ картахъ изображено на плечѣ бубновой дамы. Но кромѣ чертихъ, черти знаются и съ женщинами-вѣдьмами. Отъ такой связи рождаются уроды съ рогами, или косматые, съ свинымъ лычомъ, или безъ рукъ и ногъ. Черти женятся еще на самоубійцахъ-женщинахъ, какъ чертихи выходятъ замужъ за самоубійцъ мужчинъ. Вихрь представляетъ чертовскую свадьбу, въ которой участвуютъ и вѣдьмы. Если бросить въ средину столба отъ вихря ножъ, то онъ упадетъ на землю окровавленный. Очевидно, онъ попалъ въ вѣдьму. Черти летаютъ къ своимъ женамъ-вѣдьмамъ въ видѣ огненныхъ змѣевъ, черезъ трубу. Красные змѣи носятъ вѣдьмамъ деньги, желтые—рожь, хлѣбъ, бѣлые—овечью шерсть, также—муку. У такой вѣдьмы сосѣди учтутъ каждую копѣйку, каждый мѣшокъ ржи и каждую горсть шерсти.

Главнымъ мѣстопребываніемъ чертей считаются болота, особенно бурыя, торфяныя, съ кочками и топями. „Чертъ ты съ бураго болота“ считается очень браннымъ выраженіемъ. Другимъ любимымъ мѣстопребываніемъ чертей считаются бани. Въ свободное время черти гонятъ смолу, въ которой горятъ въ пеклѣ грѣшники.

Черти не умираютъ и ихъ можетъ убить только громъ. Грома они очень боятся. Это видно изъ того, что свадьбы свои они устраиваютъ только въ очень хорошую погоду, когда нельзя ожидать грозы. Въ облачное же время вихрей не бываетъ; тогда черти не женятся, опасаясь грозы. Во время грозы они прячутся даже въ воду и обращаются въ рыбъ. Опытные рыболовы ни за что не станутъ ѣсть пойманной во время грозы рыбы, у которой красные глаза. Это, несомнѣнно, черти. Черти крадутъ у женщинъ некрещенныхъ дѣтей или подмѣниваютъ своими. Когда такого чертенка понесутъ крестить, онъ скинется чернымъ котомъ или козленкомъ, а также бараномъ или собакой, непремѣнно черными, и убѣжитъ съ хохотомъ. Тогда черти возвращаютъ родильницѣ похищеннаго ребенка.

Людямъ черти являются въ полдень и въ полночь, и преимущественно, „на ростанькахъ“—перекресткахъ. И такіе „бѣсы полуденные“ Псалтири очень опасны, особенно лѣтомъ. Въ это время и случается отъ нихъ больше всего несчастій: купающіеся или рыболовы тонутъ, жнеи обрѣзываютъ руки, путники, охотники и лѣсники блудятъ и т. д. Стараются поэтому, по завѣту Мономаха, полдень переждать. Особенно любятъ черти пьяныхъ. Напускаютъ на нихъ туманъ, воду, и заводятъ въ болото. Здѣсь усаживаютъ ихъ на „купину“ и, если пьяный—музыкантъ, заставляютъ играть, а сами „скачутъ“. Или

внушаютъ пьянымъ, что они находятся въ банѣ. Тѣ раздѣваются и лѣзутъ въ топь, а зимою въ сугробъ, гдѣ и замерзаютъ.

Если на ночь не покрыть сосуда съ водою или водкою, или кувшина съ молокомъ, то чертъ непремѣнно осквернитъ ихъ. И если человѣкъ выпьетъ такой воды, водки или молока не перекрестившись, то чертъ и его осквернитъ. Этимъ объясняются сумасбродства тѣхъ пьяныхъ, которые пьютъ съ утра. Очевидно, съ водкою они выпили бѣсовскія испражненія. Во всякомъ же случаѣ, пившіе осквернятся и проболѣютъ. Точно также надо крестить ротъ, когда зѣваешь, иначе чертъ и тамъ нагадитъ.

Колдуны продаютъ свою душу чертямъ. Договоръ объ этомъ пишется кровью на кожѣ повѣсившагося самоубійцы. Заключившій такой договоръ съ чертомъ уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ отъ него отказаться.

Чертъ выдумалъ водку, но табакъ, по одной версіи, выросъ изъ чрева блудницы, грѣшившей съ собакою, а по другой—онъ выросъ на томъ мѣстѣ, гдѣ повѣсился Іуда, чтобы люди курили табакъ и плевали на Іуду. Водка тоже не проклята Богомъ, а только названа окаянною.

Слова „чертъ" нельзя произносить въ хатѣ. Бываютъ такія минуты въ днѣ, когда чертъ по этому слову можетъ явиться. Поэтому вмѣсто чертъ говорятъ: шутъ, идолъ, ёнъ, тэй. Равнымъ образомъ надо быть осторожнымъ и съ проклятіемъ: „а штобъ ты проклятъ быў!" Если проклятіе придется на тѣ же минуты, то оно сбудется.

Не смотря на то, что чертъ превращается въ черныхъ котовъ, собакъ, козловъ и барановъ, этихъ животныхъ черной масти хозяева держатъ; но во время грозы все же выгоняютъ ихъ изъ дому.

Такъ какъ въ полдень и въ полночь черти являются главнымъ образомъ на рбстанькахъ, то, чтобы удалить ихъ, набожные люди ставятъ здѣсь по обѣщанію кресты. Къ этимъ же мѣстамъ приурочивается и постановка крестовъ во время освященія полей. Наконецъ, здѣсь воздвигаютъ кресты люди бездѣтные или такіе, у которыхъ умираютъ дѣти. Въ вѣтковской волости Гомельскаго у. на этотъ счетъ существуетъ такая легенда:

Адйнъ чалавѣкъ дужа гарюва́ў, што ня мáя дятéй. Разъ пахаў ёнъ, пахаў, замарыўся, и плача. Идé Микола Чудатвóрацъ и пытая: „Чагó, чалавѣкъ Божжый, плáчашъ?"—А якъ жа мнѣ ня плáкать: бъюся, бъюся, а пярямѣны ня мáю!—„Чамý жъ ты дятя́мъ ня загáдаваишъ пасабля́ть табѣ?" кáжа угóдникъ.—Ни тярпѣў ба я ни нужды, ни прáцы такíя, калй бъ дѣти былй! А то ня былó ихъ у мянѣ и нимáшъ!—„Ну, кажа угодникъ: калй хóчашъ, штобъ былй дѣти, пастáў па тры крясты́ на дарогахъ. На сколькихъ пастáвишъ, стольки и дятéй бýдя!" Мужыкъ узяў и пастáвиў крясты́ на васьмй дарогахъ. И радйлась у ягó восимъ сынóў. Стаў ёнъ багатѣй за ўсихъ у сялѣ.

Ну напаслѣ напрыкрали яму дѣти. Ёнъ нашбў да й пасьсякаў крястыі. Якъ пасьсякаў, такъ сыны и памéрли. И стаў мужыкъ изноў такимъ, якъ быў.

Сообщ. М. Г. Головинская.

Людей, которые видѣли черта, очень много. Въ особенности часто видятъ его женщины: одна вытащитъ его ведромъ изъ колодца въ видѣ чернаго кота; у другой онъ въ томъ же видѣ вылѣзъ изъ-подъ полу; третьи ловили рыбу бреднемъ и вытащили черта въ видѣ большого сома и т. д. Всѣ эти черти съ хохотомъ уходили отъ женщинъ. Въ 1890-хъ годахъ въ м. Вѣткѣ ходилъ разсказъ, что чертъ вылѣзъ изъ р. Сожа въ видѣ карлика съ поларшина ростомъ, въ круглой шапочкѣ, и катался на палочкѣ, какъ это дѣлаютъ дѣти. Позже его видѣли катающимся въ крошечной лодкѣ. Послѣ этого видѣнія въ Вѣткѣ были утопленники. Мужчины видятъ черта обыкновенно вблизи кабаковъ, въ видѣ высокаго чернаго человѣка, обросшаго волосами и съ хвостомъ.

Чертъ постоянно находится при человѣкѣ, съ лѣвой его стороны, и старается склонить его ко злу. Для предохраненія человѣка, ему при крещеніи данъ ангелъ-хранитель, слѣдующій всегда съ правой стороны. Поэтому плевать на правую сторону или бросать что-либо грѣшно: можешь попасть въ ангела. Точно также грѣшно плевать въ окно или что-либо выбрасывать. Наконецъ, грѣшно и вообще плевать на полъ и не растирать плевковъ: изъ каждаго плевка рождается бѣсъ. Какъ чертъ, такъ и ангелъ-хранитель, ведутъ записи дѣлъ человѣка, первый—худыхъ, второй—добрыхъ. При каждомъ худомъ дѣлѣ человѣка ангелъ плачетъ, а чертъ радуется.

Вѣрованіе въ домового существуетъ. Это человѣкоподобное существо, черное, покрытое волосами. Мѣсто жительства его въ домѣ опредѣляется различно: на печи, подъ печью, подъ поломъ, въ сараяхъ и въ хлѣвахъ, гдѣ помѣщается скотъ. Въ послѣднемъ случаѣ домовой духъ смѣшивается съ хлѣвникомъ. При покровительствѣ домового въ домѣ все спорится; въ противномъ случаѣ онъ старается вредить хозяину: ночью бьетъ посуду, бросаетъ „кочерги", даже пытается душить спящаго хозяина; въ домѣ все не удается и главнымъ образомъ не ведется скотъ. Дѣятельность свою домовой проявляетъ исключительно ночью и главнымъ образомъ въ хлѣвахъ, гдѣ онъ или холитъ лошадей, или наоборотъ мучитъ ихъ, заѣзживаетъ. Чтобы обезвредить домового, застрѣливаютъ въ первый день Рождественскихъ праздниковъ, 25 декабря, или въ день Новаго года, до обѣдни, сороку или ворону и, зацѣпивъ веревочкой за горлышко, вѣшаютъ ее въ хлѣву. Другіе пекутъ подъ полнолуніе хлѣбъ и отъ первой булки (бахóнки, кулидки) отрѣзываютъ горбушку (акрáицъ), солятъ

ее и ночью отправляются съ нею въ хлѣвъ. Войдя въ хлѣвъ, хозяинъ говоритъ: „Дамави́къ дамавы́й! Прымѝ ать мянѐ хлѣбъ-соль, люби́ майхъ лошадей и жа́луй! И я буду тябѐ любить и жалавать!" И кладетъ хлѣбъ гдѣ-нибудь подъ стрѣхой.

Кромѣ домового и хлѣвника, большинствомъ считаемаго отдѣльнымъ духомъ, при дворѣ человѣка проживаютъ еще: банникъ, живущій въ банѣ подъ полкомъ, и гуменникъ или подовинникъ, проживающій подъ осетью.

Банникъ—злой духъ, видомъ напоминающій водяного; гуменникъ-же добродушный старичокъ маленькаго роста, подпоясанный соломеннымъ перевясломъ, охраняющій гумно и помогающій хозяину въ сушкѣ и молотьбѣ хлѣба. Разсказовъ про этихъ духовъ существуетъ много, и видѣть ихъ можно часто. Но не слѣдуетъ только заговаривать съ ними, а нужно молиться и креститься. Тогда они сдѣлаютъ свою работу и станутъ невидимы.

Внѣ дворовъ живутъ лѣсовикъ, полевой и водяной. Впрочемъ, полевого народъ смѣшиваетъ съ гуменникомъ, утверждая, что гуменникъ проживаетъ во ржи въ полѣ, пока гумна пустыя. См. выше зажиночныя пѣсни. Лѣсовикъ представляется человѣкомъ огромнаго роста—„съ дерево", въ лаптяхъ, и съ длинною пугою въ рукахъ. Онъ звѣриный пастухъ и вѣчно враждуетъ съ охотниками, всячески отводя ихъ въ сторону отъ дичи и помогая заблудиться. Въ этомъ ему помогаютъ и черти, отзываясь эхомъ на клики заблудившихся. Эхо—это голоса чертей. Когда заблудишься, надо сѣсть и разуться, и лѣвый лапоть надѣть на правую ногу, а правый на лѣвую. Тогда найдешь дорогу. Но къ случайнымъ посѣтителямъ лѣса онъ относится добродушно, выводитъ ихъ на дорогу и даже дѣлится хлѣбомъ. Жители лѣсныхъ мѣстностей видятъ его довольно часто, но еще чаще слышатъ хлопанье его пуги и крики на звѣрей: го-го-го-го-гò!

Что касается водяного, то это безусловно вредный духъ. Главное его занятіе—топить людей. Но онъ не прочь посадить берлину на мель, оборвать удочки у рыбака, набросавшаго ихъ въ его омутъ, не прочь утащить за ноги утку въ воду. Наружность его въ народномъ представленіи двоится: одни—прирѣчные жители представляютъ его старикомъ огромнаго роста, съ зелеными волосами и бородою изъ водорослей. Онъ нерѣдко въ полдень выскакиваетъ изъ воды до пояса и кричитъ: „ротъ есть, да некого ѣсть!" Другіе представляютъ его себѣ человѣкоподобнымъ существомъ, но чернымъ, обросшимъ волосами, съ рогами на головѣ, съ хвостомъ, оканчивающимся стрѣлкою, и съ когтистыми лапами вмѣсто рукъ и ногъ. Они злы, и не только топятъ людей, но и мучатъ утопленниковъ. Ихъ много. Они женятся на дѣвушкахъ, проклятыхъ матерями, и на утопленницахъ. Въ рѣкахъ живутъ они большею частью въ омутахъ, „вира́хъ", гдѣ вѣчные водовороты, а въ озерахъ въ такихъ глубокихъ и „заколоженныхъ"

мѣстахъ, которыя совершенно неприступны. Около такихъ мѣстъ плавають съ большимъ страхомъ, въ особенности ночью,—какъ на землѣ со страхомъ проходятъ около болотъ.

Механикъ, строящій водяныя мельницы, а затѣмъ и мельникъ, обязаны „знаться“ съ водянымъ и всячески съ нимъ ладить. Въ противномъ случаѣ водяной не разъ сорветъ мельницу при постройкѣ и впослѣдствіи будетъ ее портить и ломать. Обыкновенно, водяному даютъ „залогъ“: засыпаютъ въ плотину живую курицу, хотя, собственно, требуется христіанская душа. Въ этнографическихъ записяхъ Гродненской губерніи есть указанія, что въ прежнія грубыя времена въ аналогичныхъ случаяхъ зарывали живыми сиротъ. „Отчичи“, занимающіеся пчеловодствомъ, также продаютъ свою душу водяному, чтобы имѣть много пчелъ, меду и воску. Про такихъ пчеловодовъ говорятъ, что „у ихъ у нбси нѣшта ёсь!“

Въ поляхъ и огородахъ проживаетъ еще Желѣзная баба. Эта злая низкорослая старуха, съ желѣзными большими грудями, хватаетъ желѣзнымъ крюкомъ тѣхъ дѣтей, которыя осмѣливаются заходить одни въ поля и огороды, чтобы полакомиться бобомъ, горохомъ, макомъ, овощами, бросаетъ ихъ въ свою желѣзную ступку, толчетъ и ѣстъ. Вѣра въ существованіе Желѣзной бабы поддерживается въ дѣтяхъ извѣстной сказкой про Иваньку-сынка и Аленку, вѣдьмину дочь.

Кромѣ Желѣзной бабы, во ржи живетъ еще Стрижакъ. Есть впрочемъ мнѣніе, что Стрижакъ не духъ, а человѣкъ. Раньше это были бѣглые помѣщичьи крестьяне и бѣглые солдаты, скрывавшіеся отъ погони, теперь изрѣдка прячутся во ржи бѣжавшіе изъ тюрьмы арестанты.

Взгляды на небесныя явленія слѣдующіе:

Если на небѣ появится комета-метла, то это служитъ предсказаніемъ большихъ несчастій: войны, голода, мора на людей и на скотъ и т. п. Падающія звѣзды, въ разрѣзъ съ мнѣніемъ гродненскихъ бѣлоруссовъ, считающихъ, что это души некрещенныхъ младенцевъ, которымъ надо дать имена, восточные бѣлоруссы видятъ въ нихъ змѣевъ, которые летятъ къ вѣдьмамъ и колдунамъ. Это мнѣніе особенно твердо установилось въ отношеніи метеоровъ. Гдѣ метеоръ разсыплется или исчезнетъ, тамъ и ищутъ колдуновъ. Но тамъ же существуетъ взглядъ, что паденіе звѣзды означаетъ смерть человѣка въ эту минуту: „это его душечка летитъ!“ Сколько на небѣ звѣздъ, столько на землѣ людей, у каждаго своя звѣзда. Тучи дѣлаетъ св. Тихонъ, живущій на небѣ въ такомъ сильномъ туманѣ, что его никогда нельзя видѣть. Онъ „натучиваетъ“ воду изъ морей, чтобы дѣлать дождь. Пятна на лунѣ объясняются, какъ и вездѣ: Каинъ и Авель во время метанія стога поссорились, и Каинъ прокололъ Авеля вилами. Въ назиданіе людямъ, Богъ велѣлъ ему вѣчно держать на

видахъ на лунѣ убитаго брата. На солнце смотрѣть грѣхъ; будешь наказанъ тѣмъ, что ослѣпнешь. При видѣ молодика надо перекреститься и сказать: „Маладичокъ маладэ́й, ў тябе́ рогъ зылатэ́й! Табѣ на прибы́такъ, а намъ на спасенья (или на здарбу́я!"). Тогда цѣлый мѣсяцъ будешь здоровъ. Если въ новолуніе дождь, говорятъ: „Дяковать Богу! Ми́ладикъ нарадзі́уся и ужэ́ аксьті́уся!" Мѣсяцъ этотъ будетъ благополученъ. (Сѣнн. у.) Солнечное и лунное затменіе предвѣщаютъ, что будетъ „перемѣна" въ народѣ, то есть моръ или голодъ. Сѣверное сіяніе предсказываетъ кровавую войну, а по другимъ— означаетъ, что гдѣ то на землѣ произошла большая тревога или случилось большое несчастіе. Млечный путь называется дорогою; по ней птицы летятъ въ вырей. Выреемъ въ послѣднее время стали называть теплыя страны, на полудень, куда улетаютъ зимовать птицы. Радуга — это „коромыселъ Божій"; имъ набирается вода для дождя изъ рѣкъ, озеръ и морей. Громъ и молнія происходятъ (кромѣ разъѣздовъ Ильи по небу) еще оттого, что хмары при встрѣчѣ ударяются одна о другую. Если же онѣ при встрѣчѣ только трутся другъ о друга, то въ небѣ бываетъ большой шумъ, какъ бы отъ сильнаго вѣтра. Гроза происходитъ еще оттого, что чертъ осмѣливается спорить съ Богомъ: „Ты мяне́ ни убъе́шъ, я схава́юсь"!—Нѣ, ни схава́исься!—„Я ў чалавѣка залѣзу, а ўсё жъ схава́юсь!"—Я й чалавѣка убъю, грахо́ў яму́ за ета атпущу́, а тябе́ усё-тыки дастану!... Поэтому во время грозы надо по возможности сидѣть дома, креститься и молиться. Очень полезно зажигать лампадку или свѣчу предъ образами. Ѣсть во время грозы или работать, Боже сохрани, нельзя. Такъ какъ гонямый Богомъ бѣсъ прячется и въ дупла деревьевъ и подъ кусты, то во время грозы нельзя стоять подъ деревьями или сидѣть подъ кустами. Чтобы діаволъ не спрятался въ домъ, во время грозы закрываютъ и печныя вьюшки. Обязательно выгоняютъ изъ хаты собакъ и черныхъ котовъ. Убитаго молніей человѣка считаютъ счастливымъ: „ёнъ Богу угóдинъ, дакъ Богъ яго къ сабѣ узя́ў". Онъ идетъ въ рай. То же мнѣніе существуетъ и о роженицахъ, умершихъ отъ родовъ. При первомъ громѣ весною надо три раза кувыркнуться черезъ голову, тогда цѣлый годъ будешь здоровъ и громъ не убьетъ. Надо также „поднимать" печь, чтобъ быть сильнымъ, и умываться, чтобъ глаза не болѣли. Наблюдаютъ, гдѣ будетъ первый ударъ грома: если съ полудня, то годъ будетъ урожайный, если съ полночи, то голодный (паўдёнъ—югъ, паўно́чь—сѣверъ, васхо́дъ и за́ходъ—востокъ и западъ).

Вѣтеръ происходитъ оттого, что какой-то сильно „грибатый" человѣкъ дуетъ своими огромными губами. Морозъ—это такой дѣдъ, который щелкаетъ своею пугою и дѣлаетъ холода и морозы. Направленіемъ вихрей, какъ зимнихъ, такъ и лѣтнихъ, управляютъ дѣти, которыхъ матери приспали.

Блуждающіе огни указываютъ мѣстонахожденіе кладовъ. Это они пересушиваютъ деньги въ кладахъ, чтобы не истлѣли. Огни на кладбищахъ доказываютъ, что тамъ погребено много праведныхъ людей: „щасьливы тыя покойнички, што надъ магілками агнй гарáть!“

Земля стоитъ на трехъ китахъ и землетрясенія происходятъ отъ движеній этихъ китовъ. Поставлена она на китовъ во время Ноева потопа, а кончитъ свое существованіе тѣмъ, что сгоритъ во время страшнаго суда. Предъ концомъ міра по землѣ будетъ ѣздить чертъ съ большою печкою и жечь въ ней грѣшниковъ. (Сѣн. у.) Отправляясь на чужую сторону, берутъ съ собою горсть родной земли, но не для того, чтобы быть съ ней погребеннымъ, а съ цѣлью всыпать ее на чужбинѣ въ источникъ, если вода тамъ непріятна для питья. Землею клянутся, и въ доказательство правдивости клятвы—ѣдятъ ее. Во многихъ мѣстахъ женщинамъ не позволяютъ ѣсть землю и онѣ во время клятвы только цѣлуютъ ее, какъ присягающіе цѣлуютъ крестъ и евангеліе.

Изъ деревьевъ, осина считается проклятою, потому что на ней „Юда задавився“. Она до сихъ поръ дрожитъ отъ этого. Хозяева и теперь вѣшаютъ негодныхъ собакъ на осинѣ, осину кладутъ въ могилу колдунамъ, осиновыми кольями пробиваютъ ихъ въ гробахъ, если они выходятъ изъ могилъ. Постоянный эпитетъ осины—горькая. „Павíсьни ты на гóркай асини“—проклятіе. Лоза, мелкій ивнякъ, также считается нечистымъ, потому что послѣ освященія воды въ Ердани черти выходятъ изъ воды, гдѣ имѣли зимою жительство, и поселяются въ лознякѣ. „Чертъ лозовый“ равняется ругательству: „чертъ изъ бураго болота“. Растенія, имѣющія отношеніе къ ритуалу, считаются „хорошими“. Таковы: верба, потому что освящается въ Вербное воскресенье, березнякъ, кленъ, липа, дубнякъ и т. п.—потому что идутъ на „май“, для украшенія домовъ и церквей въ праздникъ Троицы; мая нельзя жечь въ печи; его сожигаютъ въ кострахъ въ ночь на Ивана Купалу или подстилаютъ подъ хлѣбныя скирды (у бѣлор. жен рода: скíрта), подъ стога, для предохраненія отъ мышей, покражи, потравъ и т. п. Къ хорошимъ растеніямъ принадлежитъ аиръ: имъ въ Троицынъ день выстилаютъ полы въ церкви и въ домахъ, на немъ пекутъ хлѣбъ. Освящаемыя травы почитаются священными. Тому покойнику завидуютъ, для котораго ложе въ гробу и подушка сдѣланы не изъ листьевъ вѣниковъ или стружекъ, а изъ этихъ освященныхъ травъ. У хорошихъ хозяекъ пучки ихъ десятками лѣтъ висятъ въ клѣтяхъ, амбарахъ и на чердакахъ: „нехай не треба будуть!“

Кромѣ растеній ядовитыхъ, вредными считаются деревья, поврежденныя молніей и вывернутыя бурею. Къ тѣмъ и другимъ прикасался сатана. Если ихъ употребить на постройку, то зданіе или сгоритъ или обитатели его вымрутъ,—будь то люди или животныя. Такія деревья идутъ только на дрова.

Легенда о неразмѣнномъ рублѣ существуетъ въ такомъ видѣ. Чтобы его пріобрѣсть, нужно въ Страстную субботу изловить чернаго кота, увязать его въ тонкую бечевку—шпагатъ такъ, чтобы было какъ можно больше сложныхъ узловъ, и идти съ такимъ котомъ въ Пасхальную ночь въ церковь. Такого смѣльчака по пути непремѣнно встрѣтитъ покупатель и дастъ за кота рубль. Вручивши покупателю кота, продавецъ долженъ изъ всей силы бѣжать обратно домой, ни въ какомъ случаѣ не оглядываясь назадъ, какъ бы ни звалъ его покупатель и какія бы препятствія ни встрѣчались по пути. Покупатель—чертъ. Купивши кота, онъ начинаетъ освобождать его отъ бечевки, и если успѣетъ развязать всѣ узлы, догоняетъ продавца и душитъ или калѣчитъ его и отнимаетъ обратно свой рубль. Если же не успѣетъ развязать всѣхъ узловъ, смѣльчакъ дѣлается обладателемъ неразмѣннаго рубля, за который все можно покупать, а онъ снова будетъ возвращаться къ хозяину.

Есть нѣсколько способовъ получить способность дѣлаться невидимкой. Нужно поймать летучую мышь, посадить ее въ горшокъ и завязать сверху тряпкой, въ которой проколоть небольшое отверстіе. Этотъ горшокъ надо въ полночь отнести въ лѣсъ и зарыть въ муравейникъ, а самому бѣжать назадъ безъ оглядки, чтобы не слышать крика мыши, когда ее начнутъ ѣсть муравьи. Если же не успѣешь убѣжать и услышишь мышиный крикъ, тотчасъ же умрешь. Послѣ этого семь дней нельзя мыться, чесаться, молиться Богу. Потомъ въ полночь надо взять горшокъ изъ муравейника. Отъ мыши останутся только косточки. Изъ нихъ надо выбрать вилочки и если ихъ возьмешь въ ротъ, сдѣлаешься невидимкой. Если этой вилочкой зацѣпить дѣвушку и потянуть къ себѣ, она въ тебя влюбится. Когда же надоѣстъ, надо ее оттолкнуть тою же вилочкой, и она разлюбитъ. Въ Гом. у. летучую мышь отвозятъ въ муравейникъ даже на лошади.

Во время крестнаго хода въ Пасхальную ночь надо съ зажженной Страстной свѣчой лѣзть на чердакъ. Тамъ за трубою найдешь дряхлаго старичка въ шапкѣ—колпакѣ. Если эту шапку сорвешь и убѣжишь отъ старичка, то будешь невидимкою всякій разъ, когда надѣнешь эту шапку. Зато, если старикъ поймаетъ на чердакѣ—тотчасъ помрешь.

Нужно поймать черную кошку, у которой не было бы ни одного волоска другого цвѣта. Кошку нужно сварить въ цѣломъ видѣ и потомъ выбирать изъ нея кости передъ зеркаломъ и брать въ ротъ. Одна изъ косточекъ дѣлаетъ человѣка невидимкою.

Хотя и колдунъ и знахарь дѣйствуютъ съ помощью нечистой силы, но народъ строго различаетъ ихъ: колдунъ дѣлаетъ людямъ зло не только умышленно, но въ извѣстные періоды помимо воли—словомъ, дыханіемъ, взглядомъ, можетъ причинить болѣзнь, вогнать

бѣса, сдѣлать волколакою, даже убить, а знахарь никому не дѣлаетъ вреда, но „отлѣчиваетъ" то зло, которое причинилъ колдунъ, и лѣчитъ болѣзни у людей и скота.

Волколаками колдунъ дѣлаетъ обыкновенно свадебный поѣздъ. Объ этомъ ходитъ много разсказовъ. Волколаками бѣгаютъ семь лѣтъ, а потомъ снова обращаются въ людей. Волколаки вреднѣе волковъ, потому что у нихъ остается человѣческій умъ и они знаютъ, какъ лучше напасть на стадо, какъ забраться въ хлѣвъ и т. п.

Женщину колдунью зовутъ вѣдьмой, чаровницей, а мужчину—вѣдьмакомъ, чаровникомъ. Вѣдьмаки всегда сильнѣе вѣдьмъ и если напр. вѣдьма сдѣлаетъ заломъ въ житѣ, вѣдьмаки вырываютъ ихъ со смѣхомъ и прямо заявляютъ хозяевамъ, что они сильнѣе всѣхъ вѣдьмъ. Если колдунъ по злобѣ вгонитъ въ человѣка бѣса, онъ можетъ заставить другого, болѣе сильнаго, бѣса выгнать перваго изъ человѣка. Бѣсы повинуются колдуну по товариществу, такъ какъ послѣ Страшнаго суда они вмѣстѣ будутъ мучиться въ пеклѣ.

Чтобы по возможности защитить себя отъ чаръ колдуна при встрѣчахъ съ нимъ, не надо во время разговора смотрѣть ему въ глаза и вообще не надо съ нимъ долго разговаривать и быть вмѣстѣ.

Чтобы обезвредить водку, которою будетъ угощать колдунъ, надо передъ выпивкой перекреститься и сказать: „Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! Избави насъ отъ лукаваго!" Тогда чародѣйство дѣлается безсильнымъ.

Чтобы узнать колдуна и вѣдьму, поступаютъ слѣдующимъ образомъ: въ воскресенье на масленицѣ, послѣ ужина нужно оставить сыръ во рту и переночевать съ нимъ; затѣмъ въ понедѣльникъ первой недѣли поста вынуть его изо рта, завязать въ поясъ, или надѣть въ тряпочкѣ на шею, и носить въ продолженіе всего великаго поста. Въ день Пасхи съ этимъ сыромъ идутъ въ церковь и тамъ легко узнаютъ всѣхъ колдуновъ и вѣдьмъ, такъ какъ у каждаго изъ нихъ тогда видѣнъ хвостъ. Узнаютъ вѣдьмъ и такъ: какъ только въ Пасхальную полночь раздастся благовѣстъ, нужно прилечь ухомъ къ землѣ. Тогда услышишь, какъ вѣдьмы вопятъ и рыдаютъ по случаю воскресенія Христова. Остается только опредѣлить, въ какой сторонѣ и въ какомъ дворѣ раздаются эти вопли, неслышные для другихъ. Женщины узнаютъ вѣдьмъ по тому, что у нихъ на верхней губѣ имѣются усы, и чѣмъ гуще они, тѣмъ вѣдьма опаснѣе; затѣмъ, у вѣдьмъ нѣтъ на тѣлѣ обычной волосяной растительности; наконецъ, у нихъ имѣются хотя чуть замѣтные слѣды хвоста.

Узнать колдуна можно по глазамъ, которые у него всегда красны, всегда горятъ. Существуетъ увѣренность, что колдунъ не можетъ явно повредить тому, съ кѣмъ онъ въ ссорѣ (и слѣдовательно не въ состояніи гипнотизировать его).

Колдуны большею частью физическіе уроды: или одноглазые, или горбуны, хромцы и т. п. Они умышленно придаютъ себѣ страшную, пугающую наружность: не стригутъ волосъ и напускаютъ ихъ на лобъ и на глаза, запускаютъ длинные ногти, носятъ грязное бѣлье, издающее особую вонь, придерживаются національныхъ костюмовъ, упорно носятъ напр. лапти, магерки, или даже древнія шапки съ наушниками, сшитыя изъ овчины шерстью внутрь, подпоясываются веревкой или лыкомъ и т. п. Дурная слава о нихъ отчуждаетъ ихъ отъ людей, дѣлаетъ замкнутыми, необщительными и сосредоточенными, вдумчивыми. Часть ихъ несомнѣнно обладаетъ силою внушенія, которая, вмѣстѣ съ предвзятымъ страхомъ населенія предъ ними, помогаетъ имъ вліять на слабонервныхъ малоразвитыхъ, предположенныхъ къ гипнозу, субъектовъ, въ особенности на женщинъ. Этимъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ и объясняется „зло", исходящее отъ и изъ колдуновъ. Только нѣкоторые изъ нихъ пускаютъ въ ходъ и спеціальныя ядовитыя средства „для порчи". Большинство же колдуновъ не гипнотизеры и не вредители, а несомнѣнные обманщики, пользующіеся народной темнотой для легкаго заработка, или угощенія на свадьбахъ, крестинахъ и т. п. Боясь колдуновъ и вѣдьмъ, населеніе все же зорко слѣдитъ за ними и если поймаетъ на мѣстѣ „преступленія", безжалостно ихъ избиваетъ и даже умерщвляетъ.

Такъ какъ колдуны и вѣдьмы могутъ превращаться въ животныхъ, то молодежь, находящаяся у Купальскихъ костровъ, бросаетъ въ огонь всякую живую тварь, которая появится вблизи. Съ цѣлью предохраненія людей отъ колдовства, въ усайской волости Лепельскаго уѣзда хлопцы „колышутъ" дѣвушекъ надъ Купальскимъ костромъ, а дѣвушки хлопцевъ. Потомъ они еще и прыгаютъ черезъ огонь.

Существуетъ мнѣніе, что колдуна можно убить, или во всякомъ случаѣ причинить побои, если бить осиновымъ полѣномъ его тѣнь.

Привожу главнѣйшія примѣты.

Если солнце всходитъ на ясномъ небѣ, день будетъ хорошій, а если на тускломъ, то будетъ дождь. Если заходитъ яснымъ, то слѣдующій день будетъ хорошій, а если тусклымъ, то будетъ вѣтеръ; если заходитъ за облака, то будетъ дождь.

Если птички чирикаютъ, будетъ тепло. Если воробьи или куры купаются въ пескѣ, будетъ дождь. Если вороны садятся на вершину дерева, будетъ тепло, а если разсаживаются по вѣтвямъ, будетъ холодно; если при этомъ кричатъ, будетъ дождь. Кошка лежитъ посреди хаты—къ теплу; ѣстъ траву—дождь будетъ; скребетъ когтями полъ, будетъ дождь или снѣгъ; спитъ въ печи—къ холоду. Если свиньи тащутъ солому въ берлогу, будутъ сильные холода; если чешутся объ уголъ—будетъ дождь. Убивши предъ Колядами свинью, смотрятъ ея

внутренности: если „коса“ окажется ровною, то зима будетъ умѣренная; если же коса́ окажется съ утолщеніями, то зима будетъ съ сильными морозами; толстый конецъ косы означаетъ продолжительную холодную зиму.

Если гуси или утки бѣгаютъ по водѣ и кричатъ, будетъ дождь. За сколько недѣль до Покрова ляжетъ снѣгъ и установится санный путь, за столько времени до Благовѣщенія потребуется телѣга. Если не придется оставить саней за двѣ недѣли до Благовѣщенія, то столько же времени придется ѣздить на нихъ послѣ Благовѣщенія. Какова погода въ Чистый четвергъ, такая же будетъ и въ Пасху. Когда пѣшеходныя тропинки начнутъ чернѣть, значитъ, наступила весна. Куликъ кричитъ—будетъ холодно. Вьюрокъ, зябликъ кричитъ тоже къ холоду. Надо сказать: „на свою голову!“ Тогда холода не будетъ. До „Юрья корми всякаго дурня“,—потому что до 23 апрѣля рѣдко бываетъ подножный кормъ для скота. Пѣтухъ запоетъ въ полдень, будетъ перемѣна погоды. Какая погода бываетъ въ январѣ, такая будетъ и во время сѣнокоса. Когда свиньи начинаютъ рыть землю—весна пришла. Если вечеромъ летаетъ много жуковъ, то на утро будетъ дождь. Если вечеромъ далеко отдается отголосокъ, то на завтра будетъ хорошая погода. Если во время дождя появляются пузыри на водѣ, то дождь будетъ продолжительный. Въ субботу, по народному вѣрованію, хотя на минутку, но должно выглянуть солнце. Какая корова вечеромъ идетъ съ поля впереди стада, такая завтра будетъ и погода: красная корова—ведро, черная—ненастье, пѣгая—перемѣнная и. т д. Лягушку нельзя убивать—будетъ дождь.

Если дождливая погода стоитъ очень долго, нужно бросить въ печь кость отъ освященнаго въ Пасху мяса; когда кость сгоритъ, тогда небо разъяснится. Когда ласточки летаютъ низко, будетъ дождь; если рѣютъ въ вышинѣ, будетъ хорошая погода. Когда идетъ градъ, надо вынести подъ градъ на улицу лопату и метлу; тогда градъ прекратится и не причинитъ вреда. „Коли зимою снѣжкѝ идутъ, то и лѣто такъ выдаетъ — будутъ дождики проходить. А когда зимою больше холода̀, то лѣто будетъ погодливое, „пякбта“. Если ворона въ хорошую погоду кричитъ налету, то лѣтомъ будетъ дождь, а зимою снѣгъ и вьюга — „нягóда будя“. Если во время вѣтра ворона сидитъ „на̀ўпроти вѣтру и надмéтца—нягóдя будя“. Если весна ранняя и „титярукъ начнѐ балбата̀ть нéўпару“ — жди холодовъ чрезъ полмѣсяца.

Если кукушка будетъ куковать до Петрова дня, то осень будетъ хорошая.

Чтобы прекратился дождь, дѣти прыгаютъ на одной ногѣ и поютъ:

Дощъ, дощъ, пиристáнь, Богу малитца,
Мы паѣдимъ на Ирдáнь, Христу пакланитца!

А во время бездожія:

Дощъ, дощъ, припусти,
Мы паѣдимъ у кусты,
Богу малитца,
Христу пакланитца!

Послѣ купанья, тоже прыгая на одной ногѣ, дѣти поютъ:

Калѣка, калѣка,
Сагрѣй чилавѣка!
Кали ни нагрѣишъ,
Сама окалѣишъ!

Чтобы вода была тепла при купаньѣ, надо бросить въ нее нѣсколько горстей травы, съ словами:

„Траўка—траўка! Нихáй тибѣ будить халóднинька, а мнѣ тёпдинька!“

—

Если кукушка начнетъ весною куковать „на голый лѣсъ“, когда онъ не покрылся еще зеленью, то годъ будетъ неурожайный. Если на Рождество будетъ теплая погода, съ небольшимъ снѣгомъ и съ туманомъ, то наступающій годъ будетъ урожайнымъ. Чтобы узнать, на какой хлѣбъ будетъ лучшій урожай, садятъ въ день Новаго года въ землю въ ящикѣ зерна различныхъ хлѣбовъ; который хлѣбъ проростетъ лучше, на тотъ и будетъ обильный урожай лѣтомъ. На Переплавную середу, надо сажать лукъ; тогда онъ не будетъ черезчуръ горекъ. Если въ лѣсу появится весною много бѣлокъ, то будетъ или неурожай или война. То же самое предвѣщаетъ и появленіе другихъ грызуновъ—мышей, крысъ. Если въ день Новаго года на деревьяхъ иней, то годъ будетъ урожайный. То же предсказываетъ и снѣгъ на Крещенье. Если журавли летятъ изъ вырея большою стаей, то годъ будетъ неурожайный; если же небольшими группами, по два—по три, то будетъ урожай. Если зимою часты будутъ инеи, то лѣтомъ пчелы соберутъ много меду. Такое же предсказаніе дѣлается, если въ день Покрова будетъ теплая, ясная погода. Если въ маѣ будетъ хотя одинъ морозъ, роевъ не будетъ. Ленъ нельзя стлать до тѣхъ поръ, пока не будетъ засѣяно озимое поле. Когда начинаютъ цвѣсти огурцы, надо бросить на лехи старые лапти или вообще что либо плетеное или вязаное; тогда у огурцовъ хороша будетъ завязь. Чтобы получить хорошій урожай огурцовъ, надо отыскать между ними спорышъ (два огурца сросшіеся вмѣстѣ), намочить его въ водѣ и этою водою поливать огурцы на грядахъ. Чтобы мыши не ѣли свезеннаго на гумно хлѣба, надо ту скатерть, въ которой носили освящать пасхальный столъ, разостлать въ воротахъ гумна такъ, чтобы по ней проѣхалъ первый возъ съ снопами. Потомъ эту скатерть вѣшаютъ въ гумнѣ на перекладинѣ, гдѣ она виситъ до тѣхъ поръ, пока будетъ обмолоченъ весь хлѣбъ.

Если зимою большіе „склюзы“ черезъ дорогу, надо сѣять побольше ячменю,—на него будетъ урожай. Если зимою частыя „оттиги“—оттепели, то рожь будетъ плоха. Если въ Чистый четвергъ и

на Благовѣщенье будетъ тепло, будетъ урожай на орѣхи. Если на небѣ много звѣздъ въ Рождественскую ночь, будетъ много грибовъ съ весны, если въ Новогоднюю, то среди лѣта, а если въ Крещенскую, то къ осени. Если въ Коляды вообще небо звѣздное, то лѣтомъ будутъ и грибы и ягоды, „а коли хмарное, дакъ не надѣйся!“ Если на Рождество вѣтеръ, то лѣтомъ будетъ много орѣховъ. Чтобы ленъ уродился чистый, надо въ Новогоднюю ночь, на Щедрую кутью, смести печь и соръ выбросить на улицу.

Если въ Крещенье идетъ снѣгъ, лѣтомъ на капустѣ будетъ много червей. Чтобы черви не ѣли капусты, надо вбить въ гряды колокъ во время посадки.

Въ какой день на масляницѣ будетъ ясная солнечная погода, въ такой день недѣли надо сѣять пшеницу. Тогда она будетъ и хорошая и чистая. Ленъ весною надо сѣять въ тотъ день, когда увидишь ястреба-мышатника. (Велиж. у.). Пшеницу лучше сѣять въ три срока: раннюю—до Юрья, среднюю—когда у ржи высыплется колосъ, и позднюю—одновременно съ гречихой. Гречиху же лучше всего сѣять за двѣ недѣли до Купалы. (Рудня).

Чтобы градъ не выбилъ лѣтомъ полей, надо на Юрья въ разныхъ мѣстахъ поля воткнуть въ землю кости отъ освященнаго пасхальнаго мяса. Эти же кости спасаютъ рожь и отъ засоренія костеремъ. Воткнутыя въ шулу гумна при привозѣ съ поля „перваго снопа“, онѣ спасаютъ гумно отъ пожара. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нивы въ этотъ день обходятъ съ пирогомъ, горѣлкой и закуской жгутъ пасхальныя кости и золою ихъ осыпаютъ нивы. Это спасаетъ нивы отъ сорныхъ травъ, особенно рожь отъ костеря и пшеницу отъ куколи.

Чтобы не болѣла спина во время жнива, женщинамъ въ Чистый четвергъ надо спрясть три нитки до восхода солнца, сидя на порогѣ избы. Во время зажинокъ этими нитками надо опоясаться.

Въ день Новаго года нѣкоторые считаютъ необходимымъ начинать, „для примѣра“ какія-нибудь работы, чтобы былъ въ нихъ успѣхъ въ наступившемъ году.

Въ тотъ день, когда начинаешь пахоту или зажинаешь рожь, или начинаешь посѣвъ—ничего не давай изъ дому людямъ. Въ Сѣнненскомъ уѣздѣ это требуется въ каждый праздникъ. Въ Оршан. у. кромѣ того нельзя ничего ссужать въ полнолуніе, если оно приходится на среду.

Если въ день Новаго года вѣтеръ, то въ тотъ годъ будетъ урожай на орѣхи.

При посѣвѣ пшеницы, надо топоръ заткнуть за поясъ или надѣть черезъ плечо кошель. Тогда на нее будетъ урожай хорошій.

Чтобы ленъ выросъ высокій, надо бросать въ воду головешки отъ Купальскаго костра.

Въ первый день косьбы „ни мяптажъ, ни трапышъ, а то цэлный годъ будуть вовцы крычать, якъ ня ѣўшы. Луччы закашавай на начъ“.

Гом. у.

Чтобы былъ урожай на фрукты, надо, идя къ заутрени въ день Рождества, зайти въ садъ и потрясти деревья.

Чтобы въ огурцахъ не было пустоцвѣта, надо садить ихъ вечеромъ. Чтобы рѣпа была крупная и сладкая, не надо, сажая ее, смотрѣть по сторонамъ или вверхъ.

Чтобы жито лучше росло, въ Рогачевскомъ уѣздѣ прогоняютъ чрезъ ржаное поле все стадо. Если же это дѣлаетъ каждый хозяинъ въ отдѣльности со своимъ скотомъ, то въ лѣвой рукѣ онъ несетъ икону, а въ правой вербу, и говоритъ: „Святый Юрій—Ягорій! Багаслави Господи намъ у пбля сваю скатину прагнать! Якъ падъ сбнцамъ, такъ и надъ мѣсицамъ штобъ Богъ милаваў скатину маю. Унимай, святый Юрій-Ягорій губы и зубы сваймъ псомъ, усимъ звярбмъ!“—„Самая благаславеція на расў гнать скотъ у етый день!“

Чтобы хорошій горохъ уродился, нужно сѣять его въ тотъ день недѣли, въ который осенью шелъ первый снѣгъ.

Не слѣдуетъ сѣять пшеницы, когда дуетъ сѣверный вѣтеръ.

Когда черви-пашники начнутъ рыть токъ, нужно спѣшить съ посѣвомъ ржи. Когда на крапивѣ появится много червей, недѣль за семь до Ильи, пора сѣять пшеницу.

Велижск. у.

Когда складываешь сѣно въ пуню, нельзя никому огня давать изъ дому, „а то сь сѣна будить пылъ итй“. „Жыта надо складать, якъ у пбля статыкъ гбнють: тагды мышы ня будуть жыта ѣсьти“.

Если ѣдешь жито сѣять и встрѣтишь человѣка, укушеннаго „вужакай“, такъ надо его пропустить впередъ, но отнюдь не переходить ему дороги. Если въ деревнѣ имѣется покойникъ, нельзя жита сѣять: „сѣй, ня сѣй—ня уродить!“

Если полосы сосѣдей сходятся межа съ межою, то нельзя одновременно засѣивать ихъ, идя на встрѣчу другъ другу. „Хто саступить катораму, у таго будить луччыя жыта“. А если хочешь навредить сосѣду, то сѣй, идя ему на встрѣчу и переверни свою дощанку. Тогда у сосѣда жито пропадетъ.

Когда сажаютъ хлѣбъ въ печь, тогда никому нельзя выходить изъ хаты: споръ съ собою понесетъ.

Если насѣдку посадить на яйца въ среду, то выйдутъ одни пѣтушки. Подъ насѣдку надо класть нечетное число яицъ, иначе будетъ много „болтуновъ“. Гдѣ сидитъ на яйцахъ насѣдка—курица, гусь, индѣйка, утка, въ той хатѣ нельзя варить и печь яицъ. Если въ Великую субботу вечеромъ во время топки печи хозяйка немного „покбхаетъ“ по куриному, то всѣ куры ея будутъ затѣмъ „квохтать“ и выводить цыплятъ. На Русальной недѣлѣ нельзя садить насѣдокъ

на яйца, иначе птенцы выведутся съ кривыми ногами. Въ ту хату, гдѣ сидитъ насѣдка, нельзя ходить съ цвѣтами, иначе будетъ много „болтуновъ“.

Чтобы куры начали рано нестись, надо въ день Рождества на разсвѣтѣ пойти въ сарай и потрясти телѣгу („калёсы“). А если куры не несутся, надо идти въ полночь къ сосѣду, потрясти у него ворота и постучать въ нихъ съ словами: „Якъ у нáшага сусѣда Иванькп варóты трясýтца, такъ няхáй нашы куры нясýтца“. Такъ сдѣлать три раза. М. Вѣтка.

Чтобы овцы не рождались кривоногими, хозяйкамъ слѣдуетъ въ Коляды оставлять золу и головешки въ печкѣ. Леп. у.

Если въ Великую субботу вечеромъ сильно лаютъ собаки, то волки много истребятъ собакъ за лѣто. Чтобы домашній скотъ „улѣтку пилнавáў дóма“, надо въ Коляды давать ему ѣсть кутью черезъ обручъ. Съ тою же цѣлью сыплютъ кормъ въ обручѣ домашней птицѣ. Чтобы охранить корову отъ дурного глаза и отъ вѣдьмы, слѣдуетъ послѣ перваго отела просверлить у ней въ правомъ рогу дырочку, влить туда освященной ртути и залѣпить навсегда воскомъ. „Отъ живого серебра никакой злостникъ ничего худого не въ состояніи сдѣлать коровѣ“. Чтобы жеребенка не съѣли волки, надо протащить его, какъ только родится, „мижа сýколъ“ въ изгороди.

Чтобы лошади не дѣлали лѣтомъ потравы, надо въ Рождественскую кутью во время ужина выйти въ садъ босикомъ тому члену семьи, который будетъ пасти лошадей, и тамъ спутать нѣсколько деревьевъ.

Если воронъ кричитъ надъ стадомъ, то волкъ съѣстъ кого-нибудь изъ стада. Чтобы прогнать ворона, пастушки кричатъ на него „Крукъ, крукъ! Ни лятѝ чиризъ нашъ стáтыкъ: бýдить на твайхъ дятéй упáдыкъ! Лятѝ чиризъ пáнуў дворъ: панъ кабылу лýпить, табѣ кавáлыкъ откалýпить!“

Если свинья опоросится въ первый разъ, то поросятъ нельзя ни продавать, ни дарить, иначе въ дворѣ переведутся свиньи.

Чтобы лошади были здоровы и жирны, ихъ купаютъ въ Чистый четвергъ до солнца и потомъ по нимъ катаютъ яйцо съ написаннымъ углемъ изображеніемъ креста. Чтобы волки не нападали на стадо, надо обнести вокругъ него недоѣденную волками голову собаки. Чтобы скотъ изъ стада не разбредался, надо закопать на пастбищѣ кусокъ хлѣба, съ которымъ хозяева провожаютъ скотъ въ день Юрья. Если корова отстанетъ отъ стада и не придетъ на ночь домой, надо въ стѣну надъ дверью воткнуть ножъ; тогда ее звѣрь не тронетъ. Иные съ этою цѣлью запираютъ замокъ на то время, пока корова отыщется. Если у рогатаго скота появится кровавая моча, то надо вбить въ землю осиновый колышекъ, и болѣзнь прекратится. Если

скотина „съ норовомъ“, то ее надо сбыть, такъ какъ, перейдя черезъ руки, она исправляется. Если ласточка пролетитъ подъ коровою, то корова не будетъ больше давать молока до слѣдующаго теленка.

Чтобы защитить коровъ отъ вѣдьмы, дѣлаютъ деревянный крестикъ наканунѣ Крещенія, въ постную кутью. Когда въ день Крещенія раздастся благовѣстъ къ обѣднѣ, хозяйка беретъ крестикъ и идетъ на колодецъ за водою. Придя туда, она крестится и пускаетъ крестикъ на воду. Если же на водѣ уже имѣется крестикъ, опущенный предыдущей хозяйкой, его вынимаютъ, несутъ домой и вѣшаютъ на воротахъ. Тогда вѣдьма не можетъ пройти во дворъ, чтобы отнять молоко у коровъ. Въ Чистый четвергъ мнутъ ленъ до восхода солнца и полученной кострикой пересыпаютъ дорогу коровамъ при первомъ выгонѣ ихъ въ поле на Юрья. Тогда вѣдьма не отниметъ у нихъ молока. До Юрья нельзя водить лошадей на ночлегъ, потому что у звѣрей еще нѣтъ начальника—Юрія и они попортятъ много лошадей. Въ ночь же подъ Юрьевъ день св. Юрій (а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—Лѣсовикъ) собираетъ звѣрей въ одно мѣсто и распредѣляетъ ихъ, куда которымъ идти на лѣто жить. И наблюдаетъ, чтобы они не портили ту скотину, которая имъ не назначена. Такъ держитъ онъ звѣрей въ своей власти до Купалы, (по другимъ — до Филиппова поста) а потомъ распускаетъ. Существуетъ поговорка: „по кошоному звѣрь злѣй!“

Когда первый разъ выводятъ на ночлегъ лошадей, то въ воротахъ хлѣва разстилаютъ скатѣрть, кладутъ на нее замкнутый замокъ и яйцо, и переводятъ черезъ скатерть лошадей. Дѣлается это для того, чтобы запереть волчьи пасти и чтобы лошади были здоровы и жирны (круглы, какъ яйцо).

Въ д. Маковьѣ, выгоняя скотъ 23 апрѣля, берутъ въ правую руку освященную вербу и страстную свѣчку, а въ лѣвую ломоть хлѣба, или миску пашни. Въ воротахъ перегоняютъ черезъ красный поясокъ, замкнутый замокъ, яйцо и кусокъ хлѣба съ солью или чрезъ цѣлую паляницу. „И трóйчы чыразъ той жа хлѣбицъ парагапяять“. А замки до осенняго Юрья замкнуты.

Чтобы узнать вѣдьму, которая отбираетъ молоко у коровъ, нужно вбить колъ осиновый въ землю, отрѣзать отъ него внизъ 63 щепки и разложить изъ нихъ въ печкѣ огонь въ самый полдень; потомъ наколоть цѣдилку (тряпочку, чрезъ которую процѣживается молоко) и кипятить ее на этомъ огнѣ. Во время кипѣнія вѣдьма придетъ въ домъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ.

Чтобы скотъ лучше водился, надо первые блины отъ каждой кутьи и отъ праздниковъ Рождества, Крещенія и Новаго года, всего шесть блиновъ засушить и, растерши ихъ, всыпать въ кормъ. Однѣ хозяйки дѣлаютъ это въ день Крещенія, другія на Юрья.

Нельзя нянчиться съ животными, не только съ когтистыми, которыя считаются „погаными", но и съ копытными. Бѣлоруссъ съ презрѣніемъ относится къ женщинамъ, держащимъ у себя много собакъ или кошекъ. Кто цѣлуетъ животныхъ, тотъ самъ дѣлается поганымъ.

—

Бѣлоруссы — народъ глубоко религіозный и вѣрующій, но къ сожалѣнію не получившій даже элементарнаго религіознаго образованія. Взгляды его на Божество приведены въ IV вып. Б. Сб. и я не буду повторяться, но и теперь приходится сказать, что изъ неграмотныхъ рѣдко кто знаетъ молитвы. Вотъ напримѣръ какъ мнѣ прочитали въ княжицкой волости Могилевскаго уѣзда (12 верстъ отъ губернскаго города) молитву Господню: Ача̀ наша, же ся на на́бяся, да свѐтитца мя тва, да прѝдить царства воля тваа̀ (крестное знаменіе), якъ на́ няби, такъ и на́ зямли, хлѣбъ нашъ насу̀шный прысный во́ вяки вяко́мъ аминъ". Такимъ же образомъ искажаются и прочія молитвы, число которыхъ впрочемъ очень ограниченно, и символъ вѣры. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что бѣлоруссовъ легко совращаютъ ксендзы въ католичество, а сектанты въ штунду и т. п. ереси.

Иконы до сихъ поръ называются богами, карнизъ, гдѣ устанавливаются образа—божницею, полотенца, которыми иконы украшаются—набожниками и т. д. Наиболѣе часто встрѣчаются иконы Спасителя, Божіей матери, св. Николая, влм. Георгія, а на югѣ Бѣлоруссіи влм. Варвары и арх. Михаила. Наиболѣе, однакоже, почитается икона св. Николая, которая имѣется почти въ каждомъ домѣ. Дѣтей, вступающихъ въ бракъ, родители благословляютъ: жениха иконою Спасителя или св. Николая, невѣсту иконою Богородицы или св. угодницы.

Во время пожаровъ прежде всего спасаютъ „боговъ" и непремѣнно—столъ, а потомъ уже остальное имущество.

Одну изъ иконъ во время пожара обносятъ вокругъ пожарища и бросаютъ въ огонь освященное пасхальное яйцо, которое иные старухи нарочито сохраняютъ для такихъ случаевъ.

Возможность пріобрѣсти въ домъ икону составляетъ для семьи высокую радость. Уплата денегъ за икону называется мѣною: „Богу ни у̀гавбрна, вы̀миняли святѝтиля Микалая!"

Ложиться къ иконамъ ногами считается большимъ грѣхомъ и это никогда не допускается. Паденіе иконы съ божницы предвѣщаетъ дому большое несчастье, чаще всего—смерть одного изъ старшихъ членовъ семьи. Потеря шейнаго креста или образка предвѣщаетъ потерявшему несчастье; для предотвращенія его потерявшій долженъ „щиро" постить три первыхъ послѣ потери пятницы.

Въ силу историческихъ причинъ, въ Бѣлоруссіи большимъ уваженіемъ пользуется крестъ чтырехконечный; но въ послѣднее время

быстро входитъ въ употребленіе восьмиконечный, какъ отличіе отъ католиковъ. Въ церквахъ встрѣчаются древніе кресты пяти—шести— и семиконечные.

Изъ свѣчей, обладающими чудесною силою считаются: Страстная-четверговая, Пасхальная, при которой освящаются пасхальныя яства, въ мѣстностяхъ при-католическихъ —Срѣтенская, Громничная и вѣнчальныя.

Въ дополненіе къ сказанному выше добавлю, что вѣнчальныя свѣчи считаются очень полезными при лѣченіи лихорадки: ими подкуриваютъ больныхъ и тѣ выздоравливаютъ; четверговою свѣчею сглаженныхъ дурнымъ глазомъ, заболѣвшихъ „отъ суроцъ“.

Полезнымъ считается и ладанъ: дымъ его, прежде всего, отгоняетъ нечистую силу: боится, какъ чертъ ладана. Затѣмъ при зубныхъ болѣзняхъ „росинки“ его кладутъ на больные зубы; наконецъ, растворяютъ его въ водѣ и даютъ пить страдающимъ эпилепсіей, „переходомъ“.

Первый ударъ колокола отгоняетъ нечистую силу отъ церкви. Поэтому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (с. Староселье Гом. у.) при первомъ ударѣ не крестятся, чтобы не отогнать черта опять къ церкви, а крестятся при второмъ. Обычно же крестятся при первомъ ударѣ.

Изъ книгъ религіознаго содержанія до учрежденія ц.-приходскихъ школъ чаще другихъ встрѣчалась псалтирь и притомъ большого формата (4°). По ней читали по покойникамъ. Потомъ начали входить часословы и евангелія. Любимымъ чтеніемъ надо признать житія святыхъ. Ветхій завѣтъ не встрѣчается, и вообще мало извѣстенъ. Есть даже мнѣніе, что ветхій завѣтъ грѣшно читать. Что касается библіи, то ее читать можно, но кто прочтетъ ее всю, тотъ сойдетъ съ ума или сдѣлается фармазаномъ — по народному опредѣленію, что-то въ родѣ полусумасшедшаго, невѣрующаго въ Бога и душа котораго заранѣе продана діаволу. Съ ума сходитъ также, кто много учится: у него умъ за разумъ заходитъ; или кто наступитъ на зачарованный слѣдъ колдуна. Въ послѣднемъ случаѣ, если наступившій плюнетъ на слѣдъ и перекрестится, чары обратятся на самого колдуна. Если кто плюнетъ въ лицо человѣку, ему говорятъ: „плюнь на свой слѣдъ!“ Тогда онъ съ ума сойдетъ или во всякомъ случаѣ проболѣетъ.

Наиболѣе уважаемой книгой все же считается псалтирь, тѣмъ болѣе, что по ней можно и гадать. Для этого гадающая ставитъ псалтирь корешкомъ себѣ на голову и переворачиваетъ ее кругообразно три раза, потомъ снимаетъ и раскрываетъ на любой страницѣ. Грамотей читаетъ открытый псаломъ. Гадающая большею частью не понимаетъ текста. Но достаточно прочесть напр. стихъ: „Возверзи на Господа печаль твою и той тя препитаетъ“, и гадающая удовлетворена и черпаетъ силы для дальнѣйшей борьбы съ горемъ.

Сонъ Богородицы въ Бѣлоруссіи очень распространенъ, такъ какъ существуетъ увѣренность, что нахожденіе его въ домѣ избавляетъ домъ отъ несчастій.

Ладонки православнымъ населеніемъ носятся рѣдко и главнымъ образомъ кіевскими богомолками. Въ ладонки зашивается вата отъ мощей и росинка ладану. Люди, боящіеся дурного глаза, носятъ въ ладонкѣ освященное живое серебро—ртуть.

Въ случаѣ долгаго безвѣстнаго отсутствія члена семьи, по немъ служатъ панихиду какъ по умершемъ, или записываютъ въ поминальницу „за упокой". Если отсутствующій живъ, эти мѣры вызываютъ въ немъ сильную тоску по родинѣ и онъ скоро возвращается домой. Въ противномъ же случаѣ отсутствующаго считаютъ умершимъ.

—

Если сова кричитъ близъ семейнаго дома, то въ этомъ домѣ скоро будутъ родины. Если два человѣка скажутъ въ одно время одно и то же слово, то ребенокъ, родившійся въ эту минуту, сдѣлается воромъ. Если положить нечаянно ножъ остріемъ кверху, то родившійся въ это время будетъ самоубійцей.

Предъ наступленіемъ родовъ, родильницу надо обвести три раза вокругъ стола, застланнаго скатертью; тогда рождаемый будетъ „пильновать дому" и будетъ жить въ достаткѣ.

Беременной женщинѣ нельзя работать на Русальной недѣлѣ, иначе у нея родится уродъ.

Если ударить беременную женщину, то у ребенка на томъ мѣстѣ будутъ слѣды удара.

Проходя близъ вонючаго мѣста, падали и т. п., беременная не должна плевать, иначе у младенца будетъ вонять изо рта. Беременная не должна также спать въ такомъ мѣстѣ, чтобы на нее падалъ лунный свѣтъ, иначе младенецъ ея будетъ лунатикомъ.

Если у кого умираютъ дѣти, такъ надо брать въ воспріемники „сустрэшная кумаўё", то есть первыхъ встрѣтившихся мужчину и женщину; или взять родныхъ брата и сестру, или дать новорожденнымъ имена Адама (мальчику) и Евы (дѣвочкѣ), или наконецъ продать ребенка. Продажа совершается такъ. Отецъ проситъ знакомаго прислать „купца"—покупателя. Купецъ приходитъ и спрашиваетъ: ти прадаéшъ дитя?—Купляй!—Скольки табѣ за яго?—Пять копѣякъ! Той кладѐ у люльку пятакъ и выхóдя съ хаты. Грошы етыя аддаютъ на царкву, а дитёночакъ жывѐ.

Штобъ дитёнка нихто ни сурэчыў, трэба надъ люлькой павѣсить вóучый зубъ. Также: надо всячески охранять отъ вѣтра, чтобъ не подулъ на ребенка въ люлькѣ.

Если у ребенка длинные и тонкіе пальцы, то изъ мальчика выйдетъ „абы панъ, абы гультай", а дѣвушка будетъ искусная пряха.

Если ребенокъ часто кричитъ, капризничаетъ, его нужно высѣчь вѣникомъ на трехъ порогахъ. Нельзя, при этомъ, качать пустую люльку: ребенокъ становится отъ этого болѣе капризнымъ и по ночамъ не будетъ спать.

Когда отнимаютъ ребенка отъ груди, то наблюдаютъ, чтобы въ тотъ день не было въ календарѣ памяти мученика, иначе отнятіе отъ груди будетъ для ребенка мучительно. При отнятіи ребенка отъ груди кладутъ предъ нимъ хлѣбъ, деньги и книжку. За что ребенокъ прежде всего схватится, того и будетъ „пильновать" всю жизнь. Если во время сна ребенокъ взбирается на подушку, значитъ, долго жить будетъ. Если не по лѣтамъ уменъ, то помретъ въ дѣтствѣ. Если сонный ребенокъ открываетъ глаза, если у него переносье синеватое, и если пятки тупыя,--то онъ скоро помретъ. При острыхъ же пяткахъ ребенку предстоитъ долгая жизнь. Проклятія матери дѣйствительны; если мать въ сердцахъ скажетъ ребенку: „а чтобъ ты пропалъ отъ моей головы!"—то ребенокъ или утонетъ, или убьется, или умретъ отъ несчастнаго случая. Нельзя долго кормить ребенка грудью: онъ сдѣлается глупымъ. Если ребенокъ сопливый—будетъ разумнымъ. „Хто змáлку саплíвый, той будя щасьливый". Чтобы носъ у ребенка не расплывался, мать во время пеленанія должна всякій разъ слегка сжимать пальцами кончикъ носа. До года ребенку не позволяютъ смотрѣться въ зеркало. Чтобы ребенокъ быстрѣе укрѣплялся и скорѣе началъ ходить, его надо почаще сажать на то мѣсто, гдѣ лежалъ предъ тѣмъ свѣже-испеченный хлѣбъ. Чтобы ребенокъ скорѣе началъ ходить, ставятъ его на полъ и между его ногъ перерѣзываютъ веревку, или по крайней мѣрѣ дѣлаютъ видъ, что перерѣзываютъ ее. Это называется „рѣзать путо". До года нельзя стричь волосъ на головѣ ребенка, нельзя обрѣзывать у него ногтей.

Если дитя во снѣ плачетъ, не надо его будить: „ета урэ́мя падышлó хýда". Также и тогда, если ребенокъ смѣется. Нельзя колыхать пустой люльки: туда заберется хвороба и будешь няньчиться съ нею. Нельзя надѣвать мальчику женскаго чепца: рости не будетъ. Если у ребенка углы глазъ острые, онъ долговѣченъ, если тупые, скоро помретъ. Если женщина „присвѣтитъ", пройдя надъ ребенкомъ, онъ не будетъ расти. Бить ребенка по пятамъ нельзя, будетъ болѣть. Нельзя поднимать ребенка выше своей головы: не будетъ расти.

У кого изъ новобрачныхъ за время вѣнчанія сгоритъ больше свѣча, тотъ раньше умретъ. Если свѣчи во время вѣнчанія горятъ ярко, то жизнь новобрачныхъ будетъ веселая и долговѣчная; если же горятъ тускло, то жизнь будетъ печальная.

Для того, чтобы на свадьбѣ произошла ссора или драка, злостники бросаютъ „въ кутъ" отломленную головку отъ рукоятки цѣпа.

М. Черея, Сѣннен. у.

Чтобы узнать характеръ жениха или невѣсты, достаютъ ихъ волосъ и проводятъ между сжатыми ногтями. Если волосъ свернется, значитъ характеръ злой и вспыльчивый, если же останется ровнымъ—характеръ ровный, спокойный.

Невѣста считается зрѣлою, если ея коса доросла до пояса. Если груди, уши или носъ у невѣсты мягкіе, она потеряла невинность. Цѣломудренный мужчина не умѣетъ попадать камнемъ въ цѣль, не умѣетъ рубить топоромъ по одному и тому же мѣсту.

Кто, становясь къ вѣнцу, первый вступитъ на подножникъ, тотъ будетъ главенствовать въ домѣ. Во время вѣнчанія на подножникъ надо положить монету, чтобы новобрачные были богаты. Сходя съ подножника послѣ вѣнца, невѣста должна протянуть его за собой ногою; тогда скоро повыходятъ замужъ ея подружки. Послѣ Андреева стоянія и въ день Андрея 30 ноября дѣвушки должны ложиться спать безъ ужина: тогда онѣ увидятъ во снѣ суженаго. Наканунѣ Рождества утромъ, когда чистятъ хату и выносятъ золу изъ печей, заставляютъ дѣлать это малыхъ дѣтей. Въ которой сторонѣ при этомъ залаютъ собаки, съ той будетъ женихъ для дочери, и невѣста для сына. Видѣть во снѣ медвѣдя, надо ожидать сватовъ. Если кошка выведетъ котятъ на чердакѣ, въ этомъ домѣ будетъ свадьба. Дѣвушка должна стараться, чтобы въ первый разъ быть воспріемницей мальчика, а парень—воспріемникомъ дѣвочки: тогда они скоро поженятся и повыходятъ замужъ.

—

Если собака роетъ подъ окномъ землю, въ томъ домѣ будетъ покойникъ. Если чешется носъ, услышишь о покойникѣ. Если въ комнату влетитъ птичка, въ домѣ будетъ покойникъ или, во всякомъ случаѣ, заболѣетъ кто-либо изъ членовъ семьи. На кого сядетъ рой пчелъ, тотъ человѣкъ больше года не проживетъ. Если мыши ѣдятъ одежду, то хозяинъ ея непремѣнно заболѣетъ, а если испортятъ окончательно, то и умретъ отъ болѣзни. Если воронъ кричитъ надъ домомъ, или на крышѣ, то въ этомъ году въ домѣ будетъ покойникъ; если воронъ пролетитъ у кого надъ головою, тотъ въ этомъ году умретъ. Видѣть во снѣ гряды или копать ихъ—означаетъ, что самъ видѣвшій или кто-либо изъ его родственниковъ умрутъ. Если лѣтомъ задуетъ холодный вѣтеръ, то въ той сторонѣ, откуда онъ дуетъ, кто-нибудь утонулъ, и вѣтеръ дуетъ „на залiўца". Если гудитъ въ трубѣ или въ самоварѣ—предстоитъ потеря близкаго человѣка, или во всякомъ случаѣ долгая разлука съ нимъ. Паденіе звѣзды означаетъ смерть человѣка; въ которой сторонѣ она упадетъ, тамъ и покойникъ. Если при видѣ падающей звѣзды пожелать чего-либо, прежде, чѣмъ звѣздочка закатится, то это желаніе непремѣнно исполнится.

Если собака воетъ передъ домомъ опустивши голову къ землѣ, въ домѣ будетъ покойникъ; если же поднявши голову кверху—будетъ

пожаръ. Или: если внизъ, то на бѣду себѣ, а если вверхъ, то на несчастье человѣку: на моръ, на голодъ, на пожаръ и т. п.

Если ребенокъ ѣстъ землю, то онъ не долговѣченъ. Если больной пьетъ козье молоко и коза начинаетъ худѣть, значитъ, больной сталъ поправляться, если же коза умретъ, то это считается за доказательство выздоровленія болѣвшаго. Услышавъ первый разъ кукушку, спрашиваютъ у нея: „кукушка, кукушка! скольки мнѣ годовъ жить?“ Сколько разъ она прокукуетъ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, столько лѣтъ и проживетъ спрашивающій. Дѣвушки спрашиваютъ въ такихъ случаяхъ кукушку, сколько лѣтъ имъ осталось до замужества, а парни—до женитьбы.

Если у покойника мягкое тѣло, если вырытая для него яма обрывается, если умершій не закрываетъ плотно глазъ и наконецъ если за похороннымъ столомъ обѣдающихъ окажется нечетное число,—все это предвѣщаетъ скоро другого покойника въ томъ же домѣ.

Дѣти, умершія до крещенія, и выкидыши обращаются въ русалокъ.

Хату, въ которой былъ покойникъ, въ Смоленскомъ уѣздѣ не моютъ цѣлый годъ, не метутъ улицы передъ дворомъ и не украшаютъ дома „маемъ“ въ Духовъ день. Если при разговорѣ упоминаютъ имя умершаго, то обыкновенно приговариваютъ: „вѣчный покой!“ Или: „нехай свя́тенекъ лежить!“ Или: „мы его не дождемся, а ёнъ насъ!“ Если чрезъ окно въ хату влетитъ ласточка, это значитъ, что душа какого-либо умершаго родственника проситъ за нее помолиться.

Когда человѣкъ умираетъ, нельзя плакать, кричать, даже громко разговаривать: душа пугается и не рѣшается вылетать изъ тѣла, чѣмъ причиняетъ умирающему большія страданія. Какъ только человѣкъ скончается, надо поставить на окнѣ „святую воду“ (освященную Крещенскую), чтобы душа могла въ ней выкупаться и явиться къ Богу чистою. Во время похороннаго стола надо открыть окно, чтобы въ него влетѣла душа покойника принять участіе въ трапезѣ. Съ этою же цѣлью мѣсто за столомъ, гдѣ лежалъ покойникъ предъ погребеніемъ, не занимается никѣмъ во время обѣдовъ до истеченія сорока дней.

Если яма для покойника вырыта въ цѣльномъ грунтѣ („въ свѣжемъ мѣстѣ“), то въ нее бросаютъ деньги, чтобы „откупить“ мѣсто и чтобы покойнику было чѣмъ купить себѣ мѣсто на томъ свѣтѣ. Родственники покойнаго не должны зарывать могилы или бросать рукою землю на гробъ, иначе покойнику будетъ тяжела земля. Отвозить покойника на кладбище надо на меринѣ, но не на кобылѣ. Когда умираетъ хозяинъ дома, его слѣдуетъ положить на лавкѣ, стоящей у того окна, которое выходитъ на дворъ, „къ хозяйству“, хозяйку же дома кладутъ на той лавкѣ, которая стоитъ у окна, обращеннаго

на улицу. Жена съ умершимъ мужемъ не прощается, иначе она не встрѣтится съ нимъ на томъ свѣтѣ.

Когда больной выражаетъ желаніе, чтобы его положили „дóли“, на полу, на землѣ, это вѣрный признакъ, что онъ скоро умретъ, пойдетъ въ землю. Если первое горе недостаточно выплакано, то каждое послѣдующее тяжело ложится на сердце. Среди костей человѣка имѣется такая, въ которой сосредоточивается „причастіе“. По смерти всѣ кости истлѣваютъ, но эта косточка сохраняется въ землѣ до всеобщаго воскресенія. Тогда изъ нея возстанавливаются остальныя кости и тѣло умершаго.

Гробъ можно дѣлать и заблаговременно, но нельзя оставлять его пустымъ—нищимнымъ, а надо насыпать въ него жита. Иначе онъ притянетъ къ себѣ мертвеца. Воду на окнѣ можно ставить и предъ кончиною. Въ моментъ смерти водица въ стаканѣ всколыхнется.

Душа человѣка выходитъ изъ тѣла черезъ ротъ и три дня сидитъ за образами, а потомъ идетъ къ Богу на отвѣтъ.

Если во время похороннаго стола упадетъ изъ рукъ ложка или хлѣбъ, въ домѣ будетъ еще покойникъ.

Покойники на томъ свѣтѣ работаютъ, „а каторыя заслýжуть, дакъ тамў и пастéлька, и садъ, и прыстóлъ, и праскýрка, и свѣ́чачка. Парадúха—калú умрэ̀ зъ роду, кагò громъ убъѐ, и правядныя“.

Когда умираетъ первый ребенокъ, мать не должна провожать его „на клóдовья“, иначе и слѣдующія дѣти будутъ умирать.

М. Вѣтка.

Кому кожанъ—летучая мышь сядетъ на голову, тотъ помретъ. Или: голова покроется паршами. Или: облысѣешь.

Если въ хатѣ трещитъ стѣна съ порога—гость прибудетъ, но если „на кутѣ“, то въ хатѣ будетъ покойникъ. Если курица начинаетъ пѣть пѣтухомъ—въ домѣ кто-нибудь умретъ. Тогда мѣряютъ курицей хату. Если на порогѣ придется ея голова, обрубаютъ голову—чѣмъ предвѣщаніе и исполняется; если же на порогѣ приходится хвостъ курицы, отрубаютъ и его, но все таки ждутъ чьей-либо смерти. Если куры постоянно кудахчутъ, кто-нибудь въ домѣ умретъ. Если пѣтухи въ домѣ поютъ всю ночь, когда тамъ покойникъ—это „ангельская ночь“, поютъ ангелы. Если похоронному шествію встрѣтится большая толпа народа, значитъ въ селѣ кто-нибудь еще помретъ. Если во время похоронъ идетъ дождь или снѣгъ, это умершій „пріѝить сваёй радьнѣ“. Если зимою бываетъ необыкновенная вьюга, то говорятъ, что кто-то сердитый умеръ (или: родился). Когда несутъ тѣло, нелья смотрѣть въ окно. Ряснян. вол. Сѣннен. у.

„На той свѣтъ“ нельзя являться безъ бороды. Поэтому больнымъ ее запускаютъ. Но въ окатоличенныхъ мѣстностяхъ ксендзы требуютъ обязательнаго бритья бороды, „кабъ ня быть пахóжымъ на каца́па“.

Беременнымъ нельзя присутствовать на погребеніяхъ, иначе младенецъ родится у нихъ мертвымъ. Плакать при исходѣ души нельзя: смерть отойдетъ отъ больного на сутки, и онъ будетъ напрасно мучиться. Послѣ погребенія, на томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ покойникъ, ставятъ на шесть дней воду въ стаканѣ, потому что покойникъ въ эти дни ходитъ домой пить воду.

Оршанск. у.

Проводъ покойника, хотя на короткомъ разстояніи, считается обязательнымъ. Разсказываютъ, что одна бобылка всю жизнь провожала покойниковъ; какъ услышитъ, что померъ кто, сейчасъ зажигаетъ свѣчечку и идетъ съ проводомъ. Одинъ разъ хлопцы захотѣли надъ ней посмѣяться: одинъ нарядился священникомъ, другой дьякомъ, положили въ ночовки дохлую сучку и несутъ мимо ея хаты. Баба услышала пѣніе, запалила свѣчечку и пошла вслѣдъ. А хлопцы несли-несли ночовки, а потомъ кинули ихъ съ сучкой и сами утекли. Тутъ баба увидѣла, что она проводила сучечку. Но вотъ померла и сама бобылка. Собрались сосѣди на проводъ и понесли. Когда посмотрятъ — а сзади сучечка бѣжитъ и въ зубахъ держитъ свѣчечку запаленную. И она проводитъ бабку!

Гомельск. у.

На поминкахъ обязательны блины горячіе (въ другихъ мѣстахъ горячій хлѣбъ). Здѣсь важенъ паръ, поднимающійся кверху: онъ помогаетъ душѣ умершаго возноситься къ небу. Самыя поминки носятъ названіе „горячаго стола“.

Общее.

Когда въ домѣ покойникъ, тогда ничего нельзя брать въ другомъ домѣ. И наоборотъ: ничего нельзя брать въ ссуду изъ того дома, гдѣ находится покойникъ.

Быхов. у.

Если болѣзнь серьезна, заказываются литыя или рѣзныя металлическія изображенія болящихъ частей тѣла—головы, ногъ, рукъ, ушей, глазъ, груди, туловища и т. д. Эти изображенія относятся въ ближайшій костелъ, (но никакъ не въ церковь), и кладутся тамъ предъ чтимою иконою въ видѣ жертвы. Одновременно просятъ ксендзовъ отслужить за извѣстную плату мшу предъ тою же иконою за здоровье больного. Такъ дѣлаютъ православные. Католики, наоборотъ, просятъ отслужить обѣдню въ православныхъ церквахъ. Исходъ болѣзни узнаютъ по ногтямъ. Если ногти и пальцы около ногтей посинѣютъ, это значитъ, что больной умретъ. Въ противномъ случаѣ онъ выздоровѣетъ. Если во время болѣзни роднымъ снятся мертвые, то больной умретъ. Чтобы не заразиться отъ больного его болѣзнью, надо каждый день три раза нюхать потъ изъ-подъ мышекъ. Кромѣ того ухаживающіе за больнымъ подкуриваются ржаной мукой, а также ладаномъ. Если больной кончается на постели, надъ которою устроены палати, то онъ будетъ долго мучиться. Чтобы

облегчить кончину, его нужно перенести туда, гдѣ будетъ устроено его погребальное ложе. Смерть почитается матерью грѣховъ. Она живетъ во адѣ. Оттуда ее посылаетъ за душами людей главный чертъ—дѣдушка. Смерть рѣжетъ человѣка косою. Если у умершаго не плотно закрыты глаза, то въ томъ селеніи (или въ домѣ) скоро будетъ еще покойникъ, или вообще несчастье. При обиваніи гроба тканью нельзя на краяхъ оставлять длинныхъ концовъ ея, иначе покойникъ заберетъ съ собою всѣхъ своихъ родныхъ. Душа исходитъ изъ человѣка такимъ образомъ: сперва начинаетъ вздыматься и опускаться животъ, потомъ грудь, наконецъ горло. Съ тяжелымъ вздохомъ умирающаго душа исходитъ изъ тѣла въ видѣ пара. По выходѣ изъ тѣла, души христіанъ летятъ въ Іерусалимъ. Тамъ есть Давыдовъ домъ. Въ этомъ домѣ души плачутъ о грѣхахъ своихъ „до разсудку дѣла"—до страшнаго суда. Но въ дни поминовеній онѣ возвращаются въ прежній домъ и тамъ принимаютъ участіе въ трапезѣ. Для нихъ хозяева оставляютъ „коливо" и свѣжую „палянйцу", а кое-гдѣ и по ложкѣ отъ всѣхъ другихъ кушаній. На кладбищахъ мертвецы устраиваютъ стражу для охраны покоя мертвыхъ. Стража возлагается на каждаго вновь прибывшаго мертвеца и онъ обязанъ выполнять ее до тѣхъ поръ, пока прибудетъ новый мертвецъ. Пожилые люди часто постятся въ понедѣльникъ. Когда они умираютъ, то святой Понедѣльникъ проводитъ души ихъ чрезъ всѣ мытарства къ престолу Божію и „враги"—діаволы не могутъ ихъ остановить, такъ какъ онѣ считаются святыми. Мертвецъ все чувствуетъ, все слышитъ и все хорошо понимаетъ до тѣхъ поръ, пока при погребеніи начнутъ пѣть вѣчную память. Поэтому и усиленный плачъ по немъ причиняетъ ему большія страданія. При выносѣ изъ избы тѣла, на гробъ сыплютъ какой-нибудь „пашнёй" (зерновымъ хлѣбомъ) и говорятъ: „Тѣла замёрла, пашня штобъ ни замирала!" Если же хоронятъ утопленника, то засыпаютъ зернами слѣды всѣхъ присутствующихъ до самой улицы. Покойнику тяжело лежать въ могилѣ до тѣхъ поръ, пока „падьнимуть заздарбуникъ" въ сороковой день. Вмѣстѣ съ поднятіемъ заздоровника, въ могилѣ поднимается земля надъ гробомъ, и покойнику становится легче. При встрѣчѣ съ похороннымъ шествіемъ надо снять шапку и креститься и отнюдь не переходить предъ процессіей дороги. Если умретъ кто изъ обрученныхъ, то ему надо надѣть на средній палецъ правой руки кольцо и дать въ руку свѣчу, убранную цвѣтами. Трауръ выражается въ томъ, что въ домѣ до шести недѣль не поютъ свѣтскихъ пѣсенъ и не танцуютъ. Около кладбищъ боятся ходить вообще, а ночью въ особенности, потому что мертвецы не любятъ этого и пугаютъ людей. Надо читать въ это время „Отче нашъ" и молиться: „Упокой Господи души умёршихъ, здѣсь лежащихъ рабовъ твоихъ!" Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка вѣрили, что нѣкоторые покойники,

бывшіе вѣдьмаки, не находя покоя въ загробной жизни, часто снились роднымъ, бродили по землѣ и причиняли людямъ вредъ. Если народная молва останавливалась на какомъ-нибудь имени, прихожане приглашали священника на кладбище, въ его присутствіи отрывали могилу, вскрывали гробъ и пробивали покойнику грудь или голову осиновымъ коломъ. Послѣ того онъ оставлялъ родныхъ въ покоѣ.

Изъ собственныхъ наблюденій мнѣ извѣстно, что такими неспокойными мертвецами чаще всего были летаргики, погребенные заживо. Проснувшись въ могилѣ, они ворочались въ гробу, кусали себѣ руки, рвали волосы, и находившая ихъ въ такомъ видѣ толпа еще болѣе убѣждалась, что несчастные были именно вѣдьмаками. Къ сожалѣнію, въ деревняхъ погребенія летаргиковъ происходятъ очень часто. На кладбищахъ нерѣдко появляются блуждающіе огни. Народъ считаетъ „счастливыми" тѣхъ умершихъ, надъ могилами которыхъ горятъ эти огни.

С. Старое Село, Гомельск. у.

Остриженные ногти нужно хранить. Старики и старухи носятъ ихъ за пазухой. Послѣ смерти они всѣ отростутъ у нихъ и при ихъ помощи имъ легко будетъ на томъ свѣтѣ взобраться на какую то стеклянную гору. А кто разбросалъ свои ногти где попало, тотъ не взлѣзетъ на гору и упадетъ въ пекло.

Если сорока щебечетъ на дворѣ—будутъ гости, и съ той стороны, куда сорока смотритъ. Если же она щебечетъ въ кустахъ вблизи стада—волкъ близко. Если дрова въ печкѣ загораются сзади, придутъ въ гости дальніе родственники или гости съ далекой стороны. Если во время обѣда со стола упадетъ ложка (или вилка), будетъ гостья, если ножъ—гость, или вообще: кто-то спѣшитъ въ домъ. Если кто поперхнется во время ѣды, значитъ, кто-то спѣшитъ на обѣдъ. Если изъ печи летятъ искры,—гости спѣшатъ. Ѣсть вдвоемъ одной ложкой или одинъ и тотъ же кусокъ хлѣба—разсориться. Если кого притѣсняютъ въ домѣ, чтобы выжить, тотъ долженъ незамѣтно для другихъ подмести избу въ обратномъ направленіи—отъ порога къ куту. Тогда онъ останется жить въ домѣ. Если поставленная въ церкви свѣча горитъ ярко, то и жизнь поставившаго будетъ хороша, и наоборотъ. Если надъ чашкой во время ѣды спустится паукъ, будетъ прибыль въ домѣ. Также: благополучно окончится начатое предпріятіе. Если поздороваешься съ кѣмъ черезъ порогъ, то непремѣнно разсоришься. Если не узнаешь знакомаго, значитъ, онъ разбогатѣетъ. Если есть при себѣ деньги, когда услышишь въ первый разъ кукушку, то деньги не будутъ переводиться круглый годъ. Наканунѣ Чистаго четверга кладутъ подъ стрѣху хлѣбъ, соль и мыло. Съ этимъ хлѣбомъ 23 апрѣля выгоняютъ скотину, соль помогаетъ отъ сглаза, а мыломъ въ четвергъ до солнца моются въ банѣ, чтобъ быть чистыми цѣлый годъ. Отъ

зубной боли надо держать во рту щепку отъ разбитаго грозой дерева. Отъ „желтачки“ (разлитіе желчи) нужно съѣсть въ хлѣбѣ живую вошь. Кто болтаетъ ногами сидя, тотъ пустой, болтливый человѣкъ. Если ѣсть изъ миски, изъ которой ѣла кошка, то будетъ изжога. Если пить воду изъ кружки, изъ которой пила кошка, появится сыпь на губахъ. Если собака съѣстъ сало, которымъ подмазывались колеса, она взбѣсится. Когда пьютъ въ первый разъ березовикъ, ѣдятъ первыя ягоды или грибы и т. п.—то говорятъ: „нóва навинà: камарóва идà, мидьвѣжжая сила, штобъ у ротъ насúла, заяччій паскóкъ, а ў ротъ скокъ!“

Послѣ захода солнца нельзя начинать рѣзать новую булку хлѣба. Въ день Благовѣщенья нельзя рѣзать хлѣбъ, а надо ломать. Въ этотъ день прячутъ гребни, пряслицы и веретена, чтобы не видѣть лѣтомъ змѣй. Если кукушка кукуетъ въ деревнѣ, будетъ пожаръ. Если кто разоритъ гнѣздо аиста, аистъ подожжетъ принесенной головнею домъ разорителя. Во время икоты надо угадать, кто вспоминаетъ икающаго; тогда икота прекратится. Чтобъ въ хатѣ не было блохъ, надо въ Чистый четвергъ вымести полъ голымъ. Также высыпать полъ снѣгомъ, или по крайней мѣрѣ осыпать имъ четыре угла въ хатѣ. Булавку дарить нельзя—разсоришься. Нельзя ѣсть надъ горшкомъ, будетъ изжога. Если, вставши утромъ, обуешь прежде лѣвую ногу, то цѣлый день будутъ неудачи и будешь сердиться.

Орш. у.

Остриженные волосы нужно сжигать. Если мышь утащитъ волосокъ въ свое гнѣздо, у хозяина его будутъ частыя головныя боли. Если волоса растутъ по всему тѣлу—человѣкъ будетъ счастливымъ. Или богатымъ. Кто много знаетъ или много думаетъ, тотъ станетъ лысымъ. Если волоса намазывать лампаднымъ масломъ, „оливою“, они скоро посѣдѣютъ. Стричь волоса надо „на молодикѣ“, тогда они скоро отростутъ. Вычесанные и остриженные волоса надо прятать въ плетень. Тогда волоса выростутъ длинными и волнистыми. Если дитя не даетъ чесать волосъ, ему говорятъ, что „воши веревку совьютъ и втащатъ ребенка въ рѣчку“. Если сжечь волосъ отсутствующаго семьянина или любимаго человѣка, онъ поспѣшитъ возвратиться. Если съѣсть волосъ съ своей головы, то скоро умрешь. (Старое село, Гом. у.). Если выпадетъ зубъ, то его нужно бросить на печку, черезъ плечо, ставши спиной къ печкѣ и говоря: „Мышка, мышка, нà тебѣ зубъ костяной, а ты мнѣ дай желѣзный!“ Зубъ вновь выростетъ, что вѣрно, конечно, относительно дѣтей. Если изъ носа идетъ кровь и капля упадетъ на полъ или на землю, ее нужно уничтожить: если эту кровь подлижетъ собака, у человѣка будутъ сильныя головныя боли. Если перелѣзаешь сквозь изгородь и не перекрестишься, то ангелъ остается за изгородью въ трехъ шагахъ отъ человѣка, а чертъ при-

близится на три шага. Если звенитъ въ правомъ ухѣ, это ангелы поютъ, а если въ лѣвомъ, такъ это чертъ ѣдетъ: надо перекреститься и три раза плюнуть на лѣвую сторону.

Ряси. вол. Сѣнн. у.

При встрѣчѣ съ больными надо тотчасъ же посмотрѣть на всѣ ногти на своихъ рукахъ, тогда не заразишься отъ больного. Это особенно полезно при встрѣчахъ съ больными глазными болѣзнями. Если неразумный человѣкъ громко позавидуетъ кому-либо въ глаза или неумѣренно расхвалитъ ребенка, скотину, урожай и т. п., то въ отвѣтъ говорятъ про себя: „соль табѣ въ вочи, а головня въ зубы, а деркачъ (обтрепавшійся вѣникъ) въ ж....“ Тогда не будетъ сглаза. Сглаженному непремѣнно надо умываться изъ помойницы, лохани. Тогда сглазъ пройдетъ. Если что на себѣ зашиваешь, надо взять что-либо въ ротъ, хоть „скѐпку“; иначе забудешь, гдѣ что положилъ. Ученики же забудутъ свои уроки. Правый глазъ чешется—плакать будешь, а лѣвый—радоваться. Также: о покойникѣ услышишь.

Когда уходишь изъ хаты, надо, чтобы печь была закрыта; а если печка „будить разѝнуўши“, то и на тебя всякій будетъ „развіватца“.

Если на человѣка плюнешь, то на томъ свѣтѣ будешь горячую сковороду лизать.

Если кто будетъ чѣмъ-либо сильно испуганъ, такъ что задрожитъ отъ испуга, надо тотчасъ обрызгать его водою изо рта и разорвать воротъ у рубашки. Это дѣлаютъ и со взрослыми. Произносится при этомъ формула: „Чуръ тебе, хрищбнага, наражбнага!“

Если кто чихнетъ при разговорѣ, то значитъ, онъ говоритъ правду, а если что задумалъ, то мысль его сбудется. Чихающему говорятъ: „на здоровье!“ А ребенку: „великъ растѝ, не учися крастѝ!“.

У кого большія легкія, тотъ хорошо плаваетъ.

Кто часто чихаетъ, тотъ скоро умретъ. Нельзя ночью смотрѣться въ зеркало: чертъ придетъ. Не качай ногой сидя: это ты черта колышешь. Столъ на ночь нужно застилать. Полъ на ночь слѣдуетъ подметать, чтобы ангелу-хранителю было чисто ходить. Водяпку и посуду на ночь надо накрывать, иначе черти заберутся. На столѣ всегда нужно держать хлѣбъ, соль и ножъ и накрывать ихъ Когда хозяинъ начинаетъ скупиться — это къ бѣдности. Если въ домѣ появится много мышей—къ бѣдности; а если въ полѣ—къ голоду. Если на дворѣ трава растетъ—дворъ запустѣетъ. Свистать нельзя ни въ хатѣ, ни на дворѣ, ни на улицѣ; можно только въ полѣ. Не держи безъ надобности воротъ и дверей растворенными, иначе дворъ запустѣетъ. Если паукъ спускается надъ кѣмъ-нибудь, тому предстоитъ дорога, или: получитъ письмо. Если муха упадетъ въ чашку или въ стаканъ—подарокъ получишь. Вши нападаютъ—къ богатству.

Если нападаетъ икота, значитъ, икающаго кто-то ругаетъ или просто говоритъ про него, поминаетъ. Икота проходитъ, если икающій угадаетъ, кто о немъ говоритъ.

Если звенитъ въ ухѣ, будетъ дождь, а зимою—снѣгъ. Въ какомъ ухѣ звенитъ, съ того боку новости услышишь. Ѣсть лѣвой рукой или креститься—грѣшно. При работѣ нельзя плевать въ руки, иначе будутъ мозоли. Ѣсть въ шапкѣ—грѣшно. Если у кого цвѣтутъ ногти—будетъ прибыль. Если спящаго взять за пятку или за большой палецъ ноги, онъ будетъ отвѣчать на всѣ предлагаемые ему вопросы. Этимъ способомъ можно выпытать всѣ сокровенные помыслы. Чешутся глаза—плакать будешь, и наоборотъ: въ рюмку смотрѣть будешь, кто нибудь угоститъ. Носъ чешется—честь будетъ оказана, и наоборотъ; бранить будутъ, кукишъ дадутъ, а то еще и побьютъ. Лѣвая рука чешется, деньги получать будешь, а правая—отдавать. Если разговаривающіе вдругъ замолчатъ, значитъ, близко гдѣ-нибудь родился ребенокъ. Но чаще говорятъ въ такихъ случаяхъ, что народился воръ. Чтобы сдѣлаться умнымъ, надо ѣсть мозги животныхъ. Также: ягоды „мудрушки". При рожденіи ребенка надо накрѣпко завязать отрѣзанную пуповину и спрятать. Когда ребенку будетъ семь лѣтъ, заставить его развязать пуповину. Если развяжетъ, будетъ умнымъ человѣкомъ.

Безсонница происходитъ отъ испугу. Лѣчатся отъ нея тѣмъ, что передъ сномъ долго смотрятся въ дегтярку, гдѣ находится деготь. Дѣтей же носятъ къ знахаркамъ, у которыхъ имѣются заговоры „отъ криксовъ".

Ходить задомъ напередъ или въ одной ногѣ обутой, а въ другой разутой нельзя: накликаешь смерть отца или матери.

Свистать въ домѣ грѣхъ. Въ Гом. у. запрещается свистать и на дворѣ: опустѣетъ дворъ, будетъ вѣтеръ свистать; на свистъ слетается нечистая сила, является и домовой и потомъ сердится, что его напрасно вызвали.

При постройкѣ домовъ подъ углы кладутъ въ землю монеты. Строить домъ между Духовымъ днемъ и Петровымъ не годится, будетъ водиться всякая нечисть: прусаки, тараканы, цвиркуны (сверчки), клопы и т. д. А чтобы ея не было, надо въ опредѣленное время брать мохъ на постройку. Въ Велижскомъ уѣздѣ на пробу складываютъ „въ болотѣ" семь кучекъ моху, по одной на каждый день недѣли, потомъ идутъ черезъ день смотрѣть, которая куча чистая, безъ козявокъ. Въ какой день недѣли эта куча собрана, въ такой надо и собирать мохъ для постройки хаты. Чтобы не сносило вѣтромъ крыши, надо въ Чистый четвергъ до солнца бросать на нее ирванъ—щепки. Переходъ въ новое жилище приурочиваютъ къ полнолунію Тогда расчиняютъ квашню въ старомъ жильѣ, а пекутъ изъ нея хлѣбъ уже въ новомъ, причемъ квашню съ тѣстомъ переносятъ въ новый домъ

покрытою кожухомъ, вывернутымъ шерстью вверхъ. Предварительно перехода заставляютъ пробыть въ новомъ домѣ кота по крайней мѣрѣ сутки. Также воруютъ у сосѣдей кочергу и приносятъ въ новый домъ. На новомъ селищѣ въ первый годъ не дѣлаютъ высадокъ овощей для полученія сѣмянъ. Прежде всего въ новый домъ вносятъ икону и столъ.

Чтобы очистить домъ отъ насѣкомыхъ, надо въ Чистый четвергъ обливать углы водою. Чтобы не водились блохи, не надо жечь деркачей (старыхъ вѣниковъ); надо также держать подъ постелью „копытъ конскій". Выносятъ на дворъ до солнца въ Чистый четвергъ чистую квашню на столѣ. Наканунѣ надо вымести садъ и сложить мусоръ въ одну кучу, а въ четвергъ сжечь ее до восхода солнца. Тогда ни одного усеня-червяка не будетъ на деревьяхъ сада.

Во время усаживанія семьи за столъ особаго порядка не наблюдается. Раньше всѣхъ бѣгутъ за столъ дѣти. Они же раньше и начинаютъ ѣсть. Но на заговѣнья и на дѣдовъ должны ѣсть первыми женщины, для того, чтобы приплодъ отъ домашнихъ животныхъ былъ женскаго пола—самки. Если хлѣбъ упадетъ изъ рукъ, когда его начинаютъ рѣзать, значитъ, хлѣбъ подешевѣетъ. Если у кого упадетъ кусокъ изъ рукъ, значитъ онъ не заслужилъ обѣда, ничего не сдѣлалъ за день. Во всякомъ случаѣ хлѣбъ надо поднять, поцѣловать и съѣсть или бросить въ печь. Упавшій же кусокъ другого кушанья тоже поднимаютъ, чтобы не топтать даръ Божій, но отдаютъ домашнимъ животнымъ: мясо, сало—кошкамъ, собакамъ, картофель, кашу—коровамъ. Блиновъ не даютъ собакамъ, потому что онѣ отъ нихъ глохнутъ. Нельзя класть булки хлѣба верхомъ внизъ—грѣхъ. Начинать рѣзать хлѣбъ снизу тоже нельзя. Прокалывать хлѣбъ, чтобъ потомъ его рѣзать—грѣхъ. Чужой ложкой нельзя ѣсть: поссоришься съ ея хозяиномъ. Ножомъ нельзя ѣсть: станешь злымъ. Посуду надо мыть въ водѣ, но не окачивать ее водою, и во всякомъ случаѣ надо вытирать досуха. Иначе будетъ хворать семья. Домашній скотъ нельзя выгонять со двора метлою или вѣникомъ: онъ можетъ перестать водиться (выметется со двора) и во всякомъ случаѣ будетъ неаккуратно возвращаться съ пастбищъ домой.

Если кто потеряетъ какую-либо изъ домашнихъ вещей или что-либо изъ костюма—вѣрнѣе, забудетъ, гдѣ они положены, то это чертъ пошутилъ съ нимъ и, разыскивая ихъ, надо говорить: „чертъ, чертъ! отдай мое поганое, возьми свое хорошее!" А нашедши такую вещь, надо на нее поплевать.

Чтобы сдѣлаться хорошимъ стрѣлкомъ, нѣкоторые охотники во время причастія св. Таинъ оставляютъ частичку во рту, а впослѣдствіи въ нее стрѣляютъ. Послѣ этого они дѣлаются хорошими стрѣлками, хотя и понимаютъ, что продаютъ душу дьяволу. (Сообщ. кр. П. П. Буднецкій, дер. Титенки, Гом. у.). Духовенство о существова-

нія этого кощунства не знаетъ. Болѣе невинное средство: надо взять изъ трехъ колодезей воды, часть ея отлить влѣво отъ себя, а остальною промыть ружье, со словами: „громъ бъé, блискавиíца пáлить, святый Пётра свиньнéцъ править!“

При появленіи въ деревнѣ падежа скота, хозяева намазываютъ на всѣхъ воротахъ, черезъ которыя проходитъ скотъ, большіе кресты „чистымъ дёхтемъ“, т. е. выгнаннымъ изъ березовой коры; затѣмъ тѣмъ же дегтемъ намазываютъ лбы у животныхъ. Если же эпидемія не прекращается, тогда староста созываетъ всѣхъ женщинъ и дѣвушекъ селенія въ одну избу, тѣ приносятъ по горсти льна и здѣсь общими трудами прядутъ, снуютъ и вытыкаютъ въ одинъ день кусокъ холста сажени въ двѣ, въ три длиною. Въ то же время мужчины воруютъ гдѣ-нибудь заставку отъ мельницы и зарываютъ ее на той дорогѣ, по которой прогоняется скотъ, застилаютъ это мѣсто „абудёньщикамъ“, то есть только-что вытканной холстиной, и черезъ нее перегоняютъ стадо. Послѣ этого „абудёньщикъ“ передаютъ въ церковь и просятъ причтъ отслужить обѣдню.

М. Городецъ, Рог. у.

Въ память избавленія общества, селенія отъ падежа, а еще чаще—отъ холеры, устанавливается праздникъ, въ который просятъ причтъ совершать богослуженіе съ крестнымъ ходомъ и въ каждомъ дворѣ служить краткіе молебны. При личномъ избавленіи отъ „наглой смерти“, отъ упорной болѣзни и т. п. несчастій, многіе даютъ обѣты сдѣлать пожертвованіе въ церковь или сходить въ Кіевъ, или въ другія святыя мѣста, на богомолье, или налагаютъ на себя постъ по три дня въ недѣлю: въ понедѣльникъ, среду и пятницу. Избирается понедѣльникъ потому, что на томъ свѣтѣ святой Понедѣльникъ проводитъ человѣка къ Богу чрезъ мытарства. Болѣющіе лихорадкой постятъ субботу.

Когда покупаютъ лошадь или корову, то поводъ передаютъ другъ другу не голою рукою, а завернутою въ полу свиты. Хозяинъ-продавецъ даетъ покупателю копѣйку или двѣ въ полу, чтобы у купившаго скотина велась и плодилась. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наоборотъ: покупатель даетъ къ условленной цѣнѣ нѣсколько копѣекъ „на поводъ“.

Если, при отправленіи въ путь, человѣку перейдутъ дорогу съ пустымъ, особенно женщина съ пустыми ведрами, то поѣздка будетъ безполезна и несчастлива. Большое несчастіе предвѣщаетъ въ такихъ случаяхъ встрѣча съ беременной "жидовкой".

М. Вѣтка.

Также если встрѣтится или перебѣжитъ дорогу заяцъ или бѣлка, или вообще животное. Только волкъ предвѣщаетъ счастье. Въ понедѣльникъ нельзя отправляться въ дорогу.

Если медвѣдь забредетъ въ деревню, это хорошо: онъ знаетъ у какого хозяина должно случиться несчастье и заберетъ его съ собою. Это повѣрье осталось отъ вожаковъ-медвѣдниковъ.

На перекресткахъ, „ростанькахъ", обязательно надо осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ, такъ какъ рбстаньки являются обычнымъ мѣстомъ для сборищъ чертей. Здѣсь они сообща измышляютъ, какое-бы зло причинить тому или другому человѣку. Здѣсь же колдуны отрекаются отъ Бога и продаются сатанѣ, подвязывая крестъ подъ обувь и топча его. Здѣсь же сатана научаетъ ихъ колдовству.

—

Если найдешь гвоздь отъ подковы, нужно его сберечь: въ случаѣ заболитъ палецъ на рукѣ, изъ такого гвоздя слѣдуетъ сковать кольцо и носить на больномъ пальцѣ. Боль пройдетъ. Въ Гомельскомъ уѣздѣ, гдѣ много болотъ и заливныхъ луговъ, и населеніе страдаетъ отъ лихорадокъ, выработался цѣлый лѣчебникъ для борьбы съ этою болѣзнью. Отъ нея лѣчатся отваромъ изъ травы „Петровъ крестъ", собираемой для этого въ маѣ мѣсяцѣ; отваромъ изъ корней травы „рябиновки"; выписываютъ на бумажкѣ нижеприведенную „молитву", носятъ ее въ тряпочкѣ три дня на шеѣ, а потомъ сожигаютъ и полученный пепелъ даютъ больному пить на водѣ; находятъ гнѣздо птицы ремеза и имъ подкуриваютъ больного; еще лучше, если гнѣздо съ яйцами; въ первую субботу отъ начала болѣзни постятся, причемъ до восхода солнца въ этотъ день окачиваются водою; отрѣзываютъ у больного локонъ волосъ, обрѣзываютъ ногти и этимъ подкуриваютъ больного; пекутъ куриное яйцо надъ полымемъ и кладутъ его въ свѣжую яму покойника, гдѣ оно и зарывается; носятъ на шеѣ веревку, которою задавлена собака; цѣлуютъ какое-либо дохлое животное; въ первое воскресенье отъ начала болѣзни ходятъ до обѣдни въ три гумна и тамъ подъ овиномъ въ каждомъ походѣ кукуютъ по три раза; отъ яичной скорлупы берутъ плеву и обертываютъ ею мизинецъ на какой либо рукѣ; мѣшаютъ горячій чай съ водкой и пьютъ передъ параксизмомъ; берутъ бѣлокъ изъ яйца черной курицы, мѣшаютъ его съ солью и съ водкой и выпиваютъ; носятъ въ тряпочкѣ на груди змѣиную голову; такимъ же образомъ носятъ шмеля; холостятъ кота и его шулята носятъ на шеѣ; пьютъ лошадиную мочу; но если у больного появится отъ нея рвота, то можно ограничиться умываньемъ ею. Наконецъ, зовутъ знахарку, берутъ скатерть, окрайчикъ хлѣба (горбушку) и яйцо куриное и идутъ „на ростаньки". Тамъ знахарка разстилаетъ скатерть, кладетъ хлѣбъ и яйцо, ставитъ больного и произноситъ заговоры. По окончаніи ихъ, больной кладетъ земные поклоны на всѣ четыре стороны. Но лучшимъ средствомъ отъ лихорадки считается подкуриваніе волосами, срѣзанными съ женской лобковой части.

Текстъ молитвы, которую носятъ на шеѣ: „Вѣдомо же буди, яко студенца онаго борлище, сирѣчь устіе, царь Іустиніанъ честнѣ оттуду принесъ и въ Божія Слова великомъ храмѣ у святой Фотиніи положи на камень, на немже Христосъ сѣдя бесѣдоваше съ самарянкой. И доселѣ обоя пребываютъ предъ папертомъ, отъ востока въ храмъ входящимъ на лѣвой странѣ, всякъ недугъ исцѣляюще отъ огневицъ страдати приключающимся, и трясовицею, паче же очищаютъ и отгоняютъ чарованія бываемыя, тоея мученицы Фотиніи молитвами. Моли Христа Бога, помилуй насъ, аминь“. См. выше, стран. 136.

Отъ звиху нужно нарвать травы „звонецъ“, настоять на ней воду и пить. Также горячей водой парить мѣсто вывиха Отъ глазныхъ болѣзней дѣлается отваръ изъ травы коноплевки и этимъ отваромъ моется голова. Отъ желудочныхъ болей надо пить настойку на водкѣ корней травы дубровки.

„Отъ подрыва сердца“ собирается во время цвѣтенія трава „бруконъ“. Ее настаиваютъ на горячей водѣ и пьютъ.

Отъ простуды надо собрать съ трехъ ржаныхъ полей, принадлежащихъ тремъ селеніямъ, травы „овечечки“, варить ее въ водѣ и этой водой окачиваться.

Отъ колтуна собирается трава „кустовитникъ“. Эта трава бросается въ горячую воду, которою надо мыть голову.

Отъ скулы (вереда) берутся травы: подорожникъ, вонючка, медвѣжье ухо и красило, которое освящаютъ 1 августа; всѣ эти травы надо намыливать и прикладывать къ скулѣ. Помогаетъ также липовый „май“ отъ Троицына дня, въ такомъ же употребленіи.

Порѣзы заливаются сокомъ травы „серпорѣзникъ“; примачиваются настойкой „березовкой“—водкой, настбенной на почкахъ березы; присыпаютъ порошкомъ изъ сушеныхъ цвѣтовъ чемерицы.

Отъ кашля завариваютъ въ кипяткѣ засушенный липовый цвѣтъ и пьютъ какъ чай; такъ же пьютъ и траву волчки.

Отъ „грызи“ лѣчатся тѣмъ, что заставляютъ перворожденнаго ребенка грызть то мѣсто, гдѣ болѣзнь проявляется.

Въ м. Вѣткѣ больного грыжею ребенка ставятъ у дверной притолоки и на высотѣ его роста просверливаютъ дырочку. Туда кладутъ клокъ волосъ ребенка и забиваютъ дырку колышкомъ. Торчащіе изъ подъ колышка концы волосъ обрѣзываютъ ножницами. Когда ребенокъ перерастетъ эту дырку, болѣзнь прекратится.

Отъ бѣлей рубятъ зимою „купинку“, поросшую чаборомъ, выбираютъ изъ нея корни, сушатъ ихъ, толкутъ и даютъ пить на водкѣ или на водѣ. Бѣли прекращаются и начинаются обыкновенныя очищенія.

Причиною появленія лихорадки весною считаютъ продолжительный сонъ предъ заходомъ солнца, а осенью сонъ на землѣ послѣ Успенія.

Чахотка происходитъ „отъ нуды"—тоски, печали, а также отъ пьянства, которое „сушитъ груди".

Большинство же болѣзней происходитъ „отъ уроковъ"—отъ дурного слова, отъ дурного глаза. Иными словами, народъ не знаетъ причинъ ихъ происхожденія.

Кто много плачетъ, у того глаза меркнутъ. Чтобы они снова просвѣтлѣли, надо нюхать табакъ. Для лѣченія насморка отрѣзываютъ у кота пучокъ волосъ на концѣ хвоста, зажигаютъ ихъ и дымъ вдыхаютъ въ носъ. Объясняется такое лѣченіе существующимъ убѣжденіемъ, что насморкъ происходитъ оттого, что котъ спалъ на постели страдающаго насморкомъ, или онъ ѣлъ и пилъ изъ той же посуды, изъ которой ѣлъ или пилъ котъ.

Отъ злости губы бѣлѣютъ. Прыщи на губахъ отъ лихорадки.

Зубы болятъ оттого, что въ нихъ заводятся червячки. Зубную боль лѣчатъ тѣмъ, что кладутъ на больной зубъ вату, обмоченную въ острой водкѣ (сѣрной кислотѣ); кладутъ кусокъ ладана; снаружи прикладываютъ свѣжіе листья ольхи; на горячіе уголья сыплютъ зерна дурману или бѣлены, накрываютъ простыней голову и наклоняются надъ угольями съ раскрытымъ ртомъ. Отъ дыма черви выходятъ изъ зубовъ, и они перестаютъ болѣть. Полезно также ѣсть мышиные огрызки: тогда зубы будутъ крѣпкіе и не будутъ болѣть. Нельзя зализывать языкомъ то мѣсто, откуда выпалъ зубъ: новый будетъ расти въ бокъ. Нельзя прикасаться желѣзомъ къ зубамъ; отъ этого зубы станутъ болѣть.

Семейный бытъ.

I. Родины и крестины.

Когда женщина почувствуетъ приближеніе родовъ, то всячески старается, чтобы никто объ этомъ не зналъ, кромѣ самыхъ близкихъ людей—мужа или свекрови. Если во дворѣ есть другая изба, то женщина уходитъ туда, а если нѣтъ, то проситъ тихонько мужа или свекровь выслать изъ избы всѣхъ ненужныхъ людей.

Тѣ даютъ всѣмъ членамъ семьи какія-либо работы или порученія внѣ дома, которыя въ такихъ случаяхъ безпрекословно исполняются.

Дѣлается это для того, чтобы никто не зналъ о наступленіи родинъ, потому что есть такіе люди, которые могутъ повредить родильницѣ не только дурнымъ глазомъ или словомъ, но даже и мыслями. Роды тогда будутъ трудные и причинятъ родильницѣ много страданій.

Когда всѣ разойдутся изъ хаты, тогда мужъ родильницы или свекровь отрѣзываютъ край отъ булки хлѣба, посыпаютъ солью и съ нимъ отправляются къ давно намѣченной, уважаемой въ деревнѣ, старухѣ, которая славится умѣньемъ принимать дѣтей и называется бабкой повитухой. Придя туда, мужъ или свекровь отдаютъ бабкѣ хлѣбъ-соль и говорятъ ей на ухо шопотомъ: „Ходи, бабуличка, къ намъ: нѣшто нашей молодуси ня дужа ладно дѣлаетца!“ Бабка тотчасъ же отправляется въ домъ просителя.

Войдя въ хату, она тотчасъ же заставляетъ родильницу сказать „Отче нашъ“ и сама тоже молится. Затѣмъ, взявъ Крещенской воды, которая у крестьянъ хранится въ теченіе года „про всякій случай“, окропляетъ ею родильницу и уже послѣ этого снимаетъ съ себя верхнюю одежду. Мужъ выходитъ, родильница распускаетъ всѣ пояса и обязательно разстегиваетъ воротникъ у рубашки. Это же дѣлаетъ бабка и женщины, которыя иногда остаются въ хатѣ помогать бабкѣ. Даже самымъ малымъ дѣтямъ, находящимся въ колыбели, разстегиваютъ воротники и развязываютъ пояса.

Дѣлается это съ цѣлью облегчить роды родильницѣ. Если при всемъ томъ роды замедляются, то бабка заставляетъ родильницу ходить по избѣ, постукивая ногами о полъ; заставляетъ три раза перескочить черезъ порогъ; ставитъ на деревянную колодку, на которой рубятъ лучину и заставляетъ оттуда спрыгивать. Употребляются и другія мѣры, чтобы „опростать молодицу-породиху“, напримѣръ, — выносятъ всѣ веревки изъ хаты, отворяютъ двери въ избѣ, открываютъ печныя вьюшки, просятъ священника растворить въ церкви царскія врата и т. п. Наконецъ, заставляютъ роженицу носить тяжести, сдавливаютъ ей животъ и т. д.

При трудныхъ родахъ родильницѣ даютъ также кусочекъ освященной просфоры или артоса; кромѣ того, призываютъ знахарку и она помогаетъ родильницѣ заговорами.

За акушеркой посылаютъ мужа только въ самыхъ трудныхъ случаяхъ, но вызывается это не недовѣріемъ къ медицинской помощи, а исключительно дальностію жительства акушерокъ и бѣдностью крестьянъ.

Когда роды кончатся, бабка кладетъ ребенка при матери, накрываетъ легкимъ покрываломъ, а сама спѣшитъ домой приготовить какое-либо кушанье „покрѣпи́тца породи́си". Возвратившись съ кушаньемъ, она заставляетъ породиху ѣсть: „На-тка, моя внучечка,— зъѣжъ, покряпи́ся трохи!" Внуками бабка называетъ не только принятаго ребенка, но и его родителей, породиху и ея мужа.

Въ отвѣтъ породиха говоритъ:

„Поляди-тка, бабуличка: вонъ тамъ, на грядкѣ, у мене ёсь, я припасла̀ трохи горѣлочки! Достань да выпи!"

Бабка достаетъ съ указаннаго мѣста водку, обыкновенно, настоенную на стрючковомъ перцѣ, наливаетъ чарку и подноситъ родильницѣ.

— Нѣ, бабочка: пе́рша сама вы́пи!

Бабка пьетъ, наливаетъ вторую чарку и подноситъ родильницѣ.

— Ну, моя внучечка,—выпи: ета гарѣлочка—живото́вочка. Якъ выпъешъ, табѣ лѣпшы ста́нитъ!

Родильница пьетъ водку и тогда ѣстъ сколько можетъ принесенное бабкой кушанье.

На другой день бабка распоряжается истопить баню для породихи, сама ведетъ ее туда, сама моетъ и приводитъ обратно домой. Вообще, со дня рожденія ребенка бабка ежедневно посѣщаетъ родильницу, всячески заботится объ ея удобствахъ, купаетъ ребенка, и всякій разъ приноситъ породихѣ что-либо съѣстное.

С. Ослянка, Мстисл. у.

Къ родильницѣ зоветъ бабку или мужъ, или кто-либо изъ родственницъ, но непремѣнно женщина, а не дѣвушка. Всѣ мѣры принимаются и къ тому, чтобы о наступленіи родовъ никто не зналъ, а особенно дѣвушки. Если же ничего не подозрѣвающая дѣвушка случайно войдетъ въ это время въ избу, то она должна сейчасъ же расплести косу, набрать въ ротъ воды и дать ее изъ рта въ ротъ родильницѣ. Въ противномъ случаѣ роды будутъ очень трудны, и на дѣвушку падутъ всяческія нареканія.

Въ бабки идутъ такія женщины, у которыхъ уже не бываетъ дѣтей, но при нуждѣ этотъ обычай не соблюдается. Отправляясь къ родильницѣ, бабка молится Богу и проситъ у него помощи: „Стань, Господи, на помочь, а Божая Матерь на ра́ду (на совѣтъ)!" Въ домъ родильницы она приноситъ пирогъ или хоть кусокъ хлѣба.

Хорошая бабка считаетъ нужнымъ дать родильницѣ испить воды, спущенной со всѣхъ четырехъ угловъ стола, или съ обѣихъ сторонъ печной заслонки, или наконецъ—съ иконы. Эта вода очень облегчаетъ роды и вызываетъ частыя потуги.

Принявъ ребенка и „перебабивъ“ его, то есть перевязавъ и отрѣзавъ пупокъ, бабка—пупорѣзница купаетъ дитя. Мать сейчасъ же обязана дать ей за это нѣсколько копѣекъ,—чтобъ дитя богато было. Послѣдъ бабка обертываетъ въ чистую тряпку, затѣмъ въ березовую кору или въ лыко, и закапываетъ въ землю. Выкопавъ ямку, бабка перекрестится, отобьетъ земной поклонъ, положитъ въ ямку три щепки, если родился мальчикъ, на нихъ послѣдъ, и засыпаетъ ямку. Потомъ плотно утаптываетъ это мѣсто, снова молится, отобьетъ три земныхъ поклона и уходитъ домой.

Дома она готовитъ кушанье для роженицы, чаще всего блины, и приноситъ ей.

Новорожденнаго бабка, или особая знахарка, заговариваютъ отъ грыжи, для чего кладутъ его гдѣ нибудь передъ сучкомъ въ бревнѣ или въ доскѣ. Родильницѣ тоже даютъ наговоренную воду „отъ золотника“ (См. Бѣлор. Сб. вып. V).

С. Городецъ, Быхов. у.

Якъ баба абрóдитца, тагды̀ другія бабы сабираютца, атвѣдуютъ яѐ, прынóсятъ на закуску паради́си што-нéбудь вáраная: квасу зъ мя́самъ, ти щѐ што. И хлѣба вóзьмя кусокъ. Прыхóдятъ у вóтвядки—ти здарóва паради́ха, якъ дятёнакъ? Пакладу́ть, што прынéсьли каля пасьтéли, пасидятъ. Имъ даютъ гарэ́лку па чáрцы и прóсютъ на хрэ́зьбины. Паради́ха ѣсь, што прынéсьли, а калѝ мнóга нанясу́тъ, тагды̀ и сямъя̀ ѣсь. Прыхóдятъ, каторыя зъ радьнѝ да сусѣдки.

С. Заболотье, Рогачев. у.

Прыхóджуютъ на радины радьня̀. Съ саббй прынóшуютъ па хуньтику хлѣба. Квáртачку гарэ́лки прынясѐ мужыкъ. Па чáрацны панáщутца и пóйдутъ.

Д. Казимирово, Быхов. у.

Роды совершаются тамъ, гдѣ застигнутъ схватки, и родильница отъ домочадцевъ не отдѣляется, особенно зимою.

При трудныхъ родахъ заставляютъ мужа давать родильницѣ воду изъ своего рта въ ея ротъ, или самую заставляютъ пить воду сквозь вѣнчальный перстень.

Послѣдъ перемывается въ водѣ и въ черепкѣ или горшкѣ зарывается въ землю подъ поломъ въ избѣ. Если дитя рождается „въ сорочкѣ“, то ее хранятъ до смерти рожденнаго.

Такое рожденіе считается предзнаменованіемъ „счастья“ для новорожденнаго.

Изъ кушаній на родинахъ и крестинахъ подаются: яичница, борщъ, говядина, каша и пироги или другое печенье. Изъ напитковъ употребляется водка и настойка на травахъ и перцѣ, родильницѣ даютъ вино и яблочный отваръ.

Родильница куму даритъ платокъ, кумѣ фартукъ, бабкѣ чепецъ и платокъ.

Встаетъ родильница на второй, а при нуждѣ и въ самый день родовъ. Кормятъ младенца сами годъ, и полтора.

Колыбели дѣлаются висячія. Пустую колыбель—колыску нельзя колыхать, иначе дитя будетъ страдать безсонницею.

Краснобуд. вол. Гом. у.

На слѣдующій день, а если ребенокъ здоровъ, то и черезъ нѣсколько дней, бываютъ крестины. Родители новорожденнаго долго совѣтуются между собою, кого „брать у кумы" и когда остановятся на комъ-либо, отецъ ребенка беретъ двѣ вязки баранковъ и идетъ „звать у кумы". Придя къ будущему куму и подавая ему вязку баранковъ, отецъ говоритъ: „Радúны атъ мянѐ примѝ, и ў кýмы ка мнѣ хадѝ!" Кумъ беретъ баранки и говоритъ: „Дббре, приду!" И условливаются о времени крестинъ. Такимъ же порядкомъ проситъ отецъ ребенка и куму. Отказовъ, за исключеніемъ самыхъ уважительныхъ случаевъ, никогда не бываетъ, потому что „отъ креста грѣхъ отрекатца. Треба душў у христіянскую вѣру увéсти".

Если родители живутъ не въ селѣ при церкви, а въ деревнѣ, то въ назначенное время кумъ запрягаетъ свою лошадь, кума беретъ ребенка и они вмѣстѣ отправляются къ священнику, гдѣ въ домѣ послѣдняго, въ кухнѣ или въ передней, и совершается таинство крещенія.

Возвратившись „изъ-подъ креста", кумы передаютъ ребенка матери и поздравляютъ родителей:

— Паздравляимъ васъ, ахриствивши дитёнка! Якъ видили мы ягò падъ хрястóмъ, кабъ давъ Богъ такъ видить ягò и падъ вянцомъ!

Затѣмъ объявляютъ нареченное священникомъ имя новорожденнаго и нѣсколько разъ напоминаютъ, чтобы они его не забыли.

Въ это время хозяинъ посылаетъ кого-либо просить сосѣдей и родственниковъ „на кстúны". Когда приглашенные соберутся, хозяинъ приглашаетъ „кумовъ", а потомъ и всѣхъ прочихъ „къ столў присѣсть, хлѣба-соли зъѣсть!" Когда всѣ усядутся, соблюдая степень родства и старшинство, хозяинъ подноситъ водку куму и кумѣ, а затѣмъ и всѣмъ прочимъ въ томъ порядкѣ, какъ они сидятъ за столомъ. Пьютъ за здоровье родителей и „новорожденца": „Дай жа, Божа, на житьтё, на быттё, на дббрая здарбвъя, на довгій вѣкъ!"

Первымъ кушаньемъ подается кулешъ изъ пшеничной или гречневой муки съ саломъ или съ „алéемъ"—смотря по тому, въ

постъ ли бываютъ крестины, или въ мясоѣдъ. Послѣ кулеша подается „борщъ" изъ квашеной капусты, съ мясомъ или съ саломъ, смотря по достатку, или съ рыбой и алѣемъ.

Предъ борщомъ также подается водка: „капуста любитъ, кабъ яѐ паливàли!" Затѣмъ подаются и остальныя кушанья. Въ концѣ обѣда подаетъ свою круто сваренную изъ гречневыхъ крупъ кашу бабка. Она ставитъ ее на столъ прямо въ горшкѣ, съ такими пожеланіями:

— Дай жа, Божа, кабъ у етымъ доми было̀ мно́га дѣтыкъ на палу̑, жирибятыкъ съ тиля́ткыми на двару̑, парася́тыкъ съ игня́ткыми на вару̑ (въ хлѣву), и у̑ся́кыга дабра̀ гэтыму дварý!"

Горшокъ бабка передаетъ куму. Кумъ беретъ изъ него три ложки каши и кладетъ на тарелку. Туда же ставится и чарка съ водкой. Все это кумъ подаетъ родильницѣ, кладя на тарелку и сколько-либо денегъ серебряною монетою. Породиха отдариваетъ его кускомъ полотна.

Возвратившись за столъ, кумъ опять беретъ горшокъ въ руку и поворачивая его кричитъ:

— Ай, гаря́ча! Ай, гаря́ча!

И при этомъ какъ бы нечаянно роняетъ горшокъ на столъ такъ сильно, что онъ разбивается. Бабка тотчасъ убираетъ черепки прочь, а круто сваренная каша стоитъ и не разсыпается. Это считается добрымъ предзнаменованіемъ: значитъ, новорожденный будетъ жить въ достаткѣ и будетъ долговѣченъ. Если же каша разсыплется, то дитя долго не поживетъ.

Бабка кладетъ тогда на свои черепки по куску каши и вмѣстѣ съ водкою подноситъ ее присутствующимъ въ такомъ порядкѣ: сначала родителямъ новорожденнаго, потомъ куму и кумѣ, и уже затѣмъ прочимъ гостямъ.

— На́-тка, говоритъ она, ба́бинай каши! Пагляди́мъ на рублики ваши! Гарѣлачку вы́пи, ка́шай заяси̇, тарѣлачку пазалати̇.

Приглашаемый беретъ кашу, выпиваетъ водку и кладетъ бабкѣ на ея черепокъ нѣсколько монетъ.

Когда она такъ надѣлитъ всѣхъ кашей, тогда гости встаютъ изъ за-стола.

Бабка наливаетъ въ миску воды, насыпаетъ туда овса и натираетъ всѣхъ по лицу этимъ мокрымъ овсомъ, начиная съ родильницы, ребенка, отца его и кумовьевъ. Каждому она говоритъ при этомъ:

— Дай жа, Бо́жа, кабъ ты быу̑ крѣпакъ, якъ вада̀, багатъ, якъ зимля̀, вясёлъ, якъ пчила̀, а кра́синъ, якъ висна̀!

Послѣ этого бабка получаетъ отъ родильницы наметку, а въ пригородныхъ мѣстностяхъ—ситецъ на юбку. Наметку она тотчасъ же надѣваетъ на голову, обертывается ситцемъ кругомъ и начинаетъ подпрыгивать среди избы вверхъ, приговаривая:

— Радй, Божа, у майхъ унўчкуў жита, пшаницу и ўсякую пашнйцу. Дай, Божа, скольки у гэ́тай хáти сучкоў, кабъ у майхъ унўчкуў стóльки було дитючкоў, а скольки дйричикъ, кабъ стольки дѣвычикъ!

Побывъ нѣкоторое время, гости расходятся.

На другой день бабка приходитъ купать ребенка, смывать „святый муръ" (миро). По этому случаю вчерашніе гости опять приходятъ, и тоже пьютъ и закусываютъ, поютъ приуроченныя къ этому событію пѣсни. Это называется „муравинки гулять". Муравинками и заканчиваются „хрэзьбины".

С. Ослянка, Мстисл. у.

Крестятъ ребенка обыкновенно въ самый день рожденія и никогда не позже второго дня. Крещеніе черезъ недѣлю послѣ рожденія составляетъ весьма рѣдкое исключеніе и случается только въ случаяхъ полнаго одиночества родильницы, когда у нея некому приготовить необходимое угощеніе и она должна ждать возможности сдѣлать это самой.

Предъ отъѣздомъ воспріемниковъ къ священнику, родители младенца предлагаютъ имъ угощеніе. Потомъ бабка беретъ ребенка, становится передъ иконами, и всѣ молятся Богу. Послѣ молитвы бабка отдаетъ младенца кумѣ, и воспріемники уѣзжаютъ.

Пріѣхавши „отъ креста", кумъ беретъ младенца у кумы и отдаетъ его отцу со словами:

— Нà табѣ тваё ражóная, а наша хрыщóная!

Принявъ ребенка, отецъ передаетъ его матери.

Тогда приглашаютъ гостей—родню, сосѣдей. На столъ прежде подается закуска: мясо, оладьи, рѣзники и т. п., а потомъ уже борщъ, крупеня и другія вареныя жидкія кушанья. На послѣднее блюдо подается хозяйская каша. При этомъ обязательно предлагается водка „поливать кашу." Затѣмъ несетъ свою кашу бабка и ставитъ ее съ горшкомъ, накрытымъ булкой хлѣба, прямо на столъ. При этомъ она проситъ у гостей „внуку на мыло".

— Прошў, панóвя-мужóвя, майму ўнўчку на мылца!

Горшокъ съ ея кашей беретъ кумъ обѣими руками и нѣсколько разъ ударяетъ имъ объ столъ, сначала тихо, а потомъ все сильнѣе, пока горшокъ разобьется. Бабину кашу раздаютъ всѣмъ присутствующимъ, а тѣ отдариваются деньгами. Деньги эти, вмѣстѣ съ булкой хлѣба, которою былъ накрытъ горшокъ, бабка отдаетъ родильницѣ.

При дѣлежѣ бабиной каши водка не предлагается.

Всѣ, получившіе кашу, заворачиваютъ ее въ конецъ платка, въ полотенце, въ бумагу, и несутъ домой, гдѣ раздаютъ дѣтямъ, у которыхъ „бабина каша" считается большимъ лакомствомъ, по крайней мѣрѣ такимъ же, какъ и „хлѣбъ отъ зайца", принесенный или привезенный какимъ-либо родственникомъ съ дороги.

Послѣ бабиной каши родильница даетъ бабкѣ наметку и большую булку хлѣба, куму полотенце и такую же булку хлѣба, а кумѣ только булку хлѣба. Наоборотъ, кума даетъ родильницѣ „опрятокъ" холста.

Получивши наметку, бабка тотчасъ завязываетъ ее на голову, взбирается на лавку и скачетъ тамъ, приговаривая:

На палу̑ ребятки,
Падъ пóламъ ягнятки,
Въ хлѣви парася́тки.

До введенія монополіи, гости усаживали бабку, кума и куму на телѣгу и сами везли ихъ въ корчму. Привезенные „чиновники" должны были здѣсь покупать для гостей водку, пиво, булки, баранки.

На третій день послѣ крестинъ къ родильницѣ опять собираются гости „на жмуринки". Приходятъ обыкновенно бабка, кумъ, кума и близкіе родственники. Бабка и кума приносятъ какую-либо закуску, а хозяинъ ставитъ водку. Пока гости собираются, бабка беретъ ребенка у матери и ставитъ его голаго на кутъ, на разостланный тамъ кожухъ; на голову ребенка она кладетъ нѣсколько баранковъ и обливаетъ его освященной Крещенской водой. Это называется „смывать муръ". Баранки съ головы ребенка раздаются другимъ дѣтямъ, а бабка начинаетъ купать ребенка; выкупавши, сповиваетъ и отдаетъ матери.

Пѣсенъ на крестинахъ не поютъ.

С. Городецъ, Быхов. у.

Когда ребенокъ родится, бабка приготовляетъ воду купать его, а отецъ бросаетъ въ воду серебряныя деньги, чтобы дитя было богато и чисто, какъ серебро. Послѣ купанья бабка отдаетъ ребенка матери, а деньги беретъ себѣ. Затѣмъ, выпивъ за здоровье внучка и его матери, она отправляется домой. До окончанія всѣхъ крестинныхъ обрядовъ бабка приходитъ купать внука ежедневно утромъ и вечеромъ. Рано утромъ въ день крестинъ справляютъ „родины", на которыя приглашаются родственники и ближайшіе сосѣди. Ихъ садятъ за столъ и угощаютъ водкой и закуской. Послѣ закуски всѣ уходятъ домой до вечера.

Скоро приходятъ кумы, заранѣе запрошенные. Имъ также подаютъ водку и закуску. А бабка въ это время купаетъ ребенка и потомъ подаетъ его кумѣ черезъ столъ на правую руку. Затѣмъ бабка беретъ чашку, наливаетъ туда воды и сыплетъ овесъ; помочивъ руку въ эту воду, она обмываетъ ею лицо всѣмъ присутствующимъ, не ладонью, а верхнею стороною кисти. Обмывъ такъ же и ребенка, воду эту съ овсомъ выливаетъ на кутѣ подъ образами. Дѣлается это для того, чтобъ дитя „ни булó плаксúва, а булó щасьлúва". Послѣ этого кумы съ младенцемъ идутъ крестить его и несутъ „хлѣбъ-соль"— водку, баранки. По возвращеніи отъ креста, кумы отдаютъ ребенка матери и сами идутъ по домамъ до вечера.

Крестинная пирушка происходитъ вечеромъ. На нее приглашаются воспріемники, бабка, родня, сосѣди и другіе желанные гости. Женщины, идя на крестины, приносятъ съ собой блины, баранки, булки, кашу, яичницу, вареное мясо, и угощаютъ родильницу. За столомъ гости размѣщаются по степени родства и по старшинству, но первое мѣсто предоставляется „кумамъ" и бабкѣ. Первыя рюмки подаются имъ же. Когда очередь дойдетъ до кумы, она свою рюмку накрываетъ пряникомъ и посылаетъ родильницѣ Та пьетъ, принимаетъ пряникъ и наливаетъ кумѣ своей водки. Это называется „перепивать куму". Пьютъ за здоровье новорожденнаго и его родителей, потомъ за здоровье кумовъ. Имъ поется и пѣсня:

А кумъ кумѣ радъ,
Павёў куму ў виныградъ.
— Щипи, кума, ягбдки,
Катбрыя салбдки.
Каторыя винны,
То ли маёй милый;
Каторыя сладки,
То ли маёй матки;
Каторыя горьки,
То ли чужэй жонки!

Въ это время подается обѣдъ, при чемъ поется слѣдующая пѣсня кумѣ:

Виныградъ на дварѣ,
А хрезьбины ў хати.
Пыдъ нашу кумку,
Пыдъ нашу любку
Падвбда пришла,—
Вазокъ маливаный,
Конь гыдываный.
Кыли наша кумка запьетца,
Наша кумка-любка падвбдай атвязэтца.

Послѣ кумы эту же пѣсню поютъ куму и бабкѣ.

Въ концѣ обѣда бабка подаетъ на столъ свою кашу, украшенную блинами, или мясомъ, или баранками, или конфетами. При этомъ она плещетъ въ ладоши и поетъ:

Пыздарбў, Божа, кывылѝ,
А што скываў намъ дитя!
А ни ў ручки ни хўкыў,
А ни мблытымъ ни стукыў,
А ў мягкихъ падўшкыхъ,
А падъ тёплый дярўжкый,
Бязъ мблыта, бязъ кывадла,
А пыглядишь—дитя ладна!

Присутствующія женщины подпѣваютъ бабѣ.

По окончаніи пѣсни, бабка „покрывается" подаренной ей наметкой и обноситъ кашей всѣхъ гостей. Тѣ въ обмѣнъ дарятъ ей деньги. Расходятся съ крестинъ по домамъ уже на разсвѣтѣ.

На другой день снова приглашаютъ гостей „на похмелки". Женщины на этотъ разъ приносятъ сырую провизію: сало, муку, крупу, рожь, ячмень, хлѣбъ, такъ какъ готовить кушанья некогда было. Сначала гости закусываютъ съ хозяйской водкой, потомъ обѣдаютъ, а послѣ обѣда дѣлаютъ складчину, сами покупаютъ водку и угощаютъ ею родителей ребенка и конечно себя.

На третій день гости приглашаются „на муравинки". Столъ застилаютъ шубой, на нее ставятъ чашку съ водой и овсомъ, и этой смѣсью баба обмываетъ ребенка, смываетъ „муръ". Послѣ этого гости выпьютъ, закусятъ и расходятся по домамъ.

Для роженицы наступаютъ тяжелыя будни.

Щербинская вол., Витеб у.

„У той день, якъ трэ́ба хрыстить, рахуютца мужыкъ съ жонкай,—каго́ брать у кумы: ти зъ радьни, ти каго́ чужо́га. Найболяй зъ радьни бяруть: нихай, кажа, будя сваё ро́дная!

У кумы про́ся хто́-не́будь старшый: ти свёкаръ, ти свякруха, а кали нима̀ ихъ, тагды мужыкъ по́йдя. Во́зьмя съ сабо́й хлѣба акрайчикъ, пасыпля сольлю, уво́йдя у хату:

— Здрастуй вамъ!

— Здарбу!

— Прымитя маю хлѣбъ-соль: жала́ю васъ узять за кума, рабёшачка ахрыстить!

— Хрыстить, дакъ хрыстить! Трэ́ба итить! Пайду! Кали хрэстъ будя?

— А сягоньни!

Тагды по́йдя звать куму, такъ жа са́ма, съ хлѣбамъ—съ сольлю. А кали яна̀ бліжэй жыве́, дакъ яѐ упе́радъ завѐ. Ну, кали сагла́сна, дакъ гаво́ра: До́бра, пайду!" А кали ни сагласна, дакъ кажа:

— Шукай другой! Я ни пайду: дятёнакъ малый! А то скажа: „У хати нима нико́га, не́накага хату кинуть!"

Бяруть у кумы набо́ляй тыхъ, што брали къ пе́рваму дятёнку. Миняють ниахвотна,—кали пам́рэ, ти кали пасва́рутца.

Прыхо́дять кумы у той день, кали хрэ́зьбины, къ парадиси и нясуть пирагѝ жъ жытнай мукѝ и соль. А кума и стра́ву нясѐ: ти ва́рава, ти крупникъ, ти кашу. Яно̀ жджэ̀ тамъ адно̀ друго́га; кумъ ближэ́й жывѐ—кумы жджэ, кума̀ ближэ́й—кума жджэ. Ихъ сядять за столъ, пачасту́нять, гарэ́лки дадуть да закуски—сала, хлѣба, а у постъ—сялёдку, хлѣба. Паку́ль заку́саваютъ, дакъ бабка прыбирая рабёнка, купа́я, надява́я мятликъ *), абвя́жа гало́уку прыгалаве́шкамъ **). Покупавшы, трэба патиснуть за носъ, кабъ прыгажэ́й быу. Кутаютъ дятёнка у мущинскаю рубаху, и завязуютъ у рукау хлѣбицъ и соль, и жыта, кабъ рабёнку ничо́га злога ни злучылася.

Прыбраушы дятёнка, бабка пупарэ́зная аддаѐ ягѐ кумѣ, а сама аддвига́я столъ на сирэ́дку хаты. Кума съ кумою абоо́йдуть тро́йчи вакругъ стала̀ и каждый разъ мо́лятца пирадъ обра̀зами. Зъ ими умѣсти мо́лятца уси, хто ёсь у хати. Тагды кумъ съ кумою идуть, ти ѣдуть къ батюшку,—кума на лѣвый бокъ, кумъ на правый. Ня-

*) Пеленка съ прорѣзомъ посрединѣ, надѣваемая на младенца при крещеніи.

**) Платочекъ.

суть къ батюшку пляшку гарэлки и кулидку хлѣба. Ета атъ хазяина бяруть. У насъ за хрэстъ ня плотитца, а кали гдѣ плотять, дакъ ета ужэ плотя кумъ. Якъ выйдуть атъ хрыста, дакъ рукаў у батьковскай рубахи развязують и хлѣбъ и жыта кидають чиразъ галаву назадъ.

Якъ прыѣдуть дамоў да ўвойдуть у хату, дакъ кума гавбра: „Якъ видили падъ храстомъ, такъ дай Богъ видать падъ вянцомъ!" Бабка бярэ у яѐ дитёнка, пирахрыстя:

— „Дай жа, Божа, кабъ вялика расло, да здарова было, да щасьлива!" И нясѐ за пблагъ, аддаѐ парадиси.

А тымъ часамъ у хати сабираютца госьти,—кали за храстомъ будуть хрыстины. Завуть гасьтей хлопчики па-падвбканьню. Прызавуть якбга хлапца, дадуть яму чарку гарэлки и закусить: „бяжы, хлапчиня, па сялу, пазави на хрыстины!" Ну, той и пабѣгъ. Падбяжыть падъ вакно, пастукая и кажа: „Дабры-вечаръ! Прасиў Апанасъ и Марья, и я прашу на хрыстины!" И побѣгъ даляй. И такъ аббяжыть усё сяло, кали ахвоту мая. А радьню завѐ самъ хадяинъ; хадяйка никбли ня пбйдя.

Ну, кали хто хоча, дакъ и сабираитца. Бабы адяютца чистѣй, нясуть хлѣба па кавалку, хунты тры, чвертку куска сала—съ паўхунта; а кали сала ни нясѐ, дакъ бярэ зѐрняты—ти проса, ти канопли, ти крупы якія-нѐбудь—и грѐшныя и яшныя. А мужыки нясуть капѣйку, двѣ.

Якъ прыдуть у хату, паздарбукаютца и аддадуть ета, што прынѐсли, старуси, ти дѣтямъ. А сама парадиха ни бярэ. Якъ сабярутца, ихъ садять за столъ на лаўкахъ, а кали ни памѣстятца, другій столъ ставять, услоны. Кумъ съ кумой садятца на кутѣ,—кумъ па правый бокъ, кума па лѣвый; каля кума садитца бабка, каля ихъ радьня, а поелѣ ужэ чужыя. Рассаджуя хадяинъ.

Якъ сядуть, хадяинъ бярэ гарэлку у плясцы и стаканчикъ, па нашаму—чарка,—и паднбся гасьтямъ. Перваю чарку самъ выпья: „Здарбў будьтя, госьти дарагія!" — Пй на здарбўя! тыя кажуть. Тогды паднбся гасьтямъ па двѣ чарки. Напирбдъ за ўсихъ бабки, тагды куму, кумѣ, и такъ усимъ радамъ. Примуть, кажуть: „Ну, нихай жа нашъ хрэсьникъ вяликъ расьтѐ, щасьливъ будя!" и выпиваютъ. А кали хто ня пъѐ, бярэ чарку, зъ рукъ прымя у хадяина, прымѣръ здѣлая и аддаѐ таму, хто пбплячъ сядить. Пьють адинъ къ другому, па раду. Аббйдя увесь радъ, тагды паднбся на двѣ чарки тымъ, што ня ўмѣстилися за сталомъ, на хати стаять

Парадиха ляжыть каля дитёнка за пблагамъ. Свай сямъя ни садятца за столъ, а гатують, паднбсять, чесь дають, якъ слѣдуя быть.

Первая страва—борщъ; ставять па чашцы на каждый столъ. Ти галбдинъ хто, ти ни галодинъ, а чесь прынимн, и водку прынимн, и стравы паспытай. А то скажуть: „сердитца!“ Ти: „злабу мыслить!“

Послѣ барща дають прэснаю страву: ти крупникъ пшонный, грэцкій, ти яшный, ти лапшу. Паслѣ етага хадяинъ апять бярэ гарэлку съ паліцы, и самъ выпъя чарку, и дае усимъ па чарцы. Тыя, што стаяли на хати, ти пашли дамбу послѣ первай выпиуки, ти тожъ дастають ложками страву съ сталбу.

Тагды падають кашу грэцкаю съ саломъ, ти съ алеямъ. И усё. Якъ паядять, баба кажа, кабъ падали яе кашу, што яна зварыла дома. У насъ варать набблн грэцкаю, съ саламъ; а кали и съ проса. Ей падають гарщбкъ ладный, у паувядра, а яна станбвя пасярбдъ стала. „Ну, гаспада кунпанія, госьти дарагія! Прасили васъ на хлѣбъ, на соль, вотъ прашу и на бабину кашу, прашу паклась па чирвонцу!“ И закрывая кашу тарэлкай. Ну, тагды усѣ кладуть па два грошы, ти па чатыры: „во, бабка, я укинувъ чирвоницъ!“—Я укинувъ!—И я во укинувъ!—У бѣднаго наскидають такъ зъ грывяникъ, а у багатага съ палтинникъ. Тагды ета, што прыслугуя, сабярэ ето усё и атнясе за пблагъ къ парадиси:

— Ета, кажа, табѣ на лебела сабрали! Тая кажа: „благадару имъ, дякую!“

А тымъ часамъ кумъ бярэ кашу, абкрутиушы гарщокъ платинкай якой-нибудь, падымя и абъ столъ тихенька стукъ!

— „Ой, баба,—якій гарщбкъ крэпкій у ганчара выбрала! Никякъ ни разбить!“

— Ну, кумокъ: у другій разъ якъ пайду, дакъ ня буду брать такбга крэпкага. Ужэ прыстаулю дирявый, абы кашу зварыть!

Тагды кумъ бъе тихенька гарщокъ у другій разъ.

— „Ай, баба,—ти ни зялѣзный твой гарщокъ? Ниякъ ни разабъешъ!“

— Ну-тка бй, бй! Видна, кумокъ мала ѣу!

Шутятца.

За трэтьтимъ разамъ гарщокъ разбиваитца.

Кали жъ бъють кашу, тагды хто-нибудь иде на вулицу и гукая:

— Дѣти, дѣти! кашу бабину бъють! Бяжытя скарэй!

И ихъ сабярэтца поуна хата.

Тагды баба бярэ чарапбчки отъ гаршка и кажа:

— На каго каша нахинетца, таму кварту (водки) купить!

Той ей кажа:

— А табѣ што-нидѣли быть у етымъ дѣли!

Баба кладе на чарапбчки кашу и раздае дѣтямъ. Тыя тутака жъ и ядять. А уросшыя бяруть и дамбу нясуть.

„Тагды народъ и дѣти разбѝдутца, а бабку, и кумоў, и радьню̀ катбраю, застановять и зновъ садять за столъ, на тѐя жъ мѣста. Пачастўють ихъ, па чарцы дадуть, закусить яѐшню спрагуть, каўбасў. Выпъють щѐ па чарцы, пагаманять, пасидять, тагды ўстають, молятца Богу, дякують: спасиба за хлѣбъ, за соль, за угащѐньня.

Тагды дають па на̀мятцы куму и кумѣ, а бабцы паркалю̀. Кумъ кладѐ на тарѐлку пирогъ, кладѐ рубъ, пъѐ за здарбўя кумы палагавыя и пасылая кумѣ, а кума наливая яму и атсылая.

— Ну, нихай жа нашъ хрэсьничакъ вялѝкъ расьтѐ, щасьлѝў будя! Аставайтясь жывы—здаровы! Пращавайтя!

И идуть. А вышаўшы, крычать гвалту: „на барану̀! на барану̀!“ Ета ўжэ бабку на барану! И садять яѐ на барану, ти на пирадѐкъ (отъ телѣги) и вязўть у каршмў, ти къ жыдбўцы. Тамъ бабка аткупа̀итца квартаю гарэлки.

На другiй день бывають па̀хрыстины. Бабку, кума и куму, радьню̀ якую пасадять. А чужыхъ нѣ. Хто прыдя, чарку дадуть, а чесьти ни дають. Уся чесь яго тамъ: выпъя да й за дверы. А тыя садятца, и ихъ частўють, якъ и ўчора. (Происходитъ угощенiе, во всѣхъ подробностяхъ сходное съ крестиннымъ).

А бабцы дають грывяникъ. Идуть у каршмў и тамъ зъ бабки нача̀такъ—купляя гарэлку. А тагды кумъ, кума, бабы пъяныя папрытяга̀ютца.

На трэтьтiй день хадяинъ, ти хто зъ малыхъ, завуть бабку муръ змывать. Ну, прыдишъ, пакупа̀ишъ, муръ змыишъ. Пачастўють па змбзи, чарки двѣ гарэлки дадуть, закусить што, ти сала, ти яѐшню.

На тымъ и канецъ. Скачи здарбў, мой унўчакъ!“

С. Заболотье, Рогач. у. Отъ бабки Ѳеклы Суевой, 60 л. Записано мною.

Въ день рожденiя ребенка назначается и день его крещенiя.

Ко дню крестинъ хозяинъ беретъ полведра или ведро водки, смотря по количеству ожидаемыхъ гостей, и приготовляетъ въ достаточномъ количествѣ лучшiя кушанья. Въ день крестинъ рано утромъ, или наканунѣ вечеромъ, онъ отрѣзываетъ два „скрыля“ хлѣба, густо посыпаетъ ихъ солью, и съ ними отправляется къ намѣченнымъ кумовьямъ, которымъ передаетъ взятый съ собою хлѣбъ и приглашаетъ въ воспрiемники. Въ назначенный часъ кумъ съ кумою являются къ хозяину, также съ „скрылями“ хлѣба, которые кладутъ на столъ. Тогда хозяинъ зажигаетъ предъ иконой свѣчу и всѣ молятся Богу. По окончанiи молитвы, хозяинъ усаживаетъ бабку и кумовьевъ за столъ и угощаетъ ихъ водкой и закуской. Затѣмъ бабка беретъ отъ „породихи“ младенца и передаетъ кумѣ, хозяинъ даетъ бутылку водки для священника, и кумовья отправляются. Когда ребенокъ будетъ окрещенъ, батюшка угощаетъ кумовьевъ при-

везенной ими водкой. На обратномъ пути кумовья заѣзжаютъ въ попутную корчму и здѣсь кумъ угощаетъ свою куму. Сдавъ ребенка матери, кумовья выпиваютъ по чаркѣ водки и, слегка закусивъ, уходятъ домой.

Хозяинъ въ это время окончательно подготовляется „справлять кстины“ и потомъ посылаетъ за бабкой, кумовьями, родными и сосѣдями. Бабка, кумъ и кума, идя на кстины, несутъ съ собою по мискѣ каши, по нѣскольку лепешекъ или по булкѣ хлѣба, а остальные приглашенные гости несутъ по скрылю хлѣба или по лепешкѣ. Все это кладется на столъ хозяина, а потомъ переносится къ породихѣ. Во время угощенія считается обязательнымъ пѣть положенныя пѣсни.

Въ концѣ трапезы бабка беретъ горшокъ круто сваренной каши и, обвязавши его платкомъ, ставитъ на столъ передъ кумомъ, съ такимъ приговоромъ:

— Радѝ, Божа, хлѣбъ, пладѝ, Божа, ста́тыкъ, тиля́тыкъ ны вару̀, дѣтыкъ ны палу̀! *Змирѝ, Божа, царёвъ и кыралёвъ* и всю бра́тью нашу! Хто мой гарщо́чикъ рызабье́ть, тэй пывга́рчика гарѣлычки вазьме́ть!..

Кумъ беретъ горшокъ въ руки, три раза переворачиваетъ его въ рукахъ и разбиваетъ о столъ въ дребезги. Бабка подбираетъ черепки и кладетъ на каждый изъ нихъ кашу, кусочекъ мяса, или въ постный день рыбы, селедки, и вмѣстѣ съ рюмкой водки подноситъ каждому изъ гостей, приговаривая:

— Кашу съ гарѣлычкыю примитя, а мнѣ руку̀ пызылати́тя!

Всѣ выпиваютъ подносимую водку, берутъ черепочекъ съ кашей и даютъ бабѣ по нѣскольку копѣекъ.

Когда окончится раздача бабиной каши, хозяинъ обращается къ гостямъ и перекрестившись говоритъ:

— Праси́въ васъ, дыра́гія гости, на хлѣбъ-соль, а тяперь прашу па хлѣбу-соли!

Гости выходятъ изъ-за стола, благодарятъ хозяина и расходятся. При этомъ народиха одариваетъ бабку и кума холстомъ. Послѣдній въ свою очередь даетъ ей нѣсколько монетъ, приговаривая:

— Кума̀ ку́му халсти́ну, а кумъ кумѣ̀ палти́ну!

На слѣдующій день, рано утромъ, зимою нерѣдко до разсвѣта, отецъ окрещеннаго младенца снова приглашаетъ бабку, кума и куму и всѣхъ вчерашнихъ гостей „на муравины“.

Раньше другихъ должна придти бабка. Пришедши, она беретъ вѣникъ съ листьями, общипываетъ листья и кладетъ ихъ въ миску потомъ сыплетъ туда овесъ и наливаетъ воды. Когда кто изъ приглашенныхъ входитъ въ хату, бабка беретъ изъ миски эту смѣсь и вытираетъ ею лицо у всѣхъ входящихъ, приговаривая:

— Будь быгáтъ, якъ вóсинь, крáсинъ, якъ виснà, а крѣпыкъ, якъ дарóга!

И вытираетъ полотенцемъ.

Потомъ обвязываетъ подаренною холстиною голову и перекружившись на мѣстѣ три раза, подпрыгиваетъ столько же разъ вверхъ, по возможности повыше, и говоритъ:

— Капъ мой унýкъ вялúкъ росъ, щасьлúвъ бывъ! Капъ ны ягò долю пыславъ Бохъ усяго ўвблю!

Послѣ этого гости садятся за столъ. Угощеніемъ ихъ и заканчиваются кстины.

Любавич. вол., Мстисл. у.

Пѣсни родинныя и крестинныя.

Ай, стучúть—грючúть
Вдоль па улицы.
Тамъ бяжы́ть, бяжы́ть
Андрей мыладэ́й.
Ёнъ а босый и прыстывалóсый,
А бизъ шýбки и бисъ пóиса.
А бяжы́ть ёнъ пы бабýсиньку:
„Ты хадú, бабýсь, пирибáпъ [дитя́!“
Маё дитя ныражóныя,
А тваё дитя а сужóныя!

С. Любавичи, Мстисл. у.

—

Ня стукъ стучúть па вýлицы,—
Иванъ идéть, бабу вядéть.
„Баба мыя́, бабýличка,
Пирибáпъ мнѣ дитя́тычку!
Маё бýдить раждёная,
Тваё бýдить баблёная!

—

Хто-жъ тамъ стучить па вулицы,
Хто жъ тамъ стучить па ширóкый?
Михалка йдéть, бабу вядéть:
— Баба мыя, быгдáнныя,
Пирибапъ ты мнѣ дитя́тычку,
Пирибапъ ты мнѣ малéнькыю!
Хто жъ тамъ стучить па вулицы,
Хто жъ тамъ стучить па ширóкый?
Кумъ идéть, куму̂ вядéть:
— Кýмычка мы́я любéзныя,
Пирихрястú ты мнѣ дитя́тычку,
Пирихрястú малéнькыю!
Хто жъ тамъ стучить па вулицы,
Хто жъ тамъ стучить па ширóкый?
Кумá идéть, кýма вядéть:
Кумочикъ мой, голубочикъ мой,
Пирихрястú ты мнѣ дитятычку,
Пирихрястú малéнькыю!

—

Зыпряжи-ка, мой кумъ,
Ды дванатцыть валоў
Зывязи-ка, мой кумъ,
Сваю бапку дамой!
— А идѣ жъ мнѣ, бабуличка,
Ды валоў сыбирать?
Луччи жъ, мыя бабуличка,
У минѣ нычивать!

—

Ай пиў ба я пива,
Дыкъ съ пахмелійка лиха.
А любиў Микилай жонку,
Дыкъ нагудили люди.
А нихай люди гудють, —
Микилай жонку любить!

—

Чаму жъ намъ ня пѣть,
Чаму ни гулять,
Кылй ў нашый хатыццы
Пырядыкъ идеть:
Мушка на вакошыццы
Въ цымбалики бъеть!
Чаму жъ намъ ня пѣть,
Чаму ни гулять,
Кылй ў нашый хатыццы
Пырядыкъ идеть:
Павучокъ на стѣныццы
Кросинцы снуеть!
Чаму жъ намъ ня пѣть,
Чаму ни гулять,
Кылй ў нашый хатыццы
Пырядыкъ идеть:
Блыха ны парози
Дровяцы сякеть!
Чаму жъ намъ ня пѣть,
Чаму ни гулять,
Кылй ў нашый хатыццы
Пырядыкъ идеть:
Наша сучичка
Дворикъ стирягеть!
Чаму жъ намъ ня пѣть,
Чаму ни гулять,
Кылй ў нашый хатыццы
Пырядыкъ идеть:
Наша й кошычка
Хатку пыдмятеть!

С. Ослянка, Мстисл. у.

—

Здѣсь же поются и заимствованныя великорусскія пѣсни: „Ты лети, лети, соколъ, на родиму сторону...“ „Ты крапива, ты крапивица, зеленая, кучерявая..“ А также искусственная:

Ишоў Савичъ съ именинъ ночной порой,
Ёнъ ишоў къ жанѣ съ пьяной головой...

—

Нигдѣ жъ мы такъ ни пагуляли,
Ни на вясельли, ни на багамольли,
Якъ у гэтага хадяина на кьтинкахъ.
Дай Божа гэтага дитяти
Кьтинки згуляти и вясельля даждати.
Богъ намъ даў, Богъ намъ даў!

—

А па возяру, а па синяськаму,
Силязенька плыветь,
Сваю вутачку, сваю шэраю,
За сабою вядеть.

— А ты вутачка, а ты шэрая,
А ти тутъ начавать?
Кали тутъ начавать, кали тутъ начавать,
Дакъ гнязьдечка савивать.
Кали дали лятѣть, кали дали лятѣть,
Разлигайся трава,
Разлигайся трава, разлигайся трава,
Разливайся вада!
А па сѣничкахъ, а па новинькихъ,
Тамъ Якимка идеть,
Сваю Татянку, сваю душачку,
За сабою вядеть.
— А ты Татянка, а ты душачка,
А ти тутъ начавать?
Кали тутъ начавать, кали тутъ начавіть,—
Каравать будавать;
Кали дали ѣхать, кали дали ѣхать,—
То коника гадавать.
Запрыгайтя каня, запрыгайтя каня
Ў муливаный вазокъ,
Мы жъ паѣдимъ, мая душачка,
У татулькаў дварокъ.

—

Сядить галубчикъ а на кусьтику,
Ёнъ расицу пьеть,
Яго галубка, яго сызая,
Гнязьдечка уеть (вьетъ).
„Пакинь, галубка, пакинь сызая,
Гнязьдечка вить,
Хади, галубка, хади сызая,
Расицы пить!“
— Мнѣ жъ бачитца, сызый галубчикъ,
Што ты ня любишъ мянѣ,—
Ажъ гарнетца тваё сярдечка
Вохъ-и-вохъ-ти ка мнѣ!
Сидить Якимъ на покути,
Ёнъ мёдъ-вино пьеть,
Яго Татянка, яго душачка,
Прасьтидлачки тчеть.
„Пакинь, Татянка, пакинь, душачка,
Прасьтидлачки ткать,
Хади, Татянка, хади, душачка,
Мёду-вина пить!“

— Мнѣ жъ бачитца, мой Якимка,
Што ты ня любишъ мянè,
Ажъ хинéтца тваё сярдéчка
Вохъ-и-вóхъ-ти ка мнѣ!

—

Межы клѣтачки, межъ истóпачки
Наша Татянка сувóй катила,
Сувой катила, сына радила.
Бяжы́ть Якимка па бабу̀личку
Бязъ пóяса, въ адны́мъ чóбати.
Яго бабулька дагàдьливая,
И дагадьлива, и пагадьлива,
И сама идéть, и пращу̀ *) нясéть,
И прóщу нясéть, и Бога прóсить:
„Прасьти жъ, Божа, и дьвѣ
[ду̀шачки!
И старéнькаю, и малéнькаю:
Старéнькаю дили стàрасьти,
А малéнькаю дили рàдасьти!“

—

У нядѣльку рана-паранéньку
Ўсѣ званы̀ званѝли,
Усѣ жóначки маладéнькія
Къ ю́трани хадѝли.
Адна наша парадѝха маладéнькая
У ю́трани ня былà,
Да инà жъ сабѣ, маладéнькая,
Бóрзда дѣла зачалà:
А ина жъ сабѣ да малéнькага
Сынóчка спавилà!
Ня вы́малюють малярчики
Да пры яснай свѣчи,
Якъ мы съ табóй, мой Якимка,
Да пры тёмнай нóчи!
Малатóчкамъ ня сту̀каў,
И ў ручачки ня хухаў!
Гута-тà й гу-ля-лà!

—

У нашага Якимки
Стайть святлица брусавáная.
У той святлицы калубéль висить,
У томъ калубéли дитя́тка ляжы́ть,

Бóжжа Матѝра ускалыхáить,
А ў дитяти папытáить:
„А дитя́тухна, хто твой тáтухна?“
— Па раду̀ сказать, дакъ Яки-
[мачка,
А па хрáсту̀ сказáть, дакъ Пи-
[лѝпачка!
У Якимки на падвóрьяйку
Стайть святлица брусавáная.
У той святлицы калубéль висить,
У томъ калубели дитятка ляжыть,
А Прачистая ускалыхáить,
Ускалыхáить, да папытáить:
„А дитя́тухна, хто твая мáмухна?“
— Па раду̀ сказать, дакъ Татя́-
[начка,
А па храсту̀ сказать, дакъ Ма-
лàначка!

—

„Запражы́тя, запражы́тя,
А дванáнцать канёў,
Атвязѝтя, атвязѝтя
А бабульку дамóў!“
А кони ня йду̀ть,
А кони ня йду̀ть,
И ўпинáючися,
А бабу̀лька на куть,
А бабу̀лька на куть
Падвигáитца туть:
„Я 'ть свайгò ўнучка,
'Ть свайгò галубóчка,
Я й дамóў ни пайду̀,
Паку̀ль у уну̀чка,
Паку̀ль ў галубóчка
Ўсю гарѣлку папью!
Я жъ ня буду, я жъ ня буду
Усиè выпивать,
Ой, буду жъ я, ой, буду жъ я
И къ зáўтраму астаўлять.

*) Жертву, кусокъ холста.

Ой, кабъ було̀, ой, кабъ було̀
Чимъ пахме́лья прагна́ть!“
Запражы́тя, запражы́тя
А плясьни́виннькага,
А ли бабу́льки, а ли галу́бки,
Ли щасьли́винькія!

А когда бабку везутъ на боронѣ, то прибавляютъ еще куплетъ:

Запражы́тя, запражы́тя
А двана́нцать саба́къ,
Атвязи́тя, атвязи́тя,
А бабульку ў кабакъ!

—

√Пъя́на баба, пъя́на, на паро́зи па́ла,
Палядитя, хлопцы, у якой сарбцы:
Кали̂ ў згрэ́бнай, кали̂ ў згрэ́бнай—
Ина й тутъ патрэ́бна.
Кали̂ ў то́нкай, кали̂ ў то́нкай—
Завязи́тя дамо́ў яѐ.
А кали ў паско́ннай, кали̂ ў паско́ннай—
Завязи́тя къ питама́ннай сваёй!

Д. Казимировка, Мог. у.

—

Усѣ жо́начки диравенскія
У ягодки пашли̂;
А кумъ съ кумою
У ягодки ня йшоў.
Усѣ жо́начки диравенскія
Па набираццы (лукошка) нясу́ть,
А кумъ съ кумо́ю
То на ко́нику вязу́ть:
Кабъ наша яго́дка
А вяли́ка расла̀,
А вяли́ка расла̀
И щасьли́ва была̀!

—

А ў ня́дѣльку паране́ньку
Пиў кумъ съ кумо́й гарэ́лку.
Змовила кума̀ да ку́ма:
„Паки́нь, ку́мя, гарэ́лку пить,
Паѣдимъ, кумя̀, дитя́тка хрысь-
[тить!“
Ай, ѣдуть по́ля, и друго́я,
На трэ́тьтяя узьижжа́ють —
А змо́виў тутъ кумъ да кумы:
„Ки́нимъ дитя ў калявину,
Сами по́йдимъ на Украйну!“
Иду́ть по́ля и друго́я,
На трэтьтяя увыхо́дють,—
„Ой, стой, ку́мя, паслу́хаимъ,
Ти ни шуми́ть дубровачка,
Ти ня сто́гня даро́жачка,
Ти ня бяжы́ть паго́ничка?“
— Шуми́ть, шуми́ть дубровачка,
Сто́гня, сто́гня дарожачка,
Бяжы́ть, бяжы́ть паго́ничка!
„Пастой, ку́мя, ты ни ўхади̂,
Чужы̂ жаны̂ ты ни звади̂,—
Чужы жаны̂ вянча́лныя,
Сваѐ кумы̂ падхро́сныя!
Падхро́сная кума̀—
Такъ, якъ ро́дная систра!“

—

Што жъ то за кра́сачка,
Што то за наго́дка,
Ў маимъ са́ди ни бывала?
Я бъ тую красачку,
Чурво́ну наго́дачку,
Ў сваимъ са́ди пасади́ла,
Я бъ тую красачку,
Чурвону наго́дачку,
Рана й ве́чарамъ паливала.
Што то за кумо́чикъ,
Што за голубо́чикъ,
Ў маимъ до́ми ни бувая?
Я бъ сваиго̀ кумочка,
Сваиго̀ галубо́чка,
За сто́ликамъ пасади́ла,
Я бъ сваиго кумо́чка,
Сваиго галубочка
Харашэ́нька чистава́ла.

Я бъ свайго кумбчка
Свайго галубочка,
Мёдамъ-виномъ напайла.
А кали жъ ни стала бъ,
А кали жъ ни стала бь,—
Я й зъ вады дастала бъ!
Ай, што жъ то за кумачка,
Што то за галубка,
Ў маймъ доми ня бувала?
Я бъ сваю кумачку,
Я бъ сваю галубачку,
За столикамъ пасадила.
Я бъ сваю кумачку,
Я бъ сваю галубачку,
Харашэнька чиставала!
Я бъ сваю кумачку,
Я бъ сваю галубачку,
Мёдомъ-виномъ напайла.
А кали жъ ни стаuя
А кали жъ ни станя—
Я й зъ вады дастану!

—

Звалилася, скатилася
Калодачка съ печи,
Ударыла, ударыла
Иваньку у плечи.
Кали бъ табѣ, Иваничка,
Да болна балѣла,
А тагды бъ ты, Иваничка,
Сваю Марью жалѣў.

—

А хто, хто па камбраццы ходя?
— А Иванька па камбраццы ходя,
Ёнъ сваю Сашачку просяi:
„Ой, хади, мая Сашачка, ка мнѣ!
У мянѐ караватка тисова,
У мянѐ падушка пухова,
У мянѐ завѣски цвилёвы!“
—Ни пайду, Иваничка, къ табѣ,
Хоть у тябѐ караватка тисова,
Хоть у тябе падушка пухова,
Хоть у тябе завѣски цвилёвы:
У мяне дитятка малоя,
Будя намъ служачка вѣрная!

—

Кала цэркаўки сьтёжачка,
Кала цэркаўки зялёна.
А туды ишоў Госпадъ-Богъ,
Туды ишоў Духъ Святый.
Сустракая бабусю:
„Куды идёшъ, бабуся?“
—Къ парадинуси, Госпадъ-Богъ,
Къ парадинуси, Духъ Святый!
„А сь чимъ идёшъ, бабуся?“
—Съ пялюшками, Госпадъ-Богъ,
Съ пялюшками, Духъ Святый!
„Памажы жъ Божа бабуси!..“
Кала цэркаўки сьтёжачка,
Кала цэркаўки зялёна.
Туды ишоў Госпадъ-Богъ,
Туды ишоў Духъ Святый.
Сустракая кумбчка:
„Куды идёшъ, кумочикъ?“
— Дитятка хрысьтить, Госпадъ [Богъ
Дитятка хрысьтить, Духъ Свя- [тый!
„А сь чимъ идешъ, кумочикъ?“
—Съ капѣйкаю, Госпадъ-Богъ,
Съ капѣйкаю, Духъ Святый!
„Памажы жъ Божа кумочку
А дитятачка ахрысьтить!..“
Кала цэркаўки сьтёжачка,
Кала цэркаўки зялёна.
Туды ишоў Госпадъ Богъ,
Туды ишоў Духъ Святый.
Сустракая кумусю:
„Куды идёшъ, кумуся?“
— Дитятка хрысьтить, Госпадъ [Богъ,
Дитятка хрысьтить,Духъ Святый!
„А сь чимъ идёшъ, кумуся?“
— Зъ намиткаю, Госпадъ Богъ,
Зъ намиткаю, Духъ Святый!
Памажы Божа кумуси
А дитятка ахрысьтить вамъ!“...

С. Кутня, Бых. у. Всѣ предыдущія пѣсни записаны мною.

—

Варіантъ.

Чиразъ рѣчку кла́дычка,
Чиразъ быйструю кла̀дычка,
Туды шъ ба йшла ба́бычка,
Туды шъ ба йшла лю́бычка.
Сустрѣў яѐ Го́спадъ Бохъ,
Сустрѣў яѐ Духъ Святый:
А куды шъ иде́шъ, ба́бычка,
А куды шъ иде́шъ, лю́бычка?"
— На хре́зьбинки, Го́спадъ Бохъ,
На хрезьбинки, Духъ Святый!
„А што шъ нясе́шъ, бабычка,
А што шъ нясе́шъ, любычка?"
— Пялю́шычки, Го́спадъ Бохъ,
Пялюшычки, Духъ Святый!...
Чиразъ рѣчку кладычка и т. д.
Туды бъ ишла кумычка и т. д.
„А што шъ нясе́шъ, кумычка" и т. д.
— Намётычку, Го́спадъ Бохъ и т. д.
Чиразъ рѣчку кладычка и т. д.
А туды шъ бы йшоў кумо́чикъ и т. д.
„А што нясе́шъ, кумочикъ? и т. д.
— Рубе́льчика, Го́спадъ-Бохъ,
Рубельчика, Духъ Святый!

Рясн. вол., Сѣнн. у.

Пѣсня эта считается обязательною для крестинъ и распространена по всей Бѣлоруссіи, съ незначительными варіаціями, въ родѣ:

Черезъ гумно стеженька...
... „Куды иде́шъ, бабуся?"
—А на радѝнки, Го́спадъ-Бохъ!...
... „А што несе́шъ, куму́ся?"
— Накры́тычку, Го́спадъ-Бохъ!...
... А што несе́шъ, кумочикъ?"
— А кристо́чикъ, Го́спадъ Бохъ!...
и т. п.

—

А икъ ку́му кума̀
Ў рашатѣ̀ прыплыла,
Грыбянцо̀мъ прыграбла̀.
А у мянѐ ли кумы
Вирабе́й у саду,
Да и тэй бизъ заду̀.

Якъ завѣшу я катѐлъ—
Паўтараста вядёръ,
И згату́ю ли кумы̀
Адну̀ шы́ячку.
Ѣжъ ты, кума,
Ни засаливайся,
Ѣжъ, ужывай,
И ў кишэни ни хава̀й!

А тымъ ты, кума,
Ни супо́ўнишъ двара̀,
И ни нако́рмишъ дятѐй,—
Тольки насмяшы́шъ людей!

—

Чаразъ боръ сбсна павалилася,
А кума съ кўмамъ пасварылася.
Чаразъ тынъ жывёмъ—мы ни знаимся:
Да ни ты ка мнѣ, да ни я къ табѣ.
Мижъ и тыхъ кумбў да рака тячёть,
А па тэй рацэ силизéнь плывéть,
Й шэра вўтачка зъ вутинятками.
Силязéничка—тб Иваничка,
Шэра вўтачка—то Гáнначка,
Вутинятачки—то ихъ дѣтачки.

—

Я пайдў па-загўминьню,—
Да кумбчикъ мой милый,
Да галубчикъ мой сизый!
А ўлаўлю я да шэрага зайца,—
Да кумочикъ мой милый,
Да галубчикъ мой сизый!
Тамў-сямў па лáпаццы, (припѣвъ)
А маймў кўму да усё тўлаўца (припѣвъ).
А пайдў я кала рэчаньки,
Да кумўсюхна мила,
Да галўбачка сиза!
Улаўлю я шэраю гуску,
Да кумусюхна мила,
Да галубачка сиза!
Тамў-сяму а па лапацці, (припѣвъ)
А маёй кумѣ усё тўлаўца!
Кумўсюхна мила,
Кумўсюхна люба,
Да галўбачка й сиза!

—

Якъ учбра да бабўсюхна
Да на кстинкахъ была,
А сягодьни да бабўсюхна
На пахмéльля прышла.
Упилася бабусюхна
Зилинбга вина,
А ни зайдить бабусюхна
Да свайгб да двара.
Запражы ты, Иваничка,
Варанбга каня,
А завязй бабусюхну
Да свайгб да двара,
Палажы ты бабусюхну
На ўзгалбўя яè:
А спи, мая бабусюхна,—
На здарбўя табѣ!

—

Ай тамъ, на лугў,
На зялёнай травѣ,
Хбдить конь вараный,
И съ упрэжкаю.
Тамъ хбдють мужы
Да дивўютца!

А чій е́та конь,—
Нь ацани́ть,*) ни купи́ть?
Иванька иде́ть,
Да ўсьмиха́итца:
„Ета конь варанйй—
То бабу́си маѐ!“
Ай тамъ, на лугу,
На зялёнай травѣ,
Хо́дить конь вараный,
Конь асѣдланый,
Конь асѣдланый
И заму́зданый.
Тамъ хо́дють мужы̀—
Дивава́ютца:
А чій е́та конь,—
Нь ацани́ть, ни купить?
Иванька иде́ть—
Усьмиха̀итца:
„Ета конь варанйй—
Ета ку́ма майго̀!“
Ай тамъ, на лугу,
На зялёнай травѣ,
Хо́дить конь варанйй
И съ упрэ́жкаю.
Тамъ хо́дють мужы̀
Да диву́ютца:

А чій ета конь—
Нь ацани́ть, ни купить?
Иванька иде́ть
Да ўсьмиха́итца:
„Ета конь варанйй
Маѐ любыя кумы!“

Рогачев. у.

—

На дварэ̀ у мянѐ
Пару ко́ній ў рыдванѣ,—
А гуляй, бабка, ў мяне!
Гуляй, сэрца, у мяне!
Пару ко́ній залажу́,
Бабку домбу́ завязу́!
На дварэ̀ у мянѐ
Пару ко́ній ў рыдванѣ,—
Гуляй, кумокъ, у мянѐ,
Гуляй, сэ́рца, у мянѐ!
Пару ко́ній залажу́,
Ку́ма дамо́ў завязу́!
На дварэ̀ у мянѐ
Па́ру ко́ній ў рыдванѣ,—
А гуляй, кумка, ў мянѐ,
Гуляй, сэрца, у мяне!
Па́ру ко́ній залажу,
Кумку домо́ў завязу́!

—

Узяў кумъ куму за пра́ваю руку́,
Павёў кумъ куму у винный садо́къ,
Пасадиў кумъ куму а падъ вишаньку:
„Сядь, мая̀ кумка, маладе́нькая,
Напъёмся мы ме́ду саладе́нькага!“
На кумѣ карали—семсотъ давали,
А на ку́му штаны—нима̀ имъ и цанй!

—

Хо́дя па вулицы ўнукъ—
Гуля́я сабѣ.
Якъ забачиў сваю бабусю—
Зазывая къ сабѣ:

„Прашу́ я тябѐ, мая бабу́ська,
У го́сьти къ сабѣ!
Наварйў жа я бочачку меду
Да ўсё ля тябѐ!“

—

*) Ни оцѣнить.

Ивалга да на бавални гнязд͡о ўе,
Кумочикъ на кутѣ медъ-вино пъе..
„Кумочикъ, ти табѣ меду ни стае?
Ё у минѐ вараный конь на стайни,—
Ёнъ ля кума вина—меду пристава!“

—

Паѣду я да да Мугулёва,
Куплю трубку рубку.
Будимъ трубку крайть,
Будимъ бабку дарыть!
А чаму ты, кумочикъ,
Да ни весилъ,
Нѣйди ты, кумочикъ,
Да ни доранъ?
— Будимъ трубку крайть,
Будимъ кума дарыть!
А чаму ты, кумка,
Да ни весила,
Нѣйди ты, кумка,
Да ни дорана?
— Будимъ трубку крайть,
Будимъ кумку дарыть!

С. Хоново, Быхов. у.

—

Циразъ боръ сасна калыхалася,
Калыхаўшыся, павалилася,
Кума съ кумой пасварылася.
За што прышло пасварытца имъ:
Ти за дѣтачки зы хращоныя,
Ти за пирагй зы плятёныя?
— Ни за пирагй зы плятёныя,
Ды за дѣти зы хращоныя.

Мижа насъ съ кумой а рака тякла,
А рака тякла, рака быстрая.
Па той рацэ силязень плывѐ,
Силязень плывѐ й шэра ўтачка,
Шэра ўтачка й вутинятачки.
Силязенячка—Андрэячка,
А ўтачка—Настулячка,
Вутинятачки—то ихъ дѣтачки.

С. Браково, Могил. у.
Отъ кр. Н. Явтухова запис. мною.

—

Кабъ я знала, кабъ я вѣдала,
Што ты ў мянѐ бабай будишъ—
Пасадила бъ я тябѐ у гароди ли [сябѐ
Пахучаю мятаю!
Кабъ я знала, кабъ я вѣдала,
Што ты ў мянѐ кумамъ будишъ—
Пасадила бъ я тябѐ у гароди на [градѣ
Бараненькимъ василёчкамъ!
Кабъ я знала, кабъ я вѣдала,
Што ты ў мянѐ кумой будишъ—
Пасадила бъ я табе у гароди ли [сябѐ
Чирвонаю рожаю!

М. Княжицы, Могил. у.
Отъ кр. Д. Самсоновой, запис. мною.

—

У нядѣльку, рана-параненьку,
Наша бабачка да по дваpу ходить,
По дваpу ходить, Госпада Бога просить:
„А дай Божа гэтаму дитятку
Да добрую долю:
И грашавую, и збажавую,
И трэтьтюю винчалную!“
А ў нядѣльку, рана-параненьку,

Наша кумачка да пб двару хбдить,
Пб двару хбдить, Госпада Бога прбсить:
„А дай Божа гэтаму дитятю
А добрую долю:
И грашавую, и збажавую,
И трэтьтюю винчалную!“
А у нядѣльку, рана-параненьку,
Нашъ кумочикъ пб двару хбдить,
Пб двару хбдить, Госпада Бога прбсить:
„А дай Божа гэтаму дитятю
А добрую долю:
И грашавую, и збажавую,
И трэтьтюю винчалную!“

—

А на дварэ дожъ идеть
Ды на бабину хату.
„Иди, бапка, нажни мяты,
Ды накрый сваю хату!“
А на дварэ дожъ идеть
Да на кумавы сѣни.
„Иди, кумокъ, ныкаси сѣна,
Ды накрый сваѐ сѣни!“
А на дварэ дожъ идеть
Ды на кумину ложу.
„Иди, кумка, нажни рожы (цвѣтъ),
Ды накрый сваю ложу!“

—

Капъ я знала, капъ я вѣдыла,
Хто у мянѐ бабый будить,—
Я бъ пысадила сваю бабычку
На самамъ кутѣ, за пахучій мятый!
Капъ я знала, капъ я вѣдыла,
Хто у мяне кумымъ будить,—
Я бъ пысадила свайгб кума
У зилянымъ сади, зы зялёнымъ явырымъ!
Капъ я знала, капъ я вѣдыла,
Хто у мяне кумбй будить,—
Я бъ пысадила сваю кумычку
У зилянымъ сади, за чирвбный рбжый!

—

А у сади вишня, а у сади вишня,—
Съ-пыдъ кариня вада вышла.
Ужо шъ пыдъ нашу бабуличку
Падвбдунька вышла:
Конь вараненькій, конь вараненькій,
Звбщикъ маладенькій,
Конь гудуваный, конь гудуваный,
Вазбкъ муливаный!
А у сади вишня, а у сади вишня,—
Съ-пыдъ кариня вада вышла.
Ужо шъ пыдъ нашыга кумбчка
Падвбдунька вышла:

Конь варанéнькій, конь варанéнькій,
Звощикъ мыладéнькій,
Конь гудувáный, конь гудувáный,
Вазóкъ муливáный!
А у сáди вишня, а у сади вишня,—
Съ-пыдъ кариня́ вадá вышла.
Ужо шъ пыдъ нашу кýмычку
Падвóдунька вышла:
Конь варанéнькій, конь варанéнькій,
Звощикъ мыладéнькій,
Конь гудувáный, конь гудуваный
Вазóкъ муливáный!

—

Казали—наша бáпка хвыравúта,
Ажны наша бапка варавúта:
А за гэтый кутóчикъ
Зарабúла лускутóчикъ;
Таўчú, малóть ня дýжа,
А па намётычку дасýжа;
Таўчú, малóть ёсь симъя̀,
А якъ пы намётычку дыкъ сама!

—

Дя́ку тамý кывалю,
Што зьдѣлыў намъ гульню!
Ёнъ и мылатóчкымъ ня стýкуў,
Ёнъ и ў рýчачки ня хýхуў,
Бизъ мóлыта, бизъ кувáдла,
И дитя́тычка дужá ладна!

—

А скóчила наша Христы́нка
Съ полу далбý,
Якъ удáритца сваёй бáбыццы
У нóжки чалóмъ:
„Гуляй, гуляй, мыя̀ бабычка,
Буду й я, буду й я!
Нывари́ла бочку мядóчку,
А дьвѣ вина!“
А скóчила наша радúха
Съ полу далбý,
Якъ удáритца сваёй кýмыццы
У ножки чалóмъ:
„Гуляй, гуляй, мыя̀ кумычка,
Буду й я, буду й я!
Нываряла бочку мядóчку,
Дьвѣ вина!“
А скочила наша радúха
Съ полу далбý,
Якъ удáритца сваймý кумóчку
У ножки чалóмъ:
„Гуляй, гуляй, мой кумочикъ,
Буду й я, буду й я!
Нываряла бочку мядóчку,
Дьвѣ вина!“

—

А литáла сыза пáвунька
Да па жóўтымъ пяскý.
А ни жаль мнѣ тэя пáвуньки,
А ни пéрья яѐ,
А жалка мнѣ сваѐ матýльки,
Што далёка отъ мянѐ.
Наварý я бочку мядóчку,
Дьвѣ вина,
Пызавý я сваю̀ матýльку,
Пугуля́ю й сама!
(То же поется о татулькѣ, сестрѣ и братѣ).

—

Якъ пайдý я ды кылы Дуная
Ды кыла тúхыга,
Да ти ня ўвúджу кагó
Сваигò рóдныга?
Ажъ мая матýлька калинку [лымàить
Ўсё й чирвóнинькыю.
„Хадú, мая матýлька, бясѣду [гулять,
Ўсё и вясёлинькыю!“
(То же поется и прочимъ родственникамъ).
Сѣннен. уѣздъ.

—

А ў Зинóўи, а ў Зинóўи,
Винаградъ ны дварѐ,
А ў Ильюшки, а ў Ильюшки,
Сядúть кумъ ны кутѐ.
Прядъ имъ чарка, прядъ имъ [чарка,
Усё пóўнинька стаúть.

Ёнъ частўить, ёнъ вяльбўить
А ўсё самъ дли сябѐ:
Пи, кумбчикъ, пи, кумочикъ,
Ды ня ўсё выпивай,
Икъ заўтрыму, кумочикъ, (2 р.)
На пахмельля кидай!
Зыпрягитя, зыкладитя
Симярыхъ выраныхъ,
Атвязитя, атвязитя
Майгò кума дамбў!
Кони зъ двара̀, кони зъ двара̀
А ни рўхаютца,
А кумъ за столъ, а кумъ за столъ
Пыдьвигаитца.

То же поется кумѣ и бабкѣ. Последней, вмѣсто вороныхъ, запрягаютъ семерыхъ воловъ).

Д. Деревяги, Витеб. у.

—

Болѣе полный варіантъ записанъ въ с. Болецкѣ Городокскаго уѣзда:

А ў кагò зѐлинъ садъ ны дварѣ,
А ў кагò сядитъ кумъ ны кутѣ?
— А ў Андрейки зѐлинъ садъ ны дварѣ,
А ў Андрейки сядитъ кумъ ны кутѣ.
Зыпрягитя симярыхъ выраныхъ,
Атвязитя майгò кума дамбў!
Симярыя выраныя ни рухаютца везь,
Етый кумъ ны кутокъ пыдьвига̀итца сѐсь:
— Я за етый кутокъ пылажыў читьвиртачбкъ!
А ў кагò зѐлинъ садъ ны дварѣ,
А ў кагò сядитъ кума ны кутѣ?
— А ў Андрейки зѐлинъ садъ ны дварѣ,
А ў Андрейки сядитъ кума ны кутѣ
Зыпрягитя симярыхъ выраныхъ,
Атвязитя маю̀ кумку дамбў!
Симярыя выраныя ни рухаютца везь,
Ета кумка ны кутокъ пыдьвига̀итца сѐсь:
— Я за ѐтый зы кутбкъ атрѣзыла лускутокъ!
А ў кагò зѐлинъ садъ ны дварѣ,
А ў кагò сядитъ баба ны кутѣ?
— У Андрейки зѐлинъ садъ ны дварѣ,
У Андрейки сядитъ баба ны кутѣ.
Зыпрягитя симярыхъ выраныхъ,
Атвязитя ету бабку дамбў!
Симярыя выраныя ни рухаютца везь,
Ета бабка ны кутокъ пыдьвига̀итца сѐсь:
— Я за етый зы кутокъ я атрѣзыла пупокъ,
Я атрѣзыла пупокъ, пыснавила кашы гаршокъ!

—

Сигбнишній вичарокъ ў неби зазьвинѣла.
Прячистая Мать ў Бога доли прасила:
„Божухна, якую ты долю даси етыму ныражденцу:
Ти хлибавўю, ти грашавўю, ти винчалныю?"
— Я дамъ долю и хлибавўю, и грашавўю, и винчалныю!

—

А ўчора бабка ны радинкахъ была,
А сягбни бабка на кстинки пришла.
Зыпрягитя бабки а пара валбў,
Атвязитя маю бабку дамбў!

—

Я жъ бы етыга кўма
Кўмамъ ни браў:
Гарѣлки ня пьéть,
Пѣсинъ ни пяéть!
Я жъ бы ету кумў
Кумбй ни браў:
Гарѣлки ня пьéть,
Пѣсинъ ни пяéть!
Я жъ бы ету бабку
Бабкый ни браў:
Гарѣлки ня пьéть,
Пѣсинъ ни пяéть.

С. Болецкъ, Городок. у.

—

Ай, у нядѣльку вéльма ранинька
Што у нéби зызьвинѣла?
Гбспытъ Бохъ идéть
И долю нясéть éтыму дитяти.
А пытаитца ў Бугурбдицы:
„Якую долю дать дитяти;
Ти грышавўю, ти дыжжавўю,
Ай ти тую виньчалныю?"
Бабычка сядить и Бога прбсить:
„Дай, Божа, усякыю!"

То же поется къ кумѣ и куму.
Тогда пѣсня оканчивается такъ:

Кўмычка сядить и Бога прбсить:
„Дай, Божа, усякыю!"
Или: Кумочикъ сядить и Бога [прбсить:
„Дай, Божа, усякыю!"

—

Капъ я знала-вѣдыла,
Што ты ў мяне бабый будишъ—
Пысадила пъ я тябѐ
У гарбди ны грядѣ,
Пыливала пъ я тябѐ
Ни вадбю, ды сытбю,
Капъ сыты ни стала,
Я пъ мéду дыстала!
Капъ я знала-вѣдыла,
Што ты ў мяне кумбй будишъ,
Пысадила пъ я тябѐ и т. д.
Капъ я знала-вѣдыла,
Што ты ў мянѐ кўмымъ будишъ,
Пысадила пъ я тябѐ и т. д.

—

А сядѣли у бясѣди
Мужы чéсныя,
А радили яны раду,
Раду дббрыю:
Аччагб а сьвѣтъ,—Мысквà
Зыгарэлыся?
Зыгарэлысь сьвѣтъ—Мысква
Атъ удовушки.
А згарэла тры цэркуўки,
Тры субóрниныкыхъ;
А згарэли тры папы,
Тры духбўниныкыхъ;
А згорэла тры дяки,
Тры наўчбниныкыхъ.
А ни жаль жа трёхъ папбў,
Трёхъ духбўниныкыхъ,
А ни жаль жа трёхъ дякбў,
Трёхъ наўчбниныкыхъ,
А и жаль жа тры цэркуўки,
Тры субóрниныкыхъ!

С. Высокое, Оршан. у.

Маѐ вы мущы́начки, скажу я вамъ навину̀:
Што си́вая свиньня̀ на дубѣ̀ гнѣздо̀ зьвила̀,
На дубѣ̀ гнѣздо зьвила́, казиня́такъ прывила̀
А мой мужъ прамудрый бы̆у: шы́ламъ сѣна накаси́ў,
Патъ пры́пичкамъ стогъ злажы́ў,
Стогъ злажыў, казиня́такъ накарми́ў.

—

Жана̀ на мужа гнѣвалася,
Гнѣвалася!
Ни вяче́раўшы спатьки лигла̀,
Спатьки лигла̀!
„Устану ра́нинька, умыюся бѣ́линька—
Паснѣ́даю, паснѣ́даю!
Запалю свѣчачку, пайдў у печачку—
Тамъ парася̀, тамъ парася̀!
Скрути́ла, зьвяртѣ́ла, адна яго̀ зьѣла—
Я й хараша̀, я й хараша́!
Чаты́ры ка̀чачки, гаршо́чакъ ка̀шачки—
И таго̀ ма́ла, и таго̀ ма́ла!
Ѣхали жаўне́ры, на мяне глядѣли,
Што я дабра̀, што я дабра̀!

—

Ды Божа мой ды милю́синькій, 2
Што мой милый ды пъяню́синькій:
Ни мнѣ яго̀ ды й дамо́ў вязьти́,
Ни мнѣ яго тутъ паки́нути?
Дамоў вязьти̇, ёнъ пава́литца,
А тутъ кинуўшы, набадя́итца!
Ды мы ишли, ни хиля́лися,
А зъ насъ людцы насьмия́лися.
Мы у варо́тцахъ павали́лися,
А зъ насъ людцы надиви́лися.

—

Хади̇, милый, ў бѣлу ложу спать,
Я жъ малада̀ на ўсю ночь гулять.
Я жъ малада̀ загука̀лсая,
Изъ мало́йцами загулялася:
Пяту́хъ пяе́ть, я й дамбў ня йду,
Другій пяе́ть—я й ня ду́маю.
Зара̀ узашла̀, я й дамбў пашла̀.
Ажъ мой милый апчына́итца,
У мянѐ мло́дай ёнъ пыта́итца:
„Дѣ жъ ты, мила, дае́туль была̀?“

— Я жъ малада̀ дьли тябѐ спа́ла,
Ручки ножки на тябѐ кла́ла,
А ты милый адура́чыўся,
Усю ночку ня'твара́чываўся!

—

Кабъ я знала, кабъ я вѣдала
Сваё горкая бищáсьтика,
А бяздóльная замýжжыка, —
Ни сядѣла бъ дóўга зъ вéчара,
Ни палила бъ я й лучы́начки,
Ды ня шыла бъ я й кашýлички,
Ды пашы́ла бъ сабѣ скры́льлика,
Ды пашы́ла бъ залатéнькая,
Палятѣла бъ на Ўкраи́начку,
Сѣла бъ, пала бъ сярóтъ ры́начку.
Стали бъ людцы сабира́тися,
Зъ гэтый пта́шки дивава́тися:
„Ды што шъ гэ́та ды за пташычка,
Ды што шъ гэта ды за шэ́рая:
Сама шэ́ра ды шарýсинька,
А скры́льлика залатю́синька?“
Ды якъ учуў мой татýличка:
„Ти́ху, людцы, ни дивýйтися:
Ды гэта жъ ни пта́шычка,
Ды гэта й ни зязю́личка,—
Гэта шъ маё ды й дитя́тачка,
Ина атъ мянѐ атлучóная,
Далéка замужъ аддадёная!

—

Сбýника за лѣсъ ка́титца,
Мая́ рóдина расхóдитца,
Матýличка дамóў ла́дитца.
Акъ пайдý я правади́ть яѐ
Празъ тры пóли, празъ тры чы́стыя,
Празъ тры рэ́чки, празъ тры бы́стрыя,
Празъ тры луги́, празъ зялёныя,
Празъ тры лясы́, празъ тры тёмныя;
Дьли бярóзки прыстанýлася,
Матýличка аглянýлася:
„Чаго́, дитя́, прыстанýлася:
Ти травою заблýталася,
Ти расóю замачы́лася?“
— Матýличка мая́ рóдная:
Ни траво́ю заблýталася,

Ни расбю замачылася—
Заблутала чужа сторана,
Заблутала нивядомая:
Свёкарка ня родный татулька,
А свякроўка ня родна матулька,
Девирки ня родныя братитки,
А залавицы ня родны сястрыцы!
„Дитятухна мая родная!
Мѣй галовачку пакорнаю,
И сэрдичка атваротная—
Будить табѣ свая сторана,
Будить табѣ и вядомая,
А свёкарка родный татулька,
А свякроўка родна матулька,
А девирки родны братитки,
А залавицы родны сястрыцы!
Вотъ мы съ табой нагукалися,
Нагукалися ды й расталися.

—

А ў карчомацца, пры далинацца—
Дума жъ мая, дума,
Дума мая вялиная,
Дума надъ думбю!
(Послѣ каждой строки).
А ў той карчомца тры братитки пьють.
Адинъ братитка коника прапиў,
Другій братитка шапачку прапиў,
Трэтьтій братитка жоначку прапиў.
Коника прапиў—вышыўшы свиснуў,
Шапачку прапиў—вышыўшы гойкнуў,
Жоначку прапиў—ручки сащапиў!
Прышоўшы дамбў—дѣтачки плачуть:
„Эй, татка, татка, гдѣ наша мамка?“
— Вунъ ваша мамка хустачки мыить!
Пашли дѣтачки туды глядѣти:
„Ой, татка, татка, нѣтъ нашай мамки!“
— Тихутя, дѣтки, ды й ни бядуйтя:
Пастаўлю хатку навюсинькаю,
Вазьму вамъ мамку маладюсинькаю!
„Згары ты, татка, зъ новинькай хаткай,
Прыпади, татка, изъ маладой мамкай!
Лѣпи намъ была старая хатка,
Лѣпи шъ намъ была родная мамка!..“

Ды у поли жыта, ни ярaца,
Казали—мой мужъ ни пъяница:
Прапйў коника шынкарыцца,
Прышоўшы дамбў, ды й хвàлитца:
„Ой, жана, жана, прапйў я канѝ!
Бяры трўбачки, намётачки,
Выкупъ коника съ абротачкай!
Кали выкупишъ, дамбў вяди,
А ня выкупишъ,—сама ня йди!"
— Ды мнѣ жъ. мужучокъ, ня пѐршый разокъ!
Падъ акбначкамъ настаялася,
Рукаўкомъ слёзакъ наўтиралася.
Падалкомъ нбжакъ наўвивалася!...

—

Па багатаю сяструў, 2
Тры паслы пасалають, 2
Па мянѐ худобачку,
Па мянѐ бяздолницу —
Празъ людей наказали. 2
А багатаю сяструў, 2
Сяробъ поля пираймаюць. 2
А мянѐ худобачку,
А мянѐ бяздолницу —
У хатѣ на парозя. 2
А багатаю сяструў, 2
На кутѣ пасадили, 2
А мянѐ худобачку,
А мянѐ бяздолницу —
Протиў печы на лаўца! 2
А багатаю сяструў, 2
Виномъ мёдамъ пайли, 2
А мянѐ худобачку,
А мянѐ бяздолницу —
Гаркою гарэлицай! 2
А багатаю сяструў, 2
На тры ночки ўнимають, 2
А мянѐ худобачку,
А мянѐ бяздолницу —
Протиў ночки атправляють! 2
Ды якъ пашла сястрыца,
Ды якъ пашла родная,
Тўжучы, бядўючы, 3
Бѣлы ручки ломючы: 2
„Ды збярытися, ваўки,
Ды збярытися, звяры,
Разарвитя жъ вы мянѐ. 2
Кабъ я боли ни хадила, 2
Сэрца свайгò ни крушила!" 2
Якъ учула сястрыца.
Якъ учула родная,
Падъ акбнцамъ сѣдючы:
„Вы, братитки—саколики. 2
Садитися на коникаў, 2
Даганитя сястрыцу, 2
Ды вярнитя жъ вы яѐ! 2
Пираймайтя жъ вы яѐ, 2
Якъ мянѐ пираймали, 2
Ды гукайтя жъ вы изъ ѐй, 2
Якъ са мной вы гукали! 2
Ды пасадитя жъ вы яѐ. 2
Гдѣ мянѐ вы садили! 2
Ды частўйтя жъ вы яѐ, 2
Якъ мянѐ частавали! 2
Удиржайтя жъ вы яѐ, 2
Якъ мянѐ удиржали! 2
Ды сьтялитя пасьтѐльку, 2
Якъ и мнѣ усьтилали! 2

—

У майго̀ бра̀титки бясѣ́дачка,
У майго̀ бра̀титки вясёлая.
Ды запрасйў ёнъ усю радй-
[ну, 2
Тбльки ни прасйў аднэ̀й сяс-
[трыцы,
Тольки ни прасйў гаратьнйцы.

„Чаму, бра̀титка, учыра̀ ни пра-
[сйў? 2“
— Мая̀ сястрыца, ча̀су ня мѣў! 2
„Было̀ прысла̀ти хоть салавейку,
Было̀ прыслати хоть пта̀шычку:
Па маймъ двара̀ паскака̀ла бъ, 2
Щырую пра̀ўду разказала бъ! 2

—

Ды братъ сястры пабаяўся, пабаяўся!
Изъ хлѣ́бамъ-сбльлю исхава̀ўся, исхава̀ўся:
„Прыма̀й, жана, ды хлѣ́бъ съ стала̀, ды хлѣ́бъ съ стала̀:
А тамъ идѐтъ систра̀ мая̀, систра̀ мая̀!
Нихай ина сама идѐть, сама идѐть,
А то сваи́хъ дѣ́такъ вядѐть, дѣ́такъ вядѐть!“
— Ты, бра̀титка, ни пужа̀йся, ни пужа̀йся,
Съ хлѣ́бамъ-сольлю ни хава̀йся, ни хава̀йся:
Я учбра вячэ̀рыла, вячэ̀рыла,
А сягбньня пабѣ́дала, пабѣ́дала,
Я й сягбньня пабѣ́дала, пабѣ́дала,
Къ брату ў гбсьти паѣ́хала, паѣ́хала!

—

Систра брату пирогъ даѐть, пирогъ даѐть,
А братъ сястру̀ дамбў завѐть, дамбў завѐть:
„Паѣ́димъ, сястрыца, ра̀замъ дамбў, ра̀замъ дамбў!“
— А мой бра̀титка, мнѣ й тутъ дабро̀, мнѣ й тутъ дабро̀!

—

Въ чыстымъ поли карчбмка стайтъ —
Дума̀ шъ мая̀ й дума̀, дума̀ мая̀ вялйкая!
У тэй карчбмца тры бра̀титки пъють, (припѣвъ)
Тры бра̀титки пъють, пъють и гуляють.
Першый бра̀титка ша̀пачку прапйў,
Шапачку прапйў, вышаўшы, гбйкнуў.
Другій бра̀титка коника прапйў,
Коника прапйў, вышаўшы, свиснуў.
Трэ̀тьтій бра̀титка жбначку прапйў,
Жоначку прапйў, ручки сащапйў.
Прышбў дамбўки, дѣ́тачки пла̀чуть:
„Ой, татка, татка, гдѣ шъ наша мамка?“
— Тйхутя, дѣ́тки, ды вы ни пла̀чтя:
Вонъ ваша мати ху̀стычки мыитъ!
Пашлй дѣ́тачки матки глядѣ́ти,
Идуть дамбўки, дѣ́тачки пла̀чуть:
„Ахъ, татка, татка, гдѣ шъ наша мамка?“

— Тихутя, детки, да вы ни плачтя:
Вонъ ваша мамка тилятъ заганяитъ!
Пашли детачки мамки глядети,
Идутъ дамоўки, детачки плачутъ:
„Ахъ, татка, татка, нетъ нашай мамки!"
— Тихутя, детки, да вы ни плачтя:
Пастаўлю хатку навюсинькаю,
Прывядў матку маладюсинькаю!
„Згары, татка, зъ новинькай хаткай,
Прапади, татка, зъ маладой мамкай:
Лепшая была старая хатка,
Милейшая была рóдная мамка!"
Дума жъ мая, дума, дума мая вялíкая!

—

Ды ў гарóдя ялинача,
Ды за гарóдамъ сóсна,
Хоть я пяю, висялюся, —
Маймў сэрдячку тóшна?
Злыя люди и суседи
На мяне налигáютъ,
Зямлю маю пашнячку
Па загбну разганяютъ.
Детакъ майхъ малюсинькихъ
Па суседяхъ разбираютъ.

Д. Заулки, Диснен. у. Отъ кр. Өедосьи Казимiровой, Магдалины Тимофеевой и Елисаветы Степановой зап. кр. Степанъ Пилипенокъ.

II. Свадебный обрядъ.

А. Витебская губернія.

Витебскій уѣздъ.

Молодой парень, задумавшій жениться, проситъ своего ближайшаго родственника или другого какого-нибудь уважаемаго человѣка быть его сватомъ. Наканунѣ воскресенья, поздно вечеромъ, они ѣдутъ сватать намѣченную дѣвушку. Войдя въ хату, они заводятъ посторонній разговоръ и среди него заявляютъ хозяевамъ, что пріѣхали купить у нихъ одинъ товаръ. Родители, конечно, догадываются, о какомъ товарѣ идетъ рѣчь, и если ничего не имѣютъ противъ жениха, то стараются продлить посѣщеніе свата. Тогда сватъ косвенно спрашиваетъ согласія у дѣвушки. Послѣдняя хотя бы и желала принять предложеніе, обязана въ это первое посѣщеніе сватовъ отказать имъ,—иначе „ее люди асу́дють“.

Чрезъ недѣлю сваты пріѣзжаютъ вторично. Дѣвушка даетъ имъ понять, что она непрочь выйти за жениха замужъ. Тогда сватъ угощаетъ родителей привезенной съ собою водкой и снова уѣзжаетъ.

Пріѣхавъ чрезъ недѣлю въ воскресенье въ третій разъ, сваты требуютъ отъ дѣвушки „вѣрное слово“. Получивши его, они ставятъ на столъ свою водку, мать подаетъ на закуску яичницу и посылаетъ за родными „ны запбины, зыпивать мыладу́ху“. Всѣ пьютъ за здоровье дѣвушки, закусываютъ и поютъ:

Зыручйли дѣўку, Богъ намъ даў,
Протиў пынядѣлку, Богъ намъ даў!

Съ этихъ поръ парень получаетъ названіе „мыладе́нца“, а дѣвушка—„мыладу́хи“, а оба вмѣстѣ называются „мылады́ми“.

Въ четвергъ передъ вѣнцомъ сватъ съ молоденцемъ ѣдутъ къ молодухѣ „съ пячонкый“, то есть вареннымъ мясомъ, и „съ чиравй-ками“, въ подарокъ отъ жениха невѣстѣ. Снова приглашаются родные и знакомые, сватъ ставитъ на столъ привезенное мясо и водку, мать молодухи подаетъ яичницу. Невѣста садится около свата, который долженъ ее угостить водкой и мясомъ. Это называется „зыка́рмливать мыладуху.“

Предъ отъѣздомъ къ вѣнцу невѣсту одѣваютъ въ лучшее платье, потомъ берутъ хлѣбную дежу, ставятъ ее посреди хаты, застилаютъ вывернутою шерстью вверхъ шубой и на нее садятъ невѣсту. Подруги невѣсты „быя́рки“ расплетаютъ ей косы, причесываютъ и убираютъ голову цвѣтами и лентами. Послѣ этого ведутъ ее за столъ, стоящій ближе къ порогу. Здѣсь, за столомъ, посрединѣ садится не-

вѣста. по сторонамъ боярки, а противъ нихъ, по другой сторонѣ стола, „вечерники", то есть братья невѣсты. Предъ невѣстою кладуть на столѣ хлѣбъ, ставятъ овесъ, и ждутъ жениха.

Женихъ пріѣзжаетъ обыкновенно часа въ четыре ночи и остается на дворѣ. Въ хату же идутъ его „маршалки", „намѣстники" и „дружина". Здѣсь они одариваютъ деньгами боярокъ и вечерниковъ и тогда приводятъ въ хату жениха. Женихъ идетъ за столъ къ невѣстѣ и тамъ ихъ „перекручиваютъ" три раза другъ съ другомъ, послѣ чего, съ музыкою впереди, ведутъ за другой столъ, стоящій на кутѣ. На главномъ мѣстѣ, подъ образами, садится старшій сватъ жениха. Своею водкою онъ угощаетъ присутствующихъ, а затѣмъ сватъ и отецъ жениха „жéнють гарэ́лку", то есть до трехъ разъ сливаютъ свою водку въ общую чашку. Послѣ этого мать невѣсты приноситъ на вѣкѣ хлѣбной дежи куски полотна, называемые намётками, и одариваетъ ими каждаго изъ дружины жениха. Тѣ за это кладутъ ей на крышку деньги. Затѣмъ всѣ встаютъ изъ-за стола. Женихъ и невѣста становятся предъ образомъ на колѣни и молятся. Одновременно молятся и всѣ присутствующіе. Затѣмъ молодые съ боярками и дружиною уѣзжаютъ къ вѣнцу.

Оставшемуся свату теща подаетъ яичницу, а сватъ приглашаетъ ее, тестя и членовъ семьи къ столу и угощаетъ ихъ остатками привезенной водки. Затѣмъ сватъ уѣзжаетъ домой.

Послѣ вѣнца молодые съ дружиною и съ музыкою заѣзжаютъ по пути въ какой-либо постоялый дворъ, бывшую корчму и т. п. и тамъ завтракаютъ. До вѣнца же женихъ съ невѣстою обязательно должны поститься. Во время завтрака бываютъ и танцы.

Послѣ завтрака молодые разъѣзжаются по своимъ дворамъ и тамъ каждый въ отдѣльности „гуляють висéлья": пьютъ, закусываютъ, танцуютъ. Вечеромъ приглашаются родныя и знакомыя женщины „на кырывáй". Идя въ домъ, онѣ несутъ съ собою сало, муку, крупу, овесъ, и дарятъ это хозяйкѣ дома. Та угощаетъ ихъ водкой. Послѣ этого женщины начинаютъ „утваря́ть кырывáй", причемъ поютъ слѣдующую пѣсню:

А чія то матка
Па ву́лушки хóдить,
Мятéлицу тóпчить?
Ганулькина матка
Па ву́лушки хóдить,
Мятелицу тóпчить,
Сусѣ́душыкъ прóсить:
„Сусѣ́душки май, хади́тя ка мнѣ,
Къ майму́ дитяти,
Кырывáй учиня́ти!"

Эта же пѣсня, съ соотвѣтственными измѣненіями, поется и въ домѣ жениха

Затѣмъ каравайницы зовутъ мать и поютъ:

Выславй, мати,
Ды свайму́ дитяти
Кырывáй учиняти,
Ру́чкыми биле́нькыми,
Съ пирсьня́ми зылате́нькыми!

И несутъ тѣсто на печь. Потомъ садятся въ рядъ, и долго и много поютъ пѣсни нескромнаго содержанія. Послѣ этого берутъ тѣсто съ печи, мѣсятъ его и снова ставятъ на печь. При этомъ поютъ:

Расьтй, расьтй, кырывáй,
Вы́шы стылпà мидя́ныга,
Вы́шы пéчи зылатóй,
Вы́шы нàшые мыладóй.

Когда тѣсто подойдетъ, берутъ его въ третій разъ, размѣшиваютъ, и лѣпятъ разныя фигурки, по двѣ вмѣстѣ; потомъ всѣ эти фигурки соединяютъ щепочками въ одинъ общій каравай. При этомъ поютъ:

А нашъ гыспыдàрь у бабрэ́,
Прынясéтъ гарэ́лки у вядрэ́,
А гаспады́нька у лúсыхъ,
Прынясéтъ закуски у мúсыхъ.

Хозяева ихъ угощаютъ. Потомъ хозяйка приноситъ лопату и посыпаетъ ее овсомъ. Каравайницы кладутъ тогда на лопату заготовленный каравай и поютъ:

Купцы ѣдуть изъ Мигилёва,
Зылаты́й абру́чъ вязу́ть,
Ны нашъ кырывáй кладуть.

При этомъ раскатываютъ тѣсто на подобіе обруча и кладутъ на каравай. Тогда два молодыхъ парня берутъ лопату съ караваемъ и сажаютъ его въ печь, а лопатой стучатъ въ потолокъ для большей „фаты́ги“. Послѣ этого каравайницы берутся за руки и пляшутъ, припѣвая при этомъ плясовыя пѣсни и припѣвки—частушки.

Когда каравай испечется, его вынимаютъ изъ печи, кладутъ на вѣко хлѣбной дежи и передаютъ двумъ или тремъ парнямъ, которые несутъ его въ амбаръ. Каравайницы идутъ вслѣдъ и поютъ:

Пытàуся кырывáй у пиряпéчи:
Куды сьтéшка да клѣти?
А я и рыгáтъ и быгáтъ,—
У малыя дьвéрцы ня у́лѣзу,
А у́ вяликія якъ шы́ю (шью).

Поставивъ въ амбарѣ каравай, пьютъ тамъ водку и, возвращаясь въ хату, поютъ:

А мы были у́ клѣти,
А вúдили тры рэ́чи:
Сыру палúцы,
Пива пивнúцы,
И мёду шкляньнúцы!

Теперь начинается самая свадьба. На столъ кладутся четыре булки хлѣба, по возможности крестообразно. Отецъ невѣсты (или жениха) и сватъ становятся по концамъ стола, берутъ въ каждую руку по булкѣ и ударяя одну о другую, говорятъ другъ другу: „Сьтиригáйся, сватъ, а то я тябе убью!“ А другой отвѣчаетъ: „Гляди, ты сьтиригáйся: а то я тябе убью!“ Этотъ діалогъ повторяется три раза. Затѣмъ на лавкѣ за столомъ разстилаютъ вывернутую шубу, садятъ на нее невѣсту и начинаютъ ее надѣлять: сначала родители, потомъ родственники, наконецъ и всѣ присутствующіе. Каждаго изъ надѣ-

ляющихъ отецъ угощаетъ водкой. Послѣ надѣла ужинаютъ, а затѣмъ танцуютъ и поютъ въ ожиданіи жениха.

Когда пріѣдетъ женихъ, невѣста снова садится на вывернутую шубу, но за столомъ, который ближе къ порогу; боярки и вечерники занимаютъ возлѣ нея свои обычныя мѣста. Изъ дружины жениха сначала входятъ только два свата: они несутъ свою шубу и выкупаютъ невѣсту у боярокъ и вечерниковъ. Выкупивши, одинъ изъ сватовъ обмахиваетъ невѣсту два раза своею шубою. Боярки въ это время поютъ:

Сьтиригайтися, быяры,
Лятить шуба сь-пыдь гряды.
А мы шъ думыли—сабольля,
Ашъ ина лятить съ надпольля.
Кали шъ авечча—аткинимъ,
А кали сабольля—накрыимъ!

Сватъ обмахиваетъ невѣсту въ третій разъ и накрываетъ ее. Затѣмъ сваты уходятъ на дворъ, ставятъ свою дружину въ порядокъ, а жениха впереди, и ожидаютъ. Мать невѣсты надѣваетъ шерстью вверхъ шубу, беретъ жестяную кружку съ водою, насыпаетъ въ нее овса и выходитъ въ сѣни на встрѣчу зятю, который стоитъ за порогомъ сѣней. Подойди къ порогу, теща и зять „витаютца" другъ съ другомъ, то есть привѣтствуютъ другъ друга тремя поклонами. Потомъ зять беретъ у тещи кружку, бросаетъ ее назадъ черезъ голову и старается схватить тещу за руку и вывести ее на дворъ. Если ему удастся это сдѣлать, тогда женихъ съ дружиной идетъ съ музыкой вслѣдъ за тещей въ хату; въ противномъ же случаѣ „витання" начинается сначала, и дружинѣ долго приходится ожидать на дворѣ.

Войдя въ хату, дружина подводитъ жениха къ невѣстѣ, кружитъ ихъ три раза другъ около друга и ведетъ „за кутній столъ", гдѣ молодыхъ садятъ на вывернутую шубу, чтобъ богато жили.

Пріѣхавшимъ подается угощеніе. Послѣ этого начинаются танцы. За танцами снова слѣдуетъ угощеніе. Потомъ теща ведетъ молодыхъ въ отдѣльное помѣщеніе и тамъ угощаетъ ихъ особо лакомствами. Послѣ новыхъ танцевъ начинается обѣдъ, который тянется нѣсколько часовъ. Молодежь снова начинаетъ танцевать, а потомъ невѣсту садятъ за столъ съ сватьями, и теща каждую сватью даритъ наметкой. Сватьи вскакиваютъ на лавки, плещутъ въ ладони и поютъ:

Динькую, сватька, динькую
Зы намётычку танкую,
А што ранинька устывала,
А што тониньска прядала,
А што бѣлинька бялила,
А мяне, сватьку, дарила!

Послѣ этого братъ невѣсты расплетаетъ ей косу, за что ему отпускаютъ въ рюмку съ водкой монету. Выпивъ водку, онъ вынимаетъ изъ рюмки монету и быстро вспрыгнувъ на столъ, брызгаетъ въ лицо свату оставленной во рту водкой. Сватъ долженъ его наказать за это кнутомъ, который онъ держитъ для этого случая въ ру-

кахъ. Но по большей части ему это не удается, такъ какъ братъ невѣсты быстро спрыгиваетъ со стола и убѣгаетъ изъ хаты подъ общій хохотъ и насмѣшки надъ сватомъ.

Послѣ этого начинается „тревога". Надо собираться везти невѣсту къ свекру. Мать снова ведетъ молодыхъ въ „истопку" и тамъ еще разъ угощаетъ ихъ.

Вернувшись въ хату, молодые становятся на колѣни предъ образами и молятся. Потомъ кланяются земными поклонами отцу и матери и благодарятъ ихъ за хлѣбъ, за соль. Невѣста кромѣ того кланяется всѣмъ своимъ гостямъ.

Сватъ жениха выкупаетъ постель невѣсты и несетъ ее на телѣгу. За нимъ идутъ сватьи и поютъ:

Ня хлѣбъ мы ѣли—скари́нки,
Няси́тя, сватóчки, пяринки!
Ня хлѣбъ мы ѣли—панпу́шки,
Нясития, сваточки, падушки!

Вслѣдъ за симъ ведутъ невѣсту, садятъ ее на телѣгу поверхъ постели и готовятся отъѣзжать. Мать невѣсты надѣваетъ въ это время вывернутую шубу, беретъ въ подолъ овесъ и обходя три раза вокругъ сидящихъ на телѣгахъ молодыхъ и дружины, обсѣваетъ ихъ овсомъ—чтобъ молодые богато жили. Потомъ она снимаетъ шубу и разстилаетъ ее шерстью вверхъ въ самыхъ воротахъ, чтобы молодые черезъ нее переѣхали, и креститъ, благословляетъ путь. Поѣздъ наконецъ трогается и невѣста бросаетъ на обѣ стороны своей телѣги баранки, которые подбираются присутствующими дѣтьми и старухами.

Отъѣхавъ съ четверть версты, сватъ останавливаетъ поѣздъ и возвращается назадъ. Здѣсь онъ беретъ миску и ложку невѣсты и несетъ на телѣгу. Тогда уже уѣзжаютъ.

Когда поѣздъ пріѣдетъ въ домъ жениха, родители его встрѣчаютъ молодыхъ съ хлѣбомъ-солью, благословляютъ и ведутъ въ домъ вмѣстѣ съ дружиною. Здѣсь всѣ садятся за столъ и угощаются. Такія угощенія повторяются три раза; въ промежуткахъ между угощеніями происходятъ танцы. Въ это время пріѣзжаютъ и „вечерники".

Въ концѣ пира свекруха уводитъ молодыхъ въ амбаръ и тамъ угощаетъ ихъ сладкой водкой—чтобы они любили другъ друга и чтобы жизнь ихъ была сладка, а затѣмъ оставляетъ однихъ.

Спустя нѣсколько часовъ молодой съ дружкомъ берутъ бутылку красной сладкой водки, перевязываютъ бутылку красной лентой и ѣдутъ къ тестю. Тутъ женихъ благодаритъ тещу за дочь и угощаетъ сладкой водкой. Теща перевязываетъ зятя полотенцемъ черезъ плечо.

Когда женихъ уѣдетъ, приданки приготовляютъ кубелъ съ приданымъ и везутъ его къ молодымъ съ пѣснею:

Щибячи̂, сылавей, щибячи̂,
Намъ дарбжиньку укажи
У тбя сялб висялб,
У тбя пахмельля, дѣ мётъ пьютъ,
У тоя вясёлыя, дѣ насъ ждутъ.

Когда привезутъ приданое, молодую переодѣваютъ въ женскую одежду, снимаютъ вѣнокъ съ головы и надѣваютъ чепчикъ. Молодая при этомъ упрямится, нѣсколько разъ срываетъ съ головы чепчикъ и бросаетъ. Молодой долженъ поднимать его.

Переодѣвши молодую, накрываютъ ихъ обоихъ полотномъ и ведутъ къ гостямъ. Гости садятся за столъ, а молодые становятся въ концѣ стола и угощаютъ гостей. Приданки въ это время застилаютъ столъ чистой скатертью, вынутой изъ кубла невѣсты, навѣшиваютъ на образа ея полотенца.

Приданокъ надо угостить три раза, послѣ чего онѣ уѣзжаютъ домой.

Тогда приглашаются гости и каравайницы „дѣлить каравай". Этимъ свадьба и кончается.

Въ первый четвергъ послѣ свадьбы зять приглашаетъ къ себѣ родителей невѣсты, а въ слѣдующее воскресенье тесть приглашаетъ къ себѣ молодыхъ и родителей зятя. Этотъ обычай называется „перезовами".

Пѣсня при отъѣздѣ къ вѣнцу.

Ня тёсынъ яваръ, ня тёсынъ,
Тольки хырошо вы́тисанъ,
При дарбжыньцы пыстынаўлёнъ,
Чирвбный кали́ный апсажбнъ,
Шэрыми зязюлими апстаўлёнъ.
Ня ву́чинъ мблыдъ, ня ву́чинъ,
Тольки хырашо прибнрёнъ,
Мыладэй дѣвычкый пыдарёнъ.

При пріѣздѣ жениха съ дружиной.

„Сту́кныла, грюкныла ны дварѣ,
Выйди, мамухна, ти ни пу мянё?"
— Пы тябё, дачу́шка, пы тябё,
Хочуть тябе, дачушка, и у́зяти!
„Скажи, мамухна, нимà дитяти,—
Пышла на вулку гуляти!"
— А зачимъ, ди́титка, илгати,—
Гэта шъ ты сяди́шъ у хати!..

—

У нашига дру́жа
Пысярёдъ двыра лужа.
Прилятѣли гуси
А зъ Бѣлинькый Руси,
Стали яны ваду́ пити,
Абъ лёдъ кры́льлимъ бити.
„А вы, гуси, ваду́ питя,
Кры́льлимъ лёдъ ня битя!"
Пріѣхыли госьти
Да съ чужэй жа валбсьти.
Стали яны́ вино пити,
Ку́пки абъ столъ бити.
„А вы, госьти, вино пи́тя,
Ку́пкыў намъ ня би́тя!"

Когда привезутъ приданое бѣдной невѣсты.

Рыга̀тыя, быга̀тыя
Сыма сабѣ пы́шна,
Худобушка лябёдушка,
Якъ у сади вишня.
Чіи кони ды каровы
Уси пыздыхали,
Маи жъ чёрныя бровы
Николь ни линяли.

Щербинская вол., Витеб. у. Запис. г-жа Пороменская.

Свадебныя пѣсни Витебскаго уѣзда.

Когда женихъ пріѣзжаетъ отъ вѣнца.

Ай, радъ, радъ Ванюшка,
Што у нóвый царкóуки пабываў,
На бѣлымъ рушничкў пыстыяў,
Дамнýтку за ручку пыдпржаў,
Зылатыя пярьстёнки пумяняў,
Крáсную Дамнýтку къ сабѣ ўзяў.

При отъѣздѣ молодого къ молодой.

Святи́уся ясёнъ мѣсицъ, святиуся:
Ванюшка у батюшки прасйуся:
„Пусьти́тя мяне, батюшка, на ўсю [ночь,
А къ абѣду я пызáть пріѣду:
Привязў скрыню и пярину,
И мыладую Ликсáндричку!“

Когда молодые за столомъ.

Салóдкій каряшóкъ пастарнакъ:
Ёнъ у погрибп зимавáў,
Ёнъ сабѣ мóрквинку злюбавáў,
Любаваў, любаваў—сабѣ ўзяў!
Харóшый дяти́на Мильля́нка: —
Ёнъ у тéщи начиваў,
Ёнъ себѣ дѣўку злюбаваў,
Любаваў, любаваў—къ сабѣ ўзяў!

Когда везутъ молодую къ свекру.

Ня голубъ бучи́ть на мори,
Ни галýбка у вазярѣ:
Кличить-гукáить Мильля́нка,
Ли пиравозу стоючи,
Пиравóзьничка просючи:
„Пиравозьничикъ маладóй,
Падай пяравозъ залатóй!
Я жъ табѣ дóрага заплачў:
За сябе малайцá—чирванцá,
За сваю дѣваньку сто рублей,
За сваю дружы́ну—палти́ну,
За сватьтиньку—рубли́ну!“

При отъѣздѣ молодой къ свекру.

Ясная заря́начка,
Якъ зъ зóрькай растáнитца,
Зъ мѣсяцамъ спаткáитца.
Пайду кала мѣсяца,
Тучкаю абяўюся,
Дóжджичкамъ абальлюся.
Зъ зорьками растанусь,
Зъ мѣсяцамъ спаткáюсь.
Маладая Паланéйка,
Якъ зъ мамкаю растáнитца,
Съ сýжанымъ спаткáитца.
Пайдў кала стóлику,
Кóсками апущýся,
Слёзками абальлюся.
Зъ мамкай растáнуся,
Съ сужанымъ спаткáюся.

При пріѣздѣ молодого къ тещѣ.

Чиризъ боръ тёмнинькій
Ѣхаў Мильля́нка пьяниинькій.
Хмель ямў галбýку разабрáў,
Конь ямў шубыньку разадрáў,
Пухавую шля́пыньку растаптаў.
Зачýла-пачýла дѣванька:
„Ня тужъ, ни бядýй, Мильлянка!
Ёсь сь чаго шубыньку пашы́ть,
Ёсь за што шапыньку купить!
Мы сы́щимъ краўцá да дóму,
Пашы́имъ шубыньку да дóлу,
Даўгія рукáўцы да пáльцыў,
Бабрóвый каўнéръ на плечки!“

При врученіи невѣстѣ подарковъ отъ жениха.

А Мильянка па̀намъ быў!
Ёнъ у гбради вянбкъ виў,
А у новымъ гбради завиваў.
Купляли мищанки — ни прадаў,
Ёнъ сваёй Паланейки дарма
[аддаў:
„Насй, мая Паланейка, здарбва,
Ни скажу табѣ ни слова!“

Предъ отъѣздомъ къ свекру.

Катилася заряначка зъ заморья,
Прасилася Паланейка зъ застблья:
„Пусьти, пусьти, мой сужанька, зъ застолья,
Паглядѣть на та̀ткина падвбрья!“
— А была жъ табѣ ўся нядѣлька привольна,
Былб глядѣть на таткина падворья! С. Старое.

Передъ свадьбой.

Ай, вбсимь, вбсимь,
Сватбў па вбсимъ,
А ка мнѣ ни вбдныхъ.
Кабъ яны прабилиси,
Пры мянѐ забылиси;
Кабъ яны пагинули,
Якъ мяне накинули.
Я гбря ныбралыся,
Ў поля ныганялыся,
Сыбакъ нымапилыся,
Мальцыў ныдражнилыся!

—

При возвращеніи отъ вѣнца.

А хула жъ табѣ, Ббжа,
Што насъ пывиньчали,
А мы попа̀ ашукали,
Дёшыва за шлюбъ дали:
Зы свайгд мыладбга
Пуўтыра̀ зылатдга,
Зы сваю мыладўю
Капѣйку зылатўю.

—

Ѣхыла Адарка зъ-пыдъ винца̀,
Пускала зблыта зъ рукыўца̀,
А за ей братилка пыдбираў,
Гырячыи слёзыньки прылываў.
„Пыдбирай, братилка, пыдбирай,
Гырячыи слёзыньки ни тиряй!“

—

Ай, мамынька мыя,
А ўжд жъ я ни твыя.
А я таго̀ пана,
Єъ кимъ я пывиньчана.

При пріѣздѣ жениха.

Крякнуў силязéнь на мбры,
Отызвалыся вўтычка ў вазёры:
„Сизыя мыя гылава̀,
„Ни хачў лятѣть съ азира̀,
„Зь éстаго бзира мўтныга,
„Зь éстыга бéрига крўтыга.“
Крикнуў Сяргѣйка ны дварѐ,
Атызвалыся Адарка ў тирямѣ:
„Бѣдныя мыя гылава̀,
„Ни хачў итй сь тирима̀,
„Зь éстыга тирима̀ нбвыга,
„Атъ свайго̀ татыньки рбдныга.

Когда молодые за столомъ

Ны гарѐ дѣвынька садъ садила,
Садиўшы садъ, гыварыла:
„Мамынька, рбдныя, пыливай мой садъ,

Пыливай мой садъ зилянымъ виномъ,
Абсыпай виныградъ бѣлымъ сахырамъ!"
— Дачушка, радная, мыладой розумъ:
Ты пальешъ зѣлинъ садъ гарючымъ слизамъ,
Абсыпишъ виныградъ кручынкыю.

—

На моры гусынька купалыся,
А у не гусыньки пыталиси:
„Гусынька, шэрая, ти зябнуть ножки?"
— Што жъ бы я, што жъ бы я, ды за гусь была,
Штобъ у мяне ножыньки ны вадѣ зябли?
У камори дѣвынька прыбиралыся,
А у нѐ дѣвыньки пыталиси:
„Дѣвынька, мылыдая, ти жаль мамки?"
— Што жъ бы я, што жъ бы я зы дитя была,
Якъ бы я, якъ бы я ни жалѣла мамки?

При отъѣздѣ къ жениху.

Ай, хитёръ, мудёръ Сяргѣйка:
Па полю пшоу имглою,
А на дворъ узыйшоу вадою,
А у сѣни улѣзъ жыцдарёмъ,
А у хату улятѣу сыкаломъ,
Зыстау дѣвыньку зы сталомъ,
Разныи узоры шыючы,
Жалысныи пѣсьни пяючы.
Разныи узоры пымишау,
Жалысныи пѣсьни пырыняу,
Красную дзвицу къ сабѣ узяу.

—

По пути къ жениху.

Зыржали кони ны браду,
Цачули пагоню пызаду,
Што братъ зы сястрой гонитца,
Гонитца, гонитца, бронитца:
„Пастой, швагрушка, ни уижжай,
Дамъ табѣ коника варанца,
Вярни маю сястрыцу съ-пыдъ винца;
Дамъ табѣ коника при красѣ,
Вярни маю сястрыцу при касѣ:
Дамъ табѣ шабильку при злоти,
Вярни маю сястрыцу при сиоти!

—

Лугымъ—бѣрыгымъ дуда йшла,
Кыла 'болжыйку цымбалы,
У Сяргѣйки ны дварэ пыстали,
У Адарки дарожки пытали.
„Пастойтя, сваточки, ня смѣю,
Пакуль винаградъ рассѣю,
Синiи василькй рыспашу,
Тады вамъ дарожку укажу!"

При отъѣздѣ молодого за невѣстой.

Узвиуся рой, лятѣть хочить
У сырый боръ па салодкiй мёдъ.
Зладиуся Сяргѣйка, ѣхать хочить
У тую дарожку у топтынаю,
Па сваю дѣвыньку гадовынаю,
А у тую дарожку у бойныю,
Па сваю дѣвыньку любоуныю.

—

По пути къ молодой.

Нашъ Сяргѣйка кро́ликъ,
Падъ имъ во́ронъ ко́никъ,
Къ са́ду пыдъяжжа́итъ,
Пиряпёлыкъ стрыля́итъ,
Пиряпёлку у ю́шку,
Пе́рья ны падушку,
Дѣвынька на слу́жку.

—

—

Ни хатѣла зязюля
Узлѝ со́кола сядѣть,
Съ-пыдъ ягѐ крылà глядѣть.
Хуть ни хатѣла, ды сядѣла,
Зъ-пыдъ ягѐ крылà глядѣла.
Ни хатѣлыся Адарки
Кыла́ Сяргѣйки сядѣть,
Съ-пыдъ ягѐ ша́пки глядѣть,
Хуть ни хатѣла, ды сядѣла,
Съ-пыдъ ягѐ ша́пыньки глядѣла.
Яго ша́пынька сабо́лья
Вы́вядитъ Адарку зъ засто́лья.

—

А дѣвушки, лябёдушки, чало́мъ вамъ:
Ти ни зылятѣла наша ку́рычка вичаро́мъ къ вамъ?
На́ша ку́рычка знако́мая,—исъ ха́хломъ!
А сва́тьтиньки, лябёдушки, чало́мъ вамъ:
Ти ни зывязёна на́ша дѣвушка вичаро́мъ къ вамъ?
Наша дѣвушка знако́мая,—изъ вяико́мъ.

—

Чирявѝчки тапу̀, тапу̀,
Ба́тька ка́жытъ: „ящѐ куплю!“
Ма́тка ка́жытъ: „трясца,—
Лянѝлыся пря́сьти!“
Зы мужукà ни пайду̀,
Зы шля́хтица, якъ тра́питца.
Шля́хтицъ бу́дитъ пыта́ти:
„А ти у́мѣитъ чыта́ти?“
А я у́мѣла й забы́ла,
И ксёнжычку згубѝла!

—

Кукува́ла кукушка у̀ баро́чку,
Прылажы́ушы галобу́ку къ листо́чку.
Ды кукува́ушы гыварѝла: „Божа мой!
„Хто жъ маё гнязьдѣчко рызары́ть,
„Хто жъ май яе́чки пыбяро́ть?“
— Рызыря́ть гнязьдѣчко кынюшкѝ,
Пыбяру́ть яе́чки пыстушки!
Пла́кыла дявѝца у̀ святлѝцы,
Ды пла́чучы гыварѝла: „Божа мой!
„Хтѐ жъ маю ко́сыньку рысплятѣ́ть,
„Хто жъ яѐ лѐнтами убяро́ть:“
— Рысплятѣ́ть ко́сыньку бра́титка,
Убяру́ть усту́шки падру́жки.

—

Лятѣла сарока щикыча,
Палюбила Адарка смыркыча.
Пылядй-тка Адарка зы вярпюкъ,
Сядить Сяргѣйка, якъ смарчокъ
Пылядй-тка Адарка зы вакошка,
Сядить твой Сяргѣй, якъ кошка.
Наша дѣвушка паненка,
А вашъ жанихъ, якъ ваўненка.
Наша дѣўка макыў цвѣтъ,
А вашъ жанихъ старый дѣдъ.

Мишковская вол.

Когда невѣсту садятъ на посадъ.

Ны гарѣ Марьютка садъ садила,
Сыдя садочикъ, гыварила:
„Устывай, мамухна, ранёшынька
Пыливай садъ частёшынька!
Ты ни пыливай, мамухна, вадицыю,
А пыливай, мамухна, сытицыю:
Атъ вадицы зѐлинъ садъ той тёминъ будить,
Атъ сытицы зелинъ садъ зилинѣть будить.

—

За варотыми зѐлинъ садъ.
Нихто у тымъ сади ни биваў,
Адна Марьютка бывала,
Чирвону рожу садила,
Синіи высильки сѣила,
Гибкіи лавычки масьтила,
Кырагодъ дѣвычикъ садила,
Стада гылубей пріўчила.
А ѣхуў Иванька самъ-дисятъ,
Пусьтиў коника ў зелинъ садъ.
Чирвону рожу пытыптаў,
Синіи высильки пысырваў,
Гибкіи лавычки пылымаў,
Кырагодъ дѣвычикъ разыгнаў,
Стада гылубей пыстрыляў,
Мыладую Марьютку къ сабѣ ўзяў.

При пріѣздѣ молодого къ тещѣ.

Стукнала, грукнала на дварѣ,
Пыгляди, мамухна, ти ни пы мянѐ?“
— Пы тябѐ, дачўшка, пы тябѐ!
„Ай, умѣй, мамухна, аткызать:
Скажы, мамухна, ў дварѣ нѣтъ,
А на синимъ мори платьти пирётъ“.

—

Ай пылъ, пылъ пы даробзи,
Пылъ, пылъ пы дуброви.
Пылъ у поли пылуитца,
Тамъ Гришутка ваюитца,
Надъ имъ яго братики дивуютца.
„Братцы шъ вы маи родныи!
А ни самъ я ваююсь,—
Гасподь Бохъ пыда мною,
Воранъ конь пыда мною,
Настулька пыдъ рукою!“

—

Шкода тибе, Настулька,
Што ты, хыраша,
Спулюбила Гришутку гылыша:
На чужымъ конюку гарцуить,
У чужыхъ ботикахъ танцуить,
У чужэй шапыньки паклоны бьётъ,
Чужэй хустынькый слёзы трэть.
А пріѣхуўшы дамоў—шусь далоў:
Вынимай ласкутьтя съ падкутьтя,
Вынимай лахмотьтя съ подпольдя...

—

Ня гни́ся, ни лами́ся, калинъ-мостъ,—
Чиризъ тябѐ паѣдуть семсотъ ваивбдъ,
А Гришутка нынярёдъ.
Нызадъ ху́стынькый мыхайть:
„Сто́йтя, пастойтя, сватбу́я:
Ти ў барў зязюля куку́ить,
Ти ў лазѣ сылаве́й щибѐчить?“
— А ни ў барў зязюля кукуить,
А ни ў лазѣ сылавей щибечить:
Ета шъ твая̀ Насту́лька пѣсинки паѐть.

При выходѣ изъ церкви послѣ вѣнца.

Ай радъ-радѐницъ Гришутка,
Што у нбвый царькбуки пыбыва́ў,
На тонкихъ рушничкахъ пыстыя́ў,
Мыладу́ю Настульку за ручиньку пыдиржа́ў,
Зылаты́и пярсьтёнки пыминя̀ў.
Зылато́му пярсьтёнку змѣны нима̀,
Намъ жа зъ Насту́лькый саро́ма нима.

Королевск, вол., Вит. у. Запис. А. Соколовская.

—

Въ дер. Чернятахъ, королевской волости, предъ надѣленіемъ невѣсты подарками „столбовой“ говорить слѣдующую рѣчь:

„Паку́ль я ды стуўба̀ дабра̀уся, увесь мой насбў надрауся,
А пакуль узлѣзъ,—и другѐй саўсимъ разлѣзъ.
Тры гады̀ падъ ла̀ўкай валя̀ўся, на ету свадьбу спыдива̀ўся,
Семъ гадо́ў на печки пыдъ грядкыми каптѣў, на ету свадьбу хатѣў.
Міръ вясёлъ и домъ свящо́нъ!
Въ етымъ до́ми и хати ёсь атцы̀ и мати,
Сёстры и братцы, ви́дцы, нави́дцы, красныи диви́цы и добрыи мылади́цы.
И тыи бабы́лки, которыи ни мають ни карбу́ки, ни кабы́лки,
Ны сабѣ дроўцы нбсють, у Бога шча́сьтя-до́ли про́сють.
Го́сьтики сызва́ныи, сыбра́ныи, дальныи-прыѣжжыи, ближніи-прыхожыи:
Ближнихъ Бохъ прынёсъ, дальнихъ конь прывёзъ,
Каго̀ кабылка прывязла̀, а каго̀ мамка на рукахъ прынясла̀!
Жо́нычки—Божыи пчо́лычки!
Уси гуча́ли, крыча́ли—на еты-нъ часъ пумуўча̀ли:
Мылыда́я княгиня про́сить пѣсьню пыча́ть и ў звонки гусли зыйграть!
Панъ тысе́цкій [1]), сынъ ате́цкій, выявбда шляхе́цкій!
Сяди́шъ ты ны кутѣ, якъ со́кулъ у гнязьдѣ,
Зыря̀ми абгаради́ўшысь, звизда̀ми аптбркыўшысь!

---

[1]) Обыкновенно, крестный отецъ молодой невѣсты, распоряжающійся на свадьбѣ.

Пиридъ табби зылатыи кубки зъ мядомъ, а я сяджу зы сухимъ стаўбомъ:
Жывотъ якъ дошка, гылыва якъ лукошка,
Горла якъ трось, языкъ якъ кось!
Ти ни дали пъ винца, а на закуску блинца,
Горла прымачить и языкъ паучить,—
Тады пъ я ящо што-нибуть можа скызаў бы!
Ни за етымъ казымъ, а за третимъ разымъ:
Блугуславитя мыладой княгини пѣсьню пычать и ў звонки гусьли [зайграть!
Ни я васъ прашу, а мыладая княгиня просить, галоўку клонить!

Всѣ присутствующіе отвѣчаютъ: „Богъ блугуславить!"

Тогда столбовому даютъ два пирога. Онъ беретъ ихъ по одному въ каждую руку, плещетъ ими и поетъ:

Святый Кузьма-Димьянъ, скуй намъ свадибку!

Затѣмъ всѣ поютъ:

Мѣсяцъ сына жэнить,
Зорынька дачку аддаетъ!
Данилка сына жэнить,
Прасутка дачку аддаетъ!
Данилка у радысьти,
Прасутка у жалысьти.

Въ куринской вол. витеб. у. эта рѣчь говорится „на запивкахъ" въ субботу вечеромъ. Текстъ ея здѣсь слѣдующій:

Пакуль ды крывати дайшоў, тробя шылудей знайшоў.
Пакуль на столпъ узыбраўся, нысавокъ мой пыдраўся.
Столпъ батька, печка матка! вы гряды, гряды, дайтя рады:
Якъ пѣсинку пычать, у скрипычку зыйграть, вичаринки завесь!
У пири вясёламъ, у доми священнамъ ёсь атецъ и мати,
Сёстры и браты, и малыи рибяты.
Тиха! Тихыя бисѣда на етый часъ, на етыю гадину!
Ни я шъ прашу, просить хызяинъ дымавой, хызяйка дымывая, князь [мыладэй,
Сѐрцымъ пакорнымъ, галоўкай наклонпай!
А вы шъ, госьтики сыбраныи, сызваныи,
Ближніи прихожыи, дальніи пріѣжжыи,
Каго кабылка визла, каго матушка несла,
А хто бокымъ катиўся, на ета вясёлка спяшыўся,
Семъ лѣтъ у пыдлавычку выляўся и той на ета вясельля ныспишаўся!
Ты панъ тысецкій, выявода шляхецкій!
Сидишь ты ны кутѣ, якъ сокылъ ны гнязьдѣ:
Зорими абгырадиўся, вобалакамъ пыдпыисаўся, мѣсицымъ накрыўся.
Сядишь ты зы тясовыми сталами,
Зы ярыми свичами, зы бильчастыми скатиртями,
Зы разными закусками, зы разными напитками:
У васъ на лѣвый стыраны идеть винныя рика, по правэй гарѣлышныя,
А я сяджу, бидьняга, зы сухимъ сталпомъ!

Жывотъ мой якъ доска, а гылывà якъ лукошка,
Зубы якъ трось, языкъ якъ кось.
Ни магў гыварить, маё горла балить,
Капъ пыднясьли чàрычку винцà, а кўшычикъ пиўцà:
Ящо пъ пару словъ прибавиў.
Кыдà есь слўги—слугамъ (творит. множ.) пыдашли!
А нѣтъ слухъ—самъ пыднясй!
Ня сукны шумять, ня боты скрипять—
Такей гыспадинъ, якъ и я!...

И поетъ:
„Святой Кузьма—Димьянъ, скўйтя свадипку намъ!"

На вечеринкѣ же въ субботу поютъ родителямъ невѣсты:

Ни сяди, бабрища, у крутымъ бирязѣ,
Вынаси трусочикъ ны биряжочикъ!
„Ни сяди, Якупка, у бясѣди,
Сурюжай свадипку Кулинкину!"
— Мнѣ ня вѣкъ викувать—
Свадьбу сурюжать:
Ныварю я пива девить варў,
Дисятый варъ гарэлки станъ!
„Ни сяди, Алёнка, ў бясѣди,
Сурюжай свадипку Кулинкину!"
— Мнѣ ня вѣкъ викувать—
Свадипку сурюжать:
Ныпякў пирагў девить пячей,
Дисятую печь—пиряпечинку.

Предъ отъѣздомъ къ вѣнцу.

А ў суботку позьнинька,
А ў нядѣльку ранинька
Попъ на ютриню звонить,—
Дяўчонка вяпокъ уеть.
Мала стала красычикъ,
Пысылàла татухну
У зелинъ лухъ пы калину.
Тàтухна ближы—
А калинка—вышы,
Татухна приступàить—
Калинка атьтьвитàить.
Пысылала мальчишку
У зелинъ лухъ пы калину,
Пы салоткую малину.
Мальчишка ближы,—
Калинка нижы,
Мальчишка приступаить,
Калинка расьтьвитàить.

—

А ў сади, ў сади, въ агароди,
Схувàлысь дяўчонка у краскыхъ.
Искала мàмухна—ни нышлà,
И зыплàкыўшы у дворъ пышлà.
А ў сади, ў сади, въ агароди,
Схувалысь дяўчонка у краскыхъ.
Искаў мальчишка и нашоў,
Ёнъ зъ радысьти у дворъ пашоў.

Когда ѣдутъ къ вѣнцу.

А ўдàрьтя у два званы, у кылыкалы.
Садитись, сватоўя, ўси на кони:
Паѣдимъ, сватоўя, у новый горытъ,
А ў новымъ горыди дяльбў дѣлють:
То тамў, то сямў па конику,
Нашыму мальчишки ўсё налўччіи.
Паѣдимъ, сваточки, ў нову царькоўку.
А ў новый царькоўки дяльбў дѣлють:
То тамў, то сямў пы дяўчонки,
А нашыму мальчишки ўсё налўччіи.

Когда ѣдутъ отъ вѣнца.

Ѣхыла дяўчонка съ-пыдъ винцà;
Рассы̀пыла зóлыта зъ рукыўцà,
Звала мамухну пыдбирàть
Ны тисóвую лàвычку,
Ны шалкóвую пи̂тычку.
„А вой, дачўшка,—ня ўвя̂жу,
Зы жàлыстью ни магў!“

—

Звичари̂лыся ны дварэ́,
Спазни̂ўся мальчишка у дварэ̀,
А яго̀ дяўчонка даўнò жджѐть.
Пыслáлы-пъ паслы̂—ня сьмѣ̀ю,
Ныписалы-пъ письмо—ня ўмѣ̀ю,
Сымá бы пышлà,—баюся,
Дóўгыя дарóшка—ўстамлюся.
На тый дарóги старóжа.
Тая мянѐ старóжа сыймáить,
Па русый касѣ̀ узнаить.
Была ета косынька пыдъ вянцóмъ
Съ разудáлинькимъ мылайцóмъ.

Куринская вол.
Запис. г. Эсьманъ.

—

Начинальная.

А святый Кузьма-Димьянъ,
Скуй намъ свàдибку, сужóную, [ряжóную!
Мая̀ свадибка суряжóная,—
Я пиклà пирагóў дѣвить пѐчикъ,
А дисятую прыжэ̀ньчикыў,
Я вариў девить вàраў пива.

Сиротѣ.

А Сахвѐйкинъ та татка,
Ёнъ прасйўся у Бога,
Да и ў Духа святóга:
Атпусьти минѐ, Божа,
Да и съ неба на землю,
Па зилѣзнаму пруточку,
Па шаўкóваму платочку!
Яму̀ Бóжынька гавóрить:
Я и ўчёра тамъ быў,
На вакóшычку сидѣў,
И ў вакóшычка глидѣў:
Прыбярёна Сахвейка, якъ па- [нятка,
Пысажóна, якъ дитя̀тка,
Баслаўлёна, якъ сиротка.

—

Кукувàла зязюлька ў садочку,
Прилажыўшы галóўку къ лис- [точку:
„Було̀ ў минѐ гниздѐчка савйта,
Булò ў мине ие̂чка знясёна,—
Аткўль узяўся сызый арёлъ,
Ёнъ маё гниздѐчка раскапàў,
Ёнъ маё ие̂чка раздуўбàў!
Плакала дявйца ў свитли̂цы,
Прилажыўшы галóўку къ баж- [ни̂цы:
Быў у минѐ вянóчикъ савйтый,
Бы̀ли ў минѐ падрўжки сабрàны,
Аткўль узяўся Григорка,
Ёнъ мой вянóчикъ разарвàў,
Ёнъ майхъ падрўжыкъ разагнаў,
А минѐ младу къ сабѣ ўзяў!

Сиротѣ.

Пахади̂, Сахвейка, па хàтаньки,
Пагляди, Сахвейка, па рóдинки,—
Ти ўся рóдинка собрàлася?
А ўся рóдинка сабрàлася,—
Тольки нѣтъ рóднага татки,—
Замкнуўся татка ў три замóчки:
Первый замóчикъ—бѣлый гра- [бóчикъ,
Другій замочикъ—жóўтый пя- [сóчикъ,
Третій замочикъ—траўка му- [раўка!
Узьнимйтися, бўйныя вѣтры,

Прайдйтя, дробныя дбжджы,
Размыйтя жбўтыя пяскй,
Аткрыйтя грабавыи дбски,
Узьнимйтя майгб татку!

Сиротѣ.

Ўступила Сахвейка на парбгъ,
Махнула хўстынькый напярёдъ:
Раступйтися, ввесь народъ,—
Буду сваёй рбдинки кланитца,
Буду свайгб татухну тямитца!
Усю сваю рбдинку прайшла,—
Рбднага татухны ни нашла.
Галбўка жъ мая въ вянбчку,—
Нѣтъ майгб татухны ў дамбчку;
Галоўка мая у цвѣти,—
Нѣтъ майго татухны у сьвѣти!

—

Диўная тая бярёза, на привблійку стаяла,
Ўсихъ къ сабѣ пташычикъ збирала.
Мижа пташычикъ зязюлька, сильна-жаласна кукувала.
Диўная тая камбра, пасярёдъ рынычку стаяла,
Ўсихъ къ сабѣ дѣвачикъ збирала.
Мижа дѣвачикъ Сахвейка сильна-жаласна плакала.

—

Ни стриляй, Григорка, ў щирый боръ,
Ты жъ стриляй, Григорка, къ тёщи на дворъ!
А ў тещи на дварэ три старбжыньки:
Першая старбжа у варбтахъ стайть,
Другая старбжа пысярёдъ двара,
Трэтьтія старбжа пиридъ ġаначкамъ.
Ласкавая тёщухна пы сянёхъ хбдить,
Бѣлага либидя на рукахъ нбсить,
Шэрую ўтинку за сабой вбдить,
Бѣлую лябёдку на рукахъ нбсить.
Бѣлинькій либядёкъ Григорка,
Бѣлая лябёдка Сахвейка.

—

Заклапатйўся Григорка,
А ў паўдарбжки ўѣхавшы,
Падъ сасбнкый стбючи:
„А сасбнка-жъ мая зялёная,
А галбўка-жъ мая бѣдная:
Што маи коники ня пьють, ни [ядўть,
Толька стоя ржуть?“
— Ни клапатйся, Григорка:
Я тваихъ кбникаў накармлю,
Па раньній расѣ у вавсѣ,
А па вячёрній расѣ ў ичмяню,
На Дунай паганю—напаю,
У тисовую стаинку заганю,
Накладу сѣна ў калѣна,
Насыплю аўса да паиса.

—

Катйўся мйсячикъ катйўся,
Григорка у татки прасйўся:
Пусьти мине, татка, на ўсю ночь,
Заўтри къ абѣду пріѣду,
Привязў скрыньню й пярйну,
И маладу Сахвейку:
Табѣ, татухна, паслўшка,
А минѣ татухна, жанушка;
Табѣ бўдить пить падавать,
А минѣ бўдить пасьтѣльку слать.

—

Ѣхаў Григорка на канѝ:
Милыи май шанкарѝ,
Ти ня вы пирявбзъ занялѝ?
Я за пирявозъ заплачу̀,—
Ўсё сваёй дружыны ни змачу̀!
Я за дружыну рублѝну,
Я за сва̀тьтиньку палтѝну,
За сябе малайца̀ чарванца̀,
Я за сваю̀ жану тысячу!
Хуть я дбрага заплачу̀—
Сваёй дружыны ни замачу.

—

Тонкая диряўцб клянѝнка,
Ў лясу стаѝла, шумѣла,
Дарбгый ишла—звинѣла,
Къ варбтамъ пришла—гаварѝла:
Выйди, выходи, Сахвейка,
Пакажы клянѝнки дарбжку!
— Нѐкали, клянѝнка, нѐкали,—
Загада̀ў Григорка работу:
Баравы̀я васильки садѝть,—
Чарвбную рожу щипа̀ть,
Гибки ла̀вачки масьтѝть,
Тисовыи столики станавѝть,
Виномъ ку̀бачки наливать!
Пріѣхуў Григорка самъ—дисятъ,
Пусьтиў кбникуў въ зелинъ [садъ,
Конь тыи василькѝ пасарва̀ў,
Чарвоную рожу сыщипа̀ў,
Гибки ла̀вачки патапта̀ў,
Тисовыи столички паваля̀ў.
Зъ виномъ ку̀бачки пабярну̀ў,
Красную Сахвейку къ сабѣ ўзяў.

—

Ай, тонка-тбнка сасбнка!
Аттагб тонка, што ў бару̀!
Служыў Григорка каралю̀,
Выслужыў заслугу дарагу̀ю,
Варанбга канѝ сь сядлбмъ,
Красную Сахвейку зъ винкбмъ.
А мнѣ на канѝ ни вуюва̀ть,
А съ Сахвѐйкаю вѣкъ викува̀ть.

—

—

Хвалилася калина надъ рякбй: нихто минѐ ни даста̀нить за вадбй,
Нихто майхъ суччі̀йкаў ня'блбмить, нихто маихъ лѝсьтикаў ня'батрэть,
Нихто ма̀йхъ я̀гадакъ ня'тщипнѐть!
А ўчуў жа ета зелинъ дубъ, на зялёной дубрави стбючи:
Я тябѐ, калина, дастану за вадбй, я тваё суччѝйка абламлю̀,
Я тваё лѝсьтійка абатру̀, и тваю ягадку атщипну̀!
Хвалилася Сахвейка у татки: нихто минѐ ня вбзьмить атъ татки,
Нихто маёй красаты ня'батрэ̀ть, нихто маёй натуры ни пирямѣнить!
А ўчуў жа ета Григорка, у татки на дварэ̀ стоючи,
На вараномъ конику сѣдючи:
Ни хвалися, Сахвейка, у татки: я тибе вазьму̀ атъ татки,
Я твою̀ красату̀ абатру̀, я твою̀ натуру пиримню̀!

—

Хадила кбзанька па бару̀, прасѝла ина сабблю;
А такій-жа сякій сабóля, вывиди минѐ сы бóру!
Ужо-жъ минѣ у бару надаѣла,—
Шы̀шками ножыньки скалбла, чащбй гла̀зыньки вы̀драла!
Хадѝла Сахвейка па двару̀, прасѝла ина Григорку:
А такій жа сякій Григорка, вазьмѝ жъ минѐ атъ татки!
Ужо-жъ минѣ ў татки надаѣла:
Мѐлинъ ру̀чиньки атарва̀ў, карбмисилъ плечиньки атлама̀ў.

—

Дѣванька на дворъ узъижжала,
А ў иѐ мамухна патала:
„А ти громка званы́ зьвинѣли,
А ти ярка свѣчи гарѐли,
Ти гла́сна папы́ сьпива́ли,
Якъ васъ маладыхъ вин́ьчали?“
— Ай, громка званы́ зьвинѣли,
Ай, ярка свѣчи гарѐли,
Гла́сна папы́ сьпива́ли,
Щасьли́ва малады́и стая́ли!

—

Ѣхаў Григорка кала гаю,
Вы́скачиў заинька съ-падъ гаю.
Стаў ягѐ Григорка пужати,
Стаў яму̀ заинька пиняти:
„За што минѐ, Григорка, ганя́ишъ:
Ти я табѣ даро́жыньку пирябѣгъ,
Ти я табѣ ко́никуў паўпу́диў,
Ти я табѣ дѣваньку пагу́диў?
— Пирябѣгъ дарожку шѐрый
[воўкъ,
Паўпу́дили ко́никуў жарябцы́,
Пагу́дили дѣваньку малайцы́!“

—

Разгарѣлася калина,
Пирядъ зо́рію сто́ючи.
А тушы́ў витяро́къ—ни ўтушы́ў:
„А я тибе, калина, ни ўтушу̀,—
Уту́шыть, ня ўту́шыть драбѐнъ
[дождзъ!“
Якъ расплакалась Сахвейка,
Пирядъ ма́мухный сто́ючи.

А ўнимала мамухна, ни ўнила̀:
А я тибе, дачу́шка, ни ўниму̀,
Го́ршы жаласьти задаю,—
А ўни́мить, ня ўни́мить Григорка!

—

Ай, бо́рамъ, бо́рамъ, бара́ми,
Ѣхали сватбу́я рида́ми.
Напирёдъ жа ѣхуў жанишокъ,
Назадъ ша́панькый маха́я:
„Сто́йтя, пасто́йтя, сватбу́я,
Ти ў бару̀ зязюля куку́ить,
Ти ў лазѣ салавей щибе́чить?
Ета мая̀ дѣванька плачить,
Тонкую кашуляю шы́ючи,
Яркую свѣчу̀ па́лючи,
Тёмную ночиньку про́сючи:
Тёмная ночинька, стой, пасто́й,
Ярая свѣчинька пасьвятѝ,
Григорку кашульку паспяшы̀:
Кала вбрата зо́лата,
Кала по́дала се́рибра,
Кала каўнирѐ чорный шоўкъ!“

—

Кати́ўся я́блачакъ са го́рья,
Праси́лася дѣванька зъ засто́лья,
Палидѣть таткина падво́рья,
Папата́ть у мамки здаро́ўя!
— Быў табѣ вольный часъ ў
[суботку.
Сяго́ньни жъ у насъ нидѣля,
Кабъ ты ли мянѐ сидѣла,
Съ-падъ майго̀ рукава глидѣла.

—

У я́снага мѣсица три зо́рипьки:
Первая зоринька свитава̀я,
Другая зоринька виче́рнія,
А трѐтьтія палуно́шница.
У нашага Григорки три сястри́цы:
Первая сястрі́ца кудри часа̀ла,
Другая сястрица убирала,
А трѐтьтія научала:
„Наѣдишъ у ноў го́радъ жанитися,

Пастáвють табѣ трёхъ панéнакъ:
Первая паненка у зблати,
Другая паненка у сéрибри,
А трэтьтія ў чбрнамъ шбўку.
Ни квàпся, Григорка, на золота, на сéрибра,
А квапся, Григорка, на чорный шоўкъ:
Зблата-сéрибра пулумàитца,
Чбрнаму шбўку змѣны нѣтъ.

—

А литѣў сакбля чиризъ три бары,
Ў чатьвёртамъ барóчку сѣў на дубочку.
А ў яго зязюльки патàлися:
Што жъ табѣ, сакбля, спудубàла:
Ти дубьё, ти сасбньня, ти бѣла бярёза?
— Ничога сакалў ни ўпудубàла:
Ни дубьё, ни сасбньня, ни бѣла бярёза, —
Пудубàла сбкалу шэрая зязюля!
А ѣхуў Григорка чиризъ три сялы,
Въ чатьвёртымъ сялбчку стаў на дварбчку.
А ў яго свàтьтиньки патàлися:
Што жъ табѣ, Григорка, спудубàла:
Ти пива, ти вино, ти салбдкій мёдъ?
— Ничбга малайцў ни спудубàла, —
Ни пива, ни вино, ни салбдкій мёдъ,
Спудубàла малайцу красная Сахвéйка.

—

Григоръ зориньку упрáшываў:
Сьвятѝ, маѝ збринька, да свѣту,
Пакýль я да тéщи даѣду!
— А я табѣ, Григорка, сьвятѝла,
Якъ тибѐ мамухна радѝла,
Хадѝла па сянёхъ, якъ пава,
Радѝла Григорку, якъ пана.

—

А ни ярка гарѝть лучинка,
А ни жалка плàчить Сахвейка,
Ни ражжàлила никбга,
Ни свайгò тàтухну рòднага!
— Кали захачў, ражжàлю:
Выплиту уплёты зъ русыхъ косъ,
Павѣшыю уплёты ли клѣти.
Пойдить мой татка у клѣтку,
Ёнъ у клѣть идя, заглянить,
А съ клѣти йдя, заплàчить:
„Ета маёй дачýшки уплёты!
А ина жъ ихъ насѝла,
Мой дварбкъ красѝла,
Ўсю маю симéйку висялѝла!“

—

Ни хатѣлася зязюли,
Да ли сбкала сидѣти,
Съ-падъ ягò крылашка глидѣти.
Хуть ни хатѣла—сидѣла,
Съ-падъ яго крылашка глидѣла!
Ни хатѣлася Сахвейки
Да ли Григорки сидѣти,
Съ-падъ яго шàпаньки глидѣти.
Хуть ни хатѣла—сидѣла,
Съ-падъ ягò шàпаньки глидѣла!

—

Пириманачка павачка,
Пириманила павука
На сваё возира купатца!
А ни я жъ яго манила,
Ёнъ самъ прилятѣў купатца,
Сваё дробная перыйка,
Сваё сизая крылійка,
Да сваю павиную галбўку!
Пириманачка Сахвейка, —
Пириманила Григорку
На сваё висельля гуляти!
А ти я жъ ба яго манила,
Ёнъ самъ па минè пріижжаў,
Да на маё висельля гуляти,
Да на мой пярловый вяночикъ,
Да на мой шаўковый платочикъ,
Да на маю русую косыньку.

—

А ў поли на купинки,
Тамъ сядить галўбанька,
Распусьтя сваё крылійка,
Араня сиза перыйка.
Прилятѣў къ галубки сизый го-
[лубъ:
„Падамай, галўбка, сваё кры-
[лійка,
Падбирай, галўбка, сиза перый-
[ка,
Палятёмъ мы съ табой на сиия
[мбря,—
Да и тамъ галубы слитаютца,
Насъ съ табой дажыдаютца!“
А ў тиримѣ за столикамъ,
Тамъ сядить малада Сахвейка,
Распусьтя русу косаньку,
Араня дробны слёзаньки.
Пріѣхаў туды Григорка:
„Падамай, Сахвейка, русу ко-
[саньку,
Утирай дробны слёзаньки, —
Паѣдимъ къ родНаму татку!
Да и тамъ родинка зьижжаитца
Насъ съ табой дажыдаитца!

—

Хадили галубы па гарахбўю,
Ўси галубы и пьють и ядўть,
Тольки адинъ галубокъ
Ни пьеть, ня ѣсьть:
На сизую галўбку заглидаитца:
Ўжэ жъ мая галубка замѣчина,
У ей крылышка атсѣчина.
Сидѣла сватоўя ўкругъ стала.
Ўси сваты и пьють и ядўть,
Тольки адинъ Григоръ
Ня пьеть, ня ѣсьть,
На сваю Сахвейку заглидаитца:
Ўжэ жъ мая Сахвейка замѣчина,—
Руса каса расплётина.

—

Пирабоъ, сватоўя, пирабоъ,
Пираѣхали щирый боръ,
Заѣхали въ винный дворъ,
А винный жа дворъ Гаврилкинъ.
Тамъ вино дишавбя,
Толька адна Сахвейка дарагая:
Касица иѐ стоить сто рублей,
Уплёты иѐ стоють тысячу,
Самой жа маладой цаны нѣтъ!

—

Я жъ табѣ, Сахвейка, ти ни гаварила,
Я жъ твайму сирдечку ти ни наравила:
Ни хади, Сахвейка, на впсокъ тярёмъ,
Ня слухай, Сахвейка, звонкихъ гўсиль!
Тыи тибѐ гўсильки спадманиваютъ,
Атъ татки, атъ мамки атманиваютъ,
Къ чужому къ лихому приманиваютъ.

—

Хадила козанька па лукамъ,
А за ёй услядокъ шэрый воўкъ:
„Хуть хади, ни хади, козанька,—
Быть табѣ, козанька, зъядёный:
А валятца рагамъ па гарамъ,
А дробнымъ касьтямъ па пис-
[камъ,
Буйный галавѣ па травѣ!“
Хадила Сахвейка па дварў,
А за ёй у слядокъ Григорка:
„Хуть хади, ни хади, Сахвейка,—
Быть табѣ, Сахвейка, за мною,
А валятца винкамъ падъ лаўкамъ,
Дарагимъ уплётамъ падъ ġан-
[камъ,
Быть намётки на галоўки!“

—

Якъ крикнуў, гукнуў баравикъ,
А ў бирезьничку сѣдючи,
На бѣлую билянку глядючи:
„Сабирайтися, грибоўя!
Будимъ воинку вуювать,
А бѣлую билянку къ сабѣ брать!

Якъ крикнуў, гукнуў Григорка,
А ў тещи на дварэ стоючи,
На маладую Сахвейку глядючи:
„Сабирайтися, сватоўя!
Будимъ воинку вуювать,
Маладую Сахвейку къ сабѣ брать!

—

Ѣзьдиў Григорка па лукахъ,
А вазиў сокала ў рукавахъ.
Выпусьтиў сакала зъ рукава:
А лятй жъ, мой сакблъ, якъ
[калакблъ,
А ўдарь-жа крыломъ абъ ва-
[кошка,
Скажы Сахвейки добрую вѣсьть:
Што я на варанбмъ кони гарцую,
Зъ маладыми сватьтими танцую!
— А нихай добъ, здарбў гуляить,
Пакуль жа минѐ ни маить!
А кали ёнъ минѐ дабудить,
Тады пра ўсё забудить,
И гарэлки пить ня будить.

—

Предъ надѣломъ молодой.

А ти ёсь у рыбинки,
А ў Сахвейки родинка!
Падхадитя близинька,
Надиляйтя Сахвеичку
Ни рублёмъ-палтиною,
Залатою гриўнаю!
А ёй многа надаби, —
Ўсё масточки мастити,
Къ мамки ў госьти хадити,
А и ўсимъ платити!
Хто пашоў—вярнитися,
Хто заснуў—прашнитися!
А другъ дружку вызваляйтя,
Ўсё Сахвейку надиляйтя!

—

Ахъ, мамухна мая, я ўжо ни твая,
Таго-сяго пана, съ кимъ шлюпъ шлюбавала,
На коўри стаяла, Богу присягала.
А батюшка руки звизаў стулою,
А намъ вѣкъ жыти съ таббю!

—

Якъ будишъ, Машынька, къ винцў ѣхать,
Ни забудь, Марьютка, къ татки заѣхать,
Растапчи ты траваньку чирявичками,

Размачи̂ ты жоўтый писо́къ слёзками,
Падьними̂ ты грабо́ву даскў ручками!
Узьнимитись сильныя маразы̂,
Змаразитя тра̂ўку-мура́ўку!
Узьнимитись сильныя дажджы̂,
Размачитя вы жо́ўтый писо́къ!
„Та̂тухна ро́дьниинькій, ўстань на пара̂ду!“
— Дитя маё, дачўшка—Богъ на параду!

—

Ай о́рамъ, о́рамъ, баро́чкамъ,
Ѣхали сваты рядо́чкамъ.
Ай рана-рана, рядо́чкамъ.
Маладый Хвёдарка напирётъ.
Стайть калина ли варо́тъ.
Стаў ёнъ калинку сѣчь-рубить,
Стала калинка гаварить:
„Ни сячи̂, ни руби калинки сажо́най, —
Маладо́му Хвёдару Ганулля сужо́на!“

—

„Ни ляжы̂, бабрица, на крутомъ бирягў,
Тирябі̂ даро́жку ў щирый боръ!“
— Ужо мая̂ дарожка пратирѐблина,
Усё витьвё у грудъ зло́жана!
„Ни сяди̂, хазяинъ, ў бисѣди,
Суряжа̂й сва̂дипку княгинькину!“
— Ўжо мая̂ сва̂дипка суружо́на:
Я ўжо вариў пива девить варо́ў,
Дисятый варъ гарэ́лки малъ.

—

Го́сьти на дворъ ѣдуть,
Куры патъ печь лѣзуть.
Ни бойтись вы, куры, —
Ни многа васъ на̂да:
Семъ куръ на вячѐрю,
А васьма̂я на пячѐню,
Дивятая на сьнида̂ньня,
Дисятая на 'тъижджа̂ньня,
Гуска на закуску,
Индичка на прикуску!

(Каждая строка поется по 2 раза).

—

А ў панидѣлакъ рана
Плакала маладая Сахвѐйка:
Ва̂да мая̂ далёкая,
Го́ры мнѣ висо́кіи!
А ва ўто́рыкъ рана
Сьміялася Сахвѐйка:
Ва̂да мая̂ близкая,
Горы мнѣ низкіи!

—

А съ атро́ду ў свата ни бала,
Зъ мёдомъ гарэ́лку ни пила!
Сяду на куть надмўся,
Зъ мёдамъ гарэлки напьюся!

—

А на кимъ хустанька
Загарѣлася?
— Пусь гарить,
Ёсь каму тушыть,
Ёсь у ёй маладый мужъ,
Памакнеть хустаньку
Ў зилянд вино!

—

А литали галубки
Кала низу ў лозыньки.
А сизыи галубки
Ня'батритя лисьтійка,
Ня'блумайтя сучьчійка:
Ў минѐ лисьтійка лѣтьнія,
Ў минѐ сучьчійка зимнія.
А сидѣли падружки
Кала красный Сахвейки.
Памаленьку, падружки,—
Ня'батритя сѐрибра,
Ня'блумайтя золата:
Ў минѐ сѐрибра таткина,
Ў минѐ злата мамкина!

—

„А вы, жоначки—лябёдачки,
Чаломъ вамъ!
Ти ни залитѣла наша курачка
Ўчира къ вамъ?
Наша курачка златапёрачка
И съ хахломъ!"
— А вы, жоначки, вы лябёдачки,
Чаломъ вамъ!
Ти ни заѣхала наша дѣвачка,
Ўчира къ вамъ?
Наша дѣвачка чарнабровая
И зъ вянкомъ!

—

А сватъ свата просить,
На рукахъ шапку носить:
„А сватя, мой сватя,
Пубувай въ маёй хати!
Пубувай въ маёй хати,
Пупивай майго пива,
Пувидай майго дива.
А ўкругъ хаты мята,
А ў хати багата,
А ўкругъ хаты рожа,
А ў хати пригожа.

Бабиничская вол. Запис. мѣстный крест. Кондратьевъ.

Лепельскій уѣздъ.

Когда крестьянскому парню минетъ двадцат одинъ годъ и онъ отбудетъ воинскую повинность, родители его стараются выбрать ему разумную и зажиточную невѣсту, и засылаютъ къ родителямъ дѣвушки сватовъ. Родители дѣвушки назначаютъ день, въ который долженъ пріѣхать женихъ съ сватами для окончательнаго отвѣта, выдадутъ ли дочку за него, или откажутъ. Въ назначенный день сваты ѣдутъ съ женихомъ къ невѣстѣ. Здѣсь одинъ изъ сватовъ ставитъ на столъ привезенную водку, а родители невѣсты закуску, въ которой главную роль играетъ „яешня". Женихъ въ разговорахъ старается показать себя не глупымъ. Если родители дадутъ свое согласіе, то назначается день „заручинъ". На заручинахъ женихъ выбираетъ для себя нѣсколько шаферовъ „дружковъ", а невѣста подневѣстницъ, „боярокъ", „подружекъ", также шаферовъ „вечерниковъ" и сватей. Въ это же время назначается и день вѣнчанія, которое совершается у крестьянъ по большей части въ воскресенье. Иногда свадьба отлагается на большое время для полной „справки" въ хозяйствѣ.

При заручені невѣста плачетъ; боярки-же поютъ:

У насъ сягодьня заручинки —
Богъ намъ даў! (2 раза)
Марьянка наша заручàитца —
Богъ намъ даў! (2 р.)
Яè татулька утишàитца —
Богъ намъ даў! (2 р.)
Яè мамулька умиляитца —
Богъ намъ даў! (2 р.).

Заручины гуляютъ весь день. Въ день, назначенный для вѣнчанія, домъ невѣсты еще съ разсвѣта наполняется гостями. „Боярки" убираютъ невѣсту въ лучшую одежду; „вечерники" прикрѣпляютъ ей на голову вѣнокъ изъ разноцвѣтныхъ бумажныхъ цвѣтовъ, заплетаютъ косы и поверхъ головы набрасываютъ кисейную накидку. При одѣваніи, боярки поютъ:

На мóры вутка купалася,
Перъю сваймў шэраму дивавàлася:
„Перъя маё, пéръйка, ты шэрынькая:
Ти бўдишъ ты шэра на вóзиры,
Якъ тяпéръ шэрынька на сйнимъ моры?"
Марьянка ў камóры вымавàлася,
Лицу сваймў бѣламу дивавàлася:
„Лицо маё бѣлая, ты бѣлинькая:
Ти будишъ такъ бѣлинька у свёкарки,
Якъ тяпéръ бѣлинька у тáтыньки?

Уборъ жениха составляетъ обыкновенная новая крестьянская одежда, въ отличіе же отъ своихъ сотоварищей онъ прикрѣпляетъ къ груди или къ шапкѣ бѣлый цвѣтокъ. Каждый сватъ навязываетъ себѣ чрезъ плечо бѣлый „утираньникъ". Когда женихъ съ невѣстой и гости ѣдутъ въ церковь, боярки и сватьи поютъ:

Марьянка къ вянцў ѣдитъ,
Доличка-жъ яè у варóтикахъ стайтъ.
„Доля, мая доля! кали шъ ты добрая,
Кали шъ ты добрая, хади шъ ты са мной,
Кали шъ ты худая, (2 р.) плыви шъ ты вадóй,
Плыви шъ ты вадóй атъ мянé маладóй!"

Послѣ вѣнчанія молодые ѣдутъ изъ церкви въ домъ родителей невѣсты. По пути музыканты играютъ, а подружки съ сватьями поютъ:

А хвала шъ табѣ, Божа,
Што намъ удалося;
Што намъ удалося,
Пйва мёдамъ узялóся,
А гарэлачка сытйцаю,
А Марьянка маладйцаю.

Дома первый въ избу входитъ дружко; находящіяся въ избѣ дѣвушки поютъ ему:

Дружко ў хату лѣзитъ,
А ў печь паглидáитъ:
Ти вяликъ гаршóкъ кашы,
Ти подъядўтъ нашы?

Когда молодые входятъ въ избу, мать невѣсты встрѣчаетъ ихъ съ хлѣбомъ и солью; они кланяются ей до земли; она же благословляетъ ихъ; потомъ они подходятъ къ каждому находящемуся въ избѣ и всѣмъ кланяются. Послѣ этого всѣ садятся за столъ, молодые въ переднемъ углу передъ образами—„божницей". На столъ ставятъ всѣ заготовленныя кушанья. Музыканты играютъ свадебныя пѣсни. Прежде всѣхъ молодые, поцѣловавшись, пьютъ за здоровье другъ друга. Потомъ пьютъ всѣ по порядку съ различными тостами, какъ-то: „за здоровье молодого!" „за молодую!" и проч.

Послѣ этого начинается обыкновенное крестьянское гулянье. Въ срединѣ оно прерывается появленіемъ старухи-сватьи съ глиняной мисой въ рукахъ. Сватья обходитъ всѣхъ гостей, прося одарить молодую деньгами; подружки-же тогда поютъ:

Дитюки, малбйчики,
Кладитя чирвоньчики!
Мущинки маладыя,
Кладитя залатыя!
Дѣвачки, панéначки,
Кладитя капѣпчки!
Жонушки, лябёдушки,
Кладитя намётачки!

Когда старуха подходитъ съ миской къ отцу молодой, послѣдняя, заливаясь слезами, поётъ:

Татýлька мой рбдниинькій,
Дари мянè!
Отецъ: Дитятка рбдная!
Чимъ тябè дарить?
Она: Татулька мой рбдный,—
Хлѣбамъ и сбльлю;
И хлѣбамъ, и сбльлю,
Добрымъ здарбўямъ!

То же повторяется и передъ матерью. Подъ конецъ гулянья дружки дарятъ молодую, боярокъ и вечерниковъ деньгами или какими нибудь вещами; тѣ-же въ это время поютъ:

Ня гнися, дружко, ня гнися,
Клади чирвонцы на миси!

Послѣ надѣленія подарками дружки набрасываютъ на молодую „кожухъ", припѣвая:

Сьтирагайтися, рабяты,—
Лятить кажýхъ съ-падъ грады!
А мы думали—авéчій,—
Лятить кажухъ съ-падъ пéчи!
А мы думали—сабольлій,—
Лятить кажухъ съ-падпбльля!

Потомъ боярки и молодая выходятъ изъ избы въ сѣни. Мать молодой одѣваетъ вывороченный кожухъ и выходитъ на дворъ. Молодой-же подъѣзжаетъ къ крыльцу и потомъ ловитъ тещу; когда поймаетъ ее, то она бросаетъ въ сторону зятя горсть овса; послѣ этого молодой цѣлуется съ молодою и идутъ въ избу; за ними слѣдуютъ всѣ гости. Сватья-же встрѣчаетъ на порогѣ сватовъ и поетъ:

Патиху, сваты, идитя,
Харбмаў ни ламитя!
Харбмы ня ярмы:
Столики тисбвыя,
Абрусы билёвыя,
Кýбачки залатыя!

Всѣ вновь садятся за столъ и вновь принимаются за гулянье; сватья-же поетъ:

Сýньтися, госьти, съ кýта,
Я сама сяду тýта,
Зъ дудою, зъ залатóю,
Зъ дружынай маладóю!

Выйдя изъ-за стола, молодой съ молодухой и гости становятся попарно и начинають танцевать, а сватьи танцують на пустомъ столѣ, бьютъ въ ладоши и поютъ:

Дипкýю свату, сватьти
За тонку намётку,
За нявѣсту лябёдку,
Што рана ўставала,
Што тóнинька прàла,
Што гýсьтинька ткàла,
Бѣлинька бялѝла,
Ўсихъ сватбў надялѝла
И мянѐ сватьку ни забыла.

Послѣ танцевъ сватья становитъ сватовъ въ рядъ и поетъ:

Станьтя, станьтя, маѐ сватóчки,
Уси ў рàдъ!
Пакóтитца па нóжычкамъ
Винаградъ!
Я думала—винаградинка
Кóтитца,
Ажну жъ мая братóвачка
Клóнитца;
Я думала—садавая
Макóўка,
Ажну маёй братóвачки
Галóўка!

Потомъ новобрачные, распрощавшись съ родителями молодой, садятся съ гостями въ готовыя повозки или сани и ѣдутъ въ домъ родителей молодого. Здѣсь идетъ гулянье до поздней ночи.

На второй день въ домъ новобрачныхъ приданки везутъ приданое молодой. Когда приданки подъѣзжаютъ къ крыльцу, подружки молодой поютъ:

А выйди, Марьянка, на ǵанакъ,
Пагляди сваихъ придáнакъ:
Ти зязюлячки кукýють,
Ти салавéйки щабéчуть?
Ни зязюлячки кукують,
Ни салавейки щабéчуть,—
Гэта маѐ дядюшки гóйкують,
Гэта маѐ тётушки пѣсьни пяють,
На маёй скрынцы сѣдючи,
На маю старóнку глѣдючи.

Когда приданки отъѣзжаютъ, молодая „голоситъ", приговаривая:

А прыдáначки, сястрыцы,
А вазьмитя мянѐ съ сабóй,
А завитя мянѐ слугой!
А гдѣ вы бýдитя начавàть,
Тамъ я вамъ буду слугавàть,
Пóўныя кýбачки наливàть!

На третій день между новобрачными начинается обыкновенная крестьянская жизнь.

Несинская вол. Зап. г. Соколовскій.

Хто па стáинцы стучить, гручить ранинька?
Маладый Микóлка коника вýчить раниньҡа:
Кабъ высóка галóўку нёсъ,
Кабъ патихóньку дѣвачку вёзъ.

—

Сядит голубъ на пираплёти, бобъ клюётъ.
А для яго галубка ягò пшаничку.
„Ты клюй, да клюй, мая галубка, для мянè,
Пригарнéтца тваё пéрынька да мянé!
Сядить Миначка за стóликамъ, мядóкъ пъётъ;
А для ягò Маръичка ягò сытицу.
„Ай пи, дакъ пй, мая милая, для мянé,
Прихинéтца маё сэрданько да тябé!

Усайск. вол.

—

Дриссенскій уѣздъ.

Парень соглашается съ дѣвушкой раньше; дѣвушка назначаетъ день, въ который слѣдуетъ присылать къ ней сватовъ. Сваты пріѣзжаютъ къ родителямъ дѣвушки, расхваливаютъ жениха и семью, изъ которой онъ происходитъ, а также и хозяйство его родителей. Родители невѣсты однако же не даютъ рѣшительнаго отвѣта, а обѣщаютъ лично побывать у жениха. Сваты уѣзжаютъ. Чрезъ нѣсколько дней отецъ невѣсты, съ ближайшимъ родственникомъ, ѣдетъ къ отцу жениха, осматриваетъ домъ, хозяйство. Если онъ находитъ возможнымъ выдать свою дочь въ эту семью, то послѣ осмотра садится за столъ и принимаетъ угощеніе отъ хозяевъ, послѣ чего уѣзжаетъ домой. На слѣдующій день сваты и женихъ пріѣзжаютъ опять къ родителямъ невѣсты за полученіемъ согласія; родители невѣсты встрѣчаютъ сватовъ, усаживаютъ за столъ и даютъ свое согласіе. Послѣ этого невѣста даетъ жениху платокъ и обмѣниваются другъ съ другомъ кольцами, а женихъ даетъ ей за платокъ деньги, по возможности. Послѣ обмѣна кольцами встаютъ и молятся Богу. Тогда хозяйка дома ставитъ на столъ яичницу, а хозяинъ вино, и угощаютъ сватовъ. Во время угощенія назначается день свадьбы. Въ послѣдній четвергъ передъ днемъ свадьбы отъ жениха и невѣсты посылается посолъ просить родныхъ на свадьбу.

Поздно вечеромъ наканунѣ свадьбы пріѣзжаетъ женихъ съ сестрой, съ сватомъ, сватьей и подмолодянами, т. е. шаферами. Собираются званые гости, вечеръ проводится въ танцахъ. Употребительные изъ музыкальныхъ инструментовъ скрипка и флейта.

Въ этотъ день, предъ отъѣздомъ въ домъ невѣсты, женихъ садится за столъ въ переднемъ углу, на столѣ лежитъ икона и хлѣбъ-соль. Присутствующіе поютъ пѣсню отъ имени матери, которая въ это время плачетъ:

Ѣдь, паѣдь, сынóчакъ, жанитца,
Да ни стаў коника падъ рабинай!
А рабина дираўцó нищасьлывая:
Зьвирхà рабину пташки клюютъ,

А пасиродъ рабину черви точуть,
Съ камля у рабины кроў тячеть.
Ѣдь, паѣдь, сыночакъ, жанитца,
Да пастаў каня падъ явбрай!
А явора дираўцо щасьливѣй таго:
Зьвирха у яворы пташки пяють,
А пасяродъ у яворы пчолки зьвинять,
А съ камля у яворы мидокъ тичеть!

И другую:

Сидить зайка падъ елачкай и вочки тиребить;
А Ясь ѣдить да тёщухны и на зайку цэлить.
„За што, за што, Ясинька, ты мине бъешъ:
Ти я тваю сьтежку-даробжку пирабѣгъ,
Ти я тваехъ варбныхъ коній распудиў,
Ти я тваю нивѣстаньку атгудиў?
Пирабѣгли табѣ дарожку шэрыи ваўки,
Распудили вараныхъ коній галупцы,
Атгужывали красну дѣучку малайцы:
Табѣ гудили, сабѣ хатѣли узять!

Послѣ пѣнія вышеприведенной пѣсни, отецъ благословляетъ сына иконой, мать хлѣбомъ-солью, и оба надѣляютъ деньгами.

Передъ выѣздомъ опять поютъ; женихъ плачетъ:

Съ-падъ лѣсу слбнинька граить,
Тамъ Ясь коника сидлаить,
Ни такъ ёнъ сидлаить, якъ горка плачить.
Тамъ яго матухна пытаить:
„Чаго, сыночикъ, ты плачишъ,
Ти ты жанитца ня хочишъ?“
— А матухна родыинька, якъ мнѣ ни плакать?
Бяру красну дѣўку ни сабѣ раўнѣньку:
Шатами шасьнить—я улякнуся,
Ключами бразнить—я ўжо баюся!
„Ни плачъ, сыночикъ, ни плачъ, Ясинька:
У насъ пабудить, на усё забудить:
Мы тыя шатики харашо злбжымъ,
Мы тыя ключики тѣсьнинька зьвяжымъ“.

Послѣ этого женихъ уѣзжаетъ къ невѣстѣ.

Гости въ ожиданіи жениха поютъ пѣсню невѣстѣ:

Балить мая галбванька семъ нидѣль,
Ня видила свайго милинькага адинъ день!
Якъ я гляну празъ шкляна вакбнца,
Виджу свайго милинькага, якъ слонца:
Конь варанѣнькій, самъ маладѣнькій,—то ёнъ мой!
И чорны боботы, и вѣрны слбўцы—я яго!

Когда услышатъ звонъ колокольчиковъ и топотъ лошадей, то поютъ:

Зялёная рýтина—жоўтый цвѣтъ;
Чаго тибѐ, Ясинька, дóўга нѣтъ?
Ти я-жъ табѣ квѣтухны ни зьвилà,
Ти я-жъ табѣ хустыньки ни дала?
Зьвила табѣ квѣтухну—семъ цвятóў,
Аддалà табѣ хýстыньку—семъ шалкóў.

Когда женихъ пріѣзжаетъ во дворъ, его свита поетъ:

„Лéть, палéть, ясинъ сакóлъ, на мóра,
Заспѣй, заспѣй сваю чúрачку ў гнязьдéчку!“
— Хуть заспѣю, хуть ни заспѣю—палячỳ,
Я сваю чúрачку на палёти разыщу!
Ѣдь, паѣдь, Ясинька, къ тёщухны,
Заспѣй, заспѣй сваю нивѣстухну ў камóры!
Хуть я заспѣю, ни заспѣю—паѣду,
Я-шъ иѐ па пахóдахъ узнáю:
У иѐ пахóды тихýсиньки, у иѐ уклоны низюсиньки...

Когда женихова свита окончитъ эту пѣсню, то на крыльцо выходитъ сватъ невѣсты и проситъ гостей въ домъ, обращаясь къ свату жениха съ пѣсней:

Сватъ свата прóситъ,
У рукахъ шапку нóситъ:
Эй, сватку мой, сватку,
Хади ў нову хатку!
Майгò пива папивáйтя,
Майго дива павидáйтя!
Маё пива пьянюсинька,
Маё дива диўнюсинька.

Всѣ входятъ въ домъ, гдѣ уже приготовлены столы для ужина.

Въ день свадьбы невѣсту пробуждаютъ слѣдующей пѣсней:

Умывайся, мóлада,
Прыбирайся, мóлада,
Выправляйся, мóлада:
Тамъ тибѐ даўнò ждали,
И паднóжки засьтилали!
Тамъ табѣ рýчаньки зьвяжутъ,
Тамъ табѣ прáўду скажутъ.

Невѣста отвѣчаетъ:

Баярачки, спадмáначки вы маѐ:
Спадманýли учора зь вячóра вы мяне!
Казали: пóйдимъ у зялёный садъ вянки вить!
Сабѣ зьвили изъ руты, изъ мяты, изъ лилéи,
А мнѣ зьвили съ калýчага ялыцу.
Ялыницъ кóлитъ, галóўку клóнитъ, Божа-жъ мой!
Дѣ пахинýся, тамъ укланюся, Божа-жъ мой!

Когда невѣста плачетъ, сидя за столомъ, боярки поютъ:

Да кукувáла шэ́ра зязюля ў садочку,
Прылажыўшы дробну галóўку къ листочку!
Да плакала млода Настулька ў святлицы,
Прылажыўшы бѣлы ручки къ стальницы.

—

А ў гарбди на пиралёти зязюля кукувала,
А Настулькина то мамка, а Настулькина рбдна зязюлю
[выклинàла:
„Багдáй зязюля, багдай шэрая астáтьній годъ кукувала!
Атщибитáла, аткукувáла работьницу атъ минè!"
А ў гарбди на пиралёти зязюля кукувала,
А Яськава мамка, а Яськава родна зязюлю привитáла:
„Багдай зязюля, багдай шэрая усякій годъ кукувала!
Прищибитала, прикукувала работьницу ка мнѣ!"

—

Сидить Настулька на пасаджéньни, Божа-жъ мой!
И прбсить матульку на багаславéньня, Ббжа-жъ мой!
„Багаслави мянè, матулька, да винцà,
А атъ винца багаслави мяне, матулька, да жытьтя!

Отъ невѣсты боярки поютъ къ матери, за мать отвѣчаетъ сватья. Мать и дочь плачутъ.

„Ай, жаль мáю, матýлька, на тябè,
Што ни знасила тонкай кашýльки у тябè!
— Знасила, мая дитятка, знасила,
Да за гульнёй, за красой, забыла!
„Ай, жаль мáю, матулька, на тябе,
Што аддаéшъ далёка замужъ атъ сябè!"
— А ни далёка, мая дитятка, ни далёка!
„А ти ня можна-жъ, мая матулька, атказáть?"
Ня мбжна, дитятка, ня можна:
Ня 'дну суботку сьтёрли работку за таббй,
Ня 'дну нядѣльку пили гарэлку за тябè!

—

Злитѣли да два àнялы зь неба,
Сѣли, пали на Антонава вакбнца,
А зъ ваконца на Настулькину галоўку,
Спытали, спрасили ў краснай дѣвачки:
„Ти багаславила тябé матýлька, малада?"
— Тагды мяне рбдна матулька багаславила,
Якъ инà мяне малюсиньку спарадила,
А спарадиўшы, съ сырой зямéльки узьнилà,
А узьняўшы, у тонки пялюшки спавила,
А спавиўшы кумáмъ на ручки падала,
А падáўшы Госпада Бога прасила:
„Багаслави, Божа, ету дитятю да хрбсту,
А съ хросту багаслави, Божа, да рбсту,
Атъ росту багаслави, Божа, да винцà,
А атъ винца багаслави, Божа, да жытьтя!"

Невѣста во время пѣнія сидитъ за столомъ; предъ ней лежитъ икона и хлѣбъ-соль. Если невѣста сирота, то поются слѣдующія пѣсни:

„Устань, устань, ни сяди,
А па сваёй бисѣди пахади,
И на сваю бясѣду пагляди:
Ти ўся твая дружына сабрана,
Ти ўся твая радьня сазвана?“
— Я й чую, я й чую, я й знаю:
Уся жъ мая дружына сабрана,
Уся жъ мая радьня сазвана,—
Тольки нѣтъ маёй роднай ма-
[тульки:
Я ўсю сваю бясѣду пирайшла,
И нидѣ сваёй матульки ни знашла!
Мая ўся галоўка у квѣти,—
Нѣтъ маёй матульки на сьвѣти!
Мая ўся галоўка ў вянòчку,—
Нѣтъ маёй матульки у радочку.
Мая матулька тримя замками
[замкнина:
Адинъ замбчикъ —жоўтый пясо-
[чикъ—
Ай, Божа жъ мой!
Другій замбчикъ—сыра зямлйца—
Ай, Божа жъ мой!
Трэтьтій замочикъ — дубовы
[дошки—
Ай, Божа жъ мой!

—

Сиратинушка па садочку хадила,
Цирізъ магильникъ чорну сьтёжку убила,
Тамъ ина сваю матухну будила:
„Устань, устань, мая матухна, ни ляжы,
Хуть ты мнѣ ету тёмну ночку памажы,
Ня вѣкъ жа жъ будишъ, мая матухна, викавать,
Тольки ету адну тёмну ночку памагать!“
— Зъ Богамъ, дитятка, зъ Богамъ дарагая, съ усими
[сьвятыми!
Рада бъ я ўстати, сваяму дити багаславеньня дати, —
Жаўты пясочки засыпали мнѣ вочки,—ни магу праглянути;
Чорна смага на губу спала,—ни магу прагаварити;
Зилѣзны тьвочки зьбили мнѣ плечки,—ни магу пакранути;
Дубовы дошки сьтиснули ножки,—ни магу павярнути!

—

Пашла малада къ Госпаду Богу на раду.
Стаить гадинку, стаить другую за дьвярми.
Атчиняютца тяжанька дьверцы па зямли.
„Чаго жъ, дитятка, чаго, дарагая, тутъ стаишъ?“
— Ай, Божа, Божа! пришла на вясельля я прасить!
„Буду, дитятка, буду, дарагая, я ў тибе!
Я самъ сяду старшымъ сватамъ на кутѣ;
Анялы мае баярами у тибе.
Анялы будуть злотамъ-срэбрамъ даравать,
А я жъ буду долій-щасьтямъ надилять.

Во время пѣнія этихъ пѣсенъ невѣста-сирота плачетъ.

Если выходитъ замужъ вдова, то поется только слѣдующая пѣсня:

Хади́ла удо́вачка па садо́чку, хади́ла,
Ина сваѐ бѣлаи ру́чаньки лами́ла,
Ина свае дробныя слёзки рани́ла,
Ина сваёхъ малыхъ дѣтакъ вади́ла:
Вы, дѣтачки, вы дробныя, вы мае́!
Ня у́ладитя да столику падыйсьти́,
Ня у́ладитя жъ да и ложачку паднясьти́,
Ня у́ла́дитя жъ рэ́звыхъ нӧжачикъ разу́ть.

По окончаніи пѣнія невѣста встаетъ изъ-за стола. Жениховъ сватъ хочетъ занять кутъ, но невѣстинъ сватъ не уступаетъ; начинается выкупъ кута:

Жениховъ сватъ говоритъ:

„Сватъ, сватъ! ти ты тутъ?"

Невѣстинъ отвѣчаетъ:

— Тутъ!

„Уступи мнѣ кутъ!"

— Ни у́ступлю! Чимъ заплӧтишъ?

„У минѐ ёсьть карфи́нъ рабӧй; будимъ пить гарэ́лку съ табой!

Распиваютъ бутылку водки; тогда невѣстинъ сватъ уступаетъ кутъ.

На кутѣ садится женихъ со сватомъ и сватьей, а противъ нихъ невѣста съ своей дружиной. Сватья невѣсты застилаетъ блюдо платкомъ и ставитъ его предъ жениховой сватьей, которая кладетъ на блюдо вѣнокъ и ставитъ его передъ невѣстой; сватъ невѣсты отдаетъ вѣнокъ старшей бояркѣ, которая надѣваетъ вѣнокъ на голову невѣстѣ и расплетаетъ косу, а въ это время поютъ жениху:

На мори, на сининькимъ ӧзяри,
Да тамъ жа жъ Ясь бѣлыхъ лябёдакъ стриля́итъ.
Ни такъ ёнъ бѣлыхъ лябёдакъ стриля́итъ,
Якъ на иѐ ясны вочки ськида́итъ: „у кагӧ, кагӧ ина удалася?"
— Удала̀сь у рӧдную сяестри́цу, увила̀сь у русую каси́цу!

Послѣ этой пѣсни женихъ уходитъ изъ хаты, а невѣста прощается съ родными и знакомыми потомъ кланяется родителямъ и получаетъ благословеніе, при этомъ она плачетъ и приговариваетъ:

Карми́лицъ татухна, ради́ма матухна,
Багаслави́тя минѐ да царкви́ ѣхать,
Законъ принять, дружка узять.

Женихъ и невѣста ѣдутъ въ церковь раздѣльно, каждый со своей свитой.

Когда свадьба возвращается послѣ вѣнца, то въ лежащихъ на пути деревняхъ затворяютъ ворота и ожидаютъ выкупа. Получивъ выкупъ, пропускаютъ свадьбу, а также стрѣляютъ изъ ружей.

Молодые прiѣзжаютъ къ родителямъ невѣсты. Ихъ встрѣчаютъ родители на порогѣ дома съ хлѣбомъ-солью, бросаютъ подъ ноги шубу, осыпаютъ хмѣлемъ и овсомъ и вводятъ въ хату. Здѣсь садятъ за столъ всю свадьбу и угощаютъ обѣдомъ

Послѣ обѣда водятъ хороводы и танцуютъ.

На слѣдующее утро, а если домъ жениха близко, то и въ тотъ-же вечеръ, отправляютъ молодыхъ къ родителямъ жениха; гостей со стороны невѣсты ѣдетъ столько же, сколько было отъ жениха; выбираютъ самыхъ почетныхъ. Всѣ, которые уѣзжаютъ съ молодыми, садятся за столъ, и начинается выкупъ невѣсты и ея косы.

Жениховъ сватъ у боярокъ выкупаетъ невѣсту:

Вамъ, баярачки, гной капать, гной капать!

Боярки отвѣчаютъ:

Дай жа жъ намъ вилачки, вилачки,
Злотыя шпилички, шпилички,
Тагды найдёмъ гной капать, гной капать!“
— А дамъ жа жъ вамъ вилачки, злотыя шпилички,
Нихай за мной маладà нивѣста!

И даетъ деньги.

Боярки соглашаются, получаютъ отъ свата деньги на шпильки и уступаютъ невѣсту.

Подмолодяные выкупаютъ косу у надкосниковъ невѣсты. Надкосникъ кладетъ на блюдо рубль, ставитъ на голову невѣсты и начинаетъ торговаться, прося набавить цѣну. Долго такъ торгуются; подмолодяные набавляютъ цѣну и выкупаютъ косу невѣсты. Потомъ такимъ-же порядкомъ выкупаютъ косу у надкосниковъ и боярокъ невѣсты.

Послѣ этого всѣ встаютъ изъ-за стола; остается только невѣста, которую надѣляютъ всѣ присутствующiе въ слѣдующемъ порядкѣ:

Отецъ и мать благословляютъ хлѣбомъ-солью и даютъ „пасагъ“, т. е. приданое. Женихъ переодѣвается и тоже даритъ молодую, стараясь, чтобы она его не узнала; потомъ дарятъ родные жениха; невѣстины же родные и сосѣди пока не подходятъ дарить.

Въ это время поютъ съ жениховой стороны:

Казали, што у яѐ радьнѝ мнбга,
А якъ стали даравàть—нѣтъ никбга.
А дѣ-жъ тая радьнѝ падивàлась?
Па тёмнымъ куточкамъ захавàлась!

Со стороны невѣсты отвѣчаютъ:

Тётачки, дядички, приступитись,
На минѐ младу ни забывайтись!
Тётачки, дядички, хуть пу пятаццы,
Ближнiи сусѣди хуть пу рублëчку,
А малыи рибятки хуть пу капѣйццы!

Въ это время смѣлѣйшая изъ сосѣдей беретъ палку и, ходя около стѣнъ, стучитъ, приговаривая:

„Ни я прашу́, малада́ про́сить!“

Подходятъ родные невѣсты и сосѣди и дарятъ её деньгами.

Татка, то есть, одинъ изъ старшихъ гостей, выѣзжаетъ раньше молодыхъ и сопровождаетъ сундукъ и перину невѣсты. Татка въ перину кладетъ бутылку вина и баранки. Когда онъ собирается уѣзжать, то его не выпускаютъ, и просятъ выкупа за перину; отецъ невѣсты запираетъ ворота. Татка подходитъ къ нему: угощаетъ водкой, а всю родню невѣсты угощаетъ баранками. Тогда его пропускаютъ.

Черезъ нѣкоторое время и вся свадьба уѣзжаетъ къ родителямъ жениха.

Въ домѣ у родителей жениха къ пріѣзду молодыхъ приготовляются столы для ужина. Когда услышатъ топотъ лошадей и звонъ колокольчиковъ, то поютъ слѣдующую пѣсню:

Чуватъ сваты, чуватъ,
Да за гарбй ни видать,
Раву́тъ кони, раву́тъ,
Багатырачку вязутъ:
Съ скрынями, съ пяринами,
Съ пуховыми падушками.

Когда пріѣзжаетъ свадьба во дворъ, пріѣзжіе поютъ:

Чіѐ то, чіѐ то прида́ныя блудили,
У чистамъ поли дарбжку згубили?

Встрѣчающіе отвѣчаютъ:

Сюды, сюды, прида́ныя, да сила̀,
А тутъ жа жъ ваша галу́бачка литѣла,
За нашага галу́бчика хатѣла.

Старшая сватья невѣсты поетъ:

Ти тутъ, ти тутъ нашага свата висе́льля?
Ти тутъ, ти тутъ нашай сястрицы жиле́ньня?

Сватья женихова отвѣчаетъ пѣніемъ:

Ай тутъ, ай тутъ вашага свата висельля,
Ай тутъ, ай тутъ вашай сястрицы жиленьня!

Подходитъ къ невѣстѣ, у которой лицо покрыто платкомъ, и приговариваетъ:

„Да пазвольтя жъ атвиртѣть и княгини паглидѣть!“

Развязываетъ платокъ и открываетъ лицо у невѣсты, потомъ поетъ:

Привязьлй патво́ръ на дворъ;
А хто жъ яго патвара́тъ бу́дить?

Невѣстина сватья отвѣчаетъ:

Мы свёкарку ни кланіимся,
А свякро́уки патбмъ-таго̀.

Выходитъ свекровь на дворъ съ хлѣбомъ-солью, постилаетъ подъ ноги молодой бѣлый холстъ, по которому она съ мужемъ идетъ къ свекрови. Подойдя къ ней, она кладетъ у ногъ свекрови комъ овечьей шерсти и какой-нибудь подарокъ; потомъ собираетъ холстъ и отдаетъ свекрови.

Свекровь ведетъ молодыхъ въ хату.

Невѣста опять даритъ что-нибудь свекрови, свекру, сестрамъ и братьямъ жениха. Молодые и вся „поѣзда" садятся за столъ ужинать.

На слѣдующее утро сватъ невѣсты крадетъ курицу. Сватъ жениховъ торгуетъ курицу, но сватья невѣсты перебиваетъ и курица остается за ней.

Гости садятся завтракать.

Сватья невѣсты въ это время жаритъ курицу, а изжаривши садится со своимъ сватомъ и молча ѣдятъ ее вдвоемъ. Всѣ подходятъ къ нимъ и просятъ курицы, но они никому не даютъ. Остатки покупаетъ жениховъ сватъ.

За завтракомъ поютъ пѣсни:

Госьтики любо́выи вы нашы! Частýйтися, трахтýйтися вы у насъ:
Ёсьть жа жъ у насъ бочка пива да й гли васъ!
Выпьитя жъ вы тую, найдимъ и другую,—ўсё гли васъ!
Кали ня будить,—варо́ный коникъ дабýдить,—ўсё гли васъ!
А кали ма́ла станить, нашъ татýлька дастáнить, ўсё й гли васъ!

—

Па загорью сини краски цьвитуть,
Па застóльлю любы госьти сидять.
Пацьвитѣўшы, сини краски павя́ли,
Пасидѣўшы, любы госьти паўстáли!

Невѣстѣ поютъ:

Што на мори за шумъ шумить?
Што на мори за грумъ груми́ть?
Млада Анютка кубки мыла
И злотый пирсьтёнакъ зрани́ла.
И крыкнула ратýначки
Ажъ да свайгó татýлички:
„Татулька мой родьнинькій!
Ратýй мине зъ мора,
Зъ вяликага гóра!"
— Богъ тибе ратуить,
Да дóбрыя люди, а ни я!

Когда приданыхъ невѣсты собираются отправлять домой, то сватъ жениховъ беретъ кнутъ и выгоняетъ ихъ изъ-за стола, приговаривая:

Придáныя ниўдáлыя!
Скольки у насъ баливáли,
И лáвачки ни паламáли!

Приданыя отвѣчаютъ пѣніемъ:

Ахъ, приданыя удалыя, удалыя!
Три дьни баливáли,
Уси лаўки пазламáли!

И въ это время ломаютъ одну изъ лавокъ. Имъ поютъ:

Ѣдьтя, госьтики, дамбў,
Ня гудьтя нашыхъ дамкбў!
Кали нашы дамы̆ нагўдитя,
Дыкъ сами паблўдитя,
Па имхамъ, па балотамъ,
Па дубовымъ калóдамъ!

Приданыя отвѣчаютъ:

Лѣпшы нашы хлявбчки,
Нячи́мъ вашы дамбчки,
Лѣпшы нашы павѣтачки,
Нячимъ вашы клѣтачки.

Поютъ также:

А хуть жа жъ вы яѐ таўчи̂, малóть пашли́тя,
Тольки ёй щиру праўду скажы́тя,
А хуть жа жъ вы яе за вадой пашли́тя,
Тольки разамъ абѣдать пажджи́тя.

Всѣ гости сидятъ за столомъ, а сватъ невѣсты дѣлитъ каравай, который привезла невѣста изъ дома. Во время дѣлежа поютъ:

Старшый сватъ, старшый сватъ,
Каравай дѣлить:
Тò ў кишэ́нь, тò ў кишэ́нь,
То за пазуху!

Гости пробуютъ каравая, и потомъ поютъ:

А дѣ-жъ тая каравайничка,
Што харбшыя караваи пичéть:
Вбкала сыръ да масла,
А ў сирéдини доля да щáсьтя!

Невѣста встаетъ и кланяется гостямъ.

Разливаютъ гостямъ вино и пиво, которое они выпиваютъ и заѣдаютъ караваемъ. Сватъ жениховъ и сватья невѣсты приглашаютъ гостей напивать молодымъ хозяйство. Сватъ наливаетъ въ рюмку вина и подаетъ по очереди гостямъ. Каждый пьетъ и говоритъ:

„Напиваю вамъ авéчку! Пріижжайтя и выбирайтя!"

Такъ „напиваютъ" домашнихъ четвероногихъ и птицъ. Если же кто хозяйства не имѣетъ или ничего изъ хозяйства отдѣлить на долю молодыхъ не можетъ, то, кладя деньги, приговариваетъ:

„Я васъ у госьти ни прашў, пару галубцбў напиваю и сама пристаўляю!"

Послѣ перепоя невѣста прощается съ своими придаными, которыя сопровождали ее, и плачетъ. А въ это время поютъ:

Бра́титки на коникахъ
Зблатамъ увиваютца,
А сястрица у свякроўки
Слёзками уливáитца:
„Братитки маѐ рбдныя,
Вы паѣдитя дамбў,
Вазьми́тя, братитки,
И мине младу съ сабби!"
— Сястрица наша родная!
Ни на тбя мы тибѐ аддàли,
Штобъ съ сабой узадъ брали!
Кали жъ табѣ добра бўдить,
Дакъ мы тябѐ правѣдаимъ,
А кали табѣ худа будить,
Мы зязюличку при́шлимъ!
Зязюличка, кукуя,
Щиру праўду скажыть намъ!

Родные невѣсты уѣзжаютъ, а за ними и всѣ гости.

Если невѣста цѣломудренна, то на слѣдующій день женихъ ѣдетъ къ тестю и тещѣ и проситъ ихъ къ себѣ въ гости.

Родители невѣсты пріѣзжаютъ, гостятъ день, а потомъ уѣзжаютъ домой, чѣмъ свадьба и кончается.

Сушковская волость, Дриссенскаго у.
Отъ крест. Магдалины Плейко и Зиновьи
Ивановой запис. Н. В. Пясковская.

—

Городокскій уѣздъ.

Свадьбы у крестьянъ бываютъ по большей части осенью, послѣ уборки хлѣбовъ и окончанія всѣхъ полевыхъ работъ. Намѣтивъ невѣсту, отецъ жениха пріѣзжаетъ къ ней въ домъ въ видѣ случайнаго проѣзжаго и начинаетъ спрашивать дороги до какой-либо деревни, или спрашиваетъ у хозяина, гдѣ живетъ въ деревнѣ сапожникъ или шорникъ и т. п. Посидѣвъ немного и высмотрѣвъ дѣвушку, ея ростъ и силу, уѣзжаетъ домой. Этотъ пріѣздъ называется „вы́глядины“.

Если дѣвушка понравится, тогда чрезъ нѣкоторое время отецъ жениха беретъ съ собою свѣдущаго свата, подбираютъ одной шерсти лошадей, сѣдлаютъ ихъ, связываютъ поводья вмѣстѣ и ѣдутъ въ тотъ домъ, гдѣ былъ раньше одинъ отецъ жениха. Пріѣхавши на дворъ, привязываютъ лошадей къ изгороди и медленнымъ шагомъ входятъ въ избу. Въ порогѣ они останавливаются и стараются наступить одинъ на кочергу, а другой на помело. Дѣвушка, зная этотъ обычай сватовства, тотчасъ уходитъ изъ избы въ деревню, или садится за печку.

Сваты по приглашенію хозяина садятся на лавку и говорятъ о чемъ-либо постороннемъ. Посидѣвъ немного, жениховъ отецъ говоритъ хозяину: „Вы у насъ ни пытаитя, а мы вамъ ни кажымъ, зачимъ мы къ вамъ пріѣхали? У насъ ёсь харбшый купецъ, а у васъ харбшый таваръ,—хатѣли-бъ мы сайти́сь съ вамъ на цѣну!“ Если отецъ невѣсты не желаетъ отдавать дочь, то начинаетъ отговариваться:—„етыга цвѣту пы ўсямў свѣту! У маѣй дачки̇ нѣту шы́тый шубы, или сермяги; ся́лѣтній годъ ни будимъ аддавать иѐ замужъ“. И сваты уѣзжаютъ.

Если же отецъ невѣсты желаетъ отдать дочку, то говоритъ сватамъ: „нада пасла̀ть у дяревню зы дачко́й, спраси́ть у иѐ, ти по́йдить ина за твайгѐ сына?“ Посылаютъ за дочкой. Когда та приходитъ, сватъ спрашиваетъ у ней, согласна ли она выйти за его сына замужъ? Дѣвушка говоритъ:„ атразу я ничо́га ни скажу, пріижжайтя другѐй разъ!“

Спустя нѣсколько дней, сваты, призапасивъ бутылки три водки, „мотўшку“ баранковъ, два сыра и два куска вареной говядины,

ѣдутъ опять къ невѣстѣ. Войдя въ домъ, подаютъ невѣстѣ вязку баранковъ, одинъ сыръ и кусокъ мяса, остальное ставятъ на столъ. Хозяинъ сажаетъ сватовъ за столъ, за который приглашается и невѣста. Отецъ жениха спрашиваетъ у отца невѣсты, какъ порѣшили они насчетъ свадьбы, намѣрены-ли отдать замужъ свою дочь за его сына? Если невѣста и ея отецъ согласны на бракъ, то сватъ наливаетъ рюмку водки, бросаетъ въ неё 20-копѣечную монету, и эту рюмку подаетъ невѣстѣ. Та выливаетъ водку черезъ плечо, а деньги беретъ себѣ. Другая рюмка наливается сватомъ отцу невѣсты, и такъ далѣе—по старшинству. Мать невѣсты угощаетъ сватовъ яичницей, медомъ, молокомъ и говядиной.

Послѣ угощенія сваты дѣлаютъ условіе, сколько ведеръ женихъ долженъ доставить на свадьбу водки. Иногда женихъ обязывается дать невѣстѣ на свадьбу и денегъ рублей десять или пятнадцать. Когда сваты думаютъ уѣзжать, то невѣста выходитъ на дворъ, беретъ лошадей сватовъ подъ уздцы и выводитъ ихъ за ворота, за что сваты даютъ ей рубль.

Побывавъ у священника, сваты увѣдомляютъ невѣсту о днѣ вѣнца; свадебный-же пиръ откладывается сватами на недѣлю или даже и на двѣ послѣ вѣнца. Передъ бракомъ невѣста занимается шитьемъ и мытьемъ бѣлья, а дѣвушки, подруги, приходятъ къ ней по вечерамъ помогать и поютъ ей свадебныя пѣсни, напримѣръ:

Ай, бо̀рамъ, бо̀рамъ, барави́наю,
А хто-жъ тамъ ѣди̅ть вичари́наю?
Ай, ѣди̅ть, ѣди̅ть Иванька пьяный:
„Ай, атчини́ся, Гапу́ська—паня!“
— Я ня 'тчинюся, мамки баю́ся,
Пиридъ табо̀ю низка скланю́ся,
Пиридъ табою, пиридъ жаўне́рамъ,
Пиридъ жаўнерамъ, чорнымъ каўне́рамъ.
Што жъ ты, Гапуська, дужа смущо̀на?
Вѣрна ты, Гапуська, ужо заручо̀на?
Учора была̀, якъ рожа цвила,
Сягòня стала, якъ мята звяла.
Пайдёмъ жа, Гапуська, да майго̀ сада, —
Дамъ табѣ я́блакаў, дамъ табѣ гру́шыкъ,
Дамъ табѣ грушыкъ, по̀лнынъ хварту́шыкъ.
Дли т̅ибе сьвятьлица ўся го̀нтамъ крыта,
Дли т̅ибе спадьни́ца ўся зло̀тамъ шыта.

—

Гаро̀хъ жэ̀нитца, сачи́ўку бире́ть,
Ды каго̀ жъ намъ сыбра̅ть, у приданки пасла̅ть?
Грибо̀ў сабяро̀мъ, у приданки пашлёмъ!

Баравикъ кажыть: я бъ паѣхуў ба —
Салóдыкъ, смачинъ,—мянѐ праглóтють!
Абабыкъ кажыть: я бъ паѣхуў ба —
Шапачка кри́ва, ножка чарви́ва—мине загудють!
Пад'синавикъ кажыть: я бъ паѣхуў—
Чирвóнинъ, пригóжъ,—мине палюбють!
Ваўнёнка кажыть: я бъ паѣхыла бъ —
Горька, нисмачна,—мине прагóнють!
Сыраѣжка кажыть: я бъ паѣхыла —
Чирвóна, кра́сна,—мине сурбчуть!
Апéнки кажуть: мы шъ паѣдимъ:
Тонки, стройны,—насъ, му́сить, примуть!

—

На гарѣ сонца сіяить,
Иваничка коника сидлàить.
А ў яго мамухна патàить:
„Куды ты коника сидлаишъ?“
— Што шъ табѣ, мамухна, да
[тагò?
Сидлàю коника самъ свайгò,
Паѣду ў ночиньку начну́ю
Па сваю Гапульку вѣчную!

—

У саду яблынка ращапи́лыся,—
Нѐкаму паливàти.
Два яблачка скати́лася, —
Нéкаму паднимати.
Расплакылась Гапуська,
Нéкаму унимати.
Кали ўнимить, кали ўнимить
Адинъ Иваничка.

—

Кукувала зязюля ў садочку,
Приклаўшы галóуку къ листочку.
Кукуваўшы, казала: Божа шъ мой!
Хто маё гнязьдéчка разрыить,
Хто маѐ яéчки пыбярéть?
— Разрыють гнязьдечка па-
[стушкѝ,
Пыбяруть яéчки канюшкѝ!
Плакала Гапуська ў сьвятьлицы,
Приклаўшы галоўку къ сталь-
[ницы.
Плакаўшы, казала: Божа шъ мой!
Хто маю касу́тку расплятéть,
Хто маи усту́шки пыбярéть?
— Расплятуть касутку брàтитки,
Пыбяру́ть устушки сестру́шки.

—

Крикнуў силизéнь на мори,
Атазвàлась вутычка въ озяри:
Знать мнѣ въ озяри ня быти,
Сьвѣтлый вади́цы ня пити!
Крикнуў Иванька на дварѣ,
Атазвалась Гапуська ў тирамѐ:
Знать мнѣ ў тирамѣ ня жыти,
Краснай дѣвицай ня слыти!

—

Въ день вѣнчанія, рано утромъ, невѣста обходитъ всѣ постройки своего отца, поля, луга, кусты, прощается съ ними, голося и причитывая на каждомъ мѣстѣ, припоминая, что тамъ она съ подругами весело проводила время. Затѣмъ къ невѣстѣ мало-по-малу начинаютъ собираться дѣвушки, или „боярки“, зовутъ ее въ избу и начинаютъ **одѣвать къ вѣнцу.**

Костюмъ невѣсты бываетъ очень простъ: вѣнокъ надѣвается изъ цвѣтныхъ кусковъ матеріи, поверхъ платья обязательно надѣваютъ шубу, хотя бы невѣста вѣнчалась лѣтомъ. Когда невѣста одѣта, то отецъ ея зажигаетъ свѣчу предъ иконами и начинаетъ молиться. Невѣста кланяется иконамъ, потомъ отцу, матери, братьямъ, сестрамъ и всѣмъ родственникамъ, подругамъ, знакомымъ, и даже дѣтямъ въ колыбеляхъ; если даже случатся при этомъ и евреи, невѣста и ихъ надѣляетъ поклономъ.

Въ церковь невѣста ѣдетъ съ братомъ и крестною матерью. Лошади при этомъ также убираются: къ дугѣ привязываются красные платки и ленты, привѣшиваются колокольчикъ и бубенчики.

Женихъ не дѣлаетъ невѣстѣ никакой встрѣчи, даже не здоровается съ ней, если нечаянно встрѣтитъ ее идущею въ церковь. Но по совершеніи вѣнца женихъ беретъ невѣсту за руку и ведетъ изъ церкви въ какую-либо избу и тамъ садятся за столъ. Жениховъ отецъ угощаетъ молодыхъ закускою, даетъ молодымъ выпить одну рюмку водки и одно яйцо скушать вмѣстѣ, затѣмъ даетъ мясо, блины, сыръ и хлѣбъ. Послѣ закуски женихъ отвозитъ невѣсту домой; позади ихъ ѣдутъ сватьи, поютъ пѣсни, а музыканты играютъ на дўдахъ, а въ послѣднее время на скрипкѣ съ бубномъ.

Ти громъ гримйтъ,
Ти хто ѣдитъ пд масту?
Ни громъ гримитъ,
Нихто ни ѣдить по масту, —
Братъ за сястрбю гбнитца:
Пастбй, швагрўтка, ни ўижжай!
Нà табѣ коника варанцà,
Падай сястрицу съ-пыдъ винца!
Нà табѣ каня съ ухнáльками,
Вярни маю сястрицу съ пруў-[крáльками!
Аддàмъ табѣ свайгд каня съ вуз-[дбю,
Вярни маю сястрицу съ касбю!

—

А ни зыблися, клянбвый мбсьтикъ, на ряцэ,
А тамъ паѣдитъ Иваничка зъ дружыный!
А ў яго шъ яго вяликая дружына:
Семъсотъ казакбў апричъ музыки, у ягд.
Дудычка граитъ, Гапуська плачитъ, у ягд.

—

Ня дудки граютъ—цынбалы,
Ня дѣўку вязўтъ цыгани.
А той жа цыганъ Иванька,
А тая шъ цыганка Гапуська.
Цыгани чорниньки,
А яны шъ бѣлиньки.

—

Когда молодые пріѣзжаютъ на дворъ невѣсты, то отецъ и мать встрѣчаютъ ихъ въ избѣ съ хлѣбомъ и солью. Женихъ и невѣста кланяются отцу и матери въ ноги. Затѣмъ молодыхъ сажаютъ за столъ и угощаютъ различными кушаньями. Послѣ угощенія женихъ

уѣзжаетъ домой, а невѣста снимаетъ съ себя свадебный нарядъ и принимается за работу; гостей не бываетъ никакихъ, до дня свадебнаго пира. Женихъ въ продолженіи недѣли или двухъ не видитъ невѣсты.

Въ день, назначенный для свадебнаго пира, рано утромъ, невѣста одѣвается въ свадебный нарядъ. Собираются родственники, знакомыя и подруги невѣсты.

Пріѣзжаетъ жениховъ отецъ съ сватомъ, привозятъ ведро водки, два сыра, два большихъ куска мяса, мотушку баранковъ и башмаки. При этомъ сваты отдаютъ невѣстѣ одну бутылку водки, одинъ сыръ, одинъ кусокъ мяса, мотушку баранковъ и башмаки; невѣста, принявъ отъ сватовъ подарки, прячетъ ихъ въ „кубелъ". Это дѣлается для того, чтобы, пріѣхавши къ жениху, не нуждаться въ пищѣ, такъ какъ первое время въ чужомъ домѣ невѣста бываетъ стыдлива.

Невѣстинъ отецъ, принявъ отъ сватовъ водку и закуску, сажаетъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ за столъ, а жениховъ отецъ и сватъ садятся у порога, пока пообѣдаетъ родня невѣсты. Оставшіяся отъ стола кушанья отдаются сватамъ. Послѣ закуски невѣста несетъ рѣшето холста и по выбору отдаетъ свекру и свату на штаны, деверьямъ тоже, свекрови посылаетъ намётку (платокъ своего издѣлія), а золовкамъ холста на рукава. Этотъ пріѣздъ сватовъ называется поручи (подарки).

По отъѣздѣ сватовъ невѣста и дѣвушки начинаютъ плясать. Поздно вечеромъ невѣста собираетъ боярокъ (подругъ) въ другую избу и разставляетъ ихъ въ должномъ порядкѣ: старшихъ по правую, а младшихъ по лѣвую сторону. Каждой изъ своихъ боярокъ невѣста кланяется въ ноги, голося и причитывая:: „Спасиба, май милыя падрушки, што ни кинули минѐ ў послѣдьнію часи́нку!" Цѣлуетъ ихъ по нѣсколько разъ и раздаетъ имъ по рюмкѣ водки. Затѣмъ невѣста составляетъ изъ бояро́къ хороводъ и сама правою рукою ведетъ его въ ту избу, гдѣ играетъ дуда.

Впереди хоровода идетъ съ иконой крестный отецъ. Войдя въ избу, онъ останавливается у порога, а невѣста съ боярками стоятъ въ сѣняхъ избы, причемъ дверь избы бываетъ отворена. Дуда въ избѣ играетъ припѣвы. Крестный отецъ, обращаясь къ дудѣ, говоритъ:

„Ду́дачка-галубачка! ти ня до́сать вамъ грать, ти нямо́жна шъ вамъ на гету часинку замуўча̀ть: айцу, матири, радьнѐ и знакомымъ княгини благаславе́нства аддать!" Дуда продолжаетъ играть. Просьба опять повторяется крестнымъ отцомъ, до трехъ разъ, въ тѣхъ же самыхъ словахъ. Дуда за третьимъ разомъ умолкаетъ. Крестный отецъ, при общей тишинѣ, опять начинаетъ говорить:

„Семъ годъ падъ гра́дамъ (твор. мн. ч.) кача̀ўся, насилу гетый бясѐды дажда̀ўся; пакуль яѐ дaждаўся, кафтанъ мой съ плечъ садра̀ўся. Атецъ, мать, братья, сёстры, радьня̀, знако́мыя, запечныя, напечныя,

приходныя, атходныя, прі́ѣжжыя и атъѣжжыя, у люльки лижащія, на нагàхъ хадя́щія, храмы́я, сляпы́я, ўси на хату выхади́тя, маладую княгиню благаславенствамъ надяли́тя: каго̀ Богъ принёсъ, каго̀ конь привёзъ, и тыя бабы́лачки, што ни маютъ кабы́лачки, и тыя удовушки, што ни маютъ карбо́вушки, у Бога доли про́сють, на сабѣ̀ дро́вы но́сють! Хто будить благаславля́ти, таму будимъ па чарки гарѣлки давати!“

Сказавъ эту рѣчь, крестный отецъ отходитъ къ столу и ставитъ въ божницу икону, а невѣста съ боярками входятъ въ избу и садятся за столомъ, причемъ сама она занимаетъ мѣсто на кутѣ, а боярки садятся кругомъ стола. Крестный отецъ беретъ водку съ огромною глиняною рюмкою и наливаетъ ее всѣмъ подходящимъ къ столу для надѣла молодой. Невѣста при каждомъ полученномъ надѣлѣ голоситъ и благодаритъ за надѣлъ. Надѣлы бываютъ очень малы, самый большой пять копѣекъ, а по большей части кладутъ на столъ одну копѣйку или грошъ.

Невѣста сидитъ за столомъ до пріѣзда жениха больше двухъ часовъ. Сватьи въ ожиданіи жениха поютъ пѣсни:

Литѣли гўли чиризъ три по́ли,
Зязюля напе́риди.
Гули сѣли, защибита́ли,
Зязюля пракукува́ла.
Чаго, зязюля, чаго, шэ́рая,
Знать, сьтю́дёну зиму чўишъ?
— Чую, ня чую—ни тёплая лѣта!
Ишли дѣвачки чиризъ сѣнючки,
Ґапуська напе́риди.
Дѣвачки сѣли, пѣсьни запѣли,
Гапуська заплакала.
Чаго̀, Гапуська, чаго, дѣвачка,
Знать, лихую свякро́ў чўишъ?
— Чую, ня чую, вижу, ня вижу,—
Ня ро́дная мамка!

—

—

Падўмай, Гапуська, сама сабѣ̀,
Ти бўдить во́люхна, якъ у насъ табѣ̀,
Ти пўсьтить Иванька пагулять тябѐ?
Хоть пўсьтить, ня пўсьтить да на-нимно́жка,
Прикажытъ Гапуськи ни забыўля́тца,
На другихъ мыланы́хъ ни заглида́тца,
Ны мянѐ мылано́га ни забыватца.

—

Гапуська, дѣвачка, у каго жъ ты пыталася,
Куды жъ ты хваталася?
Тамъ го́ры гары́стыя, люди нарави́стыя,
Тамъ горы нярбўныя, свякро́ўки нярóдныя!

—

Вы дѣвачки, вы зрáдьницы маѐ,
У нядѣлю ранинька вы зрàдили мянѐ:
Сабѣ звилѝ вянóчки съ руты, съ мяты, жъ жóўтага вёху,
А мнѣ звили вы вяночикъ съ калючага яленцу.
Ялéнецъ кóлитъ, галóўку клóнитъ, Божа шъ мой!

—

Ай, ѣдутъ сваты, ѣдутъ,
Ѣдутъ нидалёчка, тольки за барóчкамъ,
Ружъи заряжáютъ, пирянёлакъ стриляютъ:
Пирянёлки ў юшку, перья на падўшку,—
Юшку хлибатъ, на падушки спатъ.

—

Если выходитъ замужъ сирота, то ей поютъ слѣдующія пѣсни:

Ня стой, Бóжухна, за дьвирям̀ъ,
Хадѝ ты, Божухна, у хату!
Сядь-жа ты, Божухна, на кутѣ,
Дай долю-щасьтя сиратѣ!

—

Зялёная дуброванька,
Што шъ у тибѐ сўчьиў мнóга,
Зялёнага нѣтъ ни вóднага?
Маладая Прасутка.
Што-шъ у тибѐ тáтакъ многа,
А роднага нѣтъ ни вóднага?
Ёсь камў питъ, гуляти,
Да нéкаму парядку дати.
Ёсь камў пакланѝтца,
Да нѣтъ у кагò благаславѝтца.
А Прасуткинъ жа татка
Да прасѝўся у Бога,
Да у Духа Святóга:
Пусьти, пусьти, Божа,
Мине зъ неба на зéмлю,
Сваё дитя пагдядѣти,
Да парядньку дати:
Ти харашò прибярéна,
Ти на кутѣ пасажóна?
— Прибярёна, якъ панятка,
Пасажóна, якъ сиротка.

—

Пышныи, гордыи баярачки маи!
Чўитя, видитя, ды ни кáжытя,
Што мая разлука на дворъ ѣдитъ,
Разлучитъ мине хóчитъ съ вамъ!

—

Къ концу пѣнія пріѣзжаетъ женихъ. Теща надѣваетъ шубу, вывернувъ ее шерстью вверхъ, и идетъ на дворъ съ овсомъ встрѣчать жениха; она осыпаетъ его овсомъ, а женихъ кланяется ей въ ноги. Потомъ теща возвращается въ избу, а женихъ остается на дворѣ. Съ нимъ пріѣзжаютъ его родственники, сестры, дружкó, который повезетъ молодыхъ. Дружкомъ выбираютъ человѣка, знахаря, умѣющаго „отдѣлывать" на случай надобности, такъ какъ на свадьбѣ часто колдуютъ. Бываютъ случаи, что на дорогѣ, гдѣ должны ѣхать молодые, зажигаютъ нѣсколько кулей соломы; лошади не пойдутъ черезъ огонь, а потому дружко, знахарь, можетъ „отдѣлать" это; или отъ нехорошаго глаза заболѣетъ женихъ или невѣста, то дружко тотчасъ можетъ помочь. За это ему платятъ и поятъ водкой.

Пріѣхавши за невѣстой, дружко входитъ въ избу, неся съ собой шубу и платокъ для молодой; подойдя къ невѣстѣ, дружко хочетъ

одѣть ее въ шубу, но боярки вскакиваютъ изъ-за стола и не позволяютъ одѣвать невѣсту, говоря: „въ вашей шубѣ много блохъ и вшей, онѣ закусаютъ нашу княгиню!“ Это повторяется три раза, пока дружко не дастъ выкупъ за невѣсту, каждой бояркѣ по двѣ или по три копѣйки. Невѣста тогда надѣваетъ шубу, обвязывается платкомъ, а дружко выходитъ на дворъ за женихомъ; беретъ его за руку и ведетъ въ сѣни, здѣсь они останавливаются около двери избы, а сватьи выпихиваютъ по одной бояркѣ изъ избы къ жениху, говоря: „ти гета ваша княгиня?“ Часто бываетъ, что женихъ ошибается и принимаетъ боярку за свою невѣсту. Надъ такимъ женихомъ смѣются и называютъ его дуракомъ. Когда женихъ узнаетъ свою невѣсту, то поцѣлуетъ ее и перекружится съ ней.

Женихъ привозитъ къ невѣстѣ и своего дударя. Невѣста даритъ его поясомъ и полотенцемъ, а женихъ невѣстиному дударю платитъ деньгами.

При встрѣчѣ, ду́ды жениха и невѣсты кланяются одна другой и потомъ уже начинаютъ играть одинаковую пѣсню.

Молодые идутъ изъ сѣней въ избу и садятся за столъ; съ ними же сажаютъ родню жениха. Сестра жениха, садясь за столъ, поетъ пѣсню:

Ты мая̀ брато́вачка,
А я твая̀ зало́вачка,
Ну ни го́рдывай мной,
Што я сѣла ря́дамъ съ табо́й:
Хоть за стало́чкамъ тваи́мъ,
Ну за брато́чкамъ сваи́мъ.

Затѣмъ подаютъ ужинъ, который состоитъ изъ многихъ кушаній. Подаютъ, напримѣръ: стюдень, сыръ, мясо, юшку, крупеню, кашу, медъ и яичницу. Женихъ и невѣста не ѣдятъ ничего; для нихъ кладется одна ложка. Послѣ ужина молодыхъ ведутъ въ клѣть (амбаръ) и тамъ угощаютъ тѣми же кушаньями, которыя были поданы за ужиномъ. Съ женихомъ въ амбарѣ неотлучно бываютъ его дударь и дружко.

Послѣ ужина дружко ведетъ молодыхъ въ избу и снова сажаетъ за столъ. Братъ, подойдя къ невѣстѣ, снимаетъ съ головы ея вѣнокъ и надѣваетъ его на свою голову, беретъ молодую за косу и говоритъ: „отрѣжу косу!“ А женихъ не позволяетъ, говоря: „что хочешь за неё?“ Братъ говоритъ: „двадцать пять рублей!“ Женихъ начинаетъ торговаться и наконецъ выкупаетъ косу невѣсты за пять копѣекъ. Тогда братъ расплетаетъ косу сестры, а невѣста голоситъ, говоря:

„Каси́ца мая̀ русая,
Уплёты мая̀ шалко́выя!
Ни годъ жа, ни два я тибѐ чисала,
За адинъ-жа вичиро́чикъ
Я тибѐ прагуля́ла“.

Затѣмъ братъ надѣваетъ сестрѣ на голову вѣнокъ, а сватьи поютъ пѣсню:

Татаринъ братъ систрѣ, татаринъ,
Аддаў сяострицу за дáры,
Русую касíцу за пятакъ,
Бѣлая личика пашлò й такъ.
И варóтики ня'ччинíў,
И дарóжаньку ни ўказаў!

— На ета, сяострица, ни ўпавáй,
Часта ў гóсьтики прибывай!
„Ня ў тыи руки я папáла,
Штобъ къ тибѣ ў госьтики бывала,—
Мóжа ў гадóчикъ разóчикъ,
Да и то на адúнъ часóчикъ!

—

Мать невѣсты приноситъ на столъ рѣшето платочковъ и раздаетъ ихъ дружинѣ, а дружина платятъ за платки по десяти копѣекъ.

Затѣмъ отецъ невѣсты зажигаетъ свѣчу предъ иконами и благословляетъ молодыхъ, причемъ молодые кланяются иконамъ, потомъ отцу, матери и всѣмъ родственникамъ. Сватьи поютъ пѣсни:

А вишынька Гапуська, вишынька,
Кланяйся мáмухны низинька:
Спасиба, мамухна, за хлѣбъ-соль,
Тяперь ни пайдў за твой столъ!
Шалкóвая нитычка абъ сьтѣну бьéтъ,
А Гапуська татухны дабрáнычь даéтъ:
Дабрáнычь, татухна, дабрáнычь,
Ни на адну ночиньку—на весь вѣкъ,
Ни на адну минѐ—на весь сьвѣтъ!

—

Паѣдимъ мы, брáтитки, да дóму,
Павизёмъ гету нивольницу съ ниволи,
Пусьтимъ гету нивольницу па вóли.
Будимъ-жа мы иѐ ўсёй симéйкай глядѣти,—
Ти бýдить инà ў нашу хатку радѣти?
Кали будить у нашу хатку радѣти,
Будимъ иѐ ўсёй симéйкай жалѣти.
А ня будить ў нашу хатку радѣти,
Будимъ на иѐ якъ на вóўка глядѣти!

—

Молодые уѣзжаютъ къ свекру послѣ полуночи. Съ молодыми ѣдутъ: дружко, дударь и родственники жениха, со стороны же невѣсты никто не ѣдетъ.

Подъѣзжая къ дому жениха, сватьи поютъ пѣсни:

Аччинѝ, мамухна, новый тынъ,—
Мы вязёмъ нивѣсту, якъ твой [сынъ!
Аччини, мамухна, вакóнца,
Мы вязёмъ нивѣстку, якъ сонца!
Вотъ табѣ, мамухна, паслужка,
А мнѣ маладому падружка!
Табѣ, мамухна, пить пыдавáть,
А мнѣ мóлайцу пасьтéль слать!
Загадай, мамухна, якъ хатя,
Пагадáй, мамухна, якъ дитя.

—

Выйди, свякрбўка гырбатая,
Пиряйми нявѣхну быгатыю!

Выйди, свякрбўка саплйвая,
Пиряйми нявѣхну щасьлйвыю!

—

Свекоръ и свекровь выходятъ на дворъ встрѣчать молодыхъ и несутъ съ собой булку хлѣба и горсть льна; при этомъ свекровь говоритъ невѣсткѣ: „пирожокъ съѣшь, а кудельку спряди!" Молодые идутъ въ избу, гдѣ ихъ сажаютъ за столъ. Молодая кладетъ кудель на божницу. Сватьи поютъ пѣсню:

Жбнычки лябёдычки!
Скланйтя галбвычки,
Пыглядитя сваёй братбвычки!
А у нашый братовычки
У волыти галбвычка,

Бышмачкй казлбвыи,
А плáтьика атласбвыя,
Платочикъ шалкбвый,
А вянбчикъ пярлбвый.

—

Свекровь угощаетъ молодыхъ всевозможными кушаньями. Послѣ ужина прекращается свадьба до слѣдующаго дня.

На завтрашній день, рано утромъ, ѣдутъ къ жениху отъ невѣсты приданки (сватьи) и везутъ кубелъ молодой. Невѣстка утромъ беретъ вёдра и отправляется за водой, и сватьи поютъ ей пѣсню:

А ў панядѣлыкъ рáна
Синія мбря грáла,
Синія мбря грала,
Гапуська ваду̂ брàла.
Гапуська ваду брала,
У свой бокъ пыглидáла.
„Ни жàласьлива мамка,
Ни шлéть гасьтéй рана,
Ни шлéть гасьтéй рана,

Галоўка ни прибрана!"
Галоўка, якъ какбўка,
Сама—якъ жидбўка.
Между дѣвыкъ ни дѣўка,
Между жоныкъ ни жонка!
Святый панядѣлыкъ
Атлучиў атъ дѣвыкъ,
А святый утбракъ
Далўчить да жбнакъ!

—

Ай, вумная, разумная Гапуська!
Пыстáвила старбжыньку на браду̂,
Сама сѣла падъ вйшынькый у саду.
Аткуль, аткуль красная сонца узыйдить,
Аттуль, аттуль мая радйнка пріѣдить.
Той жа динёчикъ май уборы привязўть,
Той жа часочикъ маю галбўку убярўть!

—

Пріѣхавшихъ приданокъ встрѣчаютъ жениховы отецъ и мать и ведутъ ихъ въ избу, сажаютъ за столъ и подаютъ имъ сыръ и водку. Послѣ закуски приданки садятъ невѣсту на скамью, снимаютъ съ нея вѣнокъ и надѣваютъ ей на голову тканку—обручёкъ, кото-

рымъ придерживаются волосы; затѣмъ завязываютъ на голову платокъ. Сватьи поютъ приданкамъ пѣсни:

Бѣлы приданки, бѣлы,
Гдѣ вы бѣла брали:
Ти на мо́ря лита̀ли,
Ти ў лебидя пазыча̀ли?
— Такъ насъ мать ради́ла,
Ў харошыю чиряди́ну,
У паѣзды нарядила,
На лаўки пысадила!

—

Зроду ў сватьяхъ ни была̀,
Гарѣлки зъ мёдымъ ни пила̀.
Сяду ны кутѣ — надму́ся,
Гарѣлки зъ мёдымъ напьюся!

—

На дварѣ дощь идётъ, пирипры́гаваитъ,
Братъ у сястры̀ пирипы́таваитъ:
„Сястри́ца ро́дная, што ни абѣдала?"
— Бра̀титка ро́дный, я ня вѣдала!
Я тагда, братитка, сѣни мила̀,
Подмёўшы сѣни, зы вадо́й пашла.
Свякро́ўка ни мамка—ни пакли́кала,
Зало́ўки ни сястрицы—ни сказали мнѣ,
Де́вири ни братцы—ни пазва̀ли минѐ,
Майго̀ ми́лыга дома нѣтъ!

—

„Якъ табѣ, тите́рка, па бо́ру лита́ти, —
У тибѐ, тите́рка, ножки карбо́тки?"
— Буду литати, буду ўла̀жывати:
Я зъ гары̀ ско́камъ, а на гару̀ ўзлётамъ!
„Якъ табѣ, Гапуська, ў чужой мамки жыть?
Якъ табѣ ўлажывати?"
— Буду жыть, буду жыть, буду ўла̀жывати:
Пысьтялю̀ пасьтельку мягчѣ́й сваёй,
Пылажу̀ ўзгало́ўя крутѣ́й сваиго̀.

—

Ни щибячи́тя, дробныя пташки,
Ни буди́тя майго свёкра ў пярини!
Якъ я за ложки, а ёнъ за вожки,
Якъ я за лаўки, а ёнъ за качалки —
Мянѐ бить!

—

Приданки уѣзжаютъ домой послѣ обѣда. Предъ отъѣздомъ, подойдя къ свекру и свекрови, поютъ пѣсню:

Ды ня би́тя шъ дубца̀ми,
Научайтя слаўца̀ми,
Ды ня би́те вярёўкамъ, (твор. мн. ч.)
Научайтя гаво́ркамъ! (тоже):
Адъ дубцоў дурнѣитъ,
Атъ слаўцо́ў разумнѣитъ!

—

Вмѣстѣ съ приданками къ тестю и тещѣ ѣдетъ женихъ и везетъ бутылку водки, перевязанную красной лентой. Пріѣхавши къ тестю, женихъ кланяется въ ноги тещѣ и тестю, подаетъ имъ бутылку водки и проситъ ихъ къ себѣ въ гости.

На третій день свадебнаго пира родители невѣсты пріѣзжаютъ къ зятю въ гости, гдѣ ихъ угощаютъ чѣмъ только можно.

Сватьи гостямъ поютъ пѣсню:

Пы замбрью синіи краски синѣли,
Пы застблью любыи госьти сидѣли.
Скольки синѣўшы, синіи краски павянуть,
Скольки сидѣўшы, любыи госьти паѣдуть!

—

Гости уѣзжаютъ. На четвертый день жениховъ отецъ и мать ѣдутъ въ гости къ невѣстиному отцу. При отъѣздѣ гостей имъ поютъ пѣсню:

Да дому, сваты, да дому,
Пріѣли кони салбму,
А кыла тыну стракйву,
А кыла свйрни мякину.
Мы имъ дали читьвярйкъ аўсà,
И астàлась вамъ Гапуська уся.

Этимъ оканчивается крестьянская свадьба.

Владиміров. вол. Городокск. у.
Зап. Л. Ѳ. Русакова.

—

Въ дер. Волотовкѣ сосѣдней козьянской волости Городокскаго же уѣзда свадебный эпизодъ благословенія совершается такимъ образомъ:

Предъ началомъ благословенія молодого и его одаренія тысяцкій, стоя за столомъ, три раза обращается къ гостямъ съ слѣдующимъ вопросомъ:

„Госьтики сазваныи, сабраныи! Ти ня вйищитца зъ васъ такбга малайцà, кабъ маладбму князю пѣсьню сьпіять, у путь-дарогу благаславить и атправить?... Прасйў жа я васъ разъ, прашў и другій разъ!... Прасйў жа я васъ два, и ў третьтій разъ пуўтарйю!"

Но никто изъ гостей, сидящихъ за столомъ, не отзывается. Начинаетъ играть музыка. Вь это время изъ толпы гостей, поющихъ и танцующихъ посреди хаты, слышится голосъ: „Ёсь! Найшбўся такій маладецъ! Можыть благаславить и ў путь-дарогу князя атправить!" Въ избѣ водворяется полнѣйшая тишина. Всѣ взоры обращены къ нарамъ, на которыхъ спитъ крестьянская семья. Здѣсь на одномъ изъ столбовъ, поддерживающихъ эти нары, а именно находящемся подлѣ печи, сидитъ „сталбавый",—въ оборванныхъ лаптяхъ, въ изношенномъ балахонѣ—насовѣ, въ рваной шапкѣ и съ растрепанными волосами.

Сидя на столбѣ, сталбавый обращается къ музыкантамъ:

„Дýдки, гýдки, звóнкіи музыки! Кабъ вы вѣкъ дó вику играли а на етый часъ пумуўчали! Прасиў жа я васъ разъ, прашў и другій разъ: дудки, гудки (и т. д.). Прасиў жа я васъ два, прашу у третьтій разъ: дудки, гудки, звóнки музыки! Кабъ вы вѣкъ дó вику играли, а на етый часъ пумуўчали!“

Музыка перестаетъ играть и столбовой продолжаетъ:

„Госьтики сазваныи, сабраныи, дальніи пріѣжжыи, ближніи прихóжыи, и тыи шъ та бабылачки, катóрыя ня мѣють ни карóуки, ни кабылачки, на сабѣ дрóўцы нóсють, у Бога доли и щасьтя просють! Благаславитя увесь міръ маладóга князя! Благаславиў яго Гасподь Богъ, благаславиў яго Ісусъ Христосъ, благаславила яго Дѣва Марéя хлѣбамъ и сóльлю и добрымъ здарбýямъ на доўгій вѣкъ, на харошый савѣтъ!“

Это приглашеніе столбовой говоритъ три раза, потомъ продолжаетъ:

„Я качáўся на падвóрьи пáлачкай, у хату укатиўся гáлачкай, [1])
На печь уськинули мянѐ атóпкамъ [2]).
Я семъ лѣтъ шатáўся и бадяўся па запéчкамъ, падъ грядкамъ [3]),
Пакуль éтага щасьлúвага вéчара даждáўся, на стоўбъ ускрибáўся,
Да пана тысéцкага, ваявóды шляхéцкага пытаўся.
Ты жа, панъ тысéцкій, ваявóда шляхéцкій!
Сядишъ ты на мѣсьти, якъ сóкалъ на гнѣзьди:
Ти ты самъ падайдéшъ, ти слугу падашлéшъ, пáру пирагóў [пришлéшъ?
Адинъ пирогъ дитей кармúть, а другій пирогъ мнѣ жъ жóнкай [пражыть,
И кóўшачикъ винцá и шкляначку пиўцà, гóрла прамачúть,
Языкъ павучúть, якъ гаварúть, маладому князю пѣсьню запіять!“

Тысяцкій сидитъ молча. Столбовой повторяетъ снова свою рѣчь, на которую тысяцкій также не отвѣчаетъ. Тогда столбовой говоритъ:

„Ты жа, панъ тысецкій, ваявóда шляхéцкій!
Сядишъ ты на мѣсьти, якъ сóкалъ на гнѣзьди:
У тибѐ шъ ня сукни шалкòвыи шумять,
Ни казлóвыи боты скрипять, ни шалкòвыи паясы шумять,
А такіи жъ ба атóпки, якъ и у минѐ грѣшнага!
Ни дастóинъ ты слугу паслать, а дастоинъ ты, панъ тысецкій, [зъ мѣста устать,
Якъ сакóлъ зъ гнизда злитѣть, даўжóнъ ты пару пирагóў принесь,
Два кóўшачки пиўца и пару шкляначикъ винца,
Горла прамачить, языкъ павучить,
Якъ маладому князю пѣсьню сьпіять!

---

[1]) Вар. шарикомъ. [2]) Изношенный рваный лапоть. [3]) Подъ нарами—твор. мн. ч.

У мине шъ тутъ дитя́тій поу́ны печи и пала́ти,
А за ими и минѐ ни вида́ти!
Я жа тутъ самъ-пятъ и се́мира рибятъ:
И сяду́нъ, и пясту́нъ и три де́уки бо́льшыхъ.
Прашу̂ я на арте́ль и на аби́те́ль, и на чай, и на зби́тинь,
И на батъ, и на двананцать братъ!"

Тысяцкій встаетъ изъ-за стола, подноситъ столбовому два пирога, два стакана водки. Столбовой беретъ въ обѣ руки по пирогу и, стуча одинъ о другой, три раза свадебнымъ мотивомъ поётъ:

„Микола сына жэ́ни́ть, а Ма́ть Прячистая дачку̂ дае́ть!.."
Потомъ обращается къ женщинамъ и дѣвицамъ:
„Жбначки,—вы Бо́жыи пчолачки!
Вы у поля па мёдъ лита́ли,—сваю́ душку пита́ли,
Типерь, жонапчки, пѣ́йтя пѣсьни, хо́ть пу́за ваша тре́сьни,
А ѣсь ни праси́тя!"
Тѣ поютъ пѣсни и начинается дареніе.

Запис. І. Барановскій.

Въ Езерищенской волости невѣста наканунѣ вѣнца ходитъ по деревнѣ, голоситъ и кланяется всѣмъ въ ноги, прося благословенія. Въ день вѣнца къ ней приходитъ боярка, приноситъ съ собой вѣнокъ и подножки, чешетъ голову невѣстѣ и заплетаетъ волосы въ одну косу, а поверхъ надѣваетъ вѣнокъ. Тогда зажигаютъ передъ образомъ свѣчку и всѣ присутствующіе молятся Богу. Потомъ невѣсту сажаютъ за столъ, покрытый скатертью, на которую положенъ хлѣбъ и солонка съ солью. Невѣста начинаетъ голосить:

Ради́тиль мой, ро́дный татка,
Ради́тилка мая́, ро́дная мамка!
Быгаславитя минѐ, надяли́тя мине!
За што шъ ты, мой родный татка, на мине рассе́рдиу̂ся?
Рана вы мою галоу̂ку завизали,
Нимно́жычка я у васъ пагуляла,
Нимножычка пакрасувалась!
Ти я шъ у васъ была ни паслушница?
Чужый жа татка ня жа̀ласьливъ,
Чужая шъ мамка ня пага̀дьлива! и т. д. въ этомъ родѣ.

Присутствующіе подходятъ къ невѣстѣ и надѣляютъ ее, кладя по копѣйкѣ, за что получаютъ чарку горѣлки. Отголосивши, невѣста выходитъ изъ-за стола и кланяется отцу три раза. За каждымъ поклономъ отецъ ее креститъ и говоритъ: „Богъ тибѐ быгыслави́ть". Откланявшись отцу, кланяется такъ же матери и снова голоситъ. Получивъ благословеніе отъ родителей, невѣста по очереди кланяется по три раза каждому изъ присутствующихъ. Получивъ благословеніе и собравъ надѣльныя деньги въ карманъ, невѣста выходитъ изъ

дому и садится на колеса съ бояркой, которая обязана править лошадью; на другихъ лошадяхъ ѣдутъ за нею отецъ съ матерью. То же самое происходитъ и у жениха, только женихъ кланяясь не голоситъ; онъ отправляется въ церковь съ отцомъ, матерью и сватомъ. Когда женихъ и невѣста пріѣдутъ въ погостъ, сватъ отправляется за священникомъ и привозитъ его въ церковь. Женихъ беретъ невѣсту за руку и подводитъ къ аналою, а боярка подстилаетъ подножки, на которыя женихъ бросаетъ пять коп. Послѣ вѣнца женихъ ведетъ невѣсту изъ церкви, стараясь, чтобы никто не прошелъ между нихъ. Это считается дурнымъ знакомъ.

Если молодые живутъ въ другой деревнѣ, то идутъ въ корчму или въ какую нибудь избу въ погостѣ, молятся и садятся за столъ. Мать жениха развязываетъ узлы съ провизіей и угощаетъ присутствующихъ сочнями, мясомъ, рыбой, а отецъ обноситъ водкой. Первую рюмку наливаетъ свату, который пьетъ за молодыхъ: „на совѣтъ, на любоў, на долгій вѣкъ, штобы жыть, ни абъ чомъ ни тужы́ть“! Закусивши, назначаютъ сроки дальнѣйшей свадьбы и отправляются домой. Женихъ, если по пути, завозитъ невѣсту въ ея домъ, а если не по пути, то только катаетъ. Въ это время невѣста отдаетъ жениху семь яицъ въ платкѣ, а женихъ даетъ ей нѣсколько копѣекъ. Яйца эти онъ везетъ домой. Подвезши невѣсту, женихъ въ домъ ея не входитъ, а прощаются всѣ у воротъ. Женихъ съ невѣстой не видятся болѣе до дня свадьбы.

Въ пятницу передъ свадьбой выбранная женщина ходитъ по деревнѣ и приглашаетъ сосѣдей на свадьбу.

Вечеромъ наканунѣ свадьбы у невѣсты играетъ скрипачъ и происходятъ танцы. Отъ жениха пріѣзжаютъ сваты, отецъ и мать, входятъ въ домъ и кладутъ на лавку подъ образа мѣшокъ съ провизіей, въ которомъ находится вареная говядина, сыръ, ржаной пирогъ, начиненный картофелемъ съ творогомъ. Вмѣстѣ съ мѣшкомъ ставятъ и привезенную въ носаткѣ водку. Пріѣхавшіе здороваются съ отцомъ и матерью невѣсты и говорятъ:

„Сваточки, сваточки! ти ня пу́сьтитя насъ начувать? Мы ѣхыли, ѣхыли пы мхамъ, пы балотамъ, пы вяликимъ калодамъ, па тѣснымъ згаро́дамъ,—самы ня ўздумаимъ, аткулицька мы ѣхыли и куды мы пріѣхыли!“

— Ды нягѐ шъ! Уся́ка зь людя́мъ бува̀ить! Ми́лысьси просимъ, начуйтя! На́ша шъ хата ни тякѐть, на́йдимъ мѣста, гдѣ пылажыть и пблиўки на́йдимъ улить, хуть ни такѐй, якъ у людяхъ!

„Ды за ета спасиба, мы можа и свайгѐ найдимъ хлѣба крошку укусить!“

— Ага, у Вывласа ни бизъ запаса! Знать, вы здалёка ѣдитя, што съ сваимъ хлѣбымъ выбралися!

Пріѣхавшіе снимаютъ съ себя верхнюю одежду и садятся. Проведя часъ въ хозяйственныхъ разговорахъ, пріѣхавшій сватъ обращается къ свекрови съ слѣдующими словами:

„Ну-тка, сватьтюшка: я думаю, ня мýчьчи вы сябѐ и ни тримайтя вы насъ; а кали што, дыкъ будимъ-тка малйтца Богу. Ды кали што, дыкъ и тóя!

— А пужалуй сабѣ, сватокъ: кали вамъ пильна хочытца скорѣй справитца, дыкъ и за намъ запрету нѣтути. Кали тагò, дыкъ и тóя!

Отецъ невѣсты зажигаетъ передъ образомъ восковую свѣчу, и всѣ находящіеся молятся Богу. По окончаніи молитвы ставятъ столъ противъ образа и хозяинъ приглашаетъ гостей за столъ, преимущественно родственниковъ и сосѣдей своей деревни. Сваты занимаютъ первое мѣсто. За этимъ столомъ никто изъ женщинъ не бываетъ, кромѣ свекрови, которая вынимаетъ изъ мѣшка на столъ пироги, говядину, сыръ. Все это разрѣзываетъ кто-либо изъ сидящихъ за столомъ и кладетъ по столу въ отдѣльныя кучи. Родители невѣсты за столомъ не сидятъ, а стоятъ возлѣ. Свекоръ беретъ носатку съ водкой и, начиная съ хозяевъ, угощаетъ всѣхъ сидящихъ за столомъ; потомъ закусываютъ привезеннымъ. Окончивъ закуску, свекоръ обращается къ хозяйкѣ:

„Сватьтюшка! пыкажы́ти-тка вы намъ лицомъ тыва̀ръ: за што мы пьёмъ, ядёмъ ды прыклажа́имся?“

Во все это время невѣста находится въ другой избѣ, а если нѣтъ другой избы, то у сосѣдей. Мать приводитъ невѣсту, которая, поздоровавшись съ свекровью и свекромъ, становится возлѣ стола. Свекоръ пьетъ водку за ея здоровье, потомъ наливаетъ рюмку, кладетъ туда монету и подаетъ невѣстѣ. Невѣста обязана выпить всю рюмку, а деньги беретъ себѣ. Потомъ свёкровь даетъ ей цѣлый пирогъ, кусокъ говядины, сыръ, бутылку водки и новые сапоги, приговаривая:

„На́-тка шъ, ма̀й нивѣстка любая, питильня́, ядильня́ и бува̀ньня! Пей, ѣшъ, абувайся, прибирайся, жыниховымъ швѝвымъ ни чурайся! Ти якъ-расъ та яны при́дутца табѣ, еты боты? Я ýжу и такъ яму̀ гразѝла и казала: гляди шъ ты, злодій-сынокъ! Дѣлый якъ можна набольшы боты, кали пъ на ýсходахъ были у хыля̀вахъ шурокіи, кали пъ былò куды и салому улажы́ть и сукопку апкрутить!“ Невѣста, поблагодаривъ, идетъ въ другую избу и полученнымъ угощаетъ своихъ подругъ.

По уходѣ невѣсты, мать ея подаетъ на столъ свой ужинъ, а отецъ подноситъ передъ каждымъ кушаньемъ свою водку. По окончаніи ужина, музыкантъ играетъ, и нѣкоторыя женщины тан-

цуютъ. Сватья со сватьей тоже должны протащевать. Наконецъ, сваты уѣзжаютъ. При этомъ невѣста сводитъ ихъ лошадей со двора за узду съ поклономъ. Гости расходятся. Эта пирушка называется вечеринами.

Въ день свадьбы съ самаго утра у невѣсты играетъ музыка и танцуютъ. Приходятъ и пріѣзжаютъ званые съ пирогомъ, то есть, булкой хлѣба фунтовъ въ 10 и 15. Съ этимъ пирогомъ, кромѣ мужа и жены, можетъ являться вся семья. Съ пирогомъ принимаетъ хозяинъ не иначе какъ въ амбарѣ. Взявши пирогъ, онъ угощаетъ принесшихъ водкой. Выпивши, гости отправляются въ домъ и пробывъ часа два, возвращаются къ себѣ, довольные тѣмъ, что были приглашены.

Въ полдень боярки одѣваютъ невѣсту. При этомъ она снова голоситъ. Одѣвшись, она проводитъ все время съ боярками и подъ вечеръ угощаетъ ихъ обѣдомъ.

Вечеромъ принимается за исполненіе своей обязанности дружко, который выбирается преимущественно изъ знахарей. Дружко приказываетъ невѣстѣ собрать подругъ въ сѣняхъ, становитъ ихъ кружкомъ, родители же и родственники стоятъ на особыхъ мѣстахъ, указанныхъ дружкомъ. Дружко беретъ образъ съ зажженной свѣчой и обходитъ вокругъ невѣсты и боярокъ; тогда невѣста кланяется образу въ землю, потомъ отцу, матери и роднымъ по три раза, цѣлуется съ ними и голоситъ: „бытаславѝ мине, мой татка кармилицъ!“ и т. д. Откланявшись, она идетъ на прежнее мѣсто, а дружко обходитъ три раза около боярокъ и невѣсты съ нашептываніями, потомъ беретъ невѣсту за руку, невѣста боярку, боярки другъ друга и съ музыкой впереди подходятъ къ порогу избы. Остановясь у порога, дружко обращается къ народу съ рѣчью:

„Якъ ёсь у доми свящонымъ, у пиры вясёлымъ родный татка, рóдная мамка, родныи брàтитки, родныи сястри́цки, тётки и дядьки, быгыславитя мыладую кынягиню за столъ завесьть!“—Народъ отвѣчаетъ: „Богъ быгыслави́ть!“

— Быгыслави́ли за першымъ разымъ, быгыслави́тя за другимъ!

— Богъ, Богъ быгыслави́ть!

— Быгыслави́ли за другимъ, быгаслави́тя за третимъ!

— Богъ быгыславѝть!

Тогда дружко, въ сопровожденіи играющаго музыканта, вводитъ всѣхъ въ избу, и обведя вокругъ стола, садитъ на скамейкахъ невѣсту и съ лѣвой стороны ея двухъ боярокъ, а съ правой остальныхъ. Музыкантъ становится въ концѣ стола. Дружко садится на скамьѣ, а крестный отецъ невѣсты—тысяцкій садится около старшей боярки. Тысяцкій наливаетъ по рюмкѣ водки сидящимъ за столомъ. Дружко вынимаетъ изъ-за пазухи два хлѣбца, ударяетъ одинъ о другой и кричитъ: „Госьтики, госьтики! Ти ня вы́іщитца, ти ня вы́кликнитца

мыладцâ мыладой кынягини пѣсьню пычáть? Я пъ яму даў пару пирагóў, казлóвыи боты, рукавицы галúцы, на шапку куницу!“ На печи отзывается запѣвала: „Дывай-ка сюды!“ Дружко передаетъ черезъ толпу хлѣбцы. Запѣвала начинаетъ:

„Дудычки, гýдычки, сытишытесь, сымирúтесь на етытъ часъ, на ету гадúну!“ Всѣ молчатъ.

„Охъ ты, тысéцкій, выявода шляхéцкій! Сядúшъ ты на кутú, якъ сóкылъ на гнявдú, лунáмъ обвѣшыўшысь, звиздàмъ аптóркыўшысь, сонцымъ накрыўшысь! А мы шъ съ табой ни видались, винный чарычкай ни витáлись. Падыйди-тка близёшынька, уклани́сь низёшынька, надняси-тка мнѣ чарку гарѣлки, сыръ на тарелки, у роти пымачúть, языкъ паўчúть!“

Тысяцкій встаетъ, наливаетъ рюмку и передаетъ ему. Выпивши, запѣвала говоритъ:

„Охъ, якъ я три года пыдъ лáвычкай качаўся, усё на ету свадипку сыбираўся! Пакýль на ету свадипку сыбраўся, я сплошъ три года ни пиў, ни ѣў, усё на ету свадипку хатѣў! Охъ вы, батюшки, матушки, братцы, сястрицки, вы шъ, госьтики сыбраныи, сызваныи, кагò конь вёзъ, кагò Богъ нёсъ, кагó кабылка визлà, а хто и самъ ишоў, шытáўся, быўтаўся, на ету свадипку хватаўся! А вы черти— супостаты, выбирайтись-ка исъ хаты, а пиръ вясёлый, міръ хрящóный, быгыславитя мыладой кынягини пѣсьню пычать!“

Народъ отвѣчаетъ: „Богъ быгыславить!“ Такъ до трехъ разъ. Потомъ, ударивъ хлѣбцы одинъ о другой, запѣвала кричитъ пѣсню, а за нимъ поютъ и стоящіе около стола:

„Ды святый Кузьма-Димьянъ, да ты скуй намъ свадипку крѣпка, крѣпка-крѣпка на зямлú, звóнка, звонка на нéби!“

Послѣ этого запѣвала слѣзаетъ съ печи и подходитъ къ столу, гдѣ получаетъ угощеніе.

Тогда начинаютъ надѣлять невѣсту. Прежде надѣляютъ родители, потомъ родственники, а затѣмъ гости. Надѣлъ производится до пріѣзда жениха и продолжается часа два. Женщины поютъ пѣсни слѣдующаго содержанія:

Гдѣ сядúть Хадóнька,
Тамъ лýны хóдють,
Ой, дѣ сядúть Хадóнька,
Тамъ луны ходють.
Атъ сирибрà, атъ сирибрà
Луны лоснютца,
Атъ зóлыта, й атъ золыта
Стѣны щеплютца,
Атъ чирявúкъ, атъ чирявикъ
Увесь мостъ гарúть.
Ты паслухай, Хадонюхна,
Ты паслухай, Пилúпаўна,
Якъ мы тябе ўзвиличáимъ:
Што ты роду вялúкага,
Айца-батьки быгáтага (2 раза),
А матушки разумныя.
Мы ня ўспѣли пѣсьню спѣть,
Ина намъ пыдачи шлетъ.

Боярка подаетъ имъ съ поклономъ баранокъ или кусокъ свиной печенки, луковицу или дикое яблоко, яйцо, кусочекъ колбасы, начиненной крупами, и т. п. Всѣ эти подачи раздѣляются поровну между поющими. Если же боярка не скоро даетъ, то поютъ:

Ни забаў, Хадонюхня,
Ни забаў, Пилипаўна!
Ты садьвинься зъ мѣсьтичка,
Ты садьвинься са скупо́га!
Пыдъ табой жа сто рублей,
Пыдъ табой жа й тысича.

Получивши подачку, поютъ:

Ды спасиба, Хадо́нюхна,
Ды спасиба, Пилипаўна,
Зы тваи падарычки,
За ниські паклбнычки!
Пыдарила хырашо́хынька,
Укланилась низёхынька!

Тысяцкому поютъ:

Якъ у нашымъ го́рыди
Прыяви́лыся прыя́вушка,
Прыявушка ни малыя,
Што Ярмилка Иванывичъ.
Якъ на имъ куньня шубычка,
Сыбали́ная шапычка,
Падпыя́ска шалко́выя,
И сапошки казло́выя,
Шыты, шыты сапо́жыньки
Въ Ирысла́выви горыди,
Пыдкава́ны сапожыньки
Пысярёдъ бальшой Масквы,
Ныдива̀ны сапожыньки
Ны Ярмилкины ножыньки.
Ты паслухай, Ярмилухна,
Ты па̀слухай, Иванывичъ,
Якъ мы тябе́ ўзвиличаимъ,
Пы батюшки нызываимъ!

Дударю:

А ў дудуря, а ў дудуря
Ды кривая ныга̀, а-а-а!
Дай пирага, дай пирага,
Бу́дить пря́ма ныга, а-а-а!
А ў дудуря, а ў дудуря
Ды кривая шы́я, а-а-а!
Дай сыра, дай сыра,
Будить пряма шыя, а-а-а!
А ў дудуря, а ў дудуря
Ды свинячча лицо, а-а-а!
Дай яйцо, дай яйцо,
Будить царьска лицо, а-а-а!

Ночью пріѣзжаетъ женихъ съ подкняжимъ, поддружій, дружко, сватъ, сваха, крестная мать и дударь. Если надѣлъ невѣсты еще не оконченъ, то всѣ пріѣхавшіе стоятъ на дворѣ. Когда же надѣлъ окончится, женихъ входитъ въ домъ и надѣляетъ невѣсту нѣсколькими копѣйками, а дружко невѣстинъ подноситъ ему рюмку водки. Послѣ жениха надѣляютъ невѣсту пріѣхавшіе съ нимъ, получаютъ по рюмкѣ водки, и отправляются опять на дворъ. Дружко жениха входитъ со свашкою опять въ домъ и вноситъ армякъ и шубу, привезенные изъ дома жениха. Подойдя къ столу, онъ кричитъ:

„Сваточки, сваточки, дайти-тка намъ надѣть мыладу́ю кынягиню у саболіи шубы, у бабро́выи шапки!“ Боярки отвѣчаютъ:

„А чортъ васъ вѣдыить, якбя ваша ныдива́ньня? Яно и зъ вашáмъ, яно и зъ гнидамъ, яно и зъ клыпа́мъ, яно и зъ тыркына́мъ!“

Дружко три раза отряхиваетъ платье и взмахиваетъ черезъ столъ, чтобы накинуть на невѣсту, но боярки отталкиваютъ его, крича: „Ай, вошы, вошы! Ай, гниды, гниды!“ Такъ до трехъ разъ. Наконецъ, шуба наброшена. Тогда старшая сваха снимаетъ съ своей головы убранную лентами шапку и надѣваетъ невѣстѣ, а вѣнокъ берутъ боярки съ головы невѣсты.

Наконецъ дружко выкупаетъ невѣсту у боярокъ. По окончаніи выкупа, дружко невѣстинъ выводитъ ее изъ-за стола въ сѣни, а дружко жениха вводитъ туда жениха. Дудари „витаютца“, т. е. здороваются. Боярки стоятъ около невѣсты, а дружко говоритъ: „дайти-тка намъ тоя, што нада! „Невѣстинъ дружко подводитъ которую-либо изъ боярокъ и говоритъ: нати-ткы шъ вамъ тоя, што нада!“ Второй дружко кричитъ: „нѣ, нѣ, нѣ! ни тая, ни тая, ни тая!“ Первый, взявши другую боярку, кричитъ: ну, нати шъ вамъ ету! Второй кричитъ: „ня ету! ня ету! ня ету!“ Первый посылаетъ третью боярку: „ну, нати шъ вамъ во ету штучку! луччи у насъ нѣту!“ Второй кричитъ: „аткаснись, атвяжысь, атлѣсь съ сваёй штучкай! Дай-ка я самъ выбиру па сваёй гутарки тоя, што мнѣ нада!“ И одной рукой обнимая невѣсту, а другой жениха, оборачиваетъ около себя три раза. Невѣста, надвинувъ на лицо данную ей шапку, ни подъ какимъ видомъ не должна даже взглянуть на жениха, и онъ тоже не долженъ видѣть невѣсты. Женщины поютъ:

Харитка Амосыўна!
Ни дывай Сазоньки Пилимоны-
[вичу
Ны нагў ступать, (2 раза)
Ни дывай ямў (2)
Зы рукў хватать! (2)

Второй дружко вводитъ молодыхъ въ домъ и сажаетъ за столъ; съ ними садятся также первый дружко, сватъ, сваха, подкняжій и поддружій. Дудари становятся въ концѣ стола. Поддружій вынимаетъ изъ мѣшка и кладетъ на столъ хлѣбъ, говядину, пироги и разрѣзываетъ ихъ. Второй дружко вынимаетъ изъ-за пазухи бутылку съ водкой и обноситъ сидящихъ за столомъ. Послѣ этого угощенія теща подаетъ на столъ свой ужинъ: поливку, крупеню, говядину, кашу и холодное. Какъ только поставитъ хозяйка на столъ чашку съ кушаньемъ, то первый дружко, обдѣливъ всѣхъ рюмкою водки, беретъ ложку, пробуетъ кушанье и потомъ, ударяя ложкою о чашку разъ десять, приговариваетъ: „Госьтики, госьтики! милысьси просимъ ѣськи! А-вой, дужа смачна, — я чуть-чуть языкъ ни прыглатиў! Лядитя, и вы ня бутьтя дужа ахвотьливы, ни прыглатитя языки, а то шъ вы галодны, якъ сабаки!“ Всѣ смѣются.

Столъ этотъ продолжается часа два и во все время женщины поютъ гостямъ пѣсни. По окончаніи ужина, первый дружко выводитъ молодыхъ изъ-за стола въ особую избу или амбаръ; тамъ теща даетъ имъ особенный ужинъ, называемый закармливаніемъ Здѣсь никто не

присутствуетъ кромѣ жениха, невѣсты, дружка, тестя и тещи; за этимъ столомъ молодые утоляютъ свой голодъ, потому что въ продолженіи бывшихъ раньше угощеній они ничего не ѣдятъ, а только иногда выпиваютъ поднесенную водку. Иначе ихъ назовутъ вслухъ прорвами голодными. Закормный столъ отошелъ; тогда первый дружко ведетъ молодыхъ и подкняжаго въ домъ опять за столъ.

Братъ невѣсты беретъ лучину, точитъ ее о печь и кричитъ, что онъ отрѣжетъ косу невѣсты, если не дадутъ ему выкупъ. Сватъ предлагаетъ ему три копѣйки, братъ требуетъ рубль; начинается торгъ; если сватъ даетъ мало, то братъ невѣсты говоритъ:

„Нутка, сваточки-браточки! Кагда вы сваталися-браталися, то хвалилися-гардилися, што у васъ усяго многа и денихъ куча, сто валбў, сто карбў, свиней стáда, ходють па шышкамъ, таскають на насáхъ кубышки съ диньгáмъ, а какъ пришлóся, да ўмѣста сышлóся— за ета, сваточки, ня гнѣвайтися—адну вы свинью мáитя и тую за хвостъ падымаитя!“

А женщины поютъ:

„А братъ систрѣ татаринъ,
Прадáў систру за талиръ,
Русу касу за питáкъ,
Бѣла тѣла вотъ за сякъ!“

Сватъ даетъ 20 коп., если женихъ не бѣдный. Сестра благодаритъ брата, цѣлуя его.

За столъ садятся сватъ, свашка, второй дружко, поддружій и дударь. Хозяйка подаетъ закусывать говядину, кашу и яичницу.

Послѣ стола молодая кланяется родителямъ въ ноги, они благословляютъ ее образомъ; второй дружко беретъ молодыхъ за руки и выводитъ на дворъ, гдѣ ожидаютъ ихъ приготовленныя лошади.

Женщины поютъ:

Шалковая ленточка
Къ стѣнки льнéть,
А дачўшка мамки
Добрáнычь даеть!

Въ сѣняхъ около невѣстина кубла стоятъ боярки и не отдаютъ кубла безъ выкупа. Послѣ выкупа кубелъ беретъ особый подводчикъ „возила“. Со двора съѣзжаютъ молодые, за ними приданые, возила, дударь, дружко съ подкняжимъ и сватъ. Придаными называются родные невѣсты самые близкіе. Ихъ бываетъ человѣкъ до 20. Иногда старшая приданка покупаетъ у родителей это званіе, давъ имъ барана, или холста, или денегъ, потому что на свадьбѣ первая рюмка начинается съ нея и оканчивается угощеніе на ней же. Она же въ домѣ жениха по пріѣздѣ занимаетъ первое мѣсто послѣ молодыхъ.

Съѣхавши со двора, останавливаются, и дружко обходитъ вокругъ ихъ три раза съ нашептываніемъ, стегаетъ по одному разу всѣхъ лошадей и тогда отправляются въ домъ жениха.

Въ домѣ жениха, услыхавъ издали крикъ и пѣніе несущихся во весь опоръ сватовъ, выходятъ на встрѣчу отецъ и мать, надѣвши

вывороченныя шубы. Молодые, поклонившись родителямъ, входятъ въ домъ, и гости садятся за столъ. Большая приданка вынимаетъ изъ мѣшка свою закуску, говядину и пирогъ, а хозяйка дома даетъ свой ужинъ, молодые же стоятъ въ концѣ стола. Ужинъ оканчивается яичницею, и невѣста кладетъ крестному отцу и матери дары, т. е. аршина два холста и больше. Тогда молодую выводятъ изъ хаты въ сѣни и садятъ на хлѣбную дежу. Большая приданка снимаетъ у нея надѣтую прежде на голову шапку и обвязываетъ большимъ платкомъ сверхъ кокошника—„повязываетъ молодую". Потомъ дружко заводитъ молодыхъ за столъ. Мать въ какой-нибудь битой чашкѣ подаетъ имъ ложку каши. Молодой, сломавъ ложку, бросаетъ черепокъ съ кашей на печь, а мать въ это время вскакиваетъ на лавку въ той же вывороченной шубѣ и бросается на молодыхъ съ кнутомъ. Молодой, схвативъ молодую за руку, бросается съ ней черезъ столъ въ сѣни, гдѣ дружко встрѣчаетъ ихъ и на всемъ бѣгу отводитъ въ приготовленное мѣсто спать.

Мѣсто для спанья выбираютъ въ хлѣву для овечекъ, которыхъ выгоняютъ оттуда, настилаютъ много соломы и кладутъ постель невѣсты. Дружко раздѣваетъ ихъ въ присутствіи дударя и приданыхъ, потомъ обходитъ вокругъ молодыхъ съ нашептываніемъ три раза и кладетъ на постель, стегнувъ ихъ слегка кнутомъ. Потомъ, оставляя молодыхъ, уходятъ, хлѣвъ запираютъ и подпираютъ дверь палкою. Въ домѣ начинаются танцы. Затѣмъ всѣ ложатся спать. Дружко и дударь, выспавшись, берутъ бутылку водки и отправляются будить приданыхъ. Угостивъ ихъ водкой, вмѣстѣ идутъ будить молодыхъ. Разбудивъ молодыхъ, всѣ отправляются за столъ и завтракаютъ, а молодые стоятъ въ концѣ стола съ лѣвой стороны дударя. Окончивъ завтракъ, изъ приданыхъ нѣкоторыя танцуютъ, нѣкоторыя поютъ пѣсни, а иныя спятъ

Женихъ съ подкняжимъ, взявъ бутылку непремѣнно чѣмъ-либо закрашенной водки и пирогъ, отправляются къ родителямъ молодой—на перезывки. Пріѣхавъ туда, останавливаются около сѣней. Теща выходитъ въ сѣни въ вывороченной шубѣ и подноситъ зятю въ какомъ-либо ковшѣ зачерпнутаго изъ-подъ кваса густого пристоя; зять, принявъ такой напитокъ, и поднеся къ губамъ, бросаетъ назадъ отъ себя и съ подкняжимъ стегаютъ лошадей, который скачутъ изо всѣхъ силъ. Проскакавъ саженей сто и болѣе, возвращаются назадъ и сходятъ съ лошадей; зять кланяется въ ноги родителямъ своей невѣсты и отдаетъ имъ водку и пирогъ. Ихъ вводятъ въ домъ, сажаютъ за столъ и съ ними нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ родныхъ и знакомыхъ. Теща подаетъ кушанье, а дружка неотступно угощаетъ водкой молодого и подкняжаго, не давая имъ отдыха. Женщины поютъ сидящимъ за столомъ.

Пѣсня подкняжему, который бываетъ некрасивъ и темнаго лица:

Ай, бѣлинькій, кудрявинькій Самсонька,
А ня пьéть ёнъ вина, спыдиваитца ны мядóкъ.
Палéтили пчолки на боръ на мётъ пры яго,
Ай, бýдимъ мы мядочикъ тамъ сыбирать,
Ай, будимъ мы гарѣлычку сытити,
Ай, будимъ мы Самсонюхну пайти,
Штопъ нашъ Самсонька Малахывичъ вясёлъ быў!

По выходѣ изъ-за стола, женихъ обязанъ пройти съ тещей подъ музыку дударя танецъ, называемый плясъ, или казакъ.

Черезъ нѣсколько времени тесть ведетъ жениха и подкняжаго въ особую избу, или амбаръ, и снова угощаетъ. Если они не въ силахъ выйти сами, то ихъ выносятъ оттуда и сажаютъ за столъ „для отбесѣдыванія". Если же они рѣшительно не могутъ шевелить языкомъ, то ихъ кладутъ въ сани, вложивъ жениху за пазуху бутылку водки и пирогъ и укрѣпивъ хорошенько возжи, чтобы не запутались около лошади, прогоняютъ лошадь со двора, которая, зная дорогу, привозитъ благополучно сѣдоковъ домой.

Если, пріѣхавши домой, они еще могутъ двигаться, то ихъ сажаютъ за столъ. Дружко вынимаетъ изъ-за пазухи привезенную водку и пирогъ и раздѣляетъ между гостями; за столомъ рядомъ съ женихомъ сидитъ и невѣста. Женщины поютъ.

Жениху.

А бѣлинькій, кудрявинькій Иванька!
А хто шъ тибѣ бѣлёшанька вамываў,
А хто шъ тибе сушóхынька утираў?
Вамывала бѣлёханька вадица,
Утирала сушохынька халстица,
Завивала кудёрычки сястрица.
А твой татка ясинъ мѣсяцъ,
Твая мамка красна сонца:
Ясинъ мѣсяцъ видна свѣтить,
Красна сонца тёпла грѣить.

Невѣстѣ.

Лятить сакбля изъ улицы, галубушка изъ другой.
Слитáлися, цулувалися, сизыми крыльями абнималися.
Да каму мы пѣснь спѣли, таму дабрò,
Каму вынитца, таму збудитца,
Каму збудитца, таму ни минуитца.
Ты ни скупися, падарачкамъ пащитися!
Ни зязюли кукують, ни сылаўй щибечуть,
А играютъ игрицы, мыладыя мыладицы.

Послѣ отъѣзда жениха къ тестю, приданыхъ сажаютъ за столъ, въ концѣ котораго стоитъ невѣста, и обѣдаютъ. Обѣдъ долженъ кончиться до пріѣзда жениха, который не долженъ застать ихъ у себя дома; въ дорогѣ они тоже не должны встрѣтиться; если же нельзя избѣжать встрѣчи, то женихъ сворачиваетъ въ лѣсъ.

Когда сваты сидятъ за столомъ, то имъ поютъ:

Пара̀ госьти да дому, да дому.
Паѣли кони салбму, салбму,
Аржаную, иравўю, иравўю,
Ячную, смачную, смачную.
А приданки дамоў ѣдуть, Харитку кидають,
А приданки дамоў ѣдуть, Амосыўну кидають!

—

Госьти май, госьти май, дырагіи май,
Чымъ жа васъ, госьтики, ды й папбштывати?
Ёсь у мяне, ёсь у мяне ды й зялёный сатъ,
У тымъ саду, у тымъ саду вирябьёва стада.
Бяру ружъё, ды бяру ружъё сымастрѣльныя,
Бью вирибья, бью вирибья сыма лўччага.
Крылки, ношки, крылки, ношки у крупеньки зварю,
Сымагò вирибья на пряжэ́ньня спякў.
Ѣшча, госьти, ѣшча, госьти, ни засальтя вусбў,
Пы кишэ́нямъ, пы кишэ́нямъ ни раскладывайтя:
Етымъ жа вы свайхъ дятёй ня вы̀кармитя,
Толька вы ихъ, толька вы ихъ рыспатвбритя!

Поѣвши, приданые прощаются съ невѣстою и прочими и отправляются къ родителямъ невѣсты—кто безъ шапки, кто безъ рукавицъ, а которая и безъ платка.

Въ тотъ же вечеръ отправляются къ жениху перезывщики, человѣкъ 6—8 и болѣе, родители невѣсты, родственники и знакомые. При пріѣздѣ туда ихъ встрѣчаютъ молодые, родители жениха, дружко и дударь съ музыкой. Вводятъ ихъ въ домъ, гдѣ молодые кланяются родителямъ невѣсты; потомъ ихъ садятъ за столъ и подаютъ извѣстныя кушанья, а также у кого есть медъ, сладкое молоко, наконецъ—холодное. Послѣ стола сватъ со сватомъ ходятъ по скотному двору и амбарамъ, осматривая хозяйство. Черезъ часъ гостей опять сажаютъ за столъ и угощаютъ. Женщины поютъ отцу невѣсты:

А сватъ свата прбситъ, (2)
У рўкахъ шапку нбситъ: (2)
Ай, сватя, мой сватя,
Пубывай ў маёй хати,
Пувидай майгò дива,
Пупивай майго пива!
Маё дива диўнбя
Маё пива пиўнбя!
Ты паслухай, Амосюхна,
Ты паслухай, Дямидывичъ,
Якъ мы тябе ўзвиличаимъ,
Пы батиньки называимъ,

Што ты роду вяликага,
Айца-батьки быгатага, (2)
А матушки разумныи.
Мы ня ўспѣли пѣсьню спѣть,
А ёнъ намъ пыдачи шлеть.
Ды спасиба, Амосюхна,
Ды спасиба, Дямидывичъ,
Зы твай пыдачиньки,
За нискіи паклóнычки!

А если величаемый не даетъ, то поютъ:

Ты садьвинься зъ мѣсьтичка,
Ты садьвинься са скунога.
Пыдъ табóй сто рублей.
Пыдъ табóй тысича.
Ни зязюли кукують,
Ни сылаўй щибечуть,
А играють игрицы,
Мыладыи мыладицы!
Ни зыбаў, Амосюхна,
Ни зыбаў, Дямидывичъ!

Послѣ стола отправляются домой, и свадьба кончается.

По записямъ Ю. С. Заицъ.

Свадебныя пѣсни Городокскаго уѣзда.

А кони маи сивыи,
Ти щўитися сь силыю,
Ти привизéтя милыю?
Мая мила лёгынька:
Двинадцыть канéй пристáла,
А три кареты зламáла,
Падъ той гóркыю, падъ крутой,
Падъ той царкóўкый, падъ святой.
А ў той царкóўки святый Спасъ,
Звиньчаў свадипку ў добрый часъ,
У харошыю гадину, у щасьли-
[выю часину.
Паѣхыў Иванька жанитца,
Забыўся зориньки кланитца.
Ны ягò зоринька дивила:
„Я тибѣ, Иванька, святила,
Якъ тибѐ мáтя радила.
Па сѣнямъ хадила, якъ пава,
Радила тибѐ, якъ пана;
Па сѣнямъ хадила бизъ пыса,
Радила тибе, якъ панича;
Па сѣнямъ хадила, якъ рися,
Радила тибѐ, якъ князя.

—

Чересъ боръ дарóжынька—чарназёмъ.
Тамъ ѣхаў Иванька чарнабрóў.
Увидила Палагейка сь тиримà:
„Заѣть, заѣть, Иванька, на таржóкъ,
Купи маёй мáмухны пиражокъ,
Кабъ была лáскыва ды тибѐ,
Кабъ аддалà минѐ мбладу зы тибѐ!"
— Я ни мáю злата—сéрибра при сабѣ,
Тольки мáю три яблычки ў кишанѣ,
Ета маёй княгини съ пахмéльля,
Кабъ ни балѣла галóвушка зъ вясельля!

—

„Ни стой, Божухна, за дьвирямъ,
Хади, Божухна, ў хату къ намъ,
Сять, Божухна, на кутѣ,
Дай дóлюхну сиратѣ!"
— Хуть я ў хáтуньку ни пайдў,
Хуть я ни сяду на кутѣ,—
Я дамъ долюхну сиратѣ!

—

Скрипнули варôты съ паўначи,
Наѣхыли, мамухна, три паничи,
Стали маю косуньку трипати,
Стала мая мамухна плакати.
„Ни плачь, мая мамухна, пы касѣ,
Заплачь, мая мамухна, пы красѣ!
Я тваё падвôрья красила,
Я тваю симéйку висялйла.

—

Вчира рѣчинька быйстра йшла,
Сягôньни рѣчинька смутна йдéть.
Вчира Палагейка вéсила была,
А сягоньни Палагейка смуть-
[нинька.
Асѣла яè чужына,
Ўсё жанихова радйна:
Съ правага боку залôўка,
А съ лѣвага боку свякрôўка.

—

А бѣгъ зайка па пôлю, туляся,
Ѣхаў Иванька па гôрыду, хваляся:
Слава Богу, даў Богъ теcьтя,
Якъ рôдныга татку,
Даў Богъ тещу, якъ рôдныю мамку,
Даў Богъ швагра, якъ рôдныга брата,
Даў Богъ свéсьтій, якъ рôдныхъ сéсьтиръ.

—

Пчôлки май яраи, што вы сидйтя, што вы на палётъ ни лятйтя:
Ти васъ дôждживамъ змачйла, ти васъ вѣтрикамъ прибила?
Госьтики май любыи! што вы ни пъитё, ни яcьтё:
Ти вамъ патраўка ни харашà, ти вамъ, госьтики, хлѣбъ ни ўкусинъ,
Ти вамъ, госьтики, хызяинъ ни вéсилъ, ти вамъ, госьтики, гарэлка
[ни пъяна?
Кали гарэлка ни пъяна—мы иè падхмéлимъ,
Кали хлѣбъ палôвинъ—дыкъ мы вамъ прапôлимъ,
Кали хызяинъ ни вéсилъ, дыкъ мы ягô пыдвисялймъ!

—

Частўйтися, госьти,
Просимъ вашый милôсьти,
Кабъ вы пили, ѣли,
Висялéнька сидѣли,
Добрыи мысьли мѣли,
Харôшыи пѣсьни пѣли!
Хызяину чесь-хвылà,
Што бясѣда висилà.

Пынаѣхыли госьти
Съ чужôи валôсьти,
Сѣли яны зы стылами.
Узялись яны мёдъ-вино пить,
Абъ столъ кўпкымъ бить.
„Тйшай, госьти, тйшай!
Вамъ вина ни папйти,
Кўбакъ ни пабйти!“

—

А лятѣли гуси
Сь чужой дальній Руси,
Сѣли яны ныдъ вадôю.
Стали яны ваду пити,
Абъ лёдъ крыльямъ бити.
„Тйшай, гуси, тйшай!
Вамъ лёдъ ни разьбити,
Вады ни папйти!“

Кала замôрья
Синіи краски цвитѣли.
Кала застолья
Любыи госьти сидѣли.
А сколька цвитѣўны,
Синіи краски пывянуть:
А сколька сидѣўшы,
Милыи госьти паѣдуть.

—

Якъ пайду па вулицы,
Два двары минуючи,
А на третьтимъ дварбчку
Я стану паслухыю,
А што люди судють,
Сусѣди гаворють?
А што люди судють—
Майго свёкра гудють,
Майго свёкра гудють,
Свякрову ни хвалють.
Ахъ вы, люди, люди,
Добрыи сусѣди!
Што вы ни казали,
Якъ мине ни виньчали,
А тяпе́рь нихай такъ будить,
Якъ Богъ сўдить!

—

Дѣўка гарой ишла,
А лбгамъ садъ садила,
И зъ мамкый гыварила:
Мамка мая рбдныя!
Кали ўдасца жильё мае,
Паливать садъ табѣ буду,
А кали ни ўдасца жильё мае,
Я твой садъ высушу:
То таскбй, то бидой,
То гарючимъ слизамъ!

—

—

Ти ня шутъ быў Иванька, пыдманьщикъ,
Пыдшутиў, пыдманиў дѣвычку:
„Ай, хади, дѣвычка, ны маю стырану!
Ны маёй стыранѣ ни па вашыму:
У бочкахъ ваду ны валахъ возють,
У кытлахъ на кухни абѣдъ варють,
Вѣтрамъ, вихрямъ хату мятўть!“
Якъ пришла дѣўка ны яго стырану:
„Пыкажы-ка, дѣ валы стыять,
Ыкажы-ка, дѣ катлы висять?“
— Ета шъ я тибѐ абманиваў,
Ны сваю стырану пириманиваў!
А на нашый стыранѣ ўсё па вашыму:
У судахъ на пличахъ ваду носють,
У гаршкахъ, у печкахъ абѣдъ варють,
Вѣничкамъ да ручкамъ хату мятуть!

—

Баярачки, падманачки вы май!
Пыдшутили, пыдманили вы мянѐ:
Казали—пайдёмъ ў зилёный садъ гулять,
Казали—мы будимъ цвиты щипать,
Казали—мы будимъ винки звивать!
— А сабѣ звили жъ жбўтай мяты винокъ,
А мнѣ звили съ калючига иле́нцу!
Иле́ницъ колить, галоўку клбнить—Божа мой!

—

А ў нашыга свата тисовая хата,
Съ пирагоў печка збита, блинами накрыта,
Сачнёвы дьвери, кабъ ни скрипѣли,
Кругомъ хаты ельля, а ў хати висельля.
Кругомъ хаты рожа, а ў хати пругожа,
Кругомъ хаты мята, а ў хати багата!

—

Здрыганўлиси сѣни,
Якъ госьти пасѣли,
Ни такъ здрыганўтца,
Якъ госьти упъютца.
Тишай, госьти, тишай!
Ни ламайтя вы лавыкъ,
Ни щапайтя вы чарыкъ:
Нашы лаўки дубовыя,
Нашы чарки мидяныя,
Нашы напитки пъяны,
Закуски сахорны!

—

Бѣлинькій, кудрявинькій жынишокъ!
А хто иго билёшынька вымаваў,
А хто иго кудёрухны ращисаў?
— Вымавала билёшынька матухна,
Ращисаў русы кудирки татухна.
А ў суботу у вечари ращисаў,
А ў нидѣлю у пойзды пысадиў:
„Паижжай, паижжай, жанишухна, ни баўся,
На чужыхъ красныхъ дѣвушыкъ ни галься,
На сваю жонухну спыдивайся!“

—

Ай, росъ, ни даросъ жынишокъ!
Са згарбды ны каня садиўся,
Атламиў три розки бирёзки,
Сиканўў коника падъ ножки:
„Бяги, мой кося, ўсё рысьтю,
Къ майму татухны съ карысьтю,
Къ маей мамухны зъ радасьтю!“

—

Вылитаў саколинька
Съ-падъ зилёнага сада,
А съ-падъ бѣлага винаграда.
А за имъ уси пташачки,
Якъ рой вымитаўся,
На мителиньку змитаўся.
А зъижжаў Иванушка
Зъ вяликага сила,
Зъ быгатыга двара.
А за имъ Палагеюшка:
„А пастой, Иванушка,—
Пыгаворимъ съ табой:
Дѣ намъ ночку нучувать?“
— Ли дароги мой татухна жывѣть:
Тамъ мы будимъ нучувать,
Тамъ намъ будуть вичеру гу-тувать.

—

Болецкая волость.

А сватъ свата просить —
У рукахъ шапку носить.
„А, сватя мой, сватя,
Пабывай у маёй хати,
Павидай майго дива,
Папивай майго пива; —
Маё дива диўнбя,
Маё пива пиўнбя.

—

Плакала маладая,
Што мамка ни тая,
Свякроўка лихая.
Пайду я на рынокъ,
Куплю стаканъ мёду
Ды канбўку пива,
Свякроўку привитаю,
Работки папытаю.
„Свякроўка, мая мамка,
Пакажы мнѣ работку,
Пакажы мнѣ работку —
Усю сваю заботку"!
— Нивѣхна, дачўшка,
Уставай ранёнька,
Умувайся билёнька,
Утирайся сушэнька,
Мались Богу щирёнька —
Тады бярись за работку,
И узнаишъ заботку.

Учбра ня быў
Сягодьни ня быў,
Чаму жъ ни приѣхуў? (2)
Ти каня ня мѣў,
Ти самъ ни хатѣў,
Ти мать ни пущала? (2)
— Я й кбня имѣў,
Я и самъ хатѣў,
И мати пущала: (2)
Ёсь ў минѐ систра —
Семъ лѣтъ ни расла, —
Тая ни пусьтила!
„Ня ѣдь, братитка,
Ня ѣдь, родниинькій,
Прoти тёмнай ночки
На пьяныи люди:
Ночинька тимна,
Дарожка грязна:
Къ абѣду ни паспѣишъ!"

—

Ни диви, галубка, на галуба:
Ты сама галуба привадила —
Частаю, частаю палётушкай,
Ласкаю, ласкаю, щабётушкай!
—Ни диви, Марьютка, на батюшку:
Ты сама Иваньку привадила —
Частаю, частаю пахбдушкай,
Ласкаю, ласкаю, гавбрачкай.

—

Ня хади, княгинька, бокамъ, бокамъ, —
Пріѣхаў жанишокъ ни нарокамъ.
Ня хади, княгинька, задраўшысь, —
Пріѣхаў жанишокъ, сабраўшысь.
Ня хади, княгинька, кала лавакъ,—
Пріѣхаў жанишокъ бизъ баранакъ.

—

„Ти гримять калёски ў дарбжыньки,
Ти лящать падкбўки сталёвыя,
Ти звинять званочки спижбвыя,
Ти ѣдить тамъ панъ Иванька,
Ти вязёть паненку Алёнухну?"
— Ай, гримять калёски ў дарожыньки,
Лящать падкоўки сталёвыя,
Звинять званочки спижовыя,
Ай, ѣдить тамъ панъ Иванька,

Вязе́ть паненку Алёнухну!
Ты выйди, свякро́ўка гарбатая,
Пиряйми̂ нявѣхну быгатую!
Выхади̂, свякроўка саплйвая,
Сустрича̂й нявѣхну щасьливую.

—

Скрипнули варо́ты съ паўначи̂:
Прiѣхали къ Марьютки паничи.
Вотъ табѣ, Марьютка, за то́я,—
Было̂ ня плесь ко́сыньку утро́я!
Было̂ плесь косыньку ў чатыри ряды̂:
Жыла̂ бъ ты у батюшки чатыри гады̂.
Я й ня годъ жыла, я й ня два,
Ня 'дну лентачку знасйла,
Ня 'днаго̂ малайца̂ ссушыла, —
Аднаго Иваньку сукрасйла.

—

Литала сизая пава па по́лю;
А за ей сизый се́лизинь у даго́нь:
„Стой, пастой, сизая пава, ты мине̂!"
— Што табѣ, сизый селизинь, ды мине̂?
Ёсь у тибе̂ лѣпшы пташычки зы мине!"
„Облита̂ў чатыри сады, ящо й три, —
Ни нашо́ў таке́й пташычки, якъ и ты!"
Гуляла млада Марьютка па са̂ду,
А за ей млад́эй Иванька удаго́нь:
„Стой, пастой, млада Марьютка, ты мине̂!"
— Што табѣ, млад́эй Иванька, ды мине?
Ёсь у тибе лѣпшы дѣвачки зы мине!
„Абхадйў чатыри сялы̂, ящо й три, —
Ни нашо̂ў таке́й дѣвачки, якъ и ты!"

—

Бѣлая бярёза
Усё лѣта шумѣла,
Зъ лйстiйкамъ гаварила:
„А вой, листiйка,
А вой, жо́ўтая,
Ты мине̂ пакйнишъ!"
— Ня бось, бярёза,
Ня бось, бѣлая, —
Я тибе̂ ни пакинў!
У восинь атсыплюся,
Вясно́й апя́ть буду:
Шумѣла—шумѣть буду,
Да вѣку ни забуду!"

Марьюткина мамка
Усю ночку ни спала,
Зъ Марьюткэй гаварила:
„А вой, Марьютка,
А вой, дачу́шка,
Ты мине̂ пакйнишъ!"
— Ня бойсь, мамухна,
На бойсь, родная, —
Ни разу ня кину!
Нидѣльку атжывў,
Ў суботу апять буду, —
Да вѣку ни забуду!

—

Кукувала зязюлька ў барбчку,
Прилбжыўшы галбўку къ листочку.
Кукуваўшы, казала: „Божа мой!
А Божа мой, Божа, Божа мой!
А хто жъ май гнязьдечки разариў,
А хто жъ май яечки усё й пабраў?"
— Разарили гнязьдечки канюшки,—
Пабрали яечки пастушки!
Плакала Марьютка ў святлицки,
Прилажыўшы галбўку къ шклянйцки.
Плакаўшы, казала: „Божа мой!
А, Божа мой, Божа, Божа мой!
А хто жъ маи вянбцки разабраў,
А хто жъ маи устўшки ўсё й пабраў?
— Разабрали вяноцки падружки,
Пабрали устушки сяструшки!

—

Па гары Настулька йшла,
Падъ лбгамъ садъ садила,
Свайму татки гаварила:
„Ахъ ты, татухна,
Паливай мой зелинъ садъ
То сатбю, то мядбю,
Зверху бѣлымъ сахарамъ".
„Дурна, дурна дитя маё,
Ни разумна Настулюхна!
Харашо жильё будить,
Ты сама пра свой садъ забудишъ;
А дурна жисьть твая будить,
Ты сама свой садъ пальешъ
То таскбю, то бядбю,
Зверху горькими слизами!"

—

Ти ня Богъ табѣ даў, Иванька,
Што твая Марьютка пригбжа,
[якъ роза,
Якъ душа хараша!
Нямножка нада абряду:
Баброву шубу на плечи,
Саянъ зялёный па пяты,
Хвартухъ синій па калѣны,
Буйны крали на шыю,
Залатыя серьги у вушы!

—

У барку, барку, прибборку,
Рубиў Иванька камбрку.
Приходить къ яму Марьютка:
Руби, руби, каморку плотнинька,
Пасикай вакбшки часьтинька,
Кабъ къ намъ салавей прилитаў,
Кабъ насъ маладыхъ прабуджаў.
Ни матка ў насъ—мачиха,
Выйдить на вулку—абсудить:
„Мая нявѣстка—калбда:
Якъ бѣлъ кужыль прясть —
Спать, дримать;
Якъ пасьтелю слать—
Пѣсьни играть!"

—

А ти то шъ то баярачка,
Што Марьютка Иванаўна:
У баярки ладилась —
Калинкэй мазалась,
А й малинкэй румянилась!
— Нипраўда, жбначки,
Нипраўда, лябёдачки!
Я й калинкэй ни мазалась,
Малинкэй ни румянилась,
Спарадила минѐ мати
И бѣлаю, румянаю,
Тбнкаю, высокаю,
Стрбйнаю, пригожаю.

—

Куды вашы вбчихны глядѣли,
Што заѣли мбладу, заѣли!
Па самый дворъ—щирый боръ,
Па самыя варбта—балбта,
Па самый вакбньникъ—сасбнь-
[никъ,
Па самыя лàваньки—заиньки,
Пысряди избы—кнуть зъ лазы̀.
Вотъ табѣ, Марьютка, дли гразы̀!

—

Салавей, мой салавей,
Салавей мой, дробная пташычка!
Ни збивай минѐ мбладу:
Сама знаю, сама вѣдаю.
Якавò жыльё ў чужыхъ людёхъ:
Позна спать кладуть,
Рáна будúть идуть.
Збивають минѐ мбладу
За вадбй итить
Кала тàткина терима,
Кала мамкина вакбшычка.
Мой татухна падъ вокномъ ся-
[дить,
У вакнò глядить;
Мая̀ мамухна за парбгъ бягúть:
„Ахъ ты, дитя маё, дитя̀тухна,
Ти ня атмéрзли твай ножыньки,
Ти ни ззябли твай ручухны?"
— Мать мая̀, матушка:
Якъ стать мнѣ табѣ расказывать—
Мнѣ маладэ̀й празабáвитца!

С. Хвошно.

—

Якъ на мбрячку, якъ на сú-
ниньки́мъ,
Плавала шэ̀рая ву̀тачка. 2
За ей у пагбнъ, за ей у дагбнъ
Сизый силизéнь: 2
„Пастбй, ву̀тачка, пастбй, шэ̀рая,
Мы съ таббй пащабéчамъ! 2
Быў я на мѣсьти, чўу я три вѣсьти
Пра тибѐ, шэ̀рая вуѝтачка! 2
Купля̀ють сѣти, таргу̀ють сѣти
На тваúхъ дрббныхъ дитéй!" 2

— Няхáй купляють, няхáй тар-
гу̀ють—
Я абъ éтамъ ни баю̀ся: 2
Сѣти падяру̀, дитéй пабяру̀.
Плавала и плавать буду,
И плàваньня ни забуду! 2
Якъ на ǵàначку, якъ на новинь-
[кимъ,
Гуляла Марьютачка. 2
За ей у пагбнъ, за ей у дагбнъ
Маладый Иваничка.
„Пастой, Марьютка, пастой, дѣ-
[ванька,
Мы съ табой пагавбримъ! 2
Быў я на мѣсьти, чўу я три вѣсьти
Пра тибé, Марью̀тачка: 2
Купля̀ють табѣ, таргу̀ють табѣ
Чапéцъ на галбу̀ку!" 2
— Няхáй купля̀ють, няхáй тар-
[гу̀ють—
Я абъ éтамъ ни баю̀ся: 2
Чапéцъ падяру̀, коску расплятуѝ,
Гуляла и гулять буду,
И гуля̀ньня ни забуду! 2

—

За лясбмъ сбўнашка играить,
Сёмачка коника сидлáить,
Яго татулька пытáить,
Куды ёнъ коника сидлáить.
„А што табѣ, тáтухна, да таго?
Сидлáю коника самъ свайгò!
Паѣду нбчаньку начну̀ю,
Па сваю̀ Марьютку вячну̀ю!
Ай, вѣчна, вѣчна, сярдéчна.
Ай жа харашà, якъ душà,
Ай жа пригбжа, якъ рбжа!

—

Якъ на мбрячку, якъ на сúнинь-
[кимъ,
Два бабры̀ купáлася, 2
Якъ на ǵàначку, якъ на нбвинь-
[кимъ,
Два братцы збиралася: 2
Пбйдимъ брáтитка, пбйдимъ,
[рбдьниньки́й,

Пойдимъ да бабробў пабьёмъ, 2
Варўтки на шўбучку, 2
Климўськи на ша́пачку! 2
Варутку за столъ вядўть, 2
Шубучку ў рукахъ нясўть. 2
„Жоначки-лябёдачки, 2
Стойтя жъ вы тихонька, 2
Ни змара́йтя шўбаньки, 2
Ни стапчи́тя хустаньки: 2
Ня тутъ ина́ шытая, 2
Шыта ина ў го́ради, 3
Присла́на мнѣ мо́лади. 2
Шыли иѐ жыды—нѣмцы, 2
Присла́на мнѣ, панéнцы! 2

—

И радилася—ни была̀,
Куды минѐ матухна аддала̀:
Па самая ваконьня сасоньня,
Па самый жа дворъ щирый боръ,
Па са́мыя варо́ты бало́ты,
Па самыи паро́ги даро́ги,
Пасярёдъ двара̀ кустъ лазы!
Ета нашый дѣваньки дли гразы.

—

Якъ заржали сивыи коники на по́ли,
Заля́скали новыи калёсы на дво́ри,
Заплакала маладáя Хадо́рка ў камо́ри:
„Ни аддáй, ни аддáй мяне́, мамухна, сяго́дьни,
Ни аддáй, ни аддáй, мая̀ ро́дная, сяго́дьни!“
— Было̀ табѣ, маё дитятка, казáти:
Панаѣхали тыи бая́ры, што ўзяти,
А ў минѐ жъ уси тыи думки, што аддáти!

Въ ожиданіи молодыхъ въ домѣ жениха.

„Жо́начки-лябёдачки, выйдитя, паслухáйтя,
Ти ни шумить дуброўка зялёная,
Ти ни стучи́ть даро́жка шыро́кая,
Ти ни лищáть падко́уки сталёвыи,
Ти ни бягўть ко́ники пигáтыи,
Ти ни вязуть канягиню багатую,
Ти ни бягўть ко́ники пляськи́выи,
Ти ни вязуть канягиню щасьливую?“
— А стучи́ть, стучи́ть даро́жка шыро́кая,
Бягўть, бягўть коники пигáтыи,
Вязуть, вязуть канягиню багáтую,
Бягўть, бягўть коники пляськи́выи,
Вязуть, вязуть канягиню щасьливую!

Невѣстѣ-сиротѣ.

А знать па пиру, видать па пиру—
Сиро́цкая свадьба! 2
И дворъ ни мятёнъ, и пиръ ни вясёлъ—
Сиро́цкая свадьба! 2
Сталы засла́ны, госьти сазва́ны—
Паря́даньку нѣтути! 2

Каму жъ загадáть, а каго жъ паслáть
Па рóдную мáманьку?
А ты, Марьютка, а ты, дѣванька,
Ты пашлй сакóлика: 2
Ёнъ висóка лятйть, къ зямлѣ принадéть—
Маманьку прабýдить: 2
„Устань, маманька, устань, рóдная,
Благаславй дачýшку сваю!“ 2
— Ой, рада-бъ устати къ сваймý дитяти,
Парáданьку [1]) дати—2
Сырая зимля на грудь залиглà,—
Ни магý прадыхнуть; 2
Жбýтыи пяскй занясьлй глáзки,—
Ни магý приглёнуть; 2
Зилѣзны цвéчки сьтйснули плечки,—
Ни магý павярнýтца, 2
Дубовы доски сьтйснули ножки,—
Ни магý устáти, 2
Ни магý ýстáти къ сваймý дитяти,
Благаславéнства дáти! 2.

Плачъ невѣсты-сироты.

Узьнимйтись, бýйныи вятрóчки,
Разнясйти жбýтыи пясóчки,
Раздярйти грабавыи дóски,
Разнимйти мамки бѣлыи ручки,
Аслабанйти хуть на часóчакъ,
Няхàй инà минè благаславйть!

—

А зима, зима, чаго сьтидзёна,
Чагò рана стала? 2.
—А што за рана, а што за пóзна—
Калй мая парà пришла: 2

Листóчакъ падéть, трáваньку
[265]
[владéть,—
Ужо мая парà идéть! 2
„Чаго, Маринка, чаго, дѣванька,
Чаго рана замужъ идéшъ?“ 2
—А што за рана, а што за пóзна—
Калй мая парà пришла: 2
Тáтухна даéть, Климутка би-
[рéть,
Ужо мая парà пришла,
Ужо мая гадйна!

Приданки въ домѣ жениха.

„Жóначки-лябёдачки, чалóмъ вамъ:
Ти ни залятѣла наша кýрачка ýчóра къ вамъ?
Наша кýранька знакомая—съ халалкóмъ!“
— А залитѣла, ни залитѣла—ня'ддадёмъ!
„А жóначки-лябёдачки, чалóмъ вамъ:
Ти ни заѣхала наша дѣвачка ýчора къ вамъ:
Сама бѣлинька, лицóмъ крáсьнинька и зъ винкóмъ?“
— А заѣхала, ни заѣхала—ня'ддадёмъ!

[1]) См. выше. Смѣшеніе словъ: порядокъ и порада—совѣтъ

При отъѣздѣ молодыхъ.

Вылитáли салавéйки зь зялёнага саду,
Зь зялёнага саду, съ-падъ бѣлага винаграду.
Яны вылитали, зязюлю съ сабóй звали:
„Зязюля шэрая, палéтимъ зъ нами,
Палéтимъ зъ нами, шъ шэрыми салуўями!“
— Якъ жа я палéчу зъ вами—жаль саду пакинуть:
А ў маёмъ садóчку ягадки салóдки,
Ягадки салóдки, вадица крыница!
Выижжáў Иваничка зь вяликага сила̀,
Зь вяликага сила̀, зъ багáтага двара̀.
Якъ выижжáў, Лукéрьюшку съ сабóй зваў:
„Маладáя Лукерьюшка, паѣдимъ зъ нами!“
— Якъ жа я паѣду зъ вами,—жаль мамку пакинуть!

—

Кукувáла зязюлинька, ў зéлинъ садъ прилитáя,
У зелинъ садъ прилитáя, къ винаграду припадáя.
„Сады май зялёныи, винаграды сажóныи!
Мнѣ па васъ ни литàти, винаграду ни клювáти!“
Ды плакала жъ Маринáчка, къ сваёй скрыни припадáя:
„Скрыня жъ мая новая, а трýбачки бялёныи!
А я прáла васъ и ткала, и бѣлинька бялила,
Бѣлинька бялила, за 'динъ вéчаръ падялила!“

С. Козьяны. Отъ кр. Ак. Петровой зап. І. Барановскій,

—

Вихóрь виряю павалиў,
Черисъ Дунай кладинку на-
[масьтиў.
А тамъ ишла дяўчóнычка,
А за ей ззаду мальчишычка,
На чорный саянъ наступáить,
Зъ ей гавóрить, чипáить.
„Ты за мной, мальчишка, ни хади,
На чорный саянъ ни ступай,
Са мной ни гавари, ни чипай:
Ёсь у тибѐ дѣўки луччи мянѐ!“
— Нипраўда твая, дяўчóнычка:
Я й три вулицы абайшóў,
Луччи тябе ни найшóў!

—

А бóрамъ, бóрамъ, якъ баркóмъ,
Лижала дарожка, якъ шнуркóмъ,
Ѣхала казакóў семъ палкóў,
Маладэй Иванька напирёдъ.
Здáлику кóникаў зьдиржáить,
На баяръ шáпачкай махáить:
„Стóйтя, баяры, слýхайтя,
Якъ мая Анютка пѣсьни пяéть,
Па шырóкаму двару гуляя,
Садóвый яблачикъ качая,
Шалкóвай хýсьтинькай махáя,
Минѐ малайца дажыдáя!“

—

Раззиляниўся въ агарбди зилёный [садъ,
Развисяли́ўся Иванька ў дарбзи,
А ёнъ къ сваёй Анютки ѣдючи,
Дарагія падарачки визючи!
Инà падáрачками гардўить,
Ина яму̀ палѣпшыи гатўить:
Шалкбвыю хустку зубкўить, [1])
Ина свыяму̀ Иваньку дарўить.

—

Ти ни стыдна табѣ, Иванька:
Вы́ихаў на пбля бисъ стрѣлки,
На тéсьтиў дворъ бизъ дѣўки!
— А дайтя мнѣ стрѣлку мидяну,
Праламлю сьтяну̀ кàминну,
Вы́виду дяўчбнку мбладу!

—

Спазьниўся малбйчикъ ў дарбзи—
Ни кбваны кбни у вбзи:
„Есь у минè кывалй ў дарбзи—
Пыдкуюфъ коній у вбзи;

Есь у маёй Анютки пиресьтяньки,
То маимъ кбникамъ падкбўки;
Есь у маёй Анютки крáлички,
То маимъ кбникамъ ухнáлички;
Есь у маёй Анютки устўжки,
То маимъ коникамъ падпрўжки!“

—

А знати-та, знати,
А ў катбрай хати:
Кругбмъ агбнь гарйть,
Варбтцы пыдъ замкáми,
Въ варбтцахъ стбражъ стайть.
Анютка выхадила,
Замбчки размыкáла,
Варбтцы ращиняла,
Сватбчкаў успускàла.
А сваты на дворъ,
А я мблада за столъ.
Иванька зъ дружы́ныю,
А я мблада зъ баяркыми!

Величальныя жениху.

Што на кутѣ ды за зàрива?
— Атъ Иванывыхъ кудéручикъ,—
Иванывы кудéручки зыгарѣлися!
А гдѣ яго мыладáя жына?
Узила бъ ина да шалкбвый платокъ,
Памачи́ла бъ у салбдкій мядбкъ,
Утушыла бъ у Иваньки кўдирки!

—

Што на кутѣ ды за зарива?
Атъ Иванавыхъ ботъ загарѣўся [полъ.
Атъ збльта теримъ щéпитца,
Атъ сирибрà лаўки лбмютца.

—

Ня буду сьвятйть,
Гдѣ Иванька сядйть.
А сьвѣтють жа, сьвѣтють
Зылаты́и пиресьтяньки,
Сирéбряныи шпонки (запонки).

—

Иванька-сéрьдинька,
Садьвиньси съ мѣсьтичка:
Пыдъ табби сто рублей,
Сто рублей съ палтйныю
И шъ шблкывай хусьтиныю.

—

Скáчить, пляшыть гарнастайка пы сталу̀,
Прискакáўся къ Иванькыву кишыню.
„Иванюшка, атéчицкій сынокъ,
Пыдари намъ гарѣлычки крючбкъ!“

—

[1]) Обшиваетъ платокъ зубчиками, фестонами.

Величальныя невѣстѣ.

На кимъ, на кимъ крутый, витый винóкъ?
На Анютычки крутый, витый винокъ!
А хто жъ та ёй виночикъ савиваў?
Савивáла Прячи́стая Мáтушка,
А ў цэрькуўки на пристóли сидючи̇.
Пасирёдъ винка̀ ды й збриньку садила,
Кабъ ина̀ ёй виднёхынька сьвити́ла.

—

Анютычка—якъ душа,
Рубашычка хараша̀:
Кала вбрата зблыта,
Кала̀ падблу сирибро̀.

—

Зъ ряду, зъ ряду ба́ярычикъ
Луччи нѣту Анютычки:
Ина й роду вяли́кага,
И батюшки багатага,
И матушки разумныя:
Ни пасьпѣли мы пѣсьни сьпѣть,
А ина̀ намъ падарычки шлёть,
А ие̇ жъ та падарычки—салбдкіи
[прянички.

Анютычка, якъ па̀ня,
У шолкавамъ жупани,
Чиривикъ щилкайть,
Далика́тьнинька ступа́ить,
Штобы чиривичка ни скривить,
Паньчóшычикъ ни смачи́ть!
С. Мишневичи.

—

Добрый день свату ў хату:
А ти вйдна (свѣтла) яго святёлка,
Ти вéсила яго сямéйка,
Ти цвятýть цвяты́ у гарóди,
Ти пяю́ть салаўи̇ ў саду̇,
Ти бруя́ть пчолы ў мяду̇.
С. Тіосто.

—

Велижскій уѣздъ.

Свадьба у Велижскихъ крестьянъ начинается такъ:

Собираются три свата отъ жениха и отправляются въ домъ невѣсты ее сватать. Когда скажутъ невѣстѣ о цѣли своего пріѣзда, то невѣста должна отвѣтить: „хто шъ знаить, какъ отецъ и матка скажуть!“ Тогда сваты спрашиваютъ родителей, а тѣ говорятъ: „хто шъ знаить, каковъ женихъ?“ Такъ сваты и возвращаются къ жениху. Послѣ этого отправляется самъ женихъ смотрѣть невѣсту. И если одинъ другому понравятся, то даютъ согласіе другъ другу и молятся Богу. Затѣмъ садятся за столъ, куда сваты жениховы ставятъ водку, а мать невѣсты приготовляетъ яичницу. Тогда приходитъ невѣста изъ другой хаты и кланяется сватамъ, которые выходятъ для этого изъ-за стола. Кланяется и своимъ родителямъ, отцу и матери, и голоситъ:

„Татка карми́лицъ, а мамка зязюлька! Што̀ вы ны мяне̇ рыссярди́лись? Маю̀ галоўку зыкабалили, маё сéрца зазнаби́ли! Цымъ жа я вамъ, татка, ни ўгадила и ни ўладила? Ти я была вамъ няўслушница, ти пагрубница?“

Послѣ этого она приноситъ холстъ, который называется „дарями", и начинаетъ дарить всѣхъ сватовъ, а тѣ ей платятъ за дары по гривеннику. Затѣмъ невѣста снова уходитъ, а сваты начинаютъ пить и закусывать, послѣ чего благодарятъ и уѣзжаютъ домой.

Послѣ этого проходитъ недѣля. На второй недѣлѣ въ четвергъ невѣста начинаетъ ходить по своимъ родственникамъ и зоветъ ихъ на свадьбу. Такъ она ходитъ до субботы. Въ субботу послѣ полудня топятъ баню, и невѣста идетъ мыться.

Затѣмъ приходитъ боярка и начинаютъ невѣсту чесать и одѣвать: надѣнутъ ей сарафанъ, или юбку, кофту и бѣлякъ. Вечеромъ собираются гости, родные и знакомые, приходятъ музыканты. Отъ жениха пріѣзжаютъ пять сватовъ, и тогда начинается „вечеринка". За столъ садятся всѣ родные невѣсты, и сваты начинаютъ угощать ихъ своею водкою. Въ это время входитъ невѣста. Сваты подаютъ ей отъ жениха торбу, въ которой находится: мотокъ баранковъ, кусокъ говядины, сыръ, булка хлѣба и двѣ бутылки водки. Невѣста беретъ этомъ мѣшокъ и опять уходитъ къ своимъ бояркамъ.

Мать ея приноситъ чашку капусты, говядину, за говядиной подаютъ супъ, кашу и на кашу кладутъ по куску мяса. Послѣ всего подаютъ яичницу и кисель. На этомъ столъ кончается. Начинается надѣлъ. Столбовой говоритъ рѣчь. Послѣ надѣла сваты жениха отправляются домой, а у невѣсты гуляютъ до дня.

Утромъ начинаютъ невѣсту убирать къ вѣнцу: чешутъ ей голову, причемъ волосы не заплетаютъ; на голову надѣваютъ „галѣвину" (вѣнокъ) и вѣшаютъ позади девять или восемь разноцвѣтныхъ лентъ. Когда кончится одѣванье, родители берутъ образъ, затепляютъ свѣчку и ведутъ невѣсту въ другую хату, и здѣсь начинается благословенье. Невѣсту благословляютъ отецъ и мать и всѣ присутствующіе родные. Невѣста кланяется. Тогда ѣдутъ подъ вѣнецъ. Съ невѣстой ѣдетъ боярка и братъ и сестра, когда есть; къ дугѣ лошади привязываютъ ленты и колокольчикъ.

Послѣ вѣнца женихъ ѣдетъ къ себѣ домой, а невѣста въ свой домъ. Здѣсь садятся за столъ и обѣдаютъ. Послѣ обѣда начинаютъ играть музыканты; невѣста и всѣ гости танцуютъ русскую, „хрищавого", казачка, чижика, березку, пѣтушка и польку. Вечеромъ пріѣзжаетъ женихъ за невѣстой и съ нимъ двадцать паръ гостей. Они остаются на дворѣ. Невѣсту въ это время садятъ за столъ и надѣляютъ ее деньгами; кто кладетъ двѣ, кто три, а кто пять копѣекъ; входитъ женихъ, надѣляетъ ее тридцатью копѣйками и опять уходитъ. Тогда выводятъ невѣсту изъ-за стола, надѣваютъ ее въ шубу, вывернутую вверхъ мѣхомъ, и въ шапку, и ведутъ на дворъ, гдѣ женихъ. Когда она идетъ, то мать крестная беретъ ее за руку и садится на порогъ; женихъ приходитъ и кланяется крестной и даетъ ей денегъ тридцать копѣекъ и бутылку водки. Это онъ выкупаетъ

невѣсту. Когда выкупъ конченъ, то невѣсту и жениха уводятъ въ хату и садятъ ихъ за столъ; съ ними входитъ и также садится вся родня женихова. Начинается угощеніе. На столъ ставятъ холодное, щи съ говядиной, а потомъ супъ съ говядиной, кашу и говядину, яичницу, молоко съ творогомъ.

По выходѣ изъ-за стола уѣзжаютъ въ домъ жениха. Женихъ садится съ невѣстой. Тутъ же ставятъ и сундукъ невѣсты съ приданымъ. Невѣстиныхъ гостей ѣдетъ двадцать пять паръ. Когда пріѣдутъ на дворъ жениха, отецъ и мать его выходятъ съ иконой, съ хлѣбомъ и съ зажженной свѣчой. Молодые кланяются имъ. Молодыхъ отправляютъ спать въ овчарникъ или въ чуланъ, а невѣстиныхъ гостей садятъ за столъ и угощаютъ. Послѣ этого танцуютъ, поютъ пѣсни, потомъ ложатся спать.

Когда встанутъ, то идутъ подымать молодыхъ, одѣваютъ невѣсту и ведутъ въ хату. Здѣсь начинается угощеніе а послѣ стола танцы. Напившись, гости идутъ по деревнѣ „по цыганямъ“, собирать яйца, крупу, овесъ, ячмень и т. д.—что кто дастъ. И приносятъ все это сватамъ. Сваты изъ собранныхъ яицъ дѣлаютъ яичницу и угощаютъ гостей.

Послѣ этого приносятъ хлѣбную дежку, ставятъ ее посреди двора и садятъ на нее крестную мать. Приходятъ изъ чулана молодые и кланяются ей. Тогда на дежку садятъ невѣсту и надѣваютъ ей „чепечъ“; а женихъ беретъ кнутъ и стоитъ у дежи; гости приходятъ и цѣлуютъ невѣсту, а женихъ бьетъ ихъ кнутомъ.

Тогда ведутъ молодыхъ въ хату, и садятъ за столъ; положатъ „въ чирéпку“ каши, и дружко подаетъ жениху эту черепку съ кашей, а женихъ, взявъ кашу, бросаетъ ее на печь. Тогда батька беретъ кнутъ, а матка помело, и выгоняютъ ихъ изъ-за стола. Они и выскакиваютъ: невѣста съ хлѣбомъ, а женихъ съ солью; положатъ и то и другое на полку, а сами идутъ въ другую хату; на ихъ мѣсто садятся за столъ гости невѣсты; послѣ угощенія они уѣзжаютъ. Когда гости уѣдутъ, то женихъ съ подкняжимъ садятся на коней, догоняютъ отца и мать невѣсты, угощаютъ ихъ и зовутъ на перезовъ въ гости. Спустя день послѣ перезова, жениховы отецъ и мать ѣдутъ въ гости въ домъ невѣсты. И тогда свадьба кончается.

Узковская вол. Запис. М. Страмковская
отъ крест. Ирины Андреевой.

—

Свадебныя пѣсни Велижскаго уѣзда.

Святый Кузьма-Димьянъ,
Скуй намъ свадибку
Викавѣцную, далгавѣцную:

Люди судють—ни рассудють,
Вятры̆ вѣють—ни развѣють,
Дажди мóцуть—ни размóцуть!

—

А каго у насъ нѣту у етый бисѣди?
Нѣту у насъ раднбй мамки.
Каго жъ намъ наняти, зы мамкой паслати?
Ёсь у садоцку, ёсь у зялёнымъ, дробный сылавейка.
Ёнъ рана ўставаить, па мамку злитаить,
Зимёльку ускыпаить, мамку разбужаить:
„Устань, устань, мамка, устань, устань, родна:
Прбсить тваё дитя твайго блыгыславеньня!"
— Пушшай блыгыслывляють, пушшай ныдиляють
Добрыи люди и ближніи сусѣди:
Я пъ и рада устати—галоўки ни ўзьняти:
Стиснуты костки ў дубовыи доски,
Звязыны руцки пярловымъ платбцкымъ,
Засыпыны глазки жоўтымъ пясбцкымъ!

—

Глаткая галбушка, русыи ку-
[дёрушки,
Ну, хто шъ тибѣ гылаву цысаў,
Кудри зывиваў?
Цысала галбушку
Мая рбдна матушка,
Зывивала кудёрушки
Жына мая быярыня,
Пыдъ акбшыцкымъ сѣдюцы,
Ны яснёнъ мѣсицъ глѣдюцы.
Яснёнъ мѣсицъ, яснёшыникъ,
А мой милый милёшыникъ;
Яснёнъ мѣсицъ у ваграды,
А мой милый у ныряды;
Яснёнъ мѣсицъ пыдъ лунами,
А мой милый пыдъ кудрями.
Будь давблинъ Стипанка,
Вотъ и мы тибѣ пѣсьню йграимъ,
Пу батюшки вилицаимъ,
Што ты роду бальшбга,
Атца-матери цыснбга.

—

Запрашбная гбсьтюшка, (имя)
У любы запрбшына,
У цасьтѝ пасожына:
Ёй и лаўка прастбрныя,
Ёй и мѣста шырокыя,
Пыдъ стиклястымъ вакбшыц-
[камъ пысажбна,
Пыдъ стиклястымъ вакошыцкамъ,
Пыдъ святымъ Микблыю.
Спасиба табѣ зы тваи пыдарыцки,
Зы слаткіи пряницки:
Ня ўспѣли ёй пѣсьню сьпѣть,
А ина намъ пыдацу шлёть:
Съ куту ды ўзапёцку,
Кажынаму цылавѣцку.

—

Ай бѣлы, бѣлы быярацки,
Билѣй Ганутки нѣть.
Былб у ёй два братцы сакалы,
Литали яны на мбря,
Брали купѣну бѣлую.
Той купѣный Ганутка мылыся:
За то ина бѣлинька,
Што купѣный мылыся.
Ты, Ганутка, ни скупися,
Са рублікымъ растулися!
Хытять игрёцушки
Твайго дару вяликыга.
Васъ, гасьтей, прибавилысь,
А насъ, игрецъ, нямножыцка!
Ина думыить—гыдаить,
У кырманъ руцки ўклыдаить,
Выбираить зблыта
Мижу цыста сёрибра!

Узковская вол. Зап. Т. Модзалевская.

—

При пріѣздѣ жениха.

Ни видать солнушка запамо́рскыга,
Тольки знать пы кружоцку.
Ни видать Марьюшки зы быя́ркыми,
Тольки знать пы вяно́цку.
А на ей вяно́цыкъ, якъ жаръ гарить,
А на ей платоцыкъ, якъ макъ цвите́ть.
Жаръ гари́ть—разгара́итца,
Макъ цвите́ть—разцвита́итца.
Хоть ѣть, ня ѣть, Стифанька,
Табѣ Марьюшку ня 'ддадёмъ:
Бо́ли зыга́ны зыдадёмъ!
Пе́ршая зыгана—пьяница...

(Та же пѣсня въ другой деревнѣ).

Ни видать солнушка зы 'блыка̀ми, —
Тольки знать пы кра̀ишкамъ.
Ни видать Марьюшки зы быя́ркыми,
Тольки знать па цвѣтикамъ.

Наканунѣ вѣнца на вечеринѣ.

А ў те́рими за дьверью
Стаи́ть крывать тисо́выя,
Ляжи́ть пярина пуховыя,
На тэй пяри́ни Марьютка.
Дли я̀е стыя́ть три мо́лайцы,
Яны я̀е упрашывають:
„Выпій вина зялёныга!“
— Аты (ото) ўсихъ мнѣ пить —
Мнѣ пьяный быть
А ўсихъ мнѣ любить, —
Мнѣ забитый быть!
Ти пить, ти ня пить
Атъ аднаго̀ Иваньки,
Ти любить, ни любить
Аднаго̀ яго̀!

Когда новобрачные ѣдутъ отъ вѣнца.

Расцвитаить виныградъ,
А ягыды пыспивають.
Виныградъ—Иванька,
А ягыда—Марьюшка.
Яны́ змалку спызна̀лися,
А вырысли—сывиньчалися.

Послѣ вѣнца за столомъ.

Частуйтися, госьти, —
Я прашу̀ вашый мило́сьти:
Кабы пили, кабы ѣли,
Кабы ве́сила сидѣли!
— Мы пьёмъ и ядёмъ,
Ве́сила сядёмъ.
Нашъ хызяинъ, силизе́нь,
Зы гарѣлкый пылятѣў,
А хызяюшка—утка,
Выра̀чийся крутка!

Когда невѣсту отвозятъ къ жениху.

Сьтидёная ро́са,
Ни хадѝ пы двару̀ бо́са!
Кали табѣ жаль,
Купи черявички —
Малы, нивялички,
Панцошки бялёвыя,
Пыдвязки шаўко́выя.

Когда невѣсту привезуть въ домъ жениха.

„Што жъ ты, Марьюшка, змарнѣла —
Ти ў тябе галоўка балѣла?“
— Балѣла, сястрица, увесь день, —
Ня видѣла Иваньки семъ нядѣль!
Ти вы мнѣ галоўку пывяжытя,
Ти вы мнѣ Иваньку пыкажытя!
— „Зывяжышъ галоўку рушницкомъ,
Пыкажымъ Иваньку вицаркомъ!

—

Прасилыся Марьюшка ва зялёный садъ:
— „Ты пусьси, татынька, ва зялёный садъ,
Сылаўя пыглядѣти, пѣсиныкъ паслухати!“
— Дурацокъ, Марьюшка, ниразумныя!
Ужу етытъ сылавей у насъ бўдить:
Мы яго пыглядёмся, и пѣсинъ наслўхымся!

—

Хлапатала маманька Андрéиўна:
Якъ маё дитятка жанитца бўдить:
Тёмныя ноцыньки, ды нявидныя,
Грязныя вўланьки бизъ мастоў,
Круты бирягй бизъ пирявозуў!
— Ни клапатись, маманька мыя родныя!
Сайграимъ свадибку са людями,
Тёмную ноцыньку сы свицáми,
Грязныи вуланьки сы мастами,
Круты бирягй сы ўзъѣздыми,
Быстрыи рѣцыньки съ пирявозами.

На запоинахъ.

— Пывянь, пывянь, рута—мята!
А какъ жа мнѣ пывянуть:
Буйны вѣтры пывиваютъ,
Дробны дажжы пыливаютъ!
— Гуляй, гуляй, Марьюшка!..

Я жъ бы рада пыгуляти —
На дворъ сваты узъинжáютъ:
Минё младу заруцають,
Гарѣлыцкый запиваютъ!

—

—

Мижы горъ-гóрушыкъ,
Ты выйди, Рипинка, памый руцки!
— Май такъ руцыньки бялёшыньки —
А ти будуть бѣлы ў свякровыньки,
Якъ цóрныга пырыбляю, якъ сырой пшаницы пымялю?
— Ни клапатись абъ нашый работи:
На цóрну работу людей наймёмъ,
Сырую пшаницу на прудъ связёмъ.

—

Калина съ малинай рана ў лазѣ расцвила̀,
Той парбй урѐмицкамъ минѐ мати радила̀:
Ни наўцыўшы розуму, ў цужы люди аддала̀.
Спра̀виў жа мнѣ та̀тынька малива̀нинькій стружбцыкъ,
Нагрузила яго мамынька тонкимъ бѣлымъ пылатнбмъ,
Успустиў ягò татанька на Волгу-рикў.
За мной, за мной маманька, крутымъ цыстымъ бирягкомъ
„Ты вярнися, доцъ мыя̀, распрашшаимся съ табой!“
— Ни вярнуся, маманька,—ни твая воля ва мнѣ:
Ты ни знала, маманька, какъ жжыть и збыть мине.
Ажна жжыла, збыла, маманька, за 'динъ вецыръ, вицарокъ,
За 'динъ вецыръ, вицарокъ, за ядѝнинькій цасокъ!

—

Палагейка раднбй ма̀маньки приказывала:
„Паѣдишъ, маманька, ка мнѣ ў госьти,
Ты ня ѣдь, маманька, чирисъ гбрыдъ,
Ни купляй, маманька, злата-сѐрибра;
Ты купи, маманька, сылавейку,
Ты прикуй яго кы пасьтельки.
А то ў мяне маманька бўдить ня рбдныя:
Близинька къ крывати ни падыйдить,
А хоть прѝдить—ни пабудить!..
Тотъ сылавей щибитать бўдить,
Насъ мыладыхъ будѝть, пабужа̀ть бўдить.

—

Пы дварў Дунюшка высильки багровыи,
Гвызьзики царвоныи садила:
Наѣхыў Аликсандрушка зъ быярами:
Пытаптаў васильки багровыи,
Пыламаў гвызьзики царвоныи!
Жалилась Дунюшка сваёй ма̀маньки.
— Хоть жалься, Дунюшка, ни жалься—
Я тваёй маманьки ни баюсь,
Я сѐридь двбрику астанавлюсь,
Я тваёй маманьки укланюсь....

—

— Ни стриляй, Ликсандрушка, ў шэрымъ бары,
Ты стряли, Ликсандрушка, къ тёшшы на дворъ!..
— Пѐршую старбжыньку капытомъ ссякў,
А другую старожыньку пбласамъ сатрў,
А третьтію старожыньку къ сабѣ примў!
Ласкывая тёшшынька на сѣнихъ хбдить,

Бѣлыга лёбидя ны рукахъ носить,
Красныю ягыду ны тарёлыцки.
Бѣлинькій лебидь—Ликсандрушка,
Красныя ягыда—Пылагёюшка!

—

Зы гарой заинька выў.
„А хто тибѐ, заинька, биў?“
— Биў минѐ, заиньку, Пятрушка:
А ти я яму дарбгу пирябѣгъ,
А ти я яму кбникаў распўдиў?
Ти я яму Дунюшку пагўдиў?
— Пирябѣгъ дарожку шэрый [воўкъ,
Распудили коника жырябцы,
Пагўдили Дунюшку малайцы.

С. Казаково. Зап. Ѳ. Коптѣловъ.

—

У невѣсты наканунѣ свадьбы, за вечериной, пыцынальныя пѣсни.

Баслаў Божа, Божынька!
Свадибку играти, Божынька!
Пѣсню пыцати, Божынька!
Двымъ мыладёнымъ, Божынька!
Двымъ блыславёнымъ, Божынька!
Двымъ пыражбнымъ, Божынька!
Двымъ пысажонымъ, Божынька!
Первый мыладецъ, Божынька!
Князъ мыладэй Пынкратушка, Божынька!
Другёй мыладецъ, Божынька!
Княгиня Кытяринушка, Божынька!
Святэй Лука, Божынька!
Будь къ намъ на свадьбу, Божынька!
Злуцы намъ свадьбу, Божынька!
Крѣпка и вѣцна, Божынька!
И дылгавѣцна, Божынька!
Святэй Кузьма, Божынька!
Будь къ намъ на свадьбу, Божынька!
Скуй намъ свадьбу, Божынька!
Крѣпка и вѣцна, Божынька!
И дылгавѣцна, Божынька!
Виўся, павиўся, Божынька!
Хмель зъ тыцынэй, Божынька!
Дубъ зъ бярёзый, Божынька!
Вирба зъ клёнымъ, Божынька!
Виўся павиўся, Божынька!
Пынкратушка, Божынька!
Съ Кытяринкэй, Божынька!
Руцка съ руцкый, Божынька!
Ножка съ ножкый, Божынька!

Сонца грѣить—ни разгрѣить, Божынька!
Вѣтиръ вѣить,—ни развѣить, Божынька!
Даяжжы мбцуть,—ни размоцуть, Божынька!
Мѣсицъ сьяить—ни расьяить, Божынька!
Луны лунють—ни разлунють, Божынька!
Суды судють—ни разсудють, Божынька!
Люди гавбрють—ни рызгаворють, Божынька!
Дай, жа Божа, многіи лѣты, многіи лѣты, Божынька!
Батьки зъ маткый ны радысь, Божынька!
Добрымъ людямъ ны завись, Божынька!

Поется, когда пріѣдутъ отъ жениха и сядутъ за столъ. Дружко вызываетъ охотника пѣть „пыцынальную пѣсню". Изъ гостей невѣсты, которые не сидятъ за столомъ, а стоятъ въ сторонѣ, является охотникъ, и запрашиваетъ съ дружка за пѣсню: „боцку водки, мѣхъ пирагоў и сто рублей денихъ!" Начинаютъ торговаться, и оканчиваютъ на одной бутылкѣ водки, двухъ пирогахъ и пяти копѣйкахъ. Вызвавшійся спѣть „пыцынальную пѣсню", беретъ въ каждую руку по небольшому пирогу и ударяетъ одинъ о другой при пѣніи словъ: „Божынька".

—

Ли варо́тъ бярёза стыя́ла,
А у бярёзи маку́шка злыма́на.
Ти зе́лина бярёза бизъ маку́шки,
Ти ве́сила ма́мушка бизъ дацу́шки?
— Туды-сюды пывярнусь, до́цки нѣтъ!
Выйду зы варо́тики—тольки слѣдъ.
Зилёныя травушка прило́жына
Туды маё дитятка паве́зина!

—

Кытяринина мамушка
На крылецъ выходила,
Зъ зарёй рѣцъ гывари́ла:
— Заря мыя, зброюхна,
Заря вяцэ́рняя!
Зытямни́ла мой дваро́къ,
Зызнабила мой жывато́къ:
Атвила́ атъ мяне служыхну вѣр-
[ную,
Атнисла́ атъ мянѐ до́брики цастыи,
Пыясы́ дымастыи!

—

Пынкратыва мамушка,
Усю нядѣлюшку вясёлинька:
У клѣть улѣзить —
Прибыль Богъ даў!
Придить лѣта,
Народить Богъ жыта,
Ёсь съ кимъ жать;
Доўгую нивку,
Шырокую пуста́тку
Ёсь съ кимъ гнать.
Ёлка-сасонка,
Зиму-лѣта зилянёнька!

Кытяринина мамушка,
Ўсю нядѣлюшку смутне́нька!
У вызбу влѣзить:
— Ахъ, Божа мой, —
Симьянина нѣтъ!
У клѣть улѣзить:
Кубла нѣтъ.
Придить лѣта,
Народить Богъ жы́та,
Нѐ съ кимъ жать!
Ахъ, Божа мой:
Круглая нивка,
Широкая пустатка —
Не съ кимъ гнать!

—

Зъ синяга моря
Вѣтры вѣють;
Зъ цы́стыга поля
Госьти ѣдуть.
Ты выйди, Кытяринушка,
Суструѣнь гасьте́й:
Вазьми кыня̀ выранóга
За ўздыньку,
А князя мыладóга
За ру́цыньку.

—

А ў гарóди кынапе́льки
Зилянымъ зилянéньки;
Ды ни даў имъ витярокъ пы-
[стыя́ть:
Атшы́бъ ёнъ перья
Пы самыя карéньня.
Сымавóлька Пынкратъ
Ды ни даў Кытяри́нушки пы-
[гулять:
Рысцысала касу пы плицамъ,
Рызлила̀ слёзыньки
Па бѣлымъ лицу.
— Гуляй, гуляй, Кытяринушка,
Зы маёй гылавóй!

—

Скры́пныли варóты съ пылнацы̀
Пріѣхали госьтики—три паницы̀:
Стали яѐ косыньку трипать,
Па бѣлыму ли́цыку растилать.

— А вотъ табѣ, Кытяринушка,
[за тбя,
Ня плёсь былò косыньку утрóя;
А плесь былò косыньку
Ў цаты́ри ряды,
И жыть былò ў татушки
Цаты́ри гады̀.
— Я ня годъ, ня два жыла,
Ни адинъ вянóцыкъ снасила,
Ня 'иняго мóлыйца ссуши́ла,
Аннагò Пынкратку спылюбила.

—

Цорная имгла
Къ зямлѣ прилигла̀;
Мылыда̀я Кытяринушка
Съ вадóй пытикла̀.
А за ей мамушка
Крутымъ биряжкóмъ:
„Пыдай, пыдай, руцыньку,
Кытяринушка!"
— Я ни пыдамъ рукý,—
Пушшай пытанý,
Ни дыстануся я никамý.
Цорная имгла
Къ зямлѣ прилигла;
Мылыда̀я Кытяринушка,
Съ вадой пытикла̀;
А за ей татушка
Крутымъ биряжкомъ:
„Пыдай, пыдай, руцыньку,
Кытя́ринушка!"
— Я ни пыда́мъ рукý,—
Пушшай пытанý,
Ни дыстануся я никамý!
Цорная имгла
Къ зямлѣ прилигла;
Мылыдая Кытяринушка
Съ вадой пытикла̀;
А за ей Пынкратушка
Крутымъ биряжкомъ:
„Пыдай, пыдай, руцыньку,
Кытяринушка!"
— Ой, на̀ табѣ дьвѣ,—
Пусь я табѣ!

—

Хадила нявѣста пы гарбду,
Сѣила цорный макъ съ пыдалу̀:
— Расьти, расьти, цорный макъ, красный цвѣтъ!
Што майгд та̀тушки дбу̀га нѣтъ.
Написала-бъ письмо, ды ня у̀мѣю;
Пыслала бъ пысла̀, ды ня смѣю;
Сыма бъ я пышла̀, — ды баюся,
Тёмный нбцышки тыраплюся:
Ны маёй дарбжки пыста̀у̀лины стыражы̀:
Хбцуть мяне мыладу сыймати,
Па русэй косыньки узнати.
Во ета табѣ, нявѣстушка, за тоя,
Ня плесь было̀ косыньку утроя;
Заплесь было̀ косыньку въ цатыри ряды,
Было̀ жыть у татушки цатыри гады̀.
— Я ня годъ жыла, я ни два,
Ня 'нну шубушку снасила,
Ня 'ннаго̀ мбладца ссушыла.

—

Пыгуляйтя, дѣвушки,
Пыгуляйтя, красныи:
Вамъ тяперь свыя̀ воля;
Нярбу̀на замужъ за̀йдитя,
Нарбвинъ мужыкъ дыста̀нитца:
Либа воръ, либа пьяница,
Либа ёнъ ряу̀ни̇у̀ бу̀дить,
Либа ёнъ хупа̀у̀ бу̀дить!
Зы ряу̀ни̇вымъ мужукомъ,
Ни пахбдишъ хырашо̀,
Ни панбсишъ зылато̀, цыста се́-
[рибра;
Ни пысяди̇шъ у бясѣдушки
Зъ ближними сусѣдками,
Съ книзьями, зъ быя̀рами,
И зъ вяликимъ пыяздбмъ.
За хупавымъ мужукомъ
Пахбдишъ хырашо̀,
Панбсишъ зылато̀ и цыстыя
[се́рибра;
Пысяди̇шъ у бясѣдушки
Изъ ближними сусѣдками,
И съ красными дѣу̀ками.

—

На кимъ у нась крутый, витый вянбцыкъ?
— Ны Кытяринушки крутый, витый вяноцыкъ!
Хто шъ ёй виу̀ крутый, витый вяноцыкъ?
— Завивала ёй Пряцы̀стыя Матирь,
У касьтёли ны пристоли сѣдюцы,
У вакошыцка глéдюцы,
То зорюшку, то звёздыцку садюцы!
Ина зблытымъ, ина се́рибрымъ пывива̀ла,
Ны Кытяринкину галбу̀ку уеклыдала.
Пысярёдь винка красна сблнышка у̀зашло̀,
Ясинъ мѣсицъ у̀сю дарбжыньку асвяти̇у̀.

—

Садила сады Кытяринушка,
Садиўшы сады, зыплакыла:
„Сады маи зялёныи,
Каму мнѣ васъ аткызать:
Ти татушки, ти мамушки,
Ти рóнныму братцу, ти рóнный
[сястрицы?
Атхажў я сать нявѣсты:

„Устань, нявѣста, ранёшынька,
Вымыйся бялёшынька,
Абатрися румянёшынька.
Нявѣста, пыливай садъ цастё-
[шынька,
У вецыри паздиёшыиька,
Павутру ранёшынька!“

—

Бѣлыя, кудрявыя бярёза,
Пацóмъ табѣ дубъ спыдыбаў,—
У дуба шырокъ листъ, ня зѣлинъ?
Ой, вумная, разумная Кытяринушка,
Пацóмъ табѣ Пынкратушка спыдыбаў:
Есь у яго конь выранóй, ды пызыцóный,
У сасѣда пыпрашóный:
Сасѣдушка, нашъ батюшка, дай кынѧ,
Кали Бохъ сўдить, и у насъ бўдить—мы дадёмъ!

—

Вязьмен. вол.

Невельскій уѣздъ.

Сваты пріѣзжаютъ въ домъ родителей дѣвушки и говорятъ, что парень ихъ желаетъ жениться на дочери хозяевъ. Родители спрашиваютъ дочь, въ присутствіи сватовъ, согласна-ли она выходить замужъ за этого парня. Дѣвушка даетъ положительный или отрицательный отвѣтъ, но добавляетъ, что она, хотя и согласна, а все же повинуется родительской волѣ: „какъ татка и мамка, такъ и я!“ Заручившисъ отвѣтомъ дочери, родители, если имъ не нравится женихъ, отказываютъ сватамъ и просятъ напрасно ихъ не уговаривать. Если-же согласны отдать дочь, то просятъ пріѣхать во второй разъ за полученіемъ рѣшительнаго отвѣта. Чрезъ два-три дня сваты вторично пріѣзжаютъ и получаютъ согласіе. Уѣзжая, они назначаютъ день, въ который пріѣдутъ „на запивки“. Въ третій пріѣздъ сваты пріѣзжаютъ съ женихомъ и привозятъ водку; хозяйка дома приготовляетъ яичницу. Всѣ молятся Богу, затѣмъ закусываютъ и выпиваютъ; при этомъ назначается и день свадьбы. Невѣста даритъ жениху платокъ, и онъ даетъ за платокъ деньги: рубль, два или 50 к., смотря по состоянію. Женихъ нѣсколько разъ навѣщаетъ невѣсту, привозитъ ей пряники, баранки. Если женихъ состоятельный, то за недѣлю до свадьбы ѣдетъ съ невѣстой въ ближайшій городъ и тамъ покупаетъ свадебный нарядъ.

Наканунѣ свадьбы гости собираются вечеромъ, старѣйшіе выпиваютъ и разговариваютъ, а молодые пляшутъ. Употребительнѣйшій изъ музыкальныхъ инструментовъ гармонія; скрипка употребляется въ рѣдкихъ случаяхъ.

После танцевъ, дѣвушки поютъ невѣстѣ пѣсню:

Па прилóжжу Ульянка ишла,
Па разложжу сатъ садила,
Сама замушъ задумала.
Приказала свой зялёнъ сатъ
Гасударю батюшки, гасударани
[матушки:
„Гасударь мой батюшка!
Паливай мой зялёнъ сатъ
То сытой, то пáтакай,
То зяляны́мъ виномъ!
Гасударaня матушка!
Пакрывай мой сатъ
То сукномъ, то бáрхатай,
То залатэ́й парчой.
Кали ўдасца житьтё,
Я пра свой сатъ забуду,
А ня ўдасца житьтё,
Я сама свой сатъ пакры́ю:
То таскóй, то кручинай,
А пальлю гаря́чимъ слязáмъ!

Если невѣста сирота, то поютъ, что она поручила садъ сестрѣ и брату. Невѣста въ отвѣтъ голоситъ:

1. Радúтиль мой, рóнный батюшка,
Радúтильница, ронная матушка,
Сястрицы-лябёдушки, брáтитки салавíюшки!
Ни кидàйти мянѐ маладёшаньку,
У чужы люди выпраўляющи!
Навучити мянѐ гóрькаю, нящаснаю,
Какъ у чужыхъ людяхъ жыти, какъ улажывати!

Невѣста сирота призываетъ умершихъ родителей, а если мать или отецъ живъ, то проситъ отсутствующаго прилетѣть къ ней и помочь оставшемуся научить её; если-же обоихъ нѣтъ, то проситъ поручить брату, сестрѣ и близкимъ роднымъ.

2. Радитиль мой, ронный батюшка!
Прилятѝ съ радитильницай матушкай
На маю смирéннаю бясѣдушку!
Я горькая, нящасная сиратúнушка:
Нихто шъ мяне на путь ни наставить,
У чужы люди выпраўляющи.
А кали ни прилятúти, маѐ жадóбнаи радúтили,
Прикажы́ти бóльшай сястрицы лябёдушки,
Братитку салавíюшку
У чужы люди знарядить и дабрў навучить!

После этого невѣста голоситъ причитанье № 1, но вмѣсто отца и матери обращается въ немъ къ сестрѣ, брату, къ женѣ брата.

Рано утромъ, когда всѣ спятъ, невѣста будитъ ихъ, начиная голосить, еще лежа въ постели:

Радитильница, рóнная матушка,
Устань, уздуй агóнишыкъ,
Асьвятѝ мяне маладёшыньку на пастéлюшки,
Распрасѝ мяне, сударaня матушка,
Ти спàлась, ти дримàлась тёмна ночушка мнѣ?

А ни спалась, ни дрималась,
А большы у вбсьни грызилась.
Первый сонъ саснула,—круты горы,
Утарый саснула—быстры рѣки,
Третьтій саснула—тямны лясы.
Разгадай, мая сударання матушка, къ чаму маѐ сны?

Мать отвѣчаетъ, плача и причитывая:

„Жадóбнае маё милае чáдушка:
Тямны лясы—чужы люди,
Круты горы—вяликая табѣ бýдить гóря,
А быстры рѣки—гарячаи тваѐ слёзушки."

Невѣсту начинаютъ одѣвать. Когда ее надо причесывать, она голоситъ:

„Падыйдити, радитиль-батюшка, радимая матушка,
Учашыти маю галбушку,
Заплятити маю русу косаньку кряпёханька,
Завяжыти трёмъ узламъ нямецкимъ,
Трёмъ замкамъ турецкимъ,
Убрóсьти ключи у сйня мбря"!

Отецъ и мать подходятъ и причесываютъ ее. Съ этими же словами невѣста обращается ко всѣмъ роднымъ, которые тоже подходятъ и причесываютъ.

Потомъ невѣста голоситъ къ бояркамъ:

„Катóрая сястрица разумнѣйшая,
Учашы маю галбушку гладёшанька!"

Подходитъ старшая боярка и причесываетъ невѣсту.

Когда невѣста причесана и одѣта, то всѣ молятся Богу. Мать благословляетъ невѣсту иконой и ведетъ за столъ, который покрытъ скатертью; на немъ лежитъ хлѣбъ-соль; на хлѣбъ кладетъ отецъ рубль денегъ; подлѣ невѣсты сидятъ крестные отецъ и мать.

Невѣста голоситъ, прося ее надѣлить:

„Радитильница, рóнная матушка,
Кармилицъ, рóнный батюшка,
Падыйдити къ дубову столику,
Къ убранай скатерьти,
Надялйти мяне младёшыньку
На Бóжай путь пайти,
Щасьтя атьвѣдать!"

Мать и отецъ подходятъ и надѣляютъ ее.

Съ этими-же словами обращается невѣста поочередно ко всѣмъ роднымъ и къ сосѣдямъ; всѣ подходятъ и надѣляютъ, кто чѣмъ можетъ.

Сирота-невѣста обращается съ этими словами къ тѣмъ лицамъ, кто замѣняетъ отца и мать, къ роднымъ и сосѣдямъ.

Но предъ надѣломъ невѣста сирота голоситъ, обращаясь къ умершимъ родителямъ:

Прасúлася матушка съ батюшкай
У свѣта-Христа, Прасьвятой Багародицы
Съ нябёсъ на зямлю, на сироцкую свадипку,
Паглядѣть на сваю дúтятку:
Ти харашо суря́жана, ти высóка пасáжана?
—„Па сирóцку суря́жана, низинька пасажана.
Принясúти ў бѣлыхъ ручкахъ надялéньня,
Ў скорыхъ ношкахъ багаславéньня!
Засьпѣйти мяне у красныхъ дѣушкахъ,
Мнѣ нямношка гулять—красаватца!“

Послѣ надѣла, одна изъ женщинъ лѣзетъ на печь за столбъ, куда ей подаютъ чарку водки, два пирога и кружку пива.

Баба выпиваетъ водку, беретъ пироги и, хлопая ими другъ о друга, приговариваетъ:

„Батюшка хрёсный, матушка хрёсная, баславити маладóй княгини пѣсьню запя́ть!“

Крестные говорятъ: Бохъ баславúть!

„Баславити другéй расъ!“

Тѣ благословляютъ.

Баба опять проситъ:

„Батюшка хрёсный, матушка хрёсная, баславити третьтiй расъ!“

—Бохъ баславить!

Баба запѣваетъ:

„Баслаў Бохъ, баслаў Бохъ, баслави Христосъ! Святый Кузьма-Димъянъ! скуйити намъ свадипку крѣпка-на-крѣпка, вѣчна-на-вѣчна! Баславити аннў чаду ражóнаю, другую сужóнаю. Баслаўля́ўся святёлъ мѣсяцъ у краснаго соўнца,—баслаўля́лась княгиня у роннай матушки, у роннага батюшки!“

Послѣ пѣнiя этой пѣсни невѣста встаетъ изъ-за стола, становится предъ иконой и, плача, говоритъ: „Баслави мяне, Прасьвятая Матушка Багарóдица, у Божай храмъ пайтú, щасьтя атьвѣдать!“

Подходитъ къ отцу и матери, или къ тѣмъ лицамъ которые ихъ замѣняютъ, если невѣста сирота, то есть къ крестнымъ, если нѣтъ брата и сестры старшихъ, а если младшихъ, то замужнихъ, кланяется имъ въ ноги и говоритъ: „Баславити мяне, маѐ жадóбнаи радúтили!“ Отецъ и мать благословляютъ. Послѣ того невѣста кланяется такъ всѣмъ роднымъ и проситъ благословенiя, и всѣ ее благословляютъ. Наконецъ, она кланяется всѣмъ присутствующимъ, прося благословенiя, и они отвѣчаютъ: Бохъ баславúть, радимая!

Послѣ этого невѣста голоситъ:

„Рашшанúтись, добраи людцы, милаи сусѣдушки! прапусьтúти мяне маладёшаньку на Божай путь пайтú, щасьтя атьвѣдать!“

Всѣ разступаются, и невѣста уѣзжаетъ въ церковь—въ сопровожденіи боярки и надкосника.

У жениха до пріѣзда молодыхъ никакихъ церемоній нѣтъ. Мать благословляетъ иконой, отецъ хлѣбомъ-солью и отправляютъ въ церковь. Жениха сопровождаютъ: сватъ, дружко, сестра, подшапочникъ и много другихъ родственниковъ.

Послѣ вѣнца женихъ и невѣста со всѣми родными, ихъ сопровождающими, заходятъ въ одинъ изъ домовъ въ погостѣ, тамъ закусываютъ и выпиваютъ. Закуску и выпивку эту привозитъ женихъ. Затѣмъ женихъ остается на нѣкоторое время въ погостѣ, а невѣста ѣдетъ въ свой домъ.

На дворѣ дома невѣсту встрѣчаютъ бабы съ пѣніемъ:

„Ты, кава́ная каса̀!
Ти ў заутриньки была,
Ти ў абѣдиньки стая́ла?"
— Я ни ў заутрини была,
Ни ў абѣдиньки стая́ла,—
Была маладёшынька
На страшнамъ судбчки:
Судили, рядили люди добраи,
Присудили у чужы люди ити,
Щасьтя атьвѣдать,
Ня первый ступень ступи́ть,
У Божаю цэрькву схади́ть
Златэ̀й вянéцъ принять!

Входя въ домъ, невѣста голоситъ:

„Ширяйми̂ мянѐ, радитильница, ронная матушка,
Распраси ў мянѐ, горькай гарю́шы, дѣ я была?
Была я, ў храми Божамъ стая́ла:
Маё рятйва сярьдéчушка жжахнýлась,
Скораи ножаньки падламилися,
Какъ узлажы́ли на мяне тяжблаи нянбснаи зялѣзушки!
Ширяйми мяне, сударания-матушка,
Атапри̂ мнѣ сѣни новаи,
Ни зноби мяне, гарю́шу, за навы́мъ сяня́мъ,
Назнаблю́ся я у чужыхъ людяхъ,
У чужога ня роннага батюшки,
У чужой ня роннай матушки!"

Мать голоситъ въ отвѣтъ:

„Маё милае ди́тятка, дѣ шъ ты была?
Усё мнѣ ня вѣрилась,
Што ты была у Божай цэрьквы на страшнамъ суди,
Што ты мяне аставила.
Хто шъ маѐ ручаньки падмѣнить,
Я шъ тяперь нядужа,
Хто шъ тяжолую работку зробить?"

Невѣста голоситъ:

„Гасударaня, ронная матушка!
Я шъ табѣ тяперь ни слуга, ни работьницка:
Пайду къ чужой матушки работать,
Чужой матушки улажывать!“

Мать вводитъ невѣсту въ домъ.

Пріѣзжаетъ отецъ жениха, сватъ и дружко (помощникъ свата), привозитъ ведро водки на перепой невѣсты.

Когда сватъ входитъ, невѣста сидитъ на печи за столбомъ. Сватъ подаетъ невѣстѣ узелокъ, въ которомъ бутылка водки, пирожокъ, десятокъ яицъ и мясо. Она кладетъ узелокъ на столбѣ передъ собой,—а потомъ угощаетъ этими кушаньями своихъ боярокъ. Мать и отецъ молодой подходятъ къ свату съ своей водкой и угощаютъ его, а сватъ угощаетъ ихъ своей. Когда отецъ и мать невѣсты пьютъ водку свата, невѣста голоситъ:

„Ня црапивáйти мяне,
Радитиль мой, ронный батюшка,
Гасударaня матушка, за виннаю
[чарачку!
Винная чарачка падмáньчиста,
Ласкавы басьни падгавбрчисты:
Падманють, падгавбрють ў чужы
[люди аддать!“

Съ этими же словами невѣста обращается и къ роднымъ, когда сватъ угощаетъ ихъ своей водкой.

Угостивъ родителей невѣсты и принявъ самъ угощеніе, сватъ, отъ имени женихова отца, обращается къ невѣстѣ:

„Падхади, нявѣстушка, къ виннай чарачки,
Павидаимся съ таббй, разглядимъ тибѐ:
Ти ты слипая, ти ты кривая?“

Невѣста слѣзаетъ съ печи, подходитъ къ свекру, принимаетъ изъ его рукъ рюмку водки, въ которую незамѣтно опущена монета, но отказывается пить. Тогда свекоръ приговариваетъ:

„Кали ни выпивать, дыкъ на руки выливать и сирябрѐ сабѣ брать!“ Невѣста выливаетъ водку на руки, беретъ деньги себѣ и кланяется свекру. Потомъ она садится за столъ на подушку.

Подлѣ невѣсты садятся крестные отецъ и мать, боярки и старшая сестра, если есть.

Вскорѣ пріѣзжаетъ и женихъ. Бабы встрѣчаютъ его съ пѣніемъ:

„Сваты, сватаўё,
Кой далѐчи литáли,
Што слышыли, видили?“
— Мы слышыли, видили
Сизу утку нá мари,
Силизня на зáвади,
Красну дѣўку ў тирямѣ!
„Атчагѐ шъ ня паймали?“
— Мы паймáть ня паймали,
Сизы перья абщипали.
Хуть мы яѐ ни ўзяли,
Русу касў расплялй,
Па бѣламъ плечкамъ расклали!

Женихъ даетъ подарокъ поющимъ, а сватъ угощаетъ ихъ водкой. Тесть и теща подходятъ къ жениху съ рюмкой водки и кружкой квасу, онъ беретъ то и другое и бросаетъ черезъ себя назадъ. И послѣ того уѣзжаетъ со двора, оставивъ свою сестру.

Сватъ и дружко вводятъ сестру жениха въ хату, садятъ за столъ, а сами подходятъ къ крестнымъ невѣсты, угощаютъ ихъ водкой, кладутъ передъ ними 10 или 5 коп., приговаривая:

„Батюшка, матушка, укажыти намъ дарогу тавару паглядѣть!"

Крестные указываютъ на невѣсту и боярокъ. Сватъ подводитъ дружка къ бояркамъ. Дружко говоритъ:

„Гардыи баярачки! здрастуйти!"

— Здрастуйти!

„Ти ня можна самимъ сябе патясьнить, а насъ памясьтить?"

— Дружанька-дружокъ, атецкій сынокъ! Мы ня знаимъ, пачаму сябѐ тясьни́ть, а васъ мясьти́ть? Ли вы, дружанька-дружокъ, даро́ги пытаити, ли атъ дароги лытаити? Мы покажымъ даро́шку мима батюшкинага вако́шку, на бальшу дирявушку Гарю́шку: тамъ дѣўки па палушки, на Кажымякинскамъ бирягу̀ па шылягу̀!

„Нѣтъ, гардыи баярачки! Мы дарошки пытаимъ, а ни атъ дарошки лытаимъ! Мы ѣхали па наслышки таваръ купдять!"

— Дружанька-дружокъ, атецкій сынокъ! Нашъ таваръ во́чанъ до́рагъ: што ступень, то рубель, каса̀ сто рубелёў, само́й—цаны нѣтъ. За нашу маладу давали три гарада̀ съ при́гаратками, три сяла̀ съ при́сялками, три сада̀ съ при́сатками, рыбину сятри́ну, да вина вядри́ну, и то мы ни аддали! Дружанька-дружокъ, атецкій сынокъ! Мы атъ васъ ничаво̀ ня видали: ни аўся́нага пиражышка, ни мѣднага шыляжышка! Съ чимъ вы къ намъ падхо́дити, што вы намъ падно́сити?

Сватъ дразнитъ боярокъ, показывая имъ мѣдные пятаки.

— Дружанька-дружокъ, атецкій сынокъ. У насъ ета рибяты ни бяруть, кури ни клюють,—па падла́ваччу валяитца.

Боярки показываютъ рублевую бумажку и серебро.

— Дружанька-дружокъ, атецкій сынокъ! кали нѣтъ у васъ, займити у насъ! Да парога ни дахади́ти, далжо́къ атнаси́ти. Дайти намъ таких (показываютъ на рубль), а хошъ и мелинькихъ, ды бѣлинькихъ!

Сватъ кладетъ рубль, приговаривая: „Выкупаю салавеичку съ гнизьде́чкамъ!" Беретъ невѣсту и ведетъ въ сѣни, а дружко беретъ подушку, на которой невѣста сидѣла, чашку, двѣ ложки и прячетъ.

Женихъ пріѣзжаетъ обратно во время выкупа и стоитъ на дворѣ. Бабы поютъ на дворѣ ему пѣсню:

У ла́скавай тёщи за варо́тамъ зять стаи́ть.
Глаткая галоушка, русыи кудёрышки,

Глатка—глатка гла̀жыны,
Бытта масламъ мàзыны.
Часала мблада князя гасударания-матушка,
Завивала кудри сястрица-лябёдушка.
Ты паслушай, мблатъ князь,
Мы пѣсьню пяёмъ, табѣ чесь аддаёмъ!

Женихъ даритъ ихъ деньгами.

Выходитъ теща и гонитъ зятя пирогомъ въ избу. Зять перескакиваетъ порогъ, встрѣчаетъ въ сѣняхъ невѣсту и съ ней идетъ въ хату и тамъ садятся за столъ. Бабы поютъ бояркамъ пѣсню:

Я ў баярки ладилась,
Я калинкай мазалась!
Я й калинкай ня мазалась,
Я й у баярки ня ладилась.
Радила мянé такую матушка:
Тонкаю, высокаю,
Бѣлаю, румянаю.
Атъ сярёхъ лицо гарить,
Атъ сирибра груди ломютца!

Боярки дарятъ поющихъ деньгами. Потомъ имъ поютъ:

„Идити, маѐ баярачки, навбсъ разьбивать!"
— Мы ня пбйдимъ навосъ разьбивать,
Мы пойдимъ у зялёнъ сатъ гулять!

Мать ведетъ молодыхъ въ отдѣльную избу и даетъ имъ тамъ ужинъ, а гости ужинаютъ въ другой избѣ. Ихъ угощаетъ отецъ и крестная мать невѣсты.

Во время ужина поютъ невѣстѣ пѣсню:

Дарагая госьтика у матушки Ульянка,
Залатой мятёлушкай мяла̀,
Пирямила̀ трои сѣни новаи,
Тольки ня вымила станавбй горьницы,
Дѣ сидить люта свякрбушка са сваими дачарьми,
Яны судють и рядють пра чужую дитятку,
Пра сваю нявѣстушку:
Яна санлйва, яна дрямлива, многа бѣтъ надѣлала,
Многа пасуды пабила.

Жениху поютъ:

Падъ акошкамъ младу князю
Сястра кудри завивала,
На святёлъ мѣсяцъ глядичи.
Святёлъ мѣсяцъ виднéханькай,
А мой братицъ милёханькай;
Святёлъ мѣсяцъ у агради,
А мой братицъ у наряди!
Здрастуй, здрастуй, молатъ князь
Зъ маладэй княгиній!
Мы вамъ пѣсьню пяёмъ,
Мы вамъ чесь даёмъ!

Женихъ даритъ поющихъ деньгами, а онѣ приговариваютъ: „благадаримъ за дары вяликія, за уклоны нискія!"

Въ это же время въ другой избѣ поютъ слѣдующія пѣсни крестнымъ невѣсты:

Ёсьть хрёсная матушка
У маладой княгинюшки,
Яна зъ дому зъ багатага,
Зъ житьтя са агрбмнага:
Сама уся у злати сидить,
Атъ сяребряныхъ сярёхъ лицо гарйть;
Атъ чистага жымчугá бѣла шыя лбмитца.

—

У маладой княгинюшки ёсьть хрёснай батюшка;
Ёнъ хадйу, пахáжываў па свайму чисту дварбчку,
Кричаў, васкрйкиваў багатырьськимъ галасбмъ,
Маладецкимъ пбсьвистамъ:
„Дѣ падѣлись маѐ слуги вѣрнае?
Падвядйти надъ маладца мянѐ сивагрйвага канѝ,
Падъ жану баяраню карету злачбную,
Падъ маихъ милыхъ дѣтачакъ калыбиль зыбучаю,
На римняхъ висучаю, на кальцáхъ скрипучаю!

Свату поютъ:

„Бблышай сватъ, ёнъ яжжáў, разьяжжáў
На сваимъ дабрў канѝ,
Плётачкай памахиваў,
Уздачкай патряхиваў,
Самъ сябѐ пахваливаў:
Нѣтути лутшы мянѐ ни у стольнымъ грради,
Ни у етамъ тирямў!
Тольки ёсьть протиў мяне маѝ малада жана!
Ты паслухай, бблышай сватъ,
Мы табѣ пѣсьню пяёмъ, табѣ чесь даёмъ,
Мы хатимъ сябѣ дарбў, дарбў вяликихъ:
Па три гривни зблата, па чатьвёртай сирябрá!“

Сватъ и всѣ, кому пѣли пѣсни, дарятъ поющихъ деньгами. Тѣ благодарятъ:

„Спасиба, вумницы, за дары вяликіи, за паклбны нискіи!“

Подшапочнику жениха и надкоснику невѣсты поютъ:

Глаткая галбушка,
Русыи кудёришки,
Вились кудри
Черисъ правая плячò
На явò синій каўтанъ,
На яво зялёнъ кушакъ,
На яво сафянъ сапохъ,
На яво вязёнъ чулокъ.
Шыты, шыты сапбжаньки
Въ Ираслáви грради,
Падбиваны сапожаньки
Сярёдъ краснай Масквѣ.
Абнаўляны сапожаньки
На Ульяниннай свадипки.

Подшапочникъ и надкосникъ дарятъ поющихъ деньгами.

Затѣмъ начинаются сборы къ отъѣзду молодыхъ.

Со стороны невѣсты ѣдетъ только четыре или три пары самыхъ ближайшихъ родственниковъ, да крестные невѣсты. Поѣзда невѣсты называется „придаными". Парни и дѣвушки не ѣдутъ къ жениху. Со стороны жениха у невѣсты бываютъ: отецъ жениха, сестра, сватъ, дружко и подшапочникъ (шаферъ).

Мать невѣсты сидитъ на сундукѣ, а сватъ подходитъ къ ней и торгуетъ сундукъ; мать долго не соглашается, проситъ дорого, но сватъ не даетъ требуемой цѣны; наконецъ мирятся на одномъ—двухъ рубляхъ, смотря по средствамъ жениха. Дружко беретъ сундукъ на свою лошадь. Приданое состоитъ изъ одежды невѣсты, постели, холста, скатертей, полотенецъ и бѣлья жениху. Хлѣбъ, которымъ надѣляли невѣсту предъ отъѣздомъ въ церковь, и соль также везутся въ домъ жениха. Хлѣбъ печется безъ особыхъ церемоній, пшеничный.

Предъ отъѣздомъ невѣста и женихъ садятся на кутѣ за столомъ. Невѣста, обращаясь къ матери, голоситъ:

Пращай, радимая, ро́нная матушка!
Навучи мяне маладёшыньку,
Какъ у чужы люди ити, какъ улажывати
Чужой ня ронной матушки,
Чужому ня роннаму батюшки:
Ти мнѣ тяжолай работкай,
Ти мнѣ частай пахо́ткай,
Ти мнѣ ласкавай пагаво́ркай?

Потомъ женихъ и невѣста кланяются отцу и матери въ ноги, всѣмъ роднымъ и сосѣдямъ въ поясъ. Мать и отецъ благословляютъ ихъ и выводятъ изъ избы:

Молодые садятся на телѣгу или въ сани, смотря по времени. Бабы поютъ:

„Крякнула вутка, за маря́ литя́,
Плакнула нявѣста, сь тирямà идя́,
Кинула батюшки залаты́ ключи,
Кинула матушки тёплаю хатку:
Тяперь табѣ, батюшка, я ня клюшница,
А радимай матушки ни работьница:
Чужому батюшки я клюшница,
Чужой матушки я слуга!

Невѣста даритъ пѣвицъ баранками.

Во время пѣнія этой пѣсни, женихова родня упрашиваетъ невѣстину ѣхать съ ними, а та не соглашается.

Дружко зоветъ приданыхъ невѣсты въ избу, садитъ за столъ, а сватъ миритъ ихъ водкой, послѣ чего онѣ соглашаются и ѣдутъ. Дружно позади всѣхъ везетъ сундукъ невѣсты и подушку, которая называется гнѣздомъ.

Молодые пріѣзжают во дворъ жениха. Тамъ бабы встрѣчаютъ ихъ пѣніемъ слѣдующихъ пѣсенъ:

Прихади-тка, нѣжынка,
Прихади-тка, кбханка!
У насъ ня будишъ нѣжытца,
У насъ ня будишъ кбхатца:
У насъ будишъ таўчи̂, малбть,
Ваду̂ насйть, квашню мясйть.
У насъ парбги высбкиньки,
А ў тибѐ ножки карбтиньки.
Табѣ нада надетáвачки,
Тараканьни сустáвачки.

Отъ имени жениха отвѣчаютъ:

Ни пужайся, Ульяначка:
Я самъ стаўку̂, зьмялю, ваду̂ принясу̂.
Святёлъ мѣсяцъ квашню мѣсить,
Бурый мядьвѣть хату мятéть.

Отецъ и мать жениха выходятъ встрѣчать молодыхъ.

Мать въ вывороченной шубѣ несетъ икону, отецъ хлѣбъ-соль; молодые кланяются имъ въ ноги, а мать осыпаетъ ихъ хмѣлемъ и овсомъ. Молодыхъ вводятъ въ избу и садятъ за столъ въ переднемъ углу; невѣстиныхъ приданыхъ тоже усаживаютъ за столомъ. Крестная мать, или замужняя сестра, или жена брата беретъ повязку, подходитъ къ невѣстѣ, чтобы повязать ей голову. Если молодая цѣломудренна, то начинаетъ голосить:

Прашу̂ сваю̂ хрёсную матушку,
Сяетрицу лябёдушку,
Нявѣстушку лáставачку:
Ня клы́чти маю̂ русу касу̂!
Мая̂ руса косанька, частымъ гребнимъ чёсана,
Бизъ числа заплéтина *).

Послѣ этого плача снимаютъ повязку и не повязываютъ до завтрашняго дня.

Молодые всё сидятъ за столомъ; свекровь стоитъ у конца стола, подлѣ молодыхъ, съ пирогомъ въ рукахъ. Пожилая женщина изъ жениховой родни несетъ въ рукахъ горшокъ съ кашей къ молодымъ и кричитъ: „жарка!“ Приданки молодой, то есть сестра или невѣстка, бросаютъ ей на руки холстъ, ситецъ или платокъ. Она подноситъ кашу къ молодымъ: женихъ беретъ ложкой кашу и бросаетъ её на печь; то же дѣлаетъ и невѣста. Когда невѣста бросаетъ ложку съ кашей, то женихъ спѣшитъ её увести въ другую избу, чтобы мать его не ударила её пирогомъ. Она гонитъ пирогомъ молодыхъ изъ-за стола. Тогда свекровь съ своей родней садится за столъ; крестная мать невѣсты приноситъ невѣстину скатерть, кладетъ на столъ закуску отъ невѣсты, ставитъ водку, и приданыя невѣсты угощаютъ женихову родню. Невѣста съ женихомъ стоятъ подлѣ стола.

*) Не въ три пряди, а въ шесть, въ восемь.

После закуски приданыя отъ невѣсты даютъ подарки сидящимъ за столомъ. Подарки состоятъ изъ холста, ситцу, платковъ, коленкору. Подарокъ вѣшаютъ на шею.

Невѣстѣ въ это время поютъ:

„Наша маладая,
Ня спала, ня дрямáла,
А на дары хватала!“

После подарковъ, свекровь ведетъ молодыхъ въ отдѣльную избу и даетъ молодымъ ужинъ. Во время ужина поются тѣ же пѣсни, что пѣлись у невѣсты за ужиномъ.

Гости ужинаютъ въ отдѣльной избѣ и имъ поютъ тѣ же пѣсни, что пѣлись у невѣсты. Поющихъ угощаютъ водкой и даютъ деньги.

Послѣ ужина гости уходятъ ночевать къ сосѣдямъ, а молодые ночуютъ дома.

На другой день, сватъ идетъ съ водкой къ сосѣдямъ и ведетъ оттуда гостей завтракать. Дружко и свекровь идутъ за молодыми и приводятъ ихъ къ гостямъ. Приданыя невѣсты очень веселы: скачутъ по лавкамъ, бьютъ посуду и въ это время поютъ:

„Приданаи удàлаи, удàлаи,
Ня сами сабой удались—сваёй чàдэй:
Ни зьняла намъ галоушки
На чужой старонушки,
Палажы́ла чесь-хвалу
На сваю̀ радьню̀!“

Приданыя садятъ молодую на хлѣбную квашню, застланную вывороченной шубой и повязываютъ ей голову.

При этомъ поются слѣдующія пѣсни:

У насъ учора на ниу̑ки пшаница раслà,
А сягони пшаницушка у̑ пирагàхъ спичанà!
У насъ учора нявѣстушка краснай дѣушкай былà,
А сягони нявѣстушка маладу̑шкай заслыла!

—

Расьти, расьти, бярёзушка пасѣчаная,
Расьти, расьти, княгинюшка павязаная!
Какъ ня выросла бярёзушка пасѣчаная,
Такъ ня вырастить княгинюшка павязаная!

Повязанная молодая застилаетъ на столъ свои скатерти, кладетъ хлѣбъ, которымъ её надѣляли, отправляя подъ вѣнецъ, развѣшиваетъ по стѣнамъ свои полотенца. Гости садятся завтракать, и молодая помогаетъ свекрови угощать гостей, особенно со стороны невѣсты.

Женихъ отправляется съ сватомъ къ родителямъ невѣсты, чтобы поблагодарить ихъ за честь дочери. Приданыя, ожидая жениха, пля-

шутъ, обнимаютъ другъ друга, молодую, свекра, свекровь, словомъ, всѣхъ присутствующихъ, бьютъ посуду, ломаютъ скамьи и т. п.

Пріѣзжаетъ женихъ отъ тещи, родные жениха поютъ:

Пара̀ censored сватамъ да дому,
Паѣли кони салóму
Аржану́ю, ярав́ую
И яшную сма́шную.

Невѣста съ женихомъ садятся за столомъ и кладутъ хлѣбъ-соль. Тогда приданыя дарятъ невѣсту холстомъ, ситцемъ, коленкоромъ, и всѣ подарки вѣшаютъ на голову. Потомъ онѣ собираются выѣзжать домой. Ихъ угощаетъ водкой дружко. Попрощавшись, приданыя поютъ:

Сва́тьтиньки, сваточки, просимъ мы васъ:
Астае́тца наша лябёдачка у васъ:
Хуць вы иѐ таўчй, малóть пашлити,
Тольки по имячку назавити!

И выѣзжаютъ со двора. Женихова родня поетъ:

„Приданаи уда̀лаи:
Семъ пирагóў зьѣли,
А вóсьмый астаўся
И тотъ ззаду пагнаўся!“

Приданыя бросаютъ поющимъ баранки.

Возвращаясь домой, приданыя заѣзжаютъ къ родителямъ невѣсты, входятъ въ избу и поютъ:

Спасиба, матушка,
За тваю чаду милую,
За дитю любимаю.
Ни сьняла намъ голоушки
На чужой старонушки,
Умясьтила мясьтéчушка
Упирядў на ла̀учки,—
За дубовамъ столикамъ!“

Приданыхъ угощаютъ водкой, садятъ обѣдать. Послѣ обѣда они пляшутъ, бьютъ посуду и уѣзжаютъ домой.

Изъ дома жениха послѣ приданыхъ уѣзжаютъ и остальные гости.

Отправивъ гостей, отецъ и мать съ сыномъ и невѣсткой ѣдутъ къ невѣсткинымъ родителямъ, ночуютъ у нихъ, принимаютъ угощеніе, а на слѣдующій день везутъ къ себѣ родителей невѣсты.

Если невѣста нецѣломудренна, то она позволяетъ повязывать себѣ голову въ день свадьбы, послѣ чего даритъ родныхъ жениха, а на слѣдующій день утромъ всѣ гости уѣзжаютъ домой. Приданые невѣсты сидятъ тихо; веселья нѣтъ; къ отцу невѣсты не заѣзжаютъ, а равно и женихъ съ своими родителями не бываетъ у тестя.

Чупровская и Сокольницкая волости Невельскаго у.
Отъ крест. Ел. Авдѣевой, Ефр. Ефимовой и Елис. Семеновой.
Запис. Н. В. Пясковская.

—

Б. Могилевская губернія.

Гомельскій уѣздъ.

Когда парню исполнится 18 лѣтъ, родители приглашаютъ такъ называемаго свата изъ родныхъ или знакомыхъ. Отецъ, отрѣзавъ большую краюшку хлѣба и обернувъ её въ холстину, идетъ вмѣстѣ съ сватомъ въ тотъ домъ, гдѣ ими намѣчена невѣста. Придя въ домъ, привѣствуютъ хозяина: „Магайба!" Хозяинъ говоритъ: „здарбў, прахбдьтя добрыя люди!" Тогда сваты кладутъ хлѣбъ на столъ и начинаютъ говорить: „вотъ, казали у васъ ёсть дѣвка, ти ни отдали бъ ви за майго сына?"—Ни знаю, люди добрыя: трэба распитатца! Потомъ, пораспытавшисъ, даютъ свое согласіе, часто не спросясь невѣсты: „ну, будимъ малйтца Богу!" Зажигаютъ свѣчу предъ иконою, говорятъ молитву: „Отче нашъ". По окончаніи молитвы привѣтствуютъ одинъ другого, пожимая другъ другу руки, и идутъ за магарычомъ. Отецъ жениха приноситъ полведра водки, и отецъ невѣсты посылаетъ звать „на магарычъ". Посланецъ идетъ подъ каждое окно и кричитъ: „Магайба! Прасиў Иванъ Терлецкій на магарычъ!" — А за кого ёнъ аддаў?—„А за Карнѣява Сяргѣя!"—Спасиба, прыдамъ!

Собравшимся роднымъ и знакомымъ даютъ водку и вино. Потомъ дѣлаютъ договоръ. „Ну, сватъ: сколькі вазьмёшъ за сваю Марыну Иванаўну?"—А що жъ съ тибе ўзять? Даси десять рублей!— „О нѣ, сватъ: будя багата! Нихай будя пъять!"—Нѣ, сватъ: ни даси восимъ рублей, дакъ ня 'ддамъ сваѐ дачки за твайго Сяргѣя! Тогда сваты бьютъ по рукамъ. „Ну, нечаго дѣлать: трэба дать восимъ рублей!" Вынимаетъ деньги и сейчасъ же отдаетъ ихъ свату за дочку. Тогда мать невѣсты вноситъ „па хустки", и даетъ сватамъ въ подарокъ. „Сватъ, кали жъ у насъ будя вясельля?"—А я, сватокъ, табѣ тагды скажу!—„Ну, добра!" Высвватавши нявѣсту, отецъ идетъ къ священнику просить обвѣнчать молодыхъ. Придя къ нему, говоритъ: „благаслави, батюшка! я къ вамъ прышоў па дѣлу: вйсватаў я у Ивана Терлецкага дачкў за свайго Сяргѣя. Дакъ калй намъ можна будя гулять вясе́льля?" Священникъ назначаетъ день „свадьбы" и ему сватъ даетъ за трудъ три рубля. Заплативши деньги за вѣнецъ, сватъ приготовляетъ водки, вина, пива и меду для свадьбы рублей на 45, такъ что вся свадьба обойдется бѣдному крестьянину до 75 рублей. Приготовившись совершенно къ свадьбѣ, отецъ жениха наливаетъ бутылку водки въ полкварты и идетъ оповѣщать отца невѣсты. Придя въ домъ и поздоровавшись съ сватомъ, говоритъ: „лядй жъ, сватъ: будь гатбў къ нядѣли!"—Дббра, прысылай маладога: будимъ гатаватца!

Въ субботу съ утра въ обоихъ домахъ начинаются хлопоты; приготовляютъ всё необходимое, и созываютъ дружину, чтобы въ не-

дѣлю не опоздать на свадьбу. Рано утромъ въ недѣлю приходитъ дружина къ жениху: два называемые дружки и одинъ бояринъ. Зажигаютъ свѣчу предъ иконою и, помолившись Богу, старшій дружка—маршáлокъ беретъ боярина за руку; бояринъ беретъ за руку жениха и говоритъ: „ти ёсть тутъ атецъ и мати?“ Присутствующіе родители отвѣчаютъ: „Маимъ быть!“—Благаславитя маладому ў путь паѣхать!—„Божа благаслави!“ И обведя молодого вокругъ стола, заставляютъ его кланяться родителямъ и просить у нихъ благословенія.

Пріѣхавъ къ будущему тестю, женихъ идетъ прямо въ избу къ невѣстѣ и садится за столъ, ничего не говоря. Тогда невѣста идетъ созывать дрýжекъ и возвратившись становится въ стѣняхъ. Когда дружки придутъ, невѣста велитъ жениху звать её къ себѣ. Женихъ встаетъ, беретъ въ руки тарелку, ставитъ на нее чарку водки, а въ другую руку беретъ сапоги или черевики, и громко кличетъ невѣсту: „эй, Марына Иванаўна, хадѝ сюды̀!“ Невѣста, послыша голосъ жениха, идетъ прямо къ нему, беретъ чарку водки и сапоги, и на тарелку въ замѣнъ кладетъ свой подарокъ—лавочный платокъ. Потомъ, обувшись въ новые привезенные сапоги, съ дружками входитъ въ хату и садится около жениха. Старшая дрýжка беретъ шапку съ жениха и говоритъ: „ти ёсть тутъ атецъ и мати? Благаславѝтя маладóму квѣтку прышыти!“ Получивъ въ отвѣтъ: „Божа благаслави!“—дружка пришиваетъ къ шапкѣ квѣтку изъ красной ленты, и требуетъ съ дружкà деньги, какъ бы за трудъ. Дружокъ даетъ ей нѣсколько копѣекъ, и она надѣваетъ шапку жениху на голову. Послѣ этого молодые кланяются батькѣ и маткѣ и ѣдутъ къ вѣнцу тихо и скромно безъ всякаго шума. По окончаніи литургіи, застилаютъ на церковномъ полу бѣлое полотенце и ставятъ на него молодыхъ. Когда по окончаніи вѣнчанія выйдутъ изъ церкви, дружки начинаютъ пѣть свадебныя пѣсни:

Да списиба табѣ, пóпиньку,
Що ни багата узя̀ў скóпяньку.
Вѣрная слаўцò ёй сказаў,
И ў жану сабѣ яѐ ўзяў.

—

Маладый Иванка на рушничку [пастая̀ў,
За ручку Мары̀нку падяржа̀ў,
Залатыя пярстѐнки памяня̀ў,

—

Маладый Иванка, маладый,
Ламàя розки зъ бярóзки,
Сячѐ коника падъ ножки:
Бѣжытя, маѐ коники, давóли,
Вязѝтя Мары̀нку зъ няволи! *)

*) Въ м. Носовичахъ въ этомъ случаѣ поютъ:

Изъ гары̀, зъ гары̀, зъ далѝны,
Бѣгла кóникау чаты̀ры,
Вязлѝ карэту синію,
Зьвяньча̀ли Гáнначку сѝлаю.
Ни дарма яѐ зьвяньча̀ли,
Зьвяньча̀ли яѐ за грóшы,
Що яѐ Данилка харошый.

—

Ѣхала Гáнначка атъ вянцá
Да й забылася грабянцá—
Упау грабянѐцъ патъ сталѐцъ.
„Падáй, Данилка, грабянѐцъ!“
— Я табѣ, Ганулька, ни маладѐцъ,
Щобъ падавать табѣ грабянѐцъ,—
Нихай падаютъ дрýжачки-слýжачки.

—

Пріѣхавши въ домъ невѣсты, дружки поютъ:

Прылятѣла сарока съ азярца,
Прыѣхала Марынка атъ вянца. *)

Тесть беретъ икону въ руки, а теща на блюдѣ хлѣбъ-соль и выходятъ на дворъ просить молодыхъ въ хату и принять ихъ хлѣбъ-соль. Молодой снимаетъ шапку, крестится, цѣлуетъ икону и кланяется тещѣ. За нимъ то же дѣлаетъ и невѣста. Потомъ оба новобрачные входятъ въ хату и садятся за столъ, а дружки начинаютъ пѣть:

А дѣ ми булй, бували,
А ў нядѣлячку рана!
(послѣ каждой строки).
Маладыя дрўжачки?
Бували жъ то ми
Да у цэркаўцы,
Бачили свячў да трайчастаю.
Да чія свяча да ярка гарыть?
А Иванкава да ярка гарыть,
А Марынкина да патухая,
Яна слёзками абливая, —
А ў нядѣлячку рана!

Дружокъ беретъ водку и зоветъ свата на гостинецъ. Выпивши по рюмкѣ, сватъ ставитъ обѣдъ для пріѣхавшихъ отъ вѣнца, дрўжки берутъ съ собою невѣсту и идутъ съ хаты на свою дѣвичью квартиру, гдѣ приготовляютъ кушанье и приглашаютъ туда на угощеніе жениха, дружка и боярина, и подчуютъ ихъ водкою, даютъ и гостинцы—пряники и сѣмечки, арбузныя или подсолнечныя. Потомъ женихъ ѣдетъ домой.

Предъ вечеромъ въ тотъ же день молодыя дѣвушки кличутъ одна другую: „хадитя елца вить!“ Придя въ домъ жениха или невѣсты, отыскиваютъ кудрявую вѣтку отъ вишни, или же елку, и воткнувъ её въ булку хлѣба, ставятъ на столъ**). Старшая дѣвушка проситъ благословенія, говоря: „ти ёсть тутъ атецъ и мати?“ Старики отвѣчаютъ: „маимъ быть!“ — Благаславитя маладому Ивану елца звать! — „Божа благаслави!“ Тогда начинаютъ „вить елку“ — убирать цвѣтами—съ слѣдующею пѣсней:

Благаслави, Божа,
И атецъ и мати
Свайму дитяти
Елячка пачати.

—

Да калй ми елца вилй,
Да ўсѣ ми бары вихадили,
Прыщикъ барвеникъ выламали,
Зялёную рўтачку витаптали.

—

Да лятѣў гарнастай чаразъ садъ,
Пустиў перъяйка на ўвесь садъ.
Да бярытя, дѣвачки, перъячки,
Да витя маладой Марынки елячки.

—

*) Въ м. Носовичахъ поютъ:

Бóльшый братка Андрейка,
Атчыняй варóтцы да канцá,
Ѣдя твая сяструца атъ вянцá!
Выйди, мáмачка, съ свячáми,
Ужó твайгó дитятку зьвяньчáли,
Не тымъ казакóмъ, що учóра быў, —
Ёнъ твайгó дитятка палюбиў!

—

**) Въ с. Перероств на верхъ елца ставятъ крестъ, связанный изъ засушенныхъ Ивановскихъ цвѣтовъ, а на вѣтки елца наторкиваютъ „пучки“—букеты такихъ же цвѣтовъ.

Ня йдитя маладицы къ намъ елячка вити,
Саўёмъ жа ми сами зъ ясными сакалами,
Съ чорными галачками, съ красными панячками!

Когда украсятъ елку, дружокъ даетъ дѣвушкамъ по рюмкѣ водки за трудъ. Потомъ созываютъ молодыхъ женщинъ мѣсить каравай. Молодухи, собравшись, въ числѣ трехъ—четырехъ и болѣе, начинаютъ съ благословенія: „ти ёсть тутъ атецъ и мати?"—Маимъ быть!—„Благаславитя каравай замясить!"—Божа благаслави! Когда тѣсто будетъ готово, бабы начинаютъ лѣпить пироги съ слѣдующими пѣснями:

Благаслави, Божа, и атецъ и мати,
Сваяму дитяти караваю качати!

—

Иванкава мати па вулицы ходя
Да сусѣдачакъ прося:
„Да сусѣдачки маѐ,
Да хадитя ви ка мнѣ,
Да ни ка мнѣ, къ дитяти,
Караваю качати
Ручками да бѣлянькими,
Перснями залатенькими.

—

Да прынясли пудъ пшаницы на [каравай,
Да прывязли бязмѣнъ*) соли на [каравай,
Щобъ нашъ каравай ясянъ буў,
Щобъ нашъ Иванка красянъ буў!

—

Да да бору, маладцы, да бору,
Да бярытя тапары съ сабою,
Да рубайтя сосанку да долу.
Да стаяла сосна скольки лѣтъ,
Зрубали сосну на загнѣтъ.

—

Ня вися, хмѣлю, па ляску,
Ради, Божа, жыта на пяску!
Густа пшаница на навинѣ,
Да вишай каравай на сталѣ!

—

Когда каравай готовъ, тогда дружокъ беретъ въ руки лопату, одна молодуха становится противъ него и оба держатъ въ рукахъ лопату, а остальныя молодухи накладываютъ тѣсто на лопату. При этомъ спрашиваютъ: „ти ёсть тутъ атецъ и мати?"—Маимъ-быть!—„Благаславитя каравай у печку ўсадить!"—Божа благаслави! Тогда каравай садятъ въ печь, причемъ молодухи ставятъ въ квашню три зажженныя свѣчи и посрединѣ втыкаютъ ножъ, и накрывши вѣкомъ, дежу подымаютъ на рукахъ всѣ молодухи и дружокъ, и поютъ слѣдующую пѣсню.

Дежу носятъ на рукахъ, на рукахъ,
А ў той дяжы тры нажы, тры нажы,
Чатвертый ножъ на дяжэ, на дяжэ,
Да цалуйтися, да милуйтися, маладыя!

Потомъ цѣлуются дружка съ дружкою для того, чтобы молодые любили другъ друга. Когда каравай испечется, вынимаютъ его изъ печи, и затѣмъ приготовляются къ вечернему поѣзду за невѣстою.

*) Восемь фунтовъ.

Приводится деревенская музыка—скрипка и цимбалы, и начинаютъ играть, а молодежь танцуетъ. Играютъ казачка, камаринскаго, польку, метелицу и др.

Часовъ въ восемь вечера дружокъ беретъ двухъ молодухъ и одного парня и идутъ созывать такъ называемыхъ бояръ, чтобы вмѣстѣ съ ними ѣхать за невѣстой.

Въ домѣ невѣсты родные и знакомые ожидаютъ пріѣзда жениха, и тоже поютъ нѣкоторыя пѣсни.

Пайдў я у садъ схава́юсь,
Хто мянѐ найдя, таму я дастанусь.
Та́тачка пашо́ў, ни знайшоў,
Заплакаў, съ саду вонъ пашоў!
Мамачка пашла, ни знайшла,
Заплакала, съ саду вонъ пашла!
Бѣдна мая̆ гало́вачка
Ни найшла мянѐ мая ради́начка,
Чужо́му дастануся!
Иванка прышоў да знайшоў,
За ручку узяў да й пашоў.
Бѣдна мая̆ да гало́вачка:
Ни знайшла мянѐ мая̆ ради́начка—
Чужому даста́лася.

Собравшіеся же къ жениху бояре, молодые парни и молодухи, человѣкъ двадцать, смотря по родству жениха, садятся за столы. Имъ дается водка, вино и медъ, а также предлагается и ужинъ: борщъ, говядина, кашица и крутая каша. За ужиномъ молодухи поютъ:

Давай, мамка, вячерачку,
Паѣдамъ мы па дѣвачку!
Давай, мамка, прасла́снаю,
Паѣдамъ мы па краснаю!

Послѣ ужина женихъ кланяется отцу и матери, проситъ благословить его на путь.

Дружина запрягаетъ лошадей въ повозки и ѣдутъ къ невѣстѣ. Во дворѣ невѣсты молодежь вооружаются палками и запираютъ ворота. Дружина жениха подходитъ къ воротамъ съ музыкою и пѣснями, и стучится въ ворота. „Здарбва, гаспада̀!“—Здарбва!—„Пуст́итя, пожалуста, начава́ть!“—А хто ви такія и аткудава?—„Ми Маско́ўскаго князя [1]) Ивана Терлецкаго слуги, ѣдимъ шука́ть укра́динаю у ягѐ птицу; дакъ вотъ, кони нашы прытами́лись, то намъ нужна пастаялый дворъ!“—Ну калѝ такія ви люди, ми васъ упустимъ у дворъ, дадимъ вашымъ ко́нямъ сѣна и аўса̀, и ўсимъ вамъ будя харошый пакой. Тольки намъ заплботитя бочку вина и сто рублей граша́ми!“ Дружина соглашается и даетъ имъ бутылку водки, пирогъ хлѣба и денегъ нѣсколько копѣекъ. Войдя во дворъ, дружина становится въ рядъ, а женихъ съ бояриномъ впереди. Тогда выходитъ тесть съ бутылкой водки, а теща въ вывернутой шубѣ и надѣвши на голову какую-либо шапку. У нея тоже бутылка водки и налитая чарка, въ которую насыпанъ ячмень, чтобы былъ богатый зять. Дружина жениха поетъ:

Убра́лася тёща въ аўчину,
Хатѣла зятя злякáти,
Ни хатѣла дачкѝ аддáти.

---

[1]) Не надо забывать, что до 1772 года здѣсь проходила граница между Литвою и Москвою.

Теща даетъ наполненную чарку зятю. Зять беретъ и черезъ голову выливаетъ вонъ; тогда теща льетъ другую и подаетъ зятю; зять этой не беретъ и проситъ тещу, чтобы она сама выпила. Теща выпиваетъ эту рюмку и потомъ подаетъ зятю и всей его дружинѣ. Тогда призываютъ невѣсту съ дѣвичьей квартиры домой. Невѣста съ своими дружками идетъ въ домъ, и причитаетъ:

Мая̆ мамачка, мая галубачка!
Да куды ты мяне́, мая мамка, выгоняишъ?

Молодухи уговариваютъ невѣсту, просятъ не плакать и ничего не бояться: „Марына, ня плачь! И ми замужъ ишли и жывъёмъ! Такъ и ты: привыкнишъ къ Ивану, и будишъ жыть!“ А дѣвушки поютъ:

Ти я ў тибе, мая мамка, ни гарўю,
Що ты мяне аддаёшъ маладую?

Потомъ братъ невѣсты беретъ её за руку и говоритъ: „Ти ёсть тутъ атецъ и мати?“—Маимъ быть!—„Благаслави́тя маладую на пасадъ завесть!“—Божа благаслави! Тогда невѣста садится за столъ и ожидаетъ въ домъ жениха; ея дружина съ палками въ рукахъ становится на лавки и скамьи и не допускаетъ дружины жениха въ домъ. Тѣ просятъ ихъ, даютъ имъ по чаркѣ водки, и они уступаютъ. Женихъ идетъ самъ на посадъ. Завидя жениха, дѣвушки поютъ пѣсню:

Приляжъ, Мары́нка, и къ сто́лцу,
Пусти галасо́къ па дво́рцу!

Невѣста нагибается къ столу и крѣпко держится за ножку стола; бояринъ перелѣзаетъ чрезъ невѣсту и садится за столъ, а женихъ становится на лавку и беретъ невѣсту за голову обѣими руками и садитъ её прямо. А всѣ отвѣчаютъ: „маладѐцъ, падбляў нявѣсту!“ Тогда дружокъ беретъ бутылку водки и угощаетъ свата, сваху и его родныхъ, а дѣвушки поютъ:

Нипраўди́вая калина:
Казала, зроду цвисти ня буду.
А якъ прышла парȁ—зацвилȁ,
Красныя цвяты̆ пустила.

Нипраўдивая Марынка:
Казала, зроду замужъ ни пайдȳ.
А якъ прышла парȁ, дакъ пашлȁ,
Маладога Иванку палюбила.

—

Катилася да зорачка изъ загбръя,
Прасилася да Марынка изъ застолья.
Папраси́ся ты, Марынка, у Иванка:
Кала тябе да Иванка бли́зянька сяди́ть,
Ёнъ на тваю́ русу касȳ пи́льнинька гляди́ть.

Потомъ двѣ молодухи становятся на лавку: одна держитъ въ рукѣ гребенецъ, другая чепецъ, наметку и большую бѣлую холстину. Около нихъ ставятъ мальчика—брата невѣсты, который говоритъ: „ти ёсть тутъ атецъ и мати? Благаслави́тя маладой касȳ расплѣсти!“ —Божа благаслави! Мальчикъ расплетаетъ косу, беретъ себѣ шнурокъ

въ полтора аршина, а дружокъ даетъ ему нѣсколько копѣекъ. Потомъ молодыя женщины начинаютъ завивать молодой волоса по женски, надѣваютъ ей на голову чепецъ и накрываютъ наметкой. Молодая все это сбрасываетъ съ головы нѣсколько разъ, покуда отецъ не пригрозитъ. Завивши молодую, молодухи поютъ:

Що ми исхотѣли,
Тбя израбили,
Съ тѣста паляницу,
Зъ дѣўки маладицу.

А дружки поютъ свою пѣсню:

Стерва сестра, стерва,
На що касў стѐрла,
И стерла, и змяла,
Надъ чапецъ схавала.

—

Завивала минѐ дя́динка,
Да ня ми́ласьливая,
Каси́цу зламила,
Слёзки ни ўрани́ла,
Сястры́ца прынялася—
Слёзками аблилася.

Когда завьютъ молодую, дружокъ идетъ съ товарищемъ въ клѣть невѣсты и самъ беретъ елку, а товарищъ каравай. Стоя у порога, они спрашиваютъ: „ти ёсть тутъ атецъ и мати?“ Имъ отвѣчаютъ: „Маимъ быть!“—Благаславитя чесный важный каравай у хату ўне́сьти?—„Божа благаслави!“ А дружки поютъ:

Дружко̀ каравай нясѐ
И е́лачкамъ трасѐ.
Хоть траси́, ни траси́,
И намъ каравая даси́.

Тогда дружокъ рѣжетъ каравай на малые куски, и застлавъ тарелку холстиною, наливаетъ чарку водки, ставитъ на тарелку и кладетъ кусокъ каравая. Прежде другихъ онъ кличетъ отца невѣсты: „Эй, сватъ, нявѣстинъ батька родный! Щобъ ты ла́скау буў, да сюды́ прыбуў да нашымъ малады́мъ що-нибудь падарава́ў!“ Сватъ подходитъ съ платкомъ въ рукахъ и говоритъ: „Дарўю я сваи́мъ малады́мъ, ни сваи́мъ, да Бо́жымъ, чарво́нага залато́га, тёлку, аўцў и свиньню. Да на ета пущъ ни спагадаютъ, а рана ўстава́ютъ, атца и мать паважаютъ, то и Богъ памо́жа!“ Дружокъ говоритъ: спасиба! И подаетъ невѣстѣ деньги, подаренныя отцомъ. Потомъ дружокъ кличетъ мать, братьевъ, сестеръ и прочихъ родныхъ, по старшинству. Всѣ они даютъ подарки. Мать невѣсты кладетъ холстъ и говоритъ: „вотъ ета рука́вы све́кру!“ Потомъ даетъ наметку: „а ета свякрўси!“ Потомъ по аршину перетканыхъ заполочью концовъ полотенецъ братьямъ и сестрамъ жениха; крестному отцу рукава, крестной матери наметку и т. д. Дружокъ за каждый подарокъ наливаетъ рюмку водки. Дружки поютъ на отъѣздъ молодой пѣсню:

Пайдў я у садъ зилянe̍нькій 2
Да вы́ламлю калинаву вѣтку, 2
Пущу я на бы́страю рэчку: 2
Ти пата́ня калинава вѣтка, 2
Ти жалѣя мяне мой татка? 2
Ни пата́ла калинава вѣтка, 2
Ни жалѣя мяне мой татка! 2

—

Потомъ дружокъ отправляетъ дѣвушекъ домой и даетъ имъ на прощанье по рюмкѣ водки. Попрощавшись съ невѣстою, онѣ уходятъ; отецъ невѣсты приглашаетъ всѣхъ бояръ и всю дружину на ужинъ, всѣхъ садятъ за столъ, даютъ каждому водку и вино, борщъ, говядину и кашу, а жениха и невѣсту ведутъ въ амбаръ и тамъ ихъ подчуютъ особо. Послѣ ужина бояре уѣзжаютъ домой, а дружки уводятъ молодыхъ въ хату и садятъ за столъ, а сами запрягаютъ лошадь, кладутъ на повозку имущество невѣсты, подушки, рядна, и перину; потомъ входятъ въ хату, зажигаютъ свѣчку предъ иконою и произносятъ молитву: „Отче нашъ". Сватъ беретъ въ руки икону Спасителя, или Божіей Матери, и становится около печи. Тогда дружокъ беретъ жениха за руку, а женихъ невѣсту, и спрашиваетъ: „ти ёсть тутъ атецъ и мати?" — Маимъ быть!—„Благаславитя маладому князю у путь-дарогу паѣхать!"—„Божа благаславй!" Тогда женихъ съ невѣстою кланяются тестю и тещѣ и просятъ благословенія. Потомъ молодые садятся на повозку; имъ даютъ икону и хлѣбъ-соль на блюдѣ, и садятъ съ ними двухъ молодыхъ женщинъ, родственницъ невѣсты. для сопровожденія. Дружки же возвращаются въ хату; тамъ ихъ „арештуютъ" и вяжутъ чрезъ плечи рушниками — будто-бы воровъ; они откупаются водкою, наливая ее въ миску, стоящую на столѣ и называемую „ступа". Наливши ступу, дружки съ молодымъ ѣдутъ въ домъ жениха.

Пріѣхавши ко двору жениха, молодые проѣзжаютъ мимо. Тогда родные жениха выбѣгаютъ на дворъ, растворяютъ ворота и зажигаютъ куль соломы. Дружко гонитъ лошадь чрезъ огонь, и говоритъ: „нихай усё злόя и худόя сгарûть". Отецъ и мать жениха выходятъ съ иконою и хлѣбомъ-солью и просятъ молодыхъ въ домъ. Молодые, поклонившись родителямъ, входятъ въ домъ и садятся за столъ. На столъ ставятъ закуски, водку и вино, а дружокъ беретъ молодыхъ женщинъ и идетъ съ ними въ амбаръ стлать молодымъ постель; въ постель кладутъ нитѝ изъ кросенъ, и часто толкачъ,—чтобы не вредили имъ колдуны. Гдѣ на свадьбѣ окажется колдунъ, то его поятъ водкою, чтобы онъ не дѣлалъ вреда; но нѣкоторые уже бьютъ колдуновъ и выгоняютъ вонъ. Постлавши постель, дружокъ входитъ въ домъ и беретъ жениха за руку, а женихъ беретъ невѣсту. Обычной формулой дружокъ проситъ отца и мать благословить „маладога князя на спакόй атвесть!" И ведетъ обоихъ въ амбаръ съ молодухами. Въ амбарѣ заставляютъ невѣсту разувать жениха. Невѣста снимаетъ съ правой ноги сапогъ, въ которой женихъ кладетъ деньги, и невѣста забираетъ деньги въ свою пользу. Раздѣвши, жениха кладутъ на постель; потомъ раздѣваютъ невѣсту до-нага, „чтобы у жениха возгаралась любовь къ своей невѣстѣ", и надѣвши на невѣсту чистую бѣлую рубаху, кладутъ рядомъ съ женихомъ. Покрываютъ молодыхъ ряднομъ, а зимою периною. Тогда молодухи отправляются въ хату,

а дружокъ съ кнутомъ въ рукѣ грозитъ молодымъ: „смотрите, чтобы у васъ сегодня было дѣло, чтобы вы оба показали всѣмъ родичамъ свое весельля!“ По выходѣ дружка изъ клѣти, въ случаѣ невѣста не пожелаетъ тотчасъ спать съ женихомъ, онъ приступаетъ къ угрозамъ, насилію и даже къ побоямъ. Если невѣста сильнѣе жениха, то она не допускаетъ его до себя. Тогда дружокъ идетъ провѣдать молодыхъ, и если они не сошлись и цѣломудріе не открыто, спрашиваетъ, кто виновенъ. Если женихъ жалуется, что ему невѣста не покоряется, тогда дружокъ бьетъ ее кнутомъ и опять уходитъ изъ клѣти, а молодые спятъ до утра подъ запоромъ.

Въ понедѣльникъ утромъ родители невѣсты созываютъ родныхъ, молодыхъ парней и женщинъ, называемыхъ „приданями“, и старыхъ— называемыхъ „честными“, берутъ въ руки пироги и по бутылкѣ водки, и ѣдутъ къ дочери. Дорогою поются пѣсни:

Ой, дабры́динь, добрыя люди, и мы къ вамъ, (2)
Ти ни залятѣла наша чи́рачка ўчира̀ къ вамъ:
Лятѣла, лятѣла—тутъ сѣла? (2)

Подъѣзжая къ двору жениха, поютъ:

Ѣхали мы да дарогами,
Ѣхали мы да шырокими,
Да заѣхали къ свату,
У бага́тую хату!

Отецъ жениха выходитъ на дворъ и приглашаетъ всѣхъ гостей въ домъ: „люди добрыя! ми́ласьти просимъ у хату!“ Тогда придани садятся за столъ; дружокъ даетъ имъ по рюмкѣ водки и вино, сваха ставитъ на столъ борщъ, говядину и кашу. Потомъ дружокъ беретъ трехъ и болѣе молодухъ и идетъ подымать молодыхъ. Отперши амбаръ, они подходятъ къ постели, открываютъ рядно и осматриваютъ ложе. Если окажется, что невѣста цѣломудренна, тогда приносятъ молодымъ воду и утиральники. Молодые умываются, и невѣста иногда плачетъ о потерѣ своего дѣвства, а молодухи уговариваютъ: „ни плачь, Марынка: мы ўсѣ у етыхъ грыхахъ! Ня хатѣла, дакъ було замужъ ня йти!“ Тогда бываетъ всѣмъ радость, что невѣста честная. Молодухи бьютъ посуду, и хозяинъ за это не гнѣвается. На дворѣ вывѣшиваютъ красный флагъ, чтобы всѣ знали, что невѣста хороша. Тогда всему ея роду честь. И идутъ всѣ дарить молодую—кто деньгами, кто холстомъ, кто чепцами и т. д. Послѣ этого начинаются перезвы на цѣлый день до вечера. А если окажется, что невѣста нецѣломудренна, тогда роднымъ ея надѣваютъ хомутъ, а на дворѣ дѣлается чучело и „посмѣшка“. Потомъ поютъ непечатную пѣсню:

Возли рѣчки, возли мосту
Рыбаловы хо́дять.
Захатѣлась рыбало́ву
Зъ дѣвки насмия́тца, и т. д.

На другой день, во вторникъ, родные жениха, съ молодыми, ѣдутъ къ отцу невѣсты. Это называется — ѣхать „въ атво́дины“. Пріѣхавши, молодые кланяются отцу и матери невѣсты, и ихъ под-

ѣуютъ колбасами, жаркимъ и яишницей. Немного побывъ у тестя, зять съ своей молодой уѣзжаетъ домой, причемъ дѣвушки на отъѣздъ поютъ:

Тарарай, калёсы, тарарай,
Да вязйтя дѣвачку съ пекла ў рай!
А ина таго раю ни хатѣла бъ,
Да назадъ икъ мамки палятѣла бъ.

Остальные же гости садятся за столъ, и сватъ ихъ угощаетъ. Потомъ идутъ съ перезвами на бесѣды къ роднымъ свата.

Молодухи поютъ на перезвахъ:

Галовачка мая бѣдна, —
Ў мянѐ мамачка нярбдна.
Пасылала мянѐ мати
Яравога жыта жати,
А ячменю павязати.
А я жытячка ня жала,
И ячменю ня вязала, —
Чаразъ свайго миляпькага,
Чаразъ ягò бѣлыя руки,
Няздарбвая ляжала.
А мой милый чарнабрывый,
На славечка справядлйвый,
Убивая рукою, атливая вадою:
„Гавары, серца, са мною!“
— И рада бъ я съ табой гаварыти,
Дакъ баюся—будяшъ бити!
Аблилося маё серца
Да гарўчаю кроўю —
Я славечка ни прамбўлю!
Кабъ я знала, маладая,
Ня йшла бъ замужъ, да гуляла, 2
Здароўяйка сабирала
Дяўчынаю маладою.
Ня аддаў мянѐ батька,
Ня аддала мянѐ матка —
Сама дружка палюбила,
Галбвачку утапила,
Дяўчынаю маладою!
Якъ у поли азерушка,
Тамъ плавала вядерушка —
Да сасновая клёпка,
Да дубовая денца —
Разайдёмся, маё серца!

—

Переходивши всѣ перезвы, родные жениха собираются снова на сватній дворъ, „на папялйща“. Здѣсь пьютъ водку, сколько кто хочетъ, и безобразничаютъ: разрываютъ живую курицу и слегка опаливши ее на огнѣ, ѣдятъ, бросаютъ въ кипятокъ живого пѣтуха или поросенка, и тоже ѣдятъ и т. д. Тѣмъ и кончается свадьба.

Свадьбы большею частью „гуляются“ въ Рождественскій мясоѣдъ.

Свадьба вдовыхъ очень сокращенна: повѣнчавшись, ѣдутъ прямо къ жениху, и расходъ не болѣе пяти рублей. Свадьба сиротъ гуляется, какъ и обыкновенная. Расходъ сиротской свадьбы до 40—50 рублей.

Д. Дубровка, Гомельск. у.
Со словъ кр. Л. М. Ткаченка.

Крестьяне м. Вѣтки, населеннаго между прочимъ великоруссами старообрядцами, устраиваютъ свадьбы преимущественно между 16 августа и 10 ноября, и въ Рождественскій мясоѣдъ. Весною-же свадьбы бываютъ очень рѣдко, и только вслѣдствіе стѣснительныхъ семейныхъ обстоятельствъ, напр. когда семья лишается отца, или матери, или есть необходимая потребность въ работницѣ, а нанять ее нѣтъ средствъ и т. д. Порядокъ свадьбы у всѣхъ почти одинъ и тотъ же.

Въ настоящее время браки устраиваются здѣсь съ согласія жениха и невѣсты. Случаи, когда браки устраиваются только по желанію родителей, очень рѣдки, именно, когда принимаются въ разсчетъ какъ матеріальная сторона, такъ и семейныя традиціи, и тогда, когда женихъ молодъ и не имѣетъ никого въ виду. Если же бракъ заключается по любви, то сынъ прямо проситъ родителей посватать любимую имъ дѣвушку. Собирается поѣздъ, состоящій изъ женихова отца, жениха и уважаемаго близкаго человѣка. Вечеромъ поѣздъ отправляется въ домъ избранной дѣвушки. Послѣ обычныхъ привѣтствій, прибывшіе излагаютъ цѣль своего посѣщенія. Хозяева изъ приличія или какихъ либо видовъ отказываютъ сватамъ, говоря: „невѣста молода“ или: „намъ самимъ въ домѣ нужна работница“, или выставляютъ какія-либо другія причины. Сваты всѣми силами стараются уговорить исполнить ихъ просьбу. Дѣло кое-какъ начинаетъ клеиться; родители соглашаются, остается узнать мнѣніе невѣсты. А она, можетъ быть, ничего не предполагая, веселится на посидѣлкахъ, куда нежданно-негаданно является посланецъ и требуетъ ее домой. Если невѣста изъявитъ свое согласіе, то всѣ становятся передъ образами и молятся Богу, потомъ садятся за столъ и пьютъ принесенную сватами водку. Затѣмъ женихъ и невѣста отправляются на посидѣлки. Въ домъ невѣсты, пока она на посидѣлкахъ, собирается оповѣщенная родня невѣсты и является, если близко живетъ, женихова мать. Это собраніе называется „змбвины“. Изъ невѣстиной родни избирается дружокъ, который посылается на посидѣлки за женихомъ и невѣстой. Дружокъ приноситъ съ собою туда водку, угощаетъ собравшихся дѣвушекъ и проситъ ихъ сопровождать съ пѣснями до дому невѣсту. Дѣвушки соглашаются, и поютъ:

„Ти ни груба завалйлася,
Ўжэ́ нивѣста заручилася,
За таго́ парня харбшага
За Андрея Питровича“.

Когда подойдутъ къ невѣстиному двору, поютъ:

„Разгарѣлася калина,
Пиридъ зарбй стбючи;
Расплакалася Катяринка,
Пиридъ ба́тькамъ сѣ́дючи.
Ту́шыть вѣтиръ, ни ўту́шыть,
Гбрій йскарья разнясе́ть,
Унима́нть батька дбчку, ни ўни́мить,
Гбрій жа́ласьти заде́ть.

—

Входя въ хату, дѣвушки прячутъ невѣсту гдѣ-нибудь за дверью, а когда войдетъ въ хату женихъ, то невѣстинъ братъ, а за неимѣніемъ его, другой какой-либо парень, подводитъ къ нему невѣсту и говоритъ: „вотъ, мы даемъ табѣ ни слѣпу́ю, ни храму́ю, ни курносаю; дай крупъ—прасй кашы, принесй муки—прасй хлѣба, посѣй льну—прасй сарбчку“. Потомъ дѣвушки подводятъ невѣсту къ свекру, свекрови, свату, и она, кланяясь имъ, подноситъ подарки: свекру холста на рубаху, свекрови передникъ, свату и жениху платки. Све-

кровь даетъ взамѣнъ подарка водку, которой невѣста угощаетъ на посидѣлкахъ дѣвушекъ. Свекоръ и сватъ даютъ только деньги, а женихъ кромѣ денегъ—закуску для дѣвушекъ, состоящую изъ пряниковъ, орѣховъ, сѣмечекъ и др. лакомствъ Дѣвушки вмѣстѣ съ женихомъ и невѣстой отправляются на посидѣлки, гдѣ угощаются и поютъ пѣсни.

Василь ты мой, василёкъ,
Бѣларо́завый цвято́къ,
Ой люли, ой люли,
Бѣларозавый цвятокъ.
(Послѣ каждыхъ двухъ строкъ).
Гдѣ мнѣ тябе пасадить,
Ой, чимъ бу́дить угасьти́ть?
Пасажу̑ я, пасажу̑,
Въ сваёмъ зе́линамъ саду̑,
Падъ игру́шай зиляно́й,
Падъ травою шалкаво́й!
—

Рама́начка, дружокъ мой,
Гдѣ мнѣ тябѐ пасади́ть, 2
Ой, чимъ бу́дить угасьти́ть.
Пасажу̑ я, пасажу̑
Въ сваёмъ те́риму наво́мъ, 2
За дубовымъ за стало́мъ, 2
Шытымъ, бранымъ, за кау̑ро́мъ.
Я тябѐ тахто́й накры́ю, 2
А сыто́ю абалью́, 2
Ча́ямъ, мёдомъ напаю́, 2
Канхве́тами угащу̑,
Ой люли, ой люли —
Канхве́тами угащу̑.

(Конечно, заимствована у старообрядцевъ).

Старики, угостившись въ домѣ невѣсты съ своими родичами, идутъ въ домъ жениха „печку лизать“. Одни изъ пришедшихъ дѣйствительно лижутъ печь, а другіе нѣтъ. Здѣсь попьютъ, поѣдятъ и идутъ домой.

Двѣ-три недѣли между змовинами и вѣнцомъ проходятъ въ приготовленіяхъ къ свадьбѣ. Послѣ змовинъ сваты идутъ къ священнику условиться о времени вѣнца. Предъ вѣнцомъ женихъ и невѣста, изучивъ молитвы, также идутъ для провѣрки къ священнику.

У людей состоятельныхъ послѣ змовинъ собираются невѣстины подруги для шитья приданаго. Въ благодарность за это невѣста устраиваетъ имъ пирушку—„дѣвишникъ“. Здѣсь дѣвушки угощаются различными лакомствами и поютъ жениху и невѣстѣ пѣсни, въ родѣ слѣдующихъ:

Ой, па лугу̑, па лугу̑,
Па лугу зилёному,
Ой, люли-лю́шыньки,
Па лугу̑ зилёному,
(Послѣ каждыхъ двухъ строкъ).
Хо́дить добрый мо́ладицъ
Иго́ръ Микала́ивичъ.
Писа́у̑ жа ёнъ гра́мату
Па бѣламу бархату 2
Къради́маму батюшку:

„Радимый мой тятинька!
Тава́ришы жэ́нютца,—
Мнѣ мо́лайцу на́добна!“
— Жани́сь, жани́сь, дититка,
Жанись, чирнабро́вая!
Бири́ сабѣ дѣвачку —
Княгиню, баярыню,
Маско́у̑ськаю барыню,
Са алыми лентами
Штофными ’зія́тками!

„Радимый мой тятинька:
То мнѣ ни жана̀ бу̀дя,
А вамъ ни нивѣстушка,
У̑ до̀ми ни кукѡ̀вница,
У̑ по̀ли ни работьница,
Ни къ гасьтя̀мъ привѣтьница,
Ни са мной савѣтьница!
Радимый мой тятинька:
Есть у мяне дѣвачка —
Бли̇́жнія сусѣдачка,
Настасья Кузьминишна;
То минѣ жана̀ бу̀дить,
А вамъ жа нивѣстушка,
И у̑ поли работьница,
И у̑ доми кукѡвница,
Зъ гасьтя̀ми привѣтьница,
Са мною савѣтьница,
Ой, люли—лю̀шыньки,
Са мнѡ̀ю савѣтьница.

Заимствованная.

—

Какъ и Катя-та Ивана
У дарѡ̀гу сабирала,
Калина мая̀, малина мая̀!
Шапку зъ бантамъ надивала,
Падпая̀савала,
Падпая̀савала и прика̀зывала:
Паижжа̀й, мая̀ надежда,
Ни загуливайся,
На чужыхъ на харо̀шыхъ
Ни загля̀давайся!
Што чужыя харошыя
Спадма̀ньчиваты,
Што спадманьчиваты,
Спадгавѡ̀рчиваты:
Што спадманють, спадгавѡ̀руть
Удалѡ̀га малайца̀, 2
Иванушку купца,
Тимахвѐивича!
Бисъ тибе, мая̀ надѐжда,
Я канѐшна умру, 2
Бизъ духѡ̀уна атайду̑,
Бизъ духѡ̀унага атца,—
Бизъ Ивана малайца,
Тимохвѐивича,
Калина мая, малина мая!

—

Якъ падъ я̀бланкай такѡ̀й,
Падъ кудра̀вой зилянѡ̀й—
Калина, малина!
Тамъ стая̀ла карва̀ть,
Карва̀ть тёсаная, 2
Ножки тѡ̀чиныя, 2
Пазалѡ̀чиныя.
Якъ на той ли на карва̀ти
Добрый мѡ̀ладицъ ляжы̀ть,
Што Иваничка Стипановичъ.
Прихадѝли къ яму̑
Три тава̀ришы, 2
Усё радны̀я бра̀тьтя.
Яны̀ бу̀дють ягѡ̀,
Прабужа̀ють ягѡ̀:
„Добрый мѡ̀ладецъ Иваничка,
Ты уста̀нь-тка, праснись:
Къ на̀шай пристани
Карабли̇̀ пришли
Са тава̀рами, 2
Са дивчатами!
Мы пайдёмъ-кася
Сабѣ дѣвакъ выбирать!“
Выбра̑у̑ дѣвачку,
Выбра̑у̑ краснаю,
Еще Дунюшку, ще Хвёдара̑у̑ну,
Калина, малина!

Заимствованныя.

—

Наканунѣ вѣнца женихъ избираетъ для себя двухъ дружковъ и дядю, обязанность котораго держать вѣнецъ и помогать дружкамъ угощать гостей, а также и свѣтилку—молодую женщину, на обязанности которой лежитъ убирать для вѣнца свѣчи и ѣздить съ женихомъ къ молодой. Для невѣсты также избираются двѣ, три дѣвушки—дру̑жки, подневѣстницы. Ихъ обязанность та же, что и дяди. Въ день

вѣнца поѣздъ, состоящій изъ жениха, дяди и дружковъ, отправляется въ домъ невѣсты, гдѣ уже собралась вся ея родня. Женихъ и невѣста молятся съ земными поклонами передъ образами. Затѣмъ родители, взявъ образъ и прочитавъ молитвы, благословляютъ жениха и невѣсту образомъ. Принявъ образъ, они передаютъ его дядѣ. Затѣмъ, взявъ молодыхъ за руки, родители обводятъ ихъ три раза вокругъ стола. Послѣ этого дружокъ обращается къ родителямъ невѣсты: „благаслави́тя, атецъ и мати, падъ винецъ ступа́ти!“—„Богъ благаслави́, и мы благаславля́имъ“, отвѣчаютъ родители. Тогда поѣздъ отправляется въ церковь. Чтобы молодыхъ не испортили колдуны, имъ при одѣваніи къ вѣнцу вкалываютъ иголки и булавки въ подолъ рубахъ. А чтобы они любили другъ друга, кладутъ имъ въ карманы мыло и запертый замокъ безъ ключа. Чтобы они были богаты, кладутъ въ обувь деньги.

Повѣнчавшись, молодые ѣдутъ въ домъ невѣсты. Во время ѣзды поютъ пѣсни:

„Спасиба табѣ, нбпинька,
За ру́саю кбсаньку,—
Што нямножка ў̆зяў̆,
Да харашо̀ звяньча́ў̆:
Паўтара̀ залато́га
За князя маладога,
За ру́саю касў̆,
За дяви́ччаю красў̆.“

Когда подъѣдутъ къ воротамъ невѣстинаго отца, то вызываютъ родителей встрѣтить молодыхъ слѣдующей пѣсней:

„Выйди, мамачка, исъ свя́ча́ми,
Тва́я дачка̀ звяньча́на.
Запали, матка, свѣчку,
Выйди на сустрѣчку,
Сустрѣнь сваю̀ дачкў̆!
Ти ў̆гада́ишъ, мати,
Да свайго̀ дитя́ти?“
— Якъ мнѣ ня ў̆гада́ти
Да свайго дитяти:
Пе́рва наражо́на,
Атъ Бога сужо́на,
У рукахъ ширинка,
Тонинька, бяле́нька,
Отъ слёзамъ макре́нька!

Отецъ и мать выходятъ навстрѣчу съ хлѣбомъ-солью и съ иконой. Женихъ кланяется тещѣ и беретъ отъ нея хлѣбъ-соль, а невѣста кланяется отцу и принимаетъ отъ него икону. Всѣ входятъ въ домъ и садятся за столъ обѣдать, причемъ жениха и невѣсту садятъ на куть—въ почетный уголъ. Обѣдъ стараются приготовить поизысканнѣе, пьютъ водку и вино. На обѣдѣ присутствуетъ только невѣстина родня и свадебный поѣздъ.

Послѣ обѣда женихъ и невѣста, дружки, дядя, а также и невѣстины подруги ѣдутъ кататься. Затѣмъ женихъ съ своими поѣзжанами уѣзжаетъ домой.

Въ это время къ молодой собираются ея подруги „завивать ёлку“, то есть украшать ее разными лентами, разноцвѣтными кусочками ситца и цвѣтными бумажками.

При этомъ поются пѣсни:

Благаслаўлялась Сашачка
Свайму ро́днаму та́тачку:
„Благаслави, мой татачка,
Мнѣ ёлачку вити!“

Этотъ куплетъ поется всѣмъ членамъ семьи безъ всякаго измѣненія.

Ня йди́тя, маладицы,
Къ намъ ёлачку вити:
Саўёмъ жа мы сами
Съ красными пани́чами,
Сь чорными га́лачками,
Зъ ясными па́нначками.

—

Што ни жа́ласьливый, сударь батюшка, да мянѐ, да мянѐ!
Аддае́ть жа мянѐ малодёшыньку атъ сябѐ, отъ сябѐ.
Каму жъ та я прикажў тьвяты̆ алыя?
Прикажу-та я сваѐ тьвяты̆ батюшку, батюшку:
Уставай-ка, мой батюшка, ра́нинька, ра́нинька,
Паливай-ка мае тьвяты̆ часьтинька, часьтинька!

—

Якъ лятѣў жа сизъ галу́бчикъ чирасъ садъ,
Да удариуся крылушками ў виноградъ:
Ти ня тутъ мая̆ галубка, ти ня тутъ янѝ?
Ти зъ другими галубца́ми вонъ гулять пашлѝ?
Якъ ѣхаў Иванъ малб́ичикъ чирасъ садъ,
Да ударились кони капыта́ми ў виноградъ:
„Ти ня тутъ мая̆ Маланьня, ти ня тутъ яна?
Ти зъ другими малайца́ми вонъ гулять пашлѝ?“
— Кагды бъ та я, Иванушка, ета знала,
То бъ зъ другими малайца́ми ни гуляла!

—

На Хале́цкамъ[1]) поли яръ, яръ,
Рана, рана, ранёшынька!
(послѣ каждой строки).
На Вѣткаўськимъ дьвѣ вишаньки.
Тамъ Маланьня чары мыла,
Мыўшы чары, гаварила:
„Вы плыви́тя, маѐ чары,
Къ свёкру на дворъ, зъ виномъ [за столъ—
Я за вами скора буду,
Рана, рана ранёшынька!

—

Кагды бъ та я зналѝ,
Што зъ братамъ ни жы́ти,
Я бъ тынъ праламá́ла, 2
Карб́ў напускала. 2
Тапчитя, каровы, 2
Што есть у гарб́ди, 2
И хрѣнъ и капусту,
Кучераву мяту, 2
Штобъ ни асталася брату,
Нявѣстки панюхать, 2
Гавбракъ паслу́хать.

—

[1]) Хальчъ—сосѣднее мѣстечко.

Поется и во время катанья молодыхъ. Также на Масленицѣ.

Тѣмъ временемъ хата наполняется гостями. Сваты, крестные отецъ и мать невѣсты, ея родители и другіе гости, постарше, сидятъ за столомъ подъ образами. Молодая и ея подруги за другимъ. На обоихъ столахъ угощеніе. Дѣвушки опять поютъ пѣсни.

Лѣзла Кулинка зъ застóльля,
Сыпала руту съ припóльля:
„Ой, рута жъ мая̀ дрóбна зѐлина,
Съ кимъ тябѐ падбирати?“
Прасѝ, Кулинка, тàтачку,
Дрóбнаю руту збирать!
„Ня буду татки прасѝти,
Ёнъ ни умѣў мянѐ расьтѝти,
И расьтѝти, и лялѣити,
У сваёмъ даму̀ диржàти!

Это же поется и матери, сестрамъ, братьямъ, наконецъ жениху, и тогда послѣднія четыре строки поются такъ:

„Буду жаниха прасити:
Ёнъ умѣў мянѐ расьтити,
И расьтити, и лялѣити,
И ў свой домъ брати?“
Маё лицо, якъ калѝначка,
Я самà, якъ журавѝначка (клюква).

—

„Ни gѐgай-ка, гусачокъ,
Ни высóка жъ падлятѣў!
— Хоть жа ни высóкинька,
Да спущуся, разабъюся!
„Ни плачь-ка, Кулинка,
Нидалёка идѐшъ атъ мати!“
— Хоть жа нидалёчка,
Да ни къ сваёй мамцы!

—

„Вѝдна, ў тябѐ, Кулѝнка,
Кàмянное сярдѐчка:
Вечаръ ты сидишъ,
Да ни заплачишъ,
И татачки ни разжàлабишъ!“
— Ой, якъ жа мнѣ плакати,
Изъ лица красў стирàть:

—

У жениха въ это время тоже идетъ веселье. Веселятся и танцуютъ подъ музыку. Сюда приходятъ (если въ мѣстечкѣ) потанцевать и невѣстины подруги, вившія елку. Къ концу пирушки поютъ:

„Ня спи-тка ты, ня гуляй,
Жанихова мамачка:
Гатўй намъ вячѐрачку,—
Паѣдимъ па дѣвачку!“
— А я жъ, кажытца, ни гуляю,
Свайго сыночка, свайго рóднага,
У дарóжку выпраўляю!

Поужинавши, отправляются за молодой. По пути поютъ:

Мы паѣдимъ да парóшаю
Да за сваёй за харóшаю!
Ой, тамъ жа мы станимъ,
Гдѣ сваю̀ спазнàимъ!

У невѣстиныхъ воротъ къ этому времени собираются парни „ловить зайца“. Они загородятъ жениху дорогу, и чтобы освободиться, женихъ долженъ дать имъ водки; въ противномъ случаѣ у его лошадей перерѣжутъ гужи. А дѣвушки въ хатѣ поютъ пѣсню:

„Стукнула, грўкнула на дварѣ,
Пагляди-тка, мамачка, ти ни па мянѐ?“
— Па тябѐ, дитя̆тка па тябе!
„Гатўй, мамачка, кубликъ мнѣ!“

— Ѣдь, мая донячка, бисъ кублà,—
Чаму̀ кудельки ни скублà?
„Скубла кудельку, шуматѣла,
За ётага дурака ни хатѣла“!

Дружки входятъ въ хату, а женихъ съ дядею остается на дворѣ. Невѣстины дружки встрѣчаютъ жениховыхъ дружковъ пѣснею:

„Дружокъ на пáрогъ лѣзя,
Клúньнямъ галавà збúта,
Салóмаю барадà шшыта,
Лы́чкамъ подпиразáўся,
Па баярськи прыбрáўся“.

Невѣсту дѣвушки прячутъ въ своей толпѣ, а дружкамъ выталкиваютъ другую. Дружокъ говоритъ: „ѐта ни мая̀!“ До тѣхъ поръ, пока наконецъ выведутъ и невѣсту. Дружкѝ торгуются за нее съ дру̀жками и даютъ деньги; тѣ не принимаютъ, требуютъ, чтобы подбавили, и поютъ:

Ета ня грóшы—
Ета мѣдь;
Садись на свинью—
Дамбў ѣдь,
А прiѣхаўшы, пасасáй,
Зъ нами, дру̀жками,
Размаўля́й!
За ѐтыя грóшы
Купѝ сабѣ мыла,
Памы́й сабѣ рыла,
Штобъ жонка любила,
А дѣти ўважали,
Да бáтькамъ назвали!

Дружокъ грозитъ кнутомъ, проситъ продать невѣсту, наконецъ надбавляетъ плату и получаетъ невѣсту.

Теперь нужно выкупить невѣстину косу. Невѣстинъ братъ становится за ея косой и торгуется за нее; онъ не довольствуется малой платой и требуетъ большей, говоря: „мая̀ касà семъ пудоў масла паѣла“. Дѣвушки поютъ:

Атступúся, Литвà,
У насъ бу́дя битвà:
Братъ будя ваювáти,
Да сястры ни давати!

Наконецъ, торгъ оканчивается и дружокъ получаетъ невѣсту. Дѣвушки поютъ:

Татáрынъ, братка, татарынъ!
Аддаѐ сястрў задáрамъ,
Русаю касў за питакъ,
Бѣлая лицо аддáў такъ.

Сестра невѣсты развиваетъ ей косу, а другая дѣвушка подаетъ сборникъ—чепецъ. Невѣста два раза бросаетъ его въ порогъ и только за третьимъ разомъ надѣваютъ его ей на голову. При этомъ поютъ:

Гдѣ дѣлася, гдѣ падѣлася,
Да Кулинкина мати?
— Да пайшла у кублúща
Да на самая днища,—
Шукáти чапúща.
Иванка купецъ, купецъ,
Купиў Кулинки чапéцъ, чапéцъ,
Тóнкаю намётачку
На я̀е галóвачку.

Иванка на ко́нику,
Якъ чо́ртъ на ко́лику:
А Кулинка у злоти,
Якъ жаба ў бало́ти.

Потомъ дружокъ, окрутивъ невѣсту поясомъ, выводитъ на дворъ къ жениху, женихъ беретъ невѣсту за руку, другую подаетъ дядѣ, и тотъ вводитъ молодыхъ въ хату. Здѣсь женихъ и невѣста должны стукнуться головами другъ о друга. Въ хатѣ начинаются танцы, но танцуютъ уже молодыя бабы и мущины, пріѣхавшіе съ женихомъ. Послѣ танцевъ поютъ:

Давай, ма̀мачка, вяче́рать,
А павяче́раўши дяли́тца:
Табѣ, ма́мачка, што въ вуглѣ,
А мнѣ, маладе́нькай, што ў кублѣ!
Табѣ, мамачка, даёнка,
А мнѣ, маладе́нькай, каро́ўка!
Табѣ, мамачка, семъ вяратёнъ,
А мнѣ, маладе́нькай, семъ палатёнъ!

Невѣстина мать собираетъ ужинъ, вече́ру. Вече́ряютъ гости, которые поѣдутъ съ молодой. Дружокъ потчуетъ гостей жениховой водкой. Молодые не вечеряютъ здѣсь. Ихъ, вмѣстѣ съ дядей, дружками и свѣтилкой, невѣстина мать угощаетъ отдѣльно яичницей и другими лучшими яствами, а также виномъ. Послѣ ужина молодые входятъ въ хату. Всѣ садятся. Затѣмъ невѣстина родня становится въ рядъ по старшинству. Молодые кланяются каждому порознь и выходятъ изъ хаты. При этомъ поется пѣсня:

Заливай, матка, жаръ, жаръ, жаръ,
Будя табѣ дачки́ жаль, жаль, жаль!
Клади у печь дровы, аставайся здаро́ва!
Агляди́сься, мати, ти харашо̀ ў хати:
Ти вы̀маты ла̀ўки бизъ дачки́ каха̀нки?

—

Стань, ма̀я мамачка, ў паро́зи,
А ужэ твая до́чка ў даро́зи! 2
Прыступись ка мнѣ близинька,
Пакланюсь табѣ низинька. 2
Ко́сками зяме́льку устялю̀,
Слёзками но́жачки абальлю̀! 2

При этомъ выносятъ невѣстину постель и кладутъ на возъ, а на постель садятъ молодыхъ. Невѣстина мать одѣваетъ вывороченный тулупъ и бѣгаетъ вокругъ воза, обсыпая молодыхъ житомъ. Дружокъ гоняется за ней съ кнутомъ. Молодые уѣзжаютъ. Въ дорогѣ поютъ пѣсни:

Што мы хатѣли
То́я жъ мы зраби́ли:
Сь тѣста паляни́цу,
Зь дѣўки маладйцу.
Пасадили, пасадили
Ва новый вазо́чикъ,
Да павязьли, да павязьли
И къ чужой мати.
Што хатѣли, то раби́ли
Чужому дитя́ти.
За чужо́га дитяти
Не́каму стая́ти.

Въ воротахъ женихова дома горитъ огонь. Молодые переѣзжаютъ черезъ него, чтобы колдунъ не причинилъ имъ вреда и чтобы молодые горячо любили другъ друга. На дворѣ поются пѣсни.

Выйди, мамачка, пагляди,
Што мы табѣ привязьли̇̀?
Привязьли скрыню, пярину,
Маладую дѣвачку княгиню.

Женихова мать выноситъ хлѣбную дежу. Молодые, ставъ на нее съ телѣги, сходятъ на земь и входятъ въ хату. Здѣсь они садятся за столъ и угощаются. Въ это время дружками и свѣтилкой для молодыхъ стелется гдѣ-нибудь въ клѣти постель. Послѣ ужина ихъ и уводятъ туда. Молодая снимаетъ съ жениха сапоги и вынимаетъ оттуда заранѣе приготовленныя деньги. Дружокъ накрываетъ молодыхъ, всѣ уходятъ. Молодухи поютъ:

Катилася калясо̀ съ клѣти,
. . . . харашо̀, дѣти,
Штобъ былй у васъ дочки шва́чки,
А сыночки писарбчки.

Въ хатѣ между тѣмъ веселятся до утра. Пріѣзжаютъ „вечернія"—молодыя бабы и мущины съ невѣстиной свадьбы. Пріѣзжіе присоединяются къ веселью. Музыка, танцы и пѣсни продолжаются до самаго утра. Утромъ бабы съ музыкой идутъ подымать молодыхъ и здѣсь удостовѣряются въ цѣломудренности молодой. Немного погодя, ѣдутъ „съ снѣданьнямъ" къ невѣстиной матери. Если невѣста была честною, то лошадь и возокъ убираютъ красными платками и лентами, въ противномъ случаѣ все покрывается рогожей, только женихъ убирается лентами. Невѣста въ обоихъ случаяхъ остается дома. Пріѣхавши къ невѣстиной матери, женихъ угощаетъ ее красной водкой, если невѣста была цѣломудренна. Послѣ угощенія женихъ съ своими гостями уѣзжаетъ домой. Выправивъ жениха, невѣстины родители ѣдутъ „въ отводины"—везутъ жениху сундукъ—приданое невѣсты; съ ними ѣдутъ ихъ гости — молодые мущины и бабы. Въ дорогѣ поются пѣсни.

Ни жа́ласьливый та̀тка мой:
Ни самъ ка мнѣ ни ѣдя,
Ни прыда̀ньня ни шлеть,
За маѐй русбю касой,
За дивбцкаю красбй!

На дворѣ жениха пріѣзжими гостями поется другая пѣсня:

Выйди, Кулинка́, на дворъ:
Сабраўся твой увесь родъ!
Вы́няси кали́начку,
Узвисяли́ ради́начку;
Вы́няси другую,
Узвисяли́ чужую!

Невѣста выходитъ, кланяется отцу съ матерью и всѣмъ пріѣзжимъ. Братъ невѣсты садится на сундукъ и проситъ деньги за приданое. Ему предлагаютъ нѣсколько копѣекъ, но онъ не удовлетворяется и требуетъ большаго. Прибавятъ еще немного и такимъ образомъ кончатъ сдѣлку. На дворѣ пріѣзжими распивается вынесенная родителями жениха красная водка, если невѣста была честная, если же нѣтъ, то бѣлая. Иногда въ такомъ случаѣ еще на отца молодой надѣваютъ хомутъ. Это дѣлается кѣмъ-нибудь изъ жениховой семьи. Потомъ идутъ въ хату дѣлить каравай; молодые подносятъ на блюдѣ два ломтя каравая родителямъ. Невѣста подноситъ при этомъ подарки. Родители кладутъ на тарелку деньги и обѣщаютъ дѣлиться съ молодыми всѣмъ своимъ добромъ, говоря: „што у насъ, то и

дѣтямъ нашимъ!“ Затѣмъ невѣста даетъ подарки и всей жениховой роднѣ. Подарки состоятъ изъ платковъ. Родственники, принимая подарки, обѣщаютъ отдарить невѣсту кто чѣмъ можетъ,—преимущественно животными домашними и птицей.

Свадебное торжество оканчивается перезвой или, какъ еще называется—банкетами. Участвующіе въ свадебномъ торжествѣ поочередно собираются повеселиться то у сватовъ, то у дяди, у крестныхъ, и у другихъ лицъ, участвовавшихъ въ свадьбѣ. Пиръ продолжается около недѣли у богатыхъ и два-три дня у бѣдняковъ. У богатыхъ свадебные расходы простираются до ста рублей, а у бѣдныхъ до 40—50 рублей, не включая сюда приданаго.

Свадебная дружина жениха и невѣсты у богатыхъ доходитъ человѣкъ до тридцати и больше, а у бѣдныхъ человѣкъ десять-пятнадцать. Свадьбы вдовыхъ совершаются безъ музыки и въ одинъ день. Послѣ вѣнца обѣдаютъ у невѣсты и выѣзжаютъ къ жениху.

Въ с. Старомъ Селѣ соблюдаются слѣдующіе обряды:

Дѣлятъ каравай и вьютъ елку только на свадьбахъ первобрачныхъ. Про второбрачныхъ говорятъ: „яна ужэ звилà сабѣ ѐлку, якъ ишла за первага!“ Или: „ихный хлѣбъ ужэ̀ падѣлянъ!“ Елка завивается наканунѣ свадьбы, дѣвушками сверстницами, съ которыми невѣста проводила свое дѣвичество. Для елки отыскивается или вѣтка ели, которая въ Гомельскомъ уѣздѣ составляетъ рѣдкость, или молодая вишня. Вѣтки ихъ украшаются цвѣтами изъ разноцвѣтной крашеной бумаги; при этомъ устраиваются и трубочки для вставки восковыхъ свѣчей, которыя зажигаются при подниманіи хлѣба съ елкой. Благодаря близости Гомеля и Вѣтки, каравай здѣсь не пекутъ дома, а покупаютъ на вѣсъ булку въ булочныхъ или заказываютъ тамъ каравай спеціально. По внѣшнему виду это большая круглая булка въ видѣ полушара.

Въ тотъ день, когда назначено вѣнчаніе, обыкновенно—воскресенье, женихъ вмѣстѣ съ дядею и дружкомъ рано утромъ, еще до заутрени, отправляется въ домъ невѣсты и несетъ съ собою бутылку водки. Тамъ дружокъ выливаетъ водку въ какой-нибудь сосудъ, потомъ беретъ за руку жениха, а женихъ беретъ невѣсту, невѣста свою старшую дружку, а дружка дядьку, и всѣ вмѣстѣ три раза обходятъ вокругъ стола, на которомъ лежитъ хлѣбъ, соль и принесенная водка. Послѣ этого женихъ и невѣста кланяются въ ноги всѣмъ находящимся въ избѣ родственникамъ невѣсты и отправляются въ церковь. Послѣ заутрени невѣста продолжаетъ обходить родныхъ и знакомыхъ и кланяется всѣмъ въ ноги. Тѣ желаютъ ей, чтобы Богъ далъ „щасьтя, долю и вѣкъ дóугій!“ Вѣнчаніе происходитъ по окончаніи обѣдни. Отъ вѣнца молодые отправляются въ домъ невѣсты, въ сопровожденіи дѣвушекъ. Мать невѣсты встрѣчаетъ молодыхъ съ хлѣбомъ-солью; молодые ей кланяются и входятъ въ избу,

а дѣвушки расходятся по домамъ. Послѣ небольшой закуски молодые уходятъ: женихъ идетъ къ дядькѣ, а невѣста къ старшей дружкѣ, и тамъ „гостятся“. Тѣмъ временемъ въ домъ жениха является музыка и собирается молодежь, преимущественно мужская, и гуляетъ до вечера. Къ вечеру она расходится, а въ домъ жениха приходятъ замужнія женщины. Вмѣстѣ съ женихомъ, дядькою и съ музыкой онѣ отправляются въ домъ невѣсты, гдѣ тоже уже собрались старые люди. Женихъ приноситъ невѣстѣ „гостинцы“—лакомства, а та въ сосѣднемъ домѣ раздаетъ ихъ своимъ подружкамъ. Теща уводитъ зятя въ отдѣльную комнату или въ клѣть и тамъ угощаетъ, остальные угощаются за общимъ столомъ. Послѣ угощенія женихъ съ своими гостями возвращается домой, и пиршество идетъ въ обоихъ домахъ.

Позже женихъ собирается ѣхать за молодой. Ему запрягаютъ коня. Онъ садится на сани или въ телѣгу, а мать его одѣвается въ вывернутую шубу, беретъ въ передникъ овса или ячменя и обходитъ или, вѣрнѣе, обѣгаетъ три раза вокругъ запряженной лошади, такъ какъ дядька гоняется за нею съ кнутомъ. Обѣжавъ три раза, мать кланяется коню и отдаетъ ему овесъ, который былъ въ передникѣ. Послѣ этого къ жениху присаживаются родные и ѣдутъ въ домъ невѣсты.

Теща встрѣчаетъ зятя на дворѣ и подаетъ ему на телѣгу четыре рюмки воды; зять обязанъ вылить воду на всѣ четыре стороны двора и тогда уже слѣзаетъ съ телѣги. Здѣсь теща подаетъ ему рюмку водки, которую онъ выпиваетъ, стоя у лошади. Въ это время братъ выводитъ невѣсту съ хлѣбомъ и ставитъ рядомъ съ женихомъ. Послѣ этого дружки жениха и невѣсты берутъ по вѣку отъ квашни и, застлавъ ихъ скатертями, обносятъ три раза вокругъ новобрачныхъ, а затѣмъ подымаютъ надъ головами. Каждый старается поднять, какъ можно выше. „Мой вы́шай!“—Нѣ, мой вы́шай!.. Споръ кончается тѣмъ, что вѣко жениха кладутъ поверхъ вѣка невѣсты, и тогда всѣ уходятъ въ избу. Женихъ и невѣста во все это время должны быть такъ близко другъ къ другу, чтобы никто не смогъ протиснуться между ними. Въ хатѣ молодыхъ обводятъ вокругъ стола и усаживаютъ съ краю стола. Чрезъ нѣкоторое время молодыхъ ведутъ въ клѣть и угощаютъ, а по возвращеніи надѣваютъ на голову молодой чепецъ—„зборникъ“ и завязываютъ поверхъ платкомъ такъ, чтобы концы завязывались сзади. Невѣста обязана два раза сорвать съ головы зборникъ и бросить къ печи. Послѣ второго раза чепчикомъ обводятъ вокругъ правой ноги жениха и лѣвой—невѣсты. Тогда невѣста уже не можетъ сбросить зборника и его надѣваютъ ей безпрепятственно.

Послѣ этого начинаются сборы къ отъѣзду молодыхъ. Опять запрягаютъ лошадь, укладываютъ на телѣгу постель молодой и т. д. Отецъ невѣсты беретъ икону, а мать хлѣбъ-соль и становятся у печи. Молодые кланяются имъ въ ноги, женихъ цѣлуетъ икону и бе-

ретъ ее у отца, а невѣста цѣлуетъ хлѣбъ и беретъ его у матери. Держа это благословеніе въ рукахъ, они усаживаются на тотъ возъ, гдѣ постель—женихъ справа, а невѣста слѣва, и отправляются въ домъ жениха. Здѣсь родители встрѣчаютъ ихъ на дворѣ, также съ иконой и съ хлѣбомъ-солью. Молодые кланяются, принимаютъ образъ и хлѣбъ, и всѣ идутъ въ избу. Тамъ молодыхъ обводятъ вокругъ стола и усаживаютъ на кутъ. Спустя немного времени, молодыхъ ведутъ спать въ клѣть. На другой день, если невѣста оказалась цѣломудренной, навязываютъ на шесты красные платки и съ ними женихъ съ дружиной отправляется къ родителямъ невѣсты и угощаетъ ихъ красной наливкой или виномъ. Отсюда гости обѣихъ сторонъ идутъ къ жениху. Туда же везутъ и сундукъ съ приданымъ молодой. Послѣ этого происходитъ дѣлежъ караваевъ у жениха и невѣсты и одариваніе молодыхъ. Кончается свадьба „банкетами" у лицъ, участвовавшихъ въ свадебномъ пиру съ обѣихъ сторонъ.

Сообщилъ П. П. Буднецкій.

—

Рогачевскій уѣздъ.

Въ м. Городцѣ брачные переговоры ведутся родителями безъ участія молодежи: родители выбираютъ и невѣсту для сына и зятя-примака для дочери.

Сватъ, съ отцомъ жениха, берутъ съ собой въ кошель бутылку водки, кусокъ хлѣба фунтовъ въ пять и кусокъ сала въ два фунта. Придя въ домъ, они здороваются, но отецъ невѣсты не подаетъ имъ руки. Сваты вступаютъ въ разговоръ: „мы купцы заморськія, йщимъ тавару ни лижáчага, а хадячага. Кали у васъ ёсьть, пакажы́тя лицомъ, а мы пахвáстуямъ сваи́мъ тавáрцамъ!" Отецъ невѣсты старается тѣмъ временемъ переговорить съ женою и съ дочерью. Если онѣ не противъ предложенія, то подводятъ къ отцу жениха какую-нибудь дѣвушку изъ подругъ невѣсты. Тотъ говоритъ: „нѣ, минѣ гэтый таваръ ни нарáвитца!" Тогда подводятъ другую, третью и наконецъ уже невѣсту. Сватъ тогда говоритъ: „Вó, товаръ харóшъ, и намъ прыгóжъ!" Родители подаютъ другъ другу руки черезъ полу и распиваютъ принесенную водку. Рюмку водки сватъ даетъ выпить и невѣстѣ, причемъ опускаетъ туда рубль. Дѣвушка выпиваетъ водку, деньги беретъ себѣ и кланяется будущему свекру въ ноги, и въ свою очередь посылаетъ жениху узелокъ съ гостинцами—баранками, орѣхами, конфетками и т. п.

Накануиѣ свадьбы у невѣсты происходитъ такъ называемый дѣвишникъ, куда пріѣзжаетъ и женихъ съ музыкой.

Свадебный каравай печется здѣсь не въ опредѣленное время, хотя стараются приурочить эту работу къ дню свадьбы. Въ печеніи

каравая участвуютъ не только женщины, но и дѣвушки. При началѣ работы старшая каравайница поетъ:

Стáўтя дяжў тисбвую,
Нясйтя вадў крынйшную,
Сыптя муку пшанйшную!

и растворяетъ тѣсто. Когда оно подойдетъ и его надо мѣсить, приходятъ гости и приносятъ „подарки на каравай“: муку, масло, яйца, деньги. Снимаютъ квашню съ печи, гдѣ подходило тѣсто, и ставятъ на столъ. Старшая каравайница трижды проситъ благословенія: „Есьть тутъ атецъ и мати, близкія и дальнія сусѣди,—благаславитя каравай замясйть!“ Присутствующіе также трижды отвѣчаютъ ей: „Богъ благаславйть!“ Тогда каравайницы поютъ:

Благаславйтя, люди, Гэтаму дитяти Ручками бѣлиньками,
Близкія сусѣди, Каравай замясйть Пѣсьнями вясёлиньками!

Тѣсто выкладывается на столъ, старшая каравайница мѣситъ главную булку, а прочія—украшенія къ ней, въ видѣ птичекъ, шишекъ и другихъ фигуръ, при этомъ играетъ музыка и коровайницы поютъ:

Гарадéцкія жоны, гдѣ у Бога бывали,
Харашò каравай сабгáли,
Кабъ нашъ каравай я́синъ быў,
А маладый Иванька красинъ быў.

Каравай стараются дѣлать возможно бóльшимъ, чтобы его едва можно было вынуть изъ печи, когда онъ испечется. Посадивши тѣсто въ печь, бьютъ три раза лопатой въ одно мѣсто, и стараются, чтобы за третьимъ ударомъ лопата сломалась. Коровайницы поютъ:

Расьти, расьти, каравай,
Вы́шы печи мидянбй,
Вы́шы стбли залатой (потолка),
Вы́шы Татяны маладой!
—

Стану я у печи каравай глядѣти,
Кабъ ёнъ ни аппёкся,
Кабъ ёнъ ни абжбгся,
Кабъ намъ сбрамъ ня быў
Атъ чужы́хъ людей.

Все это время, пока испечется каравай, каравайницы танцуютъ и поютъ пѣсни-припѣвки. Когда каравай испечется, на столъ кладутъ вѣко отъ квашни и застилаютъ его чистой скатертью. Потомъ вынимаютъ изъ печи каравай при пѣніи пѣсни:

А йдѣ жъ тыя кавалй, кавалй,
А што ету печку кавáли, кавáли?
Нихай идуть, раскують, раскують:
Каравай съ печки ня лѣзить,
А зять къ тёщи ня ѣдить!

Вынувши каравай, торжественно несутъ его на столъ, кладутъ на вѣко и поютъ:

Палажыли каравай на столъ—
Сталбвыя ножки зыблютца,
Уси люди дивютца,
Што удаўся нашъ каравай
Гбспаду Богу на хвалу,
Добрымъ людямъ на славу!
Вы, добрыя люди, глядитя,
И грбшыки намъ кладитя!

Затѣмъ съ музыкой и съ пѣснями переносятъ каравай въ клѣть. Впереди идетъ самъ хозяинъ, за нимъ сватъ съ короваемъ, въ сопровожденіи каравайницъ и гостей. Каравайницы поютъ:

Пытаўся каравай у пирапечи: *)
А куды сьтежка да клѣти?
— А ты, каравай, ни пытайся:
Вазьми пиражбкъ ды папирайся!
Часта у клѣти бываишъ —
Сьтежки-дарбжки пытаишъ!

Послѣ этого коровайницамъ и гостямъ предлагается угощеніе.

Въ день свадьбы женихъ и невѣста встаютъ очень рано. Отъ имени ихъ родителей утромъ посылается мальчикъ приглашать родныхъ, знакомыхъ и сосѣдей на свадьбу. Войдя въ хату и поздоровавшись, онъ говоритъ скороговоркою: „Прасиў батька—матка, и я прашу ласкавами быть, къ намъ на вясельля прыбыть!“ И бѣжитъ дальше. Дружки же, сваты и свахи занимаются убранствомъ молодыхъ къ вѣнцу. У невѣсты расчесываютъ волосы, заплетаютъ косу и надѣваютъ на голову вѣнокъ въ видѣ широкаго обруча изъ тонкаго картона, на который очень пестро нашиты лоскутки разноцвѣтныхъ тканей, бахромки изъ золоченой и цвѣтной бумаги, ленты и т. п. Особенно много лентъ должно быть сзади: онѣ закрываютъ всю спину невѣсты. Женихъ тоже одѣвается въ новое платье. Одѣвшись, они отправляются каждый къ своимъ ближайшимъ роднымъ и уважаемымъ сосѣдямъ и лично просятъ ихъ на веселье. Вѣнчаніе происходитъ послѣ обѣдни. Предъ отправленіемъ къ вѣнцу молодыхъ—каждаго въ своемъ домѣ—обводятъ три раза вокругъ стола, на которомъ положены хлѣбъ и соль. Послѣ этого молодые кладутъ земной поклонъ предъ иконами, кланяются отцу и матери и цѣлуютъ у нихъ руки; со всѣми присутствующими цѣлуются. Когда женихъ сядетъ на телѣгу, мать жениха беретъ въ коробку жита и, обѣгая кругомъ весь поѣздъ, осыпаетъ житомъ каждую подводу. Сватъ бѣгаетъ вслѣдъ за ней, стараясь догнать ее и ударить кнутомъ.

Изъ-подъ вѣнца молодые ѣдутъ въ домъ жениха. Мать встрѣчаетъ ихъ въ выворочениой шубѣ, съ полной чаркой водки въ одной рукѣ и съ хлѣбомъ-солью въ другой, и проситъ ихъ въ хату. Вѣнчающіеся обязательно натощакъ, молодые закусываютъ и затѣмъ разстаются: невѣста уѣзжаетъ къ себѣ домой.

На второй день женихъ съ боярами ѣдетъ къ невѣстѣ. Мать невѣсты встрѣчаетъ его во дворѣ въ выворочениой шубѣ, беретъ въ

*) См. выше, стр. 33: сковородникъ.

фартухъ жита и наливаетъ зятю одну за другой двѣ рюмки воды. Тотъ выливаетъ эти рюмки. Тогда теща наливаетъ ему рюмку водки. Когда онъ выпьетъ водку, теща беретъ его за руку и три раза обводитъ вокругъ себя, потомъ подпоясываетъ поясомъ и подъ поясъ закладываетъ полотенце. Послѣ этого жениха съ дружиною просятъ въ хату. Тамъ они покупаютъ у невѣстиной дружины для себя мѣсто за столомъ и садятъ молодыхъ рядомъ. Послѣ угощенія боярки берутъ молодыхъ подъ руки и ведутъ въ особую хату; здѣсь молодежь танцуетъ, пока старики угощаются и ходятъ по перѣзвамъ.

Вечеромъ у невѣсты дѣлятъ каравай. Сватъ кладетъ на застланную тарелку кусокъ каравая, ставитъ рюмку водки, кладетъ нѣсколько монетъ и вызываетъ присутствующихъ въ порядкѣ старшинства: „Питрȯ Иванавичъ! Прбсять васъ маладый князь и маладая княгиня на каравай!“ Вызванный подходитъ, выпиваетъ водку, беретъ каравай и говоритъ: „Дару̂ю жъ я малады̂мъ тялёнка (ягненка, поросенка, гусочку, курочку...)!“ Родители дарятъ корову, овцу, свинью и т. д. По раздѣлѣ каравая у невѣсты, ѣдутъ дѣлить его у жениха. Мать жениха продѣлываетъ съ невѣсткой то же, что теща дѣлала съ зятемъ. Послѣ дѣлежа каравая, молодыхъ кладутъ спать.

На третій день родителямъ невѣсты даютъ знать, какою она оказалась. Приданные оттуда везутъ кубелъ невѣсты. Этимъ днемъ кончается свадебный пиръ.

Въ с. Озеранахъ, какъ только сватовство закончится, такъ дѣвушки расплетаютъ невѣстѣ волосы и завязываютъ ей на голову платокъ поженски. Когда ее въ такомъ видѣ введутъ въ хату, она кланяется до земли родителямъ и своимъ роднымъ, а потомъ сватамъ. Сватъ наливаетъ ей рюмки водки, и когда она выпьетъ, опускаетъ въ рюмку рубль. Невѣста отдариваетъ сватовъ полотенцами.

Въ день заручинъ приглашаемые гости приносятъ невѣстѣ въ подарокъ хлѣбъ-соль, баранки, а нѣкоторые сало. Утромъ въ день вѣнца сватъ приноситъ къ невѣстѣ гарнецъ водки „на благословеніе“. Когда молодые одѣнутся къ вѣнцу, родители ихъ благословляютъ, каждаго отдѣльно въ своихъ домахъ. Въ церковь молодые отправляются также поодиночкѣ, а послѣ вѣнца отправляются вмѣстѣ въ домъ жениха, но закусивши тамъ, снова разлучаются. Вечеромъ невѣста отправляется къ роднымъ и сосѣдямъ и проситъ ихъ: „просили тата и мама, и я прошу васъ на каравай!“ Бабы идутъ на каравай и несутъ по мискѣ муки. Здѣсь онѣ мѣсятъ каравай и поютъ:

А бара̂ньчикъ чȯрняныкій,
На тобѣ вȯу̂начка кȯрчытца,
А намъ горѐлочки хȯчытца.

—

Густа пшаница на новинѣ,
Выс́оки стогѝ у гумнѣ:
Вы̂шай князя мулодо́го,
Вы̂шай стуу̂па̀ зулото́го.

—

Нихто ни ўгадáе,
Хто у насъ коровай бгáе:
Зъ Мыгылéва мыгылéвачка,
А зъ Быхова быховáя,
А съ Озеранъ войтовáя, —
Тая у насъ коровай бгае!

Предъ посадкой каравая въ печь, старшая каравайница говоритъ: „юсь отецъ и мати, богословите коровай свойму дитяти у печъ саджати!“ Родители отвѣчаютъ: „Богъ богословитъ!“ Сажающая должна сказать: „ня буде по нáшый кáзцы, буде по Божый ласцы! Якiй Бугъ народиў, такiй и богословиў!“ При этомъ поютъ:

Ой, печка рагóчэ,
Коровайиньку хóчэ,
А прыпичикъ свищэ,
Коровайиньку йщэ!

—

Пюкся коровай, перэпюкся,
Вынте коровай, ды несите до столу.
Нихто ня ўгадае, што ў нашымъ коровáѣ:
Съ сями крыницъ вода, съ сями пшаницъ мука,
А дравичаё масло,—дай Божэ мулодымъ щáсьте.

Вынувши каравай изъ печи, кладутъ его на вѣкѣ на столъ и поютъ:

А хто у насъ коровай выкупитъ?
Татачка роднинькiй коровай выкупитъ,
Юнъ намъ бочку вина выкатитъ!

Послѣ этого относятъ каравай въ клѣть.

Когда въ обоихъ домахъ караваи изготовлены, тогда женихъ съ бояриномъ и крестной матерью ѣдетъ къ молодой, а вслѣдъ за ними отправляются и сваты жениха. Хлопцы запираютъ ворота невѣсты и никого не пускаютъ на дворъ. Сваты должны откупиться отъ нихъ. Въ нѣкоторыхъ селенiяхъ стороны даже вели перестрѣлку, холостыми зарядами. На дворѣ невѣсты ставятъ застланный столъ, ставятъ на него ведро воды и кладутъ булку хлѣба съ солью. Когда женихъ въѣдетъ на дворъ, теща встрѣчаетъ его въ вывернутой шубѣ и подаетъ ему на телѣгу три рюмки воды. Первую рюмку онъ выливаетъ черезъ свою голову назадъ, другую въ правую сторону и третью въ лѣвую. Тогда теща даетъ ему рюмку водки. Выпивъ водку, зять слѣзаетъ съ телѣги, кланяется тещѣ и цѣлуетъ у нея руку. Тогда дружки молодой выводятъ ее на дворъ къ молодому и ведутъ обоихъ вмѣстѣ въ избу. Здѣсь ихъ усаживаютъ на „пóлъ“; съ ними же садятся и дрўжки; онѣ пришиваютъ къ шапкѣ жениха цвѣтокъ, послѣ чего онъ выходитъ на дворъ, а съ невѣстой остаются его сваты. Братъ невѣсты распускаетъ ей волосы, а сватъ зажигаетъ три восковыя свѣчи и три раза слегка поджигаетъ ими волосы молодой. Тогда крестная ея мать завиваетъ ихъ въ женскую прическу и надѣваетъ на голову чепецъ, и къ нему тоже пришиваютъ „квѣтку“. Невѣста кланяется роднымъ и также выходитъ изъ хаты. Мать ведетъ

молодыхъ съ дружками въ клѣть и тамъ угощаетъ, остальные же пріѣзжіе угощаются въ избѣ. Послѣ угощенія выносятъ постель молодой на телѣгу; одинъ изъ сватовъ выводитъ молодую изъ клѣти, обводитъ ее вокругъ себя и усаживаетъ на ту же телѣгу поверхъ постели. Къ ней садится и женихъ. Тогда теща выходитъ въ вывернутомъ тулупѣ и съ овсомъ въ фартухѣ, и бѣгаетъ три раза вокругъ повозки, осыпая ее овсомъ, и потомъ даетъ молодой въ руки икону. Поѣздъ трогается, но, отъѣхавъ шаговъ двадцать, останавливается. Одинъ изъ сватовъ слѣзаетъ съ телѣги и возвращается въ домъ невѣсты съ баклагою водки, которую выливаетъ въ миску на столѣ. Мать невѣсты даритъ свату полотенце или платокъ. Миску же съ водкой и съ ложкой относятъ къ молодымъ на телѣгу и отдаютъ имъ. По пути поется пѣсня:

Хуть мы ночки ня спали,
Хорбшэй чылядйны дождали,
А хуть другой ни доспимъ,
А гэтуй чылядины назадъ ня 'ддадимъ!
Чылядинъ, матка, чылядинъ,
Пузавидуе намъ ни одинъ!

Когда поѣздъ подъѣзжаетъ къ воротамъ жениха, тамъ раскладывается и зажигается костеръ изъ соломы. Молодые должны переѣхать черезъ огонь. На дворѣ молодой спрыгиваетъ съ телѣги и уходитъ, а молодая остается на возу. Мать жениха въ вывороченномъ тулупѣ подноситъ ей рюмку водки и, когда та выпьетъ, подстилаетъ ей около телѣги свой фартухъ и взявши за руку, снимаетъ ее съ воза, причемъ молодая обязательно должна стать на фартухъ. Въ избѣ свекровь угощаетъ невѣстку, а тѣмъ временемъ приготовляется для молодыхъ постель въ клѣти. Тогда разыскиваютъ жениха и ведутъ молодыхъ спать, съ пѣсней:

Вядуть менè, мамочка, у клѣть спать,
Будуть у менè прбуды пытать, и т. д.

Когда черезъ два-три часа разбудятъ молодыхъ, женихъ тотчасъ же уходитъ изъ клѣти и остается одна молодая. Ея родственницы ее переодѣваютъ, причемъ и убѣждаются въ ея честности или нечестности. Въ первомъ случаѣ брачную сорочку свертываютъ и кладутъ въ торбу жениха, потомъ берутъ пирогъ, обвязываютъ его краснымъ поясомъ и подаютъ жениху. Послѣ этого женихъ запрягаетъ лошадь и везетъ къ родителямъ невѣсты бутылку красной водки. Пріѣхавши, поклонится имъ, поцѣлуется и приглашаетъ къ себѣ.

Въ остальномъ въ здѣшнемъ обрядѣ особенностей нѣтъ: слѣдуетъ перевезеніе приданаго, дѣлежъ караваевъ, перезвы.

Быховскій уѣздъ.

Когда родители задумываютъ женить сына, они спрашиваютъ у него, какая дѣвушка ему нравится, потомъ собираютъ о ней всѣ

небходимыя свѣдѣнія и тогда посылаютъ двухъ или трехъ мужчинъ изъ родныхъ въ сваты. Сваты берутъ съ собою водку въ баклагѣ, на веревочкѣ черезъ плечо, и краюху хлѣба съ тремя воткнутыми въ нее кусками соли. Хлѣбъ завертываютъ въ полотенце и несутъ запазухой или подъ-мышкой. Въ сваты идутъ всегда вечеромъ. Подойдя подъ окно невѣсты, сваты говорятъ: „Добрый вечеръ!“ Имъ отвѣчаютъ: „Добрая здарбуя!“—Пусьтитя, пажалуста, на начъ!—„Да наша хата малая!“—Да гэта ничбга: ли падарбжныхъ людей хаты ни ставить! И идутъ въ избу. Тамъ хозяева спрашиваютъ: „Ти гулять къ намъ?“—Гулять, ни гулять—тавару пытать! Ну, а пакуль што—ти сватъ, ти ни сватъ, а добрый чалавѣкъ: выпъимъ па чарцы гарэлки!—„Да у мяне и чарки нимà! Да й вясельля гулять нé сь чимъ!“—Ну, чимъ можымъ, мы памбжымъ!.. Если отецъ не противъ брака, онъ говоритъ: „Ды янò, звѣсна: свадьба сарбчку знайдить! Ды я ня вѣдаю, якъ дачкà“. Призываютъ невѣсту. Если и она согласна, то говоритъ: „Я щè ничбга ня умѣю! Да я ще ни пирастáракъ, хапáтца нéкуды!“ Сваты уговариваютъ ее: „Ни кайся, якъ тэй кáить, рана устáушы, а мóладъ жаниушысь! Ты мнѣ ни раскáзуй, а йди-тку унясй чарку, да будимъ запивать!“ Дѣвушка приноситъ рюмку. Сватъ, не принимая ее изъ рукъ дѣвушки, наливаетъ туда водку съ словами: „будь здарова!“ Дѣвушка отдаетъ водку отцу, тотъ пьетъ, и дѣло считается рѣшеннымъ.

Дѣвушка начинаетъ плакать. Собираются подруги, ведутъ ее въ „истопку“, чешутъ косы и поютъ:

А заручбначка Хвеничка,
Пирайди сѣни и хату,
А падáй тáтачку вадицы
Исъ сьтюдёныя крыницы!
—Ни падáмъ, татачка, ни падáмъ,
Мнѣ жъ гэта вадица дбрага:
Даражэй мёду и вина!
Я жъ табѣ, татачка, ни слуга,
А слуга буду свёкарку,
А жанà буду сужаньку!

Въ домъ невѣсты приходитъ и женихъ. Тогда въ истопку идетъ сватъ съ водкой, налитой въ миску, и съ тарелкой, завернутой въ платокъ. На тарелкѣ сватъ подноситъ невѣстѣ рюмку водки. Та беретъ рюмку, но выливаетъ водку въ уголъ платка. Затѣмъ черпаетъ рюмкой водку изъ миски и подноситъ подругамъ. Послѣ этого сватъ беретъ за руку одну изъ дѣвушекъ и ведетъ въ избу; за нею идутъ остальныя дѣвушки и позади всѣхъ невѣста. Подойдя съ дѣвушкой къ порогу, сватъ говоритъ: „Дабры-вечаръ!“—Здарбу!—„Ти любитя насъ и товаръ нашъ?“—Любимъ васъ и товаръ вашъ!... Тогда сватъ вводитъ въ избу ту дѣвушку, которую велъ за руку, и спрашиваетъ: „Ти харбшъ таваръ?“ — Харбшъ, да ни нашъ! Тогда онъ вводитъ другую и тоже спрашиваетъ: „Ти харбшъ таваръ?“ Ему даютъ тотъ же отвѣтъ. Въ третій разъ сватъ приводитъ уже невѣсту и ему говорятъ: „Таваръ харошъ и нашъ!“ Невѣста держитъ въ рукѣ ту та-

релку, которую принесъ сватъ въ истопку, и на ней она подноситъ жениху платокъ, сбрасывая его съ наклоненной тарелки „въ припоаъ" рубахи. Женихъ кладетъ на тарелку серебряныя деньги, пирогъ и ставитъ рюмку водки. Сватъ приговариваетъ: „абсылаить тябе маладый князь!" Водку невѣста отдаетъ „большей дружкѣ", деньги беретъ себѣ, а пирогъ раздаетъ по кускамъ подругамъ.

Послѣ этого невѣста дѣлаетъ земной поклонъ предъ иконою, потомъ кланяется родителямъ и своимъ роднымъ по старшинству, и наконецъ всѣмъ присутствующимъ. Дѣвушки поютъ:

У насъ сяньни навина была:
Тамъ Хвенічка ручку дала,
Шаўковаю хустачку пирапила,
Ткацкій платочыкъ у ручку дала:
Бѣлъ мой платочыкъ пабялѣя,
Милъ мой сужанька памилѣя!

Послѣ этого сватъ проситъ благословенія на заручины: „Якъ ёсь тутъ батька родный зъ маткай умѣсьти, баславили пить, гулять,— баславитя заручынки играть!" Отецъ отвѣчаетъ: „Богъ баславить!" Съ такою же просьбою сватъ обращается къ матери и къ родственникамъ невѣсты и получаетъ тотъ же отвѣтъ. Наконецъ онъ говоритъ: „Якъ ёсь тутъ госьти, прыѣжджыя, сусѣди прыхожыя, маладыя малайцы запблцы, дѣвачки-квѣтачки, баславитя маладой княгини заручынки играти!" Присутствующіе отвѣчаютъ: „Богъ баславить!"— Спасиба за добрая слова! говоритъ сватъ.

Особой обрядности заручины здѣсь не имѣютъ: молодежь поетъ и танцуетъ, женатые и старики угощаются. Обрядовою считается пѣсня:

Ты жъ, маладенькій Питрачокъ:
Ти любишъ ты нашу Хвеничку?
Кали любишъ, дыкъ бяры за пирогъ,
А ня любишъ, дыкъ дяры (удирай) за парогъ,
Па 'дной масьницы съ хаты вонъ!
Ни кажы людёмъ, што ў насъ быў,
Нашыя Хвенички ни зьлюбиў,—
Кажы ты людёмъ: коника пайў!

Предъ уходомъ домой поютъ:

Ой, прапаю мой, прапаю!
Прапиў батька дачкў
На салодянькимъ мядкў,
А на горкай гарэлцы!
А ўпиўшыся, скача,
А праспаўшыся плача:
Куды маё дитя пашло:
Ти ў лугъ па калину,
Ти ў крыницу па вадицу,
Ти у клѣть па мучыцу?
Кали бъ у лугъ па калину,
Дыкъ бы съ пасьтилачкай,
Кали бъ у крыницу па вадицу,
Дыкъ бы зъ вядёрками,
Кабъ у клѣть па мучыцу,
Дыкъ бы зъ начоўками.

Вечеромъ наканунѣ свадьбы невѣста устраиваетъ дѣвишникъ, на которомъ дѣвушки вьютъ вѣнокъ, какъ описано выше (тонкій

картонъ въ видѣ кокошника, на который пестро нашиваются бумажные цвѣты, разноцвѣтные кусочки тканей, а сзади пучокъ длинныхъ разноцвѣтныхъ лентъ). Эту ночь невѣста спитъ вмѣстѣ съ дѣвушками у себя дома.

Утромъ въ день вѣнца къ невѣстѣ пріѣзжаетъ женихъ съ сватами и съ „подмолоденцемъ". Войдя въ хату, онъ кланяется родителямъ невѣсты и ея роднымъ и даетъ по пирогу. Невѣсту въ это время дѣвушки садятъ въ истопкѣ на опрокинутую квашню, причесываютъ и одѣваютъ къ вѣнцу. „Большій сватъ" приноситъ туда водку въ мискѣ и предлагаетъ невѣстѣ, а она угощаетъ ею подругъ. Когда она одѣнется, сватъ беретъ ее за руку и ведетъ въ избу, такимъ же порядкомъ, какъ вводилъ на заручины. Здѣсь невѣстѣ подаютъ и тѣ же подарки отъ жениха, а она также даритъ ему платокъ, подвязывая его уже подъ поясъ. Затѣмъ невѣста садится рядомъ съ женихомъ. Подъ ноги ей подставляютъ коробку съ житомъ. Старшій сватъ испрашиваетъ вышеприведенной формулой благословенія родителей и присутствующихъ „русу косу расплести", а потомъ и „до шлюбу ступить". Въ церковь невѣста ѣдетъ съ подневѣстницами, а женихъ съ подмолоденцемъ и съ дружкомъ. Вѣнчаются, стоя на кускѣ холста, на который положены и деньги. У невѣсты въ рукахъ, кромѣ обычной свѣчи, и булочка хлѣба въ платкѣ. Хлѣбъ этотъ она держитъ въ рукѣ въ продолженіе всего дня. Во время обхожденія аналоя невѣста старается протащить ногою подостланный холстъ, чтобы ея подруги также скоро повыходили замужъ. Послѣ вѣнца молодые кланяются въ ноги всѣмъ встрѣчнымъ. Если они изъ разныхъ деревень, то закусываютъ въ селѣ въ чьемъ-либо домѣ (у причетника, въ кухнѣ священника и т. п.), а если изъ одной деревни, то ѣдутъ домой къ невѣстѣ. Молодые ѣдутъ вмѣстѣ посреди поѣзда. По дорогѣ поютъ:

А спасиба папо́мъ и дякомъ,
Што па́ру дятей зьвиньча́ли,
Да ня добрага пабрали:
За нашага малайцà чырвонцà,
За русу касў тысячу.

—

Ѣхала Хвеничка сы винцà,
Сѣяла раса́ду зъ рукаўцà;
Звива́йся, расада, ў качàньня,
Удайся, доля, зь виньча́ньня!

—

Пылъ, пылъ па даро́зи,
Дымъ, дымъ па дубро́ви!
Хвеничка зь винца ѣдя,
Касо́ю напылйла, свячо́ю надымйла.

Пріѣхавъ ко двору, слѣзаютъ съ телѣгъ, становятся у порога и поютъ:

Запали, матка, свѣчку,
Да выхо́дь на сустрэ́чку:
Ву́нъ тваё дитя ѣдя:
Первая да ражо́ная,
А друго́я сужо́ная!
Ни ўгада́ла мати
Свайго́ дитяти:
Што ху́стачка ў ру́чкахъ
И тане́нька, бяле́нька,
Атъ слёзакъ макре́нька!

Мать выходитъ къ молодымъ съ иконой, съ хлѣбомъ-солью, положенными на вѣко. Молодые кланяются ей въ ноги, цѣлуютъ икону и хлѣбъ и вслѣдъ за матерью идутъ въ избу. Ихъ садятъ на кутѣ на разостланномъ вывернутомъ кожухѣ; молодой подъ ноги снова ставятъ жито. Дѣвушки поютъ:

А на рэццы вада̀ ко̄тʼитца,
А дружка̀мъ гарэ̀лки хо́чытца.
А на рэццы вадʼицы ни ўнятʼи,
Дружкамъ гарэ̀лки трэ̀ба датʼи!

А ма̀мачка маѧ̆,
Ўжо жъ я ни тваѧ̆,
А таго̀-сяго̀ па̀на,
Съ кимъ я виньча̀на!

—

Мать невѣсты приноситъ подарки для жениха и его родни: холстъ, полотенца, платки и т. п., и въ каждомъ подаркѣ пирогъ. Подарки подносятся на вѣкѣ. Дѣвушки при этомъ поютъ:

А вѣка сакóча,
Пада́рачкаў хóча,
Хóча янó залатóга
Атъ князя маладóга!

А ў Питрачка́ радʼины ни стае́тʼь!
Паѣдимъ на торгъ таргава̀тʼь,
Питракў радʼины прикупля̀тʼь.

—

Кра́мница наша Хве́ничка:
При крамахъ сядʼѣла,
Рэ̀зала падарки съ китайки,
А бялѣй бѣлыя папе́ры,
Танѣй клянóвага листочка.

—

Ни дʼивʼитʼися, сваточки,
Што карóткія платóчки:
Наша ниўка ниўрадьлʼива,
Яна намъ лянкў ни ўрадʼила,
Я жъ вамъ платочки ўкаратʼила.

—

Сватъ кладетъ на вѣко деньги за подарки. Тогда поютъ:

Бра̀знули дʼѐнюжки абъ вѣка,
Пашлʼи дʼѣвачки улѣта!

Бра̀знули дʼенюжки абъ загне́тъ,
Пашлʼи дʼѣвачки у аблѣтъ!

То есть, въ теченіе цѣлаго года будутъ въ дѣвушкахъ.

По окончаніи раздачи подарковъ молодые съ дружинами уходятъ въ истопку и тамъ обѣдаютъ, а остальные обѣдаютъ въ избѣ. Женихъ съ невѣстой ѣдятъ одной ложкой. Пообѣдавши, дѣвушки бѣгутъ въ избу и на порогѣ поютъ:

А ѣли сваты, ѣли,
Цэлага вала̀ зъѣли:
На сталѣ ни крошачки,
Патъ сталóмъ ни кóстачки.

А ѣли друўжки, ѣли,
Вирабе́йки ня зъѣли:
А на сталѣ паўню́синька,
А патъ сталóмъ раўню́синька.

Потомъ молодежь невѣсты начинаетъ танцевать, а женихъ съ дружиной уѣзжаетъ домой. Танцы продолжаются до вечера. Затѣмъ дѣвушки ставятъ въ сѣняхъ квашню, усаживаютъ на нее невѣсту, ставятъ ей подъ ноги жито, и чешутъ ей косу съ пѣснями.

Ой, у садóчку на крэ̀сьличку
Хвеничка касў че́ша,
Да чешучы гаварила:

„Нѣйдʼя я сваймў батьку ня мʼила!
Милѣй батьку мёдъ да гарэ̀лка,
Чимси я маладʼѐнька!

Давѣдаисься, мой татачка,
Биз мянѐ маладыя:
Пойдишъ ты на токъ,
На токъ малатить;
Цапочкамъ махнешъ,
Тяжынька ўздыхнешъ,
Слёзками абальлёсься.

—

Потомъ въ избѣ ставится столъ противъ печи. За столъ садятъ молодую. Здѣсь же на услонѣ-скамейкѣ садится большій сватъ, на столъ подается водка въ мискѣ, а сватъ приглашаетъ родню невѣсты одарить ее: „Якъ тутъ ёсь маладыя княгини батька родный зъ маткай умѣсьти! Чимъ даруитя вы маладую княгиню: ти валомъ, ти канёмъ, ти добрымъ здарбуямъ? Мы й чарвоньчики бяромъ и здачи даёмъ!“ Отецъ беретъ хлѣбъ-соль, кладетъ на тарелку и ставитъ на столъ, говоря: „Дарую щасьтямъ-доляй, хлѣбамъ-сольлю и карбукай!“ Такимъ порядкомъ сватъ приглашаетъ къ подаркамъ всѣхъ присутствующихъ. Если кто даритъ корову, сваты мычатъ, если свинью—визжатъ и т. д. За каждый подарокъ угощаютъ дарителя водкой.

Затѣмъ дѣвушки танцуютъ, невѣста же продолжаетъ сидѣть противъ печи. Въ это время пріѣзжаетъ женихъ съ своей дружиной. Невѣстина родня запираетъ предъ ними ворота и не пускаетъ во дворъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ выкупа въ видѣ водки и пироговъ. Во дворѣ пріѣхавшіе становятся у дверей избы. Къ нимъ выходитъ отецъ невѣсты съ вѣкомъ въ рукахъ. На вѣкѣ поставлена миска съ водкой, наложенъ нарѣзанный хлѣбъ и куски сала. Каждый изъ пріѣхавшихъ пьетъ рюмку водки и закусываетъ хлѣбомъ съ саломъ. Послѣ этого идутъ въ хату. Жениховъ сватъ несетъ торбу пироговъ и баранковъ и двѣ баклаги горѣлки и говоритъ: „Дабры вечаръ добрымъ людёмъ, и мы къ вамъ идёмъ!“ Дѣвушки отвѣчаютъ:

Дружко ў хату лѣзить
И ў печь пазираить:
Ти вяликъ гарщокъ кашы,
Ти будя падъѣсьти ўсимъ на-
[шымъ?
А другій кажа: маўчы,
Бы загадаютъ таўчы!
А трэтьтій спужаўся,
Падъ лаўку схаваўся.
Тамъ дружки гуляли,
Лаўку абламили,
Дружка задавили!

Невѣстины родные садятся на кутѣ, и женихова дружина угощаетъ ихъ—„витаютъ“. Дѣвушки поютъ:

У нашага дружки
Карбсьливыя руки:
Изъ рукавицъ ня вымаитъ,
И дружачакъ ня витаитъ!

Тогда большій сватъ даетъ имъ по рюмкѣ водки и по баранку. Большей дружкѣ даетъ пирогъ и нѣсколько копѣекъ. Но дѣвушки поютъ:

Ни на гэта яѐ расьтили,
Кабъ за гэта пусьтили,
Ни на гэта гадавали,
Кабъ за гэта аддали!
А за гэтыя гроши
Купи сабѣ мыла,
Памый сабѣ рыла,
Кабъ жонка любила,
Кабъ дѣти знали,
Ды батькамъ звали!

Затѣмъ сватъ обычной формулой проситъ благословенія „абкрыть бараньняй шубкай". Невѣсту покрываютъ шубой и „падпиразуютъ намёткай". А дѣвушки поютъ:

Казали: намётку купили!
Ажъ яны ёлачку злупили,
Падпиразали—парваўся,
Дружокъ сбвисьти набраўся!

Тогда сваты выводятъ невѣсту подъ руки на дворъ. Туда же идутъ и сватьи молодого. Отецъ жениха выноситъ на дворъ каравай, а отецъ невѣсты выноситъ въ сѣни булку хлѣба, и начинаютъ „подвышать": поднимая три раза вверхъ, говорятъ: „Наша вышы!"—Нѣ, наша вышы! И кладутъ хлѣбъ поверхъ каравая. Въ это же время „звбдють" молодыхъ и кружатъ ихъ другъ около друга, а сватьи поютъ:

Зьвиўся, зьвиўся хмель съ аўсбмъ,
Зьлюбиўся, скахаўся зять са тьсьтёмъ!
Пирамбгъ зять тисьтя,
А ўзяў дачкў зь винца.

Послѣ этого возвращаются въ избу и начинаютъ вечерять. Молодые, взявшись за руки, идутъ на кутъ. Дѣвушки поютъ:

Будимъ мы, мамачка, вячерать,
А павячераўшы, дялитца:
Табѣ, мамачка, каробки,
А мнѣ, маладѣ, карбўки!
Табѣ, мамачка, кублички,
А мнѣ, маладѣ, трўбачки!
Табѣ, мамачка, виратенцы,
А мнѣ, маладѣ, палатенцы
—
Шаўковая нитачка къ сьтянѣ льне,
Наша Хвеничка чалбмъ бъе:
Адбила чаломъ за сталомъ:
„Спасиба, татачка, за хлѣбъ-соль,
Ни пайдў боли за твой столъ.
Хоть жа я прыдў ў гасьтину,
Навизаўшы блиноў ў хусьтину!
За тбя спасиба!
—

Тогда отецъ невѣсты беретъ лыко, садится на печной „стоўпъ" и начинаетъ плести лапти, а сватьи запѣваютъ:

А бярэшъ, Стахванка, Хвеничку
А ти купишъ тещы чабаты?
Теща бсая хадила,
Абъ паргги нбги пабила,
Ина жъ табѣ Хвеничку расьтила.

Сватъ жениха кладетъ на тарелку рубль и пирогъ и подаетъ сидящему „на стаўпѣ".

Начинается отъѣздъ молодыхъ. Дѣвушки поютъ:

Гэта табѣ, Хвеничка, за тбя —
Былб нанaчки ни хадить,
И крупъ, и сала ни насить,
Сусѣдьнихъ дятей ни кармить.
Сусѣдьнія дѣтки паѣли,
И тябѐ сюды уѣли!

—

Карыся, дѣвачка, карыся,
Татачку у ноги кланися!
Такъ табѣ, маладѣ, гадитца
Радини у нбжки кланитца!

Невѣста подъ эти пѣсни кланяется всѣмъ въ ноги и со всѣми прощается. На дворѣ она садится вмѣстѣ съ женихомъ на тотъ возъ, гдѣ ея постель. Ихъ связываютъ той наметкой, которой подпоясывали

на невѣстѣ шубу. Молодая беретъ себѣ въ приполъ баранки и жито. Сватьи жениха поютъ:

А дали жъ намъ, дали,
Укинули ў сани,
Ня вѣдаимъ сами:

И пасьтилку зъ лисьтинку,
И падўшку, дярўжку,
И Хвеничку якъ тялўшку!

—

Вамъ, дрўжачкамъ, сь свиньнями спать,
А намъ, сватьтийкамъ, пить, гулять,
Вашай Хвенички зъ нами ў радъ стать!

Дружки невѣсты отвѣчаютъ:

Дурни, сваты, дурни,
Заѣхали ў гўмны!
Имъ бачытца—дѣўка,

Ажъ тò свиньня бѣлка,
Имъ бачытца—дружчáтачки,
Ажъ тò свиньнй парасятачки!

Подъ эту пѣсню поѣздъ уѣзжаетъ.
По пути сватьи поютъ:

Аччынй, мáмачка, новый дворъ,
Вязёмъ нявѣхну на выбóръ:
А ни нашыхъ барбў ягадка,
Ни нашыхъ палёў квѣтка.

—

Аччынй, матка хижу,
А вязёмъ у хату грыжу,
А хижу замчыстаю,
А грыжу вяньчыстаю!
А хижу замыкать бўдимъ,
А грыжу сунимать будимъ.

—

Окончаніе свадьбы обычное.

Батунскій приходъ.
Сообщила А. П. Волочкова.

—

Свадебныя пѣсни Быховскаго уѣзда.

На заручинахъ.

А у насъ сягодьня навинà былà:
Маръичка Паўличку ручку дала,
Шаукóвай хўстачкай пиравилà.
Бѣлъ мой платочыкъ пабялѣя,
Милъ мой Паўлютка памилѣя.

—

Ай, у садóчку на крэ́сьличку
Маръичка касў чéша.
Чешучы касу, да гаварила:
— Нéйдя я батьку ня мила,
А милѣй батьку мёдъ и гарэ́лка,
Чымся я маладéнька.

—

Свадебныя.

Зажыгай, матка, свѣчку,
Выйди на сустрэ́чку!
Заливай, матка, жаръ, жаръ,
Будя табѣ дóчки жаль, жаль!
Заливай, мати, пóпилъ —
Мы тваю дóчку схóпимъ.

—

На рэ́ццы вадица кóтитца,
Дружачкамъ ѣстачки/гарэлки хочытца.
На рэ́ццы вадицы ни ўняти,
Дружачкамъ ѣстачки/гарэлки нада дати.

—

А ѣсьтя, сватбуя, ужывайтя,
Тольки ў карманы ни хувайтя!
Ѣли сватбуя, ужывали,
Поўны карманы нахували!

—

Маладецъ, Сидарка, маладецъ,
Ня дорага заплатиў за вянецъ:
За сябѐ, малайца̀, чырванца̀,
За сваю Домначку щоту нима̀.

—

Щабятўшки, сватьти, щабятўшки,
Прыѣхали па пасьтѣль, па па-
[дўшки.

—

А наша малада ў клѣти сядить,
Ў клѣти сядить, каўбасы чыня.
Начынила каўбасў—самъ-другъ
ни ўнясў;
Начынила другую—ищѐ такую;
Начынила трэтьтію, ищѐ лѣпшую.

—

Што жъ мы набаялися,
Пакуля маладыя звиньчалися!
А тяперъ ужо ни баимся,
Якъ съ усими за столъ садимся!

—

Прылятѣла сарока: чы-чы-чы!
А сѣла ў Марьицы на плячы̀.
Падайтя, дрўжачки, трапкача̀,
А сагнать сарбку са плича̀.

С. Хоново.

Въ с. Городцѣ, Быховскаго уѣзда, сватать невѣсту идутъ двое: кто-либо изъ родителей и чужой человѣкъ. Придя къ невѣстѣ, сейчасъ же говорятъ о дѣлѣ. На вопросъ хозяевъ: „а ти гулять къ намъ прышли?“—Сваты говорятъ: нѣ, ни гулять, а прышли къ вамъ у сва̀ты: ти аддасьтѐ сваю дачкў за нашага Василя?“ Если родители невѣсты имѣютъ въ виду отдать дочь, то распрашиваютъ о женихѣ у сватовъ, сосѣдей, и совѣтуются съ послѣдними, причемъ чаще слушаютъ людскихъ совѣтовъ и очень рѣдко поступаютъ по своему убѣжденію. Когда дѣло улаживается, тогда сваты подаютъ свою водку и свой хлѣбъ и дѣлаютъ *запоины*. Принесенная сватами кварта водки во всякомъ случаѣ ставится на окнѣ, а булка хлѣба кладется на кутѣ, и если сваты не сразу встрѣчаютъ согласіе, то, поговоривши, оставляютъ свою водку на окнѣ и уходятъ домой, но на другой день опять идутъ, и такъ дѣлаютъ нѣсколько разъ, пока кончатъ такъ или иначе. Если предложеніе принимается, распиваютъ эту водку, потомъ созываютъ родню невѣсты и близкихъ сосѣдей, ставятъ уже гарнецъ водки или даже ведро, смотря по состоянію жениха, и угощаютъ приглашенныхъ. Закуска подается при этомъ со стороны невѣсты. „Запивши дѣвку“, сваты спрашиваютъ, сколько ей дать „подарка“, и даютъ обыкновенно 3—5 рублей. На другой день сваты приходятъ „похмѣляться“, а потомъ идутъ „попа иднать“. Передъ вѣнцомъ и у жениха и у невѣсты собирается ихъ родня. У жениха производится выпивка и закуска, а потомъ дружокъ призываетъ „всю бесѣду“ благословить жениха ѣхать къ вѣнцу. Ставши около стола, дружокъ говоритъ три раза: „Батька рбдный и матка рбдная, баславитя маладога князя да шлюбу ступить!“ На это отвѣчаютъ: Богъ баславить! Затѣмъ, такая же просьба обращается къ крестнымъ,

а потомъ къ бесѣдѣ: „Дядьки, тётки, сусѣди прыхожыя и госьти прыѣжжыя, и вы, жбначки билагаловачки, и вы, малѣнькія дѣтки и ўся круглая бясѣда, баславитя маладога князя да шлюбу ступить!“ Тѣ отвѣчаютъ: „Богъ баславить!“ Потомъ молятся Богу и отправляются къ невѣстѣ. Жениха сопровождаютъ: сватъ, дружокъ—главное дѣйствующее лицо во всю свадьбу, двѣ или три сватьи, нѣсколько дрўжекъ и подженишники; дружокъ обязательно долженъ быть женатый.

Пріѣхавши къ невѣстѣ, сватъ ставитъ на столъ водку и здѣсь угощаются пріѣхавшіе и родня невѣсты. Эта бесѣда называется заручинами. Невѣста въ это время находится въ сосѣднемъ домѣ, гдѣ дрўжки одѣваютъ ее къ вѣнцу, въ чистое бѣлье и лучшее платье, заплетаютъ волосы въ двѣ косы и связываютъ ихъ при началѣ, а на голову кладутъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ. Женихъ одѣвается въ бѣлую свиту и новую шапку, причемъ на шапкѣ пришивается красная ленточка. Гости, пріѣхавшіе съ женихомъ и бывшіе въ домѣ, садятся за столъ, а въ концѣ стола, на лавкѣ противъ дверей, садятся женихъ и невѣста, которую ея сватъ приводитъ по окончаніи одѣванья изъ сосѣдняго дома. Жениха и невѣсту садятъ на кожухѣ во всю свадьбу. Садятся за столомъ такъ, что по правую руку жениха садятся подженишники, дальше на кутъ сватьи, на другой лавкѣ сваты; по лѣвую руку отъ молодыхъ дрўжки—подневѣстницы, а противъ молодыхъ садятся на услонѣ дружкѝ. Послѣ угощенія, во время котораго женихъ и невѣста только передаютъ гостямъ водку, дружокъ вызываетъ бесѣду благословить молодыхъ ѣхать къ вѣнцу. „Батька рбдный и матка рбдная, баславитя маладога князя и маладую княгиню да шлюбу ступить!“—Ему отвѣчаютъ: „Богъ баславить!“ и т. д.

Послѣ этого зажигаютъ свѣчу передъ иконой и молятся Богу. Помолясь, женихъ и невѣста кланяются въ ноги отцу и матери, цѣлуютъ руки и ѣдутъ къ вѣнцу.

Во время сборовъ къ вѣнцу въ домѣ жениха и въ домѣ невѣсты приглашенныя женщины учиняютъ каравай и поютъ при этомъ:

А нихто ни ўгадая,
Што ў нашымъ караваи!
Съ сямѝ крыницъ вадà,
Съ сямѝ пшаницъ мука,
Съ сямѝ карбў масла,
И яѐцъ паўтарàста,
И Василькбва щасьтя.

—

Когда мѣсятъ каравай, поютъ:

А ў нашыя каравайницы
Шаўкбвыя рукаўцы,
Залатыя пярсьтёначки:
Ня шкода ёй дати
Каравай мясити.

—

Сы горада купцы ѣдуть,
Залатый абрўчъ вязуть,
Ды на нашъ каравай кладуть,
А на нашы шышычки
Залатыя шпылички.

—

Когда садятъ каравай въ печь:

Кудра́вый печъ мяте́,
А халастый саджа́я —
Богъ ямў памага́я.

Когда каравай испечется, несутъ его въ клѣть и поютъ:

Ай, не́сьти, панёсьти
Каравай да клѣти!
Ды пало́жымъ каравай
Ды на батькавый скрыни:
А нихай ра́дыитца
Ба́тькава се́рдичка,
А нихай висяли́тца
Дли Василькова вясе́льлийка.

Предъ тѣмъ, какъ стать подъ вѣнецъ, дрўжки расплетаютъ невѣстѣ косы и волосы распускаютъ по плечамъ. Сохранился обычай связывать руку жениха и невѣсты полотенцемъ во время обхожденія вокругъ аналоя. Послѣ вѣнца сваты и молодые идутъ къ священнику. Сваты несутъ водку, которою священникъ угощаетъ ихъ, и отъ молодыхъ принимаетъ поклоны въ ноги. Молодые послѣ вѣнца вообще кланяются всѣмъ роднымъ и каждому встрѣчному. При возвращеніи изъ-подъ вѣнца поютъ:

Мы у папа̀ бывали
Зъ бѣлыми сабаля́ми,
Съ чорными га́лачками,
Съ красными па́нначками.
—
Ѣхала Адарка атъ винца,
Сѣяла расадку зъ рукаўца̀:
Вися, расада, ў кача́ньня,
Удавайся, доличка, зь винь-
[чаньня!

Пріѣхавши на дворъ къ невѣстѣ, поютъ:

Зажыгай, мати, свѣчку,
Выйди на сустрэ́чку!
Сустрэ́нь сваё дитя,
Первая ражо́ная, а друго́я сужо́ная!

Отецъ и мать невѣсты выходятъ на встрѣчу съ булкой хлѣба, свѣчой и выносятъ въ суднѣ рожь. Молодые кланяются отцу и матери и входятъ въ хату; здѣсь они садятся за столъ на той же лавкѣ, но уже занимаютъ мѣсто о́тъ кута. Когда молодые сядутъ за столъ, женщина изъ родни невѣсты несетъ на вѣкѣ холстъ на подарки отъ невѣсты роднѣ жениха и ставитъ вѣко на концѣ стола. Дружокъ невѣсты встаетъ и проситъ у батьки и матки невѣсты благословенія подѣлить подарки. Получивъ благословеніе, дружокъ беретъ прежде платокъ и говоритъ: „абсыла́итъ маладая княгиня маладому князю падарокъ—платокъ!“ Женихъ беретъ платокъ и завязываетъ его на шею. Потомъ дружокъ беретъ наметку и говоритъ: „абсыла́итъ маладая княгиня батьку ро́днаму маладога князя наметку на штаны!“ Такимъ же порядкомъ продолжается раздача подарковъ и все́й роднѣ жениха, исключая незамужнихъ сестеръ. Обязательно говорится, кому что̀ дается и на что̀. За каждый подарокъ сватъ жениха кладетъ на крышку нѣсколько копѣекъ и отливаетъ чарку своей

водки въ миску, поставленную на столѣ. При раздачѣ подарковъ дрўжки поютъ молодому:

Бярéшъ падарки,
А т̂и будут̂ъ т̂ещы боты,
А д̂ѣўцы чыравúки?
— Кабъ табѣ, д̂ѣвачка,
Савà вóчы дрáла,
Чаму ты ў ягò
Чыравикъ ни брáла.

Послѣ раздачи подарковъ, идетъ обѣдъ. Послѣ обѣда дружкѝ, взявъ за руки, сводятъ молодыхъ, причемъ невѣста старается наступить на ногу жениху, чтобы имѣть надъ нимъ потомъ первенство.

Во время óбѣда играетъ музыка, а потомъ, когда уже обѣдъ конченъ и молодые сведены, происходятъ танцы. Погулявъ немного, женихъ уѣзжаетъ съ своими домой и до поздняго вечера гуляютъ порознь въ двухъ домахъ, а потомъ вечеромъ женихъ отправляется за невѣстой. Когда ѣдетъ молодой отъ невѣсты домой, сватьи поютъ:

Якъ я мóладъ жаниўся,
Дыкъ морквы наѣўся:
И у т̂éщы морква,
И у матки морква,
Якъ морква, дыкъ морква!

Взъѣхавъ на дворъ, поютъ:

Сы́зый силязéнька,
Ти быў ты на моры,
Ти бачыў вутучку?
— Чамў я ни бачыў:
Я зъ ёю напля́выўся,
На кýпини насяд̂ѣўся;
Инà отъ мянè у чарóтъ пашлà,
Падъ ёй чаротъ гнéтца,
На яé вадà ильлéтца.

Потомъ входятъ въ хату и садятся за столъ.

Женихъ находится въ сѣняхъ, и тамъ сватьи поютъ:

Кары́ся Василька, кары́ся,
Ды й низинька кланúся!
Такъ табѣ, малатцў, гад̂úтца
Низинька бат̂юхну кланитца,
Кýдрими зямéльку усьт̂илат̂ь,
А слёзками личка умыват̂ь!

Затѣмъ дружокъ вводитъ за руку жениха въ хату, ставитъ около стола и говоритъ:

„У нашага князя маладóга, и ў насъ дружкоў—маршалкаў ёсь бат̂ька рóдный! Багаслави князю маладому на пасад̂и сѣсьт̂ь у щасьлúвамъ мѣсьт̂и!“—Богъ баслав̂úть князю маладóму на пасад̂и сѣсьт̂и у щасьливамъ мѣсьт̂и!

И садятъ жениха за столъ на кожухѣ, подъ ноги ставятъ въ суднѣ жито, на столѣ ставятъ тарелку, закрытую платкомъ и кладутъ шапку жениха.

Ставъ около тарелки, дружокъ зоветъ:

„Ёсь у нашага князя маладóга бат̂ька родный! Чымъ князя дару́ишъ: т̂и хлѣбамъ, т̂и сольлю, т̂и добрымъ слóвамъ?“

Батька беретъ хлѣбъ и соль, хлѣбъ обмакиваетъ въ соль и говоритъ:

„Дарую табѣ и щасьтя и долю, и хлѣба-соли и добрая здаробуя!“ и кладетъ хлѣбъ на тарелку. Дружокъ подаетъ жениху и повторяетъ сказанныя слова батьки. Женихъ беретъ хлѣбъ и соль и кладетъ въ шапку, при этомъ дѣлаетъ сидя поклонъ, а дружокъ наливаетъ рюмку водки и даетъ дарующему. Такъ вызывается и матка, которая даритъ то же. А сватьи поютъ:

Ай, родя, родя багатый,
А даруйтя статакъ рагатый:
А вы, дядькобвя, па карови,
А вы, малайцы—чырвонцы,
А вы, дѣвачки, персьнички!

Родные и сосѣди дарятъ кто что можетъ: дарятъ деньги, скотъ, пчелъ и т. п. Такой же посадъ дѣлается и у невѣсты, когда женихъ вечеромъ пріѣдетъ къ ней. Но онъ не входитъ въ это время въ хату, а остается на дворѣ, пока кончится посадъ.

Послѣ посада жениха дается ужинъ; предъ ужиномъ сватьи поютъ:

Бразнули ложачки
И цынавыя тарэлачки,
Василькова чэлидь
Садитца вячэрыть!

Послѣ ужина дружокъ зажигаетъ свѣчу, становится на лавкѣ позади жениха и говоритъ: „Дали напить и паѣсьть, и лавачки—сѣсьть, баславитя и ў вясёлую дарбгу, съ краснымъ вясёлымъ паѣздамъ!“ Ему отвѣчаютъ: „Богъ баславить!“ Сватьи поютъ:

Багаславй Божа,
Прачистая Спожа,
Атецъ и мати
Сваиму дитяти
Ў дарогу щасьлйвую ступити!

Когда всѣ выйдутъ на дворъ и женихъ сядетъ на телѣгу, мать его выходитъ на дворъ въ вывернутомъ тулупѣ и, обходя вокругъ телѣгу, осыпаетъ сына и лошадь овсомъ или житомъ.

Ворота невѣсты запираются предъ женихомъ, и дружокъ долженъ черезъ ворота подать на дворъ выкупъ, въ видѣ пирога и водки. А сватьи поютъ:

А на дварэ дожджыкъ капля,
А ў Васильки шапка змякла;
Папытайтися у ягò,
Ти ня любя ёнъ кагò?
— Любя рыбку сятрынку
И дѣўку чырнабрыўку!

Послѣ этого жениху отворяютъ ворота. Въѣхавши на дворъ, сватьи поютъ:

Прыбралася тёща въ ваўки,
Ды й хочыть зятя спужати,
А зять тещы ни байтца,
Ды для тёщы станавйтца.

Во время этой пѣсни теща выходитъ на встрѣчу жениху въ вывернутомъ кожухѣ, съ пирогомъ въ рукахъ и съ кружкой воды; кружку съ водою даетъ зятю, а тотъ, попробовавъ немного воды,

выливаетъ ее черезъ свою голову назадъ; потомъ слѣзаетъ съ телѣги и даетъ тещѣ пирогъ, а теща ему свой пирогъ. Эта встрѣча называется „витаньемъ“. Сватьи поютъ:

А зять тёщу пащўпаў,
И мяхкій пирогъ нащупаў!

Сватьи невѣсты выносятъ на дворъ столъ, ведро воды, водку и закуску, витать сватовъ жениха. Сватьи жениха поютъ:

Пусьти, пусьти, сватiйка, ў хату!
Мы табѣ нияќія шќоды ня ўчынимъ:
Сы вечара шумная пива папъёмъ,
Сы пóўнычы тваё дитятка павязёмъ,
Къ бѣлыму свѣту тваё дитятка мы заўёмъ,
А къ сьнидàнiйку табѣ вѣсьтiйки прынясёмъ!

Возвратившись въ хату, теща садится на припечекъ и плететъ лапти. Вслѣдъ за нею входитъ въ хату дружокъ жениха и, не отходя отъ порога, говоритъ: „Ёсьть у нàшага князя маладóга и княгини маладыя батька; багаславиў у дамоўку ўѣхать и парóгъ пирастуnúть,—багаслави да стаўпà (до столба припечья) даступиtца,—тёщы кóваныя боты аддать!“ Ему отвѣчаютъ: „Богъ баславúть“! Дружокъ подноситъ тещѣ на тарелкѣ рюмку водки, нѣсколько денегъ и проситъ ее перестать лапти плести, а взять деньги на „боты“. Теща пьетъ водку и беретъ деньги, а дружокъ опять отходить къ порогу и говоритъ: „Багаславили кóваныя боты тёщы аддать, багаславитя дрўжакъ павитàть!“ — Богъ баславúть! Онъ подходитъ къ дружкамъ, которыя стоятъ у лавки противъ дверей, и подаетъ на тарелкѣ рюмку водки и одинъ баранокъ, и опять отходитъ къ порогу: „Багаславили тещы боты аддать и дрўжакъ павитать, багаславитя княгини маладой шубу апрануть и кóваный пóясъ!“—Богъ баславúть! (Говорятъ и—багаславúть). Дружки поютъ:

Прыслàў свёкаръ адиваньня:
Ти коньня (кунья) шуба, ти бараньня?
Кали жъ коньня, дыкъ ќинишъ:
А кали бараньня, дыкъ прымишъ!

Женихова музыка въ это время играетъ на дворѣ. Сваты невѣсты выносятъ каравай на дворъ и поднимая его, кричатъ: „нашъ вышы!“ Сваты же жениха поднимаютъ свой каравай и тоже кричатъ: нашъ вышы! Потомъ каравай жениха кладутъ на каравай невѣсты и ставятъ каравай въ клѣть, а сами входятъ въ хату, садятся за столъ, выпиваютъ и закусываютъ. Во время ужина сватьи поютъ:

А ты Адáрачка, ни хиляйся,
Ды иди ў камору прыбирáйся,
У чырвóныя чыравички абувайся,
А зъ нами у дарóгу сабирáйся!

Послѣ ужина дружокъ невѣсты зажигаетъ свѣчу, обходитъ съ молодыми три раза вокругъ стола и говоритъ: „батька родный и матка родная! Дали пить и ѣсьть и лавочку—сѣсьть,—багаславитя у щасьливую дарогу уступить?"—Богъ баславить! Тогда дружокъ обращается къ крестнымъ отцу и матери, къ роднѣ и всей круглой бесѣдѣ, съ такою же просьбой, и всѣ отвѣчаютъ: — „Богъ баславить!" Сваты поютъ:

Баслави Божа,
Прачыстая Спожа,
Атёцъ и мати
Свайму дитяти
У дарогу щасьливую ступити!

Мать даетъ невѣстѣ булку хлѣба, а невѣста черезъ свою голову подаетъ ее назадъ матери. Тогда мать даетъ ей низку баранковъ. Изъ этихъ баранковъ молодая должна при воротахъ жениха бросить два баранка назадъ и два впередъ и тогда въѣзжать во дворъ.

Проводивши молодую, сваты возвращаются назадъ къ тещѣ „дѣлить ялавичыну", то есть отдаютъ свою водку изъ кошеля, какая еще осталась, а теща даетъ закуску и завязываетъ имъ черезъ плечо рушники. Съ этими рушниками они и отправляются вслѣдъ за молодыми. На дворѣ жениха на встрѣчу молодымъ выходитъ свекровь или кто другой изъ родни, только не вдова и не дѣвушка, и встрѣчаетъ ихъ въ вывернутомъ кожухѣ съ квашней. Квашня ставится около телѣги молодыхъ, и невѣста, слѣзая, должна стать на квашню, и осыпать ее изъ полы житомъ, которое беретъ изъ дому. Этимъ невѣста показываетъ, что она честна; въ противномъ же случаѣ невѣста слѣзаетъ не на квашню, а прямо на землю, или становится на колесо, потомъ подходитъ къ свекрови и кланяется ей въ ноги. Затѣмъ молодая входитъ въ домъ, вѣшаетъ на иконы и на двѣ стѣны рушники и садится за столъ. Давъ молодымъ немного посидѣть за столомъ, дружокъ ведетъ ихъ въ клѣть спать, гдѣ постель постлана еще во время посада жениха. Молодыхъ сопровождаютъ двѣ сватьи и крестная мать жениха. Въ клѣти невѣсту садятъ на дежу, если честная, а если не честная, то на постели, обвязываютъ ей голову наметкой, а затѣмъ сватья прикрываетъ ее полой. Женихъ даетъ сватьѣ нѣсколько копѣекъ и выкупаетъ невѣсту. При завиваніи невѣсты поютъ:

Завивала мянѐ дядинка
Ды нижаласьливая:
Чэпчыкъ узлажыла,
Слёзки ни ўранила.

Когда постель стелятъ, поютъ:

Мы жъ были пасьтѐльныя,
Умѣли пасьтѐль слати:
Руту мяту клали й чырвоныя квѣтки,
Кабъ любилися дѣтки.

Завивъ молодую и получивъ отъ жениха выкупъ, посторонніе уходятъ изъ клѣти, а молодыхъ оставляютъ однихъ часа на четыре, на пять. Потомъ сватья идетъ къ двери клѣти и спрашиваетъ: „ти выспались?“ Ей отвѣтятъ, что выспались и впускаютъ въ клѣть; сватья беретъ у молодой рубашку, въ которой она спала, и несетъ въ хату, а невѣста тѣмъ временемъ одѣвается въ другое бѣлье. Потомъ приходитъ дружокъ, забираетъ молодыхъ въ хату и садитъ ихъ за столъ. Сватьи же связываютъ свернутую рубашку молодой красной лентой (если честная), ходятъ съ ней по лавкамъ кругомъ стола и, передавая другъ другу, поютъ:

Добрыя нашы маро́зы,
Ни змаро́зили намъ рожы,
Пусьтили квѣти па клѣти,
А кляно́вый листокъ падъ пало́къ,
А чырвоную квѣтачку ў падало́къ.
Бѣлую кару́ну матка дала,
А чырвоную квѣтачку сама здабыла̀.

Послѣ этого женихъ и дружки берутъ сладкую водку, булку хлѣба и ѣдутъ въ домъ невѣсты, „отвезти вѣсти“. Рубашку везетъ женихъ. Сладкую водку даютъ батькѣ, маткѣ, роднымъ молодой и проч., а рубашку отдаютъ матери. Съ рубашкой и у матери невѣсты происходитъ то же, что было у жениха: скачутъ по лавкамъ и поютъ. Назадъ рубашку везутъ „придани“. Погулявъ немного въ домѣ тещи, отправляются назадъ въ домъ жениха. За ними ѣдутъ „придани“— кто-либо изъ родни невѣсты, везутъ кубелъ съ приданымъ. Вмѣстѣ съ ними ѣдутъ родные молодой къ жениху гулять. За кубелъ женихъ платитъ привезшему нѣсколько копѣекъ. Послѣ угощенія пріѣхавшихъ, молодыхъ вводятъ изъ клѣти въ хату и въ присутствіи уже всѣхъ сватьи опять скачутъ по лавкамъ съ рубашкой молодой. Потомъ дѣлятъ „сниданьня“, которое привозятъ изъ дома молодой— сало или мясо, пирогъ и ложку. Снѣданье дѣлится безъ водки. Дружокъ зоветъ родителей жениха, братьевъ и проч. „на снида́ньня“: Батька ро́дный, матка ро́дная! про́ся васъ маладая княгиня на сниданьня! Раздѣливъ сниданьня, дѣлятъ и каравай. Дружокъ зоветъ: „Батька ро́дный! Про́ся тябѐ князь маладый и княгиня маладая на каравай, на Божый даръ. Што дару́ишъ: ти каня̀, ти каро́ву?“ Батька кладетъ на столъ хлѣбъ-соль и говоритъ: „дару́ю табѣ хлѣба-соли, щасьтя й долю и до́брая здаро́ўя!“ Такъ вызываются сватьи и вся родня молодого. При этомъ дарятъ свиней, коровъ, пчелъ и т. п. Когда кто заявитъ, что даруетъ свинью, дружокъ объявляетъ жениху и визжитъ, какъ свинья; если корову, то мычитъ, если пчелъ, то жужжитъ и т. д., смотря по тому, что кто даритъ.

Раздѣливъ каравай у жениха, обѣдаютъ, а потомъ берутъ отъ молодого снѣданье и ѣдутъ всѣ къ молодой дѣлить каравай. Тамъ дѣлятъ снѣданье жениха, а потомъ раздѣляется каравай невѣсты. При раздѣлѣ караваевъ дается каждому по рюмкѣ водки и куску

каравая. Раздѣливши каравай невѣсты, обѣдаютъ у ея родителей и уѣзжаютъ домой. Этимъ оканчивается свадьба.

Большинство жениховъ во время свадьбы носятъ въ пазухѣ ртуть. Ртуть эта предъ свадьбой ставится въ церкви подъ аналой около царскихъ вратъ, и здѣсь стоитъ „три маладика"—три мѣсяца, потомъ освящается и во время свадьбы служитъ предохранительнымъ средствомъ отъ всякихъ чаръ, такъ какъ на свадьбѣ особенно чаруютъ молодыхъ, и отъ этого зависитъ ихъ будущая жизнь. Ртуть эта хранится потомъ въ хлѣвѣ, гдѣ стоитъ скотъ, и употребляется въ различныхъ случаяхъ, гдѣ могутъ дѣйствовать чары.

Сообщилъ А. Е. Вержбицкій.

Мстиславскій уѣздъ.

Парни выбираютъ себѣ невѣстъ преимущественно въ Коляды, на игрищахъ, гдѣ и „влюбляются". Если же тамъ не выберутъ, то ѣздятъ въ Колядные праздники по церквамъ и тамъ высматриваютъ себѣ невѣстъ. Особенно эти „выгляды" практикуются на Ерданяхъ въ день Крещенія. Если какая дѣвушка понравится, то парень знакомится съ ея отцомъ и старается угостить его водкой. Потомъ проситъ своего отца ее сватать. Отецъ приглашаетъ съ собою ближайшаго родственника, одѣваются въ праздничную одежду, въ сапоги, берутъ въ кошелѣ хлѣбъ-соль, сало и водку, надѣваютъ кошель черезъ плечо и вечеромъ, большею частью въ субботу, ѣдутъ въ сваты. Невѣста „должна стыдиться своихъ сватовъ", и завидѣвъ ихъ, прячется такъ, чтобы ея не видѣли, или совсѣмъ уходитъ изъ дому къ сосѣдямъ. Сваты же, поздоровавшись съ хозяевами, снимаютъ кошель съ плечъ и садятся на лавку, закуриваютъ трубки и заводятъ обыденный разговоръ о постороннихъ предметахъ. Когда общія темы будутъ исчерпаны, сваты говорятъ хозяевамъ: „вы ў насъ ни патáитя, чаго мы прышли, а мы вамъ ни кáжымъ. Мы прышли къ вамъ ни гулятъ, а за дѣлымъ!"—А зы якѝмъ дѣлымъ?—„Ды прышли мы, карόчи гывря̀, у сваты!"—Э, дычкà мая̀ щѐ мόлыда, ничόга ни знаитъ, нéсмысиль. Нихай щѐ у мянѐ гадόкъ пабўдить. Ще управитца! Была̀ бъ гылывà, а питьля̀ бўдитъ. Кыли бўдитъ дόбра—нажывéтца, а бўдитъ гόря—ныплáчитца. Кыли Богъ дась, éтыга ни минéтъ!.. Въ концѣ концовъ, если родители согласны отдать дочь за парня, они говорятъ сватамъ: „Ся́ньни зю́кыйтя, ня зю́кыйтя—ничόга ня бўдитъ! Идитя двόру, а прыхόдьтя заўтри. А мы тутъ паталкўимъ!" Сваты уходятъ. Этотъ вечеръ называется „сўглядами".

На слѣдующій день родители даютъ согласіе, если дѣвушкѣ парень нравится. Сваты вынимаютъ изъ кошеля хлѣбъ-соль, сало и водку и кладутъ на столъ, который къ этому времени застилается чистою скатертью. Мать невѣсты также кладетъ на столъ булку хлѣба

и ставитъ солонку съ солью. Приглашаются ближайшіе родственники и невѣстины крестные. Всѣ молятся Богу при зажженной свѣчѣ у образовъ и распиваютъ принесенную сватами водку. Это называется „запоины".

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней сваты идутъ „еднáть папà" и везутъ отца невѣсты въ свой домъ „пыглядѣ̄ть нáшыга хыдя̄йства." Здѣсь его угощаютъ колбасой и яичницей и подчуютъ водкой. При этомъ назначается день для заручинъ.

На заручины созываются всѣ родственники невѣсты и всѣ дѣвушки той деревни, гдѣ живетъ молодая. Водку привозитъ сватъ, а закуску даетъ невѣста. Дѣвушки угощаются въ отдѣльной избѣ. Невѣста подноситъ свату на тарелкѣ платокъ для жениха, а сватъ кладетъ ей на тарелку деньги отъ имени жениха. Наканунѣ свадьбы женихъ и невѣста обязательно моются въ банѣ. Вечеромъ у невѣсты бываетъ дѣвишникъ, а у жениха мальчишникъ. Женихъ созываетъ всю родню, нанимаетъ „скомороха"—музыканта, выбираетъ двухъ дружковъ—распорядителей и подженишника. Когда всѣ соберутся, зажигаютъ предъ иконой свѣчу и молятся. Потомъ дружокъ беретъ за руку подженишника, а подженишникъ жениха и сажаютъ его за столомъ на кутъ. Тутъ же садятся крестные и избранныя родственницы—свахи. Всѣ пьютъ и закусываютъ. Затѣмъ старшій дружокъ лѣзетъ на полъ, на которомъ спятъ, и становится у печного столба. Къ нему приходятъ мужчины и женщины, умѣющіе пѣть, хозяинъ подаетъ водку и закуску. Тогда дружокъ, опершись о столбъ, говоритъ: „Сватъ, сватюшка, радной батюшка! Быславú̄тя свайгò чада, а нáшыга князя мыладòга за столъ сѣсьти, вя́сельля запѣти и зыйгрáти!" Отецъ отвѣчаетъ: „Богъ быславú̄тъ!"—У другій разъ!—„Богъ быславú̄тъ!"—У третьтій!—„Богъ быслáвитъ!" Тогда дружокъ крестится три раза и говоритъ: „Зы ваша быславéньня вамъ нúзинькыя пыкланéньня! Якъ матка нырадúла, на бѣлый свѣтъ пусьтила, такъ Прячúстыя быславила!" Такимъ же образомъ онъ обращается къ матери жениха, къ крестнымъ, къ мужчинамъ, женщинамъ, дѣвушкамъ и ко всей „веселой бесѣдѣ", и отъ всѣхъ получаетъ тотъ же отвѣтъ: „Богъ быславú̄тъ!" Тогда дружокъ со всѣми находящимися у столба пѣвцами запѣваетъ:

„А ў нашыга свата зырадú, Бóжа, жыта густа, кóлысамъ кылысиста, ядромъ ядринúста! Штобъ наша Марьичка стóички жыта жала и снапóчки визáла! Быслави, Божа, раду запѣти и вясельля зайграти!"

Бóжыя рáдухна, кудú пылятѣла?
— Чирязъ тынъ ды на вулицу,
Ды къ Ивану (имя отца) на дворъ!

Когда кончится пѣніе у столба, начинаютъ пѣть свахи, сидящія за столомъ. Дружки подносятъ водку и тѣмъ и другимъ пѣвцамъ, а хозяинъ угощаетъ остальныхъ гостей. Все это время поются свадеб-

ныя пѣсни. Когда кончится угощеніе, дружокъ беретъ за руку подженишника, а этотъ жениха и выводятъ его изъ-за стола. Дружокъ проситъ у родителей благословенія ѣхать къ невѣстѣ. Женихъ кланяется въ ноги родителямъ и всѣмъ присутствующимъ, каждому въ отдѣльности, и затѣмъ уѣзжаетъ съ дружками и подженишникомъ къ невѣстѣ.

У невѣсты въ этотъ вечеръ дѣвушки вьютъ вѣнокъ, поютъ и танцуютъ. Невѣста угощаетъ ихъ виномъ и лакомствами. Какъ только дѣвушки заслышатъ, что пріѣхалъ женихъ, онѣ поютъ:

Спазьниўся, Андрейка, спазьниўся,
Ти ты ў лазинки памыўся?
Бяленикъ, тѣщухна, бяленикъ,
Тваймў дитяти любеникъ.
Ящѐ, тѣщухна, пыбялѣю,
Тваймў дитяти пылюбѣю!

По пріѣздѣ, женихъ не идетъ прямо въ хату, а дружокъ подходитъ подъ окно и просится переночевать или погрѣться. Хозяинъ отвѣчаетъ, что у него негдѣ ночевать, своего народу много, „бы гуляньня йдѐть“. Но въ концѣ концовъ отпираетъ имъ ворота. Войдя въ хату, пріѣхавшіе становятся у порога около печи. Въ это время дѣвушки имъ поютъ:

Ахъ ты, тѣщухна ды лукавыя,
Выбрыла зятьку ды ни ўдалыга!
Хоть выбрыла, ды машэньничка:
Пыдъ заборъ ходить, ёнъ коній водить,
Въ аўчарку лазить, ёнъ авецъ вяжыть,
Въ карбўницу ходить, ёнъ карбў дбить!

—

Пыджанишникъ варона,
Падъ имъ конь карова!
У пыджанишника нóги каротки,
Пыстаўтя ямў падъ нóги калодку!
Пыджанишничикъ нашъ саколъ,
На садися мижъ ваконъ:
У насъ пташычій пирялётъ, —
Прылятить табѣ варона ў ротъ!
У пыджанишника вочи вялики,
И ны грядки глидять,
Хварбóы хытять,
И хварóбычки, й пирялóмычки!

—

На рѣчи дружку, на рѣчи,
Кабъ сѣла дружку семъ скулъ на плечи!
Ны гаворку дружку, ны говорку,
Кабъ сѣла семъ скулъ ны галоўку!
На мóву дружку, на мóву,
Кабъ сѣла семъ скулъ на брóвы!

Дружокъ между тѣмъ выступаетъ на средину хаты и говоритъ отцу невѣсты: „Пусьтиў ты насъ у хату, дыкъ ужў пусьти дѣ-нибудь притулитца!“ Тотъ отвѣчаетъ: „Кыли грóшы ёсьть, то аткупи сабѣ мѣста!“ Дружокъ вынимаетъ изъ-за пазухи привезенную съ собою водку и угощаетъ гостей невѣсты. Тѣ очищаютъ для жениха со сви-

той мѣсто за столомъ. Дружокъ продолжаетъ угощать родню невѣсты, но вдругъ начинаетъ кашлять и кричитъ: „Ай, пыдавйуся! мяне ка́шыль замучиў! Ти нимà ў васъ кагò дать вады мнѣ, атхадить мянè?“ Къ этому времени въ хату приносятъ ведро воды. Дѣвушки поочередно черпаютъ ее и подаютъ въ кружкѣ дружку. Дружокъ разсматриваетъ воду и говоритъ: „Ты дѣўка харбшыя, ды выдà твыя нячи́стыя! Ня буду яè пить, бы атъ яè ще пахўжыить!“ Когда почередуются всѣ дѣвушки, тогда является невѣста и подаетъ дружку воду. Тотъ беретъ и говоритъ: „вотъ ужў ета выдà, дыкъ выдà! Атли́шныя, крыни́шныя! Еткія вады у сьвѣти нима!“ и выпиваетъ воду, а въ кружку кладетъ деньги, и перестаетъ кашлять. Тогда невѣста подноситъ воду всѣмъ пріѣхавшимъ, а тѣ отдариваютъ ее деньгами.

Затѣмъ выходятъ всѣ изъ-за стола и молятся. Послѣ молитвы дружокъ говоритъ отцу невѣсты: „Пусьтиў ты насъ у хату и пазвóлиў зы сталóмъ хлѣба-соли скушыть, тяперь быславй дятѣй да кўчи звесьть!“ Тотъ отвѣчаетъ: „Богъ быславить!“ Тогда братъ невѣсты беретъ ее за руки и подводитъ къ жениху съ словами: „На́ табѣ маю́ сяструў, ни сляпўю, ни храмўю! Жывйтя зьмирна, другъ друга пыважа́йтя и пычита́йтя!“ И среди хаты кружитъ ихъ вмѣстѣ три раза. Дѣвушки поютъ:

Сучи́ся, пéрыйка, сучи́ся,
Марьичка съ Андрейкую злучи́ся!

Невѣста начинаетъ плакать. Братъ ведетъ ихъ за столъ и усаживаетъ рядомъ. Дѣвушки поютъ „Раду“ (см. выше), а затѣмъ и другія пѣсни. Мать въ это время приноситъ въ рѣшетѣ подарки для родни жениха: платки, куски холста, полотенца и т. п. Каждый подарокъ она кладетъ на тарелку и называетъ того, кому дается подарокъ. Одинъ изъ родни невѣсты беретъ у нея тарелку и передаетъ подарокъ по назначенію, со словами: „дарўить тибè Марьичка пыдаркымъ, краснымъ китáйкымъ! Ета прыми́тя, на бóльшыя ни дивйтя, а пыдàрычикъ пызылатитя!“ Принявшій подарокъ кладетъ деньги на тарелку для невѣсты. Послѣ раздачи подарковъ, женихъ уѣзжаетъ домой.

Въ день свадьбы онъ, получивъ отъ родителей благословеніе, пріѣзжаетъ къ невѣстѣ. Здѣсь родители невѣсты благословляютъ обоихъ и отправляютъ къ вѣнцу. По дорогѣ поютъ:

Шàмнули калёски, тольки кóники зырзàли,
Мылады́я свашки пѣсьни запѣли,
Дружкѝ ѣдуть, гóйкыють,
Марьички ў тѣримъ гóлысъ пыдаю́ть.

—

Коники маè сивыя!
Ти падвизитё княгиню
Падъ тую гарў крутую,
Падъ тую цэ́ръкуўку святую?

А ў тэй цэ́рькуўки святэ́й Спасъ,
Штобъ пывиньчàў дѣтычикъ въ адинъ часъ!

После вѣнца молодые идутъ въ домъ священника „аддавать паклоны“, а потомъ ѣдутъ въ домъ жениха. По дорогѣ дѣвушки поютъ:

Спасиба папу̂ и папо́вичу,
Што ско́ринька зъвиньча̂у̂,
Ды нямножка диржа̂у̂.

Подъѣзжая къ дому жениха, поютъ:

Ай, вы́йди, свякрова гырба̂тыя,
Ѣдить нявѣстка быга̂тыя!

Ай, выйди, свякрова̀ саплѝвыя,
Ѣдить нявѣстка щасьлѝвыя!

Мать жениха въ вывороченной шубѣ, съ образомъ и хлѣбомъ, выходитъ къ молодымъ на дворъ, обѣгаетъ три раза телѣгу ихъ подъ кнутомъ дружка и осыпаетъ овсомъ. Потомъ молодые кланяются родителямъ жениха и, взявшись за руки, идутъ въ хату.

Дѣвушки поютъ:

Ай, рай-раёчикъ па рѣчки плыве́ть,
Андрейка Марьичку за ручку вяде́ть:
„Хади̂, хади̂, Марьичка, дому глядѣть:
Мой дамо́чикъ, якъ рай-раёчикъ:
Абразы́ стыя́ть, яры свѣчи гыря́ть!

Въ хатѣ садятся за столъ и обѣдаютъ. Между свитами жениха и невѣсты начинается перебранка. Дѣвушки невѣсты поютъ:

А у̂ на́шыга свата
Тисо́выя хата:
Ни клѣти, ни павѣти,
Не́йди ко́ній падѣти!

Сватьи жениха отвѣчаютъ:

Ны на́шый рѣчки у̂сё щу̂чки!
Пынаѣхыли у̂сё су̂чки!
На нашый рѣчки усё плытва̀,
Пынаѣхыла гылытва̀!
На нашый рѣчки у̂сё кыраси̂,
Нашы рибя́тки хыраши̂!

Дѣвушки:

Свато́чикъ ты нашъ дымаво́й!
Ти на е́та жъ ты насъ зыпраси́у̂,
Бряхлѝвыхъ су́чикъ ныпрасиу̂?
Брашы́тя, су́чки, брашы́тя,
Ны сабѣ карбсту чашы́тя!
У чужымъ са́яни ла́у̂ки трешъ,
У чужыхъ бо́тикыхъ танцу̂ишъ!

—

Ни чачѐнься, сва́тьтя, ни чачѐнься,
Схади́ у дво́ру пирядѣнься:

—

Вы сва́тьти-галы́шки,
Пыбяри̂ васъ за ки́шки!
Мы вамъ прасто́ръ дади́мъ,
Хлѣба-соли зьяди́мъ!

—

Во время обѣда дружокъ при перемѣнѣ кушаній вызываетъ хозяйку: „Сва́тьтя-сватьтюшка! Идѣ бъ ты ни была̀, кабъ сюды прибыла̀! Ти хвартухомъ тряси̂, ти пирямѣну няси̂!“ По окончаніи обѣда хозяйка извиняется въ такихъ выраженіяхъ: „дырагі́я го́сьти! васъ на ета праси́ла, на хлѣбъ, на соль! А тяпе́рь прашу̂ па хлѣбусоли: ни прагнѣвайтись, якъ ужу̂ было̀!“

Потанцевавъ нѣкоторое время, невѣста и ея свита уѣзжаютъ домой и тамъ тоже танцуютъ до вечера. Вечеромъ какъ жениха такъ и невѣсту дарятъ. Для этого ихъ садятъ на лавкахъ, на вывороченныхъ шубахъ. При постилкѣ ихъ, дружокъ говоритъ: „Сватъ, сватушка! быславй свайгó чаду дурувáть! На чёмъ мыладóму (или мыладой) сѣсьти: ти ны сыбыля́хъ, ти ны ясныхъ сыкылáхъ, ай на прóстый шуби?“ — На простый шуби!... Посадивъ жениха съ подженишникомъ (или невѣсту съ дружкой) дружокъ обращается къ отцу: „Сватъ, сватушка, радной батюшка! чимъ будишъ свайгó чáду дурувáть: ти злáтымъ, ти срéбрымъ, ти хлѣбымъ-сольлю?“ Отецъ беретъ булку хлѣба, посыпаетъ на нее соль и на тарелкѣ подаетъ дружку. Тотъ говоритъ жениху (или невѣстѣ:) „Дару́нть васъ вашъ батюшка раднэ́й хлѣбымъ-сольлю, щасьтимъ-дóлій, добрымъ здарóуимъ! Ета прими́тя, а на бóльшыя ни диви́тя!“ Такимъ же образомъ одаряютъ молодыхъ и матери. Изъ гостей одни даютъ деньги, другія холстъ, птицу, мелкихъ животныхъ.

По окончаніи одариванья, женихъ ѣдетъ къ невѣстѣ. Дружокъ выкупаетъ у дѣвушекъ мѣсто для жениха и садитъ его подлѣ невѣсты. Дѣвушки прощаются съ невѣстою и уходятъ. Дружокъ снимаетъ съ невѣсты вѣнокъ и надѣваетъ его на себя. Послѣ закуски, молодые встаютъ изъ-за стола, кланяются родителямъ и выходятъ на дворъ, гдѣ уже запряжены лошади и вынесена постель невѣсты. Молодые садятся на эту постель и уѣзжаютъ. Въ домѣ жениха дружокъ несетъ постель въ клѣть и тамъ ее приготовляютъ для молодыхъ. Между прочимъ, подъ подушку здѣсь кладется круглая палка. Молодыхъ оставляютъ наединѣ одинъ часъ, потомъ дружокъ уводитъ изъ клѣти жениха, а къ молодой идутъ женщины, берутъ брачную сорочку, на голову молодой повязываютъ наметку (въ 5 аршинъ длины) и привязываютъ къ наметкѣ красную ленту, если молодая оказалась честною. Затѣмъ ее ведутъ въ хату и поютъ:

Спасиба матки за дачку́, Ина такъ хади́ла,
Што насила дачку въ хвартычку. Якъ мать ради́ла.

Потомъ пекутъ блины, и молодая подноситъ каждому гостю по блину. Дружокъ съ молодымъ ѣдутъ къ родителямъ невѣсты и везутъ брачную сорочку. Если невѣста была честная, въ рукава рубашки кладутъ пряники и конфекты, въ противномъ случаѣ туда кладется лошадиный навозъ. При возвращеніи, женихъ приглашаетъ къ себѣ тестя и тещу, и угощаетъ ихъ. Если же невѣста не соблюла невинности, то въ домѣ жениха на отца ея надѣваютъ хомутъ. Молодая плачетъ. Отецъ бранитъ и даже бьетъ ее. Чрезъ нѣкоторое время молодые пріѣзжаютъ въ гости къ родителямъ невѣсты, и этимъ свадебный ритуалъ кончается.

С. Любавичи.

Въ томъ же уѣздѣ въ с. Ослянкѣ наблюдаются слѣдующія особенности:

Сваты, войдя съ позволенія хозяина въ хату „погрѣться“, говорятъ сначала о мѣстныхъ новостяхъ, затѣмъ незамѣтно переходятъ къ послѣднимъ свадьбамъ. Отецъ жениха замѣчаетъ при этомъ, что и онъ бы желалъ женить своего сына, но „ни майтъ дѣуки на увѣти“. Пришедшій съ нимъ сватъ придирается къ слову и говоритъ: „Нашто-жъ табѣ, Иванывичъ, дбу́га думытъ ды шукатъ дѣуку: вò ў Микилàивича (хозяина дома) ёсь Кытяри́на, лàдныя дѣўка: кали бъ сыглàсься ягò, дыкъ и бяри за Михалку!“ Вынимаютъ при этомъ изъ кошеля водку и ставятъ на столъ; затѣмъ просятъ у хозяина „мѣрачку, штобъ гарѣлки вы́пить!“ Хозяинъ говоритъ, что у нихъ нѣтъ мѣрки. Тогда сваты вынимаютъ свою чарку изъ кошеля и пьютъ за здоровье хозяевъ, а затѣмъ подносятъ и имъ. Если они согласны выдать дочь, то пьютъ водку и говорятъ: „Мы та сыглàсны, ды ня вѣдуимъ, якъ на ета наша Кытяринка!“ А если не согласны, то говорятъ: „Нѣ, ни турбу́йтись: щè сѐлита нилигà яè вы́дытъ замужъ!“ И сваты уходятъ. При согласіи же родителей, одинъ изъ сватовъ разыскиваетъ невѣсту гдѣ-нибудь у сосѣдей и упрашиваетъ идти домой,—у двбру. Та обязана долго упрямиться, но потомъ соглашается, и ее ведутъ домой. Въ хатѣ она останавливается у порога. Сватъ наливаетъ ей рюмку водки и подаетъ низку баранковъ. Но она не принимаетъ угощенія до тѣхъ поръ, пока родители не скажутъ: „Ну, што жъ, Кытяринка: выпи! А тады и вясельля згуля́имъ!“ Тогда она идетъ къ столу, непремѣнно подъ „курчиною“, на которой домашніе вѣшаютъ платье, и пьетъ водку отъ свата и беретъ баранки. Послѣ этого сваты условливаются о приданомъ и о томъ, „скольки чагò нàда бу́дитъ къ вясѐльлю“. Съ этою же цѣлью сваты еще нѣсколько разъ посѣщаютъ другъ друга до свадьбы.

Караваи пекутъ здѣсь наканунѣ свадьбы. Вѣнокъ невѣстѣ вьютъ въ тотъ же день. При этомъ играетъ и скоморохъ. Когда коровай отнесутъ въ клѣть, собирается молодежь и танцуетъ. Вечеромъ пріѣзжаетъ женихъ съ дружкомъ и сватами. Свита входитъ въ хату, а женихъ остается на дворѣ. Мать невѣсты въ вывороченной шубѣ выходитъ съ гостями встрѣчать его и несетъ хлѣбъ-соль и водку. Женихъ становится спиною къ своей лошади. Когда теща подноситъ ему водку, онъ первую и вторую чарку выливаетъ черезъ голову на лошадь; третью чарку онъ прикушиваетъ и отдаетъ тещѣ, которая допиваетъ водку. Тогда всѣ идутъ въ хату. Тѣмъ временемъ дѣвушки окружаютъ невѣсту за столомъ и не пускаютъ жениха. Дружко долго торгуется съ ними, наконецъ угощаетъ ихъ водкою, пряниками, даритъ перстни, и т. д., и тогда ему уступаютъ мѣсто для жениха. Дружко разстилаетъ на лавкѣ, на кутѣ, тулупъ шерстью вверхъ и усаживаетъ на него невѣсту и подлѣ нея жениха. Женихъ при этомъ дѣлаетъ невѣстѣ подарокъ.

Во время угощенія дружко заявляетъ, что ему „дренно“, и проситъ воды. Одна изъ дѣвушекъ даетъ ему воды въ кружкѣ. Посмотрѣвъ на воду, дружко говоритъ: „Нѣ, ты панна слы̆шная (сличная), ды вада̀ твӑй ни крынишная. Ни хачу тваёй вады̆ пить!“ Тогда подаетъ воду другая дѣвушка. Ей онъ говоритъ: „Да, айдѣ платьтя пра̀ла, тамъ и вадў бра̀ла! Ни буду тваёй вады̆ пить!“ Тогда подаетъ водў невѣста. Дружко пьетъ воду и опускаетъ въ кружку деньги. Другіе гости тоже просятъ воды у невѣсты и тоже дарятъ ей деньги. Послѣ всѣхъ она подноситъ воду жениху, который за это снова дѣлаетъ подарокъ невѣстѣ.

Утромъ молодые посѣщаютъ порознь своихъ родныхъ и приглашаютъ ихъ на свадьбу. Потомъ свахи и подруги убираютъ молодую къ вѣнцу, расчесываютъ волосы, плетутъ косу, надѣваютъ вѣнокъ. Считается обязательнымъ надѣть вчерашніе подарки жениха. Одѣвшись, невѣста уходитъ изъ дому къ сосѣдямъ, пока пріѣдетъ женихъ. По пріѣздѣ жениха приводятъ домой невѣсту, ставятъ посреди хаты столъ, кладутъ на него вѣко отъ квашни, покрываютъ его вывернутою шубою и на нее кладутъ хлѣбъ и соль. Молодые обходятъ вокругъ этого стола три раза, молятся передъ образомъ, потомъ кланяются родителямъ и просятъ благословенія. Къ вѣнцу ѣдутъ раздѣльно: на одну телѣгу садится женихъ съ подженишникомъ и дружкомъ, на другую—невѣста съ подневѣстницей и старшей дружкой; прочіе сваты и сватья, а также скоморохъ, ѣдутъ позади на отдѣльныхъ телѣгахъ. Стараются щегольнуть лучшими лошадьми, возками и наборною упряжью; привязываютъ колокольчики. Когда поѣздъ устроится, мать невѣсты обходитъ его три раза съ образомъ и съ хлѣбомъ-солью и осыпаетъ овсомъ. Дружко ходитъ вслѣдъ за нею и старается подогнать ее кнутомъ. Скоморохъ начинаетъ играть и поѣздъ трогается. По пути ему нерѣдко „закида̀ютъ за̀йца“, то есть кладутъ поперекъ дороги жердь. Чтобы отъ зайца не вышло несчастья (см. выше, стр. 316), сватъ даетъ тѣмъ, кто его закидывалъ, по чаркѣ водки. Тогда заяцъ убирается и поѣздъ слѣдуетъ далѣе.

При вѣнчаніи кладутъ подъ ноги молодымъ деньги на подвѣнечникъ. Послѣ вѣнца молодые въ церкви кланяются въ ноги священнику и всѣмъ присутствующимъ. Молодые теперь садятся вмѣстѣ, и поѣздъ ѣдетъ во дворъ священника. Тамъ молодые кланяются матушкѣ; дружко угощаетъ ихъ и присутствующихъ виномъ, скоморохъ играетъ какой-либо танецъ; молодежь немного потанцуетъ и потомъ, поблагодаривши батюшку, уѣзжаютъ къ невѣстѣ, а если молодые не изъ одной деревни, то каждый къ себѣ. При выѣздѣ со двора священника поютъ:

Мы у папа̀ бывали,
Тамъ насъ чистава̀ли
Мёдымъ сало̆динькимъ,
Виномъ зялёнинькимъ!

Встрѣчаютъ молодыхъ—отецъ съ образомъ, мать съ хлѣбомъ-солью, въ вывороченныхъ шубахъ и осыпаютъ овсомъ.

Молодыхъ садятъ на кутѣ и подаютъ обѣдъ, обыкновенно въ такомъ порядкѣ: капусту со свининой, картофельный супъ съ бараниной (бульбѣшникъ), мясное жаркое или птицу, кулешъ изъ пшеничной муки, кашу, яичницу. Молодые обязаны ѣсть одною ложкою: сперва беретъ ложку женихъ, съѣстъ ею кушанья и кладетъ ложку на столъ; тогда ее беретъ невѣста, тоже съѣстъ одну ложку кушанья и кладетъ на столъ; теперь ее снова беретъ женихъ, и т. д. Послѣ обѣда женихъ уѣзжаетъ домой и свадьбу играютъ въ обоихъ домахъ до вечера. Родные дѣлаютъ молодымъ подарки. Вечеромъ женихъ снова пріѣзжаетъ къ невѣстѣ и вскорѣ расплетаютъ ей косу. Предъ этимъ братъ невѣсты взбирается на лавку позади невѣсты и начинаетъ черкать по стѣнѣ лучинкою, подражая точенью ножа, и говоритъ: „вȯ калй касȳ атрѣжу!“ Дружко спѣшитъ выкупить у него косу и послѣ долгаго торга выкупаетъ за рюмку водки и нѣсколько копѣекъ. Послѣ этого дружко подкрадывается къ невѣстѣ и схватываетъ у нея съ головы вѣнокъ, который надѣваетъ себѣ на голову, ей же старается надѣть на голову мужскую шапку. Дѣвушки два раза не допускаютъ его до этого, но въ третій разъ онъ надѣваетъ невѣстѣ шапку. Послѣ этого дружко долженъ еще опоясать невѣсту поясомъ, на которомъ нанизанъ „верчъ“—лозовый обручъ, запеченный въ тѣстѣ. Невѣста не дается, дѣвушки хватаютъ верчъ и ломаютъ его. Дружко прогоняетъ дѣвушекъ и опоясываетъ невѣсту. Дѣвушки однако же схватываютъ ее и тащатъ въ сѣни, тамъ ее прячутъ, прикрываютъ платками и т. д. Дружко гоняется за ними, находитъ невѣсту и подводитъ къ жениху. Потомъ, обойдя три раза вокругъ молодыхъ съ образомъ въ рукахъ, выводитъ невѣсту въ сѣни и садитъ на квашню, покрытую вывернутою шубою. Женихъ въ это время садится на телѣгу. Дружко поднимаетъ невѣсту съ квашни и несетъ къ жениху на телѣгу. Мать, ходя вокругъ телѣги, осыпаетъ молодыхъ овсомъ, а дружко идетъ въ хату къ отцу и говоритъ: „Ну, даў жа карбўку, дай и вярёўку!“ Отецъ подаетъ ему булку хлѣба. Дружко рѣжетъ булку пополамъ: часть кладетъ себѣ на голову, а потомъ за пазуху, а другую бросаетъ на печь. За этотъ хлѣбъ онъ обязанъ дать отцу невѣсты бутылку водки. Послѣ этого, съ хлѣбомъ за пазухой, онъ садится къ молодымъ и ѣдутъ въ домъ жениха. Тамъ, послѣ угощенія, молодыхъ ведутъ въ клѣть.

На другой день молодые, между прочимъ, идутъ за водою на колодезь. Ихъ сопровождаютъ сваты, дружко, сосѣди. У колодца сваты угощаютъ пришедшихъ водкою, а дружко, взявши ведра у невѣсты, обливаетъ зазѣвавшихся гостей водою; тѣ въ свою очередь дѣлаютъ это другъ съ другомъ. По возвращеніи отъ колодца, невѣста печетъ блины и угощаетъ ими гостей. Потомъ молодые ѣдутъ въ

домъ невѣсты. Въ этотъ же день къ молодой привозятъ приданое и пріѣзжаютъ ея родители. Женихъ кладетъ въ рѣшето каравай и горшокъ каши, закрываетъ платкомъ и ставитъ рѣшето на голову молодой. Та снимаетъ рѣшето съ головы, беретъ ложку и бросаетъ нѣсколько ложекъ каши на печь. Потомъ дѣлятъ каравай, а затѣмъ идутъ „по банкетамъ".

Свадебныя пѣсни Мстиславскаго уѣзда.

Бѣлинькій кудрявинькій Иванька,
Хто тибѣ бѣлы кудирки расьчисаў?
Расьчисáла мая мáминька
У нидѣльку прóти панидѣлку ранинька.

—

Падýмый, гыдай, Марьичка,
Ти ни жаль тибѣ кагò?
— Учира дýмыла, сягóньни,
[гыдáла,
Што ни жаль мнѣ никóга,
А тольки мнѣ жаль русыя касы
Ды дивóцкія красы.
Уси дѣвычки идуть, кóсычки
[плятýть,
А я сваю расплитáю.
Пынаѣхыли свàтычки нимú-
[лысьливы,
Стали маю косыньку рвать,
[парывать,
Ўсё падёргывать,
Шóлкывы ўплётычки выплёты-
[вать.

—

Литѣли гàлычки ў читыри ря-
[дóчки,
А кукýша напéриди.
Гàлычки сѣли ўсѣ па лúсьтикамъ,
А кукуша ны рябинки.
Галычки сѣли, затилúкыли,
А кукýша закукавàла.
Ишли дѣвычки чирисъ сѣнички,
А Марья напéриди.
Дѣвычки сѣли, пѣсни запѣли,
А Марья зыплàкыла.

М. Монастырщина.

Ѣдучи къ вѣнцу.

Ай, вбраню мой чóрнинькій,
Ни пирилитàй намъ дарóги!
Падтóпчимъ тябѣ падъ нóги,
Падъ чирвоныя чабóты,
Падъ здарóвыя жывóты!
Чарвóныя чабóты—Матрýна,
Здаровыя жывóты—Иванька.

—

Па гарàмъ сóнца кóтитца,
Ивану къ вянцў хóчитца!
А ни такъ Ивану, якъ той
[Матрунцы...
Па гарàмъ сóнца кóтитца,
Матруни къ вянцў хóчитца!
А ни такъ Матруни, якъ тамў
[Иваньку...

—

Ай, выйду я ды на ґàнычки,
Якъ гляну я ды на крàсычки:
Ти ўси май краски играють?
Играйтя, крàсычки, играйтя,
Ды харашò рысцвитàйтя!
Мнѣ васъ, крàсычки, ни рвати
И ў вянóчикъ ни ўвивати!
Я адинъ была звилà—и то ни
[знасúла,
Ни знасила, у тѣрими пычапúла
Ны шаўкóвинькымъ шнурóчку,
Ны зялѣзьнинькымъ крючóчку,—

А нихай систра нбсить,
Зы мянѐ Бога прбсить!

—

Ды ня голубъ гудѐть у вадѣ,
Ни галўбачка у гнязьдѣ,—
Архипка пирявозъ гукаить:
„Пирявбзьчички вы маѐ,
Пиривязитя вы мянѐ,
Ды я вамъ пирявозъ зыплачў:
За ўвесь пыяздбкъ сто рублей,
Зы сябѐ мылайца чирванца,
А зы сваю княгиню палтину,
А за рўсу касў читьвиртакъ,
А бѣлая кичинька хоть и такъ.

—

А ны дварѣ дожжъ—вокны слизки,
Кланійся, Кытяринка, сваёй [радинки!
„Спасиба, татычка, ды за гы- [даваньня,
Што я ў тябѐ, татычка, гыда- [валась,
У зялёнымъ садику крысавалась,
Красьниньких вйшыникъ ны- [щипалась!"

—

„Чамў ты, дяўчонычка, ни [плачишъ:
Ты сваю касйцу утратишъ?"
— Хуть я касйцу утрачу,
Дыкъ я бѣла лебидя спыймаю!

Бѣлинькій лебидь—Данилычка,
Бѣлинькыя либёдушка—Марь- [ичка.

—

Кукувала зязюля, што лѣсъ голъ,
А плакыла Аксютычка, што [жанихъ малъ:
„А йдѣ жъ мнѣ ягб падѣть?
Ти ў люлички калыхать,
Ти ў пялёнки спывивать?
Пачбпки плбхи—парвўтца,
А пялёнки тбнки—пыдярўтца,—
Ёнъ, мой малинькій, забъётца!
Пайдў я, мылада, пы вадў,
И яго за ручку пывядў,
Иду я, мылада, зъ вадбю,
Ёнъ, мой малинькій, за мною!"

После вѣнца.

Спасиба папў и папбвичу,
Што скбринька зьвиньчаў,
Нямнбжка диржаў.
А мы падманили:
Три дѣнижки дали,
Аксютку зьвиньчали!

—

Мысяюха нашъ попъ, Мысяюха,
Што ни зьняў у свата кажўха!
Кабъ ищѐ трошку пыдиржаў,
Дыкъ бы кажуха изьняў.

—

Ай, знати, знати пы вясѐльлійку,
Што ня родная мати!
Кабъ рбдная мати—зы варбты бъ вышла,
Зы варбты бъ вышла, дитя ўстрѣла,
Пыдъ пашки ўзила и ў хатычку ўвила,
За столъ пысадила бъ, виномъ учасьтила.

—

Дўрни, сваты, дўрни,
Заѣхыли ў гўмны,
Асѐти чалбмъ били,
Дѣўку згубили.

—

Дружко на парогъ лѣзить,
У печь пыглидаить:
Ти гўста капуста,
Ти вялйкъ гарщбкъ кашы,
Ти паидають нашы?

— Гу́ста, гу́ста капуста,
Вялйкъ гаршчокъ кашы,—
Надуютца жыватӹ вашы!

—

Ни на̀шыя стараны̂ дру́жки,
Падъ по́исымъ кружки,
Падъ пе́ччу имъ се́сьти,
Ды нявѣсьти лапти плѣсьти.

Д р у ж к у.

Ня рвйся, дружко̀, ня рвйся!
Ни атку́пишъ ты мѣста—ни ся́дишъ,
Ни паложышъ на столъ чирванцо́ў,
Ни пасо́дишъ за столъ мылайцо́ў.

—

Нямы́тька, дружко̀, нямы́тька!
Пымы́йтя яго̀ кисялёмъ,
Абатритя яго пымяло́мъ!
Ай, кабъ мы знали, а йдѣ дружко ся́дить,
Мы бъ тамъ мѣсьтичка ды ня ўвѣкъ ня мыли,
Гваздьмй панабили,
Кабъ дружку с.... прабйли!

—

Ня треба намъ ета,
Вазьми сабѣ е́та,
Купи сабѣ мыла,
Ды памы́й сабѣ ры́ла,
Кабъ жонка любила,
Кабъ дѣти пазна̀ли,
Кабъ ба̀тькамъ назва̀ли!

—

Бычкй ў смычкй йгра̀ють,
А тёлычки ў сьвисьтёлычки,
А сьвиньня̂ задивйлыся,
Са сьмѣху пыкатйлыся,
А ста̀рыя каро́вища,
Ударила ў ладо́нищи.

—

Асля́нцы старцы,
Чаго вы спазьнйлись:
Ти су́мычки шы́ли,
Ти хлѣба прасйли?
— Мы су́мыкъ ня шы́ли,
Хлѣба ни прасйли:
Мы до́бра зьбирались,
Кабъ люди ни сьміялись,
Сами пяшко́мъ ишлй,
Жаниха̀ ў мяшку̀ нясьлй,
У мяшку̀ ды на по́вирку,
На дубо́вымъ ко́лику.
Нашъ дружко̀ быў дябёлъ,
Жаниха̀ ў мяшку̀ дапёръ.

—

Ай, дѣдъ ны бабу кры́чить, [кры́чить,—
Нашто по́зна мы́чки мы́чить,
Дѣдъ на бабу стаў варчѣть, (варчѣть,—
Нашто по́зна блины пячѣть!
— Ай, стой, дѣдька, ни сярдйсь,
Пастой, блино́ў ныясйсь!
А дѣдъ блино́ў ня хо́чить,
Кала бабы раго́чить.

—

Радилыся—ни любила, тяпе́ря ня буду,
Хачу папытать, икава я буду:
Радилыся ни любила, а тяпе́ря буду.
Радилыся—ни любила, а тяпе́ря буду,
Хачу папытать, икава я буду:
Журилыся, бранилыся, а тяпе́рь ня буду.
Радилыся—ни любила, я тяперя буду,
Придить мужыкъ исъ салдатыў,—
Слухытца ўжэ буду.

На дѣвичникѣ.

А ў нядѣльку рана—паране́ньку,
Баслави, Божа, Прячистая Мати,
Пѣсинку запѣти, вясе́льля зайграти!
А ў нядѣльку рана—паране́ньку,
А ў нашыга свата запрятына ляда,
Запрятына ляда, засѣина жыта.
Ради, Божа, жыта кблысымъ кыласиста,
Колысымъ кыласиста, зирномъ идряниста!
А ў нядѣльку рана—пыране́ньку,
Наша Кытяринка (невѣста) мала
Кабъ стбючи жала.
А ў нядѣльку рана—пыране́ньку,
А ў нашыга свата запрятына ляда,
Запрятына ляда, засѣина гре́чка.
Ради, Божа, гречку атъ стала да припе́чку!
А ў нядѣльку рана—пыране́ньку,
Нашъ Михалычка (женихъ) хвасьлиў,
Сѣдючи гречку касиў.

Когда женихъ прiѣзжаетъ за невѣстой.

Пыглядитика, люди,—
Мядьвѣдьнички йдуть,
Мядьвѣдя вядуть!
Сыбирайтися, дѣти,
Мядьвѣдя глядѣти:
Хуть натукайтись,
Налюкайтись ны ягб.

С. Ослянка. Зап. П. Судиловскiй.

Сѣнненскаго уѣзда.

Паѣхуў сужунька ў даргу,
Привязаў коника къ бярбзки,
Атламаў атъ бярбзки три розки,
Якъ тяў коника падъ нбжки:
„Ступай, мой кбсю, шырбка,
Ящѐ мая дѣвунька далёка!
Ступай, мой косю, узинька,
Ужб мая дѣвунька близинька!
Ступай, мой кбсю, ступбю,
Ужо май дѣвунька са мною!

—

А ўзыйшоў мѣсичикъ надъ вадою,
А узьвёў збрычикъ за саблю.
Ай, ни знать мѣсица за зорками,
Тольки знать мѣсячикъ па кружку.
А узъѣхаў сужунька зъ дружками на дворъ.
Ай, ни знать сужуньку за дружками,
Тольки знать сужуньку па вяночку!

—

Ай, выйди, дѣвунька, пагляди,
Ти высокъ мѣсячикъ на неби,
Ти пригожъ сужунька на канѣ?
— На неби мѣсячикъ у кружочку,
На канѣ сужунька у вяночку.

С. Новая Бѣлица.
Зап. Е. И. Синякова.

—

Да дубу, зязюля, да дубу,
А ти ты салаўю ня люба?
— Тады я салаўю люба была,
Якъ на бярози гняздо вила,—
Тяперъ я салаўю ня люба!

Да шлюбу, Юличка, да шлюбу,
А ти ты матульцы ни люба?
— Тады я матульцы люба была,
Якъ у камбры вянкй вила,
Якъ паѣхала да шлюбу,
Тады я стала матульцы ня люба!
А шэрая зязюля дубъ клюеть,
А наша Юличка шлюбъ бяреть.
Шэрая зязюля зъ дубу далоў,
Наша Юличка исъ шлюбу дамоў.

Д. Дубовцы. Отъ кр. Ек. Симоновой
зап. мѣщ. К. Пашкевичъ.

—

Въ Замочской волости окатоличеннаго Сѣнненскаго уѣзда записана слѣдующая рѣчь „маршалка".

„Звонка музыка, бясѣда вясёла, прошу висялитца, ни смутитца, а на гэтый часъ прошу пирастать,—ни на велькій часъ, на малу гадину, на адну минуту. Ни я шъ то упрашаю, пара люди гэтыхъ упрашають; ни сами шъ яны прась сябѐ—празъ слуги сваѐ, празъ именьня маё. Напяродъ Бога найвышшага, Маріи Матки Яго! Якъ анёлы да храму Божжага прилитають, такъ пару люди гэтыхъ благаславенства упрашають; ни сами шъ яны прась сябѐ—празъ слуги сваѐ, празъ именьня маё: штобъ рачили паблагаславили пару людей гэтыхъ на щасьливымъ мѣсьти сѣсьти!"

— Богъ баславить!

„Стаять яны за тисовыми сталами, за тонкими абрусами, за винными чарами, за Божжыми дарами, упрашають тихимъ пахоламъ, низкимъ уклонамъ, анельскимъ словамъ благаславенства: штобъ рачили, паблагаславили пары людямъ гэтымъ на щасьливымъ мѣсьти сѣсьти!"

— Богъ баславить!

„Сколькі у моры глыбакосьти, стольки да неба висакосьти; якъ у моры рыбка ни бизъ луски, такъ пара людей гэтыхъ ни бизъ радьни. Ёсь у гэтымъ пиры вясёлымъ, у доми свянцонымъ, атецъ радзоный и матка радитилка! Кали ёсь, прошу аказатца и благаславить пару людей гэтыхъ на щасьливымъ мѣсьти сѣсьти!"

Если же отца и матери нѣтъ, то маршалокъ говоритъ: „Ёсь—нѣтъ,—сиваѓа канѧ̀ ни сидлаѓь, на той свѣтъ за айцо́мъ и маткай ни пасылаѓь, жоўтага пяскў ни раскапаѓь, грабаво́й до́шки ни падняѓь, айца-матки съ таго̀ свѣту ни зыскать! Ёсь жа у гэтымъ до́ми свянцо́нымъ, у пиры вясёлымъ дяду́си, бабу́си, каторыя съ сырыя земе́льки узыма́ли, брудъ жъ тѣла ачищаа́ли, татусю-матуси на рэ́нцы здавали! Кали ёсь, про́шу аказа́тца и благаславиѓь пары людямъ гэтымъ на щасьливымъ мѣсьти сѣсьти!“

— Богъ баславиѓь!

„Ёсь жа у гэтымъ доми свянцо́нымъ и пиры вясёлымъ татуси-матуси, каторыя падъ хростъ Божжый паднасили, у Бога щасьтя и доли прасили! Кали ёсь, про́шу аказатца и благаславить пары людямъ гэтымъ на щасьливымъ мѣсьти сѣсьти!“

— Богъ баславиѓь!

„Ёсь жа у гэтымъ доми свянцо́нымъ, у пиры вясёлымъ тётки, дядьки, братцы, сястры́цы, братонцы, сястронцы, мло́ды младе́нцы, дитючкѝ-паничкѝ, дѣвачки-пане́начки, малинькія дѣтачки, сабра̀ны, сазва̀ны, про́шу благаславиѓь гэтымъ пары людямъ на щасьливымъ мѣсьти сѣсьти!“

— Богъ баславиѓь!

„Сусѣди, сусѣдачки, малинькія дѣтачки, и тэя бабы́лки, што ни ма̀ють ни коника ни кабылки; на плечкахъ дро́ўцы но́сють, у Бога доли и щасьтя просють. Штобъ рачили, паблагаслави́ли пары людямъ гэтымъ на щасьливымъ мѣсьти сѣсьти!“

— Богъ баславиѓь!

—

Чериковскаго уѣзда.

Ахъ, ни матка была—мачиха:
Наўпро́тиўночиньки вонъ го́ниѓь,
И право́дьничка ни даеѓь,
И даро́жычки ни ўка́жыть!
Дайтя правадца̀ хуѓь братца,
А за право́дьницу сястрицу!
А йдѣ мы бўдимъ нычива́ѓь:
Ти ў по́ли шатёръ рыспина́ѓь,
Ти заборъ ирва̀ѓь пасьтель слаѓь,
Ти зъ лўка тяпло̀ высика̀ѓь,
Ти стрѣлку лама́ѓь, раскладаѓь?
А зъ лука тяпло̀ мало́я:
Чи́стыга по́ля ня 'свѣтиѓь,
Вараны́хъ ко́ника̀ў ня зглѣдиѓь.

—

„Ти я табѣ ни казала: ни бярѝ мяне́!
Ни раби́ла ў матульки, ня буду ў тябѣ!“
— А ни бўдишъ рабиѓь—буду̀ биѓь!
„А кали будишь биѓь, ня буду люби́ѓь!“
— Я шъ тябѐ ни прашу,—ни любѝ,
Тольки мнѣ работку прибярѝ!

—

„Ты, баравая зязюля,
Ти у тябѣ дѣтачикъ ни было?“
— Были ў мянѣ дѣтачки, — тя-
[перь нѣтъ:
Прилятѣли два арлы су поля,
Узяли маихъ дѣтачикъ съ сабою,
Пакинули зязюлю удавою!
„Малодинькая дѣвачка Татянка,
Ти ў тябе татульки ни было?“
— Быў у мянѣ татулька, — тя-
[перь нѣтъ:
Саслаў Богъ аниляў су неба,
Ўзяли майго татульку да себя,
Пакинули дѣвачку сиратою,
Чужэю вѣчную сиратою.

—

Лятѣли журавы, лятѣли,
Ды адинъ журавокъ ды папериду,
Ды назадъ крыльлійкамъ махаитъ,
Ёнъ сваихъ журавоў зьдиржаитъ:
„Памалу, журавы, памалу:
Тутыцька рѣчки быстрыя,
Тутыцька лясочки тёмныя:
Кабы перьичка ни ўранитъ,
Кабы крыльлійка ни зламитъ!“
Ѣхала дружына, ѣхала,
Адинъ нашъ Сяргѣйка ды па-
[периду,
Ёнъ назадъ хустую махаитъ,
Ёнъ сваю дружыну зьдиржаитъ:
„Памалу, дружына, памалу;
Тутыцька вулычки тѣсныя,
Тутыцька дѣвачки утѣшныя,
Тутыцька вулычки бойныя,
Тутыцька дѣвачки убóрныя!“

—

„Ай, чій то коникъ падъ борамъ
На читыри нагі укованъ,
Восимъ кывалёў кувала,
А двынанцатъ малайцоў диржала?
Сяргѣйкаў конь падъ борамъ
На читыри нагі укованъ,
Восимъ кывалёў кувала,
Двынанцатъ малайцоў диржала.

Укавали коника-варанца,
Сяргѣйку ѣхатъ да винца.

—

А ти конь капытомъ зазваниў,
Сяргѣйка па сянёхъ пахадиў,
Ды сваю матульку пубудиў:
„Устань, мая матулька, ачхнися,
На шъ табѣ вадицы, умыйся,
На шъ табѣ рушничокъ, уватрися,
На шъ табѣ яблачка, пахмялися,
Сабирай, матулька, дружыну,
Ды ўсё родную радину,
Ды двынанцатъ каней вирхавыхъ,
Ды восимъ каней вазкавыхъ,
Ды два музыки игристыхъ,
Ды два маршалки мавистыхъ,
Ды три свацьцiйки пяюньни:
Паѣдимъ, матулька, ў чужую
[сторану,—
Кабъ намъ ни было сораму!
Ѣхаў Сяргѣйка паўтары мили,
Патамиў коникаў падъ пярынами,
Пріѣхаў къ варотамъ, стукнуў
[ботамъ:
„Аччини мнѣ, матулька, варотики!
Ужо шъ маѣ коники пирябѣглиси,
Ужо шъ я самъ маладый пиря-
[думаўся,
Ужо шъ мая дѣвачка пириплака-
[лася,
Ужо шъ маѣ маршалки пиримо-
[вилиси,
Ужо шъ маѣ музыки пирийгра-
[лиси,
Ужо шъ маѣ свацьцiйки пиряпѣ-
[лиси.

—

Ой, поля, поля, поличка,
Ти маишъ, Сяргѣйка, коничка?
— Я й маю каня, якъ арла,
Ня стыдна ѣхатъ да караля,
Ня сорамъ узятъ каралёўну,
Вялйкага гонару царёўну!

—

Хадила лисанька па бóру,
Гукала къ сабѣ саблю:
„А такій ты, сякій, саблю,
А вывидь мянѐ су бóру!
Ужо мнѣ ў барчку даѣла:
Пясóчикъ лапаньки пиряѣў,
Расица вóчиньки выила!“
Хадила Аўдулька па двóру,
Гукала къ сабѣ Сяргѣйку:
„А такій ты, сякій Сяргѣйка,
А вывидь мянѐ атъ татульки!
Ужо мнѣ ў татульки даѣла,
Па новыхъ ganачкахъ хóдючи,
Залатэя ключики нóсючи.

—

Чагò ты, Сяргѣйка, спазьнийся,
Ти на сваю дѣвачку забыўся?
Ина тябѐ маладóга даўнò жджэть,
Па тябѐ маладóга паслы шлеть,
Написала бъ листы—ня ўмѣить,
Паслала бъ паслы—ня смѣить,
Пашла бъ я сама—баюся,
Съ чистага поля вярнуся.
А ў чистымъ поли бярёза,
Падъ тэй бярёзай дарóга,
На той дарбзи старóжа,
Старóжа, старожа, Сяргѣйка.
Тая мянѐ старóжа паймаить,
Ды па руси касѣ спазнаить!
Была гэта кóсынька падъ вин-
[цóмъ,
А чѐсана инà грибянцóмъ *).
Кинули грибянѐцъ падъ винецъ,—
Тутъ табѣ, грибянецъ, зиму зима-
[вати,
А намъ маладымъ вѣкъ викавати!

—

Ай, вумная, разумная Хадóрка!
Уставала у святый дянёкъ ранинька,
А малилася Госпаду Богу щиринька:
„А дай Божа—харашò былò, йдѣ жылà,
А дай Божа палѣпшыла, куды зайшлà!
А дай Божа, кабъ мой татулька пунуваў,
А дай Божа, мой Зьмитрулька купчуваў!
Кабъ у мянѐ дарагій таваръ купляли,
А мянѐ купчихай называли!

—

Ахъ, и чiѐ то кóники
Рана су вады вядёны,
А ўсё сивэя, палавэя,
А да шлюбу ѣхать варанэя?
— Сужынькавы кони
Рана су вады вядёны,
А ўсё сивэя, палавэя,
А да шлюбу ѣхать варанэя!
Ахъ, и чiѐ то суканьки
Рана съ камóры нясёны?
— А дѣвачкины суканьки
Рана съ камбры нясёны,
Да шлюбу ѣхать шаўкóвы.

—

Нипраўдива калина:
Казала, сёлита цвить ня буду,
Бѣлага цвѣту ни пущу,
Чирвóны ягады ни ўраджу,—
Якъ пришла висна—зацвилà,
Бѣлый цвятóкъ пусьтила,

*) Вь Сѣнн. у. варiантъ: Чесана, трипáна грибянцомъ. Звалпуся грибянéцъ падъ винéцъ. „А падáй, Рыгóрка, грибянéцъ!“—Я жъ табѣ, дѣвунька, ни маладецъ: Ёсь у тябс падружки-паслужки, пададуть грабéньчикъ у ручки!

Чирвбну ягаду ўрадила!
А нипраўдива Марилька:
Казала, сѐлита замужъ ни пайду,
Я свайгò Григорки ни люблю,
Я ў ягò слядбкъ ни ступлю,—
Якъ пришла парà, дыкъ пашлà,
Инà свайгò Григорку зьлюбила,
У ягò слядбкъ ступила.
Ти ня сыръ у мàсьли тапила:
Чимъ инà ягò пріўчила?
Смàжыла либяду у мяду,
Пріучила Григорку на бяду.

Предъ вѣнцомъ.

Вишынька Настулька, вишынька,
Кланилася татульку низинька,
Косками зимѐльку пакрыла,
Слёзками нбжки умыла,
Шаўкбвай хўстай патѐрла,—
Тымъ ина мблада пакбрна.

—

Затужылася Натàлачка,
Што рана вбсинь настала,
Сняшкбмъ рўтунька запала,
Нѐ сь чага маладэй винкà зьвить!
Зачуў ба гэта Василька:
„Ни тужы, ни бядуй, Натàлка,—
Я учбра на таргу пабувàў,
Табѣ вянбчикъ старгувàў:
Хуть ня новый—пярлбвый,
Хуть ни дарагій—залатый,
Вѣтры павѣють—лялѣить,
Дбжджыки прбйдуть—идрянѣить.

—

Съ-падъ висбкага тирима
Раслà травушка зилинà.
А на тэй травѣ конь вараный,
А на тымъ кани князь маладый.
А князю, князю Иванька,
Расицай кбника умувайть,
У кбника праўдыньки пытàить:
„Ой, кбсю, кбсю, пляськивый,—
Ти будишь пада мной щасьливый?
А ти мàишъ, косю, у нбшкахъ
мбцъ:
Паѣду я на табѣ на усю ночь,
Падъ висбкія тирамы,
Падъ далёкія гарады?“

Послѣ вѣнца.

Ишлà Хадбрка съ-падъ винцà,
Сѣила расàду зъ рукаўцà:
Удайся, капуста, качàньнямъ,
Удайся, доличка, зь виньчàньня!
Удàсца капуста, якъ дожжъ дась,
Удàсца доличка, якъ Богъ дась!
Удалàся, капуста, удалàся,
На пбисъ качàньнямъ зьвилàся,
Удалась капуста качàньнямъ,
Удалàся доля зь виньчàньня!

—

„А запали, батька, сьвѣчку,
Выйди на сустрѣчку,
Сустрѣнь пàра людей,
Свайхъ рбдныхъ дятей:
Аднò ражбная, а другбя сужбная!“
Запалиў батька сьвѣчку,
Вышыў на сустрѣчку,
Сустрѣў пара людѐй,
Свайхъ рбдныхъ дятѐй:
Аднб ражбная, другбя сужбная:
Ражбная у нагàхъ пàла,
Сужбная ли ягò стàла.

—

А зьвиньчàли маладыхъ, зьвиньчàли,
Шаўкбвымъ шнурбчкамъ зьвизàли!
А ни ручками развязàть,
А ни нбжыкамь разрызàть:
Такъ имъ маладымъ вѣкъ викавàть!

—

А у пбли садбкъ ни мятёнъ,
Рўтую мятую утрясёнъ.

Нихто ў тымъ сади ни бываў,
Тольки маладый Иванька
[ў скрипку йграў.
Тамъ яго Сахвѐйка гуля́ла,
Инà яму̀ ху́стуньку дарувàла,
Накрухмàлила крухмало́мъ,
Кабъ стая́ла калясо́мъ
Падъ Ивàнькавымъ пая́со́мъ!

Во время подарковъ.

Казàли у мо́ри вады̀ мно́га.
Якъ пашлѝ па вади́цу—
Идѣ шъ тая вади́ца падивàлася,
Па круты́хъ биригàхъ разлива-
[лася!

Казали, у Гàнначки радѝны мно́га.
Якъ стали Гàнначку аддàривать—
Идѣ шъ тая радѝна падивàлася,
Па тёмныхъ куто́чкахъ пуху-
[вàлася.

—

Мущи́нки-мужо́вики,
Кладѝтя рублёвики!
Жо́начки лябёдачки,
Кладѝтя намётачки!
Мальчики-мало́йчики,
Кладѝтя чирво́ньчики!
Дѣвачки—пане́начки,
Кладѝтя капѣички.

—

Зязюля атъ салаўя̀ щибитàньня жджéть,
Акси́нка атъ тату́льки дараваньня жджéть.
„Даруй минѐ, тату́лька, чимъ Богъ памо́гъ:
Ти хлѣбамъ, ти со́льлю, ти до́брымъ сло́вамъ!“
— Дару́ю тябé, дачу́шка, и хлѣбамъ и сольлю,
Сирябро́мъ и ўсимъ дабро́мъ!

Предъ отъѣздомъ молодой къ жениху.

Прасѝла Праско́ўка брату́лькаў:
„Ня ѣдьтя, брату́льки, ў паўначѝ,
А пріѣдьтя, брату́льки, чуть
[зблакъ,
Привязитя тапарбу̀ хуть сбракъ,
Вы́сичтя, вы́вальтя щирый боръ,
Кабъ я увѝдила тàткаў дворъ!“
— Нипраўда твая, Праско́ўка:
Хуть мы вы́сичимъ щирый боръ,
Ни увидишъ ты тàткаў дворъ!

—

Якъ зажуры́ўся Якаўка,
За сьтёвымъ стало́мъ сѣдючи,
Што ягò коники ни пьють, ни
[ядуть,
Тольки сто́ючи усё рзуть.
Зачу́ла то́я Матрунка:
„А ни тужы̀, ни бяду́й, Якаўка:
Ё у мянѐ брату́льки ме́ньшы мнѐ,
Яны тваихъ ко́никаў напасу́ть,
На рàннэй расѣ у ваўсѣ,
На по́знэй расѝцы у пшани́цы,
А на сѝнимъ мо́ри напо́ють:
На мо́ри вадѝца ключо́мъ бъéть,
Тваи́мъ ко́никамъ ахво́та будѝть
[пить!

—

Разгарѣлася калинка,
На зилёнымъ лугу́ сто́ючи,
Дро́бная йскорья ро́нючи.
Тушы́ли вѣтрики, ни ўтушы́ли,
Дро́бная йскарья па по́лю раз-
[насѝли,—
Ти ўту́шыть, ня ўтушыть дро́-
[бинъ дожжъ.
Расплакалася Аринка,
У тату́льки за стало́мъ сѣдючи.
Унимàла яé матулька, ни ўнилà,
То́льки боли жàласьти паддалà,—
Ти ўнѝмить, ня ўнѝмить Гав-
[рѝлька.

—

Сядѣла павунька на купинцы,
Распусьтя крыльлійка па пожынцы.
Прилятѣу пувучокъ, сѣу ли яé:
„Падымай, павунька, быйстра крылійка,
Сабирай сваё дробна перыйка,
Палятимъ съ табой на синя моря,
Тамъ жа пташычки зьлиталиси,
Насъ съ таббю, павунька, дажыдалиси!"
Сядѣла Домначка за столикамъ,
Распусьтя русу косыньку на плечинькахъ,
Дробную слёзаньку па лицу.
Пріѣхаў Диміянька, сѣу ли яѐ:
„Заплитай, Домначка, русу косаньку,
Утирай, Домначка, дробну слёзаньку,
Паѣдимъ съ табой къ маймў татульку:
А тамъ жа госьтики зьнижжалиси,
Насъ съ табою, Домначка, дажыдалиси!"

—

Ишла Аудулька су поля,
Нисла красачки ў прнполи.
Принёшшы красачки, вѣньчикъ [вила,
А зьвиўшы вянокъ, пакатила
Ўсё па тисовинькаму столику.
„А падай, матулька, вянбчикъ!"
— Ни падамъ, Аудулька, ни па- [дамъ:
За баярами ни прайдў,
За музыками ня чую,
А за слёзками ня виджу!

—

Упала зязюля, упала,
А у тоя дядоўя колкая,
У тую травицу густую,
А па ей пташычки щибечуть.
А ўпала Марьичка, упала,
А ў тыхъ дивярбў у гордыхъ,
У тыхъ залбвакъ—либёдакъ!
— Дивяри-лёбиди—сасѣди,
А залбуки-либедки—госьти маѐ!

Запис. К. Т. Аникіевичъ.

—

В. Виленская губернія.

Свадебныя пѣсни Дисненскаго уѣзда.

Предъ вѣнцомъ.

Ай, боръ-пирабóръ мѣсичакъ,
Ай, браў-пирабраў звѣздачакъ,
Выбраў сабѣ зараначку.
Ай, боръ-пирабóръ Миколка,
Ай, браў-пирабраў дѣвачакъ,
Да выбраў сабѣ Лизучку,
Да выбраў сабѣ моладу.

—

А ў мѣсицу два ражочки раўнѐнькихъ,
А ў Матвѣйки два братитки радьнѐнькихъ.
Адинъ братитка яму коника сидлаить,
А другій братитка ягò самагò наўчаить:
„Якъ паѣдишъ, мой братитка, жанитца,

Будить табѣ два карагоды дѣвачакъ:
Адинъ карагодъ у золатя,
Другій карагодъ у розумѣ.
Ды ни бяри шъ ты, мой братитка, ў золатя,
Ды бяри шъ ты, мой братитка, ў розумѣ:
Мы на яѐ золата саминаложамъ,
А розуму мы ў галоўку ня ўложамъ!"

—

Свѣтъ свитаитъ, зара займаитъ,
Ой, рана-рана, зара займаитъ!
(послѣ каждой строки).
Маладый Антонька каня сидлаить,
Каня сидлаитъ, сильнинька плачытъ.
Прышоў татулька (и: матулька), у ягѐ патаитъ:
„Чаго, дитятка, такъ сильна плачашъ?"
— Якъ мнѣ ни плакатъ, якъ ни тужыти:
Бяру крулёўну па сабѣ нярбўну,
Бяру паненку къ сабѣ ни раўненьку:
Суkними шасьнитъ—дыкъ я зьлякнуся,
Ключами бразьнитъ—дыкъ я баюся,
А слоўца скажытъ—съ каня звалюся!
„Ни плачъ, Антонька, ни плачъ, дитятка:
У насъ пабудитъ—гэтага ня будитъ:
У яѐ сукенки пажычоныя,
У яѐ ключыки слисаровыя,
Яе славечки ни ўлякнёныя!"
Ой, рана-рана, ни ўлякнёныя!

—

Лятутъ пташычки на тры стадычки,
Зязюлька наўпёрыдя. 2
Пташычки сѣли, защибитали,
Зязюлька закукавала. 2
Ишли дѣвачки тирасъ сѣначки,
Праксетка наўперыдя.
Дѣвачки сѣли, пѣсьню запѣли,
А Праксетка заплакала:
„Божа шъ мой, Божа! што шъ мая за доля:
Изъ кимъ я хадила, зъ кимъ гаварыла,
Таго шъ я угнявила,
А зъ кимъ ни зналася, ни чыпалася,
Таму шъ я засталася!
Шубачка дабра сь чорнага бабра,
Я шъ яѐ ни знасила.
Я шъ у ей хадила, я красавала,
Пакуль ни павиньчалася!

Послѣ вѣнца.

Маруська-а наша
Спаймала сабѣ п-а-та́ша,
Пта́шачку барaво́га,
Мико́лку маладо́га.
Пта́шачка лита́ть бу́дить,
Мико́лка цалава́ть бу́дить.

—

Хвали́уся Миколка сваёй жано́ю,
Што мая́ жо́начка рукадѣльница,
Да тка́ла кро́сянцы съ трыма̀ у̀зо́рами:
А пе́ршый узо́ракъ—я́синъ мѣсичакъ,
А другі́й узо́ракъ—дробны звѣздачки,
А трэ́тій узо́ракъ—ясна зо́рачка.
Ясная зо́рачка—мая́ жо́начка,
Дробныя звѣздачки—маѐ дѣтачки,
А ясный мѣсичакъ—я й самъ малады́й.

—

Хвали́лася кали́начка за рако́й:
Нихто мянѐ ня вы́сичыть за вадо́й!
Абабра̀уся на яѐ шэ́ръ салавей:
„Хуть я тябѐ ня вы́ламлю, дакъ сагну̀,
Ды я тваѐ я́гадачки аклюю̀!“
Хвали́лася На́дичка за сало́мъ:
„Нихто мянѐ ня вы́видить зъ-за стала̀!“
Абабра̀уся Ива̀ничка на яѐ:
„Ды я тябѐ зъ-за сто́лика вы́виду,
Ды я тябѐ атъ дѣвачакъ атлучу̀,
Ды я тябѐ да ба̀бачакъ прылучу̀!“

Когда расплетаютъ косу.

Ни стай, калинка, мижы круши́ны:
На̀ тябѐ, круши́начка, тры прыгоды бу́дить:
Бу́дить адна̀ прыго́да на твой листо́чакъ,
А другая прыгода на твой цвято́чакъ,
А трэ́тія прыго́да на тябѐ самую:
Твой листо́чакъ вѣтрыкъ абабъе́ть,
А твой цвя́точакъ маро́зъ змаро́зить,
А тябѐ саму́ю сьсякуть—зруба̀ють!
Ни сяди́, Ары́нка, ми́жы бая́ракъ:
На тябѐ, Ары́нка, тры прыго́ды бу́дить:
Адна̀ прыго́да на тваю касі́цу,
Другая прыго́да на твой вяно́чакъ,
Трэ́тія прыго́да на тябѐ саму́ю:
Тваю̀ касі́цу патко́сьнички разплятуть,
Твой вяно́чакъ бая́рки саймю́ть,
А тябѐ саму́ю Иванька во́зьмить!

На посадѣ.

Съ субботки на нядѣльку
Ганулька сонъ видила,
Никому ни сказала,
Зъ матулькай размаўляла:
„Матулька мая родная!
Разгадай мой сонъ дйўный:
Сакалкй пралятѣли,
Жоўтый шоўкъ патйгали,
Зблата паклювали!“[1])
— Дитятка, ня сонъ жа твой,
Дитятка,—праўда т-а-вая,
Сакалы - сваты т-а-ваѐ,
Жоўтый шоўкъ—коска т-а-вая,
Зблата—слёски т-а-ваѐ.

—

Ай, знать-пазнати па бясѣданца —
У Ганульки тат-а-ки нѣту:
Сталы засланы, госьти сабраны, —
Парадачку й нѣту!
Наймй, Ганулька, хоть салавейку —
Ёнъ ранная п-а-ташка,
Скора литаить, жалка ўсьпиваить,
Татульку прабуджаить:
„Устань, татулька, къ сваиму дитяти
Парадачакъ дати!“
— Радъ ба вастати къ сваиму дитяти
Парадачакъ дати —
Зялёнъ дярночакъ залёгъ насочакъ —
Ни дыхну,
Дубовы гвозьдя зьбили галоўку —
Ни крану,
Саснбвы дошки сьтисныли ношки —
Ни ўстану!

—

Съ суботки на нядѣльку
Што на нёбя зьвинѣла,
Што на нёбя стучэла?
Да сиротки матулька
Просится у Пана Бога:
„Божухна Збавителю,
Пусьти мяне зь неба далоў
Па идвабнымъ шнурочку,
Па зялѣзнымъ пруточку,
Палядѣти дитяти,
Якъ ина прыбярона,
Якъ ина пасаджона?
— Прыбярона панятачкай,
Пасаджона сиротачкай,
Сядить ина смутьнюсинька,
Плачыть ина сильнюсинька:
Хустачка бялюсинька
Атъ слёзакъ макрусинька!..

—

Пастаньтя, сусѣдцы, усѣ ў радъ,
Ой, рана-ранинька, усѣ ў радъ!
Тутъ пойдить Марыська на [пасадъ,
Нйзинька галоўку клонючы,
У Бога долючкы просючы!
А первый паклончакъ матульца,
А другій паклончакъ татульку,
А трэтій паклончакъ братитку,

[1]) Вар. Золатамъ пасыпали.

Чатьвёртый паклончакъ ся-
[стрыца!
Пакорна, Марыська, пакорна,
Рана-ранёнька, паклóнься!
Старóга, малóга ни минай,
Кажнаму нйзянькій паклóнъ дай,
У Бога дóлички дабывай,
На сваю рóдину ни забывай,
Рана-ранинька, ни забывай!

—

—

Ня стóй, Божа, падъ акнóмъ, падъ акнóмъ,
Ды йди, Божа, у хатку, у хатку,
Ды й стань, Божа, на кутѣ, на кутѣ,
Ды й дай долю сиратѣ, сиратѣ:
А ў сиротки мамки нѣтъ, мамки нѣтъ,
Ды иè нéкаму багаславить, багаславить,
На пасадъ пасадить, на пасадъ пасадить,
Да шлюбу выправить.

—

Якъ запивали да заручали,
Казали—карóў мнóга,
Якъ прышлося, умѣста сышлóся—
Дыкъ адна тялушачка.
Якъ пашли дайть—адинъ быкъ стайть,
Кабъ ягò ваўки зьѣли!

—

Бóжа рада пиралёныла
Тиразъ гэтый дамóчакъ свяцóнинькій.
Тиразъ гэту бясѣду вясёлую.
Радавайся сэрданька матульчына,
Пасадиўшы дитятка на пасадѣ!
— Тады шъ маё сэрданька радавалася,
Якъ пры мнѣ дитятка гадавалася!
Тяпéръ маё сóрданька заташнилася,
Якъ атъ мянè дитятка атлучылася!

—

Ой, знать па бясѣдѣ, знать па вясёлый,
Што у сирóтки мамки нѣту:
Сталы заслáны, гóсьти сабраны,
А парадачку нѣту.
Ахъ ты, сиротка, наймй салавéйку,
Салавéйка—лихкая пташка:
Ёнъ шыбка литаить, жалка спиваить,
Къ зямлй гóласъ падаéть:
„Устань, матулька, къ сваймў дитяти
Парадачакъ дати!“
— Рада была бъ встати къ сваймў дитяти
Парадачакъ дати, ды ни магў ўстати!

—

У чыстымъ полѣ ялйпачка стаяла,
А па магилца сиротачка хадила,
Яна сваю родну матульку будила:
„Устань, устань, мая матулька, ни ляжы,
Хуть жа шъ ты мнѣ гэту ночычку наслужы!"
— Рада бъ устати къ сваиму дитяти—ни могу:
Сасновы дошки сьтиснули ножки—ни крану;
Дубовы гвоздя зьбили галобуку—ни узьниму;
Жоўтый пясочыкъ засыпаў вочки—ни уз'ляну;
Зялёный дярночакъ затиснуў грудцы—ни дыхну!
Ты шъ па'ляди, якъ ясинъ мѣсицъ высока,
А я шъ ляжу закапана глыбока:
Ня сьвѣтитъ мнѣ ни ясинъ мѣсицъ, ни сонца,
Ни прамоўлю, маё дитятка, ни слоўца!..

У молодой за столомъ.

А хто у насъ багатъ быў, багатъ быў?
— Нашъ Миколка багатъ быў, багатъ быў,
Па тры разы ў Рыгу хадиў, ў Рыгу хадиў,
Па тры возы грошы вазиў, грошы вазиў!
У вадныимъ вазѣ золата, золата,
А ў другимъ вазѣ сирабро, сирабро,
А ў трэтимъ вазѣ мидякй, мидякй.
Золата дли сябе, дли сябе,
А сирабро дли жаны, дли жаны,
А мидякй дли гасьтей, дли гасьтей,

Величаемые даютъ подарки пѣвицамъ.

—

А хто шъ у насъ палитыка, палитыка?
Нашъ Юзютка палитыка, палитыка:
Усѣ ядуть пальчычками, пальчычками,
А Юзютка видэльцами, видэльцами,
У Юзютки шапка баброва, баброва,
У Юзютки понсъ шаўковый, шаўковый,
У Юзютки рукавички замшовы, замшовы,
На назѣ ботикъ казловый, казловый,
Намалюсиньку ступаитъ, ступаитъ,
На назѣ ботикъ скрыпаитъ, скрыпаитъ.

—

Бѣла сватьтя, бѣла,
Якъ на моры пѣна,—
Идѣ шъ ты бялилася?
— На моры пѣну брала,
У каморы вымавалася,
Сватйцай прыбиралася,

Антонька! ты хвалйуся жаною,
Што твая жана зьдѣлуха:
Шоўкамъ кросны снувала,
А золатамъ наткала,
Табѣ кашульку пашыла,
У чужы люди пусьтила!

—

Ти харашо у чужыхъ людяхъ [сядѣти,
На пярӧдинку [1]) глядѣти?
На пярӧдинца кляйнота,
Кала каўнира ўсё злота!

Пришлые, по сердцу:

Юзютка (женихъ) на конику,
Якъ жаба ў палонику.
Фронячка (невѣста) на пасадѣ,
Якъ жаба ў расадѣ.

—

Нашъ Миколка маладенькій, маладенькій,
Ў яго вусокъ залатенькій, залатенькій.
Мы думали—пабиляный, пабиляный.—
Ў яго вусокъ пазлацаный, пазлацаный!

У молодой за послѣднимъ столомъ.

Сядить галубя на пирарубѣ, бобъ клюеть,
Каля яго галубачка яго—пшаницу.
„Якъ клюй, дакъ клюй, мая галубка, дли мянѐ,—
Прылигаить маё перъйка да тябѐ!"
— Лѣпи табѣ, мой галубя, нячымъ мнѣ:
А ты шъ будишъ у сваймъ гнязьдечку, а я нѣ!
Сядить Антонька за сталомъ, мядокъ пъеть,
А дли яго Анэтка—сытицу.
„Якъ пи, дакъ пи, мая Анэтка, да мянѐ,—
Прылигаить маё сэрдынька да тябѐ!"
— Лѣпи табѣ, мой Антонька, нячымъ мнѣ:
А ты шъ будишъ у сваёй хатаньца, а я нѣ!
Тябѐ пабудють, мянѐ абсудють, ахтя мнѣ!

—

Баярачки, спадманачки вы маѐ,
Да спадманули маладенькую вы мянѐ:
Казали—пойдимъ у зялёнъ садъ гуляти,—
Мнѣ шъ маладенькай калысачку люляти!
Баярачки, спадманачки вы маѐ,
Спадманули маладенькую вы мянѐ:
Казали—пойдимъ у зялёнъ садъ вянки вить,—
Я шъ маладенька за калысачкай слёски лить!
Баярачки, спадманачки вы маѐ,
Да спадманули маладенькую вы мянѐ:
Казали—пойдимъ на ўдалыхъ малойцаў глядѣти,—
Я шъ маладенька съ старымъ у дома сядѣти!

Предъ отъѣздомъ молодой въ домъ мужа.

Братитка—зарутачка (зорька),
Бяры жану за ручачку,
Братитка-саколику,
Бяры жану зъ-за столику,
Паѣдимъ дамовачки:
Намъ дома лѣпи будить:
Коникамъ аброкъ-а будить,
Сватачкамъ мядокъ-а будить,
Коники стаять будуть,
Сваточки гулять будуть.

Сестра молодого.

[1]) Расшитая грудь въ рубахѣ.

Ды бывай, мая матулька, здарова,—
Выпала съ Украйны дарога!
Ды ти будишъ, мая матулька, бидавать,
Якъ я буду на Украйня гаравать?
Ды й ти будишъ, мая матулька, тужыти,
Якъ я буду на Украйня служыти?
Дѣвачки пойдуть, сястрыцы пойдуть жыта жать,
Я шъ буду маладенькая дитя калыхать!
Дѣвачки пайдуть, сястрыцы пайдуть гуляти,
А я маладюсинька дитя люляти!
Дѣвачки пойдуть, сястрыцы пойдуть
Въ зялёный садъ вянки вить,
Я шъ маладенька за калысачкай слёски лить!

—

Прыѣхаўшы дамоў,
Я шўбачку далоў,
У скрыню палажыла,
Ой, ляжы, ляжы,
Хуть тябе апражы —
Мнѣ тябе ни насити,
На вулица ни хадити,
Мальчыкаў ни звадити.

—

„Ды жаль жа мнѣ, матулька, на тябе,
Што ни знасила танкой кашули у тябе!“
— Ды знасила, мае дитятка, знасила —
Са свайей злосьти мае дабросьти забыла,
Што ты ў мяне тонки кашульки насила!

—

Татянка зъ двору зьижжала-а,
Вяршокъ бярозки сарвала-а:
Расьти, мая бярозка, бизъ вирха,
Жыви, мая матюлька, бизъ мяне,—
Ти лѣпи будить, чымъ пры мнѣ:
Пры мнѣ была вулачка метина,
Пры мнѣ была сямейка весила!

По пути къ жениху.

Ѣхали сваты каля стадолы—стадолу запалили.
Наша сватица хоть нивялічка, ды разумнинька:
Паднила пошку, ... трошку, ўсю стадолу загасила.

При прiѣздѣ къ жениху.

Аччыни, матулька, новый дворъ, —
Вязёмъ нявѣсту, якъ яворъ!
Аччыни, матулька, аконца,
Вязёмъ табѣ нявѣстку, якъ слонца!
Атвярни, матулька, карытца,
Прывязьли табѣ нявѣстку сварытца!

—

Калѧ̀ сва̀тьнига двара̀ —
Тамъ висо́кая гара̀ —
Ни ўзыйсьти, ни ўзьѣхати,
Ни канёмъ ня ўзьѣхати,
Сакало́мъ ня ўзьле́тить.
Хуть дать—пирыда́ть
Капачо́ў наймáть,
Капачо́ў панаймáть
Гарў разкапáть,
Гарў разкапáть,
Ано́тку сваю̀ ўзять.

—

У жениха дружинѣ невѣсты, въ случаѣ ссоры.

Сидитё, глядитё,
Ску́льля ви́дитя:
Съ-надъ стаўпà сь чирапà
Котъ кишкў тя́гнить.
Котъ вурчы́ть, хвость тарчы́ть,
Кишкà тя́гнитца.

У жениха, въ ожиданіи приданокъ.

Ды вы́йдимъ мы, ды паслу́хаимъ,
Ти ня ѣдуть, ти ня го́йкають,
На ко́никаў ти ня по́кають?
— А ужэ ѣдуть, да ўжэ го́йкають,
На ко́никаў да ўжэ й по́кають.
А раву́ть кони, раву́ть,
Богатырачку вязу́ть.
А ни такъ ба яны́ раўли́,
Кабъ худо́бачку вязьли́,
Съ скры́нями, съ пяры́нами,
До́брай гаспады́нію!

При отправленіи приданокъ.

Аддáли мянѐ, забыли мяне́,
Думали—ни жаль бу́дить,
Аддали скрыню маливáнаю
И дитя́тку кахáнаю!
Кали жывы будимъ,
Скрыню набу́димъ,
А дитя́ти вѣкъ ни забу́димъ.

При пріѣздѣ приданокъ къ жениху.

Ды наме́рзли прадáначки на дво́ры,—
Вы́йди, вы́йди, наша сяструі́ца, съ камо́ры,
Ды нираймѝ прада́начакъ на дво́ры.
Кали любы́я—у хáтачку папраси́,
А ня любыя—да мату́льки аташлѝ!
(Или: дакъ даро́жку укажы̀!)

—

Пакра́са наша дѣванька,
Пакра́са наша маладе́нькая,
Пакра́сила два дваро́чки:
Ади́нъ дваро́чакъ, гдѣ расла̀,
А другій дваро́чакъ, гдѣ зайшла̀,
Ади́нъ дваро́чакъ тату́лькаў,
А другій дваро́чакъ свёкаркаў!

—

Ды ўпáла шэ́ра зязю́ля ў дядéўя.
Стали на ёй усѣ птáшачки щабитáть.
— Ни щибячы́тя, маѐ пташачки, вы па мнѣ,—
Нихáй жа я хуть лѣтичка нажывў,
Якъ каля мине́ дядéўничакъ насо́хнить,
Тады̀ я зъ вами, мае́ птáшачки, палятў!
Ды ўпала маладà дѣвунька ў дивяръё.

Стала шъ па ёй уся родина бидавать:
„Скажы, скажы, наша сястрыца, праўду намъ"!
— Ни бядуйтя, мая родина, вы па мнѣ:
Нихай жа я хуть гадочакъ пажыву,
Якъ я свайхъ дивярочкаў пажаню,
Тады я къ вамъ у госьтийки прыѣду,
Тады я вамъ усю праўдачку раскажу.

Сестра молодого къ приданкамъ.

„А сватица галубица,
Загадаю табѣ загадачку,
Ти ўмѣишъ адгадати:
Што бяжыть бизъ повада,
Што расьтёть бизъ корыня,
Што гарыть бизъ поламя,
Што расьтёть вышы лѣсу,
А што чорна ня чэрнючы,
А што бѣла ня бѣлючы?"

— Сватица галубица:
Ти я ў людёхъ ни бывала,
Ти я загадакъ ни чувала:
Вада бяжыть бизъ повада,
Каминь расьтёть бизъ корыня,
Зара гарыть бизъ поламя,
А хмель растёть вышы лѣсу,
Чорынъ воранъ ня чэрнючы,
Лебидь бѣлый ня бѣлючы!

Сваты жениха опоздавшимъ приданкамъ.

Чыё гэта прыданыя блудили,
Ў чыстымъ поли дарожачку згубили,
Паталися у малинькага Василька:
Ти далёка дарожачка да силка?
А Василька имъ праўдачки ни сказаў,
Да ёнъ жа имъ дарожачки ни ўказаў.

При отъѣздѣ приданыхъ отъ молодыхъ.

Ды братъ сястрыцу дамбў завёть, дамбў завёть,
Ды братъ сястрэ рубля даёть, рубля даёть!
„Паѣдимъ, сястрыца, разамъ дамбў, разамъ дамбў!"
— Ды ѣдь, братитка, адинъ дамбў, адинъ дамбў,
А мнѣ, маладѣ, и тутъ дабро, и тутъ дабро:
Хатку мила—талиръ (и—рубель) нашла, талиръ нашла,
Сѣнцы мила—и другій нашла, и другій нашла!

—

На дворы сонца низюсинька, 2
Да ужэ шъ мы разьѣдимся!
Да й стань, Маруська, паканца
[столу, 2
Хуть жа мы наглѣдимся!
А тутъ вулачки нивядомыя, 2
Блудить жа ты будишъ,

А тутъ сусѣдцы низнаёмыя—2
Судить тябе будуть!
— А я вулачки ўсѣ развѣдаю—2
Блудити ня буду,
Съ сусѣдцами распазнаюся—2
Судити ня будуть.

При отъѣздѣ, сестра молодой сестрѣ молодого.

„Прашў тябе́, мая̆ сва̀тица, съ паваги:
Капъ ни было̀ маёй сястры̆цы зпиваги!
Капъ ни была̀ павѣтачка за хатку,
Капъ ни была̀ сусѣдачка за матку,
Капъ ни стаяла тёмнинькай ночы надъ акно́мъ,
Капъ ни ўвива́ла бѣлинькихъ нóжакъ падалко́мъ,
Капъ ни ўтира́ла дро́бнинькихъ слёзакъ рукаўко́мъ!“
— А маўчы́тя, мае́ сва̀тицы, маўчы́тя,
Ды вы шъ яе́ патихўсиньку наўчы́тя:
Ниха́й ина̀ ранюсинька устае́ть,
Ниха́й ина̀ се́нцы й ха́тку падмяте́ть,
Нихай ина̀ на вўлку шўмки ни нясе́ть,
Нихай ина надь уго́льчикъ пасы́пить,
Нихай ина и но́жками прыто́пчыть,
Нихай ина и слёсками палiе́ть,—
Нихто на не́ худой сла́вачки ни панясе́ть!

Заключительная, по возвращенiи приданокъ, когда ѣдятъ курицу, данную у молодыхъ.

Ѣдь́тя, сваты, да до́му, да до́му,
Паѣли кониcало́му, сало́му,
Каля пло́тьтя крапиву, крапиву,
У застаро́нкахъ (въ гумнѣ) мяки́ну, мяки́ну!
У насъ учора свадьба бала́, свадьба бала̀,
А сяго́ньня хмель ды дуда́, хмель ды дуда.
А хмель ка̀жыть: гой-гой-гой! гой-гой-гой!
Мамка ка̀жыть: Божа шъ мой, Божа шъ мой:
Пашла̀ у свиринъ—ку́фра (сундукъ) нѣтъ, куфра нѣтъ!
Прышла̀ у хатку—дачкѝ нѣтъ, дачкѝ нѣтъ,
Тольки сѣна натрасёна, дѣ дитятку павязёна!

Д. Заулки. Прекрасныя пѣсни захолустныхъ Заулковъ записаны мѣстнымъ крестьяниномъ-самоучкой Степаномъ Пилипенковымъ, 21 года, отъ кр-нокъ Өедосьи Казимiровкой, 57 л., Магдалины Тимофеевой, 60 л. и Елисаветы Степановой, 63 л., и провѣрены и дополнены мною со словъ сестры Степана—Анны Пилипенковой. См. Бѣл. Сб. VII, стр. IV. Не лишне сказать, что деревня эта населена бѣлоруссами, совращенными въ католичество.

III. Похоронный обрядъ.

Когда больной начинаетъ умирать, въ домѣ водворяется полная тишина. Старшій изъ присутствующихъ зажигаетъ восковую свѣчу, по большей части Страстную, принесенную изъ церкви въ Страстной четвергъ, или Громничную, освященную 2 февраля, тамъ, гдѣ это дѣлается, и даетъ ее въ правую руку умирающему. Въ это время больной благословляетъ членовъ семьи и дѣлаетъ окончательныя распоряженія по имуществу. Въ Рогачевскомъ уѣздѣ, при трудной кончинѣ, больного подкуриваютъ освященной Духовской травой или вербой. Также кладутъ на тулупъ, но не на солому. Въ Гомельскомъ у. умирающаго снимаютъ съ подушекъ, набитыхъ перьями,—которыя вообще затрудняютъ смерть—и кладутъ на сѣно или на солому. Какъ только послѣдуетъ кончина, всѣ крестятся и молятся за умершаго: „Вѣчный покой, царство небесное, рай свѣтлый!“ И тотчасъ же отправляются къ священнику съ просьбой приказать позвонить „по душѣ“. При этомъ берется вѣнчикъ и молитва, и вносится нѣсколько копѣекъ „на позвонное“.

Дома тѣмъ временемъ приготовляютъ чистой теплой воды и моютъ ею посреди хаты, въ сидячемъ положеніи, тѣло умершаго. Затѣмъ одѣваютъ покойника въ чистое бѣлье, опоясываютъ поясомъ, за поясъ закладываютъ кусокъ холста въ видѣ утиральника, чтобы было чѣмъ утира́ться при всеобщемъ воскресеніи, на ноги надѣваютъ или наскоро сшитые изъ чернаго коленкору „бушмакѝ“, или обыкновенные легкіе лапти изъ липовыхъ лыкъ—„постолы̀“. На окнѣ ставится стаканъ съ чистою водою и вѣшается полотенце, чтобы и душа умершаго имѣла возможность вымыться и чистою явиться на тотъ свѣтъ. Вода эта стоитъ здѣсь до тѣхъ поръ, пока умершаго похоронятъ. Во все это время также не подметаютъ сора въ избѣ и не выбрасываютъ его на дворъ, „па смéтьнище“.

Ложе для покойниковъ приготовляютъ на правой лавкѣ подъ образами для мужчинъ и на лѣвой для женщинъ. Сюда кладутъ тотъ же сѣнникъ, на которомъ лежалъ больной и въ головѣ ту же подушку; покрываютъ все это простыней или „радномъ“. Покойника укладываютъ на ложѣ головою къ образамъ. Вѣки глазъ плотно закрываютъ, чтобы никого не высматривалъ брать съ собою; ноги протягиваютъ такъ, чтобы не было изгибовъ; руки складываютъ на груди крестообразно, для чего даже связываютъ ихъ въ кистяхъ; на головѣ на-

кладывается вѣнчикъ, въ правую руку снова втискиваютъ свѣчу, и накрываютъ всего покойника наметкою—полотномъ или сѣтчатою домашнею тканью, въ видѣ грубой марли.

Послѣ того, какъ покойникъ будетъ возложенъ на ложе, зажигаютъ предъ образами свѣчу или, гдѣ есть, лампадку, и сельскій грамотей начинаетъ медленно, съ растягиваніемъ словъ, читать псалтырь. Подъ книгу хозяева подстилаютъ кусокъ холста или ситцевый платокъ, который поступаетъ потомъ въ собственность чтеца. Читать псалтырь можно и сидя, но послѣ каждой „славы" чтецъ обязанъ встать и крестясь прочесть поминальную молитву. Съ нимъ вмѣстѣ встаютъ и молятся всѣ присутствующіе.

Въ домъ умершаго собираются родственники и знакомые, по религіознымъ побужденіямъ. Каждый пришедшій молится на образа и шепотомъ читаетъ: „Отче нашъ". Молитва эта заканчивается пожеланіемъ: „Вѣшный пакбй, царства нябесная, рай свѣтлый душэ правастáвшай (преставившейся)!"

Домашними приглашаются опытные сосѣди дѣлать гробъ, копать яму. При этомъ и тѣ и другіе обильно угощаются водкой, по пословицѣ: „Смерть да радúны ни глидять дóбрыя гадúны! И тяперака ни зъ гора жъ утапúтца,—па чарцы трэ́ба выпить!" И пьютъ, крестясь и съ пожеланіями вѣчнаго покоя и царства небеснаго.

Голошеніе по покойникѣ происходитъ нѣсколько разъ: тотчасъ, когда онъ умретъ, пока дѣлаются приготовленія къ обмыванію тѣла; когда тѣло обрядятъ на ложѣ; въ перерывы между чтеніемъ псалтыря; когда покойника кладутъ въ гробъ и выносятъ изъ хаты, и при опусканіи въ могилу. Если проводы отъ дома до кладбища совершаются почему-либо безъ причта, голошеніе обязательно.

Мужчины плачутъ весьма рѣдко. При видѣ сокрушенія семьи покойнаго у нихъ только навертываются слезы на глаза. Голосятъ же исключительно женщины. Голошеніе считается обязательнымъ, но если оно продолжается слишкомъ долго, присутствующіе останавливаютъ голосящую: „Гбдя ўжэ табѣ, Сахвéя! Слизáми мéртвага ни паднúмишъ! Уси тамъ будимъ, тольки ни ў вадно ўрэ́мья!" Такъ же и мать удерживаетъ свою дочь, если она слишкомъ убивается по отцѣ: „Мая́ дѣтка, гбдя табѣ слёзки лить: батьки съ таго́ свѣта ни вéрнишъ!

Гробъ дѣлается большею частью изъ сосновыхъ досокъ и имѣетъ обычную форму. Для взрослаго длина его около 3 арш., ширина у головы до 1 арш., вышина около 12 вершк. Ни снаружи, ни снутри гробъ ничѣмъ не обивается. Въ него кладутъ сѣно и стружки, а также травы, освященныя „на Маковея" 1 августа. Все это прикрывается холстомъ. Подъ головы кладется подушечка изъ стружекъ или изъ листьевъ вѣниковъ, въ крайнемъ случаѣ—изъ сѣна.

Гробъ вносятъ въ избу и ставятъ подлѣ умершаго, а крышку оставляютъ въ сѣняхъ.

Мастерамъ, дѣлавшимъ гробъ, и рабочимъ, копавшимъ могилу, по окончаніи ими работъ, снова подносится водка и дается закуска. Погребеніе происходитъ обыкновенно на второй день послѣ смерти. Для погребенія обязательно приглашается причтъ, приносится изъ церкви крестъ и хоругви. Родственники и знакомые приходятъ по желанію. Предъ образам зажигаются свѣчи и лампады, присутствующимъ также даются свѣчи, при чемъ свѣча священника обертывается въ платокъ, а другія въ холстъ. Священникъ облачается въ траурную ризу и совершаетъ отпѣваніе; затѣмъ покойника кладутъ въ гробъ. Тогда всѣ прощаются съ умершимъ, цѣлуя его руку. Потомъ гробъ закрывается крышкою и сверху кускомъ холста и выносится. Вслѣдъ выносимому сыплютъ горстями рожь или ячмень,—„чтобы въ домѣ больше не было смерти", потомъ убираютъ ложе, гдѣ лежалъ покойникъ, метутъ полъ и выносятъ накопившійся соръ. Убираютъ съ окна стаканъ съ водою и полотенце.

Зажиточныхъ покойниковъ приносятъ прежде въ церковь, гдѣ совершается панихида или литія, бѣдныхъ несутъ изъ дома прямо на кладбище, но противъ церкви, при выходѣ изъ селенія и на распутіяхъ дѣлаются остановки и читается евангеліе.

На кладбищѣ послѣ литіи крышка прибивается гвоздями и гробъ на длинныхъ полотенцахъ опускается въ могилу. На засыпанной могилѣ тотчасъ же ставится крестъ, хотя маленькій временной, пока будетъ сдѣланъ постоянный.

Съ кладбища причтъ, присутствующіе и приглашенные нищіе отправляются въ домъ покойника и тамъ имъ предлагается „поминальный обѣдъ", или „гара́чки". Горячками обѣдъ называется потому, что къ нему обязательно подается горячій пшеничный хлѣбъ—паленицы, который не разрѣзывается ножомъ, а разламывается на куски руками, чтобы изъ него свободно выходилъ горячій паръ. Дѣлается это для того, чтобы душа умершаго этимъ паромъ подкрѣпилась при предстоящемъ ей далекомъ путешествіи на тотъ свѣтъ.

Священникъ совершаетъ въ домѣ литію съ провозглашеніемъ вѣчной памяти покойному, потомъ всѣ садятся за столъ. На столѣ заранѣе приготовляется „канунъ" изъ разсыченной медомъ воды съ покрошенными баранками. Послѣ кануна желающимъ предлагается водка, а священнику вино или медъ. Выпивая эти напитки, присутствующіе крестятся и говорятъ: „дай жа Божа на́шаму нябо́щику вѣшный пакой, царства нябе́сная, рай свѣтлый! Нихай спачивая да насъ до́уга дажыдая!" Кушанья подаютъ къ столу обыкновенно въ слѣдующемъ порядкѣ: борщъ изъ бураковъ или капусты, супъ изъ какой-либо крупы, лапшу, жареное мясо или рыбу, пирожки, кашу и узваръ. Количество блюдъ зависитъ отъ степени зажиточности.

Послѣ обѣда всѣ снова молятся, и поблагодаривши хозяевъ, уходятъ. Причту при этомъ дается условленное вознагражденіе, пять

паленицъ, холстъ, которымъ былъ покрытъ гробъ во время проводовъ, и платочки или холстинки, въ которыхъ были завернуты свѣчи при отпѣваніи. „Церковное" —за хоругви, мары, вѣнчикъ и молитву и на позвонное отдается церковному старостѣ.

Поминовенія умершихъ совершаются въ третій день по смерти—третины, въ девятый день—девятины, въ сороковой день—сорокй, въ день полугодія и въ годовщину. Въ три послѣдніе срока служатся въ церкви панихиды, а дома устраиваются „заздоровные столы", такъ называемые потому, что причтомъ совершаются въ домѣ молебны о здравіи живущихъ. Порядокъ обѣдовъ тотъ же, что и въ день погребенія.

Въ остальные дни поминовеній панихидъ не служатъ, а поручаютъ молиться за умершаго нищимъ, которые поютъ обыкновенно слѣдующій стихъ:

Гóспади, спамяни!
Дяды вашы да бабýси,
Атцы вашы да матýси,
Дядьки вашы да тётки,
Браты вашы да сёстры,
Дѣтачки вашы малéнькія,
Ангалы хрыщóныя,
Чада вазлюблёныя!
Гóспади Божа, спамяни:
Да дивъятага пакалѣнія,
Да дисятага пачытáнія,
У вяликамъ рóсьти,
Катóрыхъ мы ня знáимъ,
Самъ Богъ спазнáя,
Па имяни пачытáя!
Даняси, Госпади,
Да царá Давыда,
Да гóрада Русалима,
Да прѣдкага Адама,
Да прысвѣтлага царства!
Запишы, Гóспади,
У книги духóуныя,
Ў грáматы царкóуныя,
У псалтырь вѣшный!

Затѣмъ провозглашается вѣчная память: „Во блаженномъ успеніи" и т. д.

С. Красная Буда. С. Поповка, Гомельск. у.

Какъ только умретъ кто-нибудь въ домѣ, родственники зовутъ сосѣдей для обмыванія умершаго. Послѣ обмыванія одѣваютъ его въ самую лучшую одежду, обуваютъ въ лапти и возлагаютъ подъ образами на лавкахъ: мужчину на правой, а женщину на лѣвой. Если постоянныя лавки узки, къ нимъ приставляются подвижныя скамейки. Затѣмъ приглашаютъ грамотея или дьячка читать псалтырь. Передъ этимъ зажигаютъ свѣчу предъ иконами и молятся. Послѣ молитвы хозяева приглашаютъ пришедшихъ сродниковъ и сосѣдей къ столу, угощаютъ ихъ водкой и закуской. Каждый, принимая водку, крестится и приговариваетъ: „Прáвидныи радитильки, прийтя, хлѣба-соли зысылáйтя и на насъ ни зыбывайтя! А ты (имя покойника), сы святыми спычивай, на насъ ни зыбывай! Хади къ намъ хлѣба-соли кýшыть и гарѣлки пить!" . . . .

После угощенія одни идутъ могилу копать, другіе дѣлаютъ гробъ. Родственники плачутъ надъ покойникомъ, съ причитаніями, вмѣстѣ съ ними плачутъ втихомолку и всѣ присутствующіе. Потомъ бабы начинаютъ уговаривать плачущихъ: „Пиристань, Прасинька, плакать, гылаву сваю раздуривать! Ты етымъ яго ни падымишъ. Думый-ка лучши, якъ бы яго схувать ды пымянуть!“

Тѣло умершаго должно обязательно пробыть въ хатѣ одну ночь. При немъ безотлучно находятся и сосѣдки. Какъ только начинаетъ разсвѣтать, всѣ моются и *моютъ лицо мертвецу* и затѣмъ вытираютъ полотенцемъ. При этомъ разговариваютъ съ нимъ, какъ съ живымъ: „Нада тибѣ намыть, Григорка! Нѣшта ты сяньни зыспаўся: ня думышъ ни 'бъ чомъ! И пригожа прибраўся!“ и т. п.

Затѣмъ зажигаютъ свѣчу предъ иконою и молятся Богу. Предъ окончаніемъ молитвы, ближайшія родственницы умершаго выходятъ изъ избы на дворъ или даже на улицу—„чтобъ слышали сосѣди, „и начинаютъ громко причитать по покойникѣ. Этотъ обрядъ называется „гуканьемъ нябощика“. Главное содержаніе причитаній въ этомъ случаѣ состоитъ въ призывахъ покойника: „Пайду-тка я свайго татку пагукаю! Пайду-тка я яго пайщу! Ти ни найду я яго гдѣ-нибудь! Куды ёнъ атъ мяне такъ скора улятѣў?“

По окончаніи гуканья ночевавшимъ женщинамъ подносится по рюмкѣ водки, и онѣ уходятъ. Семья начинаетъ готовить жалобный столъ.

Сопровождать покойника на кладбище, если оно въ той же деревнѣ, считаютъ долгомъ всѣ родственники и сосѣди. Когда гробъ опустятъ въ могилу, присутствующіе, кромѣ родственниковъ, обязаны бросить на гробъ по три горсти земли. Родственникамъ это запрещено, потому что „покойнику будетъ отъ ихъ земли тяжело на томъ свѣтѣ“. По возвращеніи съ кладбища, бабы хватаются три раза за печку рукою—чтобъ не было больше въ хатѣ „ховтуръ“ (похоронъ, вѣроятно, отъ слова ховать—хоронить) и „кабъ ни було клапоў, таракапыў и прусоў“.

Первымъ блюдомъ подается кутья—по возможности, пшеничная каша, разсыченная медомъ. Къ ней прикрѣпляется восковая свѣча, которая зажигается предъ тѣмъ, какъ садиться за столъ. Старшій членъ семейства беретъ также глиняную кадильницу или простой черепокъ, кладетъ туда нѣсколько горячихъ углей и на нихъ бросаетъ нѣсколько зеренъ ладану. Покадивъ ладаномъ кутью и весь столъ, онъ ставитъ кадильницу на все время обѣда у образовъ, предъ которыми тоже зажигаются свѣчи.

Помывши руки, всѣ молятся Богу предъ иконами и уже тогда начинаютъ обѣдать.

Поминки совершаются по прошествіи трехъ недѣль, шести недѣль и года. Въ эти дни тоже готовится кутья, съ которою ближай-

шія родственницы отправляются утромъ на кладбище, застилаютъ могилу скатертью, ставятъ на нее кутью и водку и, помолившись, обнимаютъ могилу руками и голосятъ, повторяя тѣ же причитанія, которыя говорились при погребеніи. Заканчиваются эти причитанія „гуканьемъ“ покойника на обѣдъ. Поплакавши, отвѣдываютъ принесенной кутьи и водки и возвращаются домой къ обѣду.

Въ эти дни приглашаются къ столу только родственники и лица, принимавшія участіе въ обмываніи покойника, устройствѣ гроба и могилы.

С. Любавичи, Мстисл. у.

Когда предвидится скорая кончина больного, къ нему собираются родственники и слѣдятъ за наступленіемъ смерти. При кончинѣ умирающему даютъ въ правую руку зажженную свѣчу отъ образовъ и держатъ тамъ, пока наступитъ смерть. Тогда свѣча вынимаются изъ руки и горящая ставится къ образамъ.

Омывши тѣло, одѣваютъ покойника въ чистое бѣлье; мущинѣ надѣваютъ бѣлые полотняные рубаху и штаны, поясъ, на шею бѣлый платокъ, на голову бѣлую войлочную шапку, поповѣе; ноги обуваютъ въ лапти съ бѣлыми холщовыми онучами и черными суконными оборами, Только у бѣдняковъ употребляются при этомъ обычныя веревочныя оборы. Женщинѣ надѣваютъ бѣлыя полотняныя рубаху и юбку, красный шерстяной андаракъ, кофту, на голову бѣлую наметку съ красными узорами по концамъ, а дѣвушкѣ бѣлый или цвѣтной ситцевой платокъ; на ноги лапти. Ложе для мужчины устраиваютъ на лавкѣ, идущей отъ полатей, а для женщины на той, которая идетъ отъ печи. Для чтенія псалтыря приглашается грамотный крестьянинъ. Въ то же время начинаютъ дѣлать „домовину“ и копать „ямку“ „на клбдовьи“. Изъ церкви приносятъ руконосный крестъ и „протасéю“—траурную хоругвь, и устанавливаютъ ихъ у головы покойника.

Когда гробъ будетъ оконченъ, его приносятъ въ избу, обиваютъ изнутри бѣлымъ холстомъ и выстилаютъ дно цвѣтами, свѣжими или сушоными, смотря по времени года, или же листьями вѣниковъ. Подъ голову кладутъ нарочито сшитую подушку изъ тонкаго холста, также набитую цвѣтами или листьями вѣниковъ. Затѣмъ гробъ ставится подлѣ покойника на скамейкѣ.

Причитаніямъ отводится большое мѣсто и каждое изъ нихъ приурочивается къ извѣстному моменту ховтуръ.

По пріѣздѣ священника прежде всего окропляется гробъ и въ него полагается покойникъ. Затѣмъ происходитъ отпѣваніе.

Гробъ съ тѣломъ несутъ на кладбище мущины, безъ различія къ полу умершаго. Если же кладбище далеко, тогда его везутъ на лошади, принадлежавшей покойному.

Послѣ погребенія всѣ возвращаются въ домъ. Священникъ совершаетъ литію и благословивъ „канунъ“, по большей части уѣзжаетъ домой. Остальные садятся за столы—мужчины „на кутѣ“ подъ образами, а женщины или на другомъ концѣ стола или за отдѣльнымъ столомъ—и начинаютъ обѣдать. Прежде всего обязательно ѣдятъ, по немногу каждый, „канунъ“, то есть пшеничную кашу, разведенную теплой водой съ медомъ. Потомъ выпиваютъ по рюмкѣ водки и закусываютъ блинами; послѣ блиновъ подается борщъ съ мясомъ или саломъ, а въ постъ—съ рыбой или просто съ мучною затолокой и съ „олеемъ“—конопляннымъ масломъ. Затѣмъ въ скоромные дни подаются колбасы или яичница и въ заключеніе—галушки изъ гречневой или пшеничной муки. Галушки составляютъ обязательное блюдо для похороннаго обѣда. Водка подается предъ каждымъ кушаньемъ. Гость, принявъ отъ хозяина чарку, крестится и говоритъ: „Пашли̂ жъ, Божа, яму̂ (покойнику) ца́рства нябесная, гряхо́ў аптуще́нія, ду́шачки спасэ́нія!“ И пьетъ. Водки выпивается много. Послѣ обѣда всѣ расходятся.

На третій день послѣ смерти справляются „трети́ны“ и на девятый день—„девя́тины“. Къ нимъ приглашаются только лица, принимавшія участіе въ похоронахъ своимъ трудомъ, а также самые близкіе родственники. Столъ въ эти дни бываетъ обыкновенный, канунъ и галушки не готовятся; подаются же блины, борщъ, каша и какой-либо супъ изъ крупы. У богатыхъ, кромѣ того, угощаютъ яичницей и медомъ. Употребленіе водки такое же, какъ и въ день похоронъ.

Въ сороковой день отправляются „шасти́ны“ — шесть недѣль. Хозяинъ беретъ бѣлую булку и стаканчикъ меду и отправляется съ ними въ церковь. Тамъ кладетъ ихъ на аналой, зажигаетъ свѣчу и проситъ священника отслужить панихиду. Затѣмъ возвращается домой съ булкой, крошитъ ее въ разсыченную воду и подаетъ на столъ. На шестинахъ бываютъ также только лица, прикосновенныя къ погребенію. Обѣдъ дѣлается обильный, изъ пяти-шести блюдъ, какъ и погребальный. На всѣхъ этихъ поминкахъ женщины поютъ такъ называемые „жало́бные стихи“.

Этими тремя днями ограничиваются поминки покойника. Помимо ихъ поминовеніе совершается уже въ общіе поминальные дни: ра́довницу, дѣды.

М. Пропойскъ, Быхов. у.

Какъ только умретъ кто-нибудь въ хатѣ, ближайшая родственница выходитъ на улицу и громко плачетъ съ причитаніями. Приходятъ люди, не изъ родныхъ, обмываютъ и одѣваютъ покойника въ чистое холщовое бѣлье, на ноги надѣваютъ чулки или просто обертываютъ ихъ въ чистыя холщевыя тряпки. Тѣло кладутъ на лавкѣ,

подостлавъ на ней ржаной соломы и прикрывъ ее холстиной. Мужчинъ на правой лавкѣ, а женщинъ на той, которая насупротивъ входной двери.

Глава семьи отправляется къ священнику, чтобы позвонили по покойникѣ и выдали крестъ и двѣ или четыре хоругви, а также вѣнчикъ и молитву. Принесенныя хоругви и крестъ ставятся до выноса на завалинкѣ у наружной стѣны, почему прохожіе узнаютъ, что въ домѣ покойникъ, и снявъ шапки, молятся.

Въ то же время приглашается кто-либо читать псалтырь. При этомъ обязательно должна горѣть лампадка предъ образомъ или свѣча восковая.

На столѣ ставится бутылка съ водкою, рюмка, и кладется хлѣбъ и соль, для угощенія приходящихъ. Рюмка должна стоять наполненною до погребенія тѣла. Послѣ же погребенія, въ теченіе шести недѣль, въ углу подъ иконами ставится стаканъ, наполненный водою, въ силу повѣрья, что до сорокового дня душа покойника находится въ домѣ и нуждается въ питьѣ.

Гробъ дѣлается на дворѣ умершаго изъ сосновыхъ или еловыхъ досокъ, безъ особой отдѣлки, нерѣдко даже нетесаныхъ. Дно гроба выстилается прутьями развязанныхъ вѣниковъ; поверхъ прутьевъ кладется поперекъ гроба поясъ, на немъ гробъ устилается по дну длиннымъ кускомъ холста, а боковыя стѣны обиваются бѣлымъ коленкоромъ или тоже холстомъ. Вмѣстѣ съ гробомъ въ хату вносятъ щепки и стружки отъ него, постилаютъ ихъ на полу около ложа покойника и на нихъ ставятъ гробъ. Поясъ кладется въ гробъ въ силу повѣрья, что покойникъ при воскресеніи долженъ явиться на судъ непремѣнно опоясаннымъ.

Тѣло кладется въ гробъ по отпѣваніи. Когда его вынесутъ на дворъ и положатъ на телѣгу или на сани, женщина обсѣваетъ зерновымъ хлѣбомъ вокругъ телѣги и нѣсколько впереди ея, по предстоящему пути. Дѣлается это въ знакъ того, что умершіе въ свое время воскреснутъ.

Къ кладбищу покойника сопровождаетъ большинство жителей селенія.

Женщина, обсѣвавшая гробъ, остается дома и очищаетъ избу. Собранный соръ и солому, служившую подстилкой на ложѣ, она выноситъ на улицу и сжигаетъ у угла дома,—чтобы въ немъ не было больше покойниковъ.

Когда возвратятся съ кладбища, хозяинъ приглашаетъ гостей за столъ. Та же женщина, о которой говорилось выше, помолясь, беретъ кусокъ хлѣба, канунъ и рюмку водки и, ставши въ дверяхъ избы, приглашаетъ покойника на обѣдъ, называя его по имени[1]).

[1]) О роли женщины въ славянскомъ погребеніи см. Ибнъ-Фоцлана и друг. араб. писателей.

Послѣ этого хозяинъ, стоя у стола съ рюмкой водки въ рукахъ, говоритъ присутствующимъ:

— Нихай жа ўжо нашъ пакойничикъ Ригорка святиникъ лляжыть и ны насъ грѣшныхъ съ таго свѣту ни зыбывайть, ды хлѣба-соли зысылайть,—капъ намъ самимъ было што спыжывать и яго правидную душычку спыминать! Чесныя жъ и правидныя радитильки! Хадитя къ нашыму сталў, гарѣлычки выпить и зы батькывыю малитвыю хлѣба-соли пакўшыть! Зы здраўя жъ васъ, госьтики!

— Питя жъ ужо ны здарбўица! Дывай жа Госпыди, капъ на етымъ сталѣ ни папита, ни паѣдина було!

Послѣ обѣда всѣ расходятся.

„Третины" и „девятины" совершаются семейнымъ порядкомъ. Изъ блюдъ готовятся: поливка, клёцки, каша и блины. Помолясь предъ обѣдомъ Богу, старшій въ семьѣ говоритъ:

— Пымяни жъ, Госпыди, душычку Ригоркыву! Хади ты, Ригорка, къ нашыму сталў хлѣба-соли аткўшыть!

И послѣ этого обѣдаютъ.

Въ девятый день приготовляютъ еще канунъ, надъ которымъ священникъ совершаетъ у себя въ домѣ панихиду по покойникѣ.

Канунъ потребляется домашними въ началѣ обѣда.

„На шастины", въ сороковой день послѣ смерти, въ церкви служится заупокойная литургія, а на кладбищѣ надъ могилою—панихида. Къ поминальному обѣду въ этотъ день приглашаются всѣ тѣ лица, которыя личнымъ трудомъ принимали участіе въ погребеніи покойника, то есть, мывшія его, дѣлавшія гробъ, рывшія могилу, несшія крестъ и хоругви и т. п.

Такое же поминовеніе совершается и въ день годовщины смерти.

М. Рудня, Оршан. у.

Умершаго старика обмываютъ старики, а умершую старуху—старыя женщины. Молодѣйшихъ моютъ болѣе молодые. Въ случаѣ нужды тѣла умершихъ мужчинъ обмываютъ женщины и наоборотъ. Покойниковъ одѣваютъ въ чистое бѣлье, на шею повязываютъ платокъ, ноги обуваютъ въ лапти. Кладутъ ихъ на лавкѣ, въ концѣ стола: мужчину кладутъ на мужской лавкѣ—противъ дверей, а женщину на женской лавкѣ—по лѣвую или по правую сторону отъ дверей, смотря по направленію хаты.

Гробъ выстилаютъ стружками и прутьями вѣниковъ, подушку набиваютъ сѣномъ. Мужчинѣ въ гробъ кладутъ шапку подлѣ головы; женщинѣ, умершей отъ мучительныхъ родовъ до рожденія ребенка, кладутъ въ гробъ пеленки, поясъ-сповивичъ, рубашечку и платочекъ—сповить ребенка.

Когда умершаго понесутъ на кладбище, женщина, оставшаяся дома, спѣшитъ убрать ложе покойника, подмести полъ, вымыть столъ, скамейки, окна и двери.

Возвратившись съ кладбища, всѣ моютъ руки и тогда садятся за столъ. Обязательнымъ кушаньемъ считаются галушки. Выпивая водку, высказываютъ такое пожеланіе:

— Царства яму̑ тамъ нябе́сная! Пяро́мъ яму̑ зимля̑, а намъ на до́брая здаро́у̑я!

Послѣ обѣда зорко наблюдается, чтобы изъ хаты не вышелъ молодой раньше стараго: кто раньше выйдетъ, тотъ раньше и помретъ. Повѣрье это не касается членовъ причта, которые обыкновенно выходятъ раньше другихъ.

Поминки дѣлаются въ третій день, девятый, двадцать первый и сороковой. Приглашаются лица, дѣлавшія гробъ, копавшія могилу, мывшія покойника и т. д. Обѣдъ приготовляется изъ тѣхъ же блюдъ, какъ и на похоронахъ.

С. Городецъ, Быховск. у.

Какъ только умретъ кто-либо изъ семьи, тотчасъ женщины, не снимая тѣла съ смертнаго одра, начинаютъ громко плакать съ причитываніями, или „выть съ причитаньнёмъ пы нябощику“. Сначала онѣ плачутъ надъ умершимъ, а потомъ выходятъ на дворъ и плачутъ тамъ, чтобы оповѣстить о покойникѣ жителей деревни. Услышавъ плачъ, сосѣди и родные умершаго приходятъ къ покойнику и начинаютъ утѣшать плачущихъ. Когда первое чувство горечи утихнетъ, домашніе сообщаютъ пришедшимъ всѣ мельчайшія подробности кончины, его слова, движенія, взгляды. А тѣмъ временемъ идутъ приготовленія къ омовенію тѣла. Для того, чтобы его омыть, снимаютъ покойника съ постели, на которой онъ умеръ, и усаживаютъ на скамьѣ посреди хаты гдѣ и происходитъ омовеніе. Тутъ же покойника и одѣваютъ, а дѣвушекъ причесываютъ. Умершихъ мужчинъ моютъ мужчины, а женщинъ женщины. Никто не долженъ отказываться отъ этой работы: „И мы памрёмъ, и насъ людички добрыи будуть мыть!“ Моютъ тѣло не долго, но достаточно чисто: „чисьтинька, капъ душэ нябощика на томъ свѣти було зати́шнинька!“

Одѣваютъ покойниковъ въ бѣлое чистое бѣлье, опоясываютъ синимъ поясомъ; на голову мужчинѣ надѣваютъ шапку, а если священникъ протестуетъ противъ этого, прячутъ ее въ гробъ подъ подушку. Женщинѣ обвязываютъ голову бѣлой наметкой; дѣвушка хоронится съ непокрытой головой. На ноги мужчинамъ надѣваютъ бѣлыя онучи и новые лапти, а женщинамъ и дѣтямъ—чулки, „панчохи“.

Одѣвши, тѣло переносятъ на лавку, „на кутъ“, и кладутъ тамъ головою къ образамъ. Мужчинъ кладутъ на „половую“ лавку, идущую

отъ пола (постели) къ куту, а женщину на „пороговую“ лавку, идущую отъ входныхъ дверей. На этомъ ложѣ тѣлу придаютъ надлежащее положеніе: связываютъ на груди крестообразно кисти рукъ, чтобы не сдвигались, подвязываютъ подбородокъ, чтобы не открывался ротъ, кладутъ на глаза мѣдныя монеты, чтобы плотно сомкнулись вѣки, и т. д.

Послѣ этого всѣ обращаются къ иконамъ и молятся. Каждый читаетъ про себя всѣ молитвы, какія знаетъ, но обязательно прочесть „Отче нашъ“. Послѣ молитвы одинъ изъ присутствующихъ говоритъ: „Вѣшный пакóй, царства нябесная, пакóйная мѣста! Нярóмъ яму̂ зямелька!“

И тогда снова начинаютъ оплакивать покойника. При этомъ считаютъ долгомъ поплакать и многія изъ пришедшихъ женщинъ, хотя бы изъ далекой родни. Если бы онѣ этого не сдѣлали, имъ былъ бы „грѣхъ“. Мотивъ плачей у всѣхъ одинаковый, но текстъ причитаній различный.

Мужчины не плачутъ и стараются скрывать навертывающіяся на глаза слезы, но держатъ себя сосредоточенно и печально.

О покойникѣ дается знать священнику въ самый день смерти. Изъ церкви тогда же приносятся вѣнчикъ, хоругвь и крестъ. Это называется „святлóсть“. Святлóсть ставится снаружи, у окна. Копать могилу и дѣлать гробъ приглашаются люди чужіе. Своимъ домашнимъ этого нельзя дѣлать подъ страхомъ кары Божіей. Къ вечеру въ домъ приглашаются старики и старухи сидѣть ночью „надъ нябóщикамъ“. Грамотеи читаютъ псалтырь. На другой день рано утромъ близкая родственница умершаго снова выходитъ на дворъ и громко причитаетъ по покойникѣ, чтобы напомнить о немъ жителямъ деревни. Хоронятъ обыкновенно на второй день. Вызывается это вопервыхъ тѣмъ, что обязательное угощеніе многочисленныхъ посѣтителей при долгомъ пребываніи покойника въ домѣ причинило бы хозяевамъ большіе расходы, а вовторыхъ и существующимъ убѣжденіемъ, что „нябощику дужа трудниньки дату̂ль, пакуль ни зыкапáють ягò у зямéличку“.

Отпѣваніе совершается обыкновенно въ полдень. Послѣ отпѣванія кладутъ тѣло въ гробъ и присутствующіе „прощаются съ нябощикомъ“.

Снова начинаются причитанія, которыя продолжаются до тѣхъ поръ, пока закроется могила.

Съ кладбища всѣ присутствующіе приглашаются „на хау̂турный абѣдъ“. Здѣсь прежде всего подается „канунъ“—разведенный на водѣ медъ съ покрошенной булкой или баранками; потомъ подается водка и „кулéшъ“, приготовляемый изъ пшеничной или гречневой муки, затѣмъ остальныя кушанья—борщъ изъ капусты, супъ съ крупою—„крупеня“, каша, блины.

На третій день, утромъ, до восхода солнца, родственница умершаго снова выходитъ на дворъ и громко плачетъ, напоминая жителямъ, что въ домѣ былъ покойникъ.

Спустя три недѣли, по покойникѣ „поднимаютъ проскурỳ“. Родные несутъ въ церковь „рѣзники“, то есть треугольныя лепешки изъ пшеничнаго тѣста, стаканъ меду и пирогъ домашняго изготовленія. Священникъ совершаетъ панихиду и потомъ беретъ принесенный пирогъ и вмѣстѣ съ молящимися поднимаетъ три раза вверхъ. Этотъ обрядъ называется поднятіемъ проскуры.

Съ этой „проскурою“ идутъ домой и тамъ дѣлятъ ее между приглашенными родственниками и сосѣдями.

Въ сороковой день справляются „шестины“ (6 недѣль). Въ этотъ день священникъ приглашается въ домъ, гдѣ былъ покойникъ, и здѣсь совершаетъ панихиду. Затѣмъ слѣдуетъ обычный „хаỳтурный абѣдъ“—съ кануномъ, кулешомъ, блинами и т. д.

Мошков. вол., Орш. у.

Причитанія.

Жена по мужѣ.

А мой-жа ты рόдьнянькій, а мой жа ты мúлянькій! А куды жъ ты сабрáуся атъ насъ? Сабраўся ты у дáльняю дарόжку и ни вéрнисься ужό къ намъ! А на кагό жъ ты насъ кúнаў адныхъ? А хто бýдя майхъ дѣтачакъ гадавáть, а хто будя имъ хлѣбца дабывáть? А ёсть жа у насъ скатúнка, а хто яѐ даглядáть будя? А ёсть у насъ пальцò, а хто жъ ягò намъ пахать бýдя? А хто жъ тяпéрака будя рана уставати, да намъ рабόту закáзавать?

С. Недойка, Рогачев. у.

Дочь по отцѣ.

Тотчасъ послѣ смерти.

Татýличка мой рόдьниинькій! Нашто ты насъ пакидáишъ? Якъ намъ тяпéрь пражы́ть? Якъ намъ тяперь прабы́ть? Якъ намъ тябѐ забувáть бýдя? Аткуль намъ тябе дажыдати, изъ якόга вакόнца тябе выглидать? Пакидáишъ насъ, татýличка, атлитáишъ, галýбчикъ-пралѣсачка! Ты жъ нашъ гόсьтичикъ, нашъ мúлинькій: нямнога табѣ у насъ гасьтивáть,—навучи, татýличка, якъ тябе забывати!..

Когда гробъ дѣлаютъ.

Татýличка мой рόдьниинькій! Нашто ты плόтьничкаў наня́ў? Сабраў ты рабόтьничкаў,—дялúтца ты хόчишъ, татýличка! Чимъ мы табѣ ни ўнаравúли,—чаго ты пакидáть насъ хόчишъ?

Когда гробъ готовъ.

Татуличка нашъ родьнинькій! Ти па'бычча табѣ дамавину састрбили, ти па натуры гэту хату издѣлали? (повторяется нѣсколько разъ). Разгнѣваўся нашъ татуличка, разгнѣваўся нашъ рбдьнинькій! Ничбга зъ нами ни гавбришъ: хоть скбльки съ табой ни гукай, а ты ничбга ни 'твичаишъ! Даў спакбй сабѣ: ни прбсишъ и ни прбсисься, и ничбга ни гавбришъ зъ нами....

Эти же причитанія говорятся дочерью по матери, сестрою по братѣ и по сестрѣ; при этомъ соотвѣтственно измѣняются обращенія: „мамуличка", „матуличка", „сястричка", „братулинька".

Сироты по матери.

Матуличка жъ наша рбдная, пакинула жъ ты насъ, дробныхъ сиротакъ! Каму жъ ты насъ приказала? Будя насъ тяперь усюдыхъ пбуна. Тяперь жа у насъ и батякъ и матакъ будя усюдыхъ мнбга! Нахбдимся мы и голыя и босыя, и галбдныя и халбдныя! Якъ жа жъ намъ тяперь заставатца? У каго жъ рубашачки намъ прасить? Хто жъ насъ тяперь абшывать будя? Хто жъ насъ тяперь будя абмывать? Хто жъ насъ будя даглядать, матуличка жъ наша родная?..

Мать по ребенкѣ.

Маё дитятачка родьнинькая! Атлитаишъ жа ты далёка ать мянё! Мая ягадка нидазрѣлая, бисъ пары жъ ты атвалилася... Утратила жъ я сваю ягадку, а тяперака ни знайду я яё!

Весною:

А тяперака жъ уси пташачки зъ вырья литять, а ты жъ, маё дитятачка, палятѣў у вырь навѣки...

Осенью или зимою:

Ни байсься ты, мая пралѣсачка, ни марбзу, ни вѣтру, ни замяти! Хто жъ тамъ тябё будя даглядати, а хто тябё будя спавивати, къ каму ты тамъ прыхилиёсься, хто тябё тамъ спазная, хто тябё тамъ угадая, дитятачка маё рбдьнинькая!..

А если дѣти мрутъ часто:

Маё дѣтачки, маё милыя, ня умѣю жъ я васъ гадавать! Настаялась я ужо пазаваратьтю, напрасилася ужо чужыхъ слугъ! Чужыя дѣтки на-ранки гонють, а сваихъ нидѣ ни угадаю, нидѣ ни спазнаю! Дѣтачки маё милыя, ни хбчитя вы у мянё гадаватца, ни умѣю я васъ расьтить, гадавать!..

Жена по мужѣ.

Мой гаспадарикъ, мой галубчикъ, нашто ты мяне пакинуў, на што ты мяне разариў? Каму жъ ты хадяйства сваё атказаў, каму зъ дробными дитьми мянё приказаў? Якъ жа мнѣ зъ дробными дѣтками тяперь пражыть? Якъ жа жъ мнѣ ихъ тяперь гадавать?..

Сестра по сестрѣ.

А мая́ жъ ты сястри́чка, мая́ ми́линькая, а якъ жа намъ съ табою раставатца, идѣ намъ съ табою сустракатца? Люди жъ—сястра̀ съ сястрой сайду́тца, сястра съ сястрой пагаворють, а исъ кимъ-жа мнѣ, сястричка мая́ родная?...

Если у покойной дѣти:

Сястричка мая́ ми́линькая, нашто жъ ты дѣтакъ пакинула? Настраждаютца яны, па свѣту ходючи, а сваю̀ матку шукаючи...

Внучки по бабѣ.

Бабу́личка наша родная, а нашто жъ ты насъ пакидаишъ? Ты жъ насъ калыхала и гадавала, наша труждання́ица, наша бабу́ничка, а тяперь ты насъ аставляишъ! Мы жъ тваѐ ручки па'тарвали,—насъ носючи, тваѐ ножки притамили,—насъ калыхаючи, приказки намъ усякія спиваючи,—бабу́сичка наша родныинькая!..

Пропойская вол. Быховск. у.

Жена по мужѣ.

А мой жа ты гаспадарочикъ, а якъ жа ты мянѐ пакидаишъ, а зъ дробными дѣтачками? А хто жъ имъ будя загадавать, а хто жъ ихъ пажалѣя, вуму̀-розуму наву́ча? А не къ каму жъ имъ будя галовачки прыхинути!... А у вяли́каю жъ ты дарогу сабраўся, да ты жъ ужо̀ аттуля ни вернисься. А ти табѣ жъ надаѣла ужо на етымъ свѣти?.. ...И выбраў жа ты сабѣ хатачку ду́жа тёмнаю, нима̀ жъ у ёй ни вакон̇ца, ни дзвярэй!..

Мать по ребенкѣ.

А мая́ жъ ты я́гадка нидазрэлая, а чаго жъ ты такъ рана атсыпалась? Ти на тябѐ жъ халодныя дожджы́ ишли, а ти тябѐ яркая солнушка спякло̀?...

С. Городецъ, Быхов. у.

Дочь по отцѣ и по матери.

Ма́мачка (или—татачка) ты мая́ родная, а куды́ ты атъ мяне прыбралася, а у якую жъ дарожачку, а у якую жъ старонachку? А кали жъ мнѣ тябѐ у госьти ждать? Я бъ ву́лачки навымитала бъ, дарожачки навысыпала бъ, я бъ ма́мачку (та́тачку) у госьти ждала, и столики бъ назасьтилала, и ку́бачки напаливала бъ, ма́мачка мая́ родныинькая!..

Жена по мужѣ.

А дубочыкъ ты мой зялёнинькій, а бярозка мая кудравая, а ти вѣтры жъ тябѐ падвѣяли, а ти бу́ры тябѐ падлами́ли? А супру́жачыкъ мой ми́линькій, а куды жъ ты гэта прыбраўся, а нашто жъ ты

мянѐ пакинуў? А къ каму жъ я тяпѐръ прыхинуся: нимашъ у мяне никагѐ раднбга! Буду я хадить, якъ заблудная авѐчка у лѣси, такъ я бисъ свайгѐ дружбчка буду жыть!...

Мать по ребенкѣ.

Яблачка маё садавбя, чаго жъ ты атъ мянѐ аткатилася? А ти буры тябѐ атвѣяли, а ти вѣтры тябѐ аткатили? Усѣ пташачки зъ вырыю вылитали, а ты, маё дитятачка, у вырый залятѣла! Ти зязюличка паткукавала, ти салавѐичка патщибитаў? А ти, маё дитятачка, туды тябѐ падгаварыли? Усихъ пташачакъ зъ вырыю даждуся, а свайгѐ дитятачки ни вѣкъ ни даждуся... А ти я жъ тябѐ ни гадавала, а ти я жъ тябѐ харашѐ ни калыхала? А хто жъ тябѐ тамъ бизъ мянѐ калыхать будя, а бизъ сваѐ люлички, бизъ сваѐ матулички?...

Крюковскій приходъ, Могил. у.

Сестра по братѣ.

А брахнинька шъ ты мой рбдныинькій! Чаго жъ ты такъ скбрынька атъ насъ утикаишъ? Ти ни жаль жа табѣ и татухны и мамухны? А яны шъ та тябѐ ускармили и ўзгудували, а тяпѐритьки пытъ старысьть адны на гбря зысталися. А хто шъ ихъ тяпѐрь пычитать и пувыжать будить? Нѐ зы кимъ жа имъ старыя кбстухны прыбярѐчь, а мынѣ (мнѣ) шъ дявбцкыю гылавбю аднѐй ня збѣгытца, брахнинька мой рбдныинькій!...

Мать по малолѣтней дочери.

Дитятухна шъ ты маё рбдныинькыя, пташычка шъ ты мыя ниныглядныя, куды шъ ты далёка атъ мянѐ атлитаишъ? Чимъ жа табѣ у тваёй матухны ни спазрылыся? Яблычка шъ ты маё сахырныя, чаго шъ ты ни сазрѣўшы аткатилыся?... Тяпѐрь жа ка мнѣ нихто ни прыхилитца, и ни прыгарнѐтца! А бывала шъ ты, якъ тая ластавачка, ка мнѣ прыгарнѐсься и ўсё мнѣ рысщабѐчишъ! А сбўнинька шъ ты маё красныя, чаго шъ ты бисъ пары, такъ ранинька, зыкатилася? А тяперь жа я куды ни пайду, тибѐ ни знайду, аткуль ни прыду, ты мянѐ ни стрэнишъ и патѣшныга славѐчка мнѣ ни прамблвишъ!..

Это же и по сынѣ, но въ концѣ прибавляется слѣдующее причитаніе:

А я шъ ны тябѐ, мой сынушычка, спыдивалыся! Я шъ думыла, што ты мнѣ пры старысьти лѣтъ будишъ хлѣбничкымъ, а тяпѐритьки шъ я усю маю надѣичку пытирила!..

Жена съ дѣтьми по мужѣ.

А мой жа ты гылубочикъ сызинькій! Сакбличикъ жа ты мой ясьнинькій! Куды шъ ты атъ мянѐ далёка атлитаишъ? Ны кагѐ шъ ты мянѐ зъ дробными дѣткыми пыкидаишъ? А ты шъ у мянѐ быў уся рада и пырадычка! Чимъ жа я тябе, маё падружжя дырагбя, прыгнявила? А дѣтухны жъ маѐ дрббнинькія, а къ каму жъ мы тя-

перь прыхинёмся? А хто жъ абъ насъ тяперь падумыить ды пыгадаить? Усякій жа тяперь ныдъ нами нызругантца и нысмяётца,— якъ зы насъ тяпрь некыму зыступитца!...

Тоже, по мужѣ нехорошемъ.

А мой жа ты гыспыдарёчикъ, на што шъ ты мяне зъ дробными деткыми пыкидаишъ? Я шъ ужэ и такъ зы табою пыгырювалыся! Ни знала шъ я ни будьня дьня, ни празьничка! Съ табою шъ я а ни ў пиръ, а ни ў бясёдычку! Была шъ я и збита и зжурына! А тяперь жа мнѣ—было горя ды й пагорила: усю силычку я пытратила, и працухны пыпринимала, а ничога шъ я ни выжыла, тольки ўсё сваё добринькыя тутъ пытратила, а тяперь адинёшынька зъ дробными деткыми, и голинькыми и босинькыми, я зысталыся! Нима шъ у мянѣ ни хлеба ни крошычки, ни мучицы ни щапотычки! Якъ жы я тяперь сваю галоўку прилажу, и дѣ шъ я зъ дробными деткыми надѣнуся? Чимъ жа тябѣ пухуваю и пымяну?

М. Рудня, Оршанскаго у.

Мать по ребенкѣ—сынѣ.

А мой жа ты сынуличка! А мой жа ты либядюличка! А чаго шъ ты, мой сынуличка, атъ мянѣ утикаишъ? А ти я шъ табѣ надаѣла? А скажы шъ, скажы, мой сынуличка, а кали ты ка мнѣ прыдишъ у госьтійки: а ти зъ васходу, а ти зъ захыду? Капъ я знала, мой ты либядёчикъ, калй ты прыдишъ ка мнѣ, тады пъ я ничога пъ ни работыла! А ты шъ паѣдишъ, сынуличка, у хатычку дужа тёмнюю, бизваконныю. А тамъ жы дужа тёмна, мой сынуличка! А тутъ жы ты дужа быяўся тёмныга, а тяперь жы ты идёшъ у хатычку тёмныю и бизваконныю, и ни байсься!.. Гасьтюй, гасьтюй, мой ты сынуличка! Нямнопка шъ табѣ ужо у насъ гасьтювати. Прасй шъ, прасй, сынуличка, сваихъ тётиникъ и дядиныкъ, капъ яны тябѣ прыбрали!.. Агарчиў жа ты мянѣ, маё дитятухна! Знать жы ты ны мянѣ дужа разгнѣвуўся,—што ты са мной ничога ни гаворышъ! Знать жы ты, маё дитятухна, дужа Богу угодинъ, што ёнъ тябѣ атъ насъ атьнимаить,—къ сабѣ у выслужнички... Прышчай, прышчай мой сынуличка! Прыходитца исъ табой рысстрятца на вѣки, мой ты сынуличка, мой ты либядюличка! Упруўлянмъ жа мы тябѣ, маё дитятычка, проти лѣтичка, проти тёплыга! А ўси шъ детычки будуть на вулицы гуляти и красычки ирвати, а майго шъ жы дитятычки ня будить видати...

Тоже, когда гробъ выносятъ.

Пытихусиньку вы, маё дядички, яго вы сьнимайтя! Яго жъ костычки дужа болныя!... Ти прасиў жа ты, мой сынуличка, свайго татуличку, капъ ёнъ запрёхъ табѣ свайго коника заѣхыть у хатычку, дужа тёмныю, бизваконныю? Замкнуть жа тябѣ, маё дитятычка, трёми

замбчкыми. Пе́рвый жы замбчыкъ—грабо́выя до́шчычки, другей жы замбчыкъ—жбу́тый пясо́чыкъ, а трэтьтій замочыкъ — тра̀вычка-мура̀вычка...

Тоже, когда засыпаютъ могилу.

А я шъ къ табѣ, маё дитятычка, буду хадить кажный дянёчыкъ! Я шъ буду пы табѣ кукува̀ти, тябе́ ў го́сьтійки къ сабѣ звати... Якъ жы мнѣ забы́тца ёткыга дитятычку, ёткыга любинькага? Ёнъ жы висялйў усю нашу сяме́ичку... Мой ты дитятычка, мой ты любинькій сыночикъ!...

С. Высокое, Орш. у. Мог. Стар. III, 73.

Жена по мужѣ.

А мой жа ты галубо́чикъ, а съ кимъ жа ты мяне́ пакинуў зъ дробными дѣтками? Якъ мнѣ зь ими пражы́ть тяперь, хто мнѣ пасо́бить гадава̀ть ихъ, къ каму мнѣ сваю гало́вушку прыхину́ть? Мно́га на̀йдитца и ба̀тикъ и ма̀тыкъ пабить и пажуры́ть, а къ путю привесьти бу́дить не́кыму! Ни хатѣў ты самъ сваихъ дѣтыкъ жалѣть, расьтить,—чужы́я батьки—ма̀тки жалѣють, да съ тваёй халу́пинки бу́дуть во́нки гнать! А тяпе́рь тва́е ручки-пожыньки лижа̀ть спако́йнинька, и нарабо́тылись и нахадилися!...

Мать по ребенкѣ.

Маё дитятычка малёнькыя, а маё нисмышлёнинькыя! А куды ты атъ мяне́ атлита̀ишъ? Ни байсься ты ни голыду, ни хо́лыду! А выйду я тяпе́рь на вулицу, а ўси дѣтки тамъ гуляють, тольки майго̀ нима̀шицьки!.. Абидиу ты мянѐ, маё дитятычка, знать, я большы за ўсихъ сыгряшы́ла!

—

А ўси птушычки зъ вырья вылита̀ють, а ты атъ мяне́ атлита̀ишъ! Зыпусьтѣла мая̀ ха̀тычка—не́кыму мяне разбуди́ть и развиселить... Но́жычки мае́ ма̀линькія, ножычки маѐ ми́линькія, набѣгылись вы и нагуля́лися... Труждàнничыкъ мой нивялйчынькій, нытрудиўся ты и ныгуля́ўся, а тяпе́рь ляжы̆шъ спако́йнинька... Свадибка мая̀ го́рькыя, свадибка мая̀ нивясёлыя, биза ўрэмя падышла̀ ты! Каго̀ мнѣ на ету свадибку звати, дитятычка маё ми́линькыя?...

Дѣти по отцѣ.

А тату́личка нашъ родьнинькій, съ кимъ жа ты насъ пакида́ишъ? А хто жъ насъ бу́дить карми́ть-пайть, а хто жъ насъ расьти́ть бу́дить? Уся́кій ны насъ бу́дить ту́кыть ды люкыть. Батькины ды маткины дѣти вину́ здѣлыють, а мы, сиро́ты, за ихъ отвича̀ть будимъ! Тату́личка ты нашъ ро́дьнинькій, чы́мся насъ пыкида́ть, лучча бъ ты насъ пухува̀ў!...

Когда внесутъ гробъ.

Ни хатѣў ты, нашъ татўличка, зъ нами ў раскóшный хати жыть—абабрàў ты сабѣ хатку новую, ни вяликыю и нивясёлыю!

Новотухин. вол., Орш. у.

Дочь по отцѣ или матери.

Татуличка (или матуличка) ты мой родныинькій, сь кимъ ты минè пыкидàишъ—ни при рóзуму, ни при ўсёмъ дóбрымъ? Хто шъ мянé научить къ чамў дóбраму, хто жъ мянé дыглидàть тяпéрь бўдить? А ты жъ, бувàла, ўсё приказышишъ: „слўхыйтя мяне,—людьми бўдитя!" А тяперь я астанусь бисъ тябе якъ пень той,—зь мянè люди зругатца будўть, дóбрыму учить ня будуть! Чаму жъ ты, мой татуличка, большы ни пажыў, чаму жъ ты мяне большы ни пудгудувàў, адéжынку бъ якую мнѣ спрàвиў, и къ толку бъ мянé пристрóиў! Я жъ тяперь нахаджўся бóсая и гóлая. Прийдить святцò якбя—у людей и тóя и сёя ёсь, а я галюсинькыя! Люди будуть висялйтца зъ рóдныинькими, а я буду одна—адинёхинька! Татуличка мой родныинькій, а я жъ тябé бóльшы ни увйджу, а я жъ тябе большы ня ўстрѣчу, гыласóчка твайгó ни пачўю! А куды жъ ты атъ мяне сыбрàўся? А нихто жъ тамъ табѣ ни пракукўить, тольки шэрая зязюлька ў барóчку, а нихто жъ тамъ табѣ ни пращабéчить, тóльки адйнъ сылавéйка ў кусточку!...

Жена по мужѣ.

Падрўжынька мой милинькій, якъ жы мнѣ жыть тяперь бисъ тябе, якъ бисъ тябé путь мнѣ ныхадйть и толкъ; што дянёкъ прйдить, усё буду дўмыть, якій мнѣ сяньни толкъ ныхадйть? Лѣпій бы ты мянè пухувàў, чимъ мнѣ бись тябе аставàтися! Я шъ зы табой пукрусувàлыся, а тяпéрь жы я гóря нытярплюся! А каму шъ ты свайхъ дѣтычикъ, дробныхъ, ниразумныхъ, пирикàзышишъ? А хто шъ ихъ да толку, да рóзуму дывадйть бўдить? Тяперь жы яны гóрькими сирóтычкыми астаютца, усякій жы ихъ абиждàть бўдить...

Невѣстка по свекрови.

А мàмычка ты мыя нярóдныя! Нивялйкыя ка мнѣ твая жàлысь булà: ты мянè рàна пыбуджàла, а пашóўшы ны сялò, абслаўлйла! Ня стольки ты мнѣ булà памóшница, скольки нябылыница! Ты шъ мнѣ булà ни пырàдьница, а тольки зрàдьница: бувàла, перва пырàишъ, а посьли абслàвишъ! Ты шъ мнѣ дыбраты дóбрый ня мысьлила и ня мысьлишъ! Ты ны мянé тады вóўкамъ лядѣла, а тяперь и саўсймъ ня хочишъ,—мàмычка мыя нярóдныя!

Мать по взросломъ сынѣ.

А сыночикъ ты мой миливынькій, лѣпій бы я тябè царю аддалà, чимся пухувала! Я шъ бы тябé дыжыдàла, я шъ бы усё надѣилысь

сь тябé хлѣба! А я шъ дýмыла тябе къ толку прывéсьти, падрýжыньку табѣ выбирала.. А тяперь жы ýжо и падрýжынька ня трэ́ба! Лѣпій бы я тябé сусимъ ни рыджáла, нячи́мся я тябé гудувáла и вяли́кыга зыкыпáла... Я шъ ныть табóй хварэ́ла—балѣла, а кары́сьти ниякія ня мѣла. Я шъ тябé ниразъ ни забуду, пакуль жы́ва буду, уси сьлядóчки твае́ прыплáчу, вочаньки усй свае́ пытрáчу, пы табѣ, мой сыночикъ миленькій! Дыжыдáла я пирямѣны-спомычи, а дыждáла кручины-нéмычи... А хто шъ табѣ, мой сыночикъ, тяперь прыкукýитъ, прыщабéчитъ? Ай, я шъ ны табѣ млѣю-гарюю, а ты ляжы́шъ висёлинькій, спакойнинькій...

Мать по взрослой дочери.

Дачýшычка ты мыя рóдныинькыя! Лѣпій бы я тябé у люди аддалá, чимъ на тэ́й сьвѣтъ прыбрáла! Лѣпій бы ты, мыя́ дачýшка, красувáлыся и жыýшы висяли́лыся, чимся лижáть бýдишъ у сырэ́й зямéлицы, на тьвёрдый пасьтéлицы! Ягыдка мыя́ пидазрэ́лыя, бисъ пары́ ты атвали́лыся, на éтымъ сьвѣти ни пывисяли́лыся... А ты шъ у мяне́ адна былá, якъ рóжа у сади цвилá! Хто шъ маéй тяперь стáрысьти приглѣдитъ, а хто мнѣ пры стáрысьти ѣстыньки, питыньки пыдáсь? Дачýшычка мыя́ ми́линькыя, куды шъ ты прыбрáлыся, у дóўгыю дарóшку сыбрáлыся? Ниразу шъ ты ка мнѣ ý гóсьти ня прыйдишъ, а я шъ тябе буду ждать-ждать, и ни даждуся!...

Мать по ребенкѣ,

если умретъ внѣ дома.

А дитятухна ты маё рóдныя, ни чирызъ мяне́ ты на тэй сьвѣтъ пашлó: я шъ тябé вяртѣла-хýхлила, капъ табѣ тёплынька булó! Ажны шъ я тяперь вяртѣла тябé пасьлѣдній разбóчикъ! Прыдéть виснá—усéхъ дѣтычки бýдуть ны дварэ́ гудѣть, аднаго тольки тябé ня бýдить, маё дитятухна! А штобъ вѣдыла я етый дянёчикъ нищáсный, я шъ бы ня ры́лыся изъ дому! Знать жы табѣ батькывыя лáўки ни булó, што ты ны чужэй лáўцы ляжы́шъ, вясёлинькыя, давóлнинькыя, у чужэ́й маги́льникъ гляди́шъ..

Мошковская волость, Орш. у.

Дочь по отцѣ или матери.

Сейчасъ по кончинѣ.

Што шъ ты, радитильница, рóнная матушка (или—радитиль, ронный батюшка), аставила мяне гóрькаю нящáснаю сиратинушку! Къ каму шъ мнѣ тяперь сваю́ буйнаю галбушку прихинýть? У насъ жа шъ у цы́стымъ поли ни сады́ пасáжаны, ни луги́ пасѣяны, нищасныхъ, горькихъ сиратинýшакъ. Ты шъ, радитильница, рóнная матушка, размахни свай бѣлаи рýцаньки атъ рятивóга сярьдéцушка, ты шъ устань, радитильница, ронная матушка, пагавари́ съ намъ,

горькимъ сиро́тушкамъ, навуцы́ насъ тяжблаю работку ро́бить! Ни атвяца̀ишъ, наша радитильница, ронная матушка, ни ядйнага славе́цушка сваймъ го́рькимъ нящаснымъ сиро́тушкамъ!...

Когда тѣло вымоютъ и одѣнутъ.

Куды шъ ты, радитильница, ро́нная матушка, куды шъ ты знарядилася атъ насъ горькихъ сиро́тушакъ? Запустѣить жа твая́ тёплая изббушка, шырокая вулушка, гладкай дварбцыкъ! Ня услышымъ мы атъ сваей радитильницы, роннай матушки, никакбга гулбцку, тольки услышымъ у цы́стымъ поли, дрбмныхъ птýшацакъ, шэрыхъ кукýшацакъ. Буду шь я, горькая сиратинушка, примяцáть, дѣ будуть кукýшацки кукавáть, увиватца: ти ни радитильница, ронная матушка, прилятйть къ намъ, горькимъ сиротушкамъ?...

На слѣдующее утро, когда навѣщаютъ тѣло въ холодной избѣ.

Атапрй, мая́ радитильница, ронная матушка, атапрй ты намъ дьверцы! Хадй ты у тёплаю изббушку, абагрѣй сваи̂ бѣлаи рýцаньки, свай скбрап ножаньки! Имъ тамъ знабнёшынька, халаднёшынька... Што шъ ты расьсярьдилася, радйтильница, ро́нная ма̀тушка, ни атвяца̀ишь намь, горькимъ сиро́тушкамъ, ни ядйнага славе́цушка? Катбрай дянёцыкъ ня слышали мы атъ тябѐ гулбцка!...

При выносѣ въ церковь.

Ни улятáй, мая́ радитильница, ро́нная матушка! Запустѣить твая тёплая изббушка, шырокая вулушка, гладкай дварбцыкъ! Паслухай ты насъ, горькихъ сваéхъ сиротушакъ: мы шъ, горькаи сиротушки, нашата̀имся у цы́стымъ поли, бытта травинушки. Зазнабйла наша сярьде́цушка знаблёханька, ня ýвидимъ мы, горькаи сиро́тушки, ни краснага дянёцка, ни вясёлага цасбцка. Зарастýть наши пути-дарожаньки ца̀стымъ е́льницкамъ, густымъ бяре́зьницкамъ, а и горькимъ асйнушкамъ (тв. п. множ. ч.).

При опусканіи въ могилу.

Пасьлѣдній разбцыкъ, пасьлѣдній цасбцыкъ, свиданьня, праща̀ньня, радитильница, ронная матушка! Закатилась маё тёплая красная соýнушка, ня стала янб насъ сиро́тушакъ грѣть, маё тёплая сагрѣища! Выйду шъ я, горькая сиротушка, заýтра ранёшанька на шырбкаю вýлушку, пагляжу шъ я, горькая сиротушка, на цатыри старонушки: ти ня ýвижу идя́ маёй радитильницы, ро́ннай матушки? Ти ни размáхаваить ина сваимъ бѣламъ рýцанькамъ, сваимъ скорамъ ножанькамъ? (тв. п. множ. ч.).

Придя съ кладбища.

Упусьтила я сваю̀ радйтильницу, роннаю матушку,—ня ýвижу шъ я ни краснага дянёцка, ни вясёлага цасоцка! Зазнабйла маё сярьде́цушка на цѣлый гадбцыкъ!

Въ концѣ обѣда, когда подадутъ кисель.

Пейти, ѣшти, люди дббраи, успаминайти маю радйтильницу, рбнаю мàтушку! Мой любимый братицъ, салавiюшка! Выйди на шырбкаю вулушку, падъ касястая вакбшацка, падъ пярéдьняй вугалбцакъ,—ти ни стайть мая радитильница, рбнная матушка? Скажйти вы, добраи людцы: цыю вы бясѣдушку бясѣдуити, цыю вы пирушку пирýити,—ти ни маёй радитильницы, рбннаи матушки? Вы сходйти, привядити яè у тёплаю избðушку: ти нанрàвитца ёй смирённая бясѣдушка насъ, горькихъ сиротушакъ?...

Мать по дѣтямъ.

После кончины.

Маё мйлая дитятка, што шъ ты сащапила сваé бѣлаи рýцаньки къ ритйву сярьдéцушку, аставила мяне гбрькаю, нищаснаю? Я надѣилась, гарюша, што бýдить падъ маé скбраи нбжаньки, падъ бѣлаи руцаньки падмѣна! Скорая падмѣнушка, вѣрная слýжанька, лёгкая пасылушка, куды шъ ты, куды улятàишъ, сваю радйтильницу кидàишъ?

Когда выносятъ изъ дому.

Пусьтила я свайгó мйлага дятёнацка, усю сйлушку палажыла, сырую зямéлюшку ни напбýнила. Прилятàй жа шъ, мой милый дятёначакъ, у сваю тёплаю избðушку, развяди шъ ты таскý-круцынушку сваёй радитильницы, рбннаи матушки!...

При опусканiи въ могилу.

Упусьтила я сваю милаю дитятку-пташацку! Закатилась маё красная тёплая сбýнушка! Ня бýдить жа шъ янó грѣть мянè у старасьти! Упусьтила я сваю милаю пташацку у сыру зямéлюшку, у жаýты пясбцки! Прилятàй, мая милая дрбмная птàшацка, въ вячарý пазьнёханька, на утрý ранёханька, къ сваёй радйтильницы, рбннай матушки, абагрѣй жа шъ сваè бѣлаи руцаньки-ножаньки у тёплай избðушки, у мягкай падушацки!...

На слѣдующiй день послѣ погребенiя.

Пиряймй, мой милай дятёнацыкъ, мянè гбрькаю съ круцынушкай! Приляти у тёплаю избðашку, атагрѣй сваé бѣлаи руцаньки, сваé скбраи нбжаньки, пагаманй съ тваёй радйтильницай, рбннай мàтушкай! Я шъ сягбняшняю тёмнаю ноцушку прислýхавалась: съ катбрай старбнушки падàшъ гулбцыкъ сваёй радйтильницы, маё ясная сбýнушка! Прилятàй, мая милая дрбмная птàшацка, развяди маю таскý круцынушку! Я шъ пайдý у цыстая пблюшка на тяжблаю работушку, пагляжу, маё рбнная дйтятка, на ýси цатыри старбнушки: ти ни лятйть мая милая дромная пташацка, шэрая кукушацка? Приляти, маё

милая дромная ди́тятка, у цыстая по́люшка, на широкаю нивушку, на тяжо́лаю работушку, къ сваёй ранно́й ма́тушки, надмяни мае́ слабаи ножаньки-руданьки!...

Дер. Дѣино ракитинскаго прихода Невельск. у., на границѣ Псковской губерніи. Много старообрядцевъ.

Дочь по отцѣ.

А што шъ ты насъ, татка, паки́нуў, татка нашъ кармилицъ, паки́нуў ты насъ на го́ря ма̀линькихъ, а цужы́и шъ татки ни жа̀лысьливы. Мы шъ якъ по́йдимъ, татка, ны ра́боту, мы шъ усю́дыхъ, татка, будимъ тябе́ сацы́ть и пригляда́ть: ти ни ў́зна̀имъ тябе́, татка, ти ны па̀хатки, ти ны рабо́тки! А нашто шъ ты пакинуў насъ, дро́бниньких и малиньких? Мы шъ тяперь, татка, усимъ будимъ миша́ть, мы шъ тяперь, татка, будимъ мно́га мѣсьтицка занимать, а у тябе шъ, татка, мы были́ ни зна̀цны и ня ви́дны. Уси шъ ныдъ нами, татка, надзру́гуютца. А мы шъ будимъ тяперь, татка, лиха ѣсь, лиха пить! А татка, нашъ кармилицъ! А ныста̀нить лѣтца тёплая: пта̀сэцки зыпаю́ть, зязюлицки зыкуку́ють,—а мы шъ тябе, татка, усюдыхъ будимъ сацы́ть: ти падъ бѣлый бярёзый, ти пать крутымъ бирига̀мъ (мн. ч.). А татка ты нашъ, кармилицъ, сылаве́йка ты нашъ!...

Дочь по матери.

Мамка зязю́лька, мамка кукушка! Што шъ ты на́съ паки́ныла на горя ма̀линькихъ? Цужыи шъ матки ни жалысьливы и ня ми́лысьтивы! Мамка зязю́лька, мамка кармилица! Хто шъ тяперь насъ будить ны рабо́тку сныриж̀ать, а хто шъ тяперь будить рызбужать? Мамка-зязюлька, што шъ насъ ни ў́зрасьтила, уму-разуму ни дывила̀? Мамка, мы шъ яще́ глу́пы, мы шъ яще ду́рны! Цужыи шъ матки насъ ня будуть да разуму давадить, мамка! А еще́ большы будуть съ толку збивать, мамка! Цужыи шъ мамки насъ няпріятна ны работу снырижають, мамка, и съ работы няпріи́тна дыжыдають, мамка!

Д. Альшуты, Узковск. вол., Велижск. у., Витебск. губ.

Если послѣ умершей матери останутся малолѣтнія сироты, ихъ навѣщаютъ деревенскія старухи. Придя въ хату, старуха беретъ на колѣни сироту и поетъ эти пѣсни. Затѣмъ она чешетъ имъ головы, моетъ рубашонки и т. д.

О, круцынушка по́ двару хо́дить,
Зы сабо́й дробныхъ дѣтушыкъ во́дить;
„Вы шъ ни плацтя, дѣтки, ни тужы́тя!
Я куплю вамъ мани́сту зылату́ю,
Я й састро́ю вамъ горинку наву́ю,
Привяду́ вамъ матку мыладу́ю!“
— Охъ, рассы́пся маниста зылата̀я,
Ой, згари́ тая го́ринка нывая́,

Прыпадй тая матка мыладáя,
Выскрясни шъ, наша матушка рыднàя,
Охъ, катóрая насъ мати пырадйла,
Тёмный нóцушки ни ўсыпàла,
Ина малинькихъ насъ гыдывàла,
Пирямѣнушки сабѣ дыжыдàла!...

—

Якъ у пóли, у пóли при дарóжыньки,
Тамъ стыяла, стыяла двѣ сиротыцки.
Яны Богу молютца, Христу клàніютца:
„Пыднимйтя шъ, пыднимитя вы буйны вятры,
Вызгрябйтя 2 вы жолтыи пяскй,
Пыднимитя 2 грыбавўю даскў:
Пусь устанить 2 рóдна матушка!
Мы ёй усё 2 пыжàлимситка,
Мы ёй усё 2 рыжжàлимситка:
Мы й дирявыхъ рубашыкъ нынасйлиситка,
Мы и нисалёный капустки ныхлибàлиситка,
Мы й въ канцы стылà ныстыялиситка,
Мы й праклённыхъ кусóцкыў наидàлиситка!“

Ильинская вол. Отъ кр. Евф. Ѳеоктистовой,
зап. Ѳ. Т. Филипповъ.

Общія поминки.

Кромѣ отдѣльныхъ поминальныхъ дней по каждомъ умершемъ, въ Бѣлоруссіи имѣются и общіе поминальные дни, въ которые совершаются поминовенія всѣхъ вообще умершихъ. Число такихъ дней въ различныхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи не одинаково: въ однихъ ихъ только два, въ другихъ число ихъ доходитъ до пяти.

Ниже предлагаются краткія описанія такихъ поминокъ изъ различныхъ пунктовъ Могилевской губерніи.

Изъ поминальныхъ дней крестьяне Мстиславскаго уѣзда особенно чествуютъ „Родительскую субботу“, что предъ 26 октября, и „Радуницу“—во вторникъ Ѳоминой недѣли.

Чествованіе Родительской субботы выражается въ томъ, что къ поминальному столу приготовляется непремѣнно двѣнадцать „потравъ“—кушаній.

На Радуницу крестьяне работаютъ только до полудня. А потомъ одѣваются въ праздничное платье, приглашаютъ священника и отправляются на кладбище, неся съ собою крашеныя яйца, кушанья и водку. Послѣ того, какъ священникѣ совершитъ панихиды надъ могилами и уѣдетъ, всѣ усаживаются на могильныхъ насыпяхъ и

прежде всего катаютъ по нимъ крашеныя яйца. Затѣмъ застилаютъ могилы скатертями и устанавливаютъ на нихъ принесенныя кушанья и напитки, которыми угощаются сами и приглашаютъ къ угощенію родныхъ и знакомыхъ. Про этотъ день существуетъ поговорка: „На Радуницу до обѣда пашутъ, въ обѣдъ плачутъ, а вечеромъ скачутъ".

Ослянская вол., Мстисл. у.

Родительская суббота чаще называется „дѣды". Подъ этимъ названіемъ разумѣются души предковъ. Дѣды чествуются вечеромъ. Къ этому времени обязательно слѣдуетъ вымыть и убрать хату и вычистить дворъ. Дѣлается это вопервыхъ для того, чтобы душамъ было чисто, а вовторыхъ, чтобы показать дѣдамъ, что дѣти продолжаютъ поддерживать въ надлежащемъ порядкѣ заведенное дѣдами хозяйство. Вообще, прихода дѣдовъ ждутъ съ трепетомъ, какъ ревизіи.

Вечеромъ на столѣ обязательно ставится „коливо", по возможности не въ глиняной мискѣ, а въ деревянной, точеной, полированной чашкѣ. Коливо—это разсыченный въ теплой водѣ медъ, съ покрошенными баранками или булкою, или же съ пшеничной крутой кутьей. По краямъ чашки кладутся цѣвьями внизъ ложки, по числу ожидаемыхъ дѣдовъ или записанныхъ въ поминальницѣ умершихъ.

Съ наступленіемъ вечера надѣваютъ чистое бѣлье, зажигаютъ предъ образами лампадку и свѣчи, накуриваютъ ладаномъ и становятся на продолжительную молитву. Предъ молитвой глава семейства приглашаетъ покойныхъ: „Святыя дяды́, хади́тя къ намъ, на што Богъ даў".

Во время молитвы дѣды, какъ вѣрятъ, кушаютъ коливо. Другихъ кушаній, по взгляду населенія Гомельскаго уѣзда, дѣды не ѣдятъ.

По окончаніи молитвы, ужинъ семьи начинается также съ колива, которое ѣдятъ съ благоговѣніемъ „за душачки правоставшія", и не болѣе, какъ по три ложки каждый членъ семьи. Напитки на столъ не допускаются. Н. Бѣлица, Гомельск. у.

Радуница бываетъ во вторникъ Ѳоминой недѣли. Въ этотъ день пекутъ блины, варятъ и жарятъ мясо, колбасы, приготовляютъ сыръ, пироги, красятъ яйца; все это укладываютъ въ лукошко и всей семьей отправляются на кладбище. Одну изъ могилъ родственниковъ застилаютъ бѣлой скатертью и на ней раскладываютъ принесенныя кушанья и ставятъ бутылку водки. По совершеніи на могилахъ панихидъ, нѣсколько пришедшихъ родственныхъ семей собираются вмѣстѣ и, поминая покойниковъ, пьютъ принесенную водку и закусываютъ, поютъ „жалобныя псалмы" и ведутъ разговоръ преимущественно о покойникахъ. Если въ это время случится кому-либо проходить или проѣзжать мимо кладбища, его обязательно приглашаютъ принять участіе въ трапезѣ.

Если священникъ не пріѣдетъ на кладбище, тогда зовутъ „старцѳвъ“, нищихъ, и они поютъ на могилахъ или свои поминальные стихи или заученныя наизусть панихиды. Ихъ за это надѣляютъ яйцами, хлѣбомъ, угощаютъ водкой, даютъ и деньги. Остатки трапезъ также раздаются нищимъ.

Кое-гдѣ сохранился еще обычай христосоваться съ покойниками: „Христосъ воскрёсъ, таточка!“ Цѣлуютъ крашеное яйцо и зарываютъ его въ могильную насыпь. Затѣмъ туда же вливаютъ и рюмку водки предъ началомъ трапезы. Наливъ рюмку, старшій въ семьѣ поднимаетъ ее и говоритъ: „Будь-ка жъ жыў, камў дадуть! а табѣ, татуличка, царства нябесная, свѣтлый рай!“ и выливаетъ рюмку въ изголовье могилы. „Нихай жа жъ и ямў дастанѣтца чарачка!“

Пропойск. вол. Быхов. у.

Въ Оршанскомъ уѣздѣ „родителей“ поминаютъ въ седьмую субботу по Пасхѣ, субботу предъ 26 октября и въ субботу предъ масляницей. Вторая изъ указанныхъ субботъ называется „Зми́трыўка—радитили“, остальныя—„дяды̀“. Въ эти дни въ церковь посылаются поминальницы и совершаются панихиды, а дома приготовляются обѣды пзъ особо установленныхъ поминальныхъ кушаній: поливки, клёцокъ, каши и блиновъ. Предъ обѣдомъ старшій въ семьѣ призываетъ покойниковъ къ столу: „Пымяни, Госпыди, душычки Ивана, Марьи, Андрея (и т. д.)! Хади́тя шъ вы къ на́шыму сталў хлѣба-соли атку́шыть!“

„Ра́дыница“ празднуется во вторникъ послѣ недѣли пасхальной. Въ этотъ день съ утра работаютъ, въ полдень моются въ банѣ, потомъ обѣдаютъ. Обѣдъ дѣлается „луччи пра́зьнишныга“ и непремѣнно съ водкой. Послѣ обѣда отправляются на кладбище всѣ, кромѣ стариковъ, не могущихъ уже дойти до кладбища. Женщины забираютъ съ собою различныя кушанья, крашеныя яйца и водку. Когда священникъ, совершивъ на могилахъ панихиды, уѣдетъ, пришедшіе соединяются по нѣскольку семействъ и угощаютъ другъ друга. Мужская молодежь въ это время бьется на яйца, какъ на Пасху. Около шести часовъ вечера всѣ расходятся. Старшіе и дѣти идутъ по домамъ, а молодежь собирается въ какой-нибудь домъ (посидѣлочную хватеру), приглашаетъ мѣстную музыку и заканчиваетъ день игрищемъ.

М. Рудня, Оршан. у.

Въ Быховскомъ уѣздѣ дѣды справляются „Змитроўськія—осеньскія, ў сыботу пирадъ ма́слинкой и пирадъ Тро́йцай и ў панядѣлакъ пирадъ Радаўницай“. Дѣды масленичныя называются „снѣ́даньнямъ“ (завтракомъ), радуницкіе—обѣдомъ, Троицкіе „по́лыднемъ“, а Дмитровскіе—„вячѐрай“ (ужиномъ). Дмитровскіе дѣды называются еще „то́ўстыми“, главными.

Дѣды справляются вечеромъ. Къ нимъ по возможности собираются всѣ члены семьи, кромѣ далеко отсутствующихъ. Готовятся къ

нимъ заблаговременно: припасаютъ муку на блины, подкармливаютъ кабанчика, приготовляютъ и всѣ другіе съѣстные припасы.

Въ самый день дѣдовъ кто-нибудь изъ членовъ семьи утромъ отправляется въ церковь съ поминальницами и тамъ поминаютъ на панихидѣ умершихъ. Въ церковь при этомъ приносится нѣсколько блиновъ, густая яичница, пирогъ или булочка хлѣба и стаканчикъ меду.

Вечеромъ готовится ужинъ, къ которому нерѣдко приглашаются и бѣдные сосѣди. Ужинать—„дѣдавáть", стараются попозже, чтобы послѣ ужина сейчасъ же лечь спать. Прежде, чѣмъ начать дѣдовать, зажигаютъ предъ иконою свѣчку и молятся Богу. Кушаній на дѣды, по крайней мѣрѣ—на Дмитровскіе, должно быть двѣнадцать. Во всѣ кушанья, кромѣ конечно молочныхъ, какъ и мучныхъ печеній, кладется по три куска мяса. Кушанья подаются приблизительно въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Канунъ, съ баранками,
2) разсолъ, свекла, съ мясомъ,
3) крупеня, супъ съ крупою и картофелемъ,
4) бульбéшникъ, супъ съ картофелемъ,
5) галушки,
6) мясо отваренное,
7) ладки, оладьи, для умершихъ дѣтей.
8) юшка—уха съ лукомъ,
9) морковь или пастернакъ на молокѣ,
10) творогъ со сметаной,
11) яичница и
12) каша.

Порядокъ этотъ можетъ отчасти и измѣняться, но строго наблюдается, чтобы первымъ былъ канунъ, а послѣдними—яичница, каша.

Передъ тѣмъ, какъ садиться за столъ, старшій членъ семьи приглашаетъ умершихъ „родителей":

„Прáвядныя радúтяли! хадúтя къ намъ вячéрать, и сами, и вядúтя съ саббю малыхъ дѣтакъ, и тыхъ, кому нé къ каму ити!"

Послѣ ужина на концѣ стола ставятъ кружку воды, или льютъ воду въ уголъ подъ кутъ и въ уголъ, находящійся у порога противъ печи, и при этомъ говорятъ:

„Паѣли, радúтяльки,—нáтя и вадицы напúтясь!"

Къ ужину подается и водка, которую начинаютъ пить послѣ кануна.

С. Городецъ, Быховскаго уѣзда.

Въ Оршанскомъ уѣздѣ дѣды справляются въ тѣ же три субботы и „на провóдницу великодня"—Радуницу. Предъ вечеромъ „на дѣды" моются въ банѣ и оставляютъ на полкѣ ведро чистой воды и два вѣника, положенные крестъ-накрестъ ╳. Вечеромъ приходятъ покойнички мыться.

Точно также послѣ ужина оставляютъ на столѣ кутью въ чашкѣ, на края которой вокругъ кладутъ ложки, по числу дѣдовъ-покойниковъ.

Мошковская вол., Оршанск. у.

Въ рукописномъ „Описаніи Кричевскаго графства“ Мейера 1786 г. находимъ слѣдующія данныя о поминкахъ:

„Между протчими обрядными празднествами наблюдается еще въ Полевомъ и Милославичскомъ войтойвствахъ (въ Чериковскомъ и Климовичскомъ уѣздахъ) отъ славянъ занятое воспоминовеніе своихъ мертвыхъ. Кромѣ прародительской субботы, въ которую на кладбищи выносятъ цѣлыя блюды испеченнаго разными подобіями, какъ-то: трапецоидическими и треугольными видами хлѣба, ставятъ они чрезъ цѣлый годъ (?) на столы свои какъ за обѣдомъ, такъ и за ужиномъ лишный приборъ и не прежде за оныя садятся, какъ по громкогласномъ недавно умершаго своего сродственника къ онымъ приглашеніи.

На первой недѣлѣ послѣ Святой седьмицы собираются всѣхъ войтовствъ крестьяне, и имянно каждая деревня особо на свое кладбище; и разныя на оныхъ дѣлая тризны, обкатываютъ кругомъ могилъ своихъ сродственниковъ разноцвѣтныя яйцы, а особливо окрашенныя березовымъ листомъ въ желтую краску, и потомъ оныя не употребляя въ снѣдь, раздаютъ нищимъ. Уповательно, что они это дѣлаютъ для изъявленія чаянія своего о воскресеніи мертвыхъ“. (Стран. 19).

Игры и забавы
бѣлорусскихъ дѣтей.

Игры и забавы бѣлорусскихъ дѣтей.

Лицамъ, посвящавшимъ свои труды описанію дѣтскихъ игръ, не удалось выработать для нихъ опредѣленной системы. Происходитъ это потому, что большинство игръ сложны и могутъ быть разсматриваемы съ различныхъ сторонъ, и слѣдовательно съ равнымъ правомъ относимы къ различнымъ отдѣламъ. Если же избрать какой-либо опредѣленный терминъ, напримѣръ, мѣсто, гдѣ совершается игра, или время, когда она совершается, орудія игры, тогда нельзя избѣжать повтореній, такъ какъ однѣ и тѣ же игры часто могутъ совершаться и въ различныхъ мѣстахъ и въ различное время, какъ въ различныхъ играхъ могутъ употребляться одни и тѣ же орудія. Мнѣ кажется, дѣтскія игры можно болѣе или менѣе строго раздѣлить на два большихъ отдѣла: однѣ изъ нихъ развиваютъ въ дѣтяхъ наблюдательность, сообразительность, вдумчивость, находчивость, выдержку, чувство справедливости и т. д. Это игры интеллектуальныя. Къ другому отдѣлу относятся игры физическія: развивающія силу, ловкость, проворство, остроту зрѣнія и слуха и т. п. Таковы игры, сопряженныя съ бѣгомъ, прыганьемъ, ловлей, перетягиваніемъ, метаньемъ, попаданіемъ въ цѣль и т. д. Нѣкоторыя изъ нихъ требуютъ и орудій въ видѣ палокъ, шаровъ, мячей, деревяшекъ. Сюда же должны быть отнесены игры въ шляки—попаданіе въ цѣль, въ косточки и костяшки, развивающія ловкость и т. п. Приблизительно въ такомъ порядкѣ я и располагаю описанія игръ.

Долженъ оговориться, что большинство игръ мнѣ извѣстно съ дѣтства, какъ бывшему активному участнику въ нихъ; описаніе же тѣхъ, которыя за полвѣка улетучились изъ памяти, я просилъ сдѣлать самихъ дѣтей, учениковъ нѣкоторыхъ начальныхъ училищъ Могилевской и Витебской губерній. Къ ихъ записямъ присоединилъ свои и учитель Хоновскаго училища М. Онуфріевъ, записи котораго помѣщены мною въ „Мог. Стар." вып. III и въ сокращеніи приведены здѣсь.

Насколько извѣстно, описаніе бѣлорусскихъ игръ дано только Шейномъ (т. III, 191 и слѣд.—34 №№). Въ виду этого и предлагаемый матеріалъ, при всей его ограниченности, составитъ нѣкоторый вкладъ въ эту область бѣлорусской этнографіи,—хотя, конечно, играмъ слѣдовало бы посвятить спеціальное изслѣдованіе. Еще одно замѣчаніе: слово *игра* бѣлоруссъ примѣняетъ только къ музыкѣ: „пригожа скоморохъ играитъ на скрипки!" Въ сѣверовосточной

части Витебской губерніи еще „играють пѣсни“, т. е. поютъ. По примѣненію же къ играмъ употребляется слово гулять: „гуляли у шляки, будемъ гулять у короля“ и т. д., и слово *игра* замѣняется словомъ *гульня*. Даже въ карты бѣлоруссы „гуляють“, хотя о проигрышѣ и выигрышѣ выражаются правильно: „пройгравъ, выйгравъ“. Сообразно съ этимъ нѣтъ и слова *игрушка*. Его замѣняетъ слово *цацка*.

—

Въ короля. Играющіе кладутъ на столъ одну на другую руки ладонями внизъ и считаются: разъ, два—булдава и т. д., или другимъ счетомъ, но въ концѣ ихъ непремѣнно прибавляются слова: „краля! король! Самъ панъ король!“ При каждомъ словѣ тотъ играющій, чья рука внизу, вынимаетъ ее снизу и кладетъ на верхъ. Такъ чередуются всѣ руки. Тотъ, на чью руку придется фраза: „Самъ панъ король!“ считается королемъ. Всѣ остальные, кромѣ крали и вицекороля, подходятъ поочередно къ королю и спрашиваютъ:

— Король, король! Што прикажешь дѣлать? [1])

Отъ изобрѣтательности короля зависитъ дать каждому какую-нибудь интересную или смѣшную работу, напримѣръ:

— Иди ў порогъ и стой на одной ногѣ!

— Иди, поскачи (потанцуй)!

— Принеси въ зубахъ кружку воды!

— Въ одномъ углу помолись, въ другомъ поплачь, въ третьемъ посмѣйся, въ четвертомъ поскачи!

— Стань на головѣ!

— Спѣй пѣсню!

— Стань на часы! При этомъ играющій беретъ кочергу на-караулъ.

— Плавай!

— Будь сапожникомъ! При этомъ играющій садится на стулъ, машетъ руками, какъ будто растягиваетъ дратву, стучитъ кулакомъ, будто прибиваетъ гвоздями каблуки и т. д.

Въ короля. Играющихъ должно быть пятеро. Для игры берутся двѣ круглыя палочки съ корою, длиною въ полтора вершка, и расщепливаются вдоль на двѣ половины каждая. Каждый изъ играющихъ подбрасываетъ поочередно расщепленныя палочки вверхъ. Если при паденіи онѣ разсыплются такъ, что всѣ четыре лягутъ кверху разрѣзами, бѣлыми сторонами, то бросавшій ихъ дѣлается королемъ. Если всѣ лягутъ корою вверхъ, тому быть цыганомъ; если пополамъ—двѣ корою вверхъ, двѣ разрѣзами, тотъ будетъ мужикомъ; если три корою и одна бѣлая—будетъ жидомъ, и наконецъ, если три бѣлыхъ и одна корою—тотъ будетъ старостою. Король присуждаетъ цыгана и жида къ наказанію, а староста наказываетъ ихъ жгутомъ по протянутой ладони. (Быхов. уѣздъ).

[1]) Въ діалогахъ я не соблюдаю точности отдѣльныхъ говоровъ.

Въ Ромельскомъ уѣздѣ для распредѣленія ролей пишутся записочки. На одной: „судья!“ На другой: „воръ!“ На третьей: „побѣдный человѣкъ!“ На четвертой: „катъ!“ Записочки свертываются въ трубочки и кладутся въ чашку или въ шапку, а затѣмъ по одной вынимаются оттуда играющими. У кого окажется записка съ словомъ „судья“, тотъ принимаетъ важный видъ и спрашиваетъ:

— Хто побѣдный человѣкъ?

— Я побѣдный человѣкъ! отвѣчаетъ тотъ, у кого записка съ этими словами.

— Хто у тебе коровку ўкравъ?

Побѣдный человѣкъ долженъ угадать, у кого записка съ словомъ: „воръ“. Если угадаетъ, тогда судья кричитъ:

— А, такъ ты у побѣднаго человѣка послѣднюю коровку крадешь! Катъ! Дать ему тепленькихъ пять штукъ!

Катъ беретъ жгутъ, побѣдный человѣкъ держитъ руку вора съ протянутой ладонью, и катъ даетъ по рукѣ пять легкихъ ударовъ. Если судья присудитъ пять „горячихъ“, удары будутъ сильнѣе; если же скажетъ:

— Дать ему пять изъ-подъ синяго камня!—тогда катъ размахивается и бьетъ изо всей силы, такъ-что у вора изъ глазъ слезы сыплются. Но къ такому наказанію прибѣгаютъ рѣдко, такъ какъ при слѣдующей жеребьевкѣ и судья можетъ стать воромъ, и тогда и ему дадутъ „изъ-подъ синяго камня“.

Если же побѣдный человѣкъ не угадаетъ, кто у него коровку укралъ, то судья кричитъ на него:

— А, ты честныхъ людей порочить! Катъ! Дай ему двѣ горячихъ!

И наказанію подвергается побѣдный человѣкъ.

Потомъ жребіи опять свертываются и бросаются въ чашку, и игра начинается снова.

Въ блудню, въ сучку. Играющіе выбираютъ невысокій сучковатый стволъ какого-нибудь кустарника или сучокъ грушеваго дерева и обрѣзываютъ на немъ сучья такъ, чтобы оставались шпеньки ихъ длиною до дюйма. Этотъ стволъ называется блудней или сучкой. Затѣмъ блудню втыкаютъ нижнимъ концомъ въ землю или въ щель пола, вырѣзываютъ круглую палочку вершка въ $1^1/_2$ длиною и, не снимая коры, раскалываютъ ее вдоль на двѣ части; потомъ каждый изъ играющихъ запасается небольшимъ крючкомъ изъ прута.

Тогда играющіе поочередно подбрасываютъ расколотую палочку кверху на поларшина и смотрятъ, какъ упадутъ расколотыя половинки: если онѣ обѣ лягутъ корою кверху, это называется „цыганъ“, и подбрасывавшій получаетъ право повѣсить свой крюкъ на первый сучокъ. Точно также крючекъ вѣшается, если обѣ половинки лягутъ расщепомъ, то есть бѣлыми сторонами, кверху. Это называется „король“. Если же одна

половинка ляжетъ кверху расщепомъ, а другая корою, то это называется „козелька“, „баранька“, „лыська“, и не даетъ права на поднятіе крючка. Такъ игра продолжается до тѣхъ поръ, пока крючки доберутся до верхняго сучка, который называется кашею. Нижній же называется „коростою“; гдѣ сучья рѣдки—называется „полемъ“, гдѣ совсѣмъ ихъ нѣтъ—„моремъ“ и т. д.

Кто первый доберется до каши, тотъ по уговору наказываетъ остальныхъ или щелчками, или заставляетъ прыгать на одной ногѣ извѣстное разстояніе и т. п. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ наказанію подвергается только наиболѣе отставшій, крючекъ котораго ниже всѣхъ. Ему завязываютъ глаза и затѣмъ вынимаютъ изъ земли блудню и бросаютъ ее на сколько можно дальше, не сходя съ мѣста. Проигравшій обязанъ ее разыскать. Если же не съумѣетъ этого сдѣлать, онъ долженъ съѣсть комъ земли. (Быховскій уѣздъ).

Въ Гомельскомъ уѣздѣ игру называютъ „Въ Москву“. Сучкамъ даются географическія названія: первый сучокъ называется Гомель, второй Бѣлица, третій Климовскъ (станція), четвертый Черниговъ, Козельскъ, Бровары, Кіевъ и т. д. (путь отъ Гомеля къ Кіеву), но самый верхній—Москва. Игра сопровождается восклицаніями:

— Вотъ, слава Богу, въ Черниговъ пріѣхавъ!

— Вотъ скоро въ Кіевѣ буду!

— Ахъ, когда бъ давъ Богъ скорѣй у Москву прибыть! и т. п.

Наказаніе проигравшему дѣлается по предварительному уговору.

Въ копны, въ кучи. Играющіе мѣряются на палкѣ, и чья рука придется на верху палки, тотъ долженъ свой кулакъ поставить на столъ. Мѣряться продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока останется одинъ. Каждый постепенно накладываетъ свой кулакъ на кулакъ перваго мальчика такъ, что получается цѣлый столбикъ изъ кулаковъ. Тогда тотъ мальчикъ, чей кулакъ лежитъ вторымъ сверху, говоритъ:

— Чія копа (или куча) на моей копѣ?

— Моя, отвѣчаетъ верхній мальчикъ.

— Ну, скидай долоў да ѣдь домоў!

Тотъ снимаетъ кулакъ.

Тогда слѣдующій спрашиваетъ у оставшагося верхняго:

— Чія куча на моей кучѣ? и т. д.

Когда останется только кулакъ одного мальчика, его спрашиваютъ:

— Чія копа въ полѣ?

— Моя?

— А коли ты её повезёшь домоў?

— Завтра!

— А кого ты будешь звать въ толокў?

— Сучку, внучку и тебе дурачка!

Затѣмъ, взлѣзши на печной столбъ, говоритъ.

— Я въ поле нагонявся, я и горя навидався, и за грядку сюда забрався, людей посмѣшить, дураковъ понабить!

И начинаетъ придумывать что-либо смѣшное, чтобы разсмѣшить остальныхъ играющихъ. Какъ только кто засмѣется, его берутъ за хохолъ и заставляютъ качать головой, а сами припѣваютъ:

— Качай тебе, Боже, въ темномъ лѣси, въ куролѣси. Ти лукъ, ти качанъ?

Если тотъ отвѣтитъ: „лукъ!" то его бьютъ слегка по головѣ и говорятъ: „тебѣ въ голову стукъ!"

Если скажетъ: „качанъ!" его опять берутъ за хохолъ и раскачиваютъ голову съ тѣмъ же припѣвомъ:

„Качай тебе, Боже, въ темномъ лѣси, въ куролеси. Ти лукъ, ти качанъ? и т. д.

Въ колички. Играющихъ только двое. Они дѣлаютъ себѣ по три колышка, одинъ—бѣлые безъ коры, другой—съ корою, и накалываютъ ими въ землѣ девять дырочекъ, по три въ рядъ. Въ первыя три ставитъ свои палочки играющій бѣлыми, во вторыя три ставятся черныя. Послѣднія три остаются свободными. Тогда первый мальчикъ переставляетъ одну свою палочку въ свободную дырочку, другой дѣлаетъ то же, но такъ, чтобы помѣшать товарищу поставить свои колышки въ рядъ въ какомъ бы то ни было направленіи—горизонтальномъ, вертикальномъ или наклонномъ. Кто изъ играющихъ успѣетъ это сдѣлать, тотъ даетъ проигравшему условленное число щелчковъ. Та же игра, что у гимназистовъ въ крестики и нули при 16 прямыхъ углахъ. (Г. Сѣнно).

Въ конопли Число играющихъ не ограничено. Мѣряются на палкѣ и выбираютъ „дѣдьку". Дѣдька беретъ чепелу, а всѣ остальные садятся. Съ чепелою дѣдька ходитъ вокругъ сидящихъ, стучитъ въ землю и говоритъ къ одному или къ одной изъ сидящихъ:

— Бра́ла бъ я коноплі, бра́ла бъ щѐ бо́ли, китки снопки невелички, да товаришей мало. Ты, Марьянка, пристань ко мнѣ! Коли не пристанешь, велю кіемъ дати, за воро́ты прогнати, собаками заскува́ти! Пойди, дѣвка, замужъ: не будешь ни толо*ть*, ни молоть, ни су горъ воду̂ носить: су горъ вода сама текла. Корбмиселъ золотый, самъ князь молодый,— пойди, дѣвка, замужъ!.. Та встаетъ, подходитъ къ дѣдькѣ и держится за него сзади.

Дѣдька съ такимъ же обращеніемъ подходитъ къ другому, къ третьему, ко всѣмъ участникамъ игры. Всѣ они становятся позади дѣдьки и составляютъ плетенку, держась другъ за друга.

Тогда дѣдька начинаетъ кашлять: „а-кхи! а-кхи!"

Самый задній въ плетенкѣ спрашиваетъ:

„Чего ты, дѣдька, кашляешь?"

— Какъ же мнѣ не кашлять, мое дитятко! Набравъ жонокъ молодыхъ: не хочуть ни толоть, ни молоть, ни су горъ воду̀ носить! Затѣмъ хочетъ бить самаго задняго чепелой: „чего ты к-ва, ишла за менѐ замужъ!“ А когда тотъ убѣжитъ, дѣдька такимъ же образомъ прогоняетъ и слѣдующихъ. Остается только тотъ, котораго дѣдька выбралъ первымъ. Они вдвоемъ начинаютъ кружиться, танцевать, причемъ дѣдька поетъ:

„Мы съ тобой, бабка, вѣкъ вѣковали, съ адныѐ ложки крупки клювали!“ На это̀мъ игра кончается.

Въ шило. Играющіе садятся въ кругъ, поднимаютъ колѣни кверху, чтобы подъ ними можно было просовывать руки и затѣмъ накрываютъ ноги свитками или платками. Изъ соломы или полотенца скручиваютъ жгутъ. Одинъ мальчикъ садится внутри круга, а кто-нибудь изъ играющихъ незамѣтно бьетъ его жгутомъ, который тотчасъ же передаетъ подъ закрытыми колѣнями сосѣду, тотъ въ свою очередь слѣдующему и т. д. При этомъ говорится: „Бей, шей, пошивай, да̀лѣй, да̀лѣй посылай!“

Въ то время, когда мальчикъ, сидящій въ кругу, старается перенять жгутъ, тотъ, кому онъ переданъ, снова бьетъ мальчика и передаетъ жгутъ сосѣду и т. д. Если же мальчикъ, сидящій въ кругу, перехватитъ жгутъ у кого либо, тогда виновный идетъ въ кругъ, а тотъ занимаетъ его мѣсто. Игра продолжается сколько угодно. (Сѣннен. у.).

Въ Гомельскомъ уѣздѣ прячутъ руки не подъ колѣнями, а за спиною и формула употребляется такая: „Шей, шей, пошивай да другому подавай!“ Въ остальномъ игры сходны.

Въ чорта и матку. Собравшіяся дѣти выбираютъ себѣ матку и чорта. Для этого обыкновенно „мѣряются“ па палку, обхватывая ее поочередно руками. Чья рука придется на верхній конецъ палки, тотъ матка, чья рука въ самомъ низу, тотъ чортъ. Затѣмъ остальныя дѣти садятся другъ около друга въ рядъ и кладутъ руки на колѣни съ раскрытыми ладонями. Чортъ отходитъ въ сторону и становится спиной къ играющимъ. Матка беретъ уголь и, обходя рядъ, кладетъ его кому либо въ руки. Тогда всѣ играющіе закрываютъ ладони, а матка говоритъ чорту:

Чортъ, чортъ, ходѝ на диво,
На солбдкое пиво!

Чортъ подходитъ и по физіономіямъ играющихъ и по положенію рукъ ихъ старается угадать, у кого уголь. Если не угадаетъ, то его прогоняютъ, и матка перепрятываетъ уголекъ. Если же угадаетъ, то обладатель уголька дѣлается „чертененкомъ“ и уходитъ изъ ряда. Потомъ чортъ снова отходитъ, а матка опять раздаетъ уголекъ и зоветъ чорта отгадывать. Такъ игра продолжается до тѣхъ поръ, пока чортъ не выберетъ себѣ половину дѣтей. Тогда берутъ палку,

и дѣти матки хватаются за нее съ одной стороны, а чертененки съ другой, и стараются другъ друга перетянуть. Если перетянетъ партія матки, то всѣ играющіе будутъ „маткины дѣти“, въ противномъ же случаѣ всѣ станутъ „чортовыми дѣтьми“.

Въ угольки. Матка раздаетъ уголекъ играющимъ, а чортъ угадываетъ, кому уголекъ отданъ. Если угадаетъ, беретъ себѣ державшаго уголекъ, въ противномъ случаѣ онъ остается маткинымъ. Когда сидѣть остается только одинъ, матка говоритъ: „угадай, ти у матки, ти у дитятки?“ А когда останется одна матка, она беретъ два угля: одинъ большой, который называется „маткою“, другой меньшій, называемый „дитяткомъ“. Матка беретъ одинъ изъ этихъ угольковъ въ правую руку, другой въ лѣвую и спрашиваютъ у чорта: „гдѣ матка, гдѣ дитятка?“

Послѣ этого чортъ и матка садятся на землю, упираясь ступнями другъ въ друга. И берутъ въ руки палку и перетягиваютъ одинъ другого до трехъ разъ. Часто въ этомъ перетягиваніи участвуютъ дѣти матки и чертенята. Побѣдитель становитъ своихъ дѣтей въ два ряда; они берутъ въ руки какую-либо тряпку или полотенце, поясъ, шапку или веревку, а побѣжденные должны три раза пробѣжать между рядовъ побѣдителей, которые при этомъ бьютъ ихъ припасенными тряпками, поясами, шапками.

Въ угольки. Для этой игры выбираются чортъ и матка. Дѣти садятся въ рядъ, чортъ отходитъ и становится къ дѣтямъ спиною, а матка въ это время раздаетъ имъ уголекъ. Чортъ долженъ отгадать, кому она отдала уголекъ. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ дѣти будутъ „отгаданы“. Тогда матка идетъ „лазьню“ топить. Насыплетъ съ дѣтьми небольшой курганчикъ изъ песку, поставитъ дѣтей въ очерченный кругъ и идетъ звать чорта „у лазьню.“

— Чортъ, чортъ, ходи ў лазьню париться!

— Не пойду я: я твоихъ собакъ боюся!

— Моѐ собаки на замкáхъ!

Чортъ идéтъ смотрѣть „собакъ“, а они всѣ въ кругу.

Тогда онъ идетъ „у лазьню“ и ложится на песчаный курганчикъ. Матка выпускаетъ „собакъ“ изъ круга; онѣ стаей бросаются на чорта и прогоняютъ его „изъ лазьни“.

Въ краски. Играющіе выбираютъ ангела, чорта и матку. Ангелъ и чортъ отходятъ, а матка садитъ дѣтей въ рядъ и даетъ имъ названія разныхъ „красокъ“ (цвѣтовъ). Тогда подходитъ ангелъ и стучитъ:

— Стукъ! стукъ!

— Хто тамъ?

— Ангелъ!

— Чего ты?

— За краской!

— За якой?

— За ромашкой!

Если среди играющихъ есть такой цвѣтокъ, онъ встаетъ и уходитъ къ ангелу, а если нѣтъ, ангелъ уходитъ одинъ.

Тогда подходитъ чортъ.

Стукъ-стукъ!

— Хто тамъ?

— Чортъ!

— Чего?

— За краской!

— За якой?

— За розой!

Такъ играютъ, пока всѣ цвѣты будутъ узнаны.

Тогда матка кладетъ длинную палку и заставляетъ пройти въ длину ея чорта и ангела, а затѣмъ и всѣ „краски". Которая пройдетъ палку, та ангелова, а которая свихнется, та чортова.

Иногда даются имена не только цвѣтовъ, но и животныхъ, насѣкомыхъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ дѣти ангела и чорта перетягиваются на палкѣ. И тогда слабѣйшаго гонятъ сквозь строй.

Въ село. Играющіе выбираютъ хозяина, ангела и чорта. Затѣмъ ангелъ и чортъ отходятъ, а хозяинъ даетъ всѣмъ играющимъ имена какихъ-нибудь селъ или деревень. Подходитъ чортъ.

— Бумъ-бумъ!

— Хто идѣть?

— Самъ чортъ!

— За чимъ?

— За селомъ!

— За якимъ?

— За тамимъ и такимъ!

Называетъ имя селенія.

Если среди играющихъ находится такое названіе, тотъ замѣняетъ чорта, а чортъ садится на его мѣсто. Если же не угадаетъ, тогда подходитъ ангелъ и звонитъ:

— Динь-динь!

— Хто идеть?

— Ангелъ!

— За чимъ?

— За селомъ и т. д.

Въ жутку. Играющіе прежде всего выбираютъ себѣ бабу. Баба садится на скамейку и призываетъ къ себѣ одного изъ играющихъ. Тотъ нагибается лицомъ къ колѣнямъ бабы, а она накрываетъ чѣмъ либо его голову. Тогда играющіе подходятъ по одному и слегка бьютъ закрытаго товарища жгутомъ. Когда всѣ подойдутъ, баба открываетъ ему голову и спрашиваетъ, кто билъ первый. Если тотъ не узнаетъ и укажетъ на кого-либо другого, то ему кричатъ:

— Мышку зьѣвъ! Мышку зьѣвъ!

И опять накрываютъ ему голову, до тѣхъ поръ, пока угадаетъ, кто его ударилъ первымъ.

Тогда накрываютъ голову тому мальчику, который первымъ билъ, и игра продолжается.

Бить накрытаго имѣетъ право и баба, и если накрытый не не узнаетъ, что это она била, то ему кричатъ:

— Старая баба на соль взяла!

Баба не перемѣняется до конца игры. Она выбирается изъ мальчиковъ посолиднѣе и не должна утаивать того, кто билъ первымъ.

Игра эта въ наибольшемъ ходу въ Коляды и въ Масленицу.

Въ кулюкушки. Играющіе мѣряются на палкѣ и выбираютъ кулюкуванника. Онъ садится въ опредѣленномъ мѣстѣ и зажмуриваетъ глаза, или ему ихъ завязываютъ платкомъ. Остальные играющіе въ это время прячутся во дворѣ или въ овинѣ, въ сѣнѣ, соломѣ и т. д.

Посидѣвъ немного, кулюкуванникъ спрашиваетъ: „ти годъ?“ Если кто еще не успѣлъ спрятаться, то кричитъ: „еще нѣтъ!“ Въ противномъ же случаѣ всѣ молчатъ, чтобы не выдать, кто гдѣ спрятался.

Тогда кулюкуванникъ снимаетъ повязку съ глазъ и идетъ разыскивать спрятавшихся. Если кого найдетъ, то отводитъ на то мѣсто, гдѣ кулюкувалъ. Приведенный долженъ тамъ плюнуть и остаться. Онъ называется „забитымъ“. Кулюкуванникъ же ищетъ остальныхъ участниковъ игры и когда найдетъ, то кулюкувать остается тотъ, который найденъ первымъ, и игра продолжается. (Островенская волос., Сѣнненск. уѣзда).

Стрѣлецъ. Играющіе мѣряются и выбираютъ стрѣльца и двухъ или трехъ собакъ. Всѣ остальные дѣлаются зайцами. Зайцы прячутся по кустамъ, по ямамъ, въ лѣсу—смотря, гдѣ пасутся мальчуганами лошади. Тогда выходитъ стрѣлецъ и кричитъ: бахъ! бахъ! (стрѣляетъ). Собаки тогда бѣгутъ во всѣ стороны, находятъ зайцевъ и выгоняютъ ихъ на открытое мѣсто. На каждаго изъ нихъ стрѣлецъ долженъ крикнуть: бахъ! бахъ! Иначе заяцъ опять скроется и его придется отыскивать вторично.

Въ слѣпца. Во время настьбы лошадей конюшки собираются вмѣстѣ и считаются, кому быть слѣпцомъ. Тогда завязываютъ слѣпцу глаза, выводятъ его на чистое мѣсто и ставятъ „ракомъ“ — на четверенькахъ. Потомъ каждый изъ играющихъ подходитъ къ слѣпцу и бросаетъ изъ подъ него свою шапку,— всѣ въ одномъ направленіи. Когда всѣ шапки будутъ подброшены, тогда слѣпецъ долженъ ползкомъ разыскивать ихъ съ завязанными глазами. Какъ только ему попадется подъ руки чья нибудь шапка, онъ тотчасъ вскакиваетъ, снимаетъ повязку съ глазъ и убѣгаетъ. Хозяинъ шапки гонится за нимъ и отнимаетъ свою шапку. Если же этого не сдѣлаетъ, то самъ становится слѣпцомъ.

Въ транпыжа. Можно играть втроемъ. Дѣлаютъ два транпыжа, то есть небольшія мѣченныя палочки, и одинъ изъ играющихъ, по уговору, бросаетъ ихъ далеко въ сторону, въ то время, когда другіе играющіе ложатся на землю, чтобы не видѣть, куда упадутъ транпыжи. Когда палочки будутъ заброшены, бросавшій кричитъ: „вставайте!“ и махнетъ рукой въ ту сторону, куда брошены палочки. Тѣ встаютъ и идутъ разыскивать ихъ. Кто найдетъ палочку раньше, тотъ ѣдетъ верхомъ на другомъ отъ мѣста находки до кона, то

есть до того мѣста, откуда транпыжи бросались.

Въ палочку-булавочку. Собирается нѣсколько мальчиковъ и мѣряются на палкѣ: одинъ обхватываетъ рукою палку на нижнемъ концѣ, слѣдующій вплотную надъ нимъ и т. д. Когда всѣ возьмутся за палку, а верхній конецъ ея еще свободенъ, тогда нижній мальчикъ снимаетъ свою руку снизу и обхватываетъ палку выше прочихъ мальчиковъ. То же дѣлаютъ и всѣ остальные, пока достигнутъ верхняго конца. Тотъ, чья рука придется на верхнемъ концѣ палки, долженъ „идти въ поле". Это значитъ, что ему бросаютъ далеко по улицѣ палку, и онъ долженъ бѣжать за нею и принести „къ огню" — обыкновенно къ воротамъ, къ тому мѣсту, откуда бросалась палка. Пока полевой бѣгаетъ за палкой, остальные участники должны спрятаться кто куда. Принеся палку къ воротамъ, полевой „отстукивается" и говоритъ:

„Палочка - булавочка домой пришла, дома никóго не нашла. Кого перваго нáйдить, той за палочкой пóйдить!" Оставивъ здѣсь палку, полевой отправляется отыскивать спрятавшихся товарищей, а тѣ стараются воспользоваться его отлучкой и, схвативъ палку, „отстукиваются". Если имъ это удастся, полевому вторично приходится идти въ поле, а остальные снова прячутся. Если же полевой вовремя предупредитъ попытку спрятавшихся завладѣть его палкой и самъ отстукается, тогда въ поле идетъ первый обнаруженный имъ мальчикъ изъ числа прятавшихся.

Условіе игры иногда осложняется тѣмъ, что полевого обязываютъ отыскать или застукать всѣхъ участниковъ. А это довольно трудно, если играющіе прячутся далеко отъ палки Когда мѣряются на палкѣ, нерѣдко бываетъ такъ, что остается свободнымъ маленькій кончикъ палки, который можно охватить не всею ладонью, а только однимъ-двумя пальцами. Тогда верхній мальчикъ протестуетъ и устраивается „судъ". На судъ идутъ верхній мальчикъ и его сосѣдъ снизу. Этотъ послѣдній беретъ въ руку оставшійся свободнымъ кончикъ палки, а жалобщикъ долженъ выбить у него изъ руки палку ударомъ своей шапки или пояса. Если ему это удастся, въ поле идетъ его сосѣдъ снизу, въ противномъ же случаѣ, то есть, если тотъ удержитъ палку при ударѣ шапкою, въ поле идетъ жалобщикъ. (Г. Сѣнно).

Татарская палочка. Играющіе считаются, чтобы выбрать старосту. Счетъ этотъ обыкновенно такой:

Разъ, два—булдавà,
Три, четыре—почепúли,
Пять, шесть – негдѣ сѣсть,
Семъ, восемъ—сѣно косимъ,
Девять, десять—деньги вѣсить.

—

Разъ, два, три, четыре,
Менѐ грáмоти учили,

Ни читать, ни писать,
Тольки въ нiплясы играть.
Я плясала, я плясала,
Себѣ ножку я зломала.

—

Шапочка татарочка,
Князь, не печалься:
Твоя жанá Марья
Спородила сына.
Якъ ему имя?
Царá Костинтúна!
Бубенъ, бубенъ,
Отдай дочку
За мойго сына!
У мойго сына
Трое сáней
Съ козырáми,
Гвóздемъ биты,
Шолкомъ шиты!
Ключъ!

На кого приходится послѣднее слово этихъ причетовъ, тотъ и дѣлается старостой. Тогда начинаютъ считаться снова, чтобы рѣшить, кому идти въ поле. Тому, на кого падетъ этотъ жребій, завязываютъ глаза платкомъ или надвигаютъ на глаза шапку, и потомъ забрасываютъ отсюда палку—„татарскую палочку.“ Затѣмъ открываютъ полевому глаза и онъ долженъ шагомъ идти разыскивать палку. Играющіе въ это время прячутся. Найдя палку, полевой возвращается съ нею на то мѣсто, откуда ее бросали и, постучавъ ею, отправляется отыскивать спрятавшихся. Увидя кого-нибудь изъ нихъ, онъ называетъ его по имени и бѣжитъ стучать палкою. — А, Иванька, Иванька, выходи! Иванька выходитъ. Тогда полевой ищетъ такимъ же образомъ и остальныхъ. Если кто изъ спрятавшихся подкрадется незамѣтно къ палкѣ и постучитъ ею, полевому снова завязываютъ глаза и посылаютъ искать палку. Если же онъ разыщетъ всѣхъ, то въ поле идетъ тотъ, кого онъ нашелъ первымъ.

Въ жмурки. Играющіе считаются или мѣряются на палкѣ и на кого падетъ послѣднее слово счета или кто возьметъ верхъ палки, тому завязываютъ глаза. Предъ этимъ онъ загоняетъ всѣхъ „подъ печь“, вслѣдствіе чего всѣ играющіе собираются въ опредѣленное мѣсто, а тотъ, кому завязываютъ глаза, идетъ потомъ туда ловить ихъ. Играющіе разбѣгаются оттуда, и слѣпому приходится ловить ихъ по всей хатѣ. Первый, пойманный имъ, замѣняетъ слѣпого и самъ начинаетъ ловить играющихъ, а бывшій слѣпецъ становится въ число прячущихся. (Чериков. у.).

Въ Гомельскомъ уѣздѣ эта игра называется **въ кота**. Такъ какъ эта игра комнатная, то дѣти обыкновенно считаются, но не мѣряются. Когда окажется котъ, то ему завязываютъ глаза и ведутъ, непремѣнно всѣ, къ порогу двери. Котъ берется за ручку двери, а сопровождающіе предлагаютъ слѣдующіе вопросы:

— Котъ, котъ, на чемъ стоишь?

— На дубу!
— За што держишься?
— За сукъ!
— Што на суку?
— Улья!

— Што въ ульяхъ?
— Пчелы!
— Што въ пчелахъ?
— Медъ!
— Кому да кому?
— Па́ни да пану̂!
— А намъ што?
— Г. на лопатѣ!

Тогда игращіе бьютъ кота въ спину подъ тактъ пѣсенки:

„Апана́съ, Апана́съ, твоя жонка у насъ увалилась у квасъ. Лови семъ годъ насъ!"

И съ послѣдними словами опрометью бросаются отъ кота въ разныя стороны. „По закону", въ церемоніи проводовъ кота до порога обязаны участвовать всѣ играющіе, но обыкновенно трусы заранѣе прячутся, кто въ кочережникъ, кто подъ столъ.

Смѣняетъ кота первый, кого онъ поймаетъ. Церемонія проводовъ повторяется надъ каждымъ котомъ.

Въ жмурки. Въ жмурки играютъ на дворѣ, въ полѣ, въ лѣсу. Сначала считаются, кому жмуриться.

Цы́нцу-волы́нцу,
Пятому-ла́дому,
Си́кусъ-бри́кусъ,
Радивонъ, выйди вонъ!

Или:

Хо́дить кошка
Коло вокошка,
Ма́нить дѣтокъ,
Коло клѣтокъ:
„Ахъ вы, дѣтки,—
Много васъ,
Красна шапка,
Прочь отъ насъ!"

Или:

Иванъ, Иванъ,
Подай стаканъ!
Подай лимонъ,
Выйди вонъ!

Тотъ, на кого придется послѣднее слово, выходитъ, а оставшійся послѣднимъ послѣ счета, жмурится, ставши за какимъ-нибудь прикрытіемъ, чтобы никого не видѣть. Играющіе прячутся. Черезъ нѣсколько минутъ оставшійся спрашиваетъ: „ти уже?" Ему отвѣчаютъ: „уже!" А если кто нибудь еще не успѣлъ спрятаться, то кричитъ: нѐ ще! нѐ ще!

Когда всѣ спрячутся, жмурка идетъ ихъ разыскивать. Какъ только онъ отойдетъ отъ того мѣста, гдѣ жмурился, всѣ спрятавшіеся стараются занять безъ него это мѣсто и „заплеваться", то есть плюнуть здѣсь. Жмурка старается въ это время поймать кого-нибудь и зачурить, то есть, схвативши или дотронувшись, сказать „чуръ!" Тогда жмуркой дѣлается пойманный.

Въ лыки. Чтобы играть въ лыки, два мальчика садятся на землѣ, упираясь ступнями другъ въ друга. Прочіе мальчики должны переходить черезъ ихъ ноги. Ихъ спрашиваютъ:

— Куды йдешь?
— У лыки!
— Ну, иди!

Когда всѣ перейдутъ въ лыки, тогда начинаютъ перепрыгивать черезъ ноги обратно, идя „изъ лыкъ". Сидящіе, не мѣняя позы, должны ихъ ловить. Чѣмъ

выше и проворнѣе мальчикъ прыгаетъ, тѣмъ труднѣе его поймать. Если же который будетъ пойманъ, онъ садится на мѣсто поймавшаго и самъ начинаетъ ловить другихъ. (Рогач. у.).

Въ южной Бѣлоруссіи эта игра называется игрою „въ соль“.

Играющіе, переходя черезъ ноги сидящихъ, поютъ хоромъ:

— Идéть байда́къ бéзъ соли, безъ солй!

Пока всѣ перейдутъ.

На обратномъ пути мальчишки сильно разбѣгаются и, перепрыгивая черезъ ноги, каждый отдѣльно кричитъ:

— Идéть байдакъ съ солью!

Въ остальномъ подробности игры тѣ же.

Въ перескочки. Играющіе снимаютъ шапки и складываютъ ихъ одна на другую столбикомъ. Потомъ въ томъ же порядкѣ, какъ сложены шапки, начинаютъ прыгать поверхъ столбика, такъ, чтобы не задѣть ногами шапокъ. Въ случаѣ кто-нибудь задѣнетъ шапки, его гонятъ „скрозь строй“. Для этого становятся всѣ одинъ за другимъ, разставивши въ стороны ноги, а задѣвшій шапки ползетъ у нихъ подъ ногами. Его въ это время бьютъ шапками

Пшено. Выбираютъ кота и мышку и становятся въ кругъ, взявшись за руки. Мышку пускаютъ въ середину круга, а кота оставляютъ внѣ. Котъ старается прорваться въ кругъ и схватить мышку. Играющіе же стараются его не пропустить; но если онъ тѣмъ не менѣе прорвется, они быстро выпускаютъ мышку изъ круга, а кота, наоборотъ, задерживаютъ. При этомъ котъ кричитъ: „шкы́ра въ пшено! шкы́ра въ пшено!“

Если коту удастся поймать мышку, она дѣлается котомъ, а котъ мышкой, и игра продолжается. (Чаус. у.).

Въ кота и мышку. Дѣти выбираютъ кота и мышку, и становятся въ кругъ, взявшись за руки. Мышку пускаютъ въ кругъ, а кота задерживаютъ внѣ круга. Если же котъ ворвется въ кругъ, играющіе тотчасъ выпускаютъ мышку изъ круга, а кота задерживаютъ въ кругу. Если онъ снова вырвется изъ круга, туда пускаютъ мышку и т. д. Играютъ до тѣхъ поръ, пока котъ все-таки изловитъ зазѣвавшуюся мышку. (Гом. у.).

Звонъ. Играющіе берутся за руки и составляютъ кругъ. Одинъ изъ нихъ входитъ въ кругъ и потомъ старается оттуда вырваться, но его не пускаютъ. Когда же онъ наконецъ вырвется и бросится бѣжать, играющіе стараются его поймать. Тотъ, кто поймаетъ, самъ дѣлается звономъ и идетъ въ кругъ. Игра продолжается снова.

Въ рагодана. Желающіе играть становятся въ кругъ и одинъ изъ нихъ „загадываетъ“, говоря: „Рагоданъ, рагоданъ, на четыре загаданъ. Катеринникъ носъ на пятнадцать верстъ. Шалдэ́-балдэ́, бунма́къ борода!“

При каждомъ словѣ онъ указываетъ пальцемъ на каждаго изъ играющихъ поочередно и на кого падетъ слово „борода“, тотъ начинаетъ ловить остальныхъ играющихъ, а тѣ отъ него убѣгаютъ. Поймавши кого-нибудь изъ убѣгающихъ, рагоданъ спрашиваетъ:

— Чій ты?

— Царо́въ!

— Ну, поможи мнѣ кбней ловить! И начинаютъ ловить вдвоемъ, потомъ втроемъ и т. д.

Д. Латыгово, Сѣнн. у.

Въ дѣтей. Половина играющихъ садится на землѣ въ видѣ круга—это дѣти, а другая—матки, становится позади каждаго изъ нихъ. Въ средину круга идетъ та, для которой не оказалось пары изъ числа играющихъ. Она называется яловка. Обходя стоящихъ, яловка спрашиваетъ у кого-нибудь:

— Кума, кума, продай дитя?

— Не продажное! Ступай дальше!

Тогда къ другой, къ третьей. Наконецъ какая-нибудь матка спроситъ:

— А якáя жъ твоя плата?

— На̀—бобу лопата!

И каждая бросается бѣжать въ противоположныя стороны вокругъ сидящихъ. Которая скорѣе добѣжитъ до оставленнаго дитяти, та становится маткой, а отставшая дѣлается яловкой, и игра продолжается.

Быховскій у.

Въ считки-бытки. Толпа дѣтей собирается въ кругъ, и выбираетъ себѣ счита. Обязанность его считать играющихъ, указывая на каждаго изъ нихъ по очереди. При этомъ употребляются такіе тексты:

Счи́тки-бы́тки, у воро́нки, у кокòшки; самъ вороне́цъ, выйди вонъ, на конецъ!

Или:

— Соломина, ело́мина, берестéнь, посвистéнь, Радиво́нъ, иди вонъ!

Тотъ, на кого придется послѣднее слово, выходитъ, и счетъ продолжается далѣе, пока останется одинъ.

Ему надо переловить всѣхъ играющихъ. Поймавши перваго, онъ спрашиваетъ:

— Чій ты сынъ?

— Гаршевъ!

— Ну, ступай со мной въ товарищи.

И ловятъ уже вдвоемъ, потомъ, поймавши еще одного, втроемъ и т. д.

Въ здогонки. Играющіе становятся въ кругъ и начинаютъ „считаться“. Считаніе это состоитъ въ томъ, что одинъ изъ играющихъ, ставши въ кругъ, указываетъ пальцемъ на каждаго изъ играющихъ и говоритъ для каждаго изъ нихъ по одному слову изъ принятой формулы. Такихъ формулъ много; нѣкоторыя приводятся:

„Цокъ-цыгиро́къ,
Пана Фида футоро́къ,
Прѣла-горѣла,
Замужъ летѣла,
Вусъ, бороду́съ,

Кислый квасъ,
Лови насъ!“

—

„Агодинъ, тригодинъ,
Сосновый, еловый,
Тристель-коростель,
Супѐка-кукарека,
Сапроня-зязюля!“

—

„Соломина, еломина,
Тристель-свистель,
Коникъ жбанъ,
Чимъ подкованъ?
Золотомъ битымъ,
Наводитымъ.
Эчь, прэчь!“

—

„Мужыкъ-вожыкъ,
Продаў ножыкъ,
Купиў мыла,
Помыў рыла“.

Быхов. у.

—

А чи-чѝ, сарока,
Куды лятишъ далёка?
Сѣла-пала ны таку
У чурвонымъ кылпаку.
Ня бѝ мяне пы баку,
Буду табѣ готъ служыть,
Саху на поля насить.
Прышоў ў поля—сахѝ нима,
Прышоў у дворъ—жаны нима.
— А йдѣ жана?—У мякини!
— Што радила?—А Якима!
— Хто купаў?—Сыбака!
— Чимъ завуть?—Кылбака!
— Идѣ ляжыть?—Пыдъ лаўкай!
— Чимъ накрыўся?—Кыряўкый!
— Дѣ пыклали?—Путъ кутомъ!
— Чимъ накрыли?—Лускутомъ!
И припѣўцы канецъ,
А мнѣ мёду карэцъ!

—

Питушокъ, питушокъ,
Зылатэй грыбянёкъ!
Ны саломцы спаў,
Ёнъ рана устаў,
Пу вадичку пашоў,
Мыладичку нашоў.
Мыладичка дыбра
Яму штоники дыла.
Ёнъ и тэя ни знасиў
И другія пупрасиў.

—

Мати сына радила,
На коника садила,
Шаўковыя пувады,
Вяди кыня ды вады.
Арэхува карыта
Поўна вады налита.
Тамъ мальчики ноги мыли,
А дѣвычки ваду пили.
А дѣвычки чатыры,
Капъ ихъ черви стачили.
А мальчикуў пять, пять,
У золыти сьпять, сьпять!

С. Высокое, Оршан. у.

—

Малатила я гарохъ,
На чужомъ тачку
На прыбудьничку.
Ка мнѣ куры лятять,
Литатуры лятять,
А я курыцу цапомъ,
А варбну малатомъ.
Палятѣла йна
Да на Йванаў дворъ.
А Иванъ Баркоў
Заганяў ваўкоў
На баярскій дворъ,
Гдѣ шапки шьють.
Прыгавариваюь:
Блоха баню тапила,
А вошъ парылася,
Съ палку ўдарылася:
„Вохи-вохи, ни магу,—
Патяните за нагу!“

—

Тарана̀, тарана̀,
Купи́ў батька барана̀,
Да ни скбблинага,
Да ни дбинага.
Матка дайла,
Даёнку пабйла!

—

А ты, котикъ, ни гуляй,
Начбвачки прыбирай!
Начбвачки склйзки,
Вядёрачки блйзки.
Крукъ обарва̀ўся,
А ты та̀къ аста̀ўся. Гомельск. у.

—

Ла̀тки, латки,
Дякбвы рыбя́тки
Гаро́хъ мылатйли,
Цапы̀ пулума̀ли,
За 'винъ закида̀ли,
Дячкў ни скыза̀ли.
Дякъ зыбранйўся,
Псь пыла̀ть звалйўся,
Дячиха сь печи,
Пабила плечи,
Пяту́хъ зь я̀мки—
Пабйў кля̀мки,
Курица съ палйцы,
Пабйла шклянйцы.

Оршан. у.

На кого упадаетъ послѣднее слово „счета", тотъ выходитъ изъ круга; счетъ продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ повыходятъ, останется только одинъ. Онъ обязанъ ловить играющихъ. Въ этомъ случаѣ игра варьируется: въ однихъ мѣстахъ оставшійся въ кругу обязанъ изловить одинъ всѣхъ играющихъ; въ другихъ на помощь ему приходятъ всѣ, кого онъ раньше поймаетъ: когда поймаетъ одного, начинаютъ ловить вдвоемъ; когда они поймаютъ по одному, ловятъ вчетверомъ и т. д. Для отдыха уходящихъ отъ погони устраивается особое „горячее мѣсто", гдѣ нельзя ловить играющихъ.

Окол. Клишинъ, Сѣнн. у.

Въ жида. Играющіе становятся въ рядъ и считаются:

Ахъ ты, уточка шарбй,
Поступай скорѣй домой:
Въ тебѐ сѐмеро дѣтей,
Восьмы́й селезень,
Девятая утка,
Десятая клютка
За моремъ пала,
Въ церкви стала.
Вы́сѣку дубинку,
Положу на полку.
Хто взявъ?—Я взявъ!
Радивонъ, выйди вонъ!

На кого придется слово „вонъ!" тотъ и жидъ. Всѣ убѣгаютъ отъ него, а онъ догоняетъ ихъ и ловитъ. Но пойманнымъ считается только тотъ, кого жидъ „зарѣжетъ", то есть проведетъ рукою по горлу. Первый, кого онъ такимъ образомъ зарѣжетъ, становится жидомъ на его мѣсто.

Въ козу. Въ козу играютъ главнымъ образомъ въ полѣ, во время пастьбы лошадей—„коло кбней". Прежде всего играющіе выбираютъ пастуха. Для этого они разставляютъ широко ноги и согнувшись, бросаютъ черезъ отверстіе между ногами шапки назадъ отъ себя. Чья шапка упадетъ ближе другихъ, тотъ и долженъ пасти козъ. Тогда играющіе вбиваютъ въ землю колышекъ, привязываютъ къ нему обротъ съ поводомъ и даютъ пастуху конецъ повода въ руки.

На такомъ разстояніи пастухъ долженъ находиться отъ колышка. Потомъ играющіе складываютъ у колышка свои шапки, которыя называются козами.

Пастухъ беретъ въ руки хворостину или кнутъ и пасетъ козъ, то есть старается не допустить играющихъ подбѣжать къ колышку и ухватить свою шапку такъ, чтобы пастухъ не ударилъ ихъ кнутомъ. Если же пастухъ допуститъ, что у него будетъ схвачено три козы (шапки), то его гонятъ сквозь строй. Для этого играющіе опять широко разставляютъ ноги, а провинившійся пастухъ долженъ на четверенькахъ бѣжать между ними. При этомъ его бьютъ шапками.

Въ горѣлыша. Играющіе становятся попарно, пара за парой, а впереди спиною къ парамъ, становится горѣлышъ. Онъ долженъ стоять прямо и ни въ какомъ случаѣ не смотрѣть по сторонамъ.

Когда всѣ установятся, горѣлышъ говоритъ: „горю!“ Ему отвѣчаютъ: „Гори, гори ясно, штобы не погасло. Пыхъ!“ Тогда задняя пара, раздѣлившись, обѣгаетъ играющихъ и горѣлыша и старается снова соединиться. Горѣлышъ долженъ по слуху узнать, что они бѣгутъ, и поймать одного изъ бѣгущихъ. Если поймаетъ, то становится парой впереди прочихъ, а горѣлышемъ дѣлается тотъ, кто отбился отъ своей пары. Тогда такъ же бѣжитъ слѣдующая пара и т. д. Иногда передняя пара старается заглушить шумъ бѣгущей задней пары или, наоборотъ, кричатъ ему: „бѣгутъ! бѣгутъ!“ Тотъ срывается съ мѣста, когда задняя пара еще не тронулась, чѣмъ возбуждаетъ всеобщій смѣхъ.

Играютъ тогда, когда можно бѣгать безъ обуви, „потому-что босикомъ легче бѣгать“. (Повсемѣстно).

Въ горлачики. Дѣти выбираютъ матку и кота. Затѣмъ всѣ остальные садятся на землю, а матка говоритъ коту: „Гляди жъ, котъ: я пойду въ поле на работу, а ты стереги тутъ горлачиковъ, чтобъ, Боже сохрани, никто ихъ не опрокинулъ!“ Матка отходитъ въ сторону, а котъ обходитъ сидящихъ дѣтей и говоритъ на одного: „Это сметанка!“ На другого: „Это сырбводка!“ На третьяго: „Это творожокъ!“ и т. д. И начинаетъ ихъ опрокидывать. Въ это время приходитъ матка, видитъ лежащіе горлачики и ловитъ кота. Когда поймаетъ, наказываетъ его: „Не трогай сметанки! не бей горлачей!“ Котъ старается вырваться и убѣжать.

Въ макъ. Играющіе мѣряются на палкѣ, и кто придется на верху, того ставятъ въ кругъ, а остальные, взявшись за руки, ходятъ вокругъ него и поютъ:

А посѣю я макъ да на долинѣ.
А вы жъ моѐ макбвочки,
Золотыя головочки,
Станьте въ радъ (рядъ),
Якъ бывъ макъ!

Послѣ этого останавливаются и спрашиваютъ у того, который стоитъ въ кругу:

— Ти оравъ на макъ?

— Оравъ!

Тогда снова начинають ходить вокругъ него и пѣть. Пропѣвши, спрашиваютъ:

— Ти скородивъ на макъ?

— Скородивъ!

Затѣмъ, послѣ каждаго пѣнія, послѣдовательно спрашиваютъ:

— Ти взошовъ макъ?

— Взошовъ!

— А ти цвитѣвъ макъ?

— Цвитѣвъ!

— А ти поспѣвъ макъ?

— Поспѣвъ!

Какъ только онъ скажетъ: „поспѣвъ!“ Такъ всѣ изъ круга бросаются къ нему и стараются схватить „за хохолъ“. При этомъ кричатъ:

— Трасúте макъ! Трасúте макъ. Бывшій въ кругѣ убѣгаетъ. (Д. Гончарово, Сѣнн. у.).

Дикари и русскіе. Отмѣриваютъ двѣ черты на разстояніи десяти саженей одна отъ другой: за одной чертой становится матка—дикарь, за другой русскіе; пространство между линіями называется полемъ.

Русскіе, постоявъ нѣкоторое время за чертою, идутъ на поле и наругаются дикарю:

— Сѣро, бѣло, ти не ты?

Сѣро, бѣло, ти не ты?

Выведенный изъ терпѣнія, дикарь бросается на русскихъ и старается кого-нибудь изъ нихъ поймать, но только на полѣ, за черту же переступать онъ не смѣетъ. Если никого не поймаетъ, то возвращается обратно за черту, а русскіе снова выходятъ на поле и начинаютъ дразнить дикаря:

— Сѣро, бѣло, ти не ты?

Сѣро, бѣло, ти не ты?

Дикарь опять бросается на русскихъ и если кого-либо поймаетъ, то уводитъ за свою черту; пойманный дѣлается уже дикаремъ и помогаетъ маткѣ ловить русскихъ. Когда останется только одинъ русскій, тогда всѣ дикари, сыны и дочки матки, ложатся спать. Около нихъ ложится и матка. Въ это время подкрадывается русскій и схватываетъ кого-нибудь изъ уведенныхъ раньше дикаремъ русскихъ и убѣгаетъ съ нимъ къ себѣ за черту. Матка вскакиваетъ и гонится за ними, не догоняетъ и возвращается назадъ, громко причитая, что украли у нея сына или дочку. Потомъ она ложится снова подлѣ дѣтей. Русскіе подкрадываются уже вдвоемъ и схватываютъ еще двухъ плѣнниковъ. Матка снова гонится за ними и т. д., пока будутъ выкрадены всѣ плѣнные. Тогда всей толпой идутъ они къ оставшемуся дикарю, берутъ его кто за ногу, кто за голову и несутъ на русскую землю. Потомъ выбираютъ новаго дикаря и игра начинается съ начала. (Г. Сѣнно).

Въ щуку. Играющіе считаются и выбираютъ щуку и матку. Щука отходитъ въ сторону, а играющіе становятся позади матки и крѣпко держатся за нее и другъ за друга. Щука, бросаясь то въ одну сторону, то въ другую, старается схватить

самаго задняго изъ играющихъ. Тѣ длиннымъ хвостомъ стараются ўвильнуть отъ нея. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока будутъ схвачены всѣ, стоящіе позади матки.

Въ коршуна. Играющіе выбираютъ коршуна и матку, потомъ становятся позади матки въ рядъ, „въ плетенку", крѣпко держась за матку и другъ за друга. Коршунъ садится на землю и ковыряетъ щепкой ямку, а плетенка ходитъ вокругъ коршуна. Матка, идущая впереди „плетенки", обращается къ коршуну съ словами:

— Коршунъ, коршунъ, што ты дѣлаешь?

— Ямочку копаю!

— На што тебѣ ямочка?

— Каменьчики шукаю!

— На што тебѣ каменьчики?

— Иголочки истрить.

— На што тебѣ иголочки?

— Мѣшочки шить.

— На што тебѣ мѣшочки?

— Каменьчики собирать.

— На што тебѣ каменьчики?

— Твоимъ дѣткамъ зубки выбивать.

— За што, про што?

— За то, што яны мою бручку, моркву поѣли, капусту поломали, потоптали

— А ти закладáвъ ты желѣзной ступой?

— Закладавъ!

— Тебѣ надо было загородить!

— Да я городивъ!

— А якая твоя горожа?

Коршунъ поднимаетъ одну ногу и изъ-подъ нея бросаетъ вверхъ палочку.

„Вотъ якáя моя горожа!"

Матка тоже поднимаетъ одну ногу и изъ-подъ нея бросаетъ камень выше коршуна.

„А тебѣ надо было вотъ якъ загородить! Который же ето тебѣ надѣлавъ?"

— Да яны всѣ!

— Ну, лови!

Коршунъ начинаетъ ловить послѣдняго въ плетенкѣ. Плетенка подается въ сторону. Матка съ распростертыми руками и съ криками: „кышъ! кышъ!" не подпускаетъ коршуна къ концу плетенки. Ухватить же другого дѣтенка, не послѣдняго, коршунъ не имѣетъ права. Наконецъ отъ долгой бѣготни въ разныя стороны, плетенка гдѣ-нибудь разрывается и тогда коршунъ легко ловитъ свою добычу.

Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока отъ матки будутъ оторваны всѣ дѣти. (Сѣнн. у.).

Въ Гомельскомъ уѣздѣ послѣ этого для коршуна еще топятъ баню. Всѣ участвующіе дружно носятъ подолами и шапками песокъ и насыпаютъ изъ него большую кучу. Тогда матка посылаетъ двоихъ дѣтей звать коршуна въ баню.

— Кóршикъ, кóршикъ, ходѝ ў баню!

— Не пойду, нехай старшіе прѝдуть!

Идутъ двое другихъ.

— Коршикъ, коршикъ, ходи ў баню!

— А якáя ваша баня?

— Деревянная!

— Пошлѝте вы вонъ! Я не пойду въ деревянную!

Такія посольства продолжаются долго. Третья пара пословъ говоритъ, что баня у нихъ каменная, и также изгоняется. Наконецъ, четвертая говоритъ, что баня золотая. Тогда коршунъ начинаетъ придираться къ полку, къ печи, къ дровамъ, къ водѣ, къ вѣнику, къ духу,—пока выработается такая формула: баня золотая, полокъ серебряный (или стеклянный), печка мѣдная, духъ легкій, или — малиновый, вода ключевая, дрова желѣзныя, вѣникъ шелковый (или дубовый). Коршунъ удовлетворенъ. Но и тутъ объявляетъ, что онъ не пойдетъ пѣшкомъ, а требуетъ, чтобы его несли въ баню. Всѣ играющіе, съ маткою во главѣ, берутъ коршуна за руки и за ноги и общими усиліями несутъ его въ баню. Положивъ на приготовленную кучу песку, начинаютъ коршуна мыть: тѣмъ же пескомъ обсыпаютъ ему руки, ноги, голову, засыпаютъ песокъ за рубашку... Чуть-чуть бѣдный коршунъ вырвется изъ такой бани!

Въ крука. Игра въ крука та же, что и въ коршуна. Крукъ сидитъ и ковыряетъ землю щепочкой. Матка спрашиваетъ:

— Крукъ, крукъ! Што ты дѣлаешъ?

— Ямочки копаю!

— На што тебѣ ямочки?

— Иголочки собирать!

— На што тебѣ иголочки?

— Мѣшечки шить.

— На што тебѣ мѣшечки?

— Камушки собирать.

— На што тебѣ камушки собирать?

— Твоимъ дѣтёмъ зубы выбивать.

— За што?

— За то, штобъ не ходили въ мои ни въ вишни, ни въ груши, ни въ бобъ, ни въ горохъ, ни въ макъ, ни въ яблоки, ни въ бульбу, ни въ моркву, ни въ брюкву, ни въ рѣпу.

Когда крукъ начинаетъ ловить дѣтей, они кричатъ ему:

— Крукъ, крукъ, сыръ ѣшь!

А онъ отвѣчаетъ: мяса хочу!

— Крукъ, крукъ, сыръ ѣшь!

— Мяса хочу!

Когда онъ переловитъ всѣхъ, тогда матка и крукъ садятся на землю и „перетягиваются“ на палкѣ. Побѣжденному приходится плохо: всѣ играющіе становятся въ два ряда лицами другъ къ другу и держатъ въ рукахъ пояски или жгуты (большею частью соломенные). Побѣжденный долженъ пробѣжать „скрозь строй“ три раза впередъ и назадъ; при этомъ играющіе бьютъ его жгутами.

На этомъ гульня и кончается. (Д. Коровичи Замочск. волости Сѣнн. у.).

Въ ворона. Предъ игрою выбираютъ, кому быть ворономъ и кому гусакомъ. Потомъ играющіе становятся одинъ за другимъ позади гусака и крѣпко держатся другъ за друга. Всѣ стоятъ. Воронъ же, отошедши отъ гусака на шагъ, на два, беретъ щепку и начинаетъ копать ямочку. Гусакъ спрашиваетъ у ворона:

— Воронъ, воронъ, што ты дѣлаешъ?

— Ямочки копаю!

— На што тебѣ ямочки?

— Каме́нійка собирать!

— На што тебѣ каме́нійка?

— Иголочки истри́ть!

— На што тебѣ иголочки?

— Мѣшечки шить!

— На што тебѣ мѣшечки?

— Каме́нійка собирать!

— На што тебѣ каме́нійка?

— Твоимъ дѣткамъ зубки выбивать!

— За што, про што?

— За то, што яны мою капусту поѣли!

— Было̀ городить!

— Я городивъ каме́ньемъ, полѣньемъ, корче́вьями, бара́нками, пирогами, ку́хонами, цуке́рками.

— Ай, воронъ, воронъ: твоя лазьня горить!

— Нехай горить, будемъ пиво варить!

И бросается на гусенка, который стоитъ въ концѣ плетенки. Гусакъ не пускаетъ ворона, плетенка отбѣгаетъ въ сторону.

Когда же воронъ поймаетъ гусенка, то надеретъ его, надеретъ, и бросить. Гусенокъ долженъ лежать на землѣ, будто задранный ворономъ. Воронъ же ловитъ такимъ образомъ и другихъ.

Когда будутъ переловлены всѣ, тогда гусенята поднимаются и начинаютъ ловить гусака и наказываютъ его:

— Зачи́мъ ты отдававъ насъ ворону! Зачи́мъ отдававъ?!

Въ гуси. Играющіе выбираютъ матку и волка, потомъ становятся попарно въ рядъ, одна пара позади другой, и изображаютъ собою гусей. Волкъ прячется, а матка идетъ впереди гусей и кричитъ:

— А вы гусочки, а вы шэрыя,
Гыгы-гыгы!
Гдѣ жъ вы бывали?
Гыгы-гыгы!
Што жъ вы видали?
Гыгы-гыгы!

Гуси отвѣчаютъ:

— За горою въ овсѣ,
Гыгы-гыгы!
А тамъ за горою,
Гыгы-гыгы!
Вовкъ зъ бородою,
Гыгы-гыгы!

Матка потомъ кричитъ:

— А коли ты вовча,
Гыгы-гыгы!
Бери гуску мовча,
Гыгы-гыгы!

Волкъ выбѣгаетъ, хватаетъ заднюю пару и убѣгаетъ съ нею. Матка снова начинаетъ съ начала:

— А вы гусочки, а вы шэрыя и т. д., пока волкъ перетаскаетъ всѣхъ гусей.

Тогда матка беретъ кій въ руки и идетъ отыскивать гусей. Опираясь на палку, она говоритъ сама съ собой:

— Тутъ вовчій слѣдъ, тутъ гусиный слѣдъ! Тутъ вовчій слѣдъ, тутъ гусиный слѣдъ!

И приходитъ къ волку.

— Добры́день табѣ!

— На здоровъя!

— Хозяинъ, ти ня видѣвъ ты тутъ моихъ гусей?

— А якія [1]) твоѐ гуси?

[1]) У бѣлоруссовъ гусь жен. рода.

— Шэрыя!

— Э! пошли шъ яны по шэ́рой доро́зи.

Матка уходитъ и потомъ снова, опираясь на кій, идетъ за гусями.

— Тутъ вовчій слѣдъ, тутъ гусиный слѣдъ и т. д. Теперь она называетъ гусей бѣлявыми, и получаетъ въ отвѣтъ, что гуси пошли по бѣлявой дорогѣ. Въ третій разъ матка говоритъ волку, что ея гуси бѣлобокія. Волкъ отвѣчаетъ, что онѣ пошли по бѣлобокой дорогѣ.

Но въ это время похищенныя гуси начинаютъ шипѣть по гусиному. Матка спрашиваетъ:

— А што ето у тебе шипитъ?

— Капуста ў котлѣ!

Тогда матка хватаетъ горстями песокъ и засыпаетъ имъ гусей; гуси съ шипѣньемъ бросаются на нее и начинаютъ ее щипать. И мало помалу убѣгаютъ всѣ отъ волка.

Скукуйда. Играющіе выбираютъ двухъ батекъ; одинъ изъ нихъ отходитъ въ сторону, а другой усаживаетъ играющихъ въ рядъ, беретъ щепочку или уголь и, ходя около сидящихъ, протягиваетъ въ ихъ подола руку съ щепочкою. Такъ обходитъ онъ играющихъ нѣсколько разъ и при этомъ незамѣтно даетъ щепочку кому либо изъ играющихъ. Потомъ этотъ батька становится въ сторонѣ, а подходитъ другой и начинаетъ угадывать, у кого спрятана щепочка.

Сидящіе же мальчики въ это время стараются поплотнѣе сжать кулаки, чтобы ввести въ заблужденіе чужого батьку. Пройдя нѣсколько разъ по ряду, этотъ батька открываетъ у какого-нибудь мальчика руку, надѣясь найти у него щепочку. Если щепочка найдется, онъ беретъ себѣ половину дѣтей, и игра продолжается съ остальными; если же не найдется, то первый батька снова хоронитъ щепочку. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока щепочка будетъ найдена у каждаго изъ играющихъ. Тогда дѣти становятся одинъ за другимъ позади своего батьки и крѣпко держатся другъ за друга. Чужой батька начинаетъ ихъ ловить, стараясь оторвать послѣдняго мальчика. Родной батька спрашиваетъ при этомъ чужого:

— Зашто ты ихъ ловишь?

— Яны у мене масло покрали!

— А зачимъ ты его не накрывъ?

— Я накрывъ желѣзной ступой, а яны ступу отвернули и масло покрали.

— А чему ты не сдѣлавъ забора?

Чужой батька подбрасываетъ вверхъ палочку и говоритъ:

— Я сдѣлавъ заборъ вo якій, да яны перелѣзли и масло покрали.

И послѣ этого бросается на дѣтей, и кричитъ: „Грукъ, грукъ ѣсти хо́читъ!?“

Тѣ убѣгаютъ за своего батьку, крѣпко держась другъ за друга, и кричатъ въ отвѣтъ:

— Зъѣжъ жабу ў бо́лоти!

Игра прекращается тогда, когда всѣ дѣти будутъ оторваны отъ своего батьки.

Отдѣлываться. Это игра съ мячикомъ. Играющихъ можетъ быть нѣсколько. Число фигуръ въ игрѣ произвольное, но обыкновенно ихъ бываетъ пять. Каждая фигура „отдѣлывается" по три раза.

1. Стѣнка. Играющій бьетъ мячикомъ въ стѣнку и ловитъ его, не давая упасть на землю. Это стѣнка. Та же стѣнка опусканая, то есть, съ опущеніемъ мячика на землю; но когда онъ отъ земли подпрыгнетъ кверху, играющій обязанъ поймать его. Та же опусканая стѣнка—прибиваная, когда мячикъ, ударившись о землю, подпрыгнетъ, играющій вновь бьетъ его ладонью внизъ и ловитъ уже тогда, когда онъ подпрыгнетъ вторично.

2. Подъ ручку. Играющій упирается лѣвой рукой въ стѣну и подбрасываетъ изъ подъ нея правой рукой мячикъ вверхъ, гдѣ и ловитъ его правою же рукой. Та же фигура опусканая: мячикъ ловится правой рукой тогда, когда, ударившись о землю, подпрыгнетъ кверху.

3. Подъ ножку. Играющій упирается въ стѣнку лѣвой ногой, подбрасываетъ изъ подъ нея мячикъ кверху правой рукой и налету ловитъ. Та же фигура опусканая, въ которой мячикъ ловится тогда, когда, ударившись о землю, подпрыгнетъ кверху.

4. Играющій становится спиной къ стѣнѣ и упершись въ нее теменемъ, бьетъ мячикъ о стѣнку и ловитъ, не отнимая головы отъ стѣны.

5. Свѣча. Мячикъ подбрасываютъ кверху и ловятъ налету. Та же фигура опусканая: мячику даютъ упасть на землю и ловятъ его тогда, когда онъ, ударившись, подпрыгнетъ кверху. Опусканая свѣча съ отдачей. Когда мячикъ, ударившись о землю, подпрыгнетъ, его снова бьютъ рукою книзу. Чѣмъ больше разъ повторится такая отдача, тѣмъ вѣрнѣе выигрышъ. Проигравшимъ считается тотъ, кто „отдѣлается" послѣ другихъ. А если всѣ отдѣлаются сразу, такъ тотъ, у кого меньше будетъ отдачи въ опусканой свѣчѣ. Проигравшій становится у стѣнки и протягиваетъ руку съ раскрытою ладонью. Выигравшіе съ разстоянія въ 5—6 шаговъ стараются ударить по ладони мячикомъ столько разъ, на сколько условятся при началѣ игры. Если побѣдитель промахнется, ударъ все равно считается. Если побѣжденный съумѣетъ схватить мячикъ ладонью во время удара, ему предоставляется право послѣ отбытія наказанія поставить къ стѣнкѣ побѣдителя и ударить его по ладони мячикомъ столько разъ, сколько имъ былъ схваченъ мячикъ.

Изъ другихъ игръ въ мячика въ городахъ Бѣлоруссіи употребляется еще „мѣта". Но она занесена туда учениками городскихъ школъ и не можетъ быть отнесена къ числу народныхъ игръ.

Въ соловья. Играющіе дѣлятся на двѣ партіи и каждая выбираетъ себѣ матку. Матки

„перебиваются“ на мячикѣ палками и кто больше разъ ударитъ по мячику снизу, не допуская его упасть на землю, того партія остается въ городѣ, а противная идетъ въ поле. Между партіями проводится двѣ черты на разстояніи 30—40 шаговъ и у первой черты проводится еще одна, на разстояніи 3—5 шаговъ отъ нея. Пространство между ними и называется городомъ.

Матка городской партіи подбрасываетъ своимъ дѣтямъ мячикъ, а тѣ должны поочередно бить по немъ палкой такъ, чтобы онъ поднялся вверхъ и залетѣлъ въ поле. Полевая партія старается схватить мячикъ налету. Тогда она идетъ въ городъ, а городская отправляется въ поле. Если же мячикъ не будетъ пойманъ налету, то полевая партія хватаетъ его съ земли и бѣжитъ къ своей чертѣ, куда долженъ прибѣжать тотъ, кто билъ мячикъ. Если онъ рѣшится бѣжать отъ черты назадъ въ городъ, его стараются „подсѣчь“ мячикомъ, и тогда въ поле идетъ городская партія. Но если ударъ придется уже въ городѣ, то есть въ очерченномъ для города пространствѣ, то онъ не засчитывается, и игра продолжается попрежнему.

Каждый мальчикъ городской партіи имѣетъ право ударить по мячику только одинъ разъ. Если онъ промахнется, то отходитъ къ сторонѣ и ждетъ, пока слѣдующій ударитъ, и тогда бѣгутъ вмѣстѣ. Если же всѣ промахнутся, тогда поддаетъ мячикъ сама себѣ матка до трехъ разъ. Если и она промахнется, то городская партія уходитъ въ поле и ея мѣсто занимаетъ полевая партія. Если ударъ будетъ слабый, и мячикъ не долетитъ до полевой черты, ударъ считается проиграннымъ. Если мячикъ отъ удара залетитъ слишкомъ далеко, его постепенно перебрасываютъ къ полевой маткѣ, которая стоитъ обыкновенно у черты, и она уже подсѣкаетъ имъ городскую партію.

Игра увлекательная, и многіе мальчики дѣлаютъ для нея спеціальныя палки съ круглою рукоятью и плоскимъ концомъ для болѣе вѣрнаго удара по мячику. Часто ихъ и окрашиваютъ болотной рудой, черникой, крушиной, ежевикой и т. п. Если условіе смѣны партій за пойманный налету мячикъ отмѣняется (что собственно и называется соловьемъ), то игра получаетъ названіе илки. Илкою же называется и палка, которою бьютъ мячикъ.

Въ ярки. Для игры расчищаютъ гладкую площадку и на ней дѣлаютъ пятками небольшія ямочки, которыя и носятъ названіе ярокъ. Ярки располагаются въ одинъ рядъ: O O O O O, и число ихъ зависитъ отъ числа играющихъ. Въ трехъ шагахъ отъ ярокъ проводится „огонь“, черта. Затѣмъ каждый по очереди медленно катаетъ по яркамъ мячикъ. Какъ только мячикъ упадетъ въ чью-нибудь ярку, всѣ опрометью бросаются бѣжать отъ нихъ. Хозяинъ же ярки хва-

таетъ изъ нея мячикъ, подбѣгаетъ къ огню и старается „засѣчь“ кого-нибудь изъ бѣгущихъ мячикомъ.

Если засѣчетъ, на томъ засчитывается ярка; въ противномъ же случаѣ ярка считается на томъ, кто бросалъ мячикъ. Когда такихъ штрафовъ соберется столько, сколько ярокъ въ ряду, тогда штрафного становятъ лицомъ къ стѣнкѣ и наказываютъ его ударами по спинѣ кулаками (конечно легкими) подъ тактъ пѣсенки:

Яр-ка пал-ка!
Ко-ро-лё-ва жон-ка!
Лѣзь на па-ла-ти,
Стань ко-зы-ря-ти,
Ву-демъ въ кар-ты гра-ти,
И (скороговоркой) вечера дожидати.

Бьютъ посильнѣе и разбѣгаются.

Когда проигравшій кого-нибудь поймаетъ, игра начинается снова съ начала. (Гом. у.).

Въ Быховскомъ уѣздѣ мячикъ „гонятъ“ въ ярки палками.

Въ кистеня. Играющіе дѣлятся на двѣ партіи: одна идетъ въ конъ, другая беретъ мячикъ. Кономъ называется большой кругъ, саженей пять въ діаметрѣ.

Партія, у которой мячикъ, считается, кому бить. Потомъ она подходитъ къ одному краю круга, а партія, находящаяся въ кругѣ, уходитъ къ другому краю. Тотъ мальчикъ, кому пришелся мячикъ, долженъ попасть въ кого-либо изъ коновыхъ. Тогда эта партія снова считается и вторично бьетъ въ коновыхъ. Если же бьющій промахнется, то эта партія идетъ въ конъ, а бывшая тамъ „дѣлитъ мячикъ“.

Въ крэглы. Дѣлаются два квадратные городка на разстояніи шаговъ 20—30, а между ними выкапывается ямочка — масло. Крэглы въ городкахъ или становятся въ рядъ на чертѣ или изъ нихъ дѣлается городокъ.

Для устройства городка двѣ крэглы кладутся плашмя поперекъ передней линіи квадрата, на нихъ кладутся другія двѣ вдоль линіи, а поверхъ ихъ ставится вертикально пятая. Въ каждомъ квадратѣ бываетъ по пяти крэглъ. Играющіе раздѣляются на двѣ партіи и бросаютъ жребій, какой партіи первой начинать „бить крэглы“. Для этого берется щепочка съ корою и каждая партія выбираетъ себѣ какую-либо сторону: или гладкую, или покрытую корою. Потомъ подбрасываютъ щепку вверхъ и чьею стороною она ляжетъ кверху, тому и начинать сбивать крэглы.

Сбивать ихъ начинаютъ отъ противоположнаго городка, но какъ только будетъ выбита изъ городка хоть одна крэгла, играющіе переходятъ къ маслу и уже отсюда выбиваютъ остальныя. Если не выбьютъ, тогда другая партія начинаетъ выбивать крэглы изъ второго городка. Кто раньше выбьетъ, тѣхъ невыбившая партія носитъ на плечахъ отъ одного городка къ другому столько разъ, сколько осталось невыбитыхъ крэглъ.

Въ крегли. Играющихъ четверо. На разстояніи десяти „сигне́й" (большихъ шаговъ, какъ можно ноги разставить) рисуются квадра́тные „круги". Въ нихъ по угламъ и въ центрѣ, ставится по пяти креглей (короткихъ цилиндрическихъ столбиковъ). Тогда двое играющихъ отходятъ къ чужому городку и оттуда начинаютъ бросать палки въ свой городокъ, чтобы выбить оттуда крегли. При этомъ поваленная, но оставшаяся въ городкѣ или даже на чертѣ его кригля, не считается выбитою. Когда первая партія пробросить свои палки, къ ея городку подходитъ вторая партія и отсюда начинаетъ сбивать свои крегли. Такое поочередное сбиваніе, по условію, производится въ два, въ три пріема. Если послѣ этого у какой либо партіи останутся не выбитыя крегли, она должна перенести побѣдителей отъ городка до городка столько разъ, сколько у нея осталось невыбитыхъ креглей. (Витеб. у.).

Въ перегона. Проводится двѣ черты на разстояніи 30—40 шаговъ одна отъ другой. Затѣмъ играющіе выбираютъ двухъ матокъ и раздѣляютси на двѣ партіи. Одна изъ нихъ становится съ палками у первой черты, другая, также съ палками, у второй. Первая партія дѣлаетъ у своей черты чучело бабы изъ одежды и беретъ нерегонъ. Перегономъ можетъ быть мячикъ или деревянный небольшой шарикъ или обрубокъ. Вторая партія идетъ въ поле, ко второй чертѣ. Тогда первая партія бьетъ палкой перегонъ и старается, чтобы онъ отлетѣлъ какъ можно дальше. Противная партія налету отбиваетъ перегонъ назадъ. Если же это не удастся, тогда поднимаютъ перегонъ съ земли, подходятъ къ своей чертѣ и стараются попасть имъ въ чучело бабы. Первая партія должна отбивать перегонъ палками, чтобы онъ не попалъ въ бабу. Если же не защитятъ бабы и шаръ попадетъ въ нее, партія считается проигравшей и идетъ въ поле, а ея мѣсто занимаетъ полевая партія.

Въ пыжа. Играющихъ двое. На землѣ рисуется четырехугольный городокъ. На разстояніи трехъ сигней отъ него проводится черта, которая называется „огонь". Въ десяти шагахъ отъ городка проводится другая такая же черта „конъ", у которой становятся играющіе и начинаютъ „перебиваться". Для этого они поочередно берутъ пыжъ (та же крегля) въ одну руку и слегка подбросивъ его, другою рукою ловятъ налету палкою, не допуская упасть на землю. Кто больше разъ подброситъ пыжъ палкою, тотъ остается у кона, а кто меньше, тотъ идетъ „въ поле". Здѣсь онъ ставитъ въ городкѣ пыжъ и становится вблизи городка сторожить; тотъ же который у кона, старается оттуда выбить пыжъ изъ городка какъ можно дальше.

Стерегущій бросается за пыжомъ, схватываетъ его, ставитъ снова въ городокъ и перебѣгаетъ черезъ огонь. Въ то же время

и сбившій пыжа бѣжитъ за своею палкою и, схвативъ ее, тоже перебѣгаетъ черезъ огонь. Кто сдѣлаетъ это раньше, тотъ идетъ на конъ, а другой въ поле. Если при этомъ стерегущій поставитъ пыжъ непрочно и онъ повалится, то это считается проигрышемъ, и онъ снова идетъ въ поле. Если тотъ, кто сбиваетъ пыжъ, промахнется или такъ задѣнетъ его, что онъ свалившись, останется въ чертѣ городка, тогда полевой беретъ пыжъ и отмѣрявъ три шага по направленію къ палкѣ коночнаго, старается попасть въ нее пыжомъ. Если попадетъ, коночный становится полевымъ, а тотъ идетъ на конъ; въ противномъ случаѣ, все остается попрежнему. (Гомельск. у.).

Въ масло. По числу играющихъ копаются небольшія ямочки въ круговую линію, а посреди ихъ въ центрѣ выкапывается большая ямка, называемая масломъ. Потомъ мѣряются на палкѣ, кому быть маткой и кому идти въ поле пасти свинью. Дѣти для матки насыпаютъ небольшой курганъ и ставятъ на него свинью,— нѣкоторое подобіе деревяннаго шара. Матка изъ всѣхъ силъ бьетъ своею палкою по шару, чтобы онъ залетѣлъ какъ можно дальше. Полевой находитъ его въ полѣ и гонитъ къ маслу. Дѣти и матка стерегутъ масло, стоя упершись своими палками въ ямки. Какъ только полевой подгонитъ свинью близко, кто нибудь изъ дѣтей или матка отбиваютъ его палкою. Но если во время этого удара полевой займетъ своею палкою опустѣвшую ямку, хозяинъ ея дѣлается полевымъ, а полевой занимаетъ его мѣсто въ средѣ играющихъ.

Если же полевому, не смотря на дозоръ играющихъ, удастся загнать свинью въ масло, то въ поле идетъ матка, или игра начинается съ начала. (Гомельск. у.)

Въ цурки. Играющихъ двое. Они берутъ по палкѣ и цурку, то есть короткую, въ 4—6 вершк. длины, палочку, и перебиваются: кто больше разъ подброситъ своей палкой цурку, на воздухѣ, не допуская ее упасть на землю, тотъ остается въ городѣ, а другой идетъ въ поле. Оставшійся въ городѣ очерчиваетъ палкой вокругъ себя окружность и ставши въ центрѣ ея, бьетъ по цуркѣ палкой, стараясь, чтобы она залетѣла какъ можно дальше. Тотъ, который въ полѣ, поднимаетъ залетѣвшую къ нему цурку и сдѣлавъ на три шага „приступъ" къ городу, бросаетъ туда цурку, чтобы она очутилась внутри круга. Если это ему удастся, онъ входитъ въ городъ, а городской идетъ въ поле; если нѣтъ, оба остаются на мѣстахъ и цурку снова бьютъ въ поле. Если брошенная изъ поля цурка ляжетъ на линіи окружности, тогда городовой бьетъ ее палкой по одному концу, чтобы она подбросилась вверхъ. Если при паденіи она очутится внутри круга, въ городъ вступаетъ полевой. Въ противномъ случаѣ онъ снова уходитъ въ поле.

Въ чижика. Играющихъ двое, оба съ палками, которыя называются лаптою. Кромѣ того изготовляютъ еще коротенькую палочку, въ четверть аршина, и заостриваютъ у нея оба конца. Эта палочка зовется чижикомъ. Затѣмъ на землѣ очерчивается кругъ или квадратъ и одинъ изъ играющихъ, кому придется верхъ на палкѣ, становится съ чижикомъ „въ черту", а другой идетъ въ поле. Въ чертѣ чижикъ кладется на землю; играющій бьетъ лаптой по острому концу его и чижикъ подскакиваетъ кверху. Въ это время играющій долженъ налету ударить его такъ, чтобы онъ полетѣлъ далеко въ поле. Если играющій заставитъ чижикъ подпрыгнуть три раза и не съумѣетъ загнать его въ поле, онъ считается проигравшимъ и уходитъ изъ „черты" въ поле, а на его мѣсто становится полевой. Если же играющій выгонитъ чижика въ поле, полевой долженъ перенять его налету своей лаптой. Тогда онъ идетъ въ черту. Если же это ему не удастся, и чижикъ упадетъ на землю, тогда онъ поднимаетъ его съ земли и бросаетъ въ „черту"! Если попадетъ, самъ идетъ въ черту и такъ же выбиваетъ чижика въ поле.

Условливаются обыкновенно на 50 ударовъ. Кто первый выполнитъ условленное число, тотъ имѣетъ право заставить проигравшаго проскакать на одной ногѣ пространство отъ поля до черты столько разъ, сколько не выполнено имъ ударовъ.

(Быховск. у.).

Транпыжъ. Играющихъ двое, съ палками. Игра состоитъ въ томъ, что каждый изъ играющихъ бросаетъ поочередно свою палку вертикально такъ, чтобы она, упираясь концомъ въ землю, подпрыгивала, снова упиралась и снова подпрыгивала. Въ то время, когда одинъ бросаетъ такъ свою палку, другой играющій долженъ подсѣчь ее своею палкою. Если ему удастся это, палку бросаетъ онъ, а товарищъ уже подсѣкаетъ ее. Если же онъ не задѣнетъ прыгающей палки своею палкою, то оба остаются въ прежнихъ роляхъ. (Быховск. у.)

Въ козиный рогъ. Играть можно партіями и вдвоемъ. Отыскиваютъ круглую или кубическую чурку или подобіе шара— „кулю", и берутъ каждый себѣ палку, называемую „пàдцуромъ". Отмѣрявши извѣстное разстояніе между партіями, одна изъ нихъ начинаетъ катить или просто бросаетъ къ другой шаръ, а та отбиваетъ его назадъ или ловитъ на своей чертѣ, и возвращаетъ первой партіи. Если шаръ прорвется сквозь черту, проигравшая партія отступаетъ къ тому мѣсту, куда закатился шаръ. Тогда про нее говорятъ: „загнали въ козиный рогъ!" и игра считается проигранною.

Въ булу. Була по преимуществу зимняя игра, увлекательная особенно на голомъ льду рѣки или озера, пока онъ не прикрытъ еще снѣгомъ.

Играющіе отыскиваютъ деревянный шаръ или сами дѣлаютъ

нѣкое подобіе его и называютъ его булбю. Взявши булу и особыя палки съ загнутымъ нижнимъ концомъ, которыя называются кочерёжками, играющіе большою толпою отправляются на ледъ, тамъ выбираютъ матку и потомъ подходятъ къ ней попарно подъ вымышленными именами.

— Мати, мати! што тебѣ дати: ти снѣгу, ти лёду?

— Лёду!

Тотъ, который назвался льдомъ, остается съ маткой, а снѣгъ отходитъ въ другую партію.

— Мати, мати! што тебѣ дати: ти гороху, ти бобу? Ти день, ти ночь? Ти зиму, ти лѣто? Ти сосну, ти березу? Ти розу, ти гвоздику? и т. д. пока всѣ перебываютъ.

Когда такимъ образомъ раздѣлятся на двѣ партіи, партія матки остается на мѣстѣ, гдѣ проводится черта города, а другая уходитъ въ поле. Матка изо всѣхъ силъ бьетъ по булѣ кочережкой и гонитъ ее въ поле; ея дѣти подхватываютъ ее по дорогѣ и гонятъ еще дальше, а противная партія старается задержать шаръ и вернуть его обратно въ городокъ. При этомъ происходятъ настоящія сраженія. Къ шару обыкновенно подбѣгаютъ двое, по одному изъ каждой партіи. Одинъ размахивается кочережкой, чтобы ударить шаръ и погнать его въ свою сторону; другой ловко парируетъ этотъ размахъ, подставляя подъ ударъ свою кочережку, и самъ бьетъ шаръ; дальше его подхватываетъ другая пара и т. д. Пространство, захватываемое булою, иногда очень велико, и игра продолжается нерѣдко все послѣобѣденное время до сумерокъ,—конечно, въ праздничные дни. Въ игрѣ принимаютъ участіе и взрослые парни.

Въ дѣда и бабу. Играющіе выбираютъ дѣда и бабу. Дѣдъ садится верхомъ на палку, а баба съ своими дѣтьми усаживается на полу такимъ образомъ, что баба позади, а дѣти впереди въ одинъ рядъ, и всѣ крѣпко держатъ одинъ другого подъ мышками. Дѣдъ начинаетъ объѣзжать сидящихъ съ пѣсенкой:

— Ѣду, ѣду коло дѣда,
Ѣду, ѣду коло бабы,
Коло бабы, коло старенькой!

Заѣхавъ напередъ, останавливается и, стуча своей палкой, спрашиваетъ:

— Ти ёсть хозяинъ у дворѣ?

— А што табѣ?

— Свиньи въ горбдѣ!

— Ну, выгонь, кумокъ!

— А ти позвблите тамъ рѣпинку вырвать?

— Да ты сабѣ! тольки выгонь!

Тогда дѣдъ бьетъ тихонько палкой по головѣ сидящаго первымъ и говоритъ:

— Юсъ вонъ! юсъ вонъ! Мнѣ оставьте хоть одну!

Потомъ бросаетъ палку, схватываетъ перваго сидящаго за руки и тащитъ къ себѣ. Другіе его не пускаютъ. Если дѣдъ вырветъ все-таки эту „рѣпинку", онъ садитъ ее отдѣльно, а самъ опять начинаетъ объѣзжать сидящихъ съ той же пѣсней. Его

посылають выгнать свиней изъ огорода.

— А ти позволите тамъ рѣпинку вырвать?

— А гдѣ жъ ты тую подѣвъ?

— А вотъ, якъ ѣхавъ я черезъ мостокъ, чортъ ухвативъ мою кобылку за хвостокъ, тогды я ему рѣпинку и кинувъ!

— Ну, вырви сабѣ!

Дѣдъ начинаетъ тянуть второго мальчика и если не сможетъ, то зоветъ на помощь того, котораго вырвалъ раньше и вмѣстѣ вырываютъ вторую „рѣпинку". Такъ продолжается игра не только до тѣхъ поръ, пока дѣдъ перетаскаетъ всѣхъ сидящихъ, но и пока всѣ играющіе перебываютъ въ роляхъ дѣда и бабы. (Витебскій у.).

Въ рѣдьку. Играющіе садятся рядомъ попарно и крѣпко держатся другъ за друга. Матка, объѣхавши на пруткѣ сидящихъ, кричитъ:

— Стукў-грукў подъ вокно!

— Хто тамъ?

— Самъ панъ!

— Зачимъ?

— Паня сына родила, на стовпъ посадила, сама захворѣла, рѣдьки захотѣла. Ти пора рѣдьку рвать?

— Нѣ, ще тольки посѣяли.

Въ слѣдующій разъ отвѣчають, что рѣдька съ пальчикъ, потомъ съ толкачъ. За третьимъ разомъ говорятъ:

—Пора рвать,—уже по ступѣ!

Матка начинаетъ пробовать, какова рѣдька: на одну пару говоритъ, что рѣдька гнилая, на другую — что червивая и т. д. Среди такого разговора хватаетъ неожиданно одного изъ пары и вырываетъ. Тогда начинаетъ рѣдьку отряхивать отъ земли, то есть бить прутомъ вырваннаго мальчика. Потомъ игра продолжается. Матка снова бракуетъ рѣдьку и когда какая-нибудь пара зазѣвается, снова вырываетъ одного изъ играющихъ и т. д.

(Ряснян. вол. Сѣнн. у.)

Въ рѣдьку. Для этой игры чѣмъ больше дѣтей, тѣмъ лучше. Можетъ участвовать и до тридцати человѣкъ. Прежде всего изъ участниковъ избирается матка. Потомъ одинъ мальчикъ садится на землю и раздвигаетъ ноги, другой садится у него между колѣнъ, у этого слѣдующій и такъ далѣе, и всѣ обхватываютъ другъ друга руками подъ мышками. Матка, взявши палку, бѣгаетъ на ней верхомъ вокругъ этого ряда дѣтей—стана и говоритъ:

— Дилйнь-дилйнь! Просила паня рѣдьки!

А тѣ отвѣчають ей:

— А щѐ тольки посадили!

Тогда матка опять спрашиваетъ:

— Дилйнь-дилйнь! Просила паня рѣдьки!

Дѣти отвѣчають:

— Ще тольки взышла̀!

Потомъ на повторяющіяся просьбы матки говорятъ:

— Тольки ещѐ поскородили!

— Ещѐ не поспѣла!

Наконецъ, на пятую просьбу говорятъ:

— Вырви сабѣ одну!

Тогда матка начинаетъ вырывать изъ ряда крайняго мальчика, того, который садился последнимъ. Товарищи крѣпко держатся другъ за друга, и маткѣ стоитъ не мало труда вырвать себѣ рѣдьку изъ цѣпкаго стана. Вырвавъ кое-какъ рѣдьку, матка отводитъ ее въ сторону и опять пріѣзжаетъ къ стану.

— Дили́нь-дили́нь! Просила паня рѣдьки!

— А гдѣ тую подѣла?

— А ѣхала черезъ мостище, сустрѣла вовчище, узила̀ да й кинула!

— Ну, вырви сабѣ одну.

Такъ игра повторяется до тѣхъ поръ, пока на стану остается одинъ мальчикъ, тотъ, который садился первымъ.

Въ рѣдьку. Собирается много дѣтей и прежде всего выбираютъ матку. Потомъ всѣ садятся въ рядъ другъ другу на ноги и охватываютъ одинъ другого руками. Когда всѣ усядутся, матка беретъ чепелу или кіёкъ и объѣзжаетъ на немъ три раза вокругъ сидящихъ, потомъ стучитъ въ землю и кричитъ:

— Стуку̀-груку̀ подъ вокно!

— Хто тамъ?

— Самъ панъ.

— Чего?

— Паня сына роди́ла, на стовпѣ поеадила. Сынъ звалився, на борону пробився. Сама здыха́итъ, рѣдьки жада́итъ! *) Ти велика ваша рѣдька?

— Еще тольки поорали!

*) Или: „Звалилася паня съ печи, побила сабѣ плечи, родила сына Максима, дочку Катерину, зажадала рѣдьки!“

Объѣхавъ еще три раза вокругъ сидящихъ, матка опять кричитъ:

— Стуку-груку̀ подъ вокно и т. д.

Ей отвѣчаютъ, что рѣдьку только поскородили. Въ третій разъ: рѣдьку посѣяли. Потомъ рѣдька взошла. Рѣдька по куриной головѣ. По козиной головѣ.—По конской головѣ *).

По толкачу. По ступѣ.

— Стуку̀-груку̀ подъ вокно!

— Хто тамъ?

— Самъ панъ?

— Чего?

— Паня сына роди́ла, на стовпѣ посадила. Сынъ звалився, на борону пробився. Сама здыхаитъ, рѣдьки жадаитъ. Ти велика ваша рѣдька?

— А ина̀ уже поспѣла!

— Кума, кума, свиньни у горо́ди!

— Выгонь, кумокъ!

А-юсъ! а-юсъ! А ти можно мнѣ рѣдчину поспыта́ть?

— Можно, кумокъ!

Матка подходитъ къ каждому изъ сидящихъ и зубами грызетъ за голову. Потомъ спрашиваетъ:

— А ти можно мнѣ трохи рѣдьки вырвать?

— Вырви, кумокъ!

Матка начинаетъ вырывать изъ рукъ того играющаго, который сидитъ послѣднимъ, затѣмъ слѣдующаго и т. д. Когда повырываетъ всѣхъ, то сама убѣгаетъ. За ней гонятся и наказываютъ. (Сѣнненск. у.).

*) Или: По куриному яйцу. По гусиному яйцу. По квартѣ. По толкачу и т. д. (Д. Латыгово).

Въ рѣпу. Выбираются матка и панъ. Матка садится на землю, передъ нею садится одинъ изъ играющихъ, предъ нимъ слѣдующій, и такъ далѣе, до послѣдняго. Всѣ они крѣпко держатъ другъ друга, обхвативъ руками подъ мышками. Тогда приходитъ панъ и говоритъ:

— Матка, матка, свиньни ў рѣпи!

— Иди выгонь!

— А позволишь рѣпку вырвать?

— Вырви, тольки съ корешкомъ!

Панъ беретъ за руки передняго мальчика и старается его вырвать изъ рукъ слѣдующаго. Вырвавши, онъ опять идетъ къ маткѣ и говоритъ, что свиньи въ рѣпѣ и т. д.

Такъ онъ вырываетъ всѣхъ. Когда останется одна матка, ее поднимаютъ на руки всѣ играющіе и несутъ.

Въ чекерду. Слабыя и болѣзненныя дѣти къ участію въ этой игрѣ не допускаются. Прежде всего считаются или мѣряются на палкѣ, потомъ одинъ идетъ къ стѣнкѣ „за кобылу" и становится тамъ въ полусогнутомъ положеніи. Одинъ изъ играющихъ прыгаетъ ему на плечи и если не вспрыгнетъ или не удержится, то становится при немъ тоже въ полусогнутомъ положеніи. Остальные прыгаютъ уже на нихъ. Не вспрыгнувшіе или свалившіеся примыкаютъ къ кобылѣ все болѣе и болѣе удлиняя ее. Когда прыжки будутъ выполнены всѣми играющими, тогда „кобыла" везетъ тѣхъ, которые съумѣли вспрыгнуть на спину кобылы. Если же кобыла при этомъ отъ тяжести свалится, тогда играющіе ложатся на свалившихся съ крикомъ:

— Мала куча, невелика! Мала куча, невелика!

Когда упавшіе высвободятся, игра начинается снова. (Гом. у.).

Въ шляки. Шлякъ—это бабка изъ ноги коровы.

Шляками играютъ въ кона, въ плоца, въ стѣнку и на деньги. При игрѣ въ кона, каждый изъ играющихъ ставитъ по сомкнутой парѣ шляковъ на конъ въ рядъ, слѣва направо, или спереди къзаду, на разстояніи 1—1½ в. пара отъ пары. Затѣмъ проводятъ черту въ 3—5 шагахъ отъ кона и загоняютъ битки.

Битками могутъ быть камни, удобные для бросанія, а также имѣющіе форму плитки, чугунныя ядра, стеклянные шары и даже осколки нижней печной вьюшки. Загонять битку, значитъ бросить ее на такое разстояніе отъ кона, чтобы можно было сбить стоящіе на кону шляки. Чья битка ляжетъ дальше, тотъ бьетъ шляки первымъ, чья ближе къ кону—тотъ послѣднимъ. Ближе черты загонять битку нельзя. Приступъ дозволяется только въ одинъ шагъ. Если битка попадетъ въ конъ, играющій беретъ столько шляковъ, сколько собьетъ его битка. Хотя это зависитъ отъ взаимнаго условія. Если же онъ промахнется, то приставляетъ къ кону еще пару.

Въ плоца конъ устраивается такой же, но шляки могутъ ставиться и поодиночкѣ. Битками служатъ исключительно шляки же, хотя бы и налитые свинцомъ—свинчатки, или литые изъ чугуна. Проводится также и черта на разстояніи 2—3 шаговъ. Бьетъ первымъ не тотъ, чья битка ляжетъ дальше, а тотъ, чья ляжетъ плоскимъ бокомъ—плбцемъ. Послѣ плоца бьетъ жогъ, то есть чей шлякъ ляжетъ спинкой кверху, а послѣ всѣхъ бьетъ дáла—тотъ, чей шлякъ ляжетъ спинкой книзу. Попавшій въ конъ берётъ сколько выбьетъ, промахнувшійся удваиваетъ ставку.

Въ стѣнку играютъ вдвоемъ. Одинъ бьетъ объ стѣнку шлякомъ, чаще двумя, такъ, чтобы они дальше отлетѣли. Другой бьетъ вслѣдъ за нимъ, стараясь, чтобы его шляки легли къ первымъ возможно ближе—не далѣе одной четверти аршина. Тогда онъ ихъ выигрываетъ. Въ противномъ случаѣ поднимаетъ свои шляки первый игрокъ и старается, чтобы при ударѣ объ стѣнку они упали къ шлякамъ второго, и т. д.

На деньги въ шляки играютъ взрослые. Обыкновенно они берутъ пару шляковъ и бросаютъ ихъ на землю. Если оба шляка легли въ одной позѣ плоцáми, жбгами или дáлами, остальные участники ему платятъ по копѣйкѣ; если же въ различныхъ позахъ, то выигрыша нѣтъ и играть начинаетъ слѣдующій участникъ.

Въ камушки. Въ камушки играютъ преимущественно дѣвочки, вдвоемъ, втроемъ. Берется пять камушковъ и каждая изъ играющихъ продѣлываетъ съ ними 5—6 фигуръ. Если она на какой-нибудь фигурѣ ошибется, играть начинаетъ слѣдующая. Игра эта заимствована отъ еврейскихъ дѣвочекъ, которыя вмѣсто камушковъ употребляютъ овечьи или козьи колѣнныя косточки, и играютъ съ азартомъ, большею частью на волошскіе орѣхи.

Фигуры игры слѣдующія:

1. Одинки. Одинъ камушекъ берется въ руку, а остальные четыре раскладываются поодиночкѣ на землѣ въ видѣ квадрата. Находящійся въ рукѣ камушекъ подбрасывается кверху, и играющая должна подобрать съ земли одинъ камушекъ и подхватить тотъ, который подбрасывала. Такъ подбираются всѣ четыре камушка.

2. Двонки. Четыре камушка разлагаются на землѣ попарно и попарно же потомъ подбираются.

3. Тронки. Камушки кладутся въ двѣ кучки: три въ одну и одинъ въ другую, и въ такомъ же количествѣ подбираются при подбрасываніи пятаго камушка.

4. Ступа. Всѣ четыре камушка кладутся вмѣстѣ и сразу подбираются.

5. Когда, послѣ этого въ рукѣ окажется пять камушковъ, ихъ подбрасываютъ кверху и ловятъ обратной стороной руки слегка разставивши пальцы.

6. Сейчасъ же затѣмъ снова подбрасываютъ всѣ камушки

кверху и ловятъ ихъ уже ладонью. Послѣднія двѣ фигуры называются конами. (Повсемѣстно).

Въ костяшки. Костяшками называются плоскія пуговицы безъ ушекъ, съ отверстіями для пришиванія. Играютъ въ нихъ на фуражкахъ, которымъ придается горизонтальное положеніе. Играющіе садятся другъ противъ друга и кладутъ по пуговицѣ каждый на своей сторонѣ. Затѣмъ легкими щелчками подгоняютъ пуговицы къ центру фуражки и стараются такъ подтолкнуть ихъ, чтобы одна пуговица упала на другую. Чья пуговица окажется наверху, тотъ забираетъ себѣ и нижнюю пуговицу.

Гуси летятъ. Когда маленькія дѣти оставляются дома съ подросткомъ, ихъ забавляютъ слѣдующею игрою: всѣ ставятъ указательные пальцы на столъ въ одно мѣсто. Тогда старшій говоритъ:

— Гуси летять! и поднимаетъ руку кверху, показывая наглядно, какъ гуси летятъ.

Дѣти отвѣчаютъ:

— Летять! и тоже поднимаютъ руки.

— Утки летять!

— Летять!

— Воробьи летять!

— Летять!

— Мухи летять!

— Летять!

— Щуки летять!

Увлекшіяся дѣти часто отвѣчаютъ:

— Летять! и поднимаютъ руки.

Старшій бьетъ ихъ по рукамъ и кричитъ:

— Не летять, не летять!

Потомъ опять сначала:

— Гуси летять! Вороны летять! Сороки летять! Коровы летять!

Но наученныя опытомъ дѣти уже не поднимаютъ на корову рукъ и молчатъ. Тогда опять:

— Гуси летять! Лебеди летять! Соловьи летять! Дубы летять и т. д.

Этотъ своеобразный урокъ естественной исторіи кончается тогда, когда вниманіе малышей утомится и они начинаютъ невпопадъ поднимать и не поднимать руки.

Сорока. Если ребенокъ одинъ, его занимаютъ такимъ образомъ. Семилѣтняя нянька плюетъ для вида ребенку на ладонь лѣвой руки, беретъ указательный пальчикъ другой руки и, плеская имъ по ладони, поетъ:

Сорока, сорока,
Прилетѣла здалёка,
Сѣла-пала на току
Да въ червономъ колпаку,
Кашу варила,
Дѣтокъ кормила!

Затѣмъ, перебирая пальчики, начиная съ большого, продолжаетъ:

— Етому дала, етому дала!

Дойдя до мизинца, говоритъ:

— А етому не дала!

А ты, малъ,
Крупъ не дравъ,
Воды не носивъ,
Дежи не мѣсивъ,

Тебѣ кашка на полички,
У маленькой черепички.
Шу-гу! полетѣли!

И машетъ ручками, подражая движеніямъ птичьихъ крыльевъ Потомъ беретъ обыкновенно обнаженную ручку дитяти и показывая на различныя части ея, отъ кисти до плеча, говоритъ:

А ты, мальчикъ,
Сходи по водичку
Въ стюдёну крыничку.
— Тутъ пень, тутъ колода,
— Тутъ крыница,
Тутъ холодная водица,
Водица!

И щекочетъ ребенка подъ мышками или подъ подбородкомъ. Тотъ хохочетъ.

Кую, кую ножку. Та же нянька беретъ одной рукой ножку ребенка, а другой слегка бьетъ по подошвѣ ступни и поетъ:

Кую, кую ножку,
Поѣду въ дорожку,
Куплю черевички,
Ножки невелички.
Треба коня подковать,
Штобъ далеко ночевать.
Тутъ пень, тутъ колода,
Тутъ стюдёная крыница,
Тутъ холодная водица,
Водица!

И щекочетъ ножку.

—

Игрушки.

Волчокъ, кружолка. Волчокъ дѣлается большей частью изъ деревяннаго кружочка, въ центрѣ котораго просверливается дырочка. Въ эту дырочку продѣвается круглый стержень съ острой пяткой, такъ, чтобы ниже кружка стержень выдавался на полвершка, а выше кружка на два вершка. Чтобы пустить волчокъ, кладутъ верхній стержень между двухъ ладоней и быстрымъ вращательнымъ движеніемъ пускаютъ его.

Волчки шарообразные изъ картофеля, рѣпы, луковицы и т. п. встрѣчаются рѣдко за трудностію изготовить ключъ для ихъ пусканія. Ихъ пускаютъ также, какъ и кружолку.

Котёлка Деревянный кружокъ, дно отъ ведра, обручъ и т. п. Палкою играющіе подгоняютъ котелку другъ къ другу.

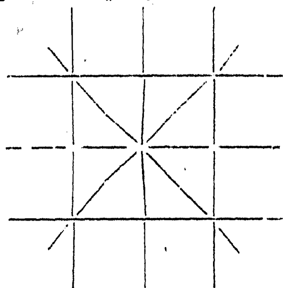
Мячикъ. Мячикъ, или мечикъ, дѣлается изъ тряпокъ или обрѣзковъ кожи. Въ хорошій же мячикъ непремѣнно долженъ быть вложенъ клубокъ изъ резиновыхъ полосокъ отъ старой калоши. Обматывается онъ нитками и обшивается тряпкой же или кожей.

Коровки. Для маленькихъ дѣтей дѣлаютъ коровокъ. Для этого берутъ продолговатую картофелину, маленькую молодую тыкву, огурецъ и т. п. Снизу въ нее втыкаютъ пару палочекъ спереди и пару сзади. Это ноги. Надъ передними ногами сверху втыкаютъ двѣ короткія палочки— рога, а за задними ногами втыкаютъ длинную палочку—хвостъ. Такихъ коровокъ гонятъ въ поле, пасутъ, кормятъ травою и т. д.

Жужалка. Въ ключицѣ просверливаютъ двѣ дырочки и продѣваютъ сквозь нихъ два шнур-

ка съ длинными концами. Взявъ за концы, быстро вращаютъ косточкой при ослабленныхъ шнуркахъ, а потомъ также быстро ихъ натягиваютъ. Отъ сильнаго вращенія кость жужжитъ.

Кресты. Берутъ восемь тонкихъ лучинокъ произвольной, но по возможности одинаковой длины. Изъ нихъ складывается сначала фигура въ видѣ буквы Ж, затѣмъ вверху и внизу ея кладется по лучинкѣ горизонтально. Онѣ поддерживаются упругостью средней вертикальной лучинки. Послѣ этого двѣ лучинки всовываются по сторонамъ фигуры вертикально и одна въ срединѣ въ горизонтальномъ положеніи. Получается фигура такая:



Это называется крестомъ. Надѣлавъ такихъ и, по желанію, болѣе сложныхъ крестовъ нѣсколько, дѣти начинаютъ пѣть: Господи помилуй! и т. п. и устраиваютъ съ ними шествіе по хатѣ.

Но большею частью кресты дѣлаются на печкѣ, гдѣ сушится лучина и гдѣ дѣти проводятъ зиму.

Конь. Конемъ бываетъ обыкновенная палка. Но непремѣнная принадлежность къ ней— кнутъ, или въ крайнемъ случаѣ прутъ. Мальчикъ садится верхомъ на такого коня и гарцуетъ, похлестывая его по обоимъ бокамъ.

Конь съ кучеромъ изображается двумя мальчиками. Одинъ впереди съ протянутой подъ мышками веревкой, другой сзади держитъ концы этой веревки и дергая то правый конецъ, то лѣвый, управляетъ конемъ.

Кнутъ здѣсь употребляется для хлопанья. Высшимъ шикомъ считается, если конь держитъ веревку во рту.

Изъ другихъ игрушекъ дѣлаются еще лодки изъ бересты и сосновой коры, корыта изъ коры же, корзинки, коробочки изъ прутьевъ, лучинокъ и соломы, вѣнки изъ цвѣтовъ и колосьевъ. Часто дѣлаются мельницы—вѣтраки. Для этого двѣ широкія лучинки связываются ниткою крестъ-на-крестъ, въ центрѣ соединенія ихъ пробивается дырочка, которою лучинки надѣваются на тонкій гвоздь, вбитый сбоку въ длинную палку. Палка эта нижнимъ концомъ прибивается къ высокому коньку крыши. При дуновеніи вѣтра, лучинки вертятся на гвоздѣ, какъ мельничныя крылья.

Какъ рѣдкая игрушка, встрѣчается въ деревнѣ пильщикъ. Это кусокъ толстой доски съ вырѣзаннымъ подобіемъ головы, рукъ и ногъ. Ноги отдѣляются одна отъ другой вырѣзомъ, сквозь который продѣвается плоская палочка. Внизу ея ноги соединяются деревяннымъ гвоздикомъ, который не дозволяетъ фигурѣ

упасть. Когда качнуть пильщика впередъ, онъ дотронется внизу ногами до особаго выступа и по силѣ инерціи откачнется назадъ. Приткнувшись и до находящагося здѣсь выступа, онъ снова отклоняется впередъ и т. д. Этими движеніями онъ напоминаетъ пильщиковъ, распиливающихъ вдвоемъ бревна,—отсюда и названіе игрушки.

Пищелки чаще всего дѣлаются изъ гусинаго пера. Вычиствивъ внутренность полой части стержня, дѣлаютъ у конца продольный надрѣзъ въ 1 дюймъ длины. Получается родъ язычка. Эту надрѣзанную часть берутъ въ ротъ и дуютъ. Получается рѣзкій звукъ въ родѣ густого писка.

Если сложить обѣ ладони вмѣстѣ и между большихъ пальцевъ вложить длинный листокъ травы плоскуши, то тоже получится пищелка, если дуть между этими пальцами.

Если же листокъ вынуть и сложить ладони въ видѣ кулака, то получится **свистелка**, когда дуть въ отверстіе между большими пальцами. Но свистелки чаще покупаются на базарахъ. Это глиняные коньки, пѣтушки и т. п. Дома же ихъ дѣлаютъ еще изъ лозовой коры или изъ пустыхъ стволовъ бузины. Весною, когда деревья согрѣются и подъ корою ихъ пойдетъ сокъ кверху, дѣти срѣзываютъ у лозы гладкій сучекъ и „крутятъ“ кору, стараясь не разорвать ее. Когда она свободно вращается по стволу, срѣзываютъ нижній конецъ сучка, дѣлаютъ вверху отверстіе въ видѣ полукруга и снимаютъ кору. Затѣмъ на томъ мѣстѣ обнаженнаго ствола, гдѣ вырѣзывалось отверстіе, срѣзываютъ кусокъ ствола—шпунтъ и дѣлаютъ одну сторону его плоскою. Если шпунтъ вставить выше вырѣзаннаго въ корѣ отверстія, получится дудка, свирѣль; если же подвинуть шпунтъ ниже отверстія и закрыть верхній конецъ дудки пальцемъ или забить круглымъ шпунтомъ, то получится рѣзкая свистёлка. При тонкомъ стволѣ получается „соловей“, совершенно схожій съ соловьинымъ свистомъ, при толстомъ—густой, почти паровозный, свистъ. Свистелка дѣлается еще изъ жести. Найдя крышку или дно отъ коробки ваксы, или другой кусокъ жести даютъ ему правильную форму круга или прямоугольника и пробиваютъ круглое отверстіе въ центральной части. Затѣмъ сгибаютъ пластинку вдвое такъ, чтобы отверстіе пришлось на сгибѣ. Если вложить эту свистелку въ ротъ, сгибомъ внутрь, и дуть, она издаетъ пронзительный свистъ.

Трубу дѣти дѣлаютъ себѣ изъ листьевъ гарбузника—огородной тыквы. Срѣзавъ листъ у самаго основанія и соскобливъ съ его ножки колючки, срѣзываютъ зеленую лопасть листа такъ, что остается только его стержень. Тогда у самой верхушки стержня прорѣзываютъ вдоль небольшую узкую щель.

Если взять эту верхушку съ щелью въ ротъ и дуть, полу-

чится довольно чистый трубный звукъ, тѣмъ сильнѣйшій, чѣмъ длиннѣе и толще стержень листа.

Трещотки бываютъ трехъ видовъ. Одинъ изъ нихъ представляетъ обыкновенную коробочку изъ лучины, въ которую всыпано нѣсколь камешковъ. Къ коробочкѣ привязываютъ ручку, и получается трещотка. Другой видъ представляетъ доску съ продѣтой сквозь нее рукояткой, которая чуть-чуть выдается поверхъ доски. Къ этой рукояткѣ привязывается, поверхъ доски, колотушка изъ плоской дубовой пластинки. Если часто махать такой трещоткой сверху внизъ и обратно, отъ нея получается сильная трескотня.

Третій видъ, самый любимый дѣтьми, но который не всѣ изъ нихъ могутъ сдѣлать. Берется толстая палка въ 4—6 в. длины. Концы ея стесываются и утончаются, а на толстой серединѣ вырѣзываются глубокіе рубцы, числомъ 6 или 8, смотря по толщинѣ палки. Затѣмъ изъ лучинокъ дѣлается прочная лѣсенка, которая привязывается свободно прутьями къ верхнему и нижнему концамъ палки такимъ образомъ, чтобы лучинки концами прикрывали верхній изъ вырѣзанныхъ рубцовъ. Если придать палкѣ вращательное движеніе, лѣсенка вертится вокругъ нея, и лучинки, соскакивая съ одного рубца на другой, производятъ оглушительный трескъ.

Куклы. Для основы куклы взрослые часто вырѣзываютъ дѣтямъ изъ палки фигуру человѣка съ головою, шеей и туловищемъ. На головѣ дѣлается подобіе лица: глаза, носъ, ротъ, подбородокъ. На эту основу дѣти шьютъ одежду: шапочку, платокъ, кофточку и юбку. Такъкакъ нижній конецъ палки — основы плоскій, то такая кукла свободно стоитъ.

Но чаще фигуру куклы дѣти дѣлаютъ сами. Для этого они сшиваютъ узенькій мѣшочекъ, набиваютъ его льняными хлопьями, перетягиваютъ мѣсто шеи ниткою и кукла готова. Надо только одѣть ее. Платье дѣти тоже шьютъ сами изъ разныхъ лоскутьевъ.

Для угощенія куколъ устраиваются такъ называемые *обѣдки.* Какой-нибудь разбитой чаркой или черепочкомъ, или прямо руками, дѣвочки дѣлаютъ пироги изъ песку или изъ глины и ставятъ ихъ рядами на дощечкѣ; сюда же приносятъ крошеныя яблоки, хлѣбъ и деревенскія лакомства—горохъ, бобъ, макъ и т. п. Берутъ ихъ заостренными спицами, а макъ ложечками изъ маковыхъ головокъ, и подносятъ сначала кукламъ, а потомъ съѣдаютъ сами.

Для куколъ устраиваются и особыя колыски—люльки, большею частью изъ бересты.

Изъ другихъ забавъ дѣтей можно указать на **уборку сѣна.** Дѣти рвутъ руками или при помощи самодѣльной косы траву, разстилаютъ ее рядами для высушки, потомъ сгребаютъ и скла-

дываютъ въ копны, а изъ копенъ дѣлаютъ крошечные стога.

Иногда дѣти, собравшись большою толпой, изображаютъ изъ себя **стадо** домашнихъ животныхъ; двое изъ нихъ дѣлаются пастухами: берутъ кнуты и гонятъ стадо „на пашу“, къ водопою и т. д.

Нерѣдко нѣсколько человѣкъ изображаютъ изъ себя **евреевъ**, а остальные **собакъ**. Собаки съ лаемъ яростно нападаютъ на евреевъ и загоняютъ ихъ на плетни, на заборы.

Затѣмъ, дѣти **катаются** по льду на ногахъ, стоя и въ присядку, или съ горки на санкахъ, обледенѣлыхъ доскахъ, или круглыхъ „ледешахъ“, вырубленныхъ на рѣкѣ или озерѣ и обдѣланныхъ для болѣе удобнаго и устойчиваго сидѣнья. На льду же дѣлается и такъ называемый **катокъ** [1]).

Для этого въ ледъ вмораживается круглый колъ, на него надѣвается колесо, къ которому крѣпко привязывается длинная жердь; къ концу жерди прикрѣпляются санки. Между спицъ колеса вставляются колья и съ ихъ помощью нѣсколько человѣкъ вертятъ колесо. Вслѣдствіе этого санки очень быстро описываютъ круговую линію. На нихъ катаются любители сильныхъ ощущеній. Въ этой забавѣ участвуютъ болѣе взрослыя дѣти и парни.

Вмѣсто катка въ Быховскомъ уѣздѣ устраивается крўторга. На тотъ же самый колъ зимою или на срубленный пень лѣтомъ кладется тонкое бревно такъ, чтобы концы его не перевѣшивали другъ друга. Потомъ на каждый конецъ садится по мальчику, а остальные, ходя вокругъ кола или пня, приводятъ бревно въ круговое движеніе. Мѣняясь, качаются на круторгѣ всѣ играющіе.

Игра опасная, такъ какъ бревно часто соскакиваетъ съ своего стержня и бьетъ дѣтей.

Чаще изъ бревна или изъ доски дѣлаются **качели**. Для этого бревно кладутъ на толстую колоду, впоперекъ, такъ, чтобы концы не перевѣшивали другъ друга. На каждый конецъ садится верхомъ по мальчику. Упираясь ногами въ землю, они заставляютъ бревно попеременно подниматься и опускаться концами. Это и есть „качеля“.

Ритуальное значеніе имѣютъ качели—рѣли, орѣли,—устраиваемыя на Сорокй—9 марта, въ день сорока мучениковъ и астрономическаго наступленія весны. Качели въ этотъ день устраиваиваются не только для дѣтей, но и для взрослыхъ парней и дѣвушекъ. Для дѣтей—чтобъ выше росли, для парней и дѣвушекъ,—чтобы легка была работа.

Для дѣтей качели устраиваются обыкновенно на верхней перекладинѣ воротъ, ведущихъ во дворъ, въ сарай, въ гумно. Черезъ эту перекладину два раза перебрасывается сложенная вдвое веревка и расширяется такъ, чтобы можно было вста-

[1]) Катокъ—бѣлорусское названіе колеса.

вить доску или ночевки, къ которымъ и привязывается внизу веревка. Въ ночевки сажаютъ дѣтей и качаютъ. Размахъ такой качели незначительный.

Взрослые устраиваютъ себѣ качели въ гумнахъ. Веревку они забрасываютъ за то бревно, которое на сохахъ поддерживаетъ крышу всего гумна. Нѣсколько человѣкъ садится на доску, прикрѣпленную внизу къ веревкамъ, а двое становятся по концамъ доски и „поддаютъ“, то есть, присѣдая, раскачиваютъ доску. Такъ какъ высота сохъ очень большая, то и размахъ этихъ качель довольно сильный.

Въ виду того, что качанье это имѣетъ ритуальное значеніе, и происходитъ во время великаго поста, то пѣсни не поются, и качели эти висятъ не долго.

Въ Гомельскомъ уѣздѣ качели устраиваются ко дню Пасхи и стоятъ до Троицына дня. Для устройства ихъ нужно семь тонкихъ бревенъ, въ родѣ телеграфныхъ столбовъ. Шесть изъ нихъ связываются по три вмѣстѣ съ одного конца, а другими концами вкапываются въ землю въ разставленномъ видѣ, образуя козлы, трехстороннія пирамиды, такимъ образомъ, что одна изъ плоскихъ сторонъ пирамидъ обращена внутрь. Между пирамидами, козлами, оставляется пространство, соотвѣтствующее длинѣ бревенъ, но не менѣе двухъ саженей. Установивши козлы, встаскиваютъ на нихъ седьмое бревно и укладываютъ навилкахъ, образовавшихся тамъ отъ трехъ связанныхъ вмѣстѣ бревенъ. Такія качели и называются козлами. Веревка, или вѣрнѣе канатъ, на нихъ вѣшается только тогда, когда соберутся желающіе покататься (по бѣлорусски, на качеляхъ „катаются“, а по землѣ „качаются“, бѣлье также „качаютъ“), а затѣмъ она снова снимается. Обыкновенно, это бываетъ по праздникамъ послѣ обѣда. Для того, чтобы повѣсить канатъ, его связываютъ концами и посредствомъ особой тонкой веревки встаскиваютъ на поперечное бревно. Перевиваютъ бревно канатомъ два раза, чтобы онъ не скользилъ. Разстояніе между канатами на этомъ бревнѣ обыкновенно оставляется въ одинъ аршинъ. Тогда приносятъ прочную широкую доску и обертываютъ ее по концамъ нѣсколько разъ висящимъ канатомъ на высотѣ 1 арш. отъ земли. Качаются на козлахъ обыкновенно стоя. Двое становятся по концамъ доски „поддавать“, а остальные внутри канатовъ, лицами къ поддающимъ. Всѣ держатся за канаты. Лучшимъ „катаньемъ“ считается такое, когда при размахѣ доски кверху канаты принимаютъ горизонтальное положеніе. Если качаются сидя, то доски сильно не раскачиваютъ. Сидящіе обыкновенно поютъ пѣсни.

Всѣ матеріалы для козловъ покупаются дѣвушками вскладчину. Канатъ хранится въ многолюдной семьѣ нѣсколько лѣтъ, а лѣсной матеріалъ берется на прокатъ изъ тѣхъ дворовъ, гдѣ имѣются подходящія бревна.

Въ деревняхъ качели устраиваются проще. Ихъ дѣлаютъ, какъ на Сорокй, въ гумнѣ, или на верхней перекладинѣ воротъ; а тамъ, гдѣ есть растущія деревья, перекладину кладутъ на сучья двухъ сосѣднихъ деревьевъ и вѣшаютъ или веревку или привязываютъ сучьями двѣ небольшихъ жерди, къ которымъ внизу прикрѣпляется доска

Въ Быховскомъ уѣздѣ качели устраиваются къ Русальной недѣлѣ и висятъ отъ Троицына дня до Петра. Въ Русальную недѣлю, какъ извѣстно, русалки качаются въ лѣсахъ на древесныхъ вѣткахъ и громко припѣваютъ:

Гутатà, гуляля̀!
Гутатà, гуляля̀!

На качеляхъ дѣвушки поютъ весеннія или Петровскія пѣсни. Заканчивается этотъ сезонъ игрищемъ въ день Петра и Павла, которое носитъ еще названіе „кумовства“, но уже потеряло обрядовыя черты.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Могилевской губерніи сохранился еще приуроченный къ этому періоду (отъ Русальной недѣли до 29 іюня) пережитокъ старины, въ которомъ въ настоящее время уже трудно отыскать обрядовое значеніе. Прокачавшись съ пѣснями на качеляхъ вечеръ, дѣвушки встаютъ на зарѣ и гонятъ „съ собою“ коровъ въ поле „на ранки“. Пасутъ ихъ тамъ до 10—11 часовъ и потомъ гонятъ домой. Послѣ полудня тѣхъ же коровъ уже прогоняютъ „въ пастухъ“.

Древній обычай этотъ съ каждымъ годомъ встрѣчается все рѣже и рѣже.

Указатель мѣстностей, гдѣ записаны матеріалы.

МОИ СОТРУДНИКИ.

Аникіевичъ, К. Т., изъ кр-нъ Сѣннен. у.; мой ученикъ по Сѣнненскому уѣздн. уч., потомъ сельскій учитель. Мой спутникъ въ экскурсіяхъ. Записи его напеч. въ вып. III, IV, V, VI „Бѣл. Сб.“ Въ наст. вып. помѣщены пѣсни его записи, стран. 134, 139, 153, 197, 215, 513.

Барановскій, І., уч-ль. Сказки его записи въ VI вып. Здѣсь рѣчь столбового и пѣсни, стр. 405, 426.

Буднецкій, П. П., изъ кр-нъ Гом. у.; мой ученикъ по Гомельск. нар. уч., потомъ сельскій учитель. Мой спутникъ въ экскурсіяхъ. Записи его напеч. въ вып. IV, V, VI. Въ наст. вып. приведены его сообщ. по внѣшн. и сем. быту, вѣрованія, примѣты и нѣсколльк. пѣсенъ, стр. 145, 473.

Бѣлинская, Е. А., дочь свящ. с. Хвошна и мѣстная уч-ца. Ея записи помѣщ. въ вып, V и VI. Здѣсь ея пѣсни, стр. 130, 224.

Василевъ, П. В., уч-ль с. Мишневичъ, сотрудникъ по V и VI вып. „Бѣл. Сб.“. Здѣсь помѣщены пѣсни въ его записи, стр. 148, 223, 254.

Вержбицкій, А. Е., б. уч-ль с. Городца. По моимъ указ. описалъ мѣстн. сем. бытъ, стр. 325, 329, 494, 533.

Зайцъ, Ю. С., уч-ца Езерищен. учил. Городокск. у., дала свѣдѣнія о мѣстн. свадебн. обрядѣ.

Кулешовъ, Ф. Ѳ., мой дѣят. сотрудн. по „Мог. Губ. Вѣдом.“ б, сельск. уч-ль и вол. пис. Здѣсь его описаніе вертепн. дѣйств. въ с. Бычи и матер. по словарю условн. яз.

Онуфріевъ, М. О., б. сельск. уч-ль, мой сотрудн. по „Мог. Губ. Вѣд.“. Въ наст. вып. помѣщ. его весьма цѣнныя свѣд. по внѣшн. быту, опис. игръ и нѣск. пѣсенъ.

Пашкевичъ, К., мой учен. по Сѣнненск. у. Сотрудн. въ III вып. Въ VIII в. его пѣсня, стр. 507.

Попретинскій, С. В., сынъ вол. пис., б. сельск. уч-ль, сотруд. по VI вып. Въ VIII в. помѣщ. его свѣдѣнія по народн. календарю.

Пороменская, О., б. уч-ца Щербинскаго уч., по моимъ указ. запис. мѣстный свадеб. обрядъ и нѣск. пѣсенъ, стр. 135, 236, 251, 361.

Пилипенокъ, С. В., кр. д. Заулковъ, самоучка; по моимъ указаніямъ записалъ годовой кругъ пѣсенъ, въ прекрасной редакціи, стр. 173, 188, 200, 236, 355, 523.

Пясковская, Н. В., дочь священ. Невельск. у., б. уч-ца Сушков. учил., Дриссен. у., описала свадебный обрядъ обоихъ этихъ уѣздовъ и записала причитанія, стр. 392, 451, 545.

Русакова, Л. Ѳ., дочь священ., сельская уч-ца, описала свад. обрядъ Владиміровск. вол., Городокск. у. и доставила нѣсколько пѣсенъ, стр. 115, 403. Записи ея помѣщены въ V вып. „Бѣл. Сб.“.

Ткаченко, Л. М., старикъ кр. д. Дубровки, Гом. у. самоучка, поэтъ, идеалистъ, авторъ распространеннаго въ спискахъ „Акаѳиста волостному старшинѣ“, съ припѣвомъ: „Радуйся, волостный начальниче, великій винопійче!“ Былъ учит. ц.-прих. школы, сельскимъ писаремъ, помощникомъ вол. писаря. Далъ мнѣ весьма цѣнныя свѣдѣнія по народному календарю, народн. вѣрованіямъ, семейному быту. Матеріалы, отмѣченные дер. Дубровкой, всѣ принадлежатъ ему.

Филипповъ, Ѳ. Т., б. уч-ль Городокск., Витебск. и Велиж. у. Записи его помѣщены и въ V вып. Въ настоящій вып. вошло нѣск. пѣсенъ его записи, но большая часть осталась ненапечатанною.

Судиловскій, П. С., волостн. писарь с. Ослянки, доставилъ нѣск. пѣсенъ и далъ свѣдѣнія по семейному быту, стр. 232, 324, 328, 506.

Всѣ эти лица мнѣ лично извѣстны и при записяхъ руководствовались моими указаніями. Кромѣ нихъ, для настоящаго выпуска доставили тѣ или другія свѣдѣнія по быту и вѣрованіямъ, или записали пѣсни слѣдующія лица:

Алхимовичъ, Пр. Ѳ., зем. нач., изъ дух. среды Витеб. губ., доставилъ много своихъ наблюденій, но къ сожалѣнію придалъ имъ полубеллетристическую форму, при которой трудно отличить нар. произведенія отъ псевдонародныхъ. Здѣсь же много произведеній искусственныхъ, которыя надѣюсь издать впослѣдствіи. Пѣсни въ записи г. Альхимовича, стр. 116, 226, 259, 269.

Свящ. о. П. Волочковъ, о. И. Давидовичъ дали цѣнные матеріалы по внѣшнему быту быховскихъ крестьянъ.

Свящ. о. В. Романовъ сообщилъ данныя по нар. міросозерцанію.

Псаломщ. Барташевичъ, С., запис. нѣск. пѣсенъ. Сотрудн. въ „Мог. Губ. Вѣд." Стр. 244.

Воспитан-ки вилен. дух. сем. А. Станкевичъ и два его товарища (фам. мнѣ неизв.) запис. пѣсни въ виленск., ошмян, уу. и въ м. Браславѣ, стр. 129, 139, 151, 177, 187, 188, 200, 202, 217, 229, 239, 247, 248, 272.

Барковъ, Неплюковъ, Соколовскій, Гутовскій—воспит. Лепельск. гор. училища. Ихъ пѣсни, стр. 134, 194, 227, 250, 381.

Петровъ, кр. с. Болецка, запис. нѣскольк. пѣсенъ, стр. 258.

Кипріановъ, Никитинъ, Моисеевъ, Орловъ, Скороходовъ—кр-не долосчан. вол., Себеж. у. Ихъ пѣсни, стр. 224, 225, 260.

Кондратьевъ, И., кр. бабинич. вол., Витеб. у. запис. много пѣсенъ, часть которыхъ вошла въ настоящ. вып., стр. 220, 253, 267, 378.

Дочери сельскихъ священ.—Синякова, Е. И., Модзалевская, Т., Волочкова, А. П., Матіасевичъ, А., передали описанія свадебн. обрядовъ и тексты пѣсенъ и причитаній, стр. 507, 140, 222, 271, 545, 485, 262.

Уч-цы и уч-ля сельск. учил.—Соколовская А., Страмковская М., Нездачины Н. Ѳ. и О. Ѳ., Давиденко А. С., Коптѣловъ, Орловъ Д., Эсьманъ П., Цыбулькинъ А. Т. доставили по нѣск. пѣс. и кратк. опис. свад. обр., стр. 218, 252, 367, 430, 195, 259, 268, 269, 237, 271, 435, 149, 198, 203, 370, 166.

Останьковичъ пом. вол. пис. записалъ одну пѣсню, стр. 244.

Всѣ они мнѣ также лично извѣстны, кромѣ крестьянъ долосчанской вол., Петрова и Кондратьева, воспит. Лепельск. городск. учил. и Виленск. дух. сем. и уч-цы Матіасевичъ.

Оглавленіе.

Е. Р. Романовъ.

БѢЛОРУССКІЙ СБОРНИКЪ.

ВЫПУСКЪ ДЕВЯТЫЙ.

Опытъ словаря условныхъ языковъ Бѣлоруссіи.

Съ параллелями великорусскими, малорусскими и польскими.

ВИЛЬНА.

1912.

Типографія **А. Г. Сыркина.** Вильна, Большая ул., соб. домъ.

Условные и тайные языки, какъ извѣстно, имѣютъ большое распространеніе и вызвали цѣлую литературу на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Употребленіе ихъ возникло въ глубокой древности и они были извѣстны уже Геродоту.

Возникновеніемъ своимъ условные тайные языки обязаны желанію извѣстныхъ группъ, кастъ, кружковъ, цеховъ, сохранить въ тайнѣ свои профессіональныя свѣдѣнія.

Такъ возникли подобные языки у врачей (остающійся доселѣ латинскій), у купцовъ, ремесленниковъ, нищихъ, воровъ и т. д.

Не задаваясь цѣлію разсмотрѣть способы тайнописи, я намѣренъ сдѣлать лишь сводъ имѣющихся уже и вновь собранныхъ мною словарныхъ матеріаловъ по устнымъ условнымъ языкамъ, находящимся въ обращеніи въ предѣлахъ Бѣлоруссіи.

Первый, кто обратилъ вниманіе на условные бѣлорусскіе (въ смыслѣ топографическомъ) языки, былъ Андрей Мейеръ, авторъ „Описанія Кричевскаго графства или бывшаго староства“ 1786 года, которое напечатано мною въ сборникѣ „Могилевская Старина“ [1]).

„Я думаю, говоритъ авторъ этого интереснаго труда, что не противно будетъ, естьли я упомяну здѣсь и о томъ нарѣчіи, которымъ всѣ кричевскіе мѣщане—портные, сапожники и другихъ мастерствъ люди, а особливо живущіе около польской границы [2]) *корелы* (не отъ кореловъ, а отъ грабежей своихъ такъ названные крестьяна) между собою изъясняются“.

„Сіе нарѣчіе, подобно многимъ россійскимъ, а особливо суздальскому [3]), введено въ употребленіе праздно-шатавшимися и въ распутствѣ жившими мастеровыми, которые, привыкнувъ уже къ лѣности и пьянству, принужденными находились для прокормленія своего оное *выдумать* и сплесть, дабы посторонніе ихъ не разумѣли и они всѣхъ тѣмъ удобнѣе обкрадывать и мошенничать могли. Оно (нарѣчіе) не основано ни на какихъ правилахъ и кромѣ множества произвольно-вымышленныхъ состоитъ еще изъ переломанныхъ *нѣмецкихъ* и *латинскихъ* словъ [4]). Употребляемая между ими таковая

[1]) Вып. II, стр. 86—137. Могилевъ, 1901.

[2]) Польская граница въ Могилевской губерніи въ то время шла по р. Друти, въ Сѣнненскомъ, Оршанскомъ, Быховскомъ и Рогачевскомъ уѣздахъ.

[3]) Слѣдовательно, условный языкъ офеней имѣлъ широкое распространеніе уже въ XVIII вѣкѣ.

[4]) Такимъ образомъ, авторъ здѣсь противорѣчитъ себѣ: кричевскіе крестьяне не могли *выдумать* нарѣчія, въ составъ котораго входятъ неизвѣстныя имъ нѣмецкія и латинскія слова.

рѣчь называется здѣсь *отверницкою*, или отвращенною [1]), и я для любопытства прилагаю здѣсь нѣсколько изъ употребительнѣйшихъ какъ рѣчей такъ словъ и глаголовъ ихъ".

Далѣе авторъ приводитъ 6 реченій, 35 существительныхъ и 5 глаголовъ изъ этой „отверницкой говорки". Они приведены далѣе.

Затѣмъ о бѣлорусскихъ условныхъ языкахъ упоминаютъ: извѣстный *Микуцкій*, въ „Матеріалахъ для сравнительнаго словаря" [2]), *Максимовъ* въ очеркѣ „Кубраки" въ „Бродячей Руси" и *Ставровичъ* въ „Опытѣ историческихъ и этнографическихъ изслѣдованій о Сѣверо-западномъ краѣ" [3]). Священникъ Слуцкаго уѣзда Минской губерніи *Ф. Сцѣпуро* уже составилъ „Русско-нищенскій словарь м. Семежова Слуцкаго уѣзда", напечатанный въ „Сборникѣ Отдѣленія русск. языка и словесн. Импер. Академіи Наукъ [4]) и заключающій въ себѣ 243 слова.

Слѣдующій трудъ, посвященный условному языку нищихъ и ремесленниковъ, между прочимъ—бѣлорусскихъ, принадлежитъ П. Н. Тиханову [5]). Въ немъ авторъ приводитъ шесть небольшихъ словариковъ, всего 846 словъ, языка нищихъ Гомельскаго уѣзда и сосѣднихъ съ нимъ—Черниговскаго, Мглинскаго и Брянскаго, а также языка портныхъ Жиздринскаго уѣзда и шерстобитовъ Пензенской губерніи.

Мнѣ приходилось обращаться къ условнымъ языкамъ нѣсколько разъ. Первоначально мною составленъ словарикъ въ 370 словъ условнаго языка Дрибинскихъ шаповаловъ въ 1889 году и напечатанъ въ „Живой Старинѣ" [6]) подъ названіемъ „Катрушницкій лемезень". Въ слѣдующемъ 1890 году собраны матеріалы для словаря условнаго языка нищихъ Могилевской губерніи, которые помѣщены въ „Этнографич. Обозрѣніи" [7]) подъ названіемъ „Любецкій лементъ". Сюда вошло 1015 словъ. Десять лѣтъ спустя, мнѣ снова пришлось возвратиться къ условнымъ языкамъ. Воспользовавшись пребываніемъ въ Дрибинѣ интеллигентнаго волостного писаря Ф. Ѳ. Кулешова, которому крестьяне свободно сообщали слова своего тайнаго языка, я при его помощи значительно пополнилъ собранные раньше лексическіе матеріалы и издалъ ихъ въ „Могилевскихъ Губ. Вѣдомостяхъ" и „Могилевской Старинѣ" [8]), откуда они были перепечатаны въ „Сборникѣ Отдѣленія русск. яз. и слов. Академіи Наукъ" [9]).

---

[1]) Такое толкованіе автора невѣрно. На самомъ дѣлѣ нарѣчіе называется *отверницкимъ* потому, что прототипомъ его здѣсь былъ обыкновенный языкъ, но „съ отворачиваніемъ" слоговъ, т. е. съ перестановкою слоговъ или вставкою между ними частицъ: *ку*, *хѣр*, *шаце* и др.

[2]) СПБ. 1854. Изд. Акад. Наукъ. [3]) Вильна, 1870, стр. 19.

[4]) Т. XXI, СПБ. 1881. [5]) Труды Черниг. архивн. ком. вып. II, Черниговъ, 1900, стр. 65—168. [6]) Т. I. СПБ. 1890. Стр. 9—16. [7]) Кн. II. Москва, 1891. Стр. 118—145. [8]) Вып. II. Могилевъ, 1901. Стр. 45—68. [9]) Т. LXXI, СПБ. 1901.

Въ этомъ трудѣ былъ сдѣланъ сводъ данныхъ по условнымъ языкамъ, находящихся въ указанныхъ выше источникахъ, кромѣ „Матеріаловъ" Микуцкаго, которыхъ въ провинціи отыскать не было возможности.

Впослѣдствіи, въ 1904 году, мнѣ представилась возможность ознакомиться съ условнымъ языкомъ портныхъ и шаповаловъ извѣстнаго мѣстечка Шклова, Могилевскаго уѣзда—съ пáрушницкимъ лéмезомъ, и въ 1910 году съ языкомъ профессіональныхъ сборщиковъ на построеніе храмовъ—лáборей м. Иванова Кобринскаго уѣзда Гродненской губерніи—вытирня́цкимъ гаврúдникомъ, онъ же гаврúдникъ либéрскій и гаврúдникъ афúнскій (конечно, искаженное—офенскій).

Это обстоятельство обязываетъ меня еще разъ остановиться на условныхъ языкахъ Бѣлоруссіи и сдѣлать новый сводъ всѣхъ добытыхъ матеріаловъ въ видѣ опыта словаря.

Разсматривая эти лемезни, лементы и гавридники со стороны ихъ образованія, слѣдуетъ признать, что происхожденіе значительнаго числа словъ ихъ опредѣлить пока невозможно. Затѣмъ, въ составъ ихъ входятъ, сравнительно въ небольшомъ количествѣ, слова, заимствованныя изъ иностранныхъ языковъ. Такъ, напримѣръ: Ахвесъ-Богъ, хирка-рука, кресо-мясо, петрусъ-камень, ставеръ-крестъ, хлюса-церковь, мелюсъ-медъ, микрый-малый, тэсарь-четыре и нѣкоторыя другія—несомнѣнно *греческія*, заимствованныя по всей вѣроятности отъ греческихъ и аѳонскихъ монаховъ, которые съ паденіемъ Византіи стали наводнять Россію для сбора пожертвованій на храмы и монастыри, и были первыми виновниками появленія у насъ *кубраковъ* и *лаборей* съ такими же цѣлями и съ такимъ же непонятнымъ для массы языкомъ. Имѣются слова, заимствованныя изъ *латинскаго* языка, напримѣръ: цэрья—земля, деусъ—солнце, деушница—воскресенье, вохтымирь—восемь; изъ *нѣмецкаго* или еврейскаго жаргона взяты: штэкъ—палка, махеръ—ножъ, геренька—селедка, цигаль—коза, хазъ—домъ, шихта—дѣвушка, шнейдеръ—портной; *шведскаго*: стодъ—богатый; *чешскаго*: карфилъ—священникъ; *польскаго*: свяно—праздникъ, дюкаты—деньги, лобусъ—парень, ёдный—одинъ, девенть—девять; изъ *татарскаго*: басать—рѣзать; *латышскаго*: чибла—коза. Довольно много вошло въ словарь *областныхъ словъ*, провинціализмовъ, употребляющихся только въ одной какой-либо области и не извѣстныхъ въ другой, напр. сиворка—зима, лохъ—мужикъ, ряха—молодица, суразный—красивый и т. п.

Имѣются слова искаженныя черезъ перестановку слоговъ и измѣненіе окончаній, какъ напримѣръ: лосома—солома, лапстырь—пастухъ, пастырь, липусъ—липовикъ, лапоть и т. д.

Большинство прилагательныхъ образуется изъ общерусскихъ, при помощи вставныхъ суффиксовъ: *имн, омн*: тонкимный, солодимный, худимный, кисломный, низкомный и т. д.

Очень много въ словарь вошло словъ изъ такъ называемой „отверницкой говорки“. Говорка эта состоитъ въ томъ, что каждое слово „разворачивается“ на слоги и при произношеніи предъ каждымъ слогомъ дѣлается вставка извѣстныхъ условныхъ частицъ, большею частью: *ку, шу, хѣр, ша-це, куй-му* и др. Получается такой жаргонъ: кубáкутька—батька, хѣрбрáхѣртъ—братъ, шамáцетка—матка, шухáшута—хата, куйсéмустра—сестра и т. д.

Въ бѣлорусскихъ профессіональныхъ условныхъ языкахъ почему то въ наибольшемъ употребленіи частица *ку*, причемъ приставляется она не предъ каждымъ изъ слоговъ слова, а только впереди перваго слова: кýвесна, кýпогода и т. д. вмѣсто: кувéкусна, купóкугбкуда и т. д. Разгадать такую „говорку“, не трудно, какъ показываетъ слѣдующій анекдотъ, приведенный въ „Бѣлор. Сборникѣ“:— „Хѣръ—братъ!“—Хѣръ—што? —„Хѣръ — ходи!“ — Хѣръ — куды? — „Хѣръ къ дѣвкамъ!“—А хѣръ—кнутъ, скурвые сыны!...—„А братъ! И батька по хѣрамъ умѣя говорить!..“

Въ этомъ случаѣ говорящему на условномъ языкѣ много помогаетъ быстрота произношенія словъ и то обстоятельство, что въ такихъ сложныхъ словахъ удареніе всегда переносится на приставку: кýраньня—ранньня, утро; кýгора—гора, кýлѣто и т. д. Иногда употребляется и пріемъ смягченія или подъема согласныхъ по общимъ законамъ нашей фонетики; напримѣръ, говорятъ: кýхередній—середній.

Во всѣхъ измѣненіяхъ словъ и въ сочетаніи ихъ бѣлорусскіе условные языки подчиняются законамъ языка русскаго и ни собственной этимологіи, ни синтаксиса они не имѣютъ. Нѣтъ у нихъ также своихъ союзовъ, предлоговъ и междометій.

Имѣющіяся слова условныхъ языковъ я раздѣляю въ „Опытѣ словаря“ на три категоріи. Къ *первой* мною отнесенъ языкъ ремесленниковъ: Дрибинскихъ шаповаловъ; Шкловскихъ портныхъ, Кричевскихъ ремесленниковъ по Мейеру (1786), а также Новозыбковскихъ шаповаловъ по сборнику Николайчика [1]) и Жиздринскихъ портныхъ, такъ какъ уѣздъ Новозыбковскій отчасти, а Жиздринскій весь, по Карскому, входятъ въ число бѣлорусскихъ [2]).

Параллельно съ ними, во *второй* категоріи, приводятся языки *нищихъ* Могилевской губерніи, собранные мною въ Мстиславскомъ, Климовичскомъ, Чериковскомъ и Чаусскомъ уу., и г. Тихановымъ—въ Гомельскомъ; нищихъ Слуцкаго уѣзда Минской губерніи; Черниговскаго и Мглинскаго уѣздовъ по сборнику Тиханова и Брянскаго уѣзда Орловской губерніи по тому же сборнику,—такъ какъ эти уѣзды входятъ въ область бѣлорусскихъ, а Черниговскій примыкаетъ

[1]) Кіев. Стар. 1890 г. апрѣль, стр. 121—130. [2]) Бѣлоруссы, т. I, стр. 15, 20.

къ ней съ сѣвера и запада [1]). Для параллели, здѣсь приведенъ и словарикъ нищихъ Подольской губерніи Боржиковскаго [2]).

Къ *третьей* категоріи отнесенъ значительно развитой языкъ *лаборей* м. Иванова Кобринскаго уѣзда Гродненской губерніи [3]).

Изъ сборника Тиханова я привожу и словарикъ языка Пензенскихъ шерстобитовъ, составленный г. Шульгинымъ, но долженъ сказать, что онъ принадлежитъ къ числу весьма сомнительныхъ. Повидимому, шерстобиты, нравственность которыхъ изображена г. Шульгинымъ въ весьма мрачномъ видѣ, опасались передавать ему тайны своего языка и сообщали слова фантастическія.

Наконецъ, для большей полноты, я присоединяю и параллели изъ словаря польскихъ арестантовъ Эстрейхера [4]), близость котораго къ бѣлорусскимъ словарямъ видна съ перваго взгляда.

Лексичеекій матеріалъ я располагаю по слѣдующимъ группамъ:

I. Явленія и предметы природы.
II. Предметы духовные.
III. Человѣкъ.
IV. Пища.
V. Одежда.
VI. Жилище, утварь, орудія.
VII. Животныя.
VIII. Растенія.
IX. Дѣйствія.
X. Свойства и качества.
XI. Числа и мѣры.
XII. Употребительнѣйшія мѣстоименія.
XIII. Главнѣйшія нарѣчія.
XIV. Фразы на условномъ языкѣ.

[1]) Ibid., стр. 12—15, 20, карта. [2]) Кіев. Стар. 1889 г. сентябрь. [3]) Свѣдѣнія о Дрибинскихъ шаповалахъ читатели найдутъ въ моей „Могил. Старинѣ“, вып. II, стр. 39—44, а объ Ивановскихъ лаборяхъ у Ставровича, въ „Опытѣ изслѣдованій“, стр. 1—35 [4]) „Szwargot więzenny“, Краковъ, 1903.

Списокъ словъ.	УСЛОВНЫЙ ЯЗЫКЪ РЕМЕСЛЕННИКОВЪ.					
	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
I. Явленія и предметы природы.						
Міръ, свѣтъ .	кýсвѣтъ	—	—	—	—	—
Земля . .	цыръ, цирь	тюрà	—	ати́ра	—	мастóръ
Вода . .	сугà	сугà	дéлька	сугà	леньгà	дробня̀
Огонь . .	дуля́съ, дý-лясъ, дуль	дульмò	—	—	шабýнъ	дýликъ
Спички .	дуля́ска	длымéска	—	—	—	—
Дымъ . .	курдóмъ	дымóшъ	—	—	—	качáмъ
Жаръ, горячій уголь	шýголь	дуля́съ, уголёмъ	—	—	—	ся́тка
Небо . .	шýнебо	—	—	—	—	—
Солнце .	сьвя́нка	дэ́усъ	—	—	—	сія́нъ
Луна . .	шýлуна	лунóша	—	—	—	—
Звѣзда .	кýзвѣзда, кýзорька	звѣздóша	—	—	—	—
Погода .	шагóда, кý-погода	—	—	—	—	—
Вѣтеръ .	шýвѣтеръ	шуговѣ́й	—	—	—	вармáсъ
Туча . .	кýтуча, кýхмара	—	—	—	—	—
Громъ . .	шýгромъ	—	—	—	—	—
Дождь . .	трухлéй, трухнéй	парахóнъ	—	марахóнь-ка	—	—
Снѣгъ . .	сивóръ	сивóръ	—	—	—	пéршка
Ледъ . .	шýледъ	сивóръ	—	—	—	яй

Условный языкъ нищихъ.					Лаборскiй.	Польскiй.
Могилевская губернiя.	Слуцкъ.	Черниговская губернiя.	Брянскъ.	Подольская губернiя.		
—	сянъ	—	—	свитомка	сиверъ	—
церь, царя́, цыру́га	цы́ра	сырья́, церья́, тирья́	сыру́ха	теры́га	тыры́га	—
ды́лька, дельга̀	дэ́лька	дельга̀	леню́га	де́лька	дэ́лька	delka
ду́лесъ, дуля́съ	—	ду́лесъ, ду́лисъ, дулъ	ду́линъ	дуля́сникъ	ду́лясъ	dulc
дуля́съ, дуля́сница	—	духа̀вка	вы́терочка	—	задуля́никъ, задуля́нокъ	—
ку́думъ	—	—	—	—	дымо́шникъ	—
ду́лецъ, ду́лесъ	—	—	—	—	ду́лясъ	—
—	—	—	—	—	—	—
сiянка, сно́пка	ссяко	—	—	ся́нко	ся́ннэ, ся́нне	sianko
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	ку́зорка	—
ку́погода	—	—	—	—	—	—
ку́вѣтеръ	—	—	—	—	шу́теръ, шу́тэръ	—
трухве́й	—	—	—	—	—	—
Яхвесъ пору́тится (Богъ бранится)	—	—	—	—	О́хвесь пору́тится Охвэ́съ лобу́нытця	—
трухле́й, трусе́й	ракце́й	трухтiе́й	—	рахтí́й	рахта̀, рахте́й	—
бѣлюсъ, сиво́рникъ сиворе́цъ	пле́нникъ	—	—	си́веръ	пла́хтiй плахтíй	—
сиво́рникъ, сиворе́цъ	—	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Градъ . .	ку́градъ	сивбръ	—	—	—	—
Морозъ, холодъ .	сивбръ	сивбръ	—	—	—	—
Мятель .	шате́лица	сивбръ	—	—	—	—
Песокъ .	цирь	тюра̀	—	—	—	—
Камень .	пи́трусъ, шу́камень	петра́къ	—	пи́трусъ	—	кевъ
Глина . .	шу́глина	глинбша, тюра̀	—	—	—	се́винъ
Мѣдь . .	шедь	шедь	—	—	—	—
Желѣзо .	куе́зо	куве́зо	—	—	—	—
Чугунъ .	югу́нъ, ку́чугунъ, кугу́нъ	кугу́нъ	—	—	—	—
Золото .	ку́золото	ку́золото	—	—	—	—
Серебро .	ку́серебро	ку́серебро	—	—	—	—
Гора . .	ку́гора, шу́гора	ку́гора, шу́гора	—	—	—	губбръ
Ровъ, яма, оврагъ .	ку́ровъ, шу́йма (сокращ. шу-яма)	антипка	—	—	—	—
Поле . .	три́поле	три́поле	—	—	—	стяфа́нъ
Рѣка . .	шу́рѣка, суга̀ хлить (вода течетъ)	—	—	—	—	—
Озеро . .	ку́озеро, суга̀ стычи́ть (вода стоитъ)	ку́озеро	—	—	—	—

Могилевская губернія	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
—	—	—	—	—	—	—
сиворникъ, сиворе́цъ, рахма́зъ	сивбръ	—	—	—	си́веръ, си́вэръ	—
сивбрникъ ихлить (снѣгъ идеть)	—	—	—	—	ку́деса, пла́хтій пандика́е (снѣгъ идетъ)	—
цыру́га	—	—	—	—	тыры́га	—
пе́трусь, ша́мень	пи́трусъ	—	—	—	пи́трусъ	—
жовти́мная цэрь	—	—	—	—	тыры́га	—
ше́рхва	—	—	—	—	куви́зо	—
—	—	—	—	—	куе́зо, куви́зо	—
—	—	—	—	—	куе́зо	—
—	—	—	—	—	хо́бни (соб. деньги)	—
—	—	пленб	—	—	ку́ребро, кури́бро	—
ку́гора	ку́гора	—	—	—	свигбра, сьвигбра	—
курге́цъ, кирге́цъ	шму́рка	—	—	—	куровъ, ку́яма, шмурка	—
шбле	три́поле	—	шбле	стропи́ля	митропу́лье, мытропу́лье	—
дбльманъ голембй (большой колодецъ)	склаву́та	—	—	—	дэ́лька	—
е́рзило, дбльманъ застыкля́нный (стоячій колодецъ)	—	—	—	—	дэ́лька	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Колодезь .	молóдижъ	конплóдезь	—	сужни́къ	—	—
Болото .	шалóто	кýболото	—	—	—	на́чка, рдасъ = грязь
Лѣсъ . .	вóксимъ	аксюга	—	—	—	—
Лугъ . .	кýлугъ	басъ	—	—	—	—
Зима . .	сивóрка	сивóрница	—	—	—	—
Весна . .	кýвесна, шýвесна	кýвесна	—	—	—	пси́шная ки́за
Лѣто . .	кýлѣто, шýлѣто	снопнота̀	—	—	—	—
Осень . .	кýвосень, шýсень (сокр. шу-осень)	кýосень	—	—	—	—
День . .	кýдень	кýдень	—	—	—	пе́ндюхъ
Ночь . .	ки́мка	ки́мочь	—	—	—	нева́ршно
Утро . .	шýраньня	—	—	—	—	—
Вечеръ .	кýвечеръ, шýвечеръ	кýвечеръ	—	—	—	—
Полночь .	лу(о)хто-вина ки́м-ки	повки́мочь	—	—	—	—
Часъ . .	кýчасъ, кý-година	часóнъ)	—	—	—	шварга́нъ
Годъ . .	кýгодъ, шý-годъ	кýгодъ	—	—	—	кругля́къ
Мѣсяцъ .	—	—	—	—	—	—
Недѣля .	дэ́ушница	дэ́ушница	—	—	—	—
Воскре-сенье . .	дэ́ушница	дэ́ушница	—	—	—	стодóльный пе́ндюхъ
Понедѣль-никъ . .	кýпонедѣ-локъ	—	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
до́льманъ, де́лишникъ дыльникъ	—	—	—	сивра́ныця	дэ́льчаникъ, дэлча́лникъ	—
ку́болото	шало́то	—	—	шало́то	шало́то, шоло́то	—
—	—	во́ксимъ	во́ксикъ	—	о́ксимъ	—
вихра́чъ	—	—	—	—	шо́лотокъ. См. болото	—
сиво́ръ, сиво́рка	сиво́рка	—	—	сы́верныця	сивэ́рка, сиво́рка	—
ку́весна	сно́пка	—	—	—	сно́пка (соб. теплота)	—
ку́лѣто, сно́пка	сно́пка	—	—	—	сно́пка	—
ку́восень, сиво́рка ихли́ть (зима идетъ)	подсиво́рка	—	—	—	сиве́рка, сивэ́рка	—
ку́день	ку́день	—	—	ку́день	ку́день, ку́дэнь	—
ки́мочь	ки́масць	—	кима́чъ	ке́мить	ки́мать	kima, kimka
ку́раньня	шу́рано	—	—	—	ку́рано	—
ку́вечеръ	ку́вечеръ	—	—	ку́вечеръ	ку́вечеръ	—
повки́мочь	посередки́мосць	—	—	—	по́вкимать лоптови́на кимати	—
ку́часъ	—	—	—	—	ку́година, ку́годына	—
кругли́къ, ке́ндикъ, ки́ндикъ	ки́ндикъ	—	—	кы́ндыкъ	ки́ндикъ, ки́ндыкъ	—
—	—	—	—	макохтій	—	—
мирю́ля, бирю́ля	—	—	—	моргу́ля	миру́ля, мыру́ля	—
ся́но, сія́но	миру́ля	—	—	—	миру́ля, мыру́ля	—
—	—	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Вторникъ	ку́фторокъ	—	—	—	—	—
Среда . .	ку́херéда	—	—	—	—	—
Четвергъ	ку́четвергъ	—	—	—	—	—
Пятница .	шу́пятинка	—	—	—	—	—
Суббота .	сабатю́къ	субантю́къ	—	—	—	—
II. Предметы духовные.						
Праздникъ	свя́но	свя́но	—	—	—	—
Никольщина, праздникъ Никольскій	стыка́льница	—	—	—	—	—
Свѣча восковая .	—	—	—	—	—	—
Пасха . .	Ку́пасха	багро́вцы	—	—	—	вячій стодольній пéндюхъ
Богъ . .	Ахвéсъ	Дэ́усъ	—	Ахвéсъ	—	Стóта
Христосъ	Ахвэ́съ, Ку́христосъ	Дэ́усъ	—	—	—	—
Ангелъ .	шу́нгелъ	—	—	—	—	стóта
Душа . .	ку́душа	душантéя	—	—	—	—
Рай . . .	ку́рай	—	—	—	—	—
Грѣхъ . .	ку́грѣхъ	грѣхóнъ	—	—	—	—
Смерть .	ку́смерть	ку́смерть	—	—	—	—
Чертъ, бѣсъ . .	шéстъ	шéтъ	—	—	ёсъ	дробéжный
Пекло, адъ	шадъ, шу́пекло	—	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
—	—	—	—	—	миру́льникъ	—
шу́середа	скиро́тница	—	—	—	пянджику́ска	—
—	—	—	—	—	—	—
—	пенджа́тница	—	—	—	пянджику́ска	—
—	база́тка	—	—	сбботка	са́батка	—
ку́свято	—	ку́праздникъ, сянъ	—	свяхта̀	ся́но, ся́но	—
—	—	—	—	—	ся́нно Миколаёшникъ, ся́но Мыколаёшныка	—
—	—	—	стоду́ница	—	—	—
—	галеми́тникъ	—	—	—	галёмый ку́день, галемо ся́нно	—
Ахве́съ, Яхве́съ	Ахвэ́съ	О́хвисъ, Ахве́съ	Ахве́съ, Стодъ	Хвесь	Охве́сь, Ахвэ́съ	Tek, Deus
—	—	—	Ахве́са Ёнусъ	—	Охве́сь, Ахвэ́съ, Яхо́сь	—
—	—	—	—	—	—	—
—	духа́ўка	—	—	ду́хомка	духта́вка, духта́лка	—
—	—	—	—	—	—	—
крымъ	крэмъ	—	—	кримъ	крымъ	—
—	ха́ля	—	—	—	халя̀, ха́ля	—
ша́цъ, шэ́цъ, е́съ, хо́вшинъ	хоўше́нь	—	—	хверть, те́мыхъ	хо́вшень	iwaś
—	—	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шиловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Церковь .	хлю́са	дэ́ушница	хозбо́рница	Ахве́съ	сто́да	—
Костелъ .	—	—	—	—	—	—
Колоколъ	калага́нъ	—	—	кудо́мникъ	—	—
Колокольня . . .	калага́льня	—	—	—	—	—
Икона . .	Ахве́съ	—	—	Ахве́съ	—	—
Крестъ .	—	—	—	—	—	—
Набожность . .	—	—	—	—	—	—
Обѣдня .	бра́йня	—	—	—	—	—
Молитва .	—	—	—	—	—	—
Отпустъ	—	—	—	—	—	—
Акаѳистъ	—	—	—	—	—	—
Христіанинъ . .	—	—	—	—	—	—
Милостыня	—	—	—	—	—	—
Духовный стихъ, псальма	—	—	—	—	—	—
III. Человѣкъ.						
Человѣкъ	ку́человѣкъ	людмэ́съ	—	—	лохъ	лемъ
Царь . .	ку́царь	царо́нъ	—	—	—	—
Мужчина	ку́жъ, жбанъ	людмэ́съ	—	—	—	—
Женщина, баба . .	жба́ха	шкро́ха	—	ра́ха	коды́ня	—
Семья . .	шульга̀, шевельга̀	ку́семья, семьёша	—	—	—	—

Могилевъ	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
клюсà, клисà, клюжà	клюсà	клюсà	клю́га	клюсà	хлю́са	kliusa
—	шандзёнъ	—	—	—	—	sendzioł
—	—	—	кутазы̀ (мн. ч.)	кудо́вныкъ	ку́донъ, кудо́ръ	—
—	—	—	—	—	ку́донница, куда́ныца	—
—	—	—	ахве́сникъ	барай (мн. ч.)	багрà	—
—	—	—	—	клю́сныкъ	ста́веръ	—
—	—	—	ахве́сность	—	—	—
Яхве́су чиняются (Богу молятся)	—	—	—	—	слуго́мка (собств. служба)	—
—	—	—	—	шате́рныця	—	—
—	—	—	—	шате́рныкъ	—	—
—	—	—	—	ре́псныкъ	—	—
—	—	—	—	кувестія́нинъ	—	—
—	—	ши́лостыня	спасня̀	—	—	—
пса́лка	—	—	пса́лка	—	—	—
ку́человѣкъ, хозе́тъ, лохъ	логъ	лохъ	—	мбздиръ	хирьяни́ца, хирьяныця	—
нацы́рникъ, цырю́жникъ	цыри́зникъ	царни́къ	—	—	тыри́жникъ	—
лохъ (соб. мужикъ)	логъ	—	—	—	хирьяни́ца	—
збáха, ря́ха ра́ха	ра́ха	ря́ха, ра́ха, ряху́та	кобухве́я	ра́ха, цу́ба	цу́ба	zacha=жна
хаме́ръ	хвирья́	—	—	—	хви́рья	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Мужикъ (крестьянинъ) . .	кужъ	лохъ	логъ	лохъ	лохъ	гирямъ
Мужикъ (грубіянъ)	—	—	—	—	—	—
Мужичка	кужовка	лоховка	—	—	—	—
Люди, народъ . .	кулюди	людмэсы	—	хирани	—	—
Хлопецъ (мальчикъ)	микрецъ	микрецъ	микрецъ	—	котерёнокъ	—
Парень .	микрецъ	—	—	—	—	—
Дѣвица .	шихта	шухтякъ	шихта	—	лампухъ, лакрёнокъ (дѣвочка)	—
Дѣвка жирная, сильная, ксендзовская экономка .	—	—	—	—	—	—
Дитя . .	хведень, хвяднёнокъ	микренёнокъ	—	—	—	—
Дѣдъ . .	ярохъ, шкредъ	ярохъ, шкредъ	—	—	—	стодыжный атей
Внукъ . .	—	—	—	—	—	стодыжный котеренокъ
Баба, старуха . .	яруха	шкроха	яруха	—	кодыня	—
Отецъ . .	бакштэй	ёрокъ	—	—	—	алей
Мать . .	бакштэйка	ёрица	—	—	—	авай
Сынъ . .	звиньчикъ	лабунъ	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій	Польскій
лохъ	—	лошке́тъ	—	—	мэть	łoch, loch
—	—	—	—	—	мэ́ть ко́локъ	—
лоховка	—	—	—	—	мэти́ха	łoszka
хверяне	хвира́не	хверба́	хами́ръ	хера́не	хирья́не	—
—	—	—	ко́терь, котерёнокъ	—	бахты́шъ	mikrus
ло́бозъ, лабзюкъ, тряпёлый, ло́бузъ	—	трапелю́къ ло́бэзъ, лобузъ	—	терпелю́къ	ло́бузъ, лобзю́къ	mikruc
кары́га, ши́хта, шихточка, тряпёлая	карибо́ня	коры́га	ши́хта, кривоо́на	—	карыво́на, карыво́нка	karaona
—	—	—	—	—	кары́вня	karabona
хве́зень, хве́сень	фиреня̀	хве́зень, хве́дня, хво́день курдо́менъ	хве́зень	хведня̀	хвыня̀, охвы́ня	chilany= дѣти
яри́къ, лохъ	шкрэдъ	лохъ, шме́дъ	еря́къ	лебі́й	ёрый, шкредъ	jarus
—	—	—	—	—	—	—
яру́ха	цу́ба	ку́ба	—	—	ёрая, цу́ба	—
бакштэ́й	башта́й	ба́штый, баштэ́й, баште́нь	башка́нъ	—	башты́й	—
ми́кштарка мани́ца	мани́ца	ма́ни́ца	—	маны́ця	ма́ница, маны́ца	—
ви́нусъ, ю́нчикъ, ю́нщикъ	і́бнусъ	уюнщыкъ	—	ёнусъ	ёнусъ	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Дочь . .	зви́ньчица, шихта	лабуно́вка	—	—	—	—
Братъ . .	збранъ	—	—	—	—	сбранъ
Сестра . .	збрано́вка	збрано́вка	упхлыть	—	—	—
Мужъ . .	жбанъ	збашъ	—	—	—	гиря́нь
Жена . .	жба́ха	збаша̀	—	—	—	рупа́нъ
Дядька .	сьня́дька	сьня́дька	—	—	—	—
Тетка . .	ку́тетка	—	—	—	—	—
Племянникъ . .	шу́племенникъ	ку́племенникъ	—	—	—	збрани́[illegible]
Племянница . . .	шу́племенница	—	—	—	—	—
Тесть . .	ку́тесть	стёнъ	—	—	—	—
Теща . .	ку́теща	—	—	—	—	—
Зять . .	ку́зять	зятёнъ	—	—	—	—
Сватъ . .	сва́нъ	свато́нъ	—	—	—	—
Сваха, сватя . . .	свани́ха .	—	—	—	—	—
Кумъ . .	шу́кумъ, христо́вникъ	—	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
ви́нуска, ю́нчица, юнщица	іо́муска	ую́нщыца	—	ёнуска	ёнуска	—
а́ндрусъ, ва́ндрусъ	а́ндрусъ	а́ндрусъ, я́ндрусъ	—	я́ндрусъ	а́ндрусъ	andrus=злодѣй, воръ
а́ндруска, ва́ндруска, здрошна́я	а́ндруска	я́ндруска, а́ндруска	—	я́ндруска	а́ндруска	andruska
му́сень	му́сень	—	—	—	мэ́ть	—
ро́ндя, рэ́нджа, ро́нджа, ро́мжа	ра́ха	—	—	—	ра́ха	rachla
ку́дядька	тюхтя́й	—	—	курды́миль	—	—
ку́тетка	—	—	—	курды́-милька	—	—
ва́ндру-совъ, ва́нд-рускинъ ю́нщикъ	—	—	—	—	—	—
ва́ндрусо-ва, ва́нд-рускина ю́нщица	—	—	—	—	—	—
бакштэ́й	—	—	—	бахтій	бахтій по раси (отецъ по женѣ)	—
мани́ца	—	—	—	—	мани́ца по раси (мать по женѣ)	—
ку́зять, прію́хте-никъ	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
христо́м-никъ, стра-во́шникъ	—	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Кума . .	шýкума, христóмница	—	—	—	—	—
Молодуха	драпелýха	драпёлая	—	—	—	—
Женихъ .	драпелýнъ	драпёлый	—	—	—	кóтерь юмовáтый
Невѣста .	драпелýха	драпёлая	—	—	—	—
Свадьба .	—	—	—	—	—	—
Русскій (великорусъ) .	кýруській	рускúмный	—	—	—	—
Полякъ .	шýполякъ	польскúмный	—	—	—	—
Шляхтичъ, однодворецъ . .	куяхтýнъ	лаппéка	—	—	—	—
Еврей . .	гудъ, кудлáй	гудъ	кудлéй	кгудъ	гудъ, гудлéй	—
Еврейка .	гудлáйка, кудлáйка	гудóвка	—	—	—	—
Жиденокъ	гудлянóкъ	—	—	—	—	—
Чужестранецъ . .	чужúмскій	чужúмный	—	—	—	—
Цыганъ .	югáнъ	кугáнъ	—	кýганъ	—	—
Цыганка .	югáнка	кугáнка	—	—	—	—
Цыганенокъ . .	юганёнокъ	—	—	—	—	—
Нищій . .	любóкъ, любитéнь	люхъ	—	—	—	—
Поводырь	шуводы́рь	поводырóшъ	—	—	—	—
Докторъ .	—	—	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
христо́мница, страво́шница	—	—	—	—	—	—
—	—	трепели́ца	—	—	трэпэлая, трипэльга̀	—
тряпёлый, вяни́хъ, ло́бусъ	—	—	—	—	трипелу́нъ, трэпэлю́къ	—
тряпялу́ха, ку́вѣста	—	—	—	—	трипе́ла, трэпэлю́ха	—
—	—	—	—	яцы́га	—	—
бота́й	—	—	—	шулинцѝ (мн. ч.)	кочиги́ра, качиби́ра	—
ковре́й	—	—	—	ла́нюсъ	ланько̀, лэнько̀	—
ланпе́тъ	—	—	—	—	куя́хтычъ, лэнько̀	—
кудла́й	—	гудле́й, гудъ, кудла́й	—	гудзь	гузь	gec, gudłaj
кудла́йка	—	—	—	гудзивка	гузи́ха, гузи́вка	gudłajka
кудлаёнокъ	—	кудлайнёнокъ	—	гудзеня̀	гузиня̀, кудлаёнокъ	—
наспо́джій	—	—	—	—	ся́нихъ, хирьяни́ца	—
куга́нъ	—	курга́нъ, куга́нъ	—	шандра́къ	шандра́къ	—
куга́нка	—	—	—	—	шандра́чка	—
куганёнокъ	—	—	—	—	шандрачиня̀	—
любо́къ	любко̀	любо́къ	—	—	шкредъ, шкрэдъ	—
ко́торь, ванде́й	—	—	ко́терь, котерёнокъ, микрёнокъ	повандзо́рныкъ	вандій	—
—	лякобникъ	—	—	лико́рныкъ	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Купецъ .	шу́купецъ	купцо́нъ	—	—	—	—
Купчиха .	шу́купчиха	—	—	—	—	—
Приказчикъ . .	притиро́ванникъ	—	—	—	—	филазо́вскій
Мѣщанинъ	шустяни́нъ	—	—	—	—	—
Мѣщанка	шустя́нка	—	—	—	—	—
Слуга . .	—	—	—	—	—	—
Служанка	—	—	—	—	—	—
Косарь .	—	—	—	—	—	—
Молотбитъ	—	—	—	—	—	—
Священникъ . .	косе́й	косе́й	кочетъ	ко́четъ	косе́й	—
Попадья .	косе́иха, косе́йка	косе́иха	—	—	—	—
Поповичъ	—	—	—	—	—	—
Монахъ .	косе́й	косе́й	—	—	—	—
Дьячокъ .	подкосе́евичъ	—	—	—	—	—
Пономарь звонарь	калаганщикъ	—	—	—	—	—
Ксендзъ .	—	—	—	—	—	—
Богачъ .	стодъ, стоды́рь	стоды́рь	—	—	—	—
Бѣднякъ .	ку́хта	ку́хта	—	—	—	—
Писарь .	ку́лисарь	писаро́шъ	—	махлова́нникъ	—	—
Старшина	гла́вда	ла́вда	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
пу́льщикъ, упу́льщикъ	апульщикъ	—	—	—	опу́льщикъ, стоды́ра (соб. богачъ)	—
пу́льщица, упу́льщица	—	—	—	—	опу́льщица	—
—	—	—	—	—	—	—
шустяни́нъ	—	—	—	—	шустяни́нъ шустяни́ца	—
шустя́нка	—	—	—	—	шустя́нка	—
—	слуго́мникъ	—	—	—	—	—
—	слуго́мница	—	—	слуго́нныця	—	—
—	—	—	—	махлы́чникъ	—	—
—	—	—	—	лопо́тныкъ	—	—
графи́лъ, кархви́лъ	кархви́лъ	кархви́лъ	кархви́лъ, корфи́лъ	корхъ	корхъ	—
кархви́лка	—	—	—	корхы́ня	ко́рха, корхали́ха	—
—	—	—	—	корхы́ныкъ	—	—
—	—	—	чуна́хъ	—	—	—
пса́льникъ, ле́псарникъ	пса́льникъ	ліепса́рь	ве́тошникъ	пса́лныкъ	пса́лникъ	—
пса́льникъ	—	—	—	—	ёрустъ	—
—	васи́лёхъ	—	—	—	—	wasiełak
стодъ, стодня́къ, сто́день	—	сто́дый	—	сто́тень	ка́веръ, сто́день	—
шку́тель	—	кухтя́къ	—	—	шу́ндэръ	—
ле́псарь	—	ле́псурникъ	—	—	ре́псалникъ	—
гла́вда, главду́нъ, гламы́зда, главы́зда, яршина̀	—	—	—	яршына̀	иршина̀, ёршина̀	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Баринъ, панъ, помѣщикъ, чиновникъ . .	коврéй	коврéка	—	каврéй	—	—
Барыня .	коврéиха, коврáиха	коврéчка	—	—	—	—
Барышня	кувреéвна, ши́хта кувреéвская	коврéчка	—	—	—	филáсиха
Бродяга .	ухливáнникъ	хýсый людмэ́съ	—	—	—	—
Становой	кýстановый	сняитю́къ	—	стыченый	—	—
Полицейскій чинъ	—	сняитю́къ микрый (или шáвный)	—	—	—	—
Сотскій .	—	—	—	—	—	—
Стража, варта .	—	—	—	—	—	—
Жандармъ	—	—	—	—	—	—
Урядникъ	шýрядникъ	шкуня́тникъ	—	—	—	—
Староста .	ёроста	сняроста	—	—	—	—
Старостиха	ёростиха	—	—	—	—	—
Исправникъ . .	кýсправникъ	сняитю́къ шáвлый	—	—	—	—
Начальникъ .	—	—	—	—	—	—
Учитель, ница .	укóрникъ	—	—	—	—	—

Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
ковре́й	—	ковре́й	ковре́й	ковры́ (мн. ч.)	—	gawer, kawrak
ковре́йка	—	—	—	—	коврійка	kawruczka gawruczka
—	—	—	—	—	коврійка, коривóнка	—
—	—	шалабэ́нь	—	—	—	—
стаклявы́й, стакля́ющій, стаклянно́й	—	посты́чный пасты́шный	—	гальóмый накачы́тель	сты́чень	—
—	—	—	—	шулице́йськый	барбóсъ	—
—	—	—	—	накатóрськый	—	—
—	—	—	—	шпару́та	—	—
—	—	—	—	—	тре́почка	—
макацу́ръ	—	дика́ньщикъ, варна́тый	—	скере́тникъ	гишу́та	—
ёроста	—	—	—	ёруста	я́роста, ёроста	—
ёростиха	—	—	—	—	—	—
справошникъ	—	—	—	—	спра́вочникъ, справóшникъ	—
—	—	—	—	накачы́тель	—	—
навукóрникъ, сасэ́рникъ	укóрникъ, —ца	—	—	наукóрныкъ	укóрникъ	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Сапожникъ	ку́шавецъ, шкбро́щникъ	ло́пушникъ	моще́рникъ	—	—	—
Десятскій	де́канный	де́каншій	—	—	—	—
Преступникъ . .	—	—	—	—	—	—
Товарищъ	—	—	—	—	—	—
Лаборь, сборщикъ пожертвованій на храмы .	кубра́къ	—	—	—	—	—
Портной .	шнейдеръ	шиво́рникъ	кума́нникъ	—	—	шни́деръ
Кузнецъ .	жукле́йникъ	куве́зникъ	—	—	—	—
Плотникъ	ку́плотникъ	—	—	—	—	—
Работникъ	клаво́тникъ	—	—	—	—	масто́рщикъ
Шаповалъ	катру́шникъ	па́рушникъ	—	катру́шникъ	—	—
Музыкантъ	кугра́цникъ	ла́бушникъ	—	—	—	—
Гость . .	—	—	—	—	—	—
Слѣпецъ .	неулѣ́пка	незѣпу́ющій	—	—	—	безулѣ́пный
Солдатъ .	бату́зъ, кату́зъ	ту́зба	—	бо́тузъ	—	—
Солдатка	катузо́вка	тузбо́вка	—	—	—	—
Пастухъ .	лапсты́рь	лапсты́рь	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
шивбрникъ, вбутникъ, вббутщикъ	—	—	—	—	опукáрникъ	—
—	—	дéкульникъ	—	ди́кончыкъ	ди́конникъ	—
—	крэ́мникъ (соб. грѣшникъ)	—	—	—	—	—
—	—	дербáкъ	дербáкъ	—	—	—
—	—	—	—	—	витирня́къ	—
бодáвщикъ бодàбчикъ	—	—	будáчъ	—	бодáвникъ, одягмóрникъ	—
жуклéй, плескáчъ	—	—	—	кови́зныкъ	жукиіръ, куви́зникъ	—
клавóтникъ, склавóтникъ	—	—	—	—	майстрáшикъ, клавóтникъ (собств. работникъ)	—
клавóтникъ	—	—	—	—	клавóтникъ	—
—	—	—	—	—	—	—
кýграчъ	кýграчъ	—	—	курбшныкъ	кýграчъ, кугрáчъ	—
—	гости́мникъ	—	—	—	—	—
кáлѣпъ, кáлѣпка, кáлѣпица	—	—	—	—	кáлипъ	—
батýзъ, батьви́лъ	бóтузъ	боцáй (соб. москаль великорусъ)	балдóхъ	бецáкъ	бахвы́нъ, боцáкъ	—
батьви́лка, батьви́лова рóнжа	—	—	—	—	бахвы́нка, бацáшка	—
лабзды́рь, лабсты́рь	лапсты́рь	—	—	авлы́дныкъ	лапсты́рникъ	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шиловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Мельникъ	скрыготникъ	скрыгóтъ	—	—	—	—
Хромой .	—	—	—	—	—	безштухáрый
Воръ . .	климъ, клисъ, костýсь	зугурáка	—	—	—	—
Бродяга .	—	—	—	—	—	—
Конокрадъ	волотóвникъ	аргýшный зугурáка	—	—	—	—
Покрытка	—	—	—	—	—	—
Публичная женщина	дрылю́ха	шлею́ха	—	—	—	—
Развратникъ . .	—	—	—	—	—	—
Разбойникъ . .	расчукáнникъ	растóшникъ	—	—	—	—
Стрѣлокъ	—	—	—	—	—	—
Пьяница	акéрусъ	акéрусъ, курúла	—	—	—	—
Шинкарь	—	—	—	—	—	—
Хозяинъ	похáжщикъ	похáзникъ	—	похáзникъ	—	лемъ
Хозяйка	похáжщица	похáзница	—	—	—	—
Половинщикъ .	—	—	—	—	—	—

Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
дергу́тникъ, грамо́льщикъ	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
климъ, клима́зъ, климо́шникъ	климъ	климанщикъ, клима́чъ, тисъ	—	климу́шныкъ	климъ *)	—
—	—	шалабэ́ль	—	—	—	—
—	—	—	—	—	волоти́вникъ во́лоты кли́мае (лошадей крадетъ)	—
—	—	—	—	покрыво́тныця	—	—
—	—	—	—	ко́льба	шэ́льха, бэ́льха	szlaja, szlajka=развратница
—	—	—	—	шлягу́нъ	—	—
кулова́нникъ, копса́тель	раску́лванникъ	климачъ, раскопса́нникъ, раскопса́нщикъ	—	—	раскуло-ва́лникъ, раско́псалникъ	—
—	—	—	—	кула́шныкъ	—	—
ке́ра, ке́рникъ заке́ра, ке́рный	—	ки́рный	—	кыра́ка	оки́рникъ, оки́ра	chirus
—	—	—	—	герты́шныкъ	—	—
поха́щикъ	поха́зникъ	—	—	поха́зныкъ	поха́зникъ	—
поха́щица, хозе́тка	—	—	—	поха́зныця	поха́зница	—
—	—	—	—	ставы́ньчыкъ	—	—

*) Ср. циклъ бѣлорус. сказокъ. „Климка—злодій“.

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Вѣдьма .	шкрéдьма	шкрéдьма	—	—	—	—
Дуракъ .	шмурáкъ	шмургáла, багóлъ	—	—	шмурáкъ	—
Хитрецъ	юрóкъ	хитрúмный	—	—	—	—
Мертвецъ	халю́нъ	схúмитый	—	—	—	—
Погребеніе	—	—	—	—	—	—
Голова .	глáвда	лáвда	лóуда, неразумúца	—	кочевà	качѐвка
Грудь (женская)	сусдóвка, сислáвка	грудáвки	—	—	—	—
Животъ .	кирмò	кéрмусъ	—	—	—	—
Рука . .	хúрка	хúрка	—	хúрка	махýля	мучúлка
Локоть .	—	—	—	—	—	—
Нога . .	ходýха, ходýла	хóдня	—	ходы́рка	ходáрка	—
Ухо . . .	слы́хта	слы́хта	—	—	—	—
Носъ . .	мóрщикъ	смóрщикъ	—	—	курсѐй	анóшка
Глазъ . .	сѣ́пка	ѣ́пка	—	лѣпки (мн. ч.)	варшáлки	улѣ́бъ
Губы . .	бáглы	—	—	—	—	—
Ротъ . .	трайлò	зѣвóкъ	—	—	троя́нъ	стребольникъ
Горло . .	кýгорло	пы́ня	—	—	—	—
Языкъ . .	лéмезень	лéмозъ	—	—	—	зéха
Лицо . .	кýлицо	пы́са (соб. морда животнаго)	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	чмýрень, шмурéнь	—
юрóкъ	—	—	—	—	юрня́къ, кýрзонный	—
ухали́сникъ, ухалютикъ	—	—	—	хáля	халюнъ, хáля	—
—	—	—	—	хáля	—	—
главздà, глáвузда	глáузда	головаздà, глáмота	—	лавдà	глáвда, главдà	—
ви́хта, вихтáлка, пухля́нка	вихтáлка	ци́верка, ци́мра	ви́слики	—	смухтовня́, смоковий	—
кирмò, ки́мрò	химрò	кимрò	—	компрій	ки́мро, кимрò	—
хи́рка, хви́рка	фи́рка	хи́рка, хви́рка	хéрка	рутáвка	хи́рка	—
—	кумéрникъ	—	—	—	—	—
ходы́рка, худормáнка	ходы́рка	хóдня, ходы́ла	ходáра	ходýха	хóдня	chodyrka
слухтóнка	слы́хто	слыхмóть, слыхтò, слыхтóмка	—	слухóмка	слыхтò, слухтовня̀	—
пы́хтикъ	чихáсъ	—	—	—	пóна, чихачъ	—
улѣпка	улѣпка	улéпокъ, улéпко	—	зикрà (мн. ч.)	липкò, влипкò	lipka, lipo
—	—	—	—	балáйка (ед. ч.)	—	—
трóйманъ	хвáйло	трéйманъ, трóймáнъ	—	—	трайлò	troidło=ѣда, troja=лицо
трайлò	—	—	—	—	—	—
лóментъ	лóмехъ	гаври́дышникъ	—	—	гаври́дникъ, гавры́дникъ, гавры́дишникъ	—
—	—	—	—	—	—	pysk

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Зубъ . .	зу́брикъ	зу́барикъ	—	—	—	—
Кишки .	ла́буски	ла́буски	—	—	—	—
Бокъ . .	—	—	—	—	—	—
Волосъ, волосà . .	чума́съ, чумасе́н	чумэ́съ	—	—	скитни	ксíóсъ
Борода .	вирія̀, верея̀	трапà	—	тропа́	—	сака́лъ
Плечо . .	ку́плечо	пле́ка	—	—	—	—
Палецъ .	—	—	—	—	—	швырга́нъ
Колѣно .	шу́колѣно	кальмò	—	—	—	штуха́ръ
Шея . .	ку́шея	пыня	—	—	—	—
Phallus .	маке́й	—	—	—	сафилъ	—
Vulva . .	скахвà	—	—	—	хирсà, гузлà	—
Нижняя часть спины . . .	сты́га	хе́ська	—	сты́га	—	—
Калъ . .	хайлò, халь, ха́льки	ха́йло	—	—	—	—
Вередъ .	ба́гровка	све́кура	—	—	—	—
Лихорадка	ку́трясца	транька	—	—	—	—
Сердце .	ку́сердце	ку́сердце	—	—	—	—
Кровь . .	—	—	—	—	—	—
IV. Пища и напитки.						
Хлѣбъ . .	акру́шъ, окру́жъ	акру́ша	сумѣха	акру́ша	акре́й	—
Пушной хлѣбъ .	ше́рха	ше́реха	—	—	—	—

Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
—	—	мо́зкатень, трима́нъ	—	кусмо́р-ныкъ	мо́зкутень	—
—	—	—	—	—	—	—
—	бакуля́съ	—	—	—	—	—
ку́волосъ, чума́сы	че́месъ	че́месъ	—	бо́рвашъ	ку́волосъ, че́месъ, чи-ме́са	—
ку́борода, вихра̀	мэ́леле	—	—	—	шва́хта, чвахта̀	—
ку́плечо	—	—	—	плихтѝ (мн. ч.)	—	—
—	ша́лецъ	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	хайло̀	—
псулъ, хвиль	—	псулъ	псулъ	псулъ	псулъ	—
скахва̀, лыхта̀	—	ку́хтя, ли́хта, лех-та̀, шкахва̀, шайда̀, хай-да̀	ласта̀	ту́ха	пту́ха	—
сты́га	—	сты́га	варзо́ха	стылъ, стызъ	сты́га	styja
—	—	—	—	хало̀	хало̀, хали-мо́нъ	—
ба́гровка, ба́грылка	—	—	—	—	—	—
хви́нтя	—	—	—	трасо́мны-ця	—	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	кра́синка	—	czerwonka
окру́шъ, сума́хъ, сума́къ, сума́рикъ	супѣ́ха	сума́къ, сума́хъ	сыма́рь	ку́нсо	ку́мса	sumer, summer, zumer
шэ́рхва	—	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Булка, бѣлый хлѣбъ	ку́льманъ	кульма́нъ	—	—	—	—
Пирогъ .	—	—	—	—	—	спидо́нъ
Тѣсто . .	ку́тѣсто	—	—	—	—	—
Мука̀ . .	пирьха̀, пирха̀	пирьха̀, пирха̀	—	пе́рха	пы́лка	—
Сухари .	—	—	—	—	—	—
Соль . .	га́лость, голо́сь	га́лость	—	га́ласть	я́вость	тузла̀
Обѣдъ . .	—	—	—	—	—	—
Каша . .	шо́хва	крехта̀	—	ашо́ха	—	лу́хта
Крупа (побѣлор. кру́пы) .	кру́хты	—	—	—	—	—
Пшено .	—	—	—	—	—	лу́хта
Супъ изъ крупы, крупе́ня	башару́ха	башаро́ха	—	[—]	—	—
Щи съ капустой	лапу́ха	лапу́ха	лапу́ха	чекула	лапу́ха	крошу́ха
Борщъ съ бураками	шмараки̂	чумаки̂	—	сморщъ	—	—
Блинъ . .	артимо́съ	артимо́нъ	—	—	—	—
Ломоть (ковалокъ шматъ), кусокъ .	кума́тъ	—	—	—	—	—

Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
бугла́й, во́шпаръ, вошпа̀ръ	—	а́шпурка, пленный сумакъ, лашпу́рка	—	яшту́рка	кундій, пле́нная ку́мса	—
ла́врыкъ	—	—	—	пундій	—	—
сума́къ	—	—	—	кови́сто	—	—
труха̀, трухла̀	трусня̀	га́лусть, га́лесть	га́лесть	—	трусня̀	—
—	—	—	—	сухмай	—	—
га́лесть, та́лость, га́ласть	га́ласть	га́ласть, га́лусть, та́лость	га́лость	га́лусть	га́лусть	—
—	—	—	—	тріїка	—	—
лы́кша	лы́кша	лэ́кша	лы́кша (и лапша)	ле́кша	ки́кша	—
кру́хты	крыхо́ты	кру́хты	стре́косъ	—	крыхо́та, кирхота̀, крыхта̀	—
—	—	чесо̀	—	цесо̀	—	—
крухте́ня, крухтэ́льникъ	крыхо́тникъ	—	—	—	крыхо́тникъ, кирхо́тникъ	—
лапу́ха, лопу́ха	—	о́бтэнь	лопу́ха	—	—	—
ботнякѝ, о́бтэнь	—	боте́нь, шмуракѝ	—	о́бтень	о́бтынъ, о́бтэнь	—
артимо́съ, артиму́съ а́ртину́съ, артэ́мусъ малихо́нъ	—	ахтѝмусъ, антю́хъ	антѝлъ	—	дергу́нъ	—
кума́тъ, шува́локъ, крехта́вка крухта́лка	—	—	—	ку́матокъ	кума́тъ, кума́токъ	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Колбаса .	тартаса	верхо́вка	—	—	—	—
Бара́нокъ	—	—	—	—	—	—
Сало . .	кресо	кершуни́на	—	кре́со пле́нное	саблу́къ	—
Мясо . .	кре́со, кре́ся	кре́со	—	кре́со кре́синное	кле́нда	кальсъ
Баранина	—	—	—	—	—	—
Ветчина .	кре́со киршáчче	киршуновское кре́со	—	—	—	ру́хленый кальсъ
Поросятина . . .	—	—	—	—	—	—
Кость . .	костáвка	костоломáха	—	—	—	—
Яйцо . .	явро̀ (мн. ч. я́вры)	югро̀	—	—	—	грямáзка
Писанка .	—	—	—	—	—	—
Молоко .	галемо̀, гальмо̀	галемо̀, гальмо̀	лаптà	гальмо̀	гальмо̀	гальмъ
Масло . .	висло̀	свисло̀	тсе́купъ	свисло	—	—
Сыръ . .	галáминкъ	отире́пъ	—	—	—	—
Олей (постное масло)	манте́й	канáутникъ	—	свисло	—	—
Конопля зерно . .	коноцу́ды	—	—	—	—	—
Конопля растеніе	монацу́ты	—	—	—	кунáвка	—
Орѣхъ . .	—	—	—	—	—	—
Медъ . .	аме́люкъ	аме́лька	—	гомерля́съ	мелья́зъ	име́лька
Воскъ . .	—	—	—	гомерля́съ	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій	Польскій
крутýха, крутусà кривбня, чаркáска	—	—	—	тартасà	тардасà, тырдасá	kręcica
—	—	шпýрэнь	махля́нокъ	—	—	—
крéсо, кресъ	крэ́асо	крéсо	саблýкъ	—	кры́со	krysiwo
мéрхля, ми́рхля	—	мерхлò	крéсо	кри́со	кры́со	—
—	—	—	махля́нина	—	—	—
—	—	—	—	—	кры́со	—
—	—	—	скиршáтина	—	—	—
кбставка, коймудаёсть	кастбмка	—	—	—	костямáха, костюмáха	—
яврб	явра́тко (уменьш.)	еврò	—	китò	китò	—
—	—	—	—	рéпсане китò	—	—
галемò, галямò, гальвò	гальмò	гальвò	гальмò	альмò	гальмò	olemo
свúсло, галемò	вислò	гамзéй	—	—	гальмò, вэ́сла	—
тарáкъ	—	—	—	тыры́нъ	тырéй, ты́рень	—
гамзéй	—	гамзéй	—	—	вéсло, лобзій	—
коноцýты, коноцýдки	—	коноцýты	—	—	—	—
—	—	—	канàвли	—	конбвли, коновли	—
—	лбскотень	—	—	—	—	—
мéлюсъ	солодкимникъ	амелья́съ, мерья́съ	меліясъ	ми́лясъ	омеля́съ, солодки́мникъ	—
—	щудрéй	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Сахаръ .	кýсахаръ	солодкóмникъ	—	—	сухáренный	—
Сѣмечки подсолнечныя .	кýсѣмки	—	—	—	—	—
Сѣмечки арбузныя	кýсѣмки	арбузóнчики	—	—	—	—
Картофель	—	—	—	лупи́ха	лихвéйка	—
Похлебка картофельная	—	—	—	—	—	—
Кулешъ .	шамплéхъ	шуплéй	—	—	—	—
Пампушка	—	—	—	—	—	—
Клецки .	шéвня, шéвни	шéвня, шéвни	—	—	—	—
Вареники	—	—	—	—	—	—
Кисель .	талялюй	букя́сный шуплéй	—	—	—	—
Кулага .	ламзы́ха	солодкóмный шýплей	—	—	—	—
Квасъ .	буклéй	букéсъ	—	—	—	—
Чай . . .	кýчай	снóпникъ	—	—	катрóсъ	пейшная дробня̀
Водка . .	гáрдя, гардемáха, гáрдь	полна̀	—	гáрда, гардымáнъ	кáвирза	гамза̀
Вино . .	шýвино	—	альдимáха	—	кáвирза	гамза̀
Пиво . .	кéро буклéй	кéра	ми́мусъ	—	—	—
V. Одежда.						
Сорочка .	сорохвéйка	сорофéйка	—	—	зиклýха	—
Бѣлье . .	—	—	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
—	—	цу́каръ, ти́скаръ	—	омеля́сныкъ	омеля́съ	—
—	—	—	—	—	лускавни́	—
—	—	кербуня́та лавре́ння	—	—	лускавни́	—
бялу́га	—	бѣлу́га	—	теры́жныкъ	—	—
—	—	курля́ный бѣлу́жникъ	громбха	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	пухта́вка	—	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	ставре́ныкъ	—	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
букле́й	букле́й	букле́й	—	—	буки́съ, бу́касъ	—
теплю́съ	—	—	дуле́й	—	чае́шникъ	—
гардія, гардема́ха гамо́ра, гаме́ра, каре́й, росе́йка	—	арти́ха, га́рдіа	гамы́ра	герты́ха	гарцима̀ арты́ха	hara, haras, artycha, artyka
ваны́ксусъ	—	—	—	—	букшно̀	—
—	—	—	—	вовча́къ	олывко, олы́вокъ	kiro ołówek
сорохве́йка моня́тка	мана́тка	мана́тка	волбха, волбшка	мана́тка	мона́тка, мана́тка	maniatka, maniata
—	—	—	—	мана́тя	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Юбка . .	настыжница	настыжка	—	—	—	—
Передникъ, фартукъ	наскáхвенникъ	—	—	—	—	—
Шапка .	катрýха, катрýшка	катрýха камёла	—	катрýха	—	гамлюха
Шляпа, бриль .	кéмель	илдáкъ	—	кéпель	—	—
Армякъ, свитка .	сипя́га	армякóнъ	—	—	—	—
Поддевка	—	—	—	—	подклюшка	—
Платокъ, хустка .	хвилистка	плéйтухъ	—	—	—	лахóня
Жилетъ .	кýжилетка	—	—	—	пáрусница	—
Штаны .	бурдáсы	кýрды	—	бурдáсы	ирáки	—
Шуба, полушубокъ, тулупъ .	полýщикъ, полуинчикъ	осýщикъ, шубантéя	—	немкиньня	—	бурьма̀
Поясъ . .	пóдрубсень, пóдробсень	подпирáзьникъ (обл.)	—	—	—	—
Башмакъ	шкóрень	лóпухъ	—	—	—	полскребóшка
Сапоги	шкóрни (областное)	лóпухи	—	лапухѝ	скробы̀	скрéбъ (ед. ч.)
Нитка . .	швáрстка	швáрстка	—	—	—	—
Дрáтва .	швáрстка, кýдратва	швáрстка, лапýшницкая	—	—	—	—
Пуговица	—	—	—	—	—	пýне
Рукавица внутренняя	нахирница	нахирница хирéя	—	—	махýлички	кирплка

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
насты́жникъ	—	—	—	—	насты́жница	—
—	—	—	—	—	фардíй	—
камилà, надглáзница	камýха, камéтя	акамо́ла	кочевà, кочевýха	—	камýха, камо́ся	kaniołа
—	—	—	камлю́жникъ	—	камо́ся	—
сипя́га, сипля́га	сипья́га	сопья́га, сепля́га	шустáнъ	сыпя́га	сыпýта, супья́га	—
—	—	—	—	—	—	—
хвили́ста, хвили́стка, хвилю́стка	хвилю́стка	хвилю́сникъ	—	хвелю́стка	хлю́стка, хвилю́стка	felicha, filicha, filucha
—	—	—	—	—	—	—
стугáлы, насты́жники	насты́зники	насты́ги, насты́жники	—	нáсики	насты́ги, насти́ги	nastygi, ścigaje
бурмýтъ, бýрматка, бо́рматка	—	бáрмутъ	бурми́ха	бáрмусъ	бармýтъ	barott, barzbok
звинéрь, подбатýщикъ	звиня́ръ	звиня́ръ, звинáръ	—	—	звиня́ръ, звыня́ръ	—
во́бутникъ	—	—	—	—	о́пукъ	—
шкро́бы, во́бутки во́ботни, во́бутъ	о́пуки	о́бутокъ, лопухѝ	скро́бы	о́боки	о́пуки	łopcie, łopuchy, obuchy, opuchy
бодáвка	—	—	—	—	мотовнѝ	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
нахво́рница	—	—	—	рутáвныця	нахи́рница	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Перстень	ку́перстень	напалю́шникъ	—	—	—	—
Крали, бусы . . .	крухты	ба́гровки	—	—	—	—
Карманъ .	—	—	—	—	—	рома́нъ
Лапти .	верзюки̑	верзуки̑	—	—	—	—
Онуча . .	обу́тка	обу́тка	—	—	—	—
Чулки . .	—	чулко́ны	теплухи	—	—	—
Обора у лаптя .	крута́вка	курта́вка	—	—	—	—
Сукно . .	юкно̀, югно̀	бусно̀, зерпо̀	—	—	—	—
Холстъ .	лоскаты́ра,	лоскаты́рь	—	—	—	—
Ленъ . .	ке́деръ	лено́шъ	—	—	—	—
Пенька .	канаво́шница	ке́дро	—	кана́вка	—	—
Подушка, перина .	подухве́йка	пуха́вка	—	пухта́лка	—	до́ду (?!)
Дыра, прорѣха . .	се́пка	шму́рка	—	—	—	варя́съ
Шовъ, рубецъ . .	ку́шовъ	рубо́ка	—	—	буре́къ	—
Постель .	ку́постель	—	—	—	—	—
Дерюга .	шварю́га	шапту́ха	—	—	—	—

Могилевъ	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
нахвѝр- никъ	—	—	—	—	нахѝрникъ наклю́ж- никъ	—
па́терки	—	—	—	—	—	grochowi- ny, grocho- wianki, grochówki
—	—	—	—	—	—	—
постолы̀, шандалы̀, кувярзу́ты	ве́рзень	шандалы̀	ли́пусы	—	верзуны̀	—
блю́дка	—	—	хода́рникъ	—	обляу́тка, обляву́тка	—
—	—	—	—	—	—	—
крутомка, кру́тня, боймудёрка	—	—	моту́лка, подмоту́лка	—	обляу́ты	—
ку́сукно, сипляжни- ца	вихнò	—	—	—	чухнò	—
лускаты́р- ка, лбс- кутъ, лѣ́п- ня, лѣ́пни- на	лòскать	—	—	лоскоты́рò	ло́скутъ, лòскоть	—
ке́друсъ, кудря́вецъ	—	—	—	—	ке́деръ, кедрі́й	—
канавница, труска́ль- ница	—	лаха́нка	волоко́п- ница	—	ке́деръ, ко- новлѝ	—
пуха́вка	пухтовнѝ	—	—	—	пухтовнѝ	p(r)uchaw- ka, pu(r)- chawa
—	шму́рка	—	—	дермо́нка, деро́мка	чму́рка	—
—	—	—	—	—	—	—
шасте́ль	—	—	—	поклю́жны- ця	постель- мо́нъ	—
—	—	—	—	—	ку́радно	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Тряпка .	—	—	—	—	—	—
Простыня (постилка)	шу́стилка	—	—	—	—	—
Полотенце	утиршáльникъ	—	—	—	—	—
Скатерть .	натрéпизница	натрéпизница	—	—	—	—
Тюфякъ .	ку́сѣнникъ	пяхтéръ (областн.)	—	—	—	—
Валенки .	штóпни	лóпухи кóудженные	—	—	—	—
Волна, шерсть овечья .	—	—	—	пáруха	—	—
Овчина .	юрóдина	би́рка	—	—	—	—
Картузъ	—	—	—	штакетъ	—	—
VI. Жилище, утварь, орудія, збруя.						
Городъ .	сви́городъ	городю́шъ	—	—	кспу́рикъ	—
Мѣстечко	шу́ста	шу́ста	—	—	—	—
Деревня .	хóрія	тхарáкъ	—	—	киря́ха	—
Село . .	ку́село, хóро	тхарáкъ	—	хóрье (м. б. хоры)	—	—
Домъ . .	хвортъ	ха[illegible]ъ	—	—	хазъ	вря́ха
Ворота .	—	—	—	скрипцы́	—	—
Хата . .	хазъ	хазóлка	—	пару́та	хазъ	—
Сѣни . .	—	—	—	—	—	—
Дворъ . .	ку́дворъ	—	—	хазъ	дéфенксъ (?)	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
—	—	—	—	—	блю́дка	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	утиршáль-никъ, утыр-мóнникъ	—
—	—	—	—	—	трéпезни-ца, натрé-пезникъ	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	снóпны бпуки	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	шкурáвка	—
—	—	—	—	—	—	—
сви́городъ, костры́къ	бардáвскъ	калу́го-родъ, шустъ	—	си́вгородъ	галёмэ шусто (большое мѣстечко)	—
шустъ, шу́-ста	шу́сто	—	—	шу́сто	шу́сто	—
хорò	хбро	—	—	—	хбро	—
—	—	хбры	- -	хбры	хбро	—
хвортъ	—	хáза	хазъ, баг-ры̀, (хоро-мы)	—	хазà, пб-хазь	—
—	—	—	скри́пы	—	—	—
—	пбхосъ (собств пб-хазъ)	хáза	пáрка	хазà	хазà	chadza, chaza
—	—	вóньки	—	—	—	—
хвортъ	—	хвортъ	—	хвиртъ	хуртъ	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Каморка .	хазовка	камора	—	—	—	—
Сарай (бѣлор. пуня)	шуня	шуня	—	—	—	—
Амбаръ, клѣть .	шуклѣть, шухлѣть	шкутиха	—	—	—	—
Гумно, овинъ .	калуйка	калуйка	—	калузька	—	—
Кабакъ, винная лавка . .	каня	каня	—	каня	шамникъ	—
Почта . .	учта	—	—	—	—	—
Перо . .	—	—	—	—	—	—
Волость .	уволость, притусъ	куволость	—	—	—	—
Полиція .	куполиція	шалица	—	—	—	—
Мельница	скруготъ	скруготъ	—	—	—	—
Винокурня	кухаводъ	—	—	—	—	—
Баня . .	плёха, плёха	трасковка	—	плеха	лазина (бѣлор. лазьня)	—
Кузница .	жуклейница	кувезница	—	—	—	—
Крыша .	шукрыша	—	—	—	—	—
Крыльцо .	—	—	—	—	—	—
Окно . .	зякро	зекро	—	якро	ярослакъ	вальмя
Двери . .	рыпни	скрипуты	—	—	—	скрипуль (ед. ч.)

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
куты́га	—	куты́га	—	куты́га	—	kucicha
шу́ня	—	вихра́тникъ	—	кырху́шникъ	кулима́нъ хлѣво́шникъ	—
—	—	калу́йка	—	—	—	—
калу́жка, кала́й, калума́нъ, калу́йка	—	—	—	лопо́тня	колима́нъ	—
ка́ня	—	—	—	—	ка́ня, ки́ршница, чва́рня	kapela-lnia kirnia
поймыдёчта, ле́псарница	—	—	—	—	волотя́жка	—
—	—	лашпу́ръ	—	—	—	—
шо́лость, тóлость расклаво́ха	—	—	—	—	волося́нка, ре́псалница	—
шали́ца, кача́тница	—	—	—	шули́ція	шули́цыя, шали́ца	—
дергу́тница	—	—	—	дергу́шыця	дергу́тница	—
гоме́рошникъ, гардема́шникъ	—	—	—	—	—	—
пле́нка	—	—	—	—	пли́нка, банёшница	—
жукле́йница, куймудёрня	—	—	—	кови́зница	куёзница, жуклярня	—
накрывашница	—	—	—	—	накрыво́шница	—
усно́дки	—	—	—	—	—	—
якрò	зекрò	зекрò, якрò	щегло (слуховое)	зикрò	зви́кро, звикрò	—
ри́нны, рипу́ты, скри́пши	скрыпу́ты	—	—	скрыпо́та	скрыпотà, скрипутà	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Комната .	хазъ	хазблка	—	скéльницы (мн. ч.)	—	—
Столъ . .	трéпизъ, трéпезь	трéпизъ	—	трéпезъ	накрбй (?)	стрóпецъ
Слуховое окно .	—	—	—	—	—	—
Скамья, лавка .	кулы́га	кулы́га	—	—	—	ялтóрка
Полъ . .	—	—	—	—	—	—
Полка . .	шали́ца (бѣлор. поли́ца)	шали́та	—	—	—	—
Лавка (зданіе) . .	кулы́га	кулы́га	—	кулы́га	—	—
Стулъ . .	кýстулъ	—	—	—	—	—
Сундукъ .	—	—	—	—	—	—
Печь . .	стéпра	крышéта	—	стéпня	стебáкъ	—
Зола . .	кýпопелъ	—	—	—	—	кулỳ
Свѣча . .	—	—	—	—	—	ви́тька
Кирпичъ	кýцэгла	цаглбша	—	—	—	—
Палати .	хвилáты, филáты	хвилáты, филáты	—	—	—	—
Колыбель	—	—	—	—	—	—
Кровать .	шýкровать, шýнары	—	—	—	—	—
Гробъ . .	кýгробъ, шýтруна	—	—	—	—	ля́зансъ (?)
Замокъ .	кýзамокъ	захвéсъ	—	—	—	—
Ключъ . .	—	ключбнъ	—	—	—	—
Гвоздь .	кýгвоздь	—	—	—	—	я́зка

Могилевъ	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
шакой, шакóта	—	сямка	—	—	хазà	—
трéпезъ, тряпезъ	трáпезъ	трáпезникъ, тряпезъ	—	—	трéпезъ, трэпезъ	—
—	—	—	щеглò	—	—	—
кулыга	трéпезикъ	—	—	—	кулыга, лавóшница	—
—	—	—	буклйнникъ	—	—	—
хбры	—	—	—	—	—	—
кулыга, кулйга	—	кулыга, кулйга	—	—	кутыха, кутышка, кулыга	—
кáчашникъ	—	—	—	—	—	—
суймундýкъ	—	—	—	закаплóныця	—	—
стéпля	стэпра	—	степáкъ	стéпуръ	стэпра	styper
—	—	—	—	—	—	—
—	шудрéйка	дýлишница	—	—	—	—
стяпрéнникъ	—	—	—	—	пйтрусъ	—
шалáти, барыськи	—	—	—	—	—	—
—	колыхтóмка	—	—	—	—	—
припóлъ, трипóлъ	—	—	буклйнникъ	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
бáкленникъ, макацýрникъ, замоклюцувáньникъ	—	закаплóнщикъ, микйта	—	закаплóнныкъ	закаплóнъ	—
бáкленникъ	—	—	—	—	откáнчиникъ	klanich, klawich, klawis
—	—	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Ружье . .	кýружье	пэ́хтольница	—	—	—	—
Сабля . .	—	—	—	—	—	—
Ножъ . .	мáхеръ	жухéль	—	махи́ль	махáлъ	—
Коса . .	косóнтя	—	—	—	—	—
Соха . .	—	—	—	—	—	—
Игла . .	бодýха	бóдня	семи́лка, „отъ того, что ихъ на денежку седмь купить можно“	—	швéйка	—
Шило . .	бодýха	боди́льникъ	—	—	—	—
Ножницы	бáски	бáски	—	—	мáхумъ (?)	—
Пасѣка .	—	—	—	—	—	—
Улей . .	—	—	—	—	—	—
Сито, рѣшето .	—	—	—	—	—	—
Наперстокъ .	кýнаперстокъ	напáлюшникъ	—	—	накурáнникъ	—
Молотокъ	кýмолотокъ	—	—	—	—	—
Щипцы, клещи .	шýклещи	—	—	—	—	—
Подкова .	шýподкова	—	—	—	—	—
Колесо .	кóтень	кóтень	—	—	—	катýнъ
Телѣга (бѣлор. колёса, возъ)	кóтни	—	—	—	—	—
Ось . . .	кýвось	—	—	—	—	петькè

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
кулова́нница	—	—	—	кула́шныця	пуковня́	—
—	—	—	—	—	тре́пачка	—
ма́халь, махла́чъ лахма́чъ, рѣ́псанникъ	ма́хиръ	махлы́чъ, ма́хиръ, ма́хоръ	мо́тырь	махлы́чъ	мо́херъ	majcher
махла́чка, рѣ́псанница, двигу́нка	махлы́чка	—	—	—	махла́чка	—
—	алы́зница	—	—	—	—	—
бода́бка, бода́вщица	—	—	шура́йка	—	голо́шница бодавня̀	—
—	—	—	—	—	—	—
рѣ́псанники	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	миля́сныця	—	—
—	—	—	—	миля́сныкъ	—	—
—	трухло́	—	—	трусны́къ	—	—
—	—	—	—	—	—	—
жукле́йникъ, ку́лованникъ	—	—	—	—	—	—
клеймуде́щи	—	—	—	—	—	—
подходы́рница	—	—	—	—	подклю́жница, подку́лапка	—
ко́тень	като́мка	—	—	крутыло́	ко́тэнь	—
ко́тни	ко́цэнь	ко́тэнь ершакѝ	—	ко́тинь	котови́ло	—
щу́вось	—	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Сани . .	мáзни	санкéсы	—	—	—	—
Буравъ .	кýсвер-делъ	—	—	—	—	—
Топоръ .	мамýра	мамýра	—	—	—	—
Серпъ . .	кýсерпъ	—	—	—	—	—
Пила . .	шýпила	пилóтя	—	—	—	—
Стаканъ .	кýстаканъ	глазóвка	—	—	бáкулъ	—
Рюмка . .	кучерáвка	глазóвка	—	—	—	—
Чашка, миска .	кýмиска	лапéнька	—	—	чахвúрка	—
Чайникъ .	—	—	—	—	катрóсникъ	—
Тарелка .	шýталерка	талеркóнъ	—	—	—	—
Блюдо . .	кýблюдо	—	—	—	—	шавáнка
Горшокъ	кóлтыръ, колтúръ	ковтóръ	—	кóвтырь	черногóръ	шáкша
Котелъ, чугунъ . .	югýнъ	кóвтэръ	—	—	—	свергáузъ
Сковорода	куéзьница	кувéзница	—	—	—	ялтóрка
Ложка . .	корúбка	шáвность	—	карáбка	—	сюрбáнка
Кувшинъ (горлачъ)	шýкувшинъ	—	—	—	—	—
Бутылка (пляшка)	кýпляшка	шутúлка	—	—	—	—
Самоваръ	кýсамоваръ	самоваробнъ	—	дулясникъ	хроятникъ	—
Ведро . .	—	—	—	—	—	целибáнъ
Бочка .	кýбочка	—	—	—	—	—

Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
ма́зни	—	—	—	—	мысёло, мэсёло	—
—	—	—	—	—	—	—
га́къ, мах ла́къ	мармýмя	брýдошникъ	—	—	мармýра, мармýла	hankel
рѣ́псанникъ махлы́чка	—	—	—	—	—	—
рѣ́псанница рѣ́псарница	—	—	—	—	пило́шница	—
кучера́вка кýшклянка	жуклéйка	—	букля́нъ	—	жуклíйка	—
кучера́вка	—	—	—	жоклія̀	жуклíйка	—
чуха́ра	скито́ля	скитля̀, скитла̀	—	скитéльня	шкитéра	—
—	—	—	—	—	—	—
скитéля	—	—	—	—	шкити́рка	—
—	—	—	—	—	шкэти́рка	—
ко́лтаръ, кóўтаръ, ко́фтаръ	ко́втуръ	ко́втуръ	—	ко́втуръ	ко́втуръ, кóўтуръ	—
кугýнъ	—	—	—	—	ко́втуръ, кóўтуръ	—
малихо́нница, тарато́нка	куéзьница	—	анти́льница	—	пыхты́льница	—
кора́бка	кора́бля	кора́бка, ка́рабка	стерба́лка, чуми́чка (обл.)	—	кора́бка	—
турла́чъ, тарла́чъ, тэрла́чъ	—	—	калты́шъ	ковтýрныця	—	—
жуклéйка	пляхта́ўка	буклéйка	шуты́лка	—	пля́хтука, пляхта́вка	—
—	—	самогрѣ́й, самогра́й (обл. шуточное)	—	—	сно́пникъ, насты́чникъ	—
—	—	—	—	зивро̀	—	—
—	—	—	—	—	боковня̀	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Квашня, дежа . .	ку́дежка, шу́квашня	ку́дежа	—	—	—	—
Коробка .	—	—	—	клацёбка	—	—
Скрипка .	кугра́шница	лабу́шница	—	—	—	—
Лира, бандура . .	—	—	—	—	—	—
Струна .	ла́буска	—	—	—	—	южа́ва
Дуда (волынка) .	кугра́шница	—	—	—	—	—
Свирѣль .	кугра́шница	—	—	—	—	—
Труба пастушеская	шу́труба	—	—	—	—	—
Мѣхъ, мѣшокъ . .	пи́теръ	пяхтӧ́ръ	—	питерёнь	—	—
Сумка, торба . .	ку́торба	пяхтӧ́ръ	—	—	—	—
Калита (кошелекъ)	шабе́тка (област.)	маху́рка	—	—	гаманóкъ (областн.)	—
Трубка таб.	—	кура́вка	—	—	курдóшка	—
Папироса	—	кура́вка	—	—	—	—
Веревка .	крута́вка	курта́вка	—	—	—	южа́ва
Возжи . .	крута́вки	курта́вки	—	—	—	—
Лямецъ, войлокъ	гляджа́ръ	оджа́ръ	—	алы́да (соб. шерсть коровья)	—	—
Хомутъ .	—	—	—	—	—	—

Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
сума́шница, лату́шница, ботни́шница	—	—	—	—	дежи́мница	—
—	—	—	—	—	—	—
кугра̀, кугра́чка	кугра́чка	—	—	—	кугра́чка, кугрони́ца	—
—	—	кугра̀	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	дудо́шница, кугрони́ца	—
свисту́льница	—	—	—	—	кугрони́ца	—
кугрони́ца, труймудю́бка	—	—	—	—	кугрони́ца	—
пи́теръ, пихто́ръ, пи́тошъ	—	по̀хтуръ пяхту́ръ	—	захарба́някъ	пи́теръ	—
шане́йстра, шабе́тка	ша́ня	закарба́ль, закарбе́ль шабе́та (областн.)	—	захарбе́ля	ша́хта, шахта̀	—
—	—	—	—	—	мохтовни̇̀	—
бо̀нька, маклейка	—	—	—	матлі́йка	матлі́йка	—
—	—	—	—	—	—	—
круто̀льница, верей-муде́рка	—	круто́нка	—	бату́знякъ	бату́жка	—
крутни̇̀	—	—	—	—	бату́жницы	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	ба́льмутъ	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Кнутъ . .	—	—	—	—	—	—
Цѣпъ . .	—	—	—	—	—	—
Стекло . .	ку́шкло, ку́стекло	—	—	—	—	—
Лодка . .	шало́дка	лодко́нтя	—	—	байда́къ (бѣлор. гиляра, дубъ)	—
Паромъ .	—	—	—	лащо́га	—	—
Дорога .	—	—	—	—	—	буйстръ
VII. Животныя.						
Конь . .	во́лотъ	аргу́ша	—	во́лотъ	гра́я	алва́нъ
Кобылица	волоти́ха	швабы́ла	—	—	—	—
Жеребецъ	волото́къ	—	—	—	—	—
Жеребенокъ .	волотёнокъ	—	—	—	—	—
Корова .	явлы́да	явлы́да	алы́да	—	улы́да	—
Быкъ . .	шу́быкъ	—	—	артю́хъ	—	—
Теленокъ	явлыдёнокъ	ялыдчо́нокъ	—	—	—	—
Свинья .	ке́рха	кершуни́ха	—	ки́рха	скиршà	—
Кабанъ .	кяршу́къ	кершу́нъ	—	—	—	—
Поросенокъ . .	кяршо́нокъ	кершунёнокъ	—	—	—	—
Овца . .	ке́рхля	мерхля̀	перху́тка	ме́рхля	бахми́рка	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій	Польскій
—	менчуга̀	сергѣ́й	ле́мтюгъ	—	—	—
—	—	—	—	—	цэпо́шникъ	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	делю́шныкъ	—	—
—	страка̀	строка̀, строки́да	устре́ха	восто́рка	—	struga
во́лотъ	во́лытъ	во́лотъ	лова́ка	во́лотъ	во́лотъ	chołota, hołota, wolta..
волотиха	валеце́га	—	—	волоты́ця	волоты́га, волоти́ха	—
волото́къ	—	—	—	—	волотю́къ	—
волотёнокъ	—	—	—	—	волотючёкъ, волотёнокъ	—
явлы́да, явлю́да	явлы́тка	евлу́дка, евлю́дка, евлю́да	трубе́ха	авлы́да	гэ́метка	—
боду́нъ	явлыдо́къ	евлу́дъ, евлю́дъ	трубе́ха	явлы́дъ	гэ́метъ	—
явлыдёнокъ, явлы́денокъ	евлыденя̀	евлюдёнокъ, евлюденя̀	—	явлыдыня̀	гэметиня̀	—
ке́рха, ке́рхля	ке́рха	ске́рка, ске́рха, ке́рха	—	кы́рха	ке́рха	—
ке́рхель, керхя́гъ	—	—	—	—	керху́нъ	kierkot
керхлёнокъ, керхлячо́къ, керхянёнокъ	—	скерхеня̀	—	кырхуня̀	керхеня̀, кершеня̀	—
пярьху́тка	мэ́рхля	мерхлю́дка	—	ме́хля	ме́рхля, мэ́рхля	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Баранъ .	мярхлюкъ	—	—	—	—	маргу́шъ
Ягненокъ	мерхлянё-нокъ	мерхлё-нокъ	—	—	—	—
Коза . .	свя́кша	ла́бза	—	—	—	—
Козелъ .	свякшу́нъ	лабзёлъ	—	—	—	—
Козленокъ	свякшо́-нокъ	лабзёнокъ	—	—	—	—
Волкъ . .	лынь	биръ	—	—	лы́кусъ	вирга́зъ
Волчица .	лыни́ха	—	—	—	—	—
Медвѣдь .	link мармы́сь	мармы́сь	—	—	—	о́вта
Заяцъ . .	ку́заяцъ	—	—	—	замчу́къ	—
Лисица .	—	—	—	—	—	кева́сь
Мышь .	машке́нзя	мышанте́я	—	—	—	—
Котъ .	моте́нь	мохо́нъ	—	манёкъ	—	—
Кошка . .	моте́нь	мохо́нъ	—	—	—	мата́фня
Собака .	ськилъ	ськилъ	—	скицъ	цуне́ла	сюнга́й
Сука . .	ськили́ха	ськило́вка	—	—	—	—
Щенокъ .	ськилё-нокъ	—	—	—	—	—
Курица .	вурна́тка варна́чка	—	—	варна́чка	—	—
Пѣтухъ .	вурна́къ, варна́къ	варна́къ	—	—	шкарлу́къ	аня́кшъ (?
Цыпленокъ	вурначо́-нокъ	варна́къ ми́крый	—	—	—	—
Гусь . .	ге́рбатень, гэ́рбатень	гарбу́ска	—	—	пла́гусъ	—
Утка . .	ку́утка	—	—	саповка	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
пярьху́тъ	—	мерхлюдъ	—	—	мерхлю́къ, мэрхлю́нъ	piechur
пярьхутё-нокъ, пярь-ху́тничекъ	—	—	—	—	мерхлиня̀, мэрхлё-нокъ	—
чвя́кша, лы́бза, чи́бла	—	лобза̀, ци́-галь	—	—	чвахті́йка	—
чвякшу́нъ, лобзу́нъ	—	—	—	—	чвахті́й	—
чвякшо́-нокъ	—	—	—	—	чвахтё-нокъ	—
лынь, лынъ, лы́гусъ	лыга́чъ	лы́кусъ, ли́кусъ ли́гусъ, лынъ	—	лы́га	лы́гусъ	—
—	лыгачи́ха	—	—	—	лы́гусиха	—
мармы́зъ, медля́съ лухмень	лухме́й	—	—	—	лухме́й	—
подпры-щикъ кривонде́й	—	кривонде́й	—	—	заёшникъ	—
—	—	—	—	—	—	—
—	баця́нка	—	—	—	—	—
моте́нь	мо́тень	мо́тэнь	—	мо́тень	мо́тэнь	—
мо́тька, мотнёвка	—	мо́тниха	—	—	мотни́ха, мо́тэнь	—
скилъ, ськилъ шки́лутъ	скицъ	скиль, скилъ	ски́ла	скиць, ски-ця́ка	скиль, скилъ	skiła, skie
скили́ха	—	—	—	ске́лыха	скилы́ха	skieła
скилёнокъ	—	—	—	—	скилэня̀, скилыня̀	—
ворна́тка	варна́чка	варна́шка варна́тка	варну́шка	варна́га	барна́тка барна́чка	—
варнакъ, варна́тъ	—	варна́хъ	—	—	барна́тъ, барнакъ	—
варначо́-нокъ	—	—	—	—	барначиня̀	—
гэ́рбуска, гэ́рбутка	гэ́рбутка	ге́ргутка, де́рбутка	комиса́ръ	арбу́тка	гэ́рдыкъ	—
са́пка	—	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Аистъ . .	—	—	—	—	—	—
Индюкъ .	шу́индыкъ	гаўдюле́вичъ	—	—	—	—
Голубь .	ку́голубъ, брукýнъ	—	—	—	—	гуль
Гнѣздо .	ку́гнияздо	—	—	—	—	ни́за
Перо . .	шу́перо	—	—	—	—	мире́жка
Шерсть, волна . .	—	па́руха	—	—	—	мархля̀
Шкура .	юржи́шка	шкурантéя	—	—	—	—
Хвостъ .	хвили́стъ	хвостю́къ	—	—	—	—
Рогъ . .	ку́рогъ	—	—	—	—	сюра̀
Навозъ .	хали́мъ	халю́ха	—	—	—	—
Рыба . .	псалу́га	псале́та	—	псáлка	гамзò	—
Селедка .	гáластникъ голбесь-никъ	гáлось-никъ	—	—	—	—
Пчела . .	бурча́вка, бурхбтня	гу́дка	—	—	—	кáру
Муха . .	ку́муха	мухантéя	—	—	—	—
Оса . . .	ку́восва	—	—	—	—	су́скить
Червякъ .	мирмя́къ	бабáкъ (областн.)	—	—	—	—
Змѣя . .	ку́змѣя	—	—	—	—	—
Ящерица	ку́йщерка	—	—	—	—	—
Вошь . .	стишь	стишь	—	—	—	—
Блоха . .	ку́блоха	блохантéя	—	—	—	—
Клопъ . .	шуклопъ	клопòнтя	—	—	—	—
Лягушка	—	—	—	—	—	ватарáнишъ

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
черногу́зъ (областное)	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	плавуте́нь	—	—
—	—	—	—	о́брутень	—	—
—	—	—	—	—	—	—
пуха́вка	—	лашпу́ръ	—	—	пуха́вка	—
кудря́вка	—	—	—	—	чёшка	—
о́рмутка	шкуро́шка	—	—	—	шкура́вка	—
хвили́стъ	—	—	—	—	ше́метъ	—
—	—	—	—	пико́ша	—	—
хайло́, хыйла́къ, хайлу́шникъ	—	—	—	осня́къ	ха́йло, хали́мъ	—
посалу́га, псалы́га, псалу́га	пса́лка	псалы́га	псалы́га	пса́лка	пса́лка	—
га́лощеная псалы́га	га́русникъ	селы́жникъ ге́ренька	—	алю́шныкъ	га́ласникъ, га́лусникъ	—
бурка́съ, бу́рконя, бу́рматка	бу́рконя	дизма́ны (?) (мн. ч.)	—	—	—	—
бу́рматка, шу́хмуца, полету́ха	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
дерба́къ, повзу́нъ, ше́вель	—	—	—	—	червя́тникъ	—
сипи́ца, зьверга́чка	хау́шня	гайдама́ка	—	звертíй	—	—
яймодя́щерка	—	—	—	—	—	—
—	—	си́зька; мн. ч. си́зи, сизо́ны	—	цы́за	цы́зка, сы́за	—
—	—	—	—	—	блохо́шница	—
—	—	—	—	—	—	—
—	дулѣ́ска ?	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Ракъ . .	—	—	—	—	—	—
VIII. Растенія.						
Рожь . .	сѣтка, зѣдка	зѣдка	сума́къ	—	—	сума́къ
Ячмень .	бурме́ль	бурме́ль	аклу́ша	—	—	—
Овесъ . .	щуглей, шублей	ощалопъ	халбу́ръ	шуплей	лахма́чъ	шупля́нъ
Пшеница	а́шпорка	а́шпорка	бѣлу́ха	—	—	—
Просо . .	—	—	цика́усъ	—	—	лу́хта
Гречи́ха .	суя́зка, суя́зка	калу́верница	кудра́вка	—	—	—
Чечевица	—	чечевко́нъ	лесху́шка	—	—	—
Картофель	шкуты́	шуде́рка	—	—	лихве́йка	—
Капуста .	лапу́ха	лапу́ха	—	—	лапу́ха	—
Свекла, бураки . .	шмаракѝ, шмуракѝ	чумакѝ	—	—	—	—
Рѣпа . .	—	—	кругáлка	—	—	—
Рѣдька .	товпыжица	горькóмница	—	—	—	ку́шманъ
Лукъ (цыбуля) . .	борзду́ля	барздà	—	—	—	—
Чеснокъ .	—	—	—	—	—	—
Горохъ .	гаври́зъ	гаврéсь	—	—	—	—
Бобъ . .	бублéй	багдéсь	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
—	—	ползу́нъ	—	—	—	—
зя́тко, зи́тко	зиткȍ	—	—	зиткȍ	зиткȍ, зыткȍ	—
бружме́ль	—	бурме́ль	вуса́чъ	бурбиль	бурмі́й, бурми́нъ	burwień (овесъ)
шупле́й	—	—	—	—	щуплі́й	—
э́шпорта, ва́шпорница, вошпорни́ца	—	—	—	яшку́рныця	я́шпорка	—
—	—	—	—	цесȍ	чесȍ, просимно	—
сувя́зка, совя́зка, звя́зка	—	совья́зка	стре́кница	се́виска	суя́зка, сувя́зка	—
—	—	—	—	—	—	—
катмȁ, катми́на, катóмина, бялу́га, свидэ́рка	гренту́ля	бѣлу́га	громóха	—	тыри́жникъ, тэры́жникъ	—
лапуха, лапу́хта	лапу́ха	лопу́ха	лонуха (?)	лепу́ха	лапу́ха, лопу́ха	—
бóтни, ботнякѝ, бучмакѝ	батургȍ	шмуракѝ	—	ботня́къ (ед. ч.)	бóтни	—
—	—	—	—	—	пса́лка	—
бялу́га	горчи́мна	—	—	—	—	—
барзду́ля, баздру́ля, бурду́лька, шумутня̀	бардзу́ля	—	гарме́й	морзу́ля	борзу́ля, морзу́ля	—
—	—	—	—	морзны́къ	—	—
га́врій, гавру́сь	гаври́жъ	—	—	гаврышъ	гавры́шъ, грави́шникъ	—
бокштэ́й, бу́кусь, хóботь	бу́кишъ	—	—	гавры́шныкъ	букшій	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Фасоль .	—	—	—	—	—	—
Морковь .	товпыжница солодимная (сладкая рѣдька)	мэркидбнъ	солодуха	—	—	—
Огурецъ .	вбхмарень мбхмарень	шмуръ	—	—	—	—
Кукуруза	—	—	—	—	—	—
Хрѣнъ .	—	—	нахринъ	—	—	—
Арбузъ, тыква .	кугарбузъ	—	—	—	—	аканъ
Табакъ .	скилманъ	скильманъ	—	матлоха	шама	—
Конопля .	—	—	—	—	кунавка	—
Цвѣтъ . .	куцвѣтъ	цвѣтбша	—	—	—	—
Трава . .	кутрава	—	—	—	—	—
Сѣно . .	вихро	вихро	—	вихро	шумикъ	хварыга
Солома .	лосбма	баслота	—	—	—	стодбнка
Дерево, бревно .	воксимница	кудрево	—	—	—	—
Лѣсъ . .	вбксимъ	аксюга	—	вбксилъ	—	—
Кустъ .	шукустъ	кустонъ	—	—	—	—
Дрова . .	брудки	брудки	—	стрелье	—	пингалы
Полѣно	ляпена	пальшо	—	—	—	—
Бревно .	—	—	—	—	—	гначка

Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
—	—	—	—	гавры́шныця	—	—
стовпы́жница	солодки́мница	—	—	—	—	—
во́хмурень, во́хморокъ, ло́хманъ	ахму́ръ	лахму́ръ	—	—	о́хмурень, о́хмуренъ	—
—	—	—	—	рыза́вка	—	—
—	горчи́мникъ	—	—	—	хрыно́шникъ	—
дуле́пъ	бѣлю́зникъ	клубни́ца, лагу́нъ	—	—	лу́скавень	—
матло́ха абэ́нишная (курит.) матло́ха пы́хтильная (нюхат.)	—	матла́хъ, матла́ха	шама́чка	мутла́ха баклу́нъ	матлу́нъ	—
—	—	коноцу́ты	кана́вки	—	—	—
цвѣймуде́тъ	—	—	—	—	—	—
ку́трава	вихра́тница	—	—	—	лопсты́ра	—
вихро̀, вяхро̀	вихро̀	вихро̀	вихро̀	вихро̀	вихро̀, выхро̀	—
мосо́ла, мослы́га	—	вислю́га̀	мазо́ха	веслю́я	мыслю́га	—
вокси́мница	ку́древо	—	—	—	брутко̀, брудко̀, брево́шно	—
—	—	во́ксимъ	во́ксикъ	о́ксымъ	во́ксимъ, о́ксимъ	łokszyna
шустъ	—	—	—	—	—	—
бру́дки	абрудкѝ	бру́дки, брунькѝ	сбры́дки	о́бруткы	брудка̀	—
бру́дина	—	—	—	—	брудко̀	—
—	—	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Палка, кій	ляпе́на, бику́ръ	палю́га	—	—	—	шалга́нъ
Дубъ . .	ку́дубъ	—	—	—	—	—
Кленъ . .	—	—	—	—	—	уштръ
Береза .	ку́береза	—	—	—	—	бѣля́къ
Осина . .	—	—	—	—	—	по
Садъ . .	висля́тникъ	садо́нъ	—	—	—	—
Яблоня .	висля́нка	випля́чка	—	—	—	—
Груша . .	ку́йгруша	снюзе́ль	—	—	—	—
Слива .	—	—	—	—	—	—
Ель . . .	ку́елка	—	—	—	—	—
Сосна . .	ку́сосна	—	—	—	—	—
Яблоко .	висля́къ	випля́къ	—	—	—	—
Листъ . .	ку́листъ	—	—	—	—	—
Лыко . .	—	—	—	—	—	—
Жолудь .	ку́жалудь	—	—	—	—	—
Ягода . .	краси́мня	ба́гровка	—	—	—	—
Черника .	ку́черника	ба́гровка калу́верная	—	—	—	—
Земляника	краси́мня	—	—	—	—	—
Вишня .	—	—	—	—	—	—
Макъ . .	—	—	—	—	—	—
Малина .	ку́малина	ба́гровка	—	—	—	—
Смородина	ку́сморода	—	—	—	—	—
Смородина красная (порѣчка)	ку́порѣчка	—	—	—	—	—
Грибъ . .	багблъ	багблъ	—	—	—	—
Орѣхъ . .	ку́рѣхъ	лузга́нъ	—	—	—	—
Вата . .	шу́вата	—	—	—	лови́рка	—
IX. Дѣйствія.						
Быть . .	—	—	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
би́куръ, бику́та, куби́тка	бишту́ръ	башту́ръ, башту́ра, бику́ръ	букли́на	—	штэкъ	bikora
ку́дубъ	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
грябёзка	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
вислят-никъ	садо́мникъ	—	—	—	садо́шникъ	—
висля́тница	—	—	—	веслю́шница	—	—
—	грухтавня̀	—	—	хруста́вка	грухтовня̀	—
—	—	—	—	терна́вка	—	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
висля́тка	висля́тка	ви́сля, вислю́къ	сти́блыко	ве́слюко	—	jasło
лийму-ди́стъ	—	—	—	—	—	—
липя́зка	—	лопя́зка	—	—	—	—
ку́жалудь	—	—	—	—	—	—
сно́пка	—	—	—	сте́блюкъ	ягодо́шникъ	—
сно́пка чарни́мная	—	—	—	—	—	—
сно́цка краси́мная	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	стеблю́тница	—	—
—	гарна-сно́пъ	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
багблъ	багла́й	—	—	—	багла́й	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	ботля́ты	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Есть . .	—	—	—	—	—	—
Стоять .	стычáть	стыча́ть	—	стычить	—	—
Вставать .	—	—	—	—	—	—
Лежать .	клюжáть	клюжáть	—	—	—	кимáть
Ложиться	клю́житца, клюжи́тца	клюжáтца	—	—	—	—
Сидѣть .	кáчать	кáвдить	сѣждо́нить	—	—	—
Садиться	кáчитца	кáвдитца	—	—	—	—
Ходить .	хонджé-вáть, пох-ли́ть (соб. пойти)	хливáть	—	—	сно́дить	—
Бѣгать .	бѣгурáть	бѣгровáть	ухлывáть (собств. убѣгать)	—	—	—
Ѣхать . .	ѣрчать	яку́тить	—	ѐрчить	явшáть	—
Спать . .	кимáть	ки́мать	—	кимáть	—	кимáть
Ночевать	—	ки́мать	—	—	—	—
Смотрѣть	сѣпáть	зѣ́пить	—	—	—	вершáть
Вылѣзать	—	—	—	—	—	—
Хотѣть .	во́лить	во́лить	—	—	вошлѣ́ть	—
Слушать .	слы́хтить	слы́хтить	—	—	—	—
Слышать .	—	—	—	—	—	—
Работать .	мáксать	машéрить	—	—	—	—
Работа . .	мажджéрка	машéрка	—	—	—	—
Повѣситься . . .	—	—	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
—	—	—	—	ёпыть	—	—
сты́чить, стоня́ть, стокля́ть, стекля́вить	—	—	- -	сты́чыты	сты́чить	—
—	—	—	—	всты́чуваты	—	—
клюжа́ть	клю́жить	—	клюжа́ть	—	клю́жить	—
клю́житца	—	—	—	—	клю́житися клю́житца	—
ка́чать	ка́чить	—	—	ка́чыты	ка́чить	—
ка́читца, ке́читца	—	—	—	—	ка́читца	—
сно́дить, сноди́ть ѣ́рчить, ёрчить	—	ха́ныть	сна́дить, хлить (соб. идти)	—	ханджева́ти, пна́ти	—
бѣгра́чить	бѣ́глять	—	—	—	бѣгура́ть, морго́мъ пна́ти (скоро идти)	—
ѣ́рчить	ѣ́рчить	—	—	гардува́ты	ёрчити	—
кима́ть	кима́ть	—	кима́ть	—	кима́ть, ки́мати	kimać
кима́ть	—	—	—	кемита́ты	кима́ть, ки́мати	—
улѣ́повать, улѣпа́ть	улѣ́повать	уле́пать	верша́ть	влипа́ты	улипа́ть	—
—	выле́ксать	—	—	выляксáты	—	—
во́лить	во́лить	—	во́лить	во́лыты	во́лити	—
слухто́мить, слухто́рить	—	—	—	—	слыхта́ть, слу́хтити	słychcić
—	—	—	—	слы́хтыты	—	—
клаво́тать, клаво́тить, рабоса́ть можджеря́ть	склави́ть, склавотить	скла́вить, склаво́тать	—	клево́тыты	кла́вити	—
клаво́та	склау́та	—	—	—	клаво́та, клавота̀	—
—	—	—	—	забату́зытысь	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Молчать .	ку́чать	ку́чмать	—	—	—	—
Говорить	говри́дить, говро́дить	ти́рить	—	говырда́ть	—	зя́хать
Разговоръ	говри́дка	расти́рованье	—	—	—	—
Кричать. .	крикса́ть, крикса́вить	куращѣть	—	—	—	—
Лѣчить .	—	—	—	—	—	—
Лѣкарство	—	—	—	—	—	—
Считать .	—	—	—	—	—	—
Запирать	—	—	—	—	—	—
Пѣть . .	—	—	—	—	—	мурака́ть
Плакать .	плы́ксить	плы́ксить	—	—	—	варля́ть
Смѣяться	лы́хтитца	лу́хтитца	—	—	—	—
Смѣхъ . .	лы́хта	лухты́	—	—	—	—
Писать .	писо́рить	писо́рить	—	—	—	мире́жить
Письмо .	ши́рка	письмо́ша	—	—	—	—
Читать .	лёпсарить	—	—	—	—	—
Бумага .	ши́рка	швырка	—	махлова́нье	сиха́лка	—
Книжка .	ши́рка	шатла́ница	—	—	—	реме́шка
Молиться	ча́нитца	дэ́усатца	—	—	—	—
Молитва .	—	—	—	—	—	—
Просить .	зита́ть	пра́хтить	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
сбхтить (1 л. сбхчу), сбпить	сапáть	—	сапурáть	—	сапáть	—
говрбдить, лементовáть, кантовáть, контувáть	говрúдить	—	—	—	гаврыдити	gamrać, zitać
—	гаврúдка	—	—	—	гаврыдка, гаврыдня	—
крикусáть криксбмить	—	—	—	крыксаты	крыксáть	—
—	лякбмить	—	—	ликбрыты	—	—
—	лекббство	—	—	—	—	—
—	—	—	—	лúтрыты	—	—
—	—	—	—	закаплбнываты	—	—
—	—	—	—	—	—	—
плыксить	плыкшать	—	—	плыксыты	плыксать, плыксати	—
лыхтúтца, лухтúтца, лабунятца	лыхтáтца	—	—	лохáтысь	лýхтатца, плыхтитца	łachować
лыхтà, лухтà	лыхтáньне	—	—	—	лухтà, плыхта	—
лéпсарить, лéпсарнить	рéпсать	—	—	—	рéпсати	grypsać
лéпсарка	рéпсанка	—	—	—	рéпсаньне	grypsanka
лéпсарить	—	—	—	рéпсаты	—	—
лéпсарка	—	лéпсурька	—	—	мамúръ	—
лéпсарка	—	—	—	рéпсаня	рéпсанка, рэ́псалка	—
учинятца	чунятца	ахвесáться	чунáться	зитаты шáтеръ	чáнитца, учинявитца, зитáтца	—
—	шáцера (соб. патеры)	—	—	—	—	—
зитáть, зéтить, згéтить, зэ́тать	—	—	зéтать	зитáты	зитáть	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Забыть .	—	—	—	—	—	—
Брать . .	япéрить	спэрáть	—	япéрить	—	—
Взять . .	—	—	—	убúрить (вм. уперить)	—	—
Давать .	угурáть	угурáть	—	—	—	нáрить
Дать . .	гурáть	—	—	отгýрить (отдать)	—	—
Жарить .	—	—	—	—	—	—
Шить . .	шуварѣ́ть	шварѣ́ть	—	—	—	—
Солить .	—	—	—	—	—	—
Мыть . .	плéнить	плéнить	—	плéнить	рю́тить	—
Мыться .	плéнитца	—	—	—	рю́титься	—
Купать .	купóнить	купóщить	—	—	—	—
Купаться	купóнитца	купóщитца	—	—	—	—
Праздновать . .	—	—	—	—	—	стодóльничать
Пить . .	чухáть	тóхать	—	чукáть	—	босать
Водить .	—	—	—	—	—	—
Кидать .	кидóрить	ны́щать	—	—	—	—
Бросить .	—	—	—	—	—	—
Сбросить	—	—	—	—	—	—
Чесать .	часмóнить	чухрáть	—	—	—	—
Чесаться	часмóнитца	чухрáтца (о чесоткѣ)	—	—	—	—
Холодѣть	сиворѣ́ть	сиворнѣ́ть	—	—	—	—
Мерзнуть	—	сивóрить	—	—	—	—
Одѣвать .	чанúть	очáнивать	—	—	—	—
Копать .	—	—	—	—	—	—
Имѣть . .	—	—	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій	Польскій
—	—	—	—	забетля́ты	—	—
япе́рить, зеперя́ть	—	япе́рить	—	япе́рыты	япе́рить	—
—	вспе́рить	уя́пе́рить	уся́пать	зяпе́рыты	—	—
дикать, де́кшить удяка́ть, отгуря́ть	—	дэ́чить	—	дя́хныты	угура́ти	—
—	угу́рить	дэ́чить	дя́кать	—	вара́ть	—
—	сцепу́рить	—	—	—	—	—
шивбо́рить, бода́вчить	—	—	—	—	бода́вити	—
га́лощить	—	—	—	—	—	—
пле́нить	—	—	—	пли́нчаты	пли́нчить, пни́мчить	—
пле́нитца	—	пле́нчиться	—	—	пли́нчитца	—
пле́нить	—	—	—	—	пли́нчить	—
пле́нитца	—	пленчиться	—	—	пли́нчитца	—
—	—	—	—	—	—	—
копса́ть, ку́ловать, ку́лывать	—	бо́ксать	—	кула́ты, ко́псати	ко́псати	kobzać, kopsać
—	—	—	—	вандзо́ры-ты	—	—
киддёшить, кидо́шить, кудо́вить	—	—	—	—	кута́ти	—
—	—	—	—	пору́тыты	—	—
—	—	—	—	зру́тыты	—	—
чисмо́рить	—	—	—	—	чухмо́рить	—
чисмо́рит-ца	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	си́верѣти	—
—	—	—	—	сивы́риты	—	—
наю́хчи-вать	—	—	—	—	одягмо́ри-вать	—
—	—	—	—	махлова́ты	—	—
—	е́пить	—	—	ми́ньчыты	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Править .	—	—	—	—	—	—
Искать	—	—	—	—	—	—
Одѣваться	чапи́тца	оча́ниватца	—	—	—	—
Обувать .	оба́коловать	оба́тловать	—	—	—	—
Обуваться	оба́коловатца	оба́тловатца	—	—	—	—
Coitum habere .	ба́гритца	—	—	—	ва́хриться	—
Ковать	жукле́ить	—	—	—	—	—
Ткать . .	тко́шить, туко́шить	—	—	—	—	—
Ткачъ .	—	—	—	—	—	—
Жать, рѣзать, стричь	ба́сать	ба́сать	—	баса́ть	—	—
Косить .	ба́сать	ба́сать	—	—	—	—
Продавать	пропуля́ть	прота́рывать	кухто́рить	прота́ривать	—	пропу́ливать
Покупать	спуля́ть	упуля́ть	—	впуля́ть	—	—
Мѣнять .	минѣ́шить	шетла́ть	—	—	—	—
Ярмарка	ма́рмалка	—	—	ту́сто	—	—
Жечь, палить . .	—	ду́лить	—	—	—	—
Обманывать . .	ошуко́рывать	объюра́шивать	—	—	—	—
Обмануть	ошуко́рить	объюроси́ть	—	—	—	—

Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
—	—	—	—	правóтыты	—	—
—	—	—	—	нáхтыты	—	—
наю́хчиватца	—	—	—	—	одягмóриватца	—
прибатýровать, подбукля́ть	—	—	—	—	обукóривать	—
подбукля́тца	—	—	—	—	обукóриватца	—
якóрить, дя́жить, тьéбить хархали́ть	—	якóрить, дя́жить тіéбить, чýбить	сенти́ть	—	ти́бити	[illegible]rchulić
жуклéить, плескáть, робóсить	—	—	—	—	жуклéить, жукли́ти	—
можджерить	—	—	—	—	—	—
—	ласкóтникъ	—	—	—	—	—
рéпсать	махлавáть	—	—	махлы́чыты	махловáти	majchrować
рéпсать, мохлáчить	—	—	—	—	махловáть, мохлáчить	—
пропуля́ть	пропуля́ть	пропуля́ть	—	пропуля́ты	пропуля́ти	pulać przeopulać
спýливать, упуля́ть	—	пуля́ть, апýлить	—	опуля́ты	опуля́ть	opalić
мѣнчить	мѣнчить	—	—	—	минчить	—
—	—	кéрмашъ (бѣлорусское)	—	ошарныкъ	óшаръ, ошáръ	—
—	—	—	—	дуля́сыты	дýлити	—
биндюгáть	ошукóрывать	—	—	—	объю́ровать, ошукмóривати	—
ошукóрить	—	—	—	—	объю́рить, ошукмóрить	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Любить .	любжа́ть	любжа́ть	—	—	—	—
Богатѣть	стодчѣ́ть	стодырнѣ́ть	—	—	—	—
Сердиться	—	—	—	—	—	—
Ругать, бранить .	лайббнить	скуда́ть	—	—	—	—
Ругаться	лайббнит-ца	скуда́тца	—	—	кубра́ться	—
Брань, матерщина	—	—	—	—	—	—
Отцѣпить	—	—	—	—	—	—
Играть .	—	—	—	—	—	—
Падать .	—	—	—	—	—	—
Божиться	ахво́ситца, кляно́шит-ца	—	—		—	—
Глупѣть .	шмурѣ́ть	баглѣ́ть	—	—	—	—
Идти .	хли́ть	хли́ть	—	—	—	—
Отойти .	отхли́ть	отхли́ть	—	—	—	—
Пойти . .	похли́ть	похли́ть	—	—	—	—
Находить	на́хтить	на́хтить	—	—	—	—
Найти . .	—	—	—	—	—	—
Ходить .	хлить	хлить	—	—	—	—
Уходить .	ухлива́ть	ухлива́ть	—	—	—	—
Ѣсть . .	тро́пить	дуби́ть	трайть	матра́ть	тро́пить	—
Пить, попить . .	ке́рить, кяри́ть	кури́ть	буса́ть	керить	буса́ть	—

Могилевъ	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
скулюба́ть	скульба́-нить	—	—	кульба́ты	скульба́ть, скули́бати	—
стодне́ть	—	—	—	—	стодне́ть, стóднити	—
—	кувэрди́тца	—	—	—	—	—
пору́тить лабуня́ть	—	—	—	—	лобу́нить, пору́тити	—
пору́титца лабуня́тца	—	—	—	—	лобу́нитца, пору́титца	—
маштэбэ́ль	—	—	—	—	пору́та маныци, ти́б-лю твою маны́цу	—
—	—	—	—	одчыпóбры-ты	—	—
—	—	—	—	ку́ргаты (вм. ку́гра-ты)	—	—
—	—	—	—	пандика́ты	—	—
яхве́ситца, хвиза́тца	ахвэ́ситца	—	ахве́ситься	—	охве́ситца, присяглóр-вати	—
шмуре́ть (област.)	—	—	—	зшмури́ты (сойти съ ума)	чму́рнити, чмурни́ти	—
хли́ть, их-ли́ть	—	іекна́ть, ихна́ть	—	пна́ты	пна́ти	bnać, pnać
—	—	—	—	—	одопна́ти	—
похли́ть	—	—	—	—	попна́ти	—
нахты́ри-вать	знахтэ́рить	—	—	—	на́хтити	—
нахты́рить	—	—	—	на́хтыты	—	—
—	—	—	—	—	ханджува́-ты	—
ускита́ть, ускица́ть	—	укута́ть	ухлива́ть	ски́тыты	ускита́ть, упна́ти	—
трóить, трои́ть	трóить	трóить	трои́ть	трои́ты	трóить	troić
ке́рить	ке́рить	ки́рыть	буса́ть	—	ки́рить	kierzyć

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Течь . .	хли́ть	—	—	—	—	—
Лить . .	—	—	—	—	—	—
Пахать .	рога́вить	—	—	—	—	стяфа́нить
Утонуть .	—	—	—	—	—	—
Сѣять .	сѣ́ворить	сѣ́вщить	—	—	—	—
Возить .	вондзѣ́рить	бы́чить	—	вандзы́рить	—	ю́хтить (?)
Рвать . .	—	—	—	—	—	—
Носить .	тага́нить	та́хтить	—	—	—	—
Нести . .	—	та́хтить	—	тахти́ть	—	—
Лома́ть .	—	лы́мсать	—	—	—	—
Вязать .	—	—	—	—	—	—
Красть .	клима́ть	зугура́ть	—	клю́жить	—	ю́хтить
Воровство	—	—	—	—	—	—
Чистить .	плѣ́нить		—	—	—	—
Пѣть . .	пса́лить	хвѣ́сить	—	—	—	—
Пѣсня . .	пса́лка	хвѣ́ска	—	—	—	—
Уменьшать	умикра́ть	—	—	—	—	—
Уменьшаться	микрѣ́ть	—	—	—	—	—
Уменьшить .	уми́крить	уми́крить	—	—	—	—
Увеличивать . .	уша́вливать	ушá́вливать		—	—	—
Увеличиваться .	шавлѣ́ть	—	—	—	—	—
Увеличить	—	ушá́влить	—	—	—	—
Увеличиться .	—	ушá́влитца	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
ихли́ть	ча́нить теклю́нить	—	—	—	хли́ть	—
—	—	—	—	ча́ныты	—	—
варлы́жить, цэ́ру раббсить	—	—	—	—	тыры́гу кла́вить, варалы́чить	—
—	—	—	—	вде́льчытысь	—	—
сѣво́рить	ча́нить	—	—	—	ся́нити	—
вондзэ́рить	—	—	—	—	виндзэ́рити, вэндзэ́рыть	—
—	—	—	—	дермо́ныты	—	—
тага́нить	тагани́ть	—	—	—	таго́нить	—
тагтѝ	—	—	—	тага́ныты	таго́нить	—
—	—	—	—	—	—	—
—	бату́зить	—	—	—	—	—
кли́мать	—	—	клима́ть	кли́маты	кли́мати	juchcić, jechcic, juchcianka=воровство
—	—	—	—	климу́та	—	—
пле́ннить	—	—	—	—	—	—
псы́лить	пса́лить	пса́лить	пса́лить	пса́лыты	пса́лити	—
пса́лка	—	—	пса́лка	пса́льня	пса́лка, пса́льня	—
—	—	—	—	—	—	—
микрѣ́ть	—	—	—	—	ми́крити	—
—	—	—	—	—	уми́крить	—
—	упа́сывать	—	—	—	угалёмить	—
големѣ́ть	—	—	—	—	галёмитца	—
—	—	—	—	—	угалёмить	—
—	—	—	—	—	угалёмитца	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Старѣться	ёритца	ярѣтца	—	—	—	—
Ждать . .	—	—	—	—	—	—
Постарѣть	—	поярѣть	—	—	—	—
Святить .	—	—	—	—	—	—
Святиться	—	—	—	—	—	—
Прыгать .	—	—	—	—	—	—
Плясать (бѣлор. скакать)	скако́лить	скако́щить	—	—	—	киштáть
Класть .	клю́жить	клю́жить	—	—	—	—
Накладывать . .	наклю́живать	наклю́живать	—	—	—	—
Молотить	молоты́рить	пэ́гать	—	—	—	—
Молоть .	крутáвить	скрыго́тить	—	—	—	—
Задавить	—	—	—	—	—	—
Гулять .	бугáвить	кугрáть	—	—	—	—
Болѣть .	химѣть	химáть	—	—	—	—
Болѣзнь .	—	химо́та	—	—	—	—
Пасти . .	лабсты́рить	пасёщить	—	—	—	—
Учить . .	вукóрить	укóрить	—	—	—	—
Ученіе .	—	—	—	—	—	—
Благодарить . .	—	—	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
ёритца	—	—	—	—	ёритца	—
—	—	—	—	стекляты	—	—
—	—	—	—	—	поёрити	—
—	—	—	—	—	сянить, лабунить	—
—	—	—	—	—	сянитца, лабуниться	—
—	—	—	—	скакомыты	—	—
скакурлять	—	—	—	скаканты-ты (у Баржик. опеч. сказать)	скакорити	—
клюжить	—	—	—	клюжиты	клюжить	—
наклюживать	—	—	—	—	наклюживать	—
куловать, копсить	лопотить	—	—	лопотыты	лопотить	—
дергулять, дергутить	—	—	—	—	крутавить, дергулять	—
—	—	—	—	утохморыты	—	—
гальбусать, гулёмить, скугбливать	склавить	—	—	—	проханжовати (соб. прохаживаться, совершать прогулку)	—
тронять	трунить	—	—	труныты	трунить	—
троня, труня	—	—	—	—	труня	—
лабстырить	—	—	—	пасбрыты	лопстырить, лабстырить	—
вукорить	укорить	—	—	наукорытысь (научиться)	укорити	—
—	укора	—	—	—	—	—
—	шаковать (бѣлор. дяковать)	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Горѣть .	ду́литца	ду́литца	—	—	—	—
Кормить .	кормуса́ть	кормо́щить	—	—	—	—
Гнать . .	курго́нить	куго́нить	—	—	—	—
Солить .	га́ластить	—	—	—	—	—
Жить . .	—	—	—	—	—	—
Умирать .	хали́ть	—	—	—	—	—
Умереть .	схали́ть	схима́ть	—	—	уха́питься (вм. уха́литься)	—
Похороны	хали́ца	—	—	—	—	—
Звонить .	—	—	—	—	—	—
Прятать, хоронить	хитря́ть	хитра́ть	—	—	—	—
Родить .	радо́мить	родёщить	—	—	—	—
Родиться	радо́митца	радёщитца	—	—	—	—
Минуть	—	—	—	—	—	—
Принять .	—	—	—	—	—	—
Служить .	—	—	—	—	—	—
Служба .	—	—	—	—	—	—
Родины .	—	—	—	—	—	—
Крестить	хрясто́мить	шетла́ть	—	—	—	—
Креститься . . .	хрясто́митца	шетла́тца	—	—	—	—
Крестины	хрясто́мины	шетла́нье	—	ставро́хы	—	—
Курить .	курдо́мить	кура́вить	—	—	—	—
Кусать .	кусмо́рить	кусмбрить	—	—	—	—
Быть . .	ко́рнуть (ко́рну, ко́рнемъ)	мія́ть	—	—	—	—
Есть . .	ске́нь	ске́нь	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
—	дýлятца	—	—	—	дýлитца	—
кормасáть	кормасáть	—	—	—	кормусáть, натрбить	—
курróнить	—	—	—	курróныты	курróнить	—
голóстить	—	—	—	—	гáластить, гáлустить	—
—	—	—	—	зитóмыты	—	—
холѣ́ть	химѣ́ть	—	—	хáлыты	хáлити, хá-лить	—
ухалѣ́ть	—	—	—	—	ухáлити, схáлить	—
ухáлица	похатрáніе	—	—	—	халя̀, хá-лица	—
—	—	—	—	кудóныты	—	—
хитря́ть	похатрáть	—	—	катрáты	хатрáть, схавтрáть	—
курдёмить	—	—	—	—	кýроды-мить	—
курдёмит ца	—	—	—	—	кýроды-митца	—
—	—	—	—	поми́нчыты	—	—
—	—	—	—	прыю́хны-ты	—	—
—	—	—	—	слугóныты	—	—
—	—	—	—	слугóмка	—	—
курдёми-ны	—	—	—	—	кýродымы, стыголýпи-ны	—
христó-мить	—	—	—	—	ставрóчити	—
христóмит-ца	—	—	—	—	ставрóчит-ца	—
христóми-ны	—	—	—	—	ставрóчи-ны	—
бэ́нить, бé-нить	—	бэ́нить, бéнить	—	бéныты	бэ́нити, бé-нити	—
кусмóрить	кусмóрить	—	—	кусмóрыты	кусмóрити	—
мія́ть (мі-явъ--былъ, міяю -буду)	бэтлѣ́ть	—	—	бетля́ты	бэ́тляти, éпити	—
éпить	—	—	éхвить	éпыть	éпить, éпыть	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Нѣтъ . .	нескéнь	нескéнь	—	ненашкрé-бень	нéскеть	—
Жить . .	ругувáть	ругувáть	—	—	—	—
Житье .	ругувáнье	ругувáнье	—	—	—	—
Танцевать	—	—	—	—	—	—
Вѣдать .	сéврить	кумóнить	—	—	—	—
Знать, понимать, умѣть .	скумáть	кумóнить	—	скумáть	—	—
Лгать . .	юри́ть	юраси́ть	—	—	—	—
Сѣчь, рубить . .	бáсать	чукáть	—	—	—	—
Сѣчь розгами . .	—	чукáть	—	—	—	—
Вѣнчать .	яни́чить	—	—	—	—	—
Вѣнчаться	яни́читца	—	—	—	—	—
Вѣнецъ, женитьба, свадьба (бѣлор. веселье)	яни́дьба кýвеселье	куртáвленье	—	—	—	—
Цѣловать	цукровáть	басловáть	—	—	—	чакáнить
Цѣловаться . . .	цукровáтца	басловáтца	—	—	—	—
Поцѣлуй .	поцукрýй	баслýй (повел. накл.)	—	—	—	—
Жениться	—	ны́хтитца	—	—	—	—
Мочить .	кучерáть	мокóрить	—	—	—	—
Мочиться	кучерáтца	кучурáтца	—	—	—	—
Испражняться .	фурсáтца	хéзить	—	—	варзáть	—
Запрягать	заклюжáть	замашéровать	—	—	—	напáчивать

Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
—	—	—	нéстить	—	нэ́мить, нэ́мэть	—
ругувáть	рыговáть	—	—	—	рыгувáти, рыговáть	—
ругувáньня	—	—	—	—	рыгувáнне, рыговáнне	—
—	—	—	—	—	танцóрити	—
сéврить, севрейть	сѣврать	—	—	—	сиврáти, сíврати	—
—	—	—	—	екумíты	сиврáти, сíврати	kumać
кугýтить	юрíть	—	—	аврыдыты	юрíть	—
чукóнить	—	—	—	—	махловáть	—
—	—	—	—	—	—	—
вянíчить	—	янíчить, батýжить	—	яны́чытысь (свататься)	оны́чити	—
вянíчитца	—	янíчиться, батýжиться, вянíчиться	—	—	оны́читца	—
вянíченьня, кýвеселье, янíдьба	вѣнéйко	—	—	штавéра	оника, оны́ка	—
пахвилять	—	—	—	халюстáты	хвиляти, хвалять	—
пахвилятца	—	—	—	—	хвилятца	—
—	—	—	—	—	похвиляй	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	кусюрáти	—
кусюрáтца	—	—	—	—	кусюрáтца	—
—	—	хизáть	хéзить	хы́зыты	хíзити	—
—	—	—	—	—	заклю́живати	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Затворять	закупла́нивать	закупла́нивать	—	закаплу́нивать	—	напа́чивать
Нюхать .	—	—	—	—	—	—
Случать .	—	—	—	—	—	—
Сушить .	—	—	—	—	—	—
Затворить	закупла́нить	закупла́нить	—	—	—	—
Запереть	—	—	—	—	—	—
Мириться	миро́шитца	миро́щитца	—	—	фире́ситься	—
Бояться .	ская́тца	ская́тца	—	—	—	пиля́нъ (?!)
Шалить, баловаться	буса́ть	—	—	—	—	мурака́ть, кировать
Драка . .	—	—	—	—	—	—
Драться .	чука́тца, дербужи́тца	чука́тца	—	—	кохлыря́ться	боса́ться
Убивать .	учу́ковать	уто́ховать	—	—	—	—
Убить . .	учу́кать	уто́хать	—	—	—	убоса́ть
Воевать .	чука́ть	—	—	—	—	боса́ться
Война . .	—	—	—	—	—	—
Схватить	схапо́шить	схапмо́рить	—	—	серипа́ть	—
Хватать .	хапо́шить	хапмо́рить	—	—	—	—
Опрокинуть . .	перекидо́рить	переку́воротить	—	—	—	—
Остерегаться	стерегмо́нитца	—	—	—	—	—
Дѣлать .	—	—	—	—	—	маста́кать
Помогать	помо́шить	посубо́рить	—	—	—	маста́кать
Печь, жарить . .	—	—	—	—	—	—
Варить .	курля́ть	ку́хтить	—	—	—	спи́дить
Трясти .	—	—	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
—	—	—	—	—	закáпчивати	—
—	—	—	—	пы́хтыты	—	—
—	—	—	—	шлягáты	—	—
—	—	—	—	сухмóрыты	—	—
—	—	—	—	—	закáпчить	—
—	—	—	забáтлить	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
—	шкудрáтца	скудáтца	—	шкýтытысь	шкуды́тца, шкути́ти	gudrać się
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	кóпсаня	—	—
—	—	—	—	—	кóпсатися	—
—	—	—	—	—	укóпсовати	kobzać, kópsac
—	—	—	—	—	укóпсать	zakopsać
—	кýлатца	—	—	—	кýнатися	—
—	кýлапка	—	—	—	—	—
—	—	—	скубнýть	—	уяпéрить, схопóрити	—
—	—	—	—	—	япéрить, хопóрити	—
—	—	—	вертáть	—	перерýтити	—
—	—	—	—	—	шкýдити, страхмóритися	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
степурáть	—	—	—	—	—	—
—	курля́ть	—	—	курля́ты	курля́ть, курóтить	—
—	—	—	—	трясóмыты	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Веселиться	—	—	—	—	—	грóхаться
X. Свойства и качества.						
Малый .	мúкрый	мúкрый	—	—	—	—
Маленькій	—	—	—	—	—	—
Большой .	шáвлый	шáвлый	—	—	—	вя́чій
Бóльшій .	шáвлющій шáвлый	шавлѣ́йшій	—	—	—	—
Средній	кýсередній кýхередній	кýсередній	—	—	—	—
Молодой .	драпёлый	драпёлый	—	ламбный	—	юмовáтый
Старый .	ёрый	ёрый	—	ёрый	—	—
Безсмертный . .	—	—	—	—	—	—
Святой .	—	—	—	—	—	—
Высокій .	кýвысокій, шáвлый	высокóмный	—	—	—	—
Низкій .	кýнизкій, мúкрый	низкóмный	—	—	—	—
Глубокій .	кýглыбокій	глубокóмный	—	—	—	—
Мелкій .	кýдробный	—	—	—	—	—
Тяжелый, тяжкій .	кýтяжкій	курѣ́зный (собств. желѣ́зный)	—	—	—	—
Легкій . .	кýлегкій	легкóмный	—	—	—	—
Толстый .	шатýрный	шатýрный	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій	Польскій
—	—	—	—	—	—	—
ми́крый	ми́крый	—	ми́крый	мéкрій	ми́крый, мы́крій	mikry
—	—	—	—	мекрéнькій	—	—
галёмый, голю́тный	голёмый	галю́тый	галю́тый	гальóмый	галёмый, галёмій	—
големѣ́йшій, голютнѣ́йшій	—	—	—	—	галёмшій, галемі́йшій	—
кýсередній	—	—	—	—	лоптови́на, ны галёмый, ны микрый (буквально: на половину: ни большой, ни малый)	—
тряпéлый	трапёлый	—	трепёлый	—	трапə́лый, трипéлый	—
ёрый	ёрый	—	ербй	ёрый	ёрый	jary
—	безхáлемный	—	—	—	—	—
—	ся́нный	—	—	—	—	—
кýвисокій, високи́мный	—	—	—	—	кýвысокій галётый	—
низкóмный	—	—	—	—	кýнизкій, ми́крый	—
кýглыбокій	—	—	—	—	—	—
кýмелкій	—	—	—	—	—	—
кýтяжкій, тижали́мный	—	—	—	—	куви́зный	—
легки́мный	—	—	—	—	некуви́зный	—
тлýмедзёустый, тлумедзёýстый	—	—	—	—	товсти́мый, товсти́мный	—

Список слов.	Дрибин.	Шклов.	1786 г.	Новозыбков.	Жиздра.	Пенза.
Тонкій .	тáвый	лáсый	—	—	—	—
Жидкій .	кýжидкій	жидкóмный	—	—	—	—
Густой .	кýгустый	густи́мный	—	—	—	—
Прѣсный	кýпрѣсный	—	—	—	—	—
Сладкій .	солоди́мный	—	—	—	—	—
Медовый	—	—	—	—	—	—
Горькій .	горки́мный	горкóмный	—	—	—	—
Кислый .	кисли́мный	букя́сный	—	—	—	—
Соленый .	гáластный	гáлосный	—	—	—	—
Громкій .	кýгромкій	—	—	—	—	—
Тихій . .	тихмóрный	—	—	—	—	—
Хорошій .	ши́мскій	шóвскій	—	шинській	—	—
Худой . .	худи́мный	худи́мный	—	—	—	—
Плохой .	хýсый	хýсый	—	хýсый	—	—
Дрянной, нехорошій	юрый, неши́мскій	хýсый	—	—	—	—
Злой, сердитый .	кýсердитый, кýхердитый	гéрдый	—	—	—	—
Добрый .	снёбрый, шимскій	клёвый	—	—	—	чóбось
Скупой .	скупи́мный	—	—	—	—	—
Богатый .	стóдный, стодъ	стóдырный	—	стóдный	—	сюбáй
Набожный	—	—	—	—	—	—
Грѣшный	—	—	—	—	—	—
Босой . .	—	—	—	—	—	—
Бѣдный .	кухтóмный	кухарéя (собств. бѣднякъ)	—	кухтéча	—	—

Могилевъ	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
кýжидкій	тонки́мный	—	—	—	тонки́мный	—
кýжидкій	—	—	—	—	негусти́м-ный	—
густи́мный	—	—	—	—	густи́мный	—
прѣси́мный	—	—	—	—	—	—
солодки́м-ный	сладки́м-ный	—	—	—	омеля́сный	—
—	—	меря́сный	—	—	—	—
горко́мный	—	—	—	—	горки́мный	—
кисло́мный	—	—	—	—	бýкасный, кисли́мній	—
га́лощеный	—	—	—	—	—	—
гроймы-дёмкій	—	—	—	—	крыкса́тый	—
тіймуди́хій	тихмо́рный	—	—	—	тихи́мный	—
тіймуди-хе́нькій						
клéвый, клэ́вый клёвый	клéвый	—	клéвый	клевый	клéвый, су-ра́зный	—
—	—	—	—	—	худи́мный	—
—	—	—	—	—	нехýхій	—
кýдренный, неклёвый	неклёвый	неклепа́н-ный	—	—	нехýхій	—
кýсерди-тый	кýверди-тый	—	—	неклéвый	порудля́-вый, нехý-хій	niklawy
шóбрый, клёвый	—	—	—	клéвый, трепéлый	клэвый	klawy
скупи́мный екупо́рный	—	—	—	—	скупи́мній	—
стóдъ, стó-дый	стоды́рный	стóдый	—	—	стóдый, стодный	—
—	—	—	ахвéсный	—	—	—
—	—	—	—	крими́ш-ный	—	—
—	—	—	—	боси́вный	—	—
кухтéль-ный, хиль-пýжный, шкутъ	—	кухтя́къ	—	кухті́й	шýндэль, шýндэръ	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Хитрый .	хитрóмный	хитри́мный	—	—	—	—
Глупый (бѣлор. дурны́й) .	шмурны́й	баголъ	—	шмурны́й	—	—
Разумный	кýразумный	кýразумный	—	—	—	—
Теплый .	снóпный	снóпный	—	—	—	—
Горячій .	дýлясный, дуля́сный	дýлясный дуля́сный	—	—	—	—
Холодный	сивóрный	сивóрный	—	—	—	—
Мягкій .	кýмягкій	мяктóрный	—	—	—	—
Твердый .	кýтвердый	тверди́мный	—	—	—	—
Черствый	кýчерствый	тверди́мный	—	—	—	—
Сухой . .	сухмóрный	сухтóмный	—	—	—	кóська (?)
Мокрый .	сувя́ный	мокри́мный	—	—	—	—
Острый .	кýвострый	остри́мный	—	—	—	—
Тупой . .	тупи́мный	—	—	—	—	—
Бѣлый .	плéнный	плéнный	—	плéный	—	áшка
Чистый .	плéнный	чисти́мный	—	—	—	—
Черный .	калýрный	калýверный	—	калувéрный	—	ра́жный
Синій . .	сини́мный	—	—	—	—	—
Зеленый .	кýзеленый	—	—	—	—	пи́же (?)
Желтый .	кýжовтый	жовти́мный	—	—	—	тю́же (?)
Красный .	краси́мный	бáгровый	—	—	—	—
Сѣрый .	сяри́мный	сиви́мный	—	—	—	—
Бурый .	кýбурый	—	—	—	—	—

Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
хитрóмный	—	—	—	—	хитри́мный	—
шмурнэ́й, шмурны́й	шму́рный	—	—	шмурны́й	шму́рный чму́рный	—
ку́разумный, мазу́рный	—	—	—	—	ку́рзумный, ку́разумный	—
снóпный	снóпный	снéплый	—	дуля́сный	снóпный	—
ку́горячій, ду́люшній	духмóрный	—	—	—	ду́лясный	—
сивóрный	сивóрный	сивóрный	сивóрный	си́водный (вм. сиворный)	си́ворный, си́вэрный	—
мякчи́мный	мягки́мный	—	—	—	мякчи́мный, мягчи́мный	—
тверди́мный	—	—	—	—	тверди́мній	—
черстви́мный	—	—	—	—	черстви́мный	—
—	—	—	—	—	сухи́мный	—
—	—	—	—	—	мокри́мный	—
ку́вострый	—	—	—	—	остри́мный	—
неку́вострый	—	—	—	—	тупи́мній	—
плéнный	—	бѣли́мый	—	пли́ный	пли́нный, пли́мный	—
плéнный	—	—	—	—	чисти́мный	—
ку́черный чарни́мный	чарни́мный	—	—	—	—	—
сини́мный	—	—	—	—	—	—
ку́зеленый	—	—	—	—	—	—
ку́жовтый	—	желти́мый	—	—	—	—
краймудя́сный	—	красни́мый	—	—	краси́мный	—
сѣймудéрый	—	—	—	—	—	—
буймудю́рый	—	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Пушной (хлѣбъ) .	шархýтный	шéреха	—	—	—	—
Мохнатый .	чумáстый	—	—	—	—	—
Соломенный . .	ласóменный	баслóтный	—	—	—	—
Деревянный . .	кýдревянный, кудревя́нный	—	—	—	—	—
Каменный	пи́трусный	—	—	—	—	—
Мѣдный .	шѣдный	—	—	—	—	—
Серебряный . .	кýсеребрянный, плéнный	кýсеребряный	—	—	—	—
Холщевый	лускаты́рный	лоскаты́рный	—	—	—	—
Глиняный	пи́трусный	—	—	—	—	—
Голодный	нятрóбившій (соб. не ѣвшій)	—	—	—	—	—
Жирный .	кýжирный	—	—	—	—	—
Полный .	—	—	—	—	—	—
Скорый .	мугры́й	моргóмный	—	—	—	—
Хромой, безногій	безходýрный	безхóдній	—	—	—	безштухáрый
Слѣпой .	няýлѣпый	слѣпи́мный, нéѣпущій, незѣпающій	—	—	—	безулѣ́пный
Зрячій .	—	—	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій	Польскій
шархýтный	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
маслы́жный, маслы́жаный	—	—	—	—	мыслю́жный, мэслю́жный	—
воксíмный, кýдеревянный	кýдревянный	—	—	—	воксíмный, брýдчаный	—
пéтрусовый, шáменный	—	—	—	—	пи́трусный	—
шéрхвенный	—	—	—	—	куви́зный	—
кýребряный, плéнный	—	плjéнный	—	—	кýрибряный, куры́бный	—
лýекаты́рный	—	—	—	—	лóскутный, лоскути́вный	—
въ жавти́мныя цэ́ри	—	—	—	—	тыры́жный	—
нятрóившій	—	—	—	—	нетрóившій	—
гладки́мный	—	—	—	—	тлусти́мный, глади́мный	—
лóпный	—	—	—	—	—	—
скори́шный	—	—	—	—	моргóмный	—
безходы́рный	—	—	—	—	безхóдный	—
неýлѣпáющій, няýлѣпный	калѣ́пный	—	безулѣ́пый	кáлипный	калиповáтый	—
—	—	—	—	влипýшній	—	—

Список словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Нѣмой .	безле́мезный	безле́мизный, нѣми́мный	—	—	—	—
Одноглазый . .	ёнасѣ́пкій	ённоѣ́пущій	—	—	—	—
Безрогій .	—	—	—	—	—	—
Цѣлый .	цали́нный	цали́мный	—	—	—	—
Пьяный .	—	—	—	—	—	—
Веселый .	ку́веселый	—	—	—	—	—
Серьезный, строгій .	—	—	—	—	—	—
Больной, слабый .	химу́щій	химо́тный	—	—	—	—
Здоровый	—	—	—	—	—	—
Голый . .	голи́мный	голи́мный	—	—	—	—
Виноватый	—	—	—	—	—	—
Связанный	—	—	—	—	—	—
Мертвый .	—	схи́митый	—	—	—	—
Набожный	ахвэ́сный	дэ́усный	—	—	—	—
Сильный, крѣпкій	ко́вткій	ку́здоровый	—	—	—	ро́бный
Красивый	—	—	—	—	—	—
Стоячій .	застакля́ный	—	—	—	—	—
Чужой . .	—	—	—	—	—	—

Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
безле́ментный	нѣмане́скій	—	—	—	—	—
на ёное ўлѣпко улѣпа́еть	—	—	—	—	калипова́тый	—
—	—	—	—	безпико́тный	—	—
—	—	—	цѣли́тный	цили́тный	цѣли́мный	—
—	—	ки́рный	--	укы́раный	—	chirny, kierny, kirny
кýвеселый	—	—	—	—	кýвеселый	—
сурмудёзный	—	—	—	—	строги́мный	—
труня́щій	трупя́щій (?)	—	—	тро́няшный	труня́щій	—
—	—	—	—	нетро́няшный	—	—
—	—	—	—	—	толи́мный, также безъ мана́тки (безъ рубашки)	—
—	скла́вный	—	—	—	—	—
—	—	—	—	забатýзяный	—	—
уха́лющій	халю́щій	—	—	—	уха́ливный, ха́лющій	—
—	—	—	ахве́сный	—	охве́сный, ахвэ́сный	—
—	—	—	—	—	здоровни́мный	—
—	—	—	—	сура́ськый	сура́зный	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	чужи́вный	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Ласковый	кýласковый	клёвый	—	—	—	—
XI. Числа и мѣры.						
Разъ . .	связъ	—	—	—	—	—
Одинъ . .	ёный	ённый	—	сковдúнъ	—	ёный
Два . . .	бáкрыхъ	бáкрыхъ	—	бáкрыхъ	дючéнnихъ	жулатóвка
Три . .	стрóмахъ	стромáкъ	—	стрóмухъ	—	страмúга
Четыре .	бутыра	кятýрэхъ	—	бутырихъ	четимéрнихъ	бýтырь
Пять . .	повдéкана	повдѐ	—	повдéкана	—	уфпень
Шесть . .	бушéнь	шендрà	—	букшéнъ	шéнду	бýшень
Семь . .	семжà, сéнжа	семжà	—	семжà	сéндель	сúсемь
Восемь .	восемжà, вóсемжа	восемжà	восемжà	восемжà	всéндель	осьмáкъ
Девять .	девенжà, дéвенжа	девенжà	—	девянжà	дéвень	девитирь
Десять .	дéканъ	дéканъ	—	дéканъ	дéкунъ, дéконъ	кéмикъ
Одиннадцать . .	кýдинадцать, ёный зъ дéканомъ	—	—	—	—	—
Двѣнадцать .	кýдвинадцать бáкрыхъ зъ дéканомъ	дéканъ бáкрыхъ и т. д. дéканъ стромáкъ, дéканъ пятýрехъ, дéканъ повдѐ: 13, 14, 15, до двадцати	—	—	—	—

Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
лаймодя́сковый	—	—	—	—	клёвый, клэ́вый	—
—	—	—	—	—	ёнъ, ёный	—
ёный, ёдный	ёдзинъ	ёный	ёный	ёнъ	ёнъ, ёный	—
двиня̀	двиня̀	двиня̀, двеня̀	здю̀	двеня̀	двиня̀	—
скирья̀, шкирья̀	скирья̀	керья̀, кирья̀, скерья̀	керья̀	скера̀	скирья̀, скиря̀	—
сэ́саръ, цэ́царъ	сэ́саръ	тэ́сарь, тје́саръ, те́суръ	цы́церь	си́сара	цы́сарь, це́саря	—
пя́ньджа	пя́нджа	пя́нджъ, а	пе́ньжа	пе́нтза	пя́нджъ, пя́нджа	—
ша́ндра	ша́ндра	ша́ндра̀	шо́хманъ	ша́ндра	шандра̀	—
ся́ньджа	семты́нъ	ся́нжа, се́нтирь, сентырь	сенти́миръ	ти́мара	сентиня̀, сэмты́ня	—
во́шерь, во́хтимирь, во́хтымирь	ахты́нерь	во́хымеръ, лахты́миръ, во́хтеремъ	во́меръ	виті́мара, висимты́ня	октымра̀, охты́мэра	—
де́веръ, де́венжа	девенджа̀	де́вентъ, де́варъ	девянти́миръ	ди́вора	дивэра, ди́веръ	—
де́канъ, де́кунъ	де́канъ	де́канъ, де́конъ, де́кунъ	де́кунъ	ди́кона	ди́кона, ди́конъ	—
де́канъ ёдный	—	де́канъ и ёный	ёный на де́кунъ	ди́кона и ёнъ	оди́на дико́нта, одиконна́нцать	—
—	—	де́канъ и две́ня и т. д.	здю на де́кунъ и т. д.	ди́кона и двеня̀ и т. д.	двапана́стя, двѣна́сте	—

Список словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Двадцать	ба́крыхъ де́кановъ	ба́крыхъ де́кановъ	—	ба́крыхъ де́кановъ	—	—
Тридцать	стро́махъ де́кановъ	строма́къ де́кановъ	—	—	—	—
Сорокъ .	буты́ра де́кановъ	строма́къ де́кановъ	—	—	—	—
Сто . . .	ку́сотня	ку́сотня	—	—	—	—
Двѣсти .	ба́крыхъ ку́сотъ	ба́крыхъ ку́сотней и т. д.	—	—	—	—
Тысяча .	ку́тысяча	ку́тысяча	—	—	—	вя́чая бу́тка
Первый .	ёный	—	—	—	—	—
Второй .	ба́крышній, бакрышній	ба́крѣйшій	—	—	—	—
Третій . .	стро́машній	стро́мшій	—	—	—	—
Четвертый	буты́рный, буты́ршій	клятýршій	—	—	—	—
Пятый . .	повде́каншій	повдѣ́йшій	—	—	—	—
Шестой .	бушéньшій бушéньскій	шендрѣ́йшій	—	—	—	—
Седьмой .	сенжа́тный	семжѣ́йшій	—	—	—	—
Восьмой .	восемжа́шный, восемжа́шній	восемжѣ́йшій	—	—	—	—
Девятый .	девенжа́шный, девенжѣ́йшій	девенжѣ́йшій	—	—	—	—
Десятый .	де́каншій	де́каншій	—	—	—	—
Половина	лухтови́на	лахтови́на	—	—	—	—
Деньги .	хавбы́	хавбы́	кривцы́	ховбы́	дюка́ты	юсъ

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
двиня́ де́куны	двиня́ де́канъ	двиня́ де́конъ	здю́ де́кунъ	дввня́ ди́конъ	два ди́кона	—
скирья́ де́куны	—	кирья́ де́конъ	—	скера̀ ди́конъ	ски́ра ди́кона	—
сэ́соръ де́куновъ	—	—	—	си́сара ди́конъ	цы́царъ ди́кона, це́саръ ди́кона	—
де́кунъ декуновъ, савόстка савόшня	де́канъ куразόвъ по де́канъ	савόсня	савόсто	—	оксы́восъ, оксы́вусъ	—
двиня́ савόстки	—	—	—	—	двиня́ оксы́восовъ	—
де́кунъ савόстокъ	—	—	—	—	тысьмόнцъ, тысьмόныца	—
—	—	—	—	ёный, ю́тный	—	—
другόмный	—	—	—	двене́шный	ю́тный	—
скирью́шный	—	—	—	скере́тній	скиру́тный	—
сэ́сорный	—	—	цы́церный	—	цэсару́тный	—
пеньджа́ный	—	—	—	—	пянджу́тный	—
шандра́ный	—	—	—	—	шандру́тный	—
сенджа́ный	—	—	—	—	семти́нный сэмты́нный	—
вόхтымирный	—	—	—	—	охты́мерный	—
де́верный	—	—	—	—	ди́вэрный	—
де́канный	—	—	—	—	ди́конный	—
шалови́на, лоптови́на	—	—	—	шоловы́на	лоптовы́на	—
хавбы́, хόбки, дюка́ты	хабня́	хабуры́ (областное — взятки)	—	хобня́	хобня́	chopki, hopy

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Деньги золотыя .	хавбы́ клёвыя	хавбы́ ку́золотныя	—	—	—	—
Деньги серебряныя	хавбы́ плённыя	хавбы́ ку́серебряныя	—	—	—	—
Деньги мѣдныя .	хавбы́ шедныя	хавбы́ шёдныя	—	—	—	ра́ужныя юсы
Деньги бумажныя, кредитки	ши́рки	хавбы́ швырбошныя	—	—	—	вѣ́тры
Копейка .	ламе́ха	ламе́ха	—	—	дюка́тка	—
Грошъ, полкопейки (бѣлор. шагъ) .	бакры́шникъ	шаго́нъ	—	—	—	—
Пятакъ, пяточекъ	шапе́ръ	шаперо́къ	—	—	ледяжо́къ	—
Гривенникъ . .	русо́вникъ	руса́вникъ	—	—	де́кунникъ	—
Пятиалтынный, 15 коп. .	тулпи́на	кутухвя́зъ	—	—	шетелти́нный	—
Двугривенный .	семжа́шный	ба́крыхъ руса́вниковъ	—	—	дуде́конный	—
Четвертакъ . .	мару́шникъ	мару́шникъ	—	—	сапу́никъ	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
хóбки клёвыя	—	—	—	—	хобнѝ	—
хóбки плённыя	—	—	—	—	хобнѝ—кýребро, хобнѝ кýрúбныя	—
шэ́рхва	—	—	—	—	кувизнякѝ, кувúзны хобнѝ	—
—	—	—	—	—	хобнѝ, óксы	—
басúга, трахвúлка, батыга, хвúльня	—	бáтуга, батыга, трохвúлка	трохвúлка	веня̀ хобнѝ	ламéха, два хóбни (два гроша)	—
шéвень	—	шéвень	—	хóбень	хóбень	—
спинакъ, спиначóкъ	—	спинáкъ, спиначóкъ	лохмáнъ	—	дúконка	szafir=рубль
хубáрикъ	—	—	марýшникъ	—	два дúкона	rusony=серебро
рýсенникъ	русáновка	—	—	русáнъ плúнный	два дúконка	rys
лахтúмерный вм. вохтúмерный	—	лахтúмерный	здюмарýшный	сисарка, сúсара дúконъ хóбнивъ	цúсаръ дúконка	—
сэ́сарникъ, шевертáкъ	—	—	—	—	пя́нджа дúконка	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Полтинникъ . .	шулти́нникъ, повпленный	повпленный	—	—	ламни́къ	—
Троякъ, 75 коп. .	стромáшникъ	трисапу́нникъ	—	—	трисапу́нникъ	—
Рубль . .	плённый	пленнякъ, плённый	кругля́къ	плённый	косу́лъ	—
Два рубля	—	—	—	—	—	—
Десятка, 10 рублей	дёканка	де́канъ пленныхъ	—	—	—	—
Четвертная, 25 р.	мару́ха	—	—	—	—	—
Пудъ . .	шу́пудъ	чудъ	—	—	—	—
Полпуда .	—	повчу́да	—	—	—	—
Фунтъ . .	вихтъ	вихтъ	—	—	—	—
Полфунта	поввихта	повви́хта	—	—	—	—
Верста .	ку́верста	ку́верста	—	—	—	—
Сажень .	ку́сажень	—	—	—	—	—
Аршинъ .	ку́ршинъ	поме́рустъ	—	—	—	—
Четверть	ку́четверть	—	—	—	—	—
Четверикъ	ку́четверикъ	—	—	—	—	—
Гарнецъ .	ставрáкъ	стóврыкъ	—	—	—	—
Полгарнца	повставракà	повстóврыка	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
шалти́нникъ, лапши́нникъ	—	—	—	—	повхрущà	—
скирья́къ, марши́нникъ	—	—	—	—	пя́нджа рýснювъ (5 злотыхъ)	—
плéнный, хрущъ, цали́мникъ	хрущъ	—	цѣли́мый (цали́мый)	скитéльныкъ	хрущъ	chlust, chrust
—	—	—	—	двенѝ скители́въ	—	—
—	—	—	—	—	ди́кона хрущýвъ	—
—	—	—	—	—	два ди́кона, пéнджъ хрущýвъ	marchiewka=золото
кувéзъ, пухтéй	—	—	—	—	кувезъ, пудóшникъ	—
повкувéза	—	—	—	—	повпудóшникъ	—
кувéзчикъ, вихтóръ, вихтóрникъ	—	—	—	—	куви́зникъ	—
повви́хтóра	—	—	—	—	повкуви́зника	—
кýверста, кумѣрница	—	—	—	—	—	—
кýсажень	—	—	—	—	—	—
кумѣръ	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	куми́рникъ	—
кýмѣрка (бѣлор. мѣрка)	—	—	—	—	—	—
ставёръ, ставрáкъ	кóвтуръ	—	—	—	кóвтуръ	—
повставрà	—	—	—	—	повкóвтура	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Кварта .	—	цехаве́я	—	—	—	—
Ведро . .	кудро̀	ку́ведро	—	—	—	—
Сотка . .	ку́сотка, кучера́вка	соткòнтя	—	—	—	—
XII. Мѣстоименія.						
Я	мань	чузъ	—	—	масъ	—
Ты . . .	бальва̀	та́бусъ	—	—	—	—
Онъ, она, оно . .	снёнъ, сняна̀, снянò	снёнъ, сняна̀, снянò	—	—	—	—
Они, онѣ	сняны̀	сняны̀	—	—	—	—
Мы . . .	манькѝ	чузы̀	—	—	—	—
Вы . . .	бальвы̀	—	—	—	—	—
Себя . .	манька̀	снебѐ (бѣл. себѐ)	—	—	—	—
Мой . . .	манькóвъ, мане́скій	чузóвскій	—	—	—	—
Твой . .	бальви́нъ, бальве́скій, бальве́нскій	твойбе́цкій	—	—	—	—
Свой .	собе́скій	снебе́скій	—	—	—	—
Его . . .	бе́яго	снегò	—	—	—	—
Ея . . .	бе́яе	сней	—	—	—	—
Нашъ . .	мане́скій	чузóвскій	—	—	—	—
Ничего .	—	—	—	никбраго	—	—
Вашъ . .	бальви́нъ	твойбе́цкій	—	—	—	—
Тотъ . .	тóнтый	тóнтый	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
сэса́рка	—	—	—	—	ставра̀	—
кудрѐ, ку́-ведро	—	—	—	—	ку́дро	—
саво́тка, саво́стка	—	—	—	—	ставе́рка	—
ман҄ь, масъ, манёкъ, мане́скій	манькѐ	мань, ма-не́къ	—	манькѐ	манькѐ	—
та́банъ, то-бо́къ	табкѐ	—	—	би́ты	та́банъ, табкѐ, дап-кѐ	—
бе́ёнъ, бе́и-на, бе́яно	беёнъ	—	—	би́винъ	биёнъ, би́-ёна, би́ёно	—
бе́яны	—	—	—	би́воны̀	би́ёны	—
манькѝ, манцы̀, ма́мки, ма-не́скія	—	—	—	би́мы	манькѝ	—
тавы̀, тоб-кѝ	—	—	—	—	бальвы̀, тобкѝ	—
са́бусны	манькѐ	—	—	—	манька̀	—
манько́въ, ма́совъ, ма-не́скій	манэ́скій	—	—	—	ма́ньковъ, мани́скій	—
таба́новъ, тобко́въ тобе́скій	табе́скій	—	—	би́твій	тобко́въ, тоби́скій	—
собе́скій	сабе́скій	—	—	—	соби́скій, сови́скій	—
бе́яго	—	—	—	—	би́ёго	—
бе́яе	—	—	—	—	би́яе	—
масо́вскій, мане́скій	мане́скій	—	—	мане́йській	манько́в-скій, ма-ни́скій	—
—	—	нико́нто	—	—	—	—
тобе́скій	танэ́скій	—	—	—	тобко́вскій, тоби́скій	—
то́нцій, то́нція	беёнъ	—	—	—	би́той	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Этотъ, сей (бѣлор. етый, гетый) . .	снéчій	гéтій	—	—	бéтый	—
Кто . . .	тóнты	якóншій	—	—	—	—
Никто, ничто . .	—	—	—	—	—	—
Нѣкто . .	—	—	—	—	—	—
Что . . .	кóро, икóро	кóра	—	—	—	—
Какой (бѣл. якій) . .	снякій	якóмшій	—	—	—	—
Такой . .	—	такóмшій	—	—	—	—
Который .	котóсый	—	—	—	—	—
Чей . . .	—	—	—	—	—	—
Самъ . .	сáбасный	снямъ	—	—	—	—
Каждый, всякій .	вшáцкій	—	—	—	—	—
Весь .	вшáцкій	вшáцкій	—	—	—	—
XIII. Нарѣчія.						
Много . .	пóсо, сойпó	сóйпо	—	—	—	—
Больше .	шавлѣ́й	шавлѣ́й	—	—	—	—
Мало . .	ми́кро	ми́кро	—	—	—	—
Меньше .	микрѣ́й	—	—	—	—	—
Скоро . .	мугрóмъ	моргóмъ	—	—	—	—
Скорѣй .	мурджѣ́й	споржѣ́й	—	—	—	—
Холодно .	сивóрно	сивóрно	—	—	—	—
Жарко .	дуля́сно	дуля́сно	—	—	—	—
Тепло . .	снóпно	снóпно	—	—	—	—
Богато .	стóдно	стоды́рно	—	—	—	—
Богаче .	стоднѣ́й	стодырнѣ́й	—	—	—	—

Могилевъ	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
бéсій, бéсія	беёнъ	—	—	бйцей	бйсій	—
кóнто, бéх-то	кóнты	—	—	—	кóнто, кóн-тый	—
—	никóнты	—	—	—	—	—
нѣ́контый	—	—	—	—	нѣ́конто	—
бéшто	кóнто	—	—	—	кóнто	—
бéякій	биéкій	—	—	бйшо	кóнтый	—
ѣтакій	—	—	—	—	—	—
—	діóтный	—	—	—	кóнтый	—
йимо, чéй-но	—	—	—	—	—	—
сáбусный	сабáсный	—	—	—	сáбасный	—
ушáцкій	—	—	—	всéській	вшáцкій	—
ушáцкій	—	—	—	—	—	—
пóсо, галé-мо	пóсо	пóсо	—	пóсо	пóсо	—
олемѣ́й	—	—	—	—	пóкшѣй, големѣ́й	—
икро	микрó	—	—	—	мйкро	—
икрѣ́й	—	—	—	—	мйкрій, микрі́й	—
моргóмъ	маргóмъ	—	—	—	моргóмъ, маргóмъ	—
морговѣ́й	—	—	—	—	моржѣ́й, маргóмъ	—
сивóрно	—	сивóрно	сивóрно	сйводно (вм. сивор-но)	сйверно, сйвэрно	—
дýлясно	духмóрно	—	—	—	дýлясно	—
снóпно	снопнó	снéпно	—	—	снóпно	—
стáдно	—	—	—	—	стóдно, стодневáто	—
таднѣ́й	—	—	—	—	стоднѣ́й	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Бѣдно	ку́хто	ку́хто	—	—	—	—
Бѣднѣе	кухтѣ́й	кухтѣ́й	—	—	—	—
Ясно	—	—	—	—	—	—
Вмѣстѣ	—	—	—	—	—	—
Хорошо	ши́мско	шо́вско, клёво	—	—	—	—
Нехорошо	—	—	—	—	—	—
Лучше	шимчѣ́й	шумѣ́й, клевѣ́й	—	—	—	—
Легко	ку́легко	легко́мно	—	—	—	—
Легче	ку́легче	легкомнѣ́й	—	—	—	—
Тяжело	—	—	—	ку́везно	—	—
Низко	ку́низко	низко́мно	—	—	—	—
Ниже	ку́низче	низкомнѣ́й	—	—	—	—
Пѣшкомъ	ку́пѣшкомъ	—	—	—	—	—
Бѣгомъ	—	—	—	—	—	—
Близко, недалеко	нешале́ко	низко́мно	—	—	—	—
Далеко	шале́ко, шалёко	шале́ко, шалёко	—	—	—	—
Такъ	ша́кто	—	—	—	—	—
Какъ	сня́къ	сня́къ	—	—	—	—
Никакъ	нисня́къ	—	—	—	—	—
Когда (бѣл. коли)	коли̇́	—	—	—	—	—
Никогда, ниразу	нисвя́зу	нисвя́зу	—	—	—	—
Однажды, разъ	связъ	связъ	—	—	—	—
Нарочно	ку́нарошно	—	—	—	—	—
Гдѣ	скрандѣ	скандѣ	—	—	—	—
Нигдѣ	нискрандѣ	нискандѣ	—	—	—	—
Куда	шуды	кудысь (бѣлор. куда то)	—	—	доляку́сь (извращ. докуля)	—

Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
хильпу́жно	—	—	—	—	шундеро-ва́то	—
кухтѣ́й, хильпуж-нѣ́й	—	—	—	—	шундеро-ва́тѣй	—
—	—	—	—	ли́пно	—	—
ку́разомъ	—	—	—	—	—	—
клёво	—	клёво	—	клево	клёво	—
—	—	неклепа́но	—	—	—	—
клевѣ́й	—	—	—	—	клёвѣй	—
ку́лехко	—	—	—	—	неку́визно	—
ку́лехче	—	—	—	—	—	—
—	ку́тяжко	—	—	—	—	—
займоди́ско	—	—	—	—	—	—
займоди́же	—	—	—	—	—	—
пѣймуде́ш-ки, пѣйму-де́шкомъ	—	—	—	—	юрко́мъ	—
бе́такъ их-ли́ть						
—	—	—	—	мурго́мъ	—	—
близи́мно	нешале́ко	—	—	—	нешале́ко	—
шале́ко	—	—	—	шале́ко	шале́ко	—
бе́такъ	бе́такъ	—	—	—	би́такъ	—
бе́якъ	—	—	—	—	би́якъ	—
нибе́якъ	—	—	—	—	—	—
бе́коли	—	—	—	—	—	—
нику́разу	—	—	—	—	—	—
—	ёдинъ ку́-разъ	—	—	—	—	—
наюра́хъ	—	—	—	—	—	—
кяндѣ	кандѣ	—	—	—	канди́	—
никандѣ	—	—	—	—	—	—
бе́куды	кандѣ	—	—	—	канди́	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Откуда (бѣлор откуль) .	—	откулясь	—	—	—	—
Здѣсь, тутъ . .	снюдъ	ту́ба	—	—	—	—
Тамъ . .	сня́мъ	ша́мто	—	—	—	—
Вездѣ . .	ку́вездѣ	—	—	—	—	—
Всюду . .	вшу́ду	вша́цкомъ	—	—	—	—
Отсюда .	отсне́чь	отгре́туль	—	—	—	—
Сюда . .	снечь	сюды́сь	—	—	—	—
Можно .	ску́можно, скумбжно	ску́можно, скумбжно	—	—	—	—
Нельзя .	ку́нельзя	нескумбжно	—	—	—	—
Нѣтъ . .	няске́нь	ниське́нь	—	—	нѣскеть	—
Вотъ .	шбтъ	—	—	—	—	—
Уже . . .	—	—	—	—	—	—
Сколько .	ку́скольки	—	—	—	—	—
Вчера . .	—	снёра	—	—	—	—
Сегодня .	ку́сенья	ку́сяни	—	—	—	—
Завтра .	ку́завтра	ба́втра	—	—	—	—
Нужно .	на́скребень	на́скобно	—	—	—	—
Плохо, дурно .	ха́сьно	ху́со рбнько	—	—	—	—
Направо .	—	—	—	—	—	—
Налѣво .		—	—	—	—	—
XIV. Фразы на условномъ языкѣ.						
Будемъ Богу молиться . . .	Кбрнемъ Ахвесу ча́нитца	—	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
отбéкуль	азбéкуль	—	—	—	зби́куль	—
бéтутъ,	—	—	бéздѣсь	—	би́тутъ	—
бéтамъ	тóнтумъ	—	—	би́тамъ	би́тамъ	—
увушáц-кахъ	—	—	—	—	—	—
увушáц-кахъ	—	—	—	—	—	—
отбéсюль	отбéтуль	—	—	—	зби́сюль	—
бéсюды	—	—	—	—	би́сюда	—
скýможно	подробя́ще	—	—	—	можи́мно (моржи́вно)	—
нескумóж-но, кýнель-зя	—	—	—	—	неможи́мно	—
няскéнь, нéськидъ, нéмить, нéмча (бѣл. немà)	—	—	нѣ́стить	нéмить	нéмить, нэ́мыть	—
бè	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	би́вже	—	—
бéскольки	бéкулько	—	—	—	пóсо	—
кýвчера	—	—	—	кучéрба	кýчербахъ	—
кýсеньня	—	—	—	—	—	—
кýзавтра	кýзавтра	—	—	кýзавтра	—	—
кýтреба	потребя́ще	—	—	—	требóшно	—
—	—	—	хи́ло	неклéво	нехýхо	—
—	—	—	накупрáво	—	—	—
—	—	—	нашевалѣ́-то	—	—	—
—	—	—	—	—	БудемъАх-вэ́са зитá-ти	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Будемъ Богу молиться и спать ложиться	—	міи́имъ дзуситца и ки́мать клю́житца	—	—	—	—
Дай мнѣ денегъ .	гу́рь маньку́ хавббвъ	угу́ръ чу́зу ховббвъ	—	—	—	—
Пойдемъ пиво пить	похли́мъ кѐро ке́рить	похли́мъ кѐро кури́ть	—	—	—	—
Ты ничего не видишь	бальва̀ никбра не сипа́ешь	—	—	—	—	—
Поцѣлуй меня .	поцукі у́й манька̀	побаслу́й чу́га	—	—	—	—
Собака ты	ськилъ бальва̀	ськи́лъ та́бусъ	—	—	—	—
Скула тебѣ . . .	ба́гровка бальвѣ̀ на сты́гу	—	—	—	—	—
Украдь у господина шубу . .	—	зугури̇̀ у ковре́ки шубанте́ю	епе́ръ у кавръ̀ка̀ чуху	—	—	—
Иди въ избу, а то дождь замочитъ .	хли̇̀ въ хазбвку, а то парахбнъ намокбрить	хли́зь въ ха́зь, а то сергѣ̀й смакшу́нить	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ	Подолье.	Лаборскій	Польскій
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	угу́ръ манько́ви хрущо́въ, вгуръ манько́ви хобню́въ	—
—	—	—	—	—	пна́ймо олы́вко ки́рити	—
—	—	—	—	—	табко̀ нико́нто не влипа́ешь	—
—	—	—	—	—	похвиля́й манька̀	—
—	—	—	—	—	скилъ табко̀	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	укли́май у кавріѝ ба́рмута	—
—	—	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Хорошо поетъ .	—	клёво (или шовско) хвѣсить	клібо курга́етъ (соб. куграетъ — играетъ)	—	—	—
Мой братъ хвораетъ	—	чузбвскій збранъ химаеть	мане́къ хильша́етъ (собств. я хвораю)	—	—	—
Ударь его по головѣ	—	учукни́ снего́ по ла́вдѣ	кле́ви капе́ни по ла́удѣ (не точно)	—	—	—
Ейбогу .	—	—	—	—	—	—

Изъ пословицъ, загадокъ и поговорокъ нѣкоторыя, весьма немногія лю́бжать—деньги счетъ любятъ и т. п. Но пѣсенъ и сказокъ на нихъ

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
—	—	—	—	—	клёво пса́лить	—
—	—	—	—	—	манькоъ а́ндрусчъ труние́	—
—	—	—	—	—	ко́псай би́его по главді̀	—
—	—	—	—	Хвесь мане́йськый	—	—

иногда переводятся на условные языки, напримѣръ: хавбы̀ ку́щотъ не имѣется.

Алфавитный указатель.